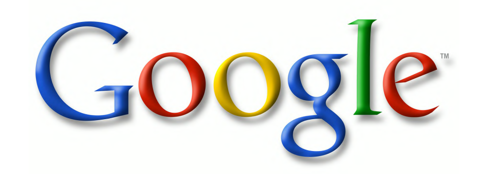
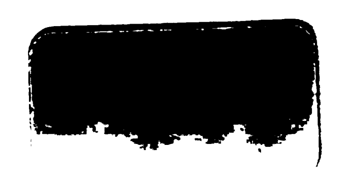


VE
RI
TAS



СОЧИНЕНІЯ

Н. В. ГОГОЛЯ

ТОМЪ V

СОЧИНЕНІЯ

Н. В. ГОГОЛЯ

ТОМЪ V

СОЧИНЕНІЯ

Н. В. ГОГОЛЯ

ИЗДАНІЕ ДЕСЯТОЕ

Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній

Николаемъ Тихонравовымъ

ТОМЪ ПЯТЫЙ

МОСКВА
ИЗДАНІЕ КНИЖН. МАГ. В. ДУМНОВА, ПОДЪ ФИРМОЮ „НАСЛѢДНИКИ БР. САЛАЕВЫХЪ"
1889.

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа, Москва, Арбатъ, д. Платонова

ЮНОШЕСКІЕ ОПЫТЫ.

ГАНЦЪ
КЮХЕЛЬГАРТЕНЪ

ИДИЛЛІЯ

ВЪ КАРТИНАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

В. Алова.

(Писано въ 1827 г.).

Предлагаемое сочиненіе никогда бы не увидѣло свѣта, если бы обстоятельства, важныя для одного только автора, не побудили его къ тому. Это произведеніе его восьмнадцатилѣтней юности. Не принимаясь судить ни о достоинствѣ, ни о недостаткахъ его, и предоставляя это просвѣщенной публикѣ, скажемъ только то, что многія изъ картинъ сей идилліи, къ сожалѣнію, не уцѣлѣли; онѣ, вѣроятно, связывали болѣе нынѣ разрозненные отрывки и дорисовывали изображеніе главнаго характера. По крайней мѣрѣ мы гордимся тѣмъ, что по возможности споспѣшествовали свѣту ознакомиться съ созданьемъ юнаго таланта.

Картина I.

Свѣтаетъ. Вотъ проглянула деревня,
Дома, сады. Все видно, все свѣтло.
Вся въ золотѣ сіяетъ колокольня,
И блещетъ лучъ на старенькомъ заборѣ.
Плѣнительно оборотилось все
Внизъ головой въ серебряной водѣ:
Заборъ, и домъ, и садикъ въ ней такіе жъ;
Все движется въ серебряной водѣ:
Синѣетъ сводъ, и волны облакъ ходятъ,
И лѣсъ живой вотъ только не шумитъ.

На берегу, далеко вшедшемъ въ море,
Подъ тѣнью липъ, стоитъ уютный домикъ
Пастора. Въ немъ давно старикъ живетъ.
Ветшаетъ онъ, и старенькая кровля
Посунулась; труба вся почернѣла;
И лѣпится давно цвѣтистый мохъ
Ужъ по стѣнамъ; и окна искосились;
Но какъ-то мило въ немъ, и ни за что
Старикъ его бъ не отдалъ. Вотъ та липа,
Гдѣ отдыхать онъ любитъ, тожъ дряхлѣетъ;
За то вкругъ ней зеленые прилавки
Изъ дерну свѣжаго. Въ дуплистыхъ норахъ
Ея гнѣздятся птички, старый домъ
И садъ веселой пѣснью оглашая.
Пасторъ всю ночь не спалъ, да предъ разсвѣтомъ
Ужъ вышелъ спать на чистый воздухъ;
И дремлетъ онъ подъ липой въ старыхъ креслахъ,
И вѣтерокъ ему свѣжитъ лицо,
И бѣлые взвѣваетъ волоса.

Но кто прекрасная подходитъ,
Какъ утро свѣжее, горитъ
И на него глаза наводитъ,
Очаровательно стоитъ?
Взгляните же, какъ мило будитъ
Ея лилейная рука,
Его касаяся слегка,
И возвратиться въ міръ нашъ нудитъ.
И вотъ въ полглаза онъ глядитъ,
И вотъ съ просонья говоритъ:

«О дивный, дивный посѣтитель!
Ты навѣстилъ мою обитель!
Зачѣмъ же тайная тоска
Всю душу мнѣ насквозь проходитъ,
И на сѣдаго старика
Твой образъ дивный сдалека[1]
Волненье странное наводитъ?
Ты посмотри: уже я хилъ,
Давно къ живущему остылъ,
Себя погребъ въ себѣ давно я,
Со дня я на день жду покоя,
О немъ и мыслить ужъ привыкъ,
О немъ и мелетъ мой языкъ.
Чего жъ ты, гостья молодая,
Къ себѣ такъ пламенно влечешь?
Или, жилица неба-рая,
Ты мнѣ надежду подаешь,
На небеса меня зовешь?
О, я готовъ, да не достоинъ.
Велики тяжкіе грѣхи:
И я былъ злой на свѣтѣ воинъ,
Меня робѣли пастухи,
Мнѣ лютыя дѣла не новость;
Но дьявола отрекся я,
И остальная жизнь моя —
Заплата малая моя
За прежней жизни злую повѣсть»...

Тоски, смятенія полна,
«Сказать» — подумала она—
«Онъ, Богъ знаетъ, куда заѣдитъ...
Сказать ему, что онъ вѣдь бредитъ».

Но онъ въ забвенье погруженъ;
Его объемлетъ снова сонъ.
Склонясь надъ нимъ, она чуть дышетъ.
Какъ почиваетъ! какъ онъ спитъ!
Вздохъ чуть замѣтный грудь колышетъ;
Незримымъ воздухомъ обвитъ,
Его архангелъ сторожитъ;
Улыбка райская сіяетъ,
Чело святое осѣняетъ.

Вотъ онъ открылъ свои глаза:
«Луиза, ты-ль? мнѣ снилось... странно...
Ты поднялась, шалунья, рано;
Еще не высохла роса.
Сегодня, кажется, туманно».

«Нѣтъ, дѣдушка, свѣтло, сводъ чистъ;
Сквозь рощу солнце свѣтитъ ярко;
Не колыхнется свѣжій листъ,
И по утру уже все жарко.
Узнаете-ль, зачѣмъ я къ вамъ?—
У насъ сегодня будетъ праздникъ,
У насъ ужъ старый Лодельгамъ,
Скрипачъ, съ нимъ Фрицъ проказникъ;
Мы будемъ ѣздить по водамъ...
Когда бы Ганцъ...» Добросердечный
Пасторъ съ улыбкой хитрой ждетъ,
О чемъ разсказъ свой поведетъ
Младенецъ рѣзвый и безпечный.

«Вы, дѣдушка, вы можете помочь
Одни неслыханному горю:
Мой Ганцъ страхъ боленъ; день и ночь
Все ходитъ къ сумрачному морю;

Все не по немъ, всему не радъ,
Самъ говоритъ съ собой, къ намъ скученъ;
Спросить — отвѣтитъ не впопадъ,
И весь ужасно какъ измученъ.
Ему зазнаться ужъ съ тоской —
Да эдакъ онъ себя погубитъ.
При мысли я дрожу одной:
Быть можетъ, недоволенъ мной;
Быть можетъ, онъ меня не любитъ. —
Мнѣ это — въ сердце ножъ стальной.
Я васъ просить, мой ангелъ, смѣю...»
И кинулась къ нему на шею,
Стѣсненной грудью чуть дыша,
И вся зардѣлась, вся смѣшалась
Моя красавица-душа;
Слеза на глазкахъ показалась...
Ахъ, какъ Луиза хороша!

«Не плачь, спокойся, другъ мой милый!
Вѣдь стыдно плакать», наконецъ
Духовный молвилъ ей отецъ.
«Богъ намъ даритъ терпѣнье, силы:
Съ твоей усердною мольбой,
Тебѣ ни въ чемъ онъ не откажетъ.
Повѣрь, Ганцъ дышетъ лишь тобой;
Повѣрь, онъ то тебѣ докажетъ.
Зачѣмъ же мыслію пустой
Душевный растравлять покой?»

Такъ утѣшаетъ онъ свою Луизу,
Ее къ груди дряхлѣющей прижавъ.
Вотъ старая Гертруда ставитъ кофій,
Горячій и весь свѣтлый, какъ янтарь.
Старикъ любилъ на воздухѣ пить кофій,
Держа во рту черешневый чубукъ;
Дымъ уходилъ и кольцами ложился.
И, призадумавшись, Луиза хлѣбомъ
Кормила съ рукъ своихъ кота, который
Мурлыча крался, слыша сладкій запахъ.

Старикъ привсталъ съ цвѣченыхъ старыхъ креселъ,
Принесъ мольбу и руку внучкѣ подалъ.
И вотъ надѣлъ нарядный свой халатъ,
Весь изъ парчи серебряной, блестящей,
И праздничный неношенный колпакъ
— Его въ подарокъ нашему пастору
Изъ города привезъ недавно Ганцъ —
И, опираясь на плечо Луизы
Лилейное, старикъ нашъ вышелъ въ поле.
Какой же день! Веселые вились
И пѣли жавронки; ходили волны
Отъ вѣтру золотаго въ полѣ хлѣба;
Сгустились вотъ надъ ними дерева;
На нихъ плоды предъ солнцемъ наливались
Прозрачные; вдали темнѣли воды
Зеленыя; сквозь радужный туманъ
Неслись моря душистыхъ ароматовъ;
Пчела работница срывала медъ
Съ живыхъ цвѣтовъ; рѣзвунья стрекоза
Треща вилась; разгульная вдали
Неслася пѣснь, — то пѣснь гребцовъ удалыхъ.
Рѣдѣетъ лѣсъ, видна уже долина,
По ней мычатъ игривыя стада;
А издали видна уже и кровля
Луизина; краснѣютъ черепицы,
И ярко лучъ по краямъ ихъ скользитъ.

Картина II.

Волнуемъ думой непонятной,
Нашъ Ганцъ разсѣянно глядѣлъ
На міръ великій, необъятной,
На свой незнаемой удѣлъ.
Доселѣ тихій, безмятежной,
Онъ жизнью радостно игралъ;
Душой невинною и нѣжной
Въ ней горькихъ бѣдъ не прозрѣвалъ;
Земнаго міра уроженецъ,
Земныхъ губительныхъ страстей

Онъ не носилъ въ груди своей,
Безпечный, вѣтренный младенецъ;
И было весело ему.
Онъ разрѣзвлялся мило, живо
Въ толпѣ дѣтей; не вѣрилъ злу:
Предъ нимъ цвѣлъ міръ какъ бы на диво.
Его подруга съ дѣтскихъ дней
Дитя - Луиза, ангелъ свѣтлый,
Блистала прелестью рѣчей;
Сквозь кольца русыя кудрей
Лукавый взглядъ жегъ непримѣтно;
Въ зеленой юпочкѣ сама
Поетъ, танцуетъ ли она —
Все простодушно, въ ней все живо,
Все дѣтски въ ней краснорѣчиво;
На шейкѣ розовый платокъ,
Съ груди слетаетъ понемножку,
И стройно бѣлый башмачокъ
Ея охватываетъ ножку.
Въ лѣсу ль играетъ вмѣстѣ съ нимъ —
Его обгонитъ, все проникнетъ,
Въ кустъ притаясь съ желаньемъ злымъ,
Ему вдругъ въ уши громко крикнетъ
И испугаетъ; спитъ ли онъ —
Ему лицо все разрисуетъ:
И звонкимъ смѣхомъ пробужденъ,
Онъ покидаетъ сладкій сонъ,
Шалунью рѣзвую цѣлуетъ.

Уходитъ за весной весна.
Кругъ дѣтскихъ игръ ихъ сталъ ужъ скроменъ;
Межъ ними рѣзвость не видна;
Огонь очей его сталъ томенъ;
Она застѣнчиво-грустна.
Они понятно угадали
Васъ, рѣчи первыя любви!
Покуда сладкія печали!
Покуда радужные дни!
Чего-бъ желать съ Луизой милой?

Онъ съ ней и вечеръ, съ ней и день;
Къ ней привлеченъ онъ дивной силой,
Какъ вѣрно бродящая тѣнь.
Полны сердечнаго участья,
Не наглядятся старики
Ихъ, простодушные, на счастье
Своихъ дѣтей; и далеки
Отъ нихъ дни горя, дни сомнѣній:
Ихъ осѣняетъ мирный Геній.

Но скоро тайная печаль
Имъ овладѣла; взоръ туманенъ:
И часто смотритъ онъ на даль,
И безпокоенъ весь и страненъ.
Чего-то смѣло ищетъ умъ,
Чего-то тайно негодуетъ;
Душа, въ волненьи темныхъ думъ,
О чемъ-то, скорбная, тоскуетъ.
Онъ какъ прикованный сидитъ,
На море буйное глядитъ;
Въ мечтаньи все кого-то слышитъ
При стройномъ шумѣ ветхихъ водъ.

. . . . . .

Или въ долинѣ ходитъ думный;
Глаза торжественно блестятъ,
Когда несется вѣтеръ шумный
И громы жарко говорятъ;
Огонь мгновенный колетъ тучи;
Дождя источники горючи
Сѣкутся звучно и шумятъ.
Иль въ часъ полночи, въ часъ мечтаній
Сидитъ за книгою преданій,
И, перевертывая листъ,
Онъ ловитъ буквы въ ней нѣмыя:
— Глаголятъ въ нихъ вѣка сѣдые
И слово дивное гремитъ. —
Часъ углубясь въ раздумьи цѣлой,
Съ нея и глазъ онъ не сведетъ.

Кто мимо Ганца ни пройдетъ,
Кто ни посмотритъ, скажетъ смѣло:
Назадъ далеко онъ живетъ.
Чудесной мыслью очарованъ,
Подъ дуба сумрачную сѣнь
Идетъ онъ часто въ лѣтній день;
Къ чему-то тайному прикованъ,
Онъ видитъ тайно чью-то тѣнь,
И къ ней онъ руки простираетъ,
Ее въ забвеньи обнимаетъ. —

А простодушна, и одна
Луиза-ангелъ, что́ же? гдѣ же?
Ему всѣмъ сердцемъ предана,
Не знаетъ бѣдненькая сна;
Ему приноситъ ласки тѣ же:
Его рученкой обовьетъ,
Его невинно поцѣлуетъ;
Онъ на минуту растоскуетъ,
И снова то же запоетъ.

Онѣ прекрасны, тѣ мгновенья,
Когда прозрачною толпой
Далеко милыя видѣнья
Уносятъ юношу съ собой.
Но если міръ души разрушенъ,
Забытъ счастливый уголокъ,
Къ нему онъ станетъ равнодушенъ,
И для простыхъ людей высокъ,
Онѣ ли юношу наполнятъ,
И сердце радостью ль исполнятъ?...

Пока въ жилищѣ суеты,
Его подслушаемъ украдкой,
Доселѣ бывшія загадкой,
Разнообразныя мечты.

Картина III.

Земля классическихъ, прекрасныхъ созиданій,
    И славныхъ дѣлъ, и вольности земля!
Аѳины! къ вамъ, въ жару чудесныхъ трепетаній,
    Душой приковываюсь я!
Вотъ отъ треножниковъ до самого Пирея
Кипитъ, волнуется торжественный народъ;
Гдѣ рѣчь Эсхинова, гремя и пламенѣя,
    Все своенравно вслѣдъ влечетъ,
Какъ воды шумныя прозрачнаго Иллиса.
Великъ сей мраморный изящный Парѳенонъ!
Колоннъ дорическихъ онъ рядомъ обнесенъ;
Минерву Фидій въ немъ переселилъ рѣзцомъ,
И блещетъ кисть Парразія, Зевксиса.
Подъ портикомъ божественный мудрецъ
Ведетъ высокое о дольнемъ мірѣ слово:
Кому за доблести безсмертіе готово,
    Кому позоръ, кому вѣнецъ.
Фонтановъ стройныхъ шумъ, нестройныхъ пѣсней клики;
Съ восходомъ дня толпа въ амфитеатръ валитъ,
Персидскій Кандисъ весь испещренный блеститъ,
    И вьются легкія туники.
Стихи Софокловы порывисто звучатъ;
Вѣнки лавровые торжественно летятъ;
Съ медоточивыхъ устъ любимца Эпикура
Архонты, воины, служители Амура
Спѣшатъ прекрасную науку изучить:
Какъ жизнью жить, какъ наслажденье пить.
Но вотъ Аспазія! не смѣетъ и дохнуть
Смятенный юноша, при черныхъ глазъ сихъ встрѣчѣ.
Какъ жарки тѣ уста! какъ пламенны тѣ рѣчи!
И, темныя какъ ночь, тѣ кудри какъ-нибудь,
    Волнуясь, падаютъ на грудь,
    На бѣломраморныя плечи.
Но что, при звукѣ чашъ, тимпановъ дикій вой?
Плющемъ увѣнчаны вакхическія дѣвы,
Бѣгутъ нестройною, неистовой толпой
Въ священный лѣсъ; все скрылось... что̀ вы? гдѣ вы?...

Но вы пропали, я одинъ.
Опять тоска, опять досада;
Хотя бы Фавнъ пришелъ съ долинъ.
Хотя бъ прекрасная Дріада
Мнѣ показалась въ мракѣ сада.
О, какъ чудесно вы свой міръ
Мечтою, Греки, населили!
Какъ вы его обворожили!
А нашъ — и бѣденъ онъ, и сиръ,
И расквадраченъ весь на мили.

И снова новыя мечты
Его, смѣяся, обнимаютъ;
Его воздушно подымаютъ
Изъ океана суеты.

Картина IV

Въ странѣ, гдѣ сверкаютъ живые ключи,
Гдѣ, чудно сіяя, блистаютъ лучи;
Дыханіе амры и розы ночной
Роскошно объемлетъ эѳиръ голубой;
И въ воздухѣ тучи куреній висятъ;
Плоды Мангустана златые горятъ;
Луговъ Кандагарскихъ сверкаетъ коверъ;
И смѣло накинутъ небесный шатеръ;
Роскошно валится дождь яркій цвѣтовъ,
То блещутъ, трепещутъ рои мотыльковъ;
Я вижу тамъ Пери: въ забвеньи она
Не видитъ, не внемлетъ, мечтаній полна.
Какъ солнца два, очи небесно горятъ;
Какъ Гемасагара, такъ кудри блестятъ;
Дыханіе — лилій серебряныхъ чадъ,
Когда засыпаетъ истомленный садъ
И вѣтеръ ихъ вздохи развѣетъ порой;
А голосъ, какъ звуки сиринды ночной,
Или трепетанье серебряныхъ крылъ,
Когда ими звукнетъ, рѣзвясь, Исразилъ,
Иль плески Хиндары таинственныхъ струй.
А что же улыбка? А что жъ поцѣлуй?

Но вижу, какъ воздухъ, она ужъ летитъ,
Въ края поднебесны, къ родимымъ спѣшитъ.
Постой, оглянися! Не внемлетъ она.
И въ радугѣ тонетъ, и вотъ не видна.
Но воспоминанье міръ долго хранитъ,
И благоуханьемъ весь воздухъ обвитъ.

. . . . . .

Живаго юности стремленья
Такъ испестрялися мечты.
Порой, небеснаго черты,
Души прекрасной впечатлѣнья
На немъ лежали; но чего,
Въ волненьяхъ сердца своего,
Искалъ онъ думою неясной,
Чего желалъ, чего хотѣлъ,
Къ чему такъ пламенно летѣлъ
Душой и жадною, и страстной,
Какъ будто міръ желалъ обнять,—
Того и самъ не могъ понять.
Ему казалось душно, пыльно
Въ сей позаброшенной странѣ,
И сердце билось сильно, сильно
По дальней, дальней сторонѣ.
Тогда когда бъ вы повидали,
Какъ воздымалась буйно грудь,
Какъ взоры гордо трепетали,
Какъ сердце жаждало прильнуть
Къ своей мечтѣ, мечтѣ неясной;
Какой въ немъ пылъ кипѣлъ прекрасной;
Какая жаркая слеза
Живые полнила глаза!

Картина VI.

Отъ Висмара въ двухъ миляхъ та деревня,
Гдѣ ограничился лицъ нашихъ міръ.
Не знаю, какъ теперь, но Люненсдорфомъ
Она тогда, веселая, звалась.

Ужъ издали бѣлѣетъ скромный домикъ
Вильгельма Бауха, мызника. — Давно,
Женившися на дочери пастора,
Его состроилъ онъ. Веселой домикъ!
Онъ выкрашенъ зеленой краской, крытъ
Красивою и звонкой черепицей;
Вокругъ каштаны старые стоятъ,
Нависши вѣтвями, какъ будто въ окна
Хотятъ продраться; изъ-за нихъ мелькаетъ
Рѣшётка изъ прекрасныхъ лозъ, красиво
И хитро сдѣлана самимъ Вильгельмомъ;
По ней виситъ и змѣйкой вьется хмель;
Съ окна протянутъ шестъ, на немъ бѣлье
Блистаетъ бѣлое предъ солнцемъ. Вотъ
Въ проломъ на чердакѣ толпится стая
Мохнатыхъ голубей; протяжно клохчутъ
Индѣйки; хлопая встрѣчаетъ день
Крикунъ пѣтухъ и по двору вотъ важно,
Межъ пестрыхъ куръ, онъ кучи разгребаетъ
Зернистыя; гуляютъ тутъ же двѣ
Ручныя козы и рѣзвяся щиплютъ
Душистую траву. Давно курился
Ужъ дымъ изъ бѣлыхъ трубъ, курчаво онъ
Вился и облака прiумножалъ.
Съ той стороны, гдѣ съ стѣнъ валилась краска
И сѣрые торчали кирпичи,
Гдѣ древнiе каштаны стлали тѣнь,
Которую перебѣгало солнце,
Когда вершину ихъ вѣтръ рѣзво колыхалъ, —
Подъ тѣнью тѣхъ деревьевъ, вѣчно милыхъ,
Стоялъ съ утра дубовый столъ, весь чистой
Покрытый скатертью и весь уставленъ
Душистой яствой: желтый вкусный сыръ,
Редисъ и масло въ фарфоровой уткѣ,
И пиво, и вино, и сладкiй бишефъ,
И сахаръ, и коричневыя вафли;
Въ корзинѣ спѣлые, блестящiе плоды:
Прозрачный гроздъ, душистая малина,
И, какъ янтарь, желтѣющiя груши,

И сливы синія, и яркій персикъ,
Въ затѣйливомъ виднѣлось все порядкѣ.
Сегодня праздновалъ живой Вильгельмъ
Рожденье дорогой своей супруги,
Съ пасторомъ и драгими дочерьми:
Луизой старшей и меньшою Фанни.
Но Фанни нѣтъ, она давно пошла
Звать Ганца и не возвращалась. Вѣрно,
Онъ гдѣ-нибудь опять въ раздумьи бродитъ.
А милая Луиза все глядитъ
Внимательно на темное окно
Сосѣда Ганца. Два шага всего вѣдь
Къ нему; но не пошла моя Луиза:
Чтобъ не замѣтилъ онъ въ ея лицѣ
Тоски докучливой, чтобъ не прочелъ
Въ ея глазахъ онъ ѣдкаго упрека.
Вотъ говоритъ Вильгельмъ, отецъ, Луизѣ:
«Смотри ты, Ганца пожури порядкомъ:
Зачѣмъ онъ къ намъ такъ долго не идетъ?
Вѣдь ты его сама избаловала».
И вотъ дитя-Луиза такъ въ отвѣтъ:
«Боюсь журить прекраснаго я Ганца:
И безъ того онъ боленъ, блѣденъ, худъ. .»
«Что за болѣзнь?» сказала мать,
Живая Берта: «не болѣзнь, тоска
Незванная къ нему сама пристала;
Вотъ женится, и отпадетъ тоска.
Такъ молодой побѣгъ, совсѣмъ приглохшій,
Опрыснутый дождемъ, въ мигъ зацвѣтетъ.
И что жъ жена, какъ не веселье мужа?»
«Рѣчь умная», сѣдой пасторъ примолвилъ:
«Все, вѣрь, пройдетъ, когда захочетъ Богъ,
И будь во всемъ Его святая воля!»
Уже два раза онъ изъ трубки выбивалъ
Золу, и въ споръ вступалъ съ Вильгельмомъ,
Разговорясь про новости газетъ,
Про злой неурожай, про Грековъ и про Турокъ,
Про Мисолунги, про дѣла войны,
Про славнаго вождя Колокотрони,

Про Канинга, про парламентъ,
Про бѣдствія и мятежи въ Мадритѣ.
Какъ вдругъ Луиза вскрикнула и мигомъ,
Увидя Ганца, бросилась къ нему.
Воздушный станъ ея обнявши стройный,
Съ волненьемъ юноша ее поцѣловалъ.
Оборотясь къ нему, вотъ молвитъ пасторъ:
«Эхъ, стыдно, Ганцъ, забыть своего друга!
Да что, коли уже забылъ Луизу,
Объ насъ ли старикахъ и думать?»—«Полно
Тебѣ все Ганца, папенька, журить!»
Сказала Берта: «лучше сядемъ мы
Теперь за столъ, не то — простынетъ все:
И каша съ рисомъ и виномъ душистымъ,
И сахарный горохъ, каплунъ горячій,
Зажаренный съ изюмомъ въ маслѣ». Вотъ
За столъ они садятся мирно;
И скоро въ мигъ вино все оживило
И, свѣтлое, смѣхъ въ душу пролило.
Старикъ скрипачъ и Фрицъ на звонкой флейтѣ
Согласно грянули хозяйкѣ въ честь.
Всѣ понеслись и закружились въ вальсѣ:
Развеселясь, румяный нашъ Вильгельмъ
Пустился самъ съ своей женой, какъ съ павой;
Какъ вихорь, неся Ганцъ съ своей Луизой
Въ бурливомъ вальсѣ; и предъ ними міръ
Вертѣлся весь въ чудесномъ, шумномъ строѣ.
А милая Луиза ни дохнуть,
Ни посмотрѣть вокругъ не можетъ: вся
Въ движеньи потерялась. Ими
Не налюбуясь, говоритъ пасторъ:
«Любезная, прекрасная чета!
Мила моя веселая Луиза,
Прекрасенъ и уменъ, и скроменъ Ганцъ; —
Сотворены они ужъ другъ для друга,
И счастливо свою жизнь проведутъ.
Благодарю тебя, о Боже милосердый!
Что ниспослалъ на старость благодать,
Мои продлилъ дряхлѣющія силы —

Чтобы узрѣть такихъ прекрасныхъ внучатъ,
Чтобы сказать, прощаясь съ ветхимъ тѣломъ:
Прекрасное я видѣлъ на землѣ».

Картина VII.

Съ прохладою, спокойный тихій вечеръ
Спускается; прощальные лучи
Цѣлуютъ гдѣ-гдѣ сумрачное море;
И искрами живыми, золотыми
Деревья тронуты; и въ далекѣ
Виднѣютъ[1], сквозь туманъ морской, утесы,
Всѣ разноцвѣтные. Спокойно все.
Пастушьихъ лишь рожковъ унывный голосъ
Несется вдаль съ веселыхъ береговъ,
Да тихій шумъ въ водѣ всплеснувшей рыбы
Чуть пробѣжитъ и вздернетъ море рябью,
Да ласточка, крыломъ черпнувши моря,
Круги по воздуху скользя даетъ.
Вотъ заблестѣлъ вдали, какъ точка, катеръ;
А кто же въ немъ, въ томъ катерѣ, сидитъ?
Сидитъ пасторъ, нашъ старецъ сѣдовласый,
И съ дорогой супругою Вильгельмъ;
А рѣзвая всегда шалунья Фанни,
Съ удой въ рукахъ и свѣсившись съ перилъ,
Смѣясь, рученкою болтала волны;
Возлѣ кормы съ Луизой милой Ганцъ.
И долго всѣ въ молчаньи любовались:
Какъ за кормой широкая ходила
Волна и въ брызгахъ огнецвѣтныхъ, вдругъ
Весломъ разорванная, трепетала;
Какъ разъяснялась розовая дальность
И южный вѣтръ дыханье навѣвалъ.
И вотъ пасторъ, исполненъ умиленья,
Проговорилъ: «Какъ милъ сей Божій вечеръ!
Прекрасенъ, тихъ онъ, какъ благая жизнь
Безгрѣшнаго: она вѣдь также мирно
Кончаетъ путь, и слезы умиленья
Священный прахъ, прекрасныя, кропятъ.

Пора и мнѣ ужъ; срокъ назначенъ,
И скоро, скоро я не буду вашъ,
Но эдакъ ли прекрасно опочію?....»
Всѣ прослезились. Ганцъ, который пѣсню
Наигрывалъ на сладостномъ гобоѣ,
Задумался и выронилъ гобой;
И снова сонъ какой-то осѣнилъ
Его чело; далеко мчались мысли,
И чудное на душу натекло.
И вотъ ему такъ говоритъ Луиза:
«Скажи мнѣ, Ганцъ, когда еще ты любишь
Меня, когда я пробудить могу
Хоть жалость, хоть живое состраданье
Въ душѣ твоей, не мучь меня, скажи:
Зачѣмъ одинъ съ какой-то книгой
Ты ночь сидишь? (мнѣ видно все,
И окнами вѣдь другъ мы противъ друга)
Зачѣмъ дичишься всѣхъ? зачѣмъ грустишь?
О, какъ меня твой грустный видъ тревожитъ!
О, какъ меня печаль твоя печалитъ!»
И, тронутый, смутился Ганцъ,
Ее къ груди съ тоскою прижимаетъ,
И брызнула невольная слеза.
«Не спрашивай меня, моя Луиза,
И безпокойствомъ симъ тоски не множь.
Когда жъ кажусь погруженъ въ мысли —
Вѣрь, занятъ и тогда тобой одною,
И думаю я, какъ бы отвратить
Всѣ отъ тебя печальныя сомнѣнья,
Какъ радостью твое наполнить сердце,
Какъ бы души твоей хранить покой,
Оберегать твой дѣтскій сонъ невинный:
Чтобы недоброе не приближалось,
Чтобы и тѣнь тоски не прикасалась,
Чтобъ счастіе твое всегда цвѣло».
Спустясь къ нему головкою на грудь,
Въ избыткѣ чувствъ, въ признательности сердца,
Ни слова вымолвить она не можетъ. —

По берегу неслася лодка плавно
И вдругъ причалила. Всѣ вышли
Въ мигъ изъ нея. «Ну! берегитесь, дѣти»,
Сказалъ Вильгельмъ: «здѣсь сыро и роса,
Чтобъ не нажить несноснаго вамъ кашля».—
Дорогой Ганцъ нашъ мыслитъ: «что же будетъ,
Когда услышитъ то, чего и знать бы
Не должно ей?» И на нее глядитъ
И чувствуетъ онъ въ сердцѣ укоризну:
Какъ будто бы недоброе что сдѣлалъ,
Какъ будто бы предъ Богомъ лицемѣрилъ.

Картина VIII.

На башнѣ бьетъ часъ полуночный.
Такъ, это часъ, часъ думъ урочный,
Какъ Ганцъ одинъ всегда сидитъ!
Свѣтъ лампы передъ нимъ дрожитъ
И блѣдно сумракъ освѣщаетъ,
Какъ бы сомнѣнья разливаетъ.
Все спитъ. Ни чей блудящій взоръ
На полѣ никого не встрѣтитъ;
И, какъ далекій разговоръ,
Волна шумитъ, а мѣсяцъ свѣтитъ.
Все тихо, дышетъ ночь одна.
Теперь его глубокихъ думъ
Не потревожитъ дневный шумъ:
Надъ нимъ такая жъ тишина.—

А что жъ она?—Встаетъ она,
Садится прямо у окна:
«Онъ не посмотритъ, не примѣтитъ,
А насмотрюсь я на него;
Не спитъ для счастья моего!...
Благослови, Господь, его!»

Волна шумитъ, а мѣсяцъ свѣтитъ;
И вотъ надъ нею вьется сонъ
И голову невольно клонитъ.
Но Ганцъ все также въ мысляхъ тонетъ,
Въ глубь ихъ далеко погруженъ.

1.

Все рѣшено. Теперь ужели
Мнѣ здѣсь душою погибать?
И не узнать иной мнѣ цѣли?
И цѣли лучшей не сыскать?
Себя обречь безславью въ жертву?
При жизни быть для міра мертву!

2.

Душой ли, славу полюбившей,
Ничтожность въ мірѣ полюбить?
Душой ли, къ счастью неостывшей,
Волненья міра не испить?
И въ немъ прекраснаго не встрѣтить?
Существованья не отмѣтить?

3.

Зачѣмъ влечете такъ къ себѣ вы,
Земли роскошные края?
И день и ночь, какъ птицъ напѣвы,
Призывный голосъ слышу я;
И день и ночь мечтами скованъ,
Я вами, вами очарованъ.

4.

Я вашъ! я вашъ! изъ сей пустыни
Вниду я въ райскія мѣста;
Какъ пилигримъ бредетъ къ святынѣ,
. . . .
Корабль пойдетъ, забрызжутъ волны,
Имъ чувства вслѣдъ веселья полны.

5.

И онъ спадетъ, покровъ неясный,
Подъ коимъ знала васъ мечта,
И міръ прекрасный, міръ прекрасный
Отворитъ дивныя врата,
Привѣтить юношу готовый
И въ наслажденьяхъ вѣчно новый.

6.

Творцы чудесныхъ впечатлѣній!
Рѣзецъ вашъ, кисть увижу я,
И вашихъ пламенныхъ твореній
Душа исполнится моя.
Шуми жъ, мой океанъ широкій!
Неси корабль мой одинокій!

7.

А ты прости, мой уголъ тѣсный,
И лѣсъ, и поле! лугъ, прости!
Кропи васъ чаще дождь небесный,
И дай Богъ долѣе цвѣсти!
По васъ душа какъ будто страждетъ,
Въ послѣдній разъ обнять васъ жаждетъ.

8.

Прости, мой ангелъ безмятежный!
Чела слезами не кропи!
Не предавайсь тоскѣ мятежной
И Ганца бѣднаго прости!
Не плачь, не плачь, я скоро буду,
Я возвращусь — тебя ль забуду?...

Картина IX.

Кто это позднею порой
Ступаетъ тихо, осторожно?
Видна котомка за спиной,
Посохъ за поясомъ дорожній.
Направо домикъ передъ нимъ,
Налѣво дальняя дорога,
Итти путемъ онъ хочетъ симъ
И проситъ твердости у Бога.
Но мукой тайною томимъ,
Назадъ онъ ноги обращаетъ
И въ домикъ тотъ онъ поспѣшаетъ.

Одно окно открыто въ немъ;
Облокотясь предъ тѣмъ окномъ,
Краса-дѣвица почиваетъ,
И, вѣя вѣтръ надъ ней крыломъ,
Ей сны чудесные внушаетъ;
И, ими милая полна,
Вотъ улыбается она.
Съ душеволненьемъ къ ней подходитъ...
Стѣснилась грудь; дрожитъ слеза...
И на прекрасную наводитъ
Свои блестящіе глаза.
Онъ наклонился къ ней, пылаетъ,
Ее цѣлуетъ и стенаетъ.
И, вздрогнувъ, быстро онъ бѣжитъ
Опять дорогою далекой;
Но мраченъ неспокойный видъ,
Но грустно въ сей душѣ глубокой.
Вотъ оглянулся онъ назадъ;
Но ужъ туманъ окрестность кроетъ,
И пуще юноши грудь ноетъ,
Прощальный посылая взглядъ.
Вѣтръ, пробудившися, суровой
Качнулъ зеленою дубровой;
Исчезло все въ дали пустой.
Сквозь сонъ лишь смутною порой
Готлибъ привратникъ будто слышалъ,
Что изъ калитки кто-то вышелъ,
Да вѣрный песъ, какъ бы въ укоръ,
Пролаялъ звучно на весь дворъ.

Картина X.

Не всходитъ долго свѣтлый вождь.
Ненастно утро; на поляны
Валятся сѣрые туманы;
Звенитъ по кровлямъ частый дождь.
Съ зарей красавица проснулась;
Сама дивится, что она
Проспала ночь всю у окна.
Поправивъ кудри, улыбнулась,

Но, противъ воли, взоръ живой
Блеснулъ досадною слезой.
«Что Ганцъ такъ долго не приходитъ?
Онъ обѣщалъ мнѣ быть чуть свѣтъ.
Какой же день! тоску наводитъ:
Туманъ густой по полю ходитъ,
И вѣтръ свиститъ; а Ганца нѣтъ.»

Полна живаго нетерпѣнья,
Глядитъ на милое окно:
Не отворяется оно.
Ганцъ, вѣрно, спитъ, и сновидѣнья
Ему творятъ любой предметъ;
Но день давно ужъ. Рвутъ долины
Ручьи дождя; дубовъ вершины
Шумятъ; а Ганца нѣтъ, какъ нѣтъ.

Ужъ скоро полдень. Неприметно
Туманъ уходитъ; лѣсъ молчитъ;
Громъ въ размышленіи гремитъ
Вдали... Дугою семицвѣтной
Горитъ на небѣ райскій свѣтъ;
Унизанъ искрами дубъ древній;
И пѣсни звонкія съ деревни
Звучатъ; а Ганца нѣтъ, какъ нѣтъ.

Что̀ бъ это значило?... находитъ
Злодѣйка грусть; слухъ утомленъ
Считать часы... Вотъ кто-то входитъ...
И въ дверь... Онъ! онъ!... ахъ, нѣтъ, не онъ!
Въ халатѣ розовомъ покойномъ,
Въ цвѣтномъ передникѣ съ каймой,
Приходитъ Берта: „Ангелъ мой!
Скажи, что̀ сдѣлалось съ тобой?
Ты ночь всю спала безпокойно;
Ты вся томна, ты вся блѣдна.
Не дождь ли помѣшалъ шумливый,
Или ревущая волна?
Или пѣтухъ, буянъ крикливый,
Всю ночь невѣдающій сна?

Иль потревожилъ духъ нечистый
Во снѣ покой дѣвицы чистой,
Навѣялъ черную печаль?
Скажи: тебя всѣмъ сердцемъ жаль!»—

«Нѣтъ, не мѣшалъ мнѣ дождь шумливый,
И ни ревущая волна,
И ни пѣтухъ, буянъ крикливый,
Всю ночь невѣдающій сна;
Не эти сны, не тѣ печали
Мнѣ грудь младую взволновали,
Не ими духъ мой возмущенъ:
Иной мнѣ снился дивной сонъ.

«Мнѣ снилось: въ темной я пустынѣ,
Вокругъ меня туманъ и глушь;
И на болотистой равнинѣ
Нѣтъ мѣста, гдѣ была бы сушь.
Тяжелый запахъ; топко, вязко;
Что шагъ, то бездна подо мной:
Боюся я ступить ногой;
И вдругъ мнѣ сдѣлалось такъ тяжко,
Такъ тяжко, что нельзя сказать...
Гдѣ ни возьмись Ганцъ дикій, странный,
— Бѣжала кровь, струясь изъ раны —
Вдругъ началъ надо мной рыдать;
Но, вмѣсто слезъ, лились потоки
Какой-то мутныя воды.....
Проснулась я: на грудь, на щеки,
На кудри русой головы,
Бѣжалъ ручьями дождь досадной;
И было сердцу не отрадно.
Меня предчувствіе берегъ...
И я кудрей не выжимала;
И я все утро тосковала:
Гдѣ онъ? и что̀ съ нимъ? что̀ нейдетъ?»

Стоитъ, качаетъ головою,
Разумная, предъ нею, мать:

«Ну, дочка! мнѣ съ твоей бѣдою,
Не знаю, какъ ужъ совладать.
Пойдемъ къ нему, узнаемъ сами,
Да будь святая сила съ нами!»

Вотъ входятъ въ комнату онѣ;
Но въ ней все пусто. Въ сторонѣ
Лежитъ, въ густой пыли, томъ давній,
Платонъ и Шиллеръ своенравный,
Петрарка, Тикъ, Аристофанъ
Да позабытый Винкельманъ;
Куски изодранной бумаги;
На полкѣ — свѣжіе цвѣты;
Перо, которымъ, полнъ отваги,
Передавалъ свои мечты.
Но на столѣ мелькнуло что-то...
Записка!... съ трепетомъ взяла
Луиза въ руки. Отъ кого-то?
Къ кому?... И что̀ жъ она прочла?...
Языкъ лепечетъ странно пѣни...[1]
И вдругъ упала на колѣни;
Ее кручина давитъ, жжетъ,
Гробовый холодъ въ ней течетъ.

Картина XI.

Ты посмотри, тиранъ жестокій,
На грусть убитыя души!
Какъ вянетъ цвѣтъ сей одинокій,
Забытый въ пасмурной глуши!
Вглядись, вглядись въ свое творенье:
Ее ты счастія лишилъ,
И жизни радость претворилъ
Въ тоску ей, въ адское мученье,
Въ гнѣздо разоренныхъ могилъ.
О, какъ она тебя любила!
Съ какимъ восторгомъ чувствъ живымъ
Простыя рѣчи говорила!

И какъ внималъ рѣчамъ ты симъ!
Какъ пламененъ и какъ невиненъ
Былъ этотъ блескъ ея очей!
Какъ часто ей, въ тоскѣ своей,
Тотъ день казался скученъ, длиненъ,
Когда, раздумью предана,
Тебя не видѣла она!
И ты ль, и ты ль ее оставилъ?
Ты ль отвернулся отъ всего?
Въ страну чужую путь направилъ,
И для кого? и для чего?
Но посмотри, тиранъ жестокій:
Она все также, подъ окномъ,
Сидитъ и ждетъ, въ тоскѣ глубокой,
Не промелькнетъ [ли][1] милый въ немъ?
Ужъ гаснетъ день; сіяетъ вечеръ;
На все наброшенъ дивный блескъ;
Прохладный вьется въ небѣ вѣтеръ;
Волны чуть слышенъ дальній плескъ.
Уже ночь тѣни настилаетъ;
Но западъ все еще сіяетъ.
Свирѣль чуть льется; а она
Сидитъ недвижно у окна.

Ночныя видѣнія.

Темнѣетъ, тухнетъ вечеръ красный;
Спитъ въ упоеніи земля;
И вотъ на наши ужъ поля
Выходитъ важно мѣсяцъ ясный.
И все прозрачно, все свѣтло;
Сверкаетъ море, какъ стекло. —

Въ небѣ чудныя вотъ тѣни
Развилися и свились,
И чудесно понеслись
На небесныя ступени.
Прояснилось: двѣ свѣчи;
Двое рыцарей косматыхъ;

Два зубчатые мечи
И чеканенныя латы;
Что-то ищутъ; стали въ рядъ;
И зачѣмъ-то переходятъ,
И дерутся, и блестятъ,
И чего-то не находятъ...
Все пропало, слилось съ тьмой;
Свѣтитъ мѣсяцъ надъ водой.

Блистательно всю рощу оглашаетъ
Царь соловей. Звукъ тихо разнесенъ.
Чуть дышетъ ночь; земля сквозь сонъ
Мечтательно пѣвцу внимаетъ.
Лѣсъ не колышется; все спитъ,
Лишь вдохновенна пѣснь звучитъ.

Показался дивной феи
Слитый съ воздуха дворецъ,
И въ окнѣ поетъ пѣвецъ
Вдохновенныя затѣи.
На серебряномъ коврѣ,
Весь затканный облаками,
Чудный духъ летитъ въ огнѣ;
Сѣверъ, югъ покрылъ крылами.
Видитъ: фея спитъ въ плѣну
За рѣшеткою коральной;
Перламутрную стѣну
Рушитъ онъ слезой хрустальной.
Обнялись... слилися съ тьмой...
Свѣтитъ мѣсяцъ надъ водой.

Сквозь паръ окрестность чуть сверкаетъ.
Какую кучу тайныхъ думъ
Наводитъ моря странный шумъ!
Огромный китъ спиной мелькаетъ;
Рыбакъ закутался и спитъ;
А море все шумитъ, шумитъ.

Вотъ изъ моря молодыя,
Дѣвы чудныя плывутъ;

Голубыя, огневыя,
Волны бѣлыя гребутъ.
Призадумавшись, колышетъ
Грудь лилейную вода,
И красавица чуть дышетъ...
И роскошная нога
Стелетъ брызги въ два ряда...
Улыбается, хохочетъ,
Страстно манитъ и зоветъ,
И задумчиво плыветъ,
Будто хочетъ и не хочетъ;
И задумчиво поетъ
Про себя, младу сирену,
Про коварную измѣну.
А на тверди голубой,
Свѣтитъ мѣсяцъ надъ водой.

Вотъ въ сторонѣ глухой кладбище:
Ограда ветхая кругомъ,
Кресты, каменья... скрыто мхомъ
Нѣмыхъ покойниковъ жилище.
Полетъ да крики только совъ
Тревожатъ сонъ пустыхъ гробовъ.

Подымается протяжно
Въ бѣломъ саванѣ мертвецъ,
Кости пыльныя онъ важно
Отираетъ, молодецъ;
Съ чела давняго хладъ вѣетъ,
Въ глазѣ палевой огонь,
И подъ нимъ великой конь,
Необъятный, весь бѣлѣетъ
И все болѣе растетъ,
Скоро небо обоймѣтъ;
И покойники съ покою
Страшной тянутся толпою.
Земля колется и — бухъ
Тѣни разомъ въ бездну... Уфъ!

И стало страшно ей; мгновенно
Она прихлопнула окно.
Все въ сердцѣ трепетномъ смятенно,
И жаръ, и дрожь попеременно
По немъ текутъ. Въ тоскѣ оно.
Вниманіе развлеченно[1].
Когда, рукою безпощадной,
Судьба надвинетъ камень хладный
На сердце бѣдное, — тогда,
Скажите: кто разсудку вѣренъ?
Чья противъ золъ душа тверда?
Кто вѣчно тотъ же завсегда?
Въ несчастьи кто не суевѣренъ?
Кто крѣпкой не блѣднѣлъ душой
Передъ ничтожною мечтой?

Съ боязнью, съ горестію тайной,
Въ постель кидается она;
Но ждетъ напрасно въ ложе сна.
Въ тьмѣ прошумитъ ли что случайно,
Скребунья мышь ли пробѣжитъ, —
Отъ вѣждъ коварный сонъ летитъ.

Картина XIII.

Печальны древности Аѳинъ!
Колоннъ, статуй рядъ обветшалый
Среди глухихъ стоитъ равнинъ.
Печаленъ слѣдъ вѣковъ усталыхъ:
Изящный памятникъ разбитъ,
Изломленъ немощный гранитъ,
Одни обломки уцѣлѣли.
Еще донынѣ величавъ,
Чернѣетъ дряхлый архитравъ,
И вьется плющъ по капители;
Упалъ расщепленный карнизъ
Въ давно-заглохшіе окопы.
Еще блеститъ сей дивный фризъ
Сіи рельефные метопы;

Еще донынѣ здѣсь грустить
Коринѳскій орденъ многолѣпный,
— Рой ящерицъ по немъ скользитъ —
На міръ съ презрѣньемъ онъ глядитъ;
Все тотъ же онъ великолѣпный,
Временъ минувшихъ вдавленъ въ тьму,
И безъ вниманья ко всему.

Печальны древности Аѳинъ!
Туманенъ рядъ былыхъ картинъ:
Облокотясь на мраморъ хладный,
Напрасно путникъ алчетъ жадный
Въ душѣ былое воскресить,
Напрасно силится развить
Протекшихъ дѣлъ истлѣвшій свитокъ, —
Ничтоженъ трудъ безсильныхъ пытокъ!
Вездѣ читаетъ смутный взоръ
И разрушенье, и позоръ.
Промежъ колоннъ чалма мелькаетъ,
И мусульманинъ по стѣнамъ,
По симъ обломкамъ, камнямъ, рвамъ,
Коня свирѣпо напираетъ,
Останки съ воплемъ разоряетъ.
Невыразимая печаль
Мгновенно путника объемлетъ,
Души онъ тяжкій ропотъ внемлетъ;
Ему и горестно, и жаль,
Зачѣмъ онъ путь сюда направилъ.
Не для истлѣвшихъ ли могилъ
Кровъ безмятежный свой оставилъ,
Покой свой тихій позабылъ?
Пускай бы въ мысляхъ обитали
Сіи воздушныя мечты!
Пускай бы сердце волновали
Зерцаломъ чистой красоты!
Но и убійственно, и хладно
Разворожились вы теперь;
Безжалостно и безпощадно
Предъ нимъ захлопнули вы дверь,

Сыны существенности жалкой,
Дверь въ тихій міръ мечтаній, жаркой! —
И грустно, медленной стопой
Руины путникъ покидаетъ,
Клянется ихъ забыть душой,
И все невольно помышляетъ
О жертвахъ бренности слѣпой.

Картина XVI.

Ушло два года. Въ мирномъ Люненсдорфѣ
По прежнему красуется, цвѣтетъ;
Все тѣ жъ заботы и забавы тѣ же
Волнуютъ жителей покойныя сердца.
Но не по прежнему въ семьѣ Вильгельма:
Пастора ужъ давно на свѣтѣ нѣтъ.
Окончивъ путь и тягостный, и трудный,
Не нашимъ сномъ онъ крѣпко опочилъ.
Всѣ жители останки провожали
Священные, съ слезами на глазахъ;
Его дѣла, поступки поминали:
Не онъ ли намъ спасеніемъ служилъ?
Насъ надѣлялъ своимъ духовнымъ хлѣбомъ,
Въ словахъ добру прекрасно поучая?
Не онъ ли былъ утѣхою скорбящихъ,
Сиротъ и вдовъ нетрепетнымъ щитомъ?
Въ день праздничный, какъ кротко онъ, бывало,
Всходилъ на каѳедру! и съ умиленьемъ
Намъ говорилъ: про мучениковъ чистыхъ,
Про тяжкія страданія Христовы;
А мы ему, растроганны, внимали,
Дивилися и слезы проливали.

Отъ Висмара когда кто держитъ путь,
Встрѣчается налѣво отъ дороги
Ему кладбище: старые кресты
Склонилися, обшиты мхомъ,
И времени извѣдены рѣзцомъ.
Но промежъ нихъ бѣлѣетъ рѣзко урна

На черномъ камнѣ, и надъ ней смиренно
Два явора зеленые шумятъ,
Далеко хладной обнимая тѣнью. —
Тутъ бренные покоятся останки
Пастора. Вызвались на свой же счетъ
Соорудить надъ нимъ благіе поселяне
Послѣдній знакъ его существованья
Въ семъ мірѣ. Надпись съ четырехъ сторонъ
Гласитъ: какъ жилъ и сколько мирныхъ лѣтъ
Провелъ на паствѣ, и когда оставилъ
Свой долгій путь, и Богу духъ вручилъ. —

И въ часъ, когда стыдливый развиваетъ
Румяные востокъ свои власы,
Подымется по полю свѣжій вѣтеръ,
Посыплется алмазами роса,
Въ своихъ кустахъ малиновка зальется,
Полсолнца на землѣ всходя горитъ, —
Къ нему идутъ младыя поселянки,
Съ гвоздиками и розами въ рукахъ;
Увѣшаютъ душистыми цвѣтами,
Гирляндою зеленой обовьютъ,
И снова въ путь назначенный идутъ.
Изъ нихъ одна, младая, остается
И, опершись лилейною рукой,
Надъ нимъ сидитъ въ раздумьи долго, долго,
Какъ будто бы о непостижномъ мыслитъ.
Въ задумчивой, скорбящей дѣвѣ сей
Кто бъ не узналъ печальныя Луизы?
Давно въ глазахъ веселье не блеститъ;
Не кажется невинная усмѣшка
Въ ея лицѣ; не пробѣжитъ по немъ,
Хотя ошибкой, радостное чувство;
Но какъ мила она и въ грусти томной!
О, какъ возвышененъ невинной этотъ взглядъ!
Такъ свѣтлый Серафимъ тоскуетъ
О пагубномъ паденьи человѣка.
Мила была счастливая Луиза,
Но какъ-то мнѣ въ несчастіи милѣе.

Осьмнадцать лѣтъ тогда минуло ей,
Когда преставился пасторъ разумный.
Всей дѣтскою она своей душой
Богоподобнаго любила старца;
И думаетъ въ душевной глубинѣ:
«Нѣтъ, не сбылись живыя улованья
Твои. Какъ, добрый старецъ, ты желалъ
Насъ обвѣнчать передъ святымъ налоемъ,
Навѣки нашъ союзъ соединить!
Какъ ты любилъ мечтательнаго Ганца!
А онъ...»

Заглянемъ въ хижину Вильгельма.
Ужъ осень; холодно. И дома онъ
Вытачивалъ съ искусствомъ хитрымъ кружки
Изъ крѣпкаго съ слоями бука,
Затѣйливой рѣзьбою украшая;
У ногъ его свернувшися лежалъ
Любимый другъ, товарищъ вѣрный, Гекторъ.
А вотъ разумная хозяйка Берта
Съ утра уже заботливо хлопочетъ
О всемъ. Толпится также подъ окномъ
Гусей ватага долгошейныхъ; также
Неугомонныя кудахчутъ куры;
Чиликаютъ нахалы воробьи,
Весь день въ навозной кучѣ роясь.
Видали ужъ красавца снигиря;
И осенью давно запахло въ полѣ;
И пожелтѣлъ давно зеленый листъ,
И ласточки давно ужъ отлетѣли
За дальнія, роскошныя моря.
Кричитъ разумная хозяйка Берта:
«Такъ долго негодится быть Луизѣ!
Темнѣетъ день. Теперь не то, что лѣтомъ:
Ужъ сыро, мокро, и густой туманъ
Такъ холодомъ всего и пронимаетъ.
Зачѣмъ бродить? бѣда мнѣ съ этой дѣвкой:
Не выкинетъ она изъ мыслей Ганца!
А Богъ знаетъ, онъ живъ ли, или нѣтъ».

Не то совсѣмъ раздумываетъ Фанни,
За пяльцами сидя въ своемъ углу.
Шестнадцать лѣтъ ей, и, полна тоски
И тайныхъ думъ по идеальномъ другѣ,
Разсѣянно, невнятно говоритъ:
«И я бы такъ, и я бъ его любила».—

Картина XVII.

Уныввна осени пора;
Но день сегоднишній прекрасенъ:
На небѣ волны серебра,
И солнца ликъ блестящъ и ясенъ.
Одинъ дорогой почтовой
Бредетъ, съ котомкой за спиной,
Печальный путникъ изъ чужбины.
Унылъ, и томенъ онъ, и дикъ,
Идетъ согнувшись, какъ старикъ;
Въ немъ Ганца нѣтъ и половины.
Полупотухшій бродитъ взоръ
По злачнымъ холмамъ, желтымъ нивамъ,
По разноцвѣтной цѣпи горъ.
Какъ бы въ забвеніи счастливомъ,
Его касается мечта;
Но мысль не тѣмъ ужъ занята:
Онъ въ думы крѣпкія погруженъ.
Ему покой теперь бы нуженъ.

Прошелъ онъ дальній, видно, путь;
Страдаетъ, больно, видно, грудь.
Душа страдаетъ, жалко ноя;
Ему теперь не до покоя.

О чемъ же думы крѣпки тѣ?
Дивится самъ онъ суетѣ:
Какъ былъ измученъ онъ судьбою,
И зло смѣется надъ собою:
Что повѣрялъ своей мечтой
Свѣтъ ненавистной, слабоумной;

Что задивился въ блескъ пустой
Своей душою неразумной;
Что, не колеблясь, смѣло онъ
Симъ людямъ кинулся въ объятья
И, околдованъ, охмеленъ,
Въ ихъ злыя вѣрилъ предпріятья.
Какъ гробы холодны они;
Какъ тварь презрѣннѣйшая, низки;
Корысть и почести одни
Имъ лишь и дороги, и близки.
Они позорятъ дивный даръ:
И попираютъ вдохновенье,
И презираютъ откровенье;
Ихъ холоденъ притворный жаръ,
И гибельно ихъ пробужденье.
О, кто бъ нетрепетно проникъ
Въ ихъ усыпительный языкъ!
Какъ ядовито ихъ дыханье!
Какъ ложно сердца трепетанье!
Какъ ихъ коварна голова!
Какъ пустозвучны ихъ слова!

И много истинъ онъ, печальный,
Теперь извѣдалъ и узналъ,
Но самъ счастливѣе ли сталъ
Во глубинѣ души опальной?
Лучистой, дальнею звѣздой
Его влекла, тянула слава,
Но ложенъ чадъ ея густой,
Горька блестящая отрава. —

Склоняется на западъ день,
Вечерняя длиннѣетъ тѣнь;
И облаковъ блестящихъ, бѣлыхъ
Ярчѣе алые края;
На листьяхъ темныхъ, пожелтѣлыхъ
Сверкаетъ золота струя.
И вотъ завидѣлъ странникъ бѣдный
Свои родимые луга,

И взоръ мгновенно вспыхнулъ блѣдный,
Блеснула жаркая слеза.
Рой прежнихъ, тѣхъ забавъ невинныхъ
И тѣхъ проказъ, тѣхъ думъ старинныхъ —
Все разомъ налегло на грудь
И не даетъ ему дохнуть.
И мыслитъ онъ: что это значитъ?...
И, какъ ребенокъ слабый, плачетъ.

Дума.

Благословенъ тотъ дивный мигъ,
Когда въ порѣ самопознанья,
Въ порѣ могучихъ силъ своихъ,
Тотъ, Небомъ избранный, постигъ
Цѣль высшую существованья;
Когда не грезъ пустая тѣнь,
Когда не славы блескъ мишурный
Его тревожатъ ночь и день,
Его влекутъ въ міръ шумный, бурный;
Но мысль и крѣпка, и бодра
Его одна объемлетъ, мучитъ
Желаньемъ блага и добра;
Его трудамъ великимъ учитъ.
Для нихъ онъ жизни не щадитъ.
Вотще безумно чернь кричитъ:
Онъ твердъ средь сихъ живыхъ обломковъ
И только слышитъ, какъ шумитъ
Благословеніе потомковъ.

Когда жъ коварныя мечты
Взволнуютъ жаждой яркой доли,
А нѣтъ въ душѣ желѣзной воли,
Нѣтъ силъ стоять средь суеты, —
Не лучше ль въ тишинѣ укромной
По полю жизни протекать,
Семьей довольствоваться скромной
И шуму свѣта не внимать?

Картина XVIII.

Выходятъ звѣзды плавнымъ хоромъ,
Обозрѣваютъ кроткимъ взоромъ
Опочивающій весь міръ:
Блюдутъ сонъ тихій человѣка,
Ниспосылаютъ добрымъ миръ,
А злымъ ядъ гибельный упрека.
Зачѣмъ же, звѣзды, грустнымъ вы
Не посылаете покоя?
Для горемычной головы
Вы — радость, и, на васъ покоя
Свой грустный стосковалый взоръ,
Страстей онъ слышитъ разговоръ
Въ душѣ, и васъ онъ призываетъ,
И вамъ онъ пѣни повѣряетъ.
По прежнему всегда томна,
Еще Луиза не раздѣлась;
Не спится ей; въ мечтахъ она
На ночь осенню загладѣлась.
Предметъ и тотъ же, и одинъ...
И вотъ восторгъ къ ней въ душу входитъ:
Пѣснь стройную она заводитъ,
Звучитъ веселый клависинъ.

Внимая шуму листопада,
Промежъ деревьевъ, гдѣ сквозитъ
Изъ стѣнъ рѣшетчатыхъ ограда,
Въ забвеньи сладостномъ, у сада
Нашъ Ганцъ закутавшись стоитъ.
И что́ же съ нимъ, когда онъ звуки
Давно-знакомые узналъ,
И голосъ тотъ, со дня разлуки,
Что долго, долго не слыхалъ,
И пѣсню ту, что въ страсти жаркой,
Въ любви, въ избыткѣ дивныхъ силъ,
Подъ строй души въ напѣвахъ яркой,
Ее, восторженный, сложилъ?

Чрезъ садъ она звенитъ, несется
И въ упоеньи тихомъ льется:

Тебя зову! тебя зову!
Твоей улыбкою чаруюсь,
Съ тобой не часъ, не два сижу,
Съ тебя очей я не свожу:
Дивуюся, не надивуюсь.

* * *

Поешь ли ты — и звонъ рѣчей
Твоихъ, таинственный, невинный,
Ударитъ въ воздухъ ли пустынный —
Звукъ въ небѣ льется соловьиный,
Гремитъ серебряный ручей.

* * *

Приди ко мнѣ, прижмись ко мнѣ,
Въ жару чудеснаго волненья!
Пылаетъ сердце въ тишинѣ;
Онѣ горятъ, онѣ въ огнѣ,
Твои покойныя движенья.

* * *

Я безъ тебя грущу, томлюсь,
И позабыть тебя нѣтъ силы.
И пробуждаюсь ли, ложусь,
Все о тебѣ молюсь, молюсь
Все о тебѣ, мой ангелъ милый.

* * *

И вотъ почудилося ей:
Чудеснымъ заревомъ очей
Возлѣ нея блистаетъ кто-то,
И слышитъ вздохъ она кого-то,
И страхъ, и дрожь ее беретъ...
И оглянулась...
«Ганцъ!»...
О, кто пойметъ
Всю эту радость чудной встрѣчи
И взоровъ пламенныя рѣчи,
И этотъ чувствъ счастливый гнетъ!

О, кто такъ пламенно опишетъ
Сію душевную волну,
Когда она грудь рветъ и пышетъ,
Терзаетъ сердца глубину,
А самъ дрожишь, въ весельи млѣешь,
Ни думъ, ни словъ найти не смѣешь;
Въ восторгѣ, въ кучѣ сладкихъ мукъ,
Сольешься въ стройный, свѣтлый звукъ!

Опомнясь, Ганцъ глядитъ сквозь слезы
Въ глаза подруги своея
И мыслитъ: «Полно, это грезы;
Пусть же не просыпаюсь я!
Она все та жъ, и такъ любила
Меня всей дѣтскою душой!
Чело печалію накрыла,
Румянецъ свѣжій изсушила,
Губила вѣкъ свой молодой;
А я безумный, безтолковой,
Летѣлъ искать кручины новой!...»
И спалъ страданій тяжкій сонъ
Съ его души; живой, спокойный,
Переродился снова онъ,
На время бурей возмущенъ:
Такъ снова блещетъ міръ нашъ стройный;
Въ огнѣ закаленный булатъ
Такъ снова ярче во сто кратъ.

Пируютъ гости: рюмки, чаши
Кругомъ обходятъ и гремятъ;
И старики болтаютъ наши,
И въ танцахъ юноши кипятъ.
Звучитъ протяжнымъ, шумнымъ громомъ
Музыка яркая весь день;
Ворочаетъ веселье домомъ;
Гостепріимно блещетъ сѣнь.
И поселянки молодыя
Чету влюбленную дарятъ:
Несутъ фіалки голубыя,

Несутъ имъ розы огневыя,
Ихъ убираютъ и шумятъ:
„Пусть вѣкъ цвѣтутъ ихъ дни младые,
Какъ тѣ фіалки полевыя!
Сердца любовью да горятъ,
Какъ эти розы огневыя!"

И въ упоеньи, въ нѣгѣ чувствъ
Заранѣ юноша трепещетъ,
И свѣтлый взоръ весельемъ блещетъ;
И безпритворно, безъ искусствъ,
Оковы сбросивъ принужденья,
Вкушаетъ сердце наслажденья.
И васъ, коварныя мечты,
Боготворить ужъ онъ не станетъ, —
Земной поклонникъ красоты.
Но что̀ жъ опять его туманитъ?
(Какъ непонятенъ человѣкъ!)
Прощаясь съ ними онъ навѣкъ,
Какъ бы по старомъ другѣ вѣрномъ,
Грустить въ забвеніи усердномъ.
Такъ въ заключеньи школьникъ ждетъ,
Когда желанный срокъ придетъ.
Лѣта къ концу его ученья —
Онъ полонъ думъ и упоенья,
Мечты воздушныя ведетъ:
Онъ независимый, онъ вольный,
Собой и міромъ всѣмъ довольный.
Но, разставаяся съ семьей
Своихъ товарищей, душой
Дѣлилъ съ кѣмъ шалость, трудъ, покой, —
И размышляетъ онъ, и стонетъ,
И съ невыразною тоской
Слезу невольную уронитъ.

Эпилогъ.

Въ уединеніи, въ пустынѣ,
Въ никѣмъ незнаемой глуши,
Въ моей невѣдомой святынѣ,
Такъ созидаются отнынѣ
Мечтанья тихія души.
Дойдетъ ли звукъ подобно шуму?
Взволнуетъ ли кого-нибудь:
Живую юноши ли думу,
Иль дѣвы пламенную грудь?
Веду съ невольнымъ умиленьемъ
Я пѣсню тихую мою,
И съ неразгаданнымъ волненьемъ
Свою Германію пою.
Страна высокихъ помышленій!
Воздушныхъ призраковъ страна!
О, какъ тобой душа полна!
Тебя обнявъ, какъ нѣкій Геній,
Великій Гётте бережетъ,
И чуднымъ строемъ пѣснопѣній
Свѣваетъ облако заботъ.

ИТАЛІЯ.

Италія — роскошная страна!
По ней душа и стонетъ и тоскуетъ;
Она вся рай, вся радости полна,
И въ ней любовь роскошная веснуетъ.
Бѣжитъ, шумитъ задумчиво волна
И берега чудесные цѣлуетъ;
Въ ней небеса прекрасныя блестятъ;
Лимонъ горитъ, и вѣетъ ароматъ.

И всю страну объемлетъ вдохновенье;
На всемъ печать протекшаго лежитъ;
И путникъ зрѣть великое творенье,
Самъ пламенный, изъ снѣжныхъ странъ спѣшитъ;
Душа кипитъ, и весь онъ — умиленье,
Въ очахъ слеза невольная дрожитъ;
Онъ, погруженъ въ мечтательную думу,
Внимаетъ дѣлъ давно-минувшихъ шуму.

Здѣсь низокъ міръ холодной суеты,
Здѣсь гордый умъ съ природы глазъ не сводитъ;
И радужной въ сіяньи красоты
И жарче, и яснѣй по небу солнце ходитъ.
И чудный шумъ, и чудныя мечты
Здѣсь море вдругъ спокойное наводитъ;
Въ немъ облаковъ мелькаетъ рѣзвый ходъ,
Зеленый лѣсъ и синій неба сводъ.

А ночь, а ночь вся вдохновеньемъ дышетъ.
Какъ спитъ земля, красой упоена!
И страстно миртъ надъ ней главой колышетъ,
Среди небесъ, въ сіяніи луна

Глядитъ на міръ, задумалась и слышитъ,
Какъ подъ весломъ проговоритъ волна;
Какъ черезъ садъ октавы пронесутся,
Плѣнительно вдали звучатъ и льются.

Земля любви и море чарованій!
Блистательный мірской пустыни садъ!
Тотъ садъ, гдѣ въ облакѣ мечтаній
Еще живутъ Рафаэль и Торкватъ!
Узрю ль тебя я, полный ожиданій?
Душа въ лучахъ, и думы говорятъ,
Меня влечетъ и жжетъ твое дыханье,
Я въ небесахъ весь звукъ и трепетанье!...

КЛАССНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

1.

О томъ, что требуется отъ критики.

(Изъ теоріи словесности).

Что требуется отъ критики? вотъ вопросъ, котораго рѣшеніе слишкомъ нужно, (особливо) въ наши времена, когда благородная цѣль критики унижена несправедливыми притязаніями, личными выходками и часто обращается въ позорную брань — (первое) слѣдствіе необразованности, отсутствія[1] истиннаго просвѣщенія[2]. — Первая, главная принадлежность, безъ которой критика не можетъ существовать, это — безпристрастіе, но нужно, чтобы оно правилось умомъ зоркимъ, истинопросвѣщеннымъ, могучимъ вполнѣ отдѣлить прекрасное отъ неизящнаго. Критика должна быть строга, чтобы тѣмъ болѣе дать цѣны прекрасному, потому что просвѣченной[3] писатель не ищетъ безъотчетной похвалы и славы, но требуетъ, чтобы она была опредѣленна умомъ строгимъ и вѣрно понявшимъ его мысль, его твореніе; она должна быть благопристойна[4], чтобы ни одно выраженіе оскорбительное не вкралось, черезъ то[5] уменьшающее достоинство критики и заставляющее думать, что рецензентомъ водила какая нибудь вражда, злоба, недоброжелательство. Слѣдственно отсутствіе личности также необходимо для критики. Наконецъ, послѣднее: нужно, чтобы[6] перомъ рецензента, или критика правило истиное желаніе добра и пользы, оно должно отдушевлять[7] всѣ его изысканія и разборы и быть всегда его неизмѣннымъ водителемъ, какъ высокій, божескій характеръ души просвѣщеннаго мыслителя.

2.

Изложить законные обряды апелляціи, какъ изъ низшихъ инстанцій въ высшую и въ Департ. Сената.

(Изъ Русскаго права).

Когда недовольны рѣшеніемъ присутственныхъ мѣстъ низшихъ инстанцій, тогда имѣютъ право подавать прошеніе въ инстанцію высшую—въ Гражданскую Палату въ томъ, что дѣло ихъ право и резолюція низшихъ инстанцій несправедлива[1]—это называется апелляціею. При внесеніи ея[2] въ Гражд. Палату нужно внесть и пошлину исковыхъ 12 рублей, послѣ чего Гражданская Палата требуетъ изъ низшей инстанціи все дѣло и рѣшитъ сама. Но прежде[3] еще внесенія апелляціи онъ долженъ внесть въ низшую инстанцію 25 рублей въ залогъ. Если недоволенъ и рѣшеніемъ гражданской палаты, тогда имѣетъ право апеллевать въ Сенатъ, внесши[4] въ Гражд. Палату въ залогъ 200 рублей. Вмѣстѣ съ апелляціею онъ представляетъ и свидѣтельство въ томъ, что апелляціонный искъ производился въ срокъ, положенный для сего. Сенатъ, взыскавши 12 пошлинныхъ, принявши апелляцію и свидѣтельство, судитъ въ собраніи Сената единогласно; когда же нѣтъ, собираетъ чрезвычайное[5] общее собраніе, и рѣшится большинствомъ голосовъ, когда двѣ трети согласны.—Но если генералъ-прокуроръ не согласенъ съ сенаторами, то отъ него требуютъ изложеніе причинъ, послѣ чего онъ рѣшитъ уже самъ или обще съ Государс. Совѣтомъ.

ДВѢ ГЛАВЫ ИЗЪ МАЛОРОССІЙСКОЙ ПОВѢСТИ „СТРАШНЫЙ КАБАНЪ“.

I.

УЧИТЕЛЬ.

Прибытіе новаго лица въ благословенныя мѣста голтвянскія надѣлало болѣе шуму, нежели пронесшіеся за два года предъ тѣмъ слухи о прибавкѣ рекрутъ, нежели внезапно поднявшаяся цѣна на соль, вывозимую изъ Крыма украинскими степовиками. Въ шинкѣ, по улицамъ, на мельницѣ, въ винокурнѣ только и рѣчей было, что про пріѣзжаго учителя. Догадливые политики въ сѣрыхъ кобенякахъ и свитахъ, пуская дымъ себѣ подъ носъ съ самымъ флегматическимъ видомъ, пытались опредѣлить вліяніе такого лица, которому судьба, казалось, при рожденіи указала высоту, чуть-чуть не надъ головами всѣхъ мірянъ, которое живетъ въ панскихъ покояхъ и обѣдаетъ за однимъ столомъ съ обладательницею пятидесяти душъ ихъ селенія. Поговаривали, что званія учителя для него мало, что, безъ всякаго сомнѣнія, вліяніе его будетъ накинуто и на хозяйственную систему; по крайней мѣрѣ, уже, вѣрно, не отъ другаго кого-либо будетъ зависѣть наряженіе подводъ, отпускъ муки, сала и проч. Нѣкоторые съ значительнымъ видомъ давали замѣтить, что едва ли и самъ прикащикъ не будетъ теперь нулемъ. Одинъ только *мирошникъ**, Солопій Чубко, дерзнулъ утверждать, что старшинамъ со стороны его нечего опасаться, что готовъ онъ держать закладъ объ новой шапкѣ изъ сѣрыхъ рѣшетиловскихъ смушковъ, если смыслитъ учитель, какъ остановить пятерню и поворотить

---

* Мельникъ.

застоявшійся жерновъ. Но важная осанка, блистательное торжество надъ дьячкомъ, громоподобный басъ, приведшій въ умиленіе всѣхъ прихожанъ, живы были во всеобщей памяти, и выгодное мнѣніе объ учителѣ подтверждалось. И если въ честь гостя не было ни одного турнира между именитыми обитателями села, за то любезныя сожительницы ихъ не ударили себя лицомъ въ грязь: одаренныя тѣмъ звонкимъ и пронзительнымъ языкомъ, который, по неисповѣдимымъ велѣніямъ судьбы, у женщинъ почти въ-четверо быстрѣе поворачивается, нежели у мужчинъ, онѣ гибко развертывали его въ опроверженіе и защиту достоинствъ учителя.

Трескотня и разноголосица, прерываемыя взвизгиваньемъ и бранью, раздавались по мирнымъ закоулкамъ села Мандрыкъ. А какъ почтеннѣйшія обитательницы его имѣли похвальную привычку помогать своему языку руками, то по улицамъ то и дѣло, что находили кумушекъ, уцѣпившихся такъ плотно другъ за друга, какъ подлипало цѣпляется за счастливца, какъ скряга за свой боковой карманъ, когда улица уходитъ въ глушь и одинокій фонарь отливаетъ потухающій свѣтъ свой на палевыя стѣны уснувшаго города. Болѣе всего доставалось муженькамъ, пытавшимся разнимать ихъ: очипки, черепья какъ градъ летѣли имъ на голову, и часто раздраженная кумушка, въ пылу своего гнѣва, вмѣсто чужаго, колотила собственнаго сожителя.

Въ это время педагогъ нашъ почти освоился въ домѣ Анны Ивановны. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ семинаристовъ, *убоявшихся бездны премудрости*, которыми *** ская семинарія снабжаетъ не слишкомъ зажиточныхъ панковъ въ Малороссіи, рублей за сто въ годъ, въ качествѣ домашняго учителя. — Впрочемъ, Иванъ Осиповичъ дошелъ даже до богословія и залетѣлъ бы нивѣсть куда, вѣроятно, еще далѣе, если бы не шалуны его товарищи, которые безпрестанно подсмѣивались надъ усами и колючею его бородой. Съ годами, когда одни выходили совсѣмъ, а на мѣсто ихъ поступали моложе и моложе — ему, наконецъ, не давали прохода: то бросали цѣпкимъ репейникомъ въ бороду и усы, то привѣшивали сзади побрякушки, то пудрили ему голову пескомъ или подсыпали въ табакерку его чемерки, такъ что Иванъ Осиповичъ, наскуча быть безмолвнымъ зрителемъ безпрестанно мѣнявшагося

вѣтренаго поколѣнія и дѣтской игрушкой, принужденъ былъ бросить семинарію и опредѣлиться *на вакансію* *.

Перемѣщеніе это сдѣлало важную эпоху и переломъ въ его жизни. Безпрестанныя насмѣшки и проказы шалуновъ замѣстило наконецъ какое-то почтеніе, какая-то особенная пріязнь и расположеніе. Да и какъ было не почувствовать невольнаго почтенія, когда онъ появлялся, бывало, въ праздникъ въ своемъ свѣтлосинемъ сюртукѣ, — замѣтьте: въ свѣтлосинемъ сюртукѣ, это немаловажно. Долгомъ поставляю надоумить читателя, что сюртукъ вообще (не говоря уже о синемъ), будь только онъ не изъ смураго сукна, производитъ въ селахъ, на благословенныхъ берегахъ Голтвы, удивительное вліяніе: гдѣ ни показывается онъ, тамъ шапки съ самыхъ неповоротливыхъ головъ перелетаютъ въ руки, и солидныя, вооруженныя черными, сѣдыми усами, загорѣвшія лица отмѣриваютъ въ поясъ почтительные поклоны. Всѣхъ сюртуковъ, полагая въ то число и хламиду дьячка, считалось въ селѣ три; но какъ величественная тыква гордо громоздится и заслоняетъ прочихъ поселенцевъ богатой *бакши* **, такъ и сюртукъ нашего пріятеля затемнялъ прочихъ собратьевъ своихъ. Болѣе всего придавали ему прелести большія костяныя пуговицы, на которыя толпами заглядывались уличные ребятишки. Не безъ удовольствія слышалъ нашъ щеголеватый наставникъ юношества, какъ матери показывали на нихъ груднымъ ребятамъ, и малютки, протягивая ручонки, лепетали: *цяця, цяця!* *** За столомъ пріятно было видѣть, какъ чинно, съ какимъ умиленіемъ, почтенный наставникъ, завѣсившись салфеткой, отправлялъ всеобщій процессъ житейскаго насыщенія. Ни слова посторонняго, ни движенія лишняго: весь переселялся онъ, казалось, въ свою тарелку. Опорожнивъ ее такъ, что никакія принадлежащія къ гастрономіи орудія, какъ-то: вилка и ножъ, ничего уже не могли захватить, отрѣзывалъ онъ ломтикъ хлѣба, вздѣвалъ его на вилку и этимъ орудіемъ проходилъ въ другой разъ по тарелкѣ, послѣ чего она выходила чистою, будто изъ фабрики. Но все это, можно ска-

* Эти слова въ украинскихъ семинаріяхъ значатъ: пойти въ домашніе учители.

** Нива, засѣянная арбузами, дынями, тыквами и т. п.

*** Хорошо! Хорошо!

зать, были только наружныя достоинства, выказывавшія въ немъ знаніе тонкихъ обычаевъ свѣта, и читатель дастъ большой промахъ, если заключитъ, что тутъ-то были и всѣ способности его. Почтенный педагогъ имѣлъ необъятныя для простолюдина свѣдѣнія, изъ которыхъ иныя держалъ подъ секретомъ, какъ-то: составленіе лѣкарства противъ укушенія бѣшеныхъ собакъ, искусство окрашивать посредствомъ одной только дубовой коры и острой водки въ лучшій красный цвѣтъ. Сверхъ того онъ собственноручно приготовлялъ лучшую ваксу и чернила, вырѣзывалъ для маленькаго внучка Анны Ивановны фигурки изъ бумаги; въ зимніе вечера моталъ мотки и даже прялъ.

Удивительно ли, если съ такими дарованіями сдѣлался онъ необходимымъ человѣкомъ въ домѣ, если вся дворня была безъ ума отъ него, не смотря, что лицо его и окладомъ, и цвѣтомъ совершенно походило на бутылку, что огромнѣйшій ротъ его, котораго дерзкимъ покушеніямъ едва полагали преграду оттопырившіяся уши, поминутно строилъ гримасы, приневоливая себя выразить улыбку, и что глаза его имѣли цвѣтъ яркой зелени,—глаза, какими, сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ герой въ лѣтописяхъ романовъ не былъ одаренъ. Но, можетъ быть, женщины видятъ болѣе насъ. Кто разгадаетъ ихъ? Какъ бы то ни было, только и сама старушка, госпожа дома, была очень довольна свѣдѣніями учителя въ домашнемъ хозяйствѣ, въ умѣніи дѣлать настойку на шафранѣ и herba rabarbarum[1], въ искусномъ разматываніи мотковъ и вообще въ великой наукѣ жить въ свѣтѣ. Ключницѣ болѣе всего нравился щегольской сюртукъ его и умѣнье одѣваться; впрочемъ, и она замѣтила, что учитель имѣлъ удивительно умильный видъ, когда изволилъ молчать или кушать. Маленькаго внучка забавляли до чрезвычайности бумажные пѣтухи и человѣчки. Самъ кудлатый Бровко, едва только завидитъ, бывало, его, выходящаго на крыльцо, какъ, ласково помахивая хвостомъ своимъ, побѣжитъ къ нему навстрѣчу и безъ церемоніи цѣлуетъ его въ губы, если только учитель, забывъ важность, приличную своему сану, соизволитъ присѣсть подъ величественнымъ фронтономъ. Одни только два старшіе внука и домашніе мальчишки, съ которыми проходилъ онъ *Азъ — Ангелъ, Архангелъ, Буки — Богъ, Божество, Богородица*, — боялись краснорѣчивыхъ лозъ грознаго педагога.

Въ краткое пребываніе свое, Иванъ Осиповичъ успѣлъ уже и самъ сдѣлать свои наблюденія и заключить въ головѣ своей, будто на вогнутомъ стеклѣ, миньятюрное отраженіе окружавшаго его міра. Первымъ лицомъ, на которомъ остановилось почтительное его наблюденіе, какъ, вѣрно, вы догадаетесь, была сама владѣтельница помѣстья. Въ лицѣ ея, тропутомъ рѣзкою кистью, которою время съ незапамятныхъ временъ расписываетъ родъ человѣческій и которую, Богъ знаетъ съ какихъ поръ, называютъ морщиною, въ темнокофейномъ ея капотѣ, въ чепчикѣ (покрой котораго утратился въ толпѣ событій, знаменовавшихъ XVIII-е столѣтіе), въ коричневомъ шушунѣ, въ башмакахъ безъ задковъ, глаза его узнали тотъ періодъ жизни, который есть слабое повтореніе минувшихъ, холодный, безцвѣтный переводъ созданій пламеннаго, кипящаго вѣчными страстями поэта, — тотъ періодъ, когда воспоминаніе остается человѣку, какъ представитель и настоящаго, и прошедшаго, и будущаго, когда роковыя шестьдесятъ лѣтъ гонятъ холодъ въ нѣкогда бившія огненнымъ ключомъ жилы и термометръ жизни переходитъ за точку замерзанія. Впрочемъ, вѣчныя заботы и страсть хлопотать нѣсколько одушевляли потухшую жизнь въ чертахъ ея, а бодрость и здоровье были вѣрною порукою еще за тридцать лѣтъ впередъ. Все время отъ пяти часовъ утра до шести вечера, то есть, до времени успокоенія, было безпрерывною цѣпью занятій. До семи часовъ утра уже она обходила всѣ хозяйственныя заведенія, отъ кухни до погребовъ и кладовыхъ, успѣвала побраниться съ прикащикомъ, накормить куръ и доморощеныхъ гусей, до которыхъ она была охотница. До обѣда, который не бывалъ позже двѣнадцати часовъ, завертывала въ пекарню и сама даже пекла хлѣбы и особеннаго рода крендели на меду и на яицахъ, которыхъ одинъ запахъ производилъ непостижимое волненіе въ педагогѣ, страстно привязанномъ ко всему, что питаетъ душевную и тѣлесную природу человѣка. Время отъ обѣда до вечера мало ли чѣмъ заняться хозяйкѣ? красить шерсть, мѣрять полотна, солить огурцы, варить варенья, подслащивать наливки. Сколько способовъ, секретовъ, домашнихъ средствъ производится въ это время въ дѣйство! Отъ наблюдательнаго взгляда нашего педагога не могло ускользнуть, что и Анна Ивановна не чужда была тщеславія, и

потому положилъ онъ за правило разсыпаться, разумѣется, сколько позволяла природная его застѣнчивость, въ похвалахъ необыкновенному ея искусству и знанію хозяйничать, и это, какъ послѣ увидѣлъ онъ, послужило ему въ пользу: почтенная старушка до тѣхъ поръ не закупоривала сладкихъ наливокъ и варенья, покамѣстъ Иванъ Осиповичъ, отвѣдавъ, не объявлялъ превосходной доброты того и другаго. Всѣ прочія лица стояли въ тѣни предъ этимъ свѣтиломъ такъ, какъ всѣ строенія во дворѣ, казалось, пресмыкались предъ чуднымъ зданіемъ съ великолѣпнымъ его фронтономъ. Только для глазъ пронырливаго наблюдателя замѣтны были ихъ взаимныя соотношенія и особенный колоритъ, обозначавшій каждаго, и тогда ему открывалось, словно въ муравьиномъ рою, вѣчное движеніе, суматоха и ни на минуту не останавливавшійся шумъ. И педагогъ нашъ, какъ мы уже видѣли, умѣлъ угодить на вкусъ всѣхъ и, какъ могучій чародѣй, приковать къ себѣ всеобщее почтеніе.

Непонятны только были причины, заставившія его сблизиться съ кухмистеромъ[1]. Высокое ли уваженіе, которое Иванъ Осиповичъ невольно чувствовалъ къ его искусству, другое ли какое обстоятельство, мы этого не беремся рѣшить. Довольно, что не прошло двухъ дней — и въ Мандрыкахъ воскресли Орестъ и Пиладъ новаго міра. Но еще непонятнѣе была власть кухмистера надъ нашимъ педагогомъ, такъ что отъ природы скромный, застѣнчивый учитель, не бравшій ничего въ ротъ, кромѣ лѣкарственной настойки на буквицу и herba rabarbarum[2], невольно плелся за нимъ по шинкамъ и по всѣмъ закоулкамъ, куда разгульный кухмистеръ нашъ показывалъ только носъ свой. Ивану Осиповичу нравилось романическое положеніе его мѣстопребыванія. Скоро осмотрѣлъ онъ обступившіе въ неровный кружокъ просторный господскій дворъ — кухню, сараи, амбары, конюшни и кладовыя, съ особеннымъ удовольствіемъ остановился на густо-разросшемся садѣ, котораго гигантскіе обитатели, закутанные темнозелеными плащами, дремали, увѣнчанные чудесными сновидѣніями, или, вдругъ освободясь отъ грезъ, рѣзали вѣтвями, будто мельничными крыльями, мятежный воздухъ, и тогда по листамъ ходили непонятныя рѣчи, и мѣрныя величественныя движенія всего ихъ тѣла напоминали древнихъ лицедѣевъ, вызывавшихъ

на поприще Мельпомены великія тѣни усопшихъ. Но глаза нашего учителя искали своего предмета и лѣпились около не столь высокопарныхъ жильцовъ сада, за то увѣшанныхъ съ ногъ до головы грушами и яблоками, которыми кипитъ роскошная Украйна. Отсюда продирались они къ кухнѣ, за которою стлались плантаціи гороху, капусты, картофелю и вообще всѣхъ зелій, входящихъ въ микстуру деревенской кухни. Не безъ особеннаго удовольствія вошелъ онъ въ чистую, опрятно выбѣленную и прибранную комнату, опредѣленную для его помѣщенія, съ окошкомъ, глядѣвшимъ на прудъ и на лиловую, окутанную туманомъ окрестность.

Мы имѣли уже случай замѣтить нѣчто о вліяніи нашего учителя на мандрыковскихъ красавицъ: потупленные взгляды, перешептываніе, низкіе поклоны показывали, что овладѣніе имъ считала каждая изъ нихъ немаловажнымъ дѣломъ. Впрочемъ, не мѣшаетъ припомнить любезному читателю, что на Иванѣ Осиповичѣ былъ синій фабричнаго сукна сюртукъ съ черными, величиною съ большой грошъ, костяными пуговицами; и такъ ему очень было простительно перетолковать въ свою пользу перемигиванья чернобровыхъ проказницъ. Но, къ счастью или несчастью, чувство, такъ много извѣстное бѣдному человѣчеству, наносившее ему съ незапамятныхъ временъ море нестерпимыхъ мукъ, не касалось нашего педагога. Въ этомъ случаѣ Иванъ Осиповичъ былъ настоящій стоикъ и, не смотря на то, что не дошелъ еще до *философіи,* онъ твердо зналъ, что ни одинъ изъ философовъ, начиная отъ Сенеки, Сократа и до лектора ***ской семинаріи, не ставилъ ни во что причудливую половину человѣческаго рода; ergo, любви не существуетъ. Такія положенія, обратившіяся у него, наконецъ, въ правила, были тверды, слишкомъ тверды.... Homo proponit, Deus disponit, говаривалъ часто лекторъ ***ской семинаріи, отсчитывая удары линейкою лѣнивымъ своимъ слушателямъ; а потому и мы въ слѣдующей главѣ увидимъ небольшое обстоятельство, сильно поколебавшее философію учителя и надвинувшее облако недоразумѣнія на умъ его, доселѣ неуклонно шествовавшій стезею своихъ великихъ наставниковъ и бившій ровнымъ пульсомъ въ своей бутылкообразной сферѣ.

II.

УСПѢХЪ ПОСОЛЬСТВА.

(Кухмистеръ, не смотря на собственную сердечную рану, внезапно полученную имъ при видѣ мывшейся на берегу пруда Катерины, рѣшается исполнить данное имъ учителю обѣщаніе и быть посланникомъ и представителемъ его страсти. Съ такимъ намѣреніемъ отправляется онъ въ хату козака Харька Потылицы.)

Окончивъ туалетъ свой, Онисько не безъ боязни и тайнаго удовольствія переступилъ черезъ порогъ. Бѣсъ какъ будто нарочно дразнилъ его (самъ онъ послѣ признавался въ этомъ), поминутно рисуя передъ нимъ стройныя ножки сосѣдки. „Эхъ, если бы не учитель!“ повторялъ онъ нѣсколько разъ самъ себѣ: „ну, что бы задумать ему немного позже влюбиться?...“ И, въ задумчивости, тихими шагами онъ мѣрялъ широкій выгонъ, по которому бѣжала его дорога. Разноголосный лай прорѣзалъ облекавшую его тучу задумчивости, и мысли его, какъ дикія утки, переполошась, разлетѣлись во всѣ стороны. Поднявъ глаза, увидѣлъ онъ, что далѣе итти некуда. Передъ нимъ торчали ворота, сквозь которыя, какъ сквозь транспарантъ, свѣтилось все недвижимое имущество козака. Мелькнула синяя запаска, огненная лента... Сердце въ немъ вспрыгнуло... и бѣлокурая красавица, разгоняя хворостиной докучныхъ собакъ, встрѣтила его, отворяя ворота.

Дворъ Харька представлялъ собою большой, на покатости къ пруду, квадратъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ плетнемъ. Когда ворота были отперты, глаза ударялись прямо въ чисто выбѣленную хату съ большими, неровной величины окнами, съ почернѣвшею отъ старости дубовою дверью, съ низенькимъ изъ глины фундаментомъ *(присьбою)*, обремененнымъ, по обыкновенію малороссіянъ, бѣльемъ, мисками и какимъ-нибудь инвалидомъ-горшкомъ, которому, не смотря на раны и увѣчье, не даютъ отставки и, въ награду за ревностную службу, наливаютъ помоями. По сторонамъ избы стояли съ растрепанными крышами хлѣвы и амбары. Изъ-за хаты возвышалось гумно; изъ-за гумна еще выше подымалась голубятня, сверхъ которой уже ходили только одни облака и плавали голуби. Къ пруду, какъ

богатая турецкая шаль, развернулся огородъ козака. Кучи соломы разнесены были по всему двору.

Катерина показалась немного удивленною приходомъ Ониська. Полагая, что его, безъ всякаго сомнѣнія, завлекла нужда къ ея отцу, отворила въ половину только ворота и проговорила съ нѣкоторою застѣнчивостью: „*Батька* нѣтъ дома, да врядъ ли и къ вечеру будетъ!“

„*Нехай ему такъ легенько икнеться, якъ зъ тыну ввирветься!* Чтó бы я былъ за олухъ Царя небеснаго, когда бы сталъ убирать постную кашу, когда передъ самымъ[1] носомъ вареники въ сметанѣ?“

Бѣлокурая красавица остановилась въ недоумѣніи, не зная, какъ понимать слова его. Улыбка, вызванная наружу этою странностью, показалась на лицѣ ея и ожидала, казалось, изъясненія.

Кухмистеръ почувствовалъ самъ, что выразился не совсѣмъ ясно и притомъ помянулъ отца ея немного шероховатыми словами; онъ продолжалъ: „Нелегкая понесла бы меня къ *батькѣ*, когда есть такая хорошенькая дочка.“

„А, вотъ чтó!“ проговорила Катерина, усмѣхнувшись и покраснѣвъ. „Милости просимъ!“ и пошла впередъ его къ дверямъ хаты.

Дѣвушки въ Малороссіи имѣютъ гораздо болѣе свободы, нежели гдѣ-либо, и потому не должно показаться удивительнымъ, что красавица наша, безъ вѣдома отца, принимала у себя гостя. „Ты пѣшкомъ сюда пришелъ, Онисько?“ спросила она его, садясь на *присьбѣ* у дверей хаты и стараясь принять степенный видъ, хотя лукавая улыбка явно измѣняла ей и заставляла противъ воли показать рядъ красивыхъ зубовъ.

„Какъ пѣшкомъ? — Что за нелегкая! неужели она знаетъ про вчерашнее?“ подумалъ кухмистеръ. — „Безъ всякаго сомнѣнія, пѣшкомъ, моя красавица. Чортъ ли бы заставилъ меня запрягать нарочно панскаго *гнѣдаго,* чтобы только перетащиться изъ одного двора въ другой!“

„Однакожъ отъ кухни до *коморы* не такъ-то далеко“.

Тутъ, не удержавшись болѣе, она захохотала.

„Нѣтъ, плутовка! самъ лукавый не хитрѣе этой дѣвки!“ повторилъ самъ себѣ нѣсколько разъ кухмистеръ и громогласно послалъ учителя къ чорту, позабывъ и пріязнь, и дружбу ихъ.

„Однакожъ, моя красавица, я бы согласился, чтобъ у меня

пригорѣли на сковородѣ караси съ свѣжепросольными *опенками,* лишь бы только ты еще разъ этакъ засмѣялась".

Сказавъ это, кухмистеръ не утерпѣлъ, чтобъ не обнять ее.

„Вотъ этого-то я ужъ и не люблю!" вскрикнула, покраснѣвъ, Катерина и принявъ на себя сердитый видъ. „Ей Богу, Онисько, если ты въ другой разъ это сдѣлаешь, то я прямехонько пущу тебѣ въ голову вотъ этотъ горшокъ".

При семъ словѣ, сердитое личико немного прояснѣло и улыбка, мгновенно проскользнувшая по немъ, выговорила ясно: „я не въ состояніи буду этого сдѣлать".

„Полно же, полно! *не возомъ зацъпилъ тебя.* Есть изъ чего сердиться! какъ-будто, Богъ знаетъ, какая бѣда — обнять красную дѣвушку".

„Смотри, Онисько: я не сержусь", сказала она, садясь немного отъ него подалѣе и принявъ снова веселый видъ. „Да что̀ ты, послышалось мнѣ, упомянулъ про учителя?"

Тутъ лицо кухмистера сдѣлало самую жалкую мину и, по крайней мѣрѣ, на вершокъ вытянулось длиннѣе обыкновеннаго. „Учитель.... Иванъ Осиповичъ, то есть... Тьфу, дьявольщина! у меня, какъ будто послѣ запеканки, слова глотаются прежде, нежели успѣваютъ выскочить изо рта. Учитель... вотъ что̀ я тебѣ скажу, *сердце!* Иванъ Осиповичъ *вклепался** въ тебя такъ, что... ну, словомъ — разсказать нельзя. Кручинится да горюетъ, какъ покойная бурая, которую *пани* купила у жида, и которая околѣла послѣ *запала.* Что̀ дѣлать? сжалился надъ бѣднымъ человѣкомъ: пришелъ на удачу похлопотать за него".

„Хорошую же ты выбралъ себѣ должность!" прервала Катерина съ нѣкоторою досадой. „Развѣ ты ему сватъ, или *родичъ* какой? Я совѣтовала бы тебѣ еще набрать изо всего околотка бродягъ къ себѣ въ кухню, а самому отправиться по міру выпрашивать подъ окнами для нихъ милостины".

„Да это все такъ; однакожъ я знаю, что тебѣ любо, и слишкомъ любо, что вздумалось учителю приволокнуться..."

„Мнѣ любо? Слушай, Онисько: если ты говоришь съ тѣмъ, чтобы посмѣяться надо мною, то съ этого мало тебѣ прибудетъ. Стыдно тебѣ же, что ты обносишь бѣдную дѣвушку! Если же вправду такъ думаешь, то ты, вѣрно, уже наиглу-

* То есть, влюбился.

пѣйшій изо всего села. Слава Богу, я еще не ослѣпла; слава Богу, я еще при своемъ умѣ... Но ты не съ дуру это сказалъ: я знаю, тебя другое что-то заставило. Ты, вѣрно, думалъ... Нѣтъ, ты недобрый человѣкъ!“

Сказавъ это, она отерла шитымъ рукавомъ своей сорочки слезу, мгновенно блеснувшую и прокатившуюся по жарко зардѣвшейся щечкѣ, будто падающая звѣзда по теплому вечернему небу.

„Чортъ побери всѣхъ на свѣтѣ учителей!“ думалъ про себя Онисько, глядя на зардѣвшееся личико Катерины, на которомъ по прежнему показавшаяся улыбка долго спорила съ непріятнымъ чувствомъ и наконецъ разсѣяла его.

„Убей меня громъ на этомъ самомъ мѣстѣ!“ вскричалъ онъ, наконецъ, не могши преодолѣть внутренняго волненія и обхватывая одной рукою кругленькій станъ ея: „если я не такъ же радъ тому, что ты не любишь Ивана Осиповича, какъ старый *Бровко,* когда я вынесу ему помои.“

„Нашелъ, чему радоваться! поэтому ты станешь еще болѣе скалить зубы, когда услышишь, что почти всѣ дѣвушки нашего села говорятъ то же“.

„Нѣтъ, Катерина, этого не говори. Дѣвушки-то любятъ его. Намедни шли мы съ нимъ черезъ село, такъ то и дѣло, что выглядываютъ изъ-за плетня, словно лягушки изъ болота. Глянь направо — такъ и пропала, а съ лѣвой стороны выглядываетъ другая. Только дьяволъ побери ихъ вмѣстѣ съ учителемъ! Я бы отдалъ штофъ лучшей третьепробной водки, чтобъ узнать отъ тебя, Катерина, любишь ли ты меня хоть на копѣйку?“

„Не знаю, люблю ли я тебя; знаю только, что ни за что бы на свѣтѣ не вышла за пьяницу. Кому любо жить съ нимъ? Несчастная доля семьѣ той, гдѣ выберется такой человѣкъ; въ хату и не заглядывай: нищенство да голь; голодныя дѣти плачутъ.... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Пусть Богъ милуетъ! Дрожь обдаетъ меня при одной мысли объ этомъ...“

Тутъ прекрасная Катерина пристально взглянула на него. Какъ осужденный, съ поникнутою головою, погрузился кухмистеръ въ свое протекшее. Тяжелыя думы, порожденія тайнаго угрызенія сердечнаго, вырѣзывались на лицѣ его и показывали ясно, что на душѣ у него не слишкомъ было ра-

достно. Пронзительный взоръ Катерины, казалось, прожигалъ его внутренность и подымалъ наружу всѣ разгульные поступки, проходившіе передъ нимъ длинною, почти безконечною цѣпью.

„Въ самомъ дѣлѣ, на чтó я похожъ? кому угодно житье мое? только что досаждаю *паніи*. Что я сдѣлалъ до сихъ поръ такого, за чтò бы сказалъ мнѣ спасибо добрый человѣкъ? Все гулялъ, да гулялъ! Да гулялъ ли когда-нибудь такъ, чтобы и на душѣ, и на сердцѣ было весело? Напьешься, какъ собака, да и протрезвишься тоже, какъ собака, если не протрезвятъ тебя еще хуже. Нѣтъ! прахъ возьми.... собачья моя жизнь!“

Прелестная Катерина, казалось, угадывала его философскія разсужденія съ самимъ собою, и потому, положивъ на плечо ему смугленькую руку свою, прошептала въ полголоса: „Не правда ли, Онисько, ты не станешь болѣе пить?“

„Не стану, мое *серденько!* не стану: пусть ему всякая всячина! Все для тебя готовъ сдѣлать“.

Дѣвушка посмотрѣла на него умильно, и восхищенный кухмистеръ бросился обнимать ее, осыпая градомъ поцѣлуевъ, какими давно не оглашался мирный и спокойный огородъ Харька.

Едва только влюбленные поцѣлуи успѣли раздаться, какъ звонкій и пронзительный голосъ страшнѣе грома поразилъ слухъ разнѣжившихся. Поднявъ глаза, кухмистеръ съ ужасомъ увидѣлъ стоявшую на плетнѣ Симониху.

„Славно! славно! Ай, да ребята! У насъ по селу еще и не знаютъ, какъ парни цѣлуются съ дѣвками, когда батька нѣтъ дома! Славно! Ай, да мандрыковская овечка! Говорите же теперь, что лжетъ поговорка: въ тихомъ омутѣ черти водятся. Такъ вотъ чтò дѣется! такъ вотъ какія шашни!....“

Со слезами на глазахъ, принуждена была красавица уйти въ хату, зная, что ничѣмъ инымъ нельзя было избавиться отъ ядовитыхъ рѣчей содержательницы шинка.

„Типунъ бы тебѣ подъ языкъ, старая вѣдьма!“ проговорилъ кухмистеръ: „тебѣ какое дѣло?“

„Мнѣ какое дѣло?“ продолжала неутомимая шинкарка: „вотъ прекрасно! Парни изволятъ лазить черезъ плетни въ чужіе огороды, дѣвки подманиваютъ къ себѣ молодцовъ, — и мнѣ нѣтъ дѣла! Изволятъ *женихаться,* цѣлуются, — и мнѣ нѣтъ дѣла! Ты слышалъ ли, Карпо?“ вскричала она, быстро оборотясь къ мимо проходившему мужику, который, не обращая

ни на что вниманія, шелъ, помахивая батогомъ, впереди также медленно выступавшей коровы: „слышалъ ли ты? постой, на минуточку. Тутъ такая исторія. Харькова дочка...“

„Тьфу, дьяволъ!“ вскричалъ кухмистеръ, плюнувъ въ сторону и потерявъ послѣднее терпѣніе. „Самъ сатана переря-дился въ эту бабу. Постой, Яга! развѣ не найду уже, чѣмъ отплатить тебѣ.“

Тутъ кухмистеръ нашъ занесъ ногу на плетень и въ одно мгновеніе очутился въ панскомъ саду.

Было уже нерано, когда онъ пришелъ на кухню и принялся стряпать ужинъ. Евдоха, однакожъ, не могла не замѣтить во всемъ необыкновенной его разсѣянности. Часто задумчивый кухмистеръ подливалъ уксусу въ сметанную кашу или съ важнымъ видомъ надвигалъ свою шапку на вертелъ и хотѣлъ жарить ее вмѣсто курицы. За ужиномъ, Анна Ивановна никакъ не могла понять, отчего каша была кисла до невѣроятности, а соусъ такъ пересоленъ, что не было никакой возможности взять въ ротъ. Единственно только изъ уваженія къ понесеннымъ имъ въ тотъ день трудамъ оставили его въ покоѣ: въ другое время это не прошло бы даромъ нашему герою.

„Нѣтъ, господинъ учитель!“ твердилъ онъ, ложась на свою деревянную лавку и подмащивая подъ голову свою куртку: „не видать вамъ Катерины, какъ ушей своихъ!“ И, завернувъ голову, какъ доморощенный гусь, погрузился въ мечты, а съ ними и въ сонъ.

ЖЕНЩИНА.

„Адское порожденіе! Зевсъ Олимпіецъ! О! ты неумолимъ въ своей ярости! Ты захотѣлъ наслать бичъ на міръ, ты извлекъ весь ядъ, незамѣтно разлитый въ нѣдрахъ прекрасной земли твоей, сжалъ его въ одну каплю, гнѣвно бросилъ ее свѣтодарною десницей и отравилъ ею чудесное твореніе свое: ты создалъ женщину! Тебѣ завидно стало бѣдное счастіе наше; тебѣ не желалось, чтобы человѣкъ источалъ вѣчное благословеніе изъ нѣдръ благодарнаго сердца; пусть лучше проклятіе сверкаетъ на преступныхъ устахъ его.... Ты создалъ женщину!"

Такъ говорилъ, представъ передъ Платона, Телеклесъ, юный ученикъ его. Глаза его кидали пламя; по щекамъ бушевалъ пожаръ, и дрожащія губы пересказывали мятежную бурю растерзанной души. Рука его съ негодованіемъ откидывала пурпуровыя волны богатой одежды, и разстегнутая пряжка небрежно висѣла на дѣвственной груди юноши.

„Чтò, мой божественный учитель? не ты ли представлялъ намъ ее въ богоподобномъ, небесномъ облаченіи? Не твои ли благоуханныя уста лили дивныя рѣчи про нѣжную красоту ея? Не ты ли училъ насъ такъ пламенно, такъ невещественно любить ее? Нѣтъ, учитель! твоя божественная мудрость еще младенецъ въ познаніи безконечной бездны коварнаго сердца. Нѣтъ, нѣтъ! и тѣнь свирѣпаго опыта не обхватывала свѣтлыхъ мыслей твоихъ: ты не знаешь женщины."

Огненныя слезы брызнули изъ глазъ его; окутавъ голову хитономъ и закрывъ лицо руками, прислонился онъ къ мраморной колоннѣ, на которой роскошно покоилось богатое коринѳское оглавіе, осыпанное искрами лучей. Глубокій, тяжелый вздохъ вырвался изъ груди юноши, какъ будто всѣ тайныя нервы души, всѣ чувства и все, чтò находится внутри чело-

вѣка, издало у него скорбные звуки, и звуки эти прошли потрясеніемъ по всему составу, и созерцаемая чувствами природа, въ безсиліи разсказать безсмертныя, вѣчныя муки души, переродилась въ одинъ болѣзненный стонъ.

Между тѣмъ вдохновенный мудрецъ въ безмолвіи разсматривалъ его, выражая на лицѣ своемъ думы, еще напечатлѣнныя прежнимъ высокимъ размышленіемъ. Такъ остатки дивнаго сновидѣнія долго еще не разстаются и мѣшаются съ началами идей, покамѣстъ человѣкъ совершенно не входитъ въ міръ дѣйствительности. Свѣтъ сыпался роскошнымъ водопадомъ чрезъ смѣлое отверстіе въ куполѣ на мудреца и обливалъ его сіяніемъ; казалось, въ каждой вдохновенной чертѣ лица его свѣтилась мысль и высокія чувства.

„Умѣешь ли ты любить, Телеклесъ?“ спросилъ онъ спокойнымъ голосомъ.

„Умѣю ли любить я!“ быстро подхватилъ юноша: „спроси у Зевса, умѣетъ ли онъ маніемъ бровей колебать землю. Спроси у Фидія, умѣетъ ли онъ мраморъ зажечь чувствомъ и воплотить жизнь въ мертвой глыбѣ. Когда въ жилахъ моихъ кипитъ не кровь, но острое пламя, когда всѣ чувства, всѣ мысли, я весь перерождаюсь въ звуки, когда звуки эти горятъ и душа звучитъ одною любовью, когда рѣчи мои — буря, дыханіе — огонь.... Нѣтъ, нѣтъ! я не умѣю любить! Скажи же мнѣ, гдѣ тотъ дивный смертный, кто обладаетъ этимъ чувствомъ? Ужъ не открыла ли премудрая Пиѳія это чудо между людьми?“

„Бѣдный юноша! Вотъ что̀ люди называютъ любовью! Вотъ какая участь готовится для этого кроткаго существа, въ которомъ боги захотѣли отразить красоту, подарить міру благо и въ немъ показать свое присутствіе на землѣ! Бѣдный юноша! Ты бы сжегъ своимъ раскаленнымъ дыханіемъ это кроткое существо, ты бы возмутилъ бурею страстей это чистое сіяніе! Знаю, ты хочешь говорить мнѣ объ измѣнѣ Алкинои. Твои глаза были сами свидѣтелями... но были ли они свидѣтелями твоихъ собственныхъ мятежныхъ движеній, совершавшихся въ то время во глубинѣ души твоей? Высмотрѣлъ ли ты напередъ себя? Не весь ли бунтъ страстей кипѣлъ въ глазахъ твоихъ? а когда страсти узнавали истину? Чего хотятъ люди? они жаждутъ вѣчнаго блаженства, безконечнаго счастія, и до-

вольно одной минутной горечи, чтобы заставить ихъ дѣтски разрушить все медленно строившееся зданіе! Пусть глазами твоими смотрѣла сама истина, пусть это правда, что прекрасная Алкиноя очернила себя коварною измѣной. Но вопроси свою душу: чтò былъ ты, чтò была она въ то время, когда ты и жизнь, и счастіе, и море восторговъ находилъ въ алкиноиныхъ объятіяхъ? Переверни огненные листы своей жизни и найдешь ли ты хотя одну страницу краснорѣчивѣе, божественнѣе той? Захотѣлъ ли бы ты взять всѣ драгоцѣнные камни царей персидскихъ, все золото Ливіи за тѣ небесныя игновенія? И чтò противъ нихъ и первая почесть въ Аѳинахъ, и верховная власть въ народѣ! И существо, которое, какъ Промеѳей, все, чтò ни исхитило прекраснаго отъ боговъ, принесло въ даръ тебѣ, водворило небо со свѣтлыми его небожителями въ твою душу,—ты поражаешь преступнымъ проклятіемъ, когда вся твоя жизнь должна переродиться въ благодарность, когда ты долженъ весь вылиться слезами, и умиленіемъ, и кроткимъ гимномъ жизнедавцу Зевесу, да продлитъ прекрасную жизнь ея, да отвѣетъ облако печали отъ свѣтлаго чела ея.

„Устреми на себя испытующее око: чѣмъ былъ ты прежде и чѣмъ сталъ нынѣ, съ тѣхъ поръ, какъ прочиталъ вѣчность въ божественныхъ чертахъ Алкинои; сколько новыхъ тайнъ, сколько новыхъ откровеній постигъ и разгадалъ ты своею безконечною душою и во сколько придвинулся ближе къ верховному благу! Мы зрѣемъ и совершенствуемся; но когда? когда глубже и совершеннѣе постигаемъ женщину. Посмотри на роскошныхъ персовъ: они переродили своихъ женщинъ въ рабынь, и чтò же? имъ недоступно чувство изящнаго — безконечное море духовныхъ наслажденій. У нихъ не выбьется изъ сердца искра при видѣ богини Праксителевой; восторженная душа ихъ не заговоритъ съ безсмертною душою мрамора и не найдетъ отвѣтныхъ звуковъ. Чтò женщина? — Языкъ боговъ! Мы дивимся кроткому, свѣтлому челу мужа; но не подобіе боговъ созерцаемъ въ немъ: мы видимъ въ немъ женщину, мы дивимся въ немъ женщинѣ и въ ней только уже дивимся богамъ. Она поэзія! она мысль, а мы только воплощеніе ея въ дѣйствительности. На насъ горятъ ея впечатлѣнія, и чѣмъ сильнѣе и чѣмъ въ большемъ объемѣ они отразились,

тѣмъ выше и прекраснѣе мы становимся. Пока картина еще въ головѣ художника и безплотно округляется и создается — она женщина; когда она переходитъ въ вещество и облекается въ осязаемость — она мужчина. Отчего же художникъ съ такимъ несытымъ желаніемъ стремится превратить безсмертную идею свою въ грубое вещество, покоривъ его обыкновеннымъ нашимъ чувствамъ? Оттого, что имъ управляетъ одно высокое чувство — выразить божество въ самомъ веществѣ, сдѣлать доступною людямъ хотя часть безконечнаго міра души своей, воплотить въ мужчинѣ женщину. И если ненарокомъ ударятъ въ нее очи жарко понимающаго искусство юноши, что̀ они ловятъ въ безсмертной картинѣ художника? видятъ ли они вещество въ ней? Нѣтъ! оно изчезаетъ, и передъ ними открывается безграничная, безконечная, безплотная идея художника. Какими живыми пѣснями заговорятъ тогда духовныя его струны! какъ ярко отзовутся въ немъ, какъ будто на призывъ родины, и безвозвратно умчавшееся, и неотразимо грядущее! какъ безплотно обнимется душа его съ божественною душою художника! Какъ сольются онѣ въ невыразимомъ духовномъ поцѣлуѣ!..... Что̀ бъ были высокія добродѣтели мужа, когда бы онѣ не осѣнялись, не преображались нѣжными, кроткими добродѣтелями женщины? Твердость, мужество, гордое презрѣніе къ пороку перешли бы въ звѣрство. Отними лучи у міра — и погибнетъ яркое разнообразіе цвѣтовъ: небо и земля сольются въ мракъ, еще мрачнѣйшій береговъ Аида. Что̀ такое любовь? — Отчизна души, прекрасное стремленіе человѣка къ минувшему, гдѣ совершалось безпорочное начало его жизни, гдѣ на всемъ остался невыразимый, неизгладимый слѣдъ невиннаго младенчества, гдѣ все родина. И когда душа потонетъ въ ѳѳирномъ лонѣ души женщины, когда отыщетъ въ ней своего отца — вѣчнаго Бога, своихъ братьевъ — дотолѣ невыразимыя землею чувства и явленія — что̀ тогда съ нею? Тогда она повторяетъ въ себѣ прежніе звуки, прежнюю райскую въ груди Бога жизнь, развивая ее до безконечности.....“

Вдохновенные взоры мудреца остановились неподвижно: передъ ними стояла Алкиноя, незамѣтно вошедшая въ продолженіе ихъ бесѣды. Опершись на истуканъ, она вся, казалось, превратилась въ безмолвное вниманіе, и на прекрасномъ челѣ ея прорывались гордыя движенія богоподобной души. Мра-

морная рука, сквозь которую свѣтились голубыя жилы, полныя небесной амврозіи, свободно удерживалась въ воздухѣ; стройная, перевитая алыми лентами поножія нога, въ обнаженномъ, ослѣпительномъ блескѣ, сбросивъ ревнивую обувь, выступила впередъ и, казалось, не трогала презрѣнной земли; высокая, божественная грудь колебалась встревоженными вздохами и полуприкрывавшая два прозрачныя облака персей одежда трепетала и падала роскошными, живописными линеями[1] на помостъ. Казалось, тонкій, свѣтлый эѳиръ, въ которомъ купаются небожители, по которому стремится розовое и голубое пламя, разливаясь и переливаясь въ безчисленныхъ лучахъ, коимъ и имени нѣтъ на землѣ, въ коихъ дрожитъ благовонное море неизъяснимой музыки, — казалось, этотъ эѳиръ облекся въ видимость и стоялъ передъ ними, освятивъ и обоготворивъ прекрасную форму человѣка. Небрежно откинутые назадъ, темные, какъ вдохновенная ночь, локоны надвигались на лилейное чело ея и лилися сумрачнымъ каскадомъ на блистательныя плеча. Молнія очей исторгала всю душу... — Нѣтъ! никогда сама Царица любви не была такъ прекрасна, даже въ то мгновенье, когда такъ чудно возродилась изъ пѣны дѣвственныхъ волнъ!...

Въ изумленіи, въ благоговѣніи повергнулся юноша къ ногамъ гордой красавицы, и жаркая слеза склонившейся надъ нимъ полубогини канула на его пылающія щеки.

———88———

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Поэма Пушкина.

(Посвящается Петру Александровичу Плетневу.)

Книжный магазинъ блестѣлъ въ бельэтажѣ ***ой улицы; лампы отбивали теплый свѣтъ на высоко-взгроможденныя стѣны изъ книгъ, живо и рѣзко озаряя заглавія голубыхъ, красныхъ, въ золотомъ обрѣзѣ, и запыленныхъ, и погребенныхъ, означенныхъ силою и безсиліемъ, человѣческихъ твореній. Толпа густилась и росла. Громъ мостовой и экипажей съ улицы отзывался дребезжаніемъ въ цѣльныхъ окнахъ и, казалось, лампы, книги, люди, — все окидывалось легкимъ трепетомъ, удвоявшимъ пестроту картины. Сидѣльцы суетились. „Славная вещь! Отличная вещь!“ отдавалось со всѣхъ сторонъ. „Чтò, батюшка, читали *Бориса Годунова?* Нѣтъ? Ну, ничего же вы не читали хорошаго“, бормотала кофейная шинель запыхавшейся квадратной фигурѣ. — „Каковъ Пушкинъ?“ сказалъ, быстро поворотившись, новоиспеченный гусарскій корнетъ своему сосѣду, нетерпѣливо разрѣзывавшему послѣдніе листы. — „Да, есть мѣста удивительныя!“ — „Ну, вотъ наконецъ дождались и Годунова!“ — „Какъ, *Борисъ Годуновъ* вышелъ? Скажите, что это такое „Борисъ Годуновъ?“ Какъ вамъ кажется новое сочиненіе?“ — „Единственно! Единственно! Еще бы нѣкоторой картины.... О, Пушкинъ далеко шагнулъ!“ — „Мастерство-то[1] главное, мастерство; посмотрите, посмотрите, какъ онъ искусно того...“ трещалъ толстенькій кубикъ съ веселыми глазками, поворачивая передъ глазами своими руку съ пригнутыми немного пальцами, какъ будто бы въ ней[2] лежало спѣлое прозрачное яблоко. „Да, съ большимъ, съ большимъ достоинствомъ!“ твердилъ сухощавый знатокъ, отправляя ра-

зомъ полъ-унціи табаку въ свое римское табакохранилище: „конечно, есть мѣста, которыхъ строгая критика.... Ну, знаете... еще молодость.... Впрочемъ, произведеніе едва ли не первоклассное!“—„Насчетъ этого позвольте-съ доложить, что за прочность“, присовокупилъ съ довольнымъ видомъ книгопродавецъ: „ручается успѣшная-съ выручка денегъ...“—„А самое-то[1] сочиненіе дѣйствительно ли чувствительно[2] написано?“ съ смиреннымъ видомъ заикнулся вошедшій сенатскій рябчикъ. „И, конечно, чувствительно!“ подхватилъ книгопродавецъ, кинувъ убійственный взглядъ[3] на его истертую шинель: „есть ли бы не чувствительно, то не разобрали бы 400 экземпляровъ въ два часа!“ Между тѣмъ лица безпрестанно мѣнялись, выходя съ довольною миною и книжкою въ рукахъ. Въ это самое время Элладій подошелъ къ другу своему Полліору, разсѣянно глядѣвшему на жадную толпу покупателей. „Не правда ли, милый Полліоръ! не правда ли, что ни съ чѣмъ не можешь сравнить этого тихаго восторга, напояющаго душу при видѣ, какъ пламенно любимое нами великое твореніе неумолкно звучитъ и отдается сочувствіемъ во всѣхъ сердцахъ, и люди, кажется, отбѣжавшіе навѣки отъ собственнаго, скрытаго въ самихъ себѣ, непостижимаго для нихъ міра души, насильно возвращаются въ ея предѣлы?“ Молчаливо и безмолвно пожалъ Полліоръ ему руку. Они вышли. Но ни томительный, какъ сліяніе радости и грусти, свѣтъ луны, такъ дивно вызывающій изъ глубины души серебрянный сонмъ видѣній, когда ночное небо безплотно обнимется вдохновеніемъ и земля полна непонятной любви къ нему, ни тѣ живыя чувства, пробуждающіяся у насъ мгновенно, когда чудный городъ гремитъ и блещетъ, мосты дрожатъ, толпы людей и тѣней мелькаютъ по улицамъ и по палевымъ стѣнамъ домовъ-гигантовъ, которыхъ окна, какъ безчисленныя огненныя очи, кидаютъ пламенныя дороги на снѣжную мостовую, такъ странно сливающіяся съ серебряннымъ свѣтомъ мѣсяца,—ничто не въ состояніи было его вывесть изъ какой-то торжественной задумчивости: какая-то священная грусть, тихое негодованіе сохранялось въ чертахъ его[4], какъ будто бы онъ заслышалъ въ душѣ своей пророчество о вѣчности, какъ будто бы душа его терпѣла муки[5], невыразимыя, непостижимыя для земнаго... „Что же ты до сихъ поръ“, спросилъ его Элладій, когда они вошли въ его уединенную

комнату, одиноко озаряемую трепетною лампой: „не повергъ отъ себя дани нашему великому творенію? не принесъ посильнаго выраженія — истолкователя чувствъ въ чашу общаго мнѣнія?“

„Ты понимаешь меня, Элладій, къ чему же ты предлагаешь мнѣ этотъ несвязный вопросъ? Чтò мнѣ принесть? Кому нужда, кто пожелаетъ знать мои тайныя движенія? Часто, слушая, какъ всенародно судятъ и толкуютъ о поэтѣ, когда пренія ихъ воздымаютъ бурю и запѣнившіяся уста горланятъ на торжищахъ[1], — думаю во глубинѣ души своей: не святотатство ли это? Не то же ли, если бы кто вздумалъ стремительно ворваться въ площадь, гдѣ чернь кипитъ и суетится, исполняя обычныя свои требы, и возсылать, упавши на колѣни, жаркія молитвы къ небу? И чтò бы сказалъ я?—„Прекрасно! безподобно, единственно!“ Но выразятъ ли эти слова хотя одну струю безграничнаго океана чувствъ? Безсильныя! Они отъ частаго повторенія людьми потеряли даже бѣдное собственное значеніе. Но еще безсмысленнѣе, еще смѣшнѣе мнѣ кажутся люди, которые дарятъ поэтовъ, будто чинами, жалкими эпитетами, называютъ ихъ первоклассными, какъ будто поэты, какъ растенія или безжизненные минералы, требуютъ системы, чтобы удержаться въ головѣ! Великій! когда развертываю дивное твореніе твое, когда вѣчный стихъ твой гремитъ и стремитъ ко мнѣ молнію огненныхъ звуковъ, священный холодъ разливается по жиламъ и душа дрожитъ въ ужасѣ, вызвавши Бога изъ своего безпредѣльнаго лона.... что тогда? Если бы небо, лучи, море, огни, пожирающіе внутренность земли нашей, безконечный воздухъ, объемлющій[2] міры, ангелы, пылающія планеты превратились въ слова и буквы — и тогда бы я не выразилъ ими и десятой доли дивныхъ явленій, совершающихся[3] въ то время въ лонѣ *невидимаго меня*. И чтò онѣ всѣ противъ души человѣка? противъ воплощенія[4] Бога? Въ какіе звуки, въ какіе свѣтлые звуки превращается она, разрѣшаясь отъ всего, носящаго образъ выразимаго и конечнаго, сильнымъ порывомъ вонзаясь въ безъòбразную грудь его! Какъ горитъ, какъ сохнетъ бренный страдальческій составъ! Какъ дрожитъ, какъ стонетъ безсильное земное, пока все не сольется въ духовное море, пока потопъ благодарныхъ слезъ не хлынетъ дождемъ въ[5] размученную грудь, не про-

леть примиренія между двумя враждующими природами человѣка. — Какъ суетны люди, требующіе отчета впечатлѣній, произведенныхъ великимъ созданіемъ поэта, зная напередъ, что онъ не будетъ отвѣтомъ на безразсудное желаніе ихъ! Когда изъ безобразнаго земнаго черепа извлекаютъ результатъ — ослѣпительный[1] камень, когда изъ струнъ исторгаютъ звуки — какой же они результатъ хотятъ извлечь изъ звуковъ? Можетъ быть, и исполнится это желаніе, только когда? — Когда человѣкъ исчезнетъ и душа на ветхихъ[2] его развалинахъ воздвижется въ величественномъ[3], необъятномъ зданіи".

„Итакъ, по твоему", спросилъ его послѣ мгновеннаго молчанія Элладій: „люди не должны дѣлиться между собою впечатлѣніями и сообщать, какъ откровенія, хотя неполные отчеты чувствъ, можетъ быть, убѣдившіе бы другихъ въ духовной изящности созданія?"

„Нѣтъ, Элладій, нѣтъ! Кто здѣсь требуетъ убѣжденія, тому будутъ безплодны всѣ твои попытки возмутить[4] его душу. Разогни передъ нимъ великое твореніе. Читайте вмѣстѣ и, если дивныя его буквы не ударятъ разомъ въ тайныя струны сердецъ вашихъ, обративъ въ непостижимый трепетъ всѣ нервы, не брызнутъ отвѣтными слезами (на глаза)[5] и души ваши почувствуютъ разъединеніе — закрой книгу и не трать пустыхъ словъ. Но, если встрѣтишь ты пламенно понимающее тебя чувство — прекрасную половину прекрасной души твоей — потребуете ли вы другъ отъ друга отчета? Къ чему бы послужилъ онъ вамъ, когда вы такъ чудно сливаетесь въ одно? И какая презрѣнная радость сравнится съ тѣмъ мгновеніемъ, когда твореніе разомъ читается въ васъ? Какъ понимаете вы его? „Боже!" часто говорю себѣ[6]: „какое высокое, какое дивное наслажденіе даруешь ты человѣку, поселя въ одну душу отвѣтъ на жаркій вопросъ другой! Какъ эти души быстро отыскиваютъ другъ друга, не смотря ни на какія раздѣляющія ихъ бездны"[7].

Будто прикованный, уничтоживъ окружающее, не слыша, не внимая, не помня ничего, пожираю я твои страницы, дивный поэтъ! И когда передо мною медленно передвигается минувшее и серебрянныя[8] тѣни, въ трепетаніи и чудномъ блескѣ, тянутся безконечнымъ рядомъ изъ могилъ въ грозномъ и тихомъ величіи, когда вся отжившая жизнь отзывается во мнѣ

и страсти переживаются[1] съизнова въ душѣ моей, — чего бы не далъ тогда, чтобы только прочесть въ другомъ повтореніе всего себя?... Какими бы, казалось, драгоцѣнностями не искупилъ этого блага? „Возьмите, возьмите отъ меня все“, воскликнулъ бы тогда съ подъятыми руками къ небесамъ: „и ниспошлите мнѣ это понимающее меня существо! Всемогущій! зачѣмъ далъ ты мнѣ неполную душу? или пополни ее[2], или возьми къ себѣ и остальную половину“.

О, какъ великъ сей царственный страдалецъ! Столько блага, столько пользы, столько счастія міру[3] — и никто не понималъ его... Надъ головой его гремитъ опредѣленіе... Минувшая жизнь, будто на печальный звонъ колокола, вся совокупляется вокругъ него! Умершее живетъ!... И дивныя картины твои блещутъ и раздаются все необъятнѣе, все необъятнѣе, все необъятнѣе..... И въ груди моей снова муки!... Отвѣтныя струны души гремятъ... Звонъ серебряннаго[4] неба съ его свѣтлыми[5] херувимами стремится по жиламъ.... О, дайте же, дайте мнѣ еще, еще этихъ мукъ, и я выльюсь ими весь въ лоно Творца, не оставя презрѣнному тѣлу ни одной ихъ божественной капли...

Великій! надъ симъ вѣчнымъ твореніемъ твоимъ клянусь!... — Еще я чистъ, еще ни одно презрѣнное чувство корысти, раболѣпства и мелкаго самолюбія не заронялось въ мою душу. — Если мертвящій холодъ бездушнаго свѣта исхититъ святотатственно изъ души моей хотя часть ея достоянія; если кремень обхватитъ тихо горящее сердце; если презрѣнная, ничтожная лѣнь окуетъ меня; если дивныя мгновенія души понесу на торжище народныхъ хвалъ; если опозорю въ себѣ тобой исторгнутые звуки.... О! тогда пусть обольется оно немолчнымъ ядомъ, вопьется милліонами жалъ въ невидимаго меня, неугасимымъ пламенемъ упрековъ обовьетъ душу и раздастся по мнѣ тѣмъ пронзительнымъ воплемъ, отъ котораго бы изныли всѣ суставы и сама бы безсмертная душа застонала, возвратившись безотвѣтнымъ эхомъ въ свою пустыню...[6] Но нѣтъ! оно[7] какъ Творецъ, какъ благость! Ему ли пламенѣть казнью? Оно[8] обниметъ снова моремъ свѣтлыхъ лучей и звуковъ душу и слезою примиренія задрожитъ на отуманенныхъ глазахъ обратившагося преступника!....

НѢСКОЛЬКО ГЛАВЪ

изъ

НЕОКОНЧЕННОЙ ПОВѢСТИ.

ГЛАВА I.

Былъ апрѣль 1645 года, время, когда природа въ Малороссіи похожа на первый день своего творенія; самая нѣжная зелень убирала очнувшіяся деревья и степи. Этотъ день былъ передъ самымъ Воскресеньемъ Христовымъ. Онъ уже прошелъ, потому что молодая ночь давно уже обнимала землю, а чистый дѣвственный воздухъ, разносившій дыханіе весны, вѣялъ сильнѣе. Сквозь жидкую сѣть вишневыхъ листьевъ мелькали въ огнѣ окна деревянной церкви села Комишны. Старая, истерзанная временемъ, покрытая мохомъ церковь будто обновилась; вокругъ ея, какъ рои пчелъ, толпились козаки изъ ближнихъ и дальнихъ хуторовъ, изъ которыхъ едва десятая часть помѣстилась въ церкви. Было душно; но что-то говорило свѣтлымъ торжествомъ. Авторъ проситъ читателей вообразить себѣ эту картину XVII-го столѣтія. Мужественныя, худощавыя, съ рѣзкими чертами, лица и бритыя головы, опустившіеся внизъ усы, падавшіе на грудь, широкія плечи, атлетическая сила, при каждомъ почти заткнутый за поясъ пистолетъ и сабля показывали уже, въ какую эпоху собрались козаки. Странно было глядѣть на это море головъ, почти не волновавшееся. Благоговѣйное чувство обнимало зрителя. Все здѣсь собравшееся было характеръ и воля; но и то и другое было тихо и безмолвно. Свѣтъ паникадила, отбрасываясь на всѣхъ, придавалъ еще сильнѣе выраженіе лицамъ. Это была картина великаго художника, вся полная движенія, жизни, дѣйствія и между тѣмъ неподвижная. Почти незамѣтно прибавилось одно новое лицо къ молящимся. Оно возвышалось надъ другими

почти цѣлою головою; какой-то крѣпкій, смѣлый окладъ, какая-то легкая безпечность выказывалась на немъ. Оно было спокойно и вмѣстѣ такъ живо, что, взглянувши, ожидалъ бы непремѣнно услышать отъ него слово, чтобы увидѣть его измѣнившимся, какъ будто бы оно непремѣнно должно было все заговорить конвульсіями. Но между тѣмъ, какъ всѣ мало помалу начали обращаться на него, вся масса двинулась изъ храма, для торжественнаго хода вокругъ церкви, и замѣчательная физіономія смѣшалась съ другими, выходя по церковной лѣстницѣ[1]. У самаго крыльца стояли нѣсколько жидовъ, содержавшіе, по волѣ польскаго правительства, откупъ, и спорили между собою, намѣчая мѣломъ пасхи, приносимыя для освященія христіанами. Нужно было видѣть, какъ на лицѣ каждаго выходившаго дрогнули скулы. Это постановленіе правительства было уже давно объявлено; народъ съ ропотомъ, но покорился силѣ. Оппозиціонисты были испровержены. Къ этому, кажется, всѣ уже привыкли, зная, что это такъ[2]; но, не смотря на это, при видѣ этого постановленія, приводимаго въ исполненіе, онъ такъ изумился, какъ будто бы это была новость. Такъ преступникъ, знающій о своемъ осужденіи на смерть, еще движется, еще думаетъ о своихъ дѣлахъ; но прочитанный приговоръ разомъ разрушаетъ въ немъ жизнь. Послѣ перемѣны въ лицѣ, рука каждаго невольно опустилась къ кинжалу или къ пистолетамъ. Но ходъ окончился; всѣ спокойно вошли въ церковь, при пѣніи: „*Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!*“ Между тѣмъ совершенно наступило утро. Выстрѣлы изъ пистолетовъ и мушкетовъ потрясали деревянныя стѣны церкви. На всѣхъ лицахъ просіяла радость: у однихъ при мысли о пасхѣ, у дѣвушекъ при цѣлованьи съ козаками, [у тѣхъ][3] при попойкѣ, какъ вдругъ страшный шумъ извнѣ заставилъ многихъ выйти. Передъ разрушившеюся церковью собрались въ кучу, изъ которой раздавались брань и крикъ жидовъ. Три жида отбирали у дряхлаго, посѣдѣвшаго, какъ лунь, козака пасху, яйца и барана, утверждая, что онъ не вносилъ за нихъ денегъ. За старика вступилось двое, стоявшихъ около него; къ нимъ пристали еще, и, наконецъ, цѣлая толпа готовилась задавить жидовъ, если бы тотъ же самый широкоплечій, высокаго росту, чья физіономія такъ поразила находившихся въ церкви, не оста-

новилъ однимъ своимъ мощнымъ взглядомъ. „Чего вы, хлопцы, сдуру бѣснуетесь? У васъ, видно, нѣтъ ни на волосъ божьяго страха. Люди стоятъ въ церкви и молятся, а вы тутъ, чортъ знаетъ, что̀ дѣлаете. Гайда по мѣстамъ!“ Послушно всѣ, какъ овцы, разбрелись по своимъ мѣстамъ, разсуждая: что̀ это за чудо такое, откудова оно взялось и съ какой стати ввязывается онъ, куда его не просятъ, и отчего онъ хочетъ, чтобы слушались. Но это каждый только думалъ, а не сказалъ вслухъ. Взглядъ и голосъ незнакомца какъ будто имѣли волшебство: такъ были повелительны. Одинъ жидъ стоялъ только, не отходя, и какъ скоро оправился отъ перваго страха незванною помощью, началъ было снова приступать, какъ тотъ же самый и схватилъ[1] его могучею рукою за воротъ такъ, что бѣдный потомокъ Израилевъ съежился и присѣлъ на колѣни. „Ты чего хочешь, свиное ухо? Такъ тебѣ еще мало, что душа осталась въ галанцахъ? Ступай же, тебѣ говорю, поганая жидовина, пока не оборвалъ тебѣ пейсики“. Послѣ того толкнулъ онъ его, и жидъ разстлался[2] на землѣ, какъ лягушка. Приподнявшись же немного, пустился бѣжать; спустя нѣсколько времени, возвратился съ начальникомъ польскихъ уланъ. Это былъ довольно рослый полякъ, съ глуподерзкою физіономіею, которая всегда почти отличаетъ полицейскихъ служителей. — „Что̀ это? Какъ это?... Гунство, теремтете? Зачѣмъ драка, холопство проклятое? Лысый бѣсъ въ кашу съ смальцемъ! Развѣ? Что̀ вы? Что̀ тутъ драка? Порвалъ бы васъ собака!...“ Блюститель порядка не зналъ бы, куда обратиться и на кого излить потокъ своихъ наставленій, приправляемыхъ бранью, если бы жидъ не подвелъ его къ старику козаку, котораго волосы, вздуваемые вѣтромъ, какъ снѣжный иней серебрились. „Что ты, глупый холопъ, вздумалъ? Что ты драку началъ, драку? Пасе мазепято, гунство! Знаешь ты, что̀ жидъ? Гунство проклятое!... Знаешь, что борода поповская не сто̀итъ подошвы?... Чортъ бы тебя схватилъ въ банѣ за пупъ!... У него еломецъ краше, чѣмъ ваша *холопска вяра*...“ Тутъ онъ схватилъ за волосы старца и выдернулъ клокъ серебряныхъ волосъ его...

Глухое стенаніе испустилъ старый козакъ.

„Бей еще! Самъ я виноватъ, что дожилъ до такихъ лѣтъ, что и счетъ уже имъ потерялъ. Сто лѣтъ, а можетъ и больше,

тому назадъ, меня драли за чубъ, когда я былъ хлопцемъ у батька. Теперь опять бьютъ. Видно, снова воротились лѣта мои... Только нѣтъ, не то, не въ силахъ теперь и руки поднять. Бей же меня!..." При сихъ словахъ стодвадцатилѣтній старецъ наклонилъ свою бѣлую голову на руки, сложенныя крестомъ на палкѣ, и, подпершись ею, долго стоялъ въ живописномъ положеніи. Въ словахъ старца было невѣроятно трогательное. Замѣтно было, что многіе хватились рукою за сабли и пистолеты, но видъ столькихъ усатыхъ улановъ на лошадяхъ и нѣсколько словъ, сказанныхъ незнакомцемъ, заставили всѣхъ принять положеніе молельщиковъ и креститься.

„Что ты врешь, глупый мужикъ, теремтете! Что[бы] я на тебѣ руки поганилъ, гунство проклятое! Лысый бѣсъ рогатый тебѣ въ кашу! Гершко! возьми отъ него пасху! Пусть его однимъ овсянымъ сухаремъ разговѣется! Вишь, гунство проклятое!" говорилъ блюститель правосудія, подвигаясь къ ряду дѣвичьему и ущипнувъ одну изъ нихъ за руку. „Что за драка? Охъ, славная дѣвка! Вишь, драку!... Ай да Параска! Ай да Пидорка! Вишь, глупый мужикъ... порвалъ бы его собака!... Ай, ай, ай! Сколько тутъ жиру!..." Блюститель порядка, вѣрно, себѣ позволилъ нескромность, потому что одна изъ дѣвушекъ вскрикнула во все горло. Въ это время пасхи были освящены, и обѣдня кончилась, и многіе уже стали расходиться. Нѣсколько только народу обступило козака, такъ заинтересовавшаго толпу, который между тѣмъ подходилъ къ исправлявшему званіе алгіазила.

„Славный у тебя усъ, панъ!" проговорилъ онъ, подступивъ къ нему близко.

„Хорошій! У тебя, холопа, не будетъ такого", произнесъ онъ, расправляя его рукою.

„Славный! Только не туда ты, панъ, крутишь его. Вотъ куда нужно крутить!" Мощный козакъ дернулъ сильною рукою такъ, что половина уса осталась у него.

Старый волокита закряхтѣлъ и заревѣлъ отъ боли. Лицо его сдѣлалось цвѣта вареной свеклы. „Рубите его, рубите, лайдака!" кричалъ онъ, но почувствовалъ себя въ рукахъ высокаго козака, и, увидя насмѣшливыя лица всѣхъ, сталъ искать глазами своихъ воиновъ. Малеванный шутъ струсилъ...

„Какъ же тебѣ, панъ, не совѣстно бить такого старика! А если бы твоего стараго отца кто-нибудь сталъ безчестить такъ поносно при всѣхъ, какъ ты обезчестилъ старѣйшаго изъ всѣхъ насъ, — что̀ тогда? Весело тебѣ было бы терпѣть это? Ступай, панъ! Если бы ты не у короля въ службѣ былъ, я бы тебя не выпустилъ живаго".

Выпущенный плѣнникъ побѣжалъ, отряхиваясь. За нимъ слѣдомъ повалилъ народъ. Между тѣмъ козакъ.......[1], отвязавши коня, привязаннаго къ церковной оградѣ, готовился сѣсть, какъ былъ остановленъ средняго роста воиномъ, посѣдѣвшимъ человѣкомъ, который долго не отводилъ отъ него вниманія и заглядывалъ ему въ глаза съ такимъ любопытствомъ, какъ иногда собака, когда видитъ ядущаго хлѣбъ. „Добродію! вѣдь я васъ знаю." — „Можетъ быть, и правда." — „Ей Богу, знаю. Не скажу: таки точно знаю. Ей Богу, знаю! Чи вы Остраница, чи вы Омельченко?" — „Можетъ, и онъ". — „Ну, такъ! Я стою въ церкви и говорю: вотъ то, что̀ стоитъ возлѣ его, то Остраница. Ей, ей, Остраница. Да можетъ быть, и нѣтъ. Можетъ быть, и не Остраница. Нѣтъ, Остраница. Ей, тебѣ такъ показалось! Ну, какъ нѣтъ? Остраница да и Остраница. Какъ только послушалъ голосъ, ну тогда и рукою махнулъ. Вотъ такъ точнехонько покойный батюшка — пусть ему легко икнется на томъ свѣтѣ! — также разумно, бывало, каждое слово отмѣтитъ".

Остраница внимательно началъ въ него всматриваться и нашелъ, точно, что-то знакомое. Небольшое продолговатое лицо его было уже прорыто морщинами. Носъ, загнувшись внизъ, придавалъ ему нѣсколько горбатое сложеніе и неподвижность членамъ; но за то узенькіе сѣрые глаза продирались довольно увертливо сквозь чащу насунувшихся бровей, которыя, вѣрно, придали бы лицу суровый видъ, если бы нижняя часть лица, что-то простодушное и веселое въ губахъ, не давали ему противнаго выраженія. Подъ кобенякомъ, надѣтымъ въ рукава, виденъ былъ овчинный кожухъ, хотя воздухъ былъ довольно тепелъ и день былъ жарокъ.

„Я вѣрю и не вѣрю, что вижу опять васъ. А что̀, добродію, — не во гнѣвъ будь сказано, — прошу извинить, только хотѣлъ бы узнать, что̀ сдѣлалось съ тѣми, которые пошли съ вами? Что̀ Дигтяй, Кузубія? Воротились ли они съ вами,

или тамъ остались, или воронъ, можетъ, гдѣ-нибудь доѣдаетъ козацки косточки?"

„Дигтяй твой сидитъ на колу у турецкаго султана, а Кузубія гуляетъ съ рыбами на днѣ Сиваша и тянетъ гнилую воду вмѣсто горѣлки... Но... ну, послѣ объ этомъ поговоримъ. Я тебя тоже узналъ. Здравствуй, старый Пудько! Христосъ воскресе!..."

„Воистину воскресе!" говорилъ цѣлуясь Пудько. „Какъ на то, и крашанки нѣтъ! Жинка давала, побоялся взять: народу такое множество... передавилъ бы на кисель. Такъ, добродію, какъ-будто сердце знало..."

„Ты, ты попрежнему торгуешь всякою дрянью?"

„А что жъ дѣлать? Нужно торговать. Еще слава Богу, что продалъ табакъ. Прошлаго году отецъ съ полвоза накупилъ кремней, дроби, пороху, сѣры, ну и всего, что до мизеріи относится. Напросился на дорогѣ жидокъ одинъ. „Свези, человиче, на Хыякивску ярмарку,—дамъ три рубля". Свезъ его какъ добраго, и надулъ проклятый жидокъ, ей Богу, надулъ! Хоть бы чвертку горѣлки далъ, гаспидъ лысый. Знаете, что у меня чуть было ляхи не отняли всего скота? Кобылу взяли подъ верхъ вербуна. Теперь у меня только и конины, что гнѣдко", примолвилъ онъ, садясь на гнѣдаго коня и видя, что Остраница поворотилъ коня ѣхать. „Эхъ, добродію! Если бы теперь кто сказалъ: „А ну, старый, гайда на войну бить ляховъ!" — все бы продалъ, и жинку, и дѣтей бы покинулъ, пошелъ бы въ компанейство". При этомъ Пудько выпрямился и поскакалъ за Остраницею, который пришпорилъ сильнѣе коня своего. „Скажите, добродію, пане сотнику", говорилъ онъ, поровнявшись съ нимъ: „можетъ, вы теперь уже и не сотникъ, въ другой ротѣ какой значитесь? Скажите, до какой это поры дожили, что уже и храмы Божіи взяло на откупъ жидовство? Какъ же это, добродію, не обидно? Каково было снесть всякому христіанину, что горѣлка находится у враговъ христіанства? А теперь и храмы Божіи! Тутъ, добродію, нужно намъ взять вправо, ибо мимо валу нѣтъ уже проѣзду. Да, и забылъ, что онъ при васъ былъ подкопанъ. Говорятъ, какъ свѣчка полетѣлъ подъ самое небо. Боже ты мой! сколько народу перемерло! Такъ и Дигтяй, вы говорите, теперь сидитъ на колу? И Кузубія потонулъ? А какой важный, какой

сильный народъ былъ! Сколько, подумаешь, пропадаетъ козачества! Вы слышите, какъ постукиваютъ хлопцы изъ мушкетовъ, что земля дрожитъ? Мы сейчасъ будемъ ѣхать мимо площади, гдѣ веселится народъ. Если вы въ хуторъ свой ѣдете, добродію, то и я съ вами. Лучше тамъ разговѣюсь святою пасхою, чѣмъ дома съ бабами. Пусть жинка и дочка остаются сами. Вѣрно, добродію, чтò произошло межъ народомъ, потому что всѣ столпились въ кучу и бросили всякое гулянье".

Въ самомъ дѣлѣ, на открывшейся въ это время изъ-за хатъ площади народъ сроссся въ одну кучу. Качели, стрѣльба и игры были оставлены. Остраница, взглянувши, тотчасъ увидѣлъ причину: ва шестѣ былъ повѣшенъ, вверхъ ногами, жидъ, тотъ самый, котораго онъ освободилъ изъ рукъ разгнѣваннаго народа. На ту же самую висѣлицу тащили храбреца съ оборваннымъ усомъ. Остраница ужаснулся, увидѣвъ это. „Нужно поспѣшить", говорилъ онъ, пришпоривъ коня. „Народъ не знаетъ самъ, чтò дѣлаетъ. Дурни! Это на ихъ же головы рушится". — „Стойте, козаки, рыцарство и посполитый народъ! Развѣ этакъ по-козацки дѣлается?" произнесъ онъ, возвыся голосъ.

„Что смотрѣть его!" послышался говоръ между молодежью. „Въ другой разъ хочетъ у насъ вытащить изъ рукъ".

„Послушайте, у кого есть свой разумъ".

„Онъ правду говоритъ," говорило нѣсколько умѣренныхъ.

„Молоды вы еще; я вамъ разскажу, какъ дѣлаютъ по-козацки. Когда одинъ да выйдетъ противъ трехъ, то бравый козакъ; противъ десяти — еще лучше; одинъ противъ одного — не штука; когда жъ три на одного нападутъ, то всѣ не козаки. Бабы они тогда, то, что... плюнуть хочется; для святаго праздника не скажу срамнаго слова. Какъ же хотите теперь, братцы, напасть гурьбою на беззащитнаго, какъ будто на какую крѣпость страшную? Спрашиваю васъ, братцы", продолжалъ Остраница, замѣтивъ вниманіе: „какъ назвать тѣхъ?..."

„А чѣмъ назвать его?" заговорили многіе вполголоса. „Чтò жъ есть хуже бабы, или того, чтò онъ постыдился сказать? мы не знаемъ".

"Э, не къ тому рѣчь, паноче, своротилъ", произнесло

въ голосъ нѣсколько парубковъ. „Что жъ? Развѣ мы должны позволить, чтобъ всякая падаль топтала насъ ногами?“

„Глупы вы еще: не великъ, видно, усъ у васъ“, продолжалъ Остраница. При этомъ многіе ухватились за усы и стали покручивать ихъ, какъ бы въ опроверженіе сказаннаго имъ. „Слушайте, я разскажу вамъ одну присказку. Одинъ школяръ учился у одного дьяка. Тому школяру не далось слово божье. Вѣрно, онъ былъ придурковатъ, а можетъ быть и лѣнь тому мѣшала. Дьякъ его поколотилъ дубинкою разъ, а послѣ въ другой, а тамъ и въ третій. „Крѣпко бьется проклятая дубина“, сказалъ школяръ, принесъ сѣкиру и изрубилъ ее въ куски. „Постой же ты!“ сказалъ дьякъ, да и вырубилъ дубину, толщиною въ оглоблю, и такъ погладилъ ему бока, что и теперь еще болятъ. Кто жъ тутъ виноватъ: дубина развѣ?“

„Нѣтъ, нѣтъ“, кричала толпа: „тутъ виноватъ, виноватъ король!...“ . . . .

Радуясь, что наконецъ удалось успокоить народъ и спасти шляхтича, Остраница выѣхалъ изъ мѣстечка и пришпорилъ коня сильнѣе, и услышалъ, что его нагоняетъ Пудько. Какъ-то тягостно ему было видѣть возлѣ себя другаго. Множество скопившихся чувствъ нудило его къ раздумью. Свѣжій, тихій весенній воздухъ и притомъ нѣжно одѣвающіяся деревья какъ-то расположили въ такое состояніе, когда всякій товарищъ бываетъ скученъ въ глазахъ вѣчно упоительной природы. И потому Остраница выдумалъ предлогъ отослать впередъ Пудька въ хуторъ и ожидать его тамъ, а самъ, сказавъ, что ему еще нужно заѣхать къ одному пану, поворотилъ съ дороги.

Этимъ распоряженіемъ Пудько, кажется, не былъ недоволенъ, или, можетъ, только принялъ на себя такой видъ, потому что чрезъ это ни мало не измѣнялъ любимой привычкѣ своей говорить. Вся разница, что, вмѣсто Остраницы, онъ все это пересказывалъ своему гнѣдку... „О, это разумная голова! Ты еще не знаешь его, гнѣдко! Онъ тогда еще, когда было поднялось все наше рыцарство на ляховъ, онъ славную имъ далъ перепойку. Дали бъ и они ему перцу, когда бы не улизнулъ на Запорожье. А правда? не важно жидъ болтается на висѣлицѣ? А пана напрасно было затянули веревкою за шею. Правда, у него недостаетъ одной клепки въ головѣ;

ну, да что̀ жъ дѣлать? Онъ отъ короля поставленъ. Можетъ, ты еще спросишь, за что жъ жида повѣсили? вѣдь и онъ отъ короля поставленъ? Гм!... вѣдь ты дуракъ, гнѣдко! Онъ за то врагъ христовъ, нашего Бога святаго". Тутъ онъ ударилъ хлыстомъ своего скромнаго слушателя: убаюкиваемый его росказнями, развѣсилъ уши и началъ ступать уже шагомъ. „Оно не такъ далеко и хуторъ, а все лучше раньше поспѣть. Уже давно пора, хочется разговѣться святою пасхою. Говори, молъ: мнѣ не пасхи, мнѣ овса подавай. Потерпи немножко: у пана славный овесъ, и пшеницы дамъ въ волю, и сивухою попотчиваютъ. Я давно хотѣлъ у тебя спросить, гнѣдко, что лучше для тебя, пшеница или овесъ? Молчишь? Ну, и будешь же вѣкъ молчать, потому что Богъ повелѣлъ только человѣку, да еще одной маленькой пташкѣ..."

При этомъ онъ опять хлеснулъ гнѣдка, замѣтивъ, что онъ заслушался и сталъ выступать попрежнему... Но, вмѣсто того, чтобы слушать разсужденія нашихъ путешественниковъ на сѣдлѣ и подъ сѣдломъ, обратимся къ Остраницѣ, давно скакавшему по проселочной дорогѣ.

ГЛАВА II.

Какъ только рыцарь потерялъ изъ виду своего сотоварища, тотчасъ остановилъ рысь коня своего и поѣхалъ шагомъ. Солнце показывало полдень. День былъ ясный, какъ душа младенца. Изрѣдка два, или три небольшихъ облака, повиснувъ, еще болѣе увеличивали собою яркость небесной лазури. Лучи солнечные были осязательно-живительны; вѣтру не было, но щеки чувствовали какое-то тонкое вліяніе свѣжести. Птицы чиликали и перепархивали по недавно разрытымъ нивамъ, на которыхъ стройно, какъ будто лѣсъ житныхъ иголъ, восходилъ молодой посѣвъ. Дорога входила въ рытвины и была съ обѣихъ сторонъ сжата крутыми глинистыми стѣнами. Безъ сомнѣнія, очень давно была прорыта эта дорога въ горѣ, потому что по обѣимъ сторонамъ обрыва поросла орѣшникомъ, на самой же горѣ подымались по обѣимъ сторонамъ высокіе, какъ стрѣла, осокори. Иногда перемеживала ихъ лоза, вся въ отпрыскахъ, иногда дубъ толстый, которому сто лѣтъ, и весь убран-

ный павиликой, плющомъ, величаво расширялъ свою [верхушку] надъ ними и казался еще выше отъ обросшаго кустами подмостка. Мѣстами дикая яблоня протягивалась искривленными своими кудрявыми вѣтвями на противоположную сторону и образовала надъ головою сводъ, и сыпала на голову путешественника серебророзовые цвѣты свои, между тѣмъ какъ изъ деревъ часто выглядывалъ обрывъ, весь въ цвѣтахъ и самыхъ нѣжныхъ первенцахъ весны. Уже дорога становилась шире, и наконецъ открылась равнина раздольная, ограниченная, какъ рамами, синеватыми вдали горами и лѣсами, сквозь которыя искрами серебра блестѣла прерванная нить рѣки и подъ нею стлались хутора. Здѣсь путешественникъ нашъ остановился, всталъ съ коня и, какъ будто въ усталости или въ желанiи собраться съ мыслями, сталъ поваживать по лбу. Долго стоялъ онъ въ такомъ положенiи, наконецъ, какъ бы рѣшившись на чтò, сѣлъ на коня и, уже не останавливаясь болѣе, поѣхалъ въ ту сторону, гдѣ на косогорѣ синѣли сады и, по мѣрѣ приближенiя, становились бѣлѣе разбросанныя хаты. Посреди хутора, надъ прудомъ, находилась, вся закрытая вишневыми и сливными деревьями, свѣтлица. Очеретяная ея крыша, мѣстами поросшая зеленью, на которой ярко отливалась желтая свѣжая заплата, съ бѣлою трубою, покрытою китайскою черною крышею, была очень хороша. Въ ту минуту солнце стало кидать лучи уже вечернiе, и тогда нѣжный серебророзовый колеръ цвѣтущихъ деревъ становился пурпурнымъ. Путешественникъ слѣзъ съ коня и, держа его за поводъ, пошелъ пѣшкомъ черезъ плотину, стараясь итти, какъ можно, тише. Полощущiяся утки покрывали прудъ; черезъ плотину дѣвочка лѣтъ семи гнала гусей.

„Дома панъ?“ спросилъ путешественникъ.

„Дома,“ отвѣчала дѣвочка, разинувъ ротъ и ставъ совершенно въ машинальное положенiе.

„А пани?“

„И пани дома“.

„А панночка?“ Это слово произнесъ путешественникъ какъ-то тише и съ какимъ-то страхомъ.

„И панночка дома“.

„Умная дѣвочка! Я дамъ тебѣ пряникъ. А какъ сдѣлаешь то, чтò я скажу, дамъ и другой, еще и злотый“.

„Дай!“ говорила простодушно дѣвочка, протягивая руку.

„Дамъ, только пойди напередъ къ панночкѣ и скажи, чтобъ она на минуту вышла; скажи, что одна баба старая дожидается ея. Слышишь? Ну, скажешь ли ты такъ?“

„Скажу“.

„Какъ же ты скажешь ей?“

„Не знаю“.

Рыцарь засмѣялся и повторилъ ей снова тѣ самыя слова; и, наконецъ, увѣрившись, что она совершенно поняла, отпустилъ ее впередъ, а самъ, въ ожиданіи, сѣлъ подъ вербою.

Не прошло нѣсколько минутъ, какъ мелькнула между деревьевъ бѣлая сорочка, и дѣвушка лѣтъ осьмнадцати стала спускаться къ греблѣ. Шелковая плахта и кашемировая запаска туго обхватывали станъ ея, такъ что формы ея были какъ будто отлиты. Стройная роскошь совершенно нѣжныхъ [членовъ] не была скрыта. Широкіе рукава, шитые краснымъ шелкомъ и всѣ въ мережкахъ, спускались съ плеча, и обнаженное плечо, слегка зарумянившееся, выказывалось мило, какъ спѣющее яблоко, тогда какъ на груди подъ сорочкою упруго трепетали молодыя перси. Сходя на плотину, она подняла дотолѣ опущенную голову, и черныя очи и брови мелькнули какъ молнія. Это не была совершенно правильная голова, правильное лицо, совершенно приближавшееся къ греческому: ничего въ ней не было законно, прекрасно-правильно[1]; ни одна черта лица, ничто не соотвѣтствовало съ положенными правилами красоты. Но въ этомъ своенравномъ, нѣсколько смугловатомъ лицѣ что-то было такое, чтò вдругъ поражало. Всякій взглядъ ея полонилъ сердце, душа занималась, и дыханіе отрывисто становилось.

„Откудова ты, человѣкъ добрый?“ спросила она, увидѣвъ козака.

„А изъ Запорожья, панночка; зашелъ сюда, по просьбѣ одного пана, коли милости вашей извѣстно, — Остраницы“.

Дѣвушка вспыхнула. „А ты видѣлъ его?“

„Видѣлъ. Слушай...“

„Нѣтъ, говори по правдѣ! Еще разъ: видѣлъ?“

„Видѣлъ“.

„Забожись!“

„Ей Богу!“

„Ну, теперь я вѣрю“, повторила она, немного успокоившись. „Гдѣ жъ ты его видѣлъ? Что онъ не позабылъ меня?“

„Тебя позабыть, моя Ганночко, мое серденько, дорогой ты кристаллъ мой, голубочко моя! Развѣ хочется мнѣ быть растоптану татарскимъ конемъ?...“ Тутъ онъ схватилъ ее за руки и посадилъ подлѣ себя. Удивленіе дѣвушки такъ было велико, что она краснѣла и блѣднѣла, не произнося ни одного слова.

„Какъ ты сюда прилетѣлъ?“ говорила она шопотомъ. „Тебя поймаютъ. Еще никто не позабылъ про тебя. Ляхи еще не вышли изъ Украины“.

„Не бойся, моя голубочка: я не одинъ, не поймаютъ. Со мною соберется кой-кто изъ нашихъ. Слушай, Галю: любишь ли ты меня?“

„Люблю“, отвѣчала она и склонила къ нему на грудь разгорѣвшееся лицо.

„Когда любишь, слушай же, что̀ я скажу тебѣ: убѣжимъ отсюда! Мы поѣдемъ въ Польшу къ королю. Онъ, вѣрно, дастъ мнѣ землю. Не то, поѣдемъ хоть въ Галицію, или хоть къ султану; и онъ дастъ мнѣ землю. Мы съ тобою не разлучимся тогда и заживемъ такъ же хорошо, еще лучше, чѣмъ тутъ на хуторахъ нашихъ. Золота у меня много, ходить есть въ чемъ, — суконъ, епанечекъ, чего захочешь только“.

„Нѣтъ, нѣтъ, козакъ“, говорила она, кивая головою съ грустнымъ выраженіемъ въ лицѣ: „не пойду съ тобою. Пусть у тебя и золото, и сукна, и едамашки. Хотя я тебя больше люблю, чѣмъ всѣ сокровища, но не пойду. Какъ я оставлю престарѣлую бѣдную мать мою? Кто приглядитъ за нею? „Глядите, люди“, скажетъ она: „какъ бросила меня родная дочка моя!“ Слезы покатились по ея щекамъ.

„Мы не надолго ее оставимъ“, говорилъ Остраница: „только годъ одинъ пробудемъ на Перекопѣ или на Запорожьи, а тогда я выхлопочу грамоту отъ короля и шляхетства, и мы воротимся снова сюда. Тогда не скажетъ ничего и отецъ твой“.

Галя качала головою все съ тою же грустью и слезами на глазахъ.

„Тогда мы оба станемъ присматривать за матерью. И у меня тоже есть старая мать, гораздо старѣе твоей. Но я не сижу съ ней вмѣстѣ. Придетъ время, женюсь, тогда и не то будетъ со мною“.

„Нѣтъ, полно. Ты не то, ты — козакъ; тебѣ подавай коня, сбрую да степь, и больше ни о чемъ тебѣ не думать. Если бъ я была козакомъ, и я бы закурила люльку, сѣла на коня— и все мнѣ“ (при этомъ она махнула граціозно рукой) „трынъ-трава! Но что̀ будешь дѣлать? я козачка. У Бога не вымолишь, чтобъ перемѣнилъ долю... Еще бы я кинула, можетъ быть, когда бы она была на рукахъ у добрыхъ людей, хоть даже одна; но ты знаешь, каковъ отецъ мой. Онъ прибьетъ ее; жизнь ея, бѣдненькой моей матери, будетъ горше полыни. Она и то говоритъ: „Видно, скоро поставятъ надо мною крестъ, потому что мнѣ все снится“ то, что она замужъ выходитъ, то, что рядятъ ее въ богатое платье, но все съ черными пятнами“.

„Можетъ быть, тебѣ оттого такъ жаль своей матери, что ты не любишь меня“, говорилъ Остраница, поворотивъ голову на сторону.

„Я не люблю тебя? Гляди: я, какъ хмелинонька около дуба, вьюсь къ тебѣ“, говорила она, обвивая его руками. „Я безъ тебя не живу“.

„Можетъ быть, вмѣсто меня, какой-нибудь другой съ шпорами, съ золотою кистью?.. что̀ добраго! можетъ быть и ляхъ?“

„Тарасъ, Тарасъ! пощади, номилуй! Мало я плакала по тебѣ? Зачѣмъ ты укоряешь меня такъ?“ сказала она, почти упавъ на колѣнахъ и въ слезахъ.

„О, вашъ родъ таковъ“, продолжалъ все такъ же Остраница. „Вы, когда захотите, подымете такой вой, какъ десять волчицъ, и слезъ, когда захотите, напускаете въ волю, хоть ведра подставляй, а какъ на дѣлѣ...“

„Ну, чего жъ тебѣ хочется? Скажи, что̀ тебѣ нужно, чтобъ я сдѣлала?“

„Ѣдешь со мною или нѣтъ?“

„Ѣду, ѣду!“

„Ну, вставай, полно плакать; встань моя голубочка, Галочка!“ говорилъ онъ, принимая ее на руки и осыпая поцѣлуями. „Ты теперь моя! Теперь я знаю, что тебя никто не отниметъ. Не плачь, моя... За это согласенъ я, чтобъ ты осталась съ матерью до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ наше горе. Что дѣлаетъ отецъ твой? Отецъ твой?“

„Онъ спалъ въ саду подъ грушею. Теперь, я слышу,

ведутъ ему коня. Вѣрно, онъ проснулся. Прощай! Совѣтую тебѣ ѣхать скорѣе и лучше не попадаться ему теперь: онъ на тебя сердитъ". При этомъ Ганна вскочила и побѣжала въ свѣтлицу...

Остраница медленно садился на коня и, выѣхавши, оборачивался нѣсколько разъ назадъ, какъ [бы] желая вспомнить, не позабылъ ли онъ чего, и уже поздно, почти около полуночи, достигнулъ онъ своего хутора.

ГЛАВА III [1].

Небо звѣздилось, но одѣяніе ночи было такъ темно, что рыцарь едва могъ только примѣтить хаты, почти подъѣхавъ къ самому хутору. Въ другое время путешественникъ нашъ вѣрно бы досадовалъ на темноту, мѣшавшую взглянуть на знакомыя хаты, сады, огороды, нивы, съ которыми срослось его дѣтство. Но теперь столько его занимали происшествія дня, что онъ не обращалъ вниманія, не чувствовалъ, почти не замѣтилъ, какъ заливавшіяся со всѣхъ сторонъ собаки прыгали передъ лошадью его такъ высоко, что, казалось, хотѣли ее укусить за морду. Такъ человѣкъ, котораго будятъ, открываетъ на мгновеніе глаза и тотчасъ ихъ смежаетъ: онъ еще не разлучился со сномъ, лѣнивою рукою берется онъ за халатъ, но это движеніе для того только, чтобы обмануть разбудившаго его, будто онъ хочетъ вставать; а между тѣмъ онъ еще весь въ бреду и во снѣ, щеки его горятъ, можно читать цѣлый водопадъ сновидѣній, и утро дышетъ свѣжестью, и лучи солнца еще такъ живы и прохладны, какъ горный ключъ. Конь самъ собою ускорилъ шагъ, угадавъ родимое стойло, и только однѣ привѣтливыя вѣтви вишенъ, которыя перекидывались черезъ плетень, стѣснявшій узкую улицу, хлестая его по лицу, заставляли его иногда браться рукою. Но это движеніе было машинально. Тогда только, когда конь остановился подъ воротами, онъ очнулся. Низенькія, рѣшетчатыя ворота отворились [2]. Кто такой... [3]? Наконецъ, ворота отворились. Остраница въѣхалъ въ дворъ, но, къ изумленію своему, чуть не наѣхалъ на трехъ улановъ, спящихъ въ мундирахъ.

Это выгнало всѣ мечты изъ головы его. Онъ терялся въ догадкахъ, откудова взялись польскіе уланы. Неужели успѣли уже узнать о его пріѣздѣ? И кто бы могъ открыть это? Если бы, точно, узнали, то какъ можно въ такомъ скоромъ времени совершить эту экспедицію? и гдѣ же дѣлись его запорожцы, которые должны были еще утромъ поспѣть въ его хуторъ? Все это повергло его въ такое недоумѣніе, что не зналъ, на чтò рѣшиться: ѣхать ли опрометью назадъ, или остаться и узнать причину такой странности? Онъ былъ тронутъ тѣмъ самимъ, который отперъ ему ворота. Первымъ движеніемъ его было схватиться за саблю, но, увидѣвши, что это запорожецъ, онъ опустилъ руку.

„Но пойдемте, добродію, въ свѣтлицу: здѣсь не въ обычаѣ говорить, и слишкомъ многолюдно", отвѣчалъ послѣдній.

Въ сѣняхъ вышла старая ключница, бывшая нянькою нашего героя, съ каганцемъ въ рукахъ. Осмотрѣвши съ головы до ногъ, она начала ворчать: „Чего васъ чортъ носитъ сюда? Все только пугаютъ меня. Я думала, что нашъ панъ пріѣхалъ. Что вамъ нужно? Еще мало горѣлки выпили!"

„Дурна баба! разсмотри хорошенько: вѣдь это панъ вашъ".

Горпина снова начала осматривать съ ногъ до головы, наконецъ вскрикнула: „Да это ты, мой голубчикъ! Да это жъ ты, моя матусенька! Да это жъ ты, мой соколъ! Какъ ты перемѣнился весь! какъ же ты загорѣлъ! какъ же ты обросъ! Да у тебя, я думаю, и головка не мыта, и сорочки никто не далъ перемѣнить". Тутъ Горпина рыдала навзрыдъ и подняла такой вой, что лай собакъ, который было началъ стихать, удвоился.

„Сумасшедшая баба!" говорилъ запорожецъ отступивши и плюнувши ей прямо въ глаза. „Чего сдуру ты заревѣла? Народъ весь разбудишь".

„Довольно, Горпина", прервалъ Остраница. „Вотъ тебѣ, гляди на меня! Ну, насмотрѣлась?"

„Насмотрѣлась, моя матинько родная! Какъ не наглядѣться! Еще когда ты маленькимъ былъ, носила я на рукахъ тебя, и какъ выросталъ, все не спускала глазъ, Боже мой! А теперь вотъ опять вижу тебя! Охо, хо!" и старуха принялась рыдать.

„Слушай, Горпино!" сказалъ Остраница, примѣтивъ, что

ключница для праздника наградила себя порядочной кружкой водки. „Лучше ты принеси закусить чего-нибудь и напередъ подай святой пасхи, потому что я, грѣшный, цѣлый день сегодня не ѣлъ ничего и даже не попробовалъ пасхи".

„Да ты жъ вотъ ото и пасхи не отвѣдывалъ, бѣдная моя головонька! Несчастная горемыка я на этомъ свѣтѣ! Охо, хо!" Тутъ потоки слезъ[1], разрѣшившись, хлынули цѣлымъ водопадомъ, и, подперши щеку рукою, снова была готова завыть, если бъ не увидѣла надъ собою замахнувшейся руки запорожца.

„Добродію! позволь кіемъ угомонить проклятую бабу! Что это за соромный народъ! Пришла жъ охота Господу Богу породить эдакое племя! Или ему недосугъ тогда былъ, или Богъ его знаетъ, что ему тогда было..."

Остраница вошелъ между тѣмъ въ свѣтлицу и, снявши съ себя кобенякъ, бросился на коверъ. Дорога, голодъ и встрѣчи привели его въ такую усталость, что онъ растянулся на немъ въ совершенной безчувственности, не обращая ни на что глазъ своихъ, а потому наше дѣло представить описаніе свѣтлицы, замѣчательной тѣмъ, что постройка ея принадлежала еще дѣду[2]. Это была просторная, болѣе продолговатая, комната и вмѣстѣ съ тѣмъ низенькая, какъ обыкновенно строилось въ тотъ вѣкъ. Ничто въ ней не говорило о прочности, какъ будто, кажется, строитель былъ твердо увѣренъ, что ея существованіе должно быть эфемерно; но, однакожъ, поправками, придѣлками ветхое строеніе простояло около 50 лѣтъ. Стѣны были очень тонки, вымазаны глиною и выбѣлены снаружи и внутри такъ ярко, что глаза едва могли выносить этотъ блескъ. Весь полъ въ комнатѣ былъ тоже вымазанъ глиною, но такъ былъ чисто выметенъ, что на немъ можно было лечь, не опасаясь запылить платья. Въ углу комнаты, у дверей, находилась огромная печь и занимала почти четверть комнаты; сторона ея, обращенная къ окнамъ, была покрыта бѣлыми изразцами, на которыхъ синею краскою были нарисованы подобія человѣческимъ лицамъ, съ желтыми глазами и губами; другая сторона состояла изъ зеленыхъ гладкихъ изразцовъ. Окна были невелики, круглы; матовыя стекла, пропуская свѣтъ, не давали видѣть ничего происходящаго на дворѣ. На стѣнѣ висѣлъ портретъ дѣда Остраницы, воевавшаго съ знаменитымъ Баторіемъ. Онъ былъ изображенъ

почти во весь ростъ, въ кольчугѣ, съ парою [пистолетовъ], заткнутою за поясъ; нижняя часть ногъ до колѣнъ не была только видна. Потемнѣвшія краски едва позволяли видѣть суровое, мужественное лицо, которому жалость и все мягкое, казалось, было совершенно неизвѣстно. Надъ дверьми висѣла тоже небольшая картина, масляными красками, изображающая беззаботнаго запорожца съ боченкомъ водки, съ надписью: *„Козакъ душа правдивая, сорочки не мае“*, которую и донынѣ можно иногда встрѣтить въ Малороссіи. Противъ дверей — нѣсколько иконъ, убранныхъ калиною и зелеными цвѣтами, а подъ ними на длинной деревянной доскѣ нарисованы сцены изъ Священнаго Писанія: тутъ былъ Авраамъ, прицѣливающійся изъ пистолета въ Исаака; Святой Даміянъ, сидящій на колу, и другія подобныя. Подалѣе висѣло нѣсколько турецкихъ саблей, ружье и разной величины пистолеты; неподвижный подъ образами столъ, накрытый чистою скатертью, шитою по краямъ краснымъ шелкомъ и потемнѣвшимъ серебромъ; два страннаго вида складныхъ стула. Въ этомъ состояло убранство комнаты... Остраница между тѣмъ теперь только замѣтилъ, что столъ былъ уставленъ деревянными блюдами съ яйцами, масломъ и бараниною. Первымъ его дѣломъ было приблизиться къ столу и утолить голодъ, который теперь началъ сильнѣе докучать ему.

Въ это время вошла старая ключница съ пасхой, съ сметаной, сыромъ... „Вотъ тебѣ, паночиньку мой, и розговѣны! Вотъ тебѣ и сметанка!“ говорила [она]. „Куда жъ, какъ онъ проголодался, бѣдная дытына! Вотъ какъ не подавится, бѣдненькій! А я-то думала, а я хлопотала, а я бѣгала, какъ бы ему, моему сердечному... А вотъ Господь сподобилъ, опять вижу тебя. Охо, хо, хо!“

Горпина опять было хотѣла всплакнуть, но запорожецъ Пудько, который началъ было подремывать, сидя возлѣ насыщавшаго свой голодъ рыцаря, устремилъ на нее глаза и проговорилъ: „Ну, ну, ну! попробуй только заревѣть!..“

Это остановило намѣреніе Горпины... „Кушай, кушай, сынку мой! ѣшь на здоровье, ѣшь, я не мѣшаю тебѣ! Голубчикъ мой! Мы съ тобою только разъ христосовались. Похристосуемся, мое серденько, похристосуемся!...“

„Еще и христосоваться!“ проговорилъ Пудько сквозь сонъ

и схватилъ, вмѣсто пуги, Горпинину ногу. „Пошла, проклятая баба!“

„Ступай, Горпино! полно тебѣ! проговорилъ, поднявшись, Остраница. „А не то я, не смотря на то, что ты стара и что няньчила меня, сниму со стѣны вотъ этотъ батогъ; видишь ты этотъ батогъ?“

Горпина, которая привыкла бояться повелительнаго голоса своего пана, немедленно повиновалась.

„Ну, Пудько, гдѣ жъ Тарасъ? Чтò онъ дѣлаетъ? Чтò я его не вижу?“

„А что жъ ему дѣлать? Извѣстно, что дѣлаетъ: спитъ гдѣ-нибудь“.

„Ну, такъ пойдемъ же и мы спать, только не въ душной хатѣ, а на вольной землѣ, подъ небомъ“.

Запорожецъ натянулъ на себя кобенякъ и пошелъ вслѣдъ за Остраницею изъ свѣтлицы, въ которой чуть было не упалъ, зацѣпившись за что-то, лежавшее у порога, но голосу которое не дало,—завернувшееся въ кожухъ туловище. Остраница узналъ Курника, но замѣтно было, что онъ хватилъ не меньше другихъ, потому что въ его словахъ была страшная противоположность тому, что онъ говорилъ въ дверяхъ. Даже самый образъ выраженія былъ не тотъ; множество словъ вмѣшивалось такихъ, которыхъ странно и смѣшно было отъ него слышать. Замѣтно было, что на него много сдѣлали вліянія запорожцы. „Эхъ, славная конница у запорожцевъ! Торо, торо, торо, гайда, гопъ, гопъ, гопъ! Эка славная конница у запорожцевъ! Торо, торо, гопъ, гопъ, гопъ! Экая конница! Послушай, любезный, скажи мнѣ: какая у тебя конница? У меня конница запорожская. Откуда ты мужичекъ? Зачѣмъ ты пришелъ? Не могу, у меня конница запорожская! Торо, торо, торо! гопъ, гопъ, гопъ!“ и тому подобное. Остраница попробовалъ было подойти къ атаману, котораго указалъ ему Пудько и который лежалъ, подмостивши себѣ подъ голову боченокъ, но услышалъ отъ него одни совершенно безсвязныя слова, изъ чего онъ заключилъ, что всѣ гуляли, какъ слѣдуетъ, и рѣшился оставить ихъ въ покоѣ и присоединиться къ другимъ, которыхъ храпѣніе составляло самую фантастическую музыку. Скоро всѣ уснули.

ГЛАВА IV.

Однакожъ Остраница долго не могъ заснуть; напрасно переворачивался онъ съ боку на бокъ и пробовалъ всѣ положенія: сонъ убѣгалъ его, а думы незванныя приходили и силою ложились въ его мозгу. Итакъ, его пріѣздъ понапрасну; и столько приготовленій, столько заботъ — все по-пустому! Она не хочетъ ѣхать съ нимъ. Такъ вотъ это та любовь, та горячая, безграничная любовь! Ей жаль матери: для матери готова она забыть свою любовь. Способна ли она для страсти, когда можетъ еще думать при ней объ другомъ, объ отцѣ или матери? Нѣтъ, нѣтъ! Гдѣ любовь настоящая, такая, какъ слѣдуетъ, тамъ нѣтъ ни брата, ни отца. — „Нѣтъ, я хочу", говорилъ онъ, разбрасывая руками: „чтобъ она или меня одного, или никого не любила. Цѣлуй, прижимай меня! Пусть жаръ дыханья твоего пахнётъ мнѣ на щеки! Обнимая дрожащія груди твои, прижму тебя къ моимъ грудямъ... И еще при этомъ думать объ другомъ!... О, какъ чудно, какъ странно создана женщина! Какъ приводитъ она въ бѣшенство! Весь горишь, пламень въ сердцѣ, душно, тоска, агонія... а сама она, можетъ, и не знаетъ, что̀ творитъ въ насъ; она себѣ такъ, какъ ни въ чемъ не бывало: глядитъ безпечно и не знаетъ, что̀ за муку произвела!"

Но между тѣмъ луна, плывшая среди необозримаго синяго роскошнаго неба, и свѣжій воздухъ весенней ночи на время успокоили его мысли. Они излились въ длинномъ монологѣ, изъ котораго, можетъ быть, узнаютъ [читатели] сколько-нибудь жизнь героя. „И какъ же ей, въ самомъ дѣлѣ, оставить бѣдную мать, которая когда-то ее лелѣяла и которую теперь она лелѣетъ, для которой нѣтъ ничего и не будетъ уже ничего въ мірѣ, когда не будетъ ея дочери? Она одна для нея радость, пища, жизнь, защита отъ отца. Нѣтъ, права она. И странная судьба моя! Отца я не видалъ: его убили на войнѣ, когда меня еще на свѣтѣ не было. Матери я видѣлъ только посинѣлый и разрѣзанный трупъ. Она, говорятъ, утонула. Ее вытянули мертвую и изъ утробы ея вырѣзали меня безчувственнаго, неживаго. Какъ мнѣ спасли жизнь, самъ не знаю. Кто спасъ? Зачѣмъ спасъ? Лучше бы пропалъ, не живши! Чужіе призрѣли. Еще малъ и глупъ, я уже наѣзд-

ничалъ съ запорожцами. Опять случай: меня полонили татары. Не годится жить межъ ними христіанину, пить кобылье молоко, ѣсть конину. Однакожъ я былъ веселъ душой; ну, вырвусь же когда-нибудь на волю! И вотъ пріѣхалъ я на родину, сирота сиротою. Не встрѣтилъ никого знакомаго. Хотя бы собака была такая, которая знала меня въ дѣтствѣ. Никого, никого! Однакожъ, хотя грустная, а все-таки радость была — и печально, и радостно! Больно было глядѣть, какъ посмѣвался католикъ православному народу, и вмѣстѣ весело. Подожди, ляше, увидишь, какъ растопчетъ тебя вольный рыцарскій народъ! Чтд же? Вотъ тебѣ и похвалился! Увидѣлъ хорошую дивчину — и все позабылъ, все къ чорту. Охъ, очи, черныя очи! Захотѣлъ Богъ погубить людей за беззаконья, и послалъ васъ. Собиралось компанейство отмстить за ругательства надъ христовой вѣрой и за безчестье народу. Я ни объ чемъ не думалъ, меня почти силою уже заставили схватиться за саблю. Въ недобрый часъ затѣялась эта битва. Чтд-то дѣлаютъ теперь въ Польшѣ коронный гетманъ, сеймъ и полковники? Грѣхъ лежать на печкѣ. Еще бы можно было поправить; вражья потеря вѣрно бъ была сильнѣе, когда бы ударилъ изъ засады я. Бѣжатъ всѣ запорожцы, увидавъ, что и Галькинъ отецъ держитъ вражью сторону. А все вы, черныя брови, вы всему виной! И вотъ я снова пріѣхалъ сюда съ ватагою товарищей; но не правда, и месть, и жажда искупить себѣ славу силой и кровью завели меня, все вы, все вы, черныя брови! Дивно диво — любовь! Ни объ чемъ не думаешь, ничего на свѣтѣ не хочешь, только сидѣть бы возлѣ ней, уставивши на нее очи, прижавши ближе къ себѣ, такъ, чтобы пылающія щеки коснулись щеки, и все бы глядѣть. Боже! какъ хороша она была, смѣясь! Вотъ она глядитъ на меня. Серденько мое Галя, Галюночка, Галочка, Галюня, душка моя, крошка моя! Что-то теперь дѣлаешь ты? Вѣрно, лежишь и думаешь обо мнѣ! Нѣтъ, не могу, не въ силахъ оставить тебя, не оставлю ни за чтд... Какъ же придумать?... Голова моя горитъ, а не знаю, чтд дѣлать! Поѣду къ королю, упрошу Ивана Острапицу: онъ добудетъ мнѣ грамоту и королевское прощеніе, и тогда, тогда... Богъ знаетъ, чтд тогда будетъ! Только все лучше, я буду близь нея жить...“

Такъ раздумывалъ и почти разговаривалъ самъ съ собою

Остраница; уже онъ обнималъ въ мысляхъ и свою Галю; вмѣстѣ уже воображалъ себя съ нею въ одной свѣтлицѣ; они хозяйничають въ этомъ земномъ раѣ... Но настоящее опять вторгалось въ это обворожительное будущее, и герой нашъ въ досадѣ снова разбрасывалъ руками; кобенякъ слетѣлъ съ плечъ его. Его терзала мысль, какимъ образомъ объявить запорожскому атаману, что теперь уже онъ оставляетъ свое предпріятіе и, стало быть, помощь его больше не нужна.

ГЛАВА V.

Какъ только проснулся Остраница, то увидѣлъ весь дворъ, наполненный народомъ: усы, байбараки, женскіе парчевые кораблики, бѣлыя намитки, синіе кунтуши; однимъ словомъ, дворъ представлялъ игрушечную лавку, или блюдо винегрета, или, еще лучше, пестрый турецкій платокъ. Со всею этою кучею народа [онъ] долженъ былъ перецѣловаться и принять неимовѣрное множество яицъ, подносимыхъ въ шапкахъ, въ платкахъ, утокъ, гусей и прочаго — обыкновенную дань, которую подносили поселяне своему господину, который, съ своей стороны, долженъ былъ отблагодарить угощеніемъ. Подносимое принято; и такъ какъ яйца, будучи сложены въ кучу, казались пирамидою ядеръ, выставленныхъ на крѣпости, [то] противъ этого хозяинъ выкатилъ двѣ страшныя бочки горѣлки для всѣхъ гостей, и хуторянцы сдѣлали самое страшное вторженіе. Поглаживая усы, толпа нетерпѣливо ждала вступить въ бой съ этимъ драгоцѣннымъ непріятелемъ. И между тѣмъ, какъ одна толпа бросилась на столы, трещавшіе подъ баранами, жареными поросятами съ хрѣномъ, а другая къ пустившему хмѣльный водопадъ, боясь ослушаться власти атамана, который наконецъ гостей принималъ, держа въ рукахъ плеть. Онъ хлесталъ ею одного изъ подчиненныхъ своихъ, который стоялъ неподвижно, но только почесываясь и стараясь удерживать свои стенанія при каждомъ ударѣ. Атаманъ приговаривалъ такимъ дружескимъ образомъ, что если бы не было въ рукахъ плети, то можно подумать, что онъ ласкаетъ роднаго сына. „Вотъ это тебѣ, голубчикъ, за то, чтобъ ты зналъ, какъ почитать старшихъ! Вотъ тебѣ, любезный, еще на придачу! А вотъ еще одинъ разъ! Вотъ тебѣ еще другой! Да,

голубчикъ, не дѣлай такъ! А вотъ это какъ тебѣ кажется? А этотъ вкусенъ? Признайся, вкусенъ? Когда по вкусу, такъ вотъ еще! Чтò за славная плеть! Чудная плеть! Чтò, какъ вотъ это? Нашлись же такіе искусники, что такъ хитро сплели! Чтò, танцуешь? Тебѣ, видно, весело? То-то, я зналъ, что будетъ весело. Я затѣмъ тебя и благословляю такъ...“ Тутъ атаманъ, наконецъ, увидѣвъ[1], что молодой преступникъ, не смотря на все стараніе устоять на мѣстѣ, готовъ былъ закричать, остановился. „Ну, теперь подойди, да поклонись же, да ниже поклонись!“ Принявшій удары, съ опущенными глазами, изъ которыхъ ручьемъ полились слезы, приблизился и отвѣсилъ поклонъ въ ноги. „Говори, любезный: благодарю, атаманъ, за науку!“

„Благодарю, атаманъ, за науку“.

„Теперь ступай! Гайда! Задай перцу баранамъ и сивухѣ!“

„Христосъ воскресъ, атаманъ! Мы съ тобою еще не христосовались“

„Воистину воскресъ!“ отвѣчалъ атаманъ.

„Нѣтъ ли у тебя въ запасѣ губки? Охота забираетъ люльку затянуть“. При этомъ вложилъ въ зубы вытянутую изъ кармана трубку.

„Какъ не быть! Это занятіе, когда матерія не клеится“.

„Я хотѣлъ сказать тебѣ дѣло“ примолвилъ Остраница съ нѣкоторою робостью.

„Гмъ!“ отвѣчалъ атаманъ, вырубливая огонь.

„Мое дѣло не клеится“.

„Не клеится?“ промолвилъ, раскуривая трубку: „погано!“

„Врядъ ли намъ что-нибудь достанется здѣсь“.

„Не достанется?... Погано!“

„Придется намъ возвратиться ни съ чѣмъ“.

„Гмъ!...“

„Чтò жъ ты скажешь?“ спросилъ Остраница, удивленный такимъ неудовлетворительнымъ отвѣтомъ.

„Когда воротиться“, отвѣчалъ запорожецъ, сплевывая: „такъ и воротиться“.

Остраницу ободрило такое равнодушіе. — „Только я не пойду съ вами; я поѣду на время въ Варшаву“.

„Гмъ!“ отвѣчалъ атаманъ.

„Ты, можетъ быть, сердитъ на меня, что я такъ обманулъ и поддѣлъ васъ? Божусь, что я самъ обманутъ!“

При этомъ словѣ грянула музыка, и, вмѣстѣ съ нею, грянуло топанье танцующихъ. Атаманъ, съ трубкою въ зубахъ, ринулся въ кучу танцующей компаніи, очистилъ около себя кругъ и пустился выбивать ногами и навприсядку.

ГЛАВА VI.

„Чтò онъ себѣ думаетъ, этотъ дурень Остраница?“ говорилъ старый Пудько. „Щенокъ! Еще и родниться задумалъ со мною! Поганый нечестивецъ! Поди къ матери своей, чтобъ доносила напередъ! И достало духу у него сказать это! Дурень, дурень!“ говорилъ онъ, дергая рукою, какъ будто дралъ когонибудь за волоса. „Молодъ козакъ, усъ еще не пробился!“ Старый Кузубія не могъ вынести, когда видѣлъ, что младшій равняется съ старшими. „Знать долженъ, что кто задумалъ мстить, тотъ у того не жди уже милости. Скорѣе солнце посинѣетъ, вмѣсто дождя посыплются раки съ неба, чѣмъ я позабуду прошлое. Пропаду, но не забуду! Не хочу! Не хочу! Жинко! Жинко!“ Этимъ восклицаніемъ обыкновенно оканчивалъ онъ свою рѣчь, когда бывалъ сердитъ, и Боже сохрани жинкѣ не явиться тотъ же часъ! На эту рѣчь, едва передвигая ноги, пришло, или, лучше сказать, приползло изсохнувшее, едва живущее существо. Видъ ея не вдругъ [поражалъ]. Нужно было вглядѣться въ этотъ несчастный остатокъ человѣка, въ это олицетворенное страданіе, чтобы ощутить въ душѣ неизъяснимо-тоскливое чувство. Представьте себѣ длинное, все въ морщинахъ, почти безчувственное лицо; глаза черные какъ уголь, нѣкогда — огонь, буря, страсть, нынѣ неподвижные; губы какого-то мертваго цвѣта, но, однакожъ, онѣ были когда-то свѣжи, какъ румянецъ на спѣющемъ яблокѣ. И кто бы подумалъ, что этѣ, слившіяся въ сухія руины, черты были когда-то чертовски очаровательны, что движеніе этихъ, нѣкогда гордыхъ и величественныхъ, бровей дарило счастіе, необитаемое на землѣ? И все прошло, прошло незамѣтно; образовалось, наконецъ, лишь безчувственное терпѣніе и безграничное повиновеніе.

ОТРЫВКИ

из

НАЧАТЫХЪ ПОВѢСТЕЙ.

I.

Я давно уже ничего не разсказывалъ вамъ. Признаться сказать, оно очень пріятно, если кто станетъ что-нибудь разсказывать. Если же выберется человѣчекъ небольшаго роста, съ сиповатымъ баскомъ, да и говоритъ ни слишкомъ громко, ни слишкомъ тихо[1], а такъ совершенно, какъ котъ мурчитъ надъ ухомъ, то это такое наслажденіе, что ни перомъ не описать, ни другимъ чѣмъ-нибудь не сдѣлать. Это мнѣ лучше нравится, нежели проливной дождикъ, когда сидишь въ сѣняхъ на полу передъ дверью на улицу[2], поджавши подъ себя ноги, а онъ, голубчикъ[3], треплетъ[4] во весь духъ солому на крышѣ, и деревенскія бабы бѣгутъ босыми ногами, мило покрывшись своей руб....[5] по голову и схвативши подъ руку черевики[6]. Вы никогда не слышали про моего дѣда? Чтò это былъ за человѣкъ! съ какими достоинствами! Я вамъ скажу, что такихъ людей я[7] теперь нигдѣ не отыскивалъ . . . .

II.

СТРАШНАЯ РУКА.

Повѣсть

из книги подъ названіемъ: „Лунный свѣтъ въ разбитомъ окошкѣ чердака на Васильевскомъ Островѣ, въ 16 линіи".

1.

Было далеко за полночь. Одинъ фонарь только озарялъ капризно улицу[1] и бросалъ какой-то страшный блескъ на каменные дома и оставлялъ во мракѣ деревянные[2]; изъ сѣрыхъ превращались совершенно въ черные . . . .

2.

Фонарь умиралъ на одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго Острова. Одни только бѣлые каменные домы[3] кое-гдѣ вызначивались. Деревянные чернѣли и сливались съ густою массою мрака, тяготѣвшаго надъ ними. Какъ страшно, когда каменный тротуаръ прерывается деревяннымъ, когда деревянный даже пропадаетъ, когда все чувствуетъ 12 часовъ, когда отдаленный будочникъ спитъ, когда кошки, безсмысленныя кошки одни спѣвываются и бодрствуютъ! Но человѣкъ знаетъ, что они не дадутъ сигнала и не поймутъ его несчастья, если внезапно будетъ аттакованъ мошенниками, выскочившими изъ этого темнаго переулка, который распростеръ къ нему свои мрачныя объятья.

Но проходившій въ это время пѣшеходъ ничего подобнаго не имѣлъ въ мысляхъ. Онъ былъ не изъ обыкновенныхъ[4]

въ Петербургѣ пѣшеходовъ. Онъ былъ не чиновникъ, не русская борода, не офицеръ и не нѣмецкій ремесленникъ,—существо внѣ гражданства столицы. Это былъ пріѣхавшій изъ Дерпта студентъ на факультеты, готовый на всѣ должности, но еще покамѣстъ ничего, кромѣ студентъ[1], занявшій полъугла въ Мѣщанской, у сапожника нѣмца. Но обо всемъ этомъ послѣ. Студентъ, который въ этомъ чинномъ городѣ былъ тише воды, безъ шпаги и рапиры, закутавшись шинелью, пробирался подъ домами, отбрасывая отъ себя самую огромную тѣнь, головою терявшуюся во мракѣ.

Все, казалось, умерло; нигдѣ огня[2]. Ставни были закрыты. Наконецъ[3], подходя къ Большому проспекту, особенно остановилъ вниманіе[4] на одномъ домѣ. Тонкая щель въ ставнѣ, свѣтившаяся огненною чертою, невольно привлекла и заманила заглянуть. Прильнувъ къ ставнѣ и приставивъ глазъ къ тому мѣсту, гдѣ щель была пошире, и задумался. Лампа блистала въ голубой комнатѣ. Вся она была завалена разбросанными штуками матерій[5]. Газъ, почти невидимый[6], безцвѣтный, воздушно висѣлъ на ручкахъ креселъ и тонкими струями, какъ льющійся водопадъ, падалъ на полъ. Палевые[7] цвѣты, на бѣлой шелковой, блиставшей блескомъ серебра матеріи, свѣтились изъ-подъ газа. Около дюжины шалей, легкихъ и мягкихъ, какъ пухъ[8], съ цвѣтами, совершенно живыми, смятыя, были брошены на полу. Кушаки, золотыя цѣпи висѣли на взбитыхъ до потолка облакахъ батиста. Но болѣе всего занимала студента стоявшая въ углу комнаты [стройная][9] женская фигура[10]... все для студента, въ чудесно очаровательномъ, въ ослѣпительно божественномъ платьѣ—въ самомъ прекраснѣйшемъ бѣломъ. Какъ дышетъ это платье!.. Сколько поэзіи для студента въ женскомъ платьѣ![11]... Но бѣлый цвѣтъ — съ нимъ нѣтъ сравненія[12]. Женщина выше въ бѣломъ (платьѣ)[13]. Она — царица, видѣніе[14], все, что похоже на самую гармоническую мечту. Женщина чувствуетъ это и потому въ.....[15] минуты преображается въ бѣлую[16]. Какія искры пролетаютъ по жиламъ, когда блеснетъ среди мрака бѣлое платье! Я говорю — среди мрака, потому что все тогда кажется мракомъ. Всѣ чувства переселяются тогда въ запахъ, несущійся отъ него, и въ едва слышимый, но музыкальный шумъ, производимый имъ. Это самое высшее и самое сладо-

страстнѣйшее сладострастіе. И потому студентъ нашъ, котораго всякая горничная (дѣвчонка)[1] на улицѣ кидала въ ознобъ, который не зналъ прибрать имени женщинѣ, — пожиралъ глазами чудесное видѣніе, которое, стоя съ наклоненною на сторону головой, охваченное досадною тѣнью, наконецъ поворотило прямо противъ него ослѣпительную бѣлизну лица и шеи съ китайскою прическою. Глаза, неизъяснимые глаза, съ бездною души подъ капризно и обворожительно подымавшимся бархатомъ бровей были невыносимы[2] для студента.

Онъ задрожалъ и тогда только увидѣлъ другую фигуру, въ черномъ фракѣ, съ самымъ страннымъ профилемъ. Лицо, въ которомъ нельзя было замѣтить ни одного угла, но вмѣстѣ съ симъ оно не означалось[3] легкими, округленными чертами. Лобъ не опускался прямо къ носу, но былъ совершенно покатъ, какъ ледяная гора для катанья. Носъ былъ продолженіемъ его — великъ и тупъ. Губа только верхняя выдвинулась далѣе. Подбородка совсѣмъ не было. Отъ носа шла діагональная линія до самой шеи. Это былъ треугольникъ, вершина котораго находилась въ носѣ: лица, которыя болѣе всего выражаютъ глупость.

III.

Дождь былъ продолжительный, сырой, когда я вышелъ на улицу. Сѣродымное небо предвѣщало его надолго. Ни одной полосы свѣта. Ни въ одномъ мѣстѣ, нигдѣ не разрывалось сѣрое покрывало. Движущаяся сѣть дождя задернула почти совершенно все, что прежде видѣлъ глазъ, и только одни передніе домы мелькали будто сквозь тонкій газъ; тускло мелькали вывѣски; еще тусклѣе надъ ними балконъ, выше его еще этажъ, наконецъ крыша готова была потеряться въ дождевомъ туманѣ, и только мокрый блескъ ея отличалъ ее немного отъ воздуха. Вода урчала съ трубъ; на тротуарахъ лужи...

Чортъ возьми, люблю я это время! Ни одного зѣваки на улицѣ. Теперь не найдешь ни одного изъ тѣхъ господъ, которые останавливаются для того, что[бы][4] посмотрѣть на сапоги ваши, на штаны, на фракъ, или на шляпу, и потомъ, разинувши ротъ, поворачиваются нѣсколько разъ назадъ для

того, чтобы осмотрѣть заднiй фасадъ вашъ. Теперь раздолье мнѣ закутаться крѣпче въ свой плащъ. Какъ удираетъ этотъ любезный молодой франтъ, съ личикомъ, которое можно упрятать въ дамскiй ридикюль. Напрасно: не спасетъ новенькаго сюртучка, красу и заглядѣнье Невскаго проспекта. Крѣпче его, крѣпче дождикъ! пусть онъ вбѣжитъ, какъ мокрая крыса, домой. А! вотъ и суровая дама бѣжитъ въ своихъ пестрыхъ тряпкахъ, поднявши платье, далѣе чего нельзя поднять, не нарушивъ послѣдней благопристойности. Куда дѣвался характеръ! и не ворчитъ, видя, какъ чиновная крыса въ вицъ-мундирѣ съ крестикомъ, запустивъ свои зеленые, какъ его воротникъ, глаза, наслаждается видомъ полныхъ, на каждомъ шагѣ трепещущихъ ногъ, какъ...[1] выпуклостей ноги. О, это таковскiй народъ! Они большiя бестiи, эти чиновники, ловить рыбу въ мутной водѣ. Въ дождь, снѣгъ, ведро, всегда эта амфибiя на улицѣ. Его воротникъ, какъ хамелеонъ, мѣняетъ свой цвѣтъ каждую минуту отъ температуры; но онъ самъ неизмѣненъ, какъ его канцелярскiй порядокъ[2].

Навстрѣчу русская борода, купецъ, въ синемъ, нѣмецкой работы, сюртукѣ, съ талiею на спинѣ или, лучше, на шеѣ. Съ какою купеческою ловкостью[3] держитъ онъ зонтикъ надъ своею половиною! Какъ тяжело пыхтитъ эта масса мяса, обернутая въ капотъ и чепчикъ! Ее скорѣе можно причислить къ моллюскамъ, нежели къ позвончатымъ[4] животнымъ. Сильнѣе, дождикъ, ради Бога, сильнѣе кропи его сюртукъ нѣмецкаго покрою и жирное мясо этой обитательницы пуховиковъ и подушекъ! Боже, какую адскую струю они оставили послѣ себя въ воздухѣ изъ капусты и луку! Кропи ихъ, дождь, за все: за наглое безстыдство плутовской бороды, за жадность къ деньгамъ, за бороду, полную насѣкомыхъ, и сыромятную жизнь сожительницы... Какой вздоръ! ихъ не пройметъ оплеуха квартальнаго надзирателя,—что̀ же можетъ сдѣлать дождь?

Но какъ бы то ни было, только такого дождя давно не было. Онъ увеличился и перемѣнилъ косвенное свое направленiе, сдѣлался прямой, [съ][5] шумомъ хлынулъ въ крыши, мостовую, какъ [бы][6] желая вдавить еще ниже этотъ болотный городъ. Окна въ кондитерскихъ захлопнулись. Головы съ усами и трубкою, долѣе всѣхъ глядѣвшiя, спрятались; даже сѣрый рыцарь съ алебардою и завязанною щекою убѣжалъ въ будку...

IV.

„Мнѣ нужно видѣть полковника, я къ нему имѣю дѣло“, говорилъ почти отрокъ 17 лѣтъ.

„Тебѣ полковника?“... произнесъ съ разстановкою сторожевой козакъ передъ большою ставкою, разсматривая и переминая на своей ладони, съ какой-то недовѣрчивостью, грубый крошенный табакъ, это странное растеніе, которое съ такою изумительною быстротою разнесла по всѣ концы міра новооткрытая часть свѣта. Трубка давно у него была въ зубахъ[1]. „На чтò тебѣ полковникъ?“

При этомъ взглянулъ на просителя. Это былъ почти отрокъ, готовящійся быть юношею, лѣтъ 16, уже[2] съ мужественными чертами лица, воспитаннаго солнцемъ и здоровымъ воздухомъ, въ полотняномъ крашенномъ кунтушѣ и шароварахъ.

„Съ тобою не станетъ говорить полковникъ“, примолвилъ [козакъ][3], поглядѣвъ на него почти презрительно и закинувъ назадъ алый рукавъ съ золотымъ шнуркомъ.

„Отчего же онъ не станетъ со мною говорить?“

„Кто жъ съ тобою станетъ говорить? ты еще недавно молоко сосалъ. Если бъ у тебя былъ хоть суконный кунтушъ да пищаль, тогда бы...[4] Вѣдь ты, вѣрно, поповичъ или школяръ? Знаешь ли ты этотъ инструментъ?“ примолвилъ [козакъ][5] съ видомъ самодовольной гордости, указавъ на трубку.

„Ты думаешь...“

Но молодой воинъ остановился, увидѣвши, что козакъ вдругъ онѣмѣлъ, потупилъ глаза въ землю и снялъ шапку, до того заломленную на бекрень.

Двое пожилыхъ мужчинъ, — одинъ въ короткомъ плащѣ съ рукавами, выстеганными золотомъ, съ узорно вычеканенными пистолетами, другой въ шитомъ кафтанѣ съ серебряною привязанною къ поясу чернильницею, — прошли мимо и вошли въ ставку. Дрожа и блѣднѣя, шмыгнулъ за ними молодой человѣкъ и вошелъ въ ставку[6].

Молодой человѣкъ ударилъ[7] поклонъ въ самую землю отъ страха, увидѣвши, какъ вошедшіе передъ нимъ богатые кафтаны поклонились въ поясъ и почтительно потупили глаза въ землю съ тѣмъ безграничнымъ повиновеніемъ, которое такъ

странно вмѣщалось вмѣстѣ[1] съ необузданностью, чѣмъ особенно славились козацкія войска.

На разостланномъ коврѣ сидѣлъ полковникъ. Ему, казалось, на видъ было лѣтъ 50. Волоса у него стали сѣдѣть, сизые усы величаво опускались внизъ. Длинный синій рубецъ на щекѣ и лбу тянулся по его почти бронзовому лицу. Кажется, нельзя было отыскать никакой рѣзкой характерной черты, но, просто, оно[2] выражало съ спокойствіемъ увѣренность козака. Глядя на него, можно было тотчасъ узнать, что у него рука желѣзная и мощно можетъ управлять...[3] На немъ были широкіе, синіе съ серебромъ шаровары. Верхнее платье небрежно валялось на полу. Нѣсколько пистолетовъ и ружей стояло, и висѣли по угламъ ставки уздечки; въ углу куль соломы. Полковникъ самъ своею рукой чинилъ свое сѣдло, когда вошли къ нему писарь и есаулъ.

„Здравствуйте, панове, мои вѣрные, мои добрые товарищи! Вотъ вамъ приказъ: Не пускать далеко на попасъ, потому что татарва теперь рыскаетъ по степямъ. Итти, какъ можно подальше, избирайте траву повыше, и шапки даже не снимайте[4]. Да чтобъ козаки не стрѣляли по дорогамъ дрофъ и гусей, потому что и порохъ избавятъ даромъ, да что за мясоѣдъ такой козаку?[5].. Сухари да вода — то козацкая ѣда. А вы, мой любый кумъ и мой любезный пріятель! (при этомъ онъ оборотился къ писарю) сдѣлайте сей же часъ перекличку и запишите всѣхъ, которые на лицо. Да смотрите оба, что[бы][6] все было какъ слѣдуетъ; а то я вамъ скажу, вчера я видѣлъ, какъ козакъ кланялся что-[то][7] слишкомъ часто [на][8] конѣ. Я хотѣлъ было . . . .[9] его, да жаль было заряда: у меня пистолетъ былъ заряженъ хорошимъ порохомъ“ . . .

V.

Я знаю одного чрезвычайно замѣчательнаго человѣка. Фамилія его была Рудокоповъ и дѣйствительно отвѣчала его занятіямъ, потому что казалось — къ чему ни притрогивался онъ, все то обращалось въ деньги. Я его еще помню, когда онъ имѣлъ только 20 душъ крестьянъ да сотню десятинъ земли и ничего больше, когда онъ еще принадлежалъ . . . . . .

ОТРЫВОКЪ

изъ

УТРАЧЕННОЙ ДРАМЫ.

Конецъ IV-го дѣйствія.

[Валуевъ][1]. А! забрало наконецъ! Какое это непостижимое явленіе! Подлецъ послѣдней степени, мошенникъ, заклейменный печатью позора, для котораго одна награда — висѣлица, — и этотъ человѣкъ, попробуй кто-нибудь коснуться его чести, назвать его подлецомъ: — „Какъ вы смѣете, милостивый государь, поносить честь мою? Я требую удовлетворенія за вашу[2] обиду. Вы нанесли мнѣ такую обиду, которую..... омыть кровью"[3]. Бездѣльникъ! И онъ стоитъ за честь свою, за честь, которая составлена изъ безчестія.

Баскаковъ. Я не въ силахъ болѣе перенесть этого! На этомъ мѣстѣ[4], здѣсь же мы деремся.

[Валуевъ]. Что? А, *(становится спиною къ дверямъ)* дуэль! Поединокъ! Неправда! Нѣтъ, братецъ! Этакихъ подлецовъ не вызываю на поединокъ. Для тебя нѣтъ этого удовлетворенія. Этого для моей чести уже было бы слишкомъ, чтобы я дрался съ каторжникомъ, котораго ведутъ въ Сибирь. Дуэль? Нѣтъ, тебя просто убить, какъ собаку. Бѣдное животное, благородное животное! прости, что я унизилъ[5], сравнивши съ этимъ гнуснымъ твореніемъ.

Валуевъ *(въ бѣшенствѣ подбѣгаетъ къ окну.)* Эй, Никаноръ! подай пистолетъ мнѣ.

Баскаковъ. Что тебѣ хочется пистолета? вотъ онъ. Я бы тебя могъ сію минуту убить; но дивись моему великодушію: двѣ минуты я даю тебѣ еще приготовиться. Въ это время ты можешь еще произнесть къ Богу одно такое слово, за которое, можетъ быть, уменьшатся твои муки, когда унесетъ твою душу ея владѣлецъ — дьяволъ.

по всѣмъ избамъ, и чуть только гдѣ нашла больнаго, и пошла потѣха: сама (то есть, я вамъ скажу)[1] натащитъ мазей, тряпокъ, начнетъ перевязывать. Ну, скажите, пожалуста: боярское ли это дѣло? Какое же послѣ этого будетъ къ ней уваженіе мужиковъ? Нѣтъ, ужъ коли хочешь управлять, то ты сама ужъ сиди[2] на одномъ мѣстѣ; а если чтò — пошли прикащика: ужъ это его дѣло; онъ уже обдѣлаетъ, какъ ему слѣдуетъ. Мужика не балуй! Мужика въ ухо! народъ простой, вынесетъ. А этимъ-то и держится порядокъ. При баринѣ не такъ было. Ахъ, если бы вы знали, сударь, что это былъ за рѣдкостный человѣкъ! Ну, да и она рѣдкостная барыня. Если хотите, я вамъ покажу комнату барина, хотя барыня никого туда не впускаетъ и запирается сама по нѣсколькимъ часамъ; и что она тамъ...

1834.

Великая, торжественная минута. Боже, какъ слились и столпились[1] около ней волны различныхъ чувствъ! Нѣтъ, это не мечта. Это та роковая неотразимая грань между воспоминаніемъ и надеждой.... Уже нѣтъ воспоминанія, уже оно несется, уже пересиливаетъ его надежда. У ногъ моихъ шумитъ мое прошедшее; надо мною сквозь туманъ свѣтлѣетъ неразгаданное будущее. Молю тебя, жизнь души моей (хранитель, ангелъ)[2], мой Геній! О, не скрывайся отъ меня! Пободрствуй надо мною въ эту минуту и не отходи отъ меня весь этотъ, такъ заманчиво наступающій для меня, годъ. Какое же будешь ты, мое будущее? Блистательное ли, широкое ли, кипишь ли великими для меня подвигами, или... О, будь блистательно! будь дѣятельно, все предано труду и спокойствію! Что же ты такъ таинственно стоишь предо мною, 1834-й [годъ]?[3] Будь и ты моимъ ангеломъ. Если лѣнь и безчувственность[4] хотя на время осмѣлятся коснуться меня — о, разбуди меня тогда! не дай имъ овладѣть мною! Пусть твои многоговорящія[5] цифры, какъ неумолкающіе часы, какъ совѣсть[6], стоятъ передо мною: чтобы каждая цифра твоя громче набата разила слухъ мой! чтобы она, какъ гальваническій прутъ, производила судорожное потрясеніе во всемъ моемъ составѣ!

Таинственный, неизъяснимый 1834! Гдѣ означу я[7] тебя великими трудами?[8] Среди ли этой кучи набросанныхъ одинъ на другой домовъ, гремящихъ улицъ, кипящей меркантильности,— этой безобразной кучи модъ, парадовъ, чиновниковъ, дикихъ сѣверныхъ ночей, блеску и низкой[9] безцвѣтности? Въ моемъ ли прекрасномъ, древнемъ, обѣтованномъ Кіевѣ, увѣнчанномъ многоплодными садами, опоясанномъ моимъ южнымъ прекраснымъ, чуднымъ небомъ, упоительными ночами, гдѣ гора обсыпана[10] кустарниками, съ своими какъ [бы][11] гармоническими обрывами, и подмывающій ее мой чистый и быстрый, мой Днѣпръ. —

Тамъ ли? — О!.. Я не знаю, какъ назвать тебя, мой Геній! Ты, отъ колыбели еще пролетавшій съ своими гармоническими пѣснями мимо моихъ ушей, такія чудныя, необъяснимыя донынѣ зарождавшій во мнѣ думы, такія необъятныя и упоительныя лелѣявшій во мнѣ мечты! О, взгляни! Прекрасный, низведи на меня свои небесныя[1] очи. Я на колѣняхъ. Я у ногъ твоихъ! О, не разлучайся со мною! Живи на землѣ со мною хоть два часа каждый день, какъ прекрасный братъ мой! Я совершу... Я совершу. Жизнь кипитъ во мнѣ. Труды мои будутъ вдохновенны. Надъ ними будетъ вѣять недоступное землѣ Божество! Я совершу... О, поцѣлуй и благослови меня!

Объ изданіи исторіи малороссійскихъ козаковъ.

До сихъ поръ еще нѣтъ у насъ полной, удовлетворительной исторіи Малороссіи и народа. Я не называю исторіями многихъ компиляцій (впрочемъ полезныхъ, какъ матеріалы), составленныхъ изъ разныхъ лѣтописей, безъ строгаго критическаго взгляда, безъ общаго плана и цѣли, большею частію неполныхъ и не указавшихъ донынѣ этому народу мѣста въ исторіи міра. Я рѣшился принять на себя этотъ трудъ и представить, сколько можно обстоятельнѣе: какимъ образомъ отдѣлилась эта часть Россіи; какое получила она политическое устройство, находясь подъ чуждымъ владѣніемъ; какъ образовался въ ней воинственный народъ, означенный совершенною оригинальностью характера и подвиговъ; какимъ образомъ онъ три вѣка съ оружіемъ въ рукахъ добывалъ права свои и упорно отстоялъ свою религію; какъ, наконецъ, навсегда присоединился къ Россіи; какъ исчезало воинственное бытіе его и превращалось въ земледѣльческое; какъ мало по малу вся страна получила новыя, взамѣнъ прежнихъ, права и, наконецъ, совершенно слилась въ одно съ Россіею. Около пяти лѣтъ собиралъ я съ большимъ стараніемъ матеріалы, относящіеся къ исторіи этого края. Половина моей исторіи уже почти готова, но я медлю выдавать въ свѣтъ первые томы, подозрѣвая существованіе многихъ источниковъ, можетъ быть, мнѣ неизвѣстныхъ, которые, безъ сомнѣнія, хранятся гдѣ-нибудь въ частныхъ рукахъ. И потому, обращаясь ко всѣмъ, усерднѣйше прошу (и нельзя, чтобы просвѣщенные соотечественники отказали въ моей просьбѣ) имѣющихъ какіе бы то ни было матеріалы, лѣтописи, записки, пѣсни, повѣсти бандуристовъ, дѣловыя бумаги (особенно относящіяся до первобытной Малороссіи), прислать мнѣ ихъ, если нельзя въ оригиналахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ копіяхъ.

АРАБЕСКИ.

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ и МУЗЫКА.

Благодарность Зиждителю миріадъ[1] за благость и состраданіе къ людямъ! Три чудныя сестры посланы имъ украсить и усладить міръ: безъ нихъ онъ бы былъ пустыня и безъ пѣнія катился бы по своему пути. Дружнѣе, союзнѣе сдвинемъ наши желанія и — первый кубокъ за здравіе скульптуры![2] Чувственная, прекрасная, она прежде всего посѣтила землю. Она — мгновенное явленіе. Она — оставшійся слѣдъ того народа, который весь заключился въ ней, со всѣмъ своимъ духомъ и жизнію; она — ясный призракъ того свѣтлаго греческаго міра, который ушелъ отъ насъ въ глубокое удаленіе вѣковъ, скрылся уже туманомъ[3] и до котораго достигаетъ[4] одна только мысль поэта. Міръ, увитый виноградными гроздіями и масличными лозами, гармоническимъ вымысломъ и роскошнымъ язычествомъ; міръ, несущійся въ стройной пляскѣ, при звукѣ тимпановъ, въ порывѣ вакхическихъ движеній, гдѣ чувство красоты проникло всюду[5]: въ хижину бѣдняка, подъ вѣтви платана, подъ мраморъ колоннъ, на площадь, кипящую живымъ, своенравнымъ народомъ, въ рельефъ, украшающій[6] чашу пиршества, изображающій всю вьющуюся вереницу граціозной[7] миѳологіи, гдѣ изъ пѣны волнъ стыдливо выходитъ богиня красоты, тритоны несутся, ударяя въ ладони, Посейдонъ выходитъ изъ глубины своей прекрасной стихіи — серебряный и бѣлый; міръ, гдѣ вся религія заключилась въ красотѣ, въ красотѣ человѣческой, въ богоподобной красотѣ женщины, — этотъ міръ весь остался въ ней, въ этой нѣжной скульптурѣ; ничто кромѣ ея не могло такъ живо выразить его свѣтлое существованіе. Бѣлая, млечная, дышущая въ прозрачномъ мраморѣ

красотой, нѣгой и сладострастіемъ, она сохранила одну идею, одну мысль: красоту, гордую красоту человѣка. Въ какомъ бы ни было пылу страсти, въ какомъ бы ни было сильномъ порывѣ, но всегда въ ней человѣкъ является прекраснымъ, гордымъ и невольно остановитъ атлетическимъ, свободнымъ своимъ положеніемъ[1]. Все въ ней слилось въ красоту и чувственность: съ ея страдающими группами[2] не сливаешь страдающій вопль сердца, но, можно сказать, наслаждаешься самымъ ихъ страданіемъ, — такъ чувство красоты пластической, спокойной пересиливаетъ въ ней стремленіе духа! Она никогда не выражала долгаго глубокаго чувства, она создавала только быстрыя движенія: свирѣпый гнѣвъ, мгновенный вопль страданія, ужасъ, испугъ при внезапности, слезы, гордость и презрѣніе и, наконецъ, красоту, погруженную саму въ себя. Она обращаетъ всѣ чувства зрителя въ одно наслажденіе, въ наслажденіе спокойное, ведущее за собою нѣгу и самодовольство языческаго міра. Въ ней нѣтъ тѣхъ тайныхъ, безпредѣльныхъ чувствъ, которыя влекутъ за собою безконечныя мечтанія. Въ ней не прочитаешь всей долгой, исполненной потрясеній и переворотовъ[3] жизни. Она прекрасна, мгновенна, какъ красавица, глянувшая въ зеркало, усмѣхнувшаяся, видя свое изображеніе, и уже бѣгущая, влача съ торжествомъ за собою толпу гордыхъ юношей[4]. Она очаровательна[5], какъ жизнь, какъ міръ, какъ чувственная красота, которой она служитъ алтаремъ. Она родилась вмѣстѣ съ языческимъ, ясно образовавшимся міромъ, выразила его — и умерла вмѣстѣ съ нимъ. Напрасно хотѣли изобразить ею высокія явленія христіанства: она такъ же отдѣлялась отъ него, какъ самая языческая вѣра. Никогда возвышенныя, стремительныя мысли не могли улечься на ея мраморной сладострастной наружности. Они поглощались въ ней чувственностью.

Не таковы двѣ сестры ея, живопись и музыка, которыхъ христіанство воздвигнуло изъ ничтожества[6] и превратило въ исполинское. Его порывомъ они развились и исторгнулись изъ границъ чувственнаго міра. Мнѣ жаль моей мраморнооблачной скульптуры! Но... свѣтлѣе сіяй, покалъ мой, въ моей смиренной кельѣ, и да здравствуетъ живопись! Возвышенная, прекрасная, какъ осень въ богатомъ своемъ убранствѣ, мелькающая сквозь переплетъ окна, увитаго виноградомъ, сми-

ренная и обширная, какъ вселенная, яркая музыка очей — ты прекрасна! Никогда скульптура не смѣла выразить твоихъ небесныхъ откровеній. Никогда не были разлиты по ней тѣ тонкія, тѣ таинственно-земныя черты, вглядываясь въ которыя, слышишь, какъ наполняетъ душу небо, и чувствуешь невыразимое. Вотъ мелькаютъ, какъ въ облачномъ туманѣ, длинныя галлереи, гдѣ изъ старинныхъ позолоченныхъ рамъ выказываешь ты себя живую и темную отъ неумолимаго времени, и передъ тобою стоитъ, сложивши накрестъ руки, безмолвный зритель; и уже нѣтъ въ его лицѣ наслажденія, — взоръ его дышетъ наслажденіемъ не здѣшнимъ. Ты не была выраженіемъ жизни какой-нибудь націи, — нѣтъ, ты была выше: ты была выраженіемъ всего того, что̀ имѣетъ таинственно-высокій міръ христіанскій. Взгляните на нее, задумчивую, опустившую на руку прекрасную свою голову: какъ вдохновененъ и дологъ ясный взоръ ея![1] Она не схватываетъ одного только быстраго мгновенія[2], какое выражаетъ мраморъ; она длитъ это мгновеніе, она продолжаетъ жизнь за границы чувственнаго[3], она похищаетъ явленія[4] изъ другаго, безграничнаго міра, для названія[5] которыхъ нѣтъ словъ[6]. Все неопредѣленное, что̀ не въ силахъ выразить мраморъ, разсѣкаемый могучимъ молотомъ скульптора, опредѣляется вдохновенною ея кистью[7]. Она также выражаетъ страсти, понятныя всякому[8], но чувственность уже не такъ властвуетъ въ нихъ: духовное невольно проникаетъ все.[9] Страданіе выражается живѣе[10] и вызываетъ сострадание, и вся она требуетъ сочувствія, а не наслажденія[11]. Она беретъ уже не одного человѣка, ея границы шире: она заключаетъ въ себѣ весь міръ; всѣ прекрасныя явленія, окружающія человѣка, въ ея власти; вся тайная гармонія и связь человѣка съ природою — въ ней одной. Она соединяетъ чувственное съ духовнымъ[12].

Но сильнѣе шипи, третій покалъ мой! Ярче сверкай и брызгай по золотымъ краямъ его звонкая пѣна, — ты сверкаешь въ честь музыки. Она восторженнѣе, она стремительнѣе обѣихъ сестеръ своихъ. Она вся — порывъ; она вдругъ, за однимъ разомъ, отрываетъ человѣка отъ земли его, оглушаетъ его громомъ могущихъ звуковъ и разомъ погружаетъ его въ свой міръ[13]. Она властительно ударяетъ, какъ по клавишамъ, по его нервамъ, по всему его существованію и обращаетъ

его въ одинъ трепетъ. Онъ уже не наслаждается, онъ не сострадаетъ, — онъ самъ превращается въ страданіе; душа его не созерцаетъ непостижимаго явленія, но сама живетъ, живетъ своею жизнію, живетъ порывно, сокрушительно, мятежно[1]. Невидимая, сладкогласная, она проникла весь міръ, разлилась[2] и дышетъ въ тысячѣ[3] разныхъ образовъ. Она томительна и мятежна, но могущественнѣй и восторженнѣй подъ безконечными, темными сводами катедраля, гдѣ тысячи поверженныхъ на колѣни молельщиковъ стремитъ она въ одно согласное движеніе[4], обнажаетъ до глубины сердечныя ихъ помышленія, кружитъ и несется съ ними горѣ, оставляя послѣ себя долгое безмолвіе[5] и долго исчезающій звукъ, трепещущій[6] въ углубленіи остроконечной башни.

Какъ сравнить васъ между собою, три прекрасныя царицы міра? Чувственная, плѣнительная скульптура внушаетъ наслажденіе, живопись — тихій восторгъ и мечтаніе, музыка — страсть и смятеніе души[7]. Разсматривая мраморное произведеніе скульптуры, духъ невольно погружается въ упоеніе; разсматривая произведеніе живописи, онъ превращается въ созерцаніе; слыша музыку — въ болѣзненный вопль, какъ бы душою овладѣло только одно желаніе вырваться изъ тѣла. Она — наша! она — принадлежность новаго[8] міра! Она осталась намъ, когда оставили насъ и скульптура, и живопись, и зодчество. Никогда не жаждали мы такъ порывовъ, воздвигающихъ духъ, какъ въ нынѣшнее время, когда наступаетъ на насъ и давитъ вся дробь[9] прихотей и наслажденій, надъ выдумками которыхъ ломаетъ голову нашъ XIX вѣкъ. Все составляетъ заговоръ противъ насъ; вся эта соблазнительная цѣпь утонченныхъ изобрѣтеній роскоши сильнѣе и сильнѣе порывается заглушить и усыпить наши чувства. Мы жаждемъ спасти нашу бѣдную душу, убѣжать отъ этихъ страшныхъ обольстителей[10] и — бросились въ музыку. О, будь же нашимъ хранителемъ, спасителемъ[11], музыка! Не оставляй насъ! буди чаще наши меркантильныя души! ударяй рѣзче своими звуками по дремлющимъ нашимъ чувствамъ! Волнуй, разрывай ихъ и гони, хотя на мгновеніе, этотъ холодно-ужасный эгоизмъ, силящійся овладѣть нашимъ міромъ! Пусть, при могущественномъ ударѣ смычка твоего, смятенная душа грабителя почувствуетъ, хотя на мигъ, угрызеніе[12] совѣсти,

спекуляторъ растеряетъ свои разсчеты, безстыдство и наглость невольно выронитъ слезу предъ созданіемъ таланта. О, не оставляй насъ, божество наше! Великій Зиждитель міра повергъ насъ въ нѣмѣющее безмолвіе[1] своею глубокою мудростью[2]: дикому, еще не развернувшемуся человѣку, Онъ уже вдвинулъ мысль о зодчествѣ. Простыми, безъ помощи механизма, силами, онъ ворочаетъ гранитную гору, высокимъ обрывомъ громоздитъ ее къ небу[3] и повергается ницъ передъ безобразнымъ ея величіемъ. Древнему, ясному, чувственному міру послалъ Онъ прекрасную скульптуру, принесшую чистую, стыдливую красоту — и весь древній міръ обратился въ ѳиміамъ красотѣ. Эстетическое чувство красоты слило его въ одну гармонію и удержало отъ грубыхъ наслажденій. Вѣкамъ неспокойнымъ и темнымъ[4], гдѣ часто сила и неправда торжествовали, гдѣ демонъ суевѣрія и нетерпимости изгонялъ все радужное въ жизни, далъ онъ вдохновенную живопись, показавшую міру неземныя явленія, небесныя наслажденія угодниковъ[5]. Но въ нашъ юный и дряхлый вѣкъ ниспослалъ Онъ могущественную музыку — стремительно обращать насъ къ Нему. Но если и музыка насъ оставитъ, что̀ будетъ тогда съ нашимъ міромъ?

1831.

О СРЕДНИХЪ ВѢКАХЪ.

Никогда исторія міра не принимаетъ такой важности и значительности, никогда не показываетъ она такого множества индивидуальныхъ явленій, какъ въ средніе вѣки[1]. Всѣ событія міра, приближаясь къ этимъ вѣкамъ, послѣ долгой неподвижности, текутъ съ усиленною быстротою, какъ въ пучину, какъ въ мятежный водоворотъ, и, закружившись въ немъ, перемѣшавшись, переродившись, выходятъ свѣжими волнами. Въ нихъ совершилось великое преобразованіе всего міра; они составляютъ узелъ, связывающій міръ древній съ новымъ; имъ можно назначить то же самое мѣсто въ исторіи человѣчества, какое занимаетъ въ устроеніи человѣческаго тѣла сердце, къ которому текутъ и отъ котораго исходятъ всѣ жилы. Какъ совершилось это всемірное преобразованіе? какія удержались въ немъ старыя стихіи? чтò прибавлено новаго? какимъ образомъ онѣ смѣшались? чтò произошло отъ этого смѣшенія? какъ образовалось величественное, стройное зданіе вѣковъ новыхъ? — это такіе вопросы, которымъ равные по важности едва ли найдутся во всей исторіи. Все, чтò мы имѣемъ, чѣмъ пользуемся, чѣмъ можемъ похвалиться передъ другими вѣками, все устройство и искусное сложеніе нашихъ административныхъ частей, всѣ отношенія разныхъ сословій между собою, самыя даже сословія, наша религія, наши права и привилегіи, нравы, обычаи, самыя знанія, совершившія такой быстрый прогрессивный ходъ, — все это или получило начало и зародышъ, или даже развилось и образовалось въ темные, закрытые для насъ средніе вѣка. Въ нихъ первоначальныя

стихіи и фундаментъ всего новаго; безъ глубокаго и внимательнаго изслѣдованія ихъ не ясна, не удовлетворительна, не полна новая исторія, и слушатели ея похожи на посѣтителей фабрики, которые изумляются быстрой отдѣлкѣ издѣлій, совершающейся почти передъ глазами ихъ, но позабываютъ заглянуть въ темное подземелье, гдѣ скрыты первыя всемогущія колеса, дающія толчекъ всему: такая исторія похожа на статую художника, не изучившаго анатоміи человѣка.

Отчего же, не смотря на всю важность этихъ необыкновенныхъ вѣковъ, всегда какъ-то неохотно ими занимались? Отчего, приближаясь къ нимъ, всегда спѣшили скорѣе пройти ихъ и отдѣлаться отъ нихъ, и рѣдкіе, очень рѣдкіе, пораженные величіемъ предмета, возлагали на себя трудъ разрѣшить нѣкоторые изъ приведенныхъ вопросовъ? Мнѣ кажется, это происходило отъ того, что средней исторіи назначали самое низшее мѣсто. Время ея дѣйствія считали слишкомъ варварскимъ, слишкомъ невѣжественнымъ, и оттого-то оно и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось для насъ темнымъ, раскрытое не вполнѣ, оцѣненное не по справедливости, представленное не въ геніальномъ величіи. Невѣжественнымъ можно назвать развѣ только одно начало, но это невѣжественное время уже имѣетъ въ себѣ то, что̀ должно родить въ насъ величайшее любопытство[1]. Самый процессъ слиянія двухъ жизней, дрѐвняго міра и новаго, это рѣзкое противорѣчіе ихъ образовъ и свойствъ, эти дряхлыя, умирающія стихіи стараго міра, которыя тянутся по новому пространству, какъ рѣки, впавшія въ море, но долго еще не сливающія своихъ прѣсныхъ водъ съ солеными[2] волнами; эти дикія, мощныя стихіи новаго, упорно не допускающія къ себѣ чуждаго вліянія, но, наконецъ, невольно принимающія его; это стараніе, съ какимъ европейскіе дикари кроятъ по своему римское просвѣщеніе; эти отрывки или, лучше сказать, клочки римскихъ формъ, законовъ, среди новыхъ, еще неопредѣленныхъ, не получившихъ ни образа, ни границъ, ни порядка; самый этотъ хаосъ, въ которомъ бродятъ разложенныя начала страшнаго величія нынѣшней Европы и тысящелѣтней силы ея, — они всѣ для насъ[3] занимательнѣе и болѣе возбуждаютъ любопытства, нежели неподвижное время всесвѣтной римской имперіи подъ правленіемъ ея безсильныхъ императоровъ.

Другая причина, почему неохотно занимались исторіею среднихъ вѣковъ[1], это — мнимая сухость, которую привыкли сливать съ понятіемъ о ней. На нее глядѣли, какъ на кучу происшествій нестройныхъ, разнородныхъ, какъ на толпу раздробленныхъ и безсмысленныхъ движеній, не имѣющихъ главной нити, которая бы совокупляла ихъ въ одно цѣлое. Въ самомъ дѣлѣ, ея страшная, необыкновенная сложность съ перваго раза не можетъ не показаться чѣмъ-то хаоснымъ; но разсматривайте внимательнѣе и глубже, и вы найдете и связь, и цѣль, и направленіе. Я, однакоже, не отрицаю, что, для самаго умѣнья найти все это, нужно быть одарену тѣмъ чутьемъ, которымъ обладаютъ немногіе историки[2]. Этимъ немногимъ предоставленъ завидный даръ увидѣть и представить все въ изумительной ясности и стройности. Послѣ ихъ волшебнаго прикосновенія, происшествіе оживляется и пріобрѣтаетъ свою собственность, свою занимательность; безъ нихъ оно долго представляется для всякаго сухимъ и безсмысленнымъ. Все, что̀ было и происходило, все занимательно, если только о немъ сохранились вѣрныя лѣтописи, выключая развѣ[3] совершенное безстрастіе народовъ; вездѣ есть нить, какъ во всякой ткани есть основа, хотя она иногда совершенно бываетъ заткана утокомъ; какъ въ лучистомъ камнѣ есть невидимый свѣтъ, который онъ отливаетъ, будучи обращенъ[4] къ солнцу — она исчезаетъ только съ утратою извѣстій. Такъ и въ первоначальныхъ вѣкахъ средней исторіи, сквозь всю кучу происшествій, невидимою нитью тянется постепенное возрастаніе папской власти и развивается феодализмъ. Казалось, событія происходили совершенно отдѣльно и блескомъ своимъ затемняли уединеннаго, еще скромнаго римскаго первосвященника; дѣйствовалъ сильный государь или его вассалъ, и дѣйствовалъ лично для себя, а между тѣмъ существенныя выгоды незамѣтно текли въ Римъ. И все, что̀ ни происходило, казалось, нарочно происходило для папы. Гильдебрандтъ только отдернулъ занавѣсъ и показалъ власть, уже давно пріобрѣтенную папами.

Исторія среднихъ вѣковъ менѣе всего можетъ назваться скучною. Нигдѣ нѣтъ такой пестроты, такого живаго дѣйствія, такихъ рѣзкихъ противоположностей, такой странной яркости, какъ въ ней: ее можно сравнить съ огромнымъ

строеніемъ, въ фундаментѣ котораго улегся свѣжій, крѣпкій, какъ вѣчность, гранитъ, а толстыя стѣны выведены изъ различнаго, стараго и новаго, матеріала, такъ что на одномъ кирпичѣ видны готѳскія руны, на другомъ блеститъ римская позолота; арабская рѣзьба, греческій карнизъ, готическое окно — все слѣпилось въ немъ и составило самую пеструю башню. Но яркость, можно сказать, только внѣшній признакъ событій среднихъ вѣковъ; внутреннее же ихъ достоинство есть колоссальность исполинская, почти чудесная, отвага, свойственная одному только возрасту юноши, и оригинальность, дѣлающая ихъ единственными, не встрѣчающими себѣ подобія и повторенія ни въ древнія, ни въ новыя времена.

Бросимъ взглядъ на тѣ изъ событій, которыя произвели сильное вліяніе. Главный сюжетъ средней исторіи есть папа. Онъ — могущественный обладатель этихъ молодыхъ вѣковъ, онъ движетъ всѣми силами ихъ и, какъ громовержецъ, однимъ мановеніемъ своимъ правитъ ихъ судьбою. Словомъ, вся средняя исторія есть исторія папы. — Его непреодолимое желаніе властвовать, его постоянныя средства, исполненныя проницательности и мудрости, — слѣдствія старческаго возраста, — его деспотизмъ и деспотизмъ безчисленныхъ легіоновъ его могущественнаго духовенства — ревностныхъ подданныхъ духовнаго монарха, наложившихъ свои желѣзныя оковы на всѣ углы міра, куда ни проникло знаменіе креста — представляютъ явленіе единственное, колоссальное и не повторявшееся никогда. — Не стану говорить о злоупотребленіи и о тяжести оковъ духовнаго деспота. Проникнувъ болѣе въ это великое событіе, увидимъ изумительную мудрость Провидѣнія: не схвати эта всемогущая власть всего въ свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанію народы — и Европа разсыпалась бы, связи бы не было; нѣкоторыя государства поднялись бы, можетъ быть, вдругъ и вдругъ бы развратились; другія сохранили бы дикость свою на гибель сосѣдамъ[1]; образованіе и духъ народный разлились бы неровно: въ одномъ уголку выказывалось бы образованіе, въ другомъ бы чернѣлъ мракъ варварства; Европа бы не устоялась[2], не сохранила того равновѣсія, которое такъ удивительно ее содержитъ; она бы долѣе[3] была въ хаосѣ, она бы не слилась, желѣзною силою энтузіазма, въ одну стѣну, устранившую своею крѣпостью восточныхъ за-

воевателей и, можетъ быть, безъ этого великаго явленія, Европа уступила бы ихъ напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы надъ нею, вмѣсто креста. — Невольно преклонишь колѣна, слѣдя чудные пути Провидѣнія: власть папамъ какъ будто нарочно дана была для того, чтобы въ продолженіе этого времени юныя государства окрѣпли и возмужали; чтобы они повиновались прежде, нежели достигнутъ возраста повелѣвать другими; чтобы сообщить имъ энергію, безъ которой жизнь народовъ безцвѣтна и безсильна. И какъ только народы достигли состоянія управлять собою, власть папы, какъ исполнившая уже свое предназначеніе, какъ болѣе уже ненужная, вдругъ поколебалась и стала разрушаться, не смотря на всѣ сильныя мѣры, на все желаніе удержать гибнущія силы свои. Власть ихъ въ этомъ отношеніи была то же, что̀ подмостки и лѣсъ[1] для постройки зданія: въ началѣ они выше и кажутся значительнѣе самого строенія; но какъ только строеніе достигло настоящей высоты, они, какъ ненужные, принимаются прочь.

Съ мыслію о среднихъ вѣкахъ невольно сливается мысль о крестовыхъ походахъ — необыкновенномъ событіи, которое стоитъ, какъ исполинъ, въ срединѣ другихъ, тоже чудесныхъ и необыкновенныхъ. Гдѣ, въ какое время было когда-нибудь равное ему своею оригинальностью и величіемъ? Это не какая нибудь война за похищенную жену, не порожденіе ненависти двухъ непримиримыхъ націй, не кровопролитная битва между двумя алчными властителями за корону или за клочокъ земли, даже не война за свободу и народную независимость. Нѣтъ! ни одна изъ страстей, ни одно собственное желаніе, ни одна личная выгода не входятъ[2] сюда: всѣ проникнуты одною мыслію — освободить гробъ божественнаго Спасителя! Народы текутъ съ крестами со всѣхъ сторонъ Европы; короли, графы — въ простыхъ власяницахъ; монахи, препоясанные оружіемъ, становятся въ ряды воиновъ; епископы, пустынники, съ крестами въ рукахъ, предводятъ несмѣтными толпами — и всѣ текутъ освободить свою вѣру. Владычество одной мысли объемлетъ всѣ народы. Нѣтъ ли чего-то великаго въ этой мысли? И напрасно крестовые походы называются безразсуднымъ предпріятіемъ. Не странно ли было бы, если бы отрокъ заговорилъ словами разсудительнаго мужа? Они были

порожденіе тогдашняго духа и времени. Предпріятіе это — дѣло юноши, но такого юноши, которому опредѣлено быть геніемъ. А какія безчисленныя, какія удивительныя и непредвидѣнныя слѣдствія крестовыхъ походовъ! Нужно было всю массу образовать и воспитать, дать ей увидѣть свѣтъ, который часто заслоняло отъ нея[1] духовенство, и вся масса для этого извергается[2] въ другую часть свѣта, гдѣ потухающее аравійское просвѣщеніе силится передать ей свой пламень, и — вся Европа вояжируетъ по Азіи. Не въ правѣ ли мы изумляться? Обыкновенно, какой-нибудь выходецъ изъ земли образованной одинъ приноситъ просвѣщеніе и первыя свѣдѣнія въ неизвѣстную страну и постепенно образуетъ дикарей; но образованіе это тянется медленно, неровно. Здѣсь же, напротивъ, народы сами, всею своею массою, приходятъ за образованіемъ и, не смотря на долгое пребываніе, не сливаются съ своими учителями, ничего не перенимаютъ у нихъ роскошнаго и развратнаго, удерживаютъ свою самобытность, при всемъ заимствованіи множества азіатскихъ обыкновеній, и возвращаются въ Европу европейцами, а не азіатцами. Я уже не говорю о тѣхъ слѣдствіяхъ, тѣхъ перемѣнахъ въ феодальномъ правленіи, для которыхъ нужно было временное удаленіе многихъ сильныхъ.

Но бросимъ взглядъ на другія происшествія, наполняющія среднюю исторію. Они хотя, въ сравненіи съ крестовыми походами, могутъ почесться второстепенными, но тѣмъ не менѣе всѣ исполнены чудесности, сообщающей среднимъ вѣкамъ какой-то фантастическій свѣтъ, всѣ — порожденіе юношества прекраснаго, исполненнаго самыхъ сильныхъ и великихъ надеждъ, часто безразсуднаго, но плѣнительнаго и въ самой безразсудности. Разсмотримъ ихъ по порядку времени. Возьмемъ то блестящее время, когда появились аравитяне — краса народовъ восточныхъ. И одному только человѣку и созданной имъ религіи, — роскошной, какъ ночи и вечера востока, пламенной, какъ природа близкая къ Индійскому морю, важной и размышляющей, какую только могли внушить великія пустыни Азіи, — обязаны они всѣмъ своимъ блестящимъ, радужнымъ существованіемъ! Съ непостижимою быстротою они, эти смуглые чалмоносцы, воздвигаютъ свои калифаты съ трехъ сторонъ Средиземнаго моря. И воображеніе ихъ, умъ и всѣ способности, которыми природа такъ чудно одарила араба, разви-

ваются въ виду изумленнаго запада, отпечатываясь со всею роскошью на ихъ дворцахъ, мечетяхъ, садахъ, фонтанахъ, и такъ же внезапно, какъ въ ихъ сказкахъ, кипящихъ изумрудами и перлами восточной поэзіи. Вѣкъ впередъ — и уже онъ исчезъ, этотъ необыкновенный народъ, такъ что въ раздумьи спрашиваешь себя: точно ли онъ жилъ и существовалъ, или онъ — самое прекрасное созданіе нашего воображенія?

Какъ чудесно и какой сильной исполнено противоположности появленіе норманновъ — народа, котораго гнѣвный сѣверъ свирѣпо выбросилъ изъ ледяныхъ нѣдръ своихъ[1]. Горсть людей дерзкихъ, за которыми какъ будто гонятся по пятамъ мрачный ихъ Одинъ и снѣговыя горы Скандинавіи, наводитъ паническій страхъ на обширныя государства! По Сѣверному океану плывутъ ихъ движущіяся королевства подъ начальствомъ морскихъ своихъ королей, — и все падаетъ ницъ передъ этими малолюдными пришлецами, воспитанными бурею, морями, страшною бѣдностію Скандинавіи и дикою религіею.

Колоссальныя завоеванія и распространеніе монголовъ были также дѣломъ почти сверхъестественнымъ. Необъятная внутренность Азіи, которая была скрыта отъ глазъ всѣхъ народовъ, освѣтилась вдругъ въ самомъ страшномъ величіи. Эти степи, которымъ нѣтъ конца, озера и пустыни исполинскаго размѣра, гдѣ все раздалось въ ширину и безпредѣльную равнину, гдѣ человѣкъ встрѣчается какъ будто для того, чтобы собою увеличить еще болѣе окружающее пространство; степи, шумящія хлѣбомъ, никѣмъ не сѣяннымъ и не собираемымъ, травою, почти равняющеюся ростомъ съ деревьями, — степи, гдѣ пасутся табуны и стада, которыхъ отъ вѣка никто не считалъ, и сами владѣльцы не знаютъ настоящаго количества, — эти степи увидѣли среди себя Чингисъ-Хана, давшаго обѣтъ передъ толпами своихъ узкоглазыхъ, плосколицыхъ, широкоплечихъ, малорослыхъ монголовъ завоевать міръ, и — многолюдный Пекинъ горитъ цѣлый мѣсяцъ, милліонъ народа выстрѣливается монгольскими стрѣлами, государь тунгусскій гибнетъ съ сотнями тысячъ подданныхъ на замерзшемъ озерѣ, стада пригоняются къ границамъ Индіи, табуны кипатъ при Волгѣ. Словомъ, какъ будто на завоеваніяхъ ихъ отразилась колоссальность Азіи. Такого быстраго распространенія тоже не видала ни древняя, ни новая исторія.

Я уже ничего не говорю о важной торговлѣ Венеціи, этого небольшаго лоскутка земли, которую всю занималъ одинъ городъ, и городъ безъ государства, выжимая[1] золото со всего міра, и коего царственные купцы своими кораблями, горделиво обошедшими всѣ моря[2], и дворцами при Адріатическомъ морѣ, далеко превосходили многихъ монарховъ. Этого явленія я не считаю единственнымъ и необыкновеннымъ. Оно повторяется[3] въ исторіи міра часто, хотя въ другихъ формахъ и съ разными измѣненіями. Несравненно оригинальнѣе жизнь Европы во время и послѣ крестовыхъ походовъ, когда въ ней все еще темны и неопредѣленны границы государствъ; когда еще государь звучитъ однимъ именемъ своимъ, и вмѣсто того милліоны владѣльцевъ, изъ которыхъ каждый—маленькій императоръ въ своей землѣ; когда вся Европа облекается въ неприступные зàмки съ башнями и зубцами, и твердыя крѣпости усѣеваютъ ея поверхность; когда воспитанная взаимнымъ страхомъ и битвами сила рыцарей дѣлается почти львиною и заковывается съ ногъ до головы въ желѣзо, тяжести котораго еще не выносилъ человѣкъ, и грубо, независимо развивается самостоятельная гордость души. Казалось, эта дикая храбрость должна бы совершенно закалить ихъ и сдѣлать такъ же безчувственными, какъ непроницаемыя ихъ латы. Но какъ удивительно они были укрощены, и такимъ явленіемъ, которое представляетъ совершенную противоположность съ ихъ нравами! это—всеобщее безпредѣльное уваженіе къ женщинамъ. Женщина среднихъ вѣковъ является божествомъ: для ней турниры, для ней ломаются копья, ея розовая или голубая лента вьется на шлемахъ и латахъ и вливаетъ сверхъестественныя силы; для ней суровый рыцарь удерживаетъ свои страсти такъ же мощно, какъ арабскаго бѣгуна своего, налагаетъ на себя обѣты изумительные и неподражаемые по своей строгости къ себѣ, и все для того, чтобы быть достойнымъ повергнуться къ ногамъ своего божества. Если эта возвышенная любовь изумительна, то вліяніе ея на нравы и того болѣе. Все благородство въ характерѣ европейцевъ было ея слѣдствіемъ. А вся эта странническая жизнь, которая обратила Европу въ какую-то движущуюся столицу, доставившая тысячи[4] опытовъ и приключеній каждому и произведшая впослѣдствіи въ европейцахъ жажду къ открытію но-

выхъ земель! Какъ самыя ихъ взаимныя брани и битвы, вѣчно неспокойное положеніе, вмѣсто того, чтобы ослабить всеобщій духъ и напряженіе, какъ тò обыкновенно дѣлается въ періодахъ исторіи, когда роскошь разъѣдаетъ раны нравственной болѣзни народовъ и алчность выгодъ личныхъ выводитъ за собою низость, лесть и способность устремиться на всѣ утонченные пороки, — вмѣсто этого, они только укрѣпили и развили ихъ! Пороки народовъ образованныхъ не смѣли коснуться рыцарства Европы. Казалось, Провидѣніе бодрствовало надъ нимъ неусыпно и съ заботливостью преданнаго наставника берегло его. Едва только возникли улучшенія для жизни, которыя подносила Венеція и Ганза, и начали отдалять рыцарей отъ ихъ обѣтовъ и строгой жизни, подогрѣвать желаніе наслажденій и уменьшать энтузіазмъ религіозный, — какъ появившіяся чудныя, небывалыя никогда дотолѣ общества стали грозными соглядатаями, неумолимою совѣстью передъ народами Европы. Никогда исторія не представляла обществъ, связанныхъ такими неразрывными узами, какъ эти духовные ордена рыцарей. Ничего для своей пользы или для своего существованія, чтò всегда составляло цѣль обществъ! Уничтожить все, чтò составляетъ желаніе человѣка, и жить для всего человѣчества; жить, чтобы быть грозными хранителями міра[1], чтобы носить въ себѣ одно — защиту вѣры Христовой; все принести ей въ жертву и отказаться отъ всего[2], чтò отзывается выгодою жизни! Не чудесно ли это явленіе? Эта энергія и сила для него могла быть только вычерпнута изъ среднихъ вѣковъ. И какъ только ордена рыцарскіе стали уклоняться отъ своей цѣли и обращать глаза на другія, какъ только начали заражаться желаніемъ добычи и корысти, и роскошь заставляла ихъ живѣе привязываться къ собственной жизни, и они стали походить сами на тѣхъ, за которыми наложили на себя сами же смотрѣніе, — какъ возникаютъ уже страшные тайные суды, неумолимые, неотразимые, какъ высшія предопредѣленія, являющіеся уже не совѣстью передъ вѣтренымъ міромъ, но страшнымъ изображеніемъ смерти и казни. Ни сила, ни обширныя земли, ни даже самая корона не спасаютъ и не отмѣняютъ произнесеннаго ими приговора. Незнаемые, невидимые, какъ судьба, гдѣ-нибудь въ глуши лѣсовъ, подъ сырымъ сводомъ глубокаго подземелья, они взвѣшивали

и разбирали всю жизнь и дѣла того, которому, посреди необъятныхъ своихъ земель и сотни покорныхъ вассаловъ, и въ мысль не приходило, есть ли гдѣ въ мірѣ власть выше его. И если эти подземные судьи разъ произносили обвиняющее слово — все кончено. Напрасно властитель грозою могущества своего затрудняетъ къ себѣ приближеніе, напрасно его золото залѣпляетъ уста и заставляетъ всѣхъ прославлять его — неумолимый кинжалъ настигаетъ его на концѣ міра, крадется мимо пышной толпы придворныхъ[1] и разитъ его изъ-за плеча друга. Не составляетъ ли это чудесности почти сказочной? Только тамъ такъ неотразимо, такъ сверхъестественно, такъ неправильно дѣйствуетъ человѣкъ, оторванный отъ общества, лишенный покрова законной власти, не знающій, что̀ такое слово: „невозможность"[2].

А самый образъ занятій, царствовавшій въ срединѣ и концѣ среднихъ вѣковъ, — это всеобщее устремленіе всѣхъ къ чудесной наукѣ, это желаніе выпытать и узнать таинственную силу въ природѣ, эта алчность, съ какою всѣ ударились въ волшебство и чародѣйственныя науки, на которыхъ ясно кипитъ признакъ европейскаго любопытства, безъ котораго науки никогда бы не развились и не достигли нынѣшняго совершенства! Самая даже простодушная вѣра ихъ въ духовъ и обвиненія въ сообщеніи съ ними имѣютъ для насъ уже необыкновенную занимательность. А занятія алхиміею, считавшеюся ключомъ ко всѣмъ познаніямъ, вѣнцомъ учености среднихъ вѣковъ, въ которой заключилось дѣтское желаніе открыть совершеннѣйшій металлъ, который бы доставилъ человѣку все! Представьте себѣ какой-нибудь германскій городъ въ средніе вѣки[3], эти узенькія, неправильныя улицы, высокіе пестрые готическіе домики и среди ихъ какой-нибудь ветхій, почти валящійся, считаемый необитаемымъ, по растреснувшимся стѣнамъ котораго лѣпится мохъ и старость, окна глухо заколочены — это жилище алхимика. Ничто не говоритъ въ немъ о присутствіи живущаго, но въ глухую ночь голубоватый дымъ, вылетая изъ трубы, докладываетъ о неусыпномъ бодрствованіи старца, уже посѣдѣвшаго въ своихъ исканіяхъ, но все еще неразлучнаго съ надеждою, — и благочестивый ремесленникъ среднихъ вѣковъ со страхомъ бѣжитъ отъ жилища, гдѣ, по его мнѣнію, духи основали пріютъ свой, и

гдѣ, вмѣсто духовъ, основало жилище неугасимое желаніе, непреоборимое любопытство, живущее только собою и разжигаемое собою же, возгорающееся даже отъ неудачи — первоначальная стихія всего европейскаго духа — которое напрасно преслѣдуетъ инквизиція, проникая во всѣ тайныя мышленія человѣка: оно вырывается мимо и, облеченное страхомъ, еще съ бо̀льшимъ наслажденіемъ предается своимъ занятіямъ.

А самая инквизиція? Какое мрачное и ужасное явленіе! Инквизиція свирѣпая, слѣпая, владѣвшая безчисленными сводами и подземельями монастырей, не вѣрящая ничему, кромѣ своихъ ужасныхъ пытокъ, на которыхъ человѣкъ показалъ адскую изобрѣтательность; инквизиція, выпускавшая изъ-подъ монашескихъ мантій свои желѣзные когти, хватавшіе всѣхъ безъ различія, кто только ни предавался страннымъ и необыкновеннымъ занятіямъ; подтвердившая великую истину, что если можетъ физическая природа человѣка, доведенная муками, заглушить голосъ души, то въ общей массѣ всего человѣчества душа всегда торжествуетъ надъ тѣломъ.

Не единственны ли всѣ эти явленія? Не даютъ ли они права назвать средніе вѣка вѣками чудесными? Чудесное прорывается при каждомъ шагѣ и властвуетъ вездѣ, во все теченіе этихъ юныхъ десяти вѣковъ, — юныхъ потому, что въ нихъ дѣйствуетъ все молодое, кипящее отвагою, порывы и мечты, не думавшіе о слѣдствіяхъ, не призывавшіе на помощь холоднаго соображенія, еще не имѣвшіе прошедшаго, чтобы оглянуться. Все было въ нихъ — поэзія и безотчетность. Вы вдругъ почувствуете переломъ, когда вступите въ область исторіи новой. Перемѣна слишкомъ ощутительна, и состояніе души вашей будетъ похоже на волны моря, прежде воздымавшіяся неправильными, высокими буграми, но послѣ улегшіяся и всею своею необозримою равниною мѣрно и стройно совершающія правильное теченіе. Дѣйствія человѣка въ среднихъ вѣкахъ кажутся совершенно безотчетны; самыя великія происшествія представляютъ совершенные контрасты между собою и противорѣчатъ во всемъ другъ другу; но совокупленіе ихъ всѣхъ вмѣстѣ, въ цѣлое, являетъ изумительную мудрость. Если можно сравнить жизнь одного человѣка съ жизнію цѣлаго человѣчества, то средніе вѣка будутъ то же, что время воспитанія человѣка въ школѣ. Дни его текутъ

незамѣтно для свѣта, дѣянія его не такъ крѣпки и зрѣлы, какъ нужно для міра, объ нихъ никто не знаетъ; но за то они всѣ—слѣдствіе порыва и обнажаютъ за однимъ разомъ всѣ внутреннія движенія человѣка, и безъ нихъ не состоялась бы будущая его дѣятельность въ кругу общества.

Теперь разсмотрите, между какими колоссальными событіями заключается время среднихъ вѣковъ! Великая имперія, повелѣвавшая міромъ, двѣнадцативѣковая нація, дряхлая, истощенная, падаетъ; съ нею валится полсвѣта, съ нею валится весь древній міръ съ полуязыческимъ образомъ мыслей, безвкусными писателями, гладіаторами, статуями, тяжестью роскоши и утонченностью разврата. Это ихъ начало. Оканчиваются средніе вѣка тоже самымъ огромнымъ событіемъ[1]—всеобщимъ взрывомъ, подымающимъ на воздухъ все и обращающимъ въ ничто всѣ страшныя власти, такъ деспотически ихъ обнявшія. Власть папы подрывается и падаетъ, власть невѣжества подрывается, сокровища и всемірная торговля Венеціи подрываются, и когда всеобщій хаосъ переворота очищается и проясняется, предъ изумленными очами являются: монархи, держащіе мощною рукою свои скипетры; корабли, расширеннымъ взмахомъ несущіеся по волнамъ необъятнаго океана мимо Средиземнаго моря; въ рукахъ у европейцевъ, вмѣсто безсильнаго оружія, огонь; печатные листы разлетаются по всѣмъ концамъ міра,—и все это результаты среднихъ вѣковъ. Сильный напоръ и усиленный гнетъ властей, казалось, были для того только[2], чтобы сильнѣе произвесть всеобщій взрывъ. Умъ человѣка, задвинутый крѣпкою толщею, не могъ иначе прорваться, какъ собравши всѣ свои усилія, всего себя. И оттого-то, можетъ быть, ни одинъ вѣкъ не представляетъ такихъ гигантскихъ открытій, какъ XV,—вѣкъ, которымъ такъ блистательно оканчиваются средніе вѣка, величественные, какъ колоссальный готическій храмъ, темные, мрачные, какъ его пересѣкаемые одинъ другимъ своды, пестрые, какъ разноцвѣтныя его окна и куча изузоривающихъ его украшеній[3], возвышенные, исполненные порывовъ, какъ его летящіе къ небу столпы и стѣны, оканчивающіяся мелькающимъ въ облакахъ шпицемъ.

ГЛАВА ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА*.

Между тѣмъ посланникъ нашъ переѣхалъ границу, отдѣляющую[1] нынѣ пирятинскій[2] повѣтъ отъ лубенскаго. Общихъ ѣзжалыхъ дорогъ тогда не было въ Малороссіи, но почти каждому извѣстна была какая-нибудь проселочная[3], по мнѣнію его, самая ближайшая. Часто такая дорога, уклоняясь отъ ровной поверхности, проскальзывала въ рытвины, царапалась по косогору, вѣшалась надъ провалами, и одинъ неровный, слегка протоптанный подковою коня слѣдъ означалъ ея уклоненія. Достаточно было только выѣхать въ дорогу, чтобы выучиться не разбирать ночлеговъ[4]. Главное же неудобство для путешественника, не ознакомленнаго съ мѣстами, было то, что онъ долженъ былъ, на разстояніи 25 или 50 ружейныхъ выстрѣловъ[5], вывѣдывать и выспрашивать пути у жителей, которыхъ показанія всегда почти разногласили.

Пустивъ повода и наклонивъ голову, всадникъ нашъ давно уже погруженъ былъ въ раздумье[6], и только изрѣдка попадавшіеся кочки и пни срубленныхъ деревъ, заставляя спотыкаться вѣрнаго его товарища, борзаго коня, перерѣзывали разомъ его думы, которыя снова обычнымъ ожерельемъ[7] низались въ головѣ его. Въ первый разъ еще случалось ему выполнять такое порученіе: ѣхать, Богъ знаетъ куда, въ незаселенныя степи Украйны! И кто этотъ Глечикъ?... Какая нужда Казимиру до начальника какой-то шайки, называвшаго

* Изъ романа подъ заглавіемъ: „Гетьманъ". Первая часть его была написана и сожжена, потому что самъ авторъ не былъ ею доволенъ; двѣ главы, напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ, помѣщаются въ этомъ собраніи.

себя полковникомъ миргородскаго полку?... Ему не объявлено было ничего удовлетворительнаго ни о характерѣ, ни о силѣ его, ни о томъ, какія онъ имѣетъ сношенія, и съ кѣмъ.... Къ чему же эта осторожность, какую нужно было имѣть въ рѣчахъ съ нимъ? Зачѣмъ перелетать такую даль, чтобы только доставить ему свѣдѣнія о событіяхъ, волновавшихъ Варшаву? И чѣмъ могъ быть полезенъ такой отдаленный союзникъ?... Мысленно досадовалъ[1] онъ[2] на себя, что не вывѣдалъ обстоятельно объ этомъ отъ Бригитты: ей, безъ сомнѣнія, сколько-нибудь были извѣстны причины такого страннаго посольства. Солнце медленно прощалось съ землею. Живописныя облака, обхваченныя по краямъ огненными лучами, поминутно мѣняясь и разрываясь, летѣли по воздуху[3]. Сумерки угрюмо надвигали сизую тѣнь свою и притворяли мало по малу ставни окошекъ, освѣщавшихъ свѣтлый божій міръ. Въ это время путникъ нашъ, послѣ долгаго степнаго странствія, въѣхалъ въ лѣсъ. Раздѣтыя безжалостною осенью деревья сквозили какъ рѣшето и, казалось, дрожали отъ вечерняго холода. Желтые листья, какъ объѣдки и битые ковши отъ недавняго пиршества, валялись неприбранные, и одинъ только шелестъ ихъ, ходя по лѣсу, давалъ знать о присутствіи въ немъ нашего всадника. Сквозь обнаженную вершину лѣса темнѣло небо; рѣзкій вѣтеръ подымался съ поля и мчалъ заунывные свои вопли въ гущу лѣса. Путникъ поневолѣ задумался и остановилъ коня своего въ нерѣшимости, чтò предпринять, потому что дорога совершенно исчезла и передъ нимъ торчалъ одинъ только лѣсъ да неизвѣстность; какъ вдругъ громкій голосъ: „цобъ, цобъ!“ поразилъ слухъ его, тяжело нагруженный возъ заскрыпѣлъ, и пара воловъ показалась изъ-за деревьевъ. Надобно вообразить себя на мѣстѣ путешественника, чтобы вполнѣ почувствовать радость такой встрѣчи. Луна въ это время вырѣзалась на небѣ. Серебряный[4] свѣтъ, перепутанный тѣнью отъ деревъ, палъ рѣшеткою на землю, освѣтивъ далеко окрестность, и Лапчинскій увидѣлъ передъ собою дюжаго пожилаго селянина. Сѣдые, закрученные внизъ усы его гордо покоились на смугломъ, означенномъ рѣзкими мускулами лицѣ, которое такъ простодушно оттѣняла какая-то азіатская безпечность. По чернымъ бровямъ серебрилась сѣдина, огонь вылеталъ изъ небольшихъ карихъ[5] глазъ, и въ огнѣ

томъ высвѣчивались попеременно то хитрость, то простодушіе. На головѣ у него была черная козацкая шапка съ синимъ верхомъ. Коротенькій нагольный тулупъ, затянутый яркоцвѣтнымъ поясомъ, служилъ непроницаемыми латами отъ холода; сверхъ этого одѣянія, въ добавку, накинутъ былъ обыкновенный кобенякъ изъ толстаго смураго сукна, который и понынѣ носятъ малороссійскіе мужики. Изъ-за пояса торчала пищаль и изогнутая татарская сабля,—оружіе, которое въ тогдашнія смутныя времена всякій козакъ, ратникъ и селянинъ почиталъ необходимостью всегда имѣть при себѣ.

„Помогай, Боже!“[1] сказалъ онъ, остановивъ воловъ и обнаживъ увѣнчанную только на верхушкѣ кистью волосъ голову, въ знакъ того уваженія, какое обыкновенно оказывали тогда простые поселяне ратнымъ людямъ. Надобно припомнить, что Лапчинскій, въ избѣжаніе непріятностей, какимъ бы онъ неминуемо подвергнулся отъ жителей, не терпѣвшихъ всего, что̀ только носило названіе ляха или принадлежало ляхамъ, принужденъ былъ перемѣнить щегольской костюмъ свой на скромное одѣяніе козацкаго десятника.

Всадникъ нашъ отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы на сіе привѣтствіе.

„Не знаешь ли, землякъ“, молвилъ онъ съ ласковымъ видомъ: „далеко ли отсюда до Ромодановскаго шляху?“

„Не съумѣю, добродію, сказать вдругъ; повремените немножко!“ —Тутъ принялся онъ высчитывать, что̀ выражали машинально сгибаемые имъ пальцы.—„До Ромодановскаго шляху!... Какъ бы вамъ сказать?... оно не такъ, чтобы близко. Надобно знать, что козаки[2] наши немного было перетрусили: кто-то пронесъ слухъ, что все шляхетство собирается къ намъ на Сулу въ гости. Спохватились[3] сдуру и разломали мосты; такъ вамъ, добродію, чтобъ не пришлось давать большихъ объѣздовъ. Впрочемъ, Богъ его знаетъ: я говорю это потому, что другіе говорятъ... такъ, можетъ быть, выберется и короткій путь; только, знаете, теперь время осеннее... то станется, что и далеко... Только опять же, какъ подумаешь, то кажется, что и близко. Вотъ другое дѣло, если бъ были поставлены столбы по дорогѣ, какіе, безъ сомнѣнія, сами, добродію, если бывали въ Польшѣ, встрѣчали по тамошнимъ дорогамъ“[4].

Не должно удивляться противорѣчіямъ, испестрявшимъ мо-

нологъ нашего поселянина. Кромѣ дѣйствительной неизвѣстности, малороссіяне любили поусомниться и въ самомъ знакомомъ имъ дѣлѣ. Малороссіянинъ и донынѣ ничего не скажетъ наобумъ, но разъ десять поправитъ себя, а иногда съ умысломъ запутаетъ своего слушателя такъ, что тотъ, къ изумленію своему, видитъ, что до такого-то мѣста и далеко, и близко.

„Куда же, по крайней мѣрѣ, мнѣ теперь держать путь?“ спросилъ странникъ, вперивъ испытующій взоръ на своего наставника.

Тутъ селянинъ нашъ осмотрѣлъ его хорошенько съ головы до ногъ.

„А вы, добродію, хотите теперь ѣхать?“

„Почему же не теперь?“

„Богъ съ вами! теперь и нашъ братъ, здѣшній, уже, сильно подумавши развѣ, поѣдетъ. Знаешь, мосьпане, вѣдь намъ стóитъ только проѣхать такое время, въ какое добрый мужикъ успѣетъ вымолотить полкопны жита, чтобы заслышать собачій лай съ моего двора. Все бы лучше опочить въ теплой хатѣ, а завтра хоть и съ Богомъ!“

Отъ такого предложенія нельзя было отказаться путнику, который, кажется, того только и ожидалъ.

„А куда“, спросилъ дорогою поселянинъ нашъ своего будущаго гостя: „лежитъ путь вамъ, мосьпане?“

„Ѣду-то я далеко, на ту сторону Ворскла, къ миргородскому полковнику Глечику. Что, землякъ, не знаешь ли и ты его?“

„Какъ не знать этой старой собаки![1] А изъ какихъ мѣстъ Богъ несетъ?“

„Изъ великой станицы, чтò подъ Лохвицею“.

„Какъ же это, добродію, мы не слышали ничего про то, чтобы станица была подъ Лохвицею?“ Тутъ вонзилъ онъ въ него острый взоръ свой, который, казалось, хотѣлъ выпытать его душу. „И то сказать! гдѣ уже мужику знать все про войсковыя дѣла; до нашего захолустья еще и слухи не дошли объ этомъ“.

Посланникъ нашъ спохватился, что не нужно бросать осторожности въ розсказняхъ[2] и съ простымъ селяниномъ, и потому, собравшись немного съ мыслями, продолжалъ: „То есть, вотъ видишь, землякъ, навѣрное я еще не могу сказать. Въ самой-то станицѣ я не былъ, а встрѣтившійся подъ Лохвицею за-

порожскій сотникъ Шляйко, узнавъ, что я ѣду въ эти мѣста, далъ мнѣ грамотку къ миргородскому полковнику. Летѣлъ онъ, какъ угорѣлый; изъ разспросовъ его я ничего не могъ узнать навѣрное. Недавно передъ тѣмъ возвратился я изъ Варшавы... Видишь, онъ, можетъ быть, имѣлъ причины недовѣрять мнѣ... то есть... онъ... ты, думаю, понимаешь меня".

„Что̀ вы говорите, добродію! Развѣ мужикъ пойметъ то, что̀ толкуютъ паны? Ей Богу, нѣтъ; гдѣ намъ понять! У насъ и голова не такъ сдѣлана, какъ у пановъ: чортъ знаетъ, что̀ такое; больше на капусту похоже, чѣмъ на голову".

„О, да ты штука!" подумалъ про себя Лапчинскій и положилъ себѣ быть какъ можно осторожнѣе въ словахъ.

Онъ во все это время ѣхалъ шагомъ[1], уравнивая легкую поступь своего гордаго коня съ лѣнивою выступкою тяжелыхъ воловъ, впереди которыхъ съ флегматическою важностью шелъ селянинъ, помахивая батогомъ и потягивая коротенькую люльку*. Дымъ отъ нея обнималъ облаками смуглое лицо его, которое, освѣщаясь иногда вспыхивавшимъ огонькомъ, казалось лицомъ какого-нибудь упыря, выказывавшимся по временамъ изъ непробуднаго болотнаго тумана и сѣявшимъ искры чуднаго огня. Это заставляло Лапчинскаго чаще всматриваться ему въ глаза, чтобъ удостовѣриться, точно ли то былъ его товарищъ.

Но селянинъ нашъ самъ отгонялъ всякое насчетъ его сомнѣніе, не давая минуты задуматься своему гостю. — „Слыхали-ль вы, добродію, про таковое[2] диво?" говорилъ онъ, не выпуская изо рта своей трубки: „видишь ли сосну, вонъ далеко, далеко чернѣетъ передъ нами?"

И путникъ, къ удивленію своему, точно, увидѣлъ сосну. Какимъ образомъ зашла она сюда, когда во всей почти этой сторонѣ Малороссіи, на разстояніи, можетъ быть, по сту верстъ во всѣ стороны, взоръ не отыскивалъ этой суровой жилицы сѣвера? Невольно вперилъ онъ на нее глаза свои: она одна только посреди обнаженнаго лѣса сохраняла, казалось, жизнь. Но жизнь ли это? Это была мумія, которую съ изумленіемъ отыскиваютъ между голыми скелетами, одну, не сокрушенную тлѣніемъ. Въ ней видны тѣ же черты, та же прекрасная форма человѣка объемлетъ ее; но, Боже, въ какомъ видѣ! Неотра-

* Трубку.

зимое, непонятное чувство тоски и ужаса врывается въ душу при взглядѣ на жалкій обманъ, которымъ суетное искусство силится выхватить и удержать что-то похожее на жизнь [1].

„Это еще не большое диво, что сосна [2], а вотъ чтò диво. Лѣтъ за пятьдесятъ передъ тѣмъ, какъ мы балагуримъ съ вами, жилъ, чуть ли не на вотъ этомъ мѣстѣ, въ хоромахъ великій панъ. Воевода ли онъ былъ, сотникъ ли какой, или просто панъ, этого я не умѣю сказать [3]; знаю только, что онъ былъ ляхъ и не нашей вѣры [4]. Жилъ онъ, какъ всѣ нечистые польскіе паны живутъ: домъ съ утра до вечера ходенемъ ходилъ отъ вина да отъ пѣсенъ, и далече прохватывала дрожь крещенаго человѣка [5], когда онъ слышалъ раздававшіеся изъ лѣсу крики. Хлопцы изъ дворни его то и дѣло что наѣздничали по хуторамъ [6] да обирали бѣдныхъ жителей. Этого мало. Стали обворовывать да обдирать божьи церкви, и такое дѣлали... врагъ съ ними! не хочу и говорить, чтò такое. Побить бы ихъ всѣхъ, добродію, — такъ нельзя, потому что дворни одной у нихъ было, можетъ, съ полторы сотни [7], да и на каждаго бердыши, самопалы и вся сбруя ратная. Вотъ и вызвался одинъ дьяконъ,— какъ уже его звали и изъ какого приходу онъ былъ, ей Богу, добродію, не знаю,— вызвался и пришелъ въ лѣсъ. Если бы теперь не ночь и не засыпало листьемъ [8], то я, можетъ статься, показалъ бы вамъ останки [9] этого дьявольскаго гнѣзда. На ту пору,— такъ, видно, самъ Богъ уже хотѣлъ,— былъ у нихъ какой-то окаянный праздникъ. Дьяконъ шелъ уже на пропало, сказалъ: „Господи, благослови!“ и, сколько доставало духу, толкнулся въ ворота, запертыя толпившимся народомъ [10]. Цымбалы и бандуры бренчали и гудѣли, словно на свадьбѣ, а пьяные паны и дворня изо всей силы отдирали краковякъ. Какъ только завидѣли дьякона, такъ, добродію, и закричали [11]: „Зачѣмъ сюда принесло попа?“ А панъ говоритъ: „Гей, хлопцы! налейте-ка попу водки: пусть его танцуетъ съ нами, добрыми христіанами, краковякъ, да подгоняйте его хорошенько батожьемъ!“ Дьяконъ, исполнившись, видно, Святаго Духа, началъ представлять нечестивымъ весь грѣхъ беззаконнаго житья ихъ, и какія на томъ свѣтѣ будутъ имъ муки, и какъ будутъ они плясать въ пеклѣ *, только не по своей волѣ, а подгоняе-

* Въ адѣ.

мые[1] горячими вилами чертей. „А, такъ ты еще и проповѣдь читаешь! Гей, хлопцы! поднимите попа на крылосъ, а чтобъ не застудилъ[2] горла, накиньте ему галстукъ на шею!“ И тутъ же челядь, съ нечеловѣчьимъ смѣхомъ и гиканьемъ, встащила несчастнаго дьякона на ту самую сосну, мимо которой лежитъ намъ путь. Позвольте, добродію: тутъ-то и исторія. Сосна эта какъ разъ стояла передъ хоромами и какъ нарочно еще передъ самыми окошками панской свѣтлицы. Вотъ, какъ ночь уже разогнала всѣхъ: кого на лавку, кого подъ лавку, пану нашему чудится, что на него каплетъ что-то холодное. „Что за нечистый!“ подумалъ панъ: „отчего это каплетъ?“ Всталъ съ постели, глядитъ: колючія вѣтви сосны царапаются къ нему сквозь стѣну[3] и, будто живыя, вытягиваются длиннѣе, длиннѣе и какъ разъ достаютъ до него. Перекрестился, можетъ быть, въ первый разъ отъ роду нашъ панъ, когда увидѣлъ, что изъ нихъ каплетъ человѣчья кровь, сначала холодная какъ ледъ, а потомъ жжетъ да и только! Къ окну— такъ и ноги подкосились: сосна вся посинѣла, какъ мертвецъ, и страшно киваетъ ему черною, всклокоченною бородою. Сначала было думалъ панъ, не хмель ли бродитъ у него въ головѣ: такъ на слѣдующую ночь то же диво, и вся дворня въ одинъ голосъ, что по лѣсу то и дѣло, что отпѣваютъ усопшаго такимъ страшнымъ голосомъ, что всякаго морозъ دралъ по кожѣ, и волосы щетиною поднимались на головѣ. Чего ужъ не дѣлали: и погребли съ честью тѣло дьякона, и принимались было рубить сосну, — такъ сѣкира не беретъ: что ни ударятъ, топоръ вызубрится, а дерево стонетъ, будто дитя некрещеное. Рѣшились, наконецъ, бросить это окаянное мѣсто. Вотъ каждый день и соберется вся челядь, осѣдлаютъ коней, заберутъ все съ собою и выѣдутъ, еще черти не бьются на кулачки; ѣдутъ, ѣдутъ, до самаго вечера: кажись, Богъ знаетъ, куда заѣхали! остановятся ночевать — смотрятъ, знакомыя все мѣста: опять тотъ же дикій лѣсъ, тѣ же хоромы, а проклятая сосна, протягивая вѣтви, словно руки, хватаетъ пана и обдаетъ его кровавыми каплями, а черная, всклокоченная борода такъ же жутко киваетъ ему...“

Тутъ разскащикъ нашъ стремительно ударилъ въ слушателя огненными глазами своими, блиставшими еще ярче посреди ночи, и, казалось, не безъ удовольствія замѣтилъ въ

немъ впечатлѣніе, произведенное его разсказомъ. Дѣйствительно, путникъ нашъ не могъ не ощутить какого-то тайно врывавшагося въ душу страха и съ безпокойствомъ посматривалъ вокругъ.

Въ это время поравнялись они съ сосной. Серебряный свѣтъ падалъ на печальныя вѣтви ея[1], и отбрасывавшіяся отъ нихъ тѣни, будто продолженіе ихъ, переламливаясь о встрѣчныя деревья, ложились безконечною лѣстницею на землю. Вѣтеръ слегка покачивалъ вершину, и когда путникъ, немного проѣхавъ, оглянулся назадъ, то ему показалось, что какой-нибудь непріязненный духъ, принявъ дикій, величественный образъ, медленно слѣдовалъ за нимъ, печально покачивая угрюмою бородою и раскидывая темнозеленыя объятія свои въ намѣреніи схватить его.

„Что же далѣе случилось?“ спросилъ онъ умолкшаго[2] разскащика, стараясь подавить невольную робость.

„Что? Круто пришлось пану[3]: распустилъ всю свою дворню, сталъ схимникомъ и, какъ отправилъ пятьдесятъ двѣ панихиды за упокой души дьякона, тогда только стихнуло чудо. Куда же дѣлся послѣ того схимникъ, этого никто не скажетъ вамъ. Дня за три до Купала каплетъ съ этого дерева, день и ночь, роса. Говорятъ еще, что и сгубленная чья-то душа таскается по лѣсу. Теща разсказывала года за четыре, когда была еще при памяти, что встрѣтила однажды въ лѣсу дьявола въ красномъ жупанѣ, въ какомъ ходилъ и покойный панъ. Цобъ, цобъ, цобе! гей! Вотъ мы, добродію, и пріѣхали“.

Лапчинскій увидѣлъ дѣйствительно передъ собою низенькія ворота[4], рѣдко убитыя впоперекъ положенными досками, какія и теперь можно видѣть почти у каждаго малороссійскаго поселянина. Лай собакъ залился по лѣсу, и старая женщина, въ накинутомъ на плеча тулупѣ, вышла отворить ворота. Глазамъ нашего путника представился небольшой дворикъ, обнесенный заборомъ изъ болотнаго тростника, нѣсколько сараевъ и хлѣвовъ, укрытыхъ такимъ же тростникомъ, и обыкновенная малороссійская хата. На дворѣ наваленъ былъ ворохъ ульевъ, изъ которыхъ многіе развѣшены были на деревьяхъ, нагибавшихъ со всѣхъ сторонъ любопытныя вѣтви свои во дворъ, какъ будто низкая буколическая жизнь его могла доставить имъ, величественнымъ, занимательное зрѣлище. Позади двора тя-

нулось еще какое-то строеніе, котораго за темнотою нельзя было распознать. По всему можно было заключить, что имѣніе сіе принадлежало слишкомъ зажиточному козаку: въ тогдашнія времена не у всякаго могло найтись подобное великолѣпіе.

Пока хозяинъ занимался выгрузкою своего вьюка, Лапчинскому было довольно времени разсмотрѣть внутренность этого обиталища. Все въ немъ было почти такъ же, какъ и нынѣ у простолюдиновъ[1] Малороссіи: противъ дверей нѣсколько оконъ, передъ ними столъ, на которомъ замѣтилъ онъ ржаной хлѣбъ и соль, не снимавшіеся съ него никогда, въ знакъ того, что гость во всякое время можетъ найти радушный пріемъ себѣ. Всю комнату обходили липовыя широкія и узкія лавки; у дверей громоздилась печь, съ отверстіемъ внизу, заслоненнымъ частою рѣшеткою, изъ-за которой выглядывали куры, гуси, индѣйки и домашніе кролики. Каждый изъ сихъ безсловесныхъ жильцовъ суетился по-своему: пищалъ, кудахталъ, гоготалъ и давалъ знать[2], что онъ ни мало не послѣднее изъ твореній[3]. На полу мальчишка лѣтъ четырехъ колотилъ огромнымъ подсолнечникомъ по опрокинутому горшку, между тѣмъ какъ другой, годомъ постарѣе, душилъ за горло кота, напѣвая какую-то пѣсню, которую, вѣрно, отъ частаго повторенія его матери, заучилъ навѣки. Передъ большимъ, окованнымъ сундукомъ сидѣла дѣвочка лѣтъ одиннадцати, держа на рукахъ груднаго ребенка, плакавшаго изо всѣхъ силъ, не смотря на то, что она, желая забавить его, побрякивала огромнымъ замкомъ и стращала малютку вошедшимъ гостемъ. На стѣнѣ висѣли: серпъ, сабля, ружье, котораго замокъ былъ развинченъ и лежалъ близь него[4] на полкѣ, вѣроятно, отложенный для починки[5], сѣкира, турецкій пистолетъ, еще ружье, не опущенная коса и коротенькая нагайка, — орудія, съ незапамятныхъ временъ вѣчно враждовавшія между собою и которыя непонятный человѣкъ заставляетъ мириться, не смотря на несходныя ихъ свойства.

„Прошу не погнѣваться, добродію, что заставилъ васъ ждать немного!“ сказалъ вошедшій хозяинъ: „такъ проклятая ярмарка ошеломила меня, что до сихъ поръ въ головѣ базаръ ходитъ. Счастье еще, что старухи моей нѣтъ дома, а то бы она вымыла мнѣ голову. Дома только насъ: я да теща“.

При семъ словѣ вошла та самая старуха, которая отворяла ворота. Съ какимъ-то грустнымъ чувствомъ разсматривалъ ее путникъ. Казалось, передъ нимъ стояла жертва могилы, въ которой сильная природа нарочно удерживала жизнь, чтобы показать человѣку всю ничтожность долголѣтія, къ коему такъ жадно стремятся его желанія. Могильное равнодушіе разливалось на усѣянныхъ морщинами чертахъ ея. Ни искры какой-нибудь живости въ глазахъ! мутные, они устремлялись порой на него; но тотъ бы обманулся, кто прочиталъ бы въ нихъ что-нибудь похожее на любопытство. Они ни на что не глядѣли; имъ все казалось смутно, какъ не совсѣмъ проснувшемуся человѣку. Покамѣстъ предавался онъ такимъ чувствамъ, старуха отправилась на печь, всегдашнее свое жилище, весь міръ свой, который также казался ей просторенъ и люденъ, какъ и всякій другой; а хозяинъ обратился къ дѣтямъ своимъ. „Ай да Ѳедотъ!“ говорилъ онъ, поднимая одною рукою подъ потолокъ мальчика съ подсолнечникомъ: „гдѣ ты взялъ такой страшный сонечникъ? * Да этимъ ты какъ-нибудь человѣка убьешь! Ты чтò тамъ дѣлаешь, Карпо? кота душишь? Какой же я тебѣ гостинецъ привезъ! Ступай же, собачій сынъ! что-жъ ты стоишь и ротъ разинулъ? Вотъ, какъ видите, добродію, сто разъ толкую, что я его батька; до сихъ поръ не вѣритъ, ледача дѣтина! ** А ты, плакса, долго будешь ревѣть?[1] А подайте мнѣ батогъ, вотъ я его! Давай его сюда, Маруся; я сейчасъ за окошко: пусть тамъ съѣдятъ его волки, либо ляхи....“

„Тебя таки, землякъ, Богъ надѣлилъ дѣтьми?“ сказалъ гость нашъ своему хозяину[2].

„Да, не безъ того, мосьпане! всѣхъ-то ихъ у меня семеро. Два уже поженились на чужой сторонѣ, только чортъ знаетъ, какое приданое взяли за невѣстами: по сажени земли, на которой ничего не родится, кромѣ полыни[3], и бурьяну. Чтò-жъ ты, Ѳедотъ, не скажешь спасибо? Панъ даетъ пряникъ, а онъ и не поклонится. Не извольте цѣловать его! у него вся рожа выпачкана золою. Были мнѣ съ нимъ порядочныя хлопоты. Услышалъ, что ѣду на ярмарку. „Возьми и меня, тату!“ — „Да куда я тебя дѣну? тамъ тебя задавятъ!“ — „Нѣтъ, не за-

---

* Подсолнечникъ, по малороссійскому произношенію.

** Негодный ребенокъ.

давятъ, возьми, да и возьми!“ — „Да тамъ теперь столько цыгановъ, что еще украдутъ тебя, и тогда поминай, какъ звали“. — „Возьми да и только!“ Что станешь дѣлать? плачу такого натворилъ, что Боже упаси. Насилу унялъ его обѣщаніемъ привезти медоваго коня съ золотой головою. Ну, Маруся, матери не зачѣмъ дожидаться: давай-ка намъ вечерять *; баба ужъ, вѣрно, спитъ! Такъ до кого, добродію“, продолжалъ онъ, вдругъ оборотясь къ гостю и садясь за столъ: „говоришь ты, ѣдешь? У меня подъ старость голова, какъ дырявое ведро: сколько ни лей воды въ него, все пусто; сколько ни толкуй умныхъ рѣчей, все позабудетъ“.

„Какъ, землякъ? развѣ я не сказалъ тебѣ, что до Глечика?“ отвѣчалъ гость, немного удивленный такою странною забывчивостью.

„До миргородскаго полковника? такъ нечего тебѣ и забираться такъ далеко: не кто другой, какъ онъ, сидитъ передъ тобою, мосьпане!“

Если бы въ это время пуля пролетѣла мимо ушей Лапчинскаго, онъ былъ бы менѣе удивленъ. Такъ внезапно, такъ неожиданно напасть на него врасплохъ, когда всѣ мысли его разбрелись... когда.... Нѣтъ! не можетъ быть! онъ ослышался! И глаза его неподвижно устремились на хозяина, какъ бы желая удостовѣриться въ лживости того, о чемъ донесъ ему слухъ его.

1830.

---

* Ужинать.

О ПРЕПОДАВАНІИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

I.

Всеобщая исторія, въ истинномъ ея значеніи, не есть собраніе частныхъ исторій всѣхъ народовъ и государствъ безъ общей связи, безъ общаго плана, безъ общей цѣли, куча происшествій безъ порядка, въ безжизненномъ и сухомъ видѣ, въ какомъ очень часто ее представляютъ. Предметъ ея великъ: она должна обнять вдругъ и въ полной картинѣ все человѣчество — какимъ образомъ оно изъ своего первоначальнаго, бѣднаго младенчества развивалось, разнообразно совершенствовалось и, наконецъ, достигло нынѣшней эпохи. Показать весь этотъ великій процессъ, который выдержалъ свободный духъ человѣка кровавыми трудами, борясь отъ самой колыбели съ невѣжествомъ, природой и исполинскими препятствіями — вотъ цѣль всеобщей исторіи! Она должна собрать въ одно всѣ народы міра, разрозненные временемъ, случаемъ, горами, морями, и соединить ихъ въ одно стройное цѣлое, изъ нихъ составить одну величественную полную поэму. Происшествіе, не произведшее вліянія на міръ, не имѣетъ права войти сюда. Всѣ событія міра должны быть такъ тѣсно связаны между собою и цѣпляться одно за другое, какъ кольца въ цѣпи. Если одно кольцо будетъ вырвано, то цѣпь разрывается. Связь эту не должно принимать въ буквальномъ смыслѣ: она не есть та видимая, вещественная связь, которою часто насильно связываютъ происшествія, или система, создающаяся въ головѣ независимо отъ фактовъ, и къ которой послѣ своевольно притягиваютъ событія міра. Связь эта должна заключаться въ одной общей мысли, въ одной неразрывной исто-

ріи человѣчества, передъ которою и государства, и событія — временные формы и образы! Міръ долженъ быть представленъ въ томъ же колоссальномъ величіи, въ какомъ онъ являлся, проникнутый тѣми же таинственными путями Промысла, которые такъ непостижимо на немъ означались. Интересъ необходимо долженъ быть доведенъ до высочайшей степени, такъ, чтобы слушателя мучило желаніе узнать далѣе; чтобы онъ не въ состояніи былъ закрыть книгу или не дослушать, но если бы и сдѣлалъ это, то развѣ съ тѣмъ только, чтобы начать съизнова чтеніе; чтобы очевидно было, какъ одно событіе раждаетъ другое и какъ безъ первоначальнаго не было бы послѣдующаго. Только такимъ образомъ должна быть создана исторія.

II.

Все, что ни является въ исторіи: народы, событія — должны быть непремѣнно живы и какъ бы находиться предъ глазами слушателей или читателей, чтобъ каждый народъ, каждое государство сохраняли свой міръ[1], свои краски, чтобы народъ, со всѣми своими подвигами и вліяніемъ на міръ, проносился ярко, въ такомъ же точно видѣ и костюмѣ, въ какомъ былъ онъ въ минувшія времена. Для того нужно собрать не многія черты, но такія, которыя бы высказывали много, — черты самыя оригинальныя, самыя рѣзкія, какія только имѣлъ изображаемый народъ. Для того, чтобы извлечь эти черты, нуженъ умъ, сильный схватить всѣ незамѣтные для простаго глаза оттѣнки, нужно терпѣніе перерыть множество иногда самыхъ неинтересныхъ книгъ. Но что̀ уже одинъ узналъ, то другимъ передается легко; и потому слушатели должны узнать это, не роясь въ архивахъ.

III.

Преподаватель долженъ призвать въ помощь географію, но не въ томъ жалкомъ видѣ, въ какомъ ее часто принимаютъ, т. е. для того только, чтобы показать мѣсто, гдѣ что̀ происходило. Нѣтъ! Географія должна разгадать многое, безъ нея неизъяснимое въ исторіи. Она должна показать, какъ положеніе земли имѣло вліяніе на цѣлыя націи; какъ оно дало особенный характеръ имъ; какъ часто гора, вѣчная граница,

взгроможденная природою, дала другое направленіе событіямъ, измѣнила видъ міра, преградивъ великое разлитіе опустошительнаго народа, или заключивши въ неприступной своей крѣпости народъ малочисленный; какъ это могучее положеніе земли дало одному народу всю дѣятельность жизни, между тѣмъ какъ другой осудило на неподвижность; какимъ образомъ оно имѣло вліяніе на нравы, обычаи, правленіе, законы. Здѣсь-то они должны увидѣть, какъ образуется правленіе: что его не люди совершенно установляютъ, но нечувствительно устанавливаетъ и развиваетъ самое положеніе земли; что формы его оттого священны, и измѣненіе ихъ неминуемо должно навлечь несчастіе на народъ.

IV.

Событія и эпохи великія, всемірныя, должны быть означены ярко, сильно, должны выдвигаться на первомъ планѣ со всѣми своими слѣдствіями, измѣнившими міръ: не такъ, какъ дѣлаютъ иногда преподаватели, которые, сказавши, что такое-то происшествіе есть великое, тѣмъ и отдѣлываются, или приводятъ близорукія слѣдствія въ видѣ отрубленныхъ вѣтвей, тогда какъ должно развить его во всемъ пространствѣ[1], вывесть наружу всѣ тайныя причины его явленія и показать, какимъ образомъ слѣдствія отъ него, какъ широкія вѣтви, распростираются по грядущимъ вѣкамъ, болѣе и болѣе развѣтвляются на едва замѣтные отпрыски, слабѣютъ и наконецъ совершенно исчезаютъ, или глухо отдаются даже въ нынѣшнія времена, подобно сильному звуку въ горномъ ущельи, который вдругъ умираетъ послѣ рожденія, но долго еще отзывается въ своемъ эхѣ. Эти событія должно показать въ такомъ видѣ, чтобы всѣ видѣли ясно, что они великіе маяки всеобщей исторіи, что на нихъ она держится, какъ земля держится на первозданныхъ гранитахъ, какъ животное на своемъ скелетѣ.

V.

Теперь объ образѣ преподаванія. Слогъ профессора долженъ быть увлекательный, огненный. Онъ долженъ въ высочайшей степени овладѣть вниманіемъ слушателей. Если хоть

одинъ изъ нихъ можетъ предаться во время лекціи посороннимъ мыслямъ, то вся вина падаетъ на профессора: онъ не умѣлъ быть такъ занимателенъ, чтобы покорить своей волѣ даже мысли слушателей. Нельзя вообразить, не испытавши, какое вредное вліяніе происходитъ отъ того, если слогъ профессора вялъ, сухъ и не имѣетъ той живости, которая не даетъ мыслямъ ни на минуту разсыпаться. Тогда не спасетъ его самая ученость: его не будутъ слушать; тогда никакія истины не произведутъ на слушателей вліянія, потому что ихъ возрастъ есть возрастъ энтузіазма и сильныхъ потрясеній; тогда происходитъ то, что самыя ложныя мысли, слышимыя ими стороною, но выраженныя блестящимъ и привлекательнымъ языкомъ, мгновенно увлекутъ ихъ и дадутъ имъ совершенно ложное направленіе. Чтò же тогда, когда профессоръ еще сверхъ того облеченъ школьною методою, схоластическими мертвыми правилами и не имѣетъ даже умственныхъ силъ доказать ихъ; когда юный, развертывающійся умъ слушателей, начиная понимать уже выше его, пріучается презирать его? Тогда даже справедливыя замѣчанія возбуждаютъ внутренній смѣхъ и желаніе дѣйствовать и умствовать наперекоръ; тогда самыя священныя слова въ устахъ его, какъ-то: преданность къ Религіи и привязанность къ Отечеству и Государю, превращаются для нихъ въ мнѣнія ничтожныя. Какія изъ этого бываютъ ужасныя слѣдствія, это видимъ, къ сожалѣнію, нерѣдко. И потому-то не должно упускать изъ вниманія, что возрастъ слушателей есть возрастъ сильныхъ впечатлѣній; и потому нужно имѣть всю силу, всю увлекательность, чтобы обратить этотъ энтузіазмъ ихъ на прекрасное и благородное; чтобы разсказъ профессора дышалъ самъ энтузіазмомъ. Его убѣжденія должны быть такъ сильны, такъ выведены изъ самой природы, такъ естественны, чтобы слушатели сами увидѣли истину еще прежде, нежели онъ совершенно укажетъ на нее. Разсказъ профессора долженъ дѣлаться по временамъ возвышенъ, долженъ сыпать и возбуждать высокія мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть простъ и понятенъ для всякаго. Истинно высокое одѣто величественною простотою: гдѣ величіе, тамъ и простота. Онъ не долженъ довольствоваться тѣмъ, что его нѣкоторые понимаютъ: его должны понимать всѣ. Чтобы дѣлаться доступнѣе, онъ не

долженъ быть скупъ на сравненія. Какъ часто понятное еще болѣе поясняется сравненіемъ! И потому эти сравненія онъ долженъ всегда брать изъ предметовъ самыхъ знакомыхъ слушателямъ: тогда и идеальное, и отвлеченное становится понятнымъ. Онъ[1] не долженъ говорить слишкомъ много, потому что этимъ утомляется вниманіе слушателей и потому что многосложность и большое обиліе предметовъ не дадутъ возможности удержать всего въ мысляхъ[2]. Каждая лекція профессора непремѣнно должна имѣть цѣлость и казаться оконченною, чтобъ въ умѣ слушателей она представлялась стройною поэмою, чтобы они видѣли вначалѣ, что̀ она должна заключать въ себѣ и что̀ заключаетъ: чрезъ это они сами въ своемъ разсказѣ всегда будутъ соблюдать цѣль и цѣлость. А это необходимѣе всего въ исторіи, гдѣ ни одно событіе не брошено безъ цѣли.

VI.

Планъ же для преподаванія, послѣ многихъ наблюденій, испытаній себя и слушателей, я полагаю лучшимъ слѣдующій:

Прежде всего почитаю необходимымъ представить слушателямъ эскизъ всей исторіи человѣчества, въ немногихъ, но сильныхъ словахъ и въ нераздѣльной связи, чтобы они вдругъ обняли все то, о чемъ будутъ слышать; иначе они не такъ скоро и не въ такой ясности постигнутъ весь механизмъ исторіи,— все равно, какъ нельзя узнать совершенно городъ, исходивши всѣ его улицы: для этого нужно взойти на возвышенное мѣсто, откуда бы онъ виденъ былъ весь, какъ на ладони. Я набрасываю здѣсь эскизъ для того, чтобы показать вмѣстѣ, въ какомъ видѣ и въ какой связи должна быть исторія[3].

Прежде всего я долженъ представить, какимъ образомъ человѣчество началось востокомъ. Я долженъ изобразить востокъ съ его древними патріархальными царствами, съ религіями, облеченными въ глубокую таинственность, такъ непонятную для простаго народа, кромѣ религіи Евреевъ, между коими сохранилось чистое, первобытное вѣдѣніе[4] истиннаго Бога; какъ эти древнія государства оградились другъ отъ друга, будто неприступною стѣною, нетерпимостью и китайскою осторожностью; какъ одинъ только народъ финикійскій, первые мореплаватели древняго міра, приводилъ невольно своею

промышленностью въ сообщеніе эти почти неподвижныя государства, и какимъ образомъ первый всемірный завоеватель, Киръ, съ свѣжимъ и сильнымъ народомъ, персами, подвергъ весь востокъ своей власти и насильно соединилъ разнохарактерные народы; но нравы, религія, формы правленія остались въ государствахъ тѣ же, цари только обратились въ сатраповъ, и весь востокъ видѣлъ надъ собою одну верховную власть царя царей, персидскаго повелителя; какъ постепенно, отъ взаимнаго сообщенія, эти народы теряли свою особенность и національность и, вмѣстѣ съ своимъ царемъ царей, почти богомъ, невидимымъ для народа, поверглись въ азіатскую роскошь. — Здѣсь я останавливаюсь и обращаюсь къ другой части древняго міра, къ Европѣ. Я долженъ изобразить, какъ возникъ въ ней этотъ цвѣтъ его, народъ греческій, съ живымъ, любопытнымъ умомъ, республиканскимъ духомъ, совершенно противоположными формами правленія, поэтической религіей, ясными, живыми идеями, такъ противоборствующими важной таинственности востока; какъ развернулось у нихъ просвѣщеніе въ такомъ необыкновенномъ блескѣ, и какъ, наконецъ, одинъ честолюбивый грекъ подвергъ ихъ своей монархической власти; какъ этотъ великій грекъ задумалъ гигантское дѣло: соединить востокъ съ Европою и разнесть вездѣ греческое просвѣщеніе. И вотъ, чтобы связать тѣснѣе три части свѣта, строится городъ Александрія; герой умираетъ, всесвѣтная монархія падаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Но подвиги его живы, плоды зрѣютъ: настаетъ знаменитый александрійскій вѣкъ, когда весь древній міръ толпится у гавани александрійской, когда греческіе ученые во всѣхъ городахъ, и національность опять исчезаетъ, народы опять смѣшиваются! А между тѣмъ въ Италіи, почти невидимо отъ всѣхъ, созрѣваетъ желѣзная сила римлянъ.

Я долженъ изобразить, какъ этотъ суровый, воинственный народъ покоряетъ одно за другимъ государства, обогащается награбленными богатствами, поглощаетъ весь востокъ. Легіоны его проникаютъ въ тѣ земли Европы, гдѣ владѣніе уже не доставляетъ ничего нужнаго для человѣка. Уже Цезарь заноситъ ногу въ Британнію, римскіе орлы на скалахъ Албіона... Между тѣмъ невѣдомыя степи средней Азіи извергаютъ толпы[1] невѣдомыхъ народовъ, которыя тѣснятъ и гонятъ[2] предъ со-

бою другихъ, вгоняютъ ихъ въ Европу, сами несутся по пятамъ ихъ и грозно останавливаются на сѣверѣ, какъ зловѣщая кара, ожидающая обреченной жертвы, скрытые отъ римлянъ германскими лѣсами и непроходимыми болотами. А между тѣмъ уже ни одного не остается независимаго царства. Весь міръ раздѣленъ на римскія провинціи. Римляне перенимаютъ все у побѣжденныхъ народовъ — сначала пороки, потомъ просвѣщеніе. Все мѣшается опять. Всѣ дѣлаются римлянами, и ни одного настоящаго римлянина! И когда развратные императоры, своевольное войско, отпущенники и содержатели зрѣлищъ тиранствуютъ надъ міромъ, — въ нѣдрахъ его непримѣтно совершается великое событіе: въ ветхомъ мірѣ зарождается новый! воплощается неузнанный міромъ Божественный Спаситель его, и вѣчное слово, не понятое властелинами, раздается въ темницахъ и пустыняхъ, таинственно выжидая новыхъ народовъ. Наконецъ, на весь древній міръ непостижимо находитъ летаргическій сонъ, та страшная неподвижность, то ужасное онѣмѣніе жизни, когда просвѣщеніе не двигается ни впередъ, ни назадъ, сила и характеръ исчезаютъ, все обращается въ мелкій, ничтожный этикетъ, жалкую, развратную безхарактерность. А въ Азіи, между тѣмъ, новый толчокъ, какъ электрическая искра, пробѣгаетъ по всей цѣпи: одинъ народъ тѣснитъ и гонитъ передъ собою другой, который въ свою очередь сгоняетъ третій, и самые крайніе появляются уже на римскихъ границахъ, тогда какъ жалкіе побѣдители міра употребляютъ всѣ усилія спасти себя: сначала откупаются золотомъ, потомъ изъ нихъ же составляютъ себѣ войско защитниковъ, потомъ отдаютъ имъ, одну за другою, всѣ свои провинціи, наконецъ предаютъ имъ Римъ, и тѣ, которые сохраняли еще слабые остатки познаній, бѣгутъ на востокъ; прочіе, невѣжественные и слабые, исчезаютъ въ сильныхъ толпахъ новаго народа.

Я долженъ изобразить, какъ начинается новая жизнь въ Европѣ, какъ основываются и принимаютъ крещеніе дикія государства въ границахъ, назначенныхъ природою, съ феодальными правами, съ вассальными владѣніями, и какъ могущественный папа, прежде только римскій первосвященникъ, дѣлается государемъ, незамѣтно присоединяетъ къ своей сильной религіозной власти свѣтскую. Между тѣмъ, на востокѣ остатки рим-

лянъ тѣснятся и покоряются новымъ сильнымъ народомъ, мгновенно, какъ бы фантастически, возродившимся на своемъ каменномъ аравійскомъ полуостровѣ, подвигнутымъ до изступленія религіей, совершенно восточной, основанной полупомѣшаннымъ энтузіастомъ Магометомъ; какъ этотъ народъ, съ азіатской саблей въ рукахъ, распространялъ магометанство на мѣсто прежнихъ остатковъ греческаго просвѣщенія, и какъ изумительно, быстро[1] этотъ чудесный народъ изъ завоевателей дѣлается просвѣтителемъ, развертывается во всемъ блескѣ, съ своей роскошной фантазіей, глубокими мыслями и поэзіей жизни, и какъ онъ вдругъ меркнетъ и затмевается выходцами изъ-за моря каспійскаго, которымъ оставляетъ въ наслѣдство одно магометанство, какъ, почти въ то же время, въ Европѣ корсары сѣверныхъ морей, норманны, съ неслыханною дерзостью, въ маломъ числѣ, грабятъ и овладѣваютъ цѣлыми государствами, наконецъ перемѣняютъ дикую религію свою на христіанство и прибавляютъ Европѣ свою силу и нравы; а между тѣмъ папа мало по малу дѣлается неограниченнымъ монархомъ всей Европы, и самый императоръ нѣмецкій, котораго уважали всѣ народы, не смѣетъ противустать ему, и какъ, по мановенію его, цѣлые народы, вассалы, короли, оставляютъ свои земли, богатства, кладутъ пламенный крестъ на рамена и спѣшатъ съ энтузіазмомъ въ Палестину; какъ вся Европа, двинувшись съ мѣстъ, валится въ Азію, востокъ сшибается съ западомъ, и двѣ грозныя силы, христіанство съ магометанствомъ; какъ это великое событіе порождаетъ рыцарство, обнявшее всю Европу; какъ возникли орденскія общества, осудившія себя на безбрачную, одинокую жизнь, чтобы быть вѣрными одной цѣли, и произошелъ самый сильнорелигіозный христіанскій вѣкъ; какъ энтузіазмъ къ вѣрѣ перешелъ потомъ границы, начертанныя десницею Божественнаго Спасителя, и какъ въ то же время, невидимо отъ всей Европы, совершается великій эпизодъ всемірной исторіи: созидается безпримѣрная по величинѣ монархія Чингисханова, поглотившая всѣ азіатскія земли, неизвѣстныя европейцамъ. Въ Европѣ одни только монастыри имѣютъ землю и осѣдлость; все обратилось въ рыцарство, все кочуетъ, все неспокойно: каждый вмѣстѣ и воинъ, и полководецъ, и вассалъ, и повелитель, и слушается и не слушается, — вѣкъ величайшаго разъединенія и вмѣстѣ

единства! Каждый управляется своей волей, и между тѣмъ всѣ согласны въ одной цѣли и мысляхъ. Бѣдные поселяне, вытерпѣвъ чашу бѣдъ, наконецъ, рѣшаются соединиться, независимо отъ своихъ повелителей, въ города. Возникаетъ среднее сословіе гражданъ, города начинаютъ богатѣть, и на сѣверѣ Европы, въ отпоръ рыцарямъ, образуется Ганзейскій союзъ, связывающій всю сѣверную Европу своей торговлей. Между тѣмъ на югѣ возникаетъ порожденіе крестовыхъ походовъ — страшная торговлею Венеція, эта царица морей, эта чудная республика, съ такимъ замысловатымъ и необыкновенно устроеннымъ правленіемъ. Всѣ богатства Европы и Азіи невидимо перешли въ ея руки, и какъ папа религіозною властью, такъ Венеція непомѣрнымъ богатствомъ повелѣвала Европою. Духовный деспотъ употреблялъ всѣ силы убить ея торговлю, но все было напрасно, пока, наконецъ, генуэзскій гражданинъ не убилъ ее открытіемъ Н ваго Свѣта. Наконецъ, я долженъ представить, какъ вдругъ расширился кругъ дѣйствій, какъ пала торговля Средиземнаго моря. Европейцы съ жадностью спѣшатъ въ Америку и вывозятъ кучи золота; Атлантическій и Восточный океаны въ ихъ власти, и въ то же время папскія миссіи проникаютъ въ сѣверовосточную Азію и Африку — и міръ открывается почти вдругъ во всей своей обширности. Между тѣмъ въ Европѣ понемногу сомнѣваются въ справедливости папской власти и, какъ прежде торговлю Венеціи убилъ бѣдный Генуэзецъ, такъ власть папы сокрушилъ августинскій монахъ Лютеръ. Какъ образовалась эта мысль въ головѣ смиреннаго монаха, какъ сильно и упрямо защищалъ онъ свои положенія![1] Какъ, при паденіи своемъ, папа становился грознѣе и изобрѣтательнѣе: ввелъ ужасную инквизицію и страшный невидимою силою орденъ іезуитскій, который вдругъ разсыпался по всему свѣту, проникъ во все, прошелъ вездѣ и тайно сообщался между собою на двухъ розныхъ концахъ міра.—Но чѣмъ грознѣе становился папа, тѣмъ сильнѣе противъ него работали типографскіе станки. Вся Европа раздѣлилась на двѣ партіи, и эти партіи, наконецъ, схватились за оружіе, и война жестокая, внутри и внѣ государствъ, долгая, обхватила вдругъ всю Европу. Но уже не копьями и не стрѣлами производилась она, — нѣтъ! пушками, ядрами, громомъ и огнемъ, ужаснымъ и благодѣ-

тельнымъ изобрѣтеніемъ монаха-алхимиста разыгралась эта великая тяжба. Духовная власть пала. Государи становятся сильнѣе. Я долженъ изобразить, какъ измѣнилась Европа послѣ этихъ войнъ. Государства, народы сливаются плотнѣе въ нераздѣльныя массы. Нѣтъ того разъединенія власти, какъ въ средніе вѣка. Она сосредоточивается болѣе въ одномъ лицѣ. И какъ отъ того сильные характеры становятся виднѣе, кругъ государей, министровъ, полководцевъ обширнѣе! Самъ собою, невольно, завязывается въ Европѣ политическій союзъ, полагающій защищать оружіемъ неприкосновенность каждаго государства. А между тѣмъ неутомимые купцы - голландцы, вырвавшіе свою землю у моря, овладѣваютъ островами Восточнаго океана, берутъ милліоны за разводимыя на нихъ плантаціи драгоцѣнныхъ растеній юга и, какъ прежде Венеція, схватываютъ торговлю всего міра, пока одинъ необыкновенный государь не подрываетъ ее и не покушается на неприкосновенность государствъ. Я долженъ изобразить блестящій вѣкъ, произведенный этимъ государемъ (Лудовикомъ XIV), когда Франція закипѣла издѣліями роскоши, фабриками, писателями, когда Парижъ сдѣлался всемірною столицею, куда съѣзжались со всей Европы, и французскій языкъ, французскіе нравы, французскій этикетъ и обычаи распространились по всей Европѣ. Но, нарушивши неприкосновенность чужихъ владѣній, этотъ честолюбивый король хотя и разстроиваетъ торговлю голландцевъ, но вмѣстѣ разоряетъ свое государство и самъ убиваетъ свое величіе. Какъ быстро пользуются этимъ островитяне британскіе, которые до того медленно, но вѣрно близились къ своей цѣли, наконецъ очутились почти вдругъ обладателями торговли всего міра: ворочаютъ милліонами въ Индіи, собираютъ дань съ Америки, и, гдѣ только море, тамъ британскій флагъ. Имъ преграждаетъ путь исполинъ XIX вѣка, Наполеонъ, и уже дѣйствуетъ другимъ орудіемъ—совершенно военнымъ деспотизмомъ; своими быстрыми движеньями оглушаетъ Европу и налагаетъ на нее желѣзное свое протекторство. Напрасно гремитъ противъ него въ англійскомъ парламентѣ Питтъ и составляетъ страшные союзы. Ничто не имѣетъ духа ему противиться, пока онъ самъ не набѣгаетъ на гибель свою, вторгнувшись въ Россію, гдѣ невѣдомыя ему пространства, лютость климата и войскà, образо-

ванныя суворовскою тактикою, погубляютъ его. И Россія, сокрушившая этого исполина о неприступныя твердыни свои, останавливается въ грозномъ величіи на своемъ огромномъ сѣверовостокѣ. Освобожденныя государства получаютъ прежній видъ и прежнія формы, утверждаютъ снова союзъ и неприкосновенность владѣній. Просвѣщеніе, не останавливаемое ничѣмъ, начинаетъ разливаться даже между низшимъ классомъ народа; паровыя машины доводятъ мануфактурность до изумительнаго совершенства, будто невидимые духи помогаютъ во всемъ человѣку и дѣлаютъ силу его еще ужаснѣе и благодѣтельнѣе; — и онъ, въ священномъ трепетѣ, видитъ, какъ Слово изъ Назарета обтекло, наконецъ, весь міръ.

Когда исторія міра будетъ удержана въ такомъ краткомъ, но полномъ эскизѣ и происшествія будутъ такъ связаны между собою, тогда ничто не улетитъ изъ головы слушателей и въ умѣ ихъ невольно составится цѣлое. Наконецъ, этотъ эскизъ, развившись въ великомъ объемѣ, составитъ полную исторію человѣчества.

VII.

Послѣ изложенія полной исторіи человѣчества, я долженъ разобрать отдѣльно исторію всѣхъ государствъ и народовъ, составляющихъ великій механизмъ всеобщей исторіи. Натурально, та же полнота, та же цѣлость должна быть видна и здѣсь въ обозрѣніи каждаго порознь. Я долженъ обнять его вдругъ, съ начала до конца: какъ оно основалось, когда было въ силѣ и блескѣ, когда и отчего пало (если только пало), и какимъ образомъ достигло того вида, въ какомъ находится нынѣ; если же народъ стерся съ лица земли, то какимъ образомъ на мѣсто его образовался новый и что̀ принялъ отъ прежняго[1].

VIII.

Чтобъ еще глубже все сказанное вошло въ память, по окончаніи курса необходимы повторительные обзоры. Но чтобы повтореніе было успѣшнѣе, нужно стараться давать ему интересъ и занимательность новизны. Послѣ исторіи всего міра и отдѣльно каждой земли и народа, не мѣшаетъ сдѣлать обзоръ каждой части свѣта и тутъ показать все отличіе какъ ихъ,

такъ и народовъ, въ нихъ находящихся, чтобъ слушатели сами могли вывесть результатъ:

Во первыхъ, объ Азіи, этой обширной колыбели младенчествующаго человѣчества, землѣ великихъ переворотовъ, гдѣ вдругъ возрастаютъ въ страшномъ величіи народы и вдругъ стираются другими; гдѣ столько націй невозвратно пронеслись, одна за другою, а между тѣмъ формы правленія, духъ народовъ одни и тѣ же: все такъ же важенъ, такъ же гордъ азіатецъ, такъ же быстро воспламеняется и кипитъ страстями, такъ же скоро предается лѣни и бездѣйственной роскоши. И вмѣстѣ съ симъ эта часть свѣта есть земля разительныхъ противоположностей и какого-то великаго безпорядка: еще одинъ народъ кочуетъ беззаботно въ необозримомъ многолюдствѣ съ необозримыми табунами, а между тѣмъ на другомъ концѣ, гдѣ-нибудь въ пустынѣ, изступленный изувѣръ, изнуряя себя безконечнымъ постомъ, замышляетъ новую религію, которая впослѣдствіи обхватитъ всю Азію, одѣнетъ народъ, какъ непроницаемой бронею, своимъ изступленнымъ вдохновеніемъ и поведетъ его на разрушеніе; и тутъ же, можетъ быть, недалеко отъ него, находится народъ, уже перешедшій всѣ эти явленія и кризисы, уже погруженный въ роскошь, утомленный азіатскимъ пресыщеніемъ. Только здѣсь можетъ находиться та странная противоположность, которой дивимся въ деревѣ юга, гдѣ на одной вѣткѣ, въ одно время, одинъ плодъ цвѣтетъ, между тѣмъ какъ другой наливается, третій зрѣетъ, четвертый, переспѣлый, валится на землю.

Потомъ о Европѣ, исторія которой означена совершенно противоположною характерностью, гдѣ существованіе народовъ, напротивъ, долго и мощно; гдѣ все, напротивъ, порядокъ и стройность: народы разомъ подвигаются тактъ въ тактъ, какъ регулярныя европейскія войска; государства всѣ почти въ одно время растутъ и совершенствуются; при всѣхъ характерныхъ отличіяхъ націй, въ нихъ видно общее единство, и каждая изъ нихъ такъ чудно запутана съ другими, что становится совершенно понятною только въ соединеніи со всей Европою, и вся Европа кажется однимъ государствомъ. И въ этой небольшой части свѣта рѣшилась долгая тяжба: человѣкъ сталъ выше природы, а природа обратилась въ искусство; самая бѣдность и скупость ея вызвали наружу весь

безграничный міръ, скрывавшійся въ человѣкѣ, дали ему почувствовать, во сколько онъ выше земнаго, и превратили всю страну въ вѣчную жизнь ума. Въ этой одной только части свѣта могущественно развился высокій геній христіанства, и необъятная мысль, осѣненная небеснымъ знаменіемъ креста, витаетъ надъ нею, какъ надъ отчизною.

Потомъ объ Африкѣ, представляющей, въ противоположность Европѣ, смерть ума, гдѣ природа всегда деспотически властвовала надъ человѣкомъ; гдѣ она во всемъ своемъ царственномъ величіи и всегда почти возвращала его въ первобытное состояніе, въ жизнь чувственную; гдѣ ни одинъ коренной туземный народъ не прожилъ мощною жизнью и не отбросилъ отъ себя яркихъ лучей на міръ; гдѣ даже переселенцы съ[1] другихъ земель напрасно вступали въ борьбу съ палящею природою африканскою: чѣмъ далѣе погружались они въ Африку, тѣмъ глубже повергались въ чувственность.

Наконецъ, объ Америкѣ, этой всемірной колоніи, вавилонскомъ смѣшеніи націй, гдѣ столкнулись три противорѣчащія[2] части свѣта, смѣшались, но еще не слились въ одно, и потому еще не имѣющей покамѣстъ никакого единства, даже единства религіи; не взирая на частную характерность, не получившей общаго характера; не смотря на огромную массу, все еще состоящей изъ первоначальныхъ стихій, разложенныхъ началъ; не смотря на независимыя государства, все еще похожей на колонію.

Быстрый обзоръ исторіи каждой части свѣта, во всей ея рѣзкой характерности, не поверхностный, но глубокій, результатъ вѣковъ и событій, потому необходимъ, что онъ наводитъ на мысли и заставляетъ слушателей думать. Умъ тогда быстрѣе развивается, когда самъ предлагаетъ себѣ великій и поэтическій вопросъ. Этотъ обзоръ каждой части тѣмъ болѣе еще необходимъ, что показываетъ часто съ новой стороны тѣ же предметы. А для полнаго уразумѣнія нужно, чтобы предметъ былъ освѣщенъ со всѣхъ сторонъ. „Только тогда вы знаете хорошо исторію“, говоритъ Шлецеръ: „когда знаете ее и вдоль, и поперекъ, и вкось, и во всѣхъ направленіяхъ“.

IX.

И для того, въ видѣ эпилога, послѣ окончанія курса хорошо разсмотрѣть за однимъ разомъ весь міръ по столѣтіямъ. Тогда всеобщая исторія представитъ у меня великую лѣстницу вѣковъ. Я долженъ непремѣнно показать, чѣмъ ознаменовано начало, средина и конецъ каждаго столѣтія, потомъ — духъ и отличительныя черты его. Чтобы лучше опредѣлить каждый вѣкъ и избѣгнуть монотонности числъ, я назову его именемъ того народа или лица, который сталъ въ немъ выше другихъ и ярче дѣйствовалъ на поприщѣ міра. Эта лѣстница столѣтій есть лучшее средство къ утвержденію въ памяти слушателей современности событій, лицъ и явленій.

X.

Мнѣ кажется, что такой образъ преподаванія будетъ дѣйствительнѣе и ближе къ истинѣ. По крайней мѣрѣ, глубоко понимающій величіе исторіи увидитъ, что онъ не произведеніе мгновенной фантазіи, но плодъ долгихъ соображеній и опыта;[1] что ни одинъ эпитетъ, ни одно слово не брошено здѣсь для красоты и мишурнаго блеска, но ихъ породило долговременное чтеніе лѣтописей міра; что составить эскизъ общій, полный исторіи всего человѣчества, хотя даже столь краткій, какъ здѣсь, можно не иначе, какъ когда узнаешь и постигнешь самыя тонкія и запутанныя нити исторіи, и что одна любовь къ наукѣ, составляющей для меня наслажденіе, понудила меня объявить мои мысли[2]; что цѣль моя — образовать сердца юныхъ слушателей той основательной опытностью, которую развертываетъ исторія, понимаемая въ ея истинномъ величіи, сдѣлать ихъ твердыми, мужественными въ своихъ правилахъ, чтобы никакой легкомысленный фанатикъ и никакое минутное волненіе не могло поколебать ихъ, — сдѣлать ихъ кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками Великаго Государя, чтобы ни въ счастіи, ни въ несчастіи не измѣнили они своему долгу, своей вѣрѣ, своей благородной чести и своей клятвѣ — быть вѣрными Отечеству и Государю.

1832.

ПОРТРЕТЪ.

ПОВѢСТЬ.

§ I.

Нигдѣ столько не останавливалось[1] народа, какъ передъ картинною лавкою[2] на Щукиномъ дворѣ. Эта лавка представляла, точно, самое разнородное собраніе диковинокъ: картины большею частью были писаны масляными[3] красками, покрыты темнозеленымъ лакомъ, въ темножелтыхъ мишурныхъ рамахъ. Зима съ бѣлыми деревьями, совершенно красный вечеръ, похожій на зарево пожара, фламандскій мужикъ съ трубкою и выломанною рукою, похожій болѣе на индѣйскаго пѣтуха въ манжетахъ, нежели на человѣка — вотъ обыкновенные ихъ сюжеты. Къ этому нужно присовокупить нѣсколько гравированныхъ изображеній: портретъ Хозрева-Мирзы въ бараньей шапкѣ, портреты какихъ-то генераловъ въ треугольныхъ шляпахъ, съ кривыми носами. — Двери такой лавочки обыкновенно бываютъ увѣшаны связками тѣхъ картинъ, которыя свидѣтельствуютъ самородное дарованіе русскаго человѣка: на одной изъ нихъ была царевна Миликтриса Кирбитьевна, на другой — городъ Іерусалимъ, по домамъ и церквямъ[4] котораго безъ церемоніи прокатилась красная краска, захватившая часть земли и двухъ молящихся русскихъ мужиковъ въ рукавицахъ. Покупателей этихъ произведеній обыкновенно немного, но за то зрителей — куча: какой-нибудь забулдыга-лакей уже, вѣрно, зѣваетъ передъ ними, держа въ рукѣ судки съ обѣдомъ изъ трактира для своего барина, который, безъ сомнѣнія, будетъ хлебать супъ не слишкомъ горячій. Передъ ними, вѣрно, уже стоитъ солдатъ, этотъ кавалеръ толкучаго рынка, продающій два перочинные ножика; торговка изъ Охты, съ коробкою,

наполненною башмаками. Всякій восхищается по своему: мужики обыкновенно тыкаютъ пальцами; кавалеры разсматриваютъ сурьезно; лакеи-мальчишки и мальчишки-мастеровые смѣются и дразнятъ другъ друга нарисованными карикатурами; старые лакеи въ фризовыхъ шинеляхъ смотрятъ потому только, чтобы гдѣ-нибудь позѣвать; а торговки, молодыя русскія бабы, спѣшатъ по инстинкту, чтобы послушать, о чемъ калякаетъ народъ, и посмотрѣть, на что онъ смотритъ[1].

Въ это время невольно остановился передъ лавкою проходившій мимо молодой художникъ Чертковъ. Старая шинель и нещегольское платье показывали въ немъ того человѣка, который съ самоотверженіемъ преданъ былъ своему труду и не имѣлъ времени заботиться о своемъ нарядѣ, всегда имѣющемъ таинственную привлекательность для молодежи[2]. Онъ остановился передъ лавкою и сперва[3] внутренно смѣялся надъ этими уродливыми картинами; наконецъ, невольно овладѣло имъ размышленіе[4]: онъ сталъ думать о томъ[5], кому бы нужны были эти произведенія. Что русскій народъ заглядывается на *Еруслановъ Лазаричей,* на *объѣдалъ* и *обпивалъ*, на *Өому* и *Ерему* — это ему не казалось удивительнымъ[6]: изображенные предметы были очень доступны и понятны народу; но гдѣ покупатели этихъ пестрыхъ, грязныхъ, масляныхъ малеваній?[7] кому нужны эти фламандскіе мужики, эти красные и голубые пейзажи, которые показываютъ[8] какое-то притязаніе на нѣсколько уже высшій шагъ[9] искусства, но въ которыхъ выразилось все глубокое его униженіе? Если бы это были труды ребенка, покоряющагося одному невольному желанію[10], если бы они совсѣмъ не имѣли никакой правильности, не сохраняли даже первыхъ условій механическаго рисованія, если бы въ нихъ было все въ карикатурномъ видѣ, — но въ этомъ карикатурномъ видѣ просвѣчивалось бы хотя какое нибудь стараніе, какой-нибудь порывъ произвести подобное природѣ[11], — но ничего этого нельзя было отыскать въ нихъ[12]. Какое-то тупоуміе старости, какая-то безсмысленная охота или, лучше сказать, неволя водила рукою ихъ творцовъ. Кто трудился надъ ними? И трудился, безъ сомнѣнія, одинъ и тотъ же[13], потому что тѣ же краски, та же манера, та же набившаяся, пріобыкшая[14] рука, принадлежавшая скорѣе грубо сдѣланному автомату, нежели человѣку. Онъ все такъ же

стоялъ передъ этими грязными картинами и глядѣлъ на нихъ, но уже совершенно не глядя[1], между тѣмъ какъ содержатель этого живописнаго магазина, сѣренькій человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, во фризовой шинели, съ давно небритымъ подбородкомъ, разсказывалъ ему, что „картины *самый первый сортъ* и только что получены съ биржи, еще и лакъ не высохъ и въ рамки не вставлены. *Смотрите сами, честью увѣряю*[2], *что останетесь довольны*". Всѣ эти заманчивыя рѣчи летѣли мимо ушей Черткова. Наконецъ, чтобы немного ободрить хозяина, онъ поднялъ съ полу нѣсколько запылившихся картинъ. Это были старые фамильные портреты, которыхъ потомки врядъ ли бы отыскались. Почти машинально началъ онъ съ одного изъ нихъ стирать пыль. Легкая краска вспыхнула на лицѣ его,—краска[3], которая означаетъ тайное удовольствіе при чемъ-нибудь неожиданномъ. Онъ сталъ нетерпѣливо тереть рукою[4] и скоро увидѣлъ портретъ, на которомъ ясно была видна мастерская кисть, хотя краски казались нѣсколько мутными и почернѣвшими. Это былъ старикъ съ какимъ-то безпокойнымъ и даже злобнымъ[5] выраженіемъ лица; въ устахъ его была улыбка, рѣзкая, язвительная и вмѣстѣ какой-то страхъ[6]; румянецъ болѣзни былъ тонко разлитъ по лицу, исковерканному морщинами[7]; глаза его были велики, черны, тусклы, но вмѣстѣ съ этимъ въ нихъ была замѣтна какая-то странная живость. Казалось, этотъ портретъ изображалъ какого-нибудь скрягу[8], проведшаго жизнь надъ сундукомъ, или одного изъ тѣхъ несчастныхъ, которыхъ всю жизнь мучитъ счастіе другихъ. Лицо вообще сохраняло яркій отпечатокъ южной физіогноміи. Смуглота, черные, какъ смоль, волосы, съ пробившеюся просѣдью—все это не попадается у жителей сѣверныхъ губерній. Во всемъ портретѣ была видна какая-то неокончательность[9]; но если бы онъ приведенъ былъ въ совершенное исполненіе, то знатокъ потерялъ бы голову въ догадкахъ, какимъ образомъ совершеннѣйшее твореніе Вандика очутилось въ Россіи и зашло въ лавочку на Щукинъ дворъ[10].

Съ біющимся сердцемъ, молодой художникъ, отложивши его въ сторону, началъ[11] перебирать другіе, не найдется[12] ли еще чего подобнаго; но все прочее составляло совершенно другой міръ и показывало только, что этотъ гость глупымъ счастьемъ попалъ между нихъ[13]. Наконецъ, Чертковъ спросилъ о цѣнѣ.

Пронырливый купецъ, замѣтивъ по его вниманію, что портретъ чего-нибудь стóитъ, почесалъ за ухомъ и сказалъ: „Да что? вѣдь десять рублей будетъ за него маловато“[1].

Чертковъ протянулъ руку въ карманъ.

„Я даю одиннадцать!“ раздалось позади его.

Онъ обратился и увидѣлъ, что народу собралась куча[2] и что одинъ господинъ въ плащѣ долго, подобно ему, стоялъ передъ картиною[3]. Сердце у него сильно забилось и губы тихо задрожали, какъ у человѣка, который чувствуетъ, что у него хотятъ отнять предметъ его исканій[4]. Осмотрѣвши внимательно новаго покупщика, онъ нѣсколько утѣшился, замѣтивъ[5] на немъ костюмъ, ни мало не уступавшій его собственному, и произнесъ дрожащимъ голосомъ: „Я дамъ тебѣ двѣнадцать рублей, картина моя“.

„Хозяинъ! картина за мною, вотъ тебѣ пятнадцать рублей!“ произнесъ покупщикъ[6].

Лицо Черткова судорожно вздрогнуло[7], духъ захватился, и онъ невольно выговорилъ: „двадцать рублей“.

Купецъ потиралъ руки отъ удовольствія, видя, что покупщики сами торгуются въ его пользу. Народъ гуще обступилъ покупающихъ, услышавъ носомъ, что обыкновенная продажа превратилась въ аукціонъ, всегда имѣющій сильный интересъ, даже для постороннихъ[8]. Цѣну, наконецъ, набили до пятидесяти рублей. Почти отчаянно закричалъ Чертковъ: „пятьдесятъ“, вспомнивши[9], что у него вся сумма въ 50 рубляхъ[10], изъ которыхъ онъ долженъ, хотя часть, заплатить за квартиру и, кромѣ того, купить красокъ и еще кое-какихъ необходимыхъ вещей. Противникъ его[11] въ это время отступился: сумма, казалось, превосходила также его состояніе, и картина осталась за Чертковымъ. Вынувши изъ кармана ассигнацію, онъ бросилъ ее въ лицо[12] купцу и ухватился съ жадностью за картину, но вдругъ отскочилъ отъ нея, пораженный страхомъ. Темные глаза[13] нарисованнаго старика глядѣли такъ живо и вмѣстѣ мертвенно, что нельзя было не ощутить испуга. Казалось, въ нихъ неизъяснимо странною силою удержана была часть жизни. Это были не нарисованные, это были живые, это были человѣческіе глаза. Они были неподвижны, но, вѣрно, не были бы такъ ужасны, если бы двигались. Какое-то дикое чувство — не страхъ, но то неизъяснимое ощущеніе[14], которое

мы чувствуемъ при появленіи странности, представляющей безпорядокъ природы[1], или, лучше сказать, какое-то сумасшествіе природы, — это самое чувство заставило вскрикнуть почти всѣхъ. Съ трепетомъ провелъ Чертковъ рукою по полотну, но полотно было гладко. Дѣйствіе, произведенное портретомъ, было всеобщее: народъ съ какимъ-то ужасомъ отхлынулъ отъ лавки; покупщикъ, вошедшій съ нимъ въ соперничество[2], боязливо удалился. Сумерки въ это время сгустились, казалось, для того, чтобы сдѣлать еще болѣе ужаснымъ это непостижимое явленіе. Чертковъ не въ силахъ былъ оставаться болѣе[3]. Не смѣя и думать о томъ, чтобы взять его съ собою, онъ выбѣжалъ на улицу. Свѣжій воздухъ, громъ мостовой, говоръ народа, казалось, на минуту освѣжилъ его, но душа была все еще сжата какимъ-то тягостнымъ чувствомъ. Сколько ни обращалъ онъ глазъ по сторонамъ на окружающіе предметы, но мысли его были заняты однимъ необыкновеннымъ явленіемъ[4]. „Что это?“ думалъ онъ самъ про себя[5]: „искусство или сверхъестественное какое волшебство, выглянувшее мимо законовъ природы? Какая странная, какая[6] непостижимая задача! Или для человѣка есть такая черта, до которой доводитъ высшее познаніе искусства[7] и черезъ которую шагнувъ, онъ уже похищаетъ несоздаваемое трудомъ[8] человѣка, онъ вырываетъ что-то живое изъ жизни, одушевляющей оригиналъ[9]. Отчего же этотъ переходъ за черту, положенную границею для воображенія, такъ ужасенъ? Или за воображеніемъ, за порывомъ слѣдуетъ, наконецъ, дѣйствительность, — та ужасная дѣйствительность, на которую соскакиваетъ воображеніе съ своей оси[10] какимъ-то постороннимъ толчкомъ, — та ужасная дѣйствительность, которая представляется жаждущему ея тогда, когда онъ, желая постигнуть[11] прекраснаго человѣка, вооружается анатомическимъ ножомъ, раскрываетъ его внутренность и видитъ отвратительнаго человѣка? Непостижимо! Такая изумительная, такая ужасная живость! Или черезчуръ близкое подражаніе[12] природѣ такъ же приторно, какъ блюдо, имѣющее черезчуръ сладкій вкусъ?“ Съ такими мыслями вошелъ онъ въ свою маленькую комнатку въ небольшомъ деревянномъ домѣ, на Васильевскомъ островѣ, въ 15 линіи, въ которой лежали разбросанные во всѣхъ углахъ ученическіе его начатки, копіи съ антиковъ, тщательныя, точныя, показывавшія въ худож-

никѣ стараніе[1] постигнуть фундаментальные законы и внутренній размѣръ природы[2]. Долго разсматривалъ онъ ихъ, и, наконецъ, мысли его потянулись одна за другою[3] и стали выражаться почти словами: такъ живо чувствовалъ онъ то, о чемъ размышлялъ!

„И вотъ годъ, какъ я тружусь надъ этимъ сухимъ, скелетнымъ трудомъ! Стараюсь всѣми силами узнать то, что̀ такъ чудно дается великимъ творцамъ и кажется плодомъ минутнаго, быстраго вдохновенія[4]. Только тронутъ они кистью[5], и уже является у нихъ человѣкъ вольный, свободный, таковъ, какимъ онъ созданъ природою; движенія его живы, непринужденны. Имъ это дано вдругъ, а мнѣ должно трудиться всю жизнь[6], всю жизнь изслѣдовать скучныя начала и стихіи, всю жизнь отдать безцвѣтной, не отвѣчающей на чувства работѣ. Вотъ мои маранья! Они вѣрны, схожи съ оригиналами; но захоти я произвесть свое — и у меня выйдетъ совсѣмъ не то: нога не станетъ такъ вѣрно и непринужденно; рука не подымется такъ легко и свободно; поворотъ головы у меня вовѣки не будетъ такъ естественъ, какъ у нихъ, а мысль, а тѣ невыразимыя явленія.... Нѣтъ, я не буду никогда великимъ художникомъ!“[7]

Размышленія его прерваны были вошедшимъ его камердинеромъ, парнемъ лѣтъ осьмнадцати, въ русской рубашкѣ, съ розовымъ лицомъ и рыжими волосами. Онъ безъ церемоніи началъ стягивать съ Черткова сапоги, который былъ погруженъ въ свои размышленія. Этотъ парень, въ красной рубашкѣ, былъ его лакей, натурщикъ, чистилъ ему сапоги, зѣвалъ въ маленькой его передней, теръ краски и пачкалъ грязными ногами его полъ[8]. Взявши сапоги, онъ бросилъ ему халатъ и выходилъ уже изъ комнаты, какъ вдругъ оборотилъ голову назадъ и произнесъ громко: „Баринъ, свѣчу зажигать или нѣтъ?“

„Зажги“, отвѣчалъ разсѣянно Чертковъ.

„Да еще хозяинъ приходилъ“, примолвилъ кстати грязный камердинеръ, слѣдуя похвальному обычаю всѣхъ людей его званія упоминать въ P. S. о томъ, что̀ поважнѣе[9]: „хозяинъ приходилъ и сказалъ, что если не заплатите денегъ, то вышвырнетъ всѣ ваши картины за окошко вмѣстѣ съ кроватью“.

„Скажи хозяину, чтобы не безпокоился о деньгахъ“, отвѣчалъ Чертковъ: „я досталъ деньги“.[10]

При этомъ онъ обратился къ карману фрака, но вдругъ вспомнилъ, что всѣ деньги свои оставилъ за портретъ у лавочника. Мысленно началъ онъ укорять себя въ безразсудности, что выбѣжалъ безъ всякой причины изъ лавки, испугавшись ничтожнаго случая, и не взялъ съ собою ни денегъ, ни портрета. Завтра же рѣшился онъ итти къ купцу и взять деньги, почитая себя совершенно въ правѣ[1] отказаться отъ такой покупки, тѣмъ болѣе, что его домашнія обстоятельства не позволяли сдѣлать никакой лишней издержки.

Свѣтъ луны яркимъ, бѣлымъ окномъ ложился на его полъ, захватывая часть кровати и оканчиваясь на стѣнѣ. Всѣ предметы и картины, висѣвшія въ его комнатѣ, какъ-то улыбались, захвативши иногда краями своими часть этого вѣчно-прекраснаго сіянія. Въ эту минуту какъ-то нечаянно онъ взглянулъ на стѣну и увидѣлъ на ней тотъ же самый странный портретъ, такъ поразившій его въ лавкѣ. Легкая дрожь невольно пробѣжала по его тѣлу. Первымъ дѣломъ его было позвать своего камердинера-натурщика[2] и разспросить, какимъ образомъ и кто принесъ къ нему портретъ; но камердинеръ-натурщикъ клялся, что никто не приходилъ, выключая хозяина, который былъ еще поутру и, кромѣ ключа, ничего не имѣлъ въ своихъ рукахъ. Чертковъ чувствовалъ, что волосы его зашевелились на головѣ. Сѣвши возлѣ окна, онъ силился себя увѣрить, что здѣсь не могло ничего быть сверхъестественнаго[3], что мальчикъ его могъ въ это время заснуть, что хозяинъ портрета могъ его прислать, узнавши какимъ-нибудь особеннымъ случаемъ его квартиру... Короче, онъ началъ приводить всѣ тѣ плоскія изъясненія, которыя мы употребляемъ, когда хотимъ, чтобы случившееся случилось непремѣнно такъ, какъ мы думаемъ. Онъ положилъ себѣ не смотрѣть на портретъ, но голова его невольно къ нему обращалась, и взглядъ, казалось, прикипалъ къ странному изображенію. Неподвижный взглядъ старика былъ нестерпимъ: глаза совершенно свѣтились, вбирая въ себя лунный свѣтъ, и живость ихъ до такой степени была страшна, что Чертковъ невольно закрылъ свои глаза рукою. Казалось, слеза дрожала на рѣсницахъ старика; свѣтлыя сумерки, въ которыя владычица-луна превратила ночь, увеличивали дѣйствіе: полотно пропадало, и страшное лицо старика выдвинулось и глядѣло изъ рамъ, какъ будто изъ окошка.

Приписывая это сверхъестественное дѣйствіе лунѣ, чудесный свѣтъ которой имѣетъ въ себѣ тайное свойство придавать предметамъ часть звуковъ и красокъ другаго міра, онъ приказалъ подать скорѣе свѣчу, около[1] которой копался его лакей; но выраженіе портрета ничуть не уменьшилось: лунный свѣтъ, слившись съ сіяніемъ свѣчи[2], придалъ ему еще болѣе непостижимой и вмѣстѣ странной живости. Схвативши простыню, онъ началъ закрывать[3] портретъ, свернулъ ее втрое, чтобы онъ не могъ сквозь нее просвѣчивать; но при всемъ томъ — или это было слѣдствіе сильно потревоженнаго воображенія, или собственные глаза его, утомленные сильнымъ напряжедженіемъ, получили какую-то бѣглую, движущуюся снаровку, только ему долго казалось, что взоръ старика сверкалъ сквозь полотно. Наконецъ, онъ рѣшился погасить свѣчу и лечь[4] въ постель, которая была заставлена ширмами, скрывавшими отъ него портретъ. Напрасно ожидалъ онъ сна: мысли самыя неутѣшительныя прогоняли то спокойное состояніе, которое ведетъ за собою сонъ: тоска, досада, хозяинъ, требующій денегъ, недоконченныя картины — созданія безсильныхъ порывовъ, бѣдность — все это двигалось передъ нимъ и смѣнялось одно другимъ. И когда на минуту удавалось ему прогнать ихъ, то чудный портретъ властительно втѣснялся въ его воображеніе, и, казалось, сквозь щелку въ ширмахъ сверкали его убійственные глаза. Никогда не чувствовалъ онъ на душѣ своей такого тяжелаго гнета. Свѣтъ луны, который содержитъ въ себѣ столько музыки, когда вторгается въ одинокую спальню поэта и проноситъ младенчески-очаровательные полусны надъ его изголовьемъ,—этотъ свѣтъ луны не наводилъ на него музыкальныхъ мечтаній[5]; его мечтанія были болѣзненны. Наконецъ, впалъ онъ не въ сонъ, но въ какое-то полузабвеніе, въ то тягостное состояніе, когда однимъ глазомъ видимъ приступающія грезы сновидѣній, а другимъ — въ неясномъ облакѣ окружающіе предметы.

Онъ видѣлъ, какъ поверхность старика отдѣлялась и сходила съ портрета, такъ же, какъ снимается съ кипящей жидкости верхняя пѣна, подымалась на воздухъ и неслась къ нему ближе и ближе, наконецъ приближалась къ самой его кровати. Чертковъ чувствовалъ занимавшееся дыханіе, силился приподняться; но руки[6] его были неподвижны. Глаза старика

мутно горѣли и вперились въ него всею магнитною своею силою.

„Не бойся", говорилъ странный старикъ, и Чертковъ замѣтилъ у него на губахъ улыбку, которая, казалось, жалила его своимъ осклабленіемъ и яркою живостью освѣтила тусклыя морщины его[1] лица. „Не бойся меня"[2], говорило странное явленіе: „мы съ тобою никогда не разлучимся. Ты задумалъ весьма глупое дѣло: чтò тебѣ за охота цѣлые вѣки корпѣть за азбукою[3], когда ты давно можешь читать по верхамъ? Ты думаешь, что долгими усиліями можно постигнуть искусство, что ты выиграешь и получишь что-нибудь? Да, ты получишь",—при этомъ лицо его странно исковеркалось и какой-то неподвижный смѣхъ выразился на всѣхъ его морщинахъ — : „ты получишь завидное право кинуться съ Исакіевскаго моста въ Неву или[4], завязавши шею платкомъ, повѣситься на первомъ попавшемся гвоздѣ; а труды твои первый маляръ, накупивши ихъ на рубль, замажетъ грунтомъ, чтобы нарисовать на немъ какую-нибудь красную рожу[5]. Брось свою глупую мысль! Все дѣлается въ свѣтѣ[6] для пользы. Бери же скорѣе кисть и рисуй портреты со всего города! Бери все, чтò ни закажутъ; но не влюбляйся въ свою работу, не сиди надъ нею дни и ночи: время летитъ скоро, и жизнь не останавливается. Чѣмъ болѣе смастеришь[7] ты въ день своихъ картинъ, тѣмъ больше въ карманѣ будетъ у тебя денегъ и славы. Брось этотъ чердакъ и найми[8] богатую квартиру. Я тебя люблю и потому даю тебѣ такіе совѣты; я тебѣ и денегъ дамъ, только приходи ко мнѣ".

При этомъ старикъ опять выразилъ на лицѣ своемъ тотъ же неподвижный, страшный смѣхъ.

Непостижимая дрожь проняла Черткова и выступила холоднымъ потомъ на его лицѣ. Собравши всѣ свои усилія, онъ приподнялъ руку и, наконецъ, привсталъ съ кровати[9]. Но образъ старика сдѣлался тусклымъ, и онъ только замѣтилъ, какъ онъ ушелъ въ свои рамы. Чертковъ всталъ съ безпокойствомъ и началъ ходить по комнатѣ[10]. Чтобы немного освѣжить себя, онъ приблизился[11] къ окну. Лунное сіяніе лежало все еще на крышахъ и бѣлыхъ стѣнахъ домовъ, хотя небольшія тучи стали чаще переходить по небу. Все было тихо; изрѣдка долетало до слуха отдаленное дребезжаніе[12] дрожекъ

извощика, который гдѣ-нибудь въ невидномъ переулкѣ спалъ, убаюкиваемый своею лѣнивою клячею, поджидая запоздалаго сѣдока. Чертковъ увѣрился, наконецъ, что воображеніе его слишкомъ разстроено и представило ему во снѣ твореніе его же возмущенныхъ мыслей. Онъ подошелъ еще разъ къ портрету: простыня его совершенно скрывала отъ взоровъ, и, казалось, только маленькая искра сквозила изрѣдка сквозь нее. Наконецъ, онъ заснулъ и проспалъ до самаго утра.

Проснувшись, онъ долго чувствовалъ въ себѣ то непріятное состояніе, которое овладѣваетъ человѣкомъ[1] послѣ угара: голова его непріятно болѣла. Въ комнатѣ было тускло, непріятная мокрота сѣялась въ воздухѣ и проходила сквозь щели его оконъ, заставленныхъ картинами или натянутымъ грунтомъ. Скоро у дверей раздался стукъ, и вошелъ хозяинъ съ квартальнымъ надзирателемъ, котораго появленіе для людей мелкихъ такъ же непріятно, какъ для богатыхъ умильное лицо просителя[2]. Хозяинъ небольшаго дома, въ которомъ жилъ Чертковъ, былъ одно изъ тѣхъ твореній[3], какими обыкновенно бываютъ владѣтели домовъ въ пятнадцатой линіи Васильевскаго острова, на Петербургской сторонѣ или въ отдаленномъ углу Коломны, — твореніе, какихъ очень много на Руси и которыхъ характеръ такъ же трудно опредѣлить, какъ цвѣтъ изношеннаго сюртука. Въ молодости своей онъ былъ и капитанъ, и крикунъ, употреблялся и по штатскимъ дѣламъ, мастеръ былъ хорошо высѣчь, былъ и расторопенъ, и щеголь, и глупъ; но въ старости своей онъ слилъ въ себѣ всѣ эти рѣзкія особенности въ какую-то тусклую неопредѣленность. Онъ былъ уже вдовъ, былъ уже въ отставкѣ; уже не щеголялъ, не хвасталъ, не задирался; любилъ только пить чай и болтать за нимъ всякій вздоръ; ходилъ по своей комнатѣ, поправлялъ сальный огарокъ; аккуратно, по истеченіи каждаго мѣсяца, навѣдывался къ своимъ жильцамъ за деньгами; выходилъ на улицу съ ключомъ въ рукѣ, для того, чтобы посмотрѣть на крышу своего дома; выгонялъ нѣсколько разъ дворника изъ его кануры, куда онъ запрятывался спать, — однимъ словомъ, былъ человѣкъ въ отставкѣ, которому, послѣ всей забубенной жизни и тряски на перекладной, остаются однѣ пошлыя привычки.

„Извольте сами глядѣть“, сказалъ хозяинъ, обращаясь

къ квартальному и разставляя руки: „извольте распорядиться и объявить ему“.

„Я долженъ вамъ объявить“, сказалъ квартальный надзиратель, заложивши руку за петлю своего мундира: „что вы должны непремѣнно заплатить должныя вами уже за три мѣсяца квартирныя деньги“.

„Я бы радъ заплатить, но что̀ жъ дѣлать, когда нечѣмъ?“ сказалъ хладнокровно Чертковъ[1].

„Въ такомъ случаѣ хозяинъ долженъ взять себѣ вашу движимость, равностоющую суммѣ квартирныхъ денегъ, а вамъ должно немедленно сегодня[2] же выѣхать“.

„Берите все, что̀ хотите“, отвѣчалъ почти безчувственно Чертковъ.

„Картины многія не безъ искусства сдѣланы“, продолжалъ квартальный, перебирая изъ нихъ нѣкоторыя. „Жаль только, что не кончены, и краски-то не такъ живы[3]... Вѣрно, недостатокъ въ деньгахъ не позволялъ вамъ купить ихъ? А это что за картина, завернутая въ холстину?“

При этомъ квартальный, безъ церемоніи подошедши къ картинѣ[4], сдернулъ съ нея[5] простыню, потому что эти господа всегда позволяютъ себѣ маленькую вольность[6] тамъ, гдѣ видятъ совершенную беззащитность или бѣдность. Портретъ, казалось, изумилъ[7] его, потому что необыкновенная живость глазъ производила на всѣхъ равное дѣйствіе. Разсматривая картину, онъ нѣсколько крѣпко сжалъ ея рамы, и такъ какъ руки у полицейскихъ служителей всегда нѣсколько отзываются топорной работою[8], то рамка вдругъ лопнула: небольшая дощечка упала на полъ вмѣстѣ съ брякнувшимъ на землю сверткомъ золота, и нѣсколько блестящихъ кружковъ покатилось во всѣ стороны. Чертковъ съ жадностью бросился подбирать, и вырвалъ изъ полицейскихъ рукъ нѣсколько поднятыхъ имъ червонцевъ[9].

„Какъ же вы говорите, что не имѣете, чѣмъ заплатить“, замѣтилъ квартальный, пріятно улыбаясь: „а между тѣмъ у васъ столько золотой монеты“.

„Эти деньги для меня священны!“ вскричалъ Чертковъ, опасаясь искусныхъ рукъ полицейскаго. „Я долженъ ихъ хранить, они ввѣрены мнѣ покойнымъ отцомъ. Впрочемъ, чтобы васъ удовлетворить, вотъ вамъ за квартиру!“ При этомъ онъ бросилъ нѣсколько червонцевъ хозяину дома.

Физіогномія и пріемы въ одну минуту измѣнились у хозяина и достойнаго блюстителя за нравами[1] пьяныхъ извощиковъ.

Полицейскій сталъ извиняться и увѣрять, что онъ только исполнялъ предписанную форму, а впрочемъ никакъ не имѣлъ права его принудить; а чтобы болѣе въ этомъ увѣрить Черткова, онъ предложилъ ему призъ табаку. Хозяинъ дома увѣрялъ, что онъ только пошутилъ, и увѣрялъ съ такою божбою и безсовѣстностію, съ какою, обыкновенно, увѣряетъ купецъ въ гостиномъ дворѣ.

Но Чертковъ выбѣжалъ вонъ и не рѣшился болѣе оставаться на прежней квартирѣ. Онъ не имѣлъ даже времени подумать о странности этого происшествія. Осмотрѣвши свертокъ, онъ увидѣлъ въ немъ болѣе сотни червонцевъ. Первымъ дѣломъ его было нанять щегольскую квартиру. Квартира, попавшаяся ему, была какъ нарочно для него приготовлена: четыре въ рядъ высокія комнаты, большія окна, всѣ выгоды и удобства для художника! Лежа на турецкомъ диванѣ и глядя въ цѣльныя окна на растущія и мелькающія волны народа, онъ былъ погруженъ въ какое-то самодовольное забвеніе и дивился самъ своей судьбѣ[2], еще вчера пресмыкавшейся съ нимъ на чердакѣ. Недоконченныя и оконченныя картины развѣсились по стройнымъ колоссальнымъ стѣнамъ; между ними висѣлъ таинственный портретъ, который достался ему такимъ единственнымъ образомъ. Онъ опять сталъ думать о причинѣ необыкновенной живости его глазъ. Мысли его обратились къ видѣнному[3] имъ полусновидѣнію, наконецъ къ чудному[4] кладу, скрывавшемуся въ его рамкахъ. Все привело его къ тому, что какая-нибудь исторія соединена съ существованіемъ портрета, и что даже, можетъ быть, его собственное бытіе[5] связано[6] съ этимъ портретомъ. Онъ вскочилъ съ своего дивана и началъ его внимательно разсматривать: въ рамѣ находился ящикъ, прикрытый тоненькой дощечкой[7], но такъ искусно задѣланной и заглаженной[8] съ поверхностью, что никто бы[9] не могъ узнать о его существованіи, если бы тяжелый палецъ квартальнаго не продавилъ дощечки[10]. Онъ поставилъ его на мѣсто[11] и еще разъ на него посмотрѣлъ. Живость глазъ уже не казалась ему такъ страшною среди яркаго[12] свѣта, наполнявшаго его комнату сквозь огромныя окна, и многолюднаго шума улицы, громившаго его слухъ; но она заключала въ себѣ

что-то непріятное[1], такъ что онъ постарался скорѣе отъ него отворотиться. Въ это время зазвенѣлъ звонокъ у дверей, и вошла къ нему почтенная дама пожилыхъ лѣтъ съ таліей въ рюмочку, въ сопровожденіи молоденькой[2], лѣтъ осьмнадцати; лакей въ богатой ливреѣ отворилъ имъ дверь и остановился въ передней.

„Я къ вамъ съ просьбою,“ произнесла дама ласковымъ тономъ, съ какимъ обыкновенно они говорятъ съ художниками[3], французскими парикмахерами и прочими людьми, рожденными для удовольствія другихъ[4]. „Я слышала о вашихъ дарованіяхъ…“ (Чертковъ удивился такой скорой своей славѣ). „Мнѣ хочется, чтобы вы сняли портретъ съ моей дочери“.

При этомъ блѣдное[5] личико дочери обратилось къ художнику, который, если бы былъ знатокъ сердца, то вдругъ[6] бы прочелъ на немъ немноготомную исторію ея: ребяческая страсть къ баламъ[7], тоска и скука продолжительнаго времени до обѣда и послѣ обѣда, желаніе побѣгать въ платьѣ послѣдней моды на многолюдномъ гуляньи[8], нетерпѣливость увидѣть свою пріятельницу для того, чтобы ей сказать: „Ахъ, милая, какъ я скучала,“ или объявить, какую мадамъ Сихлеръ сдѣлала уборку къ платью княгини Б…[9] Вотъ все, что̀ выражало лицо молодой посѣтительницы, блѣдное, почти безъ выраженія, съ оттѣнкою какой-то болѣзненной желтизны[10].

„Я бы желала, чтобы вы теперь же принялись за работу“, продолжала дама: „мы можемъ вамъ дать часъ“. Чертковъ бросился къ краскамъ и кистямъ, взялъ уже готовый натянутый грунтъ и устроился, какъ слѣдуетъ.

„Я васъ должна нѣсколько предувѣдомить“, говорила дама: „насчетъ моей Анетъ, и этимъ облегчить нѣсколько вашъ трудъ. Въ глазахъ ея и даже во всѣхъ чертахъ лица всегда была замѣтна томность; моя Анетъ очень чувствительна, и признаюсь, я никогда не даю ей читать новыхъ романовъ!“ (Художникъ смотрѣлъ въ оба и не замѣтилъ никакой томности). „Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы изобразили ее просто въ семейномъ кругу, или, еще лучше, одну на чистомъ воздухѣ, въ зеленой тѣни, чтобы ничто не показывало, будто она ѣдетъ на балъ[11]. Наши балы, должно признаться, такъ скучны и такъ убиваютъ душу, что, право, я не понимаю удовольствія бывать на нихъ“.

Но на лицѣ дочери и даже самой почтенной дамы было написано рѣзкими чертами, что онѣ не пропускали ни одного бала.

Чертковъ былъ минуту въ размышленіи, какъ согласить эти небольшія противоположности, наконецъ рѣшился избрать благоразумную средину. Притомъ его прельщало желаніе побѣдить трудности и восторжествовать надъ искусствомъ[1], сохранивъ двусмысленное выраженіе портрета[2]. Кисть бросила на полотно первый туманъ, художническій хаосъ: изъ него начали дѣлиться и выходить медленно образующіяся черты. Онъ приникъ весь къ своему оригиналу и уже началъ уловлять тѣ неуловимыя черты, которыя самому безцвѣтному оригиналу придаютъ, въ правдивой копіи[3], какой-то характеръ, составляющій высокое торжество истины. Какой-то сладкій трепетъ началъ имъ одолѣвать, когда онъ чувствовалъ[4], что, наконецъ, подмѣтилъ и, можетъ-быть, выразитъ то, что̀ очень рѣдко удается выражать. Это наслажденіе, нетерпѣливое[5] и прогрессивно возвышающееся, извѣстно только таланту[6]. Подъ кистью его лицо портрета какъ будто невольно пріобрѣтало тотъ колоритъ, который былъ для него самого[7] внезапнымъ открытіемъ; но оригиналъ началъ такъ сильно вертѣться и зѣвать передъ нимъ, что художнику, еще неопытному, трудно было ловить урывками и мгновеніями[8] постоянное его выраженіе.

„Мнѣ кажется, на первый разъ довольно", произнесла почтенная дама.

Боже, какъ это ужасно! А душа и силы разохотились и хотѣли разгуляться. Повѣсивши голову и бросивши палитру, стоялъ художникъ[9] передъ своею картиною.

„Мнѣ, однакожъ, сказали, что вы въ два сеанса оканчиваете совершенно портретъ", произнесла дама, подходя къ картинѣ: „а у васъ до сихъ поръ еще только почти одинъ абрисъ[10]. Мы пріѣдемъ къ вамъ завтра въ это же время".

Молчаливо выпроводилъ своихъ гостей художникъ и остался въ непріятномъ размышленіи: въ его тѣсномъ чердакѣ никто не перебивалъ ему,[11] когда онъ сидѣлъ надъ своею незаказною работою. Съ досадою отодвинулъ онъ начатый портретъ и хотѣлъ заняться другими недоконченными работами. Но какъ будто можно мысль и чувства, проникнувшія[12] уже до души, замѣстить[13] новыми, въ которыя еще не успѣло влюбиться наше воображеніе? Бросивши кисть, онъ вышелъ изъ дому.

Юность счастлива тѣмъ, что передъ нею бѣжитъ множество разныхъ дорогъ[1], что ея живая, свѣжая душа доступна тысячѣ[2] разныхъ наслажденій; и потому Чертковъ разсѣялся почти въ одну минуту. Нѣсколько червонцевъ въ карманѣ— и что̀ не во власти исполненной силъ юности[3]. Притомъ русскій человѣкъ, а особливо дворянинъ или художникъ, имѣетъ странное свойство: какъ только завелся у него въ карманѣ грошъ — ему все трынъ-трава и море по колѣна. У него оставалось еще отъ денегъ, заплаченныхъ впередъ за квартиру, около тридцати червонцевъ, и всѣ эти тридцать червонцевъ онъ спустилъ въ одинъ вечеръ. Прежде всего онъ приказалъ себѣ подать обѣдъ отличнѣйшій[4], выпилъ двѣ бутылки вина и не захотѣлъ взять сдачи, нанялъ щегольскую карету, чтобы только съѣздить въ театръ, находившійся въ двухъ шагахъ отъ его квартиры, угостилъ въ кондитерской трехъ своихъ пріятелей, зашелъ еще кое-куда и возвратился домой безъ копѣйки въ карманѣ[5]. Бросившись въ кровать, онъ уснулъ крѣпко, но сновидѣнія его были также несвязны, и грудь, какъ и въ первую ночь, сжималась, какъ будто чувствовала на себѣ что-то тяжелое. Онъ увидѣлъ сквозь щелку своихъ ширмъ, что изображеніе старика отдѣлилось отъ полотна и съ выраженіемъ безпокойства пересчитывало кучи денегъ; золото сыпалось изъ его рукъ[6]... Глаза Черткова горѣли[7]; казалось, его чувства узнали[8] въ золотѣ ту неизъяснимую прелесть, которая дотолѣ ему не была понятна[9]. Старикъ его манилъ пальцемъ и показывалъ ему цѣлую гору червонцевъ[10]. Чертковъ судорожно протянулъ[11] руку и проснулся. Проснувшись, онъ подошелъ къ портрету, трясъ его, изрѣзалъ ножомъ всѣ его рамы, но нигдѣ не находилъ[12] запрятанныхъ денегъ; наконецъ, махнулъ рукою и рѣшился работать, далъ себѣ слово не сидѣть долго и не увлекаться заманчивою кистью. Въ это время пріѣхала вчерашняя дама съ своею блѣдною Анетою[13]. Художникъ поставилъ на станокъ свой портретъ[14], и на этотъ разъ кисть его неслась быстрѣе. Солнечный день, ясное освѣщеніе дали какое-то особенное выраженіе оригиналу[15], и открылось множество дотолѣ незамѣченныхъ тонкостей[16]. Душа его загорѣлась опять напряженіемъ. Онъ силился схватить мельчайшую точку или черту, даже самую желтизну и неровное измѣненіе колорита въ лицѣ[17] зѣвавшей

и изнуренной красавицы съ тою точностью, которую[1] позволяютъ себѣ неопытные артисты, воображающіе, что истина можетъ нравиться такъ же и другимъ, какъ нравится имъ самимъ[2]. Кисть его только-что хотѣла схватить одно общее выраженіе всего цѣлаго[3], какъ досадное „довольно“ раздалось надъ его ушами, и дама нодошла къ его портрету.

„Ахъ, Боже мой! что̀ это вы нарисовали?“ вскрикнула она съ досадою: „Анетъ у васъ желта; у ней подъ глазами какія-то темныя пятна; она какъ будто приняла нѣсколько склянокъ микстуры. Нѣтъ, ради Бога, исправьте вашъ портретъ: это совсѣмъ не ея лицо. Мы къ вамъ будемъ завтра въ это же время.“

Чертковъ съ досадою бросилъ кисть; онъ проклиналъ и себя, и искусство[4], и ласковую даму, и дочь ея, и весь міръ. Голодный, просидѣлъ онъ въ своей великолѣпной комнатѣ и не имѣлъ силъ приняться ни за одну картину. На другой день, вставши рано, онъ схватилъ первую* попавшуюся ему работу[5]: это была давно начатая имъ Псишея, поставилъ ее на станокъ, съ намѣреніемъ насильно продолжать. Въ это время вошла[6] вчерашняя дама.

„Ахъ, Анетъ, посмотри, посмотри сюда!“ вскричала дама съ радостнымъ видомъ. „Ахъ, какъ похоже! Прелесть, прелесть! И носъ, и ротъ, и брови! Чѣмъ васъ благодарить за этотъ прекрасный[7] сюрпризъ? Какъ это мило! Какъ хорошо, что эта рука немного приподнята! Я вижу, что вы, точно, тотъ великій художникъ, о которомъ мнѣ говорили“.

Чертковъ стоялъ, какъ оторопѣлый, увидѣвши, что дама приняла его Псишею за портретъ своей[8] дочери. Съ застѣнчивостью новичка онъ началъ увѣрять, что этимъ слабымъ эскизомъ хотѣлъ изобразить Псишею; но дочь приняла это себѣ за комплиментъ и довольно мило улыбнулась; улыбку раздѣлила мать. Адская мысль блеснула въ головѣ художника, чувство досады и злости нодкрѣпило[9] ее, и онъ рѣшился этимъ воспользоваться[10].

„Позвольте мнѣ попросить васъ сегодня посидѣть немного подолѣе“, произнесъ онъ, обратясь къ довольной на этотъ разъ блондинкѣ. „Вы видите, что платья я еще не дѣлалъ вовсе, потому что хотѣлъ все съ большею точностію рисовать съ натуры“. Быстро онъ одѣлъ свою Псишею въ костюмъ XIX вѣка; тронулъ слегка глаза, губы, просвѣтлилъ слегка волосы и от-

далъ портретъ своимъ посѣтительницамъ. Пукъ ассигнацій и ласковая улыбка благодарности были ему наградою.

Но художникъ стоялъ, какъ прикованный къ одному мѣсту. Его грызла совѣсть; имъ овладѣла та разборчивая, мнительная боязнь за свое непорочное имя, которая чувствуется юношею, носящимъ въ душѣ благородство таланта, которая заставляетъ если не истреблять, то, по крайней мѣрѣ, скрывать отъ свѣта тѣ произведенія, въ которыхъ онъ самъ видитъ несовершенство, которая заставляетъ скорѣе[1] вытерпѣть презрѣніе всей толпы, нежели презрѣніе истиннаго цѣнителя. Ему казалось, что уже стоитъ передъ его картиною грозный судія[2] и, качая головою, укоряетъ его въ безстыдствѣ и бездарности. Чего бы онъ не далъ, чтобъ возвратить только ее назадъ! Уже онъ хотѣлъ бѣжать вслѣдъ за дамою, вырвать портретъ изъ рукъ ея, разорвать и растоптать его ногами, но какъ это сдѣлать? Куда итти? Онъ не зналъ даже фамиліи его посѣтительницы.

Съ этого времени, однакожъ, произошла въ жизни его счастливая перемѣна. Онъ ожидалъ, что безславіе покроетъ его имя, но вышло совершенно напротивъ. Дама, заказывавшая портретъ, разсказывала[3] съ восторгомъ о необыкновенномъ художникѣ, и мастерская нашего Черткова наполнилась посѣтителями, желавшими удвоить и[4], если можно, удесятерить свое изображеніе. Но свѣжій, еще невинный, чувствующій въ душѣ недостойнымъ себя къ принятію такого подвига, Чертковъ, чтобы сколько-нибудь загладить и искупить свое преступленіе, рѣшился заняться со всевозможнымъ стараніемъ своею работою, рѣшился удвоить напряженіе своихъ силъ[5], которое одно производитъ чудеса. Но намѣренія его встрѣтили[6] непредвидѣнныя препятствія: посѣтители его, съ которыхъ онъ рисовалъ портреты, были большею частію народъ нетерпѣливый, занятой, торопящійся, и потому, едва только кисть его начинала творить что-нибудь не совсѣмъ обыкновенное, какъ уже вваливался новый посѣтитель, преважно выставлялъ свою голову, горя желаніемъ увидѣть ее скорѣе на полотнѣ, и художникъ спѣшилъ скорѣе оканчивать свою работу. Время его, наконецъ, было такъ разобрано, что онъ ни на одну минуту[7] не могъ предаться размышленію[8], и вдохновеніе, безпрестанно истребляемое при самомъ рожденіи

своемъ, наконецъ отвыкло навѣщать его. Наконецъ, чтобы ускорять свою работу, онъ началъ заключаться въ извѣстныя, опредѣленныя, однообразныя, давно изношенныя формы. Скоро портреты его были похожи на тѣ фамильныя изображенія старыхъ художниковъ, которыя такъ часто можно встрѣтить во всѣхъ краяхъ Европы и даже во всѣхъ углахъ міра, гдѣ дамы изображены съ сложенными на груди[1] руками и держащими цвѣтокъ въ рукѣ, а кавалеры — въ мундирѣ, съ заложенною за пуговицу рукою. Иногда желалъ онъ дать новое, еще не избитое положеніе, отличавшееся бы оригинальностью и непринужденностью, но, увы! все непринужденное и легкое у поэта и художника достается слишкомъ принужденно и есть плодъ великихъ[2] усилій. Для того, чтобы дать новое, смѣлое выраженіе, постигнуть новую тайну въ живописи, для этого нужно было ему долго думать, отвративши глаза отъ всего окружающаго, унесшись[3] отъ всего мірскаго и жизни. Но на это у него не оставалось времени, и притомъ онъ слишкомъ былъ изнуренъ дневною работою, чтобы быть въ готовности принять вдохновеніе[4]; міръ же, съ котораго онъ рисовалъ свои произведенія, былъ слишкомъ обыкновененъ и однообразенъ, чтобы вызвать и возмутить воображеніе. Глубоко размышляющее и вмѣстѣ неподвижное лицо директора департамента, красивое, но вѣчно на одну мѣрку лицо уланскаго ротмистра, блѣдное, съ натянутою улыбкою, петербургской красавицы и множество другихъ, уже черезчуръ обыкновенныхъ — вотъ все, что̀ каждый день мѣнялось передъ нашимъ живописцемъ. Казалось, кисть его сама пріобрѣла, наконецъ, ту безцвѣтность и отсутствіе энергіи, которою означались его оригиналы.

Безпрестанно мелькавшія передъ нимъ ассигнаціи и золото, наконецъ, усыпили дѣвственныя движенія души его. Онъ безстыдно воспользовался слабостью людей, которые, за лишнюю черту красоты, прибавленную художникомъ къ ихъ изображеніямъ, готовы простить ему всѣ недостатки, хотя бы эта красота была во вредъ самому сходству.

Чертковъ, наконецъ, сдѣлался совершенно моднымъ живописцемъ. Вся столица обратилась къ нему; его портреты видны были во всѣхъ кабинетахъ, спальняхъ, гостиныхъ и будуарахъ. Истинные художники пожимали плечами, глядя на произведенія этого баловня могущественнаго случая. На-

прасно силились они отыскать въ немъ хотя одну черту вѣрной истинѣ природы[1], брошенную жаркимъ вдохновеніемъ: это были правильныя лица, почти всегда недурныя собою, потому что понятіе красоты удержалось еще въ художникѣ, но никакого знанія сердца, страстей, или хотя привычекъ человѣка, — ничего такого, что̀ бы отзывалось сильнымъ развитіемъ тонкаго вкуса. Нѣкоторые же, знавшіе Черткова, удивлялись этому странному событію, потому что видѣли въ первыхъ его началахъ присутствіе таланта, и старались разрѣшить непостижимую загадку: какъ можетъ дарованіе угаснуть въ цвѣтѣ силъ, вмѣсто того, чтобы развиться въ полномъ блескѣ?

Но этихъ толковъ не слышалъ самодовольный художникъ и величался всеобщею славою, потряхивая червонцами своими и начиная вѣрить, что все въ свѣтѣ обыкновенно и просто, что откровенія свыше въ мірѣ не существуетъ[2], и все необходимо должно быть подведено подъ строгій порядокъ аккуратности и однообразія. Уже жизнь его коснулась тѣхъ[3] лѣтъ, когда все, дышащее порывомъ, сжимается въ человѣкѣ, когда могущественный смычокъ слабѣе доходитъ до души и не обвивается пронзительными звуками около сердца, когда прикосновеніе красоты уже не превращаетъ дѣвственныхъ силъ въ огонь и пламя, но всѣ отгорѣвшія чувства становятся доступнѣе къ звуку золота, вслушиваются внимательнѣе въ его заманчивую музыку и мало по малу, нечувствительно, позволяютъ ей совершенно усыпить себя. Слава не можетъ насытить и дать наслажденіе[4] тому, который укралъ ее, а не заслужилъ[5]: она производитъ постоянный трепетъ только въ достойномъ ея. И потому всѣ чувства и порывы его обратились къ золоту. Золото сдѣлалось его страстью, идеаломъ, страхомъ, наслажденіемъ, цѣлью[6]. Пуки ассигнацій росли въ сундукахъ его, и, какъ всякій, которому достается этотъ страшный даръ, онъ началъ становиться скучнымъ, недоступнымъ ко всему и равнодушнымъ ко всему. Казалось, онъ готовъ былъ превратиться въ одно изъ тѣхъ странныхъ существъ, которыя иногда попадаются въ мірѣ, на которыхъ съ ужасомъ глядитъ исполненный энергіи и страсти[7] человѣкъ, и которому они кажутся живыми тѣлами, заключающими въ себѣ мертвеца. Но, однакоже, одно событіе сильно потрясло его и дало совершенно другое направленіе его жизни.

Въ одинъ день онъ увидѣлъ на столѣ своемъ записку, въ которой Академія художествъ просила его, какъ достойнаго ея[1] члена, пріѣхать дать сужденіе свое о новомъ, присланномъ изъ Италіи, произведеніи усовершенствовавшагося тамъ русскаго художника. Этотъ художникъ былъ одинъ изъ прежнихъ его товарищей, который отъ раннихъ лѣтъ носилъ въ себѣ страсть къ искусству, съ пламенною силою труженика погрязъ въ немъ всею душою своей и для него, оторвавшись отъ друзей, отъ родныхъ, отъ милыхъ привычекъ, бросился, безъ всякихъ пособій, въ неизвѣстную землю; терпѣлъ бѣдность, униженіе, даже голодъ, но съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, презрѣвши все, былъ безчувственъ ко всему, кромѣ своего милаго искусства.

Вошедши въ залу, нашелъ онъ толпу посѣтителей, собравшихся передъ картиною. Глубочайшее безмолвіе, какое рѣдко бываетъ между многолюдными цѣнителями, на этотъ разъ царствовало всюду. Чертковъ, принявши значительную физіогномію знатока, приблизился[2] къ картинѣ; но, Боже, что̀ онъ увидѣлъ!

Чистое, непорочное, прекрасное, какъ невѣста, стояло передъ нимъ произведеніе художника. И хоть бы какое-нибудь видно было въ немъ желаніе блеснуть, хотя бы даже извинительное тщеславіе, хотя бы мысль о томъ, чтобы показаться черни,— никакой, никакихъ! Оно возносилось скромно. Оно было просто, невинно, божественно, какъ талантъ, какъ геній. Изумительно-прекрасныя фигуры группировались непринужденно, свободно, не касаясь полотна, и, изумленныя столькими устремленными на нихъ взорами, казалось, стыдливо опустили прекрасныя рѣсницы. Въ чертахъ божественныхъ лицъ дышали тѣ тайныя явленія, которыхъ душа не умѣетъ, не знаетъ пересказать другому: невыразимо выразимое покоилось на нихъ;— и все это было наброшено такъ легко, такъ скромно-свободно, что, казалось, было плодомъ минутнаго вдохновенія художника, вдругъ осѣнившей его мысли. Вся картина была— мгновеніе, но то мгновеніе, къ которому вся жизнь человѣческая — есть одно приготовленіе. Невольныя слезы готовы были покатиться по лицамъ посѣтителей, окружавшихъ картину. Казалось, всѣ вкусы, всѣ дерзкія, неправильныя уклоненія вкуса слились въ какой-то безмолвный гимнъ божествен-

ному произведенію. Неподвижно, съ отверстымъ ртомъ стоялъ Чертковъ передъ картиною и, наконецъ, когда мало по малу посѣтители и знатоки зашумѣли и начали разсуждать о достоинствѣ произведенія, и когда, наконецъ, обратились къ нему съ просьбою объявить свои мысли, онъ пришелъ въ себя; хотѣлъ принять равнодушный, обыкновенный видъ, хотѣлъ сказать обыкновенное пошлое сужденіе зачерствѣлыхъ художниковъ: что произведеніе хорошо, и въ художникѣ виденъ талантъ, но желательно, чтобы во многихъ мѣстахъ лучше была выполнена мысль и отдѣлка,—но рѣчь умерла на устахъ его, слезы и рыданія нестройно вырвались въ отвѣтъ, и онъ, какъ безумный, выбѣжалъ изъ залы.

Съ минуту, неподвижный и безчувственный, стоялъ онъ посреди своей великолѣпной мастерской. Весь составъ, вся жизнь его была разбужена въ одно мгновеніе, какъ будто молодость возвратилась къ нему, какъ будто потухшія искры таланта вспыхнули снова. Боже! и погубить такъ безжалостно всѣ лучшіе годы своей юности, истребить, погасить искру огня, можетъ быть, теплившагося[1] въ груди, можетъ быть, развившагося бы теперь въ величіи и красотѣ, можетъ быть, также исторгнувшаго бы слезы изумленія и благодарности![2] И погубить все это, погубить безъ всякой жалости! Казалось, какъ будто въ эту минуту ожили въ душѣ его тѣ напряженія и порывы, которые нѣкогда были ему знакомы[3]. Онъ схватилъ кисть и приблизился къ холсту. Потъ усилія проступилъ на его лицѣ[4], весь обратился онъ въ одно желаніе и, можно сказать, загорѣлся одною мыслію: ему хотѣлось изобразить отпадшаго ангела. Эта идея была болѣе всего согласна съ состояніемъ его души. Но, увы! фигуры его, позы, группы, мысли ложились принужденно и несвязно. Кисть его и воображеніе слишкомъ уже заключились въ одну мѣрку, и безсильный порывъ преступить границы и оковы, имъ самимъ на себя наброшенныя, уже отзывался неправильностью и ошибкою. Онъ пренебрегъ утомительную, длинную лѣстницу постепенныхъ свѣдѣній и первыхъ основныхъ законовъ будущаго великаго. Въ досадѣ онъ принялъ прочь изъ своей комнаты всѣ труды свои, означенные мертвою блѣдностью поверхностной моды, заперъ дверь, не велѣлъ никого впускать къ себѣ и занялся, какъ жаркій юноша, своею работою. Но, увы! на

каждомъ шагу онъ былъ останавливаемъ[1] незнаніемъ самыхъ первоначальныхъ стихій; простой, незначущій механизмъ охлаждалъ весь порывъ и стоялъ неперескочимымъ порогомъ для воображенія. Иногда осѣнялъ его внезапный призракъ великой мысли, воображеніе видѣло въ темной перспективѣ что-то такое, чтò, схвативши и бросивши на полотно, можно было[2] сдѣлать необыкновеннымъ и вмѣстѣ доступнымъ для всякой души; какая-то звѣзда чудеснаго сверкала въ неясномъ туманѣ его мыслей, потому что онъ, точно, носилъ въ себѣ призракъ таланта; но, Боже, какое-нибудь незначущее условіе, знакомое ученику, анатомическое мертвое правило — и мысль замирала, порывъ безсильнаго воображенія цѣпенѣлъ, неразсказанный, неизображенный. Кисть его невольно обращалась къ затверженнымъ формамъ, руки складывались на одинъ заученный манеръ, голова не смѣла сдѣлать необыкновеннаго поворота, даже самыя складки платья отзывались вытверженнымъ и не хотѣли повиноваться и драпироваться на незнакомомъ положеніи тѣла. И онъ чувствовалъ, онъ чувствовалъ и видѣлъ[3] это самъ! Потъ катился съ него градомъ, губы дрожали, и послѣ долгой паузы, во время которой бунтовали внутри его всѣ чувства, онъ принимался снова; но въ тридцать слишкомъ лѣтъ труднѣе[4] изучать скучную лѣстницу трудныхъ[5] правилъ и анатоміи, еще труднѣе постигнуть то вдругъ, чтò развивается медленно и дается за долгія усилія, за великія напряженія, за глубокое самоотверженіе. Наконецъ, онъ узналъ ту ужасную муку, которая, какъ поразительное исключеніе, является иногда въ природѣ, когда талантъ слабый силится выказаться въ превышающемъ его размѣрѣ и не можетъ выказаться, — ту муку, которая въ юношѣ раждаетъ великое, но въ перешедшемъ за грань мечтаній обращается въ безплодную жажду, — ту страшную муку, которая дѣлаетъ человѣка способнымъ на ужасныя злодѣянія. Имъ овладѣла ужасная зависть, зависть до бѣшенства. Желчь проступала у него на лицѣ[6], когда онъ видѣлъ произведеніе, носившее печать таланта. Онъ скрежеталъ зубами и пожиралъ его взоромъ василиска. Наконецъ, въ душѣ его возродилось самое адское намѣреніе, какое когда-либо питалъ человѣкъ, и съ бѣшеною силою бросился онъ приводить его въ исполненіе. Онъ началъ скупать все лучшее, чтò только производило художество. Купивши картину дорогою

цѣною, осторожно приносилъ въ свою комнату[1] и съ бѣшенствомъ тигра на нее кидался, рвалъ, разрывалъ ее, изрѣзывалъ въ куски и топталъ ногами, сопровождая ужаснымъ смѣхомъ адскаго наслажденія. Едва только появлялось гдѣ-нибудь свѣжее произведеніе, дышущее огнемъ новаго таланта, онъ употреблялъ всѣ усилія купить его, во что бы то ни стало. Безчисленныя собранныя имъ богатства доставляли ему всѣ средства удовлетворять этому адскому желанію. Онъ развязалъ всѣ свои золотые мѣшки и раскрылъ сундуки. Никогда ни одно чудовище невѣжества не истребило столько прекрасныхъ произведеній, сколько истребилъ этотъ свирѣпый мститель. И люди, носившіе въ себѣ[2] искру божественнаго познанія, жадные одного великаго, были безжалостно, безчеловѣчно лишены тѣхъ святыхъ, прекрасныхъ произведеній, въ которыхъ великое искусство[3] приподняло покровъ съ неба и показало человѣку часть исполненнаго звуковъ и священныхъ тайнъ его[4] внутренняго міра. Нигдѣ, ни въ какомъ уголкѣ не могли они сокрыться отъ его хищной страсти, не знавшей никакой пощады. Его зоркій, огненный глазъ проникалъ всюду и находилъ[5] даже въ заброшенной пыли слѣдъ художественной кисти. На всѣхъ аукціонахъ, куда только показывался онъ, всякій заранѣе отчаявался въ пріобрѣтеніи художественнаго созданія. Казалось, какъ будто разгнѣванное небо нарочно послало въ міръ этотъ ужасный бичъ, желая отнять у него всю его гармонію. Эта ужасная страсть набросила какой-то страшный колоритъ на его лицо: на немъ всегда почти была разлита желчь; глаза сверкали почти безумно; нависнувшія брови и вѣчно перерѣзанный морщинами лобъ придавали ему какое-то дикое выраженіе и отдѣляли его совершенно отъ спокойныхъ обитателей земли.

Къ счастію міра и искусствъ, такая напряженная и насильственная жизнь не могла долго продолжаться; размѣръ страстей былъ слишкомъ неправиленъ и колоссаленъ для слабыхъ силъ ея. Припадки бѣшенства и безумія начали оказываться чаще, и, наконецъ, все это обратилось въ самую ужасную болѣзнь. Жестокая горячка, соединенная съ самою быстрою чахоткою, овладѣли имъ такъ свирѣпо, что въ три дня оставалась отъ него одна тѣнь только. Къ этому присоединились всѣ признаки безнадежнаго сумасшествія. Иногда нѣсколько

человѣкъ не могли удержать[1] его. Ему начали чудиться давно забытые, живые глаза необыкновеннаго портрета, и тогда бѣшенство его было ужасно. Всѣ люди, окружавшіе его постель, казались ему ужасными портретами. Портретъ этотъ двоился, четверился въ его глазахъ, и, наконецъ, ему чудилось, что всѣ стѣны были увѣшаны этими ужасными портретами, устремившими на него свои неподвижные, живые глаза. Страшные портреты глядѣли на него съ потолка, съ полу, и, въ добавокъ, онъ видѣлъ, какъ комната расширялась и продолжалась пространнѣе, чтобы болѣе вмѣстить этихъ неподвижныхъ глазъ[2]. Докторъ, принявшій на себя обязанность его пользовать и уже нѣсколько наслышавшійся о странной его исторіи, старался всѣми силами отыскать тайное отношеніе между грезившимися ему привидѣніями и происшествіями его жизни, но ничего не могъ успѣть. Больной ничего не понималъ и не чувствовалъ, кромѣ своихъ терзаній, и пронзительнымъ, невыразимо-раздирающимъ голосомъ кричалъ и молилъ, чтобы приняли отъ него неотразимый портретъ съ живыми глазами, котораго мѣсто онъ описывалъ съ странными для безумнаго подробностями. Напрасно употребляли всѣ старанія, чтобы отыскать этотъ чудный портретъ. Все было перерыто въ домѣ, но портретъ не отыскивался. Тогда больной приподнимался съ безпокойствомъ[3] и опять начиналъ описывать его мѣсто съ такою точностью, которая показывала присутствіе яснаго и проницательнаго ума; но всѣ поиски были тщетны. Наконецъ, докторъ заключилъ, что это было больше ничего, кромѣ особенное явленіе безумія[4]. Скоро жизнь его прервалась въ послѣднемъ, уже безгласномъ порывѣ страданія. Трупъ его былъ страшенъ. Ничего тоже не могли найти отъ огромныхъ его богатствъ, но, увидѣвши изрѣзанные куски тѣхъ высокихъ произведеній искусства, которыхъ цѣна превышала милліоны, поняли ужасное ихъ употребленіе.

§ II.

Множество каретъ, дрожекъ и колясокъ стояло передъ подъѣздомъ дома, въ которомъ производилась аукціонная продажа вещей одного изъ тѣхъ богатыхъ любителей искусствъ, которые сладко продремали всю жизнь свою, погруженные въ зефиры и амуры, которые невинно прослыли меценатами и

простодушно издержали для этого милліоны, накопленные ихъ основательными отцами, а часто даже собственными прежними трудами. Длинная зала была наполнена самою пестрою толпою посѣтителей, налетѣвшихъ, какъ хищныя птицы, на неприбранное тѣло. Тутъ была цѣлая флотилія русскихъ купцовъ изъ гостинаго двора и даже толкучаго рынка въ синихъ нѣмецкихъ сюртукахъ. Видъ ихъ и физіогномія были здѣсь какъ-то тверже, вольнѣе и не означались[1] тою приторною услужливостію, которая такъ видна въ русскомъ купцѣ. Они вовсе не чинились, не смотря на то, что въ этой же залѣ находилось множество тѣхъ значительныхъ аристократовъ, передъ которыми они въ другомъ мѣстѣ готовы были своими поклонами смести пыль, нанесенную своими же[2] сапогами. Здѣсь они были совершенно развязны, щупали безъ церемоніи книги и картины, желая узнать доброту товара, и смѣло перебивали цѣну, набавляемую графами-знатоками[3]. Здѣсь были многіе необходимые посѣтители аукціоновъ, постановившіе каждый день бывать въ немъ вмѣсто завтрака; аристократы-знатоки, почитающіе[4] обязанностью не упустить случая умножить свою коллекцію и не находившіе другаго занятія отъ 12 до 1-го часа; наконецъ, тѣ благородные господа, которыхъ платья и карманы чрезвычайно худы, которые являются ежедневно безъ всякой корыстолюбивой цѣли, но единственно, чтобы посмотрѣть, чѣмъ что̀ кончится: кто будетъ давать больше, кто меньше, кто кого перебьетъ и за кѣмъ что̀ останется. Множество картинъ разбросано было совершенно безъ всякаго толку; съ ними были перемѣшаны и мебели, и книги съ вензелями прежняго владѣтеля, который, вѣрно[5], не имѣлъ похвальнаго любопытства въ нихъ заглядывать. Китайскія вазы, мраморныя доски для столовъ, новыя и старинныя мебели съ выгнутыми линіями, съ грифами, сфинксами и львиными лапами, вызолоченныя и безъ позолоты люстры, кенкеты — все было навалено и вовсе не въ такомъ порядкѣ, какъ въ магазинахъ. Все представляло какой-то хаосъ искусствъ. Вообще ощущаемое нами чувство при видѣ аукціона странно: въ немъ все отзывается чѣмъ-то похожимъ на погребальную процессію[6]. Залъ[7], въ которомъ онъ производится, всегда какъ-то мраченъ[8]; окна, загроможденныя мебелями и картинами, скупо изливаютъ свѣтъ; безмолвіе, раз-

литое на лицахъ всѣхъ, и голоса: „сто рублей, рубль и двадцать копѣекъ! четыреста рублей и пятьдесятъ копѣекъ[1]“, протяжно вырывающіеся изъ устъ, какъ-то дики для слуха. Но еще болѣе производитъ впечатлѣніе погребальный голосъ аукціониста[2], постукивающаго молоткомъ и отпѣвающаго панихиду бѣднымъ, такъ странно встрѣтившимся здѣсь, искусствамъ[3].

Однакоже, аукціонъ еще не начинался; посѣтители разсматривали[4] разныя вещи, набросанныя горою на полу. Между тѣмъ небольшая толпа остановилась передъ однимъ портретомъ: на немъ былъ изображенъ старикъ съ такою странною живостью глазъ, что невольно приковалъ къ себѣ ихъ вниманіе. Въ художникѣ нельзя было не признать истиннаго таланта; произведеніе хотя было не окончено, однакоже[5], носило на себѣ рѣзкій признакъ могущественной кисти; но при всемъ томъ эта сверхъестественная живость глазъ возбуждала какой-то невольный упрекъ художнику. Они чувствовали, что это верхъ истины, что изобразить ее въ такой степени можетъ только геній, но что этотъ геній, уже слишкомъ дерзко перешагнулъ границы воли человѣка. Вниманіе ихъ прервало внезапное восклицаніе одного, уже нѣсколько пожилыхъ лѣтъ, посѣтителя[6]. „Ахъ, это онъ!“ вскрикнулъ онъ въ сильномъ движеніи и неподвижно вперилъ глаза на портретъ. Такое восклицаніе, натурально, зажгло во всѣхъ любопытство, и нѣкоторые изъ разсматривавшихъ никакъ не утерпѣли, чтобы не сказать, оборотившись къ нему: „Вамъ, вѣрно, извѣстно что-нибудь объ этомъ портретѣ?“

„Вы не ошиблись“, отвѣчалъ сдѣлавшій невольное восклицаніе. „Точно, мнѣ болѣе нежели кому другому извѣстна исторія этого портрета. Все увѣряетъ меня, что онъ долженъ быть тотъ самый, о которомъ я хочу говорить. Такъ какъ я замѣчаю, что васъ всѣхъ интересуетъ о немъ узнать[7], то я теперь же готовъ нѣсколько удовлетворить васъ“. Посѣтители наклоненіемъ головы изъявили свою благодарность и съ большою внимательностію приготовились слушать.

„Безъ сомнѣнія, немногимъ изъ васъ“, такъ началъ онъ: „извѣстна хорошо та часть города, которую называютъ Коломной. Характеристика ея отличается рѣзкою особенностью отъ другихъ частей города. Нравы, занятія, состоянія, привычки жителей совершенно отличны отъ прочихъ. Здѣсь ничто не

похоже на столицу, но вмѣстѣ съ этимъ не похоже и на провинціальный городокъ, потому что раздробленность многосторонней и, если можно сказать, цивилизированной жизни проникла и сюда и оказалась въ такихъ тонкихъ мелочахъ, какія можетъ только родить многолюдная столица. Тутъ совершенно другой свѣтъ[1], и, въѣхавши въ уединенныя коломенскія улицы, вы, кажется, слышите, какъ оставляютъ васъ молодые желанія и порывы. Сюда не заглядываетъ живительное, радужное будущее. Здѣсь все тишина и отставка. Здѣсь все, чтò осѣло отъ движенія столицы. И въ самомъ дѣлѣ, сюда переѣзжаютъ отставные чиновники, которыхъ пансіонъ не превышаетъ пятисотъ рублей въ годъ; вдовы, жившія прежде мужними трудами; небогатые люди, имѣющіе пріятное знакомство съ сенатомъ и потому осудившіе себя здѣсь на цѣлую жизнь; выслужившіяся кухарки, толкающіяся цѣлый день на рынкахъ, болтающія вздоръ съ мужикомъ въ мелочной лавкѣ и забирающія каждый день на 5 копѣекъ кофею и на 4 копѣйки сахару; наконецъ, весь тотъ разрядъ людей, который я назову пепельнымъ, которые, съ своимъ платьемъ, лицомъ, волосами, имѣютъ какую-то тусклую, пепельную наружность. Они похожи на сѣренькій день, когда солнце не слѣпитъ своимъ яркимъ блескомъ, когда тоже буря не свищетъ, сопровождаемая громомъ, дождемъ и градомъ, но, просто, когда на небѣ бываетъ ни сё, ни то: сѣется туманъ и отнимаетъ всю рѣзкость у предметовъ[2]. Лица этихъ людей бываютъ какъ-то изъ-красна-рыжеватыя, волосы тоже красноватые; глаза почти всегда безъ блеска; платье ихъ тоже совершенно матовое и представляетъ тотъ мутный цвѣтъ, который происходитъ, когда смѣшаешь всѣ краски вмѣстѣ, и, вообще, вся ихъ наружность совершенно матовая. Къ этому разряду можно причислить отставныхъ театральныхъ капельдинеровъ, уволенныхъ пятидесятилѣтнихъ титулярныхъ совѣтниковъ[3], отставныхъ питомцевъ Марса съ 200-рублевымъ пенсіономъ[4], выколотымъ[5] глазомъ и раздутою губою. Эти люди вовсе безстрастны: имъ все трынъ-трава; идутъ они, совершенно не обращая вниманія ни на какіе предметы; молчатъ, совершенно не думая ни о чемъ. Въ комнатѣ ихъ только кровать и штофъ чистой, русской водки, которую они однообразно сосутъ весь день, безъ всякаго смѣлаго прилива

въ головѣ, возбуждаемаго сильнымъ пріемомъ, какой обыкновенно любитъ задавать себѣ по воскреснымъ днямъ молодой нѣмецкій ремесленникъ, этотъ студентъ Мѣщанской улицы[1], одинъ владѣющій тротуаромъ за двѣнадцать часовъ ночи.

„Жизнь въ Коломнѣ всегда однообразна: рѣдко гремитъ въ мирныхъ улицахъ карета[2], кромѣ развѣ той, въ которой ѣздятъ актеры и которая звономъ, громомъ и бряканьемъ своимъ смущаетъ всеобщую тишину. Здѣсь всѣ почти — пѣшеходы. Извощикъ рѣдко, лѣниво, и почти всегда безъ сѣдока, волочится[3], таща вмѣстѣ съ собою сѣно для своей скромной клячи[4]. Цѣна квартиръ рѣдко достигаетъ тысячи рублей; ихъ больше отъ 15 до 20 и 30 руб. въ мѣсяцъ, не считая множества угловъ, которые отдаются съ отопленіемъ и кофіемъ за четыре съ полтиною въ мѣсяцъ. Вдовы-чиновницы, получающія пенсіонъ[5], самыя солидныя обитательницы этой части. Они ведутъ себя очень хорошо, метутъ довольно чисто свою комнату[6] и говорятъ съ своими сосѣдками и пріятельницами о дороговизнѣ говядины, картофеля и капусты; при нихъ находится очень часто молоденькая дочь, молчаливое, безгласное существо, впрочемъ, иногда довольно миловидное; при нихъ находится также довольно гадкая собаченка и старинные часы съ печально постукивающимъ маятникомъ. Эти-то чиновницы занимаютъ лучшія отдѣленія отъ двадцати до тридцати, а иногда и до сорока рублей. За ними слѣдуютъ актеры, которымъ жалованье не позволяетъ выѣхать изъ Коломны. Это народъ свободный, какъ всѣ артисты, живущіе для наслажденія. Они, сидя въ своихъ халатахъ, или вытачиваютъ[7] изъ кости какія-нибудь бездѣлки, или починиваютъ пистолетъ, или клеятъ изъ картона какія-нибудь полезныя для дома вещи, или играютъ съ пришедшимъ пріятелемъ въ шашки или карты и такъ проводятъ утро; то же дѣлаютъ ввечеру, примѣшивая къ этому часто пуншъ. Послѣ этихъ тузовъ, этого аристократства Коломны, слѣдуетъ необыкновенная дробь и мелочь; и для наблюдателя такъ же трудно сдѣлать перечень всѣмъ лицамъ, занимающимъ разные углы и закоулки одной комнаты, какъ поименовать все то множество насѣкомыхъ, которое зарождается въ старомъ уксусѣ[8]. Какого народа вы тамъ не встрѣтите! Старухи, которыя молятся; старухи, которыя пьянствуютъ; старухи, которыя пьянствуютъ и молятся

вмѣстѣ; старухи, которыя перебиваются непостижимыми средствами, какъ муравьи таскають съ собою старое тряпье[1] и бѣлье отъ Калинкина моста до толкучаго рынка съ тѣмъ, чтобы продать его тамъ за пятнадцать копѣекъ, — словомъ, весь жалкій и несчастный осадокъ человѣчества.

„Естественное дѣло, что этотъ народъ терпитъ иногда большой недостатокъ, не дающій возможности вести ихъ обыкновенную, бѣдную жизнь; они должны часто[2] дѣлать экстренные займы, чтобы выпутаться изъ своихъ обстоятельствъ. Тогда находятся между ними такіе люди, которые носятъ громкое названіе капиталистовъ и могутъ снабжать за разные проценты, всегда почти непомѣрные, суммою отъ двадцати до ста рублей. Эти люди мало по малу составляютъ состояніе, которое позволяетъ завестись иногда собственнымъ домикомъ. Но на этихъ ростовщиковъ вовсе не было похоже одно странное существо, носившее фамилію Петромихали[3]. Былъ ли онъ грекъ, или армянинъ, или молдаванъ—этого никто не зналъ, но, по крайней мѣрѣ, черты лица его были совершенно южныя. Ходилъ онъ всегда въ широкомъ азіатскомъ платьѣ, былъ высокаго роста, лицо его было темно-оливковаго цвѣта, нависнувшія черныя съ просѣдью брови и такіе же усы придавали ему нѣсколько страшный видъ. Никакого выраженія нельзя было замѣтить на его лицѣ: оно всегда почти было неподвижно и представляло странный контрастъ своею южною рѣзкою физіогноміею съ пепельными обитателями Коломны. Петромихали вовсе не́ былъ похожъ на помянутыхъ ростовщиковъ этой уединенной части города. Онъ могъ выдать сумму, какую бы только отъ него ни потребовали; натурально, что за то[4] и проценты были тоже необыкновенны. Ветхій домъ его со множествомъ пристроекъ находился на Козьемъ Болотѣ. Онъ былъ бы не такъ дряхлъ, если бы владѣлецъ его сколько-нибудь разорился на починку, но Петромихали не дѣлалъ рѣшительно никакихъ издержекъ. Всѣ комнаты его, выключая небольшой лачужки, которую онъ занималъ самъ, были холодныя кладовыя, въ которыхъ кучами были набросаны фарфоровыя, золотыя, яшмовыя вазы, всякій хламъ, даже мебели, которыя приносили ему въ залогъ разныхъ чиновъ и званій должники, потому что Петромихали не пренебрегалъ ничѣмъ, и, не смотря на то, что давалъ по сотнѣ тысячъ, онъ также

готовъ былъ служить суммою, не превышавшею рубля. Старое негодное бѣлье, изломанные стулья, даже изодранные сапоги—все готовъ онъ былъ принять въ свои кладовыя, и нищій[1] смѣло адресовался къ нему съ узелкомъ въ рукѣ. Дорогіе жемчуги, обвивавшіе, можетъ быть, прелестнѣйшую шею въ мірѣ, заключались[2] въ его грязномъ желѣзномъ сундукѣ, вмѣстѣ съ стариннóю табакеркою пятидесятилѣтней дамы, вмѣстѣ съ діадемою, возвышавшеюся надъ алебастровымъ лбомъ красавицы, и бриліантовымъ перстнемъ бѣднаго чиновника, получившаго его въ награду неутомимыхъ своихъ трудовъ. Но нужно замѣтить, что одна только слишкомъ крайняя нужда заставляла обращаться къ нему. Его условія были такъ тягостны, что отбивали всякое желаніе. Но страннѣе всего, что съ перваго разу проценты его[3] казались не очень велики. Онъ посредствомъ своихъ странныхъ и необыкновенныхъ выкладокъ расположилъ такимъ непонятнымъ образомъ, что они росли у него страшной прогрессіей, и даже контрольные чиновники не могли проникнуть этого непостижимаго правила, тѣмъ болѣе, что оно казалось основаннымъ на законахъ строгой математической истины; они видѣли явно преувеличеніе итога, но видѣли тоже, что въ этихъ вычетахъ нѣтъ никакой ошибки. Жалость, какъ и всѣ другія страсти чувствующаго человѣка, никогда не достигала къ нему, и никакія мольбы не могли преклонить его къ отсрочкѣ или къ уменьшенію платежа. Нѣсколько разъ находили у дверей его околѣвшихъ[4] отъ холода несчастныхъ старухъ, которыхъ посинѣвшія лица, замерзнувшіе члены и мертвыя вытянутыя руки, казалось, и по смерти еще молили его о милости. Это возбуждало часто всеобщее негодованіе, и полиція нѣсколько разъ хотѣла разобрать внимательнѣе поступки этого страннаго человѣка, но квартальные надзиратели всегда умѣли, подъ какими-нибудь предлогами, отклонить[5] и представить дѣло въ другомъ видѣ, не смотря на то, что они гроша не получали отъ него[6]. Но богатство имѣетъ такую странную силу, что ему вѣрятъ, какъ государственной ассигнаціи. Оно, не показываясь, можетъ невидимо двигать всѣми, какъ раболѣпными слугами. Это странное существо сидѣло, поджавши подъ себя ноги, на почернѣвшемъ диванѣ, принимая недвижно просителей, слегка только мигнувши бровью въ знакъ поклона; и ничего не можно было отъ него услы-

шать лишняго или посторонняго. Носились, однакожъ, слухи, что будто бы онъ[1] иногда давалъ деньги даромъ, не требуя возврата, но только такое предлагалъ условіе[2], что всѣ бѣжали отъ него съ ужасомъ, и даже самыя болтливыя хозяйки не имѣли силъ пошевелить губами, чтобы пересказать ихъ другимъ. Тѣ же, которые имѣли духъ принять даваемыя имъ деньги, желтѣли, чахли и умирали, не смѣя открыть тайны.

„Въ этой части города имѣлъ небольшой домикъ одинъ художникъ, славившійся въ тогдашнее время своими дѣйствительно прекрасными произведеніями. Этотъ художникъ былъ отецъ мой. Я могу вамъ показать нѣсколько работъ его[3], выказывающихъ рѣшительный талантъ. Жизнь его была самая безмятежная. Это былъ тотъ скромный, набожный живописецъ, какіе только жили во время[4] религіозныхъ среднихъ вѣковъ. Онъ могъ бы имѣть большую извѣстность и нажить большое состояніе, если бы рѣшился заняться множествомъ работъ, которыя предлагали ему со всѣхъ сторонъ; но онъ любилъ болѣе заниматься предметами религіозными и за небольшую цѣну взялся росписать[5] весь иконостасъ приходской церкви[6]. Часто случалось ему нуждаться въ деньгахъ, но никогда не рѣшался онъ прибѣгнуть къ ужасному ростовщику, хотя имѣлъ всегда впереди возможность уплатить долгъ, потому что ему стоило только присѣсть и написать нѣсколько портретовъ — и деньги были бы въ его карманѣ. Но ему такъ жалко[7] было оторваться отъ своихъ занятій, такъ грустно было разлучиться, хотя на время, съ любимою мыслью, что онъ лучше готовъ былъ нѣсколько дней просидѣть голоднымъ въ своей комнатѣ, на что бы онъ всегда рѣшился[8], если бы не имѣлъ страстно любимой имъ жены и двухъ дѣтей, изъ которыхъ одного вы видите теперь передъ собою. Однакоже, одинъ разъ крайность его такъ увеличилась, что онъ готовъ уже былъ итти къ греку, какъ вдругъ внезапно распространилась вѣсть, что ужасный ростовщикъ находился при смерти. Это происшествіе его поразило[9], и онъ уже готовъ былъ признать[10] его нарочно посланнымъ свыше для воспрепятствованія его намѣренію, какъ встрѣтилъ въ сѣняхъ своихъ запыхавшуюся старуху, исправлявшую при ростовщикѣ три разныя должности: кухарки, дворника и камердинера. Старуха, совершенно отвыкшая говорить, находясь при своемъ странномъ господинѣ,

глухо пробормотала нѣсколько несвязныхъ, отрывистыхъ словъ, изъ которыхъ отецъ мой могъ только узнать, что господинъ ея имѣетъ въ немъ крайнюю нужду и просилъ его взять съ собой краски и кисти. Отецъ мой не могъ придумать, на что бы онъ могъ быть ему нуженъ въ такое время и притомъ еще съ красками и кистями, но, побуждаемый любопытствомъ, схватилъ свой ящикъ съ живописнымъ приборомъ и отправился за старухою.

„Онъ насилу могъ продраться сквозь толпу[1] нищихъ, обступившихъ жилище умиравшаго ростовщика и питавшихъ себя надеждою, что авось-либо, наконецъ, передъ смертію, раскается этотъ грѣшникъ и раздастъ малую часть изъ безчисленнаго своего богатства. Онъ вошелъ въ небольшую комнату и увидѣлъ протянувшееся почти во всю длину ея тѣло азіатца[2], которое онъ принялъ было за умершее, —такъ оно вытянулось и было неподвижно. Наконецъ, высохшая голова его приподнялась, и глаза его такъ страшно устремились, что отецъ мой задрожалъ. Петромихали сдѣлалъ глухое восклицаніе и наконецъ произнесъ: „Нарисуй съ меня портретъ!“ Отецъ мой изумился такому странному желанію; онъ началъ представлять ему, что теперь уже не время объ этомъ думать, что онъ долженъ отвергнуть всякое земное желаніе, что уже немного минутъ осталось жить ему и потому пора помыслить о прежнихъ своихъ дѣлахъ и принести покаяніе Всевышнему. „Я не хочу ничего: нарисуй съ меня портретъ!“ произнесъ твердымъ голосомъ Петромихали, при чемъ лицо его покрылось такими конвульсіями, что отецъ мой вѣрно бы ушелъ, если бы чувство, весьма извинительное въ художникѣ, пораженномъ необыкновеннымъ предметомъ для кисти, не остановило его[3]. Лицо ростовщика именно было одно изъ тѣхъ, которыя составляютъ кладъ для артиста. Со страхомъ и вмѣстѣ съ какимъ-то тайнымъ желаніемъ поставилъ онъ холстъ, за неимѣніемъ станка, къ себѣ на колѣни и началъ рисовать. Мысль употребить послѣ это лицо въ своей картинѣ, гдѣ хотѣлъ онъ изобразить одержимаго бѣсами, которыхъ изгоняетъ могущественное слово Спасителя, —эта мысль заставила его усилить свое рвеніе. Съ поспѣшностію набросалъ[4] онъ абрисъ и первыя тѣни, опасаясь каждую минуту, что жизнь ростовщика вдругъ прервется[5], потому что смерть уже, казалось, носилась

на устахъ его[1]. Изрѣдка только онъ издавалъ хрипѣніе и съ безпокойствомъ устремлялъ страшный[2] взглядъ свой на картину; наконецъ, что-то подобное радости мелькнуло въ его глазахъ, при видѣ, какъ черты его ложились на полотно. Опасаясь ежеминутно за жизнь его, отецъ мой прежде всего рѣшился заняться окончательною отдѣлкою глазъ. Это былъ предметъ самый трудный, потому что чувство, въ нихъ изображавшееся, было совершенно необыкновенно и невыразимо. Около часу трудился онъ около[3] нихъ и, наконецъ, совершенно схватилъ тотъ огонь, который уже потухалъ въ его оригиналѣ. Съ тайнымъ удовольствіемъ онъ отошелъ немного подалѣе отъ картины, чтобы лучше разсмотрѣть ее, и съ ужасомъ отскочилъ отъ нея, увидѣвъ живые, глядящіе на него глаза. Непостижимый страхъ овладѣлъ имъ въ такой степени, что онъ, швырнувъ палитру и краски, бросился къ дверямъ; но страшное, почти полумертвое тѣло ростовщика приподнялось съ своей кровати и схватило его тощею рукою, приказывая продолжать работу. Отецъ мой клялся и крестился, что не станетъ продолжать. Тогда это ужасное существо повалилось съ своей кровати, такъ что его кости застучали, собрало всѣ свои силы, глаза его блеснули живостью, руки обхватили ноги моего отца, и онъ, ползая, цѣловалъ полы его платья и умолялъ дорисовать портретъ. Но отецъ былъ неумолимъ и дивился только силѣ его воли, перемогшей самое приближеніе смерти. Наконецъ, отчаянный Петромихали[4] выдвинулъ съ необыкновенною силою изъ-подъ кровати сундукъ, и страшная куча золота грянула къ ногамъ моего отца. Видя и тутъ его непреклонность, онъ повалился ему въ ноги и цѣлый потокъ заклинаній полился изъ его молчаливыхъ дотолѣ[5] устъ. Невозможно было не чувствовать какого-то ужаснаго, и даже, если можно сказать, отвратительнаго состраданія. „Добрый человѣкъ! Божій человѣкъ! Христовъ человѣкъ!“ говорилъ съ выраженіемъ отчаянія этотъ живой скелетъ: „заклинаю тебя маленькими дѣтьми твоими, прекрасною женою, гробомъ отца твоего, кончи[6] портретъ съ меня! еще одинъ часъ, только одинъ часъ посиди[7] за нимъ! Слушай, я тебѣ объявлю одну тайну...“ При этомъ смертная блѣдность начала сильнѣе проступать на лицѣ его. „Но тайны этой никому не объявляй — ни женѣ, ни дѣтямъ твоимъ, а не то — и ты умрешь, и они умрутъ, и всѣ

вы будете несчастны. Слушай, если ты и[1] теперь не сжалишься, то уже больше не стану просить. Послѣ смерти я долженъ итти къ тому, къ которому бы я не хотѣлъ итти; тамъ я[2] долженъ вытерпѣть муки, о какихъ тебѣ и во снѣ не слышалось; но я могу долго еще не итти къ нему, до тѣхъ поръ, покуда стоитъ земля наша, если ты только докончишь портретъ мой. Я узналъ, что половина жизни моей перейдетъ[3] въ мой портретъ, если только онъ будетъ сдѣланъ искуснымъ живописцемъ. Ты видишь, что уже въ глазахъ осталась часть жизни; она будетъ и во всѣхъ чертахъ, когда ты докончишь. И хотя тѣло мое сгибнетъ, но половина жизни моей останется на землѣ, и я убѣгу надолго еще отъ мукъ[4]. Дорисуй! дорисуй! дорисуй!...“ кричало раздирающимъ и умирающимъ голосомъ это странное существо. Ужасъ еще болѣе овладѣлъ моимъ отцомъ. Онъ слышалъ, какъ поднялись его волоса отъ этой ужасной тайны, и выронилъ кисть, которую было уже поднялъ, тронутый его мольбами. — „А, такъ ты не хочешь дорисовать меня?“ произнесъ хрипящимъ голосомъ Петромихали. „Такъ возьми же себѣ портретъ мой: я тебѣ его дарю“. При сихъ словахъ что-то въ родѣ страшнаго смѣха выразилось на устахъ его; жизнь, казалось, еще разъ блеснула въ его чертахъ, и чрезъ минуту предъ нимъ остался синій трупъ. Отецъ не хотѣлъ притронуться къ кистямъ и краскамъ, рисовавшимъ эти богоотступныя черты, и выбѣжалъ изъ комнаты.

„Чтобы развлечь непріятныя мысли, нанесенныя этимъ происшествіемъ, онъ долго ходилъ по городу и ввечеру возвратился домой. Первый предметъ, попавшійся ему въ мастерской его, былъ писанный имъ портретъ ростовщика. Онъ обратился къ женѣ, къ женщинѣ, прислуживавшей на кухнѣ, къ дворнику, но всѣ дали рѣшительный отвѣтъ, что никто не приносилъ портрета и даже не приходилъ во время его отсутствія. Это заставило его минуту задуматься. Онъ приблизился къ портрету и невольно отвратилъ глаза свои, проникнутый отвращеніемъ къ собственной работѣ. Онъ приказалъ его снять и вынести на чердакъ, но при всемъ томъ чувствовалъ какую-то странную тягость, присутствіе[5] такихъ мыслей, которыхъ самъ пугался. Но болѣе всего поразило его, когда уже онъ легъ въ постелю, слѣдующее, почти невѣроятное,

происшествіе: онъ видѣлъ ясно, какъ вошелъ въ его комнату Петромихали и остановился передъ его кроватью. Долго глядѣлъ онъ на него своими живыми глазами, наконецъ началъ предлагать ему такія ужасныя предложенія, такое адское направленіе хотѣлъ дать его искусству, что отецъ мой съ болѣзненнымъ стономъ схватился съ кровати, проникнутый холоднымъ пòтомъ, нестерпимою тяжестью на душѣ и вмѣстѣ самымъ пламеннымъ негодованіемъ. Онъ видѣлъ, какъ чудное изображеніе умершаго Петромихали[1] ушло въ раму[2] портрета, который висѣлъ снова передъ нимъ на стѣнѣ. Онъ рѣшился въ тотъ же день[3] сжечь это проклятое произведеніе рукъ своихъ. Какъ только затопленъ былъ каминъ, онъ бросилъ его въ разгорѣвшійся огонь и съ тайнымъ наслажденіемъ видѣлъ, какъ лопались рамы, на которыхъ натянутъ былъ холстъ, какъ шипѣли еще невысохшія краски; наконецъ, куча золы одна только осталась отъ его существованія. И когда начала она улетать легкою пылью въ трубу, казалось, какъ будто неясный образъ Петромихали улетѣлъ вмѣстѣ съ нею. Онъ почувствовалъ на душѣ какое-то облегченіе. Съ чувствомъ выздоровѣвшаго отъ продолжительной болѣзни оборотился онъ къ углу комнаты, гдѣ висѣлъ писанный имъ образъ, чтобы принесть чистое покаяніе, и съ ужасомъ увидѣлъ, что передъ нимъ стоялъ тотъ же портретъ Петромихали, котораго глаза, казалось, еще болѣе получили живости, такъ что даже дѣти испустили[4] крикъ, взглянувши на него. Это чрезвычайно поразило моего отца. Онъ рѣшился открыться во всемъ священнику нашего прихода и просить у него совѣта, какъ поступить въ этомъ необыкновенномъ дѣлѣ. Священникъ былъ разсудительный человѣкъ и, кромѣ того, преданный съ теплою любовію своей должности[5]. Онъ немедленно явился по первому призыву къ моему отцу, котораго уважалъ, какъ достойнѣйшаго прихожанина. Отецъ не считалъ даже нужнымъ отводить его въ сторону и рѣшился тутъ же, при матери моей и дѣтяхъ, разсказать ему это непостижимое происшествіе. Но едва только произнесъ онъ первое слово, какъ мать моя вдругъ глухо вскрикнула и упала безъ чувствъ на полъ. Лицо ея покрылось страшною блѣдностью, уста остались неподвижны, открыты, и всѣ черты ея исковеркались судорогами. Отецъ и священникъ подбѣжали къ ней и съ ужасомъ увидѣли, что она нечаянно про-

глотила десятокъ[1] иголокъ, которыя держала во рту. Пришедшій докторъ объявилъ, что это было неизлѣчимо: иголки остановились у нея въ горлѣ, другія прошли въ желудокъ и во внутренности[2], и мать моя скончалась ужасною смертью.

„Это происшествіе произвело сильное вліяніе на всю жизнь моего отца. Съ этого времени какая-то мрачность овладѣла его душою. Рѣдко онъ чѣмъ-нибудь занимался, всегда почти оставался безмолвнымъ и убѣгалъ всякаго сообщества. Но между тѣмъ ужасный образъ Петромихали, съ его живыми глазами, сталъ преслѣдовать его неотлучнѣе[3], и часто отецъ мой чувствовалъ приливъ такихъ отчаянныхъ, свирѣпыхъ мыслей, отъ которыхъ[4] невольно содрогался самъ. Все то, что улегается, какъ черный осадокъ во глубинѣ человѣка, истребляется и выгоняется воспитаніемъ, благородными подвигами и лицезрѣніемъ прекраснаго,—все это онъ чувствовалъ въ себѣ[5] возмущавшимся и безпрестанно силившимся выйти въ наружу и развиться во всемъ своемъ порочномъ совершенствѣ. Мрачное состояніе души его именно было таково, чтобы заставить его ухватиться за эту черную сторону человѣка. Но я долженъ замѣтить, что сила характера отца моего была безпримѣрна: власть, которую онъ бралъ надъ собою и надъ страстями, была непостижима; его убѣжденія были тверже гранита, и чѣмъ сильнѣе было искушеніе, тѣмъ онъ болѣе рвался противопоставить[6] ему несокрушимую силу души своей. Наконецъ, обезсилѣвъ отъ этой борьбы, онъ рѣшился излить[7] и обнажить всего себя, въ изображеніи всей повѣсти своихъ страданій, тому же священнику, который всегда почти доставлялъ ему исцѣленіе[8] размышляющими своими рѣчами. Это было въ началѣ осени; день былъ прекрасный[9]; солнце сіяло какимъ-то свѣжимъ осеннимъ свѣтомъ; окна нашихъ комнатъ были отворены; отецъ мой сидѣлъ съ достойнымъ[10] священникомъ въ мастерской; мы играли съ братомъ въ комнатѣ, которая была рядомъ съ нею. Обѣ эти комнаты были во второмъ этажѣ, составлявшемъ антресоли нашего маленькаго дома. Дверь въ мастерской была нѣсколько растворена; я, какъ-то нечаянно, заглянулъ въ отверстіе, видѣлъ, что отецъ мой придвинулся ближе къ священнику и услышалъ даже, какъ онъ сказалъ ему[11]: „Наконецъ, я открою всю эту тайну...“ Вдругъ мгновенный крикъ[12] заставилъ меня оборотиться: брата моего

не было. Я подошелъ къ окну и — Боже! я никогда не могу забыть этого происшествія: на мостовой лежалъ облитый кровью трупъ моего брата. Играя, онъ, вѣрно, какъ-нибудь неосторожно перегнулся чрезъ окошко и упалъ, безъ сомнѣнія, головою внизъ, потому что она вся была размозжена. Я никогда не позабуду этого ужаснаго случая. Отецъ мой стоялъ неподвиженъ передъ окномъ, сложа накрестъ руки и поднявъ глаза къ небу. Священникъ былъ проникнутъ страхомъ, вспомнивъ объ ужасной смерти моей матери, и самъ требовалъ отъ отца моего, чтобы онъ хранилъ эту ужасную тайну.

„Послѣ этого отецъ мой отдалъ меня въ корпусъ, гдѣ я провелъ все время своего воспитанія, а самъ удалился въ монастырь одного уединеннаго городка, окруженнаго пустынею, гдѣ бѣдный сѣверъ уже представлялъ[1] только дикую природу, и торжественно принялъ санъ монашескій. Всѣ тяжкія обязанности этого званія онъ несъ съ такою покорностью и смиреніемъ, всю труженическую жизнь свою онъ велъ съ такимъ смиреніемъ, соединеннымъ съ энтузіазмомъ и пламенемъ вѣры, что, повидимому, ничто[2] преступное не имѣло воли коснуться къ нему. Но страшный, имъ же начертанный образъ съ живыми глазами преслѣдовалъ его и въ этомъ почти гробовомъ уединеніи. Игуменъ, узнавши о необыкновенномъ талантѣ отца моего въ живописи, поручилъ ему украсить церковь нѣкоторыми образами. Нужно было видѣть, съ какимъ высокимъ религіознымъ смиреніемъ трудился онъ надъ своею работою: въ строгомъ постѣ и молитвѣ, въ глубокомъ размышленіи и уединеніи души пріуготовлялся онъ къ своему подвигу. Неотлучно проводилъ ночи надъ своими священными изображеніями, и оттого, можетъ быть, рѣдко найдете вы произведеній[3], даже значительныхъ художниковъ, которыя носили бы на себѣ печать такихъ истинно-христіанскихъ чувствъ и мыслей. Въ его праведникахъ было такое небесное спокойствіе, въ его кающихся[4] такое душевное сокрушеніе, какія я очень рѣдко встрѣчалъ даже въ картинахъ извѣстныхъ[5] художниковъ. Наконецъ, всѣ мысли и желанія[6] его устремились къ тому, чтобы изобразить Божественную Матерь, кротко простирающую руки надъ молящимся народомъ. Надъ этимъ произведеніемъ трудился онъ съ такимъ самоотверженіемъ и съ такимъ забвеніемъ себя и всего міра, что часть спокойствія, разлитаго его

кистью въ чертахъ божественной покровительницы міра, казалось, перешла[1] въ собственную его душу. По крайней мѣрѣ, страшный образъ ростовщика пересталъ навѣщать его, и портретъ пропалъ, неизвѣстно куда.

„Между тѣмъ воспитаніе мое въ корпусѣ окончилось[2]. Я былъ выпущенъ офицеромъ, но, къ величайшему сожалѣнію, обстоятельства не позволили мнѣ видѣть моего отца. Насъ отправили тогда же въ дѣйствующую армію, которая, по поводу объявленной войны турками, находилась на границѣ. Не буду надоѣдать вамъ разсказами о жизни, проведенной мною среди походовъ, бивакъ и жаркихъ схватокъ[3]; довольно сказать, что труды, опасности[4] и жаркій климатъ измѣнили меня совершенно, такъ что знавшіе меня прежде не узнавали вовсе. Загорѣвшее лицо, огромные усы и хриплый, крикливый голосъ придали мнѣ совершенно другую физіогномію. Я былъ весельчакъ, не думалъ о завтрашнемъ[5], любилъ выпорожнить лишнюю бутылку съ товарищемъ, болтать вздоръ съ смазливенькими дѣвчонками, отпустить спроста[6] глупость,— словомъ, былъ военный безпечный человѣкъ. Однакожъ, какъ только окончилась кампанія, я почелъ первымъ долгомъ навѣстить отца.

„Когда подъѣхалъ я къ уединенному монастырю, мною овладѣло странное чувство, какого прежде я никогда не испытывалъ: я чувствовалъ, что я еще связанъ съ однимъ существомъ, что есть еще что-то неполное въ моемъ состояніи. Уединенный монастырь посреди природы блѣдной, обнаженной, навелъ на меня какое-то поэтическое[7] забвеніе и далъ странное, неопредѣленное направленіе моимъ мыслямъ, какое обыкновенно мы чувствуемъ въ глубокую осень, когда листья шумятъ подъ нашими ногами, надъ головами ни листа, черныя вѣтви сквозятъ рѣдкою сѣтью, вороны каркаютъ въ далекой вышинѣ, и мы невольно ускоряемъ свой шагъ, какъ бы стараясь собрать разсѣивающіяся[8] мысли. Множество деревянныхъ почернѣвшихъ пристроекъ окружали каменное строеніе[9]. Я вступилъ подъ длинныя, мѣстами прогнившія, позеленѣвшія мохомъ галлереи, находившіяся[10] вокругъ келій, и спросилъ монаха, отца Григорія. Это было имя, которое отецъ мой принялъ по вступленіи въ монашеское званіе. Мнѣ указали его келью.

„Никогда не позабуду произведеннаго имъ на меня впечатлѣнія. Я увидѣлъ старца, на блѣдномъ, изнуренномъ лицѣ котораго не присутствовало, казалось, ни одной черты, ни одной мысли о земномъ. Глаза его, привыкшіе быть устремленными къ небу, получили тотъ безстрастный, проникнутый нездѣшнимъ огнемъ видъ[1], который въ минуту[2] только вдохновенія осѣняетъ художника. Онъ сидѣлъ передо мною неподвижно, какъ святой, глядящій съ полотна, на которое перенесла его рука[3] художника, на молящійся народъ; онъ, казалось, вовсе не замѣтилъ меня, хотя глаза его были обращены къ той сторонѣ, откуда я вошелъ къ нему[4]. Я не хотѣлъ еще открыться[5] и потому попросилъ у него, просто, благословенія, какъ путешествующій[6] молельщикъ; но каково было мое удивленіе, когда онъ произнесъ: „Здравствуй, сынъ мой, Леонъ!“ [7] Меня это изумило: я десяти лѣтъ еще разстался съ нимъ; притомъ меня не узнавали даже тѣ, которые меня видѣли не такъ давно. „Я зналъ, что ты ко мнѣ будешь“ [8], продолжалъ онъ. „Я просилъ объ этомъ Пречистую Дѣву и св. угодника и ожидалъ тебя съ часу на часъ, потому что чувствую близкую кончину и хочу тебѣ открыть важную тайну. Пойдемъ, сынъ мой, со мною и прежде помолимся!“ Мы вышли[9] въ церковь и онъ подвелъ меня къ большой картинѣ, изображавшей Божію Матерь, благословляющую народъ. Я былъ пораженъ глубокимъ выраженіемъ божественности въ Ея лицѣ. Долго лежалъ онъ, повергшись передъ изображеніемъ, и, наконецъ, послѣ долгаго молчанія и размышленія, вышелъ вмѣстѣ со мною.

„Послѣ того отецъ мой разсказалъ мнѣ все то, что̀ вы сейчасъ отъ меня слышали. Въ истину его я вѣрилъ[10], потому что самъ былъ свидѣтелемъ многихъ печальныхъ случаевъ нашей жизни.

„Теперь я разскажу тебѣ, сынъ мой“, прибавилъ онъ послѣ этой исторіи: „то, что мнѣ открылъ видѣнный мною святой, неузнанный среди многолюднаго народа никѣмъ, кромѣ меня, котораго милосердый Создатель сподобилъ такой неизглаголанной своей благости“. При этомъ отецъ мой сложилъ руки[11] и устремилъ глаза къ небу, весь отданный ему всѣмъ своимъ бытіемъ. И я, наконецъ, услышалъ то, что̀ сейчасъ готовлюсь разсказать вамъ. Вы не должны удивляться странности его

рѣчей: я увидѣлъ, что онъ находился въ томъ состояніи души[1], которое овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ испытываетъ сильныя, нестерпимыя несчастія; когда, желая собрать всю силу, всю желѣзную силу души, и не находя ее довольно мощною, весь повергается въ религію; и чѣмъ сильнѣе гнетъ его несчастій, тѣмъ пламеннѣе его духовныя созерцанія и молитвы. Онъ уже не походитъ на того тихаго размышляющаго отшельника, который, какъ къ желанной пристани, причалилъ къ своей пустынѣ, съ желаніемъ отдохнуть отъ жизни[2] и съ христіанскимъ смиреніемъ[3] молиться Тому, къ Которому онъ сталъ ближе и доступнѣе; напротивъ того, онъ становится чѣмъ-то исполинскимъ. Въ немъ не угаснулъ пылъ души, но, напротивъ, стремится и вырывается съ большею силою. Онъ тогда весь обратился въ религіозный пламень. Его голова вѣчно наполнена чудными снами. Онъ видитъ на каждомъ шагу видѣнія и слышитъ откровенія[4]; мысли его раскалены; глазъ его уже не видитъ ничего, принадлежащаго землѣ; всѣ движенія, слѣдствія вѣчнаго устремленія къ одному, исполнены энтузіазма[5]. Я съ перваго раза замѣтилъ въ немъ это состояніе и упоминаю о немъ потому, чтобы вамъ не казались слишкомъ удивительными тѣ рѣчи, которыя я отъ него услышалъ. „Сынъ мой!“ сказалъ онъ мнѣ послѣ долгаго, почти неподвижнаго устремленія глазъ[6] своихъ къ небу: „уже скоро, скоро приблизится то время, когда искуситель[7] рода человѣческаго, антихристъ, народится въ мірѣ[8]. Ужасно будетъ это время[9]: оно будетъ передъ концомъ міра. Онъ промчится на конѣ-гигантѣ[10], и великія потерпятъ муки тѣ[11], которые останутся вѣрными Христу. Слушай, сынъ мой: уже давно хочетъ народиться антихристъ[12], но не можетъ[13], потому что долженъ родиться сверхъестественнымъ образомъ; а въ мірѣ нашемъ все устроено Всемогущимъ такъ, что совершается все[14] въ естественномъ порядкѣ, и потому ему никакія силы, сынъ мой, не помогутъ прорваться въ міръ. Но земля наша — прахъ передъ Создателемъ. Она по его законамъ должна разрушаться, и съ каждымъ днемъ законы природы будутъ становиться слабѣе, и отъ того границы, удерживающія сверхъестественное[15], приступнѣе[16]. Онъ уже и теперь нарождается, но только нѣкоторая часть[17] его порывается показаться въ міръ. Онъ избираетъ для себя жилищемъ самого человѣка и показывается

въ тѣхъ людяхъ, отъ которыхъ уже, кажется, при самомъ рожденіи, отшатнулся ангелъ, и они заклеймены страшною ненавистью къ людямъ и ко всему, что̀ есть[1] созданіе Творца[2]. Таковъ-то былъ и[3] тотъ дивный ростовщикъ, котораго дерзнулъ я, окаянный, изобразить преступною своею кистью[4]. Это онъ, сынъ мой, это былъ самъ антихристъ. Еслибы моя преступная рука[5] не дерзнула его изобразить, онъ бы удалился и исчёзнулъ, потому что не могъ жить долѣе того тѣла, въ которомъ заключилъ себя. Въ этихъ[6] отвратительныхъ живыхъ глазахъ удержалось бѣсовское чувство. Дивись, сынъ мой, ужасному могуществу бѣса. Онъ во все силится проникнуть: въ наши дѣла, въ наши мысли и даже въ самое вдохновеніе художника. Безчисленны будутъ жертвы этого адскаго духа[7], живущаго невидимо, безъ образа, на землѣ. Это тотъ черный духъ, который врывается къ намъ даже въ минуту самыхъ чистыхъ и святыхъ помышленій. О, если бы моя кисть не остановила своей адской работы, онъ бы еще болѣе надѣлалъ зла[8], и нѣтъ силъ человѣческихъ противустать ему, потому что онъ именно выбираетъ то время, когда величайшія несчастія постигаютъ насъ[9]. Горе, сынъ мой, бѣдному человѣчеству! Но слушай, что̀ мнѣ открыла въ часъ святаго видѣнія сама Божія Матерь. Когда я трудился надъ изображеніемъ пречистаго лика Дѣвы Маріи, лилъ слезы покаянія о моей протекшей жизни и долго пребывалъ въ постѣ и молитвѣ, чтобы быть достойнѣе изобразить божественныя черты Ея, я былъ посѣщенъ[10], сынъ мой, вдохновеніемъ, я чувствовалъ, что высшая сила осѣнила меня и ангелъ возносилъ мою грѣшную руку,— я чувствовалъ, какъ шевелились на мнѣ волоса мои[11] и душа вся трепетала. О, сынъ мой! за эту минуту я бы тысячи взялъ мукъ на себя. И я самъ дивился тому, что̀ изобразила кисть моя. Тогда же предсталъ мнѣ во снѣ пречистый ликъ Дѣвы[12], и я узналъ, что въ награду моихъ трудовъ и молитвъ сверхъестественное существованіе этого демона въ портретѣ будетъ невѣчно, что если кто торжественно объявитъ его исторію по истеченіи пятидесяти лѣтъ въ первое новолуніе, то сила его погаснетъ и разсѣется, яко[13] прахъ, и что я могу тебѣ передать это передъ моею смертію. Уже тридцать лѣтъ протекло съ того времени, какъ онъ живетъ[14]; двадцать впереди. Помолимся, сынъ мой!“ При этомъ онъ повергнулся на колѣни и

весь превратился въ молитву. Признаюсь, я внутренно всѣ эти слова приписывалъ распаленному его воображенію, воздвигнутому[1] безпрестаннымъ постомъ и молитвами, и потому изъ уваженія не хотѣлъ дѣлать какого-нибудь замѣчанія или соображенія[2]. Но когда я увидѣлъ, какъ онъ поднялъ къ небу изсохшія свои руки, съ какимъ глубокимъ сокрушеніемъ молчалъ онъ, уничтоженный въ себѣ самомъ, съ какимъ невыразимымъ умиленіемъ молилъ о тѣхъ, которые не въ силахъ были противиться адскому обольстителю и погубили все возвышенное души своей, съ какою пламенною скорбію простерся онъ, и по лицу его лились говорящія слезы, и во всѣхъ чертахъ его выразилось одно безмолвное рыданіе, — о, тогда я не въ силахъ былъ предаться холодному размышленію и разбирать[3] слова его! Нѣсколько лѣтъ прошло послѣ его смерти. Я не вѣрилъ этой исторіи и даже мало думалъ о ней; но никогда не могъ ее никому пересказать. Я не знаю, отчего это было, но только я чувствовалъ всегда что-то удерживавшее меня отъ того[4]. Сегодня безъ всякой цѣли[5] зашелъ я на аукціонъ и въ первый разъ разсказалъ исторію этого необыкновеннаго портрета, такъ что я невольно начинаю думать, не сегодня ли то новолуніе[6], о которомъ говорилъ отецъ мой, потому что, дѣйствительно, съ того времени прошло уже 20 лѣтъ"[7].

Тутъ разсказывавшій остановился, и слушатели, внимавшіе ему съ неразвлекаемымъ участіемъ, невольно обратили глаза свои къ странному портрету и, къ удивленію своему, замѣтили, что глаза его вовсе не сохраняли той странной живости, которая такъ поразила ихъ сначала. Удивленіе еще болѣе увеличилось, когда черты[8] страннаго изображенія почти нечувствительно начали исчезать, какъ исчезаетъ дыханіе съ чистой стали. Что-то мутное[9] осталось на полотнѣ. И когда подошли къ нему ближе, то увидѣли какой-то незначащій пейзажъ, такъ что посѣтители, уже уходя, долго недоумѣвали[10], дѣйствительно ли они видѣли таинственный портретъ, или это была мечта и представилась мгновенно глазамъ, утружденнымъ долгимъ разсматриваніемъ старинныхъ картинъ.

ВЗГЛЯДЪ НА СОСТАВЛЕНІЕ МАЛОРОССИИ*.

I. Какое ужасно-ничтожное время представляетъ для Россія XIII вѣкъ! Сотни мелкихъ государствъ единовѣрныхъ, одноплеменныхъ, одноязычныхъ, означенныхъ однимъ общимъ характеромъ и которыхъ, казалось, противъ воли соединяло родство, — эти мелкія государства такъ были между собою разъединены, какъ рѣдко случается съ разнохарактерными народами. Они были разъединены не ненавистью[1] — сильныя страсти не досягали сюда — ни постоянною политикою, слѣдствіемъ непреклоннаго ума и познанія жизни: это былъ хаосъ браней за временное, за минутное, — браней разрушительныхъ, потому что онѣ мало по малу извели народный характеръ, едва начинавшій принимать отличительную физіогномію при сильныхъ норманскихъ князьяхъ. Религія, которая болѣе всего связываетъ и образуетъ народы, мало на нихъ дѣйствовала. Религія не срослась тогда тѣсно съ законами, съ жизнью. Монахи, настоятели, даже митрополиты были схимники, удалившіеся въ свои кельи и закрывшіе глаза для міра; молившіеся за всѣхъ, но не знавшіе, какъ схватить съ помощью своего сильнаго оружія, вѣры, власть надъ народомъ и возжечь этой вѣрой пламень и ревность до энтузіазма, который одинъ властенъ соединить младенчествующіе народы и настроить ихъ къ великому. Здѣсь была совершенная противоположность западу, гдѣ самодержавный папа, какъ будто невидимою паутиною, опуталъ всю Европу своею

---

* Эскизъ этотъ составлялъ введеніе къ Исторіи Малороссіи; но такъ какъ вся первая часть Исторіи Малороссіи передѣлана вовсе, то онъ остался заштатнымъ и помѣщается здѣсь, какъ совершенно отдѣльная статья.

религіозною властью, гдѣ его могущественное слово прекращало брань или возжигало ее, гдѣ угроза страшнаго проклятія обуздывала страсти и полудикіе народы. Здѣсь монастыри были убѣжищемъ тѣхъ людей, которые кротостью и незлобіемъ составляли исключеніе изъ общаго характера и вѣка. Изрѣдка пастыри, изъ пещеръ и монастырей, увѣщали[1] удѣльныхъ князей; но ихъ увѣщанія были напрасны: князья умѣли только поститься и строить церкви, думая[2], что исполняютъ этимъ всѣ обязанности христіанской религіи, а не умѣли считать ее закономъ и покоряться ея велѣніямъ. Самыя ничтожныя причины раждали между ими безконечныя войны. Это были не споры королей съ вассалами или вассаловъ съ вассалами: — нѣтъ! это были брани между родственниками, между родными братьями, между отцомъ и дѣтьми. Не ненависть, не сильная страсть воздымала ихъ: — нѣтъ! братъ брата рѣзалъ за клочекъ земли или, просто, чтобы показать удальство. Примѣръ ужасный для народа! Родство рушилось, потому что жители двухъ сосѣднихъ[3] удѣловъ, родственники между собою, готовы были каждую минуту возстать другъ противъ друга съ яростью волковъ. Ихъ не подвигала на это наслѣдственная вражда, потому что кто былъ сегодня другъ, тотъ завтра дѣлался непріятелемъ. Народъ пріобрѣлъ хладнокровное звѣрство, потому что онъ рѣзалъ, самъ не зная за что. Его не разжигало ни одно сильное чувство — ни фанатизмъ, ни суевѣріе, ни даже предразсудокъ. Отъ того, казалось, умерли въ немъ почти всѣ человѣческія сильныя благородныя страсти, и если бы явился какой-нибудь геній, который бы захотѣлъ тогда съ этимъ народомъ совершить великое, онъ бы не нашелъ въ немъ ни одной струны, за которую бы могъ ухватиться и потрясти безчувственный составъ его, выключая развѣ физической желѣзной силы. Тогда исторія, казалось, застыла и превратилась въ географію: однообразная жизнь, шевелившаяся въ частяхъ и неподвижная въ цѣломъ, могла почесться географическою принадлежностью страны.

II. Тогда случилось дивное происшествіе. Изъ Азіи, изъ средины ея, изъ степей, выбросившихъ столько народовъ въ Европу, поднялся самый страшный, самый многочисленный, совершившій столько завоеваній, сколько до него не производилъ никто. Ужасные монголы, съ многочисленными,

никогда дотолѣ невиданными Европою табунами, кочевыми кибитками, хлынули на Россію, освѣтивши путь свой пламенемъ и пожарами — прямо азіатскимъ буйнымъ наслажденіемъ. Это нашествіе наложило на Россію двухвѣковое рабство и скрыло ее отъ Европы. Было ли оно спасеніемъ для нея, сберегши ее для независимости, потому что удѣльные князья не сохранили бы ее отъ литовскихъ завоевателей[1], или оно было наказаніемъ за тѣ безпрерывныя брани, — какъ бы то ни было, но это страшное событіе произвело великія слѣдствія: оно наложило иго на сѣверныя и среднія русскія княженія, но дало между тѣмъ происхожденіе новому славянскому поколѣнію въ южной Россіи, котораго вся жизнь была борьба и котораго исторію я взялся представить[2].

III. Южная Россія болѣе всего пострадала отъ татаръ. Выжженные города и степи, обгорѣлые лѣса, древній, разрушенный Кіевъ, безлюдье и пустыня — вотъ чтò представляла эта несчастная страна! Напуганные[3] жители разбѣжались или въ Польшу, или въ Литву; множество бояръ и князей выѣхало въ сѣверную Россію. Еще прежде народонаселеніе начало замѣтно уменьшаться въ этой сторонѣ. Кіевъ давно уже не былъ столицею; значительныя владѣнія были гораздо сѣвернѣе. Народъ, какъ бы понимая самъ свою ничтожность, оставлялъ тѣ мѣста, гдѣ разновидная природа начинаетъ становиться изобрѣтательницею, гдѣ она раскинула степи прекрасныя, вольныя, съ безчисленнымъ множествомъ травъ почти гигантскаго роста, часто неожиданно среди нихъ опрокинула косогоръ, убранный дикими вишнями, черешнями, или обрушила рытвину, всю въ цвѣтахъ, и по всѣмъ вьющимся лентамъ рѣкъ разбросала очаровательные виды, протянула во всю длину Днѣпръ съ ненасытными порогами, съ величественными гористыми берегами и неизмѣримыми лугами — и все это согрѣла умѣреннымъ дыханіемъ юга. Онъ оставлялъ эти мѣста и столплялся въ той части Россіи, гдѣ мѣстоположеніе, однообразно-гладкое и ровное, вездѣ почти болотистое, истыканное печальными елями и соснами, показывало не жизнь живую, исполненную движенія, но какое-то прозябеніе, поражающее душу мыслящаго. — Какъ будто бы этимъ подтвердилось правило, что только народъ сильный жизнью и характеромъ ищетъ мощныхъ мѣстоположеній или что только смѣ-

лыя и поразительныя мѣстоположенія образуютъ смѣлый, страстный, характерный народъ.

IV. Когда первый страхъ прошелъ, тогда мало по малу выходцы изъ Польши, Литвы, Россіи начали селиться въ этой землѣ, настоящей отчизнѣ славянъ, землѣ древнихъ полянъ, сѣверянъ, чистыхъ славянскихъ племенъ, которыя въ Великой Россіи начинали уже смѣшиваться съ народами финскими, но здѣсь сохранялись въ прежней цѣльности, со всѣми языческими повѣрьями, дѣтскими предразсудками, пѣснями, сказками, славянской миѳологіей, такъ простодушно у нихъ смѣшавшейся съ христіанствомъ. Возвращавшіеся на свои мѣста прежніе жители привели по слѣдамъ своимъ и выходцевъ изъ другихъ земель, съ которыми отъ долговременнаго пребыванія составили связи. Это населеніе производилось боязненно и робко, потому что ужасный кочевой народъ былъ не за горами: ихъ раздѣляли или, лучше сказать, соединяли однѣ степи. Не смотря на пестроту населенія, здѣсь не было тѣхъ браней междоусобныхъ, которыя не переставали во глубинѣ Россіи: опасность со всѣхъ сторонъ не давала возможности заняться ими. Кіевъ, древняя матерь городовъ русскихъ, сильно разрушенный страшными обладателями табуновъ, долго оставался бѣденъ и едва ли могъ сравниться со многими, даже не слишкомъ значительными городами сѣверной Россіи. Всѣ оставили его, даже монахи-лѣтописцы, для которыхъ онъ всегда былъ священъ. Извѣстія о немъ разомъ прервались и, не смотря на то, что тамъ оставалась еще отрасль князей русскихъ, ничто не спасло его отъ полувѣковаго забвенія. Изрѣдка только, какъ будто сквозь сонъ, говорятъ лѣтописцы, что онъ былъ страшно разоренъ, что въ немъ были ханскіе баскаки, — и потомъ онъ отъ нихъ задернулся какъ бы непроницаемою завѣсою.

V. Между тѣмъ какъ Россія была повергнута татарами въ бездѣйствіе и оцѣпенѣніе, великій язычникъ, Гедиминъ, вывелъ на сцену тогдашней исторіи новый народъ, — народъ бѣдный и жизнью, и средствами для жизни, населявшій дикіе сосновые лѣса нынѣшней Бѣлоруссіи, еще носившій звѣриную кожу вмѣсто одежды, еще боготворившій Перуна и поклонявшійся древнему огню въ нетроганныхъ топоромъ рощахъ, платившій прежде дань русскимъ князьямъ, извѣстный

подъименемъ литовцевъ[1]. И этотъ народъ при своемъ князѣ Гедиминѣ сдѣлался самымъ виднымъ на огромномъ сѣверо-востокѣ Европы! Тогда города, княжества и народы на западѣ Россіи были какіе-то отрывки, обрѣзки, оставшіеся за гранью татарскаго порабощенія. Они не составляли ничего цѣлаго, и потому литовскій завоеватель почти однимъ движеніемъ языческихъ войскъ своихъ, совершенно созданныхъ имъ, подвергъ своей власти весь промежутокъ между Польшей и татарской Россіей. Потомъ двинулъ онъ войска свои на югъ, во владѣнія волынскихъ князей. Весьма естественно, что успѣхъ сопровождалъ его вездѣ. Въ Луцкѣ, однакожъ, князь Левъ сильно сопротивлялся, но не въ силахъ былъ отстоять земель своихъ. Гедиминъ, назначивъ своихъ[2] старостъ и начальниковъ,шелъ далѣе на югъ[3], къ самому сердцу южной Россіи, къ Кіеву. Убѣжавшій луцкій князь Левъ успѣлъ кое-какъ уговорить кіевскаго князя Станислава выйти съ своими немноголюдными дружинами навстрѣчу грозному побѣдителю; дружины были усилены союзниками-татарами; но все бѣжало передъ мощнымъ литовцемъ. Гедиминъ, сильно поразивъ ихъ при рѣкѣ Ирпети[4], вступилъ съ торжествомъ въ Кіевъ, носившій на себѣ свѣжую печать татарскаго посѣщенія, и постановилъ въ немъ правителемъ князя Миндова Ольшанскаго, принявшаго греческую вѣру. Итакъ, литовскій завоеватель у самыхъ татаръ вырвалъ почти передъ глазами ихъ[5] находившуюся землю! Это должно бы, казалось, возбудить борьбу между двумя народами, но Гединимъ былъ человѣкъ ума крѣпкаго, былъ политикъ, не смотря на видимую свою дикость и свое невѣжественное время[6]. Онъ умѣлъ сохранить дружбу съ татарами, владѣя отнятыми у нихъ землями и не платя никакой дани[7]. Этотъ дикій политикъ, не знавшій письма и поклонявшійся языческому богу, ни у одного изъ покоренныхъ имъ народовъ не измѣнилъ обычаевъ и древняго правленія: все оставилъ по прежнему, подтвердилъ всѣ привилегіи и старшинамъ[8] строго приказалъ уважать народныя права, нигдѣ даже не означилъ пути своего опустошеніемъ. Совершенная ничтожность окружавшихъ его народовъ и прочихъ историческихъ лицъ придаютъ ему какой-то исполинскій размѣръ[9]. Онъ умеръ въ 1340 году; мертвый былъ посаженъ на коня съ своимъ оруженосцемъ, съ охотничьими собаками, соколами и сожженъ по языче-

скому обычаю литовцевъ. Вслѣдъ за нимъ такіе же два сильные характера, Ольгердъ и Ягайло, вознесли Литву, употребляя ту же самую политику съ присоединенными народами[1].

VI. И вотъ южная Россія, подъ могущественнымъ покровительствомъ литовскихъ князей, совершенно отдѣлилась отъ сѣверной. Всякая связь между ними[2] разорвалась; составились два государства, называвшіяся одинакимъ именемъ — Русью, одно подъ татарскимъ игомъ, другое подъ однимъ скипетромъ съ литовцами. Но уже сношеній между ими не было. Другіе законы, другіе обычаи, другая цѣль, другія связи, другіе подвиги составили на время два совершенно различные характера[3]. Какимъ образомъ это произошло, — составляетъ цѣль нашей исторіи. Но прежде всего нужно бросить взглядъ на географическое положеніе этой страны, что̀ непремѣнно должно предшествовать всему, ибо отъ вида земли зависитъ[4] образъ жизни и даже характеръ народа. Многое въ исторіи разрѣшаетъ географія.

Эта земля, получившая послѣ названіе Украины, простирающаяся на сѣверъ не далѣе 50° широты, болѣе ровна, нежели гориста. Небольшія возвышенности встрѣчаются очень часто, но ни одной гористой цѣпи. Сѣверная ея часть перемежается лѣсами, содержавшими прежде въ себѣ цѣлыя шайки медвѣдей и дикихъ кабановъ[5]; южная вся открыта, вся изъ степей, кипѣвшихъ плодородіемъ, но только изрѣдка засѣвавшихся хлѣбомъ. Дѣвственная и могучая почва ихъ своевольно произращала безчисленное множество травъ[6]. Эти степи кипѣли стадами сайгъ, оленей и дикихъ лошадей, бродившихъ табунами. Съ сѣвера на югъ проходитъ великій Днѣпръ[7], опутанный вѣтвями впадающихъ въ него рѣкъ[8]. Правый берегъ его гористъ и представляетъ плѣнительныя[9] и вмѣстѣ дерзкія мѣстоположенія; лѣвый — весь изъ луговъ, покрытыхъ рощами, потоплявшимися водою. Двѣнадцать пороговъ — выросшихъ изъ дна рѣки скалъ — недалеко отъ впаденія его въ море преграждаютъ теченіе и дѣлаютъ плаваніе по немъ чрезвычайно опаснымъ. Около пороговъ водился родъ дикихъ козъ — *Сугаки* съ бѣлыми лоснящимися рогами, съ мягкою, атласною шерстью. Прежде во̀ды въ Днѣпрѣ были выше, разливался онъ шире и далѣе потоплялъ луга свои. Когда во̀ды начинаютъ опадать, тогда видъ поразителенъ[10]: всѣ возвышен-

ности выходятъ и кажутся безчисленными зелеными островами среди необозримаго океана[1] воды. Въ Днѣпръ впадаетъ только одна судоходная рѣка, Десна, проходящая въ сѣверной Украинѣ, съ лѣсистыми берегами, почти съ обѣихъ сторонъ потопляемыми водою[2]; но и эта рѣка только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ судоходна. Кромѣ того, на сѣверѣ Остеръ и часть Сейма, на югѣ Сула, Пселъ, съ цѣпью видовъ[3], Хоролъ и другія; но ни одна изъ нихъ не судоходна. Сообщенія никакого нѣтъ, произведенія не могли взаимно размѣниваться — и потому здѣсь не могъ и возникнуть торговый народъ. Всѣ рѣки развѣтвляются[4] по серединѣ, ни одна изъ нихъ не протекала на рубежѣ и не служила естественною гранью съ сосѣдственными народами. Къ сѣверу ли съ Россіей, къ востоку ли съ кипчакскими татарами, къ югу ли съ крымскими, къ западу ли съ Польшей, — вездѣ она граничила полемъ[5], вездѣ равнина, со всѣхъ сторонъ открытое мѣсто. Будь хотя съ одной стороны естественная граница изъ горъ или моря — и народъ, поселившійся здѣсь, удержалъ бы политическое бытіе свое, составилъ бы отдѣльное государство[6]. Но беззащитная, открытая земля эта была землей опустошеній и набѣговъ, — мѣстомъ[7], гдѣ сшибались три враждующія націи, унавожена костями, утучнена кровью. Одинъ татарскій наѣздъ разрушалъ весь трудъ земледѣльца; луга и нивы[8] были вытаптываемы конями и выжигаемы, легкія жилища сносимы до основанія, обитатели разгоняемы или угоняемы въ плѣнъ вмѣстѣ съ скотомъ. Это была земля страха, и потому въ ней могъ образоваться только народъ воинственный, сильный своимъ соединеніемъ, — народъ отчаянный, котораго вся жизнь была бы повита и взлелѣяна войною. И вотъ выходцы вольные и невольные, бездомные[9], тѣ, которымъ нечего было терять, которымъ жизнь — копѣйка, которыхъ буйная воля не могла терпѣть законовъ и власти, которымъ вездѣ грозила висѣлица, расположились и выбрали самое опасное мѣсто въ виду азіатскихъ завоевателей — татаръ и турковъ[10]. Эта толпа, разросшись и увеличившись, составила цѣлый народъ, набросившій свой характеръ и, можно сказать, колоритъ на всю Украину, сдѣлавшій чудо — превратившій мирныя славянскія поколѣнія въ воинственныя, извѣстный подъ именемъ козаковъ[11], народъ, составляющій одно изъ замѣчательныхъ явленій европейской

исторіи, которое, можетъ быть, одно сдержало это опустошительное разлитіе двухъ магометанскихъ народовъ, грозившихъ поглотить Европу.

VII. Если не къ концу XIII, то къ началу XIV вѣка можно отнести появленіе козачества, къ тѣмъ вѣкамъ, когда святая, сильная ревность къ религіи еще не остыла въ Европѣ, когда почти вдругъ во всѣхъ концахъ безпрестанно образовывались братства и ордена рыцарскіе, составлявшіе странную противоположность съ тогдашнимъ разъединеніемъ, съ изумительнымъ самоотверженіемъ разрушившіе и отвергнувшіе условія обыкновенной жизни, безбрачные, суровые, неотразимые соглядатаи дѣлъ міра, желѣзные поборники вѣры Христовой. Чѣмъ слабѣе была связь тогдашнихъ государствъ, тѣмъ сильнѣе росла ужасная сила этихъ обществъ. Разлитіе магометанства и магометанскихъ новыхъ сильныхъ народовъ, уже врывавшихся въ Европу, увеличивало ихъ еще болѣе. Духъ этихъ братствъ распространился вездѣ и не между рыцарями, и не для подобныхъ предназначеній. Въ ѣто времи явился близь пороговъ городокъ, или острогъ — Черкасы, построенный удалыми выходцами, имя котораго звучитъ обитателями Кавказа, котораго даже построеніе многіе приписываютъ имъ, и гдѣ было главное сборище и мѣстопребываніе козаковъ. Вначалѣ частыя нападенія татаръ на сѣверную часть Украины заставляли жителей спасаться бѣгствомъ, приставать къ козакамъ и увеличивать ихъ общество. Это было пестрое сборище самыхъ отчаянныхъ людей пограничныхъ націй. Дикій горецъ, ограбленный россіянинъ, убѣжавшій отъ деспотизма пановъ польскій холопъ, даже бѣглецъ исламизма татаринъ, можетъ быть, положили первое начало этому странному обществу по ту сторону Днѣпра, впослѣдствіи постановившему цѣлью, подобно орденскимъ рыцарямъ, вѣчную войну съ невѣрными. Это скопище людей не имѣло никакихъ укрѣпленій, ни одного зáмка[1]. Землянки, пещеры и тайники въ днѣпровскихъ утесахъ, часто подъ водою, на днѣпровскихъ островахъ, въ гущѣ степной травы, служили имъ укрытіемъ для себя и для награбленныхъ богатствъ. Гнѣздо этихъ хищниковъ было невидимо; они налетали внезапно и, схвативши добычу, возвращались назадъ. Они поворотили противъ татаръ ихъ же образъ войны—тѣ же азіатскіе набѣги[2]. Какъ жизнь ихъ опредѣлена была на вѣч-

ный страхъ, такъ точно, съ своей стороны, они рѣшились быть страхомъ для сосѣдей. Татары и турки должны были всякій часъ ожидать этихъ неумолимыхъ обитателей пороговъ. Магометанскій сосѣдъ не зналъ, какъ назвать этотъ ненавистный народъ. Если кто хотѣлъ къ кому выразить величайшее презрѣніе, то называлъ его козакомъ[1].

VIII. Большая часть этого общества состояла, однакожъ, изъ первобытныхъ, коренныхъ обитателей южной Россіи. Доказательство—въ языкѣ, который, не смотря на принятіе множества татарскихъ и польскихъ словъ, имѣлъ всегда чисто-славянскую южную физіогномію[2], приближавшую его къ тогдашнему русскому, и въ вѣрѣ, которая всегда была греческая. Всякій имѣлъ полную волю приставать къ этому обществу[3], но онъ долженъ былъ непремѣнно принять греческую религію[4]. Это общество сохраняло всѣ тѣ черты[5], которыми рисуютъ шайку разбойниковъ; но, бросивши взглядъ глубже, можно было увидѣть въ немъ зародышъ политическаго тѣла, основаніе характернаго народа, уже въ началѣ имѣвшаго одну главную цѣль—воевать съ невѣрными и сохранять чистоту религіи своей. Это, однакожъ, не были строгіе рыцари католическіе: они не налагали на себя никакихъ обѣтовъ, никакихъ постовъ; не обуздывали себя воздержаніемъ и умерщвленіемъ плоти; были неукротимы, какъ ихъ днѣпровскіе пороги, и въ своихъ неистовыхъ пиршествахъ и бражничествѣ позабывали весь міръ. То же тѣсное братство, которое сохраняется въ разбойничьихъ шайкахъ, связывало ихъ между собою. Все было у нихъ общее—вино, цехины, жилища[6]. Вѣчный страхъ, вѣчная опасность внушали имъ какое-то презрѣніе къ жизни. Козакъ больше заботился о доброй мѣрѣ[7] вина, нежели о своей участи[8]. Но въ нападеніяхъ видна была вся гибкость, вся смѣтливость ума, все умѣнье пользоваться обстоятельствами[9]. Нужно было видѣть этого обитателя пороговъ въ полутатарскомъ, полупольскомъ костюмѣ[10], на которомъ такъ рѣзко отпечаталась пограничность земли, азіатски мчавшагося на конѣ, пропадавшаго въ густой травѣ, бросавшагося съ быстротою[11] тигра изъ непримѣтныхъ тайниковъ своихъ, или вылѣзавшаго внезапно изъ рѣки или болота, обвѣшаннаго тиною и грязью, казавшагося страшилищемъ бѣгущему татарину[12]. Этотъ же самый козакъ, послѣ набѣга,

когда гулялъ и бражничалъ съ своими товарищами, сорилъ и разбрасывалъ награбленныя сокровища, былъ безсмысленно пьянъ и безпеченъ до новаго набѣга, если только не предупреждали[1] ихъ татары, не разгоняли ихъ пьяныхъ и безпечныхъ и не разрывали до основанія городка ихъ, который, какъ будто чудомъ, строился вновь и опустошительный, ужасный набѣгъ былъ отмщеніемъ[2]. Послѣ чего снова та же безпечность, та же разгульная жизнь.

IX. Казалось, существованіе этого народа было вѣчно. Онъ никогда не уменьшался: выбывшіе, убитые, потонувшіе замѣнялись новыми. Такая разгульная жизнь[3] приманивала всякаго. Тогда было то поэтическое время, когда все добывалось саблею, когда каждый въ свою очередь стремился быть дѣйствующимъ лицомъ, а не зрителемъ[4]. Это скопленіе мало по малу получило совершенно одинъ общій характеръ и національность, и, чѣмъ ближе къ концу XV вѣка, тѣмъ болѣе увеличивалось приходившими вновь[5]. Наконецъ, цѣлыя деревни и села начали поселяться[6] съ домами и семействами около этого грознаго оплота[7], чтобы пользоваться его защитою, съ условіемъ за то нѣкоторыхъ повинностей. И такимъ образомъ мѣста около Кіева начали пустѣть, а между тѣмъ по ту сторону Днѣпра люднѣли[8]. Семейные и женатые мало по малу отъ обращенія и сношенія съ ними получали тотъ же воинственный характеръ. Сабля и плугъ сдружились между собою и были у всякаго селянина[9]. Между тѣмъ разгульные холостяки, вмѣстѣ съ червонцами, цехинами и лошадьми[10], стали похищать татарскихъ женъ и дочерей и жениться на нихъ. Отъ этого смѣшенія черты лица ихъ, вначалѣ разнохарактерныя, получили одну общую физіогномію, болѣе азіатскую[11]. И вотъ составился народъ, по вѣрѣ и мѣсту жительства принадлежавшій Европѣ, но[12], между тѣмъ, по образу жизни, обычаямъ, костюму, совершенно азіатскій[13], — народъ, въ которомъ такъ странно столкнулись двѣ противоположныя части свѣта, двѣ разнохарактерныя стихіи: европейская осторожность и азіатская безпечность, простодушіе и хитрость, сильная дѣятельность и величайшая лѣнь и нѣга, стремленіе къ развитію и усовершенствованію — и между тѣмъ желаніе казаться пренебрегающимъ всякое совершенствованіе.

1832.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПУШКИНѢ.

При имени Пушкина тотчасъ осѣняетъ мысль о русскомъ національномъ поэтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ поэтовъ нашихъ не выше его и не можетъ болѣе[1] назваться національнымъ; это право рѣшительно принадлежитъ ему[2]. Въ немъ, какъ будто въ лексиконѣ, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Онъ болѣе всѣхъ, онъ далѣе раздвинулъ ему границы и болѣе показалъ все его пространство[3]. Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа: это русскій человѣкъ въ конечномъ[4] его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ быть, явится чрезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ отразились въ такой же чистотѣ, въ такой очищенной красѳтѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптическаго стекла[5].

Самая его жизнь совершенно русская. Тотъ же разгулъ и раздолье, къ которому иногда, позабывшись, стремится русскій и которое всегда нравится свѣжей русской молодежи[6], отразились на его первобытныхъ годахъ вступленія въ свѣтъ. — Судьба[7], какъ нарочно, забросила его туда, гдѣ границы Россіи отличаются рѣзкою, величавою характерностью, гдѣ гладкая неизмѣримость Россіи перерывается подоблачными горами и обвѣвается югомъ. Исполинскій, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ Кавказъ, среди знойныхъ долинъ, поразилъ его; онъ, можно сказать, вызвалъ силу души его и разорвалъ послѣднія цѣпи, которыя еще тяготѣли на свободныхъ мысляхъ[8]. Его плѣнила вольная поэтическая жизнь дерзкихъ горцевъ, ихъ схватки, ихъ быстрые, неотразимые набѣги; и съ этихъ поръ кисть его пріобрѣла тотъ широкій размахъ, ту быстроту

и смѣлость, которая такъ дивила и поражала только-что начинавшую читать Россію. Рисуетъ ли онъ боевую схватку чеченца съ козакомъ[1] — слогъ его молнія; онъ такъ же блещетъ, какъ сверкающія[2] сабли, и летитъ быстрѣе самой битвы[3]. Онъ одинъ только пѣвецъ Кавказа[4]: онъ влюбленъ въ него всею душою и чувствами; онъ проникнутъ и напитанъ его чудными окрестностями, южнымъ небомъ, долинами прекрасной Грузіи и великолѣпными крымскими ночами и садами[5]. Можетъ быть, отъ того и въ своихъ твореніяхъ онъ жарче и пламеннѣе тамъ, гдѣ душа его коснулась юга. На нихъ онъ невольно означилъ[6] всю силу свою, и отъ того произведенія его, напитанныя Кавказомъ[7], волею черкесской жизни и ночами Крыма, имѣли чудную, магическую силу: имъ изумлялись даже тѣ, которые не имѣли столько вкуса и развитія душевныхъ способностей, чтобы быть въ силахъ понимать его. Смѣлое[8] болѣе всего доступно, сильнѣе и просторнѣе раздвигаетъ душу, а особливо юности, которая вся еще жаждетъ одного необыкновеннаго[9]. Ни одинъ поэтъ въ Россіи не имѣлъ такой завидной участи, какъ Пушкинъ; ничья слава не распространялась такъ быстро. Всѣ кстати и некстати считали обязанностью проговорить, а иногда исковеркать какіе-нибудь ярко сверкающіе отрывки его поэмъ. Его имя уже имѣло въ себѣ что-то электрическое, и стоило только кому-нибудь изъ досужихъ марателей выставить его на своемъ твореніи, уже оно расходилось повсюду*.

Онъ при самомъ началѣ своемъ уже былъ націоналенъ[10], потому что истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда націоналенъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами. Если должно сказать о тѣхъ

---

* Подъ именемъ Пушкина разсѣивалось множество самыхъ нелѣпыхъ стиховъ. Это обыкновенная участь таланта, пользующагося сильною извѣстностью. — Это вначалѣ смѣшитъ, но послѣ бываетъ досадно, когда наконецъ выходишь изъ молодости и видишь эти глупости не прекращающимися. Такимъ образомъ начали, наконецъ, Пушкину приписывать: „Лѣкарство отъ холеры“, „Первую ночь“ и тому подобныя.

достоинствахъ, которыя составляютъ принадлежность Пушкина, отличающую[1] его отъ другихъ поэтовъ, то они заключаются[2] въ чрезвычайной быстротѣ описанія и въ необыкновенномъ искусствѣ немногими чертами означить весь предметъ. Его эпитетъ такъ отчетистъ и смѣлъ[3], что иногда одинъ замѣняетъ цѣлое описаніе; кисть его летаетъ. Его небольшая пьеса всегда стóитъ[4] цѣлой поэмы. Врядъ ли[5] о комъ изъ поэтовъ можно сказать, чтобы у него въ коротенькой пьесѣ вмѣщалось столько величія, простоты и силы, сколько у Пушкина.

Но послѣднія его поэмы, писанныя имъ въ то время, когда Кавказъ скрылся отъ него[6] со всѣмъ своимъ грознымъ величіемъ и державно-возносящеюся изъ-за облаковъ[7] вершиною, и онъ погрузился въ сердце Россіи, въ ея обыкновенныя равнины, предался глубже изслѣдованію жизни и нравовъ своихъ соотечественниковъ и захотѣлъ быть вполнѣ національнымъ поэтомъ, — эти[8] поэмы уже не всѣхъ поразили[9] тою яркостью и ослѣпительной смѣлостью, какими дышетъ у него все[10], гдѣ ни являются Эльбрусъ, горцы, Крымъ и Грузія.

Явленіе это, кажется, не такъ трудно разрѣшить[11]. Будучи поражены смѣлостью его кисти и волшебствомъ картинъ, всѣ читатели его, и[12] образованные и необразованные, требовали наперерывъ, чтобы отечественныя и историческія происшествія сдѣлались предметомъ его поэзіи, позабывая, что нельзя тѣми же красками, которыми рисуются горы Кавказа и его вольные обитатели, изобразить болѣе спокойный[13] и гораздо менѣе исполненный страстей бытъ русскій. Масса публики, представляющая въ лицѣ своемъ націю[14], очень странна въ своихъ желаніяхъ; она кричитъ: „изобрази насъ такъ, какъ мы есть, въ совершенной истинѣ, представь дѣла нашихъ предковъ въ такомъ видѣ, какъ они были“. Но попробуй поэтъ, послушный ея велѣнію, изобразить все въ совершенной истинѣ и такъ, какъ было, она тотчасъ заговоритъ[15]: „это вяло, это слабо, это нехорошо, это ни мало не похоже на то, чтò было“. Масса народа похожа въ этомъ случаѣ на женщину, приказывающую художнику нарисовать съ себя портретъ совершенно похожій; но горе ему, если онъ не умѣлъ скрыть всѣхъ ея недостатковъ![16] Русская исторія только со времени послѣдняго ея направленія при императорахъ пріобрѣтаетъ яркую живость; до того,

характеръ народа большею частію былъ безцвѣтенъ, разнообразіе страстей ему мало было извѣстно. Поэтъ не виноватъ; но и въ народѣ тоже весьма извинительное чувство придать большій размѣръ дѣламъ своихъ предковъ. Поэту оставалось два средства: или натянуть, сколько можно выше, свой слогъ, дать силу безсильному, говорить съ жаромъ о томъ, что̀ само въ себѣ не сохраняетъ сильнаго жара, тогда толпа почитателей, толпа народа — на его сторонѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и деньги[1]; или быть вѣрну одной истинѣ: быть высокимъ тамъ, гдѣ высокъ предметъ, быть рѣзкимъ и смѣлымъ, гдѣ истинно-рѣзкое и смѣлое, быть спокойнымъ и тихимъ, гдѣ не кипитъ происшествіе. Но въ этомъ случаѣ прощай, толпа! ея не будетъ у него, развѣ когда самый предметъ, изображаемый имъ, уже такъ великъ и рѣзокъ, что не можетъ не произвесть всеобщаго энтузіазма[2]. Перваго средства не избралъ поэтъ, потому что хотѣлъ остаться поэтомъ, и потому что у всякаго, кто только чувствуетъ въ себѣ искру святаго призванія, есть тонкая разборчивость, не позволяющая ему выказывать свой талантъ такимъ средствомъ[3]. Никто не станетъ спорить, что дикій горецъ въ своемъ воинственномъ костюмѣ, вольный какъ воля, самъ себѣ и судья[4] и господинъ[5], гораздо ярче какого-нибудь засѣдателя[6] и, не смотря на то, что онъ зарѣзалъ своего врага, притаясь въ ущельи, или выжегъ цѣлую деревню, однакоже онъ болѣе поражаетъ, сильнѣе возбуждаетъ въ насъ участіе, нежели нашъ судья въ истертомъ фракѣ, запачканномъ табакомъ, который невиннымъ образомъ, посредствомъ справокъ и выправокъ, пустилъ по міру множество всякаго рода крѣпостныхъ и свободныхъ душъ[7]. — Но тотъ и другой, они оба — явленія, принадлежащія къ нашему міру: они оба должны имѣть право на наше вниманіе, хотя по весьма[8] естественной причинѣ то, что̀ мы рѣже видимъ, всегда сильнѣе поражаетъ наше воображеніе, и предпочесть необыкновенному обыкновенное есть больше ничего, кромѣ неразсчетъ[9] поэта — неразсчетъ передъ его многочисленною публикою, а не предъ собою: онъ ничуть не теряетъ своего достоинства, даже, можетъ быть, еще болѣе пріобрѣтаетъ его, но только въ глазахъ немногихъ истинныхъ цѣнителей. Мнѣ пришло на память одно происшествіе изъ моего дѣтства. Я всегда чувствовалъ въ себѣ[10] маленькую страсть къ живописи. Меня много занималъ писанный мною

пейзажъ[1], на первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево. Я жилъ тогда въ деревнѣ; знатоки и судьи мои были окружные сосѣди[2]. Одинъ изъ нихъ, взглянувши на картину, покачалъ головою и сказалъ: „Хорошій живописецъ выбираетъ дерево рослое, хорошее, на которомъ бы и листья были свѣжіе, хорошо растущее[3], а не сухое“. Въ дѣтствѣ мнѣ казалось досадно[4] слышать такой судъ, но послѣ я изъ него извлекъ мудрость[5]: знать, чтò нравится и чтò не нравится толпѣ. Сочиненія Пушкина, гдѣ дышетъ у него русская природа, такъ же тихи и безпорывны, какъ русская природа. Ихъ только можетъ совершенно понять[6] тотъ, чья душа носитъ въ себѣ чисто-русскіе элементы, кому Россія родина, чья душа такъ нѣжно организирована и развилась въ чувствахъ[7], что способна понять неблестящія съ виду русскія пѣсни[8] и русскій духъ; потому что чѣмъ предметъ обыкновеннѣе, тѣмъ выше нужно быть поэту, чтобы извлечь изъ него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочимъ, совершенная истина. По справедливости ли оцѣнены послѣднія его поэмы? Опредѣлилъ ли, понялъ ли кто „Бориса Годунова“, это высокое, глубокое произведеніе, заключенное во внутренней, неприступной поэзіи, отвергнувшее всякое грубое пестрое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа? По крайней мѣрѣ, печатно нигдѣ не произнеслась имъ вѣрная оцѣнка, и они остались донынѣ нетронуты.

Въ мелкихъ своихъ сочиненіяхъ, этой прелестной антологіи, Пушкинъ разностороненъ необыкновенно и является еще обширнѣе, виднѣе, нежели въ поэмахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ мелкихъ сочиненій такъ рѣзко-ослѣпительны, что ихъ способенъ понимать всякій, но за то большая часть изъ нихъ, и притомъ самыхъ лучшихъ, кажется обыкновенною для многочисленной толпы. Чтобы быть доступну понимать ихъ, нужно имѣть слишкомъ тонкое обоняніе, нуженъ вкусъ выше того, который можетъ понимать только однѣ слишкомъ рѣзкія и крупныя черты[9]. Для этого нужно быть въ нѣкоторомъ отношеніи сибаритомъ[10], который уже давно пресытился грубыми и тяжелыми яствами, который ѣстъ птичку не болѣе[11] наперстка и услаждается такимъ блюдомъ, котораго вкусъ кажется совсѣмъ неопредѣленнымъ, страннымъ, безъ всякой пріятности— привыкшему глотать издѣлія крѣпостнаго повара[12]. Это собра-

ніе его мелкихъ стихотвореній — рядъ самыхъ ослѣпительныхъ картинъ. Это тотъ ясный міръ, который такъ дышетъ чертами, знакомыми однимъ древнимъ, въ которомъ природа выражается такъ же живо, какъ въ струѣ какой-нибудь серебряной рѣки, въ которомъ быстро и ярко мелькаютъ ослѣпительныя плечи или бѣлыя руки, или алебастровая шея, обсыпанная ночью темныхъ кудрей, или прозрачныя гроздія винограда, или мирты и древесная сѣнь, созданныя для жизни. Тутъ все: и наслажденіе, и простота, и мгновенная высокость мысли, вдругъ объемлющая священнымъ холодомъ вдохновенія читателя[1]. Здѣсь нѣтъ этого каскада краснорѣчія, увлекающаго только многословіемъ, въ которомъ каждая фраза потому только сильна, что соединяется съ другими и оглушаетъ паденіемъ всей массы, но если отдѣлить ее, она становится слабою и безсильною[2]. Здѣсь[3] нѣтъ краснорѣчія, здѣсь[4] одна поэзія: никакого наружнаго блеска, все просто, все прилично, все исполнено внутренняго блеска, который раскрывается не вдругъ; все лаконизмъ, какимъ всегда бываетъ чистая поэзія. Словъ немного, но они такъ точны, что обозначаютъ все. Въ каждомъ словѣ бездна пространства; каждое слово необъятно, какъ поэтъ. Отсюда происходитъ то, что[5] эти мелкія сочиненія перечитываешь[6] нѣсколько разъ, тогда какъ достоинства этого не имѣетъ[7] сочиненіе, въ которомъ слишкомъ просвѣчиваетъ одна главная идея.

Мнѣ всегда было странно слышать сужденія объ нихъ многихъ, слывущихъ знатоками и литераторами, которымъ я болѣе довѣрялъ, покамѣстъ еще не слышалъ ихъ толковъ объ этомъ предметѣ. Эти мелкія сочиненія можно назвать пробнымъ камнемъ, на которомъ можно испытывать вкусъ и эстетическое чувство разбирающаго ихъ критика. Непостижимое дѣло! Казалось, какъ бы имъ не быть доступными всѣмъ! Они такъ просто-возвышенны, такъ ярки, такъ пламенны, такъ сладострастны и, вмѣстѣ, такъ дѣтски чисты. Какъ бы не понимать ихъ![8] Но, увы, это неотразимая истина[9]: что чѣмъ болѣе поэтъ становится поэтомъ, чѣмъ болѣе изображаетъ онъ чувства, знакомыя однимъ[10] поэтамъ, тѣмъ замѣтнѣй уменьшается кругъ обступившей его толпы, и наконецъ, такъ становится тѣсенъ, что онъ можетъ перечесть по пальцамъ всѣхъ своихъ истинныхъ цѣнителей[11].

1832.

ОБЪ АРХИТЕКТУРѢ НЫНѢШНЯГО ВРЕМЕНИ.

Мнѣ всегда становится грустно, когда я гляжу на новыя зданія, безпрерывно строющіяся, на которыя брошены милліоны и изъ которыхъ рѣдкія останавливаютъ изумленный глазъ величествомъ рисунка или своевольной дерзостью воображенія, или даже роскошью и ослѣпительною пестротою украшеній. Невольно втѣсняется мысль: неужели прошелъ невозвратимо вѣкъ архитектуры? неужели величіе и геніальность больше не посѣтятъ насъ? или они — принадлежность народовъ юныхъ, полныхъ одного энтузіазма и энергіи и чуждыхъ усыпляющей, безстрастной образованности? Отчего же тѣ народы, передъ которыми мы такъ самодовольно гордимся, которымъ едва даемъ мѣсто въ исторіи міра, — отчего же они такъ возвышаются передъ нами созданіями своего темнаго, не освѣщеннаго дробью познаній, ума? Отчего же колоссальные памятники индусовъ такъ величавы и неизмѣримы, отчего аравійскіе такъ роскошны и очаровательны? отчего у насъ въ Европѣ въ средніе вѣка такъ много воздвиглось ихъ въ изумительномъ величіи?

Не хотѣлось бы убѣдиться въ этой грустной мысли, но все говоритъ, что она истинна. Они прошли — тѣ вѣка, когда вѣра, пламенная, жаркая вѣра, устремляла всѣ мысли, всѣ умы, всѣ дѣйствія къ одному, когда художникъ выше и выше стремился вознести созданіе свое къ небу, къ нему одному рвался и предъ нимъ, почти въ виду его, благоговѣйно подымалъ молящуюся свою руку. Зданіе его летѣло къ небу; узкія окна, столпы, своды тянулись нескончаемо въ вышину; прозрачный, почти кружевной шпицъ, какъ дымъ, сквозилъ

надъ ними, и величественный храмъ такъ бывалъ великъ передъ обыкновенными жилищами людей[1], какъ велики требованія души нашей передъ требованіями тѣла.

Была архитектура необыкновенная, христіанская, національная для Европы — и мы ее оставили, забыли, какъ будто чужую; пренебрегли, какъ неуклюжую и варварскую. Не удивительно ли, что три вѣка протекло, и Европа, которая жадно бросалась на все, алчно перенимала все чужое, удивлялась чудесамъ древнимъ, римскимъ и византійскимъ, или уродовала ихъ по своимъ формамъ, — Европа не знала, что среди ея находятся чуда, передъ которыми было ничто все ею видѣнное, что въ нѣдрѣ ея находятся миланскій и кельнскій соборы, и еще донынѣ чернѣютъ кирпичи недоконченной башни страсбургскаго мюнстера.

Готическая архитектура, та готическая архитектура, которая образовалась передъ окончаніемъ среднихъ вѣковъ, есть явленіе такое, какого еще никогда не производилъ вкусъ и воображеніе человѣка. Ее напрасно производятъ отъ арабской: идеи этихъ двухъ родовъ совершенно расходятся; изъ арабской она заимствовала только одно искусство сообщать тяжелой массѣ зданія роскошь украшеній и легкость, но самая эта роскошь украшеній вылилась у ней совершенно въ другую форму. — Она обширна и возвышенна, какъ христіанство. Въ ней все соединено вмѣстѣ: этотъ стройно[2] и высоко возносящійся надъ головою лѣсъ сводовъ, окна огромныя, узкія, съ безчисленными измѣненіями и переплетами, присоединеніе къ этой ужасающей колоссальности массы самыхъ мелкихъ, пестрыхъ украшеній; эта легкая паутина рѣзьбы, опутывающая его своею сѣтью, обвивающая его отъ подножія до конца шпица и улетающая вмѣстѣ съ нимъ на небо; величіе и вмѣстѣ красота, роскошь и простота, тяжесть и легкость — это такія достоинства, которыхъ никогда, кромѣ этого времени, не вмѣщала въ себѣ архитектура. Вступая въ священный мракъ этого храма, сквозь который фантастически глядитъ разноцвѣтный цвѣтъ оконъ[3], поднявши глаза къ верху, гдѣ теряются, пересѣкаясь, стрѣльчатые своды одинъ надъ другимъ, одинъ надъ другимъ, и имъ конца нѣтъ, — весьма естественно ощутить въ душѣ невольный ужасъ присутствія святыни, которой не смѣетъ и коснуться дерзновенный умъ человѣка.

Но она исчезла, эта прекрасная архитектура! Какъ только энтузіазмъ среднихъ вѣковъ угасъ и мысль человѣка раздробилась и устремилась на множество разныхъ цѣлей, какъ только единство и цѣлость одного исчезли, — вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло и величіе. Силы его, раздробившись, сдѣлались малыми: онъ произвелъ вдругъ во всѣхъ родахъ множество удивительныхъ вещей, но истинно великаго, исполинскаго уже не было. Византійцы, убѣжавши изъ своей развратной столицы, занятой мусульманами, перепортили вкусъ европейцевъ и колоссальную ихъ архитектуру. Византійцы давно уже не имѣли древняго аттическаго вкуса; они уже не имѣли и первоначальнаго византійскаго и принесли только испорченные остатки его. Они языческія, круглыя, плѣнительныя, сладострастныя формы куполовъ и колоннъ тщились примѣнить къ христіанству, и примѣнили такъ же неудачно, какъ неудачно привили христіанство къ своей языческой жизни, дряхлой, лишенной свѣжести. Куполъ вытянулся вверхъ и сдѣлался почти угловатымъ; стройныя линіи, фронтоны какъ-то странно изломались и произвели ничтожныя формы. Въ такомъ видѣ получили эту архитектуру европейцы, которые, съ своей стороны, измѣнили ее еще болѣе, потому что въ душѣ своей еще носили первоначальный образъ готическій и мысль, совершенно противоположную разслабленной многосторонности грековъ. Тогда произошли тяжелые дворцы съ колоннами, полуколоннами безъ всякой цѣли. Все это было робко, мелко. Это была не роскошь, но искаженность простоты. Множество миѳологическихъ головъ и украшеній безъ смысла, облѣпивъ тяжелую массу, не придали ей никакой легкости, не смягчили крѣпкихъ чертъ ея нѣжными и не выразили никакой идеи. Стремленіе въ высоту, сообщавшее величіе и легкость самымъ тяжелымъ массамъ, исчезло; вмѣсто того они разъѣхались въ ширину.

Но церкви, строенныя въ XVII и началѣ XVIII вѣка, еще менѣе выражаютъ идею своего назначенія. Глядя на нихъ, кажется, чувствуешь то же, какъ если бы человѣкъ грубый началъ поддѣлываться подъ свѣтскую утонченность. Въ нихъ прямая линія безъ всякаго условія вкуса соединялась съ выгнутою и кривою; при полуготической формѣ всей массы, они ничего не имѣютъ въ себѣ готическаго: окна мелкія, сбитыя въ кучу,

или раскиданныя безъ всякой гармоніи, пилястры, не тянувшіеся во всю длину зданія, но приклеенные иногда вверху подъ куполомъ, иногда на срединѣ, коротенькіе, неуклюжіе, сверхъ которыхъ часто находится другой этажъ такихъ же колоннъ, маленькихъ, некрасивыхъ; крыша изъ ломанныхъ линій; при этомъ часто удерживался и готическій шпицъ, но уже не тотъ легкій и прозрачный, который подъ рукою художника среднихъ вѣковъ принималъ такую воздушность, но тяжелый, массивный, который уже вовсе не летѣлъ къ небу. Все, что только отзывалось высокими, устремленными кверху готическими деталями, было оставлено, какъ безвкусное.

Хотя въ продолженіи XVIII вѣка вкусъ нѣсколько улучшился, но изъ этого не выиграли мы ровно ничего: онъ улучшился въ веригахъ чужихъ формъ. Тяжесть готическая была справедливо изгнана совершенно, потому что она въ греческой формѣ была уже до невозможности безобразна. Тогда еще съ бо̀льшимъ рвеніемъ стали изучать древнія формы, но изучали такъ, какъ робкіе ученики, копирующіе съ точностью мелочныя подробности оригинала и позабывающіе объ идеѣ цѣлаго. Брали части и съ необыкновеннымъ излишествомъ лѣпили въ огромную массу, показавшую еще никогда дотолѣ небывалое разъединеніе въ цѣломъ. Колонны и куполъ, больше всего прельстившіе насъ, начали приставлять къ зданію безъ всякой мысли и во всякомъ мѣстѣ: они уже не были главною идеею строенія, а только частями, или, лучше, украшеніями его. Размѣръ самаго строенія мы увеличили гораздо болѣе, а размѣръ купола въ отношеніи къ строенію уменьшили. Мы не посмотрѣли въ увеличительное стекло на строеніе, которое избрали моделью, не взглянули на него, отошедши на извѣстное разстояніе, но смотрѣли вблизи. Куполъ сдѣлался ничтожнымъ, малымъ. Видя его пустынность и одиночество на верху зданія, прибавили къ нему нѣсколько другихъ, возвысили для этого надъ ними башни — и куполы стали походить на грибы. И куполъ, это лучшее, прелестнѣйшее твореніе вкуса, сладострастный, воздушно-выпуклый, который долженъ былъ обнять все строеніе и роскошно отдыхать на всей его массѣ бѣлою, облачною своей поверхностью, исчезъ совершенно. Я люблю куполъ, тотъ прекрасный, огромный, легко-выпуклый куполъ, который воз-

родилъ роскошный вкусъ грековъ въ александрійскій вѣкъ и позже, въ вѣкъ наслажденій[1] и эгоизма, вѣкъ утонченнаго раздробленія жизни, вѣкъ антологіи, легкой, душистой, дышащей сладострастіемъ, лѣнью и роскошью, когда каждый принадлежалъ себѣ, жилъ для себя, а не для общества, когда на великолѣпныхъ, роскошныхъ баняхъ, вездѣ былъ виденъ этотъ смѣло-выпуклый, какъ небесный сводъ, куполъ. Ничто не можетъ такъ сладострастно, такъ плѣнительно украсить массу домовъ, какъ такой куполъ. Но для этого онъ долженъ быть помѣщенъ только на томъ зданіи, которое неизмѣримо своею шириною и какъ можно болѣе захватываетъ пространства; онъ долженъ лечь на всей обширной его платформѣ; онъ долженъ быть свѣтлѣе самаго зданія, и лучше, если онъ весь бѣлый. Ослѣпительная бѣлизна сообщаетъ неизъяснимую очаровательность и полноту его легко-выпуклой формѣ, — онъ тогда лучше, роскошнѣе и облачнѣе круглится на небѣ. И донынѣ города сирійскіе и антіохійскіе имѣютъ необыкновенную прелесть черезъ то, что удержали нѣкоторое подобіе этихъ куполовъ; и донынѣ на востокѣ можно встрѣтить ихъ въ величавомъ и огромномъ видѣ.

Портикъ съ колоннами, это ясное произведеніе аттическаго стройнаго вкуса, который не терпѣлъ надъ собою никакихъ надстроекъ, у насъ тоже пропалъ: ему не догадались дать колоссальнаго размѣра, раздвинуть во всю ширину зданія, возвысить во всю вышину его. Его не развили, не увеличили, но стали употреблять въ обыкновенномъ видѣ. Удивительно ли, что зданія, которыя требовались огромныя, казались пусты, потому что фронтоны съ колоннами лѣпилися только надъ крыльцами ихъ. Громоздимыя надъ ними въ церквахъ, дворцахъ башни и массы, вовсе ему не отвѣчавшія, подавили и уничтожили его совершенно. Такимъ самымъ образомъ поэтъ, не имѣющій обширнаго генія, всегда недоволенъ однимъ простымъ сюжетомъ и, вмѣсто того, чтобы развить его и сдѣлать огромнымъ, онъ привязываетъ къ нему множество другихъ; его поэма обременяется пестротою разныхъ предметовъ, но не имѣетъ одной господствующей мысли и не выражаетъ одного цѣлаго.

Въ началѣ XIX столѣтія вдругъ распространилась мысль объ аттической простотѣ и такъ же, какъ обыкновенно бы-

ваетъ, обратилась въ моду и отразилась вдругъ на всемъ, начиная съ дамскихъ костюмовъ, преобразовавшихся въ небрежное, легкое одѣяніе гетеръ. Казалось, еще ближе присмотрѣлись къ древнимъ, еще глубже изучили ихъ духъ; но все, что ни строили по ихъ образцу, все носило отпечатокъ мелкости и миніатюрности: узнали искусство болѣе связывать и гармонировать между собою части, но не узнали искусства давать величіе всему цѣлому и опредѣлить ему размѣръ, способный вызвать изумленіе. Это новое стремленіе рѣшительно было издержано на мелочныя бесѣдки, павильоны въ садахъ и подобныя небольшія игрушки. Они носили въ себѣ много аттическаго, но ихъ нужно было разсматривать въ микроскопъ. Въ огромныхъ же публичныхъ зданіяхъ не считали за нужное ими руководствоваться; они сдѣлались наконецъ просты до плоскости. Самое вредное направленіе архитектурѣ внушила мысль о соразмѣрности, не о той соразмѣрности, которая должна быть въ строеніи въ отношеніи къ нему самому, но просто о соразмѣрности въ отношеніи къ окружающимъ его зданіямъ. Это все равно, еслибы геній сталъ удерживаться отъ оригинальнаго и необыкновеннаго, потому только, что передъ нимъ будутъ слишкомъ уже низки и ничтожны обыкновенные люди. Эта соразмѣрность состояла еще въ томъ, чтобы строеніе какъ бы велико ни было въ своемъ объемѣ, но непремѣнно чтобы казалось малымъ. Его стали уединять и помѣщать на такой огромной и обширной площади, что оно казалось еще болѣе ничтожнымъ. Какъ будто бы старались нарочно внушить мысль, что великое совсѣмъ не велико; какъ будто бы насильно старались истребить въ душѣ благоговѣніе и сдѣлать человѣка равнодушнымъ ко всему.

Всѣмъ строеніямъ городскимъ стали давать совершенно плоскую, простую форму. Домы старались дѣлать какъ можно болѣе похожими одинъ на другаго; но они болѣе были похожи на сараи или казармы, нежели на веселыя жилища людей. Совершенно гладкая ихъ форма ничуть не принимала живости отъ маленькихъ правильныхъ оконъ, которыя въ отношеніи ко всему строенію были похожи на зажмуренные глаза. И этою архитектурою мы еще недавно тщеславились, какъ совершенствомъ вкуса, и настроили цѣлые города въ ея духѣ! Осмѣлился бы кто-нибудь даже теперь, среди этой гладко-

однообразной кучи, воздвигнуть зданіе, носившее бы на себѣ печать особенной, рѣзкой архитектуры, осмѣлился бы кто-нибудь возлѣ строенія въ аттическомъ вкусѣ непосредственно воздвигнуть готическое, — его бы сочли едва ли не сумасшедшимъ! Отъ того новые города не имѣютъ никакого вида: они такъ правильны, такъ гладки, такъ монотонны, что прошедши одну улицу, уже чувствуешь скуку и отказываешься отъ желанія заглянуть въ другую. Это рядъ стѣнъ, и больше ничего. Напрасно ищетъ взглядъ, чтобы одна изъ этихъ безпрерывныхъ стѣнъ, въ какомъ-нибудь мѣстѣ, вдругъ возросла и выбросилась на воздухъ смѣлымъ переломленнымъ сводомъ или извергласъ какою-нибудь башней-гигантомъ. Старинный германскій городокъ съ узенькими улицами, съ пестрыми домиками и высокими колокольнями имѣетъ видъ, несравненно болѣе говорящій нашему воображенію. Даже видъ какого-нибудь восточнаго города, съ высокими, тонкими минаретами, съ восточными пестрыми куполами, потонувшими въ садахъ, имѣетъ болѣе характера, болѣе дышетъ поэзіей и воображеніемъ, нежели наши европейскіе города позднѣйшей архитектуры.

Башни огромныя, колоссальныя необходимы въ городѣ, не говоря уже о важности ихъ назначенія для христіанскихъ церквей. Кромѣ того, что они составляютъ видъ и украшеніе, они нужны для сообщенія городу рѣзкихъ примѣтъ, чтобы служить маякомъ, указывавшимъ бы путь всякому, не допуская сбиться съ пути. Онѣ еще болѣе нужны въ столицахъ для наблюденія надъ окрестностями. У насъ обыкновенно ограничиваются высотою, дающею возможность обглядѣть одинъ только городъ, между тѣмъ, какъ для столицы необходимо видѣть, по крайней мѣрѣ, на полтораста верстъ во всѣ стороны, и для этого, можетъ быть, одинъ только или два этажа лишнихъ — и все измѣняется. Объемъ кругозора по мѣрѣ возвышенія распространяется необыкновенною прогрессіей. Столица получаетъ существенную выгоду, обозрѣвая провинціи и заранѣе предвидя все; зданіе, сдѣлавшись немного выше обыкновеннаго, уже пріобрѣтаетъ величіе; художникъ выигрываетъ, будучи болѣе настроенъ колоссальностію зданія къ вдохновенію и сильнѣе чувствуя въ себѣ напряженіе.

Это направленіе архитектуры старалось, какъ будто нарочно,

скрывать свое величіе, вмѣсто того, чтобы какъ можно болѣе выказывать его пространство. Нѣтъ, не таковъ законъ великаго: строеніе должно неизмѣримо возвышаться почти надъ головою зрителя, чтобы онъ сталъ, пораженный внезапнымъ удивленіемъ, едва будучи въ состояніи окинуть глазами его вершину. И потому строеніе всегда лучше, если стоитъ на тѣсной площади. Къ нему можетъ итти улица, показывающая его въ перспективѣ, издали, но оно должно имѣть поражающее величіе вблизи. Чтобы дорога проходила мимо его! Чтобы кареты гремѣли у самаго его подножія! Чтобы люди лѣпились подъ нимъ и своею малостью увеличивали его величіе! Дайте человѣку большое разстояніе — и онъ уже будетъ глядѣть выше, гордо, на находящіеся предъ нимъ предметы; ему покажется все малымъ. Мы такъ непостижимо устроены, наши нервы такъ странно связаны, что только внезапное, оглушающее съ перваго взгляда, производитъ на насъ потрясеніе. И потому вышину строенія подымайте въ соразмѣрности съ площадью, на которой оно стоитъ. Если оно съ послѣдняго края площади кажется малымъ и зритель не ощущаетъ изумленія, но долженъ для этого близко подходить къ нему, то зданіе пропало, а вмѣстѣ съ нимъ пропали труды и издержки, употребленные на сооруженіе его. —

Но возвращаюсь къ простотѣ архитектуры, которая заразила нашъ XIX вѣкъ. Сами греки чувствовали, что однѣ прямыя линіи и совершенная простота строеній будутъ казаться уже черезчуръ плоскими, особливо если множество такого рода строеній соединятся вмѣстѣ. Они чувствовали, что строгая правильность и гладкость строенія должна непремѣнно имѣть возлѣ себя какую-нибудь противоположность, чтобы быть болѣе оригинальною и замѣтною, и потому простирали надъ ними навѣсъ древесный. Бѣлизна прямолинейной стѣны или стройнаго съ колоннами фронтона, выказываясь изъ-за темной гущи зелени, дѣйствительно хороша, потому что составляетъ контрастъ съ облачнымъ расположеніемъ дерева, почти всегда неправильно, но красиво раскидывающаго свои вѣтви. Какъ только зданіе ихъ окружалось другими и находилось среди города, они чувствовали излишнюю простоту его и старались придать сколько можно болѣе игры. Мысль о деревѣ и о природѣ прежде всего приходила имъ въ голову. Но въ го-

родѣ дерево — драгоцѣнность; тогда они чаще начали употреблять не гладкія дорическія колонны, но большею частію коринѳскія съ капителью изъ завитыхъ листьевъ. Вообще убирать строенія листьями, віющимися гроздьями винограда, или украшеніями, носящими неясный образъ вѣтвей дерева, было инстинктомъ у всѣхъ народовъ. Они невольно, слѣпо слѣдовали тайному внушенію своего вкуса. Въ готической архитектурѣ болѣе всего замѣтенъ отпечатокъ, хотя неясный, тѣсно сплетеннаго лѣса, мрачнаго, величественнаго, гдѣ топоръ не звучалъ отъ вѣка. Эти стремящіяся нескончаемыми линіями украшенія и сѣти сквозной рѣзьбы не что другое, какъ темное воспоминаніе о стволѣ, вѣтвяхъ и листьяхъ древесныхъ. И потому смѣло возлѣ готическаго строенія ставьте греческое, исполненное стройности и простоты: оно будетъ стоять между ними, какъ между величественными, прекрасными деревьями. И готическое, и греческое получитъ[1] отъ этого двойную прелесть. Истинный эффектъ заключенъ въ рѣзкой противоположности; красота никогда не бываетъ такъ ярка и видна, какъ въ контрастѣ. Контрастъ тогда только бываетъ дуренъ, когда располагается грубымъ вкусомъ или, лучше сказать, совершеннымъ отсутствіемъ вкуса, но, находясь во власти тонкаго, высокаго вкуса, онъ первое условіе всего и дѣйствуетъ ровно на всѣхъ. Разныя части его гармонируютъ между собою по тѣмъ же законамъ, по которымъ цвѣтъ палевый гармонируетъ съ синимъ, бѣлый съ голубымъ, розовый съ зеленымъ, и такъ далѣе.—Все зависитъ отъ вкуса и отъ умѣнія расположить. Не мѣшайте только въ одномъ зданіи множества разныхъ вкусовъ и родовъ архитектуры. Пусть каждый[2] носитъ въ себѣ что-то цѣлое и самобытное, но пусть противоположность между этими самобытными, въ отношеніи ихъ другъ къ другу, будетъ рѣзка и сильна. Чѣмъ болѣе въ городѣ памятниковъ разныхъ родовъ зодчества, тѣмъ онъ интереснѣе, тѣмъ чаще заставляетъ осматривать себя, останавливаться съ наслажденіемъ на каждомъ шагу. Неужели было бы хорошо, если бы въ англійскомъ саду, вмѣсто безпрерывныхъ, неожиданныхъ видовъ, гуляющій находилъ ту же самую дорожку или, по крайней мѣрѣ, такъ похожую своими окрестностями на видѣнную имъ прежде, что она кажется давно извѣстною?

Терпимость намъ нужна; безъ нея ничего не будетъ для художества. Всѣ роды хороши, когда они хороши въ своемъ родѣ. Какая бы ни была архитектура — гладкая массивная египетская, огромная ли, пестрая индусовъ, роскошная ли мавровъ, вдохновенная ли и мрачная готическая, граціозная ли греческая — всѣ они хороши, когда приспособлены къ назначенію строенія; всѣ они будутъ величественны, когда только истинно постигнуты.

Если бы, однакожъ, потребовалось отдать рѣшительное преимущество которой-нибудь изъ этихъ архитектуръ, то я всегда отдамъ его готической. Она чисто-европейская, созданіе европейскаго духа и потому болѣе всего прилична намъ. Чудное ея величіе и красота превосходитъ всѣ другія. Но изъ милости, изъ состраданія, не ломайте, не коверкайте ея! Глядите чаще на знаменитый кельнскій соборъ — тамъ все ея совершенство и величіе. Лучшаго памятника никогда не производили ни древніе, ни новые вѣки. Я предпочитаю потому еще готическую архитектуру, что она болѣе даетъ разгула художнику. Воображеніе живѣе и пламеннѣе стремится въ высоту, нежели въ ширину; и потому готическую архитектуру нужно употреблять только въ церквахъ[1] и строеніяхъ, высоко возносящихся. Линіи и безкарнизные готическіе пиластры, узко одна отъ другой, должны летѣть черезъ все строеніе. Горе, если они отстоятъ далеко другъ отъ друга, если строеніе не перевысило по крайней мѣрѣ вдвое своей ширины, если не втрое! Оно тогда уничтожилось само въ себѣ. Возносите его такимъ, какимъ оно быть должно: чтобы выше, выше, сколько можно выше, поднимались его стѣны, чтобы гуще, какъ стрѣлы, какъ тополи[2], какъ сосны, окружали ихъ безчисленные угольные столбы! Никакого перерѣза, или перелома, или карниза, давшаго бы другое направленіе или уменьшившаго бы размѣръ строенія! Чтобы они были ровны отъ основанія до самой вершины! Огромнѣе окна, разнообразнѣе ихъ форму, колоссальнѣе ихъ высоту! Воздушнѣе, легче шпицъ! чтобы все, чѣмъ болѣе подымалось къ верху, тѣмъ болѣе бы летѣло и сквозило. И помните самое главное: никакого сравненія высоты съ шириною. Слово ширина должно[3] исчезнуть. Здѣсь одна законодательная идея — высота.

Я увѣренъ, что нѣкоторые будутъ утверждать, что постройка зданія, слишкомъ высокаго, безполезна, потому что намъ нужно больше мѣста, что высота ни къ чему не служитъ и даромъ истрачиваетъ матеріалы. Но я вовсе не совѣтую этотъ готическій образъ строеній употреблять на театры, на биржи, на какіе-нибудь комитеты и вообще на зданія, назначаемыя для собраній веселящагося, или торгующаго, или работающаго народа. Со мною согласится всякій, что нѣтъ величественнѣе, возвышеннѣе и приличнѣе архитектуры для зданія христіанскому Богу, какъ готическая. И что же должны мы тогда уничтожить, чего лишиться? — Величественнаго, колоссальнаго, при взглядѣ на которое мысли устремляются къ одному и отрываютъ молельщика отъ низкой его хижины. Весьма не мѣшаетъ вспомнить великую старую истину, что народъ не въ силахъ понять религіи въ такой же самой чистотѣ и безтѣлесности, какъ получившіе высшее образованіе; что на него болѣе всего производятъ впечатлѣніе видимые предметы; что чѣмъ меньше этотъ видимый предметъ на него дѣйствуетъ, тѣмъ слабѣе его энтузіазмъ и простая вѣра. Великолѣпіе повергаетъ простолюдина[1] въ какое-то онѣмѣніе, и оно-то единственная пружина, двигающая дикимъ человѣкомъ. Необыкновенное поражаетъ всякаго, но тогда только, когда оно смѣло, рѣзко и разомъ бросается въ глаза. Здѣсь уже прочь всякое скряжничество и разсчетъ! Въ противномъ случаѣ этотъ разсчетъ будетъ не разсчетъ, и выгода, возникшая изъ него, будетъ выгода одного человѣка передъ выгодою цѣлаго человѣчества.

Вальтеръ Скоттъ первый отряхнулъ пыль съ готической архитектуры и показалъ свѣту все ея достоинство. Съ того времени она быстро распространилась. Въ Англіи всѣ новыя церкви строятъ въ готическомъ вкусѣ. Онѣ очень милы, очень пріятны для глазъ, но, увы, истиннаго величія, дышущаго въ великихъ зданіяхъ старины, въ нихъ нѣтъ. Онѣ, не смотря на стрѣльчатыя окна и шпицы, не сохраняютъ въ цѣломъ истинно-готическаго вкуса и уклонились отъ образцовъ. Во первыхъ, они сами по себѣ вовсе не огромны (великій недостатокъ готическаго строенія); во вторыхъ, весь этотъ лѣсъ четырехгранныхъ тонкихъ столбовъ и линій, союзно стремящихся чрезъ все строеніе, позабытъ или отвер-

гнутъ вовсе, оставшаяся чрезъ это гладкость нечувствительно даетъ имъ совершенно другое выраженіе.

Могущественнымъ словомъ Вальтеръ-Скотта вкусъ къ готическому распространился быстро вездѣ и проникнулъ во все. Еще не сдѣлавшись великимъ, онъ уже сдѣлался мелкимъ: сельскіе домики, шкафы, ширмы, столы, стулья — все обратилось въ готическое. И эти величественныя, прекрасныя украшенія употреблены были на игрушки. Вѣкъ нашъ такъ мелокъ, желанія такъ разбросаны по всему, знанія наши такъ энциклопедически, что мы никакъ не можемъ усредоточить на одномъ какомъ-нибудь предметѣ нашихъ помысловъ и оттого поневолѣ раздробляемъ всѣ наши произведенія на мелочи и на прелестныя игрушки. Мы имѣемъ чудный даръ дѣлать все ничтожнымъ. Египетскую архитектуру, которой весь эффектъ въ колоссальности, мы издерживаемъ на небольшіе мостики, на ворота, вершину которыхъ проѣзжающій кучеръ можетъ достать рукою. Изъ готической мы дѣлаемъ серьги, футляры для часовъ; греческую мы употребляемъ въ бесѣдкахъ. Въ публичныхъ же и огромныхъ зданіяхъ показываемъ такую архитектуру, которую врядъ ли можно признать особеннымъ родомъ: въ ней столько безсмыслія, такое негармоническое соединеніе частей, такое отсутствіе всякаго воображенія, что недостаетъ силъ назвать ее имѣющею свой характеръ архитектурою.

Есть рудникъ, о которомъ едва только знаютъ, что онъ существуетъ; есть міръ совершенно особенный, отдѣльный, изъ котораго менѣе всего черпала Европа. Это — архитектура восточная,— архитектура, которая создана однимъ только воображеніемъ, воображеніемъ восточнымъ, горячимъ, чудеснымъ, облекшимся въ иперболу и аллегорію, пролетѣвшимъ мимо жизни и прозаическихъ нуждъ ея. Жизнь азіатцевъ никогда не имѣла такого многосторонняго развитія, какъ европейцевъ: никогда потребности ихъ не были такъ разнообразны и безчисленны, какъ наши, и потому очень естественно, что обыкновенныя жилища ихъ лишены пестроты, ясности и стройности; они уединенны, однообразны, такъ же скучны отсутствіемъ всякой мысли, какъ самый азіатецъ во время своего покоя. Но за то вездѣ, куда ни проникала только азіатская роскошь, огромная, великолѣпная,— та рос-

кошь, которая блещетъ въ ихъ волшебныхъ сказкахъ; вездѣ, куда ни проникала эта увѣшанная ожерельями дочь восточнаго воображенія, — тамъ стоятъ донынѣ дворцы, великолѣпіе которыхъ изумительно. Строеніе ихъ захватывало цѣлые вѣки[1]; цѣлый народъ, цѣлая нація надъ нимъ трудилась, и предки вѣрили, какъ въ неотразимое предопредѣленіе, что зданіе будетъ окончено ихъ потомками. Вездѣ, куда ни проникала эта всемогущая массивная роскошь или дикій энтузіазмъ первоначальной ихъ религіи, вездѣ громоздились памятники, ужасные своею огромностію, передъ которыми мысль нѣмѣетъ отъ изумленія, когда вспомнишь, какъ бѣдны были ихъ средства и познанія, какъ ничтожны ихъ машины для поднятія и укрѣпленія этихъ страшныхъ массъ. Еще болѣе изумленіе овладѣваетъ духомъ, когда видишь, какъ почти дикій, неразвившійся человѣкъ развился внезапно на этомъ гигантскомъ зданіи, какъ былъ онъ проникнутъ и восторженъ мыслью о божествѣ, что невольно показалъ разоблаченіе своего генія и упредилъ медленные годы вѣковаго образованія.

Взгляните на этотъ массивный, величественный Триченгурскій храмъ у индусовъ, едва ли не одно изъ первыхъ зданій по величинѣ своей. Это пирамидальное склоненіе массы къ верху, постепенное уменьшеніе этажей, бездна индѣйскихъ портиковъ, облѣпливающихъ ихъ стѣны, пиластры, громоздящіеся надъ пиластрами, колонны надъ колоннами, какъ будто ступающія одна на другую, чтобы скорѣе достать вершины этой массы — все это явленіе совершенно оригинальнаго вкуса. Но если Триченгурскій храмъ слишкомъ уже тяжелъ и дышетъ язычествомъ, взгляните на стройный, прекрасный Кутубъ-Минаръ, которымъ по справедливости славятся Дельги[2]. Я не знаю въ мірѣ башни, которая бы, при простотѣ почти аттической, столько дышала глубиною красоты, гдѣ бы воображеніе вылилось такъ чисто и величаво. Если этотъ родъ не можетъ быть совершенно усвоенъ нами, то европейцы вообще могутъ заимствовать съ пользою это пирамидальное или конусообразное устремленіе къ верху — рѣзкое отличіе индѣйскаго стиля.

Восточная архитектура дворцовъ представляетъ совершенно противоположный родъ: здѣсь царство азіатской роскоши. Строеніе раздается пространнѣе въ ширину. Огромный вос-

точный куполъ, или совершенно круглый, или выгибающійся, какъ сладострастная ваза, опрокинутая внизъ, или въ видѣ шара, или обремененный, облѣпленный рѣзьбою и украшеніями, какъ богатая митра, патріархально властвуетъ надъ всѣмъ зданіемъ: внизу, у самаго подножія строенія, небольшіе куполы цѣлою оградою обходятъ его пространныя стѣны, какъ покорные рабы; со всѣхъ сторонъ летятъ тонкіе минареты, представляющіе самый очаровательный контрастъ своею легкою, веселою торнюрою[1] съ важнымъ, величественнымъ видомъ всего зданія. Такъ величественный магометанинъ, въ широкомъ, убранномъ золотомъ и каменьями платьѣ, возлежитъ среди гурій стройныхъ, обнаженныхъ, ослѣпительныхъ своею бѣлизною. —

Нигдѣ зодчество не принимало столько разнообразныхъ формъ, какъ на востокѣ. Тамъ каждое зданіе выливалось, можно сказать, всегда мимо прежнихъ условій или, лучше сказать, оно выливалось, облеченное новыми условіями собственнаго предчувствія, сходствовавшими съ прежними развѣ только въ самомъ отдаленномъ началѣ религіозномъ или національномъ. Вся Индія усѣяна прекрасными зданіями. Каждое изъ нихъ сохраняетъ свое рѣзкое отличіе, свой особый отпечатокъ, до такой степени, что ихъ совершенно нельзя подвесть подъ одну категорію. Множество разныхъ куполовъ всѣхъ возможныхъ формъ, вовсе непохожихъ одинъ на другаго, украшеній и убранствъ, совсѣмъ отличныхъ и всегда новыхъ — все говоритъ о необыкновенномъ воображеніи ихъ, которое не стѣснялось никакими правилами. Впрочемъ, причиною этого разнообразія, можетъ быть, было безчисленное множество сектъ, наполняющихъ Индію, производившихъ вѣчную оппозицію, вѣчную раздражительность воображенія. Но болѣе исполнены роскоши очаровательной, которою говоритъ восточная природа, тѣ зданія, которыхъ коснулся вкусъ аравитянъ. Въ Азіи, во время этихъ разрушительныхъ встрѣчъ новыхъ и старыхъ народовъ, особенно магометанъ, произошло необыкновенное смѣшеніе архитектуръ, произошли самыя дерзкія отступленія. Но никогда, нигдѣ не соединялось смѣлое съ такою прекрасною роскошью, какъ у аравитянъ. Они заимствовали отъ природы все то, что̀ есть въ ней верхъ прекраснѣйшаго. Ихъ архитектура не носитъ на себѣ печати

дремучихъ лѣсовъ; она вся состоитъ изъ цвѣтовъ. Она убрана цвѣтами, она потоплена цѣлымъ моремъ цвѣтовъ, прекрасныхъ, роскошныхъ, какими убрана нѣжная долина Кашемира. Ихъ узорныя колонны увѣнчаны тюльпаномъ; ихъ рѣзьба въ видѣ незабудокъ и цвѣтовъ съ четырью лепестками, или развивающихся розъ, ихъ галлереи похожи на вѣтви пальмъ, вершинами своими образующихъ своды. Все отозвалось необыкновенной роскошью цвѣтистаго ихъ вкуса. Эта архитектура какъ-то именно создалась для жизни, отданной наслажденіямъ, для веселыхъ, свѣтлыхъ жилищъ человѣка. Она рѣшительно изгнала изъ себя все мрачное. Зданіе такъ прелестно, очаровательно, какъ восточная красавица съ черными, яркими какъ молнія глазами, въ пестромъ своемъ убранствѣ и драгоцѣнныхъ ожерельяхъ.

Восточная архитектура имѣетъ у себя то, чего никогда еще не употребляли европейцы: это—колонны, не гладкія, но распещренныя украшеніями отъ піедестала до капители. Иногда эти колонны бываютъ совершенно сквозныя и прозрачныя: рѣзьба проникаетъ ихъ насквозь. Они составляютъ плѣнительнѣйшее изобрѣтеніе восточнаго вкуса. Зданіе, какъ бы ни было громоздко, но съ такими колоннами кажется воздушно. Почему бы, казалось, намъ не перенести ихъ на свою почву? Но умъ и вкусъ человѣка представляютъ странное явленіе: прежде нежели достигнетъ истины, онъ столько дастъ объѣздовъ, столько надѣлаетъ несообразностей, неправильностей, ложнаго, что послѣ самъ дивится своей недогадливости. Обо всѣхъ сихъ памятникахъ Европа и не заботилась. Одинъ только вкусъ китайцевъ, который можно назвать самымъ мелкимъ, самымъ ничтожнымъ изъ всѣхъ восточныхъ народовъ, какимъ-то повѣтріемъ занесся къ намъ въ концѣ XVIII столѣтія. Хорошо, что европейцы, по обыкновенію своему, тотчасъ обратили его на мостики, павильоны, вазы, камины, а не вздумали приспособить къ большимъ строеніямъ. Этотъ вкусъ, точно, былъ недуренъ въ бездѣлкахъ, потому что европейцы его тотчасъ усовершенствовали по своему и дали ему ту прелесть, которой онъ самъ въ себѣ не имѣетъ, такъ же какъ и его народъ не имѣетъ энергіи, не смотря на всю свою образованность.

Есть еще особенный родъ архитектуры, совершенно отлич-

ный отъ всего, доселѣ показаннаго мною. Это архитектура катакомбъ индѣйскихъ и египетскихъ, гдѣ эти два народа такъ удивительно сошлись между собою и дали поводъ подозрѣвать древнее между ими родство. Главный характеръ ея — тяжесть. Здѣсь все должно соединиться въ массу и толщу: зданіе тяжело ступаетъ, какъ на слоновыхъ пядяхъ, на короткихъ тяжелыхъ колоннахъ, которыхъ ширина своимъ діаметромъ равняется почти съ высотою. Здѣсь уже совершенно все ширина и масса. На ней какъ будто отпечаталась тяжесть земли, внутри которой она скрываетъ тяжелое свое величіе. То, чтѐ порокъ въ другихъ родахъ ея, то здѣсь достоинство. Эта подземная архитектура имѣетъ что-то также величавое, хотя внушаетъ совершенно другія мысли. Здѣсь тяжесть не безобразна, а величественна, потому что составляетъ главную идею всего зданія. Если художникъ предположилъ создать тяжелое и массивное и выполнилъ это, его твореніе, вѣрно, будетъ хорошо; но когда начерталъ онъ планъ тяжелаго, а изъ него вышло вовсе не тяжелое, или наоборотъ, когда онъ замыслилъ произвесть легкое, а вышло тяжелое, то это уже рѣшительно дурно. Зданіе это, когда съ него сбрасывали землю и оно выходило на свѣтъ, представляло всегда странный и вмѣстѣ страшный видъ — какъ будто бы земля выказывала свою глубокую внутренность, какъ будто бы мракъ очутился вдругъ среди яркаго свѣта, — мракъ, только освѣщаемый свѣтомъ, а не прогоняемый имъ, какъ египетская урна или мертвая голова среди пиршествъ. Мнѣ кажется, напрасно эту архитектуру вгоняютъ въ землю: показавшись вдругъ, нечаянно, среди свѣтлыхъ, легкихъ домиковъ, она должна непремѣнно поразить всякаго и произвести свой эффектъ. Одно такого рода строеніе среди многолюднаго города было бы прелесть, но только одно, не болѣе. Въ строеніяхъ такого рода всѣ части состоятъ изъ тяжестей, но при всемъ томъ отношенія ихъ между собою исполнены какой-то внутренней, нѣсколько страшной гармоніи, и создать въ этомъ родѣ совершенное весьма нелегко.

Египетская архитектура надземная составляетъ совершенно другой родъ: она массивна тоже; но стройность и простота въ высшей степени съ нею неразлучны; главный же ея характеръ — колоссальность. Чѣмъ она глаже снизу доверху,

безъ всякихъ раздѣленій и рѣзкихъ украшеній, тѣмъ лучше. Но не употребляйте ее на небольшіе мостики: безъ колоссальности эта архитектура менѣе нежели ничто. Еще разъ повторяю: всякая архитектура прекрасна, если соблюдены всѣ ея условія и если она выбрана совершенно согласно назначенію строенія. Безъ этой благонамѣренной, безпристрастной терпимости не будетъ ни истинныхъ талантовъ, ни истинно величественныхъ произведеній. Прочь этотъ схоластицизмъ[1], предписывающій строенія ранжировать подъ одну мѣрку и строить по одному вкусу! Городъ долженъ состоять изъ разнообразныхъ массъ, если хотимъ, чтобы онъ доставлялъ удовольствіе взорамъ. Пусть въ немъ совокупится болѣе различныхъ вкусовъ. Пусть въ одной и той же улицѣ возвышается и мрачное готическое, и обремененное роскошью украшеній восточное, и колоссальное египетское, и проникнутое стройнымъ размѣромъ греческое. Пусть въ немъ будутъ видны и легко выпуклый млечный куполъ, и религіозный безконечный шпицъ, и восточная митра, и плоская крыша италіанская, и высокая фигурная фламандская, и четырехгранная пирамида, и круглая колонна, и угловатый обелискъ. Пусть какъ можно рѣже дома сливаются въ одну ровную, однообразную стѣну, но клонятся то вверхъ, то внизъ. Пусть разныхъ родовъ башни какъ можно чаще разнообразятъ улицы. Неужели найдется такой смѣльчакъ или, лучше сказать, несмѣльчакъ, который бы ровное мѣсто въ природѣ осмѣлился сравнить съ видомъ утесовъ, обрывовъ, холмовъ, выходящихъ одинъ изъ-за другаго?

Архитекторъ-творецъ долженъ имѣть глубокое познаніе во всѣхъ родахъ зодчества. Онъ менѣе всего долженъ пренебрегать вкусомъ тѣхъ народовъ, которымъ мы въ отношеніи художествъ обыкновенно оказываемъ презрѣніе. Онъ долженъ быть всеобъемлющъ, изучить и вмѣстить въ себѣ всѣ безчисленныя измѣненія ихъ. Но самое главное — долженъ изучить все въ идеѣ, а не въ мелочной наружной формѣ и частяхъ. Но для того, чтобы изучить въ идеѣ, нужно быть ему геніемъ и поэтомъ.

Но обратимся къ архитектурѣ городовъ. Городъ нужно строить такимъ образомъ, чтобы каждая часть, каждая отдѣльно взятая масса домовъ представляла живой пейзажъ. Нужно

толпѣ домовъ придать игру, чтобы она, если можно такъ выразиться, заиграла рѣзкостями, чтобы она вдругъ врѣзалась въ память и преслѣдовала бы воображеніе. Есть такіе виды, которые вѣкъ помнишь, и есть такіе, которыхъ, при всѣхъ усиліяхъ, не можешь замѣтить въ памяти. Зодчество грубѣе и вмѣстѣ колоссальнѣе другихъ искусствъ, какъ-то: живописи, скульптуры и музыки, и потому эффектъ его въ эффектѣ. Масса города имѣетъ уже тѣмъ выгоду, что ее вдругъ можно измѣнить, исправить по своему произволу. Иногда одно только строеніе среди ея — и она совершенно измѣняетъ видъ свой, принимаетъ другое выраженіе, такъ, какъ всякій рисунокъ ученика вдругъ оживляется подъ кистью или карандашемъ его учителя, который въ одномъ мѣстѣ подкрѣпитъ, въ другомъ отдѣлитъ, въ третьемъ только тронетъ, — и все уже не то. Притомъ, самыя ошибки уже подаютъ идею о томъ, какъ избѣжать ихъ: безхарактерное подаетъ мысль о характерномъ, мелкое и плоское вызываютъ въ противоположность дерзкое и необыкновенное, углубленіе внизъ подаетъ идею о возвышеніи вверхъ, и наоборотъ. Геній — богачъ страшный, передъ которымъ ничто весь міръ и всѣ сокровища.

При построеніи городовъ нужно обращать вниманіе на положеніе земли. Города строются или на возвышеніи и холмахъ, или на равнинахъ. Городъ на возвышеніи менѣе требуетъ искусства, потому что тамъ природа работаетъ уже сама: то подымаетъ домы на величественныхъ холмахъ своихъ и кажетъ ихъ великанами изъ-за другихъ домовъ, то опускаетъ ихъ внизъ, чтобы дать видъ другимъ. Въ такомъ городѣ можно менѣе употреблять разнообразія. Въ немъ можно болѣе употреблять гладкихъ и одинаковыхъ домовъ, потому что неровное положеніе земли уже даетъ имъ нѣкоторымъ образомъ разнообразіе, помѣщая ихъ въ разныхъ мѣстоположеніяхъ. Нужно наблюдать только, чтобы домы показывали свою вышину одинъ изъ-за другаго, такъ чтобы стоящему у подошвы казалось, что на него глядитъ двадцатиэтажная масса. Тамъ мало нужно искусства, гдѣ природа одолѣваетъ искусство; тамъ искусство только для того, чтобы украсить ее. Но гдѣ положеніе земли гладко совершенно, гдѣ природа спитъ, тамъ должно работать искусство во всей силѣ. Оно должно про-

пестрить, если можно сказать, изрыть, скрыть равнину, оживить мертвенность гладкой пустыни. Здѣсь однообразіе и простота будетъ большая погрѣшность. Здѣсь архитектура должна быть какъ можно своенравнѣе: принимать суровую наружность, показывать веселое выраженіе, дышать древностью, блестѣть новостью, обдавать ужасомъ, сверкать красотою, быть то мрачной, какъ день, обхваченный грозою съ громовыми облаками, то ясною, какъ утро въ солнечномъ сіяніи. Архитектура — тоже лѣтопись міра: она говоритъ тогда, когда уже молчатъ и пѣсни, и преданія, и когда уже ничто не говоритъ о погибшемъ народѣ. Пусть же она, хоть отрывками, является среди нашихъ городовъ въ такомъ видѣ, въ какомъ она была при отжившемъ уже народѣ, чтобы при взглядѣ на нее осѣнила насъ мысль о минувшей его жизни и погрузила[1] бы насъ въ его бытъ, въ его привычки и степень пониманія, и вызвала бы у насъ благодарность за его существованіе, бывшее ступенью нашего собственнаго возвышенія*.

Неужели, однакоже, невозможно созданіе (хотя для оригинальности) совершенно особенной и новой архитектуры, мимо прежнихъ условій? Когда дикій и малоразвившійся человѣкъ, которому одна природа, еще грубо имъ понимаемая, служитъ руководствомъ и вдохновеніемъ, создаетъ твореніе, въ которомъ является и красота, и тайный инстинктъ вкуса, — отчего же мы, которыхъ всѣ способности такъ обширно развились, которые болѣе видимъ и понимаемъ природу во всѣхъ ея тайныхъ явленіяхъ, — отчего же мы не производимъ ни-

* Мнѣ прежде приходила очень странная мысль: я думалъ, что весьма не мѣшало бы имѣть въ городѣ одну такую улицу, которая бы вмѣщала въ себѣ архитектурную лѣтопись: чтобы начиналась она тяжелыми, мрачными воротами, прошедши которыя, зритель видѣлъ бы съ двухъ сторонъ возвышающіяся величественныя зданія первобытнаго дикаго вкуса, общаго первоначальнымъ народамъ, потомъ постепенное измѣненіе ея въ разные виды: высокое преображеніе въ колоссальную, исполненную простоты египетскую, потомъ въ красавицу — греческую, потомъ въ сладострастную александрійскую и византійскую съ плоскими куполами, потомъ въ римскую съ арками въ нѣсколько рядовъ, далѣе вновь нисходящую къ дикимъ временамъ и вдругъ потомъ поднявшуюся до необыкновенной роскоши — аравійскою; потомъ дикою готическою, потомъ готико-арабскою, потомъ чисто-готическою, вѣнцомъ искусства, дышащею въ кельнскомъ соборѣ, потомъ страшнымъ смѣшеніемъ архитектуръ, происшедшимъ[2] отъ обращенія къ византійской, потомъ древнею греческою въ новомъ костюмѣ, и наконецъ, чтобы вся улица оканчивалась воротами, заключившими бы въ себѣ стихіи новаго вкуса. Эта улица сдѣлалась бы тогда въ нѣкоторомъ отношеніи исторіею развитія вкуса, и кто лѣнивъ перевертывать толстые томы, тому бы стоило только пройти по ней, чтобы узнать все.

чего совершенно проникнутаго такимъ богатствомъ нашего познанія? Идея для зодчества вообще была черпана изъ природы, но тогда, когда человѣкъ сильно чувствовалъ на себѣ ея вліяніе; теперь же искусство поставилъ онъ выше самой природы, — развѣ не можетъ онъ черпать своихъ идей изъ самаго искусства или, лучше сказать, изъ гармоническаго слiянiя природы съ искусствомъ? Разсмотрите только, какую страшную изобрѣтательность показалъ онъ на мелкихъ издѣліяхъ утонченной роскоши; разсмотрите всѣ эти модныя бездѣлицы, которыя каждый день являются и гибнутъ, разсмотрите ихъ, хотя въ микроскопъ, если такъ онѣ не останавливаютъ вашего вниманія — какого онѣ исполнены тонкаго вкуса! какія принимаютъ онѣ совершенно небывалыя прелестныя формы! Онѣ создаются въ такомъ особенномъ родѣ, который еще никогда не встрѣчался. Рѣзьба и тонкая отдѣлка ихъ такъ незаимствованы и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ хороши, что мы иногда долго любуемся ими и, увы! вовсе не ощущаемъ жалости при видѣ, какъ гибнетъ вкусъ человѣка въ ничтожномъ и временномъ, тогда какъ онъ былъ бы замѣтенъ въ неподвижномъ и вѣчномъ. Развѣ мы не можемъ эту раздробленную мелочь искусства превратить въ великое? Неужели все то, что встрѣчается въ природѣ, должно быть непремѣнно только колонна, куполъ и арка? Сколько другихъ еще образовъ нами вовсе не тронуто! Сколько прямая линія можетъ ломаться и измѣнять направленіе, сколько кривая выгибаться, сколько новыхъ можно ввести украшеній, которыхъ еще ни одинъ архитекторъ не вносилъ въ свой кодексъ! — Въ нашемъ вѣкѣ есть такія пріобрѣтенія и такія новыя, совершенно ему принадлежащія стихіи, изъ которыхъ бездну можно заимствовать никогда прежде невоздвигаемыхъ зданій. — Возьмемъ, напримѣръ, тѣ висящія украшенія, которыя начали появляться недавно. Покамѣстъ висящая архитектура только показывается въ ложахъ, балконахъ и въ небольшихъ мостикахъ. Но если цѣлые этажи повиснутъ, если перекинутся смѣлыя арки, если цѣлыя массы вмѣсто тяжелыхъ колоннъ очутятся на сквозныхъ чугунныхъ подпорахъ, если домъ обвѣсится снизу доверху балконами съ узорными чугунными перилами, и отъ нихъ висящія чугунныя украшенія, въ тысячахъ разнообразныхъ видовъ, облекутъ его своею легкою сѣтью, и онъ будетъ глядѣть сквозь нихъ, какъ

сквозь прозрачный вуаль, когда эти чугунныя сквозныя украшенія, обвитыя около круглой, прекрасной башни, полетятъ вмѣстѣ съ нею на небо — какую легкость, какую эстетическую воздушность пріобрѣтутъ тогда дома наши! Но какое множество есть разбросанныхъ на всемъ намёковъ, могущихъ зародить совершенно необыкновенную живую идею въ головѣ архитектора, если только этотъ архитекторъ — творецъ и поэтъ *.

1831.

* Статья эта писана давно. Въ послѣднее время вкусъ въ Европѣ улучшился и особенно въ нашей любезной Россіи. Многіе архитекторы уже ей дѣлаютъ честь; изъ нихъ должно упомянуть о Брюловѣ, котораго зданія исполнены истиннаго вкуса и оригинальности.

АЛ-МАМУНЪ.

(ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.)

Ни одинъ государь не принималъ правленія въ такую блестящую эпоху своего государства, какъ Ал-Мамунъ. Грозный калифатъ величественно возвышался на классической землѣ древняго міра. Онъ обнималъ на востокѣ всю цвѣтущую юго-западную Азію и замыкался Индіею; на западѣ онъ простирался по берегамъ Африки до Гибралтара[1]. Сильный флотъ покрывалъ Средиземное море. Багдадъ, столица[2] этого новаго чудеснаго міра, видѣлъ повелѣнія свои исполняющимися въ отдаленныхъ краяхъ провинцій; Бассора, Нигабуръ и Куфа зрѣли новообращенную Азію, стекающуюся въ свои блестящія школы[3]. Дамаскъ могъ одѣть всѣхъ сластолюбцевъ дорогими тканями и снабдить всю Европу стальными мечами, и арабъ уже думалъ, какъ бы осуществить на землѣ рай Магомета: создавалъ водопроводы, дворцы, цѣлые лѣса пальмъ[4], гдѣ сладострастно били фонтаны и дымились благовонія востока. И къ такому развитію роскоши[5] еще не успѣла привиться[6] ни одна нравственная болѣзнь политическаго общества. Всѣ части этой великой имперіи, этого магометанскаго міра[7], были связаны довольно сильно, и связь эта укрѣплена была волею необыкновеннаго Гаруна, который постигнулъ всѣ разнообразныя способности своего народа. Онъ не былъ исключительно государь-философъ, государь-политикъ, государь-воинъ, или государь-литераторъ. Онъ соединялъ въ себѣ все, умѣлъ ровно разлить свои дѣйствія на все и не доставить перевѣса ни одной отрасли надъ другою. Просвѣщеніе чужеземное онъ прививалъ къ своей націи въ такой только степени[8], чтобы

помочь развитію ея собственнаго. Уже арабы перешли эпоху своего фанатизма и завоеваній, но все еще были исполнены энтузіазма, и огненныя страницы Корана перелистывались съ тѣмъ же благоговѣніемъ, исполнялись такъ же раболѣпно. Гарунъ умѣлъ ускорить весь административный государственный ходъ и исполненіе повелѣній страхомъ своей вездѣсущности. Намѣстники и эмиры, изъ которыхъ каждый обыкновенно стремится быть деспотомъ[1], опасались встрѣтить всезрящаго, переодѣтаго калифа — и правленіе безъ законовъ двигалось крѣпко и опредѣленно. Въ такомъ видѣ принялъ государство Ал-Мамунъ, государь, котораго Царьградъ называлъ великодушнымъ покровителемъ наукъ, котораго имя исторія внесла въ число благодѣтелей человѣческаго рода, и который замыслилъ государство политическое превратить въ государство музъ[2]. Онъ былъ одаренъ всею живостію и способностію къ долгому изученію. Его характеръ исполненъ былъ благородства[3]. Желаніе истины было его девизомъ. Онъ былъ влюбленъ въ науку, и влюбленъ совершенно безкорыстно: онъ любилъ науку для нея же самой[4], не думая о ея цѣли и примѣненіи. Онъ предался ей съ исключительною страстью. Тогда аравитяне только-что отрыли Аристотеля. Многообъемлющій и точный философъ Греціи не могъ сойтись[5] съ ихъ воображеніемъ, слишкомъ стремительнымъ, слишкомъ колоссальнымъ и восточнымъ; но аравійскіе ученые, занимаясь долгое время копотливою работою, уже нѣсколько привыкнули къ точности и формальности, и отъ того принялись за него съ ученымъ энтузіазмомъ. Эти безконечные выводы, это облеченіе въ видимость и порядокъ того, что̀ они прежде чувствовали въ душѣ пламенными отрывками, не могли не околдовать тогдашнихъ ученыхъ. Воспитанный подъ ихъ вліяніемъ, Ал-Мамунъ, исполненный[6] истинной жажды просвѣщенія, употреблялъ всѣ старанія ввести въ свое государство этотъ чуждый дотолѣ греческій міръ. Багдадъ распростеръ[7] дружелюбныя длани всему ученому тогдашнему свѣту[8]. Милости калифа были открыты всякому, кто принадлежалъ къ какому бы то ни было званію[9], какой бы ни былъ онъ религіи, какихъ бы ни былъ исполненъ противорѣчащихъ началъ. Естественно, что тогда болѣе всего приносили свои познанія въ Багдадъ тѣ, которые еще сохраняли въ душѣ

своей образъ политеизма, облеченнаго христіанскими формами, которые готовы были стать грудью за Аммонія Саккаса, Плотина и другихъ послѣдователей новоплатонизма, которые[1] уже не находили поля для своихъ ученыхъ ристаній въ Царьградѣ, слишкомъ занятомъ спорами о догмахъ христіанства. Багдадъ превратился въ республику разнородныхъ отраслей познаній и мнѣній. Вѣнценосный арабъ вслушивался внимательно въ усыпительную музыку ученыхъ толкованій и тонкостей. Правители государственныхъ мѣстъ не могли не увлечься примѣромъ государя, и тогда высшія ступени государства обняла какая-то литературная номанія. Визири и эмиры старались окружить свой дворъ учеными пришельцами. Очевидно, что административная часть была какъ будто чѣмъ-то второстепеннымъ, что правители должны были многое, относящееся къ управленію, повѣрять усмотрѣнію[2] своихъ секретарей и любимцевъ, что эти любимцы были иногда вовсе невѣжды[3], часто получали пронырствами мѣста[4], что все это должно было отозваться на народѣ и впослѣдствіи времени обрушиться на самихъ правителей. Толпа теоретическихъ философовъ и поэтовъ, занявшихъ правительственныя мѣста, не можетъ[5] доставить государству твердаго правленія. Ихъ сфера совершенно отдѣльна; они пользуются верховнымъ покровительствомъ и текутъ по своей дорогѣ[6]. Отсюда исключаются[7] тѣ великіе поэты, которые соединяютъ въ себѣ и философа, и поэта, и историка, которые выпытали природу и человѣка, проникли минувшее и прозрѣли будущее, которыхъ глаголъ слышится всѣмъ народомъ. Они—великіе жрецы. Мудрые властители чествуютъ ихъ своею бесѣдою, берегутъ ихъ драгоцѣнную жизнь и опасаются подавить ее многосторонней дѣятельностью правителя. Ихъ призываютъ они только въ важныя государственныя совѣщанія, какъ вѣдателей глубины человѣческаго сердца.

Благородный Ал-Мамунъ истинно желалъ сдѣлать счастливыми своихъ подданныхъ. Онъ зналъ, что вѣрный путеводитель къ тому — науки, клонящіяся къ развитію человѣка. Онъ всѣми силами заставлялъ своихъ подданныхъ принимать вводимое имъ просвѣщеніе. Но просвѣщеніе, вводимое Ал-Мамуномъ, менѣе всего отвѣчало природнымъ элементамъ[8] и колоссальности вооброженія арабовъ. Лишенныя энергіи начала политеизма,

обратившіяся въ игру[1] словъ, дерзко обезображенныя идеи христіанства, странно озарившія[2] тогдашнія науки, не слившіяся съ ними, но, можно сказать, уничтожившія ихъ[3] своимъ преобладаніемъ, представляли[4] совершенный контрастъ пламенной природѣ араба, у котораго воображеніе слишкомъ потопляло тощіе выводы[5] холоднаго ума. Этотъ чудный[6] народъ не шелъ, а летѣлъ къ своему развитію. Геній его вдругъ оказывался въ войнѣ, торговлѣ, искусствахъ, мануфактурахъ и въ[7] роскошной поэзіи востока. Его доселѣ небывалыя въ исторіи человѣчества стихіи вспыхнули богато, ярко, странно и совершенно оригинально[8]. Казалось, этотъ народъ обѣщалъ дотолѣ невиданное совершенство націи. Но Ал-Мамунъ не понялъ его[9]. Онъ упустилъ изъ вида великую истину, что образованіе черпается изъ самого же народа, что просвѣщеніе наносное должно быть въ такой степени заимствовано, сколько можетъ оно помогать собственному развитію, но что развиваться народъ долженъ изъ своихъ же національныхъ стихій. Но для арабовъ[10] поле подвиговъ было заграждено этимъ безплоднымъ чужестраннымъ просвѣщеніемъ. Самый космополитизмъ Ал-Мамуна, открывавшаго[11] входъ въ государство[12] ученымъ всѣхъ партій, уже зашелъ нѣсколько далеко. Выгоды, которыя въ государствѣ получали христіане[13], не могли не возродить въ собственныхъ его подданныхъ ненависти, а вмѣстѣ и презрѣнія къ самымъ даже полезнымъ ихъ учрежденіямъ,— и народъ уже терялъ любовь къ своему калифу. Въ правленіи Ал-Мамунъ былъ больше философъ-теоретикъ, нежели философъ-практикъ, какимъ бы долженъ быть государь[14]. Онъ зналъ[15] жизнь своего народа изъ описаній, изъ разсказовъ другихъ, а не извѣдалъ самъ[16], какъ очевидецъ, какъ извѣдалъ его великій Гарунъ. Въ азіатскихъ образахъ правленія, не имѣющихъ опредѣленныхъ законовъ, вся административная часть падаетъ на самого монарха, и потому дѣятельность его должна быть необыкновенна, вниманіе его должно быть вѣчно напряжено; онъ не можетъ ввѣриться совершенно никому, и глазъ его долженъ имѣть многосторонность Аргуса: минуту засни онъ[17] — и его полномочные намѣстники вдругъ возрастаютъ, и государство[18] наполняется милліонами деспотовъ. Но Ал-Мамунъ въ своемъ Багдадѣ жилъ какъ въ государствѣ музъ, имъ же самимъ созданномъ и совершенно отдѣльномъ

отъ міра политическаго. Христіане, которые стали, наконецъ, вмѣшиваться въ административныя должности[1], не могли узнать народнаго духа и обычаевъ земли. Притомъ самое иновѣрство ихъ было невыносимо для араба, еще сохранявшаго энтузіазмъ и нетерпимость. И когда имя Ал-Мамуна повторялось на устахъ всѣхъ[2] ученыхъ тогдашняго вѣка, когда его гостепріимство привлекало пестрые флаги къ берегамъ сирійскимъ, власть его внутри государства становилась между тѣмъ слабѣе. Жители провинцій, никогда не видавшіе своего калифа, мало дорожили его именемъ. Военная сила ослабла. Просвѣщеніе обыкновенно стремилось изъ Багдада, какъ изъ центра, уменьшаясь и угасая по мѣрѣ приближенія къ отдаленнымъ границамъ.[3] На границахъ арабы еще сохраняли свой первый періодъ. На границахъ стояли[4] войска, еще полныя фанатизма, еще стремившіяся огнемъ и мечемъ водружать вѣру Магомета. Сильные эмиры ихъ, почувствовавши слабость связи Багдада, думали о независимости, и Ал-Мамунъ уже при жизни своей видѣлъ отторженіе Персіи, Индіи и дальнихъ провинцій Африки. Но, можетъ быть, все это невѣрное направленіе администраціи было бы еще исправимое зло, если бы Ал-Мамунъ не простеръ уже слишкомъ далеко своей любви къ истинѣ. Онъ захотѣлъ быть религіознымъ реформаторомъ своей націи. Исполненный ума чисто теоретическаго, будучи выше суевѣрій и предразсудковъ, будучи ближе познакомленъ съ нѣкоторыми догмами христіанства, нежели его предшественники, онъ не могъ не видѣть всѣхъ безчисленныхъ противорѣчій, пламенныхъ[5] нелѣпостей, которыя вырывались всемѣстно[6] въ постановленіяхъ изступленнаго творца Корана. Онъ рѣшился очистить и преобразовать[7] священную книгу магометанъ и — въ то самое время, когда еще всѣ низшія государственныя ступени, вся чернь была увѣрена, что она принесена съ неба, и когда усомниться въ маловажномъ постановленіи[8] ея уже считалось[9] величайшимъ преступленіемъ. Полугреческій[10] образъ мыслей Ал-Мамуна чуждался совершенно слѣпаго энтузіазма его подданныхъ. Первымъ шагомъ къ образованію своего народа онъ почиталъ истребленіе энтузіазма, — того энтузіазма[11], который составлялъ[12] существованіе народа аравійскаго, — того энтузіазма, которому онъ обязанъ былъ всѣмъ своимъ развитіемъ и блестящею эпохою[13], подо-

рвать который значило подорвать политическій составъ всего государства. Ему нелѣпѣе, несообразнѣе всего казался Магометовъ рай, куда арабъ переносилъ всю чувственную земную жизнь свою, — жизнь, назначенную для наслажденія и сладострастія. Но Ал-Мамунъ не принялъ въ соображеніе того[1], что это постановленіе изверглось изъ огненнаго аравійскаго климата, изъ огненной природы Араба, что этотъ рай для магометанина есть великій оазъ среди пустыни его жизни, что надежда въ этотъ рай[2] одна только заставляла чувственнаго араба терпѣливо сносить бѣдность, притѣсненіе, подавлять въ душѣ своей зависть при видѣ утопающаго въ роскоши сибарита. Мысль, что и онъ будетъ, наконецъ, находиться[3] среди гурій, среди роскоши, превышающей роскошь земныхъ владыкъ, одна могла быть доступна для такой чувственности и цвѣтистости воображенія[4], какими природа надѣлила араба, и что, можетъ быть, съ дальнѣйшимъ только развитіемъ его, могла[5] нечувствительно очиститься его вѣра. Ал-Мамунъ не постигалъ[6] азіатской природы своихъ подданныхъ.

Можно себѣ представить силу негодованія многочисленнаго класса народа, когда распространились вѣсти[7] о преобразованіяхъ калифовыхъ. Какъ долженъ былъ принять это народъ, который уже за одно покровительство христіанамъ и привязанность къ иностранцамъ обвинялъ гласно калифа въ мотазлизмѣ, или ереси? Грубая толпа прежнихъ точныхъ[8] исполнителей Корана жестокимъ упорствомъ своимъ, наконецъ, заставила калифа взяться за оружіе. И благородный, великодушный Ал-Мамунъ, проникнутый истинною любовію къ человѣчеству, явился гонителемъ своихъ подданныхъ. Гоненіемъ своимъ онъ воскресилъ опять въ арабахъ дикій фанатизмъ, но уже не тотъ фанатизмъ, который сдвинулъ прежде кочевыхъ обитателей Аравіи въ одну массу—онъ произвелъ оппозиціонный фанатизмъ, — фанатизмъ[9], который растерзалъ массу, который посѣялъ плевелы въ нѣдрахъ государства, который разбудилъ дикія страсти араба, который далъ ножъ и ядъ ненависти въ руки изступленныхъ послѣдователей ислама, который произвелъ множество ослѣпленныхъ сектъ и ужаснѣе всего секту Карматіановъ, долго еще свирѣпствовавшую подъ именемъ Сирійскихъ Убійцъ, во время крестовыхъ походовъ.

Среди волненій, оказывавшихся въ разныхъ концахъ государства, среди смутъ и партій, разсыпая одною рукою благодѣянія и милости на школы, фабрики, искусства, поражая другою непокорныхъ, изступленныхъ своихъ[1] подданныхъ, умеръ благородный Ал-Мамунъ, — умеръ, не понявъ своего народа, не понятый своимъ народомъ. Во всякомъ случаѣ, онъ далъ поучительный урокъ[2]. Онъ показалъ собою государя, который, при всемъ желаніи блага[3], при всей кротости сердца[4], при самоотверженіи и необыкновенной страсти къ наукамъ, былъ, между прочимъ, невольно одною изъ главныхъ пружинъ, ускорившихъ паденіе государства.

АРАБЕСКИ.

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЖИЗНЬ.

Бѣдному сыну[1] пустыни снился сонъ:

Лежитъ и разстилается великое Средиземное море, и съ трехъ разныхъ сторонъ глядятъ въ него палящіе берега Африки съ тонкими пальмами, сирійскія голыя пустыни и многолюдный[2], весь изрытый моремъ, берегъ Европы.

Стоитъ въ углу надъ неподвижнымъ моремъ древній Египетъ. Пирамида надъ пирамидою; граниты глядятъ сѣрыми очами, обтесанные въ сфинксовъ; идутъ безчисленныя ступени[3]. Стоитъ онъ величавый, питаемый великимъ Ниломъ, весь убранный таинственными знаками и священными звѣрями[4]. Стоитъ и неподвиженъ, какъ очарованный, какъ мумія, несокрушаемая[5] тлѣніемъ.

Раскинула вольныя колоніи веселая Греція. Кишатъ на Средиземномъ морѣ острова, потопленные зелеными рощами; кинамонъ, виноградныя лозы, смоковницы помаваютъ облитыми медомъ вѣтвями; колонны, бѣлыя какъ перси дѣвы, круглятся[6] въ роскошномъ мракѣ древесномъ; мраморъ страстный дышетъ, зажженный чуднымъ рѣзцомъ, и стыдливо любуется своею прекрасною наготою; увитый гроздіями, съ тирсами и чашами въ рукахъ, народъ остановился[7] въ шумной пляскѣ. Жрицы, молодыя и стройныя, съ разметанными кудрями, вдохновенно вонзили свои черныя очи. Тростникъ, связанный въ цѣвницу, тимпаны, мусикійскія орудія мелькаютъ, перевитыя плющемъ. Корабли какъ мухи толпятся близь Родоса и Корциры, подставляя сладострастно выгибающійся флагъ дыханію вѣтра[8]. И все стоитъ неподвижно, какъ бы въ окаменѣломъ величіи.

Стоитъ и распростирается желѣзный Римъ[1], устремляя лѣсъ копій и сверкая грозною сталью мечей, вперивъ на все завистливыя очи и протянувши[2] свою жилистую десницу. Но онъ неподвиженъ, какъ и все, и не тронется львиными членами.

Весь воздухъ небеснаго океана висѣлъ сжатый и душный. Великое Средиземное море не шелохнетъ, какъ будто бы царства предстали всѣ на страшный судъ передъ кончиною[3] міра.

И говоритъ Египетъ, помавая тонкими пальмами, жилицами его равнинъ, и устремляя иглы своихъ обелисковъ: „Народы, слушайте! Я одинъ постигъ[4] и проникъ тайну жизни и тайну человѣка. Все тлѣнъ. Низки искусства, жалки наслажденія, еще жалче слава и подвиги. Смерть, смерть властвуетъ надъ міромъ и человѣкомъ! Все пожираетъ смерть, все живетъ для смерти. Далеко, далеко до воскресенія! Да и будетъ ли когда воскресеніе? Прочь желанія и наслажденія! Выше строй пирамиду, бѣдный человѣкъ, чтобы хоть сколько-нибудь продлить свое бѣдное существованіе".

И говоритъ ясный, какъ небо, какъ утро, какъ юность, свѣтлый міръ грековъ, и, казалось, вмѣсто словъ, слышалось[5] дыханіе цѣвницы; „Жизнь сотворена для жизни. Развивай жизнь свою и развивай вмѣстѣ съ нею ея наслажденія. Все неси ему[6]. Гляди, какъ выпукло и прекрасно все въ природѣ, какъ дышетъ все согласіемъ. Все въ мірѣ; все, чѣмъ ни владѣютъ боги, все въ немъ; умѣй находить его. Наслаждайся, богоподобный и гордый обладатель міра, вѣнчай дубомъ и лавромъ прекрасное чело свое! мчись на колесницѣ, искусно[7] правя[8] конями, на блистательныхъ играхъ! Далѣе корысть и жадность отъ вольной и гордой души! Рѣзецъ, палитра и цѣвница созданы быть властителями міра, а властительницею ихъ — красота. Увивай плющемъ и гроздіемъ свою благовонную главу и прекрасную главу стыдливой подруги! Жизнь создана для жизни, для наслажденія — умѣй быть достойнымъ наслажденія!"

И говоритъ покрытый желѣзомъ Римъ, потрясая блестящимъ лѣсомъ копій: „Я постигнулъ тайну жизни человѣка. Низко спокойствіе для человѣка: оно уничтожаетъ его въ самомъ себѣ. Малъ для души размѣръ искусствъ и наслажденій. Наслажденіе въ гигантскомъ желаніи. Презрѣнна жизнь народовъ и человѣка[9] безъ громкихъ подвиговъ. Славы, славы

жаждай, человѣкъ![1] Въ порывѣ неразсказаннаго веселія, оглушенный звукомъ желѣза, несись на сомкнутыхъ щитахъ бранноносныхъ легіоновъ! Слышишь ли[2], какъ у ногъ твоихъ собрался весь міръ и, потрясая копьями, слился въ одно восклицаніе? Слышишь ли[3], какъ твое имя замираетъ страхомъ на устахъ племенъ, живущихъ на краяхъ[4] міра? Все, что ни объемлетъ взоръ твой, наполняй своимъ именемъ. Стремись вѣчно:[5] нѣтъ границъ міру — нѣтъ границъ и желанію. Дикій и суровый, далѣе и далѣе захватывай міръ[6] — ты завоюешь, наконецъ, небо".

Но остановился Римъ и вперилъ орлиныя очи свои на востокъ. Къ востоку обратила и Греція свои влажныя отъ наслажденія, прекрасныя очи; къ востоку обратилъ Египетъ свои мутныя, безцвѣтныя очи.

Камениста земля; презрѣненъ народъ; немноголюдная весь прислонилася къ обнаженнымъ холмамъ, изрѣдка, неровно оттѣненнымъ изсохшею смоковницею. За низкою и ветхою оградою стоитъ ослица[7]. Въ деревянныхъ ясляхъ лежитъ младенецъ; надъ нимъ склонилась непорочная мать и глядитъ на него исполненными слезъ очами; надъ нимъ высоко въ небѣ стоитъ[8] звѣзда и весь міръ осіяла чуднымъ свѣтомъ[9].

Задумался древній Египетъ, увитый іероглифами, понижая ниже свои пирамиды; безпокойно глянула[10] прекрасная Греція; опустилъ очи Римъ на желѣзныя свои копья; приникла ухомъ великая Азія съ народами-пастырями; нагнулся Араратъ, древній прапращуръ земли....

1831.

ШЛЕЦЕРЪ, МИЛЛЕРЪ И ГЕРДЕРЪ.

Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ были великіе зодчіе всеобщей исторіи[1]. Мысль о ней была ихъ любимою мыслью и не оставляла ихъ во все время разнообразнаго ихъ поприща. Шлецеръ, можно сказать, первый почувствовалъ идею объ одномъ великомъ цѣломъ, объ одной единицѣ, къ которой должны быть приведены и въ которую должны слиться всѣ времена и народы. Онъ хотѣлъ однимъ взглядомъ обнять весь міръ, все живущее. Казалось, какъ будто бы онъ силился имѣть сто аргусовыхъ глазъ, для того, чтобы разомъ видѣть сбывающееся во всѣхъ отдаленныхъ углахъ міра. Его слогъ — молнія, почти вдругъ блещущая то тамъ, то здѣсь, и освѣщающая предметы на одно мгновеніе, но за то въ ослѣпительной ясности. Я не знаю, исполнилъ ли бы онъ въ самомъ дѣлѣ то, что̀ рѣзко показывалъ другимъ; но по крайней мѣрѣ никто такъ сильно не пораженъ былъ самъ своимъ предметомъ, какъ онъ. Онъ имѣлъ достоинство въ высшей степени сжимать все въ малообъемный[2] фокусъ и двумя, тремя яркими чертами, часто даже однимъ эпитетомъ, обозначать вдругъ событіе и народъ. Его эпитеты удивительно горячи, дерзки, кажутся плодомъ одной счастливой минуты, одного внезапнаго вдохновенія, и такъ исполнены рѣзкой, поражающей правды, что не скоро бы пришли на умъ опредѣлившему себя на долгое, глубокое изслѣдованіе, выключая только, если[3] этотъ изслѣдователь будетъ самъ Шлецеръ. Онъ не былъ историкъ, и я думаю даже, что онъ не могъ быть историкомъ. Его мысли слишкомъ отрывисты, слишкомъ горячи, чтобы улечься въ гармоническую, стройную текучесть повѣствованія. Онъ анализировалъ міръ и всѣ отжившіе и живущіе народы, а не описывалъ ихъ; онъ разсѣкалъ весь міръ анатомическимъ ножемъ, рѣзалъ и дѣлилъ на массивныя ча-

сти, располагалъ и отдѣлялъ народы такимъ же образомъ[1], какъ ботаникъ распредѣляетъ растенія по извѣстнымъ ему признакамъ. И оттого начертаніе его исторіи, казалось бы, должно быть слишкомъ скелетнымъ и сухимъ; но, къ удивленію, все у него сверкаетъ[2] такими рѣзкими чертами, могущественный ударъ его глаза такъ вѣренъ, что, читая этотъ сжатый эскизъ міра[3], замѣчаешь съ изумленіемъ, что собственное воображеніе горитъ, расширяется и дополняетъ все по такому[4] же самому закону, который опредѣлилъ Шлецеръ однимъ всемогущимъ словомъ; иногда оно стремится еще далѣе, потому что ему указана смѣлая дорога. Будучи однимъ изъ первыхъ, тревожимыхъ мыслью о величіи и истинной цѣли всеобщей исторіи, онъ долженствовалъ быть непремѣнно геніемъ оппозиціоннымъ. Это положеніе сообщило ему сильную энергію, жаръ и даже досаду на близорукость предшественниковъ, прорывающіеся очень часто въ его сочиненіяхъ. Онъ уничтожаетъ ихъ однимъ[5] громовымъ словомъ, и въ этомъ одномъ словѣ соединяется и наслажденіе, и сардоническая усмѣшка надъ пораженнымъ, и вмѣстѣ несокрушимая правда; его, справедливѣе нежели Канта, можно назвать всесокрушающимъ. Всегда почти[6] дѣйствующіе въ оппозиціонномъ духѣ слишкомъ увлекаются своимъ положеніемъ и въ энтузіастическомъ порывѣ держатся только одного правила—противорѣчить всему прежнему[7]. Въ этомъ случаѣ нельзя упрекнуть Шлецера: германскій духъ его сталъ неколебимъ на своемъ мѣстѣ. Онъ — какъ строгій, всезрящій судія; его сужденія рѣзки, коротки и справедливы[8]. Можетъ быть, нѣкоторымъ покажется страннымъ, что я говорю[9] о Шлецерѣ, какъ о великомъ зодчемъ всеобщей исторіи, тогда какъ его мысли и труды по этой части улеглись въ небольшой книжкѣ, изданной имъ для студентовъ; но эта маленькая книжка принадлежитъ къ числу тѣхъ,читая которыя, кажется, читаешь цѣлые томы; ее можно сравнить съ небольшимъ окошкомъ, сквозь которое, приставивши къ нему ближе глазъ, можно увидѣть весь міръ[10]. Онъ вдругъ осѣняетъ свѣтомъ и показываетъ, какъ нужно понять, и тогда самъ собою, наконецъ, видишь все.

Миллеръ представляетъ собою историка совершенно въ другомъ родѣ. Спокойный, тихій, размышляющій, онъ представляетъ противоположность Шлецеру. Онъ съ какою-то очаро-

вательною, особенною[1] любовью предается своему предмету. Его слогъ не блеститъ тѣмъ рѣзкимъ отличіемъ, какимъ означенъ слогъ Шлецера; нѣтъ тѣхъ порывовъ, того мѣткаго лаконизма, какими исполненъ Шлецеръ. Онъ не схватываетъ вдругъ, однимъ взглядомъ[2] всего и не сжимаетъ его мощною рукою; но онъ изслѣдываетъ все, находящееся въ мірѣ, спокойно, поочередно, не показывая той быстроты и поспѣшности, съ какою выражается авторъ, опасающійся, чтобы у него не перехватилъ кто-нибудь мысли и не предупредилъ его. Слово „изслѣдованіе“ весьма идетъ къ его стилю; его повѣствованіе именно изслѣдовательное[3]. Какъ человѣкъ государственный, онъ болѣе всего занимается изложеніемъ формъ правленія и законовъ существующихъ и минувшихъ государствъ; но онъ не предпочитаетъ эту сторону до такой степени, чтобы оставить совершенно въ тѣни всѣ другія, къ чему способенъ бываетъ историкъ односторонній и чего не могъ избѣжать и Геренъ; напротивъ того, онъ обращаетъ вниманіе и на все сопредѣльное. Все, что не ясно въ исторіи, что менѣе разоблачено, все это болѣе другаго подвергается его изслѣдованію. Замѣтно даже, что онъ охотнѣе[4] занимается временами первобытными и вообще тѣми эпохами, когда народъ еще не былъ подверженъ образованности[5] и порокамъ, сохранялъ свои простые нравы и независимость. Это время изображаетъ онъ съ ясною подробностію, съ тихимъ жаромъ, какъ будто позабываясь и воображая видѣть себя среди своихъ добрыхъ швейцарцевъ. Главный результатъ, царствующій въ его исторіи, есть тотъ, что народъ[6] тогда только достигаетъ своего счастія, когда сохраняетъ свято обычаи своей старины, свои простые нравы и свою независимость. Вездѣ въ немъ видны старческая мудрость и младенческая ясность души. Благородство мыслей и любовь къ свободѣ проникаютъ[7] все его твореніе. Мысль о единствѣ и нераздѣльной цѣлости не служитъ такою цѣлью, къ которой бы явно устремлялось его повѣствованіе; онъ даже никогда не говоритъ о немъ, но единство чувствуется въ цѣломъ твореніи, не смотря на то, что онъ, кажется, забываетъ вовсе дѣла всего міра, занявшись однимъ народомъ[8]. Исторія его не состоитъ изъ непрерывной движущейся цѣпи происшествій; драматическаго искусства въ немъ нѣтъ; вездѣ виденъ размышляющій[9] мудрецъ.

Онъ не высказываетъ слишкомъ ярко своихъ мыслей: онѣ у него таятся такъ скромно, иногда въ такомъ незамѣтномъ уголкѣ, что неищущій не найдетъ ихъ никогда; но за то онѣ такъ высоки и глубоки, что открывшему ихъ открывается, по выраженію Вагнера[1] въ „Фаустѣ“, на землѣ небо[2]. Этотъ скромный, незамѣтный слогъ его и отсутствіе ослѣпляющей яркости производитъ въ душѣ невольное сожалѣніе: чрезъ него Миллеръ очень мало извѣстенъ, или, лучше сказать, не такъ извѣстенъ, какъ долженъ бы быть. Одни сильно проникнутые мыслью о исторіи и способные къ тонкому развитію могутъ только вполнѣ[3] понимать его; другимъ же онъ кажется легкимъ и неглубокомысленнымъ.

Гердеръ представляетъ совершенно отличный образъ возрѣнія. Онъ видитъ уже совершенно духовными глазами. У него владычество идеи вовсе поглощаетъ осязательныя формы[4]. Вездѣ онъ видитъ одного человѣка, какъ представителя всего человѣчества. Онъ выпытываетъ глубоко, вдохновенно, какъ браминъ природы, — названіе, которое придаютъ ему нѣмцы[5]. У него крупнѣе группируются событія, его мысли всѣ высоки, глубоки и всемірны[6]. Онѣ у него являются мало соединенными съ видимою природою и какъ будто извлеченными изъ одного только чистаго ея горнила[7]. Отъ того онѣ у него не имѣютъ исторической осязательности и видимости. Если событіе колоссально и заключается въ идеѣ, — оно у него развертывается все, со всѣми своими сокровенными явленіями; но если слишкомъ коснулось жизни и практическаго, оно у него не получаетъ опредѣленнаго колорита. Если онъ нисходитъ[8] до самыхъ лицъ и до дѣятелей исторіи[9], они у него не такъ ярки, какъ общія группы, они принимаютъ слишкомъ общую физіономію: они у него или добрые, или злые; всѣ безчисленные оттѣнки характеровъ, все смѣшеніе и разнообразіе качествъ, познаніе которыхъ достается въ удѣлъ взирающему съ недовѣрчивостію на другихъ[10], всѣ эти оттѣнки у него исчезли. Онъ мудрецъ въ познаніи идеальнаго человѣка и человѣчества, но младенецъ въ познаніи человѣка, по весьма естественному ходу вещей, какъ всегда мудрецъ бываетъ великъ въ своихъ мысляхъ и невѣжа въ мелочныхъ занятіяхъ жизни. Какъ поэтъ, онъ выше Шлецера и Миллера. Но[11], какъ поэтъ, онъ все создаетъ и переваривает въ себѣ, въ своемъ уеди-

ненномъ кабинетѣ, полный одного[1] высшаго откровенія, избирая только одно прекрасное и высокое, потому что это уже принадлежность его возвышенной и чистой души. Но высокое и прекрасное вырывается[2] часто изъ низкой и презрѣнной жизни, или оно вызывается[3] натискомъ тѣхъ безчисленныхъ и разнохарактерныхъ явленій, которыя безпрестанно пестрятъ жизнь человѣческую[4], и которыхъ познаніе рѣдко дается отвлеченному отъ жизни мудрецу. Стиль его, болѣе нежели у кого другаго[5], исполненъ живописи и широкаго размѣра, потому что онъ поэтъ и этимъ рѣзко отличается отъ Миллера, философа-законодателя, всегда спокойнаго и размышляющаго, и Шлецера, философа-критика, всегда почти рѣзкаго и недовольнаго.

Мнѣ кажется, что если бы глубокость результатовъ Гердера, нисходящихъ[6] до самаго начала человѣчества, соединить съ быстрымъ, огненнымъ взглядомъ Шлецера[7] и изыскательною, расторопною мудростію[8] Миллера, тогда бы вышелъ такой историкъ, который бы могъ написать всеобщую исторію. Но при всемъ томъ, ему бы еще много кое-чего недоставало: ему бы недоставало высокаго драматическаго искусства, котораго не видно ни у Шлецера, ни у Миллера, ни у Гердера. Я разумѣю, однакожъ, подъ словомъ „драматическаго искусства", не то искусство, которое состоитъ въ умѣніи вести разговоръ, но въ драматическомъ интересѣ всего творенія[9], который сообщилъ бы ему неодолимую увлекательность, тотъ интересъ, который иногда дышетъ въ историческихъ отрывкахъ Шиллера, особенно[10] въ *Тридцатилѣтней войнѣ,* и которымъ отличается почти всякое[11] немногосложное происшествіе. Но я[12] бы къ этому присоединилъ еще въ нѣкоторой степени занимательность разсказа Вальтера Скотта и его умѣніе замѣчать самые тонкіе оттѣнки; къ этому присоединилъ бы шекспировское искусство развивать крупныя черты характеровъ въ тѣсныхъ границахъ[13], и тогда бы, мнѣ кажется, составился такой историкъ[14], какого требуетъ всеобщая исторія. Но до того времени Миллеръ, Шлецеръ и Гердеръ долго останутся великими путеводителями. Они много, очень много освѣтили всеобщую исторію, и если въ нынѣшнее время мы имѣемъ нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій, то этимъ обязаны имъ однимъ.

1832.

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ.

ПОВѢСТЬ.

Нѣтъ ничего лучше Невскаго проспекта, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ: для него онъ составляетъ все. Чѣмъ не блеститъ эта улица-красавица нашей столицы? Я знаю, что ни одинъ изъ блѣдныхъ и чиновныхъ ея жителей не промѣняетъ на всѣ блага[1] Невскаго проспекта. Не только кто[2] имѣетъ двадцать пять лѣтъ отъ роду, прекрасные усы и удивительно сшитый сюртукъ, но даже тотъ, у кого на подбородкѣ выскакиваютъ бѣлые волоса[3] и голова гладка, какъ серебряное блюдо, и тотъ въ восторгѣ отъ Невскаго проспекта. А дамы! О, дамамъ еще больше пріятенъ Невскій проспектъ. Да и кому же онъ непріятенъ? Едва только взойдешь на Невскій проспектъ, какъ уже пахнетъ однимъ гуляньемъ. Хотя бы имѣлъ какое-нибудь нужное, необходимое дѣло, но, взошедши на него[4], вѣрно, позабудешь о всякомъ дѣлѣ[5]. Здѣсь единственное мѣсто, гдѣ показываются люди не по необходимости, куда не загнала ихъ надобность и меркантильный интересъ, объемлющій весь Петербургъ. Кажется, человѣкъ, встрѣченный на Невскомъ проспектѣ, менѣе[6] эгоистъ, нежели въ Морской, Гороховой, Литейной, Мѣщанской и другихъ улицахъ, гдѣ жадность, и корысть, и надобность[7] выражаются на идущихъ и летящихъ въ каретахъ и на дрожкахъ. Невскій проспектъ есть всеобщая коммуникація Петербурга. Здѣсь житель Петербургской или Выборгской части, нѣсколько лѣтъ не бывавшій у своего пріятеля на Пескахъ или у Московской заставы, можетъ быть увѣренъ, что встрѣтится съ нимъ непремѣнно[8]. Никакой адресъ-календарь и справочное мѣсто не доставятъ такого вѣрнаго извѣстія, какъ Невскій проспектъ. Всемогущій Невскій проспектъ! Единственное развлеченіе

бѣднаго на гулянья[1] Петербурга! Какъ чисто подметены его тротуары, и, Боже, сколько ногъ оставляетъ на немъ слѣды свои![2] И неуклюжій грязный сапогъ отставнаго солдата, подъ тяжестію котораго, кажется, трескается самый гранитъ, и миніатюрный, легкій, какъ дымъ, башмачекъ молоденькой дамы[3], оборачивающей свою головку къ блестящимъ окнамъ магазина, какъ подсолнечникъ къ солнцу, и гремящая сабля исполненнаго надеждъ прапорщика, проводящая по немъ[4] рѣзкую царапину,— все вымещаетъ на немъ могущество силы или могущество слабости. Какая быстрая совершается на немъ фантасмагорія въ теченіи[5] одного только дня! Сколько вытерпитъ онъ перемѣнъ въ теченіи однѣхъ сутокъ![6] Начнемъ съ самаго ранняго утра, когда[7] весь Петербургъ пахнетъ горячими, только-что выпеченными хлѣбами и наполненъ старухами въ изодранныхъ платьяхъ и салопахъ, совершающими свои наѣзды[8] на церкви[9] и на сострадательныхъ прохожихъ. Тогда Невскій проспектъ пустъ: плотные содержатели магазиновъ и ихъ комми еще спятъ въ своихъ голландскихъ рубашкахъ или мылятъ свою благородную щеку и пьютъ кофе; нищіе собираются у дверей кондитерскихъ, гдѣ сонный ганимедъ, летавшій вчера, какъ муха, съ шоколадомъ, вылѣзаетъ съ метлой въ рукѣ, безъ галстука и швыряетъ имъ черствые пироги и объѣдки. По улицамъ плетется нужный народъ: иногда переходятъ ее русскіе мужики, спѣшащіе на работу, въ сапогахъ, запачканныхъ известью, которыхъ и Екатерининскій каналъ, извѣстный своею чистотою, не въ состояніи бы былъ[10] обмыть. Въ это время обыкновенно неприлично ходить дамамъ, потому что русскій народъ любитъ изъясняться такими рѣзкими выраженіями, какихъ они[11], вѣрно, не услышатъ даже въ театрѣ[12]. Иногда сонный чиновникъ проплетется съ портфелемъ подъ мышкою, если черезъ Невскій проспектъ лежитъ ему дорога въ департаментъ[13]. Можно сказать рѣшительно, что въ это время, т. е. до 12 часовъ, Невскій проспектъ не составляетъ ни для кого цѣли, онъ служитъ только средствомъ: онъ постепенно наполняется лицами, имѣющими свои занятія, свои заботы, свои досады, но вовсе не думающими[14] о немъ. Русскій мужикъ говоритъ о гривнѣ или о семи грошахъ мѣди, старики и старухи размахиваютъ руками или говорятъ сами съ собою, иногда съ довольно разительными[15] жестами, но

никто ихъ не слушаетъ и не смѣется надъ ними, выключая только развѣ мальчишекъ въ пестрядевыхъ[1] халатахъ, съ пустыми штофами или готовыми сапогами въ рукахъ, бѣгущихъ молніями по Невскому проспекту. Въ это время, чтѐ бы вы на себя ни надѣли, хотя бы даже, вмѣсто шляпы, картузъ былъ у васъ на головѣ, хотя бы воротнички слишкомъ далеко[2] высунулись изъ вашего галстука — никто этого не замѣтитъ.

Въ 12 часовъ на Невскій проспектъ дѣлаютъ набѣги гувернеры всѣхъ націй съ своими питомцами въ батистовыхъ воротничкахъ. Англійскіе Джонсы и французскіе Коки идутъ подъ руку съ ввѣренными ихъ родительскому попеченію питомцами и съ приличною солидностію изъясняютъ имъ, что вывѣски надъ магазинами дѣлаются для того, чтобы можно было посредствомъ ихъ[3] узнать, чтѐ находится въ самыхъ магазинахъ. Гувернантки, блѣдныя миссы и розовыя мадмуазели[4], идутъ величаво позади своихъ легенькихъ, вертлявыхъ дѣвчонокъ, приказывая имъ поднять[5] нѣсколько лѣвое[6] плечо и держаться прямѣе; короче сказать, въ это время Невскій проспектъ — педагогическій Невскій проспектъ. Но чѣмъ ближе къ двумъ часамъ, тѣмъ уменьшается число гувернантокъ, педагоговъ[7] и дѣтей: они, наконецъ, вытѣсняются нѣжными ихъ родителями, идущими подъ руку съ своими пестрыми, разноцвѣтными, слабонервными подругами. Мало по малу присоединяются къ ихъ обществу всѣ, окончившіе довольно важныя домашнія занятія, какъ-то: поговорившіе съ своимъ докторомъ о погодѣ и о небольшомъ прыщикѣ, вскочившемъ на носу, узнавшіе о здоровьи лошадей и дѣтей своихъ, впрочемъ показывающихъ большія дарованія, прочитавшіе афишу и важную статью въ газетахъ о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, наконецъ выпившіе[8] чашку кофею[9] и чаю; къ нимъ присоединяются и тѣ, которыхъ завидная судьба надѣлила благословеннымъ званіемъ чиновниковъ по особымъ[10] порученіямъ. Къ нимъ присоединяются и тѣ, которые служатъ въ иностранной коллегіи и отличаются благородствомъ своихъ занятій и привычекъ! Боже, какія есть прекрасныя должности и службы! какъ онѣ возвышаютъ и услаждаютъ душу! Но, увы, я не служу и лишенъ удовольствія видѣть тонкое обращеніе съ собою начальниковъ. Все, чтѐ вы ни встрѣтите на Невскомъ проспектѣ, все исполнено приличія: мужчины въ длинныхъ сюр-

тукахъ съ заложенными въ карманы руками, дамы въ розовыхъ, бѣлыхъ и блѣдно-голубыхъ атласныхъ рединготахъ и щегольскихъ[1] шляпкахъ[2]. Вы здѣсь встрѣтите бакенбарды единственныя, пропущенныя съ необыкновеннымъ и изумительнымъ искусствомъ подъ галстукъ, бакенбарды бархатныя, атласныя, черныя, какъ соболь или уголь, но, увы! принадлежащія[3] только одной иностранной коллегіи. Служащимъ въ другихъ департаментахъ Провидѣніе отказало въ черныхъ бакенбардахъ; они должны, къ величайшей непріятности своей, носить рыжія. Здѣсь вы встрѣтите усы чудные, никакимъ перомъ, никакою кистью неизобразимые; усы, которымъ посвящена лучшая половина жизни, предметъ долгихъ бдѣній во время дня[4] и ночи; усы, на которые излились восхитительнѣйшіе духи[5] и которыхъ умастили всѣ драгоцѣннѣйшіе и рѣдчайшіе сорты помадъ; усы, которые заворачиваются на ночь тонкою веленевою бумагою[6]; усы, къ которымъ дышетъ самая трогательная привязанность ихъ поссессоровъ, и которымъ завидуютъ проходящіе. Тысячи сортовъ шляпокъ, платьевъ, платковъ, пестрыхъ, легкихъ, къ которымъ иногда въ теченіи цѣлыхъ двухъ дней[7] сохраняется привязанность ихъ владѣтельницъ, ослѣпятъ[8] хоть кого на Невскомъ проспектѣ. Кажется, какъ будто цѣлое море мотыльковъ поднялось вдругъ[9] со стеблей и волнуется блестящею тучею надъ черными жуками мужескаго пола. Здѣсь вы встрѣтите такія таліи, какія даже вамъ не снились никогда: тоненькія, узенькія, таліи никакъ не толще бутылочной шейки, встрѣтясь съ которыми, вы почтительно отойдете къ сторонкѣ, чтобы какъ-нибудь неосторожно не толкнуть невѣжливымъ локтемъ; сердцемъ вашимъ овладѣетъ робость и страхъ, чтобы какъ-нибудь, отъ неосторожнаго даже дыханія вашего, не переломилось прелестнѣйшее произведеніе природы и искусства[10]. А какіе встрѣтите вы дамскіе рукава на Невскомъ проспектѣ! Ахъ, какая прелесть! Они нѣсколько похожи на два воздухоплавательные шара, такъ что дама вдругъ бы поднялась[11] на воздухъ, если бы не поддерживалъ[12] ее мужчина; потому что даму такъ же легко и пріятно поднять на воздухъ, какъ подносимый ко рту бокалъ, наполненный шампанскимъ. Нигдѣ при взаимной встрѣчѣ не раскланиваются такъ благородно и непринужденно, какъ на Невскомъ проспектѣ. Здѣсь вы встрѣтите улыбку единственную,

улыбку—верхъ[1] искусства, иногда такую, что можно растаять отъ удовольствія, иногда такую, что вы[2] увидите себя вдругъ ниже травы и потупите голову, иногда такую, что почувствуете себя выше адмиралтейскаго шпица и поднимете ее вверхъ. Здѣсь вы встрѣтите разговаривающихъ о концертѣ или о погодѣ съ необыкновеннымъ[3] благородствомъ и чувствомъ собственнаго достоинства. Тутъ вы встрѣтите тысячу непостижимыхъ характеровъ и явленій. Создатель! какіе странные характеры встрѣчаются на Невскомъ проспектѣ![4] Есть множество такихъ людей, которые, встрѣтившись съ вами, непремѣнно посмотрятъ на сапоги ваши и, если вы пройдете, они оборотятся назадъ, чтобы посмотрѣть на ваши фалды[5]. Я до сихъ поръ не могу понять, отчего это бываетъ. Сначала я думалъ, что они сапожники, но, однакоже, ничуть не бывало[6]: они большею частію служатъ въ разныхъ департаментахъ, многіе изъ нихъ превосходнымъ образомъ могутъ написать отношеніе изъ одного казеннаго мѣста въ другое; или же — люди, занимающіеся прогулками, чтеніемъ газетъ по кондитерскимъ[7],—словомъ, большею частію все порядочные люди. Въ это благословенное время отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ пополудни, которое можетъ назваться движущеюся столицею Невскаго проспекта, происходитъ главная выставка[8] всѣхъ лучшихъ произведеній человѣка. Одинъ показываетъ щегольской сюртукъ съ лучшимъ бобромъ, другой — греческій прекрасный носъ, третій несетъ превосходныя бакенбарды, четвертая пару хорошенькихъ глазокъ и удивительную шляпку, пятый перстень съ талисманомъ на щегольскомъ мизинцѣ, шестая — ножку въ очаровательномъ башмачкѣ, седьмой — галстукъ, возбуждающій удивленіе, осьмой — усы, повергающіе въ изумленіе. Но бьетъ три часа—и выставка оканчивается, толпа рѣдѣетъ[9]..... Въ три часа новая перемѣна. На Невскомъ проспектѣ вдругъ настаетъ весна: онъ покрывается весь чиновниками въ зеленыхъ вицмундирахъ. Голодные титулярные, надворные и прочіе совѣтники стараются всѣми силами ускорить свой ходъ. Молодые коллежскіе регистраторы, губернскіе и коллежскіе секретари спѣшатъ еще воспользоваться временемъ и пройтиться[10] по Невскому проспекту съ осанкою, показывающею, что они вовсе не сидѣли 6[11] часовъ въ присутствіи. Но старые коллежскіе секретари,

титулярные и надворные совѣтники идутъ скоро, потупивши голову: имъ не до того, чтобы заниматься разсматриваніемъ прохожихъ; они еще не вполнѣ оторвались отъ заботъ своихъ; въ ихъ головѣ ералашъ и цѣлый архивъ начатыхъ и неконченныхъ[1] дѣлъ; имъ долго, вмѣсто вывѣски, показывается картонка съ бумагами или полное лицо правителя канцеляріи.

Съ четырехъ часовъ Невскій проспектъ пустъ, и врядъ-ли вы встрѣтите на немъ хотя одного чиновника. Какая-нибудь швея изъ магазина перебѣжитъ чрезъ Невскій проспектъ съ коробкою въ рукахъ; какая-нибудь жалкая добыча человѣколюбиваго повытчика, пущенная по міру во фризовой шинели; какой-нибудь заѣзжій чудакъ, которому всѣ часы равны; какая-нибудь длинная, высокая англичанка съ ридикюлемъ и книжкою въ рукахъ; какой-нибудь артельщикъ, русскій человѣкъ, въ демикотоновомъ сюртукѣ съ таліей на спинѣ, съ узенькою бородою, живущій всю жизнь на живую нитку, въ которомъ все шевелится: спина, и руки, и ноги, и голова, когда онъ учтиво проходитъ по тротуару; иногда низкій ремесленникъ... больше никого не встрѣтите вы въ это время[2] на Невскомъ проспектѣ.

Но какъ только сумерки упадутъ на домы[3] и улицы, и будочникъ, накрывшись рогожею, вскарабкается на лѣстницу зажигать фонарь, а изъ низенькихъ окошекъ магазиновъ выглянутъ тѣ эстампы, которые не смѣютъ показаться среди дня, какъ уже[4] Невскій проспектъ опять оживаетъ и начинаетъ шевелиться. Тогда настаетъ то таинственное время, когда лампы даютъ всему какой-то заманчивый, чудесный[5] свѣтъ. Вы встрѣтите очень много молодыхъ людей, большею частію холостыхъ, въ теплыхъ сюртукахъ и шинеляхъ. Въ это время чувствуется какая-то цѣль, или, лучше, что-то похожее на цѣль, что-то чрезвычайно безотчетное; шаги всѣхъ ускоряются и становятся вообще очень неровны; длинныя тѣни мелькаютъ по стѣнамъ и мостовой и чуть не достаютъ[6] головами Полицейскаго моста. Молодые коллежскіе регистраторы[7], губернскіе и коллежскіе секретари очень долго прохаживаются; но старые коллежскіе регистраторы, титулярные и надворные совѣтники большею частію сидятъ дома, или потому, что это народъ женатый, или потому, что имъ очень хорошо готовятъ кушанье живущія у нихъ въ домахъ кухарки-нѣмки.

Здѣсь вы встрѣтите почтенныхъ стариковъ, которые съ такою важностью и съ такимъ удивительнымъ благородствомъ прогуливались въ два часа по Невскому проспекту. Вы ихъ увидите бѣгущими такъ же, какъ молодые коллежскіе регистраторы, съ тѣмъ, чтобы заглянуть подъ шляпку издали завидѣнной дамы, которой толстыя губы и щеки, наштукатуренныя[1] румянами, такъ нравятся[2] многимъ гуляющимъ, а болѣе всего сидѣльцамъ, артельщикамъ, купцамъ, всегда, въ нѣмецкихъ сюртукахъ, гуляющимъ цѣлою толпою и обыкновенно подъ руку[3].

„Стой!“ закричалъ въ это время поручикъ Пироговъ, дернувъ шедшаго съ нимъ молодаго человѣка во фракѣ и въ[4] плащѣ. „Видѣлъ?“

„Видѣлъ; чудная[5], совершенно Перуджинова Біанка“.

„Да ты объ какой[6] говоришь?“

„Объ ней, о той, что̀ съ темными волосами... И какіе глаза! Боже, какіе глаза! Все положеніе и контура, и окладъ лица — чудеса!“[7]

„Я говорю тебѣ о блондинкѣ, что̀ прошла за ней въ ту сторону. Чтожъ ты не идешь за брюнеткою, когда она такъ тебѣ понравилась?“

„О, какъ можно!“ воскликнулъ закраснѣвшись[8] молодой человѣкъ во фракѣ. „Какъ будто она изъ тѣхъ, которыя ходятъ ввечеру по Невскому проспекту; это должна быть[9] очень знатная дама“, продолжалъ онъ, вздохнувши: „одинъ плащъ на ней сто̀итъ рублей восемьдесятъ!“[10]

„Простакъ!“ закричалъ Пироговъ[11], насильно толкнувши его въ ту сторону, гдѣ развѣвался яркій плащъ ея[12]: „ступай, простофиля, прозѣваешь! А я пойду за блондинкою“. Оба пріятеля разошлись[13].

„Знаемъ мы васъ всѣхъ“[14], думалъ про себя съ самодовольною и самонадѣянною улыбкою Пироговъ, увѣренный, что нѣтъ красоты, могшей бы[15] ему противиться.

Молодой человѣкъ, во фракѣ и плащѣ, робкимъ и трепетнымъ шагомъ пошелъ въ ту сторону, гдѣ развѣвался вдали пестрый плащъ, то окидывавшійся[16] яркимъ блескомъ, по мѣрѣ приближенія къ свѣту фонаря, то мгновенно покрывавшійся тьмою, по удаленіи отъ него. Сердце его[17] билось, и онъ невольно ускорялъ шагъ свой. Онъ не смѣлъ и думать о томъ,

чтобы получить какое-нибудь право на вниманіе улетавшей вдали красавицы, тѣмъ болѣе допустить такую черную мысль, о какой намекалъ ему[1] поручикъ Пироговъ; но ему хотѣлось только видѣть домъ, замѣтить, гдѣ имѣетъ жилище это прелестное существо, которое, казалось, слетѣло[2] съ неба прямо на Невскій проспектъ и, вѣрно, улетитъ неизвѣстно куда. Онъ летѣлъ такъ скоро, что сталкивалъ безпрестанно съ тротуара солидныхъ господъ съ сѣдыми баккенбардами. Этотъ молодой человѣкъ принадлежалъ къ тому классу, который составляетъ у насъ довольно странное явленіе и столько же принадлежитъ[3] къ гражданамъ Петербурга, сколько лицо, являющееся намъ въ сновидѣніи, принадлежитъ къ существенному міру[4]. Это исключительное сословіе очень необыкновенно[5] въ томъ городѣ, гдѣ все или чиновники, или купцы, или ремесленники нѣмцы[6]. Это былъ художникъ[7]. Не правда ли, странное явленіе — художникъ петербургскій? Художникъ въ землѣ снѣговъ, художникъ въ странѣ финновъ, гдѣ все мокро, гладко, ровно, блѣдно, сѣро, туманно! Эти художники вовсе не похожи на художниковъ италіянскихъ, гордыхъ, горячихъ, какъ Италія и ея небо; напротивъ того[8], это большею частію добрый, кроткій народъ, застѣнчивый, безпечный, любящій тихо свое искусство, пьющій чай съ двумя пріятелями своими въ маленькой комнатѣ, скромно толкующій о любимомъ предметѣ и вовсе небрегущій объ излишнемъ[9]. Онъ вѣчно зазоветъ къ себѣ какую-нибудь нищую старуху и заставитъ ее просидѣть битыхъ часовъ шесть съ тѣмъ, чтобы перевести на полотно ея жалкую, безчувственную мину[10]. Онъ рисуетъ перспективу своей комнаты, въ которой валяется[11] всякій художественный вздоръ: гипсовыя руки и ноги, сдѣлавшіяся кофейными отъ времени и пыли, изломанные живописные станки, опрокинутая палитра, пріятель, играющій на гитарѣ, стѣны, запачканныя красками, съ раствореннымъ окномъ, сквозь которое[12] мелькаетъ блѣдная Нева и бѣдные рыбаки въ красныхъ рубашкахъ. У нихъ всегда почти на всемъ сѣренькій, мутный колоритъ — неизгладимая печать сѣвера. При всемъ томъ, они съ истиннымъ наслажденіемъ трудятся надъ своею работою[13]. Они часто питаютъ въ себѣ истинный талантъ, и если бы только дунулъ[14] на нихъ свѣжій воздухъ[15] Италіи, онъ бы, вѣрно, развился такъ же вольно, широко и ярко, какъ расте-

ніе, которое выносятъ, наконецъ, изъ комнаты на чистый воздухъ[1]. Они вообще очень робки: звѣзда и толстый эполетъ приводятъ ихъ въ такое замѣшательство, что они невольно понижаютъ цѣну своихъ произведеній[2]. Они любятъ иногда пощеголять, но щегольство это всегда кажется на нихъ слишкомъ рѣзкимъ[3] и нѣсколько походитъ[4] на заплату. На нихъ встрѣтите вы иногда отличный фракъ и запачканный плащъ, дорогой бархатный жилетъ и сюртукъ[5] весь въ краскахъ,—такимъ же самымъ образомъ, какъ на недоконченномъ[6] ихъ пейзажѣ увидите вы иногда нарисованную внизъ головою нимфу, которую онъ, не найдя другаго мѣста, набросалъ на запачканномъ грунтѣ прежняго своего произведенія, когда-то писаннаго имъ съ наслажденіемъ[7]. Онъ никогда не глядитъ вамъ прямо въ глаза; если же глядитъ, то какъ-то мутно, неопредѣленно; онъ не вонзаетъ въ васъ ястребинаго взора наблюдателя или соколинаго взгляда кавалерійскаго офицера. Это происходитъ оттого, что[8] онъ въ одно и то же время видитъ и ваши черты, и черты какого-нибудь гипсоваго Геркулеса, стоящаго въ его комнатѣ, или ему представляется его же собственная картина, которую онъ еще думаетъ произвесть[9]. Отъ этого онъ отвѣчаетъ часто несвязно, иногда[10] невпопадъ, и мѣшающіеся[11] въ его головѣ предметы еще болѣе увеличиваютъ его робость. Къ такому роду[12] принадлежалъ и описываемый[13] нами молодой человѣкъ, художникъ Пискаревъ[14], застѣнчивый, робкій, но въ душѣ своей носившій искры чувства, готовыя[15] при удобномъ случаѣ превратиться въ пламя. Съ тайнымъ трепетомъ спѣшилъ онъ за своимъ предметомъ, такъ сильно его поразившимъ, и, казалось, дивился самъ своей дерзости. Незнакомое существо, къ которому такъ прильнули[16] его глаза, мысли и чувства, вдругъ поворотило голову и взглянуло на него[17]. Боже, какія божественныя черты! Ослѣпительной бѣлизны прелестнѣйшій лобъ осѣненъ былъ прекрасными, какъ агатъ, волосами[18]. Они вились, эти чудные локоны, и часть ихъ, падая изъ-подъ шляпки, касалась[19] щеки, тронутой тонкимъ, свѣжимъ румянцемъ, проступившимъ отъ вечерняго холода. Уста были замкнуты цѣлымъ роемъ прелестнѣйшихъ грезъ. Все, что̀ остается отъ воспоминанія о дѣтствѣ, что̀ даетъ мечтаніе и тихое вдохновеніе при свѣтящейся лампадѣ, — все это, казалось, совокупилось[20], слилось

и отразилось въ ея гармоническихъ устахъ. Она взглянула на Пискарева, и при этомъ взглядѣ затрепетало его сердце[1]; она взглянула сурово: чувство негодованія проступило у ней[2] на лицѣ при видѣ такого наглаго преслѣдованія; но на этомъ прекрасномъ лицѣ и самый гнѣвъ былъ обворожителенъ. Постигнутый стыдомъ и робостью, онъ остановился, потупивъ глаза; но какъ утерять это божество и не узнать даже того святилища[3], гдѣ оно опустилось гостить? Такія мысли пришли въ голову молодому мечтателю, и онъ рѣшился преслѣдовать. Но, чтобы не дать этого замѣтить, онъ отдалился на дальнее разстояніе, безпечно глядѣлъ по сторонамъ и разсматривалъ вывѣски, а между тѣмъ не упускалъ изъ виду ни одного шага незнакомки[4]. Проходящіе рѣже начали мелькать, улица становилась тише, красавица оглянулась, и ему показалось, какъ будто легкая улыбка сверкнула на губахъ ея[5]. Онъ весь задрожалъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ. Нѣтъ, это фонарь обманчивымъ свѣтомъ своимъ выразилъ[6] на лицѣ ея подобіе улыбки; нѣтъ, это собственныя мечты его[7] смѣются надъ нимъ. Но дыханіе занялось въ его груди, все въ немъ обратилось въ неопредѣленный трепетъ, всѣ чувства его горѣли и все передъ нимъ окинулось какимъ-то туманомъ; тротуаръ несся подъ нимъ, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, мостъ растягивался и ломался на своей аркѣ, домъ стоялъ крышею внизъ, будка валилась къ нему навстрѣчу, и алебарда часоваго, вмѣстѣ съ золотыми словами вывѣски и нарисованными ножницами, блестѣла, казалось, на самой рѣсницѣ его глазъ. И все это произвелъ одинъ взглядъ, одинъ поворотъ хорошенькой головки. Не слыша, не видя, не внимая, онъ несся по легкимъ слѣдамъ прекрасныхъ ножекъ, стараясь самъ умѣрить быстроту своего шага, летѣвшаго подъ тактъ сердца[8]. Иногда овладѣвало имъ сомнѣніе, точно ли выраженіе лица ея было такъ благосклонно, и тогда онъ на минуту останавливался; но сердечное біеніе, непреодолимая сила и тревога всѣхъ чувствъ стремила его впередъ. Онъ даже не замѣтилъ, какъ вдругъ возвысился передъ нимъ четырехъэтажный домъ, всѣ четыре ряда оконъ, свѣтившіеся огнемъ, глянули на него разомъ, и перила[9] у подъѣзда противупоставили ему желѣзный толчекъ свой. Онъ видѣлъ, какъ незнакомка летѣла по лѣстницѣ, оглянулась, положила на губы

палецъ и дала знакъ слѣдовать за собою. Колѣни[1] его дрожали; чувства, мысли горѣли; молнія радости нестерпимымъ остріемъ вонзилась[2] въ его сердце. Нѣтъ, это уже не мечта! Боже, столько счастія въ одинъ мигъ! такая чудесная жизнь въ двухъ минутахъ!

Но не во снѣ ли это все? Ужели та, за одинъ небесный взглядъ[3] которой онъ готовъ бы былъ отдать всю жизнь, приблизиться къ жилищу которой уже онъ почиталъ за неизъяснимое блаженство, — ужели та была сейчасъ[4] такъ благосклонна и внимательна къ нему? Онъ взлетѣлъ на лѣстницу. Онъ не чувствовалъ никакой земной мысли; онъ не былъ разогрѣтъ пламенемъ земной страсти, — нѣтъ, онъ былъ въ эту минуту чистъ и непороченъ, какъ дѣвственный юноша, еще дышущій неопредѣленною духовною потребностью любви. И то, что̀ возбудило бы въ развратномъ человѣкѣ дерзкія помышленія[5], то самое, напротивъ, еще болѣе освятило ихъ. Это довѣріе, которое оказало ему слабое прекрасное существо, это довѣріе наложило на него обѣтъ строгости рыцарской[6], обѣтъ рабски исполнять всѣ повелѣнія ея. Онъ только желалъ, чтобы эти велѣнія были какъ можно болѣе трудны и неудобоисполняемы, чтобы съ бо̀льшимъ напряженіемъ силъ летѣть преодолѣвать[7] ихъ. Онъ не сомнѣвался, что какое-нибудь тайное и вмѣстѣ важное происшествіе заставило незнакомку ему ввѣриться[8]; что отъ него, вѣрно, будутъ требоваться значительныя услуги, и онъ чувствовалъ уже въ себѣ силу и рѣшимость на все[9].

Лѣстница вилась, и вмѣстѣ съ нею вились его быстрыя мечты. „Идите осторожнѣе!“ зазвучалъ, какъ арфа, голосъ и наполнилъ всѣ жилы его новымъ трепетомъ[10]. Въ темной вышинѣ четвертаго этажа незнакомка постучала въ дверь; она отворилась, и они вошли вмѣстѣ. Женщина, довольно недурной наружности, встрѣтила ихъ со свѣчою въ рукѣ, но такъ странно и нагло посмотрѣла на Пискарева, что онъ опустилъ невольно свои глаза. Они вошли въ комнату. Три женскія фигуры въ разныхъ углахъ представились его глазамъ. Одна раскладывала карты; другая сидѣла за фортепіаномъ[11] и играла двумя пальцами какое-то жалкое подобіе стариннаго полонеза[12]; третья сидѣла передъ зеркаломъ, расчесывая гребнемъ свои длинные волосы, и вовсе не думала оставить туа-

лета своего[1] при входѣ незнакомаго лица. Какой-то непріятный безпорядокъ, который можно встрѣтить только въ безпечной комнатѣ холостяка, царствовалъ во всемъ. Мебели[2], довольно хорошія, были покрыты пылью; паукъ застилалъ своею паутиною лѣпной карнизъ[3]; сквозь непритворенную дверь другой комнаты блестѣлъ сапогъ со шпорой и краснѣла выпушка мундира; громкій мужской голосъ и женскій смѣхъ раздавались безъ всякаго принужденія[4].

Боже, куда зашелъ онъ! Сначала онъ не хотѣлъ вѣрить[5] и началъ пристальнѣе всматриваться въ предметы, наполнявшіе комнату; но голыя стѣны и окна безъ занавѣсъ не показывали никакого присутствія заботливой хозяйки; изношенныя лица этихъ жалкихъ созданій, изъ которыхъ одна сѣла почти передъ его носомъ и такъ же спокойно его разсматривала, какъ пятно на чужомъ платьѣ,—все это увѣрило его, что онъ зашелъ въ тотъ отвратительный пріютъ, гдѣ основалъ свое жилище жалкій развратъ, порожденный мишурною образованностью и страшнымъ многолюдствомъ столицы, — тотъ пріютъ, гдѣ человѣкъ святотатственно подавилъ и посмѣялся надъ всѣмъ чистымъ и святымъ, украшающимъ жизнь[6], гдѣ женщина, эта красавица міра, вѣнецъ творенія, обратилась въ какое-то странное, двусмысленное существо[7], гдѣ она, вмѣстѣ съ чистотою души, лишилась всего женскаго и отвратительно присвоила себѣ ухватки и наглость мужчины и уже перестала быть тѣмъ слабымъ, тѣмъ прекраснымъ и такъ отличнымъ отъ насъ существомъ[8]. Пискаревъ мѣрялъ[9] ее съ ногъ до головы изумленными глазами[10], какъ бы еще желая увѣриться, та ли это, которая такъ околдовала и унесла его на Невскомъ проспектѣ. Но она стояла передъ нимъ такъ же хороша; волосы ея были такъ же прекрасны; глаза ея казались все еще небесными. Она была свѣжа; ей было только 17 лѣтъ; видно было, что еще недавно настигнулъ ее ужасный развратъ: онъ еще не смѣлъ коснуться къ ея щекамъ, онѣ были свѣжи и легко оттѣнены тонкимъ румянцемъ; она была прекрасна.

Онъ неподвижно стоялъ передъ нею и уже готовъ былъ такъ же простодушно позабыться, какъ позабылся прежде. Но красавица наскучила такимъ долгимъ молчаніемъ и значительно улыбнулась, глядя ему прямо въ глаза. Но эта улыбка

была исполнена какой-то жалкой наглости[1]: она такъ была странна и такъ же шла къ ея лицу, какъ идетъ выраженіе набожности рожѣ взяточника или бухгалтерская книга поэту[2]. Онъ содрогнулся. Она раскрыла свои хорошенькія уста и стала говорить что-то, но все это было такъ глупо, такъ пошло... Какъ будто вмѣстѣ съ непорочностію оставляетъ и умъ человѣка![3] Онъ уже ничего не хотѣлъ слышать. Онъ былъ чрезвычайно смѣшонъ и простъ, какъ дитя. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться такою благосклонностью, вмѣсто того, чтобы обрадоваться такому случаю, какому, безъ сомнѣнія, обрадовался бы[4] на его мѣстѣ всякій другой, онъ бросился со всѣхъ ногъ, какъ дикая сайга[5], и выбѣжалъ на улицу.

Повѣсивши голову и опустивши руки, сидѣлъ онъ въ своей комнатѣ, какъ бѣднякъ, нашедшій безцѣнную жемчужину и тутъ же уронившій[6] ее въ море. „Такая красавица, такія божественныя черты! И гдѣ же? въ какомъ мѣстѣ?...“ Вотъ все, что̀ онъ могъ выговорить[7].

Въ самомъ дѣлѣ, никогда жалость такъ сильно не овладѣваетъ нами, какъ при видѣ красоты, тронутой тлетворнымъ дыханіемъ разврата. Пусть бы еще безобразіе дружилось съ нимъ[8], но красота, красота нѣжная... Она только съ одной непорочностью и чистотой сливается въ нашихъ мысляхъ[9]. Красавица, такъ околдовавшая бѣднаго Пискарева[10], была дѣйствительно чудесное, необыкновенное явленіе. Ея пребываніе въ этомъ презрѣнномъ кругу[11] еще болѣе казалось необыкновеннымъ. Всѣ черты ея были такъ чисто образованы, все выраженіе прекраснаго лица ея было означено такимъ благородствомъ, что никакъ бы нельзя было думать, чтобы развратъ уже[12] распустилъ надъ нею страшные свои когти. Она бы составила неоцѣненный перлъ, весь міръ, весь рай, все богатство страстнаго супруга; она была бы прекрасной, тихой звѣздой въ незамѣтномъ семейномъ кругу и однимъ движеніемъ прекрасныхъ устъ своихъ давала бы сладкія приказанія. Она бы составила божество въ многолюдномъ залѣ, на свѣтломъ[13] паркетѣ, при блескѣ свѣчей, при безмолвномъ благоговѣніи толпы[14] поверженныхъ у ногъ ея поклонниковъ; но, увы! она была, какою-то ужасною волею адскаго[15] духа, жаждущаго разрушить гармонію жизни, брошена съ хохотомъ въ эту страшную[16] пучину.

Проникнутый разрывающею жалостью, сидѣлъ онъ передъ

нагорѣвшею свѣчою. Уже и полночь давно минула, колоколъ башни билъ половину перваго, а онъ сидѣлъ, неподвижный, безъ сна, безъ дѣятельнаго бдѣнія. Дремота, воспользовавшись[1] его неподвижностью, уже было начала тихонько одолѣвать его, уже комната начала исчезать, одинъ только огонь свѣчи просвѣчивалъ сквозь одолѣвшія[2] его грезы, какъ вдругъ стукъ у дверей[3] заставилъ его вздрогнуть и очнуться. Дверь отворилась, и вошелъ лакей въ богатой ливреѣ. Въ его уединенную комнату никогда не заглядывала богатая ливрея, притомъ[4] въ такое необыкновенное время... Онъ недоумѣвалъ и съ нетерпѣливымъ любопытствомъ смотрѣлъ въ оба[5] на пришедшаго лакея.

„Та барыня", произнесъ съ учтивымъ поклономъ лакей: „у которой вы изволили за нѣсколько часовъ передъ симъ быть, приказала просить васъ къ себѣ и прислала за вами карету".

Пискаревъ стоялъ въ безмолвномъ удивленіи: „карету, лакей въ ливреѣ!... Нѣтъ, здѣсь, вѣрно, есть какая-нибудь ошибка"...

„Послушайте, любезный", произнесъ онъ съ робостью: „вы, вѣрно, не туда изволили зайти. Васъ барыня, безъ сомнѣнія, прислала за кѣмъ-нибудь другимъ, а не за мною"[6].

„Нѣтъ, сударь, я не ошибся. Вѣдь вы изволили проводить барыню пѣшкомъ къ дому, что̀ въ Литейной[7], въ комнату четвертаго этажа?"

„Я".

„Ну, такъ пожалуйте же скорѣе[8], барыня непремѣнно желаетъ видѣть васъ и проситъ васъ уже пожаловать прямо къ нимъ на домъ"[9].

Пискаревъ сбѣжалъ съ лѣстницы. На дворѣ, точно, стояла карета. Онъ сѣлъ въ нее, дверцы хлопнули, камни мостовой загремѣли подъ колесами и копытами — и освѣщенная перспектива домовъ, съ фонарями и вывѣсками[10], понеслась мимо каретныхъ оконъ[11]. Пискаревъ думалъ всю дорогу[12] и не зналъ, какъ разрѣшить это приключеніе. Собственный домъ, карета, лакей въ богатой ливреѣ... Все это[13] онъ никакъ не могъ согласить съ комнатою въ четвертомъ этажѣ, пыльными окнами и разстроеннымъ фортепіано[14]. Карета остановилась передъ ярко освѣщеннымъ подъѣздомъ, и его разомъ[15] поразили рядъ

экипажей, говоръ кучеровъ, ярко освѣщенныя окна и звуки музыки. Лакей въ богатой ливреѣ высадилъ его изъ кареты и почтительно проводилъ въ сѣни съ мраморными колоннами, съ облитымъ золотомъ швейцаромъ, съ разбросанными плащами и шубами, съ яркою лампою. Воздушная лѣстница съ блестящими перилами, надушенная ароматами, неслась вверхъ. Онъ уже былъ на ней, уже взошелъ[1] въ первую залу, испугавшись и попятившись съ первымъ шагомъ[2] отъ ужаснаго многолюдства. Необыкновенная пестрота лицъ привела его въ совершенное замѣшательство[3]; ему казалось, что какой-то демонъ искрошилъ[4] весь міръ на множество разныхъ кусковъ, и всѣ эти куски безъ смысла, безъ толку, смѣшалъ вмѣстѣ. Сверкающія дамскія плечи[5] и черные фраки, люстры, лампы, воздушные летящіе газы, эѳирныя ленты и толстый контрабасъ, выглядывавшій изъ-за перилъ великолѣпныхъ хоровъ — все было для него блистательно[6]. Онъ увидѣлъ за однимъ разомъ столько почтенныхъ стариковъ и полустариковъ съ звѣздами на фракахъ[7], дамъ, такъ легко, гордо и граціозно выступавшихъ по паркету или[8] сидѣвшихъ рядами; онъ услышалъ столько словъ французскихъ и англійскихъ[9]; къ тому же[10] молодые люди въ черныхъ фракахъ были исполнены такого благородства, съ такимъ достоинствомъ говорили и молчали, такъ не умѣли сказать ничего лишняго, такъ величаво шутили, такъ почтительно улыбались, такія превосходныя носили баккенбарды, такъ искусно умѣли показывать отличныя руки, поправляя галстукъ; дамы такъ были воздушны, такъ погружены въ совершенное самодовольство и упоеніе, такъ очаровательно потупляли глаза, — что... но одинъ уже смиренный видъ Пискарева, прислонившагося съ боязнію къ колоннѣ, показывалъ, что онъ растерялся вовсе[11]. Въ это время толпа обступила танцующую группу. Онѣ[12] неслись, увитыя прозрачнымъ созданіемъ Парижа[13], въ платьяхъ, сотканныхъ изъ самого воздуха; небрежно касались онѣ блестящими ножками паркета и были болѣе эѳирны, нежели если бы[14] вовсе его не касались. Но одна между ними всѣхъ лучше, всѣхъ роскошнѣе и блистательнѣе одѣта. Невыразимое, самое тонкое сочетаніе вкуса разлилось во всемъ ея уборѣ, и при всемъ томъ она, казалось, вовсе о немъ не заботилась, и оно вылилось невольно, само собою[15]. Она и глядѣла, и не глядѣла на обступившую

толпу зрителей, прекрасныя длинныя рѣсницы опустились равнодушно, и сверкающая[1] бѣлизна лица ея еще ослѣпительнѣе бросилась въ глаза, когда легкая тѣнь осѣнила, при наклонѣ головы, очаровательный лобъ ея.

Пискаревъ употребилъ всѣ усилія, чтобы раздвинуть толпу и разсмотрѣть ее; но къ величайшей досадѣ какая-то огромная голова, съ темными курчавыми волосами, заслоняла ее безпрестанно; притомъ толпа его притиснула такъ[2], что онъ[3] не смѣлъ податься впередъ, не смѣлъ попятиться назадъ, опасаясь толкнуть какимъ-нибудь образомъ какого-нибудь тайнаго совѣтника. Но вотъ онъ продрался таки впередъ и взглянулъ на свое платье, желая прилично оправиться. Творецъ небесный! что̀ это? На немъ былъ сюртукъ и весь запачканный красками: спѣша ѣхать, онъ позабылъ даже переодѣться въ пристойное платье. Онъ покраснѣлъ до ушей и, потупивъ голову, хотѣлъ провалиться, но провалиться рѣшительно было некуда: камеръ-юнкеры[4], въ блестящемъ костюмѣ, сдвинулись позади его совершенною стѣною. Онъ уже желалъ быть какъ можно подалѣе отъ красавицы съ прекраснымъ лбомъ и рѣсницами. Со страхомъ поднялъ онъ[5] глаза посмотрѣть, не глядитъ ли она на него. Боже! она стоитъ передъ нимъ... Но что̀ это? что̀ это? „Это она!“ вскрикнулъ онъ почти во весь голосъ. Въ самомъ дѣлѣ, это была она, — та самая, которую встрѣтилъ онъ на Невскомъ и которую проводилъ къ ея жилищу[6].

Она подняла между тѣмъ свои рѣсницы и глянула на всѣхъ своимъ яснымъ взглядомъ. „Ай, ай, ай, какъ хороша!...“ могъ только выговорить онъ съ захватившимся дыханіемъ. Она обвела своими глазами весь кругъ, наперерывъ жаждавшій остановить ея вниманіе, но съ какимъ-то утомленіемъ и невниманіемъ она скоро отвратила ихъ и встрѣтилась съ глазами Пискарева[7]. О, какое небо! какой рай! Дай силы, Создатель, перенести это! Жизнь не вмѣститъ его, онъ разрушитъ ее[8] и унесетъ душу! Она подала знакъ, но не рукою, не наклоненіемъ головы, нѣтъ, въ ея сокрушительныхъ глазахъ выразился этотъ знакъ такимъ тонкимъ, незамѣтнымъ выраженіемъ, что никто не могъ его видѣть, но онъ видѣлъ, онъ понялъ его[9]. Танецъ длился долго[10]; утомленная музыка, казалось, вовсе погасала и замирала, и опять вырывалась, виз-

жала и гремѣла; наконецъ, танецъ кончился[1]. Она сѣла; усталая[2] грудь ея воздымалась подъ тонкимъ дымомъ газа; рука ея (Создатель, какая чудесная рука![3]) упала на колѣни[4], сжала подъ собою ея воздушное платье, и платье подъ нею, казалось, стало дышать музыкою, и тонкій сиреневый цвѣтъ его еще виднѣе означилъ[5] яркую бѣлизну этой прекрасной руки[6]. Коснуться бы только ея — и ничего больше! Никакихъ другихъ желаній — они всѣ дерзки... Онъ стоялъ у ней[7] за стуломъ, не смѣя говорить, не смѣя дышать. „Вамъ было скучно?" произнесла она[8]: „я также скучала. Я замѣчаю, что вы меня ненавидите"... прибавила она, потупивъ свои длинныя рѣсницы.

„Васъ ненавидѣть? мнѣ?... Я?.." хотѣлъ было произнесть совершенно потерявшійся Пискаревъ и наговорилъ бы, вѣрно, кучу самыхъ несвязныхъ словъ, но въ это время подошелъ камергеръ съ острыми и пріятными[9] замѣчаніями, съ прекраснымъ завитымъ на головѣ хохломъ. Онъ довольно пріятно показывалъ рядъ довольно недурныхъ зубовъ и каждою остротою своею вбивалъ острый гвоздь[10] въ его сердце. Наконецъ, кто-то изъ постороннихъ, къ счастію, обратился къ камергеру съ какимъ-то вопросомъ.

„Какъ это несносно!" сказала она, поднявъ на него свои небесные глаза[11]. „Я сяду на другомъ концѣ зала: будьте тамъ!" Она проскользнула между толпою и исчезла. Онъ, какъ помѣшанный, растолкалъ толпу и былъ уже тамъ.

Такъ, это она! Она сидѣла, какъ царица, всѣхъ лучше, всѣхъ прекраснѣе, и искала его глазами.

„Вы здѣсь?" произнесла она тихо. „Я буду откровенна передъ вами: вамъ, вѣрно, странными показались обстоятельства нашей встрѣчи. Неужели вы думаете, что я могу принадлежать къ тому презрѣнному классу твореній, въ которомъ вы встрѣтили меня? Вамъ кажутся странными мои поступки, но я вамъ открою тайну. Будете ли вы въ состояніи", произнесла она, устремивъ пристально на него[12] глаза свои: „никогда не измѣнить ей?"

„О, буду! буду! буду!..."

Но въ это время подошелъ довольно пожилой человѣкъ, заговорилъ съ ней на какомъ-то непонятномъ для Пискарева языкѣ и подалъ ей руку. Она умоляющимъ взглядомъ[13] посмотрѣла на Пискарева и дала знакъ остаться на своемъ мѣстѣ и ожи-

дать ея прихода; но въ припадкѣ нетерпѣнія онъ не въ силахъ былъ слушать никакихъ приказаній, даже изъ ея устъ. Онъ отправился вслѣдъ за нею, но толпа раздѣлила ихъ. Онъ уже не видѣлъ сиреневаго платья; съ безпокойствомъ продирался[1] онъ изъ комнаты въ комнату и толкалъ безъ милосердія всѣхъ встрѣчныхъ, но во всѣхъ комнатахъ все сидѣли тузы за вистомъ[2], погруженные въ мертвое молчаніе. Въ углу комнаты спорило нѣсколько пожилыхъ людей о преимуществѣ военной службы передъ статскою; въ другомъ молодые[3] люди, въ превосходныхъ фракахъ, бросали легкія замѣчанія о многотомныхъ трудахъ поэта-труженика. Пискаревъ чувствовалъ, что одинъ пожилой человѣкъ, почтенной наружности[4], схватилъ за пуговицу его фрака и представлялъ на его сужденіе одно весьма справедливое его замѣчаніе, но онъ грубо оттолкнулъ его, даже не замѣтивши, что у него на шеѣ былъ довольно значительный орденъ. Онъ перебѣжалъ въ другую комнату — и тамъ нѣтъ ея, въ третью — тоже нѣтъ. „Гдѣ же она? Дайте ее мнѣ! О, я не могу жить, не взглянувши на нее! Мнѣ хочется выслушать, чтò[5] она хотѣла сказать!“ Но всѣ поиски его оставались тщетными. Безпокойный, утомленный, онъ прижался къ углу[6] и смотрѣлъ на толпу; но напряженные глаза его начали ему представлять все въ какомъ-то неясномъ видѣ. Наконецъ, ему начали[7] явственно показываться стѣны его комнаты. Онъ поднялъ глаза: передъ нимъ стоялъ подсвѣчникъ съ огнемъ, почти потухавшимъ въ глубинѣ его; вся свѣча истаяла; сало было налито на ветхомъ[8] столѣ его....

Такъ это онъ спалъ! Боже, какой прекрасный[9] сонъ! И зачѣмъ было просыпаться? Зачѣмъ было одной минуты не подождать? Она бы, вѣрно, опять явилась! Досадный разсвѣтъ[10] непріятнымъ своимъ тусклымъ сіяніемъ глядѣлъ въ его окна. Комната въ такомъ сѣромъ, такомъ мутномъ безпорядкѣ... О, какъ отвратительна дѣйствительность! Чтò она противъ мечты? Онъ раздѣлся наскоро и легъ въ постель, закутавшись одѣяломъ, желая насильно[11] призвать улетѣвшее сновидѣніе. Сонъ, точно, не замедлилъ къ нему явиться, но представлялъ ему вовсе не то, чтò бы желалъ онъ видѣть: то поручикъ Пироговъ являлся съ трубкою, то академическій сторожъ, то дѣйствительный статскій совѣтникъ, то голова чухонки, съ которой онъ когда-то рисовалъ портретъ, и тому подобная чепуха[12].

До самаго полудня пролежалъ онъ въ постелѣ[1], желая заснуть; но она не являлась. Хотя бы на минуту показала прекрасныя черты свои, хотя бы на минуту зашумѣла ея легкая походка, хотя бы ея обнаженная, яркая, какъ заоблачный снѣгъ, рука мелькнула передъ нимъ![2]

Все откинувши, все позабывши, сидѣлъ онъ съ сокрушеннымъ, съ безнадежнымъ видомъ, полный только одного сновидѣнія[3]. Ни къ чему не думалъ онъ притронуться; глаза его безъ всякаго участія, безъ всякой жизни глядѣли въ окно, обращенное въ[4] дворъ, гдѣ грязный водовозъ лилъ воду, мерзнувшую на воздухѣ, и козлиный голосъ разнощика дребезжалъ: „*стараго платья продать*". Вседневное и дѣйствительное странно поражало его слухъ. Такъ просидѣлъ онъ до самаго вечера и съ жадностью бросился въ постель. Долго боролся онъ съ безсонницею, наконецъ пересилилъ ее[5]. Опять какой-то сонъ, какой-то пошлый, гадкій сонъ. „Боже, умилосердись: хотя на минуту, хотя на одну минуту покажи ее!" Онъ опять ожидалъ вечера, опять заснулъ, опять снился какой-то чиновникъ, который былъ вмѣстѣ и чиновникъ, и фаготъ. О, это нестерпимо! Наконецъ, она явилась! ея голова и локоны... она глядитъ... О, какъ не надолго! опять туманъ, опять какое-то глупое сновидѣніе.

Наконецъ, сновидѣнія сдѣлались его жизнію, и съ этого времени вся жизнь его приняла странный оборотъ: онъ, можно сказать, спалъ наяву и бодрствовалъ во снѣ. Если бы его кто-нибудь видѣлъ сидящимъ безмолвно передъ пустымъ[6] столомъ, или шедшимъ по улицѣ, то, вѣрно бы, принялъ его за лунатика или разрушеннаго крѣпкими напитками: взглядъ его былъ вовсе безъ всякаго значенія, природная разсѣянность, наконецъ, развилась и властительно изгоняла на лицѣ его всѣ чувства, всѣ движенія. Онъ оживлялся только при наступленіи ночи.

Такое состояніе разстроило его силы, и самымъ ужаснымъ мученіемъ было для него то, что, наконецъ, сонъ началъ его оставлять вовсе. Желая спасти это единственное свое богатство, онъ употреблялъ всѣ средства возстановить его. Онъ слышалъ, что есть средство возстановить сонъ — для этого нужно принять только опіумъ[7]. Но гдѣ достать этого опіуму?[8] Онъ вспомнилъ про одного персіянина, содержавшаго мага-

зинъ шалей, который всегда почти, когда ни встрѣчалъ его, просилъ нарисовать ему красавицу. Онъ рѣшился отправиться къ нему, предполагая, что у него, безъ сомнѣнія, есть этотъ опіумъ.

Персіянинъ принялъ его, сидя на диванѣ и поджавши подъ себя ноги. „На что тебѣ опіумъ?" спросилъ онъ его.

Пискаревъ разсказалъ ему про свою безсонницу.

„Хорошо, я дамъ тебѣ опіуму, только нарисуй мнѣ красавицу. Чтобъ хорошая была красавица! Чтобы брови были черныя и очи большія, какъ маслины; а я сама чтобы лежала возлѣ нея и курила трубку! Слышишь, чтобы хорошая была! чтобы была красавица!"

Пискаревъ обѣщалъ все. Персіянинъ на минуту вышелъ и возвратился съ баночкою, наполненною темною жидкостью, бережно отлилъ часть ея въ другую баночку и далъ Пискареву съ наставленіемъ употреблять не больше, какъ по семи капель въ водѣ. Съ жадностію схватилъ онъ эту драгоцѣнную баночку, которую не отдалъ бы за груду золота, и опрометью побѣжалъ домой.

Пришедши домой, онъ отлилъ нѣсколько капель въ стаканъ съ водою и, проглотивъ, завалился спать.

Боже, какая радость! Она! опять она, но уже совершенно въ другомъ мірѣ![1] О, какъ хорошо сидитъ она у окна деревенскаго свѣтлаго домика! Нарядъ ея дышетъ такою простотою, въ какую только облекается мысль поэта. Прическа на головѣ ея… Создатель, какъ проста эта прическа и какъ она идетъ къ ней! Коротенькая косынка была слегка накинута на стройной ея шейкѣ; все въ ней скромно, все въ ней тайное, неизъяснимое чувство вкуса. Какъ мила ея граціозная походка! Какъ музыкаленъ шумъ ея шаговъ и простенькаго платья! Какъ хороша рука ея, стиснутая волосянымъ браслетомъ. Она говоритъ ему со слезою на глазахъ: „Не презирайте меня: я вовсе не та, за которую вы принимаете меня. Взгляните на меня, взгляните пристальнѣе и скажите: развѣ я способна къ тому, что вы думаете?" — „О, нѣтъ, нѣтъ! Пусть тотъ, кто осмѣлится подумать, пусть тотъ…"

Но онъ проснулся, растроганный, растерзанный, съ слезами на глазахъ. „Лучше бы ты вовсе не существовала! не жила въ мірѣ, а была бы созданіе вдохновеннаго художника!

Я бы не отходилъ отъ холста, я бы вѣчно глядѣлъ на тебя и цѣловалъ бы тебя, я бы жилъ и дышалъ тобою, какъ прекраснѣйшею мечтою — и я бы былъ тогда счастливъ; никакихъ бы желаній не простиралъ далѣе. Я бы призывалъ тебя, какъ ангела-хранителя, предъ сномъ и бдѣніемъ, и тебя бы ждалъ я, когда бы случилось изобразить[1] божественное и святое. Но теперь... какая ужасная жизнь! Чтò пользы въ томъ, что она живетъ? Развѣ жизнь сумасшедшаго пріятна его родственникамъ и друзьямъ, нѣкогда его любившимъ? Боже, чтò за жизнь наша! — вѣчный раздоръ мечты съ существенностью!" Почти такія мысли занимали его безпрестанно. Ни о чемъ онъ не думалъ, даже почти ничего не ѣлъ и съ нетерпѣніемъ, со страстію любовника, ожидалъ вечера и желаннаго видѣнія. Безпрестанное устремленіе мыслей къ одному, наконецъ, взяло такую власть надъ всѣмъ бытіемъ его и воображеніемъ, что желанный образъ являлся ему почти каждый день, всегда въ положеніи противоположномъ дѣйствительности, потому что мысли его были совершенно чисты, какъ мысли ребенка. Чрезъ эти сновидѣнія самый предметъ какъ-то болѣе дѣлался чистымъ и вовсе преображался.

Пріемы опіума еще болѣе раскалили его мысли, и если былъ когда-нибудь влюбленный до послѣдняго градуса безумія, стремительно, ужасно, разрушительно, мятежно, то этотъ несчастный былъ — онъ[2].

Изъ всѣхъ сновидѣній его[3] одно было[4] радостнѣе[5] для него всѣхъ: ему представилась его мастерская. Онъ такъ былъ веселъ, съ такимъ наслажденіемъ сидѣлъ съ палитрою въ рукахъ![6] И она тутъ же. Она была уже его женою. Она сидѣла возлѣ него, облокотившись прелестнымъ локоткомъ своимъ на спинку его стула, и смотрѣла на его работу. Въ ея глазахъ, томныхъ, усталыхъ, написано было бремя блаженства; все въ комнатѣ его дышало раемъ; было такъ свѣтло, такъ убрано. Создатель! она склонила къ нему на грудь прелестную свою головку... Лучшаго сна онъ еще никогда не видывалъ. Онъ всталъ послѣ него какъ-то свѣжѣе и менѣе разсѣянный, нежели[7] прежде. Въ головѣ его родились странныя мысли. „Можетъ быть", думалъ онъ, „она вовлечена какимъ-нибудь невольнымъ, ужаснымъ случаемъ въ развратъ; можетъ быть, движенія души ея склонны къ раскаянію; мо-

жетъ быть, она желала бы сама вырваться изъ ужаснаго состоянія своего. И неужели равнодушно допустить ея гибель и притомъ тогда, когда только[1] стóитъ подать руку, чтобы спасти ее отъ потопленія?“ Мысли его простирались еще далѣе. „Меня никто не знаетъ“, говорилъ онъ самъ себѣ[2]: „да и кому какое до меня дѣло, да и мнѣ тоже нѣтъ до нихъ дѣла. Если она изъявитъ чистое раскаяніе и перемѣнитъ жизнь свою, я женюсь на ней[3]. Я долженъ на ней жениться и, вѣрно, сдѣлаю гораздо лучше, нежели многіе[4], которые женятся на своихъ ключницахъ и даже часто на самыхъ презрѣнныхъ тваряхъ. Но мой подвигъ будетъ безкорыстенъ и, можетъ быть, даже великъ[5]: я возвращу міру прекраснѣйшее его украшеніе!“

Составивши такой легкомысленный планъ, онъ почувствовалъ краску, вспыхнувшую на его лицѣ[6]; онъ подошелъ къ зеркалу и испугался самъ[7] впалыхъ щекъ и блѣдности своего лица. Тщательно началъ онъ принаряжаться; пріумылся, пригладилъ волоса[8], надѣлъ новый фракъ, щегольской жилетъ, набросилъ плащъ и вышелъ на улицу. Онъ дохнулъ свѣжимъ воздухомъ и почувствовалъ свѣжесть на сердцѣ, какъ выздоравливающій, рѣшившійся выйти въ первый разъ послѣ продолжительной болѣзни[9]. Сердце его билось[10], когда онъ подходилъ къ той улицѣ, на которой нога его не была со времени роковой встрѣчи.

Долго онъ искалъ дома; казалось, память ему измѣнила. Онъ два раза прошелъ улицу и не зналъ, передъ которымъ остановиться. Наконецъ, одинъ показался ему похожимъ. Онъ быстро взбѣжалъ на лѣстницу[11], постучалъ въ дверь: дверь отворилась, и кто же вышелъ къ нему навстрѣчу?[12] Его идеалъ, его таинственный образъ, оригиналъ мечтательныхъ картинъ,— та, которою онъ жилъ, такъ ужасно, такъ страдательно, такъ сладко жилъ—она[13], она сама стояла передъ нимъ. Онъ затрепеталъ[14]; онъ едва могъ удержаться на ногахъ отъ слабости, обхваченный порывомъ радости. Она стояла передъ нимъ такъ же прекрасна, хотя глаза ея были заспаны, хотя блѣдность кралась на лицѣ ея[15], уже не такъ свѣжемъ; но она все была прекрасна.

„А!“ вскрикнула[16] она, увидѣвши Пискарева и протирая глаза свои (тогда было уже два часа): „зачѣмъ вы убѣжали тогда отъ насъ?“[17]

Онъ въ изнеможеніи сѣлъ на стулъ и глядѣлъ на нее.

„А я только-что теперь проснулась, меня привезли въ семь часовъ утра. Я была совсѣмъ пьяна“[1], прибавила она съ улыбкою.

О, лучше бы ты была нѣма и лишена вовсе языка, чѣмъ[2] произносить такія рѣчи! Она вдругъ показала ему, какъ въ панорамѣ, всю жизнь ея[3]. Однакожъ, не смотря на это, скрѣпившись сердцемъ, рѣшился попробовать онъ, не будутъ ли имѣть надъ нею дѣйствія его увѣщанія. Собравшись съ духомъ, онъ дрожащимъ и вмѣстѣ пламеннымъ голосомъ началъ представлять ей ужасное ея положеніе. Она слушала его со внимательнымъ видомъ и съ тѣмъ чувствомъ удивленія, которое мы изъявляемъ при видѣ чего-нибудь неожиданнаго и страннаго[4]. Она взглянула, легко улыбнувшись, на сидѣвшую въ углу свою пріятельницу, которая, оставивши вычищать гребешокъ[5], тоже слушала со вниманіемъ новаго проповѣдника.

„Правда, я бѣденъ“, сказалъ, наконецъ, послѣ долгаго и поучительнаго увѣщанія Пискаревъ[6]: „но мы станемъ трудиться, мы постараемся, наперерывъ одинъ передъ другимъ, улучшить нашу жизнь. Нѣтъ ничего пріятнѣе[7], какъ быть обязану во всемъ самому себѣ. Я буду сидѣть за[8] картинами, ты будешь, сидя возлѣ меня, одушевлять мои труды, вышивать или заниматься другимъ рукодѣліемъ, — и мы ни въ чемъ не будемъ имѣть недостатка“.

„Какъ можно!“ прервала она рѣчь съ выраженіемъ какого-то презрѣнія. „Я не прачка и не швея, чтобы стала заниматься работою“.

Боже! въ этихъ словахъ выразилась вся низкая, вся презрѣнная жизнь, — жизнь, исполненная пустоты и праздности, вѣрныхъ спутниковъ[9] разврата.

„Женитесь на мнѣ!“ подхватила, съ наглымъ видомъ, молчавшая дотолѣ въ углу ея пріятельница. „Если я буду женою, я буду сидѣть вотъ какъ!“ При этомъ она сдѣлала какую-то глупую мину на жалкомъ лицѣ своемъ, которою чрезвычайно разсмѣшила красавицу.

О, это уже слишкомъ! Этого нѣтъ силъ перенести![10] Онъ бросился вонъ, потерявши и чувства, и мысли. Умъ его помутился: глупо, безъ цѣли, не видя ничего, не слыша, не

чувствуя, бродилъ онъ весь день. Никто не могъ знать, ночевалъ ли онъ гдѣ-нибудь[1], или нѣтъ; на другой только день какимъ-то глупымъ инстинктомъ зашелъ онъ на свою квартиру, блѣдный, съ ужаснымъ видомъ, съ растрепанными волосами, съ признаками безумія на лицѣ. Онъ заперся въ своей комнатѣ[2] и никого не впускалъ, ничего не требовалъ. Протекли четыре дня[3], и его запертая комната ни разу не отворялась; наконецъ, прошла недѣля, и комната все такъ же была заперта. Бросились къ дверямъ, начали звать его, но никакого не было отвѣта; наконецъ, выломали дверь и нашли бездыханный трупъ его съ перерѣзаннымъ горломъ. Окровавленная бритва валялась на полу. По судорожно раскинутымъ рукамъ и по страшно искаженному виду[4] можно было заключить, что рука его была невѣрна[5], и что онъ долго еще мучился, прежде нежели грѣшная душа его оставила тѣло.

Такъ погибъ, жертва безумной страсти, бѣдный Пискаревъ, тихій, робкій, скромный, дѣтски-простодушный, носившій въ себѣ искру таланта, быть можетъ, со временемъ бы вспыхнувшаго широко и ярко[6]. Никто не поплакалъ надъ нимъ; никого не видно было возлѣ его бездушнаго трупа, кромѣ обыкновенной фигуры квартальнаго надзирателя и равнодушной мины городоваго лѣкаря. Гробъ его тихо, даже безъ всякихъ[7] обрядовъ религіи, повезли на Охту; за нимъ[8] идучи, плакалъ одинъ только солдатъ-сторожъ, и то потому, что выпилъ[9] лишній штофъ водки. Даже поручикъ Пироговъ не пришелъ посмотрѣть на трупъ несчастнаго бѣдняка, которому онъ при жизни оказывалъ свое высокое покровительство. Впрочемъ, ему было вовсе не до того: онъ былъ занятъ чрезвычайнымъ происшествіемъ. Но обратимся къ нему.— Я не люблю труповъ и покойниковъ, и мнѣ всегда непріятно, когда переходитъ мою дорогу[10] длинная погребальная процессія и инвалидный солдатъ, одѣтый какимъ-то капуциномъ, нюхаетъ лѣвою рукою табакъ, потому что правая занята факеломъ[11]. Я всегда чувствую на душѣ досаду при видѣ богатаго катафалка и бархатнаго гроба; но досада моя смѣшивается съ грустью, когда я вижу, какъ ломовой извощикъ тащитъ красный, ничѣмъ не покрытый гробъ бѣдняка, и только одна какая-нибудь нищая, встрѣтившись на перекресткѣ, плетется за нимъ, не имѣя другаго дѣла.

Мы, кажется, оставили поручика Пирогова на томъ, какъ онъ разстался съ бѣднымъ Пискаревымъ и устремился за блондинкою. Эта блондинка была легенькое[1], довольно интересное созданьице. Она останавливалась передъ каждымъ магазиномъ и заглядывалась на выставленные въ окнахъ[2] кушаки, косынки, серьги, перчатки и другія бездѣлушки, безпрестанно вертѣлась, глазѣла во всѣ стороны и оглядывалась назадъ. „Ты, голубушка, моя!“[3] говорилъ съ самоувѣренностію Пироговъ, продолжая свое преслѣдованіе и закутавши лицо свое воротникомъ шинели, чтобы не встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ. Но не мѣшаетъ извѣстить[4] читателей, кто таковъ былъ поручикъ Пироговъ.

Но прежде, нежели мы скажемъ, кто таковъ былъ поручикъ Пироговъ, не мѣшаетъ кое-что разсказать о томъ обществѣ, къ которому принадлежалъ Пироговъ. Есть офицеры, составляющіе въ Петербургѣ какой-то средній классъ общества. На вечерѣ, на обѣдѣ у статскаго совѣтника или у дѣйствительнаго статскаго, который выслужилъ этотъ чинъ сорокалѣтними трудами, вы всегда найдете одного изъ нихъ. Нѣсколько блѣдныхъ, совершенно безцвѣтныхъ, какъ Петербургъ, дочерей, изъ которыхъ иныя перезрѣли, чайный столикъ, фортепіано, домашніе танцы — все это бываетъ нераздѣльно съ свѣтлымъ эполетомъ, который блещетъ при лампѣ между благонравной блондинкой и чернымъ фракомъ братца или домашняго знакомаго. Этихъ хладнокровныхъ дѣвицъ чрезвычайно трудно расшевелить и заставить смѣяться; для этого нужно большое искусство или, лучше сказать, совсѣмъ не имѣть никакого искусства. Нужно говорить такъ, чтобы не было ни слишкомъ умно, ни слишкомъ смѣшно, чтобы во всемъ была та мелочь, которую любятъ женщины. Въ этомъ надобно отдать справедливость означеннымъ господамъ. Они имѣютъ особенный даръ заставлять смѣяться и слушать этихъ безцвѣтныхъ красавицъ. Восклицанія, задушаемыя смѣхомъ[5]: „Ахъ, перестаньте! Не стыдно ли вамъ такъ смѣшить!“ бываютъ имъ часто лучшею наградою. Въ высшемъ классѣ они попадаются очень рѣдко или, лучше[6], никогда: оттуда они совершенно вытѣснены тѣмъ, что̀ называютъ въ этомъ обществѣ аристократами. Впрочемъ, они считаются учеными и воспитанными людьми. Они любятъ потолковать объ литературѣ;

хвалятъ Булгарина, Пушкина и Греча и говорятъ съ презрѣніемъ и остроумными колкостями объ А. А. Орловѣ. Они не пропускаютъ ни одной публичной лекціи, будь она о бухгалтеріи или даже о лѣсоводствѣ. Въ театрѣ, какая бы ни была піеса, вы всегда найдете одного изъ нихъ, выключая развѣ, если уже играются какіе-нибудь „Филатки“, которыми очень оскорбляется ихъ разборчивый вкусъ. Въ театрѣ они безсмѣнно. Это самые выгодные люди для театральной дирекціи. Они особенно любятъ въ піесѣ хорошіе стихи, также очень любятъ громко вызывать актеровъ; многіе изъ нихъ, преподавая въ казенныхъ заведеніяхъ или приготовляя къ казеннымъ заведеніямъ, заводятся наконецъ кабріолетомъ и парою лошадей. Тогда кругъ ихъ становится обширнѣе; они достигаютъ, наконецъ, до того, что женятся на купеческой дочери, умѣющей играть на фортепіано, съ сотнею тысячъ, или около того, наличныхъ и кучею брадатой родни. Однакожъ, этой чести они не прежде могутъ достигнуть, какъ выслуживщись[1], по крайней мѣрѣ, до полковничьяго чина, потому что русскія бородки, не смотря на то, что отъ нихъ еще нѣсколько отзывается капустою, никакимъ образомъ не хотятъ видѣть дочерей своихъ ни за кѣмъ, кромѣ генераловъ или, по крайней мѣрѣ, полковниковъ. Таковы главныя черты этого сорта молодыхъ людей[2]. Но поручикъ Пироговъ имѣлъ кромѣ этого[3] множество талантовъ, собственно ему принадлежавшихъ. Онъ превосходно декламировалъ стихи изъ „Димитрія Донскаго“ и „Горе отъ ума“ и имѣлъ[4] особенное искусство пускать изъ трубки дымъ кольцами такъ удачно, что вдругъ могъ нанизать ихъ около десяти одно на другое[5]; умѣлъ очень пріятно разсказать анекдотъ о томъ, что пушка сама по себѣ, а единорогъ самъ по себѣ. Впрочемъ, оно нѣсколько трудно перечесть всѣ таланты, которыми судьба наградила Пирогова. Онъ любилъ поговорить объ актрисѣ и танцовщицѣ, но уже не такъ рѣзко, какъ обыкновенно изъясняется объ этомъ предметѣ молодой прапорщикъ. Онъ былъ очень доволенъ своимъ чиномъ, въ который былъ произведенъ недавно, и хотя иногда, ложась на диванъ, онъ говорилъ: „Охъ, охъ, охъ![6] Суета, все суета! Что̀ изъ этого, что я поручикъ?“ но втайнѣ его очень льстило это новое достоинство; онъ въ разговорѣ часто старался намекнуть о немъ обинякомъ и одинъ разъ, когда

попался ему на улицѣ какой-то писарь, показавшійся ему невѣжливымъ[1], онъ немедленно остановилъ его и въ немногихъ, но рѣзкихъ словахъ далъ замѣтить ему, что передъ нимъ стоялъ поручикъ, а не другой какой офицеръ. Тѣмъ болѣе старался онъ изложить это краснорѣчиво[2], что тогда проходили мимо его двѣ весьма недурныя дамы. Пироговъ вообще показывалъ страсть ко всему изящному и поощрялъ художника Пискарева; впрочемъ, это происходило, можетъ быть, оттого, что ему весьма желалось видѣть мужественную физіогномію свою на портретѣ[3]. Но довольно о качествахъ Пирогова. Человѣкъ такое дивное[4] существо, что никогда не можно исчислить вдругъ[5] всѣхъ его достоинствъ, и чѣмъ болѣе въ него всматриваешься, тѣмъ болѣе является новыхъ особенностей[6], и описаніе ихъ было бы безконечно. Итакъ, Пироговъ не переставалъ преслѣдовать незнакомку, отъ времени до времени занимая ее вопросами[7], на которые она отвѣчала рѣдко[8], отрывисто и какими-то неясными звуками. Они вошли мокрыми[9] Казанскими воротами въ Мѣщанскую улицу, — улицу табачныхъ и мелочныхъ лавокъ, нѣмцевъ-ремесленниковъ и чухонскихъ нимфъ. Блондинка бѣжала скорѣе и впорхнула въ ворота одного довольно запачканнаго дома. Пироговъ за нею. Она взбѣжала по узенькой темной лѣстницѣ и вошла въ дверь, въ которую тоже смѣло пробрался Пироговъ. Онъ увидѣлъ себя въ большой комнатѣ съ черными стѣнами, съ закопченнымъ потолкомъ. Куча желѣзныхъ винтовъ, слесарныхъ инструментовъ, блестящихъ кофейниковъ и подсвѣчниковъ была на столѣ[10]; полъ былъ засоренъ мѣдными и желѣзными опилками. Пироговъ тотчасъ смекнулъ, что это была квартира мастероваго. Незнакомка порхнула далѣе въ боковую дверь. Онъ было на минуту задумался[11], но, слѣдуя русскому правилу, рѣшился итти впередъ. Онъ[12] вошелъ въ другую[13] комнату, вовсе непохожую на первую,[14] убранную очень опрятно, показывавшую, что хозяинъ былъ нѣмецъ. Онъ[15] былъ пораженъ необыкновенно страннымъ видомъ[16]: передъ нимъ сидѣлъ Шиллеръ, — не тотъ Шиллеръ, который написалъ „Вильгельма Теля“[17] и „Исторію тридцатилѣтней войны“, но извѣстный Шиллеръ, жестяныхъ дѣлъ мастеръ[18] въ Мѣщанской улицѣ. Возлѣ Шиллера стоялъ Гофманъ, — не писатель Гофманъ, но довольно хорошій сапожникъ съ Офицерской улицы,

большой пріятель Шиллера. Шиллеръ былъ пьянъ и сидѣлъ на стулѣ, топая ногою и говоря что-то съ жаромъ. Все это еще бы не удивило Пирогова, но удивило его чрезвычайно странное положеніе обѣихъ[1] фигуръ. Шиллеръ сидѣлъ, выставивъ свой довольно толстый носъ и поднявши вверхъ голову, а Гофманъ держалъ его за этотъ носъ[2] двумя пальцами и вертѣлъ лезвеемъ[3] своего сапожническаго[4] ножа на самой его поверхности. Обѣ особы[5] говорили на нѣмецкомъ языкѣ, и потому поручикъ Пироговъ, который зналъ по-нѣмецки только „гутъ-моргенъ“, ничего не могъ понять изъ всей этой исторіи. Впрочемъ, слова Шиллера заключались вотъ въ чемъ: „Я не хочу, мнѣ не нуженъ носъ!“ говорилъ онъ, размахивая руками. „У меня на одинъ носъ выходитъ три фунта табаку въ мѣсяцъ. И я плачу въ русскій скверный магазинъ, — потому что нѣмецкій магазинъ не держитъ русскаго табаку, — я плачу въ русскій скверный магазинъ за каждый фунтъ по 40 копѣекъ — это будетъ рубль двадцать копѣекъ; двѣнадцать разъ рубль двадцать копѣекъ[6] — это будетъ четырнадцать рублей сорокъ копѣекъ. Слышишь, другъ мой Гофманъ? На одинъ нос четырнадцать рублей сорокъ копѣекъ! Да по праздникамъ я нюхаю Рапѐ, потому что я не хочу нюхать по праздникамъ русскій скверный табакъ. Въ годъ я нюхаю два фунта Рапѐ, по два рубли фунтъ. Шесть да четырнадцать — двадцать рублей сорокъ копѣекъ на одинъ табакъ! Это разбой! Я спрашиваю тебя, мой другъ Гофманъ, не такъ ли?“ Гофманъ, который самъ былъ пьянъ, отвѣчалъ утвердительно. — „Двадцать рублей сорокъ копѣекъ! Я швабскій нѣмецъ; у меня есть король въ Германіи. Я не хочу носа! Рѣжь мнѣ носъ! Вотъ мой носъ!“

И если бы не внезапное появленіе поручика Пирогова, то, безъ всякаго сомнѣнія, Гофманъ отрѣзалъ бы ни за чтò, ни про чтò Шиллеру носъ, потому что онъ уже привелъ ножъ свой въ такое положеніе[7], какъ бы хотѣлъ кроить подошву.

Шиллеру показалось очень досадно, что вдругъ незнакомое, непрошенное лицо такъ некстати ему помѣшало. Онъ, не смотря на то, что былъ въ упоительномъ чаду пива и вина, чувствовалъ, что нѣсколько неприлично въ такомъ видѣ и при такомъ дѣйствіи находиться въ присутствіи посторонняго свидѣтеля. Между тѣмъ Пироговъ слегка наклонился и съ свойственною ему пріятностію сказалъ: „Вы извините меня...“

„Пошелъ вонъ!“ отвѣчалъ протяжно Шиллеръ.

Это озадачило поручика Пирогова. Такое обращеніе ему было совершенно ново. Улыбка, слегка было показавшаяся на его лицѣ, вдругъ пропала. Съ чувствомъ огорченнаго достоинства онъ сказалъ: „Мнѣ странно, милостивый государь... Вы, вѣрно, не замѣтили... я офицеръ...“

„Чтò такое офицеръ! Я — швабскій нѣмецъ. Мой самъ“ (при этомъ Шиллеръ ударилъ кулакомъ по столу) „будетъ офицеръ: полтора года юнкеръ, два года поручикъ, и я завтра сейчасъ офицеръ. Но я не хочу служить. Я съ офицеромъ сдѣлаетъ этакъ: фу!“ При этомъ Шиллеръ подставилъ ладонь и фукнулъ на нее.

Поручикъ Пироговъ увидѣлъ, что ему больше ничего не оставалось, какъ только удалиться; однакожъ[1], такое обхожденіе, вовсе неприличное его званію[2], ему было непріятно. Онъ нѣсколько разъ останавливался на лѣстницѣ, какъ бы желая собраться съ духомъ и подумать о томъ, какимъ бы образомъ дать почувствовать Шиллеру его дерзость. Наконецъ, разсудилъ, что Шиллера[3] можно извинить, потому что голова его была наполнена пивомъ и виномъ[4]; къ тому же представилась ему хорошенькая блондинка, и онъ рѣшился предать это забвенію[5]. На другой день поручикъ Пироговъ рано поутру[6] явился въ мастерской жестяныхъ дѣлъ мастера[7]. Въ передней комнатѣ встрѣтила его хорошенькая блондинка и довольно суровымъ голосомъ, который очень шелъ къ ея личику, спросила: „Что вамъ угодно?“

„А, здравствуйте, моя миленькая! Вы меня не узнали? Плутовочка, какіе хорошенькіе глазки!“

При этомъ поручикъ Пироговъ хотѣлъ очень мило поднять пальцемъ ея подбородокъ; но блондинка произнесла пугливое восклицаніе и съ тою же суровостію спросила: „Чтò вамъ угодно?“

„Васъ видѣть, больше ничего мнѣ не угодно“[8], произнесъ поручикъ Пироговъ, довольно пріятно улыбаясь и подступая ближе; но, замѣтивъ, что пугливая блондинка хотѣла проскользнуть въ дверь, прибавилъ: „Мнѣ нужно, моя миленькая, заказать шпоры. Вы можете мнѣ сдѣлать шпоры? Хотя для того, чтобы любить васъ, вовсе не нужно шпоръ, а скорѣе бы уздечку. Какія миленькія ручки!“

Поручикъ Пироговъ всегда бывалъ очень любезенъ въ изъясненіяхъ подобнаго рода.

„Я сейчасъ позову моего мужа“, вскрикнула нѣмка и ушла, и черезъ нѣсколько минутъ Пироговъ увидѣлъ Шиллера, выходившаго съ заспанными глазами, едва очнувшагося отъ вчерашняго похмѣлья. Взглянувши на офицера, онъ припомнилъ, какъ въ смутномъ снѣ[1], происшествіе вчерашняго дня. Онъ ничего не помнилъ въ такомъ видѣ, въ какомъ было[2], но чувствовалъ, что сдѣлалъ какую-то глупость, и потому принялъ офицера съ очень суровымъ видомъ. „Я за шпоры не могу взять меньше пятнадцати рублей“[3], произнесъ онъ, желая отдѣлаться отъ Пирогова, потому что ему, какъ честному нѣмцу, очень совѣстно было смотрѣть на того, кто видѣлъ его въ неприличномъ[4] положеніи. Шиллеръ любилъ пить совершенно безъ свидѣтелей, съ двумя, тремя пріятелями, и запирался на это время даже отъ своихъ работниковъ.

„Зачѣмъ же такъ дорого?“ ласково сказалъ Пироговъ.

„Нѣмецкая работа“,. хладнокровно произнесъ Шиллеръ, поглаживая подбородокъ: „русскій возьмется сдѣлать за два рубля“[5].

„Извольте, чтобы доказать, что я васъ люблю и желаю съ вами познакомиться, я плачу пятнадцать рублей!“

Шиллеръ минуту оставался въ размышленіи: ему, какъ честному нѣмцу, сдѣлалось немного[6] совѣстно. Желая самъ отклонить его отъ заказыванія[7], онъ объявилъ, что раньше двухъ недѣль не можетъ сдѣлать. Но Пироговъ безъ всякаго прекословія изъявилъ совершенное согласіе[8].

Нѣмецъ задумался и сталъ размышлять о томъ, какъ бы лучше сдѣлать свою работу, чтобы она дѣйствительно стоила пятнадцати рублей.

Въ это время блондинка вошла[9] въ мастерскую и начала рыться на столѣ, уставленномъ кофейниками. Поручикъ воспользовался задумчивостію Шиллера[10], подступилъ къ ней и пожалъ ей[11] ручку, обнаженную до самаго плеча.

Это Шиллеру очень не понравилось. „Мейнъ фрау!“ закричалъ онъ.

„Васъ волензи дохъ?“ отвѣчала блондинка.

„Гензи на кухня!“ — Блондинка удалилась.

„Такъ черезъ двѣ недѣли?“ сказалъ Пироговъ.

„Да, черезъ двѣ недѣли“, отвѣчалъ въ размышленіи Шиллеръ: „у меня теперь очень много работы“.

„До свиданія, я къ вамъ зайду!“

„До свиданія“[1], отвѣчалъ Шиллеръ, запирая за нимъ дверь.

Поручикъ Пироговъ рѣшился не оставлять своихъ исканій[2], не смотря на то, что нѣмка оказала явный отпоръ. Онъ не могъ понять, чтобы можно было ему противиться[3], тѣмъ болѣе, что любезность его и блестящій чинъ давали полное право на вниманіе[4]. Надобно, однакоже, сказать и то, что жена Шиллера, при всей миловидности своей, была очень глупа. Впрочемъ, глупость составляетъ особенную прелесть въ хорошенькой женѣ. По крайней мѣрѣ, я зналъ много мужей[5], которые въ восторгѣ отъ глупости своихъ женъ и видятъ въ ней всѣ признаки младенческой невинности. Красота производитъ совершенныя[6] чудеса. Всѣ душевные недостатки въ красавицѣ, вмѣсто того, чтобы произвести отвращеніе, становятся какъ-то необыкновенно привлекательны; самый порокъ дышетъ въ нихъ миловидностью; но исчезни она — и женщинѣ нужно быть[7] въ двадцать разъ умнѣе мужчины, чтобы внушить къ себѣ, если не любовь, то, по крайней мѣрѣ, уваженіе. Впрочемъ, жена Шиллера, при всей глупости, была всегда вѣрна своей обязанности, и потому Пирогову довольно трудно было успѣть въ смѣломъ своемъ предпріятіи; но съ побѣдою препятствій всегда соединяется наслажденіе, и блондинка становилась для него интереснѣе день ото дня[8]. Онъ началъ довольно часто освѣдомляться о шпорахъ, такъ что Шиллеру это, наконецъ, наскучило. Онъ употребилъ[9] всѣ усилія, чтобы окончить скорѣй начатыя шпоры[10]; наконецъ, шпоры были готовы.

„Ахъ, какая отличная работа!“ закричалъ поручикъ Пироговъ, увидѣвши шпоры. „Господи, какъ это хорошо сдѣлано! У нашего генерала нѣтъ этакихъ шпоръ“.

Чувство самодовольствія распустилось по душѣ Шиллера[11]. Глаза его начали глядѣть довольно весело, и онъ въ мысляхъ[12] совершенно примирился съ Пироговымъ. „Русскій офицеръ — умный человѣкъ“, думалъ онъ самъ про себя.

„Такъ вы, стало быть, можете сдѣлать и оправу, напримѣръ, къ кинжалу или другимъ вещамъ?“

„О, очень могу!“ сказалъ Шиллеръ съ улыбкою.

„Такъ сдѣлайте мнѣ оправу къ кинжалу. Я вамъ принесу. У меня очень хорошій турецкій кинжалъ, но мнѣ бы хотѣлось оправу къ нему сдѣлать другую".

Шиллера это какъ бомбою хватило. Лобъ его вдругъ наморщился. „Вотъ тебѣ на!" подумалъ онъ про себя, внутренно ругая себя[1] за то, что накликалъ самъ работу. Отказаться онъ почиталъ уже безчестнымъ; притомъ же русскій офицеръ похвалилъ его работу. — Онъ, нѣсколько покачавши головою, изъявилъ свое согласіе; но поцѣлуй, который, уходя, Пироговъ влѣпилъ нахально въ самыя губки хорошенькой блондинки, повергъ его въ совершенное недоумѣніе.

Я почитаю не излишнимъ[2] познакомить читателя нѣсколько покороче съ Шиллеромъ. Шиллеръ былъ совершенный нѣмецъ, въ полномъ смыслѣ этого слова[3]. Еще съ двадцатилѣтняго возраста, съ того счастливаго времени, въ которое[4] русскій живетъ на фуфу, уже Шиллеръ размѣрилъ всю свою жизнь и никакого, ни въ какомъ случаѣ, не дѣлалъ исключенія. Онъ положилъ вставать въ семь часовъ, обѣдать въ два, быть точнымъ во всемъ[5] и быть пьянымъ каждое воскресенье[6]. Онъ положилъ себѣ въ теченіи[7] 10 лѣтъ составить капиталъ изъ пятидесяти тысячъ, и уже это было такъ вѣрно и неотразимо, какъ судьба, потому что скорѣе чиновникъ позабудетъ заглянуть въ швейцарскую своего начальника, нежели нѣмецъ рѣшится перемѣнить свое слово[8]. Ни въ какомъ случаѣ не увеличивалъ онъ своихъ издержекъ, и если цѣна на картофель слишкомъ поднималась противъ обыкновеннаго, онъ не прибавлялъ ни одной копѣйки, но уменьшалъ только количество[9], и хотя оставался иногда нѣсколько голоднымъ, но скоро, однакоже[10], привыкалъ къ этому. Аккуратность его простиралась до того, что онъ положилъ цѣловать жену свою въ сутки не болѣе двухъ разъ[11], а чтобы какъ-нибудь не поцѣловать лишній разъ, онъ никогда не клалъ перцу болѣе одной чайной[12] ложечки въ свой супъ; впрочемъ, въ воскресный день это правило не такъ строго исполнялось, потому что Шиллеръ выпивалъ тогда двѣ бутылки пива и одну бутылку тминной водки, которую, однакоже[13], онъ всегда бранилъ. Пилъ онъ вовсе не такъ, какъ англичанинъ, который тотчасъ послѣ обѣда запираетъ дверь на крючекъ и нарѣзывается одинъ. Напротивъ, онъ, какъ нѣмецъ, пилъ всегда вдохновенно, или съ сапож-

никомъ Гофманомъ, или съ столяромъ Кунцомъ, тоже нѣмцемъ и большимъ пьяницею. Таковъ былъ характеръ благороднаго Шиллера, который, наконецъ, былъ приведенъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Хотя онъ былъ флегматикъ и нѣмецъ, однакожъ поступки Пирогова возбудили въ немъ что-то похожее на ревность. Онъ ломалъ голову и не могъ придумать[1], какимъ образомъ ему избавиться отъ этого русскаго офицера. Между тѣмъ, Пироговъ, куря трубку въ кругу своихъ товарищей, — потому что уже такъ Провидѣніе устроило, что гдѣ офицеры, тамъ и трубки, — куря трубку въ кругу своихъ товарищей, намекалъ значительно и съ пріятною улыбкою объ интрижкѣ съ хорошенькою нѣмкою, съ которою, по словамъ его, онъ уже совершенно былъ накороткѣ и которую онъ, въ[2] самомъ дѣлѣ, едва ли не терялъ уже надежды преклонить на свою сторону.

Въ одинъ день прохаживался онъ по Мѣщанской, поглядывая на домъ, на которомъ красовалась вывѣска Шиллера съ кофейниками и самоварами; къ величайшей радости своей увидѣлъ онъ головку[3] блондинки, свѣсившуюся въ окошко и разглядывавшую прохожихъ. Онъ остановился, сдѣлалъ ей ручкою и сказалъ: „*гутъ моргенъ*“. Блондинка поклонилась ему, какъ знакомому[4].

„Что̀, вашъ мужъ дома?“

„Дома“, отвѣчала блондинка.

„А когда̀ онъ не бываетъ дома?“

„Онъ по воскресеньямъ не бываетъ дома“, сказала глупенькая блондинка.

„Это недурно“[5], подумалъ про себя Пироговъ: „этимъ нужно воспользоваться“ — и въ слѣдующее воскресенье, какъ снѣгъ на голову, явился передъ блондинкою. Шиллера, дѣйствительно, не было дома. Хорошенькая хозяйка испугалась; но Пироговъ поступилъ на этотъ разъ довольно осторожно, обошелся очень почтительно и, раскланявшись, показалъ всю красоту своего гибкаго, перетянутаго стана. Онъ очень пріятно и учтиво шутилъ, но глупенькая нѣмка отвѣчала на все односложными словами. Наконецъ, заходивши[6] со всѣхъ сторонъ и видя, что ничто не можетъ занять ее[7], онъ предложилъ ей танцовать. Нѣмка согласилась въ одну минуту, потому что нѣмки всегда охотницы до танцевъ[8]. На этомъ Пироговъ очень

много основывалъ надеждъ[1]: во-первыхъ, это уже доставляло ей удовольствіе[2]; во-вторыхъ, это могло показать его турнюру[3] и ловкость; въ-третьихъ, въ танцахъ ближе всего можно сойтись, обнять хорошенькую нѣмку и проложить начало всему[4]; короче, онъ выводилъ изъ этого совершенный успѣхъ[5]. Онъ началъ напѣвать[6] какой-то гавотъ, зная, что нѣмкамъ нужна постепенность. Хорошенькая[7] нѣмка выступила на средину комнаты и подняла прекрасную ножку. Это положеніе такъ восхитило Пирогова, что онъ бросился ее цѣловать[8]; нѣмка начала кричать и этимъ еще болѣе увеличила свою прелесть въ глазахъ Пирогова; онъ ее засыпалъ поцѣлуями[9], какъ вдругъ дверь отворилась, и вошелъ Шиллеръ съ Гофманомъ и столяромъ Кунцомъ. Всѣ эти достойные ремесленники были пьяны, какъ сапожники.

Но.... я предоставляю самимъ читателямъ судить о гнѣвѣ и негодованіи Шиллера.

„Грубіянъ!“ закричалъ онъ въ величайшемъ негодованіи: „какъ ты смѣешь цѣловать мою жену? Ты подлецъ, а не русскій офицеръ. Чортъ побери! не такъ ли[10], мой другъ Гофманъ? Я нѣмецъ, а не русская свинья“ (Гофманъ отвѣчалъ утвердительно)[11]. „О! я не хочу имѣть роги! Бери его, мой другъ Гофманъ, за воротникъ[12]; я не хочу“, продолжалъ онъ, сильно размахивая руками, при чемъ все[13] лицо его было похоже на красное сукно его жилета. „Я восемь лѣтъ живу въ Петербургѣ, у меня въ Швабіи мать моя, и дядя мой въ Нюренберга; я нѣмецъ, а не рогатая говядина! Прочь съ него все[14], мой другъ Гофманъ! Держи его за рука и нога, камрадъ[15] мой Кунцъ!“

И нѣмцы схватили за руки и ноги Пирогова.

Напрасно силился онъ отбиваться; эти три ремесленника[16] были самый дюжій народъ изъ всѣхъ петербургскихъ нѣмцевъ[17] и поступили съ нимъ такъ грубо и невѣжливо, что, признаюсь, я никакъ не нахожу словъ къ изображенію этого печальнаго событія[18].

Я увѣренъ, что Шиллеръ на другой день былъ въ сильной лихорадкѣ[19], что онъ дрожалъ, какъ листъ, ожидая съ минуты на минуту прихода полиціи, что онъ, Богъ знаетъ, чего бы не далъ, чтобы все происходившее вчера было во снѣ. Но что̀ уже было, того нельзя перемѣнить[20]. Ничто не могло сравниться съ гнѣвомъ и негодованіемъ Пирогова. Одна мысль

объ такомъ ужасномъ оскорбленіи приводила его въ бѣшенство. Сибирь и плети онъ почиталъ самымъ малымъ наказаніемъ для Шиллера[1]. Онъ летѣлъ домой, чтобы, одѣвшись, оттуда итти прямо къ генералу, описать ему самыми разительными красками буйство нѣмецкихъ ремесленниковъ[2]. Онъ разомъ хотѣлъ подать и письменную просьбу въ Главный Штабъ; если же назначеніе наказанія будетъ неудовлетворительно, тогда итти дальше и дальше[3].

Но все это какъ-то странно кончилось: по дорогѣ онъ зашелъ въ кондитерскую, съѣлъ два слоеныхъ пирожка, прочиталъ кое-что изъ „Сѣверной Пчелы" и вышелъ уже не въ столь гнѣвномъ положеніи. Притомъ, довольно пріятный прохладный вечеръ заставилъ его нѣсколько[4] пройтись по Невскому проспекту; къ 9 часамъ онъ успокоился[5] и нашелъ, что въ воскресенье не хорошо безпокоить генерала; притомъ онъ, безъ сомнѣнія, куда-нибудь отозванъ. И потому[6] онъ отправился на вечеръ[7] къ одному правителю контрольной коммиссіи[8], гдѣ было очень пріятное собраніе многихъ[9] чиновниковъ и офицеровъ его корпуса[10]. Тамъ съ удовольствіемъ провелъ вечеръ и такъ отличился въ мазуркѣ, что привелъ въ восторгъ не только дамъ, но даже и кавалеровъ.

„Дивно устроенъ свѣтъ нашъ!" думалъ я, бредя[11] третьяго дня[12] по Невскому проспекту и приводя на память эти два происшествія. „Какъ странно, какъ непостижимо играетъ нами судьба наша! Получаемъ ли мы когда-нибудь то, чего желаемъ? Достигаемъ ли мы того, къ чему, кажется, нарочно приготовлены наши силы? Все происходитъ наоборотъ. Тому судьба дала прекраснѣйшихъ лошадей[13], и онъ равнодушно катается на нихъ, вовсе не замѣчая ихъ красоты, тогда какъ другой, котораго все[14] сердце горитъ лошадиною страстью[15], идетъ пѣшкомъ и довольствуется только тѣмъ, что пощелкаетъ языкомъ, когда мимо его проводятъ рысака. Тотъ имѣетъ отличнаго повара, но, къ сожалѣнію, такой маленькій ротъ, что больше двухъ кусочковъ[16] никакъ не можетъ пропустить[17]; другой имѣетъ ротъ величиною въ арку Главнаго Штаба[18], но, увы! долженъ довольствоваться какимъ-нибудь нѣмецкимъ обѣдомъ изъ картофеля. Какъ странно[19] играетъ нами судьба наша!"

Но страннѣе всего происшествія, случающіяся[20] на Невскомъ

проспектѣ. О, не вѣрьте этому Невскому проспекту! Я всегда закутываюсь покрѣпче плащемъ своимъ, когда иду по немъ[1], и стараюсь вовсе не глядѣть на встрѣчающіеся предметы. Все обманъ[2], все мечта, все не то, чѣмъ кажется! Вы думаете, что этотъ господинъ, который гуляетъ въ отлично сшитомъ сюртучкѣ, очень богатъ[3]?—ничуть не бывало: онъ весь состоитъ изъ своего сюртучка[4]. Вы воображаете, что эти два толстяка[5], остановившіеся передъ строящеюся церковью[6], судятъ объ архитектурѣ ея?— совсѣмъ нѣтъ: они говорятъ о томъ[7], какъ странно сѣли двѣ вороны одна противъ другой. Вы думаете, что этотъ энтузіастъ, размахивающій руками, говоритъ о томъ, какъ жена его бросила изъ окна шарикомъ въ незнакомаго ему вовсе офицера?— совсѣмъ нѣтъ: онъ говоритъ о Лафаэтѣ. Вы думаете, что эти дамы.... но дамамъ меньше всего вѣрьте[8]. Менѣе заглядывайте въ окна магазиновъ: бездѣлушки, въ нихъ выставленныя, прекрасны, но пахнутъ страшнымъ количествомъ ассигнацій. Но Боже васъ сохрани заглядывать дамамъ подъ шляпки. Какъ привлекательно[9] ни развѣвайся вечеромъ[10] вдали плащъ красавицы, я ни за что не пойду за нею любопытствовать. Далѣе, ради Бога, далѣе отъ фонаря! и скорѣе, сколько можно скорѣе, проходите мимо! Это счастіе еще, если отдѣлаетесь тѣмъ, что онъ зальетъ щегольской сюртукъ вашъ вонючимъ своимъ масломъ. Но, и кромѣ фонаря. все дышетъ обманомъ. Онъ лжетъ во всякое время, этотъ Невскій проспектъ[11], но болѣе всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжетъ на него и отдѣлитъ бѣлыя и палевыя стѣны домовъ[12], когда весь городъ превратится въ громъ и блескъ, миріады каретъ валятся съ мостовъ[13], форейторы кричатъ и прыгаютъ на лошадяхъ, и когда самъ демонъ зажигаетъ лампы для того только, чтобы показать все не въ настоящемъ видѣ[14].

———∞———

О МАЛОРОССІЙСКИХЪ ПѢСНЯХЪ.

Только въ послѣдніе годы, въ эти времена стремленія къ самобытности и собственной народной поэзіи, обратили на себя вниманіе малороссійскія пѣсни, бывшія до того скрытыми отъ образованнаго общества и державшіяся въ одномъ народѣ[1]. До того времени одна только очаровательная музыка ихъ изрѣдка заносилась въ высшій кругъ, слова же оставались безъ вниманія и почти ни въ комъ не возбуждали любопытства. Даже музыка ихъ не появлялась никогда вполнѣ. Бездарный композиторъ безжалостно разрывалъ ее и клеилъ въ свое безчувственное, деревянное созданіе*. Но лучшія пѣсни и голоса слышали только однѣ украинскія степи: только тамъ, подъ сѣнью низенькихъ глиняныхъ хатъ, увѣнчанныхъ шелковицами и черешнями, при блескѣ утра, полудня и вечера, при лимонной желтизнѣ падающихъ колосьевъ пшеницы, онѣ раздаются, прерываемыя однѣми степными чайками, вереницами жаворонковъ и стенящими иволгами.

Я не распространяюсь о важности народныхъ пѣсенъ. Это народная исторія, живая, яркая, исполненная красокъ, истины, обнажающая всю жизнь народа. Если его жизнь была дѣятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтическаго, и онъ при всей многосторонности ея не получилъ высшей цивилизаціи, то весь пылъ, все сильное, юное бытіе его выливается въ народныхъ пѣсняхъ. Онѣ — надгробный памятникъ былаго, болѣе нежели надгробный памятникъ: камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью — ничто противъ этой живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи. Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи — все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила. Кто не про-

* Впрочемъ, любители музыки и поэзіи могутъ нѣсколько утѣшиться: недавно издано прекрасное собраніе пѣсенъ Максимовичемъ, и при немъ голоса, переложенные Алябьевымъ.

никнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о прошедшемъ бытѣ этой цвѣтущей части Россіи. Историкъ не долженъ искать въ нихъ показанія дня и числа битвы или точнаго объясненія мѣста, вѣрной реляціи; въ этомъ отношеніи немногія пѣсни помогутъ ему. Но когда онъ захочетъ узнать вѣрный бытъ, стихіи характера, всѣ изгибы и оттѣнки чувствъ, волненій, страданій, веселій изображаемаго народа, когда захочетъ выпытать духъ минувшаго вѣка, общій характеръ всего цѣлаго и порознь каждаго частнаго, тогда онъ будетъ удовлетворенъ вполнѣ: исторія народа разоблачится передъ нимъ въ ясномъ величіи.

Пѣсни малороссійскія могутъ вполнѣ назваться историческими, потому что онѣ не отрываются ни на мигъ отъ жизни и всегда вѣрны тогдашней минутѣ и тогдашнему состоянію чувствъ. Вездѣ проникаетъ ихъ, вездѣ въ нихъ дышетъ эта широкая воля козацкой жизни. Вездѣ видна та сила, радость, могущество, съ какою[1] козакъ бросаетъ тишину и безпечность жизни домовитой, чтобы вдаться во всю поэзію битвъ, опасностей и разгульнаго пиршества съ товарищами. Ни чернобровая подруга, пылающая свѣжестью, съ карими очами, съ ослѣпительнымъ блескомъ зубовъ, вся преданная любви, удерживающая за стремя коня его, ни престарѣлая мать, разливающаяся какъ ручей слезами, которой всѣмъ существованіемъ завладѣло одно материнское чувство, — ничто не въ силахъ удержать его. Упрямый, непреклонный, онъ спѣшитъ въ степи, въ вольницу товарищей. Его жену, мать, сестру, братьевъ, — все замѣняетъ ватага гульливыхъ рыцарей набѣговъ. Узы этого братства для него выше всего, сильнѣе любви. Сверкаетъ Черное море; вся чудесная, неизмѣримая степь отъ Тамана[2] до Дуная — дикій океанъ цвѣтовъ колышется однимъ налетомъ вѣтра; въ безпредѣльной глубинѣ неба тонутъ лебеди и журавли; умирающій козакъ лежитъ среди этой свѣжести дѣвственной природы и собираетъ всѣ силы, чтобъ не умереть, не взглянувъ еще разъ на своихъ товарищей.

То ще добре козацька голова знала,
Що безъ війска козацького не вмирала.

Увидѣвши ихъ, онъ насыщается и умираетъ. Выступаетъ ли козацкое войско въ походъ съ тишиною и повиновеніемъ;

извергается[1] ли изъ самопаловъ потопъ дыма и пуль; кружаетъ ли вольно медъ, вино; описываются ли[2] ужасная казнь гетмана, отъ которой дыбомъ подымается волосъ, мщеніе ли козаковъ, видъ ли убитаго козака, съ широко-раскинутыми руками на травѣ, съ разметаннымъ чубомъ, клекты ли орловъ въ небѣ, спорящихъ о томъ, кому изъ нихъ выдирать козацкія очи: все это живетъ въ пѣсняхъ и окинуто смѣлыми красками. Остальная половина пѣсней изображаетъ другую половину жизни народа: въ нихъ разбросаны черты быта домашняго; здѣсь во всемъ совершенная противоположность. Тамъ одни козаки, одна военная, бивачная и суровая жизнь; здѣсь, напротивъ, одинъ женскій міръ, нѣжный, тоскливый, дышащій любовію. Эти два пола видѣлись между собою самое короткое время и потомъ разлучались на цѣлые годы. Годы эти были проводимы женщинами въ тоскѣ, въ ожиданіи своихъ мужей, любовниковъ[3], мелькнувшихъ передъ ними въ своемъ пышномъ военномъ убранствѣ, какъ сновидѣніе, какъ мечта. Отъ того любовь ихъ дѣлается чрезвычайно поэтическою. Свѣжая, невинная, какъ голубка, молодая супруга вдругъ узнала все блаженство, весь рай женщины, которая вся создана для любви. Все начало весны ея, проведенное съ этимъ мощнымъ, вольнымъ питомцемъ войны, столпило для нея радость всей жизни въ одно быстро мелькнувшее мгновеніе. Противъ него ничто вся остальная жизнь; она живетъ однимъ этимъ мгновеніемъ. Тоскуя, ждетъ она съ утра до вечера возврата своего чернобороваго супруга.

Ой чорные бровенята!
    Лыхо мини зъ вами:
Не хочете ночеваты
    Ни ноченьки сами.

Она вся живетъ воспоминаніемъ. Все, чтò они глядѣли вмѣстѣ, куда они вмѣстѣ ходили, чтò вмѣстѣ говорили, — все это припоминаетъ она, не упуская ни одной мелкой черты. Она обращается ко всему, чтò ни видитъ въ природѣ, дышащей жизнью, и даже къ безчувственнымъ предметамъ, и всѣмъ имъ говоритъ и жалуется. И какъ просты, какъ поэтически-просты ея исполненныя души рѣчи! Ко всему примѣняетъ она состояніе свое и не можетъ наговориться, потому что человѣкъ многорѣчивъ всегда, когда въ его грусти заключается

тайная сладость. Наконецъ, съ тихимъ, но безнадежнымъ отчаяніемъ говоритъ она:

Да вжежъ мини не ходыты
Куды я ходыла!
Да вжежъ мини не любиты,
Кого я любила!
Да вжежъ мини не ходыты
Ранкомъ по-пидъ замкомъ!
Да вжежъ мини не стояты
Изъ моимъ коханкомъ!
Да вжежъ мини не ходыты
Въ лиски по оришки!
Да вжежъ мини минулися
Дивоцкія смишки!

Чтобы сколько-нибудь сдѣлать доступною для незнающихъ малороссійскаго языка глубину чувствъ, разсыпанныхъ въ этихъ пѣсняхъ, привожу одну изъ нихъ въ переводѣ.

Разсердился, разгнѣвался на меня мой милый! Вотъ онъ сѣдлаетъ своего вороного коня и ѣдетъ далеко, далеко отъ меня.

Куда же ты, мой милый, голубчикъ мой сизый, куда ты уѣзжаешь? Кому ты меня беззащитную, молодую, кому оставляешь?

„Оставляю тебя, моя милая, одному Богу. Жди меня, пока не возвращусь[1] изъ дальней дороги“.

О, если бъ я знала, если бы видѣла[2], откуда будетъ ѣхать мой милый, я бы ему по всей дорогѣ мостила мосты изъ зеленаго тростника и все бы ждала его въ гости.

Боже всесильный! выровняй всѣ долины и горы, чтобы вездѣ было ровно, чтобы оттолѣ ему до самаго дому было хорошо ѣхать.

Чу! луга шумятъ, берега звенятъ, по дорогѣ зеленѣетъ трава — это онъ! это мой милый ѣдетъ!

Чу! луга шумятъ, берега звенятъ, разцвѣтаетъ калина — вѣрно, гдѣ-нибудь мой милый, голубчикъ мой сизый, съ другою разговариваетъ.

Зачѣмъ же ты не пріѣхалъ, зачѣмъ не прилетѣлъ, какъ я тебѣ говорила? Коня ли не имѣлъ, дороги ли не зналъ, или мать не велѣла тебѣ?

„Я коня имѣю; я и дорогу знаю, и мать еще вчера съ вечера велѣла мнѣ сѣдлать коня —

«Но только лишь сяду на коня, только лишь выѣду за ворота, какъ уже бѣжитъ за мною другая и такъ жалко стонетъ, такъ плачетъ, что тоска ея хватаетъ за самое сердце»[3].

Можно привесть до тысячи подобныхъ пѣсенъ, можетъ быть, даже гораздо лучшихъ. Всѣ онѣ благозвучны, душисты, разнообразны чрезвычайно. Вездѣ новыя краски[4], вездѣ простота и

невыразимая нѣжность чувствъ. Гдѣ же мысли въ нихъ коснулись религіознаго, тамъ онѣ необыкновенно поэтически. Онѣ не изумляются колоссальнымъ созданіямъ вѣчнаго Творца: это изумленіе принадлежитъ уже ступившему на высшую ступень самопознанія; но ихъ вѣра такъ невинна, такъ трогательна, такъ непорочна, какъ непорочна душа младенца. Онѣ обращаются къ Богу, какъ дѣти къ отцу; онѣ вводятъ Его часто въ бытъ своей жизни съ такою невинною простотою, что безъискусственное Его изображеніе становится у нихъ величественнымъ въ самой простотѣ своей. Отъ этого самые обыкновенные предметы въ пѣсняхъ ихъ облекаются невыразимою поэзіей, чему еще болѣе помогаютъ остатки обрядовъ древней славянской миѳологіи, которые онѣ покорили христіанству. Часто тоскующая дѣва умоляетъ Бога, чтобы Онъ засвѣтилъ на небѣ восковую свѣчку, пока ея милый перебредетъ черезъ рѣку Дунай. На всемъ печать чистаго первоначальнаго младенчества, стало быть — и высокой поэзіи. Изложеніе пѣсней ихъ, какъ женскихъ, такъ и козацкихъ, почти всегда драматическое — признакъ развитія народнаго духа и дѣятельной, безпокойной жизни, долго обнимавшей народъ. Пѣсни ихъ почти никогда не обращаются въ описательныя и не занимаются долго изображеніемъ природы. Природа у нихъ едва только скользитъ въ куплетѣ, но тѣмъ не менѣе черты ея такъ новы, тонки, рѣзки, что представляютъ весь предметъ. Впрочемъ, къ нимъ прибѣгаютъ для того только, чтобы сильнѣе выразить чувства души, и потому явленія природы послушно влекутся у нихъ за явленіями чувства. То же самое у нихъ представляется разомъ и во внѣшнемъ, и во внутреннемъ мірѣ. Часто, вмѣсто цѣлаго внѣшняго[1], находится только одна рѣзкая черта, одна часть его. Въ нихъ нигдѣ нельзя найти подобной фразы: *былъ вечеръ;* но вмѣсто этого говорится то, чтò бываетъ вечеромъ, напр.

> Шли коровы изъ дубровы, а овечки съ поля:
> Выплакала кари очи, край милаго стоя[2].

Отъ того весьма многіе, не понявъ, считали подобные обороты безсмыслицей. Чувство у нихъ выражается вдругъ, сильно, рѣзко и никогда не охлаждается длиннымъ періодомъ. Во многихъ пѣсняхъ нѣтъ одной общей[3] мысли, такъ что онѣ походятъ

на рядъ куплетовъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ отдѣльную мысль. Иногда онѣ кажутся совершенно безпорядочными, потому что сочиняются мгновенно, и такъ какъ взглядъ народа живъ, то обыкновенно тѣ предметы, которые первые бросаются на глаза, первые помѣщаются и въ пѣсни; но за то изъ этой пестрой кучи вышибаются такіе куплеты, которые поражаютъ самою очаровательною безотчетностью[1] поэзіи. Самая яркая и вѣрная живопись и самая звонкая звучность словъ разомъ соединяются въ нихъ. Пѣсня сочиняется не съ перомъ въ рукѣ, не на бумагѣ, не съ строгимъ разсчетомъ, но въ вихрѣ, въ забвеніи, когда душа звучитъ и всѣ члены, разрушая равнодушное, обыкновенное положеніе, становятся свободнѣе, руки вольно вскидываются на воздухъ и дикія волны веселья уносятъ его отъ всего. Это примѣчается даже въ самыхъ заунывныхъ пѣсняхъ, которыхъ раздирающіе звуки съ болью касаются сердца. Они никогда не могли излиться изъ души человѣка въ обыкновенномъ состояніи[2], при настоящемъ воззрѣніи на предметъ. Только тогда, когда вино перемѣшаетъ и разрушитъ весь прозаическій порядокъ мыслей, когда мысли непостижимо-странно въ разногласіи звучатъ внутреннимъ согласіемъ, — въ такомъ-то[3] разгулѣ, торжественномъ больше[4], нежели веселомъ, душа, къ[5] непостижимой загадкѣ, изливается нестерпимо-унылыми звуками. Тогда прочь дума и бдѣніе! Весь таинственный составъ его требуетъ звуковъ, однихъ звуковъ[6]. Отъ того поэзія въ пѣсняхъ неуловима, очаровательна, граціозна, какъ музыка. Поэзія мыслей болѣе доступна каждому, нежели поэзія звуковъ или, лучше сказать, поэзія поэзіи. Ее одинъ только избранный, одинъ истинный въ душѣ поэтъ понимаетъ; и потому-то часто самая лучшая пѣсня остается незамѣченною, тогда какъ незавидная выигрываетъ своимъ содержаніемъ.

Стихосложеніе малороссійское самое выгодное для пѣсенъ: въ немъ соединяются вмѣстѣ и размѣръ, и тоника, и риѳма. Паденіе звуковъ въ нихъ скоро, быстро; отъ того строка никогда почти не бываетъ слишкомъ длинна; если же это и случается, то цезура по серединѣ, съ звонкою риѳмою, перерѣзываетъ ее. Чистые, протяжные ямбы рѣдко попадаются; большею частію быстрые хореи, дактили, амфибрахіи летятъ шибко, одинъ за другимъ, прихотливо и вольно мѣшаются

между собою, производятъ новые размѣры и разнообразятъ ихъ до чрезвычайности. Риѳмы звучатъ и сшибаются одна съ другою, какъ серебряныя подковы танцующихъ. Вѣрность и музыкальность уха — общая принадлежность ихъ. Часто вся строка созвукивается съ другою, не смотря, что иногда у обѣихъ даже риѳмы нѣтъ. Близость риѳмъ изумительна. Часто строка два раза терпитъ цезуру и два раза риѳмуется до замыкающей риѳмы, которой сверхъ того даетъ отвѣтъ вторая строка, тоже два раза созвукнувшись на серединѣ. Иногда встрѣчается такая риѳма, которую повидимому нельзя назвать риѳмою, но она такъ вѣрна своимъ отголоскомъ звуковъ, что нравится иногда болѣе, нежели риѳма, и никогда бы не пришла въ голову поэту съ перомъ въ рукѣ.

Характеръ музыки нельзя опредѣлить однимъ словомъ: она необыкновенно разнообразна. Во многихъ пѣсняхъ она легка, граціозна, едва только касается земли и, кажется, шалитъ, рѣзвится звуками. Иногда звуки ея принимаютъ мужественную физіогномію, становятся сильны, могучи, крѣпки; стопы тяжело ударяютъ въ землю, и, кажется, какъ будто бы подъ нихъ можно плясать одного только гопака[1]. Иногда же звуки ея становятся чрезвычайно вольны, широки, взмахи гигантскіе, силящіеся обхватить бездну пространства, вслушиваясь въ которые танцующій чувствуетъ себя исполиномъ: душа его и все существованіе раздвигается, расширяется до безпредѣльности. Онъ отдѣляется вдругъ отъ земли, чтобы сильнѣе[2] ударить въ нее блестящими подковами и взнестись опять на воздухъ. Что же касается до музыки грусти, то она нигдѣ не слышна такъ, какъ у нихъ. Тоска ли это о прерванной юности, которой не дали довеселиться; жалобы ли это на безпріютное положеніе тогдашней Малороссіи... но звуки ея живутъ, жгутъ, раздираютъ душу. Русская заунывная музыка выражаетъ, какъ справедливо замѣтилъ М. Максимовичъ, забвеніе жизни: она стремится уйти отъ нея и заглушить вседневныя нужды и заботы; но въ малороссійскихъ пѣсняхъ она слилась съ жизнью: звуки ея такъ живы, что, кажется, не звучатъ, а говорятъ,— говорятъ словами, выговариваютъ рѣчи, и каждое слово этой яркой рѣчи проходитъ душу. Взвизги ея иногда такъ похожи на крикъ сердца, что оно вдругъ и внезапно вздрагиваетъ, какъ будто бы коснулось къ нему острое желѣзо. Безотрад-

ное, равнодушное отчаяніе иногда слышится въ ней такъ сильно, что заслушавшійся забывается и чувствуетъ, что надежда давно улетѣла изъ міра. Въ другомъ мѣстѣ отрывистыя стенанія, вопли, такіе яркіе, живые, что съ трепетомъ спрашиваешь себя: звуки ли это? Это невыносимый вопль матери, у которой свирѣпое насиліе вырываетъ младенца, чтобы съ звѣрскимъ смѣхомъ расшибить его о камень. Ничто не можетъ быть сильнѣе народной музыки, если только народъ имѣлъ поэтическое расположеніе, разнообразіе и дѣятельность жизни; если натиски насилій и непреодолимыхъ вѣчныхъ препятствій не давали ему ни на минуту уснуть и вынуждали изъ него жалобы, и если эти жалобы не могли иначе и нигдѣ выразиться, какъ только въ его пѣсняхъ. Такова была беззащитная Малороссія въ ту годину, когда хищно ворвалась въ нее унія. По нимъ, по этимъ звукамъ, можно догадываться о ея минувшихъ страданіяхъ, такъ точно, какъ о бывшей бурѣ съ градомъ и проливнымъ дождемъ можно узнать по брилліантовымъ слезамъ, унизывающимъ снизу до вершины освѣженныя деревья, когда солнце мечетъ вечерній лучъ, разрѣженный воздухъ чистъ, вдали звонко дребезжитъ мычаніе стадъ, голубоватый дымъ, вѣстникъ деревенскаго ужина и довольства, несется свѣтлыми кольцами къ небу, и вечеръ, тихій, ясный вечеръ обнимаетъ успокоенную землю.

1833.

МЫСЛИ О ГЕОГРАФІИ

(ДЛЯ ДѢТСКАГО ВОЗРАСТА).

Велика и поразительна область географіи: край, гдѣ кипитъ югъ и каждое твореніе бьется двойною жизнью, и край, гдѣ въ искаженныхъ чертахъ природы прочитывается ужасъ, и земля превращается въ оледенѣлый трупъ; исполины-горы, парящія въ небо, наброшенный небрежно, дышущій всею роскошью растительной силы и разнообразія видъ, и раскаленныя пустыни и степи; оторванный кусокъ земли посреди безграничнаго моря, люди и искусство, и предѣлъ всего живущаго! — Гдѣ найдутся предметы, сильнѣе говорящіе юному воображенію? — Какая другая наука можетъ быть прекраснѣе для дѣтей, можетъ быстрѣе возвысить поэзію младенческой души ихъ? И не больно ли, если показываютъ имъ, вмѣсто всего этого, какой-то безжизненный, сухой скелетъ, холодно говоря: „Вотъ земля, на которой живемъ мы; вотъ тотъ прекрасный міръ, подаренный намъ непостижимымъ его Зодчимъ!“ — Этого мало: его совершенно скрываютъ отъ нихъ и даютъ имъ вмѣсто того грызть политическое тѣло, превышающее міръ ихъ понятій и несвязное даже для ума, обладающаго высшими идеями. — Невольно при этомъ приходитъ на мысль: неужели великій Гумбольдтъ[1] и тѣ отважные изслѣдователи, принесшіе такъ много свѣдѣній въ область науки, истолковавшіе дивные іероглифы, коими покрытъ міръ нашъ, — должны быть доступны немногому числу ученыхъ, а возрастъ, болѣе другихъ нуждающійся въ ясности и опредѣлительности, долженъ видѣть передъ собою одни непонятныя изображенія?

Дѣтскій возрастъ есть еще одна жажда, одно безотчетное стремленіе къ познанію. Онъ всего требуетъ, все хочетъ

узнать. Его болѣе всего интересуютъ отдаленныя земли: какъ тамъ? что тамъ такое? какіе тамъ люди? какъ живутъ? Эти вопросы стремятся у него толпою и всѣ они относятся прямо къ физической географіи, и потому міръ, въ его физическомъ состояніи, величественный, роскошный, грозный, плѣнительный — долженъ болѣе и обширнѣе занять его.

Во многихъ заведеніяхъ нашихъ, по невозможности воспитанниковъ узнать въ одинъ годъ всей географіи, читаютъ ее въ двухъ и даже въ трехъ классахъ. Это хорошо, и географія стòитъ, чтобъ ее проходили не въ одномъ классѣ; но преподаватели впадаютъ въ большую ошибку: размежевываютъ земной шаръ на двѣ или, смотря по классамъ, на три части и самому начальному классу достается Европа, разсматриваемая обыкновенно въ политическомъ отношеніи съ подробнѣйшими подробностями, тогда какъ высшіе классы блуждаютъ по степямъ и пескамъ африканскимъ и бесѣдуютъ съ дикарями. Не говоря уже о безразсудности и странной формѣ такого преподаванія[1], нужно имѣть необыкновенную память, чтобы удержать въ ней всю эту нестройную массу. Если же и допустить такой феноменъ въ природѣ, то въ головѣ этого феномена никогда не удержится одно прекрасное цѣлое. — Это будутъ тщательно отдѣланныя, разрозненныя части, которыми не управляетъ одна мощная жизнь, бьющая ровнымъ пульсомъ по всѣмъ жиламъ. Это народъ, созданный для монархическаго правленія и утратившій его въ бурѣ политическихъ потрясеній.

Гораздо лучше, если воспитанникъ будетъ проходить географію въ два разные періоды своего возраста. Въ первомъ онъ долженъ узнать одинъ только великій очеркъ всего міра, но очеркъ такой, который бы пробудилъ всю внимательность его, который бы показалъ всю обширность и колоссальность географическаго міра. Въ этотъ курсъ должны ниспослать отъ себя дань и естественная исторія, и физика, и статистика, и все, чтò только соприкасается къ міру, чтобы міръ составилъ одну яркую, живописную поэму, чтобы сколько возможно открыть ему всѣ концы его. Ничего въ подробности, но только однѣ рѣзкія черты, но только, чтобы онъ чувствовалъ, гдѣ стужа,

гдѣ болѣе растительность, гдѣ выше мануфактурность, гдѣ сильнѣе образованность, гдѣ глубже невѣжество, гдѣ ниже земля, гдѣ стремительнѣе горы. — Во второмъ періодѣ его возраста этотъ міръ долженъ быть передъ нимъ раздвинутъ. Онъ долженъ разсмотрѣть въ микроскопъ тѣ предметы, которые доселѣ видѣлъ простымъ глазомъ. Тогда уже онъ узнаетъ всѣ исключенія и переходы, менѣе рѣзкіе и болѣе исполненные тонкаго отличія.

Воспитанникъ не долженъ имѣть вовсе у себя книги. Она, какая бы ни была, будетъ сжимать его и умерщвлять воображеніе: передъ нимъ должна быть одна только карта. Ни одного географическаго явленія не нужно объяснять, не укрѣпивши на мѣстѣ, хотя бы это было только яркое, живописное описаніе, чтобы воспитанникъ, внимая ему, глядѣлъ на мѣсто въ своей картѣ, и чтобы эта маленькая точка какъ бы раздвигалась передъ нимъ и вмѣстила бы въ себѣ всѣ тѣ картины, которыя онъ видитъ въ рѣчахъ преподавателя. Тогда можно быть увѣреннымъ, что онѣ останутся въ памяти его вѣчно, и, взглянувши на скелетный очеркъ земли, онъ его вмигъ наполнитъ красками.

Фигура земли прежде всего должна удержаться въ его памяти. Черченіе картъ, надъ которымъ заставляютъ воспитанниковъ трудиться, мало приноситъ пользы. Множество мелкихъ подробностей, множество отдѣльныхъ государствъ можетъ только въ головѣ ихъ уничтожиться одно другимъ. Гораздо лучше дать имъ прежде сильную, рѣзкую идею о видѣ земли: для этого я бы совѣтовалъ сдѣлать всю воду бѣлою и всю землю черною, чтобы онѣ совершенно отдѣлились, рѣзкостью своею невольно вторгнулись въ мысли ихъ и преслѣдовали бы ихъ неотступно неправильною своею фигурою. Послѣ этого будетъ имъ гораздо легче начертить видъ земли, но никакъ не допускать до подробностей, т. е. означать всѣ мелкіе мысы и искривленія береговъ. Пусть лучше они въ началѣ совсѣмъ не знаютъ ихъ, но за то удержатъ общій видъ земли.

Гораздо лучше проходить вначалѣ разомъ весь міръ, глядѣть разомъ на всѣ части Свѣта: чрезъ это очевиднѣе будутъ

ихъ взаимныя противоположности. Замѣтивши ихъ въ общей массѣ, они могутъ тогда погрузиться глубже въ каждую часть Свѣта. Но въ порядкѣ частей Свѣта я бы совѣтовалъ лучше слѣдовать за постепеннымъ развитіемъ человѣка, стало быть, вмѣстѣ и за постепеннымъ открытіемъ земли: начать съ Азіи, съ его колыбели, съ его младенчества, перейти въ Африку, въ его пламенное и вмѣстѣ грубое юношество, обратиться къ Европѣ, къ его быстрому разоблаченію и зрѣлости ума, шагнуть вмѣстѣ съ нимъ въ Америку, гдѣ, развитый и властительный, встрѣтился онъ съ первообразнымъ и чувственнымъ, и окончить разрозненными по необозримому океану островами.

Такое раздѣленіе, мнѣ кажется, будетъ гораздо естественнѣе. Прежде всего воспитанникъ долженъ составить себѣ общее характеристическое понятіе о каждой изъ нихъ. Во первыхъ, объ Азіи, гдѣ все такъ велико и обширно, гдѣ люди такъ важны, такъ холодны съ вида и вдругъ кипятъ неукротимыми страстями; при дѣтскомъ умѣ своемъ думаютъ, что они умнѣе всѣхъ; гдѣ все гордость и рабство; гдѣ все одѣвается и вооружается легко и свободно, все наѣздничаетъ; гдѣ турокъ радъ просидѣть цѣлый вѣкъ, поджавъ ноги и куря кальянъ свой, и гдѣ бедуинъ, какъ вихорь, мчится по пустынѣ; гдѣ вѣра переходитъ въ фанатизмъ, и вся страна — страна вѣроисповѣданій, разлившихся отсюда по всему міру. Объ Африкѣ, гдѣ солнце жжетъ, и океаны песчаныхъ степей растягиваются на неизмѣримое пространство, львы, тигры, кокосы, пальмы и человѣкъ, мало чѣмъ разнящійся наружностью и своими чувственными наклонностями отъ обезьянъ, кочующихъ по ней ордами, и т. далѣе.

Начертивъ видъ части Свѣта, воспитанникъ указываетъ всѣ высочайшія и низменныя мѣста на ней, разсказываетъ, какъ развѣтвляются по ней горы и протягиваютъ свои длинныя, безобразныя цѣпи. Въ этомъ смыслѣ можно съ пользою употреблять Риттерово[1] барельефное изображеніе Европы, хотя оно не совсѣмъ еще удобно для дѣтей, по причинѣ неяснаго отдѣленія свѣта отъ тѣней. Всего бы лучше на этотъ случай отлить изъ крѣпкой глины, или изъ металла, настоящій барельефъ. Тогда воспитаннику стоило бы только взглянуть на него, чтобы сохранить навсегда въ памяти всѣ высокія и низменныя мѣста.

Такъ какъ горы сообщили форму всей землѣ, то познаніе ихъ должно составить, такъ сказать, начало всей географіи. Показавъ развѣтвленіе ихъ по лицу земли, должно показать видъ ихъ, форму, составъ, образованіе и, наконецъ, характеръ и отличіе каждой цѣпи, — все это не сухо, не съ подробною ученостью, но такъ, чтобы онъ зналъ, что такая-то цѣпь изъ темныхъ и твердыхъ гранитовъ, что внутренность другой бѣлая, известковая или глинистая: рыхлая, желтая, темная, красная или, наконецъ, самыхъ яркихъ цвѣтовъ земель и камней. Можно даже разсказать, какъ въ нихъ лежать металлы и руды и въ какомъ видѣ—и можно разсказать занимательно. Что же касается до поверхности ихъ, то само собою разумѣется, что нужно показать высочайшія точки, примѣчательныя явленія на нихъ и высоту, до которой подымался человѣкъ.

Не мѣшало бы коснуться слегка подземной географіи. Мнѣ кажется, нѣтъ предмета болѣе поэтическаго, какъ она, хотя совершенно понять ее можетъ только возрастъ высшій. Тутъ всѣ явленія и факты дышутъ исполинскою колоссальностью. Здѣсь встрѣчаются цѣлыя массы. Тутъ на всемъ отпечатокъ величественныхъ потрясеній земли; душа сильнѣе чувствуетъ великія дѣла Творца. Тутъ лежатъ погребенными цѣлыя цѣпи подземныхъ лѣсовъ. Тутъ лежитъ въ глубокомъ уединеніи раковина и уже превращается въ мраморъ. Тутъ дышутъ вѣчные огни, и отъ взрыва ихъ измѣняется поверхность земли. Часть этихъ явленій, будучи слегка открыта юному воспитаннику, нельзя чтобъ не тронула его воображенія.

Процессъ и разселеніе растительной силы по землѣ должно показать на картѣ лѣстницею градусовъ: гдѣ растеніе юга — хозяинъ, куда перешло оно какъ гость, подъ какимъ градусомъ умираетъ, гдѣ начинается растеніе сѣвера, гдѣ и оно, наконецъ, гибнетъ, прозябеніе прекращается, природа обмираетъ въ объятіяхъ студенаго океана, и чудный полюсъ закутывается недоступными для человѣка льдами. Такимъ же образомъ и разселеніе животныхъ. Но почва требуетъ другаго

раздѣленія земли по полосамъ, изъ которыхъ каждая должна заключать въ себѣ особенный видъ ея.

Произведенія искусства вообще являются доселѣ у географовъ отрывисто. Перехода нѣтъ никакого отъ природы къ произведеніямъ человѣка. Они отрублены, какъ топоромъ, отъ своего источника. Я уже не говорю о томъ, что у нихъ не представленъ вовсе этотъ брачный союзъ человѣка съ природою, отъ котораго раждается мануфактурность. Итакъ, прежде нежели воспитанникъ приступитъ къ обозрѣнію мануфактуръ и произведеній рукъ человѣка, нужно, чтобы онъ былъ пріуготовленъ къ тому произведеніями земли, чтобы онъ самъ собою могъ вывесть, какія мануфактуры должны быть въ такомъ-то государствѣ; если же встрѣтится исключеніе, тогда необходимо показать, отчего оно произошло: можетъ быть, безпечный характеръ народа, можетъ, стороннія обстоятельства, или излишнее богатство сосѣдей, или невозможность дальнѣйшихъ сообщеній, или другія подобныя имъ — воспрепятствовали. Пріуготовивши себя мануфактурностью, онъ можетъ уже переходить къ торговлѣ, которая безъ того будетъ тоже незанимательна и непонятна.

При исчисленіи народовъ, преподаватель необходимо обязанъ показать каждаго физіогномію и тѣ отпечатки, которые принялъ его характеръ, такъ сказать, отъ географическихъ причинъ. Всѣ народы міра онъ долженъ сгруппировать въ большія семейства и представить прежде общія черты каждой группы, потомъ уже развѣтвленіе ихъ. И потомъ физическую ихъ исторію, т.-е. исторію измѣненія ихъ характера, чтобъ объяснилось, отчего, напримѣръ, тевтонское племя среди своей Германіи означено твердостью флегматическаго характера, и отчего оно, перейдя Альпы, напротивъ, принимаетъ всю игривость характера легкаго.

Весьма полезны для дѣтей карты, изображающія разселеніе просвѣщенія по земному шару. Эта польза превращается въ

необходимость, когда проходятъ они Европу. Но какъ у насъ нѣтъ такихъ картъ, то преподавателю небольшаго труда стоитъ сдѣлать оныя самому. Мѣста, гдѣ просвѣщеніе достигло высочайшей степени, означать свѣтомъ и бросать легкія тѣни, гдѣ оно ниже. Тѣни сіи становятся, чѣмъ далѣе, тѣмъ крѣпче, и наконецъ превращаются въ мракъ, по мѣрѣ того, какъ природа дичаетъ, и человѣкъ оканчивается бездушнымъ эскимосомъ.

Величину земель, государствъ, никогда нельзя заучивать исчисленіемъ квадратныхъ миль. Нужно только смотрѣть на карту — вотъ одно средство узнать ее. Не мѣшало бы вырѣзать каждое государство особенно, такъ, чтобы оно составляло отдѣльный кусокъ и, будучи сложено съ другими, составило бы часть міра. Тогда будетъ видима и величина ихъ и форма.

При изображеніи каждаго города, непремѣнно должно означить рѣзко его мѣстоположеніе: подымается ли онъ на горѣ, опрокинутъ ли внизъ; его жизнь, его значительность, его средства — и, вообще, сильными и немногими чертами обозначить характеръ его. Преподаватель обязанъ исторгнуть изъ обширнаго матеріала все, что̀ бросаетъ на городъ отличіе и отмѣняетъ его отъ множества другихъ. Пусть воспитанникъ знаетъ, что̀ такое Римъ, что̀ Парижъ, что̀ Петербургъ. Пусть не мѣряетъ своимъ масштабомъ, составившимся въ его понятіяхъ при видѣ Петербурга, другихъ городовъ Европы. Все общее городамъ должно быть исключено въ опредѣленіи отдѣльно каждаго города. Во многихъ нашихъ географіяхъ и до сихъ поръ еще въ опредѣленіяхъ губернскаго города разсказывается, что въ немъ есть гимназія, соборная церковь; уѣздного — что въ немъ есть уѣздное училище и т. п. Къ чему? Воспитаннику довольно сказать сначала, что у насъ гимназіи во всѣхъ губернскихъ городахъ, церкви также. Но Кремля, Ватикана, Пале-рояля, Фальконетова Петра, Кіевопечерской лавры, Кингъ-Бенча — нѣтъ другихъ въ мірѣ. Объ нихъ дитя, вѣрно, потребуетъ подробнаго свѣдѣнія. Не нужно заниматься ничтожнымъ и скучнымъ для воспитанника вычисленіемъ числа домовъ, церквей, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда оно, по своей величинѣ или отрицательно, выходитъ изъ категоріи

обыкновеннаго. Вмѣсто этого, можно занять его архитектурой города, — въ какомъ вкусѣ онъ выстроенъ, колоссальны ли, прекрасны ли его строенія. Если онъ древній, то какъ величественна, даже въ самой странности своей, его старинная, повитая столѣтіями и на чудо взлелѣянная самими потрясеніями архитектура, и какъ, напротивъ того, легка и изящна архитектура другаго города, созданнаго однимъ столѣтіемъ. При мысли о какомъ-нибудь германскомъ городкѣ, ученикъ тотчасъ долженъ представить себѣ тѣсныя улицы, небольшіе, узенькіе и высокіе домики, гдѣ все такъ просто, такъ мило, такъ буколически, и рядомъ съ ними угловатые, просѣкающіе остріемъ воздухъ, шпицы церквей. При мысли о Римѣ, гдѣ глухо отозвался весь канувшій въ пучину столѣтій древній міръ, у него должна быть неразлучна съ тѣмъ мысль о зданіяхъ-исполинахъ, которыя, свободно поднявшись отъ земли и опершись на стройные портики и гигантскія колонны, дряхлѣютъ, какъ бы размышляя объ утекшихъ событіяхъ великой своей юности. Для этого не мѣшаетъ чаще показывать фасады примѣчательнѣйшихъ зданій: тогда необыкновенный видъ ихъ врѣжется въ памяти; притомъ это послужитъ невольно и нечувствительно къ образованію юнаго вкуса.

Исторія изрѣдка должна только озарять воспоминаніями географическій міръ ихъ. Протекшее должно быть слишкомъ разительно, и развѣ уже происходить изъ чисто географическихъ причинъ, чтобы заставить вызывать его. Но если воспитанникъ проходитъ въ это время и исторію, тогда ему необходимо показать область ея дѣйствія: тогда географія сливается и составляетъ одно тѣло съ исторіей.

Слогъ преподавателя долженъ быть увлекающій, живописный: всѣ поразительныя мѣстоположенія, великія явленія природы — должны быть окинуты яркими красками. Что̀ дѣйствуетъ сильно на воображеніе, то не скоро выбьется изъ головы. Слогъ его долженъ болѣе подходить къ слогу путешественника. Строгая аналитическая систематика не можетъ удержаться въ головѣ отрока, особливо если она распростра-

нена въ мелочахъ. Дитя тогда только удерживаетъ систему, когда не видитъ ея глазами, когда она искусно скрыта отъ него. Его система — интересъ, нить происшествій или нить описаній. Все, что̀ истинно нужно, что̀ болѣе относится къ нашей жизни, что̀ болѣе можемъ мы впослѣдствіи приспособить къ себѣ, все это уже интересно. Да впрочемъ, что̀ не интересно въ географіи? Она такое глубокое море, такъ раздвигаетъ наши самыя дѣйствія, и, не смотря на то, что показываетъ границы каждой земли, такъ скрываетъ свои собственныя, что даже для взрослаго представляетъ философически-увлекательный предметъ. Короче, нужно стараться познакомить сколько можно болѣе съ міромъ, со всѣмъ безчисленнымъ разнообразіемъ его, но чтобы это никакъ не обременило памяти, а представлялось бы свѣтло нарисованною картиною. Богатый для сего запасъ заключается въ описаніяхъ путешественниковъ, которыхъ множество и изъ которыхъ, кажется, донынѣ, въ этомъ отношеніи, мало умѣли извлекать пользы.

Лѣность и непонятливость воспитанника обращаются въ вину педагога и суть только вывѣски его собственнаго нерадѣнія: онъ не умѣлъ, онъ не хотѣлъ овладѣть вниманіемъ своихъ юныхъ слушателей; онъ заставилъ ихъ съ отвращеніемъ принимать горькія свои пилюли. Совершенной неспособности невозможно предполагать въ дитяти. Мнѣ часто случалось быть свидѣтелемъ, какъ ребенокъ, признанный за неспособнаго ни къ чему, обиженнаго природою, слушалъ съ неразвлекаемымъ вниманіемъ страшную сказку, и на лицѣ его, почти бездушномъ, не оживляемомъ до того никакимъ чувствомъ участія, поперемѣнно прорывались черты безпокойства и боязни. Неужели нельзя задобрить такого вниманія въ пользу науки?

1829.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ.

(Картина Брюлова.)

Картина Брюлова — одно изъ яркихъ явленій XIX вѣка. Она[1] — свѣтлое воскресеніе живописи, пребывавшей долгое время[2] въ какомъ-то полулетаргическомъ[3] состояніи. Не стану говорить о причинѣ этого необыкновеннаго застоя, хотя она представляетъ занимательный предметъ для изслѣдованія[4]; замѣчу[5] только, что если конецъ XVIII столѣтія и начало XIX вѣка[6] ничего не произвели полнаго и колоссальнаго въ живописи, то за то они много разработали ея части. Она распалась на безчисленные атомы и части. Каждый изъ этихъ атомовъ[7] развитъ и постигнутъ несравненно глубже, нежели въ прежнія времена[8]. Замѣтили[9] такія тайныя явленія, какихъ прежде никто не подозрѣвалъ. Вся та природа, которую чаще видитъ человѣкъ, которая его окружаетъ и живетъ съ нимъ, вся эта видимая природа, вся эта мелочь, которою пренебрегали великіе художники, достигли изумительной истины[10] и совершенства. Всѣ наперерывъ старались замѣтить тотъ живой колоритъ, которымъ дышетъ природа. Все тайное въ ея лонѣ[11], весь этотъ нѣмой языкъ пейзажа, подмѣчены или, лучше сказать, украдены, вырваны изъ самой природы, хотя все это украдено отрывками, хотя всѣ произведенія этого[12] вѣка похожи болѣе на опыты или, лучше сказать, записки, матеріалы, свѣжія мысли, которыя наскоро вноситъ путешественникъ въ свою книгу съ тѣмъ, чтобы не позабыть ихъ и чтобы составить изъ нихъ послѣ нѣчто цѣлое[13]. Живопись раздробилась на низшія ограниченныя ступени[14]: гравировка, литографія и многочисленныя[15] мелкія явленія были съ жадностію разработываемы въ частяхъ[16]. Этимъ обязаны мы XIX вѣку[17]. Колоритъ, употребляемый XIX вѣкомъ, показываетъ великій шагъ въ знаніи природы. Взгляните на эти

безпрестанно появляющіеся отрывки, перспективы, пейзажи, которые рѣшительно въ XIX вѣкѣ опредѣлили сліяніе человѣка съ окружающею природою: какъ въ нихъ дѣлится и выходитъ окинутая мракомъ и освѣщенная свѣтомъ перспектива строеній! какъ сквозитъ освѣщенная вода, какъ дышетъ она въ сумракѣ вѣтвей! какъ ярко и знойно уходитъ прекрасное небо и оставляетъ предметы передъ самыми глазами зрителя! [1] какое смѣлое, какое дерзкое употребленіе тѣней тамъ, гдѣ прежде вовсе ихъ не подозрѣвали! и вмѣстѣ, при всей этой рѣзкости [2], какая роскошная нѣжность, какая подмѣчена тайная музыка въ предметахъ обыкновенныхъ, безчувственныхъ! Но что̀ сильнѣе всего [3] постигнуто въ наше время, такъ это освѣщеніе. Освѣщеніе придаетъ такую силу и, можно сказать, единство всѣмъ нашимъ твореніямъ, что они, не имѣя въ себѣ никакого глубокаго достоинства [4], показывающаго геній, необыкновенно, однакоже [5], пріятны для глазъ. Они общимъ выраженіемъ своимъ не могутъ не поразить, хотя, внимательно разсматривая, иногда увидишь въ творцѣ ихъ необширное познаніе искусства [6].

Возьмите всѣ безпрестанно являющіяся гравюры, эти отпрыски [7] яркаго таланта, въ которыхъ дышетъ и вѣетъ природа такъ, что они, кажется, какъ будто оцвѣчены колоритомъ [8]. Въ нихъ заря такъ тонко свѣтлѣетъ на небѣ, что, всматриваясь, кажется, видишь алый отблескъ вечера; деревья, облитыя сіяніемъ солнца, какъ будто покрыты тонкою пылью; въ нихъ яркая бѣлизна сладострастно сверкаетъ въ самомъ глубокомъ мракѣ тѣни. Разсматривая ихъ, кажется, боишься дохнуть на нихъ [9]. Весь этотъ эффектъ, который разлитъ въ природѣ, который происходитъ отъ сраженія свѣта съ тѣнью, весь этотъ эффектъ сдѣлался цѣлью и стремленіемъ всѣхъ нашихъ артистовъ. Можно сказать, что XIX вѣкъ есть вѣкъ эффектовъ. Всякій, отъ перваго до послѣдняго, топорщится [10] произвесть эффектъ, начиная отъ поэта [11] до кондитера, такъ что эти эффекты, право, уже надоѣдаютъ [12], и, можетъ быть, XIX вѣкъ, по странной причудѣ своей, наконецъ, обратится ко всему безъэффектному. Впрочемъ, можно сказать, что эффекты болѣе всего выгодны въ живописи и вообще во всемъ томъ, что видимъ нашими глазами: тамъ, если они будутъ ложны и неумѣстны, то ихъ ложность и неумѣстность тотчасъ видна всякому. Но въ произведеніяхъ, подверженныхъ духовному оку,

совершенно другое дѣло: тамъ они, если ложны, то вредны тѣмъ, что распространяютъ ложь, потому что простодушная толпа безъ разсужденія кидается на блестящее. Въ рукахъ истиннаго таланта они вѣрны и превращаютъ человѣка въ исполина; но когда они въ рукахъ поддѣльнаго таланта, то для истиннаго понимателя они отвратительны, какъ отвратителенъ карло, одѣтый въ платье великана, какъ отвратителенъ подлый человѣкъ, пользующійся незаслуженнымъ знакомъ отличія. Но все это, однакожъ, не относится къ нынѣшнему дѣлу[1]. Должно признаться, что въ общей массѣ стремленіе къ эффектамъ болѣе полезно, нежели вредно: оно болѣе двигаетъ впередъ, нежели назадъ, и даже въ послѣднее время подвинуло все къ усовершенствованію[2]. Желая произвести эффектъ, многіе болѣе стали разсматривать предметъ свой, сильнѣе напрягать умственныя способности. И если вѣрный эффектъ оказывался[3] большею частію только въ мелкомъ, то этому виною безлюдье крупныхъ геніевъ, а не огромное раздробленіе жизни и познаній, которымъ обыкновенно приписываютъ[4]. Притомъ, стремленіе къ эффектамъ обдѣлало многія мелкія[5] части чрезвычайно удовлетворительно и рѣзкою своею очевидностію сдѣлало ихъ доступными для всѣхъ. Не помню, кто-то[6] сказалъ, что въ XIX вѣкѣ невозможно появленіе генія всемірнаго, обнявшаго бы[7] въ себѣ всю жизнь XIX вѣка. Это совершенно несправедливо, и такая мысль исполнена безнадежности и отзывается какимъ-то малодушіемъ[8]. Напротивъ, никогда полетъ генія не будетъ такъ ярокъ, какъ въ нынѣшнія времена; никогда не были для него такъ хорошо приготовлены матеріалы, какъ въ XIX вѣкѣ. И его шаги уже, вѣрно, будутъ исполински и видимы всѣми[9] отъ мала до велика.

Картина Брюлова можетъ назваться[10] полнымъ, всемірнымъ созданіемъ. Въ ней все заключилось. По крайней мѣрѣ, она захватила въ область свою столько разнороднаго, сколько до него никто не захватывалъ. Мысль ея принадлежитъ совершенно вкусу нашего вѣка, который вообще, какъ бы самъ чувствуя свое страшное раздробленіе, стремится совокуплять всѣ явленія въ общія группы и выбираетъ сильные кризисы, чувствуемые цѣлою массою. Всякому извѣстны прекрасныя созданія, къ которымъ принадлежатъ: Видѣніе Валтазара, Разрушеніе Ниневіи и нѣсколько другихъ, гдѣ въ страшномъ величіи пред-

ставлены эти[1] великія катастрофы, которыя составляютъ совершенство освѣщенія, гдѣ молнія въ грозномъ величіи озаряетъ ужасный мракъ и скользитъ по верхушкамъ головъ молящагося народа. Общее выраженіе этихъ картинъ поразительно и исполнено необыкновеннаго единства; но въ нихъ вообще только одна идея этой мысли. Онѣ похожи[2] на отдаленные виды; въ нихъ только общее выраженіе. Мы чувствуемъ только страшное положеніе всей толпы, но не видимъ человѣка, въ лицѣ котораго[3] былъ бы весь ужасъ имъ самимъ зримаго разрушенія. Ту мысль, которая видѣлась намъ въ такой отдаленной перспективѣ, Брюловъ[4] вдругъ поставилъ передъ самыми нашими глазами. Эта мысль у него разрослась огромно и какъ будто насъ самихъ захватила въ свой міръ. Созданіе и обстановку своей мысли произвелъ онъ необыкновеннымъ и дерзкимъ образомъ: онъ схватилъ молнію и бросилъ ее цѣлымъ потопомъ на свою картину. Молнія у него залила и потопила все, какъ будто бы съ тѣмъ, чтобы все выказать, чтобы ни одинъ предметъ не укрылся отъ зрителя. Отъ того на всемъ у него разлита необыкновенная яркость[5]. Фигуры онъ кинулъ сильно[6], такою рукою, какою мечетъ только могущественный геній: эта вся группа, остановившаяся въ минуту удара и выразившая тысячи разныхъ чувствъ; этотъ гордый атлетъ, издавшій крикъ ужаса, силы, гордости и безсилія, закрывшійся плащемъ отъ летящаго вихря каменьевъ; эта грянувшаяся на мостовую женщина, кинувшая свою чудесную, еще никогда не являвшуюся въ такой красотѣ руку; этотъ ребенокъ, вонзившій въ зрителя взоръ свой; этотъ несомый дѣтьми старикъ, въ страшномъ тѣлѣ котораго дышетъ уже могила, оглушенный ударомъ, котораго рука окаменѣла въ воздухѣ съ распростертыми пальцами; мать, уже не желающая бѣжать и непреклонная на моленія сына, котораго просьбы, кажется, слышитъ зритель; толпа, съ ужасомъ отступающая отъ строеній или со страхомъ, съ дикимъ забвеніемъ страха взирающая на страшное явленіе, наконецъ знаменующее конецъ міра; жрецъ въ бѣломъ саванѣ, съ безнадежною яростью мечущій взглядъ свой на весь міръ, — все это у него такъ мощно, такъ смѣло, такъ гармонически сведено въ одно, какъ только могло это возникнуть въ головѣ генія всеобщаго[7].

Я не стану изъяснять содержаніе[8] картины и приводить[9] тол-

кованія и поясненія на изображенныя событія[1]. Для этого у всякаго есть глазъ и мѣрило чувства; притомъ же[2] это слишкомъ очевидно, слишкомъ касается жизни человѣка и той природы, которую онъ видитъ и понимаетъ, потому-то они доступны всѣмъ отъ мала до велика[3]: я замѣчу только тѣ достоинства, тѣ рѣзкія отличія, которыя имѣетъ въ себѣ стиль Брюлова, тѣмъ болѣе[4], что эти замѣчанія, вѣроятно, сдѣлали немногіе. Брюловъ первый изъ живописцевъ, у котораго пластика достигла верховнаго совершенства. Его фигуры, не смотря на ужасъ всеобщаго событія и своего положенія, не вмѣщаютъ въ себѣ того дикаго ужаса, наводящаго содроганіе[5], какимъ дышутъ суровыя созданія Микеля Анжела. У него нѣтъ также того высокаго преобладанія небесно-непостижимыхъ и тонкихъ чувствъ, которыми весь исполненъ Рафаэль. Его фигуры прекрасны при всемъ ужасѣ своего положенія. Онѣ заглушаютъ его своею красотою[6]. У него не такъ, какъ у Микель-Анжела, у котораго тѣло только служило для того, чтобы показать одну силу души, ея страданія, ея вопль[7], ея грозныя явленія; у котораго пластика[8] погибала, контура человѣка пріобрѣтала[9] исполинскій размѣръ, потому что служила только одеждою мысли[10], эмблемою; у котораго являлся не человѣкъ, но только — его страсти. Напротивъ того, у Брюлова является человѣкъ для того, чтобы показать всю красоту свою, все верховное изящество своей природы. Страсти, чувства, вѣрныя, огненныя, выражаются на такомъ прекрасномъ обликѣ, въ[11] такомъ прекрасномъ человѣкѣ, что наслаждаешься до упоенія. Когда я глядѣлъ въ третій, въ четвертый разъ, мнѣ казалось, что скульптура, — та скульптура[12], которая была постигнута въ такомъ пластическомъ совершенствѣ древними, что скульптура эта перешла, наконецъ, въ живопись и сверхъ того проникнулась какой-то тайной музыкой. Его человѣкъ исполненъ прекрасно-гордыхъ движеній; женщина его блещетъ, но она не женщина Рафаэля: съ тонкими, незамѣтными, ангельскими чертами, — она женщина страстная[13], сверкающая, южная, италіанка[14], во всей красотѣ полудня, мощная, крѣпкая, пылающая всею роскошью страсти, всѣмъ могуществомъ красоты, — прекрасная, какъ женщина. Нѣтъ ни одной фигуры у него, которая бы не дышала красотою, гдѣ бы человѣкъ не былъ прекрасенъ. Всѣ общія движенія группъ его дышутъ мощнымъ размѣромъ и

въ своемъ общемъ движеніи уже составляютъ красоту. Въ созданіи ихъ онъ такъ же крѣпко и сильно правитъ своимъ воображеніемъ, какъ житель пустыни арабскимъ бѣгуномъ своимъ. Отъ того вся картина упруга и роскошна.

Вообще, во всей картинѣ выказывается отсутствіе идеальности, т. е. идеальности отвлеченной, и въ этомъ-то состоитъ ея первое достоинство. Явись идеальность, явись перевѣсъ[1] мысли, и она бы имѣла совершенно другое выраженіе, она бы не произвела того впечатлѣнія; чувство жалости и страстнаго[2] трепета не наполнило бы души зрителя, и мысль прекрасная, полная любви, художества и вѣрной истины, утратилась бы вовсе. Намъ не разрушеніе, не смерть страшны[3]; напротивъ, въ этой минутѣ есть[4] что-то поэтическое, стремящее вихремъ душевное наслажденіе[5]; намъ жалка наша милая чувственность, намъ жалка прекрасная земля наша. Онъ постигнулъ во всей силѣ эту мысль[6]. Онъ представилъ человѣка какъ можно прекраснѣе, его женщина дышетъ всѣмъ, что̀ есть лучшаго въ мірѣ. Ея глаза, свѣтлые какъ звѣзды, ея дышущая[7] нѣгою и силою грудь, обѣщаютъ роскошь блаженства[8]. И эта прекрасная, этотъ вѣнецъ творенія, идеалъ земли[9], должна погибнуть[10] въ общей гибели, на ряду съ послѣднимъ презрѣннымъ твореніемъ, которое недостойно было и ползать у ногъ ея[11]. Слезы, испугъ, рыданіе — все въ ней прекрасно.

Видимое отличіе, или манера Брюлова уже представляетъ тоже совершенно оригинальный, совершенно особенный шагъ. Въ его картинахъ цѣлое море блеска. Это его характеръ[12]. Тѣни его рѣзки, сильны, но въ общей массѣ тонутъ и исчезаютъ въ свѣтѣ. Онѣ у него, такъ же какъ въ природѣ, незамѣтны. Кисть его можно назвать сверкающею, прозрачною. Выпуклость прекраснаго тѣла у него какъ будто просвѣчиваетъ и кажется фарфоровою; свѣтъ, обливая его сіяніемъ, вмѣстѣ проникаетъ его. Свѣтъ у него такъ нѣженъ, что кажется фосфорическимъ[13]. Самая тѣнь кажется у него какъ будто прозрачною и, при всей крѣпости, дышетъ какою-то чистою, тонкою нѣжностью и поэзіей.

Его кисть остается навѣки[14] въ памяти. Я прежде видѣлъ одну только его картину — семейство Витгенштейна. Она съ перваго раза[15], вдругъ, врѣзалась въ мое воображеніе и осталась въ немъ вѣчно въ своемъ яркомъ блескѣ[16]. Когда я

шелъ смотрѣть картину „Разрушеніе Помпеи", у меня прежняя вовсе вышла изъ головы[1]. Я приближался вмѣстѣ съ толпою къ той комнатѣ, гдѣ она стояла, и на минуту, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ[2] случаяхъ, я позабылъ вовсе о томъ, что иду смотрѣть картину Брюлова; я даже позабылъ о томъ, есть ли на свѣтѣ Брюловъ. Но когда я взглянулъ[3] на нее, когда она блеснула передо мною, въ мысляхъ моихъ, какъ молнія, пролетѣло слово: „Брюловъ!" Я узналъ его. Кисть его вмѣщаетъ въ себѣ ту поэзію[4], которую только чувствуешь и можешь узнать всегда:[5] чувства наши всегда знаютъ и видятъ даже отличительные признаки, но слова ихъ никогда не разскажутъ. Колоритъ его такъ ярокъ, какимъ никогда почти не являлся прежде; его краски горятъ и мечутся въ глаза. Они были бы нестерпимы, если бы явились у художника градусомъ ниже Брюлова, но у него они облечены въ ту[6] гармонію и дышатъ тою внутреннею музыкою, которой исполнены живые предметы природы[7].

Но главный признакъ и что выше всего въ Брюловѣ — такъ это необыкновенная многосторонность и обширность генія[8]. Онъ ничѣмъ не пренебрегаетъ: все у него, начиная отъ общей мысли и главныхъ фигуръ, до послѣдняго камня на мостовой, живо и свѣжо. Онъ силится обхватить всѣ предметы и на всѣхъ разлить могучую печать своего таланта. Обыкновенно художникъ прежнихъ временъ всегда почти избиралъ себѣ какую-нибудь одну сторону и въ нее погружалъ[9] весь талантъ свой, развивавшійся оттого въ необыкновенномъ и какомъ-то отвлеченномъ величіи[10]. Рафаэль обыкновенно писалъ одни только лица, одно развитіе на нихъ небесныхъ страстей и помышленій; все прочее, даже одежду, бросалъ онъ додѣлывать ученикамъ своимъ. Всѣ другіе великіе художники, настроенные высокостью религіозною[11] или высокостью страстей, небрегли объ окружающемъ и второстепенномъ[12] въ ихъ картинахъ. У нихъ небо является всегда бурое; облака похожи болѣе на копны сѣна или на гранитныя массы; дерево или дѣтски-однообразно своею правильностью, или негармонически-безобразно своею неправильностью. Но у Брюлова[13], напротивъ, всѣ предметы, отъ великихъ до малыхъ, для него драгоцѣнны. Онъ силится схватить природу исполинскими объятіями и сжимаетъ ее съ страстью

любовника. Можетъ быть, въ этомъ ему помогла много раздробленная разработка въ частяхъ, которую приготовилъ[1] для него XIX вѣкъ. Можетъ быть, Брюловъ, явившись прежде, не получилъ бы такого[2] разносторонняго и вмѣстѣ полнаго и колоссальнаго стремленія. Отъ того-то его произведенія, можетъ быть, первыя, которыя живостью, чистымъ зеркаломъ природы доступны всякому[3]. Его произведенія первыя[4], которыя можетъ[5] понимать (хотя неодинаково) и художникъ, имѣющій высшее развитіе вкуса, и не знающій[6], что̀ такое художество. Они первыя, которымъ сужденъ завидный удѣлъ пользоваться всемірною славою, и высшею степенью ихъ есть до сихъ поръ — *Послѣдній день Помпеи,* которую, по необыкновенной обширности и соединенію въ себѣ всего прекраснаго[7], можно сравнить развѣ съ оперою, если только опера есть дѣйствительно соединеніе тройственнаго міра искусствъ: живописи, поэзіи и музыки.

1834, августъ.

ПЛѢННИКЪ.

(Отрывокъ изъ историческаго романа.)

Въ 1543 году, въ началѣ весны, ночью, тишина маленькаго городка Лукомья была смущена отрядомъ рейстровыхъ коронныхъ войскъ. Ущербленный мѣсяцъ, вырѣзываясь блестящимъ рогомъ своимъ сквозь безпрерывно обступавшія его тучи, на мгновеніе освѣщалъ дно провала, въ которомъ лѣпился этотъ небольшой городокъ. Къ удивленію немногихъ жителей, успѣвшихъ проснуться, отрядъ, котораго одно уже появленіе служило предвѣстіемъ буйства и грабительствъ, ѣхалъ съ какою-то ужасающею тишиною. Замѣтно было, что всю силу напряженнаго вниманія его останавливалъ тащившійся среди его плѣнникъ, въ самомъ странномъ нарядѣ, какой когда-либо налагало насиліе на человѣка: онъ былъ весь съ ногъ до головы увязанъ ружьями, вѣроятно, для сообщенія неподвижности его тѣлу. Пушечный лафетъ былъ укрѣпленъ на спинѣ его. Конь едва ступалъ подъ нимъ. Несчастный плѣнникъ давно бы свалился, если бы толстый канатъ не прирастилъ его къ сѣдлу. Освѣтить бы мѣсячному лучу хоть на минуту его лицо — и онъ бы, вѣрно, блеснулъ въ капляхъ кроваваго пота, катившагося по щекамъ его! Но мѣсяцъ не могъ видѣть его лица, потому что оно было заковано въ желѣзную рѣшетку. Любопытные жители, съ разинутыми ртами, иногда рѣшались подступить поближе, но, увидя угрожающій кулакъ или саблю одного изъ провожатыхъ, пятились и бѣжали въ свои щедушные домики, закутываясь покрѣпче въ наброшенные на плеча татарскіе тулупы и продрагивая отъ свѣжести ночнаго воздуха.

Отрядъ минулъ городъ и приближался къ уединенному монастырю. Это строеніе, составленное изъ двухъ совершенно противоположныхъ частей, стояло почти въ концѣ города на косогорѣ. Нижняя половина церкви была каменная, и, можно сказать, вся состояла изъ трещинъ, обожжена, закурена порохомъ, почернѣвшая, позеленѣвшая, покрытая крапивою, хмелемъ и дикими колокольчиками, носившая на себѣ всю лѣтопись страны, терпѣвшей кровавыя жатвы. Верхъ церкви, съ тѣми изгибистыми деревянными пятью куполами, которые установила испорченная архитектура византійская, еще болѣе изуродованная варваризмомъ подражателей, былъ весь деревянный. Новыя доски, желтѣвшія между почернѣлыми старыми, придавали ей пестроту и показывали, что еще не такъ давно она была починена[1] богомольными прихожанами. Блѣдный лучъ серпорогаго мѣсяца, продравшись сквозь кудрявыя яблони, укрывавшія вѣтвями въ своей гущѣ часть зданія, упалъ на низкія двери и на выдавшійся надъ ними вызубренный (карнизъ)[2], покрытый небольшими, своевольно выросшими желтыми цвѣтами, которые на тотъ разъ блестѣли и казались огнями или золотою надписью на дикомъ карнизѣ. Одинъ изъ толпы съ неизмѣримыми, когда-либо виданными усами, длиннѣе даже локтей рукъ его, котораго, по замашкамъ и дерзкому повелительному взгляду, признать можно было начальникомъ отряда, ударилъ дуломъ ружья въ дверь. Дряхлыя монастырскія стѣны отозвались и, казалось, испустили умирающій голосъ, уныло потерявшійся въ воздухѣ. Послѣ сего молчаніе снова заступило свое мѣсто. Брань на разныхъ нарѣчіяхъ посыпалась изъ-подъ огромнѣйшихъ усовъ начальника отряда. „Теремте-те, поповство проклятое! Ато[3] я знаю, чѣмъ васъ разбудить!“ Раздался пистолетный выстрѣлъ, пуля пробила ворота и шлепнулась въ церковное окно, стекла котораго съ дребезгомъ посыпались во внутренность церкви. Это произвело смятеніе въ кельяхъ, которыя примыкали къ церкви[3]; показались огни; связка ключей загремѣла; ворота со скрыпомъ отворились — и четыре монаха, предшествуемые игуменомъ, предстали блѣдные, съ крестами въ рукахъ.

„Изыдите, нечистые! кромѣшники!“ произнесъ едва слышнымъ, дрожащимъ голосомъ настоятель. „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, изыди, діаволъ!“

„Але то еще и брешетъ, поганый“, прогремѣлъ начальникъ языкомъ, которому ни одинъ человѣкъ не могъ бы дать имени: изъ такихъ разнородныхъ стихій былъ онъ составленъ. „То брешешь, лайдакъ, же говоришь, что мы дьяволы; ато[1] мы не дьяволы, мы — коронные“.

„Чтò вы за люди? я не знаю васъ! Зачѣмъ вы пришли смущать православную церковь?“

„Я тебѣ, псяюха, порохомъ прочищу глаза! Давай намъ ключи отъ монастырскихъ погребовъ“.

„На что вамъ ключи отъ нашихъ погребовъ?“

„Я, глупый попъ, не буду съ тобой говорить. А если ты хочешь, басамазенята, поговори зъ моимъ конемъ!“

„Принеси имъ, антихристамъ, ключи, братъ Касьянъ!“ простоналъ настоятель, оборотившись къ одному монаху. „Только у меня нѣтъ вина! Какъ Богъ святъ, нѣтъ! Ни одной бочки, ни боченка и ничего такого, чтò бы вамъ было нужно“.

„А мнѣ какое дѣло? Ребята хотятъ пить. Я тебѣ говорю, если ты, глупый попъ, сѣна, стойла и пшеницы не дашь лошадямъ, то я ихъ въ костелъ вашъ поставлю и тебя сапогомъ до морды“.

Настоятель, не говоря ни слова, возвелъ на нихъ оловянные свои глаза, которые, казалось, давно уже не принадлежали міру сему, потому что не выражали никакой страсти, и встрѣтился съ злобно устремившимися на него глазами іезуита. Онъ отворотился отъ него и остановилъ ихъ на странномъ плѣнникѣ съ желѣзнымъ наличникомъ. Видъ этотъ, казалось, поразилъ почти безчувственнаго ко всему, кромѣ церкви, старца.

„За чтò вы схватили этого человѣка? Господи, накажи ихъ трехъипостасною силою своею! Вѣрно, опять какой-нибудь мученикъ за вѣру Христову!“

Плѣнникъ испустилъ только слабое стенаніе.

Ключи были принесены, и при свѣтѣ сонно горѣвшей свѣтильни[2] вся эта ватага подошла ко входу пещеры, находившейся за церковью. Какъ только опустились они подъ земляные безобразные своды, могильная сырость обдала всѣхъ. Въ молчаніи шелъ начальствовавшій отрядомъ, и непостоянный огонь свѣтильни, окруженный туманнымъ кружкомъ, бросалъ въ лицо ему какое-то блѣдное привидѣніе свѣта, тогда какъ тѣнь отъ

безконечныхъ усовъ его подымалась вверхъ и двумя длинными полосами покрывала всѣхъ. Однѣ только грубо закругленныя оконечности лица его были опредѣлительно тронуты свѣтомъ и давали разглядѣть глубоко-безчувственное выраженіе его, показывавшее, что все мягкое умерло и застыло въ этой душѣ, что жизнь и смерть — трынъ-трава, что величайшее наслажденіе — табакъ и водка, что блаженство тамъ, гдѣ все дребезжитъ и валится отъ пьяной руки. Это было какое-то смѣшеніе пограничныхъ націй: родомъ сербъ, буйно искоренившій изъ себя все человѣческое въ венгерскихъ попойкахъ и грабительствахъ, по костюму и нѣсколько по языку полякъ, по жадности къ золоту жидъ, по расточительности его козакъ, по желѣзному равнодушію дьяволъ. Во все время казался онъ спокоенъ; по временамъ только шумѣла между усами его обыкновенная брань, особенно когда неровный земляной полъ, часъ отъ часу уходившій глубже внизъ, заставлялъ его оступаться. Тщательно осматривалъ онъ находившіяся въ земляныхъ стѣнахъ норы, совершенно обсыпавшіяся, служившія когда-то кельями и единственными убѣжищами въ той землѣ, гдѣ въ рѣдкій годъ не проходило по степямъ и полямъ разрушеніе, гдѣ никто не строилъ крѣпкихъ строеній и зàмковъ, зная, какъ непрочно ихъ существованіе. Наконецъ, показалась деревянная, заросшая мхомъ, зацвѣтшая гнилью, дверь, закиданная тяжелыми бревнами и каменьями. Предъ ней остановился онъ и оглянулъ ее значительно снизу доверху. „А ну!“ сказалъ онъ, мигнувши бровью на дверь, и отъ его волосистой брови, казалось, пахнулъ вѣтеръ. Нѣсколько человѣкъ принялись и не безъ труда отваливали бревна. Дверь отворилась. Боже, какое ужасное обиталище открылось глазамъ! Присутствовавшіе взглянули безмолвно другъ на друга, прежде, нежели осмѣлились войти туда. Есть что-то могильно-страшное во внутренности земли. Тамъ царствуетъ въ оцѣпенѣломъ величіи смерть, распустившая свои костистые члены подъ всѣми цвѣтущими весями и городами, подъ всѣмъ веселящимся, живущимъ міромъ. Но если эта дышащая смертью внутренность земли населена еще живущими, тѣми адскими гномами, которыхъ одинъ видъ уже наводитъ содроганіе, тогда она еще ужаснѣе. Запахъ гнили пахнулъ такъ сильно, что сначала заняло у всѣхъ духъ. Почти исполинскаго роста жаба

остановилась, неподвижно выпучивъ свои страшные глаза на нарушителей ея уединенія. Это была четырехъ-угольная, безъ всякаго другаго выхода, пещера. Цѣлые лоскутья паутины висѣли темными клоками съ землянаго свода, служившаго потолкомъ. Обсыпавшаяся со сводовъ земля лежала кучами на полу. На одной изъ нихъ торчали человѣческія кости; летавшія молніями ящерицы быстро мелькали по нимъ. Сова или летучая мышь были бы здѣсь красавицами.

„А чѣмъ не свѣтлица? Свѣтлица хорошая!“ проревѣлъ предводитель. „Але тебѣ, псяюхѣ, тутъ добре будетъ спать. Самъ ложись на ковалки, а подъ голову подмости ту жабу, али возьми за женку на ночь!“

Одинъ изъ коронныхъ вздумалъ было засмѣяться на это, но смѣхъ его такъ страшно-беззвучно отдался подъ сырыми сводами, что самъ засмѣявшійся испугался. Плѣнникъ, который стоялъ до того неподвижно, былъ столкнутъ на середину и слышалъ только, какъ захрипѣла за нимъ дверь и глухо застучали заваливаемыя бревна. Свѣтъ пропалъ и мракъ поглотилъ пещеру.

Несчастный вздрогнулъ. Ему казалось, что крышка гроба захлопнулась[1] надъ нимъ, и стукъ бревенъ, заваливших входъ его, показался стукомъ заступа, когда страшная земля валится на послѣдній признакъ существованія человѣка, и могильно-равнодушная толпа говоритъ, какъ сквозь сонъ: „Его нѣтъ уже, но онъ былъ“. Послѣ перваго ужаса, онъ предался какому-то безсмысленному вниманію, бездушному существованію, которому предается человѣкъ, когда ударъ бываетъ такъ ужасенъ, что онъ даже не собирается съ духомъ подумать о немъ, но вмѣсто того устремляетъ глаза на какую-нибудь бездѣлицу и разсматриваетъ ее. Тогда онъ принадлежитъ къ другому міру и ничего не раздѣляетъ человѣческаго: видитъ безъ мыслей; чувствуетъ, не чувствуя; странно живетъ. Прежде всего вниманіе его впилось въ темноту. Все было на время забыто — и ужасъ ея, и мысль о погребеніи живаго. Онъ всѣми чувствами вселился въ темноту. И тогда предъ нимъ развернулся совершенно новый, странный міръ: ему начали показываться во мракѣ свѣтлыя струи, — послѣднее воспоминаніе свѣта! Эти струи принимали множество разныхъ узоровъ и цвѣтовъ. Совершеннаго мрака нѣтъ для

глаза. Онъ всегда, какъ ни зажмурь его, рисуетъ и представляетъ цвѣты, которые видѣлъ. Эти разноцвѣтные узоры принимали или видъ пестрой шали, или волнистаго мрамора, или, наконецъ, тотъ видъ, который поражаетъ насъ своею чудною необыкновенностью, когда разсматриваемъ въ микроскопѣ часть крылышка или ножки насѣкомаго. Иногда стройный переплетъ окна, котораго, увы! не было въ его темницѣ, проносился передъ нимъ. Лазурь фантастически мелькала въ черной его рамѣ, потомъ измѣнялась въ кофейную, потомъ исчезала совсѣмъ и обращалась въ черную, усѣянную или желтыми, или голубыми, или неопредѣленнаго цвѣта крапинами. Скоро весь этотъ міръ началъ исчезать: плѣнникъ чувствовалъ что-то другое. Сначала чувствованіе это было безотчетное; потомъ начало пріобрѣтать опредѣлительность. Онъ слышалъ на рукѣ своей что-то холодное; пальцы его невольно дотронулись къ чему-то слизкому. Мысль о жабѣ вдругъ осѣнила его!... Онъ вскрикнулъ и разомъ переселился въ міръ дѣйствительный. Мысли его окунулись вдругъ въ весь ужасъ существенности. Къ тому еще присоединилось изнуреніе силъ, ужасный спертый воздухъ: все это повергло его въ продолжительный обморокъ.

Между тѣмъ отрядъ коронныхъ войскъ размѣстился въ монастырскихъ кельяхъ, какъ дома, высылалъ монаховъ подчищать конюшни и пировалъ, радуясь, что, наконецъ, схватилъ того, кто былъ имъ нуженъ.

1830.

О ДВИЖЕНІИ НАРОДОВЪ ВЪ КОНЦѢ V ВѢКА.

Великое странствіе народовъ, произведшее нынѣшнее населеніе Европы, касается началомъ своимъ глубокой древности. Оно было, можетъ быть, современно основанію Рима, если еще не прежде. Когда Средиземное море омывало еще возраждающіяся государства, видѣло первые шаги возникающей торговли и развивался духъ народовъ, составившихъ цвѣтъ древняго міра,— во глубинѣ Азіи скрывался другой, невѣдомый міръ, которому опредѣлено было уничтожить, убить все древнее величіе, древній духъ, древнія формы прежняго и замѣстить его всѣмъ новымъ. Средняя Азія совершенно противоположна южной, югозападной, африканскимъ и европейскимъ берегамъ Средиземнаго моря, гдѣ цвѣтущее разнообразіе природы, почвы, произведеній, смѣсь земли и моря, куча безчисленныхъ островов, мысовъ, заливовъ, казалось, были созданы нарочно для того, чтобы быстро развить дѣятельность и умъ человѣка. Природа средней Азіи совершенно другаго рода: она однообразна и неизмѣрима. Степи ея безбрежны, какъ-то огромно ровны, какъ будто похожи на пустынный океанъ, нигдѣ не останавливаемый островомъ. Неподвижныя озера безпредѣльныхъ равнинъ не могли возбудить никакой дѣятельности. Казалось, сама природа опредѣлила эту землю народамъ пастушескимъ, чтобы по нимъ имѣли мы понятіе о первобытной жизни первоначальныхъ людей. Неизмѣримость равнинъ не могла внушить человѣку никакой идеи о постоянномъ жилищѣ, которая обыкновенно возрождается у него при видѣ утесистой горы, берега, моря, острова и вообще, гдѣ только есть возможность укрѣпиться. Гдѣ же природа усыплена и недвижима, тамъ и человѣкъ безпеченъ: онъ заботится только о слишкомъ нужномъ. Патріархальные обита-

тели степей питались только молокомъ, сыромъ, доставляемыми ихъ полудикими животными, и рѣдко питались мясомъ. Отъ того стада ихъ множились необыкновеннымъ образомъ: владѣльцы ихъ чаще должны были переходить съ мѣста на мѣсто, степей требовалось съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе — и тѣ земли, которыя ужасаютъ донынѣ своею неизмѣримостью, земли, бывшія вдвое болѣе тогдашняго образованнаго міра, земли, съ которыми бы земледѣльцы всего свѣта не знали, что̀ дѣлать, — эти земли сдѣлались тѣсными. Сильнѣйшіе властители должны были вытѣснить слабѣйшихъ. Народы пастушескіе, не имѣя неподвижной собственности, укрѣпленной давностію владѣнія, легко уступаютъ первому напору и уходятъ съ своими стадами далѣе. И такимъ образомъ Азія сдѣлалась народовержущимъ вулканомъ. Съ каждымъ годомъ выбрасывала она изъ нѣдръ своихъ новыя толпы и стада, которыя, въ свою очередь, сгоняли съ мѣстъ изверженныхъ прежде. Они перешли горы и потянулись въ Европу. Народы, можно сказать, не шли впередъ, а машинально сталкивали другихъ съ мѣстъ. Это не были завоеватели, а какіе-то невольники, дѣйствовавшіе только отъ страха наказанія. Цѣпь народовъ отъ востока и сѣверовостока протянулась такимъ образомъ по всей Европѣ къ самому югу. На югѣ они встрѣтили первое сопротивленіе, ощутили огромную власть римлянъ и встрѣтились съ древнимъ міромъ. Между тѣмъ, Азія продолжала извергать новыя толпы. Толчокъ отъ каждаго новаго изверженія проходилъ по всей цѣпи: новые тѣснили прежнихъ, предыдущіе — послѣдующихъ. Стремленіе народовъ становилось сильно, но за то и отпоръ со стороны римлянъ былъ очень силенъ, и потому-то на границахъ римской имперіи накопилось такое множество народовъ. Послѣ каждаго новаго изверженія это накопленіе становилось сильнѣе, и римлянамъ труднѣе было сопротивляться имъ. Наконецъ, римляне уступили — и тогда орды стремительнѣе хлынули на югъ Европы. Не имѣй Европа южною границею своею Средиземнаго моря, или имѣй эти толпы народовъ какое-нибудь понятіе о мореплаваніи, это переселеніе долго бы не остановилось, — потому что Азія не переставала извергать новыя толпы, — народы перешли бы въ Африку, Европа еще бы нѣсколько лѣтъ не устоялась, хаосъ бы продолжился надолго, государства состави-

лись бы гораздо позже, и, вообще, весь ходъ образованія отодвинулся бы на дальнѣйшія времена. Но какъ только народы, овладѣвшіе югомъ Европы, увидѣли позади себя море и невозможность итти далѣе, то рѣшились всѣми силами сопротивляться нападавшимъ на нихъ непріятелямъ. Сіи послѣдніе, встрѣтивши неожиданный отпоръ, рѣшились отразить и своихъ непріятелей, которые съ своей стороны употребили то же съ своими, и такимъ образомъ толчокъ получилъ обратное направленіе, и движеніе вдругъ остановилось. Слѣдствіе этого почувствовалось даже въ Азіи, гдѣ нѣкоторые пастушескіе народы принуждены были заняться земледѣліемъ.

Это переселеніе совершилось бы гораздо быстрѣе, если бы Европа состояла изъ такихъ гладкихъ, открытыхъ равнинъ, какими исполнена Азія. Но въ ней, напротивъ того, природа на небольшомъ пространствѣ показала страшную нерегулярность и разнообразіе: со всѣхъ сторонъ она изрыта морями, берега ея всѣ изъ полуострововъ и мысовъ, средина почти нигдѣ не имѣетъ ровной поверхности: она идетъ то вверхъ, то внизъ, то подымается безобразными высокими горами, то опускается долинами, какъ будто провалившимися между ними. Къ этому нужно прибавить, что она въ то время вся была облечена дремучимъ, непроходимымъ лѣсомъ и пронята топкими болотами. И потому движеніе народовъ, чѣмъ глубже касалось Европы, тѣмъ происходило медленнѣе: они должны были продираться сквозь лѣса, перелѣзать черезъ горы и обходить болота. Они селились оазами и были такъ скрыты одинъ отъ другаго лѣсами и невѣдомыми мѣстами, что часто долго были безопасны отъ всякихъ нападеній. И когда новое наводненіе толпы, слишкомъ многочисленной, водимой предпріимчивымъ повелителемъ, освѣщало Европу великолѣпными иллюминаціями, зажигая вѣковые лѣса ея, и лѣса исчезали, — тогда изумленнымъ главамъ ихъ представлялся народъ, котораго существованія они даже и не подозрѣвали, и который нравами своими, хотя уже отдалившимися, все еще сходствовалъ съ ними. Вся Европа состояла, можно сказать, изъ клочковъ и отрывковъ, отторженныхъ другъ отъ друга самою природою; отъ того покореніе ея и соединеніе подъ одну власть было вовсе невозможно, и отъ того произошли ея безчисленныя націи, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, слились бы и изгла-

дились, если бы она состояла изъ открытыхъ равнинъ. Это былъ новый невидимый міръ, о которомъ древніе просвѣщенные народы ничего не знали, и который, можно сказать, самъ мало зналъ себя.

Основу его составляло множество разныхъ отраслей германскихъ племенъ, простиравшихся по всему западу. Берега Нѣмецкаго моря, Рейна и Дуная и вся средина Европы до Балтійскаго моря были заняты ими. Состояніе ихъ во время перваго знакомства съ ними римлянъ уже показывало давнюю осѣдлость въ Европѣ и — что переселеніе ихъ совершилось въ глубокой древности. Но что оно истекло изъ Азіи, тому доказательствомъ служитъ странное сходство нѣкоторыхъ коренныхъ словъ языка германскаго съ персидскимъ *. Выбросила ли Азія, въ первоначальной древности, за однимъ разомъ племена на югъ, образовавшіяся среди горъ въ народъ персидскій, и на сѣверъ, превратившіяся въ лѣсахъ Европы въ германцевъ, или позже тяжелое вліяніе пароянъ, ринувшихся изъ средины Азіи, принесло въ языкъ персидскій множество словъ, раздававшихся дотолѣ въ неизмѣримыхъ степяхъ ея и распространившихся уже и въ Европѣ **, — какъ бы то ни было, но первоначальное происхожденіе германцевъ было изъ Азіи, и переселеніе ихъ совершилось въ отдаленныя времена.

Эти народы представляли совершенно противоположный и вовсе отличный міръ отъ римскаго. Физическая и духовная ихъ природа носила рѣзкій отпечатокъ самобытности и особенности. Ихъ организація физическая совершенно спорила съ организаціей народовъ древняго міра. Черные блестящіе глаза, темные волосы, выразительныя, южныя черты лица, казалось, дышавшія потребностью роскоши и пресыщающихъ наслажденій, — общей физіогноміей уже остановившагося древняго міра, — встрѣчали здѣсь совершенную противоположность: голубоглазые, свѣтловолосые, рослые, крѣпкіе, съ однимъ только свирѣпымъ выраженіемъ войны на лицѣ, германцы показали собою совершенно новую природу, которою означился новый міръ. Ихъ религія, ихъ жизнь, ихъ темпераментъ, первообразныя стихіи характера разнились во всемъ отъ образо-

* Шлегель.

** Миллеръ.

ванныхъ тогдашнихъ народовъ. Религія германскихъ народовъ отличалась особенною оригинальностію. Ихъ божество и предметъ поклоненія была Земля. Казалось, какъ будто мрачный видъ тогдашней Европы внушилъ имъ идею этой религіи. Будучи рѣдко освѣщаемы солнцемъ и находясь вѣчно подъ мрачною тѣнью вѣковыхъ дубовъ, рóя пещеры для первоначальныхъ своихъ жилищъ или сохраненія сокровищъ, видя одну только землю, могущественно выбрасывавшую на поверхность растенія, приносившія имъ бѣдную пищу, и величественныя высокія деревья, шумѣвшія надъ ними, они почитали ее зиждительницею всего. Отъ ней производили они бога своего Туистона, или Тевта, у котораго былъ сынъ Манъ, а отъ него различныя вѣтви германскихъ народовъ, которые, по мнѣнію ихъ, были древнѣйшими обитателями міра. Повидимому, такое понятіе о религіи совершенно отдѣляетъ ихъ отъ Азіи, но мы должны вспомнить, что владычество природы и положенія земли всегда было сильно. Природа деспотически властвуетъ надъ первоначальнымъ человѣкомъ. Развиваясь и зрѣя умомъ, онъ получаетъ надъ нею верхъ и предписываетъ ей законы, но въ первобытномъ, но въ дикомъ состояніи онъ долженъ самъ исполнять ея законы: онъ рабъ ея. Въ средней Азіи небо все открыто передъ глазами. Тамъ оно необозримо и велико. Земля передъ нимъ кажется слишкомъ низменною. Никакое высокое растеніе, никакая остроконечная, высокая, узкая скала не останавливаетъ взора; разстилающаяся по необозримымъ пространствамъ трава представляетъ ее еще низменнѣе. Солнце тамъ течетъ величественно, обливая все своимъ свѣтомъ; звѣзды усыпаютъ густо небесный небосклонъ и однѣ только могутъ остановить человѣка и препятствовать совратиться съ пути. Отъ того во всей Азіи царствовало всегда поклоненіе солнцу и небеснымъ свѣтиламъ. Передвигаясь въ Европу, народы рѣже видѣлись съ солнцемъ. Густой и величественный мракъ европейскихъ лѣсовъ сильнѣе поражалъ ихъ дикое воображеніе. Туманы сѣвера и болотныя испаренія скрывали вовсе небо; самая необходимость заниматься иногда земледѣліемъ заставляла ихъ болѣе привязаться къ землѣ. И потому-то у германскихъ народовъ было очень слабо поклоненіе свѣтиламъ; едва у немногихъ сохранилась о немъ память. Во глубинѣ и глуши лѣсовъ, непроницаемыхъ солнцемъ,

они приносили свои жертвы богинѣ — матери Гертѣ. Казалось, мракъ считался у нихъ чѣмъ-то священнымъ, и потому-то ихъ религія уже въ самомъ началѣ не сходствовала съ другими. Они вѣрили въ безсмертіе. Но ихъ небеса были мрачны. Они въ своемъ Валгалѣ видѣли продолженіе воинственной ихъ жизни: туда переселяли они свои германскіе дубы, пылающіе костры и громъ оружій; небеса облекали въ свинцовыя тучи и населяли темными тѣнями своихъ великихъ, уже погибшихъ на войнѣ, героевъ. Поклоненіе Гертѣ разошлось между всѣми почти германскими племенами. Къ предметамъ поклоненія ихъ принадлежали также тѣни умершихъ героевъ, которыхъ они представляли въ колоссальномъ видѣ. Такія же почести раздѣляли ихъ товарищи кони, изъ которыхъ бѣлые почитались, по свидѣтельству Тацита, священными и хранились въ заповѣдныхъ рощахъ. Ихъ впрягали въ священную колесницу, за которою шелъ король, жрецы, и по храпѣнію ихъ узнавали будущее.

Германскіе народы долго сохраняли первобытный образъ жизни. Они жили и веселились одною войною. Они трепетали при звукѣ ея, какъ молодые, исполненные отваги, тигры. Думали о томъ только, чтобы помѣряться силами и повеселиться битвой. Ихъ мало занимала корысть, или добыча: блеснуть бы только подвигомъ, чтобы послѣ пересказали его дѣло въ пѣсняхъ. Съ именемъ прославившагося въ бояхъ соединялись у нихъ всѣ выгоды и счастіе жизни. Его выбирали въ предводители; къ нему чувствовалось у всѣхъ народовъ уваженіе и изумленіе. Онъ былъ посредникъ и судья во всѣхъ спорахъ, на войнѣ полный распорядитель добычи; ему даже чуждыя, отдаленныя племена присылали конныя сбруи; ему родныя и подвластныя племена добровольно приносили въ даръ произведенія полей своихъ — плоды, скотъ и лошадей[1]. Храбрость казалась чѣмъ-то божескимъ; подъ его знамена всѣ спѣшили наперерывъ и сражались, не для добычи, но чтобы показаться передъ нимъ и заслужить его одобрительное слово. Его имя долго поминалось въ пѣсняхъ, и по смерти его, въ честь ему, совершались пиршества; и долго племя, имѣвшее его, превозносилось его подвигами передъ другими; тѣнь его становилась божествомъ и служила предметомъ поклоненія. Такой удѣлъ былъ завиденъ, потому что жажда безсмертія

уже кипитъ и въ неразвившемся человѣкѣ. Всѣ наперерывъ стремились прошумѣть подвигами; битвы были часты, и германцы, по первому призванію, готовы были летѣть съ своими дикими силами.

Они сражались почти наги, выказывая во всей простотѣ атлетическую свою силу. Плащъ, застегнутый вмѣсто пряжки терновымъ шипомъ, кожа дикаго звѣря на плечѣ — вотъ ихъ убранство. Они строились густо, кучами, въ видѣ клина; дѣйствовали вблизи и вдали короткими копьями, называемыми фрамеями; львиная сила мышцъ ихъ бросала ихъ такъ далеко, сколько нужно было, чтобы достать непріятеля; одни щиты ихъ показывали роскошь, испещряемые яркими цвѣтами; толпа женъ, дѣтей слѣдовала за ними въ битву, сопровождала ихъ своимъ крикомъ и была причиною новаго мужества: они не мыслили предаться бѣгству, при мысли о рабствѣ, ожидающемъ ихъ женъ и дѣтей, усугубляли дикій напоръ свой, и непріятели уступали. Ихъ жены тутъ же, среди битвы, высасывали раны мужей своихъ, залѣчивали ихъ и даже уносили на плечахъ своихъ. Смерть предводителя, вмѣсто того, чтобы разстроить ихъ, связывала желѣзною силою мести и дѣлала ихъ несокрушимыми. Бросить щитъ было верхъ безчестія, и несчастный, жертва всеобщаго презрѣнія, убивалъ самъ себя. Предводитель силою одного уваженія, безъ власти, правилъ самовластно племенами, и воины, съ изумительною покорностью, исполняли его велѣнія. Предводя на войнѣ, они оставляли при себѣ власть эту иногда и среди мира и назывались гериманами *.

Они были вольны и не хотѣли никакой имѣть надъ собою власти. Правленія у нихъ почти не было. Они собирались на народныя собранія, стекавшіяся при новолуніи и полнолуніи каждаго мѣсяца, а въ случаяхъ чрезвычайныхъ и во всякое время. На эти собранія они приходили лѣниво и медленно, желая показать, что дѣлаютъ это по своей волѣ; нѣсколько дней протекало, покамѣстъ могло составиться нужное число для совѣщанія. Они сидѣли въ полномъ вооруженіи; одни только жрецы могли приказать наблюдать молчаніе; предсѣдательствовали старѣйшины семействъ, сѣдовласые (grawion),

* Тацитъ [1].

послѣ измѣнившіе это названіе въ графовъ; говорили князья и прославившіеся въ битвахъ; рѣчи ихъ были просты, но исполнены того сильнаго и сжатаго лаконизма, которымъ отличается безхитростное краснорѣчіе народовъ свѣжихъ.

Они были просты, прямодушны; ихъ преступленія были слѣдствіе невѣжества, а не разврата. То, чтò было безчестіе и низость духа, называлось только преступленіемъ; переметчики, измѣнники были вѣшаны и предаваемы мучительной казни; за низкіе и безчестные поступки бросали въ болото, забрасывали тиною и фашинникомъ, какъ бы желая скрыть то, чтò не должно бы никогда показываться. Жена, измѣнившая мужу, была въ его власти: онъ могъ отрѣзать ей волоса, лишить одѣянія и обнаженную, покрытую стыдомъ, гнать розгами чрезъ веси и деревни, и никто не смѣлъ изъявлять сожалѣнія, не смотря на всю красоту ея; но примѣры эти были рѣдки, потому что германцы были дики и жестки нравами, и что у нихъ были только обычаи, которые обыкновенно сильнѣе самихъ законовъ.

Они были безпечны, бездѣйственны въ домашней жизни и представляли совершенную противоположность безпокойному быту воинскому. Они были безчувственно-лѣнивы и лежали въ своихъ хижинахъ, не трогаясь съ мѣста. Чѣмъ болѣе кто почиталъ себя храбрымъ, тѣмъ болѣе считалъ для себя низкимъ всякое занятіе; поля обработывали старики, безсильные, малолѣтные[1] и рабы, которые пользовались совершенною свободою и платили только небольшую подать отъ полей своихъ. Всѣ домашнія заботы лежали на женахъ. Жена не приносила мужу приданаго; напротивъ, онъ долженъ былъ самъ, наканунѣ свадьбы, принесть въ даръ быка въ ярмѣ, вооруженную лошадь и копье, какъ бы желая этимъ дать знать, что она должна раздѣлить всѣ его занятія.

Они одѣвались совершенно противоположно римскому міру и всѣмъ народамъ южнымъ, любителямъ вольныхъ, широкихъ одеждъ: они носили платье узкое, которое совершенно обвивалось около ихъ тѣла; звѣриныя кожи, носимыя ими, придавали имъ что-то дикое и звѣрообразное. Одѣянія женъ ихъ мало отличались отъ мужскихъ; у иныхъ платье было льняное алое, доходившее только до пояса, такъ что шея, грудь и руки были открыты. Дѣти были совершенно преданы своей

волѣ и росли вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ. Когда они достигали совершеннаго возраста, тогда только получали право носить оружіе и засѣдать въ собраніяхъ. Гостепріимство, свойственное почти всѣмъ дикарямъ и первобытнымъ нравамъ, было ихъ принадлежностью. Гостя дарили подарками; немогшій угостить его отводилъ самъ къ другому.

Но болѣе всего можно было видѣть древняго германца въ его пиршествахъ, въ которыхъ проводили они напролетъ цѣлыя ночи, гдѣ зажженные дубы величественно освѣщали лѣса, и хлѣбный напитокъ изъ ячменя, можетъ быть, пращуръ нынѣшняго пива, такъ употребительнаго въ Германіи, разрѣшалъ ихъ мысли, рѣчи и намѣренія. Въ этихъ-то пиршествахъ созрѣвали всѣ ихъ предпріятія. Тутъ они задумывали свои смѣлыя и дерзкія дѣла, которыя не всегда и не всѣмъ могли притти въ голову во время медленныхъ народныхъ собраній. Они были стремительны, азартны, и какъ только были разбужены, потрясены и выходили изъ своего хладнокровнаго положенія, то уже не знали предѣловъ своему стремленію. Азартность ихъ болѣе всего оказывалась въ игрѣ, въ которую заигрывался дикій германецъ до того, что проигрывалъ свой домъ, оружіе, жену, дѣтей, наконецъ самого себя и становился рабомъ, — состояніе нестерпимѣе для него самой смерти! Эта азартность, можетъ быть, служила основаніемъ тѣхъ дерзкихъ, сильныхъ страстей, которыми исполнены европейцы.

Таковы были народы германскіе — грубыя стихіи, изъ которыхъ образовалась новая Европа. Они дѣлились на безчисленныя племена и, какъ густые европейскіе лѣса, усѣивали сѣверную Европу. Чтобы яснѣе обозрѣть ихъ, начнемъ съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ древній міръ уже видѣлъ этихъ первоначальныхъ зиждителей новаго, т. е. отъ рѣки Дуная, служившаго предѣломъ для римлянъ. Тутъ обитали уже входившіе въ сношеніе съ древнимъ просвѣщеннымъ Римомъ, все еще вольные, но уже не столь одичавшіе, какъ-то: гермундуры, нариски, маркоманы и квады. Потомъ великая цѣпь племенъ германскихъ толпилась по Рейну, отъ устья и внизъ до впаденія его въ море: вангіоны, трибоки, нѣметы, матіаки, убіи; за ними слѣдовали тенктеры, бывшіе первыми наѣздниками, которыхъ конница славилась и у римлянъ, которыхъ все иму-

щество были лошади и оставлялись въ наслѣдство только храбрымъ; за ними узипетры и у самаго впаденія Рейна въ море — сильные батавы. Средина Германіи, погруженная въ лѣса, скрывала самыхъ свирѣпыхъ и сильныхъ народовъ. Начиная съ запада и на востокъ, первые встрѣчались хаты, предки нынѣшнихъ гессенцовъ, жившіе при рѣкѣ Майнѣ, гдѣ Германія состоитъ изъ частыхъ возвышенностей, — народъ, страшившій своею пѣхотою, регулярнымъ устройствомъ ея, осмотрительностію въ нападеніяхъ и дикимъ выраженіемъ лицъ своихъ. Ихъ обычаи невольно поражали своею оригинальностію. Ни одинъ юноша не смѣлъ отрѣзать волосъ своихъ до тѣхъ поръ, пока не омылъ рукъ своихъ въ крови непріятеля; въ битвахъ они должны были находиться впереди и своими обросшими косматыми лицами наводили робость на врага. Всякій хатъ носилъ на рукѣ своей желѣзное кольцо, чтò считалось безчестіемъ, потому что напоминало цѣпи; сбросить его онъ могъ тогда только, когда поражалъ собственною рукою непріятеля. На югъ отъ хатовъ были херуски, обитатели Гарца; далѣе слѣдовали фозы, сигамбры, бруктеры, ангруаріи, хазуаріи, наконецъ аряне, отличавшіеся совершенно особеннымъ родомъ нападеній, которыя они производили въ глухія, мрачныя ночи, и, желая облечь ихъ страхомъ, выкрашивали тѣло, носили щиты, покрытые черною краскою, и, въ видѣ погребальной процессіи, представлялись изумленнымъ глазамъ непріятелей, не могшихъ выносить такого зрѣлища. За ними на востокъ, въ пространствахъ нѣсколько болѣе открытыхъ, обитали свевы, состоявшіе изъ множества разныхъ племенъ и ведшіе долго еще жизнь пастушескую, не смотря на то, что положеніе земли, еще болотной, мало представляло для ней удобства.

Вообще можно сказать: чѣмъ ближе къ западу и югозападу, тѣмъ болѣе было занимавшихся земледѣліемъ, или, по крайней мѣрѣ, оно мѣшалось у нихъ съ пастушескою жизнію; чѣмъ ближе къ востоку, къ Венгріи, Дакіи и Польшѣ, тѣмъ болѣе преобладала пастушеская жизнь; чѣмъ глубже въ лѣса Гарца, тѣмъ мрачнѣе и сильнѣе становились германскія племена. Но самые опасные, которыхъ римляне даже вовсе почти не знали и которые были истинные разрушители ихъ владычества — это были всѣ, населявшіе берега морей

и прибалтійскія земли. Сюда никогда не досягали римляне. Здѣсь жили пираты, самые предпріимчивые изъ германцевъ, которыхъ уже положеніе земли и моря заставляло отваживаться на дерзкія дѣла. Такимъ образомъ, по Нѣмецкому морю жили фризы и хавки; за ними самые сильные корсары сѣвера — саксы, въ Голштиніи — кимвры, по Балтійскому морю — готы, варны, ругіи, бургунды, и въ Пруссіи — лонгобарды, вандалы, герулы. Кромѣ того, въ срединѣ Германіи находилось еще множество разныхъ отродій, совершенно скрытыхъ болотами и лѣсами, которыя, во время частыхъ битвъ между ея племенами, были вытѣсняемы и видѣли необходимость избирать неприступныя мѣста. Горы Альпъ и Карпата заключали въ себѣ множество клочковъ или остатковъ разныхъ племенъ гальскихъ, германскихъ и венедскихъ, бандитствовавшихъ въ дикой Европѣ. Сѣверовостокъ ея, совершенною бѣдностію почвы, уединеніемъ и страшнымъ пространствомъ, не могъ образовать и возрастить сильныхъ народовъ. Въ разсѣянныхъ, бездомовныхъ, безпріютныхъ его обитателяхъ, финнахъ, и отросткахъ народовъ эстскихъ замирала жизнь, какъ и въ самой природѣ того края.

Вотъ каковъ былъ тотъ отдѣльный міръ дикой Европы! Вотъ каковы были тѣ народы, которыхъ мощную силу прежде всего должны были испытать римляне. И если Всемірная Имперія не пала гораздо ранѣе, то причиною этого были чрезвычайное раздробленіе народовъ германскихъ, положеніе Европы, препятствовавшее имъ слиться въ одно, простота нравовъ, заставлявшая ихъ довольствоваться грубыми произведеніями своей земли, незнаніе корысти, такъ свойственной разрушающимъ дикарямъ, осѣдлость и любовь въ свободѣ, заставлявшая ихъ удаляться во глубину своихъ лѣсовъ. Римляне чувствовали всю опасность отъ этихъ свѣжихъ силъ европейскихъ народовъ. И отъ того никакая изъ границъ имперіи — ни восточно-азійская, ни южно-африканская, не была такъ защищена, какъ сѣверо-европейская. Сюда, можно сказать, стеклась вся сила ихъ. И должно признаться, что средства защиты, при тогдашнемъ изнемогающемъ состояніи имперіи, были приняты самыя благоразумныя. Имперія отдавала опасныя границы свои свѣжимъ воинственнымъ народамъ, которые лучше всего могли защищать ихъ и были довольны вна-

чаѣ немногимъ. Но къ чести народовъ германскихъ нужно сказать, что одна только сильная необходимость заставляла ихъ принимать этотъ даръ римлянъ. Эта зависимость казалась для нихъ рабствомъ, и они спѣшили въ глубину лѣсовъ своихъ — скрыть тамъ свою свободу. Покушенія римлянъ принуждали ихъ составлять сильные между собою союзы, но эти союзы никогда не были нападательны; цѣль ихъ была только привести въ безопасность свою волю, бывшую для нихъ дороже всего. Одинъ изъ сихъ союзовъ, извѣстный подъ именемъ союза франковъ, болѣе другихъ возросъ и усилился, благодаря благопріятному положенію земли и умножавшимся натискамъ со стороны всѣхъ народовъ. Разнородныя племена, его составившія, заняли часть Вестфаліи и Гессена и такъ тѣсно слились, что составили, наконецъ, одну націю подъ именемъ франковъ. Но этотъ союзъ не былъ бы такъ страшенъ для римлянъ, и вся Германія долѣе пребывала бы неподвижною, если бы не дѣйствовали на нее постороннія силы выходившихъ изъ Азіи народовъ. Восточная часть Европы была очень страшна своими равнинами. Это были широкія ворота въ западную Европу, большая дорога, черезъ которую переходили поперемѣнно разноцвѣтные народы; лѣса были здѣсь болѣе выжжены, нежели въ другихъ мѣстахъ; болота скорѣе высохли, и съ каждымъ столѣтіемъ она становилась просторнѣе и удобнѣе для переходовъ. Открытыя мѣста ея давали средство народамъ и племенамъ соединяться въ большія массы, представляли удобность для кочующей жизни, которая даетъ средства производить великіе набѣги. Народъ вдругъ могъ подняться съ легкихъ жилищъ своихъ и произвести всею массою самое страшное, ничѣмъ неотразимое, разрушительное нападеніе.

Одному изъ народовъ германскихъ опредѣлено было прежде всѣхъ другихъ произвести всеобщее движеніе. Этотъ народъ былъ готы *, народъ, надъ которымъ, казалось, тяготѣло какое-то проклятіе, осудившее его на скитаніе. Долго блуждалъ онъ и показывался то въ Скандинавіи, на противоположныхъ берегахъ Балтійскаго моря, то, наконецъ, на широкомъ востокѣ Европы. По свидѣтельству историка Іорнанда, онъ перво-

* О готахъ Прокопій, Іорнандъ, Гиббонъ.

бытную жизнь велъ въ Скандинавіи. Можетъ быть даже, что это былъ одинъ изъ первоначальныхъ народовъ Европы. Перебравшись изъ снѣговой своей отчизны, онъ устремился на берегъ Пруссіи и произвелъ страшный всемірный переворотъ, вытѣснивъ оттуда вандаловъ, ломбардовъ, геруловъ, бургундовъ и саксовъ, и, противъ ихъ собственной воли, заставилъ ихъ быть одними изъ ревностныхъ дѣятелей въ разрушеніи западной имперіи. Всеобщее потрясеніе ощутилось во всей Европѣ: вся эта цѣпь сильныхъ прибалтійскихъ народовъ придвинулась ближе къ границамъ римскимъ, потѣснила въ горы и болота множество племенъ, сжала сильнѣе ихъ силу, и римляне должны были завести новое знакомство: герулы, вандалы, ломбарды уже стали появляться въ войскахъ ихъ.

Между тѣмъ, готы, прочистивши передъ собою дорогу, отчасти разогнали, отчасти покорили придунайскихъ народовъ — маркомановъ, квадовъ; соединились въ южныхъ равнинахъ Дакіи въ многочисленныя массы и, съ приведенными подъ власть свою народами, устремились къ Черному морю. Чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ удобнѣе была имъ дорога и тѣмъ быстрѣе былъ ихъ путь; наконецъ, они очутились въ срединѣ Греціи и въ Малой Азіи, выжгли берега Чернаго моря. Халцедонъ, Эфесъ были обращены въ пепелъ; Аѳины были разграблены страшно, безжалостно. Императоръ Децій видѣлъ опасность восточныхъ границъ обширной своей имперіи, и, между тѣмъ какъ на западныхъ границахъ войска его сражались съ вандалами, свевами, герулами, сдвинутыми съ мѣстъ готами, онъ самъ предводилъ войсками на востокѣ и погибъ съ оружіемъ въ рукахъ. Готы съ великою добычею возвратились, заняли нынѣшнюю Россію, пріобрѣли трактатомъ отъ римлянъ всю Дакію и остались здѣсь, владычествуя надъ придунайскими народами и тревожа присутствіемъ своимъ безпечную имперію. Тогда Всемірные Императоры, узнавшіе несчастнымъ опытомъ дикое мужество готовъ, составили планъ принимать ихъ въ свои войска и выдавать жалованье этимъ неодолимымъ дикарямъ. Симъ пріобрѣли они сильныхъ защитниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣли и сильныхъ непріятелей, потому что открыли имъ тайну благоустроенной тактики, которая еще болѣе могла придать имъ перевѣса. Но, впрочемъ, тактика готовъ и безъ того была неодолима. Она соеди-

няла въ себѣ вмѣстѣ и тактику народовъ легкихъ и кочующихъ, и тактику неподвижныхъ народовъ. Они строились густыми, великими массами и сохраняли одинаковую крѣпость въ порывѣ перваго нападенія, въ разгарѣ битвы и въ потухающей силѣ ея окончанія. Какъ бы долго ни длилась битва, ихъ ряды невозможно было сдвинуть съ мѣста. Нападенія свои они сопровождали такъ же, какъ и другія германскія племена, пѣснями. Въ пѣсняхъ провозглашались имена древнихъ героевъ: Фридигера, Видигана, Этесбамера и другихъ. Власть религіозная заключалась въ одномъ лицѣ, который былъ вмѣстѣ и царь, и предводитель войскъ, и верховный жрецъ, и при всемъ томъ — зависѣлъ отъ совѣта храбрыхъ.

У готовъ съ незапамятныхъ временъ тянулось царственное поколѣніе Бальтовъ, изъ которыхъ только однихъ можно было избирать царей. Поклонялись Водану, бывшему въ отдаленные вѣки ихъ предводителемъ вмѣстѣ съ Оденомъ, этимъ сѣвернымъ Улисомъ*. Изъ всѣхъ народовъ германскихъ готы болѣе другихъ способны были принять цивилизацію. До средины четвертаго вѣка, власть готовъ признавалась болѣе или менѣе народами на Дунаѣ, на западѣ и на востокѣ нынѣшней Россіи. Имя царя ихъ Германриха было уважаемо отъ береговъ Чернаго моря до Ливоніи... Но владычество готовъ было смущено великимъ азіятскимъ нашествіемъ гунновъ.

Гунны, или гіонгну, по свидѣтельству Дегине[1], были племена сильныя, занимавшія великія степи Татаріи, Манжуріи, потрясшія Китай, но неумѣвшія противиться китайской лукавой политикѣ и обратившіяся впослѣдствіи въ данниковъ китайскихъ монарховъ. Однакоже, многочисленная часть поднялась съ своими кибитками и табунами, направляясь[2] на западъ, заняла закаспійскія земли и скрылась такимъ образомъ изъ виду Китая. Поселеніе ихъ на берегахъ каспійскихъ историки римскіе относятъ ко времени Домиціана[3]. Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что образованный тогдашній римско-греческій міръ ничего не зналъ даже о томъ, существуетъ ли на свѣтѣ этотъ народъ, до времени императора Валента[4], т. е. до того времени, когда увидѣли вдругъ извергавшіяся изъ горъ Азіи толпы гунновъ и съ ними аваровъ, гуннуюровъ,

---

* Шлегель.

ульзингуровъ и другихъ народовъ, которыхъ имена дико звучали для утонченнаго и вмѣстѣ испорченнаго слуха римлянъ-грековъ. Набѣгъ этихъ обитателей Азіи разрушительный, неотразимый, обычай ихъ ѣсть сырое мясо, пить изъ непріятельскихъ череповъ и приносить на окровавленномъ кострѣ въ жертву тѣнямъ своихъ предковъ первыхъ попадавшихся плѣнниковъ, самыя ихъ калмыцкія лица, плоскія, неуклюжія, смуглыя, наводившія робость однимъ своимъ свирѣпымъ движеніемъ, ихъ приземистый ростъ, весь состоявшій изъ однихъ мускуловъ[1], — привели въ такой ужасъ азіятско-римскія провинціи, что жители не смѣли производить ихъ отъ человѣческаго племени. Они думали, что маги и волшебники неизмѣримыхъ каспійскихъ пустынь вошли въ нечистое сношеніе съ дьяволами, и отъ этого союза произошли гунны.

Гунны, по какому-то странному инстинкту, или, можетъ быть, испугавшись слишкомъ пестрой поверхности римской Азіи, усѣянной садами и городами, которыхъ всегда убѣгаютъ кочевые народы, считающіе ихъ темницами, или не находя вольныхъ пустынныхъ степей, необходимыхъ для ихъ неисчисляемыхъ стадъ, — какъ бы то ни было, только они двинулись, вмѣсто того, чтобы на югъ, — на сѣверозападъ, зацѣпили путемъ своимъ Кавказа, сорвали съ его подошвы нѣсколько народовъ кавказскихъ и увлекли съ собою. Вся эта кочевая толпа высыпала въ Европу. Великій аванпостъ Европы занятъ былъ, какъ мы уже видѣли, владычествомъ готовъ. Ихъ многочисленныя племена и покоренные ими народы были передовыми ея стражами и наполняли ея обширныя ворота, къ несчастію, слишкомъ обширныя для такой небольшой части Свѣта, какова Европа. И готы, тѣ готы, которые считались непобѣдимымъ ея оплотомъ и силою, уступили передъ ними. Это такъ и долженствовало быть. Тайна азіятскаго многочисленнаго набѣга была совершенно неизвѣстна готамъ. Если бы они знали, что азіятское нападеніе болѣе всего страшно силою перваго порыва, что умѣніе долѣе противустать ему и продлить битву одни только могутъ выиграть, — если бы готы знали это, то гунны убрались бы снова за Кавказъ, и Европа не почувствовала бы сильнаго потрясенія, измѣнившаго снова ея видъ. Но эта тайна не была постигнута готами. Впрочемъ, надобно сказать и то, что нужно

было имѣть нечеловѣческую храбрость и крѣпость духа, чтобы выдержать первый напоръ гунновъ. Нападенія ихъ были производимы съ такимъ ужаснымъ крикомъ; многочисленная масса ихъ летѣла такъ густо и съ такою силою на лошадяхъ бѣшеныхъ, почти дикихъ, какъ будто бы была сброшена съ крутаго утеса и не въ состояніи была сама удержать бѣга; узкій, почти пропадавшій между пухлыхъ щекъ ихъ глазъ былъ такъ быстръ и вѣренъ, въ одно мгновеніе они давали столько измѣненій ходу битвы, такъ быстро могли разсыпаться и исчезнуть изъ виду, такъ скоро собраться въ кучи, такъ мѣтко высылать летящій лѣсъ стрѣлъ; даже убѣгая, такъ ловко они умѣли отстрѣливаться, и все это сопровождали такимъ дикимъ, оглушительнымъ крикомъ, что врядъ ли могъ сыскаться предводитель, чей глазъ не разбѣжался бы, и голова не закружилась въ битвѣ съ ними.

Погнавши готовъ, гунны заняли нынѣшній польскій западъ Россіи да сѣверныя и дунайскія земли, — и географія Европы измѣнилась снова. Занявши такое огромное пространство, гунны необходимо должны были произвесть сильное потрясеніе и всеобщую перемѣну мѣстъ. Сдвинутые готы, хотя съ трудомъ, но подались на западъ и югъ; вандалы и свевы, съ которыми римляне, или, лучше сказать, римскіе германцы мѣрялись уже на самыхъ границахъ своими силами, ворвались чрезъ Францію и Альпы въ Испанію. И въ Испаніи, ко всеобщему изумленію, столкнулись народы совершенно съ противоположныхъ странъ свѣта: Свевы съ береговъ Балтики и снѣжной Скандинавіи и Алане, оторванные гуннскимъ порывомъ съ подошвы Кавказа.

Гунны бродили по степямъ Россіи, переносили свои кибитки и перегоняли табуны въ теченіи цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ, не производя дальнихъ завоеваній, потому что западную Европу и на тотъ разъ спасало лѣсистое и неровное положеніе и потому что гуннамъ не доставало предпріимчиваго предводителя. Они производили свои набѣги на сосѣдей, которые обыкновенно состояли въ хищничествѣ женъ, дѣтей и въ угонкѣ стадъ въ свои предѣлы. Эти хищничества болѣе всего должны были испытать готы, какъ ближайшіе къ нимъ народы. Готы въ это время раздѣлились на двѣ великія вѣтви: на визиготовъ, которыхъ цари были избираемы изъ прежней

царственной линіи Бальтовъ, и остроготовъ, избиравшихъ царей изъ новой царственной вѣтви Амаловъ. Столкнутые гуннами, они притѣснились къ самому югу нынѣшней Украйны и Молдавіи. Не нашедшая безопасности часть визиготовъ, подъ начальствомъ Фридигера, Алета, Сафраха, обратилась съ просьбою къ римскому императору о позволеніи перейти черезъ Дунай и, поселившись на южной сторонѣ его, защищать провинціи отъ нападенія усиливавшихся варваровъ. Императоръ Валентиніанъ, управлявшій имперіей вмѣстѣ съ братомъ своимъ Валентомъ, принялъ съ радостію неожиданную помощь — и визиготы перешли чрезъ Дунай. Между тѣмъ остроготы и часть визиготовъ, жившихъ на юговостокѣ, терпѣли часто голодъ и видѣли безпрестанно увеличивающіяся свои нужды, просили императора Валента[1], который имѣлъ надзоръ надъ восточными провинціями и жилъ въ Константинополѣ, снабдить ихъ нужными произведеніями и позволить имъ торговать съ тамошними жителями. Императоръ поручилъ удовлетворить ихъ во всемъ ѳракійскимъ правителямъ, Луципину и Максиму, которые были совершенные греки временъ византійскихъ — коварные, готовые оказать злодѣйскіе поступки даже безъ побудительныхъ причинъ и почитавшіе позволительными всѣ поступки съ варварами. Они не торговали, но просто грабили готовъ и доводили ихъ до крайности продавать женъ и дѣтей; наконецъ, подъ видомъ пріязни, призвали доблестнѣйшихъ готовъ и рѣшились тайно умертвить ихъ. Это пробудило мщеніе въ дикомъ, но сохранявшемъ первоначальныя человѣческія чувства народѣ. Многочисленныя толпы готовъ ворвались во Ѳракію и до самаго Константинополя жгли, грабили и обратили въ пепелъ всѣ находившіеся по дорогѣ города и окрестности. Императоръ Валентъ находился въ весьма неблагопріятномъ положеніи. Онъ былъ ревностный аріанецъ, и потому гналъ безъ милосердія противниковъ секты, потому имѣлъ враговъ, и самъ братъ его Валентиніанъ, императорствовавшій въ Римѣ, отказался[2] подать ему помощь. Кромѣ того, императоръ Валентъ былъ жестокъ и ужасно подозрителенъ: ему предсказали, что гибель его послѣдуетъ отъ человѣка, котораго имя начинается словомъ *Ѳео* — и онъ перерѣзалъ и передушилъ всѣхъ Ѳеодориковъ, Ѳеодотовъ и Ѳеодосіевъ, которые только занимали какія-нибудь значительныя должности.

Само собою разумѣется, что такіе поступки не внушили его подданнымъ излишняго жара защищать своего монарха. Притомъ, и самые подданные были жалкій, безхарактерный народъ; войска умѣли только бунтоваться[1] и готовы были бѣжать при первомъ случаѣ; финансы разбрелись по рукамъ евнуховъ, любимцевъ, любовницъ и пронырливаго духовенства. Итакъ, Валенту наконецъ пришлось[2] поплатиться за прежнюю жизнь свою. Оставленный бѣгущими войсками, онъ спрятался въ бѣдную хижину и былъ сожженъ вмѣстѣ съ нею мстительными готами. Константинополь уцѣлѣлъ, благодаря незнанію готовъ осаждать города. Готы съ торжествомъ, съ безчисленною добычею, возвратились въ свои жилища, оставивъ римлянамъ страшную память своего посѣщенія.

Скоро послѣ этого произошло совершенное раздѣленіе римской имперіи. Императоръ Ѳеодосій думалъ спасти ее чрезъ эту секуляризацію, приписывая слабость ея неизмѣримости и невозможности одному управлять. Восточная имперія, которая очень справедливо стала называться греческою, а еще справедливѣе могла бы назваться имперіей евнуховъ, комедіантовъ, любимцевъ, ристалищъ, заговоровъ, низкихъ убійцъ и диспутствующихъ монаховъ, досталась Аркадію, которымъ управлялъ пронырливый опекунъ его Руфимъ; западная, которая тоже весьма несправедливо называлась римскою, потому что всѣ административныя значительныя мѣста были заняты выслужившимися варварами изъ готовъ, вандаловъ и другихъ германцевъ, получившихъ только слабый наружный лоскъ римскаго образованія, которая уже въ собственномъ сердцѣ своемъ видѣла насильно тѣснившихся враговъ, которая въ живомъ трупѣ своемъ видѣла и чувствовала онѣмѣніе жизни,— эта западная имперія вручена была малолѣтному[3] Гонорію, которымъ управлялъ Стиликонъ, родомъ вандалъ, бывшій вѣрнымъ и храбрымъ при Ѳеодосіѣ и сдѣлавшійся низкимъ и слабымъ при ничтожномъ его сынѣ. Опекуны, правительствовавшіе въ разныхъ углахъ Европы, ненавидѣли другъ друга. Первый подарокъ, который Руфимъ, хитрый, какъ византійскій грекъ, препроводилъ къ своему непріятелю Стиликону, состоялъ въ сильныхъ войскахъ визиготовъ, которыхъ онъ настроилъ воевать Италію, обѣщая съ своей стороны не подавать никакой помощи. Всѣ визиготы поднялись съ своихъ становищъ въ

Дакіи и съ береговъ Дуная и вступили въ Италію. Но Стиликонъ, вмѣсто того, чтобы устрашиться такого нашествія, втайнѣ былъ радъ ему. Онъ основывалъ на немъ кучу плановъ. Прежде всего онъ думалъ этими свѣжими, многочисленными и сильными варварами истребить другихъ варваровъ, уже втѣснявшихся въ самые предѣлы римской имперіи. Тогда Галлія и принадлежала, и не принадлежала римлянамъ. Сильный франкскій союзъ стоялъ на границахъ ея вмѣстѣ съ накопленными подъ его эгидомъ племенами; на востокѣ и на югѣ, т. е. въ нѣдрѣ самой Франціи, вольно расположились алеманы и бургунды. Въ Испаніи свевы, алане и вандалы захватили всю лучшую часть ея, т. е. югъ. Среди ихъ римскіе префекты и начальники играли самую жалкую роль, имѣли достоинство безъ власти. Казалось, вмѣсто римской имперіи лежала надъ полуміромъ одна только величественная длинная тѣнь ея. Имперія была похожа на тысячелѣтній дубъ, который изумляетъ своею страшною толщиною, и котораго средина давно уже обратилась въ гниль и прахъ. Стиликонъ искусно отклонилъ Алариха отъ желанія поселиться въ Италіи и предложилъ ему богатую, цвѣтущую Испанію. Онъ даже замышлялъ обратить этихъ варваровъ противъ врага своего Руфима; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ располагалъ даже, въ случаѣ удачи, объявить себя императоромъ вмѣсто слабаго Гонорія, но черезчуръ перехитрилъ, и собственная голова слетѣла съ плечъ его. Слабый, ничтожный Гонорій, не понявшій ни одного прожекта Стиликона, велѣлъ одному изъ своихъ, также неразсудительныхъ полководцевъ напасть съ тыла на готовъ, уже выступавшихъ въ Испанію, съ тѣмъ чтобы нанести имъ какой-нибудь вредъ. Аларихъ вдругъ обратился и очутился подъ стѣнами Рима. Гонорій по обыкновенію бѣжалъ. Сенатъ, видѣвши безсиліе свое, умолилъ могущественнаго гота отступить, обѣщая дань, часть которой ему была выдана тогда же; остальной рѣшился побѣдитель ждать и отступилъ отъ Рима. Какъ только узналъ Гонорій, что опасность миновала[1], какъ уже вновь прибылъ въ Римъ и вовсе не думалъ платить дани. На этотъ разъ Аларихъ явился подъ стѣнами уже гнѣвный, грозившій обратить въ пепелъ вѣчный городъ. 23 августа 409[2] года стѣны всемірной столицы увидѣли среди себя предводителя готовъ. Великолѣпные домы и дворцы были разгра-

блены, но грозный Аларихъ запретилъ зажигательство и пролитіе крови. Изъ этого можно видѣть силу воли и власть, какую онъ имѣлъ надъ своими дикарями, удержавъ ихъ отъ того, отъ чего иногда не властенъ удержать и начальникъ образованныхъ войскъ. Гонорія и слѣда уже не было въ Римѣ, онъ давно умѣлъ[1] скрыться. Но за то побѣдитель показалъ въ величайшей степени презрѣніе, какое чувствовалъ къ римлянамъ: возвелъ имъ царя ихъ же префекта Атала и заставилъ его ползать у дверей палатъ своихъ. Насытивъ свое мщеніе, оставилъ онъ Римъ и обратился на югъ Италіи. Здѣсь онъ замышлялъ великіе планы, строилъ флотъ и намѣревался перенести свои побѣдительныя знамена на берега Африки, но смерть остановила его подвиги. Для гробницы его визиготы отвели теченіе рѣки Везанто, вырыли на бывшемъ днѣ ея глубокую могилу, въ которую зарыли трупъ, и потомъ снова возвратили ее на прежнее лоно, чтобы никто не могъ осквернить и поругаться надъ могилою великаго гота. Избранный послѣ него Астольфъ наконецъ вывелъ готовъ въ Испанію, гдѣ они быстро утвердились и составили сильное готское королевство, изгнавъ не имѣвшихъ значенія римскихъ начальниковъ.

Вторженіе визиготовъ было сильно почувствовано во всѣхъ концахъ Испаніи. Алане и свевы были крѣпко стѣснены, и большая часть ихъ должна была признать власть готовъ. Даже вандалы, бывшіе сильнѣйшими въ Испаніи, были сильно притѣснены и придвинуты къ Средиземному морю. Уже король ихъ, Гензерихъ, помышлялъ о переправѣ въ Африку. Но одно происшествіе, какъ будто нарочно, ускорило исполненіе его мысли. Въ Римѣ управлялъ, именемъ малолѣтняго Валентиніана и его матери, знаменитый Аэцій, предпріимчивый, честолюбивый, хитрый, не слишкомъ разборчивый на средства къ достиженію желаемаго. Онъ имѣлъ сильнаго противника въ Бонифаціѣ, правителѣ Африки, и рѣшился его погубить; для этого призывалъ его именемъ императора въ Римъ. Бонифацій, проникнувши умыселъ, рѣшился остаться въ Африкѣ и призвать на помощь Гензериха. Въ 427 году[2] Гензерихъ съ вандалами и частію алановъ высадился на берегъ Африки и означилъ путь свой пожарами и опустошеніями. Бонифацій увидѣлъ, наконецъ, свою ошибку, что призвалъ такого гостя.

Онъ успѣлъ уже примириться съ императоромъ и рѣшился поставить преграду безпокойному своему союзнику. Но съ Гензерихомъ не такъ было легко управиться; Бонифацій былъ разбитъ. Гензерихъ зажегъ Карѳагену, ограбилъ домы, рубилъ жителей и извлекъ, гдѣ только могли скрываться, сокровища.

Быстрые успѣхи разожгли его хищное честолюбіе. Скоро весь сѣверный берегъ Африки подвергнулся его вандальскому владычеству. Огнемъ и мечемъ окрестилъ онъ его въ аріанство и составилъ сильнѣйшее въ этотъ мятежный и темный вѣкъ государство. Съ этого времени разгулялся Гензерихъ. Страшный флотъ его разсыпался по Средиземному морю и прекратилъ своимъ корсарствомъ всякое плаваніе. Каждый годъ этотъ нумидійскій левъ появлялся у всѣхъ береговъ Средиземнаго моря, отъ Греціи и Илиріи до Гибралтара, собирая, какъ жатву на собственномъ полѣ, все, чтò могла только произвесть цвѣтущая населенность ихъ. Испанія, Сицилія, Сардинія, Далмація попеременно чувствовали ужасную разрушительную руку этого вѣнчаннаго пирата, который такъ быстро воздвигнулъ первое государство христіанскихъ корсаровъ. Но, наконецъ, среди величія и награбленныхъ богатствъ, имъ овладѣло то состояніе духа, та свирѣпая задумчивость, которая сушитъ, мучитъ душу и служитъ близкимъ предвѣстіемъ тиранства, ужасной нравственной болѣзни властителя. Онъ сталъ подозрѣвать всѣхъ окружающихъ и подозрѣніе наконецъ простеръ на жену свою, дочь визиготскаго короля: ему вообразилось, что она имѣетъ умыселъ отравить его. Наполненный этою мыслію, онъ приказалъ отрѣзать ей носъ и уши и въ такомъ видѣ отправить къ ея отцу. Но, испугавшись самъ мщенія готовъ, пригласилъ Аттилу, предводителя гунновъ, напасть съ сѣвера на Испанію и Италію.

Аттила имѣлъ свою резиденцію въ Дакіи, гдѣ, недалеко отъ Дуная, находилось становище изъ грубыхъ деревянныхъ юртъ, среди которыхъ возвышался неуклюжій дворецъ его. Аттила былъ именно такой предводитель, какого дотолѣ не доставало гуннамъ. Онъ показалъ, какъ можетъ быть ужасна стремительная азіатская сила. Весь сѣверовостокъ Европы признавалъ его владычество. Цѣпь народовъ, несшихъ дань непобѣдимому царю гунновъ, начиналась у Кавказа и оканчивалась

у Рейна. Готы, гепиды, алане, герулы, аказиры, туринги и славяне очутились въ границахъ его быстро раздавшейся кочевой имперіи. Греческій императоръ, испытывавшій его презрѣніе, униженно присылалъ ему дань и ползалъ передъ его могуществомъ. Это былъ маленькій человѣчекъ, почти карло, съ огромною головою, съ небольшими калмыцкими глазами, но такъ быстрыми, что ни одинъ изъ подданныхъ его не могъ выносить ихъ безъ невольнаго трепета. Однимъ этимъ взглядомъ онъ двигалъ всѣми своими племенами, которыя, не смотря на разбросанное свое положеніе, различіе жизни, нравовъ и обычаевъ, слились его словомъ въ одну душу. Посреди своихъ придворныхъ, блиставшихъ награбленнымъ золотомъ, этотъ необыкновенный человѣкъ носилъ грубую широкую одежду, лежалъ на простомъ войлокѣ, пилъ почти одну воду изъ деревяннаго котла; ни сѣдло, ни лошадь его не видали на себѣ драгоцѣнныхъ каменьевъ, и самъ себя называлъ бичемъ Божіимъ, посланнымъ для того, чтобы исправить міръ. Власть его надъ войскомъ была безпредѣльна: оно вѣрило, что у него находится чудесный мечъ, который долженъ завоевать ему весь міръ. Повиновеніе покоренныхъ народовъ было изумительно. Впрочемъ, невозможно было и думать имъ о возмущеніи, потому что Аттила могъ выставить возлѣ своей ставки такую пирамиду изъ отрубленныхъ головъ, глядя[1] на которую немного находилось охотниковъ. Онъ не любилъ заводить напрасно войны, особенно, когда миръ могъ ему доставить то же самое. Справедливость его была ужасна. Онъ показывалъ и великодушіе, но только рабамъ, простертымъ у ногъ его. Мщеніе же Аттилы... но вызвать его мщеніе никто не имѣлъ духа.

Предложеніе Гензериха, казалось, упредило его собственную мысль. Властительно собралъ онъ безчисленныя племена свои и шелъ на западъ. Римская имперія почувствовала всю опасность. Всѣ народы, составлявшіе тогда западъ Европы, встревожились. И тогда случилось странное событіе: вся западная дикая Европа сдвинулась въ одинъ союзъ. Римляне соединились съ своими разрушителями, визиготами, аланами, франками. Народы кочующіе и пастушескіе шли на неподвижныхъ и уже отчасти землѣдѣльцевъ, стремительная и деспотическая Азія — на крѣпкую и вольную Европу. Нужно замѣ-

тить, что германскіе народы, чѣмъ ближе къ западу, тѣмъ болѣе означались вольнымъ духомъ. Альпы были древнимъ хранилищемъ европейской свободы, и вокругъ ихъ, на далекое разстояніе, племена хранятъ еще и донынѣ черты независимости. Равнинамъ близъ Марны во Франціи опредѣлено было быть театромъ этой единственной битвы. Западная вольная Европа изъ римлянъ, визиготовъ, арморикань, бреоновъ, бургундовъ, саксоновъ, алановъ и франковъ, подъ начальствомъ королей, военныхъ предводителей и подъ высшимъ распоряженіемъ искуснаго Аэція, и восточная кочевая Европа изъ остроготовъ, алановъ, гепидовъ, маркомановъ, венедовъ, ломбардовъ, геруловъ, аказировъ, аваровъ, турингoвъ, роксолановъ и нѣкоторыхъ племенъ славянскихъ, подъ начальствомъ своихъ князей, королей и принцевъ, и движимыхъ одною всемогущею волею Аттилы, должны были рѣшить многое важное въ потомствѣ. Вольная Европа устояла. Неотразимая, разрушительная конница Аттилы была опрокинута вмѣстѣ съ союзными народами, и непобѣдимый гуннъ, употребившій все возможное напряженіе своей воли, поворотилъ свои табуны и народы въ равнины Венгріи и Паноніи. Аэцій, не желая дать перевѣса визиготамъ, дѣйствовавшимъ сильнѣе другихъ въ этой кровопролитной сѣчѣ, облегчилъ ему удаленіе Великая лига, исполнившая свое назначеніе, разошлась и обратилась въ прежнія начала, увидя минувшею[1] опасность.

Но ужасный предводитель гунновъ рвалъ на себѣ благородный клокъ волосъ своихъ отъ гнѣва и черезъ годъ, пополнивши свои войска новыми, вступилъ въ Италію, гдѣ безпечный императоръ Валентиніанъ и даже самъ Аэцій не мыслили объ опасности. Первый городъ, испытавшій его тяжелую руку, былъ Аквилея. Онъ его обратилъ въ пепелъ и заставилъ горсть спасшихся жителей зародить на Адріатическомъ морѣ Венецію[2]. Отсюда прошелъ онъ всю Италію, дѣйствуя какъ огненный бичъ. Города: Конкордія, Бресчіа, Виченца, Падуа, Верона, Мантуа, Миланъ, Модена, Парма—представили однѣ обнаженныя стѣны. „Клянусь“, гордо провозгласилъ дикій гуннъ: „что, гдѣ коснется копыто[3] коня моего, тамъ болѣе не выростетъ трава!“ Наконецъ, и Римъ увидѣлъ подъ стѣнами своими Аттилу. Испуганный папа,

въ облаченіи, со всѣмъ крестнымъ ходомъ, вышелъ навстрѣчу неумолимому гунну, и великолѣпный ли обрядъ христіанства, или мысль, разсѣянная между дикими, даже языческими народами, о пребываніи чего-то священнаго въ Римѣ, — что̀ бы то ни было, но Аттила отступилъ, взявши великій выкупъ, и вышелъ изъ Италіи.

Теперь предстояла очередь испытать его мщеніе и силу соединенной лигѣ западныхъ народовъ, но внезапная смерть его спасла ее. Аттила умеръ необыкновеннымъ образомъ. Суровый, воздержный, не позволявшій золотымъ украшеніямъ и камнямъ убрать даже рукояти сабли и войлочнаго сѣдла своего, онъ въ одинъ день измѣнилъ свою жизнь. Сочетавшись бракомъ съ дочерью бактріанскаго царя, необыкновенною красавицею, упоенный виномъ и пиршествомъ, онъ съ такимъ неистовствомъ предался сладострастію, что выпилъ за однимъ разомъ всю желѣзную жизнь свою. Кровь у него пошла изъ ушей, изъ носа, изо рта — и онъ задохнулся.

Въ невѣдомой пустынѣ, среди глубокой ночи, копали могилу Аттилѣ, сопровождая пѣснями о его подвигахъ. Тѣло его было положено въ тройной гробъ — изъ золота, серебра и мѣди; съ нимъ легли его оружія, его конныя сбруи. На могилѣ его были заколоты всѣ рабы и копавшіе землю, чтобы никто изъ живущихъ не вѣдалъ о мѣстѣ, гдѣ лежатъ кости великаго человѣка*.

По смерти Аттилы, гунны вдругъ разсѣялись и разсыпались, какъ всякій азіатскій народъ, связанный только могущественною волею предводителя. Тогда европейскіе народы шире и вольнѣе раздались и болѣе приняли самостоятельности, и на Востокѣ начали виднѣе показываться племена славянъ, которыя мало по малу разрослись въ шестьдесятъ разныхъ вѣтвей**, протянулись до Тироля, прошумѣли по уходѣ остроготовъ на границахъ имперіи греческой и, углубившись въ великія пространства, наконецъ превратились въ мирныхъ осѣдлыхъ народовъ.

Италія еще дымилась послѣ опустошеній Аттилы, но и среди полуразрушенныхъ развалинъ ея крылись еще происки. И въ

---

* О гуннахъ и объ Аттилѣ: Іорнандъ, Дегине, Фишеръ.

** Конрадъ Гесперъ.

этомъ изнеможенномъ государствѣ еще нашлись жалкіе честолюбцы! Сенаторъ Максимъ успѣлъ очернить передъ безсильнымъ императоромъ Валентиніаномъ единственную опору его шаткаго трона — Аэція, и неблагодарный Валентиніанъ убилъ его собственною рукою. Но, лишившись этой опоры, онъ самъ погибъ, умерщвленный Максимомъ, который надѣлъ на свою дѣтски-честолюбивую голову императорскую корону и женился на его вдовѣ Евдоксіи. Мстительная вдова, раздраженная низкимъ умерщвленіемъ своего супруга и мало заботившаяся объ участи всей Италіи, тайно пригласила Гензериха вступить въ Римъ и отмстить за смерть императора, его союзника и друга.

Гензерихъ не любилъ заставлять долго ждать себя; онъ немедленно поднялся съ береговъ Африки съ толпами своихъ вандаловъ, на пиратскихъ судахъ, и высадился въ Италію. И что̀ только уцѣлѣло отъ меча Аттилы, все то истребилъ, по своему обыкновенію, Гензерихъ. Онъ не очень разбиралъ, кто правъ, кто виноватъ, и кому онъ долженъ оказать помощь. Все испытало равную участь. Гензерихъ имѣлъ необыкновенное искусство грабить: послѣ него уже никто не могъ ничѣмъ поживиться. Римъ, который дотолѣ щаженъ былъ даже язычниками, былъ ограбленъ безъ милосердія этимъ христіанскимъ королемъ; все, что̀ только можно было взять, онъ взялъ. Корабли свои онъ наполнилъ множествомъ плѣнниковъ, съ которыми самъ не зналъ, что̀ дѣлать; вывезъ множество артистовъ и художниковъ, увезъ даже супругу императора, къ которой пришелъ самъ на помощь, вмѣстѣ съ дочерьми ея, наконецъ даже сорвалъ золотой куполъ съ Капитолія и утащилъ его вмѣстѣ съ другими сокровищами въ Африку.

Послѣ всѣхъ этихъ событій, Италія не походила и на тѣнь прежней своей славы. Цвѣтущая, прекрасная, вѣнецъ европейской природы, она представила дикій видъ опустошенной, уничтоженной страны. Титло императора едва слышалось въ опустѣлыхъ городахъ. Римскій императоръ уже не могъ имѣть никакихъ доходовъ. Онъ не былъ въ состояніи даже платить жалованья собственному войску, набранному изъ геруловъ, ругіевъ и турцелинговъ. И тогда предводитель ихъ, Одоакръ, отрѣшилъ своего императора отъ должности, сдѣлался неограниченнымъ и независимымъ и уже не хотѣлъ принять импе-

раторскаго достоинства, но назвался, просто, королемъ геруловъ. Еще часть римскаго войска находилась какъ бы отрѣзанною за Альпами въ Галліи, и предводитель ея, Сіагрій, не зная ничего о происшествіяхъ въ Италіи, защищалъ не существующую имперію противъ соединеннаго франкскаго союза, который сдѣлался уже слишкомъ страшнымъ, потому что имѣлъ предпріимчиваго короля и полководца Кловиса. Сіагрію, отрѣзанному отъ своего государства, не получавшему никакихъ подкрѣпленій, трудно было противуборствовать этимъ свѣжимъ силамъ: онъ уступилъ — и Галлія потопилась франкскими народами. Скоро послѣ того остроготы, предводимые Ѳеодорикомъ, двинулись съ сѣверныхъ границъ имперіи восточной и заняли Италію, подчинивъ ея народы своей власти. Скоро послѣ того англосаксы, на своихъ неуклюжихъ дерзкихъ корабляхъ, перебрались черезъ море и овладѣли Англіею — и потомъ великія эмиграціи народовъ большими массами совершенно остановились, но въ частности, и малыми силами, они производились безпрерывно. Дикіе охотники, воспитанные этими всеобщими странствіями и безпрерывною перемѣною мѣстъ, получили страсть къ приключеніямъ и путешествіямъ, и вся Европа, не смотря на то, что повидимому уже казалася неподвижною, двигалась и шевелилась подобно огромному рынку. Всѣ націи перемѣшались между собою такъ, что уже невозможно было отыскать совершенно цѣльной, и только впослѣдствіи постоянный образъ правленія или занятій сообщилъ главнымъ изъ нихъ нѣкоторую особенность и нѣкоторые признаки отличія. Тогда было четыре первенствующихъ великихъ собраній или массъ народа, четыре главные пункта европейской силы: въ Испаніи — визиготы, вторгнувшіеся туда съ частію покоренныхъ народовъ и присоединившіе къ себѣ уже въ Испаніи алановъ, свевовъ, вандаловъ и разныхъ подданныхъ имъ народовъ, зародившіе толпу сильныхъ противъ себя бандитовъ въ горахъ Астурійскихъ. Въ Галліи франки, уже составившіе націю изъ прежнихъ[1] сосѣдей римлянъ, дунайскихъ и рейнскихъ германцевъ: узипетровъ, сигамбровъ, херусковъ, хатовъ, бруктеровъ, ангриваріевъ, хазуаріевъ и другихъ, соединившіеся съ туземцами римскими галлами, соединившіеся, но не слившіеся съ покоренными арморяканами, бретонами, алеманами, бургундами, отчасти

бауарами и фризами, и простерші владычество за Альпы и Рейнъ.—Это было одно изъ сильнѣйшихъ собраній народовъ. Въ сѣверной Германіи саксоны, страшные своею дикостью и пиратствомъ, менѣе смѣшавшіеся съ другими народами, и въ Италіи остроготы, имѣвшіе въ толпахъ своихъ множество отродій народовъ, странствовавшихъ по восточной Европѣ — свевскихъ, аланскихъ, аварскихъ, славянскихъ, гепидскихъ — и, подъ расторопнымъ, твердымъ правленіемъ Θеодорика, получившіе на время перевѣсъ въ Европѣ. Сверхъ того еще, всѣ эти великія массы народовъ распространяли покровительственную власть свою надъ многими отдаленными племенами. — Взаимныя границы ихъ часто терялись въ неопредѣленныхъ пространствахъ; въ этихъ промежуткахъ земли, иногда черезполосно и независимо, сохранялись многіе народы: такимъ образомъ, въ средней Германіи — ломбарды, потомъ блеснувшіе въ Италіи, часть бауаровъ, всѣ народы, жившіе въ неизмѣримыхъ прежде лѣсахъ Гарца и въ гористыхъ уклоненіяхъ Альпъ. Востокъ Европы занимали совершенно разбросанныя племена славянскія, которыя, находясь подъ вѣчнымъ угнетеніемъ всѣхъ стремившихся изъ Азіи народовъ, еще не успѣли явиться дѣятелями всемірной исторіи. За означеннымъ кругомъ, на сѣверъ и на востокъ, разсѣевались[1] народы, еще покрытые темною недѣятельностью.

Такова была Европа въ это шумное окончаніе V вѣка, когда непостижимою волею Провидѣнія величественный хаосъ, носившій темныя начала новаго свѣта, опустился на Европу, когда разрушающіе народы безобразными массами текли на народы, колоссально совершались мрачныя событія, когда имена Алариха, Гензериха и Аттилы пронеслися безпокойными кометами, когда между тѣмъ древній міръ долго дотлѣвалъ на востокѣ, робкое римское просвѣщеніе прижалось къ берегамъ Сиріи, Александріи, Цареграда, и ереси Несторія и Евтихія раздирали дряхлыя, старческія его силы.

ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШАГО.

Октября 3.

Сегодняшняго[1] дня случилось необыкновенное приключеніе. Я всталъ поутру довольно поздно, и когда Мавра принесла мнѣ вычищенные сапоги, я спросилъ, который часъ. Услышавши, что уже давно било десять, я поспѣшилъ поскорѣе одѣться. Признаюсь, я бы совсѣмъ[2] не пошелъ въ департаментъ, зная заранѣе, какую кислую мину сдѣлаетъ нашъ начальникъ отдѣленія. Онъ уже давно мнѣ говоритъ: „Чтò это у тебя, братецъ, въ головѣ всегда ералашъ такой? Ты иной разъ метаешься, какъ угорѣлый, дѣло подчасъ такъ спутаешь[3], что самъ сатана не разберетъ, въ титулѣ поставишь маленькую букву, не выставишь[4] ни числа, ни номера". Проклятая цапля! онъ, вѣрно, завидуетъ[5], что я сижу въ директорскомъ кабинетѣ и очиниваю[6] перья для его пр-ва. Словомъ, я не пошелъ бы въ департаментъ, если бы не надежда видѣться съ казначеемъ и, авось либо, выпросить[7] у этого жида хоть сколько-нибудь изъ жалованья впередъ. Вотъ еще созданіе! Чтобы онъ выдалъ когда-нибудь впередъ за мѣсяцъ деньги — Господи, Боже мой, да скорѣе страшный судъ придетъ[8]. Проси, хоть тресни, хоть будь въ разнуждѣ, — не выдастъ, сѣдой чортъ. А на квартирѣ собственная кухарка бьетъ его по щекамъ; это всему свѣту извѣстно[9]. Я не понимаю выгодъ служить въ департаментѣ: никакихъ совершенно рессурсовъ. Вотъ въ губернскомъ правленіи, гражданскихъ и казенныхъ палатахъ совсѣмъ другое дѣло: тамъ, смотришь, иной прижался въ самомъ уголку и пописываетъ, фрачишка на немъ[10] гадкій, рожа такая, что плюнуть хочется, а посмотри ты, какую онъ дачу нанимаетъ! Фарфоровой вызолоченной чашки и не неси къ нему: „Это", говоритъ, „докторскій подарокъ"; а ему давай или пару рысаковъ[11], или дрожки, или боберъ рублей въ триста. Съ виду такой тихенькій[12], говоритъ такъ деликатно: „одолжите ножичка починить[13] перышко", а

тамъ обчиститъ такъ, что только одну рубашку оставитъ на просителѣ. Правда[1], у насъ зато служба благородная, чистота во всемъ такая, какой вовѣки не видѣть губернскому правленію, столы изъ краснаго дерева, и всѣ начальники на *вы*.... Да, признаюсь, если бы не благородство службы, я бы давно оставилъ департаментъ.

Я надѣлъ старую шинель и взялъ зонтикъ, потому что шелъ проливной дождикъ. На улицахъ не было никого; однѣ только бабы, накрывшись полами платья[2], да русскіе купцы подъ зонтиками, да курьеры[3] попадались мнѣ на глаза. Изъ благородныхъ только нашъ братъ, чиновникъ, попался мнѣ[4]. Я увидѣлъ его на перекресткѣ. Я, какъ увидѣлъ его, тотчасъ сказалъ себѣ: „Эге! нѣтъ, голубчикъ, ты не въ департаментъ идешь, ты спѣшишь вонъ за тою, что бѣжитъ впереди, и глядишь на ея ножки“[5]. Чтò это за бестія нашъ братъ, чиновникъ! Ей Богу, не уступитъ никакому офицеру: пройди только[6] какая-нибудь въ шляпкѣ, непремѣнно зацѣпитъ. Когда я думалъ это, увидѣлъ подъѣхавшую карету къ магазину, мимо котораго я проходилъ. Я сейчасъ узналъ ее: это была карета нашего директора. „Но ему не зачѣмъ въ магазинъ“, я подумалъ:[7] „вѣрно, это его дочка“. Я прижался къ стѣнкѣ. Лакей отворилъ дверцы, и она выпорхнула изъ кареты, какъ птичка. Какъ взглянула она направо и налѣво, какъ мелькнула своими бровями и глазами... Господи, Боже мой, пропалъ я, пропалъ совсѣмъ! И зачѣмъ ей выѣзжать въ такую дождевую пору! Утверждай теперь, что у женщинъ не велика страсть до всѣхъ этихъ тряпокъ[8]. Она не узнала меня, да и я самъ нарочно старался закутаться, какъ можно болѣе, потому что на мнѣ была шинель очень запачканная и притомъ стараго фасона[9]. Теперь плащи носятъ съ длинными воротниками, а на мнѣ были коротенькіе, одинъ на другомъ; да и сукно совсѣмъ не дегатированное[10]. Собаченка ея, не успѣвши вскочить въ дверь магазина, осталась на улицѣ. Я знаю эту собаченку. Ее зовутъ — Меджи. Не успѣлъ я пробыть минуту, какъ вдругъ слышу тоненькій голосокъ: „Здравствуй, Меджи!“ Вотъ тебѣ на! кто это говоритъ? Я обсмотрѣлся[11] и увидѣлъ шедшихъ подъ зонтикомъ двухъ дамъ[12]: одну старушку, другую молоденькую; но они уже прошли; а возлѣ меня опять раздалось: „Грѣхъ тебѣ, Меджи!“ Чтò за чортъ! я увидѣлъ, что Меджи

обнюхивалась съ собаченкою, шедшею за дамами. „Эге!" сказалъ я самъ себѣ: „да, полно, не пьянъ ли я![1] Только это, кажется, со мною рѣдко случается". — „Нѣтъ, Фидель, ты напрасно думаешь", произнесла[2], — я видѣлъ самъ, что произнесла Меджи: „я была, авъ, авъ! я была, авъ, авъ, авъ! очень больна!"[3] Ахъ ты жъ собаченка! вишь![4] Признаюсь, я очень удивился, услышавъ ее говорящую по-человѣчески; но послѣ, когда я сообразилъ все это хорошенько, то тогда же пересталъ[5] удивляться. Дѣйствительно, на свѣтѣ уже случилось множество подобныхъ примѣровъ[6]. Говорятъ, въ Англіи выплыла рыба, которая сказала два слова на такомъ странномъ языкѣ, что ученые уже три года стараются опредѣлить и еще до сихъ поръ ничего не открыли[7]. Я читалъ тоже въ газетахъ о двухъ коровахъ, которыя пришли въ лавку и спросили себѣ фунтъ чаю. Но, признаюсь, я гораздо болѣе удивился, когда Меджи сказала: „Я писала къ тебѣ, Фидель; вѣрно, Полканъ не принесъ письма моего!" Чортъ возьми! Я еще въ жизнь не слышалъ, чтобы собака могла писать. Правильно писать можетъ только дворянинъ. Оно конечно, нѣкоторые и купчики-конторщики и даже крѣпостной народъ пописываетъ иногда; но ихъ писаніе большею частью механическое: ни запятыхъ, ни точекъ, ни слога[8].

Это меня удивило. Признаюсь, съ недавняго времени я начинаю[9] иногда слышать и видѣть такія вещи, которыхъ никто еще не видывалъ и не слыхивалъ. „Пойду-ка я", сказалъ я самъ въ себѣ[10], „за этой собаченкою и узнаю, что̀ она и что̀ такое думаетъ"[11]. Я развернулъ свой зонтикъ и отправился за двумя дамами. Перешли въ Гороховую, поворотили въ Мѣщанскую, оттуда въ Столярную, наконецъ, къ Кокушкину мосту и остановились передъ большимъ домомъ. „Этотъ домъ я знаю", сказалъ я самъ въ себѣ: „это домъ Звѣркова". Эка машина! Какого въ немъ народа не живетъ: сколько кухарокъ, сколько пріѣзжихъ![12] а нашей братьи — чиновниковъ, какъ собакъ, одинъ на другомъ сидитъ, а третьимъ погоняетъ[13]. Тамъ есть и у меня одинъ пріятель, который хорошо играетъ на трубѣ. Дамы взошли въ пятый этажъ. „Хорошо", подумалъ я: „теперь не пойду[14], а замѣчу мѣсто и при первомъ случаѣ не премину воспользоваться"[15].

Октября 4.

Сегодня середа, и потому я былъ у нашего начальника въ кабинетѣ. Я нарочно пришелъ пораньше и, засѣвши[1], перечинилъ всѣ перья. Нашъ директоръ[2] долженъ быть очень умный человѣкъ. Весь кабинетъ его уставленъ шкафами съ книгами. Я читалъ названіе нѣкоторыхъ: все ученость, такая ученость, что нашему брату и приступа[3] нѣтъ, — все или на французскомъ, или на нѣмецкомъ. А посмотрѣть въ лицо ему[4]: фу, какая важность сіяетъ въ глазахъ! Я еще никогда не слышалъ, чтобы онъ сказалъ[5] лишнее слово. Только развѣ, когда подашь бумаги[6], спроситъ: „Каково на дворѣ?" — „Сыро, ваше превосходительство!" Да, не нашему брату чета! Государственный человѣкъ. — Я замѣчаю, однакоже, что онъ меня особенно любитъ[7]. Если бы и дочка.... эхъ, канальство!... Ничего, ничего, молчаніе! — Читалъ Пчелку. Эка глупый народъ французы! Ну, чего хотятъ они?[8] Взялъ бы, ей Богу, ихъ всѣхъ да и перепоролъ розгами! Тамъ же читалъ очень пріятное изображеніе бала, описанное курскимъ помѣщикомъ. Курскіе помѣщики хорошо пишутъ. Послѣ этого замѣтилъ я, что уже било половину перваго, а нашъ[9] не выходилъ изъ своей спальни. Но около половины втораго случилось происшествіе, котораго никакое перо не опишетъ. Отворилась дверь, я думалъ, что директоръ[10], и вскочилъ[11] со стула съ бумагами; но это была она, она сама! Святители[12], какъ она была одѣта! Платье на ней было бѣлое, какъ лебедь, — фу[13], какое пышное! А какъ глянула — солнце! ей Богу, солнце! Она поклонилась и сказала: „Папа здѣсь не было?" Ай, ай, ай! какой голосокъ![14] Канарейка, право, канарейка! „Ваше превосходительство", хотѣлъ я было сказать: „не прикажите казнить, а если уже хотите казнить, то казните вашею генеральскою ручкою"; да, чортъ возьми, какъ-то языкъ не поворотился, и я сказалъ только: „никакъ нѣтъ-съ". Она поглядѣла на меня, на книги, и уронила платокъ. Я кинулся со всѣхъ ногъ, поскользнулся[15] на проклятомъ паркетѣ и чуть-чуть не расклеилъ носа, однакожъ удержался и досталъ[16] платокъ. Святые, какой платокъ! тончайшій, батистовый — амбра, совершенная амбра! такъ и дышетъ отъ него генеральствомъ. Она поблагодарила[17] и чуть-чуть усмѣхнулась, такъ что сахарныя губки ея почти не

тронулись, и послѣ этого ушла[1]. Я еще часъ сидѣлъ, какъ вдругъ пришелъ лакей[2] и сказалъ: „Ступайте, Аксентій Ивановичъ, домой, баринъ уже уѣхалъ изъ дому". Я терпѣть не могу лакейскаго круга[3]: всегда развалится въ передней и хоть бы головою потрудился кивнуть[4]. Этого мало: одинъ разъ одна изъ этихъ бестій вздумала меня, не вставая съ мѣста, потчивать[5] табачкомъ. Да знаешь ли ты, глупый холопъ, что я чиновникъ, я благороднаго происхожденія?[6] Однакожъ, я взялъ шляпу и надѣлъ самъ на себя шинель, потому что эти господа никогда не подадутъ, и вышелъ. Дома большею частію лежалъ на кровати. Потомъ переписалъ очень хорошіе стишки: „Душеньки часокъ не видя, Думалъ, годъ ужъ не видалъ; Жизнь мою возненавидя, Льзя ли жить мнѣ, я сказалъ"[7]. Должно быть, Пушкина сочиненіе. Въ вечеру, закутавшись въ шинель, ходилъ къ подъѣзду ея пр—ва и поджидалъ долго[8], не выйдетъ ли сѣсть въ карету, чтобы посмотрѣть еще разикъ; но нѣтъ, не выходила.

Ноября 6.

Разбѣсилъ начальникъ отдѣленія. Когда я пришелъ въ департаментъ, онъ подозвалъ меня къ себѣ и началъ мнѣ говорить такъ: „Ну, скажи пожалуйста, чтò ты дѣлаешь?" — „Какъ, чтò? Я ничего не дѣлаю", отвѣчалъ я. — „Ну, размысли хорошенько! вѣдь тебѣ уже за сорокъ лѣтъ — пора бы ума набраться. Чтò ты воображаешь себѣ? Ты думаешь, я не знаю всѣхъ твоихъ проказъ?[9] Вѣдь ты волочишься за директорскою дочерью! Ну, посмотри на себя, подумай только, чтò ты! Вѣдь ты нуль, болѣе ничего[10]. Вѣдь у тебя нѣтъ ни гроша за душою. Взгляни хоть въ зеркало на свое лицо — куды[11] тебѣ думать о томъ!"[12] Чортъ возьми, что у него лицо похоже[13] нѣсколько на аптекарскій пузырекъ, да на головѣ клочокъ волосъ, завитый хохолкомъ, да держитъ ее къ верху[14], да примазываетъ ее какою-то розеткою, такъ ужъ и[15] думаетъ, что ему только одному все можно. Понимаю, понимаю, отчего онъ злится на меня. Ему завидно: онъ увидѣлъ, можетъ быть, предпочтительно мнѣ оказываемые знаки благорасположенности. Да я плюю на него! Велика важность надворный совѣтникъ! Вывѣсилъ золотую цѣпочку къ часамъ,

заказываетъ сапоги по тридцати рублей — да чортъ его побери! Я развѣ изъ какихъ-нибудь разночинцевъ, изъ портныхъ, или изъ унтеръ-офицерскихъ дѣтей?[1] Я дворянинъ. Что жъ, и я могу дослужиться. Мнѣ еще сорокъ два года — время такое, въ которое[2], по настоящему, только-что начинается служба. Погоди, пріятель! будемъ и мы полковникомъ, а, можетъ быть, если Богъ дастъ, то чѣмъ-нибудь[3] и побольше. Заведемъ и мы себѣ квартиру и еще, можетъ быть, получше твоей[4]. Что жъ ты себѣ забралъ въ голову, что кромѣ тебя уже нѣтъ вовсе порядочнаго человѣка? Дай-ка мнѣ ручевскій фракъ, сшитый по модѣ, да повяжи я себѣ такой же, какъ ты, галстукъ, — тебѣ тогда не стать мнѣ и въ подметки. Достатковъ нѣтъ — вотъ бѣда[5].

Ноября 8.

Былъ въ театрѣ. Играли русскаго дурака Филатку. Очень смѣялся. Былъ еще какой-то водевиль съ забавными стишками на стряпчихъ, особенно на одного[6] коллежскаго регистратора, весьма вольно написанные, такъ что я дивился, какъ пропустила цензура; а о купцахъ прямо говорятъ, что они обманываютъ народъ, и что сынки ихъ дебошничаютъ и лѣзутъ въ дворяне. Про журналистовъ тоже очень забавный куплетъ: что они любятъ все бранить, и что авторъ проситъ у[7] публики защиты. Очень забавныя піесы пишутъ нынче сочинители. Я люблю бывать въ театрѣ. Какъ только грошъ заведется въ карманѣ — никакъ не утерпишь не пойти. А вотъ изъ нашей братьи чиновниковъ есть такія свиньи: рѣшительно не пойдетъ, мужикъ, въ театръ; развѣ уже дашь ему билетъ даромъ. Пѣла одна актриса очень хорошо. Я вспомнилъ о той[8]... эхъ, канальство!... Ничего, ничего... молчаніе.

Ноября 9.

Въ восемь часовъ отправился въ департаментъ. Начальникъ отдѣленія показалъ такой видъ, какъ будто бы онъ не замѣтилъ моего прихода[9]. Я тоже съ своей стороны, какъ будто бы между нами ничего не было. Пересматривалъ и свѣрялъ бумаги. Вышелъ въ четыре часа. Проходилъ мимо директорской квартиры, но никого не было видно. Послѣ обѣда большею частью лежалъ на кровати[10].

Ноября 11.

Сегодня сидѣлъ въ кабинетѣ нашего директора, починилъ[1] для него 23 пера, и для ея... ай! ай!.. для ея превосходительства четыре пера. Онъ очень любитъ, чтобы стояло побольше перьевъ. У, долженъ быть голова! Все молчитъ, а въ головѣ, я думаю, все обсуживаетъ. Желалось бы мнѣ узнать, о чемъ онъ больше всего думаетъ, что̀ такое затѣвается въ этой головѣ. Хотѣлось бы мнѣ разсмотрѣть поближе жизнь этихъ господъ, всѣ эти экивоки и придворныя штуки: какъ они, что̀ они дѣлаютъ въ своемъ кругу — вотъ что̀ бы мнѣ хотѣлось узнать! Я думалъ[2] нѣсколько разъ завести разговоръ съ его пр — вомъ, только, чортъ возьми, никакъ не слушается языкъ; скажешь только, холодно или тепло на дворѣ, а больше рѣшительно ничего не выговоришь. Хотѣлось бы мнѣ заглянуть въ гостиную, куда видишь только иногда отворенную дверь, за гостиною еще въ одну комнату. Эхъ, какое богатое убранство! Какіе зеркала и фарфоры! Хотѣлось бы заглянуть туда, на ту половину, гдѣ ея пр — во,— вотъ куда хотѣлось бы мнѣ! въ будуаръ, какъ тамъ стоятъ всѣ эти баночки, скляночки, цвѣты такіе, что и дохнуть на нихъ страшно, какъ лежитъ тамъ разбросанное ея платье, больше похожее на воздухъ, чѣмъ на платье. Хотѣлось бы заглянуть въ спальню[3]... тамъ-то, я думаю, чудеса, тамъ-то, я думаю, рай, какого и на небесахъ нѣтъ[4]. Посмотрѣть бы ту скамеечку, на которую она становитъ, вставая съ постели, свою ножку, какъ надѣвается на эту ножку бѣлый, какъ снѣгъ, чулочекъ... Ай! ай! ай! ничего, ничего... молчаніе.

Сегодня, однакожъ, меня какъ бы свѣтомъ озарило[5]: я вспомнилъ тотъ разговоръ двухъ собаченокъ, который слышалъ я на Невскомъ проспектѣ. „Хорошо“, подумалъ я самъ въ себѣ[6]: „я теперь узнаю все[7]. Нужно[8] захватить переписку, которую вели между собою эти дрянныя собаченки. Тамъ я, вѣрно, кое-что узнаю“. Признаюсь, я даже подозвалъ было къ себѣ одинъ разъ Меджи и сказалъ ей[9]: „Послушай, Меджи, вотъ мы теперь одни; я, когда хочешь, и дверь запру, такъ что никто не будетъ видѣть, — разскажи мнѣ все, что̀ знаешь про барышню: что̀ она и какъ? Я тебѣ побожусь, что никому не открою“[10]. Но хитрая собаченка поджала хвостъ, съежилась вдвое[11] и вышла тихо въ двери[12], такъ, какъ будто бы[13] ничего не слышала. Я давно

подозрѣвалъ, что собака гораздо умнѣе человѣка; я даже былъ увѣренъ, что она можетъ говорить, но что въ ней есть только какое-то упрямство[1]. Она чрезвычайный политикъ: все замѣчаетъ, всѣ шаги человѣка. Нѣтъ, во что̀ бы то ни стало, я завтра же отправляюсь въ домъ Звѣркова, допрошу Фидель и, если удастся, перехвачу всѣ письма, которыя писала къ ней Меджи.

Ноября 12.

Въ два часа пополудни отправился я[2] съ тѣмъ, чтобы непремѣнно увидѣть Фидель и допросить ее. Я терпѣть не люблю[3] капусты, запахъ которой валитъ изъ[4] всѣхъ мелочныхъ лавочекъ[5] въ Мѣщанской; къ тому же[6] изъ-подъ воротъ каждаго дома несетъ[7] такой адъ, что я, заткнувъ носъ, бѣжалъ[8] во всю прыть. Да и подлые ремесленники напускаютъ копоти и дыму изъ своихъ мастерскихъ такое множество[9], что человѣку благородному[10] рѣшительно невозможно здѣсь прогуливаться. Когда я пробрался въ шестой этажъ и зазвонилъ въ колокольчикъ, вышла дѣвчонка не совсѣмъ дурная собою, съ маленькими веснушками. Я узналъ ее: это была та самая, которая шла вмѣстѣ со старушкою. Она немножко закраснѣлась, и я тотчасъ смекнулъ — ты, голубушка, жениха хочешь. „Что̀ вамъ угодно?“ сказала она. „Мнѣ нужно поговорить съ вашей собаченкой“. Дѣвчонка была глупа![11] Я сейчасъ узналъ, что глупа! Собаченка въ это время прибѣжала, съ лаемъ; я хотѣлъ ее схватить, но, мерзкая[12], чуть не схватила меня зубами за носъ. Я увидалъ, однакоже, въ углу ея лукошко. Э, вотъ этого[13] мнѣ и нужно! Я подошелъ къ нему, перерылъ солому въ деревянной коробкѣ и, къ необыкновенному удовольствію своему, вытащилъ небольшую связку маленькихъ бумажекъ. Скверная[14] собаченка, увидѣвши это[15], сначала укусила меня за икру, а потомъ, когда пронюхала, что я взялъ[16] бумаги, начала визжать и ластиться, но я сказалъ: „Нѣтъ, голубушка, прощай!“[17] и бросился бѣжать. Я думаю, что дѣвчонка приняла меня за сумасшедшаго, потому что испугалась чрезвычайно. Пришедши домой, я хотѣлъ было тотъ же часъ приняться за работу и разобрать эти письма, потому что при свѣчахъ нѣсколько дурно вижу; но Мавра вздумала мыть полъ. Эти глупыя чухонки всегда некстати чистоплотны. И

потому я пошелъ прохаживаться и обдумывать это происшествіе. Теперь-то наконецъ я узнаю всѣ дѣла, помышленія, всѣ эти пружины, и доберусь, наконецъ, до всего. Эти письма мнѣ все откроютъ. Собаки народъ умный, они знаютъ всѣ политическія отношенія и потому, вѣрно, тамъ будетъ все про нашего[1]: портретъ и всѣ дѣла этого мужа. Тамъ будетъ что-нибудь и о той, которая[2]... ничего, молчаніе! Къ вечеру я пришелъ домой. Большею частію лежалъ на кровати[3].

Ноября 13.

А ну, посмотримъ! Письмо довольно четкое, однакоже въ почеркѣ все есть какъ будто что-то собачье. Прочитаемъ:

«Милая Фидель! я все не могу привыкнуть къ твоему мѣщанскому имени. Какъ будто бы уже не могли дать тебѣ лучшаго?[4] Фидель, Роза — какой пошлый тонъ! Однакожъ, все это въ сторону. Я очень рада, что мы вздумали писать другъ къ другу».

Письмо[5] писано очень правильно. Пунктуація и даже буква *ѣ* вездѣ на своемъ мѣстѣ. Да этакъ, просто, не напишетъ и нашъ начальникъ отдѣленія[6], хотя онъ и толкуетъ, что гдѣ-то учился въ университетѣ. Посмотримъ далѣе.

«Мнѣ кажется, что раздѣлять мысли, чувства и впечатлѣнія съ другимъ есть одно изъ первыхъ благъ на свѣтѣ».

Гм!.. мысль почерпнута изъ одного сочиненія, переведеннаго съ нѣмецкаго. Названія не припомню[7].

«Я говорю это по опыту, хотя и не бѣгала по свѣту далѣе воротъ нашего дома. Моя ли жизнь не протекаетъ въ довольствѣ?[8] Моя барышня, которую папа называетъ Софи, любитъ меня безъ памяти»[9].

Ай, ай!... ничего, ничего! Молчаніе!

«Папа тоже очень часто ласкаетъ. Я пью чай и кофій[10] со сливками. Ахъ, ma chère, я должна тебѣ сказать, что я вовсе не вижу удовольствія[11] въ большихъ обглоданныхъ[12] костяхъ, которыя жретъ на кухнѣ нашъ Полканъ. Кости хороши только изъ[13] дичи и притомъ тогда, когда еще никто не высосалъ изъ нихъ мозга[14]. Очень хорошо мѣшать нѣсколько соусовъ вмѣстѣ, но только безъ каперсовъ и безъ зелени; но я не знаю ничего хуже обыкновенія давать собакамъ скатанные изъ хлѣба шарики[15]. Какой-нибудь сидящій за столомъ господинъ, который въ рукахъ своихъ держалъ всякую дрянь, начнетъ мять этими руками хлѣбъ, подзоветъ тебя и сунетъ тебѣ въ зубы шарикъ. Отказаться какъ-то неучтиво, — ну, и ѣшь, съ отвращеніемъ, а ѣшь»...

Чортъ знаетъ, что такое! Экой вздоръ![1] Какъ будто бы не было предмета получше, о чемъ писать. Посмотримъ на другой страницѣ, не будетъ ли чего подѣльнѣе.

«...Я съ большою охотою готова тебя увѣдомлять о всѣхъ бывающихъ у насъ происшествіяхъ. Я уже тебѣ кое-что говорила о главномъ господинѣ, котораго Софи называетъ папа. Это очень странный человѣкъ»...

А, вотъ наконецъ! Да, я зналъ; у нихъ политическій взглядъ на всѣ предметы. Посмотримъ, что̀ папа.

«...очень странный человѣкъ. Онъ больше все[2] молчитъ; говоритъ очень рѣдко. Но недѣлю назадъ безпрестанно говорилъ[3] самъ съ собою: «Получу, или не получу?» Возьметъ въ одну руку бумажку, другую сложитъ пустую[4] и говоритъ: «Получу, или не получу?» Одинъ разъ онъ обратился и ко мнѣ съ вопросомъ: «Какъ ты думаешь, Меджи, получу, или не получу?» Я ровно ничего не могла понять, понюхала его сапогъ и ушла прочь. Потомъ, ma chère, черезъ недѣлю папа пришелъ въ большой радости[5]. Все утро ходили къ нему господа въ мундирахъ и съ чѣмъ-то поздравляли. За столомъ онъ былъ такъ веселъ, какъ я еще никогда не видала[6], отпускалъ анекдоты. А послѣ обѣда поднялъ меня къ своей шеѣ и сказалъ: «А посмотри, Меджи, что̀ это такое». Я увидѣла какую-то ленточку. Я нюхала ее, но рѣшительно не нашла никакого аромата; наконецъ, потихоньку лизнула: соленое немного».

Гмъ! Эта собаченка, мнѣ кажется, уже слишкомъ... чтобы ее не высѣкли! А, такъ онъ честолюбецъ! Это нужно взять къ свѣдѣнію[7].

«...Прощай, ma chère! Я бѣгу и прочее... и прочее... Завтра окончу письмо[8].— Ну, здравствуй! я теперь снова съ тобою. Сегодня барышня моя Софи»...

А! ну, посмотримъ, что̀ Софи. Эхъ, канальство!... Ничего, ничего... будемъ продолжать.

«...барышня моя Софи была въ чрезвычайной суматохѣ. Она собиралась на балъ, и я очень[9] обрадовалась, что въ отсутствіе ея могу писать къ тебѣ. Моя Софи всегда чрезвычайно рада ѣхать на балъ, хотя при одѣваніи всегда почти сердится. Я не могу понять, отчего люди одѣваются. Почему не ходить такъ, напримѣръ, какъ мы? И хорошо, и покойно[10]. Я никакъ не понимаю, ma chère, удовольствія ѣхать на балъ. Софи пріѣзжаетъ всегда[11] съ балу домой въ 6 часовъ утра, и я всегда почти угадываю по ея блѣдному и тощему виду[12], что ей, бѣдняжкѣ, не давали тамъ ѣсть. Я, признаюсь, никогда бы не могла такъ жить. Если бы мнѣ не дали соуса[13] съ рябчикомъ, или жаркого куриныхъ крылышекъ, то... я не знаю, что̀ бы со мною было. Хорошъ также соусъ съ кашкою; а морковь, или рѣпа, или артишоки — никогда не будутъ хороши»[14].

Чрезвычайно неровный слогъ! Тотчасъ видно, что не человѣкъ писалъ: начнетъ такъ, какъ слѣдуетъ, а кончитъ собачиною. Посмотримъ-ка еще въ одно письмецо[15]. Что-то длинновато. Гмъ! и числа не выставлено.

«Ахъ, милая, какъ ощутительно приближеніе весны! Сердце мое бьется, какъ будто все кого-то[1] ожидаетъ. Въ ушахъ у меня вѣчный шумъ[2], такъ что я часто, поднявши ножку, стою нѣсколько минутъ, прислушиваясь къ дверямъ. Я тебѣ открою, что у меня много куртизановъ. Я часто, сидя на окнѣ, разсматриваю ихъ. Ахъ, если бъ ты знала, какіе между ними есть уроды! Иной преаляповатый, дворняга, глупъ страшно, на лицѣ написана глупость, преважно идетъ по улицѣ и воображаетъ, что онъ презнатная особа, думаетъ, что такъ на него и заглядится всѣ. Ничуть! Я даже и вниманія не обратила — такъ, какъ бы и не видала его. А какой страшный дога останавливается передъ моимъ окномъ! Если бы онъ сталъ на заднія лапы, чего, грубіянъ, онъ, вѣрно, не умѣетъ, то онъ бы былъ цѣлою головою выше папа моей Софи[3], который тоже довольно высокаго роста и толстъ собою. Этотъ болванъ, должно быть, наглецъ преужасный. Я поворчала на него[4], но ему и нуждочки[5] мало: хотя бы поморщился! высунулъ свой языкъ, повѣсилъ огромныя уши и глядитъ въ окно[6] — такой мужикъ! Но неужели ты думаешь, ma chère, что сердце мое равнодушно ко всѣмъ исканіямъ? Ахъ, нѣтъ... Если бы ты видѣла одного кавалера, перелѣзающаго черезъ заборъ сосѣдняго дома[7], именемъ Трезора... Ахъ, ma chère, какая у него мордочка!»...

Тьфу, къ чорту!.. Экая дрянь! И какъ можно наполнять письма этакими глупостями![8] Мнѣ подавайте человѣка! Я хочу видѣть человѣка[9], я требую духовной[10] пищи, — той, которая бы питала и услаждала мою душу; а вмѣсто того этакіе пустяки[11]... Перевернемъ черезъ страницу, не будетъ ли лучше?

«...Софи сидѣла[12] за столикомъ и что-то шила. Я глядѣла въ окно, потому что я люблю разсматривать прохожихъ, какъ вдругъ вошелъ лакей и сказалъ: «Тепловъ!» — «Проси!» закричала Софи и бросилась обнимать меня. «Ахъ, Меджи, Меджи! Еслибъ ты знала, кто это: брюнетъ, камеръ-юнкеръ, а глаза какіе! черные, какъ агатъ!»[13] И Софи убѣжала къ себѣ. Минуту спустя, вошелъ молодой камеръ-юнкеръ, съ черными бакенбардами, подошелъ къ зеркалу, поправилъ волоса и осмотрѣлъ комнату. Я поворчала и сѣла на свое мѣсто. Софи скоро вышла и весело поклонилась на его шарканье; а я себѣ такъ, какъ будто не замѣчая ничего, продолжала глядѣть въ окошко; однакожъ, голову наклонила[14] нѣсколько на бокъ и старалась услышать, о чемъ они говорятъ. Ахъ, ma chère, о какомъ вздорѣ они говорили! Они говорили о томъ, какъ одна дама въ танцахъ, вмѣсто одной какой-то фигуры, сдѣлала другую, также, что какой-то Бобовъ былъ очень похожъ въ своемъ жабо на аиста, и чуть было не упалъ, что какая-то Лидина воображаетъ, что у нея[15] голубые глаза, между тѣмъ какъ они[16] зеленые, — и тому подобное. «Куда-жъ», подумала я сама въ себѣ: «если сравнить камеръ-юнкера съ Трезоромъ! Небо! какая разница! Во-первыхъ, у камеръ-юнкера совершенно гладкое широкое лицо и вокругъ бакенбарды, какъ будто бы онъ обвязалъ его чернымъ платкомъ; а у Трезора мордочка тоненькая, и на самомъ лбу бѣлая лысинка. Талію Трезора и сравнить нельзя съ камеръюнкерскою. А глаза, пріемы, ухватки совершенно не тѣ. О, какая разница![17] Я не знаю, ma chère, что̀ она нашла въ своемъ Тепловѣ[18]. Отчего она такъ имъ восхищается?»...

Мнѣ самому кажется, здѣсь что-нибудь да не такъ[1]. Не можетъ быть, чтобы ее могъ такъ обворожить Тепловъ[2]. Посмотримъ далѣе:

„Мнѣ кажется, если этотъ камеръ-юнкеръ нравится, то скоро будетъ нравиться и тотъ чиновникъ, который сидитъ у папа въ кабинетѣ. Ахъ, ma chère, если бъ ты знала, какой это уродъ! Совершенная черепаха въ мѣшкѣ"....

Какой же бы это чиновникъ?[3]....

„Фамилія его престранная[4]. Онъ всегда сидитъ и чинитъ перья. Волоса на головѣ его[5] очень похожи на сѣно. Папа иногда[6] посылаетъ его вмѣсто слуги"....

Мнѣ кажется, что эта мерзкая собаченка мѣтитъ на меня. Гдѣ жъ у меня волоса, какъ сѣно?

„Софи никакъ не можетъ удержаться отъ смѣху[7], когда глядитъ на него".

Врешь ты, проклятая собаченка! Экой мерзкій языкъ! Какъ будто я не знаю, что это дѣло зависти? Какъ будто я не знаю, чьи здѣсь штуки? Это штуки начальника отдѣленія. Вѣдь поклялся же человѣкъ непримиримою ненавистью — и вотъ вредитъ да и вредитъ, на каждомъ шагу вредитъ[8]. Посмотримъ, однакоже, еще одно письмо[9]. Тамъ, можетъ быть, дѣло раскроется само собою.

„Ma chère Фидель, ты извини меня, что такъ давно не писала. Я была въ совершенномъ упоеніи. Подлинно справедливо сказалъ какой-то писатель, что любовь есть вторая жизнь. Притомъ же у насъ въ домѣ теперь большія перемѣны. Камеръ-юнкеръ теперь у насъ каждый день. Софи влюблена въ него до безумія. Папа очень веселъ. Я[10] даже слышала отъ нашего Григорія, который мететъ полъ и всегда почти разговариваетъ самъ съ собою, что скоро будетъ свадьба, потому что папа хочетъ непремѣнно видѣть Софи или за генераломъ, или за камеръ-юнкеромъ, или за военнымъ полковникомъ"....

Чортъ возьми! я не могу больше[11] читать... Все или камеръ-юнкеръ, или генералъ. Все, чтò есть лучшаго на свѣтѣ, все достается или камеръ-юнкерамъ, или генераламъ. Найдешь себѣ бѣдное богатство, думаешь достать его рукою, — срываетъ у тебя камеръ-юнкеръ или генералъ. Чортъ побери![12] Желалъ бы я самъ сдѣлаться генераломъ, не для того, чтобы получить руку и прочее, — нѣтъ[13], хотѣлъ бы быть генераломъ для того только, чтобы увидѣть, какъ они будутъ увиваться и дѣлать всѣ эти разныя придворныя штуки и экивоки, и потомъ сказать имъ, что я плюю на васъ обоихъ[14]. Чортъ побери, досадно! Я изорвалъ въ клочки письма глупой собаченки.

Декабря 3.[1]

Не можетъ быть. Враки! Свадьбѣ не бывать! Что жъ изъ того, что онъ камеръ-юнкеръ? Вѣдь это больше ничего, кромѣ достоинство[2]: не какая-нибудь вещь видимая, которую бы можно[3] взять въ руки[4]. Вѣдь черезъ то, что камеръ-юнкеръ, не прибавится третій глазъ на лбу. Вѣдь у него же носъ не изъ золота сдѣланъ, а такъ же, какъ и у меня, какъ и у всякаго; вѣдь онъ имъ нюхаетъ, а не ѣстъ, чихаетъ, а не кашляетъ[5]. Я нѣсколько разъ уже хотѣлъ добраться, отчего происходятъ всѣ эти разности. Отчего я титулярный совѣтникъ и съ какой стати я титулярный совѣтникъ? Можетъ быть, я совсѣмъ не титулярный совѣтникъ?[6] Можетъ быть, я какой-нибудь графъ или генералъ, а только такъ кажусь титулярнымъ совѣтникомъ. Можетъ быть, я самъ еще[7] не знаю, кто я таковъ. Вѣдь сколько примѣровъ по исторіи: какой-нибудь простой, не то уже, чтобы дворянинъ, а просто[8] какой-нибудь мѣщанинъ или даже крестьянинъ — и вдругъ открывается, что онъ какой-нибудь вельможа или баронъ, или какъ его[9]... Когда изъ мужика да иногда выходитъ этакое, что̀ же изъ дворянина можетъ выйти? Вдругъ, напримѣръ, я вхожу къ нашему[10] въ генеральскомъ мундирѣ: у меня и на правомъ плечѣ эполета, и на лѣвомъ плечѣ эполета, черезъ плечо голубая лента — что? какъ тогда запоетъ красавица моя? что̀ скажетъ и самъ папа, директоръ нашъ?[11] О, это большой честолюбецъ! Это — масонъ, непремѣнно масонъ; хотя онъ и прикидывается такимъ и этакимъ[12], но я тотчасъ замѣтилъ, что онъ масонъ: онъ если даетъ[13] кому руку, то высовываетъ только[14] два пальца. Да развѣ я не могу быть сію же минуту пожалованъ генералъ-губернаторомъ, или интендантомъ, или тамъ другимъ какимъ-нибудь? Мнѣ бы хотѣлось знать, отчего я титулярный совѣтникъ? Почему именно титулярный совѣтникъ?

Декабря 5.[15]

Я сегодня все утро читалъ газеты. Странныя дѣла дѣлаются въ Испаніи. Я даже не могъ хорошенько разобрать ихъ. Пишутъ, что престолъ упраздненъ, и что чины находятся въ затруднительномъ положеніи о избраніи наслѣдника, и отъ того происходятъ возмущенія. Мнѣ кажется это чрезвычайно страннымъ. Какъ же можетъ быть престолъ упраздненъ? Говорятъ,

какая-то донна должна взойти на престолъ. Не можетъ взойти донна на престолъ, никакъ не можетъ. На престолѣ долженъ быть король. „Да“, говорятъ, „нѣтъ короля“. Не можетъ статься[1], чтобы не было короля. Государство не можетъ быть безъ короля. Король есть, да только онъ, вѣрно,[2] гдѣ-нибудь находится въ неизвѣстности. Онъ, статься можетъ, находится тамъ же[3], но какія-нибудь или фамильныя причины, или опасенія со стороны сосѣдственныхъ державъ, какъ-то: Франціи или[4] другихъ земель, заставляютъ его скрываться, или есть какія-нибудь другія причины[5].

Декабря 8.

Я было уже совсѣмъ хотѣлъ итти въ департаментъ, но разныя причины и размышленія меня удержали. У меня все не могли выйти изъ головы испанскія дѣла. Какъ же можетъ это быть, чтобы донна сдѣлалась королевою? Не позволятъ этого. И, во-первыхъ, Англія не позволитъ. Да притомъ и дѣла политическія всей Европы, австрійскій императоръ, нашъ государь[6]... Признаюсь, эти происшествія такъ меня убили и потрясли, что я рѣшительно ничѣмъ не могъ заняться во весь день. Мавра замѣчала мнѣ, что я за столомъ былъ чрезвычайно развлеченъ[7]. И точно, я двѣ тарелки, кажется, въ разсѣянности бросилъ на полъ, которыя тутъ же расшиблись[8]. Послѣ обѣда ходилъ подъ горы: ничего поучительнаго[9] не могъ извлечь. Большею частію лежалъ на кровати и разсуждалъ о дѣлахъ Испаніи.

Годъ 2000-й апрѣля 43 числа.

Сегодняшній день есть день величайшаго торжества! Въ Испаніи есть король[10]. Онъ отыскался. Этотъ король—я. Именно только сегодня объ этомъ узналъ я[11]. Признаюсь, меня вдругъ какъ будто молніей освѣтило[12]. Я не понимаю, какъ я могъ думать и воображать себѣ, что я титулярный совѣтникъ. Какъ могла взойти мнѣ въ голову эта сумасбродная, сумасшедшая[13] мысль? Хорошо, что еще не догадался никто посадить меня тогда въ сумасшедшій домъ. Теперь передо мною все открыто. Теперь я вижу все, какъ на ладони[14]. А прежде, я не понимаю,

прежде все было передо мною въ какомъ-то туманѣ[1]. И это все происходитъ, думаю, оттого, что люди воображаютъ, будто человѣческій мозгъ находится въ головѣ; совсѣмъ нѣтъ: онъ приносится вѣтромъ со стороны Каспійскаго моря. Сначала[2] я объявилъ Маврѣ, кто я. Когда она услышала, что передъ нею испанскій король, то всплеснула руками и чуть не умерла отъ страха: она, глупая, еще никогда не видала[3] испанскаго короля. Я, однакоже, старался ее успокоить, и въ милостивыхъ словахъ старался ее увѣрить въ благосклонности, сказавши, что я вовсе[4] не сержусь за то, что она мнѣ иногда дурно чистила сапоги. Вѣдь это черный народъ: имъ нельзя говорить о высокихъ матеріяхъ. Она испугалась оттого[5], что находится въ увѣренности, будто всѣ короли въ Испаніи похожи на Филиппа II. Но я растолковалъ ей, что между мною и Филиппомъ нѣтъ никакого почти[6] сходства и что у меня нѣтъ ни одного капуцина[7]. Въ департаментъ не ходилъ. Чортъ съ нимъ![8] Нѣтъ, пріятели, теперь не заманите меня: я не стану переписывать гадкихъ бумагъ вашихъ!

Мартобря 86 числа, между днемъ и ночью.

Сегодня приходилъ нашъ экзекуторъ[9] съ тѣмъ, чтобы я шелъ въ департаментъ, что уже болѣе трехъ недѣль, какъ я не хожу на должность[10].

Но люди несправедливы: ведутъ счеты по недѣлямъ. Это жиды ввели, потому что раввинъ ихъ въ это время моется[11]. Я, однакоже[12], для штуки пошелъ въ департаментъ. Начальникъ отдѣленія думалъ, что я ему поклонюсь и стану извиняться; но я посмотрѣлъ на него равнодушно, не слишкомъ гнѣвно и не слишкомъ благосклонно, и сѣлъ[13] на свое мѣсто, какъ будто никого не замѣчая. Я глядѣлъ на всю канцелярскую сволочь и думалъ: „что̀ если бы вы знали, кто между вами сидитъ?"... Господи Боже, какую бы вы ералашь[14] подняли! Да и самъ начальникъ отдѣленія началъ бы мнѣ такъ же кланяться въ поясъ, какъ онъ теперь кланяется передъ директоромъ[15]. Передо мною положили какія-то бумаги, чтобы я сдѣлалъ изъ нихъ экстрактъ[16]. Но я и пальцемъ не притронулся. Чрезъ нѣсколько минутъ все засуетилось. Сказали, что директоръ идетъ. Многіе

чиновники побѣжали наперерывъ, чтобы показать себя передъ нимъ[1], но я ни съ мѣста. Когда онъ проходилъ черезъ наше отдѣленіе, всѣ застегнули на пуговицы свои фраки; но я совершенно ничего![2] Чтò за директоръ! Чтобы я всталъ передъ нимъ — никогда! Какой онъ директоръ?[3] Онъ пробка, а не директоръ. Пробка обыкновенная, простая пробка, больше ничего — вотъ, которою закупориваютъ бутылки! Мнѣ больше всего было забавно[4], когда[5] подсунули мнѣ бумагу, чтобы я подписалъ. Они думали, что я напишу на самомъ кончикѣ листа:[6] столоначальникъ такой-то — какъ бы не такъ! А я на самомъ главномъ мѣстѣ, гдѣ подписывается директоръ департамента, черкнулъ: „Фердинандъ VIII“. Нужно[7] было видѣть, какое благоговѣйное молчаніе воцарилось; но я кивнулъ[8] только рукою, сказавъ: „Не нужно никакихъ знаковъ подданничества!“ и вышелъ. Оттуда я пошелъ прямо въ директорскую квартиру. Его не было дома. Лакей хотѣлъ меня не впустить[9], но я ему такое сказалъ, что онъ и руки опустилъ. Я прямо пробрался въ уборную. Она сидѣла передъ зеркаломъ, вскочила[10] и отступила отъ меня. Я, однакоже, не сказалъ ей, что я испанскій король. Я сказалъ только, что счастіе ее ожидаетъ такое, какого она и вообразить себѣ не можетъ, и что, не смотря на козни непріятелей, мы будемъ вмѣстѣ. Я больше ничего не хотѣлъ говорить и вышелъ. О, это коварное существо — женщина![11] Я теперь только постигнулъ, чтò такое женщина. До сихъ поръ никто еще не узналъ, въ кого она влюблена: я первый открылъ это. Женщина влюблена въ чорта. Да, не шутя. Физики пишутъ глупости, что она тò и тò, — она любитъ только одного чорта. Вонъ видите, изъ ложи перваго яруса она наводитъ лорнетъ. Вы думаете, что она глядитъ на этого толстяка со звѣздою? Совсѣмъ нѣтъ: она глядитъ на чорта, чтò у него стоитъ за спиною[12]. Вонъ онъ спрятался къ нему во фракъ[13]. Вонъ онъ киваетъ оттуда къ ней[14] пальцемъ! И она выйдетъ за него, выйдетъ. А вотъ эти всѣ, чиновные отцы ихъ, вотъ эти всѣ, чтò юлятъ во всѣ стороны и лѣзутъ ко двору, и говорятъ, что они патріоты, и то, и се: аренды, аренды хотятъ эти патріоты! Мать, отца, Бога продадутъ за деньги, честолюбцы, христопродавцы![15] Все это честолюбіе, и честолюбіе оттого[16], что подъ язычкомъ находится маленькій пузырекъ и въ немъ небольшой

червячокъ, величиною съ булавочную головку, и это все дѣлаетъ какой-то цырюльникъ, который живетъ въ Гороховой. Я не помню, какъ его зовутъ; но достовѣрно извѣстно, что онъ, вмѣстѣ съ одною повивальною бабкою, хочетъ по всему свѣту распространить магометанство[1], и отъ того, уже, говорятъ, во Франціи большая часть народа признаетъ вѣру Магомета.

Никотораго числа. День былъ безъ числа.

Ходилъ инкогнито по Невскому проспекту. Проѣзжалъ государь императоръ. Весь городъ снялъ шапки и я также; однакоже не подалъ никакого вида, что я[2] испанскій король. Я[3] почелъ неприличнымъ открыться тутъ же при всѣхъ, потому что прежде всего нужно представиться ко двору. Меня останавливало только то, что я до сихъ поръ не имѣю испанскаго національнаго костюма[4]. Хотя бы какую-нибудь достать мантію[5]. Я хотѣлъ было заказать портному, но это совершенные ослы; притомъ же они совсѣмъ небрегутъ своею работою, ударились въ аферу и большею частію[6] мостятъ камни на улицѣ. Я рѣшился сдѣлать мантію[7] изъ новаго вицъ-мундира, который надѣвалъ всего только два раза. Но чтобы эти мерзавцы не могли испортить, то я самъ рѣшился шить, заперши дверь, чтобы никто не видалъ. Я изрѣзалъ ножницами его весь, потому что покрой долженъ быть совершенно другой[8].

Числа не помню. Мѣсяца тоже не было. Было, чортъ знаетъ, что такое.

Мантія[9] совершенно готова и сшита. Мавра вскрикнула, когда я надѣлъ ее. Однакоже, я еще не рѣшаюсь[10] представляться ко двору: до сихъ поръ нѣтъ депутаціи изъ Испаніи. Безъ депутатовъ неприлично: никакого не будетъ вѣса моему достоинству. Я ожидаю ихъ съ часа[11] на часъ[12].

Числа 1-го.

Удивляетъ меня чрезвычайно медленность депутатовъ. Какія бы причины могли ихъ остановить? Неужели Францiя? Да, это самая неблагопрiятствующая держава. Ходилъ справляться на почту, не прибыли ли испанскiе депутаты; но почтмейстеръ чрезвычайно глупъ, ничего не знаетъ. „Нѣтъ“, говоритъ, „здѣсь нѣтъ никакихъ испанскихъ депутатовъ, а письма если угодно написать, то мы примемъ по установленному курсу“. Чортъ возьми! что письмо? Письмо — вздоръ. Письма пишутъ аптекари, да и то прежде смочивши уксусомъ языкъ, потому что безъ этого все лицо было бы въ лишаяхъ[1].

....

Мадридъ. Февруарiй тридцатый.

Итакъ, я въ Испанiи, и это случилось такъ скоро, что я едва могъ очнуться. Сегодня поутру явились ко мнѣ депутаты испанскiе, и я вмѣстѣ съ ними сѣлъ въ карету. Мнѣ показалась[2] странною необыкновенная скорость. Мы ѣхали такъ шибко, что черезъ полчаса достигли испанскихъ границъ[3]. Впрочемъ, вѣдь теперь по всей Европѣ чугунныя дороги, и пароходы ѣздятъ чрезвычайно скоро. Странная земля Испанiя! Когда мы вошли въ первую комнату, то я увидѣлъ множество людей съ выбритыми головами. Я, однакоже, догадался, что это должны быть или гранды, или солдаты[4], потому что они бреютъ головы. Мнѣ показалось чрезвычайно страннымъ[5] обхожденiе государственнаго канцлера, который велъ меня за руку: онъ толкнулъ меня въ небольшую комнату и сказалъ: „Сиди тутъ, и если ты будешь называть себя королемъ Фердинандомъ, то я изъ тебя выбью эту охоту“[6]. Но я, зная, что это было больше ничего, кромѣ искушенiе[7], отвѣчалъ отрицательно, за что канцлеръ ударилъ меня два раза палкою по спинѣ такъ больно, что я чуть было не вскрикнулъ, но удержался, вспомнивши, что это рыцарскiй обычай при вступленiи въ высокое званiе, потому что въ Испанiи еще и донынѣ ведутся рыцарскiе обычаи. Оставшись одинъ, я рѣшился заняться дѣлами государственными. Я открылъ, что Китай и Испанiя совершенно[8] одна и та же земля, и только по невѣжеству считаютъ ихъ за разныя государства. Я совѣтую

всѣмъ нарочно[1] написать на бумагѣ Испанія, то и выйдетъ Китай. Но меня, однакоже, чрезвычайно огорчало событіе, имѣющее[2] быть завтра. Завтра въ семь часовъ совершится странное явленіе: земля сядетъ на луну. Объ этомъ и знаменитый англійскій химикъ Велингтонъ пишетъ. Признаюсь, я ощутилъ сердечное безпокойство, когда вообразилъ себѣ необыкновенную нѣжность и непрочность луны. Луна вѣдь обыкновенно[3] дѣлается въ Гамбургѣ, и прескверно дѣлается. Я удивляюсь, какъ не обратитъ на это вниманіе Англія. Дѣлалъ[4] ее хромой бочаръ, и видно, что, дуракъ, никакого понятія не имѣлъ[5] о лунѣ. Онъ положилъ смоляной канатъ и часть деревяннаго масла[6]; и отъ того по всей землѣ вонь страшная, такъ что нужно[7] затыкать носъ. И отъ того самая луна такой нѣжный шаръ, что люди никакъ не могутъ жить, и тамъ теперь живутъ только одни носы. И потому-то самому мы не можемъ видѣть[8] носовъ своихъ, ибо они всѣ находятся въ лунѣ. И когда я вообразилъ, что земля вещество тяжелое и можетъ, насѣвши, размолоть въ муку носы наши, то мною овладѣло такое безпокойство, что я, надѣвши чулки и башмаки, поспѣшилъ въ залу государственнаго совѣта, съ тѣмъ чтобы дать приказъ полиціи не допустить землѣ сѣсть на луну. Бритые гранды[9], которыхъ я засталъ въ залѣ государственнаго совѣта великое множество, были народъ очень умный, и когда я сказалъ: „Господа, спасемъ луну, потому что земля хочетъ сѣсть на нее!“ то всѣ въ ту же минуту бросились исполнять мое монаршее желаніе и многіе полѣзли на стѣну съ тѣмъ, чтобы достать луну; но въ это время вошелъ великій канцлеръ. Увидѣвши его, всѣ разбѣжались. Я, какъ король, остался одинъ. Но канцлеръ, къ удивленію моему, ударилъ меня палкою и прогналъ въ мою комнату. Такую имѣютъ власть въ Испаніи народные обычаи!

Январь того же года, случившійся послѣ февруарія.[10]

До сихъ поръ не могу понять, что̀ это за земля Испанія. Народные обычаи и этикеты двора совершенно необыкновенны[11]. Не понимаю, не понимаю, рѣшительно не понимаю ничего. Сегодня выбрили мнѣ голову, не смотря на то, что я кри-

чалъ изо всей силы о нежеланіи быть монахомъ[1]. Но я уже не могу и вспомнить[2], что было со мною тогда, когда начали мнѣ на голову капать[3] холодною водою. Такого ада я еще никогда не чувствовалъ. Я готовъ былъ впасть въ бѣшенство, такъ что едва могли меня удержать. Я не понимаю вовсе[4] значенія этого страннаго обычая. Обычай глупый, безсмысленный! Для меня непостижима безразсудность королей, которые до сихъ поръ не уничтожаютъ его[5]. Судя по всѣмъ вѣроятіямъ, догадываюсь, не попался ли я въ руки инквизиціи[6], и тотъ, котораго я принялъ за канцлера, не есть ли самъ великій инквизиторъ[7]. Только я все не могу понять, какъ же могъ король подвергнуться инквизиціи. Оно, правда, могло со стороны Франціи и особенно Полиніякъ[8]. О, это бестія Полиніякъ![9] Поклялся вредить мнѣ по смерть. И вотъ гонитъ да и гонитъ; но я знаю, пріятель, что тебя водитъ англичанинъ[10]. Англичанинъ большой политикъ. Онъ вездѣ юлитъ. Это уже извѣстно всему свѣту, что когда Англія нюхаетъ табакъ, то Франція чихаетъ.

Число 25.

Сегодня великій инквизиторъ опять[11] пришелъ въ мою комнату, но я, услышавши еще издали шаги его, спрятался подъ стулъ. Онъ, увидѣвши, что нѣтъ меня, началъ звать. Сначала закричалъ: „Поприщинъ!“ — Я ни слова. Потомъ: „Аксентій Ивановъ![12] Титулярный совѣтникъ! Дворянинъ!“ — Я все молчу. — „Фердинандъ VIII, король испанскій!“ — Я хотѣлъ было высунуть голову, но послѣ подумалъ: „Нѣтъ, братъ, не надуешь! Знаемъ мы тебя: опять будешь лить холодную воду мнѣ на голову“[13]. Однакоже, онъ увидѣлъ меня и выгналъ палкою изъ-подъ стула. Чрезвычайно больно бьется[14] проклятая палка. Впрочемъ, за все это вознаградило меня нынѣшнее открытіе: я узналъ, что у всякаго пѣтуха есть Испанія, что она у него находится подъ перьями, недалеко возлѣ хвоста[15]. Великій инквизиторъ, однакоже, ушелъ отъ меня, разгнѣванный и грозя мнѣ какимъ-то наказаніемъ. Но я совершенно пренебрегаю[16] его безсильною злобою, зная, что онъ дѣйствуетъ какъ машина, какъ орудіе англичанина.

Чи 34 сло Мц. гдао. Февраль 349.

Нѣтъ, я больше не имѣю силъ терпѣть. Боже! что̀ они дѣлаютъ со мною![1] Они льютъ мнѣ на голову холодную воду! Они не внемлютъ, не видятъ, не слушаютъ меня. Что̀ я сдѣлалъ имъ? За что они мучатъ меня? Чего хотятъ они отъ меня бѣднаго? Что̀ могу дать я имъ?[2] Я ничего не имѣю. Я не въ силахъ, я не могу вынести всѣхъ мукъ ихъ, голова горитъ моя, и все кружится предо мною. Спасите меня! возьмите меня![3] Дайте[4] мнѣ тройку быстрыхъ какъ вихорь коней! Садись, мой ямщикъ, звени, мой колокольчикъ, взвейтеся[5], кони, и несите меня съ этого свѣта! Далѣе, далѣе, чтобы не видно было ничего, ничего. Вонъ небо клубится передо мною; звѣздочка сверкаетъ вдали; лѣсъ несется съ темными деревьями и мѣсяцемъ; сизый туманъ стелется подъ ногами; струна звенитъ въ туманѣ; съ одной стороны море, съ другой Италія; вонъ и русскія избы виднѣются[6]. Домъ ли то мой синѣетъ вдали? Мать ли моя сидитъ передъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына! Урони слезинку на его[7] больную головушку! Посмотри, какъ мучатъ они его![8] Прижми ко груди своей бѣднаго сиротку! Ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ! его гонятъ! — Матушка, пожалѣй о своемъ больномъ дитяткѣ!... А знаете ли, что у алжирскаго бея подъ самымъ носомъ шишка?[9]

КОНЕЦЪ „АРАБЕСОКЪ“.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ „АРАБЕСКАМЪ“.

I.

Объ архитектурѣ нынѣшняго времени.

Мнѣ всегда становится очень грустно, когда я гляжу на новыя зданія, безпрестанно строющіяся, на которыхъ идутъ милліоны и изъ которыхъ ни одно не останавливаетъ изумленнаго глаза ни величественною смѣлостью рисунка, ни дерзостью воображенія, ни даже роскошью и ослѣпительною пестротою украшеній. Невольно приходитъ на мысль: неужели прошелъ невозвратно вѣкъ архитектуры? неужели величіе и геніальность не посѣтятъ и насъ? и неужели.........[1] принадлежитъ однимъ только народамъ юнымъ, полнымъ одного энтузіазма и энергіи и чуждымъ усыпляющей, безстрастной образованности? Отчего же тѣ народы, передъ которыми мы такъ самодовольно гордимся, которымъ едва даемъ мѣсто въ исторіи міра, такъ возвышаются передъ нами созданіями своего темнаго, не освѣщеннаго дробью познаній ума? Отчего индѣйскіе колоссальные памятники такъ неподражаемы? такъ величавы и недоступны египетскіе обелиски? Отчего аравійскіе такъ роскошны? Отчего у насъ, въ Европѣ, въ средніе вѣка такъ много воздвиглось изумительныхъ памятниковъ? Не желалось бы убѣдиться въ этой грустной мысли, но все говоритъ ясно, что это такъ. Они прошли, тѣ вѣка, когда вѣра пламенная, теплая вѣра устремляла всѣ мысли, всѣ умы, всѣ дѣянія въ одно, когда художникъ выше и выше стремился вознести созданіе свое къ небу, къ нему одному рвался и предъ [.........][2] подносилъ свою молящуюся руку. Зданіе его летѣло къ небу; узкія окна, столпы, своды тянулись нескончаемо въ вышину; прозрачный, изящный (испещренный =) кружевной[3] шпицъ, какъ дымъ, сквозилъ надъ ними, и вели-

чественный храмъ такъ бывалъ великъ передъ обыкновенными жилищами людей, какъ велики требованія души нашей отъ требованій тѣла[1]. Эта архитектура была необыкновенна: она была чисто-христіанская, она была національная для Европы — и мы ее оставили! Забыли, какъ будто чужую; пренебрегли, какъ неуклюжую и варварскую. Удивительно, когда вспомнишь, что три вѣка протекло, и Европа, которая жадно бросалась на все, алчно перенимала, удивлялась чудесамъ древнимъ, римскимъ, византійскимъ, алчно [отрывала ....][2], не знала, что среди ея находятся чуда, передъ которыми все, видѣнное ею, было ничтожно; не знала, что среди ея находились миланскій и кёльнскій соборы, и еще (открыты =) обнажены[3] кирпичи недоконченной башни страсбургскаго собора.

Готическая архитектура, — та готическая архитектура, которая образовалась незадолго передъ окончаніемъ среднихъ вѣковъ, есть явленіе такое, какого никогда еще не производили умъ, воображеніе и способности человѣка. Ее напрасно называютъ арабскою: эти два вкуса такъ различны, какъ земля и небо. Это правда: европейцы заимствовали у ней, но только что? — только одну мысль сообщать тяжелой массѣ зданія роскошь украшеній и легкость. Но эта роскошь украшеній вылилась совершенно въ другую форму. Если глубоко разсмотрѣть духъ христіанской религіи, если разсмотрѣть всю силу ея вліянія, то должно согласиться, что никакая другая архитектура не прилична такъ храму христіанскаго Бога, какъ готическая: въ ней все соединяется вмѣстѣ: этотъ стройно и высоко поднимающійся лѣсъ сводовъ, окна огромныя, узкія, съ безчисленными измѣненіями и переплетами, присоединеніе[4] къ этой ужасающей колоссальности массы самыхъ мелкихъ и пестрыхъ украшеній, эта легкая паутина рѣзьбы, опутывающая его своею сѣтью, обвивающая его до конца шпица и улетающая съ нимъ на небо. Величіе и вмѣстѣ красота, роскошь и простота, тяжесть и легкость — это тѣ достоинства, которыхъ никогда, кромѣ этого времени, не вмѣщала въ себѣ архитектура. Вступая въ священный мракъ этого храма, сквозь который фантастически глядятъ разноцвѣтныя стекла длинныхъ оконъ, поднявши глаза къ верху[5] (на) отдаленно пересѣкающіеся неразвѣтвленные, стрѣльчатые своды, коимъ конца нѣтъ, — весьма естест-

венно ощутить въ душѣ невольный ужасъ въ присутствіи священнаго.

Какъ только энтузіазмъ среднихъ вѣковъ угасъ, и мысль человѣка раздробилась и устремилась на множество разныхъ цѣлей, единство и устремленіе помышленій человѣка къ одному исчезло, — вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло и величіе: силы его, раздробившись, сдѣлались малыми; онъ произвелъ вдругъ во всѣхъ родахъ множество удивительныхъ вещей, но истинно великаго и исполинскаго уже не было. Византійцы, убѣжавши изъ своей развратной столицы, занятой магометанскою луною, перепортили вкусъ европейцевъ и колоссальную архитектуру, обратились къ памятникамъ грековъ и начали сооружать зданія по образцу древнихъ, такимъ же самымъ образомъ, какъ творенія классиковъ стали законодателями новѣйшимъ и рабски оковали самихъ геніевъ: всѣ упрямо вообразили себѣ, что истинный изящный вкусъ непремѣнно долженъ быть — грековъ, и самый образъ строеній не долженъ ни на шагъ отступать отъ греческаго. — Это сдѣлалось совершенною модою и было такъ же легкомысленно и легко, какъ мода, т. е. не основано ни на чемъ. Никто не потрудился подумать о томъ, что[1] архитектура возникаетъ изъ среды самой страны — ея климата, ея удобности жизни, изъ образа жизни самаго народа, изъ характера его потребностей, его привычекъ, его нуждъ. Бездѣлица — хотѣли только, чтобъ рыбы жили на землѣ такъ же, какъ и звѣри! Архитектура, послѣдовавшая за средней, была такъ странна и безвкусна, какую врядъ ли гдѣ можно было[2] отыскать, потому что византійцы давно уже не имѣли древняго аттическаго вкуса и принесли уже довольно испорченный вкусъ. Они языческія, круглыя, плѣнительныя, сладострастныя формы купола и колонны силились облечь въ христіанство и такъ же неудачно соединили, какъ неудачно, какъ дурно привили христіанство къ своей лишенной свѣжести и молодости жизни[3]. Куполъ растянулся вверхъ, сдѣлался почти угловатымъ и грушеобразнымъ, стройныя линіи фронтона какъ-то изломались — и произошла странная форма. Въ такомъ видѣ получили эту архитектуру европейцы; они еще болѣе измѣнили ее, потому что въ душѣ своей еще носили готическую, потому что не могли отдѣлаться совершенно отъ тяжести готическаго вкуса[4], и тогда произошли тяжелые, неуклюжіе

дворцы, съ колоннами безъ всякой цѣли, не помѣщавшимися въ видѣ длинныхъ и стройныхъ галлерей, какія необходимы были въ городахъ подъ южнымъ аттическимъ небомъ; колонны лѣпились[1], напротивъ, къ самымъ стѣнамъ, не поддерживая ничего и отнимая только свѣтъ у оконъ, которыя сдѣлались тоже необыкновенными: не оканчивались стрѣльчатою дугою готическою, или крутою аркою римскою, или даже, просто, ровною линіею, но получили что-то похожее на самую плоскую арку по прямой линіи, только нѣсколько выпукло; множество миѳологическихъ головъ, безъ смысла, облѣпили тяжелую массу и не придали ей никакой легкости, не смягчили крѣпкихъ ея чертъ нѣжными. Стремленіе въ высоту, сообщавшее величіе и легкость самымъ тяжелымъ массамъ, исчезло, и вмѣсто того они разъѣхались въ ширину. Но архитектура церквей, строенныхъ въ то время, т. е. въ шестнадцатомъ и 17 столѣтіи, и 18 представляетъ самое безобразное, безъ всякой идеи, безъ всякаго понятія о величіи и красотѣ; по крайней мѣрѣ, я жалче того ничего не могу найти. Прямая линія вездѣ, безъ всякаго условія вкуса, соединялась съ выгнутою[2] и кривою; при полуготической формѣ всей массы она ничего не имѣла въ себѣ готическаго; окна, съ круглыми арками, мелкія кучею глазѣютъ въ зданіи; пиластры, полуколонны, никогда не тянувшіяся во всю длину зданія, но приклеенныя иногда вверху подъ куполомъ, иногда въ середину,— коротенькія, сверхъ которыхъ часто находился и второй этажъ этихъ же самыхъ колоннъ; крыши ломаными линіями. При этомъ часто удерживался и готическій шпицъ, но уже не тотъ легкій и прозрачный, который подъ рукою великаго художника принималъ такую воздушность, но тяжелый, массивный, потому что отвергнуто было все, летящее къ верху: всѣ стрѣльчатые и узкіе своды и тонкія линіи, сопровождающія зданія снизу до самой вершины — все это было оставлено, какъ безвкусное. Въ продолженіи 18 столѣтія вкусъ необходимо долженъ былъ улучшиться, но онъ улучшался и ут[верждался][3], къ сожалѣнію, въ веригахъ чужихъ формъ. Тяжесть готическаго была справедливо изгнана совершенно, потому что она въ греческой формѣ была уже до невозможности безобразна, и съ большимъ рвеніемъ стали изучать древнія формы, почитая ихъ вѣнцомъ вкуса. Они воображали,

что гораздо болѣе достигнули своей цѣли, что, наконецъ, постигнули вкусъ древнихъ. Но, между прочимъ, они были далеки, никакъ не подозрѣвая, такъ же, какъ неопытный ученикъ, копируя, воображаетъ, что снимокъ совершенно точенъ, потому что всѣ малѣйшія подробности и тонкости оригинала у него сохранены, между тѣмъ, какъ посторонній учитель, ставши на далекое разстояніе, увидитъ тотчасъ, что абрисъ и скелетъ всего цѣлаго сдѣланъ совершенно неправильно. Древніе не такъ нуждались въ огромныхъ строеніяхъ для жительства, какъ мы: кругъ всѣхъ потребностей нашихъ раздался и обширнѣе, и оттого необходимо было, чтобы[1] размѣръ нашихъ зданій былъ болѣе. Куполъ и колонны очаровали совершенно всѣхъ[2], вездѣ начали употреблять; но они всѣ размѣстились у насъ совершенно не такъ, какъ ихъ размѣщалъ сладострастный вкусъ аттическій. Размѣръ самаго строенія мы увеличили гораздо болѣе, а размѣръ самаго купола уменьшили.* Мы не посмотрѣли въ увеличительное стекло на строеніе, съ котораго хотѣли дѣлать модель, или, лучше, не взглянули на него, отошедши на значительное разстояніе, но разсмотрѣли вблизи, замѣтили всѣ подробности и не сообразили[3] цѣлости всего зданія и отношенія частей между собою. Забыли, что нужно увеличить всѣ части — увеличили только нѣкоторыя; куполъ сдѣлали ничтожнымъ, малымъ. Видя его пустынность и одиночество на верху зданія, прибавили къ нему нѣсколько другихъ[4], возвысили для этого подъ ними башни, и куполы стали походить на грибы. И куполъ, это лучшее и прекраснѣйшее твореніе греческаго роскошнаго вкуса, сладострастный, легко, воздушно выпуклый, который долженъ[5] былъ обнять все строеніе и роскошною выпуклою бѣлизною своей правильной массы, упоительно, нѣжно отдѣляться въ небѣ на всей массѣ строенія, — этотъ куполъ потерялъ совершенно свое значеніе, — онъ, который долженъ былъ (тотчасъ =) непосредственно[6] ложиться сверхъ его фронтона и подъ которымъ карнизъ должны были подпирать колонны, идущія во всю величину зданія.

Я не могу никакъ удержаться, чтобы здѣсь еще не сдѣлать замѣчанія о куполѣ. Чѣмъ онъ болѣе, чѣмъ необъятнѣе и далѣе обнимаетъ всю массу, тѣмъ онъ болѣе выполняетъ

свое назначеніе. Если строеніе болѣе идетъ въ вышину, нежели въ ширину, тогда горе поставить на узкой вышинѣ куполъ! Это смѣшно и больше ничего. И неприличность этого такъ очевидна, что самые архитекторы, употреблявшіе его вопреки назначенію, какъ бы чувствовали сами это и старались его почти плоскую выпуклость возвысить и сдѣлать почти остроконечною; но это уже не могло скрасить ихъ строеній, и ни одно ....[1] созданіе не сталось великимъ по своему духу, не выключая даже римскаго Петра, колоссальнѣйшаго строенія. Строеніе, на которомъ долженъ лечь куполъ, должно быть массивно и самый большой размѣръ должно имѣть въ ширину. Зданіе должно итти до самой вершины своей въ одинаковомъ видѣ, не измѣняя формы, не перерѣзываясь другимъ этажемъ, составляющимъ контрастъ первому, или раздѣлившись на башни, или вдругъ (измѣнивши =) уменьшивши совершенно размѣръ. Онъ можетъ быть, пожалуй[2], величественъ и хорошъ, если строеніе раздѣлится на этажи, но въ такомъ только случаѣ, чтобы эти этажи постепенно уменьшали свою величину и шли къ верху, какъ будто лѣстницею, или пирамидою, но чтобы ширина каждаго этажа была несравненно обширнѣе вышины и чтобы послѣдній этажъ все же былъ[3] столько великъ и широкъ, чтобы куполъ не потерялъ величественнаго своего пространства, чему примѣръ представляетъ величественный мавзолей Шеръ-Шаха[4] у индусовъ, которые удивительнымъ чутьемъ и инстинктомъ постигли......[5] Куполъ долженъ имѣть цвѣтъ самого строенія; лучше, ежели онъ весь бѣлаго цвѣта, какъ и все зданіе[6], какъ употребляли его греки[7] въ счастливое время развитія своего вкуса. Ослѣпительная бѣлизна сообщаетъ неизъяснимую очаровательность и сладострастіе его легко-выпуклой формѣ. Отъ этого-то самаго такъ........[8] видъ Іерусалима, когда приближаешься къ неприступной стѣнѣ его, изъ-за которой, какъ бѣлыя облака, являются одинъ изъ за другаго выпуклые куполы; когда цвѣтъ воздуха темнѣетъ и (обложенъ =) скрытъ[9] тучами, тогда видъ еще разительнѣе, бѣлизна ослѣпительно ярка.

И фронтонъ, это правильное, изящное произведеніе греческаго яснаго, стройнаго ума, который не долженъ терпѣть надъ собою ничего, никакихъ надстроекъ, никакого продолженія зданія, — этотъ фронтонъ у насъ совершенно

потерялъ свое значеніе. Ему боялись или не догадались дать колоссальный размѣръ, раздвинуть во всю ширину зданія, возвысить во всю вышину его. Его не развивали, не увеличивали, но оставляли въ обыкновенномъ видѣ[1]. Но такъ какъ[2] зданіе требовало[3] непремѣнно колоссальности, то сверхъ его начали нагромаждивать[4], въ церквахъ и дворцахъ, башни и массы, ничуть не отвѣчающія ему, которыя подавили и уничтожили его совершенно, — такимъ самымъ образомъ, какъ поэтъ, не имѣющій обширнаго генія, всегда недоволенъ однимъ простымъ сюжетомъ и вмѣсто того, чтобы развить и сдѣлать огромнымъ, привязываетъ къ нему множество другихъ: его поэма обременяется пестротою разныхъ предметовъ, но, не имѣя одной господствующей мысли, не выражаетъ одного цѣлаго.

Въ началѣ 19-го столѣтія вдругъ распространилась мысль объ аттической простотѣ и такъ же, какъ обыкновенно бываетъ, обратилась въ моду и проникла во все, начиная съ дамскихъ костюмовъ, преобразовавшихся[5] въ небрежное легкое одѣяніе гетеръ. Казалось, еще ближе присмотрѣлись[6] къ духу древнихъ, еще болѣе изучили; но все, чтò ни строили по образцу древнихъ, все носило отпечатокъ мелкости и миніатюрности. Узнали искусство болѣе связывать и гармонировать между собою части, но не узнали искусства давать величіе всему цѣлому и опредѣлить ему размѣръ, достойный вызвать удивленіе. Новое стремленіе рѣшительно было издержано на мелочи: бесѣдки, павильоны въ садахъ и другія небольшія игрушки носили въ себѣ много аттическаго, но, увы! ихъ нужно было разсматривать въ микроскопъ; въ огромныхъ же публичныхъ зданіяхъ не считали за нужное удерживать: они сдѣлались, наконецъ, просты до плоскости[7]. Самое вредное направленіе внушила мысль о соразмѣрности, — не о той соразмѣрности[8], которая должна быть въ строеніи въ отношеніи къ нему самому, но въ отношеніи къ окружающимъ его зданіямъ. Это все равно, какъ геній долженъ удерживаться потому только отъ оригинальнаго и необыкновеннаго, что передъ нимъ слишкомъ низки будутъ обыкновенные люди. Эта соразмѣрность состояла еще въ томъ, чтобы строеніе, сколько ни велико бы было въ своемъ объемѣ, но непремѣнно чтобы казалось малымъ: его старались уединить и помѣстить на такой

огромной и обширной площади, что оно казалось еще болѣе ничтожнымъ, какъ будто бы старались нарочно выдѣлить мысль, что великое совсѣмъ не велико, что его не существуетъ, какъ будто бы старались отнять у души человѣческой невольное благоговѣніе[1] и сдѣлать человѣка равнодушнымъ ко всему.

Какъ бы ни казалось это далекимъ отъ произведенія вліянія на жизнь и характеръ людей, но оно, точно, имѣетъ вліяніе: отсюда невольное уменьшеніе религіозности, охлажденіе энтузіазма, на который, хотя незамѣтно, но дѣйствуютъ видимые предметы. Всѣмъ строеніямъ городскимъ стали давать совершенно плоскую, простую форму. Домы старались дѣлать какъ можно болѣе однообразными, какъ можно болѣе похожими одинъ на другой[2]; они стали походить болѣе на сараи или казармы, нежели на веселыя жилища людей. Совершенно гладкая ихъ форма ничуть не принимала живости, не смотря на маленькія правильныя четырехъ-угольныя[3] окна, которыя въ отношеніи ко всему строенію похожи на зажмуренные глаза. — И этою архитектурою тщеславились, какъ совершенствомъ вкуса; старались[4], чтобы города непремѣнно были въ ея духѣ, и поставить среди ихъ какое-нибудь[5] глубокое произведеніе, носящее отпечатокъ особенной архитектуры, почитали едва ли не сумасшествіемъ. Боже сохрани, если бы даже теперь кто-нибудь возлѣ зданія въ аттическомъ вкусѣ вздумалъ непосредственно воздвигнуть готическое! Оттого новые города не имѣютъ никакого вида; они такъ правильны, такъ гладки, такъ монотонны, что, прошедши уже одну улицу, чувствуешь скуку и, вѣрно, откажешься отъ желанія заглянуть въ другую: это рядъ стѣнъ, и больше ничего. Напрасно ищетъ взглядъ, чтобы они, хотя въ одномъ мѣстѣ, вдругъ возросли и бросились на воздухъ какимъ-нибудь смѣлымъ переломленнымъ сводомъ[6]. Эта архитектурная нетерпимость вкуса убиваетъ дарованія зодчаго; она сообщаетъ ему односторонность и лѣниво ведетъ по одной и той же убитой дорогѣ. Видъ какого-нибудь восточнаго города издали имѣетъ болѣе эффекта и болѣе плѣняетъ воображеніе, нежели нашъ европейскій позднѣйшей архитектуры: узкіе, тонкіе[7] и стройные минареты между (низкими, обыкновенными) плоскими домами или широкими и массивными турецкими куполами, облѣпленными рѣзьбою, (прямо)[8] бросаются на глаза, такъ же веселятъ ихъ, такъ же хороши, съ устре-

мленными къ небу куполами, торчащими[1] среди деревъ, раскинувшихся круглыми массами. Башни огромныя, колоссальныя необходимы въ городѣ. Я уже не говорю о важности ихъ назначенія для христіанскихъ церквей; но онѣ нужны для доставленія красоты; онѣ нужны для сообщенія городу примѣтъ знакомъ[2], маякомъ, указывавшимъ бы путь всякому, не допуская ихъ заблудиться. Онѣ нужны въ столицѣ болѣе всего для наблюденія надъ окрестностями. Обыкновенно[3] ограничиваются высотою, дающею[4] возможность обглядѣть одинъ только городъ, — слишкомъ колоссальное тотчасъ пугаетъ насъ, — между тѣмъ, какъ столицѣ необходимо видѣть верстъ, по крайней мѣрѣ, на полтораста во всѣ стороны, и для этого, можетъ быть, одинъ только, два этажа лишнихъ, и все измѣняется[5]. Объемъ кругозора, по мѣрѣ возвышенія, распространяется изумительною прогрессіею. Столица получаетъ существенную выгоду, обозрѣвая провинціи и заранѣе предвидя все будущее[6]. Зданіе, немного сдѣлавшись выше обыкновеннаго, уже пріобрѣтаетъ величіе. Художникъ выигрываетъ: будучи болѣе настроенъ колоссальностью строенія, невольно ощущаетъ смѣлое напряженіе.

Это жъ направленіе архитектуры, какъ будто нарочно, старательно скрываетъ свое величіе[7], вмѣсто того, чтобы какъ можно болѣе выказать его пространству[8]. Строеніе должно такъ[9] возвышаться почти надъ головою зрителя, чтобы онъ[10] сталъ, пораженный внезапнымъ удивленіемъ, едва будучи въ состояніи окинуть поднятыми вверхъ глазами его вершину, и потому строеніе всегда лучше, ежели стоитъ на тѣсной площади. Къ нему можетъ итти улица, показывающая его въ перспективѣ вдали, но оно непремѣнно должно имѣть поражающее величіе вблизи. Чтобы дорога проходила мимо его! Чтобы кареты гремѣли у самаго подножія его! Чтобы люди лѣпились подъ нимъ и своею малостью увеличивали насъ поражающее [величіе]![11] Дать человѣку разстояніе большое — и уже будетъ глядѣть высоко, гордо на находящееся предъ нимъ, уже ему все покажется малымъ. Мы такъ устроены, наши нервы такъ связаны, что только внезапное и оглушающее съ перваго взгляда производитъ на насъ потрясающее [дѣйствіе][12]. И потому строеніе увеличивай въ соразмѣрности къ площади, на которой стоитъ: если оно съ послѣдняго края площади кажется мало,

и зритель не ощущаетъ изумленія, но для этого долженъ слишкомъ близко подходить, — такое строеніе (погибло =) пропало, и вмѣстѣ съ этимъ пропали труды, издержки, употребленные къ созиданію его.

Но возвращаюсь къ простотѣ архитектуры 19 вѣка. Сами греки чувствовали, что однѣ прямыя линіи и совершенная простота строеній будутъ казаться плоскими и ужъ слишкомъ обыкновенными[1], если множество строеній такого рода соединится[2] вмѣстѣ. Они, кажется, чувствовали, что строгая правильность и гладкость строенія должна непремѣнно имѣть возлѣ себя[3] какую-нибудь противоположность, чтобы быть болѣе оригинальною и замѣтною, и потому простирали надъ ними навѣсъ деревьевъ: бѣлизна прямолинейной стѣны или стройнаго фронтона, выказываясь[4] изъ-за темной гущи зелени, дѣйствительно хороша, потому уже, что составляетъ контрастъ съ облачнымъ расположеніемъ деревьевъ, почти всегда неправильно, но всегда красиво раскидывающихъ свои вѣтви. Но какъ только зданіе ихъ окружалось другими и находилось среди города, они чувствовали излишнюю простоту и старались придать ему сколько можно болѣе игры. Мысль о деревѣ и природѣ прежде всего бросалась имъ, но въ городѣ дерево — драгоцѣнность. Тогда они чаще начали употреблять [колонны][5], но гладкія, дорическія или коринѳскія, съ капителью завитыхъ листьевъ. Вообще убирать строенія листьями или неяснымъ образомъ вѣтвей дерева, вьющихся листьевъ винограда было какъ [бы][6] инстинктомъ у всѣхъ народовъ. Они невольно, слѣпо слѣдовали тайному внушенію своего вкуса: красота безотчетна и является какъ будто на зло, мимо правилъ, извергается изъ вкуса. Едва по ней составятъ правила, она вдругъ ускользаетъ и творитъ вновь исключенія. Такъ, въ готической архитектурѣ болѣе всего замѣтенъ хотя неясный отпечатокъ густаго, сплетеннаго тѣсно лѣса, мрачнаго, величественнаго, гдѣ топоръ не звучалъ, не раздавался отъ вѣка. Эти стремящіяся нескончаемыми линіями украшенія и сѣти сквозной рѣзьбы не что другое, какъ темное воспоминаніе ствола, вѣтвей и листьевъ древесныхъ, и потому смѣло возлѣ готическаго строенія ставьте греческое, исполненное стройной простоты, зданіе: оно будетъ стоять возлѣ, какъ между величественными, между прекрасными деревьями; и готическое, и гре-

ческое получитъ отъ этого двойную прелесть. Никогда такъ не бываетъ ярка и видна красота, какъ въ контрастѣ. Контрастъ бываетъ дуренъ тогда только, когда онъ располагается (дурнымъ =) грубымъ вкусомъ, но во власти тонкаго вкуса онъ выше всего. Эффектъ дѣйствуетъ на всѣхъ. Такимъ образомъ, цвѣтъ палевый всегда гармонируетъ съ синимъ, не смотря на ихъ совершенную противоположность, бѣлый съ голубымъ, розовый съ зеленымъ; но соединеніе зеленаго съ синимъ или краснаго съ чернымъ отзывается чѣмъ-то варварскимъ. Все зависитъ отъ вкуса и еще болѣе отъ умѣнья расположить. Не мѣшайте только въ одномъ и томъ же [зданіи][1] множества разныхъ вкусовъ и родовъ архитектуры. Пусть каждая носитъ въ себѣ что-то[2] цѣлое и самобытное; но пусть контрастъ между этими самобытными, въ отношеніи другъ къ другу, будетъ сильнѣе. Чѣмъ болѣе въ городѣ памятниковъ разныхъ родовъ зодчества, тѣмъ онъ интереснѣе, тѣмъ чаще заставляетъ осматривать себя, тѣмъ болѣе, среди его гуляній, глазъ съ наслажденіемъ останавливается на каждомъ шагу. Въ истинѣ этого никто не будетъ спорить, кромѣ бездарныхъ, безвкусныхъ, тяжелыхъ поклонниковъ старыхъ правилъ, которыхъ[3], впрочемъ, они сами (плохо =) не слишкомъ понимаютъ. Хорошо ли бы было, если бы въ аглицкомъ саду вмѣсто того, чтобы показывались безпрестанно неожиданные и новые виды, гуляющій находилъ бы ту же самую дорожку или, по крайней мѣрѣ, такъ похожую съ своими окрестностями на видѣнную имъ прежде, что поневолѣ кажущуюся давно извѣстною?

Терпимость, терпимость! Бога ради, подавайте намъ терпимость! безъ нея ничего не будетъ для художества. Всѣ роды хороши, когда они хороши. Какая бы ни была архитектура — гладкая массивная египетская, огромная ли и пестрая индусская, роскошная ли мавровъ, вдохновенная ли и мрачная, и летящая къ небу готическая, граціозная ли греческая, — всѣ онѣ хороши; приспособленныя къ назначенію строенія, всѣ онѣ будутъ величественны. Но только глядите подалѣе, постигайте глубже и точнѣе ихъ истинныя стихіи: безъ того они будутъ ничтожны. Если бы, однакожъ, потребовалось отдать рѣшительное преимущество которой-нибудь изъ этихъ архитектуръ, то я всегда отдамъ его готической. Она — чисто европей-

ское созданіе, созданіе европейскаго духа и потому болѣе всего идетъ намъ. Чудное величіе ея и красота превосходитъ всѣ другія. Но не ломайте и не коверкайте ея, глядите чаще на знаменитый Кёльнскій соборъ: тамъ все ея совершенство и величіе. Лучшаго памятника никогда не производили ни древніе, ни новые вѣки[1]. Я предпочитаю еще и потому готическую архитектуру, что она болѣе даетъ разгулу художнику: воображеніе живѣе и пламеннѣе стремится въ высоту, нежели въ ширину, и потому готическую архитектуру [нужно употреблять][2] только въ церквахъ[3] и въ строеніяхъ, высоко возносящихся. Линіи и пиластры, узко одни отъ другихъ, должны [летѣть][4] чрезъ все строеніе. Горе, если отстоятъ [несуразно][5] другъ отъ друга, если строеніе не перевысило своей ширины, по крайней мѣрѣ, вдвое, если не втрое! Чтобы выше, выше, сколько можно выше поднимались стѣны строенія! Гуще, какъ стрѣлы, какъ тополи, какъ сосны, окружали ихъ безчисленные готическіе столпы! Никакого перерѣза, или перелома, или карниза, давшаго бы другое направленіе или уменьшившаго бы размѣръ, но ровность съ основанія до самой вершины! Огромнѣе ókна! разнообразнѣе ихъ форму! колоссальнѣе ихъ высоту! воздушнѣе, легче шпицъ! Чтобы все, чѣмъ болѣе подымалось къ верху, тѣмъ болѣе бы сквозило. И помните главное: никакого сравненія высоты съ шириною! Слово „ширина“ должно исчезнуть. Я увѣренъ, что много найдется такихъ людей, которые будутъ возражать мнѣ и утверждать, что строеніе зданій слишкомъ высокими безполезно, что строеніе назначается для того, чтобы болѣе было мѣста, что высота ни къ чему не служитъ и даромъ истрачиваетъ матеріалъ. Но я спрошу съ своей стороны: развѣ совѣтую этотъ готическій образъ строеній для какихъ-нибудь театровъ, гульбищъ и собраній веселящагося[6] города. Со мною согласится всякій, что нѣтъ величественнѣе, и возвышеннѣе, и приличнѣе архитектуры для храмовъ христіанскому Богу. И что же должны уничтожить тогда, чего лишиться? Того величественнаго впечатлѣнія, которое при одномъ взглядѣ устремляетъ мысли къ одному и отрываетъ молельщика отъ его низкой хижины[7]. Помните великую старую истину, что народъ не въ силахъ понять религіи въ такой же самой чистотѣ и безплотности, какъ получившіе высшее образованіе, что на него болѣе всего производятъ впечатлѣніе видимые предметы,

что чѣмъ меньше этотъ видимый предметъ на него дѣйствуетъ, тѣмъ слабѣе его энтузіазмъ и простая вѣра. Необыкновенное поражаетъ всякаго тогда только, когда оно смѣло, рѣзко и первое бросится на глаза. Въ этомъ дѣлѣ[1] прочь всякое скряжничество и разсчетъ! Въ противномъ случаѣ этотъ разсчетъ будетъ не разсчетъ, потому что[2] выгода, возникшая изъ него, есть выгода одного человѣка передъ выгодою цѣлаго человѣчества[3].

Вальтеръ Скоттъ первый отряхнулъ пыль съ этой архитектуры и показалъ свѣту всю ея роскошь. Съ того времени она быстро распространилась. Въ Англіи всѣ новыя церкви строятъ[4] въ готическомъ вкусѣ. Онѣ очень милы, очень пріятны для глазъ, но, увы! истиннаго величія, дышащаго въ великихъ зданіяхъ старины, нѣтъ въ нихъ. Онѣ, не смотря на стрѣльчатыя окна и шпицы, не сохраняютъ въ цѣломъ истинно-готическаго духа и уклонились отъ образцовъ. Онѣ сами по себѣ не высоки и не огромны (первый и ощутительный[5] недостатокъ для готическаго строенія); во-вторыхъ, весь этотъ лѣсъ четырехгранныхъ тонкихъ столбовъ и линій, тянущихся чрезъ все строеніе, позабытъ или отвергнутъ, и плоская гладкость нечувствительно даетъ имъ совершенно другое выраженіе.

Могущественнымъ словомъ Вальтеръ Скотта вкусъ къ готическому распространился быстро и проложилъ путь во все. Еще не сдѣлавшись великимъ, онъ уже сдѣлался мелкимъ. Сельскіе домики, даже ширмы, столы, стулья — все обратилось въ готическое, и эти величественныя украшенія употреблены были на игру. Вѣкъ нашъ такъ мелокъ, потребности мысли такъ разбросаны по всему, знанія наши такъ энциклопедически, что не можемъ никакъ усредоточить на какомъ-нибудь одномъ предметѣ наши мысли и отъ того поневолѣ раздробляемъ и всѣ наши произведенія на мелочи, на прелестныя игрушки. Мы все сдѣлаемъ ничтожнымъ: египетскую архитектуру, которой весь эффектъ въ колоссальности, мы издерживаемъ на небольшіе мостики, на ворота, вершину которыхъ проѣзжающій кучеръ можетъ достать рукою. Изъ готической мы дѣлаемъ серьги, футляры для часовъ; греческую мы употребляемъ въ бесѣдкахъ. Въ публичныхъ же нашихъ огромныхъ зданіяхъ показываемъ такую архитектуру,

которую врядъ ли можно признать особеннымъ родомъ: въ ней столько безсмыслія, такое негармоническое соединеніе частей, такое отсутствіе всякаго воображенія, не смотря на самодовольную увѣренность архитекторовъ, что они не отступили ни на шагъ отъ Витрувія.

Архитектура востока доселѣ еще не тронута нами. Мы, какъ будто въ отмщеніе азіатцамъ, за ихъ презрѣніе[1] ко всему европейскому, платимъ имъ тѣмъ же презрѣніемъ: рѣшительно, громко провозгласили безвкуснымъ все, созданное азіатцами, и отложили всякое попеченіе объ точномъ и безпристрастномъ изслѣдованіи направленія ихъ архитектуры. Я совершенно не имѣю намѣренія[2] утверждать, чтобы азіатцы имѣли преимущество передъ Европою. Жизнь ихъ никогда не имѣла такого многосторонняго развитія, какъ европейцевъ[3]. Никогда потребности ихъ не были такъ разнообразны и безчисленны, какъ наши, и потому очень естественно, что жилища [ихъ][4] лишены пестроты, ясности, стройности; они уединенны, однообразны, также скучны отсутствіемъ всякой мысли о многоразличныхъ занятіяхъ человѣка, какъ самый азіатецъ. Но зато вездѣ, куда ни проникала только азіатская роскошь, огромная, великолѣпная, та роскошь, которая блещетъ въ ихъ волшебныхъ [сказкахъ][5], — вездѣ, куда ни проникала эта увѣшанная ожерельями дочь восточнаго воображенія, тамъ стоятъ донынѣ дворцы, великолѣпіе которыхъ изумительно донынѣ. Ихъ немного, они рѣдко встрѣчаются глазамъ, иногда среди пустыни, и тѣмъ еще болѣе поразительны, потому что построеніе[6] ихъ иногда захватывало цѣлый десятокъ вѣковъ; цѣлая нація, цѣлый народъ часто трудился и, какъ въ неотразимое предопредѣленіе вѣрилъ, что строеніе будетъ же когда-нибудь окончено. Вездѣ, куда ни проникала эта всемогущая массивная роскошь или дикій энтузіазмъ первоначальной ихъ религіи, вездѣ громоздились памятники, ужасные своею огромностью, передъ которыми мысль нѣмѣетъ отъ изумленія, когда вспомнишь, какъ бѣдны были ихъ средства и познанія, какъ ничтожны ихъ машины для поднятія и укрѣпленія...

Еще больше изумляешься, когда видишь, какъ почти дикій, неразвившійся человѣкъ развернулся внезапно на гигантскомъ зданіи и какъ до[7] того былъ проникнутъ и восторженъ

своею мыслью о божествѣ, что невольно показалъ постепенное разоблаченіе своего генія и упредилъ медленные годы вѣковаго образованія. Массивный, великій Триченгурскій храмъ у индусовъ — едва ли не первое по величинѣ своей въ мірѣ зданіе: это пирамидальное склоненіе всей массы къ верху, постепенное уменьшеніе этажей, бездна облѣпившихъ стѣны этой массы ломящихся индѣйскихъ портиковъ [1], пиластры, громоздящіеся надъ пиластрами, колонны надъ колоннами, какъ будто лѣзущія одна на другую, чтобы достать до самой вершины, улѣпливающія нескончаемыя стѣны этой массы, — все это представляетъ явленіе совершенно оригинальнаго вкуса. Масса сама по себѣ тяжела; видишь и, кажется, чувствуешь ея страшную тяжесть: въ этой тяжести [2] нѣтъ неуклюжаго.

Къ сожалѣнію, этотъ родъ не можетъ быть усвоенъ нами. Онъ слишкомъ великъ, слишкомъ колоссаленъ для Европы и притомъ самому строенію нельзя дать мѣста и употребленія у насъ. По величинѣ своей и устремленью въ высоту онъ могъ бы быть употребленъ только для церквей; но для церквей христіанскихъ онъ очень много дышетъ языческимъ. Но европейцы могутъ заимствовать съ пользою это пирамидальное или иногда конусообразное устремленіе къ верху, рѣзко отличающее [3] индѣйскій стиль, во вкусѣ котораго Магабилипурскій [4] храмъ и нѣсколько другихъ строеній, соединяющихъ уже съ массивностью и легкость, можетъ служить образцемъ.

Восточная архитектура дворцовъ представляетъ совершенно противоположный родъ; здѣсь царствуетъ азіатская роскошь. Строеніе раздается пространнѣе въ ширину, но могущество высоты въ немъ не потеряно. Огромный восточный куполъ, не совершенно круглый, но выгибающійся [5], какъ сладострастная ваза, облѣпленный рѣзьбою [6] и украшеніями, какъ яркая [7] митра, властвуетъ, какъ патріархъ, какъ восточный повелитель, надъ всѣмъ строеніемъ. Внизу, у самаго подножія зданія, небольшіе куполы цѣлою оградою обходятъ его пространныя стѣны; какъ покорные рабы, со всѣхъ сторонъ летятъ тонкіе минареты, представляющіе самый очаровательный контрастъ своею легкою, веселою торнюрою съ важнымъ, великолѣпнымъ видомъ всего зданія, какъ величественный магометанинъ, въ широкомъ, шитомъ золотомъ и каменьями

платьѣ, посреди гурій, стройныхъ, обнаженныхъ, ослѣпительныхъ своею бѣлизною.

Нигдѣ зодчество не принимало столько разныхъ формъ, какъ на востокѣ. Тамъ каждое зданіе выливалось, можно сказать, мимо прежнихъ условій, или, лучше сказать, оно выливалось, облеченное новыми условіями собственнаго предчувствія, сходствуя съ другимъ въ самомъ отдаленномъ началѣ его — въ религіозномъ.

Вся Индія усѣяна прекраснѣйшими зданіями, исполненными совершенно оригинально[1]: каждое изъ нихъ сохраняетъ свои рѣзкія отличія, свой особый отпечатокъ[2] до такой крайности, что ихъ совершенно нельзя подвесть подъ одну категорію. Множество на нихъ куполовъ всѣхъ возможныхъ формъ, вовсе не похожихъ одинъ на другаго, украшеній, совсѣмъ отличныхъ и всегда новыхъ. Все говоритъ о необыкновенномъ воображеніи ихъ, которые не стѣснялись никакими правилами и никакимъ кодексомъ. Впрочемъ, причиною этого разнообразія, можетъ быть, было безчисленное множество сектъ, наполняющихъ Индію, производившее[3] вѣчную оппозицію въ идеяхъ, вѣчное раздраженіе воображенія. Но болѣе исполнены роскоши, — роскоши очаровательной, какъ восточная природа,— тѣ зданія, къ которымъ тронулся вкусъ аравитянъ. Въ Азіи во время этихъ разрушительныхъ встрѣчъ новыхъ и старыхъ народовъ, особенно магометанскихъ, произошло необыкновенное смѣшеніе архитектуръ, произошли необыкновенно дерзкія отступленія созданія. Никогда не соединялось смѣлое съ такою роскошью, съ такою прекрасною роскошью, какъ у аравитянъ. Они заимствовали отъ природы все то, что было въ ней[4] самаго прекраснѣйшаго. Ихъ архитектура не носитъ въ себѣ элементовъ дремучихъ лѣсовъ и мрака; она вся состоитъ изъ цвѣтовъ, она убрана цвѣтами, она потоплена цѣлымъ моремъ цвѣтовъ прекрасныхъ, роскошныхъ, какими убрана нѣжная долина Кашемира. Ихъ узорныя колонны увѣнчаны тюльпанами; ихъ рѣзьба — въ видѣ незабудокъ и гіацинтовъ съ четырьмя[5] лепестками; ихъ галлереи похожи ....[6] пальмъ, вершиною своею образующаго ....[7] Такая архитектура не шла бы для частныхъ домовъ. Она рѣшительно изгоняетъ изъ себя все мрачное. Зданіе такъ прелестно, такъ мило и очаровательно [возвышается][8], какъ восточная красавица съ черными, яр-

кими, какъ молнія, глазами, въ перстняхъ своихъ, убранствѣ и драгоцѣнныхъ ожерельяхъ[1].

Восточная архитектура имѣетъ у себя то, чего никогда еще не употребляли европейцы — это колонны, не гладкія, но облѣпленныя украшеніями отъ пьедестала до капители. Иногда эти колонны встрѣчаются совершенно сквозныя, и прозрачная рѣзьба проходитъ насквозь. Онѣ составляютъ плѣнительнѣйшее изобрѣтеніе восточнаго вкуса: зданіе, какъ бы ни было оно громоздко, но съ этими колоннами кажется воздушнымъ. Почему бы, казалось, европейцамъ не замѣтить это и не перенести это на свою почву? Но умъ и вкусъ человѣка представляютъ странное явленіе: прежде, нежели онъ достигнетъ къ истинѣ, онъ такіе сдѣлаетъ обходы, столько надѣлаетъ несообразностей, неправильностей, фальшиваго, что послѣ самъ дивится своей недогадливости. Обо всѣхъ сихъ памятникахъ Европа и заботиться не хотѣла; одинъ только вкусъ китайскій, который можно назвать самымъ мелкимъ, самымъ низшимъ изъ всѣхъ восточныхъ народовъ, какимъ-то повѣтріемъ занесся къ намъ въ концѣ 18 столѣтія, — вкусъ, который рѣшительно неспособенъ ни къ чему великому. Хорошо, что европейцы, по обыкновенію своему, тотчасъ обратили его [на][2] мостики, павильоны, вазы, камины и не вздумали приспособлять къ строеніямъ. Этотъ вкусъ, точно, былъ недуренъ въ бездѣлкахъ, потому что европейцы тотчасъ усовершенствовали его по своему и дали ему ту прелесть, которой онъ самъ по себѣ не имѣетъ, — такъ же, какъ и народъ его не имѣетъ энергіи, не смотря на всю свою образованность.

Есть еще особенный родъ архитектуры, совершенно отличный отъ всего, доселѣ показаннаго мною — это архитектура катакомбъ индѣйскихъ и египетскихъ, гдѣ эти два народа такъ удивительно сошлись между собою и дали поводъ подозрѣвать древнее между ними родство. Главный характеръ ея — тяжесть; здѣсь все должно соединиться въ массу и толщу. Зданіе тяжело ступаетъ. какъ на слоновыхъ пядяхъ, [на][3] короткихъ и тяжелыхъ колоннахъ, которыхъ ширина своимъ діаметромъ почти равняется съ высотою ихъ. Здѣсь уже совершенно все — ширина и масса. На ней какъ будто отпечаталась тяжесть земли, внутри которой она скрываетъ свое тяжелое величіе. То, что порокъ въ другихъ родахъ ея, то здѣсь

первое достоинство. Эта подземная архитектура такъ же величава, хотя внушаетъ совершенно другія мысли. Здѣсь тяжесть не безобразна, а величественна, потому что составляетъ главную идею всего созданія. Если художникъ предположилъ создать тяжелое и массивное и исполнилъ это хорошо, его твореніе, вѣрно, величественно; но когда начерталъ планъ тяжелаго, а изъ него вышло вовсе не тяжелое или, наоборотъ, когда онъ мыслилъ произвесть легкое, а вышло тяжелое ......[1] Зданіе это, когда съ него сбрасывали землю и оно выходило на свѣтъ, представляло всегда странный и вмѣстѣ страшный видъ: какъ будто бы земля выказала свою глубокую внутренность, какъ будто бы мракъ очутился вдругъ [среди][2] яркаго свѣта, — мракъ, который свѣтъ освѣщаетъ, не прогоняетъ, какъ египетская урна или мертвая голова среди пиршества. И мнѣ кажется, что напрасно эту архитектуру вгонять въ землю: показавшись вдругъ, нечаянно, среди свѣтлыхъ, легкихъ домиковъ, она должна непремѣнно поразить всякаго и произвести свой эффектъ. Одно такого рода строеніе среди многолюднаго города было [бы][3] прелесть, но только одно, не болѣе. Въ немъ хотя всѣ части дышатъ тяжестью, но отношеніе ихъ между собою исполнено гармоніи[4], и сдѣлать въ этомъ родѣ совершенное зданіе весьма нелегко.

Египетская архитектура надземная составляетъ совершенно другой родъ; она массивна тоже, но стройность и простота въ высшей степени съ нею неразлучны. Главный же характеръ ея — колоссальность. Даже чѣмъ глаже она снизу доверху, безъ всякихъ раздѣленій и рѣзкихъ украшеній, тѣмъ лучше. Но, Бога ради, не употребляйте ее на небольшіе мостики: безъ колоссальности эта архитектура менѣе, нежели ничто. Еще разъ повторяю: всякая архитектура прекрасна, если соблюдены всѣ ея условія и если она выбрана совершенно согласно назначенію зданія. Терпимость, терпимость намъ нужна: безъ нея не будетъ ни истинныхъ талантовъ, ни истинно величественныхъ произведеній. Прочь этотъ схоластицизмъ[5], предписывающій строенія ранжировать подъ одну мѣрку и строить по одному вкусу. Городъ долженъ состоять изъ разнообразныхъ массъ, если хотите, чтобы онъ доставлялъ удовольствіе взору. Пусть въ немъ болѣе совокупится различныхъ вкусовъ. Пусть въ одной и той же улицѣ воз-

вышается и величественное готическое, и массивное, обремененное роскошною рѣзьбою и украшеніями восточное, и колоссальное египетское, и проникнутое стройнымъ размѣромъ греческое, и легко-выпуклый млечный куполъ, и религіозный темный, безконечный шпицъ, и восточная митра, и плоская крыша итальянская, и высокая фигурная фламандская, и четырехгранная пирамида, колонна и обелискъ. Пусть какъ можно рѣже дома соединяются въ одну ровную однообразную стѣну, но идутъ то вверхъ, то внизъ. Пусть разныхъ родовъ башни, какъ можно чаще, разнообразятъ улицу: можно ли ровное, гладкое мѣсто въ природѣ сравнить съ тѣми возвышеніями, [которыя][1] въ видѣ утесовъ, обрывовъ, холмовъ выходятъ одинъ изъ-за другаго?

Но я знаю, что, соглашаясь на разнообразіе зданій общественныхъ, со мною будутъ (не соглашаться =) спорить въ томъ, что частные дома не должны и не могутъ принимать разнообразный фасадъ свой. Правда, въ столицахъ, гдѣ меркантильность и существенныя выгоды выгнали великолѣпное украшеніе и[2] употребляютъ его на пустыя мелочи,—тамъ дома частные не могутъ принимать такого разнообразія и смѣлости архитектуры. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы лѣпить совершенно однообразными. Возьмите самые старинные города нѣмецкіе или фламандскіе: они, не смотря на всю невыгоду своихъ узенькихъ улицъ, имѣютъ то преимущество, [что][3] сохраняютъ характерность[4]: массы домовъ ихъ, на которыхъ можно читать всю лѣтопись города, совсѣмъ[5] не сливаются въ однообразную стѣну; дома дѣлятся одинъ отъ другаго и отличаются безконечнымъ разнообразіемъ своихъ фронтоновъ, украшенныхъ или вазами, или другими украшеніями, всегда разными; окна — исполненныя безчисленныхъ варіантовъ. Я согласенъ, что дома должны въ столицахъ выигрывать побольше мѣста, и потому тутъ колонны и арки совершенно не нужны, а особливо въ городахъ сѣверныхъ, гдѣ отнимаютъ еще и солнце у жителей. Тутъ должна быть архитектура совершенно гладкая; строеніе почти не должно (выходить =) выступать или уходить выпуклостями и уступами: ихъ главная идея — четыреугольникъ. Но эту четырехъугольную стѣну можно скрасить разнымъ образомъ. Ее можно испестрить всею тысячью разныхъ украшеній[6] или всю обратить въ сѣтку и рѣшетчато-

образную поверхность (какъ есть нѣкоторые дома въ Венеціи), или поверхность его составить всю изъ линій и узоровъ[1], густо одинъ на [другомъ][2] идущихъ прямо снизу доверху, натурально перемежая это поперечными противоположностями или множествомъ такихъ украшеній, которыя архитектора совершенно изгнали изъ своихъ кодексовъ. Но между этими домами необходимо помѣщать совершенно гладкіе, безъ всякихъ карнизовъ: тогда домы будутъ лучше отдѣляться одинъ отъ другаго. Еще другое украшеніе гладкихъ домовъ — балконы. Донынѣ дѣлаютъ ихъ [и][3] дѣлали слишкомъ просто и очень мало варіируютъ, между тѣмъ какъ они могутъ составить прелестное украшеніе. Ихъ нужно, какъ можно поболѣе, лѣпить къ дому по всѣмъ этажамъ его, чтобы балконъ висѣлъ надъ балкономъ; чугунныя перила, какъ можно воздушнѣе[4] и разнообразнѣе рѣшетку; отъ нихъ пускать внизъ множество висящихъ чугунныхъ украшеній: тогда они сообщатъ легкость не одной массѣ дома. При этомъ сообщаютъ живость городу сидящія на балконѣ группы, внушая какую-то веселость.[5]

Но и въ гладкой, простой архитектурѣ сколько можно найти новаго! Этому доказательствомъ можетъ служить прекрасная лютеранская кирка, строющаяся Брюловымъ, архитекторомъ, который доселѣ у насъ одинъ только показалъ рѣшительный истинный[6] талантъ. Жаль, что ему до сихъ поръ не поручено еще ни одно колоссальное дѣло; но если только это послѣдуетъ, то во мнѣ заранѣе теплится предчувствіе, что я увижу геніальное твореніе[7].

Истинный архитекторъ долженъ имѣть глубокое познаніе во всѣхъ родахъ зодчества. Онъ менѣе всего долженъ пренебрегать вкусомъ тѣхъ народовъ, которымъ мы, въ художественномъ отношеніи, привыкли показывать[8] презрѣніе. Онъ долженъ быть всеобъемлющъ — изучить и вмѣстить въ себѣ всѣ безчисленныя измѣненія ихъ: тогда они составятъ ему великій запасъ, — но генію, умѣвшему бы вдругъ схватить физіогномію каждаго. (Это)[9] ничего не значитъ, если онъ обремененъ всѣми чертами зданія: сколько ни затверди онъ именъ, сколько ни замѣть онъ послѣдніе (точки=) уголки[10], всѣ украшенія зданія, онъ все будетъ мелокъ, ничтоженъ и пустъ, если не имѣетъ истиннаго генія, если онъ не поэтъ: (общая)[11] идея зданія ему вовѣки будетъ недоступна. Онъ

будетъ похожъ на „любопытнаго“ въ баснѣ Крылова, который замѣтилъ букашекъ и таракашекъ, но не замѣтилъ слона.—

Но обратимся къ городу. Городъ нужно строить такимъ образомъ, чтобы каждая часть, каждая отдѣльная и неотдѣльная масса домовъ могла представить пестрый пейзажъ. Нужно непремѣнно толпѣ домовъ придать игру, чтобы она, если можно такъ выразиться, заиграла контрастами, рѣзкостями, такъ чтобы она вдругъ врѣзалась въ памяти и преслѣдовала бы воображеніе. Есть такіе виды, которые вѣкъ помнишь, и есть такіе, которые, Богъ знаетъ, сколько употребляешь времени, чтобы замѣтить. Архитектура грубѣе и вмѣстѣ колоссальнѣе другихъ искусствъ, какъ: живопись, скульптура и музыка, и потому эффектъ ея—въ эффектѣ. Масса города тѣмъ имѣетъ выгоду для художника, что ее вдругъ можно измѣнить. Поправить, по своему произволу, иногда одно только строеніе между ними, и уже оно измѣняетъ видъ ея: оно принимаетъ совершенно другое выраженіе, такъ же, какъ негодный и вялый рисунокъ ученика вдругъ оживляется подъ кистью или карандашемъ его учителя, который въ одномъ мѣстѣ подкрѣпитъ, въ другомъ отдѣлитъ, въ третьемъ только тронетъ кистью—и рисунокъ заигралъ вдругъ и выходитъ совершенно другимъ. Притомъ генію все даетъ пищу: самыя ошибки уже даютъ ему идею и понуждаютъ къ [противному][1], и открываютъ совершенно новую мысль—поправить ихъ невѣжество[2], превратить во что-то оригинальное. Самыя плоскости уже вызываютъ изъ него, въ противоположность имъ[3], неплоское; углубленіе внизъ даетъ ему идею о возвышеніи вверхъ и наоборотъ. Геній богачъ страшный, передъ которымъ ничто весь міръ и всѣ его (золотыя) сокровища.

Больше всего нужно обращать вниманіе на положеніе городовъ. Обыкновенно два рода бываютъ городовъ: городъ на возвышеніи и холмахъ и городъ на равнинѣ. Первый менѣе требуетъ искусства, потому что тамъ уже природа работаетъ, поднимая дома на величественныхъ холмахъ своихъ, и кажетъ ихъ великанами изъ-за другихъ домовъ. Въ такомъ городѣ менѣе можно [употреблять][4] разнообразіе; въ немъ можно болѣе употреблять одинакихъ, обыкновенныхъ[5] прямыхъ домовъ, потому что неровное положеніе[6] земли уже даетъ [каждому][7] розную физіогномію, помѣщая его не въ одинакомъ положеніи.

Тамъ нужно наблюдать только, чтобы домы шли терассами, возвышаясь одинъ на другомъ, такъ чтобы стоящему у подошвы казалось, что на него глядитъ двадцатиэтажная масса. Этотъ городъ всегда грозно величественъ. И тамъ природою одолѣвается[1] искусство; по крайней мѣрѣ, искусство только украшаетъ ее. Но гдѣ положеніе земли совершенно гладко и ровно, гдѣ природа спитъ, тамъ должно работать, во всей силѣ работать искусство[2]: оно должно пропестрить[3], изрѣзать, скрыть равнину, оживить мертвенность гладкой пустыни. Здѣсь однообразіе и гладкость домовъ будетъ страшная погрѣшность. Здѣсь архитектура должна быть какъ можно своенравнѣе: принимать суровую наружность, показывать граціозное выраженіе, дышать древностью, блестѣть новостью, обдавать ужасомъ, сверкать красотой, быть то мрачною, [какъ][4] день, обхваченный грозою съ громовыми облаками, быть ясною, какъ утро, потопленное въ солнечномъ сіяніи. Архитектура—великая лѣтопись міра: она говоритъ тогда, когда уже ни преданія, ни пѣсни, ни монеты, — ничто не говоритъ о (существованіи)[5] погибшаго (народа =) страны[6]. Пусть же она, хоть отрывками, является въ городахъ, напоминаетъ о томъ, что ......[7] народѣ живетъ искусство[8]. Пусть она разомъ погружаетъ насъ въ воспоминаніе и движетъ[9] духовную нашу дѣятельность*.

Но неужели невозможно созданіе совершенно особенной, новой архитектуры, мимо всѣхъ прежнихъ условій? Когда

* Мнѣ часто приходила очень странная мысль: я думалъ все о томъ, что весьма не мѣшало бы имѣть въ городѣ одну такую улицу, которая вмѣщала бы въ себѣ архитектурную лѣтопись: чтобы начиналась она тяжелыми мрачными воротами; прошедши ворота, зритель видѣлъ бы съ двухъ сторонъ возвышающіяся громадныя и величественныя зданія первобытнаго дикаго вкуса, общаго всѣмъ первоначальнымъ народамъ; потомъ — постепенное измѣненіе въ разные виды: высокое преображеніе въ колоссальную, исполненную простоты египетскую, потомъ въ стройную красавицу греческую, въ полномъ совершенствѣ, потомъ въ сладострастную александрійскаго вкуса съ плоскими куполами, потомъ въ римскую, съ арками (и колоннами)[10]; потомъ вдругъ снова начинающуюся дикимъ временемъ и вдругъ разомъ вознесенную до необыкновенной роскоши прекрасную[11] аравійскую и тутъ же подымающуюся въ первоначальной дикости готическую[12], потомъ готико-арабскую, потомъ чисто готическую, вѣнецъ искусства, дышащую въ Кельнскомъ соборѣ, потомъ страшное смѣшеніе архитектуръ, происшедшее отъ обращенія къ византійской, потомъ древнюю греческую въ новомъ фракѣ[13],— и, наконецъ, чтобы вся улица оканчивалась воротами, уже позаключившими бы въ себѣ всѣ стихіи (новаго =) нашего вкуса. Эта улица тогда бы сдѣлалась, въ нѣкоторомъ отношеніи, исторіею всего человѣчества, и кто лѣнивъ читать многотомную всеобщую исторію, тому бы стоило только пройтись по ней, чтобы узнать минувшую жизнь человѣчества.

дикій или малоразвившійся человѣкъ, которому одна природа только, еще грубо понимаемая имъ, служитъ руководителемъ и вдохновеніемъ,—и этотъ создаетъ творенія, въ которыхъ является и красота, и тайный инстинктъ вкуса и нѣкоторое совершенство — отчего же мы, которыхъ всѣ способности такъ (безгранично =) огромно развились, которые болѣе видимъ и понимаемъ, — почему же мы не производимъ совершеннаго?[1] Идея для архитектуры вообще черпана была изъ природы, но тогда, когда человѣкъ сильно чувствовалъ на себѣ ея вліяніе; но человѣкъ искусство поставилъ теперь выше самой природы. Развѣ не можетъ онъ черпать свои идеи изъ самаго искусства или, лучше, изъ гармоническаго слінія природы съ искусствомъ? Разсмотрите только, какую онъ страшную изобрѣтательность показалъ на мелкихъ издѣліяхъ роскоши. Разсмотрите всѣ эти модныя бездѣлушки, которыя кучей являются и гибнутъ. Разсмотрите хоть въ микроскопъ, если онѣ такъ не останавливаютъ вниманія: какого тонкаго вкуса онѣ исполнены! какія принимаютъ онѣ новыя, совершенно небывалыя формы! Онѣ создаются въ такомъ особенномъ родѣ, какого никогда еще не видывала рѣзьба, и тонкая отдѣлка ихъ такъ оригинальна, такъ незаимствована ни откуда и вмѣстѣ такъ хороша, что мы иногда долго разглядываемъ и, увы! вовсе не ощущаемъ жалости, [когда][2] видимъ, какъ гибнетъ умъ человѣка въ ничтожномъ и временномъ, тогда, какъ онъ былъ бы замѣтенъ въ неподвижномъ и вѣчномъ. Развѣ мы не можемъ изъ этого раздробленнаго на мелочи искусства извлечь великое? Неужели мы видимъ вокругъ себя только колонну, куполъ и арку? И если мы не можемъ заимствовать цѣлой идеи, потому что идея сильно велика то, развѣ не можемъ заимствовать этой роскоши совершенно новыхъ украшеній?[3]

II.

Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи.

Велика и поразительна область географіи: край, гдѣ кипитъ югъ, и каждое твореніе бьется двойною жизнью, и край, гдѣ въ искаженныхъ чертахъ природы прочитывается ужасъ, и земля превращается въ оледенѣлый трупъ; исполины-горы, парящіе въ небо; наброшенный небрежною кистью очаровательный, полный разнообразія видъ и раскаленныя пустыни и степи; оторванный кусокъ земли посреди безграничнаго моря; люди и искусство, и предѣлъ всего живущаго! — Гдѣ найдутся предметы, сильнѣе говорящіе юному воображенію? Какая другая наука можетъ быть прекраснѣе для дѣтей, можетъ быстрѣе возвысить поэзію младенческой души ихъ! И не больно ли, если показываютъ имъ, вмѣсто всего этого, какой-то безжизненный, сухой скелетъ, холодно говоря: „Вотъ земля, на которой живемъ мы! Вотъ тотъ прекрасный міръ, подаренный намъ Непостижимымъ его Зодчимъ!" — Этого мало: его совершенно скрываютъ отъ нихъ и даютъ имъ вмѣсто того грызть политическое тѣло, превышающее міръ ихъ понятій и несвязное даже для ума, обладающаго высшими идеями. — Невольно при этомъ приходитъ на мысль: неужели великій Гумбольтъ и тѣ отважные изслѣдователи, принесшіе такъ много свѣдѣній въ область науки, истолковавшіе дивные іероглифы, коими покрытъ міръ нашъ, — должны быть доступны немногому числу ученыхъ, а возрастъ, болѣе другихъ нуждающійся въ ясности и опредѣлительности, долженъ видѣть передъ собою одни непонятныя изображенія?

Дѣтскій возрастъ есть еще одна жажда, одно безотчетное стремленіе къ познанію. Онъ всего требуетъ, все хочетъ узнать. Но удовлетворять этому любопытству нужно съ большою осторожностью; подавать то напередъ, что̀ ближе къ нему, безъ чего нельзя проразумѣть другаго, вести его на лѣстницу са-

мого съ первой ступени, а не переносить черезъ нѣсколько ступеней разомъ. И потому физическая географія, какъ ближайшая, должна болѣе занять его, политическая же войти только общимъ очеркомъ своимъ.

Во многихъ заведеніяхъ нашихъ, по невозможности воспитанниковъ узнать въ одинъ годъ всей географіи, читаютъ ее въ двухъ и даже въ трехъ классахъ. Это хорошо, и географія стóитъ, чтобъ ее проходили не въ одномъ классѣ; но преподаватели впадаютъ въ большую ошибку: размежевываютъ земной шаръ на двѣ или, смотря по классамъ, на три части и самому начальному классу достается Европа, разсматриваемая обыкновенно въ политическомъ отношеніи съ подробнѣйшими подробностями, тогда какъ высшіе классы блуждаютъ по степямъ и пескамъ африканскимъ и бесѣдуютъ съ дикарями. Не говоря уже о безразсудности и странной формѣ такого преподаванія, нужно имѣть необыкновенную память, чтобы удержать въ ней всю эту нестройную массу. Если же и допустить такой феноменъ въ природѣ, то въ головѣ этого феномена никогда не удержится одно прекрасное цѣлое. Это будутъ тщательно отдѣланныя, разрозненныя части, которыми не управляетъ одна мощная жизнь, бьющая ровнымъ пульсомъ по всѣмъ жиламъ. Это народъ, созданный для монархическаго правленія и утратившій его въ бурѣ политическихъ потрясеній.

Географія, по моему мнѣнію, должна быть преподаваема воспитанникамъ въ два различные возраста ихъ дѣтства. Въ первомъ классѣ долженъ быть наброшенъ весь эскизъ міра; всѣ части земнаго шара должны составить одно цѣлое, одну прекрасную поэму, въ которой выразилась идея Великаго Творца. Въ поэмѣ этой все должно быть ясно; все поставлено, утверждено на своемъ мѣстѣ; въ ней все должно быть живо, ярко, всякая часть должна соотвѣтствовать прочимъ, и ни одна не должна принимать окончательной, мелкой отдѣлки.— Въ другомъ классѣ или возрастѣ, эта идея, начертанная въ головѣ воспитанника, только раздвигается. Тутъ онъ разсматриваетъ въ микроскопъ тотъ самый міръ, который схватилъ онъ доселѣ простымъ взглядомъ. Тутъ уже политическая геогра-

фія можетъ болѣе войти въ составъ поэмы; юный умъ, ознакомливается короче съ техническими терминами и положеніями науки.

Преподаватель болѣе всего долженъ стараться, чтобы дитя удержало въ памяти своей видъ, фигуру земли. Для этого нужно заставлять его чаще чертить наизусть такую-то землю, такое-то море; а чтобы облегчить трудность, сопряженную съ такимъ занятіемъ, онъ долженъ замѣчать ему сходство такой-то земли съ видимымъ физическимъ предметомъ (Европы, напримѣръ, съ сидящею на колѣняхъ женщиною или летящимъ дракономъ) и т. п.

Порядокъ частей Свѣта долженъ быть для воспитанника расположенъ такимъ образомъ: первое мѣсто должна занимать Азія, какъ колыбель человѣчества, второе Африка, какъ жаркое юношество, третіе Европа — зрѣлость и мужество, четвертое Америка и, наконецъ, разрозненные по необозримому океану острова. Такое раздѣленіе для него кажется естественнѣйшее: въ это время своего возраста воспитанникъ обыкновенно проходитъ начало древней исторіи и уже ознакомленъ съ священными событіями ветхаго завѣта, которыя всѣ совершались въ Азіи. — Дитя напередъ всего должно непремѣнно составить себѣ общее характеристическое понятіе о каждой изъ сихъ частей Свѣта. Во-первыхъ, объ Азіи, гдѣ такъ все велико и обширно, гдѣ люди такъ важны, такъ холодны съ вида и вдругъ кипятъ неукротимыми страстями; при дѣтскомъ умѣ своемъ думаютъ, что они умнѣе всѣхъ; гдѣ все гордость и рабство; гдѣ все одѣвается и вооружается легко и свободно, все наѣздничаетъ; гдѣ турокъ радъ просидѣть цѣлый вѣкъ, поджавъ ноги и куря кальянъ свой, и гдѣ бедуинъ, какъ вихорь, мчится по пустынѣ; гдѣ вѣра переходитъ въ фанатизмъ и вся страна — страна вѣроисповѣданій, разлившихся отсюда по всему міру. Объ Африкѣ, гдѣ солнце жжетъ и океаны песчаныхъ степей растягиваются на неизмѣримое пространство; львы, тигры, кокосы, пальмы и человѣкъ, мало чѣмъ разнящійся и наружностью, и своими чувственными наклонностями отъ обезьянъ, кочующихъ по ней ордами; и т. далѣе.

Начертивъ видъ части Свѣта, воспитанникъ указываетъ всѣ высочайшія и низменныя мѣста на ней, разсказываетъ, какъ развѣтвляются по ней горы и протягиваютъ свои длинныя, безобразныя цѣпи. Въ этомъ смыслѣ можно съ пользою употреблять Риттерово барельефное изображеніе Европы, хотя оно не совсѣмъ еще удобно для дѣтей, по причинѣ неяснаго отдѣленія свѣта отъ тѣней. Всего бы лучше на этотъ случай отлить изъ крѣпкой глины или изъ металла настоящій барельефъ. Тогда воспитаннику стóило бы только взглянуть на него, чтобы сохранить навсегда въ памяти всѣ высокія и низменныя мѣста.

Такъ какъ горы сообщили форму всей землѣ, то познаніе ихъ должно составить, такъ сказать, начало всей географіи. Показавъ развѣтвленіе ихъ по лицу земли, преподаватель показываетъ видъ ихъ, форму, составъ, образованіе и, наконецъ, характеръ и отличіе каждой цѣпи, высочайшія точки, примѣчательныя явленія на нихъ и высоту, до которой подымался человѣкъ.

Преподаватель долженъ показать процессъ и разселеніе растительной силы по землѣ на картѣ лѣстницею градусовъ: гдѣ растеніе юга — хозяинъ, куда перешло оно, какъ гость; подъ какимъ градусомъ умираетъ; гдѣ начинается растеніе сѣвера, гдѣ и оно, наконецъ, гибнетъ, прозябеніе прекращается, природа обмираетъ въ объятіяхъ студенаго океана и чудный полюсъ закутывается недоступными для человѣка льдами. Такимъ же образомъ и разселеніе животныхъ. Но почва требуетъ другаго раздѣленія земли — по полосамъ, изъ которыхъ каждая должна заключать въ себѣ особенный видъ ея.

Весьма полезны для дѣтей карты, изображающія разселеніе просвѣщенія по земному шару. Эта польза превращается въ необходимость, когда проходятъ они Европу. Но какъ у насъ нѣтъ такихъ картъ, то преподавателю небольшаго труда будетъ стóить сдѣлать оныя самому. Мѣста, гдѣ просвѣщеніе

достигло высочайшей степени, означать свѣтомъ и бросать легкія тѣни, гдѣ оно ниже. Тѣни сіи становятся, чѣмъ далѣе, тѣмъ крѣпче, и наконецъ превращаются въ мракъ, по мѣрѣ того, какъ природа дичаетъ и человѣкъ оканчивается бездушнымъ эскимосомъ.

Исторія географіи должна необходимо войти нѣкоторыми фактами своими въ составъ преподаванія. Нельзя пропустить, говоря объ Америкѣ, времени и обстоятельствъ открытія оной; объ Африкѣ — отважныхъ путешествій, совершенныхъ во внутренность ея, для сорванія съ нея покрывала неизвѣстности; о сѣверныхъ экспедиціяхъ, о пути въ Индію и проч. и проч. Разумѣется, что все это должно быть не такъ пространно, не такъ учено, какъ требуется для возрастовъ высшихъ; но такъ, чтобы воспитанникъ видѣлъ, какія величайшія усилія, какіе неимовѣрные, благородные подвиги были производимы для того, чтобы доставить ему вѣрныя свѣдѣнія о землѣ нашей.

Слогъ преподавателя долженъ былъ увлекающій, живописный; всѣ поразительныя мѣстоположенія, великія явленія природы должны быть окинуты огненными красками. Что дѣйствуетъ сильно на воображеніе, то не скоро выбьется изъ головы. Преподаватель долженъ пользоваться всѣми такими мгновеніями и привязывать къ нимъ свѣдѣнія, кои безъ того были бы сухими; но только искусно, въ противномъ случаѣ они развяжутся сами и улетятъ изъ памяти. — Богатый для сего запасъ заключается въ описаніяхъ путешественниковъ, которыхъ множество, и изъ которыхъ, кажется, донынѣ въ этомъ отношеніи мало умѣли извлекать пользы.

Преподаватель долженъ быть обиленъ сравненіями, потому что первоначальный возрастъ болѣе прочихъ возрастовъ жаждетъ примѣровъ и подобій. Въ эти примѣры, въ эти уподобленія должны входить предметы, сколько можно ближайшіе къ еще ограниченнымъ его понятіямъ, и ни одною чертою, ни однимъ порывомъ не должны они вырываться изъ области дѣтскаго міра.

Самые же факты науки должны возвышаться постепенно; но до такой только высоты, до которой можетъ подняться дитя съ своими бережно развивающимися понятіями. Перешагнувъ эту заповѣдную черту, педагогъ облечется въ туманъ и неясность.

При исчисленіи народовъ преподаватель необходимо обязанъ показать каждаго физіогномію и тѣ отпечатки, которые принялъ его характеръ, такъ сказать, отъ географическихъ причинъ: отъ климата, отъ положенія земли; какъ величественная, разительная природа подымаетъ человѣка до идеальности и дѣятельнаго стремленія духа, какъ роскошная и упоительная вдыхаетъ въ него чувственныя наклонности. — Вѣрное познаніе физіогноміи каждаго народа, сколько любопытно для воспитанника въ началѣ, столько и важно по послѣдствіямъ: оно объяснитъ ему потомъ, отчего одному народу необходимъ такой именно, другому иной образъ правленія.

Понятіе о величинѣ земли каждаго государства должно внушать воспитаннику такъ, чтобы оно навсегда врѣзалось въ памяти его; исчисленіе квадратныхъ миль и механическое затверживаніе ихъ никогда не будетъ имѣть успѣха, наведетъ скуку, смѣшается, растеряется — и изъ единицъ и десятковъ останутся только нули въ головѣ его. Чтобъ избѣгнуть этого, я полагаю взять одну землю за среднюю пропорціональную и по ней опредѣлять величину прочихъ. Положимъ: я беру Францію; говорю: она имѣетъ столько-то квад. миль; но Россія больше ея во столько разъ, Пруссія меньше столько-то, къ Италіи недостаетъ цѣлой половины, чтобы сдѣлаться по величинѣ равною Франціи. Небезполезно при этомъ показывать воспитаннику вырѣзанное изъ картонной бумаги каждое государство, которое, будучи сложено съ другими, составило бы одну плотную массу земли. Положивъ одно государство на другое, напримѣръ, Францію на Россію, онъ тотчасъ увидитъ, сколько разъ содержится она въ Россіи.—

Означивъ на картѣ, имъ же начертанной, мѣсто главнаго города, воспитанникъ долженъ узнать его положеніе, видъ и рѣзкими, сильными и немногими чертами обозначить характеръ его. Воспитатель обязанъ исторгнуть изъ обширнаго матеріала все, что бросаетъ на городъ отличіе и отмѣняетъ его отъ множества другихъ. Пусть дитя знаетъ, что̀ такое Римъ, что̀ Парижъ, что̀ Петербургъ. Пусть не мѣряетъ своимъ масштабомъ, — составившимся въ его понятіяхъ при видѣ Петербурга, — другихъ городовъ Европы. Все общее городамъ должно быть исключено въ опредѣленіи отдѣльно каждаго города. Во многихъ нашихъ географіяхъ, въ опредѣленіяхъ губернскаго города разсказывается, что въ немъ есть гимназія, соборная церковь; уѣзднаго, — что въ немъ есть уѣздное училище и т. под. Къ чему? Воспитаннику довольно сказать сначала, что у насъ гимназіи во всѣхъ губернскихъ городахъ, церкви также. Но Кремля, Ватикана, Пале-рояля, Фальконетова Петра, Кіевопечерской лавры, Кингсъ-Бенча нѣтъ другихъ въ мірѣ. Объ нихъ дитя, вѣрно, потребуетъ подробнаго свѣдѣнія. Не нужно заниматься ничтожнымъ и скучнымъ для воспитанника вычисленіемъ числа домовъ, церквей, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда оно по своей величинѣ или отрицательно выходитъ изъ категоріи обыкновеннаго. Вмѣсто этого, можно занять его архитектурой города, въ какомъ вкусѣ онъ выстроенъ, колоссальны ли, прекрасны ли его строенія. Если онъ древній, то какъ величественна, даже въ самой странности своей, его старинная, повитая столѣтіями и на чудо взлелѣянная самими потрясеніями архитектура и какъ, напротивъ того, легка и изящна архитектура другаго города, созданнаго однимъ столѣтіемъ. При мысли о какомъ-нибудь германскомъ городкѣ, ученикъ тотчасъ долженъ представить себѣ тѣсныя улицы, небольшіе, узенькіе и высокіе домики, гдѣ все такъ просто, такъ мило, такъ буколически, и рядомъ съ ними угловатые, просѣкающіе остріемъ воздухъ шпицы церквей. При мысли о Римѣ, гдѣ глухо отозвался весь канувшій въ пучину столѣтій древній міръ, у него должна быть неразлучна съ тѣмъ мысль о зданіяхъ-исполинахъ, которыя, свободно поднявшись отъ земли и опершись на стройные портики и гигантскія колонны, дряхлѣютъ, какъ бы размышляя объ утекшихъ событіяхъ великой

своей юности. Для этого не мѣшаетъ приносить съ собою въ классъ фасады примѣчательнѣйшихъ зданій: необыкновенный видъ ихъ врѣжется въ память навѣки; притомъ это послужитъ вмѣстѣ и лучшимъ средствомъ къ образованію юнаго вкуса.

Исторія изрѣдка должна только озарять воспоминаніями географическій міръ ихъ. Протекшее должно быть слишкомъ разительно, должно имѣть сильное вліяніе на судьбу міра, чтобы заставить вызывать его. Но, если воспитанникъ проходитъ въ это время и исторію, тогда ему необходимо показать область его[1] дѣйствія; — тогда географія сливается и составляетъ одно тѣло съ исторіей.

Лѣность и непонятливость воспитанника обращаются въ вину педагога и суть только вывѣски его собственнаго нерадѣнія; онъ не умѣлъ, онъ не хотѣлъ овладѣть вниманіемъ своихъ юныхъ слушателей; онъ заставилъ ихъ съ отвращеніемъ принимать горькія свои пилюли. Совершенной неспособности невозможно предполагать въ дитяти. Мнѣ часто случалось быть свидѣтелемъ, какъ ребенокъ, признанный за неспособнаго ни къ чему, обиженнаго природою, слушалъ съ неразвлекаемымъ вниманіемъ страшную сказку и на лицѣ его, почти бездушномъ, не оживляемомъ до того никакимъ чувствомъ участія, поперемѣнно прорывались черты безпокойства и боязни. Неужели нельзя задобрить такого вниманія въ позьзу науки?

ТАРАСЪ БУЛЬБА.

Редакція, напечатанная въ „Миргородѣ“ (1835 г.)

I.

„А поворотись, сынку! цурь тебѣ, какой ты смѣшной! Чтò это на васъ за поповскіе подрясники? И эдакъ всѣ ходятъ въ академіи?“

Такими словами встрѣтилъ старый Бульба[1] двухъ сыновей своихъ, учившихся въ кіевской бурсѣ и пріѣхавшихъ уже на домъ къ отцу.

Сыновья его только что слѣзли съ коней. Это были два дюжіе молодца, еще смотрѣвшіе исподлобья[2], какъ недавно[3] выпущенные семинаристы. Крѣпкія, здоровыя лица ихъ были покрыты первымъ пухомъ волосъ, котораго еще не касалась бритва. Они были очень оконфужены такимъ пріемомъ отца и стояли неподвижно, потупивъ глаза въ землю.

„Постойте, постойте, дѣти“, продолжалъ онъ, поворачивая ихъ: „какія же длинныя на васъ свитки! * Вотъ это свитки! Ну, ну, ну! такихъ свитокъ еще никогда на свѣтѣ не было! А ну, побѣгите оба: я посмотрю, не попàдаете ли вы?“

„Не смѣйся, не смѣйся, батьку!“ сказалъ, наконецъ, старшій изъ нихъ.

„Фу, ты какой пышный! а отчего жъ бы не смѣяться?“

„Да такъ. Хоть ты мнѣ и батько, а какъ будешь смѣяться, то, ей Богу, поколочу!“

„Ахъ, ты сякой, такой сынъ! Какъ! батька?“ сказалъ Тарасъ Бульба, отступивши съ удивленіемъ нѣсколько назадъ.

„Да хоть и батька. За обиду — не посмотрю и не уважу никого“.

---

* Свиткой называется верхняя одежда у малороссіянъ.

„Какъ же ты хочешь со мною биться? развѣ на кулаки?“

„Да ужъ на чемъ бы то ни было“.

„Ну, давай на кулаки!“ говорилъ Бульба, засучивъ рукава. И отецъ съ сыномъ, вмѣсто привѣтствія послѣ давней отлучки, начали преусердно колотить другъ друга.

„Вотъ это сдурѣлъ старый!“ говорила блѣдная, худощавая[1] и добрая мать ихъ, стоявшая у порога и не успѣвшая[2] еще обнять ненаглядныхъ дѣтей своихъ[3]. „Ей Богу, сдурѣлъ! Дѣти пріѣхали домой, больше году не видѣли ихъ, а онъ задумалъ, Богъ знаетъ что̀: биться на-кулачки!“

„Да онъ славно бьется!“ говорилъ Бульба, остановившись. „Ей Богу, хорошо![4]... такъ-таки“, продолжалъ онъ, немного оправляясь: „хоть бы и не пробовать. Добрый будетъ козакъ! Ну, здоровъ, сынку! почеломкаемся!“ И отецъ съ сыномъ начали цѣловаться. „Добре, сынку![5] Вотъ такъ колоти всякаго, какъ меня тузилъ; никому не спускай! А все таки на тебѣ смѣшное убранство. Что̀ это[6] за веревка виситъ? А ты, бейбасъ, что стоишь и руки опустилъ?“ говорилъ онъ, обращаясь къ младшему. „Что̀ жъ ты, собачій сынъ, не колотишь меня?“

„Вотъ еще выдумалъ что!“ говорила мать, обнимавшая между тѣмъ младшаго. „И придетъ же въ голову! Какъ можно, чтобы дитя било роднаго отца? Притомъ будто до того теперь[7]: дитя малое, проѣхало столько пути, утомилось (это дитя было двадцати слишкомъ лѣтъ и ровно въ сажень ростомъ); ему бы теперь нужно отпочить и поѣсть чего-нибудь, а онъ заставляетъ биться!“

„Э, да ты мазунчикъ, какъ я вижу!“ говорилъ Бульба. „Не слушай, сынку, матери: она — баба, она ничего не знаетъ. Какая вамъ нѣжба? Ваша нѣжба — чистое поле да добрый конь, вотъ ваша нѣжба. А видите вотъ эту саблю? вотъ ваша матерь! Это все дрянь, чѣмъ набиваютъ васъ: и академія, и всѣ тѣ книжки, буквари и философія, — все это *ка зна що*, я плевать на все это!“ Бульба присовокупилъ еще одно слово, которое въ печати нѣсколько выразительно, и потому его можно пропустить[8]. „Я васъ на той же недѣлѣ отправлю на Запорожье. Вотъ тамъ ваша школа! вотъ тамъ только наберетесь разуму!“

„И только всего одну недѣлю быть имъ дома?“ говорила

жалостно, со слезами на глазахъ, худощавая старуха-мать[1]. „И погулять имъ, бѣднымъ, не удастся, и дому роднаго некогда будетъ узнать имъ, и мнѣ не удастся наглядѣться на нихъ!“

„Полно, полно, старуха![2] Козакъ не на то, чтобы возиться съ бабами. Ступай скорѣе да неси намъ все, что̀ ни есть, на столъ. Пампушекъ, маковиковъ, медовиковъ и другихъ пундиковъ не нужно, а прямо такъ и тащи[3] намъ цѣлаго барана на столъ. Да горѣлки, чтобы горѣлки было побольше! Не этой разной, что съ выдумками: съ изюмомъ, родзинками и другими вытребеньками, а чистой горѣлки, настоящей, такой, чтобы шипѣла, какъ бѣсъ!“

Бу́льба повелъ сыновей своихъ въ свѣтлицу, изъ которой пугливо[4] выбѣжали двѣ здоровыя[5] дѣвки въ красныхъ монистахъ, увидѣвши пріѣхавшихъ паничей, которые не любили спускать никому. Все въ свѣтлицѣ было убрано во вкусѣ того времени; а время это касалось XVI вѣка, когда еще только что начинала раждаться мысль объ уніи[6]. Все было чисто вымазано глиною[7]. Вся стѣна была убрана саблями и ружьями. Окна въ свѣтлицѣ были маленькія, съ круглыми матовыми стеклами, какія встрѣчаются нынѣ только въ старинныхъ деревянныхъ[8] церквахъ. На полкахъ, занимавшихъ углы комнаты и сдѣланныхъ угольниками, стояли глиняные кувшины, синія и зеленыя фляжки, серебряные кубки, позолоченныя чарки венеціянской, турецкой и черкесской работы, зашедшіе въ свѣтлицу Бульбы разными путями чрезъ третьи и четвертыя руки[9], что̀ было очень обыкновенно въ эти удалыя времена[10]. Липовыя скамьи вокругъ всей комнаты и огромный столъ посреди ея, печь, разъѣхавшаяся на полкомнаты, какъ толстая русская купчиха, съ какими-то нарисованными пѣтухами на изразцахъ, — всѣ эти предметы были довольно знакомы нашимъ двумъ молодцамъ, приходившимъ почти каждый годъ домой на каникулярное время, — приходившимъ потому, что у нихъ не было еще коней, и потому, что не было въ обычаѣ позволять школярамъ ѣздить верхомъ. У нихъ были только длинные чубы, за которые могъ выдрать ихъ всякій козакъ[11], носившій оружіе. Бульба, только при выпускѣ ихъ, послалъ имъ изъ табуна своего пару молодыхъ жеребцовъ.

„Ну, сынки[12], прежде всего выпьемъ горѣлки! Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остапъ, и ты, Андрій!

Дай же, Боже, чтобъ вы на войнѣ всегда были удачливы! чтобы бусурменовъ били, и турковъ бы били, и татарву били бы; когда и ляхи начнутъ что̀ противъ вѣры нашей чинить, то и ляховъ бы били! Ну, подставляй свою чарку. Что̀, хороша горѣлка?[1] А какъ по-латыни горѣлка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свѣтѣ горѣлка. Какъ бишь того звали, что̀ латинскія вирши писалъ? Я грамоты-то не слишкомъ разумѣю, то и не помню; Горацій, кажется?"

„Вишь какой батька!" подумалъ про себя старшій сынъ, Остапъ: „все, собака, знаетъ, а еще и прикидывается".

„Я думаю, архимандритъ", продолжалъ Бульба: „не давалъ вамъ и понюхать горѣлки. А что, сынки, признайтесь, порядочно васъ стегали березовыми да вишневыми по спинѣ и по всему, а можетъ, такъ какъ вы уже слишкомъ разумные, то и плетюгами?[2] Я думаю, кромѣ суботки, драли васъ и по середамъ, и по четвергамъ?"

„Нечего, батько, вспоминать", говорилъ Остапъ съ обыкновеннымъ своимъ флегматическимъ видомъ[3]: „что было, то уже прошло".

„Теперь мы можемъ росписать всякаго", говорилъ Андрій: „саблями да списами[4]. Вотъ пусть только попадется татарва".

„Добре, сынку! ей Богу, добре! Да когда такъ, то и я съ вами ѣду! ей Богу, ѣду! Какого дьявола мнѣ здѣсь ожидать? Что, я долженъ развѣ смотрѣть за хлѣбомъ да за свинарями? или бабиться съ женою? Чтобъ она пропала! Чтобъ я для ней оставался дома? Я козакъ. Я не хочу! Такъ что̀ же, что нѣтъ войны? Я такъ поѣду съ вами на Запорожье, погулять. Ей Богу, ѣду!"[5] И старый Бульба мало по малу горячился и, наконецъ, разсердился совсѣмъ[6], всталъ изъ-за стола и, пріосанившись[7], топнулъ ногою. „Завтра же ѣдемъ! Зачѣмъ откладывать? Какого врага мы можемъ здѣсь высидѣть?[8] На что̀ намъ эта хата? къ чему намъ все это̀? на что̀ эти горшки?"[9] При этомъ Бульба началъ колотить и швырять горшки и фляжки.

Бѣдная старушка жена, привыкшая уже къ такимъ поступкамъ своего мужа, печально глядѣла, сидя на лавкѣ. Она не смѣла ничего говорить; но, услышавши о такомъ страшномъ для нея рѣшеніи, она не могла удержаться отъ слезъ; взглянула на дѣтей своихъ, съ которыми угрожала такая скорая

разлука, и никто бы не могъ описать всей безмолвной силы ея горести, которая, казалось, трепетала въ глазахъ ея и въ судорожно сжатыхъ губахъ.

Бульба былъ упрямъ страшно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые могли только возникнуть въ грубый XV вѣкъ, и притомъ на полукочующемъ востокѣ Европы, во время праваго и неправаго понятія о земляхъ, сдѣлавшихся какимъ-то спорнымъ, нерѣшеннымъ владѣніемъ, къ какимъ принадлежала тогда Украйна. Вѣчная необходимость пограничной защиты противъ трехъ разнохарактерныхъ націй — все это[1] придавало какой-то вольный, широкій размѣръ подвигамъ сыновъ ея и воспитало упрямство духа. Это упрямство духа отпечаталось во всей силѣ на Тарасѣ Бульбѣ. Когда Баторій устроилъ полки въ Малороссіи и облекъ ее въ ту воинственную арматуру, которою сперва означены были одни обитатели пороговъ, онъ былъ изъ числа первыхъ полковниковъ; но при первомъ случаѣ перессорился со всѣми другими за то, что добыча, пріобрѣтенная отъ татаръ соединенными польскими и козацкими войсками, была раздѣлена между ими не поровну и польскія войска получили болѣе преимущества[2]. Онъ, въ собраніи всѣхъ, сложилъ съ себя свое[3] достоинство и сказалъ: „Когда вы, господа полковники, сами не знаете правъ своихъ, то пусть же васъ чортъ водитъ за носъ! А я наберу себѣ собственный полкъ, и кто у меня вырветъ мое, тому я буду знать, какъ утереть губы.“

Дѣйствительно, онъ въ непродолжительное время изъ своего же отцовскаго имѣнія составилъ довольно значительный отрядъ, который состоялъ вмѣстѣ изъ хлѣбопашцевъ и воиновъ и совершенно покорствовалъ[4] его желанію. Вообще онъ былъ большой охотникъ до набѣговъ и бунтовъ; онъ носомъ слышалъ, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ[5] вспыхивало возмущеніе, и уже, какъ снѣгъ на голову, являлся на конѣ своемъ. „Ну, дѣти, что̀ и какъ? Кого и за что̀ нужно бить?“ обыкновенно говорилъ онъ и вмѣшивался[6] въ дѣло. Однакожъ, прежде всего, онъ строго разбиралъ обстоятельства, и въ такомъ только случаѣ приставалъ[7], когда видѣлъ, что поднявшіе оружіе дѣйствительно имѣли право поднять его, хотя это право было, по его мнѣнію, только въ слѣдующихъ случаяхъ: если сосѣдняя нація угоняла ихъ[8] скотъ, или отрѣзывала[9] часть земли, или ком-

миссары налагали большую повинность, или не уважали старшинъ и говорили передъ ними въ шапкахъ, или посмѣвались[1] надъ православною вѣрою — въ этихъ случаяхъ непремѣнно нужно было браться за саблю; противъ бусурмановъ же, татаръ и турокъ[2], онъ почиталъ во всякое время справедливымъ поднять оружіе, во славу Божію, христіанства и козачества. Тогдашнее положеніе Малороссіи, еще не сведенное ни въ какую систему[3], даже не приведенное въ извѣстность[4], способствовало существованію многихъ совершенно отдѣльныхъ партизановъ. Жизнь велъ онъ самую простую, и его нельзя бы было вовсе отличить отъ рядоваго козака, если бы лицо его не сохраняло какой-то повелительности и даже величія, особливо, когда онъ рѣшался защищать что-нибудь.

Бульба заранѣе утѣшалъ себя мыслію о томъ, какъ онъ явится теперь съ двумя сыновьями[5] и скажетъ: „Вотъ посмотрите, какихъ я къ вамъ молодцовъ привелъ!" Онъ думалъ о томъ, какъ повезетъ ихъ на Запорожье — эту военную школу тогдашней Украйны — представитъ своимъ сотоварищамъ и поглядитъ, какъ при его глазахъ они будутъ подвизаться въ ратной наукѣ и бражничествѣ, которое онъ почиталъ тоже однимъ изъ первыхъ достоинствъ рыцаря. Онъ вначалѣ хотѣлъ отправить ихъ одних, потому что считалъ необходимостію заняться новою сформировкою полка, требовавшей его присутствія; но при видѣ своихъ сыновей, рослыхъ и здоровыхъ, въ немъ вдругъ вспыхнулъ весь воинскій духъ его, и онъ рѣшился самъ съ ними ѣхать на другой же день, хотя необходимость этого[6] была одна только упрямая воля.

Не теряя ни минуты, онъ уже началъ отдавать приказанія своему асаулу, котораго называлъ Товкачемъ[7], потому что тотъ дѣйствительно похожъ былъ на какую-то хладнокровную машину: во время битвы онъ равнодушно шелъ по непріятельскимъ рядамъ, расчищая[8] своею саблей, какъ будто бы мѣсилъ тѣсто, — какъ кулачный боецъ, прочищающій себѣ дорогу. Приказанія состояли въ томъ, чтобы оставаться ему въ хуторѣ, покамѣстъ онъ дастъ знать[9] ему выступить въ походъ. Послѣ этого пошелъ онъ самъ по куренямъ своимъ, раздавая приказанія нѣкоторымъ ѣхать съ собою, напоить лошадей, накормить ихъ пшеницею и подать себѣ коня, котораго онъ обыкновенно называлъ Чортомъ.

„Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, чтò Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! Намъ не нужна постель: мы будемъ спать на дворѣ“.

Ночь еще только что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ и потому что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ[1]. Все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло. Прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для пріѣзда паничей.

Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ. Она расчесывала гребнемъ ихъ молодыя, небрежно всклоченныя[2] кудри и смачивала ихъ слезами. Она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью; она возрастила, взлелѣяла ихъ — и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собою. „Сыны мои, сыны мои милые! чтò будетъ съ вами? чтò ждетъ васъ? Хоть бы недѣльку мнѣ поглядѣть на васъ!“ говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ ея когда-то прекрасное лицо[3].

Въ самомъ дѣлѣ, она была жалка, какъ всякая женщина того удалаго вѣка. Она мигъ только жила любовью, только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый прельститель[4] ея покидалъ ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видѣла мужа въ годъ два, три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не бывало слуха. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, чтò за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла изъ милости только оказываемыя ласки; она была какое-то странное существо въ этомъ соборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки и перси безъ лобзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, чтò есть нѣжнаго страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у ней въ одно материнское чувство[5]. Она съ жаромъ, съ страстью, со[6] слезами,

какъ степная чайка, вилась[1] надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея, берутъ для того, чтобы не увидѣть[2] ихъ никогда. Кто знаетъ? можетъ быть, при первой битвѣ, татаринъ срубитъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица и за каждый кусочекъ которыхъ, за каждую каплю крови она отдала бы все. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, которыя всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать, и думала: „Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочитъ денька на два отъѣздъ! Можетъ быть, онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ".

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ; ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ своихъ и не думала о снѣ. Уже кони, зачуя разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и мало по малу лепечущая струя спустилась[3] до самаго низу. Она просидѣла до самаго свѣта, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась, какъ можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржаніе жеребенка. Красныя полосы ясно сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что̀ приказывалъ вчера.

„Ну, хлопцы, полно спать! Пора! пора! Напойте коней![4] А гдѣ стара?" (такъ онъ обыкновеннно называлъ жену свою). „Живѣе, стара, готовь намъ ѣсть, потому что путь великій лежитъ!"[5]

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату. Между тѣмъ, какъ она со слезами готовила все, что̀ нужно къ завтра̀ку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшія убранства. Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные, съ серебряными подковами; шаровары, шириною въ Черное море, съ тысячью складокъ и со сборами, перетянулись золотымъ очкуромъ. Къ очкуру прицѣплены были длинные ремешки съ кистями и прочими побрякушками[6] для

трубки; козакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго, какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканные турецкіе пистолеты были задвинуты за поясъ; сабля брякала по ногамъ ихъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казалось, похорошѣли и побѣлѣли: молодые черные усы теперь какъ-то ярче оттѣняли бѣлизну ихъ и здоровый, мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньими шапками съ золотымъ верхомъ. Бѣдная мать! она, какъ увидѣла ихъ, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

„Ну, сыны, все готово![1] нечего мѣшкать!“ произнесъ, наконецъ, Бульба. „Теперь, по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть“.

Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ[2], стоявшихъ почтительно у дверей. Минуту продолжалось общее молчаніе[3].

„Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ!“ сказалъ Бульба. „Моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую*, чтобы стояли всегда за вѣру Христову; а не то — пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери. Молитва материнская и на водѣ и на землѣ спасаетъ“.

Мать, слабая какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы[4], надѣла имъ, рыдая, на шею. „Пусть хранитъ васъ... Божья Матерь... не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть вѣсточку о себѣ“... далѣе она не могла продолжать.

„Ну, пойдемъ[5], дѣти!“ сказалъ Бульба.

У крыльца стояли осѣдланные кони. Бульба вскочилъ на своего Чорта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцати-пудовое бремя, потому что Бульба былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ.

Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшему, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности[6]; она схватила его за стремя, она прилипнула къ сѣдлу его и, съ отчаяньемъ во всѣхъ чертахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ козака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но, когда выѣхали они за ворота, она, со всею легкостію дикой козы, несообразной

* Рыцарскую.

ея лѣтамъ, выбѣжала за ворота[1], съ непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного изъ нихъ съ какою-то помѣшанною, безчувственною горячностію. Ее опять увели.

Молодые козаки ѣхали смутно и удерживали слезы, боясь отца своего, который, однакоже, съ своей стороны тоже былъ нѣсколько смущенъ, хотя не старался этого показывать. День былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; нтицы щебетали какъ-то въ разладъ. Они, проѣхавши, оглянулись назадъ. Хуторъ ихъ какъ будто ушелъ въ землю, только стояли на землѣ двѣ трубы отъ ихъ скромнаго домика, одни только вершины деревъ, — деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазили, какъ бѣлки; одинъ только дальній лугъ еще стлался передъ ними, — тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю исторію жизни своей[2], отъ лѣтъ, когда катались по росистой травѣ его[3], до лѣтъ, когда поджидали въ немъ чернобровую козачку, боязливо летѣвшую чрезъ него съ помощію своихъ свѣжихъ, быстрыхъ ножекъ. Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодцемъ, съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телѣги, одиноко торчитъ на небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла. — Прощайте и дѣтство, и игры, и все, и все!

II.

Всѣ три всадника ѣхали молчаливо. Старый Тарасъ думалъ о давнемъ: передъ нимъ проходила его молодость, его лѣта, его протекшія лѣта, о которыхъ всегда почти плачетъ козакъ, желавшій бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Онъ думалъ о томъ, кого онъ встрѣтитъ на Сѣчѣ изъ своихъ прежнихъ сотоварищей; онъ вычислялъ, какіе уже перемерли, какіе живутъ еще. Слеза тихо круглилась на его зѣницѣ, и посѣдѣвшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Теперь кстати сказать что-нибудь о сыновьяхъ его. Они были отданы по двѣнадцатому году въ кіевскую академію, потому что всѣ почетные сановники тогдашняго времени[4] считали необходимостью дать воспитаніе своимъ дѣтямъ, хотя это дѣлалось съ тѣмъ, чтобы послѣ совершенно позабыть его. Они тогда были, какъ всѣ,

поступавшіе въ бурсу, дики, воспитаны на свободѣ, и тамъ уже они обыкновенно нѣсколько шлифовались и получали что-то общее, дѣлавшее ихъ похожими другъ на друга. Старшій, Остапъ, началъ съ того свое поприще, что въ первый годъ еще бѣжалъ. Его возвратили, высѣкли страшно и засадили за книгу[1]. Четыре раза закапывалъ онъ свой букварь въ землю, и четыре раза, отодравши его безчеловѣчно, покупали ему новый. Но, безъ сомнѣнія[2], онъ повторилъ бы и въ пятый, если бы отецъ не далъ ему торжественнаго обѣщанія продержать его въ монастырскихъ служкахъ цѣлые двадцать лѣтъ и что онъ не увидитъ Запорожья вовѣки, если не выучится въ академіи всѣмъ наукамъ. Любопытно, что это говорилъ тотъ же самый Тарасъ Бульба, который бранилъ всю ученость и совѣтовалъ, какъ мы уже видѣли, дѣтямъ вовсе не заниматься ею. Съ этого времени Остапъ началъ съ необыкновеннымъ стараніемъ сидѣть за скучною книгою и скоро сталъ на ряду съ лучшими. Тогдашній родъ[3] ученія страшно расходился съ образомъ жизни. Эти схоластическія, грамматическія, риторическія и логическія тонкости рѣшительно не прикасались къ времени, никогда не примѣнялись и не повторялись въ жизни[4]. Ни къ чему не могли привязать они своихъ познаній[5], хотя бы даже менѣе схоластическихъ. Самые тогдашніе ученые болѣе другихъ были невѣжды, потому что вовсе[6] были удалены отъ опыта. Притомъ же это республиканское устройство бурсы, это ужасное множество молодыхъ, дюжихъ, здоровыхъ людей, все это должно было имъ внушить дѣятельность совершенно внѣ ихъ учебнаго занятія. Иногда плохое содержаніе, иногда частыя наказанія голодомъ, иногда многія потребности[7], пробуждающіяся въ свѣжемъ, здоровомъ, крѣпкомъ юношѣ,—все это, соединившись, раждало въ нихъ ту предпріимчивость, которая послѣ развивалась на Запорожьѣ. Голодная бурса рыскала по улицамъ Кіева и заставляла всѣхъ быть осторожными. Торговки, сидѣвшія на базарѣ, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, сѣмечки изъ тыквъ, какъ орлицы дѣтей своихъ, если только видѣли проходившаго бурсака. Консулъ, долженствовавшій, по обязанности своей, наблюдать надъ подвѣдомственными ему сотоварищами, имѣлъ такіе страшные карманы въ своихъ шароварахъ, что могъ помѣстить туда всю лавку зазѣвавшейся торговки. Эта бурса

составляла совершенно отдѣльный міръ: въ кругъ высшій, состоявшій изъ польскихъ и русскихъ дворянъ, они не допускались. Самъ воевода Адамъ Кисель, не смотря на оказываемое покровительство академіи, не вводилъ ихъ въ общество и приказывалъ держать ихъ построже. Впрочемъ, это наставленіе[1] было вовсе излишне, потому что ректоръ и профессоры-монахи не жалѣли лозъ и плетей, и часто ликторы, по ихъ приказанію, пороли самихъ[2] консуловъ такъ жестоко, что тѣ нѣсколько недѣль почесывали свои шаровары. Многимъ изъ нихъ это было вовсе ничего и казалось немного чѣмъ крѣпче хорошей водки[3] съ перцемъ; другимъ, наконецъ, сильно надоѣдали такія безпрестанныя припарки, и они бѣжали на Запорожье, если умѣли найти дорогу и если сами не были перехватываемы на пути[4]. Остапъ Бульба, не смотря на то, что началъ съ большимъ стараніемъ учить логику и даже богословіе[5], но никакъ не избавлялся отъ[6] неумолимыхъ розгъ. Естественно, что все это должно было какъ-то ожесточить характеръ и сообщить ему твердость, всегда отличавшую козаковъ. Остапъ считался всегда однимъ изъ лучшихъ товарищей. Онъ рѣдко предводительствовалъ другими въ дерзкихъ предпріятіяхъ — обобрать чужой садъ или огородъ, но зато онъ былъ всегда однимъ изъ первыхъ, приходившихъ подъ знамена предпріимчиваго бурсака, и никогда, ни въ какомъ случаѣ не выдавалъ своихъ товарищей. Никакія плети и розги не могли заставить его это сдѣлать. Онъ былъ суровъ[7] къ другимъ побужденіямъ, кромѣ войны и разгульной пирушки; по крайней мѣрѣ, никогда почти о другомъ не думалъ. Онъ былъ прямодушенъ съ равными. Онъ имѣлъ доброту въ такомъ видѣ, въ какомъ она могла только существовать при такомъ характерѣ и въ тогдашнее время. Онъ душевно былъ тронутъ слезами бѣдной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой братъ его, Андрій, имѣлъ чувства нѣсколько живѣе и какъ-то болѣе развиты. Онъ учился охотнѣе[8] и безъ напряженія, съ какимъ обыкновенно принимается тяжелый и сильный характеръ. Онъ былъ болѣе изобрѣтатель, нежели его братъ; чаще являлся предводителемъ довольно опаснаго предпріятія и иногда, съ помощію изобрѣтательнаго ума своего, умѣлъ увертываться отъ наказанія, тогда какъ братъ его,

Остапъ, отложивши всякое попеченіе, скидалъ съ себя свитку и ложился на полъ, вовсе не думая просить о помилованіи. Онъ также кипѣлъ[1] жаждою подвига, но, вмѣстѣ съ нею[2], душа его была доступна и другимъ чувствамъ. Потребность любви вспыхнула въ немъ живо, когда онъ перешелъ за 18 лѣтъ. Женщина чаще стала представляться горячимъ мечтамъ его. Онъ, слушая философическіе диспуты[3], видѣлъ ее поминутно свѣжую, черноокую, нѣжную. Предъ нимъ безпрерывно мелькали ея сверкающія, упругія перси, нѣжная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокругъ ея свѣжихъ, дѣвственныхъ и вмѣстѣ мощныхъ членовъ, дышало въ мечтахъ его какимъ-то невыразимымъ сладострастіемъ. Онъ тщательно скрывалъ отъ своихъ товарищей эти движенія страстной юношеской души, потому что въ тогдашній вѣкъ[4] было стыдно и безчестно думать козаку о женщинѣ и любви, не отвѣдавъ битвы. Вообще въ послѣдніе годы онъ рѣже являлся предводителемъ какой-нибудь ватаги, но чаще бродилъ одинъ гдѣ-нибудь въ уединенномъ закоулкѣ Кіева[5], потопленномъ въ вишневыхъ садахъ, среди низенькихъ домиковъ, заманчиво глядѣвшихъ на улицу. Иногда онъ забирался и въ улицу аристократовъ, въ нынѣшнемъ старомъ Кіевѣ, гдѣ жили малороссійскіе и польскіе дворяне и домы были выстроены съ нѣкоторою прихотливостію.

Одинъ разъ, когда онъ зазѣвался, наѣхала почти на него колымага какого-то польскаго пана, и сидѣвшій на козлахъ возница, съ престрашными усами, хлыснулъ его довольно исправно бичемъ[6]. Молодой бурсакъ вскипѣлъ: съ безумною смѣлостію схватилъ онъ мощною рукою своею за заднее колесо и остановилъ колымагу[7]. Но кучеръ, опасаясь раздѣлки, ударилъ по лошадямъ, онѣ рванули — и Андрій, къ счастію, успѣвшій отхватить руку, шлепнулся на землю, прямо лицомъ въ грязь. Самый звонкій и гармоническій смѣхъ раздался надъ нимъ. Онъ поднялъ глаза[8] и увидѣлъ стоявшую у окна брюнетку, прекрасную, какъ не знаю чтò, черноглазую и бѣлую, какъ снѣгъ, озаренный утреннимъ румянцемъ солнца. Она смѣялась отъ всей души, и смѣхъ придавалъ какую-то сверкающую силу ея ослѣпительной красотѣ. Онъ оторопѣлъ: онъ глядѣлъ на нее, совсѣмъ потерявшись, разсѣянно обтирая съ лица своего грязь, которою еще болѣе замазывался. Кто бы

была эта красавица? Онъ хотѣлъ было узнать отъ дворни, которая кучею, въ богатомъ убранствѣ, стояла за воротами, окруживши игравшаго молодаго бандуриста; но дворня подняла смѣхъ, увидѣвши его запачканную рожу, и не удостоила его отвѣтомъ. Наконецъ, онъ узналъ, что это была дочь пріѣхавшаго на время ковенскаго воеводы. Въ слѣдующую же ночь, съ свойственною однимъ бурсакамъ дерзостію, онъ пролѣзъ черезъ частоколъ въ садъ, взлѣзъ на дерево, раскинувшееся вѣтвями, упиравшими въ самую крышу дома; съ дерева перелѣзъ на крышу и чрезъ трубу камина пробрался прямо въ спальню красавицы, которая въ это время сидѣла передъ свѣчою и вынимала изъ ушей своихъ дорогія серьги. Прекрасная полячка такъ испугалась, увидѣвши вдругъ передъ собою незнакомаго человѣка, что не могла произнесть ни одного слова; но когда увидѣла, что бурсакъ стоялъ, потупивъ глаза и не смѣя отъ робости поворотить рукою, когда узнала въ немъ того же самаго, который хлопнулся передъ ея глазами на улицѣ, смѣхъ вновь овладѣлъ ею. Притомъ въ чертахъ Андрія ничего не было страшнаго: онъ былъ очень хорошъ собою. Она отъ души смѣялась и долго забавлялась надъ нимъ. Красавица была вѣтрена, какъ полячка, но глаза ея, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взглядъ долгій, какъ постоянство. Бурсакъ не могъ поворотить рукою и былъ связанъ, какъ въ мѣшкѣ, когда дочь воеводы смѣло подошла къ нему, надѣла ему на голову свою блистательную діадему, повѣсила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку съ фестонами, вышитыми золотомъ. Она убирала его и дѣлала съ нимъ тысячу разныхъ глупостей, съ развязностію дитяти, которою отличаются вѣтреныя полячки[1], и которая повергла бѣднаго бурсака въ еще большее смущеніе. Онъ представлялъ смѣшную фигуру, раскрывши ротъ и глядя неподвижно въ ея ослѣпительныя очи.

Раздавшійся у дверей стукъ пробудилъ въ ней испугъ. Она велѣла ему спрятаться подъ кровать, и какъ только безпокойство прошло, она кликнула свою горничную, плѣнную татарку, и дала ей приказаніе осторожно вывести его въ садъ и оттуда отправить черезъ заборъ. Но на этотъ разъ[2] бурсакъ нашъ не такъ счастливо перебрался черезъ заборъ: проснувшійся сторожъ хватилъ его порядочно по ногамъ, и собравшаяся дворня

долго колотила его уже на улицѣ, покамѣсть быстрыя ноги не спасли его.

Послѣ этого проходить возлѣ дома[1] было очень опасно, потому что дворня у воеводы была очень многочисленна. Онъ увидѣлъ ее еще разъ въ костелѣ. Она замѣтила его и очень пріятно усмѣхнулась, какъ давнему знакомому. Онъ видѣлъ ее вскользь еще одинъ разъ, и послѣ этого воевода ковенскій скоро уѣхалъ, и, вмѣсто прекрасной, обольстительной брюнетки, выглядывало изъ оконъ какое-то толстое лицо[2].

Вотъ о чемъ думалъ Андрій, повѣсивъ голову и потупивъ глаза въ гриву коня своего.

А между тѣмъ степь уже давно приняла ихъ всѣхъ въ свои зеленыя объятія, и высокая трава, обступивши, скрыла ихъ[3], и только козачьи черныя шапки однѣ мелькали между ея колосьями.

„Э, э, э! что же это вы, хлопцы, такъ притихли?“ сказалъ наконецъ Бульба, очнувшись отъ своей задумчивости: „какъ будто какіе-нибудь чернецы! Ну, разомъ, разомъ всѣ думки къ нечистому![4] Берите въ зубы люльки да закуримъ, да пришпоримъ коней, да полетимъ такъ, чтобы и птица не угналась за нами!“[5]

И козаки, прилегши нѣсколько къ конямъ, пропали въ травѣ. Уже и черныхъ шапокъ нельзя было видѣть; одна только быстрая молнія сжимаемой травы показывала бѣгъ ихъ.

Солнце выглянуло давно на расчищенномъ небѣ и живительнымъ теплотворнымъ свѣтомъ своимъ облило степь. Все, что смутно и сонно было на душѣ у козаковъ, въ мигъ слетѣло; сердца ихъ встрепенулись, какъ птицы, жадныя воли[6].

Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда весь югъ, все то пространство, которое[7] составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самаго Чернаго моря, было зеленою дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ[8] дикихъ растеній. Одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали[9] ихъ. Ничто въ природѣ не могло быть лучше ихъ. Вся поверхность земли представлялася зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубые, синіе и лиловые волошки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтико-образными шапками пестрѣла на поверхности;

занесенный, Богъ знаетъ, откуда колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями[1] шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли цѣлою тучею ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался, Богъ знаетъ, въ какомъ дальнемъ озерѣ[2]. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою. Вонъ она перевернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ. Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!

Наши путешественники на[3] нѣсколько минутъ только останавливались для обѣда, при чемъ ѣхавшій съ ними отрядъ, изъ десяти козаковъ, слѣзалъ съ лошадей, отвязывалъ деревянныя баклажки съ горѣлкою и тыквы, употребляемыя вмѣсто сосудовъ. Ѣли только хлѣбъ съ саломъ, или коржи; пили только по одной чаркѣ, единственно для подкрѣпленія,— потому что Тарасъ Бульба не позволялъ никогда напиваться въ дорогѣ,— и продолжали путь до вечера.

Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнялась[4]. Все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по нимъ и они становились темнозелеными; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовоніемъ. По небу, изголуба-темному, какъ будто исполинскою кистью наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія и прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался къ щекамъ. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и смѣнялась другою. Пестрые овражки выползывали[5] изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлегъ, раскладывали огонь и ставили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ[6]; паръ отдѣлялся и косвенно

дымился на воздухѣ[1]. Поужинавъ[2], козаки ложились спать, пустивши по травѣ спутанныхъ коней своихъ. Они раскидывались на свиткахъ[3]. На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слышали своимъ ухомъ весь безчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву[4]; весь ихъ трескъ, свистъ, краканье — все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ ночномъ воздухѣ и доходило до слуха гармоническимъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ подымался и вставалъ на время, то ему представлялась степь усѣянною блестящими искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ отъ выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухаго тростника, и темная вереница лебедей, летѣвшихъ[5] на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно-розовымъ свѣтомъ, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

Путешественники ѣхали безъ всякихъ приключеній. Нигдѣ не попадались имъ деревья; все та же безконечная, вольная, прекрасная степь. По временамъ только въ сторонѣ синѣли верхушки отдаленнаго лѣса, тянувшагося по берегамъ Днѣпра. Одинъ только разъ Тарасъ указалъ сыновьямъ на маленькую, чернѣвшую въ дальней травѣ, точку, сказавши: „Смотрите, дѣтки, вонъ скачетъ татаринъ!“

Маленькая головка съ усами уставила издали прямо на нихъ узенькіе глаза свои[6], понюхала воздухъ, какъ гончая собака, и, какъ серна, пропала, увидѣвши, что козаковъ было тринадцать человѣкъ.

„А ну, дѣти, попробуйте догнать татарина! И не пробуйте; вовѣки вѣковъ[7] не поймаете: у него конь быстрѣе моего Чорта“.

Однакожъ, Бульба взялъ предосторожность, опасаясь гдѣ-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали къ небольшой рѣчкѣ, называвшейся Татаркою, впадающею въ Днѣпръ, кинулись въ воду съ конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть слѣдъ свой, и тогда уже, выбравшись на берегъ, они продолжали далѣе путь.

Чрезъ три дня послѣ этого они были уже недалеко отъ мѣста, служившаго предметомъ ихъ поѣздки[8]. Въ воздухѣ вдругъ захолодѣло; они почувствовали близость Днѣпра. Вотъ онъ сверкаетъ вдали и темною полосою отдѣлился отъ горизонта. Онъ вѣялъ холодными волнами и разстилался ближе, ближе

и, наконецъ, обхватилъ половину всей поверхности земли. Это было то мѣсто Днѣпра, гдѣ онъ, дотолѣ спертый порогами, бралъ, наконецъ, свое и шумѣлъ, какъ море, разлившись по волѣ[1], гдѣ брошенные въ средину его острова вытѣсняли его еще далѣе изъ береговъ и волны его стлались по самой землѣ, не встрѣчая ни утесовъ, ни возвышеній. Козаки сошли съ коней своихъ, взошли на паромъ и чрезъ три часа плаванія[2] были уже у береговъ острова Хортицы, гдѣ была тогда Сѣча, такъ часто перемѣнявшая свое жилище.

Куча народа бранилась на берегу съ перевозчиками. Козаки оправили коней; Тарасъ[3] пріосанился, стянулъ на себѣ покрѣпче поясъ и гордо провелъ рукою по усамъ; молодые сыны его тоже осмотрѣли себя съ ногъ до головы съ какимъ-то страхомъ и неопредѣленнымъ удовольствіемъ, и всѣ вмѣстѣ въѣхали въ предмѣстье, находившееся за полверсты отъ Сѣчи. При въѣздѣ, ихъ оглушили пятьдесятъ кузнецкихъ молотовъ, ударявшихъ въ 25 кузницахъ, покрытыхъ дерномъ и вырытыхъ въ землѣ[4]. Сильные кожевники сидѣли подъ навѣсомъ крылецъ на улицѣ и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари подъ ятками сидѣли съ кучами кремней, огнивами и порохомъ[5]. Армянинъ развѣсилъ дорогіе платки. Татаринъ ворочалъ на рожнахъ бараньи катки съ тѣстомъ. Жидъ, выставивъ впередъ свою голову[6], точилъ изъ бочки горѣлку. Но первый, кто попался имъ навстрѣчу, это былъ запорожецъ, спавшій на самой срединѣ дороги, раскинувъ руки и ноги. Тарасъ Бульба не могъ не остановиться и не полюбоваться на него[7].

„Эхъ, какъ важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура!“ говорилъ онъ, остановивши коня.

Въ самомъ дѣлѣ, это была картина довольно смѣлая: Запорожецъ, какъ левъ, растянулся на дорогѣ. Закинутый гордо чубъ его захватывалъ на полъ-аршина земли. Шаровары алаго дорогаго сукна были запачканы дегтемъ, для показанія полнаго къ нимъ презрѣнія[8].

Полюбовавшись, Бульба пробирался далѣе сквозь тѣсную улицу[9], которая была загромождена мастеровыми, тутъ же отправлявшими ремесло свое, и людьми всѣхъ націй, наполнявшихъ это предмѣстіе Сѣчи, которое было похоже на ярмарку и которое одѣвало и кормило Сѣчу, умѣвшую только гулять да палить изъ ружей.

Наконецъ, они минули предмѣстіе и увидѣли нѣсколько разбросанныхъ куреней, покрытыхъ дерномъ или, по-татарски, войлокомъ. Иные уставлены[1] были пушками[2]. Нигдѣ не видно было забора или тѣхъ низенькихъ домиковъ, съ навѣсами[3], на тоненькихъ[4] деревянныхъ столбикахъ, какіе были въ предмѣстьи. Небольшой валъ и засѣка, не хранимые рѣшительно никѣмъ, показывали страшную безпечность[5]. Нѣсколько дюжихъ запорожцевъ, лежавшихъ съ трубками въ зубахъ на самой дорогѣ, посмотрѣли на нихъ довольно равнодушно[6] и не сдвинулись съ мѣста. Тарасъ осторожно проѣхалъ съ сыновьями между нихъ, сказавши: „Здравствуйте, панове!“ — „Здравствуйте и вы!“ отвѣчали запорожцы. На пространствѣ пяти верстъ были разбросаны толпы народа. Они всѣ собирались въ небольшія кучи. Такъ вотъ Сѣча! Вотъ то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы![7] Вотъ откуда разливается воля и козачество на всю Украйну!

Путники[8] выѣхали на обширную площадь, гдѣ обыкновенно собиралась рада. На большой опрокинутой бочкѣ сидѣлъ запорожецъ безъ рубашки; онъ держалъ въ рукахъ ее и медленно зашивалъ на ней дыры. Имъ опять перегородила дорогу цѣлая толпа музыкантовъ, въ срединѣ которыхъ отплясывалъ молодой запорожецъ, заломивши чортомъ свою шапку и вскинувши руками. Онъ кричалъ только: „Живѣе играйте, музыканты! Не жалѣй, Ѳома, горѣлки православнымъ христіанамъ!“ И Ѳома, съ подбитымъ глазомъ[9], мѣрялъ безъ счету каждому пристававшему по огромнѣйшей кружкѣ. Около молодаго запорожца четыре старыхъ выработывали довольно мелко своими ногами[10], вскидывались, какъ вихорь, на сторону, почти на голову музыкантамъ, и вдругъ, опустившись, неслися въ присядку и били круто и крѣпко своими серебряными подковами тѣсно убитую[11] землю. Земля глухо гудѣла на всю округу, и въ воздухѣ только отдавалось: тра-та-та, тра-та-та. Толпа, чѣмъ далѣе, росла: къ танцующимъ приставали другіе, и вся почти площадь покрылась присѣдающими запорожцами. Это имѣло въ себѣ что-то разительно-увлекательное[12]. Нельзя было безъ движенія всей души видѣть, какъ вся толпа отдирала танецъ, самый вольный, самый бѣшеный, какой только видѣлъ когда-либо міръ и который, по своимъ мощнымъ изобрѣтателямъ, носитъ названіе козачка[13].

Тарасъ Бульба крякнулъ[1] отъ нетерпѣнія, и досадуя[2], что конь, на которомъ сидѣлъ онъ, мѣшалъ ему пуститься самому. Иные[3] были чрезвычайно смѣшны своею важностью, съ какою они работали ногами. Чрезчуръ дряхлые, прислонившись къ столбу[4], къ которому обыкновенно на Сѣчѣ привязывали преступниковъ[5], топали и переминали ногами. Крики и пѣсни, какія только могли притти въ голову человѣку въ разгульѣ веселья[6], раздавались на свободѣ[7].

Тарасъ скоро встрѣтилъ множество знакомыхъ лицъ. Остапъ и Андрій слышали только привѣтствія: „А это ты, Печерица! Здравствуй, Козолупъ! Откуда Богъ несетъ тебя, Тарасъ? Ты какъ сюда зашелъ, Долото? Здравствуй, Застежка![8] Думалъ ли я видѣть тебя, Ремень!“ И витязи, собравшіеся со всего разгульнаго міра восточной Россіи, цѣловались взаимно, и тутъ понеслись вопросы[9]: „А что̀ Касьянъ? что̀ Бородавка? что̀ Колоперъ? что̀ Пидсытокъ?“ И слышалъ только въ отвѣтъ Тарасъ Бульба, что Бородавка повѣшенъ въ Толопанѣ, что съ Колопера содрали кожу подъ Кизикирменомъ, что Пидсыткова голова посолена въ бочкѣ и отправлена[10] въ самый Царьградъ. — Понурилъ голову старый Бульба и раздумчиво говорилъ: „Добрые были козаки!“

III.

Уже около недѣли Тарасъ Бульба жилъ съ сыновьями своими на Сѣчѣ. Остапъ и Андрій мало могли заниматься военною школою, не смотря на то, что отецъ ихъ особенно просилъ опытныхъ[11] и искусныхъ наѣздниковъ быть имъ руководителями. Вообще можно сказать, что на Запорожьѣ не было никакого теоретическаго изученія или какихъ-нибудь общихъ правилъ; все юношество воспитывалось и образовывалось въ немъ[12] однимъ опытомъ, въ самомъ пылу битвы, которыя отъ того были почти безпрерывны. Промежутки[13] же между ними козаки почитали скучнымъ занимать изученіемъ какой-нибудь дисциплины. Очень рѣдкіе имѣли примѣрные турниры[14]. Они все время отдавали гульбѣ — признаку широкаго размета душевной воли[15]. Вся Сѣча представляла необыкновенное явленіе. Это было какое-то безпрерывное пиршество, — балъ, начавшійся шумно и по-

терявшій конецъ свой. Нѣкоторые занимались ремеслами, иные[1] держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла съ утра до вечера, особливо[2], если въ карманахъ звучала возможность и добытое добро не перешло еще въ руки торгашей и шинкарей. Это общее пиршество имѣло въ себѣ что-то околдовывающее[3]. Это не было какое-нибудь сборище[4] бражниковъ, напивавшихся съ горя: это было, просто, какое-то бѣшеное разгулье веселости. Всякій, приходившій[5] сюда, позабывалъ и бросалъ все, чтò дотолѣ его занимало. Онъ, можно сказать, плевалъ на свое[6] прошедшее и съ жаромъ фанатика предавался волѣ и товариществу такихъ же, какъ самъ, не имѣвшихъ ни родныхъ, ни угла, ни семейства, кромѣ вольнаго неба и вѣчнаго пира души своей. Это производило ту бѣшеную веселость, которая не могла бы родиться ни изъ какого другаго источника[7]. Разсказы, балагуры, которые можно было слышать среди собравшейся толпы, лежавшей на землѣ[8], такъ были смѣшны и дышали такимъ глубокимъ юморомъ[9], что нужно было имѣть только флегматическую наружность запорожца, чтобы не смѣяться ото всей души. Это не былъ какой-нибудь пьяный кабакъ[10], гдѣ безсмысленно, мрачно, искаженными чертами веселья забывается человѣкъ; это былъ тѣсный кругъ школьныхъ товарищей. Вся разница была только въ томъ, что, вмѣсто сидѣнія за указкой и пошлыхъ толковъ учителя, они производили набѣгъ, на пяти[11] тысячахъ коней; вмѣсто луга, на которомъ производилась игра въ мячикъ, у нихъ были не охраняемыя, безпечныя границы, въ виду которыхъ татаринъ выказывалъ быструю свою голову и неподвижно, сурово глядѣлъ турокъ, въ зеленой чалмѣ своей. Разница та, что вмѣсто насильственной[12] воли, соединившей ихъ въ школѣ, они сами собою кинули отцовъ и матерей и бѣжали изъ родительскихъ домовъ своихъ; что здѣсь были тѣ, у которыхъ уже моталась около шеи веревка и которые, вмѣсто блѣдной смерти, увидѣли жизнь, и жизнь во всемъ разгулѣ; что здѣсь были тѣ, которые, по благородному обычаю, не могли удержать въ карманѣ своемъ копѣйки; что здѣсь были тѣ, которые дотолѣ червонецъ считали богатствомъ, у которыхъ, по милости арендаторовъ-жидовъ, карманы можно было выворотить безъ всякаго опасенія что-нибудь уронить. Здѣсь были всѣ бурсаки[13], которые не вынесли академическихъ лозъ[14] и которые не вынесли изъ школы ни одной

буквы; но вмѣстѣ съ этими здѣсь были и тѣ, которые знали, что̀ такое Горацій, Цицеронъ и римская республика. Тутъ было множество образовавшихся опытныхъ партизановъ, которые имѣли благородное убѣжденіе мыслить, что все равно, гдѣ бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человѣку быть безъ битвы. Здѣсь было много офицеровъ изъ польскихъ войскъ. Впрочемъ, изъ какой націи здѣсь не было народа? Эта странная республика была именно потребность того вѣка[1]. Охотники до военной жизни, до золотыхъ кубковъ, богатыхъ парчей, дукатовъ и реаловъ во всякое время могли найти здѣсь себѣ работу[2]. Одни только обожатели женщинъ не могли найти здѣсь ничего, потому что даже въ предмѣстье Сѣчи не смѣла показаться ни одна женщина.

Остапу и Андрію показалось чрезвычайно страннымъ, что при нихъ же приходила на Сѣчу гибель народа, и хоть бы кто-нибудь спросилъ ихъ, откуда они, кто они и какъ ихъ зовутъ. Они приходили сюда, какъ будто бы возвращались въ свой собственный домъ, изъ котораго только за часъ передъ тѣмъ вышли. Пришедшій являлся только къ кошевому, который обыкновенно говорилъ: „Здравствуй! Что̀, во Христа вѣруешь?“—„Вѣрую“, отвѣчалъ[3] приходившій.—„И въ Троицу святую вѣруешь?“—„Вѣрую“.—„И въ церковь ходишь?“—„Хожу“.—„А ну, перекрестись!“—Пришедшій крестился.—„Ну, хорошо“, отвѣчалъ кошевой: „ступай же въ который самъ знаешь курень“. Этимъ оканчивалась вся церемонія. И вся Сѣча молилась въ одной церкви и готова была защищать ее до послѣдней капли крови, хотя и слышать не хотѣла о постѣ и воздержаніи. Только побуждаемые сильною корыстію жиды, армяне и татары осмѣливались жить и торговать въ предмѣстьи, потому что запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула изъ кармана денегъ, столько и платили. Впрочемъ, участь этихъ корыстолюбивыхъ торгашей была очень жалка. Они были похожи на тѣхъ, которые селились у подошвы Везувія, потому что, какъ только у запорожцевъ не ставало денегъ, то удалые разбивали ихъ лавочки и брали всегда даромъ. Такова была та Сѣча, имѣвшая столько приманокъ для молодыхъ людей[4].

Остапъ и Андрій кинулись, со всею пылкостію юношей,

въ это разгульное море. Они скоро позабыли и юность, и бурсу, и домъ отцовскій, и все, что̀ тайно волнуетъ еще свѣжую душу. Они гуляли, братались съ беззаботными бездомовниками и, казалось, не желали никакого измѣненія такой жизни.

Между тѣмъ Тарасъ Бульба начиналъ думать о томъ, какъ бы скорѣе затѣять какое-нибудь дѣло: онъ не могъ долго оставаться въ недѣятельности.

„Что, кошевой“, сказалъ онъ одинъ разъ, пришедши къ атаману: „можетъ быть, пора бы погулять запорожцамъ?“

„Негдѣ погулять“, отвѣчалъ кошевой, вынувши изо рта маленькую трубку и сплюнувъ въ сторону.

„Какъ негдѣ? Можно пойти въ турещину или на татарву“[1].

„Не можно ни въ турещину, ни въ татарву“, отвѣчалъ кошевой, взявши опять въ ротъ трубку.

„Какъ не можно?“

„Такъ: мы обѣщали султану миръ“.

„Да онъ вѣдь бусурменъ: и Богъ, и святое[2] писаніе велитъ бить бусурменовъ“.

„Не имѣемъ права. Если бъ мы не клялись нашею вѣрою, то, можетъ быть, какъ-нибудь еще и можно было“.

„Какъ же это, кошевой? Какъ же ты говоришь, что права не имѣемъ? Вотъ у меня два сына, молодые люди: имъ нужно пріучиться и узнать, что̀ такое война, а ты говоришь, что запорожцамъ не нужно на войну итти“.

„Что́ жъ дѣлать?“ отвѣчалъ кошевой съ такимъ же хладнокровіемъ: „нужно подождать“.

Но этимъ Бульба не былъ доволенъ. Онъ собралъ кое-какихъ старшинъ и куренныхъ атамановъ и задалъ имъ пирушку[3] на всю ночь. Загулявшись до послѣдняго разгула, они вмѣстѣ отправились на площадь[4], гдѣ обыкновенно собиралась рада и стояли привязанныя къ столбу литавры, въ которыя обыкновенно били сборъ на раду. Не нашедши палокъ, хранившихся всегда у довбиша, они схватили по полѣну и начали колотить въ нихъ[5]. На бой прежде всего прибѣжалъ довбишъ, высокій человѣкъ, съ однимъ только глазомъ, не смотря на то, страшно заспаннымъ.

„Кто смѣетъ бить въ литавры?“ закричалъ онъ.

„Молчи! возьми свои палки да и колоти, когда тебѣ велятъ!“ отвѣчали подгулявшіе старшины.

Довбишъ вынулъ тотчасъ изъ кармана палки, которыя онъ взялъ съ собою, очень хорошо зная окончаніе подобныхъ происшествій[1]. Литавры грянули — и скоро на площадь, какъ шмели, начали собираться черныя кучи запорожцевъ.

За кошевымъ отправились нѣсколько человѣкъ и привели его на площадь.

„Не бойся ничего!“ сказали вышедшіе къ нему навстрѣчу старшины. „Говори міру рѣчь, когда хочешь, чтобы не было худаго[2], — говори рѣчь объ томъ, чтобы итти запорожцамъ на войну противъ бусурмановъ!“

Кошевой, увидѣвши, что дѣло не на шутку[3], вышелъ на середину площади, раскланялся на всѣ четыре стороны и произнесъ: „Панове запорожцы, добрые молодцы! позволитъ ли господарство ваше рѣчь держать?“

„Говори, говори!“ зашумѣли[4] запорожцы.

„Вотъ въ разсужденіи того теперь идетъ рѣчь, панове добродійство, — да вы, можетъ быть, и сами лучше это знаете, — что многіе запорожцы позадолжались въ шинки жидамъ и своимъ братьямъ столько, что ни одинъ чортъ теперь и вѣры нейметъ. Притомъ же, въ разсужденіи того, есть очень много такихъ хлопцевъ[5], которые еще и въ глаза не видали, что̀ такое война, тогда какъ молодому человѣку, и сами знаете, панове, безъ войны[6] не можно пробыть. Какой и запорожецъ изъ него, если онъ еще ни раза не билъ бусурмана?“

„Вишь, онъ хорошо говоритъ“, сказалъ писарь, толкнувъ локтемъ Бульбу. Бульба кивнулъ головою.

„Не думайте, панове, чтобы я, впрочемъ, говорилъ это для того, чтобы нарушить миръ. Сохрани Богъ! Я только такъ это говорю. Притомъ же у насъ храмъ Божій — грѣхъ и[7] сказать, что̀ такое. Вотъ сколько лѣтъ уже, какъ, по милости Божіей, стоитъ Сѣча, а до сихъ поръ, не то уже, чтобы наружность церкви, но даже внутренніе образа безъ всякаго убранства. Хотя бы серебряную рясу кто догадался имъ выковать. Они только то и получили, что̀ отказали въ духовной иные козаки[8]. Да и даяніе ихъ было бѣдное, потому что они почти все еще пропили при жизни своей. Такъ я все веду рѣчь эту не къ тому, чтобы начать войну съ бусурманами, ибо мы обѣщали султану миръ, и намъ бы великій былъ грѣхъ[9], потому что мы клялись по закону нашему“.

„Вишь проклятый! чтò это онъ путаетъ такое?“ сказалъ Бульба писарю.

„Да, такъ видите, панове, что войны не можно начать: честь лыцарская не велитъ. А по своему бѣдному разуму вотъ чтò я думаю: пустить съ челнами однихъ молодыхъ; пусть немного пошарпаютъ берега Анатоліи. Какъ думаете, панове?“

„Веди, веди всѣхъ!“ закричала со всѣхъ сторонъ толпа: „за вѣру мы готовы положить головы!“

Кошевой[1] испугался. Онъ ни мало не желалъ тревожить[2] всего Запорожья. Притомъ ему все[3] казалось неправымъ дѣломъ разорвать миръ. „Позвольте, панове, рѣчь держать?“

„Довольно!“[4] кричали запорожцы: „лучшаго не скажешь“.

„Когда такъ, то пусть по вашему, только для насъ будетъ еще большее раздолье. Вамъ извѣстно, панове, что султанъ не оставитъ безнаказанно то удовольствіе, которымъ потѣшатся молодцы. А мы, вотъ видите, будемъ наготовѣ, и силы у насъ будутъ свѣжія. Притомъ же и татарва можетъ напасть во время нашей отлучки. Да, если сказать правду, то у насъ и челновъ нѣтъ въ запасѣ, чтобы можно было всѣмъ отправиться. А я, пожалуй, я радъ, я слуга вашей воли“.

Хитрый атаманъ замолчалъ. Кучи начали переговариваться, куренные атаманы совѣщаться, и рѣшили на томъ, чтобы отправить нѣсколько молодыхъ людей, подъ руководствомъ опытныхъ и старыхъ.

Такимъ образомъ всѣ были увѣрены, что они совершенно по справедливости предпринимаютъ свое предпріятіе. Такое понятіе о правѣ весьма было извинительно народу, занимавшему опасныя границы среди буйныхъ сосѣдей. И странно, если бы они поступили иначе. Татары разъ десять перерывали свое шаткое перемиріе и служили обольстительнымъ примѣромъ. Притомъ, какъ можно было такимъ гульливымъ рыцарямъ и въ такой гульливый вѣкъ пробыть нѣсколько недѣль[5] безъ войны?

Молодежь бросилась къ челнамъ осматривать ихъ и снаряжать въ дорогу. Нѣсколько плотниковъ явились въ мигъ съ топорами въ рукахъ. Старые, загорѣлые, широкочленистые запорожцы, съ просѣдью въ усахъ, засучивъ[6] шаровары, стояли по колѣни въ водѣ и стягивали ихъ съ берега крѣпкимъ канатомъ. Нѣсколько человѣкъ было отправлено[7] въ скарбницу на противо-

положный утесистый берегъ Днѣпра, гдѣ въ неприступномъ тайникѣ они скрывали часть пріобрѣтенныхъ орудій и добычу[1]. Бывалые поучали другихъ съ какимъ-то наслажденіемъ, сохраняя при всемъ томъ степенный, суровый видъ[2]. Весь берегъ получилъ движущійся видъ, и хлопотливость овладѣла дотолѣ безпечнымъ народомъ.

Въ это время большой паромъ началъ причаливать къ берегу[3]. Стоявшая на немъ куча людей еще издали махала руками. Куча состояла изъ козаковъ въ оборванныхъ свиткахъ. Безпорядочный костюмъ (у нихъ ничего не было, кромѣ рубашки и трубки) показывалъ, что они были слишкомъ угнетены бѣдою[4], или уже черезчуръ гуляли и прогуляли все, что̀ ни было на тѣлѣ. Между ними отдѣлился и сталъ впереди[5] приземистый, плечистый, лѣтъ пятидесяти человѣкъ[6]. Онъ кричалъ сильнѣе другихъ и махалъ рукою сильнѣе всѣхъ.

„Богъ въ помощь[7] вамъ, панове запорожцы!"

„Здравствуйте!" отвѣчали работавшіе въ лодкахъ, пріостановивъ свое занятіе.

„Позвольте, панове запорожцы, рѣчь держать!"

„Говори!"[8]

И толпа усѣяла и обступила весь берегъ.

„Слышали ли вы, что̀ дѣлается на гетманщинѣ?"

„А что̀?" произнесъ[9] одинъ изъ куренныхъ атамановъ.

„Такія дѣла дѣлаются, что и разсказывать нечего".

„Какія же дѣла?"

„Что̀ и говорить! И родились, и крестились, еще не видали такого", отвѣчалъ приземистый козакъ, поглядывая съ гордостью владѣющаго важной тайной[10].

„Ну, ну, разсказывай, что̀ такое!" кричала[11] въ одинъ голосъ толпа.

„А развѣ вы, панове, до сихъ поръ не слыхали?"[12]

„Нѣтъ, не слыхали".

„Какъ же это? Что жъ, вы развѣ за горами живете, или татаринъ заткнулъ клейтухомъ уши ваши?"[13]

„Разсказывай! Полно толковать!" сказали нѣсколько старшинъ, стоявшихъ впереди.

„Такъ вы не слышали ничего про то, что жиды уже взяли церкви святыя, какъ шинки, на аренды?"[14]

„Нѣтъ".

„Такъ вы не слышали и про то, что уже христіанину и пасхи не можно ѣсть, покамѣстъ разсобачій жидъ не положитъ значка нечистою своею рукою?“[1]

„Ничего не слышали!“ кричала толпа, подвигаясь ближе.

„И что ксензы ѣздятъ изъ села въ село въ таратайкахъ, въ которыхъ запряжены — пусть бы еще кони, это бы еще ничего, а то, просто, православные христіане. Такъ вы, можетъ быть, и того не знаете, что нечистое[2] католичество хочетъ, чтобъ мы кинули и вѣру нашу христіанскую? Вы, можетъ быть, не слышали и объ томъ, что уже изъ поповскихъ ризъ жидовки шьютъ себѣ юбки?“[3]

„Стой, стой!“ прервалъ кошевой, дотолѣ стоявшій, углубивши глаза[4] въ землю, какъ и всѣ запорожцы, которые въ важныхъ дѣлахъ никогда не отдавались первому порыву, но молчали и между тѣмъ въ тишинѣ совокупляли въ себѣ всю желѣзную силу негодованія[5]. „Стой, и я скажу слово. А что жъ вы, врагъ бы поколотилъ вашего батька, что жъ вы? развѣ у васъ сабель не было что ли? Какъ же вы попустили такому беззаконію?“

„Э, какъ попустили такому беззаконію!“ отвѣчалъ приземистый козакъ. „А попробовали бы вы, когда пятьдесятъ тысячъ было однихъ ляховъ, да еще къ тому и часть гетманцевъ[6] приняла ихъ вѣру“.

„А гетманъ вашъ, а полковники что дѣлали?“[7]

„Э, гетманъ и полковники! А знаете, гдѣ теперь гетманъ и полковники?“

„Гдѣ?“

„Полковниковъ головы и руки развозятъ по ярмаркамъ, а гетманъ, зажаренный въ мѣдномъ быкѣ, и до сихъ поръ лежитъ еще въ Варшавѣ“.

Содроганіе пробѣжало по всей толпѣ[8]; молчаніе, какое обыкновенно предшествуетъ бурѣ, остановилось на устахъ всѣхъ, и, мигъ послѣ того, чувства, подавляемыя дотолѣ[9] въ душѣ силою дюжаго характера, брызнули цѣлымъ потокомъ рѣчей.

„Какъ, чтобы нашу Христову вѣру гнала проклятая жидова? чтобы эдакое дѣлать съ православными христіанами! чтобы такъ замучить нашихъ! да еще кого? полковниковъ и самого гетмана! Да чтобы мы стерпѣли все это? Нѣтъ, этого

не будетъ!" Такія слова перелетали во всѣхъ концахъ обширной толпы народа.

Зашумѣли запорожцы[1] и разомъ почувствовали свои силы[2]. Это не было похоже на волненіе народа легкомысленнаго. Тутъ волновались все характеры тяжелые и крѣпкіе. Они раскалялись медленно, упорно, но за то раскалялись, чтобы уже долго не остыть.

„Какъ, чтобы жидовство надъ нами пановало! А ну, паны браты, перевѣшаемъ всю жидову! Чтобы и духу ея не было!" произнесъ кто-то изъ толпы. Эти слова пролетѣли[3] молніей, и толпа ринулась[4] на предмѣстье, съ сильнымъ желаніемъ перерѣзать всѣхъ жидовъ.

Бѣдные сыны Израиля, растерявши все присутствіе своего и безъ того мелкаго духа, прятались въ пустыхъ горѣлочныхъ бочкахъ, въ печкахъ и даже запалзывали[5] подъ юбки своихъ жидовокъ[6], но неумолимые, безпощадные мстители вездѣ ихъ находили.

„Ясневельможные паны!" кричалъ одинъ высокій и тощій жидъ, высунувши изъ кучи своихъ товарищей жалкую[7] свою рожу, исковерканную страхомъ: „ясневельможные паны! мы такое объявимъ вамъ, чего[8] еще никогда не слышали, такое важное, что не можно сказать, какое важное!"

„Ну, пусть скажутъ!" сказалъ Бульба, который всегда любилъ выслушать обвиняемаго.

„Ясные паны!" произнесъ жидъ. „Такихъ пановъ еще никогда не видывано, — ей Богу, еще[9] никогда! Такихъ добрыхъ, хорошихъ и храбрыхъ не было еще[10] на свѣтѣ..." Голосъ его умиралъ и дрожалъ отъ страха.—„Какъ можно, чтобы мы думали про запорожцевъ что-нибудь нехорошее. Тѣ совсѣмъ не наши, что арендаторствуютъ на Украйнѣ! ей Богу, не наши! То совсѣмъ не жиды: то чортъ знаетъ что; то такое, что только поплевать[11] на него, да и бросить. Вотъ и они скажутъ то же. Не правда ли, Шлема, или ты, Шмуль?"

„Ей Богу, правда!" отвѣчали изъ толпы Шлема и Шмуль въ изодранныхъ яломкахъ, оба бѣлые, какъ глина[12].

„Мы никогда еще", продолжалъ высокій жидъ: „не соглашались съ непріятелями. А католиковъ мы и знать не хотимъ: пусть имъ чортъ приснится! Мы съ запорожцами[13] — какъ братья родные"...

„Какъ? чтобъ запорожцы были съ вами братья?“ произнесъ одинъ изъ толпы. „Не дождетесь, проклятые жиды! Въ Днѣпръ ихъ, панове, всѣхъ потопить поганцевъ!“

Эти слова были сигналомъ: жидовъ расхватали по рукамъ и начали швырять въ волны. Жалкій крикъ раздался со всѣхъ сторонъ; но суровые запорожцы только смѣялись, видя, какъ жидовскія ноги въ башмакахъ и чулкахъ болтались на воздухѣ[1]. Бѣдный высокій ораторъ, накликавшій самъ на свою шею бѣду, схватилъ за ноги Бульбу и жалкимъ голосомъ молилъ: „Великій господинъ, ясневельможный панъ! я зналъ и брата вашего, покойнаго[2] Дороша. Какой былъ славный воинъ! Я ему восемьсотъ цехиновъ далъ, когда нужно было выкупиться изъ плѣна у турковъ“.

„Ты зналъ брата?“ спросилъ Тарасъ.

„Ей Богу, зналъ! Великодушный былъ панъ“.

„А какъ тебя зовутъ?

„Янкель“.

„Хорошо, я тебя проведу“. Сказавши это, Тарасъ повелъ его къ своему обозу, возлѣ котораго стояли козаки его. „Ну, полѣзай подъ телѣгу[3], лежи тамъ и не пошевелись, а вы, братцы, не выпускайте жида“.

Сказавши это, онъ отправился на площадь, потому что раздавшійся бой литавровъ возвѣстилъ собраніе рады. Не смотря на свою печаль и сокрушеніе о случившихся на Украйнѣ несчастіяхъ, онъ былъ нѣсколько доволенъ представлявшимся широкимъ раздольемъ[4] для подвиговъ, и притомъ для подвиговъ такихъ, которые представляли ему[5] мученическій вѣнецъ по смерти.

Вся Сѣча, все, что̀ было на Запорожьи, собралось на площадь. Старшины, куренные атаманы, по короткомъ совѣщаніи, рѣшили на томъ, чтобы итти съ войскомъ прямо на Польшу, такъ какъ оттуда произошло все зло,—желая внести опустошеніе въ землю непріятельскую и предвидя себѣ при этомъ добычу[6].

И вся Сѣча вдругъ преобразилась. Вездѣ были только слышны пробная стрѣльба изъ ружей, бряканье саблей, скрыпъ телѣгъ; все подпоясывалось, облачалось. Шинки были заперты[7]; ни одного человѣка не было пьянаго. Необыкновенная дѣятельность смѣнила вдругъ необыкновенную безпечность. Кошевой

выросъ на цѣлый аршинъ. Это уже не былъ тотъ робкій исполнитель вѣтреныхъ желаній вольнаго народа[1]; это былъ неограниченный повелитель; это былъ почти деспотъ, умѣвшій[2] только повелѣвать. Всѣ своевольные и гульливые рыцари стройно стояли въ рядахъ, почтительно опустивъ головы, не смѣя поднять глазъ, когда онъ раздавалъ повелѣнія тихо, съ разстановкою, какъ глубоко знающій свое дѣло и уже не въ первый разъ приводившій его[3] въ исполненіе. Въ деревянной небольшой церкви[4] служилъ священникъ молебенъ, окропилъ всѣхъ святою водою; всѣ цѣловали крестъ.

Когда все запорожское войско вышло изъ Сѣчи, головы всѣхъ обратились назадъ. „Прощай, наша мать!“ сказали почти всѣ въ одно слово. „Пусть же тебя хранитъ Богъ отъ всякаго несчастія!“

Проходя предмѣстіе, Тарасъ Бульба увидѣлъ съ изумленіемъ, что жидокъ его уже раскинулъ свою лавочку и продавалъ какіе-то кремешки и всякую дрянь. „Дурень, что̀ ты здѣсь сидишь?“ сказалъ онъ ему: „развѣ хочешь, чтобы тебя застрѣлили, какъ воробья?“

„Молчите“, отвѣчалъ жидъ: „я пойду за вами и войскомъ и буду продавать провіантъ по такой дешевой цѣнѣ, по какой еще никогда никто не продавалъ. Ей Богу, такъ! Вотъ увидите“.

Бульба пожалъ плечами и отъѣхалъ къ своему отряду.

IV.

Скоро весь польскій югозападъ сдѣлался добычею страха; вездѣ только и слышно было про запорожцевъ. Скудельные южные города и села были совершенно стираемы съ лица земли. Арендаторы-жиды были вѣшаны[5] кучами, вмѣстѣ съ католическимъ духовенствомъ. Запорожцы, какъ бы пируя[6], протекали путь свой, оставляя за собою[7] пустыя пространства. Нигдѣ не смѣлъ остановить ихъ отрядъ польскихъ войскъ: они были разсѣваемы при первой схваткѣ. Ничто не могло противиться азіатской атакѣ ихъ. Прелатъ, находившійся тогда въ Радзивиловскомъ монастырѣ, прислалъ отъ себя двухъ монаховъ[8] съ представленіемъ, что между запорожцами и пра-

вительствомъ существуетъ согласіе, и что они явно нарушаютъ свою обязанность къ королю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народныя права[1]. „Скажи епископу отъ лица всѣхъ запорожцевъ", сказалъ кошевой: „чтобы онъ ничего не боялся: это козаки еще только люльки раскуриваютъ"[2]. И скоро величественное аббатство обхватилось сокрушительнымъ пламенемъ, и колоссальныя готическія окна его сурово глядѣли сквозь раздѣлявшіяся волны огня. Бѣгущія толпы монаховъ, солдатъ, жидовъ наводнили многолюдные города и деревни, почти оставленные на произволъ непріятеля.

Одинъ только городъ Дубно не сдавался[3]. Этимъ были раздражены всѣ чины, въ числѣ которыхъ занималъ не послѣднее мѣсто Тарасъ Бульба. Они положили взять его голодомъ[4]. Толпы[5] вольныхъ наѣздниковъ облегли со всѣхъ сторонъ его стѣны, расположились вмѣстѣ съ своими обозами, которые всегда почти за ними слѣдовали. Жители съ небольшимъ числомъ войскъ рѣшились[6] вытерпѣть возможную[7] степень бѣдствія и не сдаваться ни въ какомъ случаѣ[8]. Запорожцы удвоили наблюденіе, чтобы никакое вспомоществованіе не могло прійти въ городъ, играли въ четъ и нечетъ, курили люльки и съ убійственнымъ хладнокровіемъ смотрѣли на городскія стѣны. Прошло двѣ недѣли и, не смотря на то, что они свои вольные набѣги гораздо болѣе предпочитали осадамъ городовъ, однакожъ, ничто не могло преодолѣть ихъ терпѣнія.—Молодые, попробовавшіе битвъ и опасностей[9], сгарали нетерпѣніемъ, и въ числѣ ихъ были наши герои Остапъ и Андрій, вдругъ пріобрѣвшіе опытность въ военномъ дѣлѣ, пылкіе, исполненные отваги, желавшіе новыхъ встрѣчъ, жадные узнать новыя эволюціи и варіаціи войны и показать свое умѣніе играть опасностями[10]. Остапъ, казалось, только на то и созданъ былъ, чтобы гулять въ вѣчномъ пирѣ войны. Онъ теперь уже казался чѣмъ-то атлетическимъ, колоссальнымъ. Его движенія пріобрѣли крѣпкую увѣренность, и всѣ качества его, прежде незамѣтныя, получили размѣръ шире и казались качествами мощнаго льва. Андрій также погрузился весь въ очаровательную[11] музыку мечей и пуль, потому что нигдѣ воля, забвеніе, смерть, наслажденіе не соединяются въ такой обольстительной, страшной прелести, какъ въ битвѣ.

Этотъ долгій роздыхъ, который они имѣли подъ стѣнами

города, имъ не нравился. Андрій сидѣлъ долго возлѣ обоза своего, тогда какъ уже всѣ запорожцы[1] спали, кромѣ нѣкоторыхъ, стоявшихъ на сторожѣ. Ночь, іюньская прекрасная ночь, съ безчисленными звѣздами, обнимала опустошенную землю. Вся окрестность представляла величественное зрѣлище: со всѣхъ сторонъ[2], вблизи и вдали, были видны зарева горѣвшихъ деревень. Въ одномъ мѣстѣ пламя спокойно и величественно стлалось по небу; въ другомъ мѣстѣ оно, встрѣтивъ что-то горючее, вдругъ вырвавшись вихремъ, свистѣло и летѣло вверхъ подъ самыя звѣзды, и оторванныя охлопья его гаснули подъ самыми дальними небесами[3]. Въ одномъ мѣстѣ обгорѣлый черный монастырь, какъ суровый картезіанскій монахъ, стоялъ грозно, выказывая при каждомъ отблескѣ мрачное свое величіе. Въ другомъ мѣстѣ горѣло новое зданіе, потопленное въ садахъ. Деревья шипѣли и покрывались дымомъ; иногда[4] сквозь нихъ просвѣчивалась лава огня, и гроздія грушъ, обвѣсившихъ вѣтви[5], принимали цвѣтъ червоннаго золота; даже видны были издали сливы, получившія фосфорическій, лилово-огненный цвѣтъ; и среди этого всего[6] иногда чернѣло висѣвшее на стѣнѣ зданія тѣло бѣднаго жида или монаха, погибавшее вмѣстѣ съ строеніемъ въ огнѣ. Надъ нимъ вились вдали птицы, казавшіяся кучею темныхъ мелкихъ крапинокъ, въ видѣ едва замѣтныхъ крестиковъ на огненномъ полѣ[7]. Среди тишины одни только спутанные кони производили шумъ, и звонкое ихъ ржаніе отдавалось съ раскатами, нѣсколько разъ повторявшимися дребезжащимъ эхомъ[8].

Онъ глядѣлъ безмолвно на эту страшную и чудную[9] картину и вдругъ почувствовалъ какъ будто присутствіе чего-то; ему казалось, какъ будто возлѣ него кто-то стоялъ[10]. Онъ оглянулся и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ стоявшую подлѣ себя женщину. Смуглыя черты лица ея и азіатская физіогномія показались ему какъ-то знакомыми. Онъ сталъ глядѣть пристальнѣе: такъ, это была татарка! та самая татарка, которая служила горничною при дочери ковенскаго воеводы. Онъ встрепенулся. Сердце сильнымъ ударомъ стукнуло въ его мощную грудь, и все минувшее, чтò было во глубинѣ ея[11], чтò было закрыто, заглушено, подавлено настоящимъ вольнымъ бытомъ, — все это всплыло[12] разомъ на поверхность, потопивши въ свою очередь настоящее; вся гордая сила, сила юности зажглась вдругъ самымъ томительнымъ приливомъ безпокойства нестерпимаго и страст-

наго. Вопросы потокомъ излились[1] изъ его груди: „Откуда? какъ? гдѣ твоя панна? какъ ты явилась здѣсь? что это значитъ? Говори, не мучь меня!“

„Тише, ради Бога тише!“ говорила татарка и закуталась въ козацкій кобенякъ[1], который было сбросила съ себя. „Панна узнала васъ между запорожцами. Она въ городѣ“.

„Милосердый Іисусъ! она здѣсь? Чтò ты говоришь? Она въ городѣ?“

Татарка кивнула утвердительно головою.

„Чтò жъ она? говори, говори! Что жъ ты молчишь?“

„Она другой день уже ничего не ѣла“.

„Какъ!“

„Ни у одного изъ жителей въ городѣ нѣтъ ни куска[2] хлѣба. Всѣ давно уже ѣдятъ одну землю“.

„Спаситель Іисусъ! И вы до сихъ поръ не сдѣлали ни одной вылазки?“

„Нельзя: запорожцы кругомъ облегли стѣны. Одинъ только потаенный ходъ и есть; но на томъ самомъ мѣстѣ стоятъ ваши обозы[3], и если только узнаютъ этотъ ходъ, то городъ уже вашъ[4]. Панна приказала мнѣ все объявить вамъ, потому что вы не захотите измѣнить ей“.

„Боже, измѣнить ей! И я ее увижу! О!.. когда бы мнѣ не умереть только до того часу!“ Вся грудь его была проникнута самымъ пронзительнымъ остріемъ радости. Онъ со всѣмъ пыломъ поспѣшности бросился по угламъ[5] шатра своего, началъ вытаскивать[6] все, что только могъ найти съѣстнаго, и скоро два небольшіе[7] мѣшка были нагружены пшеномъ и сухарями. Онъ далъ ихъ въ руки татаркѣ, закуталъ ее плащемъ и приказалъ сказать паннѣ, что онъ скоро будетъ самъ. Онъ велѣлъ татаркѣ, отнесши припасы, ожидать его прихода[8]. Онъ теперь думалъ только, какъ бы безопаснѣе провести[9] ее до мѣста, гдѣ былъ скрытъ подземный ходъ. Этотъ ходъ былъ подъ самымъ возомъ, наполненнымъ военными снарядами. Къ счастію его, запорожцы[10], по обыкновенной своей безпечности, всѣ спали мертвецки. Тихо[11] шелъ онъ съ нею рука объ руку и, желая обойти спящихъ, толкнулъ ее нечаянно локтемъ: кобенякъ слетѣлъ, и зарево яркимъ блескомъ освѣтило ея бѣлое платье. „Спаситель, она открыта! Все пропало“. Онъ со страхомъ и мертвою, убитою душою[12] повелъ глазами вокругъ.

Боже, какое счастіе! даже зоркій сторожъ, стоявшій на самомъ опасномъ постѣ[1], спалъ, склонившись на ружье. Татарка, закутавшись крѣпче въ кобенякъ, полѣзла подъ телѣгу; небольшой четвероугольникъ дерну приподнялся — и она ушла въ землю[2].

Торопливо онъ воротился[3] къ своему мѣсту, желая обсмотрѣть хорошенько[4], всѣ ли спятъ и все ли спокойно.

„Андрій!“ сказалъ въ это время, поднявши голову, старый Бульба: „какая это къ тебѣ татарка приходила?“

Если бы кто-нибудь въ то время посмотрѣлъ на Андрія, то бы почелъ его[5] за мертвеца, вставшаго изъ могилы.

„Эй, смотри, сынъ! ей Богу, отдѣлаю тебя батогомъ такъ, что до преставленія[6] свѣта будетъ болѣть спина! Бабы не доведутъ тебя до добра“[7].

Сказавши это, Бульба, — или былъ утружденъ заботами, или занятъ какимъ-нибудь важнымъ планомъ, вовсе не полагая, чтобы эта татарка была изъ города, а признавъ ее за какую-нибудь бѣглянку изъ села, съ которою сынъ его свелъ интригу, — какъ бы то ни было, только онъ поворотился на другую сторону и заснулъ.

Андрій отдохнулъ. Съ трепещущимъ сердцемъ бросился[8] онъ къ обозамъ, обшарилъ, гдѣ только было съѣстное, нагрузилъ мѣшки и неизмѣримыя шаровары свои, и, во все продолженіе этого, сердце его млѣло, духъ занимался и, казалось, улеталъ при одной мысли о той радости, которая ждала его впереди. Еще разъ обсмотрѣлся онъ вокругъ, не чувствуя ни сердца, ни земли, ни себя, ни міра, и поползъ подъ телѣгу. Небольшое отверстіе вдругъ открылось передъ нимъ и снова за нимъ захлопнулось[9].

Онъ вдругъ очутился въ совершенной темнотѣ. Онъ чувствовалъ подъ ногами своими ступени, идущія внизъ; кто-то схватилъ его за руку. Они шли долго; наконецъ, ступени прекратились, подъ нимъ была гладкая земля[10]. Свѣтъ фонаря блеснулъ въ подземномъ мракѣ.

„Теперь идите прямо“, говорилъ ему голосъ: это была татарка.

Коридоръ шелъ подъ городской стѣною и оканчивался такою же лѣстницею вверхъ. Наконецъ, онъ очутился среди города, когда уже занялась заря и перепархивалъ утренній

вѣтеръ. Ни одна труба не дымилась. Мертвый видъ города прерывался слабыми болѣзненными стонами, которые не могли не поразить его. На стражѣ стояли часовые, блѣдные, какъ смерть; это были больше привидѣнія, нежели люди. Среди самой дороги попался имъ самый ужасный, поразительный предметъ: это была женщина, страшная жертва голода, лежавшая при послѣднемъ издыханіи, стиснувшая зубами изсохшую свою руку. Содрогнувшись, спѣшилъ онъ вслѣдъ за таркою; онъ летѣлъ всѣми чувствами видѣть ту, за счастіе которой онъ готовъ былъ отдать всю жизнь. Онъ взбѣжалъ на крыльцо; онъ взошелъ въ комнату[1]. Вездѣ была тишина: все или спало, утомленное страданіемъ, или безмолвно мучилось. Онъ вступилъ на порогъ спальни. О, какъ замерло его сердце! Какъ замлѣлъ онъ весь, когда оно ему сказало[2], что черезъ секунду, чрезъ молнію мига, онъ ее увидитъ!

И онъ ее увидѣлъ, увидѣлъ ту, которая когда-то была беззаботна, весела, вѣтрена, шаловлива, которая когда-то надѣвала на него серьги и убирала его своими прекрасными, легкими, какъ крылья мотыльковъ, убранствами. Онъ опять увидѣлъ ее. Она сидѣла на диванѣ, подвернувши подъ себя обворожительную, стройную ножку[3]. Она была томна; она была блѣдна, но бѣлизна ея была пронзительна, какъ сверкающая одежда серафима[4]. Гебеновыя брови, тонкія, прекрасныя, придавали что-то стремительное ея лицу, обдающему священнымъ трепетомъ сладкой боязни въ первый разъ взглянувшаго на нее[5]. Рѣсницы ея, длинныя какъ мечтанія, были опущены и темными тонкими иглами виднѣлись рѣзко на ея небесномъ лицѣ.— Чтò это было за созданіе! И это созданіе, которое, казалось, для чуда было рождено среди міра, къ ногамъ котораго повергнуть весь міръ, всѣ сокровища казалось малою жертвою, это небесное созданіе терпѣло голодъ и все, чтò есть горькаго для жителей земли. Заплѣсневѣлая корка хлѣба, лежавшая на золотомъ блюдѣ, какъ драгоцѣнность, показывала, что еще недавно здѣсь было чувствуемо все свирѣпство голода. Услышавши шумъ, она приподняла[6] свою голову и обратила къ нему взглядъ долгій, сокрушительный. Онъ опять, казалось, исчезнулъ и потерялся. Лицо ея съ перваго раза ему показалось какъ будто другимъ: въ немъ были прежнія черты, но въ немъ же заключалась бездна новыхъ, прекрас-

ныхъ, какъ небеса. Этотъ признакъ безмолвнаго страданія, этотъ болѣзненный видъ[1]... о, какъ она была лучше прежняго! Онъ бросился къ ногамъ ея, приникъ и глядѣлъ въ ея могучія очи. Улыбка какой-то радости сверкнула на ея устахъ, и въ то же время[2] слеза, какъ бриліантъ, повисла на ея[3] рѣсницѣ.

„Царица!" сказалъ онъ: „что̀ для тебя сдѣлать? чего ты хочешь?"

Она смотрѣла на него пристально и положила на плечо его свою чудесную руку. Съ пожирающимъ пламенемъ страсти покрылъ онъ ее поцѣлуями.

„Нѣтъ, я не пойду отъ тебя! Я умру возлѣ тебя! Пусть же у ногъ твоихъ, пожираемый голодомъ, я умру, какъ и ты, моя панна! И за смерть, за сладкую смерть у твоихъ ногъ, ничего не хочу!"

„А твои товарищи, а твой отецъ? Ты долженъ итти къ нимъ", говорила она тихо. Уста ея еще долго шевелились безъ словъ, и глаза ея, полные слезъ, не сводились съ него.

„Что̀ ты говоришь!" произнесъ Андрій со всею силою и крѣпостью воли. „Что̀ бы тогда за любовь моя была, когда бы я бросилъ для тебя только то, что̀ легко бросить! Нѣтъ, моя панна! нѣтъ, моя прекрасная! Я не такъ люблю: отца, брата, мать, отчизну, все, что ни есть на землѣ, все отдаю за тебя, все! Прощай! Я теперь вашъ! я твой! Чего еще хочешь?"

Она склонилась къ нему головою. Онъ почувствовалъ, какъ электрически-пламенная щека ея коснулась его щеки, и лобзаніе, — у, какое лобзаніе! — слило уста ихъ, прикипѣвшія другъ къ другу[4].

V.

„Пане!" сказалъ жидъ Янкель, высунувъ[5] свой яломокъ въ шатеръ, гдѣ сидѣлъ Бульба. Это былъ тотъ самый Янкель[6], котораго онъ избавилъ отъ смерти и который теперь маркитанствовалъ и шпіонничалъ при запорожскомъ войскѣ[7]. „Пане, знаете ли, что дѣлается?"[8]

„А что̀?"

„Идетъ пятнадцать тысячъ войска польскаго и пушки везутъ".

„Били двадцатерыхъ, побьемъ и пятнадцать!“ отвѣчалъ Бульба.

„А знаете ли, еще что̀ дѣлается?“

„А что̀?“

„Вашъ сынъ Андрій, ой, вей миръ, что это за славный рыцарь!..“

„Ну?“

„Онъ теперь держитъ сторону Польши“.

„Какъ!“ подхватилъ Бульба, вскочивши: „чтобы дитя мое... чтобы мой сынъ... Да я тебя убью[1], проклятый жидъ! Врешь ты, чортово племя!

„Ай, ай! какъ можно, чтобы я вралъ! Пусть отцу моему не будетъ счастья на томъ свѣтѣ, если я вру!“[2]

„Какъ![3] чтобы сынъ Тараса Бульбы да посягнулъ на такое дѣло!“

„Далибугъ, ей же Богу, такъ!“

„Чтобы онъ продалъ Христову вѣру и отчизну!“

„Далибугъ, такъ. Я его видѣлъ самъ собственными глазами. Фай, какой важный рыцарь! Сто восемьдесятъ червонныхъ[4] сто̀ятъ однѣ латы... богатыя латы: всѣ въ золотѣ. А если бы вы увидѣли, какъ онъ славно муштруетъ солдатами!“

Тарасъ Бульба былъ пораженъ, какъ громомъ[5]. „Ты путаешь, проклятый Іуда! Не можно, чтобы крещеное дитя продало вѣру. Если бы онъ былъ турокъ, или нечистый жидъ... Нѣтъ, не можетъ онъ такъ сдѣлать! ей Богу, не можетъ!“

Но, однакоже, онъ вспомнилъ, что уже два дни, какъ его не видалъ; онъ вспомнилъ про татарку, появившуюся въ его ставкѣ, и глаза его сверкнули. Ярость, ярость желѣзная, могучая, ярость тигра вспыхнула на его лицѣ. „Вишь, чортова дѣтина, ты таки свое взяла! Породилъ же тебя чортъ, на позоръ всему роду“.

Съ лицомъ, разгорѣвшимся отъ гнѣва, онъ вышелъ изъ ставки и далъ приказъ сѣдлать коней[6].

Между тѣмъ кошевой раздавалъ повелѣнія отъ себя быть всѣмъ въ готовности и не позволять никакимъ образомъ осажденнымъ соединиться съ приближавшимися польскими войсками. Непріятельскихъ войскъ было, однакоже, болѣе нежели пятнадцать тысячъ. Кошевой вмѣстѣ съ совѣтомъ старшинъ рѣшили на томъ, чтобы усилить болѣе ту линію, которая

обращена къ непріятелю. Черезъ это цѣпь съ противоположной стороны города ослабѣла, и хотя польскія войска были отбиты съ перваго раза, и притомъ съ большимъ урономъ, но отрядъ, остававшійся въ городѣ, рѣшился воспользоваться малочисленностью прикрытія, и, дѣйствительно, сдѣлавши вылазку, прорвался черезъ цѣпь и успѣлъ соединиться почти въ виду запорожцевъ. Бульба рвалъ на себѣ волоса съ досады, что уже невозможно было уморить ихъ всѣхъ голодомъ. Запорожцы сдвинулись въ густую непроломную стѣну: маневръ, всегда доставлявшій имъ существенную выгоду, потому что тактика ихъ соединяла азіатскую стремительность съ европейскою крѣпостью[1]. Непріятель, не смотря на то, что былъ вдвое сильнѣе, не былъ въ силахъ удержать превосходства[2]. Битва[3] завязалась самая жаркая и кровопролитная. Тарасъ Бульба занималъ одно изъ главныхъ начальствъ, и три коронные полка, не въ состояніи будучи удержать[4] его стремительной атаки, готовы были отступить и предаться бѣгству, какъ вдругъ онъ обратилъ[5] всѣ силы свои совершенно въ другую сторону.

Онъ завидѣлъ въ сторонѣ отрядъ, стоявшій, повидимому[6], въ засадѣ. Онъ узналъ среди его сына своего Андрія. Онъ отдалъ кое-какія наставленія Остапу[7], какъ продолжать дѣло[8], а самъ, съ небольшимъ числомъ, бросился, какъ бѣшеный, на этотъ отрядъ. Андрій узналъ его издали, и видно было издали, какъ онъ весь затрепеталъ. Онъ, какъ подлый трусъ[9], спрятался за ряды своихъ солдатъ и командовалъ оттуда своимъ войскомъ[10]. Силы Тараса[11] были немногочисленны: съ нимъ было только восемнадцать человѣкъ; но онъ ринулся съ такимъ свирѣпствомъ, съ такимъ сверхъестественнымъ стремленіемъ[12], что ряды уступали со страхомъ передъ этимъ разгнѣваннымъ вепремъ. Врядъ ли тогда его можно было съ чѣмъ-нибудь сравнить. Шапки давно не было на его головѣ; волосы его развѣвались, какъ пламя, и чубъ, какъ змѣя, раскидывался по воздуху[13]; бѣшеный конь его грызъ и кусалъ коней непріятельскихъ, дорогой акшаметъ былъ на немъ разорванъ; онъ уже бросилъ и[14] саблю, и ружье и размахивалъ только одной ужасной, непомѣрной тяжести, булавой, усѣянной мѣдными иглами. Нужно было взглянуть только на лицо его, чтобы увидѣть олицетворенное свирѣпство, чтобы[15] изви-

нить трусость Андрія, чувствовавшаго свою душу не совсѣмъ чистою[1]. Блѣдный, онъ видѣлъ, какъ гибли и разсѣевались его поляки; онъ видѣлъ, какъ послѣдніе, окружавшіе его, уже готовы были бѣжать; онъ видѣлъ, какъ уже нѣкоторые, поворотивши коней своихъ, бросали ружья. „Спасите!“ кричалъ онъ, отчаянно простирая руки: „куда бѣжите вы? Глядите: онъ одинъ!“

Опомнившіеся воины на минуту остановились и въ самомъ дѣлѣ ободрились, увидѣвши, что ихъ гонитъ только одинъ съ тремя утомленными козаками. Но напрасно силились бы они устоять противъ такой отчаянной воли.[2]

„Нѣтъ, ты не уйдешь отъ меня!“ кричалъ Тарасъ, настигая[3] бѣгущихъ, начинавшихъ думать, что они имѣютъ дѣло съ самимъ дьяволомъ.

Отчаянный Андрій сдѣлалъ усиліе бѣжать, но поздно[4]: ужасный отецъ уже былъ передъ нимъ. Безнадежно онъ остановился на одномъ мѣстѣ. Тарасъ оглянулся: уже никого не было позади его[5], всѣ сотоварищи его полегли въ разныхъ мѣстахъ поля. Ихъ только было двое.

„Что сынку?“ сказалъ Бульба, глянувши ему въ очи[6].

Андрій былъ безотвѣтенъ[7].

„Что сынку?“ повторилъ Тарасъ: „помогли тебѣ твои ляхи?“

Андрій не произнесъ ни слова; онъ стоялъ, какъ осужденный.

„Такъ продать, продать вѣру? Проклятъ тотъ и часъ, въ который ты родился на свѣтъ!“

Сказавши это[8], онъ глянулъ съ какимъ-то изступленно-сверкающимъ[9] взглядомъ по сторонамъ.

„Ты думалъ, что я отдамъ кому-нибудь дитя свое? Нѣтъ! Я тебя породилъ, я тебя и убью! Стой и не шевелись, и не проси у Господа Бога отпущенія: за такое дѣло не прощаютъ на томъ свѣтѣ!“

Андрій, блѣдный какъ полотно, прошепталъ губами одно только имя; но это не было имя родины, или отца, или матери[10]: это было имя прекрасной полячки.

Тарасъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, снялъ съ плеча ружье, прицѣлился... выстрѣлъ грянулъ[11]...

Какъ хлѣбный колосъ, подрѣзанный серпомъ, какъ молодой барашекъ, почувствовавшій смертельное желѣзо, повисъ[12] онъ головою и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубійца и думалъ[1]: предать ли тѣло измѣнника на расхищеніе и поруганіе, чтобы хищныя птицы растрепали его и сыромахи волки расшарпали[2] и разнесли его желтыя кости, или честно погребсти въ землѣ?[3]

Въ это время подъѣхалъ Остапъ. „Батько!“ сказалъ онъ. Тарасъ не слышалъ.

„Батько[4], это ты убилъ его?“

„Я, сынку!“

Лицо Остапа выразило какой-то безмолвный упрекъ. Онъ бросился[5] обнимать своего товарища и спутника, съ которымъ двадцать лѣтъ они[6] росли вмѣстѣ, жили пополамъ.

„Полно, сынку, довольно! Понесемъ мертвое тѣло, похоронимъ!“ сказалъ Тарасъ, который въ то время сжалъ въ груди своей подступавшее ѣдкое чувство[7].

Они взяли тѣло и понесли на плечахъ въ обгорѣлый лѣсъ[8], стоявшій въ тылу запорожскихъ войскъ, и вырыли саблями и копьями яму[9].

Тарасъ оставилъ копье[10] и взглянулъ на трупъ сына. Онъ былъ и мертвый прекрасенъ: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобѣдимаго для женъ очарованія, еще сохраняло въ себѣ слѣды ихъ; черныя брови, какъ траурный бархатъ, оттѣняли его поблѣднѣвшія черты[11].

„Чѣмъ бы не козакъ былъ?“ сказалъ Тарасъ: „и станомъ высокій, и чернобровый, и лицо, какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою — пропалъ! пропалъ безъ славы!...“

Трупъ опустили, засыпали землею, и черезъ минуту уже Тарасъ размахивалъ саблею въ рядахъ непріятельскихъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Разница была[12] въ томъ только, что онъ теперь[13] бился съ бо̀льшимъ изступленіемъ, сгарая желаніемъ отмстить смерть сына. Прибывшій въ то время его собственный полкъ, подъ начальствомъ Товкача, доставилъ ему значительный перевѣсъ. Онъ, наконецъ, узналъ, кто былъ виною отступничества его сына, и положилъ, во что̀ бы ни стало, взять городъ. И онъ бы исполнилъ это: свирѣпый, онъ бы протекъ, какъ смерть, по его улицамъ; онъ бы вытащилъ изъ замка[14] ее своею желѣзною рукою, ее, обворожительную, нѣжную, блистающую[15]; свирѣпо повлекъ бы ее, схвативши за длинные[16], обольстительные волосы, и его кривая сабля сверкнула бы у ея голубинаго горла.... Но одно непредвидѣнное происшествіе остановило[17] его на пути непримиримой мести.

VI.

Въ запорожское войско пришло извѣстіе, что Сѣча взята, разорена татарами и большая часть остававшихся запорожцевъ забрана[1] въ плѣнъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими пушками. Въ подобныхъ[2] случаяхъ обыкновенно козаки старались, не теряя времени, настигнуть хищниковъ на возвратной ихъ дорогѣ и перехватить добычу, потому что, тремя недѣлями позже[3], уже этого сдѣлать было невозможно, и плѣнные козаки могли вдругъ очутиться на рынкахъ Великой Азіи. Кошевой положилъ, и мнѣніе его подкрѣпили прочіе чины, итти[4] на помощь немедленно, разсуждая, что уже довольно они отомстили за измѣну полякамъ и смерть гетмановъ, и что опустошенныя поля будутъ помнить[5], какъ гостили[6] на нихъ запорожцы.

На это изъявилъ согласіе и Бульба, хотя ему чрезвычайно хотѣлось взять городъ. Уже онъ отправился, чтобы отдать приказъ вьючить коней и мазать телѣги, какъ вдругъ остановился и сказалъ[7]: „Я хотѣлъ спросить еще объ одномъ у тебя, атаманъ! Вѣдь, кажется, въ непріятельскомъ войскѣ есть нашихъ человѣкъ тридцать въ плѣну?“[8]

„Я посылалъ[9] просить размѣна, — не соглашаются“[10].

„Такъ мы, стало быть, ихъ и оставимъ такъ?“[11]

„Что жъ дѣлать?“

„Какъ! чтобы они опять замучили ихъ?“

„А что жъ дѣлать?“ отвѣчалъ кошевой: „вѣдь помочь нельзя; мы[12], хоть и останемся, то не одолѣемъ, а между тѣмъ и свое прогуляемъ: татарва не станетъ ожидать насъ“.

„Такъ, стало быть, пусть еретичное поганство, какъ хочетъ, такъ и ругается надъ христіанскою кровью?“[13]

Кошевой пожалъ плечами.

„А мнѣ кажется, атаманъ, такъ не бывать этому“.

„А отчего жъ бы не бывать?“

„Да такъ: я уже знаю“.

„Ова, какъ важно!“ сказалъ кошевой, прижавши пальцемъ золу въ своей люлькѣ.[14]

„Слышали ли вы, панове, что кошевой хочетъ сдѣлать?“ сказалъ Бульба, выходя отъ кошеваго и обращаясь къ запорожцамъ. „Онъ хочетъ, чтобы мы теперь же отправились на

Сѣчу[1], а товарищей, тѣхъ, чтѐ попались въ плѣнъ непріятелю, такъ бы и оставили, чтобы ихъ замучило поганое еретичество[2]. Чтѐ вы скажете на это?"

„Не послушаемъ мы кошеваго!" сказала въ одинъ голосъ часть запорожцевъ, отдѣлилась и стала на сторонѣ[3]. Ихъ было около тысячи человѣкъ.

Кошевой вышелъ[4]. Онъ уже слышалъ волненіе, которое произвелъ неугомонный Бульба.

„Чего вы хотите? Изъ чего подняли вы такой гвалтъ?" закричалъ онъ грозно.

„Мы не хотимъ итти на Сѣчу! Мы остаемся здѣсь!"[5] кричала толпа.

„Чтó вы? сдурѣли? Я васъ, чортовы дѣти, перевяжу всѣхъ!"

„Какую онъ можетъ имѣть власть?" сказалъ Тарасъ, обращаясь къ запорожцамъ: „мы — вольные козаки!"

„А что жъ? мы вольные козаки!" говорили[6] запорожцы.

„Дамъ я вамъ вольныхъ! Вы гдѣ вольные? — на Сѣчѣ; вотъ тамъ вы вольные! Тамъ вы можете снять съ меня достоинство, связать меня и убить, и все, чтó хотите; а тутъ вы ни слова. Знаете ли вы, чтѐ такое военное право? — А ты чтó тутъ заводишь бунтъ?" сказалъ онъ, обращаясь къ Бульбѣ.

„Нѣтъ, я не бунтъ чиню[7], а исполняю долгъ христіанскій!"[8] хладнокровно отвѣчалъ Тарасъ. „Я стою за права наши, ибо мы должны защищать христіанскую кровь".

„Я тебя[9], старый чортъ, присмыкну къ обозу".

„А ну, попробуй!"

„Слушайте, пане-браты!" сказалъ кошевой, нѣсколько смягчивши рѣчь[10]. „За чтѐ же вы оставляете тѣхъ своихъ товарищей, которыхъ на Сѣчѣ забрала татарва въ полонъ? Или вы думаете, что татары поступятъ лучше, чѣмъ ляхи?"[11]

„То татарва, а то ляхи — другое дѣло", отвѣчалъ Бульба. „Еще у бусурмена[12] есть совѣсть и страхъ Божій, а у католичества и не было, и не будетъ. Постойте, хлопцы, и я скажу: чтѐ, если бы вы попалися въ плѣнъ, да начали бы съ васъ живыхъ драть кожу, или жарить на сковрадахъ[13], — чтѐ бы вы тогда сказали? А[14] изъ вашихъ земляковъ, изъ товарищей, изъ тѣхъ, чтѐ должны до послѣдней крови защищать, изъ тѣхъ товарищей ни одинъ бы не захотѣлъ подать руку помощи, — чтѐ бы вы тогда сказали?"[15]

„А чтò бы сказали?“ произнесли нѣкоторые: „сказали бы: вы помои, а не запорожцы!“ Замѣтно было, что слова Тараса сильно потрясли ихъ[1].

„Стойте, хлопьята[2], и я скажу!“ кричалъ атаманъ. „Ну, скажите, панове-браты, куда вашъ умъ дѣлся? Посудите сами, гдѣ[3] вамъ управиться съ такимъ непріятелемъ?[4] Ихъ больше десяти тысячъ, а васъ, можетъ быть, двѣ[5]. Вѣдь пропадете всѣ на мѣстѣ!“

„Пропадать[6], такъ пропадать!“ сказалъ Бульба.

„Оставайтеся же[7] тутъ, если уже такъ захотѣли своей погибели! А тѣ, которые разумнѣе васъ, гайда, въ дорогу!“[8]

„Вы дѣлайте свое, а мы будемъ дѣлать свое!“[9] сказалъ Бульба.

Обѣ стороны неподвижно стали одна противъ другой и минуту сохраняли мертвое молчаніе.

Наконецъ, стоявшіе въ первыхъ рядахъ[10] посѣдѣвшіе запорожцы, утупивъ глаза въ землю, начали говорить: „Оно, конечно, если разсудить по справедливости, то и вы исполняете честь лыцарскую, и мы[11] поступаемъ по лыцарскому обычаю. На то и живетъ человѣкъ, чтобы защищать вѣру и обычай. Притомъ жизнь такое дѣло, что если о ней сожалѣть, то уже не знаешь[12], объ чемъ не жалѣть. Скоро будемъ жалѣть, что бросили женъ своихъ. Нужно же попробовать, чтò такое смерть. Вѣдь попробовали же всякой невзгоды[13] въ жизни. Въ томъ и другомъ случаѣ мы не должны питать другъ противъ друга никакой непріязни[14]. Мы всѣ запорожцы, всѣ изъ одного гнѣзда, всѣхъ насъ вспоила Сѣчь, всѣ мы братья родные.... Спрашиваемъ каждаго: не имѣетъ ли противъ насъ какого неудовольствія?“[15]

„Никакого! всегда были довольны!“[16] закричали всѣ въ одинъ голосъ.

„Ну, такъ пусть же на разставаньи... чтó будетъ впредь, то Богъ одинъ знаетъ; можетъ быть, ни одинъ изъ насъ уже не увидитъ дружка дружку, такъ поцѣлуемся всѣ“[17].

И двѣ тысячи войска перецѣловались съ двумя тысячами. Кошевой обнялъ Тараса.

„Ну, прощайте же, пане-браты[18], молодцы! Дай же, Боже, чтобы все было такъ, какъ Богу угодно! Если мы положимъ головы, то вы разскажите[19] про насъ, что такіе-то гуляки не даромъ жили. Если же вы поляжете[20] и примете честную смерть,

то мы повѣдаемъ[1], чтобы знала вся Украйна да и другія земли, что были такіе молодцы, которые и вѣру Христову знали оборонять[2], да и товарищество уважали. Прощайте! Пусть благословеніе Божіе будетъ и съ вами, и съ нами!“[3]

Обѣ половины войска соединились вмѣстѣ, чтобы не дать узнать непріятелю о своемъ раздѣленіи, и отступили къ обгорѣлому монастырю, у подошвы котораго былъ глубокій яръ. Удалявшаяся половина съ кошевымъ атаманомъ опустилась по скату горы и яромъ, невидимая непріятелемъ, пробиралась въ тишинѣ и молчаніи.

Стоявшій на высотѣ отрядъ польскаго войска не могъ[4] не замѣтить нѣкотораго движенія въ войскахъ запорожскихъ и уже рѣшился было въ тотъ же часъ[5] сдѣлать нападеніе, но французскій артиллеристъ и инженеръ, служившій въ польскихъ войскахъ, большой знатокъ военнаго дѣла, остановилъ ихъ, сказавши: „Нѣтъ, нѣтъ, господа! Это не то, что̀ вы думаете: это больше ничего, какъ самая дьявольская засада“[6]. О, этотъ народъ, запороги!“ сказалъ онъ, положивши палецъ на свой ястребиный носъ[7], при чемъ голосъ его, дотолѣ хриплый, пискнулъ дискантомъ: „этотъ народъ, запороги, хитеръ[8], какъ самъ чортъ, или какъ[9] капитанъ дьяволъ!“

„Ну, панове молодцы!“ сказалъ Бульба по удаленіи войска: „теперь пришла намъ пора показать честь запорожскую. Глядите же: если придется до того, что уже не можно будетъ стоять противъ бусурменовъ, то, панове, чтобы всѣ полегли на мѣстѣ, чтобы ни одинъ не остался вживѣ, чтобы[10] всѣ, какъ добрые товарищи, покотомъ улеглись въ одной могилѣ. Теперь, передъ великимъ часомъ, выпьемъ, пане-браты[11], горѣлки, потому что судьба наша теперь похожа на свадьбу, на которой долженъ веселиться всякій человѣкъ“[12].

Пятьдесятъ козаковъ отправились къ обозамъ и вынули баклажки[13], готовясь отправлять должность виночерпіевъ. Двѣ тысячи козаковъ подставили свои рукавицы.

„Прежде всего[14], пане-браты“, сказалъ Бульба, поднявши вверхъ свою рукавицу: „долгъ велитъ выпить за вѣру Христову! Чтобы пришло, наконецъ, такое время, чтобы по всему свѣту разошлась она и всѣ бусурмены подѣлались бы, наконецъ, христіанами! Да за однимъ уже разомъ и за Сѣчь[15], чтобы долго, долго она стояла на гибель всему бусурменству, чтобы

съ каждымъ годомъ выходили изъ нея молодцы одинъ другаго лучше, одинъ другаго лучше. Да уже вмѣстѣ выпьемъ[1] и за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тѣхъ внуковъ, что были когда-то такіе, что не постыдили товарищества и не выдали своихъ! Итакъ, панове-браты, чтобы такъ же весело[2], какъ эта горѣлка играетъ и шибаетъ пузырями, такъ бы и мы шли на смерть. Ну-те, всѣ[3] разомъ за вѣру!"

„За вѣру!" повторили громко[4] ближніе ряды, поднявши вверхъ рукавицы. „За вѣру!" подхватили дальніе.

„За Сѣчь!" сказалъ Бульба, поднявъ снова рукавицу.

„За Сѣчь!" грянули ближніе. „За Сѣчь!" отозвалось въ дальнихъ.

„За славу и за всѣхъ христіанъ, какіе живутъ на Божьемъ свѣтѣ!"

„За славу и христіанъ!" повторили ближніе. „За славу и христіанъ!" повторили дальніе.

„Теперь на коней, хлопьята!"[5]

Всѣ очутились на коняхъ и выѣхали[6] вмѣстѣ стройною кучею. Всѣ дышали силою, свыше естественной. Это не былъ дикій энтузіазмъ, порожденный отчаяніемъ: это было что-то совершенно другое. Какое-то вдохновеніе веселости, какой-то трепетъ величія ощущался въ сердцахъ этой гульливой и храброй толпы. Ихъ черные и сѣдые усы величаво опускались внизъ; ихъ лица были исполнены увѣренности[7]. Каждое движеніе ихъ было вольно и рисовалось. Вся конная колонна[8] ударила на непріятеля твердо, не совокупляя всей своей силы, но какъ будто веселясь и играя своимъ положеніемъ. Подъ свистъ пуль выступали они, какъ подъ свадебную музыку[9]. Безъ всякаго теоретическаго понятія о регулярности, они шли съ изумительною регулярностію, какъ будто бы происходившею отъ того, что сердца ихъ и страсти били въ одинъ тактъ единствомъ всеобщей мысли. Ни одинъ не отдѣлялся; нигдѣ не разрывалась эта масса[10]. Польскія войска, которыя было приняли ихъ стремительнымъ упорствомъ, начали отступать, пораженныя робостію и думая, не сверхъестественная ли какая сила начала помогать козакамъ. Лучшія распоряженія арміи были совершенно уничтожены этою разрушительною силою. Вся эта конная толпа неслась какъ-то вдохновенно, не измѣняясь[11], не охлаждая, не увеличивая своего пыла. Это была картина, и нужно

было живописцу схватить кисть и рисовать ее[1]. Французскій инженеръ, который былъ истинный въ душѣ артистъ, бросилъ фитиль, которымъ готовился зажигать пушки, и, позабывшись, билъ въ ладони, крича громко: „Браво, месье запороги!“

Около двухъ тысячъ человѣкъ непріятеля было убито и столько же разсыпалось и обратилось въ бѣгство. Свѣжее новоприбывшее войско остановилось какъ бы въ недоумѣніи. Запорожцы, съ своей стороны, не рѣшались итти далѣе. Въ виду самого непріятеля, взяли[2] они оставленныя пушки, часть обоза съ провіантомъ и отступили такъ же страшно, въ такомъ же точно порядкѣ, къ обгорѣвшему монастырю, котораго положеніе чрезвычайно благопріятствовало укрытію. Бульба пировалъ вмѣстѣ съ запорожцами[3] послѣ такой славной битвы; но, когда обсмотрѣлъ и перечелъ рады свои, ихъ оставалось всего только не больше тысячи[4]. Между тѣмъ новыя войска приходили безпрестанно на помощь, и если что̀ спасло его отъ непріятельскаго нападенія[5], такъ это глубокая догадка французскаго инженера, заставлявшаго опасаться скрытаго множества запорожцевъ.

Между тѣмъ Бульба узналъ, что запорожскіе плѣнники отправлены съ конвоемъ по варшавской дорогѣ. Въ головѣ его тотчасъ родилась мысль перехватить ихъ. Объявивши объ этомъ войску[6], онъ началъ тайно готовиться къ отступленію. Цѣлый день козаки мазали дегтемъ свои телѣги, чтобы не скрыпѣли; большую половину пушекъ закопали въ землю, чтобъ онѣ не могли достаться непріятелю, и продолжали безпрестанную перестрѣлку изъ мушкетовъ[7]. Часть запорожцевъ скинула съ себя верхнюю одежду; изъ нея подѣлали чучелъ и разставили на стѣнахъ монастырскихъ, вездѣ, гдѣ была стража. За монастыремъ они нашли дорогу, о которой, по всѣмъ вѣроятностямъ, ничего не знали непріятели. Она продиралась между двумя рытвинами и была совершенно завалена[8] изрубленнымъ лѣсомъ и пепломъ. Пользуясь глубокимъ мракомъ ночи, они тронулись, потянулисъ гужомъ со всѣмъ обозомъ, продирались около пяти верстъ и наконецъ пробрались на чистое поле, гдѣ совершенно уже не было видно непріятеля. Запорожцы пріударили коней и понеслись. Еще полчаса времени — и они бы, вѣрно, встрѣтили своихъ закованныхъ земляковъ, они бы имѣли еще достаточное время броситься на проселочную дорогу и, благодаря быстротѣ та-

тарскихъ коней, можетъ быть, Сѣчь увидѣла бы вновь своихъ главныхъ защитниковъ.

Но, какъ нарочно, польскія войска вздумали сдѣлать нападеніе на монастырь. Дальновидный инженеръ[1] искусно зажегъ лѣсъ, къ нему примыкавшій, увѣряя, что всѣ будутъ имѣть славное жаркое изъ козачьей дичи. Но глубокая тишина изумила ихъ. Изумленіе еще болѣе увеличилось, когда они увидѣли, вмѣсто замѣченныхъ ими издали запорожцевъ[2], одни чучела. По всѣмъ признакамъ они видѣли[3], что запорожцевъ было небольшое число. Это увеличило ихъ досаду, и начальствовавшій войсками, человѣкъ запальчивый, въ ту же минуту отдалъ приказъ устремиться на преслѣдованіе.

Если бы Бульба не выбрался такъ громоздко, то онъ могъ бы быть до сихъ поръ гораздо далѣе и тѣмъ, можетъ быть, ускользнуть отъ преслѣдованія. Но онъ пожалѣлъ оставить нѣсколько пушекъ, а чрезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ подымавшуюся пыль отъ многочисленнаго, съ двухъ сторонъ шедшаго войска. „Вишь, чортъ побери! ляхи пронюхали“[4], сказалъ онъ, выпустивъ изо рта люльку, которую уже началъ было курить съ величайшимъ спокойствіемъ.

Видя невозможность дальнѣйшаго отступленія отъ такого множества, онъ, съ обыкновеннымъ своимъ хладнокровіемъ, далъ повелѣніе сдвинуть обозъ въ кучу и окружить его нѣсколькими рядами запорожцевъ[5]. Этотъ маневръ считался совершенствомъ козацкой тактики[6] и возбуждалъ всегда удивленіе даже въ самыхъ глубокихъ теоретикахъ тогдашняго военнаго искусства. Его цѣль состояла въ томъ, чтобы скрыть тылъ. Тутъ козаки никогда не были побѣждаемы: окружая обозъ непроломною стѣною, они со всѣхъ сторонъ были обращены лицомъ къ непріятелю. Пушки доставили имъ большую выгоду, не допуская ихъ къ близкой схваткѣ и не утомляя черезъ это ихъ рядовъ, тѣмъ болѣе, что непріятель, желая скорѣе настигнуть, отправился налегкѣ. Войска польскія, всегда отличавшіяся нетерпѣливостію, уже готовы были бросить, если бы одна оплошность со стороны запорожцевъ не облегчила ихъ[7].

Въ это время Остапъ, выстрѣлявшій на своей сторонѣ всѣ пушечные заряды, увлекаемый пылкостію и негодуя на бездѣйственное положеніе, отдѣлился немного подалѣе отъ обоза, вступилъ въ мелкую перестрѣлку, а потомъ и въ рукопаш-

ную[1] битву. Его свирѣпое мужество разсѣяло часть рядовъ непріятельскихъ, но скоро онъ былъ схваченъ стиснувшимъ его множествомъ, и старый Тарасъ видѣлъ собственными глазами, какъ онъ поднятъ нѣсколькими руками, связанъ толстыми веревками[2] и уведенъ въ толпу. Желаніе подать помощь и освободить любимаго сына заставило его позабыть важность своего поста. Онъ отдѣлился вмѣстѣ съ большею частію запорожцевъ отъ обоза и ударилъ въ средину непріятеля, гдѣ полагалъ находившимся Остапа[3]. Запорожцы совершенно затерялись въ толпѣ, раздѣленные толпою. Каждый долженъ былъ дѣйствовать отдѣльно, и нужно было видѣть, какъ каждый изъ нихъ ворочался, какъ молнія, на всѣ стороны, дѣйствуя и саблею, и ружейнымъ прикладомъ, и нагайкою, и кіемъ. Каждый видѣлъ передъ собою смерть и старался только подороже продать свою жизнь. Бульба, какъ гигантъ какой-нибудь, отличался въ общемъ хаосѣ. Свирѣпо наносилъ онъ свои крѣпкіе удары, воспламеняясь болѣе и болѣе отъ сыпавшихся[4] на него. Онъ сопровождалъ все это дикимъ и страшнымъ крикомъ, и голосъ его[5], какъ отдаленное ржаніе жеребца, переносили звонкія поля. Наконецъ, сабельные удары посыпались на него кучею; онъ грянулся лишенный чувствъ. Толпа стиснула и смяла, кони[6] растоптали его, покрытаго прахомъ. Ни одинъ изъ запорожцевъ не остался въ живыхъ: всѣ полегли на мѣстѣ. И ни одинъ живой трофей не былъ свидѣтелемъ побѣды[7], одержанной польскими войсками.

VII.

„Долго же я спалъ!“ говорилъ Бульба, осматривая углы избенки[8], въ которой онъ лежалъ, весь израненный[9] и избитый. „Спалъ ли я это, или на яву видѣлъ?“

„Да, чуть было ты навѣки не заснулъ!“ отвѣчалъ сидѣвшій возлѣ него Товкачъ, лицо котораго одну минуту только блеснуло живостью и опять погрузилось[10] въ обыкновенное свое хладнокровіе.

„Добрая была сѣча! Какъ же это я спасся? Вѣдь, кажется, я совсѣмъ былъ подъ сабельными ударами, и что было далѣе, я уже ничего не помню...“[11]

„Объ томъ нечего толковать, какъ спасся; хорошо, что спасся“.

Товкачъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые дѣлаютъ дѣла молча и никогда не говорятъ о нихъ.

На блѣдномъ и перевязанномъ лицѣ[1] Бульбы видно было усиліе припомнить обстоятельства. „А что же сынъ мой?... Что Остапъ? И онъ легъ также вмѣстѣ съ другими и заслужилъ честную могилу?“

Товкачъ молчалъ.

„Что жъ ты не говоришь? Постой! помню, помню: я видѣлъ, какъ скрутили назадъ ему руки и взяли въ полонъ[2] нечестивые католики... И я не высвободилъ тебя, сынъ мой, Остапъ мой! Измѣнила, наконецъ, сила!“[3]

Морщины сжались на лбу его, и раздумье крѣпко осѣнило лицо, покрытое рубцами.

„Молчи, панъ Тарасъ. Чему быть, тому быть. Молчи да крѣпись: еще намъ больше ста верстъ нужно проѣхать“.

„Зачѣмъ?“

„Затѣмъ, что тебя теперь ищетъ всякая дрянь. Знаешь ли ты, что за твою голову, если кто принесетъ ее, тому дадутъ 2000 червонцевъ?“

Но Тарасъ не слышалъ рѣчей Товкача. „Сынъ мой, Остапъ мой!“ говорилъ онъ: „я не высвободилъ тебя!“

И приливъ тоски повергнулъ его въ безпамятство. Товкачъ оставался цѣлый день въ избѣ[4]; но съ наступленіемъ ночи онъ увезъ безчувственнаго Тараса. Увернувъ его въ воловую кожу, уложилъ въ ящикъ на подобіе койки, укрѣпилъ поперекъ сѣдла[5] и пустился во всю прыть на татарскомъ бѣгунѣ. Пустынные овраги и непроходимыя мѣста видѣли его, летѣвшаго съ тяжелою своею ношею. Товкачъ боялся встрѣчъ[6] и преслѣдованій, и хотя уже онъ былъ на степи, которой хозяевами болѣе другихъ могли считаться запорожцы, но тогдашнія границы были такъ неопредѣленны, что каждый могъ прогуляться на нехранимой землѣ, какъ на своей собственности. Онъ не хотѣлъ везти Тараса въ его хуторъ, почитая тамъ его менѣе[7] въ безопасности, нежели на Запорожьи, куда онъ теперь держалъ путь свой. Притомъ[8] онъ былъ увѣренъ, что встрѣча съ прежними товарищами, пирушки и новыя битвы оживятъ его скорѣе и развлекутъ его.

Онъ, дѣйствительно, не обманулся. Желѣзная сила Тараса взяла верхъ[1], не смотря на то, что ему было шестьдесятъ лѣтъ; черезъ двѣ недѣли онъ уже поднялся на ноги. Но ничто не могло развлечь его. Повидимому, самыя пиршества запорожцевъ казались ему чѣмъ-то ѣдкимъ. Съ нимъ неразлучно было то время, которому еще и двухъ мѣсяцевъ не прошло, — то время, когда онъ гулялъ съ своими сыновьями, еще крѣпкими, свѣжими, исполненными силъ, — и на этомъ, дотолѣ ничѣмъ не колеблемомъ лицѣ, прорывалась раздирающая горесть, и онъ тихо, понуривъ голову, говорилъ: „Сынъ мой! Остапъ мой!“[2]

Запорожцы собирались на морскую экспедицію. Двѣсти челновъ спущены были въ Днѣпръ, и Малая Азія видѣла ихъ, съ бритыми[3] головами и длинными чубами, предававшими мечу и огню цвѣтущіе берега ея; видѣла чалмы своихъ магометанскихъ обитателей раскиданными, подобно ея безчисленнымъ цвѣтамъ, на смоченныхъ кровію поляхъ и плававшими у береговъ; она видѣла не мало запачканныхъ дегтемъ запорожскихъ шароваръ, мускулистыхъ рукъ съ черными нагайками[4]. Запорожцы переѣли и переломали весь виноградъ; въ мечетяхъ оставили цѣлыя кучи навозу; персидскія дорогія шали употребляли вмѣсто очкуровъ и опоясывали ими запачканныя свои свитки. Долго еще послѣ находили въ тѣхъ мѣстахъ запорожскія коротенькія люльки. Они весело плыли назадъ; за ними гнался десяти-пушечный турецкій корабль и залпомъ изъ всѣхъ орудій своихъ разогналъ, какъ птицъ, утлые ихъ челны. Третья часть ихъ потонула въ морскихъ глубинахъ[5]; но остальные снова собрались вмѣстѣ и весело[6] прибыли къ устью Днѣпра съ двѣнадцатью боченками, набитыми цехинами. Но все это уже не занимало Тараса. Неподвижный сидѣлъ онъ на берегу, шевеля губами и произнося: „Остапъ мой, Остапъ мой!“ Передъ нимъ сверкало и разстилалось Черное море; въ дальнемъ тростникѣ кричала чайка; бѣлый усъ его серебрился, и слеза капала одна за другою[7].

*

Когда жидъ Янкель, — который въ то время очутился въ городѣ Уманѣ и занимался какими-то подрядами и сношеніями съ тамошними арендаторами, — когда жидъ Янкель молился, накрывшись своимъ довольно запачканнымъ савапомъ[8], и оборотился, чтобы въ послѣдній разъ плюнуть, по обычаю своей

вѣры, какъ вдругъ глаза его встрѣтили стоявшаго назади[1] Бульбу. Жиду прежде всего бросились въ глаза 2000 червонныхъ, которые были обѣщаны за его голову; но онъ тутъ же устыдился своей корысти и силился подавить въ себѣ эту вѣчную мысль[2] о золотѣ, которая, какъ червь, обвиваетъ душу жида.

„Слушай, Янкель!“ сказалъ Тарасъ жиду, который началъ передъ нимъ кланяться и заперъ осторожно дверь, чтобы ихъ не видѣли[3]. „Я спасъ твою жизнь, теперь ты сдѣлай мнѣ услугу!“

Лицо жида нѣсколько поморщилось. „Какую услугу? Если такая услуга, что можно сдѣлать, то для чего не сдѣлать?“

„Не говори ничего. Вези меня въ Варшаву!“

„Въ Варшаву? какъ, въ Варшаву?“ сказалъ Янкель. Брови[4] и плечи его поднялись вверхъ отъ изумленія.

„Не говори мнѣ ничего. Вези меня въ Варшаву! Чтò бы ни было, а я хочу еще разъ увидѣть его, сказать ему хоть одно слово“.

„Какъ можно такое говорить?“ говорилъ жидъ, разставивъ пальцы обѣихъ рукъ своихъ: „развѣ панъ не слышалъ, что уже...“

„Знаю, знаю все: за мою голову даютъ 2000 червонныхъ. Знаютъ же они, дурни, цѣну ей! Я тебѣ двѣнадцать дамъ. Вотъ тебѣ 2000 сейчасъ!“ (при этомъ Бульба высыпалъ изъ кожанаго гамана 2000 червонныхъ[5]) „а остальные, какъ ворочусь“[6].

Жидъ тотчасъ схватилъ полотенце и накрылъ имъ червонцы. „Славная монета!“ сказалъ онъ, вертя одинъ изъ нихъ въ своихъ пальцахъ и пробуя на зубахъ.

„Я бы не просилъ тебя, я бы самъ, можетъ быть, нашелъ дорогу въ Варшаву; но меня могутъ какъ-нибудь узнать и захватить проклятые ляхи, ибо я не горраздъ на выдумки. А вы, жиды, на то уже и созданы; вы хоть чорта проведете; вы знаете всѣ штуки. Вотъ для чего я пришелъ къ тебѣ! Да и въ Варшавѣ я бы самъ собою ничего не получилъ. Сейчасъ запрягай возъ и вези меня!“

„А какъ же, вы думаете, мнѣ спрятать пана?“

„Да ужъ вы, жиды, знаете, какъ: въ порожнюю бочку, или тамъ во что-нибудь другое“.

„Какъ можно въ бочку! Всякъ подумаетъ, что горѣлка!“

„Ну что жъ! То и хорошо“.

„Какъ хорошо? Ахъ, Боже мой! какъ можно эдакое говорить! Развѣ панъ не знаетъ, что Богъ на то создалъ горѣлку, чтобы ее всякій пробовалъ?[1] Тамъ все такіе ласуны, что Боже упаси! А особливо военный народъ: будетъ бѣжать верстъ пять за бочкою, продолбитъ[2] какъ разъ дырочку, тотчасъ увидитъ, что не течетъ, и скажетъ: „жидъ не повезетъ порожней бочки[3]; вѣрно, тутъ есть что-нибудь“.

„Ну, такъ положи меня въ возъ съ рыбою“.

„Охъ, вей миръ! не можно; ей Богу, не можно! Тамъ вездѣ по дорогѣ люди голодные[4], какъ собаки; раскрадутъ, какъ ни береги, и пана нащупаютъ“[5].

„Такъ вези меня хоть на чортѣ, только вези!“

„Стойте, стойте! Теперь возятъ по дорогамъ много кирпичу. Тамъ строятъ какія-то крѣпости. Панъ пусть ляжетъ на днѣ воза, а верхъ я закладу кирпичомъ. Панъ здоровый и крѣпкій съ виду и потому ему ничего, что будетъ тяжеленько; а я сдѣлаю въ возу снизу дырочку, чтобы кормить пана.“

„Дѣлай, какъ хочешь, только вези!“[6]

И черезъ часъ возъ съ кирпичомъ выѣхалъ изъ Умани, запряженный въ двѣ клячи. На одной изъ нихъ сидѣлъ высокій Янкель, и длинные, курчавые пейсики его развѣвались изъ-подъ яломка, по мѣрѣ того, какъ онъ подпрыгивалъ[7] на лошади.

VIII.

Въ то время, когда происходило описываемое событіе, на пограничныхъ мѣстахъ не было еще никакихъ таможенныхъ чиновниковъ и объѣздчиковъ, этой страшной грозы предпріимчивыхъ людей, и потому[8] всякій могъ везти, что ему вздумалось. Если же кто и производилъ обыскъ и ревизовку, то дѣлалъ это большею частію для своего собственнаго удовольствія, особливо, если на возу находились заманчивые для глазъ предметы и если его собственная рука имѣла порядочный вѣсъ и тяжесть. Но кирпичъ не находилъ охотниковъ и въѣхалъ безпрепятственно[9] въ главныя городскія ворота.

Бульба, въ своей тѣсной клѣткѣ, могъ только слышать шумъ,

крики возницъ, и больше ничего. Янкель, подпрыгивая[1] на своемъ коренномъ[2], запачканномъ пылью рысакѣ, поворотилъ, сдѣлавши нѣсколько круговъ, въ темную узенькую улицу, носившую названіе Грязной и вмѣстѣ Жидовской, потому что здѣсь дѣйствительно находились жиды почти со всей Варшавы. Эта улица чрезвычайно походила на вывороченную внутренность задняго двора. Солнце, казалось, не заходило сюда вовсе[3]. Совершенно почернѣвшіе деревянные домы со множествомъ[4] протянутыхъ изъ окошекъ[5] жердей увеличивали еще болѣе мракъ. Изрѣдка краснѣла между ними кирпичная стѣна, но и та уже во многихъ мѣстахъ превращалась совершенно въ черную. Иногда только вверху оштукатуренный[6] кусокъ стѣны, обхваченный солнцемъ[7], блисталъ нестерпимою для глазъ бѣлизною. Тутъ все состояло изъ сильныхъ рѣзкостей: трубы, тряпки, шелуха, выброшенные разбитые чаны. Всякій, что̀ было только у него негоднаго, швырялъ на улицу, доставляя прохожимъ возможныя удобства питать всѣ чувства свои этою дрянью[8]. Сидящій на конѣ всадникъ чуть-чуть не доставалъ рукою жердей, протянутыхъ черезъ улицу изъ одного дома въ другой, на которыхъ висѣли жидовскіе чулки, коротенькіе панталонцы и копченый гусь. Иногда довольно смазливенькое личико еврейки, убранное потемнѣвшими бусами[9], выглядывало изъ ветхаго окошка. Куча жиденковъ, запачканныхъ, оборванныхъ, съ курчавыми волосами, кричала и валялась въ грязи. Рыжій жидъ съ веснушками по всему лицу, дѣлавшими его похожимъ на воробьиное яйцо, выглянулъ[10] изъ окна, тотчасъ заговорилъ съ Янкелемъ на своемъ тарабарскомъ нарѣчіи, и Янкель тотчасъ въѣхалъ въ одинъ дворъ. По[11] улицѣ шелъ другой жидъ, остановился, вступилъ тоже въ разговоръ, и когда Бульба выкарабкался, наконецъ, изъ-подъ кирпича, онъ увидѣлъ трехъ жидовъ, говорившихъ съ большимъ жаромъ.

Янкель обратился къ нему и сказалъ, что все будетъ сдѣлано, что его Остапъ сидитъ въ городской темницѣ, и что[12] хотя трудно уговорить стражей, но, однакожъ, онъ надѣется доставить ему свиданіе.

Бульба[13] вошелъ вмѣстѣ съ тремя жидами въ комнату.

Жиды начали опять говорить между собою на своемъ непонятномъ языкѣ. Тарасъ поглядывалъ на каждаго изъ нихъ. Что-то[14], казалось, сильно потрясло его. На грубомъ и равно-

душномъ лицѣ его вспыхнуло какое-то сокрушительное пламя надежды, надежды той, которая посѣщаетъ иногда человѣка въ послѣднемъ градусѣ отчаянія. Старое сердце его начало сильно биться, какъ будто у юноши.

„Слушайте, жиды!“ сказалъ онъ, и въ словахъ его было что-то восторженное. „Вы все на свѣтѣ можете сдѣлать, выкопаете хоть изъ дна морскаго[1], и пословица давно уже говоритъ, что жидъ самого себя украдетъ[2], когда только захочетъ украсть. Освободите мнѣ моего Остапа! Дайте случай убѣжать ему отъ дьявольскихъ рукъ! Вотъ я этому человѣку обѣщалъ двѣнадцать тысячъ червонныхъ — я прибавлю еще двѣнадцать. Всѣ, какіе у меня есть, дорогіе кубки и закопанное въ землѣ золото, хату[3] и послѣднюю одежду продамъ и заключу съ вами контрактъ на всю жизнь, съ тѣмъ, чтобы все, что̀ ни добуду на войнѣ, дѣлить съ вами пополамъ!“

„О, не можно, любезный панъ! не можно!“ сказалъ со вздохомъ Янкель.

„Нѣтъ, не можно!“ сказалъ другой жидъ.

Всѣ три жида взглянули одинъ на другаго.

„А попробовать“, сказалъ третій, боязливо поглядывая на двухъ другихъ[4]. „Можетъ быть, Богъ дастъ“.

Всѣ три жида заговорили по-нѣмецки. Бульба, какъ ни наострялъ свой слухъ, ничего не могъ отгадать. Онъ слышалъ только часто произносимое слово „Марходай“, и больше ничего.

„Слушай, панъ!“ сказалъ Янкель: „нужно посовѣтоваться съ такимъ человѣкомъ, какого еще никогда не было на свѣтѣ. У, у! то такой мудрый, какъ Соломонъ, и когда онъ ничего не сдѣлаетъ, то уже никто на свѣтѣ не сдѣлаетъ. Сиди тутъ; вотъ ключъ и не впускай никого“. Жиды вышли на улицу.

Тарасъ заперъ дверь и смотрѣлъ въ маленькое окошечко на этотъ грязный жидовскій проспектъ. Три жида остановились по срединѣ улицы и стали говорить довольно азартно. Къ нимъ присоединился скоро четвертый, наконецъ и пятый. Онъ слышалъ опять повторяемое[5]: „Мардохай, Мардохай“. Жиды безпрестанно посматривали въ одну сторону улицы. Наконецъ, въ концѣ ея, изъ-за одного дряннаго дома показалась нога въ жидовскомъ башмакѣ, и замелькали фалды полукафтанья. „А, Мардохай! Мардохай!“ закричали всѣ жиды въ одинъ голосъ.

Тощій жидъ, нѣсколько короче Янкеля, но гораздо болѣе покрытый морщинами, съ преогромною верхнею губою, приблизился къ нетерпѣливой толпѣ, и всѣ жиды наперерывъ спѣшили разсказать[1] ему, при чемъ Мардохай нѣсколько разъ поглядывалъ[2] на маленькое окошечко, и Тарасъ догадывался, что рѣчь шла о немъ. Мардохай размахивалъ руками, слушалъ, перебивалъ рѣчь, часто плевалъ на сторону и, подымая фалды полукафтанья, засовывалъ въ карманъ руку и вынималъ какія-то побрякушки, при чемъ показывалъ прескверные свои панталоны. Наконецъ, всѣ жиды подняли такой крикъ, что жидъ, стоявшій на сторожѣ, долженъ былъ давать знакъ къ молчанію[3], и Тарасъ уже началъ опасаться за свою безопасность; но, вспомнивши, что жиды не могутъ иначе разсуждать, какъ на улицѣ, и что ихъ языка самъ демонъ не пойметъ, онъ успокоился.

Минуты двѣ спустя, жиды вмѣстѣ вошли въ его комнату[4]. Мардохай приблизился къ Тарасу, потрепалъ его по плечу и сказалъ: „Когда мы да Богъ захочетъ сдѣлать, то уже будетъ такъ, какъ нужно“[5].

Тарасъ поглядѣлъ на этого Соломона, какого еще не было на свѣтѣ, и получилъ нѣкоторую надежду. Дѣйствительно, видъ его могъ внушить нѣкоторое довѣріе: верхняя губа у него была, просто, страшилище. Толщина ея, безъ сомнѣнія[6], увеличилась отъ постороннихъ причинъ. Въ бородѣ у этого Соломона было только пятнадцать волосковъ, и то на лѣвой сторонѣ. На лицѣ у Соломона было столько знаковъ побоевъ, полученныхъ за удальство, что онъ, безъ сомнѣнія, давно потерялъ счетъ имъ и привыкъ ихъ считать за родимыя пятна.

Мардохай ушелъ вмѣстѣ съ товарищами[7], исполненными удивленія къ его мудрости. Бульба остался одинъ. Онъ былъ въ странномъ, небываломъ положеніи: онъ чувствовалъ въ первый разъ въ жизни безпокойство; душа его была въ лихорадочномъ состояніи[8]. Онъ не былъ тотъ прежній, непреклонный, неколебимый, крѣпкій, какъ дубъ: онъ былъ малодушенъ; онъ былъ теперь слабъ. Онъ вздрагивалъ при каждомъ шорохѣ, при каждой новой жидовской фигурѣ, показывавшейся въ концѣ улицы. Въ такомъ состояніи пробылъ онъ, наконецъ, весь день; не ѣлъ, не пилъ, и глаза его не отрывались ни на часъ отъ небольшаго окошка на улицу. Наконецъ, уже вве-

черу поздно[1] показался Мардохай и Янкель[2]. Сердце Тараса замерло.

„Чтò? удачно?“ спросилъ онъ ихъ съ нетерпѣніемъ дикаго коня.

Но прежде еще, нежели жиды собрались съ духомъ отвѣчать, Тарасъ замѣтилъ, что у Мардохая уже не было послѣдняго локона[3], который, хотя довольно неопрятно, но все же вился[4] кольцами изъ-подъ яломка его. Замѣтно было, что онъ хотѣлъ что-то сказать, но наговорилъ такую дрянь, что Тарасъ ничего не понялъ. Да и самъ Янкель прикладывалъ[5] очень часто руку ко рту, какъ будто бы страдалъ простудою.

„О, любезный панъ!“[6] сказалъ Янкель: „теперь совсѣмъ не можно! ей Богу, не можно! Такой нехорошій народъ, что ему надо на самую голову наплевать. Вотъ и Мардохай скажетъ. Мардохай дѣлалъ такое, какого еще не дѣлалъ ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ; но Богъ не захотѣлъ, чтобы такъ было. Три тысячи войска стоятъ, и завтра ихъ всѣхъ будутъ казнить“.

Тарасъ глянулъ[7] въ глаза жидамъ, но уже безъ нетерпѣнія и гнѣва[8].

„А если панъ хочетъ видѣться, то завтра нужно рано, такъ чтобы еще и солнце не всходило. Часовые соглашаются и одинъ левентаръ[9] обѣщался. Только пусть имъ не будетъ на томъ свѣтѣ счастья[10]! Ой, вей миръ, что это за корыстный народъ! и между нами такихъ нѣтъ. 50 червонцевъ я далъ каждому, а левентару...“[11]

„Хорошо[12]. Веди меня къ нему!“ произнесъ Тарасъ рѣшительно, и вся твердость возвратилась въ его душу. Онъ согласился на предложеніе Янкеля переодѣться иностраннымъ графомъ, пріѣхавшимъ изъ нѣмецкой земли, для чего платье уже успѣлъ припасти дальновидный жидъ[13].

Была уже ночь. Хозяинъ дома, извѣстный рыжій жидъ съ веснушками, вытащилъ тощій тюфякъ, накрытый какою-то рогожею, и разостлалъ его на лавкѣ[14], для Бульбы. Янкель легъ на полу, на такомъ же тюфякѣ. Рыжій жидъ выпилъ небольшую чарочку какой-то настойки, скинулъ полукафтанье и, сдѣлавшись въ своихъ чулкахъ и башмакахъ нѣсколько похожимъ на цыпленка, отправился[15] съ своею жидовкой во что-то похожее на шкафъ. Двое жиденковъ[16], какъ двѣ домашнія собачки, легли на полу возлѣ шкафа.

Но Тарасъ не спалъ. Онъ сидѣлъ неподвиженъ[1] и слегка барабанилъ пальцами по столу. Онъ держалъ во рту люльку и пускалъ дымъ, отъ котораго жидъ съ просонья чихалъ и заворачивалъ въ одѣяло свой носъ[2]. Едва небо успѣло тронуться блѣднымъ предвѣстіемъ зари, онъ уже толкнулъ ногою Янкеля. „Вставай, жидъ, и давай твою графскую одежду!“

Въ минуту одѣлся онъ; вычернилъ усы, брови, надѣлъ на темя маленькую темную шапочку — и никто бы изъ самыхъ близкихъ[3] къ нему козаковъ не могъ узнать его. По виду ему казалось не болѣе тридцати пяти лѣтъ. Здоровый румянецъ игралъ на его щекахъ, и самые рубцы[4] придавали ему что-то повелительное. Одежда, убранная золотомъ, очень шла къ нему.

Улицы еще спали. Ни одно меркантильное существо еще не показывалось въ городѣ съ коробкою въ рукахъ. Бульба и Янкель пришли къ строенію, имѣвшему видъ сидящей цапли: оно было низкое, широкое, огромное, почернѣвшее[5], и съ одной стороны его выкидывалась, какъ шея аиста, длинная, узкая башня, на верху которой торчалъ кусокъ крыши. Это строеніе отправляло множество разныхъ должностей. Тутъ были и казармы, и тюрьма, и даже уголовный судъ. Наши путники вошли въ ворота и очутились среди пространной залы[6], или крытаго двора. Около тысячи человѣкъ спали вмѣстѣ. Прямо шла низенькая дверь, передъ которой сидѣвшіе двое часовыхъ играли въ какую-то игру, состоявшую въ томъ, что одинъ другаго билъ двумя пальцами по ладони. Они мало обратили вниманія на пришедшихъ и поворотили головы только тогда, когда Янкель сказалъ: „Это мы... Слышите, паны, это мы!“

„Ступайте!“ говорилъ одинъ изъ нихъ, отворяя одною рукою дверь, а другую подставляя своему товарищу для принятія отъ него ударовъ.

Они вступили въ коридоръ узкій и темный, который опять привелъ ихъ въ такую же залу, съ маленькими окошками вверху.

„Кто идетъ?“ закричало нѣсколько голосовъ, и Тарасъ увидѣлъ порядочное количество въ полномъ вооруженіи. „Намъ никого не велѣно пускать“.

„Это мы!“ кричалъ Янкель: „ей Богу, мы, ясные паны!“

Но никто не хотѣлъ слушать. Къ счастію, въ это время подошелъ какой-то толстякъ, который, по всѣмъ примѣтамъ, казался начальникомъ[7], потому что ругался сильнѣе всѣхъ.

„Панъ, это жъ мы! Вы уже знаете насъ, и панъ графъ еще будетъ благодарить“.

„Пропустите, сто дьябловъ чортовой маткѣ! И больше никого не пускайте. Да саблей чтобы никто не скидалъ и не собачился на полу...“

Продолженія краснорѣчиваго приказа уже не слышали наши путники.

„Это мы, это я, это свои!“ говорилъ Янкель, встрѣчаясь со всякимъ[1].

„А что̀, можно теперь?“ спросилъ онъ одного изъ стражей, когда они, наконецъ, подошли къ тому мѣсту, гдѣ коридоръ уже оканчивался.

„Можно, только не знаю, пропустятъ ли васъ въ самую тюрьму. Теперь уже нѣтъ Яна[2]: вмѣсто его стоитъ другой“, отвѣчалъ часовой.

„Ай, ай!“ произнесъ тихо жидъ. „Это скверно, любезный панъ!“

„Веди!“ произнесъ упрямо Тарасъ[3]. Жидъ повиновался.

У дверей подземелья, оканчивавшихся кверху остріемъ, стоялъ гайдукъ, съ усами въ три яруса[4]. Верхній ярусъ[5] усовъ шелъ назадъ, другой прямо впередъ, третій внизъ, что̀ дѣлало его очень похожимъ на кота.

Жидъ съежился въ три погибели и почти бокомъ подошелъ къ нему. „Ваша ясновельможность! ясновельможный панъ!“

„Ты, жидъ, это мнѣ говоришь?“

„Вамъ, ясновельможный панъ“.

„Гм... а я просто гайдукъ!“ сказалъ трехъ-ярусный усачъ съ повеселѣвшими глазами[6].

„А я, ей Богу, думалъ, что это[7] самъ воевода. Ай, ай, ай!..“ при этомъ жидъ покрутилъ головою и разставилъ пальцы. „Ай, какой важный видъ! Ей Богу, полковникъ! совсѣмъ полковникъ! Вотъ еще бы только на палецъ прибавить, то и полковникъ! Нужно бы пана посадить на жеребца, такого скораго, какъ муха, да и пусть муштруетъ полки!“

Гайдукъ поправилъ нижній ярусъ усовъ своихъ, при чемъ глаза его совершенно развеселились[8].

„Что за народъ военный!“ продолжалъ жидъ: „охъ, вей миръ, что за народъ хорошій! Шнуречки, бляшечки... такъ отъ нихъ

блеститъ, какъ отъ солнца; а цурки, гдѣ только увидятъ военныхъ... ай, ай!" Жидъ опять покрутилъ головою.

Гайдукъ завилъ рукою верхніе усы и пропустилъ сквозь зубы звукъ, нѣсколько похожій на лошадиное ржаніе[1].

„Прошу пана оказать услугу!" произнесъ жидъ. „Вотъ князь пріѣхалъ изъ чужаго края, хочетъ посмотрѣть на козаковъ. Онъ еще съ роду не видѣлъ, что это за народъ козаки".

Появленіе иностранныхъ графовъ и бароновъ было въ Польшѣ довольно обыкновенно: они часто были завлекаемы единственно любопытствомъ посмотрѣть этотъ почти полуазіатскій уголъ Европы (Московію и Украйну они почитали уже находящимися въ Азіи); и потому гайдукъ, поклонившись довольно низко, почелъ приличнымъ прибавить нѣсколько словъ отъ себя.

„Я не знаю, ваша ясновельможность", говорилъ онъ: „зачѣмъ вамъ хочется смотрѣть ихъ. Это собаки, а не люди. И вѣра у нихъ такая, что никто не уважаетъ"[2].

„Врешь ты, чортовъ сынъ!" сказалъ Бульба. „Самъ ты собака! Какъ ты смѣешь говорить, что нашу вѣру не уважаютъ? Это вашу еретичную вѣру не уважаютъ!"

„Эге, ге!" сказалъ гайдукъ: „а я знаю, пріятель, кто ты: ты самъ изъ тѣхъ, которые уже сидятъ у меня. Постой же, я позову сюда нашихъ".

Тарасъ увидѣлъ свою неосторожность, но упрямство и досада помѣшали ему подумать о томъ, какъ бы исправить ее. Къ счастію, Янкель въ ту же минуту успѣлъ подвернуться[3].

„Ясновельможный панъ! какъ же можно, чтобы графъ да былъ козакъ?[4] А если бы онъ былъ козакъ, то гдѣ бы онъ досталъ такое платье и такой видъ графскій?"

„Разсказывай себѣ!" и гайдукъ уже растворилъ было широкій ротъ свой, чтобы крикнуть[5].

„Ваше королевское величество! молчите! Молчите, ради Бога!" закричалъ Янкель. „Молчите! Мы ужъ вамъ за это заплатимъ такъ, какъ еще никогда и не видѣли: мы дадимъ вамъ два золотыхъ червонца".

„Эге, два червонца! Два червонца мнѣ ни почемъ. Я цирюльнику даю два червонца за то, чтобы мнѣ только половину бороды выбрилъ. Сто червонныхъ[6] давай, жидъ!" Тутъ гайдукъ закрутилъ верхніе усы. „А какъ не дашь ста червонныхъ[7], сейчасъ закричу!"

„И на что бы такъ много?“ горестно сказалъ поблѣднѣвшій жидъ, развязывая кожаный мѣшокъ свой. Но онъ счастливъ былъ, что въ его кошелькѣ не было болѣе и что гайдукъ далѣе ста не умѣлъ считать[1]. „Панъ! панъ! уйдемъ скорѣе! Видите, какой тутъ нехорошій народъ!“ сказалъ Янкель, замѣтивши, что гайдукъ перебиралъ на рукѣ деньги, какъ бы жалѣя о томъ, что не запросилъ болѣе[2].

„Что жъ ты, чортовъ гайдукъ“, сказалъ Бульба: „деньги взялъ, а показать и не думаешь? Нѣтъ, ты долженъ показать. Ужъ когда деньги получилъ, то ты[3] не въ правѣ теперь отказать“.

„Ступайте, ступайте къ дьяволу![4] а не то я сію минуту дамъ знать, и васъ тутъ.... Уносите ноги, говорю я вамъ, скорѣе!“

„Панъ! панъ! пойдемъ! ей Богу, пойдемъ! Цурь имъ! Пусть имъ приснится такое, что плевать нужно!“ кричалъ бѣдный Янкель.

Бульба медленно, потупивъ голову, оборотился и шелъ назадъ, преслѣдуемый укорами Янкеля, котораго ѣла грусть при мысли о даромъ потерянныхъ червонцахъ.

„И на что бы трогать? Пусть бы, собака, бранился! То уже такой народъ, что не можетъ не браниться! Охъ, вей миръ, какое счастіе посылаетъ Богъ людямъ! Сто червонцевъ за то только, что прогналъ насъ! А нашъ братъ: ему и пейсики оборвутъ, и изъ морды сдѣлаютъ такое, что и глядѣть не можно, а никто не дастъ ста червонныхъ. О, Боже мой! Боже милосердый!“

Но неудача эта гораздо болѣе имѣла вліянія на Бульбу. Она выражалась пожирающимъ пламенемъ въ его глазахъ[5].

„Пойдемъ!“ сказалъ онъ вдругъ, какъ бы встряхнувшись: „пойдемъ на площадь! Я хочу посмотрѣть, какъ его будутъ мучить“.

„Ой, панъ, зачѣмъ ходить? Вѣдь намъ этимъ не помочь уже“[6].

„Пойдемъ!“ упрямо сказалъ Бульба[7], и жидъ, какъ нянька, вздыхая, побрелъ вслѣдъ за нимъ.

Площадь, на которой долженствовала[8] производиться казнь, не трудно было отыскать: народъ валилъ туда со всѣхъ сторонъ[9]. Въ тогдашній грубый вѣкъ это составляло одно изъ занимательнѣйшихъ зрѣлищъ не только для черни, но и для

высшихъ классовъ[1]. Множество старухъ самыхъ набожныхъ, множество молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ самыхъ трусливыхъ, которымъ послѣ всю ночь грезились окровавленные трупы, которыя кричали съ просонья такъ громко, какъ только можетъ крикнуть пьяный гусаръ, не пропускали, однакоже, случая полюбопытствовать[2]. „Ахъ, какое мученье!“[3] кричали изъ нихъ многія съ истерическою лихорадкою, закрывая глаза и отворачиваясь; однакожъ простаивали иногда довольное время. Иной, и ротъ разинувъ, и руки вытянувъ, лѣзъ впередъ и желалъ бы[4] вскочить всѣмъ на головы, чтобы оттуда посмотрѣть повиднѣе. Изъ толпы узкихъ, небольшихъ и обыкновенныхъ головъ высовывалъ свое толстое лицо[5] мясникъ, наблюдалъ весь процессъ съ видомъ знатока и разговаривалъ односложными словами съ оружейнымъ мастеромъ, котораго называлъ кумомъ, потому что въ праздничный день напивался съ нимъ въ одномъ шинкѣ. Иные разсуждали съ жаромъ, другіе даже держали пари; но бо̀льшая часть была такихъ, которые на весь міръ и на все, что̀ ни случается въ свѣтѣ, смотрятъ, ковыряя пальцемъ въ своемъ носу.

На переднемъ планѣ, возлѣ самыхъ усачей, составлявшихъ городовую гвардію, стоялъ молодой шляхтичъ, или казавшійся шляхтичемъ, въ военномъ костюмѣ, который надѣлъ на себя рѣшительно все, что у него ни было, такъ что на его квартирѣ оставалась только изодранная рубашка да старые сапоги[6]. Двѣ цѣпочки, одна сверхъ другой, висѣли у него на шеѣ съ какимъ-то дукатомъ. Онъ стоялъ съ коханкою своею, Юзысею, и безпрестанно оглядывался, чтобы кто-нибудь не замаралъ ея шелковаго платья. Онъ ей растолковалъ совершенно все, такъ что уже рѣшительно не можно было ничего прибавить. „Вотъ это, душечка Юзыся“, говорилъ онъ: „весь народъ, что̀ вы видите, пришелъ затѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ казнить преступниковъ. А вотъ тотъ, душечка, что̀ вы видите, держитъ въ рукахъ сѣкиру и другіе инструменты, то палачъ, и онъ будетъ казнить. И какъ начнетъ колесовать и другія дѣлать муки, то преступникъ еще будетъ живъ; а какъ отрубятъ голову, то онъ, душечка, тотчасъ и умретъ. Прежде будетъ кричать и двигаться, но какъ только отрубятъ голову, тогда ему не можно будетъ ни кричать, ни ѣсть[7], ни пить, оттого, что у него, душечка, уже больше

не будетъ головы". И Юзыся все это слушала со страхомъ и любопытствомъ.

Крыши домовъ были усѣяны народомъ. Изъ слуховыхъ оконъ выглядывали престранныя рожи въ усахъ и въ чемъ-то похожемъ на чепчики. На балконахъ, подъ балдахинами, сидѣло аристократство. Хорошенькая ручка смѣющейся, блистающей, какъ бѣлый сахаръ, панны держалась за перилы[1]. Ясновельможные паны, довольно плотные, глядѣли съ важнымъ видомъ. Холопъ, въ блестящемъ убранствѣ, съ откидными назадъ рукавами, разносилъ тутъ же разные напитки и съѣстное. Часто шалунья съ черными глазами, схвативши снѣжною[2] ручкою своею пирожное и плоды, кидала въ народъ. Толпа голодныхъ рыцарей подставляла на подхватъ свои шапки, и какой-нибудь высокій шляхтичъ, высунувшійся изъ толпы своею головою, въ полинялом красномъ кунтушѣ, съ почернѣвшими золотыми шнурками, хваталъ первый, съ помощію длинныхъ рукъ, цѣловалъ полученную добычу[3], прижималъ ее къ сердцу и потомъ клалъ въ ротъ. Соколъ, висѣвшій въ золотой клѣткѣ подъ балкономъ, былъ также зрителемъ: перегнувши на бокъ носъ и поднявши лапу, онъ, съ своей стороны, разсматривалъ также внимательно народъ.

Но толпа вдругъ зашумѣла, и со всѣхъ сторонъ раздались голоса: „Ведутъ! ведутъ!... Козаки!"

Они шли съ открытыми головами, съ длинными чубами. Бороды у нихъ были отпущены[4]; они шли ни боязливо, ни угрюмо, но съ какою-то тихою горделивостію; ихъ платья, изъ дорогаго сукна, износились и болтались на нихъ ветхими лоскутьями; они не глядѣли и не кланялись народу. Впереди всѣхъ шелъ Остапъ.

Чтò почувствовалъ старый Тарасъ, когда увидѣлъ своего Остапа? Чтò было тогда въ его сердцѣ? Онъ глядѣлъ въ него изъ толпы[5] и не проронилъ ни одного движенія его. Они приблизились уже[6] къ лобному мѣсту. Остапъ остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу[7]. Онъ глянулъ на своихъ, поднялъ руки[8] вверхъ и произнесъ громко: „Дай же, Боже, чтобы всѣ, какіе тутъ ни стоятъ еретики[9], не услышали, нечестивые, какъ мучится христіанинъ! Чтобы ни одинъ изъ насъ не промолвилъ ни одного слова!" Послѣ этого онъ приблизился къ эшафоту.

„Добре, сынку, добре!“ сказалъ тихо Бульба и уставилъ въ землю свою сѣдую голову.

Палачъ сдернулъ съ него ветхія лохмотья; ему увязали руки и ноги въ нарочно сдѣланные станки и... Я не стану смущать читателей картиною адскихъ мукъ[1], отъ которыхъ дыбомъ поднялись бы ихъ волоса. Онѣ были порожденіе тогдашняго грубаго, свирѣпаго вѣка, когда человѣкъ велъ еще кровавую жизнь однихъ воинскихъ подвиговъ и закалился въ ней душою до такой степени, что сдѣлался глухъ для человѣколюбія. Должно, однакожъ, сказать, что король всегда почти являлся первымъ противникомъ этихъ ужасныхъ мѣръ. Онъ очень хорошо видѣлъ, что подобная жестокость наказаній можетъ только разжечь мщеніе козачьей націи[2]. Но король не могъ сдѣлать ничего противъ дерзкой воли государственныхъ магнатовъ, которые непостижимою недальновидностью[3], дѣтскимъ самолюбіемъ, гордостью и неосновательностью, превратили сеймъ въ сатиру на правленіе[4].

Остапъ выносилъ терзанія, какъ исполинъ, съ невообразимою твердостью, и когда начали перебивать ему на рукахъ и ногахъ кости, такъ что ужасный хряскъ ихъ слышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои,— ничто, похожее на стонъ[5], не вырвалось изъ устъ его; лицо его не дрогнуло[6].

Тарасъ стоялъ въ толпѣ съ потупленною головою и съ поднятыми, однакожъ, глазами и одобрительно только говорилъ: „Добре, сынку, добре!“

Наконецъ, сила его, казалось, начала подаваться. Когда онъ увидѣлъ новыя адскія орудія казни, которыми готовились вытягивать изъ него жилы, губы его начали шевелиться. „Батько!“ произнесъ онъ все еще твердымъ голосомъ, показывавшимъ желаніе пересилить муки: „батько! гдѣ ты? слышишь ли ты?“

„Слышу!“ раздалось среди всеобщей тишины, и весь милліонъ народа въ одно время вздрогнулъ. Часть военныхъ всадниковъ бросилась заботливо разсматривать толпы народа. Янкель поблѣднѣлъ, какъ смерть, и когда они немного отдалились отъ него, онъ со страхомъ оборотился назадъ; но Тараса уже возлѣ него не было: его и слѣдъ простылъ[7].

IX.

Слѣдъ Тарасовъ отыскался: тридцать тысячъ козацкаго войска показалось на границахъ Украйны. Это уже не былъ какой-нибудь отрядъ, выступавшій для добычи или своей отдѣльной цѣли: это было[1] дѣло общее. Это цѣлая нація, которой терпѣніе уже переполнилось, поднялась мстить за оскорбленныя права свои, за униженную[2] религію свою и обычай, за вѣроломныя убійства гетмановъ своихъ и полковниковъ, за насилія[3] жидовскихъ арендаторовъ и за все, въ чемъ считалъ[4] себя оскорбленнымъ угнетенный народъ.

Верховнымъ начальникомъ войска былъ гетманъ Остраница, еще молодой, кипѣвшій желаніемъ скорѣе сбросить утѣснительный деспотизмъ, наложенный самоуправіемъ государственныхъ магнатовъ, и очистить Украйну отъ жидовства, уніи и посторонняго сброда[5]. Возлѣ него былъ виденъ престарѣлый и опытный товарищъ и совѣтникъ его Гуня[6]. Сорокъ тысячъ лошадей нетерпѣливо ржали подъ сѣдоками и безъ сѣдоковъ. Восемь полковъ, изъ которыхъ половина конныхъ и половина пѣшихъ, въ суконныхъ алыхъ, синихъ и желтыхъ кафтанахъ, выступали браво и горделиво[7]. Восемь опытныхъ полковниковъ правили ими и хладнокровнымъ движеніемъ бровей своихъ ускоряли или останавливали нетерпѣливый походъ ихъ.

Однимъ изъ нихъ начальствовалъ Бульба[8]. Преклонныя лѣта, слава и опытность давали ему значительный перевѣсъ въ совѣтѣ; но неумолимая и свирѣпая жестокость его казалась ужасною[9] даже для глубоко оскорбленныхъ защитниковъ. Его совѣтъ дышалъ только однимъ истребленіемъ, и сѣдая голова его опредѣляла только огонь и висѣлицу[10].

Не буду[11] описывать тѣхъ битвъ, гдѣ отличились козаки, ни постепеннаго хода всей великой[12] кампаніи: это принадлежитъ исторіи. Тамъ изображено подробно, какъ бѣжали польскіе гарнизоны изъ освобождаемыхъ городовъ, какъ были перевѣшаны[13] безсовѣстные арендаторы-жиды, какъ слабъ былъ коронный гетманъ Николай Потоцкій съ многочисленною своею арміею противъ этой непреодолимой силы, какъ, разбитый, преслѣдуемый, перетопилъ онъ въ небольшой рѣчкѣ лучшую часть своего войска, какъ облегли его въ небольшомъ мѣстечкѣ Полонномъ грозные козацкіе полки, и какъ приведенный въ край-

ность польскій гетманъ клятвенно обѣщалъ полное удовлетвореніе во всемъ козакамъ[1], со стороны короля и государственныхъ чиновъ, и возвращеніе всѣхъ прежнихъ правъ и преимуществъ; но козаки, наученные прежнимъ вѣроломствомъ, были неумолимы, и Потоцкій не красовался бы болѣе на шести-тысячномъ своемъ аргамакѣ, привлекая взоры знатныхъ паннъ и зависть дворянства[2], если бы не спасло его находившееся въ мѣстечкѣ русское духовенство. Торжественная процессія съ образами и крестами и мольбы священника-старца тронули козаковъ, еще чувствовавшихъ узы, привязывавшія ихъ къ королю. Гетманъ и полковники рѣшились отпустить Потоцкаго не прежде, какъ заключивши трактатъ, обезпечившій бы во всемъ козаковъ[3].

Но непреклонный[4] Тарасъ вырвалъ изъ бѣлой головы своей клокъ волосъ, когда увидѣлъ такое, по словамъ его, бабье[5] малодушіе полковниковъ. „Не попущу, полковники, чтобы вы учинили такое дѣло!“ вскричалъ онъ твердо. Но на этотъ разъ совѣтъ его былъ отвергнутъ. „Эй, не вѣрьте, паны, ляхамъ!“ повторилъ онъ опять тѣмъ же голосомъ, помахивая нагайкою и хлеснувши ею по пушкѣ[6]. Когда же полковой писарь подалъ уже написанное условіе подписать гетману, онъ махнулъ рукою и сказалъ: „Оставайтесь же себѣ, паны! Меня вы больше не увидите. Глядите, паны: вы вспомните меня!“ И голосъ его имѣлъ въ себѣ что-то пророческое[7]. „Вы думаете, что купили этимъ спокойствіе и будете теперь пановать — увидите, что не будетъ сего! Сдерутъ съ твоей головы, гетманъ, кожу, набьютъ ее гречаною половою, и долго будутъ видѣть ее по ярмаркамъ! Да и у васъ, паны, у рѣдкаго уцѣлѣетъ голова! Пропадете вы въ сырыхъ погребахъ, замурованные въ каменныя стѣны, если не сварятъ васъ живыхъ въ котлахъ, какъ барановъ!“

„А вы, хлопцы, хотите умирать?“ продолжалъ онъ, обращаясь къ своему полку: „умирать такъ, какъ умираютъ честные козаки? А, можетъ быть, вы думаете еще пожить да залечь дома на печь, да и лежать тамъ, покамѣстъ не приберетъ врагъ? Что̀ жъ лучше, спрашиваю я васъ, молодцы: воротиться ли до дому, чтобы каждый день колотила васъ жинка, и напившись пропасть гдѣ-нибудь подъ тыномъ, какъ собака, или всѣмъ, какъ вѣрнымъ лыцарямъ, какъ братьямъ роднымъ[8], лечь вмѣстѣ на полѣ и оставить по себѣ славу на вѣки?“

„За тобою, пане полковнику, за тобою всѣ!“ отвѣчали передніе въ полку. „Веди насъ![1] Ей Богу, веди!“

„Добре, паны молодцы!“ сказалъ Тарасъ, взявши свою шапку въ руки[2] и потомъ опять надѣвши ее на голову. Глаза его сверкнули. „Вырѣжемъ все католичество, чтобы его и духу не было! Пусть пропадутъ нечестивые! Гайда, хлопцы!“

Сказавши это, изступленный сѣдой фанатикъ отправился съ полкомъ своимъ въ путь[3]. Другіе козаки съ завистью глядѣли на удалявшихся сотоварищей[4], и только одно строгое повиновеніе къ полковникамъ, бывшее всегдашнею ихъ добродѣтелію[5], препятствовало многимъ охотникамъ къ нимъ присоединиться.

Гетманъ и полковники не остановили удалявшагося полка. Казалось, предсказаніе Тараса нѣсколько смутило ихъ[6],— по крайней мѣрѣ, они сидѣли нѣсколько времени молча и не глядя другъ на друга. Скоро, однакоже, пророческія слова Бульбы исполнились. Немного времени спустя послѣ вѣроломнаго поступка подъ Каневымъ, голова гетмана вздернута была на колъ вмѣстѣ со многими сановниками.

Но обратимся къ нашей исторіи[7]. Чтò же дѣлалъ Тарасъ съ своимъ полкомъ? А Тарасъ выжегъ восемнадцать мѣстечекъ, около сорока костеловъ и уже доходилъ до Кракова. Напрасно небольшіе отряды войскъ посылаемы были[8] схватить его: онъ всегда почти разминался съ ними. Онъ поступалъ неожиданно, скрывая[9] свои намѣренія, и когда одно селеніе или небольшой городокъ ожидалъ съ ужасомъ его прибытія, онъ вдругъ перемѣнялъ дорогу[10] и несъ гибель туда, гдѣ его вовсе не ожидали. Никакая кисть не осмѣлилась бы изобразить всѣхъ тѣхъ свирѣпствъ, которыми были означены разрушительныя его опустошенія[11]. Ничто похожее на жалость не проникало въ это старое сердце, кипѣвшее только отмщеніемъ[12]. Никому не оказывалъ онъ пощады. Напрасно несчастныя матери и молодыя жены и дѣвицы, изъ которыхъ иныя были прекрасны и невинны, какъ ландышъ, думали спастись у алтарей[13]: Тарасъ зажигалъ ихъ вмѣстѣ съ костеломъ. И когда бѣлыя руки, сопровождаемыя крикомъ отчаянія, подымались изъ ужаснаго потопа огня и дыма къ небу и растрепанные волосы сквозь дымъ разсыпались по плечамъ ихъ, а свирѣпые козаки подымали копьями съ улицъ плачущихъ младенцевъ и

бросали ихъ къ нимъ въ пламя, — онъ глядѣлъ[1] съ какимъ-то ужаснымъ чувствомъ наслажденія и говорилъ: „Это вамъ, вражьи ляхи, поминки по Остапѣ!“[2] И такія[3] поминки по Остапѣ отправлялъ[4] онъ въ каждомъ селеніи. Наконецъ, польское правительство увидѣло, что поступки Тараса были[5] нѣсколько болѣе, нежели обыкновенное разбойничество, и тому же самому Потоцкому поручено было съ пятью полками поймать непремѣнно Тараса.

Тарасъ понялъ опасность[6] и поворотилъ назадъ. Проселочными дорогами, ночью, скакалъ онъ съ своими козаками во всю мочь, и одни только татарскіе кони, которыхъ онъ имѣлъ обычай держать цѣлый табунъ при своемъ войскѣ, могли вынести необыкновенную быстроту его бѣгства[7]. Но на этотъ разъ Потоцкій былъ достоинъ возложеннаго на него порученія[8]: онъ преслѣдовалъ его съ удивительною[9] неутомимостью и, наконецъ, настигъ на берегу Днѣстра, гдѣ Бульба занялъ для небольшаго роздыха оставленную, полуразвалившуюся крѣпость.

Крѣпость была на возвышенномъ мѣстѣ[10] и оканчивалась къ рѣкѣ такою страшною[11], почти наклоненною стремниною, что, казалось, ежеминутно готова была обрушиться въ волны. Почти на двадцать саженъ внизъ шумѣлъ Днѣстръ[12]. Здѣсь-то облегъ его Потоцкій своими войсками съ трехъ сторонъ[13], обращенныхъ къ полю и къ оврагамъ неровныхъ береговъ. Тарасъ, съ помощью своей храбрости и упрямой воли, могъ сдѣлать[14] тщетными всѣ усилія осаждающихъ; но онъ не имѣлъ въ опустѣлой крѣпости никакихъ средствъ для прокормленія[15], а козаки менѣе всего могли сносить голодъ, особливо когда видѣли[16], что онъ долженъ, наконецъ, окончиться медленною смертью. Съ рѣкою невозможно было имѣть сообщенія: одна только половина узенькой[17] дорожки висѣла вверху, остальная упала въ волны съ недавно отколовшеюся глыбою скалы, и вмѣсто нея осталась стремнина.

Тарасъ рѣшился оставить крѣпость, попробовать удачи прорваться сквозь ряды непріятелей и по берегу достигнуть такого мѣста, съ котораго бы можно было кинуться на лошадяхъ и пуститься съ ними вплавь. Онъ стремительно вышелъ изъ крѣпости, и уже козаки пробрались сквозь непріятельскіе ряды, какъ вдругъ Тарасъ, остановившись и нагнув-

шись въ землю, сказалъ: „Стой, братцы! уронилъ люльку!“ Въ это самое время онъ почувствовалъ себя въ дюжихъ рукахъ, былъ схваченъ набѣжавшимъ съ тыла отрядомъ и отрѣзанъ отъ своихъ. Онъ двигнулъ своими членами, но уже не посыпались на землю, какъ бывало прежде, схватившіе его гайдуки. „Эхъ, старость, старость!“ сказалъ онъ, почти-что не заплакавъ. Ему прикрутили руки, увязали веревками и цѣпями, привязали его къ огромному бревну, правую руку, для большей безопасности, прибили гвоздемъ и поставили это бревно рубомъ въ разсѣлину стѣны, такъ что онъ стоялъ выше всѣхъ и былъ виденъ всѣмъ войскамъ, какъ побѣдный трофей удачи. Вѣтеръ развѣвалъ его бѣлые волоса. Казалось, онъ стоялъ на воздухѣ, и это, вмѣстѣ съ выраженіемъ сильнаго безсилія, дѣлало его чѣмъ-то похожимъ на духа, представшаго воспрепятствовать чему-нибудь сверхъестественною своею властью и увидѣвшаго ея ничтожность. Въ лицѣ его не было замѣтно никакой заботы о себѣ[1]. Онъ вперилъ глаза въ ту сторону, гдѣ отстрѣливались козаки. Ему съ высоты все было видно, какъ на ладони[2]. „Занимайте, хлопцы“, кричалъ онъ[3]: „занимайте, вражьи дѣти, говорю вамъ, скорѣе горку, что̀ за лѣсомъ: туда не подступятъ они!“ Но вѣтеръ не донесъ[4] его словъ. „Вотъ пропадутъ, пропадутъ ни за что̀!“ говорилъ онъ съ бѣшенствомъ и взглянулъ внизъ, гдѣ блестѣлъ[5] Днѣстръ. Чувство радости сверкнуло въ его глазахъ. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ-за кустарника три кормы[6]. Онъ собралъ всѣ усилія и закричалъ такъ, что едва не оглушилъ стоявшихъ близь него: „Хлопцы, къ берегу, къ берегу! Подъ кручею, гдѣ крѣпость, стоятъ челны, а за ними[7] въ двадцати шагахъ спускъ къ берегу! Да забирайте всѣ челны, чтобы не было погони!“

На этотъ разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны[8], и всѣ слова были услышаны козаками. Но ударъ обухомъ по головѣ за такой совѣтъ переворотилъ въ его глазахъ все. Его опустили вмѣстѣ съ бревномъ ниже, чтобы онъ не могъ болѣе подавать своихъ наставленій[9].

Козаки поворотили коней и бросились бѣжать во всю прыть; но берегъ все еще состоялъ изъ стремнинъ. Они бы достигли пониженія его, если бы дорогу не преграждала пропасть сажени въ четыре шириною: однѣ только сваи разрушеннаго

моста торчали на обоихъ[1] концахъ; изъ недосягаемой глубины ея едва доходило до слуха умиравшее журчаніе какого-то потока, низвергавшагося[2] въ Днѣстръ[3]. Эту пропасть можно было объѣхать, взявши вправо; но войска непріятельскія были уже почти на плечахъ ихъ. Козаки только одинъ мигъ ока остановились, подняли свои нагайки, свиснули — и татарскіе ихъ кони[4], отдѣлившись отъ земли, распластались въ воздухѣ, какъ змѣи, и перелетѣли черезъ пропасть. Подъ однимъ только конь оступился, но зацѣпился[5] копытомъ и, привыкшій къ крымскимъ стремнинамъ, выкарабкался съ своимъ сѣдокомъ. Отрядъ непріятельскихъ войскъ съ изумленіемъ остановился на краю пропасти. Начальствовавшій ими полковникъ, молодой, неустрашимый до безразсудности[6] (онъ былъ братъ прекрасной полячки, обворожившей бѣднаго Андрія) безъ дальняго размышленія рѣшился повторить и себѣ то же[7] и, желая подать примѣръ своему отряду, бросился впередъ съ конемъ своимъ; но острые камни изорвали его, пропавшаго[8] среди пропасти, въ клочки, и мозгъ его, смѣшанный съ кровью, обрызгалъ росшіе по неровнымъ стѣнамъ провала кусты[9].

Когда Бульба очнулся немного отъ своего удара и глянулъ на Днѣстръ, онъ увидѣлъ подъ ногами своими козаковъ[10], садившихся въ[11] лодки. Глаза его сверкнули[12] радостью. Градъ пуль сыпался сверху на козаковъ, но они не обращали никакого вниманія и поспѣшно[13] отчаливали отъ берега[14]. „Прощайте, паны-браты товарищи!“ говорилъ онъ имъ сверху; „вспоминайте иной часъ обо мнѣ![15] Объ участи же моей не заботьтесь! Я знаю свою участь[16]: я знаю, что меня заживо рознимутъ по кускамъ, и что кусочка моего тѣла не оставятъ на землѣ[17] — да то уже мое дѣло... Будьте здоровы, паны-браты товарищи! Да глядите, прибывайте на слѣдующее лѣто опять да погуляйте хорошенько!...“ Ударъ обухомъ по головѣ пресѣкъ его рѣчи.

Чортъ побери! да есть ли чтò на свѣтѣ, чего бы побоялся козакъ? Не малая рѣка Днѣстръ; а какъ погонитъ вѣтеръ съ моря, то валъ дохлестываетъ до самаго мѣсяца. Козаки плыли подъ пулями и выстрѣлами, осторожно минали[18] зеленые острова; хорошенько выправляли парусъ[19], дружно и мѣрно[20] ударяли веслами и говорили про своего атамана.

АЛЬФРЕДЪ.

НАЧАЛО ТРАГЕДІИ ИЗЪ АНГЛІЙСКОЙ ИСТОРІИ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Народъ *толпится по набережной.*

Одинъ изъ народа. Ай, что ты такъ тѣснишь![1] Пустите хоть душу на покаянье!

Другой изъ народа. Да посторонитесь, ради Бога!

Голосъ третій. Эхъ, какъ продирается! Чего тебѣ? Ну, море, вода — больше ничего. Чтò, не видѣлъ (развѣ)[2] никогда? Думаешь, такъ прямо и увидишь короля?

[**Туркилъ**]. Ну, теперь, какъ Богъ дастъ, авось будетъ лучшее время, когда пріѣдетъ король. Вотъ не прогонитъ ли собакъ датчанъ?

[**Другой**]. Ты откудова, братъ?

[**Туркилъ**]. Изъ графства Гертингалъ[3], Томсъ Туркилъ[4], сеорлъ[5].

[**Другой**]. Не знаю.

[**Туркилъ**]. Бѣжалъ изъ Колдингама.

[**Другой**]. Знаю — гдѣ монахинь сожгли. Ахъ, страхъ тамъ какой! Такого нехристіянства и отъ жидовъ, чтò распяли Христа, не было.

Женщина изъ толпы. А чтò же тамъ было?

[**Другой**]. А вотъ чтò. Когда узнали монахини, что уже подступаетъ Игваръ съ датчанами, которые, тетка, такой народъ, что не спустятъ ни одной женщинѣ, будь хоть[6] немного смазлива... дѣло женское... ну, понимаешь... такъ игуменья, — вотъ святая, такъ, точно, святая, — уговорила всѣхъ монахинь и сама первая изрѣзала себѣ все лицо; да, изуродовала совсѣмъ себя. И какъ увидѣли эти звѣри — нѣтъ хоро-

шихъ лицъ, то его не оставили, а пережгли огнемъ всѣхъ монахинь.

Голосъ. Боже ты мой!

Голосъ въ толпѣ. Эхъ, англосаксы!

Другой. Сильный народъ, проклятый! конечно[1], нечистая сила.

[**Третій**]. Что, какъ въ вашемъ графствѣ?

[**Первый**]. Что въ нашемъ графствѣ! Вотъ я другой мѣсяцъ обѣдни не слушалъ.

[**Третій**]. Какъ?

[**Первый**]. Всѣ церкви пусты, епископа со свѣчей не сыщешь[2].

[**Другой**]. Отъ датчанъ дурно, а отъ нашихъ еще хуже. Всякій такъ подлиzaетъ съ датчаниномъ, чтобы больше земли притянуть къ себѣ. А если какой-нибудь сеорлъ[3], чтобъ убѣжать этой проклятой чужеземной собачьей власти, и поддастся въ покровительство тану[4], думая, что если платить повинности, то ужъ лучше своему, чѣмъ чужому, — еще хуже: такъ закабалятъ его, что и бретонъ такого[5] рабства не знаетъ[6].

[**Третій**]. Ну, наконецъ, мы пріободримся немного. Теперь у насъ, говорятъ, будетъ такой король, какъ и не бывало, — мудрый, какъ въ писаніи Давидъ.

[**Третій**]. Отчего жъ онъ не здѣсь, а за моремъ?

[**Другой**]. А гдѣ это[7] — за моремъ?

[**Первый**]. Въ городѣ, въ Римѣ.

[**Третій**]. Зачѣмъ же тамъ онъ?

[**Первый**]. Тамъ онъ обучался, потому что умный городъ, и выучился, говорятъ, (онъ тамъ)[8] всему, всему, что ни есть на свѣтѣ.

Другой голосъ. Какой городъ, ты сказалъ?

[**Первый**]. Римъ

[**Другой**]. Не знаю.

[**Первый**]. Рима не знаешь? Ну, уменъ ты!

[**Третій**]. Да что̀ это Римъ? Тамъ, гдѣ святѣйшій живетъ?

Первый. Ну, да[9]. Пресвятая Дѣва! если бы мнѣ довелось побывать когда-нибудь въ Римѣ! Говорятъ, городъ больше всей Англіи и дома изъ чистаго золота.

Другой. Мнѣ не такъ Римъ, какъ бы хотѣлось увидѣть папу. Вѣдь посуди ты[10]: выше ужъ нѣтъ никого на свѣтѣ, какъ папа. И епископъ, и самъ король[11] ниже папы. Такой святой, что, какіе ни есть грѣхи, то можетъ отпустить.

[**Первый**]. Вонъ, слышишь ли? кто-то говоритъ, что видѣлъ папу.

Голоса народа *на другой сторонѣ*. Ты видѣлъ папу?

Брифрикъ[1] (*изъ толпы*). Видѣлъ.

[**Голоса народа**]. Гдѣ жъ ты его видѣлъ?

[**Брифрикъ**]. Въ самомъ Римѣ.

[**Голоса народа**]. Ну, какъ же? Чтò онъ? Какой?

(Народъ сталкивается въ ту сторону).

Голоса. Да пустите! Ну, чего вы лѣзете? Не слышали разсказовъ глупыхъ?

Брифрикъ. Я разскажу по порядку, какъ я его видѣлъ. Когда тетка моя Маркинда умерла, то оставила мнѣ всего[2] только половину hydes[3] земли. Тогда я сказалъ себѣ: „Зачѣмъ тебѣ, Брифрикъ, сынъ Квикельма[4], обработывать землю, когда ты можешь оружіемъ добиться чести?“ Сказавши это себѣ, я поѣхалъ кораблемъ къ французскому королю. А французскій король набиралъ себѣ дружину изъ людей самыхъ сильныхъ, чтобъ охраняли его въ случаѣ сраженія, или когда выѣдетъ куда, то и они бы выѣзжали, чтобы, если посмотрѣть, такъ хорошій видъ былъ. Когда я попросился, меня приняли. Славный народъ! Латы лучше не во сто мѣръ нашихъ. Кольчуги такія жъ, какъ и у насъ, только не всѣ[5] желѣзныя: въ одномъ мѣстѣ — смотришь — рядъ колецъ мѣдныхъ, а въ другомъ есть и серебряныя. Мечъ при каждомъ; стрѣлъ нѣтъ, только копья. Топоръ[6] больше чѣмъ въ полпуда, — о, куды больше! А желѣзо такое... фи![7] то, что у стараго Вульфинга[8] на бердышѣ ни къ чорту не годится!

Вульфингъ (*изъ толпы*). Знай себя!

[**Брифрикъ**]. Вотъ мы отправились съ французскимъ королемъ въ Римъ, чтобъ[9] папѣ почтеніе отдать. Городъ такой, что никакъ нельзя разсказать; а домы и храмы Божіи не такъ какъ у насъ строятся, что крыши вострыя, какъ копье[10], а вотъ круглыя совсѣмъ такъ, какъ бы натянутый лукъ, и шпицовъ совсѣмъ[11] нѣтъ. А столпы вездѣ, и такъ много и рѣзьбы, и золота... великолѣпіе такое — такъ и ослѣпило глаза. Да, теперь насчетъ папы скажу. Въ одинъ вечеръ пришелъ товарищъ мой, нѣмецъ Арнуль, славный воинъ... перстней у него и золотыхъ крестовъ, добытыхъ на войнѣ, куча, и на гитарѣ такъ славно играетъ... „Хочешь“, говоритъ, „видѣть

папу?“ — „Ну, хочу“.— „Такъ смотри же, завтра я приду къ тебѣ пораньше. Будетъ самъ папа служить“. Пошли мы съ Арнулемъ. Народу по улицамъ[1]—Боже ты мой! Больше, чѣмъ здѣсь. Римлянки и римляне въ такихъ нарядахъ — такъ и ослѣпило глаза. Мы протолкались на лучшее мѣсто, но и тамъ, если бы я немножко былъ ниже, то ничего бы не увидѣлъ за народомъ. Прежде всѣхъ пошли мальчишки лѣтъ десяти, со свѣчами, въ вышитыхъ золотомъ (платьяхъ)[2], и какъ вышли они — такъ и ослѣпили глаза. (А ходъ-то весь)[3] для всѣхъ былъ выстланъ краснымъ сукномъ, краснымъ, краснымъ, вотъ какъ кровь... Ей Богу, такое красное сукно, какого я и не видалъ. Если бъ изъ этого[4] сукна да мнѣ верхнюю мантію, то вотъ, говорю вамъ передъ всѣми, что не только бы свой новый шлемъ, чтò съ каменьемъ и позолотою, который вы знаете, но если бы прибавить къ этому ту сбрую[5], которую[6] промѣнялъ Кеифусъ рыжій за гнѣдаго коня, да бердышъ и рукавицы стараго Вульфинга и еще коня въ придачу — ей Богу, отдалъ бы за эту мантію! Красная, красная, какъ огонь...

Голосъ въ народѣ. Чортъ знаетъ что! Ты разсказывай о папѣ, а какая нужда[7] до твоихъ мантій!

Вульфингъ *(изъ толпы)*. Хвастунъ! расхвастался!

Брифрикъ[8]. Сейчасъ. Вотъ, вслѣдъ за ребятами пошли тѣ — какъ ихъ? Они съ одной стороны сдаютъ на епископовъ, только не епископы, а такъ, какъ наши таны, или бароны въ рясахъ, имя не помню, шепелявое какое-то имя[9], — то эти всѣ таны, или епископы, какъ вышли[10], такъ и ослѣпили глаза. А какъ показался самъ папа, то такой блескъ пошелъ — такъ и ослѣпилъ глаза. На епископахъ-то все серебряное, а на папѣ[11] золотое. Гдѣ епископы выступаютъ, тамъ серебряный полъ, а гдѣ папа, тамъ золотой; гдѣ епископы стоятъ, тамъ серебряный полъ, а гдѣ папа, тамъ золотой.

Голосъ изъ толпы. Бровингъ, корабль! ей Богу, корабль!

(Всѣ бросаются, Брифрикъ первый, и тѣснятся гуще около набережной).

Голоса въ толпѣ. Да ну, стой, ради Бога! — Задавили! — Да дайте[12] хоть назадъ выбраться!

Голосъ женщины. Ай, ай! косолапый медвѣдь, руку выломилъ! Ой, пропусти! Кто въ Христа вѣруетъ, пропустите!

Брифрикъ *(оборачиваясь)*. Чего лѣзешь на плечи? Развѣ я

тебѣ лошадь верховая? Гдѣ жъ король? Гдѣ жъ корабль? Экая тѣснота!

Голосъ въ народѣ. Да нѣтъ корабля никакого!

[**Голосъ изъ толпы**]. Кто выдумалъ, что король ѣдетъ?

[**Голосъ въ народѣ**]. Да кто же? ты говорилъ!

[**Голосъ изъ толпы**][1]. И не думалъ.

[**Голоса въ народѣ**]. Да кто жъ сказалъ, что король? — Джонъ Шпингъ сказалъ, что король ѣдетъ. — Эй, Шпингъ! зачѣмъ ты[2] сказалъ, что король ѣдетъ?

[**Шпингъ**]. Ей Богу, любезный народъ, совсѣмъ было похоже на корабль!

[**Брифрикъ**]. Впередъ молчи, дуракъ, если не хочешь самъ поплыть.

Старуха (*проползая впередъ*). Нашли, чего толпиться! И куды? Вѣдь никого нѣтъ.

[**Брифрикъ**]. А, Кудредъ![3] Откудова, пріятель?

[**Кудредъ**]. Изъ дому.

[**Брифрикъ**]. Короля видѣть пришелъ?

[**Кудредъ**]. И побольше чѣмъ видѣть.

[**Брифрикъ**]. А что̀ еще?

[**Кудредъ**]. Жалобу прямо самому королю.

[**Брифрикъ**]. На кого?

[**Кудредъ**]. На королевскаго тана Этельбальда.

[**Брифрикъ**]. Ты шутишь, братецъ?

[**Кудредъ**]. Нѣтъ, не шучу.

Голоса въ народѣ. Вишь, на Этельбальда жалуется! — Онъ сошелъ съ ума. — Да онъ вѣдь сильнѣе всѣхъ въ королевствѣ. — Войска и богатства у него больше, чѣмъ у короля.

Эгбертъ. Кто несетъ жалобу на Этельбальда, тотъ подай мнѣ руку; хотя ты и простой сеорлъ, а я танъ, но я пожимаю, потому что ты честный человѣкъ[4]. Я тебѣ буду помогать.

Кисса[5]. Эй, другъ, напрасно ты связываешься съ[6]... А я разскажу королю, что ты жидъ, а не христіанинъ, язычникъ скверный, что ты никогда не крестишься. Я знаю, кому ты молишься: у тебя на дому есть деревянный болванъ, ты ему цѣлуешь руки, язычникъ скверный! Тебѣ нужно монастырское покаяніе, если не.....[7]

Брифрикъ. За что жъ жалуешься?

[**Кудредъ**]. За что? — Этельбальдъ, хоть и королевскихъ

тановъ всѣхъ старше, но подлецъ и мошенникъ. Когда датчане ворвались въ Вессексъ[1] и начали грабить, я прибѣгнулъ къ нему, свиньѣ. Думалъ: онъ богачъ и столько имѣетъ земли, что зачѣмъ ему бы[2] обижать меня. Я обѣщался ему, если надобность, первому явиться въ его войскѣ и лошадь привести свою и все вооруженіе мое... А онъ, мошенникъ[3], какъ только датчане ушли, совсѣмъ зачислилъ меня въ свои рабы. За что̀ я долженъ ему мостить чертовскій мостъ къ его замку и на моихъ двухъ лошадяхъ, самыхъ благородныхъ, возить фашинникъ? А теперь, когда я отлучился по надобности въ графство Гексганъ[4], онъ взялъ мою собственную землю, родительскую землю, которой было у меня больше двухъ гидесъ, и отдалъ въ ленъ какому-то[5]; а мнѣ отдалъ двадцать шаговъ песчаннику за кладбищемъ. „Вотъ тебѣ", говоритъ, „земля!" Да развѣ я, старый плутъ, рабъ твой? Я вольный, я сеорлъ. Я, если бъ только захотѣлъ, прикупилъ еще два hydes[6] земли да выстроилъ церковь и домъ,—я бы самъ былъ таномъ![7] Никто, по законамъ англосакскимъ, не можетъ обидѣть и закабалить вольнаго человѣка. Развѣ я сдѣлалъ какое преступленіе?

[Брифрикъ]. Да ходилъ ли ты съ жалобою въ нашъ ширгемотъ?

[Кудредъ]. Подлецы! всѣ держутъ его сторону.

[Брифрикъ]. Ну, да все-таки какъ же порѣшили?

[Кудредъ]. Вотъ на тебѣ бумагу, если ты прочтешь.

[Брифрикъ]. Что̀ ты? Такъ у васъ судьи пишутъ? Слышь ты, народъ? писанная бумага! У насъ во всемъ ширствѣ, да и [во всемъ] Вестъ-Вессексѣ[8], ни одинъ ширъ, ни алдерманъ не умѣетъ писать. Вишь ты, какія каракульки! Тутъ гдѣ-нибудь должно быть А В С, я ужъ знаю: меня было начиналъ учить одинъ церковникъ.

Туркилъ *(Вульфингу)*. Я думаю, нѣтъ мудренѣе науки, какъ письмо[9].

[Вульфингъ]. Попы все-таки прочтутъ.

Брифрикъ *(обращаясь къ Киссѣ)*. Высокородный танъ, прочти-ка; ты, вѣрно, знаешь?

Кисса. Поди прочь! я тебѣ не попъ[10].

Гунтингъ. Давай, я прочту.

Туркилъ. Кто онъ?

Вульфингъ. Не знаю.

Голосъ. Это, видишь, тотъ, что̀ былъ школьнымъ учителемъ. Да теперь датчане разорили школу.

[**Гунтингъ**] *читаетъ.* „Да будетъ вѣдомо: Schirgemot Агельмостангъ[1], въ графствѣ Герефортъ[2], во время царствованія Этельреда, гдѣ...“

[**Голосъ**]. А, при покойномъ королѣ! Храбрый былъ король, всю жизнь бился съ этими мерзкими датчанами.

[**Гунтингъ**] *(продолжаетъ).* „...гдѣ засѣдали: Дунстанъ, епископъ, Кеолрикъ[3], алдерманъ, Варвикъ, его сынъ, и Эсквинъ, сынъ Центвина, и Туркилъ косоглазый[4], какъ коммиссары короля, засѣдали...“

Вульфингъ. Слышишь, Туркилъ? это ты!

Туркилъ. Развѣ я косоглазый?

[**Гунтингъ**] *(продолжаетъ).* „...въ присутствіи Бриннинга, шерифа, Агельварда де Фрома, Леофина де Фрома чернаго, Годрига де Штока и всѣхъ тановъ графства Герефорта[5], Кудредъ, сынъ Эгвиновъ, представилъ суду противъ высокороднаго графа и тана королевства въ томъ, что якобы онъ, Кудредъ, отъ него высокороднаго графа Этельбальда...“

Въ народѣ *крикъ и давка.* Пусти, пусти! — Куда теперь сторониться? — Батюшки, батюшки, тресну! Со всѣхъ сторонъ придавили!

Высокій *(болтаетъ вверху руками).* Что̀ эти бабы лѣзутъ? Желалъ[6]...

Брифрикъ. Чего народъ лѣзетъ? *(Продирается.)*

[**Кто-то въ толпѣ**]. Да взбѣленился, просто: никого нѣтъ. Какой-то дуракъ опять пронесъ, что корабль показался...

Кричитъ **Кудредъ**[7]. Бумагу, бумагу, бумагу дай!... Экой трусъ, изорвалъ!

Кисса. Да кто сказалъ, что король ѣдетъ?

[**Голоса**]. Я не говорилъ. — Я не говорилъ. — Опять, вѣрно, Шпингъ.

Шпингъ. Нѣтъ, высокородный танъ, и языкомъ не ворошилъ.

Брифрикъ. Ей Богу, глупый народъ! Ну, что, хоть бы и въ самомъ дѣлѣ былъ король?

Вульфингъ. А самъ, небось, первый полѣзъ.

Брифрикъ. Что жъ? только посмотрѣть.

Одинъ изъ народа. Вотъ таны поѣхали на лошадяхъ. Это, вѣрно, встрѣчать короля.

Рыцарь *на лошади*. Дорогу, дорогу! Народъ, посторонись!

[**Эгбертъ**]. Кому дорогу?

[**Рыцарь**]. Посторонись, говорятъ тебѣ. Дорогу ....[1] королевскому тану Этельбальду!

Эгбертъ. Отнеси ему эту пощечину. *(Бьетъ его и убѣгаетъ)*.

Рыцарь *(кричитъ)*. Мы увидимся, проклятый длиннорукій чортъ!

[**Вульфингъ**]. Вонъ поѣхалъ графъ Эдвигъ. Видѣлъ?

[**Туркилъ**]. Видѣлъ. Славное вооруженіе.

[**Вульфингъ**]. Вонъ Этельбальдъ. Гляди[2], какой около него строй стоитъ: въ толпѣ рыцарей, какъ въ лѣсу. Эхъ, какъ одѣты славно! Какіе кирасы, щиты! Ей Богу, если бъ хотѣли, побили датчанъ.

[**Туркилъ**]. Отчего жъ не хотятъ?

[**Вульфингъ**]. А такъ; сами держатъ руку непріятелей.

[**Туркилъ**]. Ну, вотъ!

[**Вульфингъ**]. Почему жъ не побить? Вѣдь нашихъ впятеро будетъ больше. Если собрать всѣхъ саксоновъ и англовъ, то однихъ всадниковъ будетъ на всю дорогу отъ Лондона до Іорка; а датчанъ всѣхъ-на-всѣхъ трехъ тысячъ не будетъ.

[**Туркилъ**]. Э, любезный пріятель мой! какъ твое имя? Вульфингъ?

[**Вульфингъ**]. Вульфингъ.

[**Туркилъ**]. Такъ будемъ пріятелями.

[**Вульфингъ**]. Вотъ тебѣ рука моя.

[**Туркилъ**]. Не говори этого, любезный Вульфингъ: имъ помогаетъ нечистая сила,— тотъ самый сатана, о которомъ читалъ намъ въ церкви священникъ, что̀ искушаетъ людей. Они[3], братъ, море заговариваютъ: вдругъ изъ бурнаго сдѣлается тихо, какъ ребенокъ; а захотятъ — начнетъ выть, какъ волкъ. Наши всадники давно бы совладали съ ними... Народъ опять стѣснился, да и сами таны махаютъ шапками. Посмотримъ: вѣрно, король, наконецъ, ѣдетъ.

Голосъ въ народѣ. Ну, теперь корабль, такъ корабль!

Туркилъ. Опять пошла тѣснота.

Голоса. Корабль съ тремя вѣтрилами!—Зачѣмъ дерешься?— Не лѣзь впередъ!

[**Вульфингъ**]. Вотъ и люди, какъ мухи, стоятъ на палубѣ.

[**Туркилъ**]. А что жъ не видно короля?

[**Вульфингъ**]. Гдѣ жъ теперь его увидишь? Людей многое множество. Вонъ что-то блеснуло передъ солнцемъ.

[**Туркилъ**]. Скоро идетъ корабль; видно, что заморской работы: вонъ[1] какъ окошечки блестятъ! У насъ такихъ кораблей нѣтъ.

[**Вульфингъ**]. Это долженъ быть, что̀ блеститъ, танъ.

[**Туркилъ**]. Нѣтъ, вонъ тотъ больше блеститъ. Смотри, какой шлемъ, какое богатое убра̀нство.

[**Вульфингъ**]. Это все[2] тѣ таны, что поѣхали за нимъ въ Римъ съ посольствомъ.

[**Туркилъ**]. Гдѣ жъ король? Вѣдь король въ коронѣ?

Вульфингъ. Да еще не короновался.

[**Туркилъ**]. А вонъ, снялъ шляпу... Таны машутъ... Виватъ, король!

Весь берегъ кричитъ: Виватъ, король! Здравствуй, король!

Воины вновь машутъ.

[**Туркилъ**]. Здравствуй, король!

Народъ. Здравствуй, король!

Всадникъ на лошади. Разступись, народъ! *(Машетъ алебардой.)*

Народъ пятится. Прижатые кричатъ: Что онъ такъ кричитъ? Кто это?

[**Туркилъ**]. Танъ Кенульфъ, сынъ Эгальдовъ, танъ изъ Мидльсекса[3], славный воинъ.

(Корабль подходитъ къ самому берегу. За столпившимся народомъ видны только головы).

Альфредъ *(сходя съ корабля)*. Здравствуйте, добрые мои подданные!

[**Народъ**]. Здравствуй, король! Виватъ!

(Король и свита подымаются на лошадяхъ въ народъ).

Народъ. Виватъ, виватъ, король!

Альфредъ. Благодарю, благодарю васъ, мои добрые. Я самъ не менѣе радъ видѣть васъ и мою отцовскую[4] землю Англосаксію.

Эгбертъ. Слышишь? Англосаксію! Онъ, вѣрно, не знаетъ, что Мерси и Эстъ-Англъ ужъ не наши.

(Король уѣзжаетъ. Таны и народъ съ восклицаніями тянутся за нимъ).

[**Вульфингъ**]. Молодецъ король — видный, рослый, лучше

всѣхъ! Какъ онъ славно выступалъ, славно.....[1] Я думаю, латы его стоятъ больше, чѣмъ твоя жизнь[2].

[Эгбертъ]. Пойдемъ, посмотримъ.

[Туркилъ]. Постой, зачѣмъ же[3] итти? Намъ за ними не угнаться: они на лошадяхъ и во всю рысь поѣдутъ въ Іоркъ.

[Вульфингъ]. Отчего же не въ Лондонъ?

[Туркилъ]. Видишь, въ Лондонѣ приготовятъ все, какъ слѣдуетъ; а когда приготовятъ, тогда и онъ поѣдетъ.

Эгбертъ *(возвращаясь)*. Нѣтъ, я не хочу быть послѣднимъ. Я такой же танъ. У меня тоже было въ услуженьи 16 тановъ Sith, ситкундменовъ. Правда, я потерялъ много въ войну, у меня теперь нѣтъ этого; но я защищалъ землю нашу. Отчего графъ Эдвигъ, Кенульфъ[4], не говоря ужъ о собакѣ Этельбальдѣ, молокососъ сынъ его, рыжебородый Киль[5], — почему они имѣютъ право провожать короля въ первомъ ряду? Отчего я долженъ слѣдовать еще за двумя танами? Я хотѣлъ было сбить съ сѣдла копьемъ плута Киля, да не хотѣлъ только сдѣлать этого при королѣ.

Кисса. Дьяволъ ему на шею![6] Я радъ по крайней мѣрѣ, что король пріѣхалъ. Датчанъ — опять за море, завоюемъ опять Эстъ-Англъ[7], Мерси и Нортумберландъ также: хоть и разоренная страна[8], однакоже есть добрыя земли для скота и для пашенъ.

[Эгбертъ]. Мнѣ король понравился — добрый молодецъ! Пойду къ нему прямо и суну ему руку, по древнему саксонскому обычаю. Скажу: „Король, вотъ тебѣ рука! при первой надобности, всегда привожу 14 тебѣ всадниковъ, вооруженныхъ, съ добрыми конями, и самъ пятнадцатый; а надежный ли человѣкъ? — вонъ, гляди, сколько рубцовъ у меня!“ Пойдемъ, Кисса, выпьемъ его здоровье. Эй, Кудредъ! тебѣ обидно на Этельбальда. Будь завтра въ Лондонѣ, спроси тана Эгберта, тана изъ графства Сомерсетскаго[9]. Меня знаютъ.

Кудредъ. Ну, теперь, я думаю, король укротитъ немного тановъ[10].

[Вульфингъ]. Да что жъ король? Вѣдь король не можетъ сказать тану: „Отдай такую-то землю, я тебѣ приказываю“. Что скажетъ витенагемотъ?[11]

[Кудредъ]. Да безпорядковъ, вѣрно, будетъ меньше. Что ни

скажетъ, а все будетъ лучше. По крайней мѣрѣ можно будетъ по дорогѣ пройти безопасно. Чѣмъ живешь, Вульфингъ?

[**Вульфингъ**]. Одинъ hydes земли держу отъ тана.

[**Кудредъ**]. (Платишь хлѣбомъ?)[1]

[**Вульфингъ**]. Нѣтъ, еще[2] никогда не маралъ рукъ своихъ въ землѣ[3].

[**Кудредъ**]. Кто жъ ты?

[**Вульфингъ**]. Пастухъ. Шесть десятковъ овецъ и три десятка рогатой скотины моей собственной выгоняю на Гельгудскую пажить. Если же хочешь, пришлецъ, отдохни у меня. Ты будешь ѣсть сыръ и молоко, какихъ не сыщешь во всемъ Вессексѣ. А завтра раннимъ утромъ мы отправимся въ Лондонъ смотрѣть королевскій праздникъ. Гляди: чего народъ опять смотритъ? Чего вы, храбрые мужи, столпились?

Голосъ въ народѣ. Корабль, опять корабль!

[**Вульфингъ**]. Въ самомъ дѣлѣ корабль! Чтó жъ это? Вѣрно, тоже королевская свита?

Туркилъ. Вишь, это уже не такой! Мачта и паруса совсѣмъ не такъ сдѣланы. Постой, разсмотрѣть поближе: и народъ какъ будто не такъ одѣтъ.

Одинъ *изъ толпы, всплескивая руками*. Саксонцы! убѣжимъ, убѣжимъ!

Кудредъ. Чтò такое?

[**Туркилъ**]. Морской король!

[**Кудредъ**]. Нѣтъ, что ты?

Туркилъ. Какъ христіанинъ, не лгу![4] Развѣ вы не видите, что датскій корабль?

Народъ. Ай, народъ, точно — датчане! Вонъ машутъ, чтобы остались! Да, какъ бы не такъ! Бѣжимъ, друзья!

(Всѣ въ безпорядкѣ убѣгаютъ).

(Корабль виденъ у берега. Руальдъ виситъ на мачтѣ).

Голосъ Губбо[5]. Перекидай канатъ.

Руальдъ *(сверху[6])*. Кормщикъ, бери ниже: тамъ мель.

(Нормандъ[7] плыветъ съ канатомъ въ зубахъ).

Руальдъ. Еще ниже, еще ниже. А, народъ проклятый! весь разбѣжался. Теперь прямо! Нормандъ, хватай крюкомъ.

[**Нормандъ**] Стой!

Губбо *(выходитъ съ корабля)*. Ну, вотъ мы и въ Англіи. Тащите старшую лодку на берегъ. *(Вытаскиваютъ лодку).*

Губбо. Чтò, мои храбрые берсеркеры, дожидаться ли намъ Ингвара[1], или теперь налетѣть и окропить наши доспѣхи алою, какъ вечерняя заря, передъ бурнымъ вечеромъ заря, кровью саксонцевъ, а?

[**Воины**]. Наши копья готовы!

[**Руальдъ**]. Не лучше ли, король мой Губбо, послать провѣдать и узнать[2] о числѣ непріятелей?

[**Губбо**]. Это ты, Руальдъ, говоришь? Тебя, вѣрно, не море пеленало. За эти слова тебя стòитъ вышвырнуть въ море. „Какой храбрый когда спрашиваетъ о числѣ?“ говорилъ отецъ мой Лодбродъ[3], побѣдившій[4] на 33 сраженіяхъ.

[**Руальдъ**]. Губбо, сынъ Лодбродовъ! ты меня укоряешь трусостью. Когда же мы вмѣстѣ съ братомъ Гримуальдомъ срамили себя предъ дружиною? Развѣ я когда-нибудь въ жизни грѣлся у очага, или спалъ подъ крышей? Развѣ платье мое на мачтѣ сушилось, а не на мнѣ?

[**Губбо**]. Прости, Руальдъ. Братъ твой Гримуальдъ былъ славный воинъ. Мы лишились, други, храбраго товарища. Великій Оденъ! какая была буря и битва! Вѣтеръ оборвалъ... наши платья, и морскія брызги насъ.....[5] Капли сыпались на лицо наше[6]... Клянусь моимъ мечомъ и копьемъ, ничего бы не пожалѣлъ за такую участь! Завидная участь! Теперь Гримуальдъ пируетъ съ легіономъ храбрыхъ; самъ Оденъ наливаетъ ему чашу изъ широкаго черепа и говоритъ ему: „А сколько ты, Гримуальдъ, получилъ ранъ на послѣдней битвѣ?“— „Ранъ 17 и 4“, отвѣчаетъ ему Гримуальдъ, „сильный воинъ“.— „Вотъ тебѣ, Гримуальдъ, безсмертныя лани, съ лоснящеюся, какъ серебро, шерстью. Веселись, храбрый витязь, поражая ихъ далеко достающимъ копьемъ“. — Слушай, Стемидъ, теперь [не][7] время; но когда будемъ пировать на покрытыхъ пылью саксонскихъ трупахъ и зажжемъ[8] альбіонскіе дубы, ты спой намъ пѣсню о подвигахъ Гримуальда. Знаешь какую пѣсню? — такую, чтобы въ груди все встрепенулось — отвага, самое бѣшеное веселье, и руки схватились за рукоятки мечей. Но слѣдуетъ теперь сказать вамъ, мои товарищи, чтò мы будемъ дѣлать. Англія — земля хорошая: скота, пажитей и земель въ ней много. Въ Нортумберландіи и въ Мерси, гдѣ уже поселились соотечественники наши, жители бѣдны; но здѣсь жилища, а болѣе всего[9] церкви очень богаты, и

золота въ нихъ много. Каждому достанется на золотую цѣпь[1]. Мечи у англосаксовъ славные; они достаютъ ихъ издалека. Мы можемъ тутъ себѣ выбрать любые мечи и копья, и все вооруженіе. А еще я скажу теперь такое[2], что̀ больше всего нравится, товарищи, и мнѣ и вамъ: это[3] англосаксонскія дѣвы[4], бѣлизною лица, какъ наши скандинавскіе снѣга, окропленные алою кровью молодыхъ ланей. Но стойте, товарищи[5]: въ Англіи воиновъ[6], которые станутъ подъ мечомъ и копьемъ на коняхъ, несмѣтное множество. Только изъ нихъ Оденъ никого не приметъ въ Валгалу къ себѣ, потому что они презрѣнные христіане. Помните и то, что нынѣ будутъ наши соотечественники, и какъ только нападемъ съ одной стороны, они нападутъ съ другой[7].

[Одинъ изъ воиновъ]. Видите ли, какъ тутъ хорошо и тепло? Въ нашей Скандинавіи нѣтъ этого. Тутъ зимы всего только два мѣсяца.

Руальдъ. Я себѣ отвоюю лучшій за̀мокъ во всей Англіи. Девять десятковъ англосаксонскихъ рабовъ будетъ прислуживать мнѣ за чашею пиршества.

[Одинъ изъ воиновъ]. Что, конунгъ Губбо, правда ли, что есть гдѣ-то земля еще теплѣе?

[Губбо]. Есть.

[Одинъ изъ воиновъ]. И что зимы совсѣмъ не бываетъ?

Губбо. Ну, этого нѣтъ, чтобы зимы совсѣмъ не было; зима есть. Нужно, однакожъ, попробовать. Мы съ тобою. Элгадъ, пустимся потомъ далѣе[8], — скучно долго жить на одномъ мѣстѣ, — чтобы и тамъ. по ту сторону океана, вспоминали насъ въ пѣсняхъ. Клянусь всей моей сбруей. пріѣдемъ оттуда на вызолоченномъ кораблѣ; красная какъ огонь мантія, и вся будетъ убрана дорогими каменьями; шлемъ... крыло на немъ будетъ, какъ вечерняя звѣзда, сіять. Потомъ пріѣду къ первой царевнѣ въ мірѣ, скажу: „Прекрасная царевна, я король, пришелъ, горя любовью къ твоимъ голубымъ очамъ. Его рука поразила сто и сто десятковъ витязей; и пріѣхалъ король Губбо взять тебя этою самою рукой вмѣстѣ съ приданымъ, которое приготовилъ тебѣ престарѣлый отецъ твой“.

[Воины]. Виватъ, король[9] Губбо!

[Губбо]. Виватъ и вы, товарищи! Теперь идемъ. Вы два,

Авлугъ и Ролло, оставайтесь беречь лодки. А мы — никому не спускать и насыщать кровью мечи наши, пока есть![1]...

Альфредъ *(окруженный танами и графами королевства)*. Благодарю, благодарю васъ, благородные таны, за ваше поздравленіе. Я надѣюсь, что вы окажете, съ своей стороны, мнѣ всякую помощь, разогнать варварство и невѣжество, въ которомъ тяготѣетъ англосакская нація.

Графъ Эдвигъ. Я всегда готовъ. 50 вооруженныхъ всадниковъ всякую минуту можешь требовать, государь.

Графъ Этельбальдъ. Рука моя и моихъ 80 вассаловъ принадлежатъ тебѣ, государь мой.

Сифредъ[2]. Всякое законное требованіе государя готовъ выполнить. 20 конныхъ и 140 пѣшихъ стрѣлковъ!

Клеобальдъ. Въ моей странѣ лошадей мало, но пѣшихъ, сколько могу собрать...

[**Альфредъ**]. Вы ошибаетесь, друзья: не этой помощи я требовалъ отъ васъ, на которую конечно имѣю всегда право. Но я разумѣлъ о томъ благодѣтельномъ просвѣщеніи, котораго нѣтъ въ Англіи; я васъ просилъ споспѣшествовать мнѣ научить англосаксовъ, искоренить грубость нравовъ, которая, какъ старая кора, пристала къ нимъ.

(Таны въ безмолвіи. Нѣкоторые разставляютъ руки, разсуждая, что̀ это значитъ).

Эдвигъ. Какъ же, государь, ты говоришь, что англы и саксы грубы? Да вѣдь они покорили Англію!

Альфредъ. Ну, противъ этого мнѣ ничего не остается говорить. Этотъ, кажется, кромѣ войны и думать ни о чемъ не хочетъ. Видѣлъ ли ты, Эдвигъ, своего сына?

[**Эдвигъ**]. Видѣлъ, государь.

[**Альфредъ**]. Что жъ, какъ нашелъ его?

[**Эдвигъ**]. Хорошъ малый, да чуть ли къ чернокнижію не пристрастенъ и копьемъ плохо владѣетъ.

[**Альфредъ**]. Нѣтъ, Эдвигъ, ты долженъ благодарить Бога за такого сына. Этотъ день побудь съ нимъ, а завтра пришли ко мнѣ. Мы съ нимъ были друзья во всю[3] бытность въ Римѣ. Давно не видѣлъ я Англіи. Прежнее время свое[4] какъ сквозь сонъ помню. Вѣдь тутъ должны уцѣлѣть еще остатки римскихъ

памятниковъ. Существуетъ ли та стѣна, которую выстроилъ императоръ Константинъ въ Лондонѣ, и бани, вы[строенныя] близь Іорка римлянами?

[**Эдвигъ**]. Не знаю, государь, о какихъ ты римлянахъ говоришь[1].

[**Альфредъ**]. Римляне — народъ, который завоевалъ Англію и которому были подвластны бритты.

[**Эдвигъ**]. Бритты[2] были, это правда; а римлянъ, государь, никакихъ не было.

[**Альфредъ**]. Ты не знаешь, потому что не читалъ. Римляне были народъ великій; они покорили весь міръ, и въ томъ числѣ бриттовъ.

[**Эдвигъ**]. Воля твоя, король, римляне и живутъ въ Римѣ. Нѣтъ, король, это тебѣ солгали. У насъ есть старики, которые помнятъ, какъ покорили саксы, народъ, котораго храбрѣе еще никого не было, — и тѣ говорятъ, что были здѣсь только бритты.

[**Альфредъ**]. Ну, объ этомъ тоже нечего долго толковать. Хороши наши таны! Я, любезные[3], хочу[4] слышать отчетъ объ нынѣшнемъ положеніи государства и о всѣхъ происшествіяхъ, бывшихъ безъ меня, по кончинѣ брата моего Этельреда. Объ отдыхѣ моемъ не безпокойтесь: отдохнуть я успѣю. Ты, Этельбальдъ, такъ какъ старшій въ государствѣ и первый совѣтникъ въ витенагемотѣ[5], разскажи мнѣ подробно все.

[**Этельбальдъ**]. Все хорошо, государь; со стороны датчанъ только худо. Впрочемъ дорога отъ Іорка до Лондона поправлена и была мощена все время; звѣринецъ твой въ исправности; всѣ королевскіе твои латы, щиты отцовскіе и добытые покойнымъ братомъ твоимъ Этельредомъ я сохранилъ въ исправности.

[**Эдвигъ**]. Вретъ старый медвѣдь: лучшее копье стянулъ себѣ.

[**Альфредъ**]. Ты, Этельбальдъ, говоришь о моемъ хозяйствѣ. Это дѣло пустое. Я просилъ тебя разсказать, какъ государство, въ какомъ положеніи.

Графъ Эдвигъ. Въ гадкомъ положеніи государство; сеорлы и бретонскіе рабы ничего не выплачиваютъ, поля очень опустошены датчанами; не на что вооружить рыцаря, лошади — мерзость.

[**Альфредъ**]. Зачѣмъ вы позволили датчанамъ взять Мерси и Эстъ-Англію?

[Эдвигъ]. Что жъ дѣлать, король? Покойный король, братъ твой, храбро сражался, да сильнѣе[1] перетянула[2] сила. Они знаются съ дьяволомъ; съ ними изъ моря приходятъ[3] морскія чудовища[4].

[Альфредъ]. Братъ мой Этельредъ сражался, какъ должно славному, доблестному саксонцу; но вы были виною, непокорность вассаловъ была причиною.

Сифредъ. Если бъ я имѣлъ землю въ Эстъ-Англіи или Мерси, я бы защищалъ ее моею рукою и руками моихъ вассаловъ; но у меня[5] свои земли есть.

Альфредъ. Да умѣли ли вы свои защитить? Отчего по всей дорогѣ, которой мы ѣхали, пустыя пажити и двѣ развалившіяся церкви?[6] Малолюдный гирдъ[7] датчанъ издѣвался надъ вами, а вы, хорошо вооружённые и христіане, могли вынести это?

[Окружающіе]. Браво, король! Вотъ король! Прозорливъ, какъ горный орелъ! Такого намъ нужно короля!

[Сифредъ]. Я никогда не былъ безчестнымъ и всегда готовъ, и если бы графъ[8] Мидльсексъ[9] не поссорился со мною, я бы не выпустилъ датчанъ: и Вессексъ, и его бы владѣнія спасъ.

[Альфредъ]. И виною вы же, вы черезъ свои мелкія ссоры! Мнѣ очень не нравится это ваше феодальное обыкновеніе; Богъ знаетъ, что такое! Всякій управляетъ, какъ ему хочется, высшему не повинуются, между собою несогласны. [Въ][10] государствѣ должно быть такъ, какъ[11] въ римской имперіи: государь долженъ повелѣвать всѣмъ по своему усмотрѣнію, какъ ему захочется.

Одонъ *(потупляетъ глаза)*. Гм! я что-то не вполнѣ понялъ это. Вѣдь англосаксскій всякій танъ — вольный и свободный человѣкъ, развѣ возьметъ землю собственно отъ короля.

[Альфредъ]. Отчего я не вижу здѣсь ни одного епископа? Одинъ только дряхлый старикъ и вышелъ меня встрѣтить.

[Одонъ]. Епископъ вессекскій убитъ во время войны съ датчанами, а Адельстанъ изъ Кента умеръ.

[Альфредъ]. И никто не позаботился о томъ, чтобы избрать на мѣсто!

Арвальдъ[12]. Нѣтъ, король, въ томъ нѣтъ намъ укоризны. Всѣ таны нарочно собрались[13], но некого было из-

брать[1]: не нашли такого[2], который могъ бы читать Святое Письмо.

[Альфредъ]. Будто уже въ Англіи нѣтъ ни одного священника, умѣющаго читать?[3] Вѣдь еще отцомъ Этельвульфомъ[4] заведена была коллегія.

[Сифредъ]. Коллегіи давно ужъ нѣтъ.

[Альфредъ]. Гдѣ же она?

[Сифредъ]. Сожжена датчанами.

[Альфредъ]. Опять датчане! Да что̀ это за бичъ такой—датчане? Или Англія состоитъ вся изъ трусовъ, или въ самомъ дѣлѣ датчане... [*Входитъ вѣстникъ*][5]. Что̀ это за человѣкъ? Что ты?

[Вѣстникъ]. Король!

[Альфредъ]. Что̀?

[Вѣстникъ]. Датчане ворвались и грабятъ Лондонъ.

Король *(въ изумленіи)*. Какъ легки на поминѣ! Ну, господа таны и графы, намъ приходится сію минуту думать о вооруженіи. Нечего дѣлать, нужно все отложить въ сторону[6].

[Эдвигъ]. Я готовъ; всѣ вассалы при мнѣ, государь.

Этельбальдъ. Для тебя, государь, все радъ принесть.

Арвальдъ. Въ одну минуту буду снаряженъ. *(Уходитъ.)*

[Альфредъ]. Да, шумно начинается мое царствованіе! Дайте же[7] и вы всѣ, благородные таны, клятву: ни пяди земли не уступить датчанамъ!

[Таны]. Спасителемъ Іисусомъ и Дѣвой Маріей клянемся!

[Альфредъ]. Идемъ и сейчасъ на коней! Но прежде я хочу обсмотрѣть войска ваши. Ну, король, яви теперь дѣятельность души. Вотъ тебѣ то поле, которое ты рвался воздѣлать! Много работы предстоитъ. Страшная перспектива: внести туда пламенникъ наукъ и познаній, гдѣ ихъ въ поминѣ нѣтъ, гдѣ нѣтъ букваря во всемъ государствѣ; подвести подъ законы и укротить своевольное неустройство этихъ безпокойныхъ магнатовъ государства, глядящихъ лѣснымъ [звѣремъ][8]; а въ добавокъ и на плечахъ непріятель. Дай, Боже, силы! *(Уходитъ.)*

Цеолинъ[9]. Какъ мнѣ нравится король!

Эдринъ. Ты не знаешь его еще, Цеолинъ, хорошо: это Богъ, (а не человѣкъ)[10].

Эдрикъ. Что̀, Кедовалла[1], у тебя всѣ вооружены?
[**Кедовалла**]. Всѣ.
[**Эдвигъ**]. Что̀, король? Вѣдь, кажется, молодецъ?
[**Кедовалла**]. Да, кажется, храбръ; да что-то такъ...
[**Эдвигъ**]. Что̀?
Кедовалла. Мудреный что-то.

ДѢЙСТВІЕ II.

Альфредъ, графъ Этельбальдъ, графъ Эдвигъ, Цеолинъ, Кедовалла[2] *(съ толпою воиновъ, входятъ на сцену).*

Альфредъ. Мнѣ еще не вѣрится, чтобы мы были побѣждены. Горсть, разбойничья шайка, не болѣе, — и передъ этой шайкой не могли устоять пятнадцать тысячъ[3] всадниковъ и цвѣтъ саксонской націи, и 90 тысячъ пѣшихъ. — Что̀ скажете вы на это, столпы этой націи, благородные таны?

Графъ Эдвигъ. Король, распусти насъ. Я соберу всѣхъ слугъ своего замка, самъ выгоню моихъ вассаловъ. Пусть каждый сдѣлаетъ то же.

[**Альфредъ**]. Графъ, ты сѣдъ волосомъ и даешь такой совѣтъ! Нѣтъ, благородные таны, все теперь зависитъ отъ насъ самихъ и отъ нашей рѣшительности. Уступимъ — мы потеряемъ все, возрастимъ гордость непріятельскую; клянусь, мы имъ дадимъ и увѣренность въ ихъ непобѣдимости — и тогда, кто противъ нихъ? Вы видѣли, какъ они неслись въ битвѣ. Одинъ шагъ назадъ — и дерзость ихъ возрастетъ, какъ Голіафъ. Бароны, одно намъ средство. Здѣсь нечего думать о жизни. Съ этими же самыми силами обратимъ отступленіе въ нападеніе, покамѣстъ не узнала о нашемъ пораженіи нація.

[**Кедовалла**]. Король, ты видѣлъ самъ, что наша храбрость не заслужила упрека. Я никогда не думалъ о своей жизни; но, клянусь Пресвятой Матерью, за нихъ стоитъ демонъ! Я видѣлъ самъ, какъ его темный образъ мчался рядомъ съ этимъ непобѣдимымъ Губбо. Мои вассалы въ первый разъ поблѣднѣли отъ страха.

[**Альфредъ**]. Какое черное невѣжество вѣетъ[1] отъ Кедовалла!...[2] Тебя, я знаю, не увѣришь, потому что твоя душа (зачерствѣла)[3] въ старой корѣ. Но, таны, какъ видно, что недавно приняли христіанскую вѣру и не смыслите ничего въ ней! Вы испугались злаго духа: развѣ злой духъ можетъ устоять противъ Бога? развѣ есть что̀ на свѣтѣ больше христіанскаго Бога? Вы видѣли, съ какимъ крикомъ и устремл[еннымъ][4] копьемъ стремились въ наши ряды эти морскіе люди,— а отчего? потому что призывали поминутно языческаго бога ихъ Одена, который пыль и прахъ предъ Богомъ христіанскимъ. А вы не надѣетесь. Какіе вы христіане? За васъ Христосъ и Пресвятая Дѣва... *(Король идетъ.)* Ни двухъ шаговъ земли датчанамъ!

Часть народа и всадниковъ *(бѣжитъ)*[5]. Король, Датчане гонятся!

[**Альфредъ**]. Стой! Всѣ таны, ни съ мѣста! Далеко датчане?

[**Часть народа и всадниковъ**]. По пятамъ нашимъ (летятъ)[6].

[**Альфредъ**]. Во имя Святой Маріи, не подавайся, какъ кельданскія скалы!

(Врывается на сцену дружина датчанъ. Саксонцы встрѣчаютъ копьями[7]. Начинается сѣча).

Губбо. Сыны Одена! не полонъ будетъ пиръ нашъ, если не сокрушимъ англосаксовъ.

[**Альфредъ**]. Англосаксы! не забывайте: съ нами Христосъ и Марія!

Губбо. Ринальдъ, Ринальдъ! тихо гремитъ твой мечъ! Мало искръ вышибаетъ твое копье изъ непріятельскихъ латъ!

Ринальдъ. Нѣтъ, король Губбо, кровь отъ вражескихъ труповъ отуманиваетъ твой взоръ. Оденъ! готовь мнѣ мѣсто въ Валгалѣ.

Альфредъ. Христіане, крѣпитесь![8] Святой Георгій на бѣломъ [конѣ][9] за насъ.

Губбо. Оденъ! рука моя дымится кровью, а Ингвара нѣтъ со мною. Ринальдъ, Ринальдъ! зачѣмъ избитъ шлемъ твой?... Не дрожатъ ли твои перси?

[**Ринальдъ**]. Еще станетъ, король мой Губбо!.. Вотъ тебѣ, собака! Сыны Одена доставятъ череповъ на пиршественныя чаши.

[**Альфредъ**]. За Марію, за Христа, англосаксы!

Губбо. Уста мои запеклись, языкъ сохнетъ, а Ингваръ мой не летитъ на помощь.

[**Ринальдъ**]. Оденъ! готовь мнѣ мѣсто въ Валгалѣ!

[**Эдвигъ**]. Вотъ тебѣ, собака датчанинъ! *(Протыкаетъ ему голову копьемъ.)*

Альфредъ. Англосаксы! побѣда за нами!

Губбо. О....[1] не будетъ тебѣ, Альфредъ, по коихъ поръ мечъ играетъ въ рукахъ моихъ!

Альфредъ. Остановитесь, датчане! Сдавайся, Губбо, и положи твое оружіе.

Губбо. Никогда! Ты думаешь, что сыны Одена когда-нибудь соглашались быть чьими бы то ни было рабами?

[**Альфредъ**]. Мнѣ не нужно, Губбо[2], твоей свободы; я не отнимаю и на два слова, Губбо... *(Обѣ стороны опускаютъ копья.)*

[**Альфредъ**]. Я готовъ заключить съ тобою [миръ][3] и пощадить остатокъ твоихъ товарищей, съ тѣмъ, чтобы ты теперь же немедля отправлялся за море, принесъ клятву, по обычаю твоей религіи, никогда не являться у береговъ Англіи. Оружіе все при васъ остается; все, что̀ ни имѣете на себѣ, не будетъ тронуто.

[**Губбо**]. Король Альфредъ, я соглашаюсь.

[**Альфредъ**]. Итакъ, храбрый, произнеси клятву.

[**Губбо**]. Клянусь самимъ Оденомъ, моею сбруею, моимъ вызубреннымъ мечомъ, что никогда я и вся храбрая моя дружина не будемъ нападать на твои владѣнія! И когда не выполню моей клятвы, да будемъ желты[4], какъ мѣдь на латахъ нашихъ! да обратятся наши копья на насъ же самихъ!

Альфредъ. Слышите вы всѣ клятву? Губбо, ты свободенъ, — ступай. Твои ладьи ждутъ у береговъ.

Губбо. Пойдемъ, товарищи! Намъ не стыдно глядѣть другъ на друга: мы бились храбро. Не сегодня, завтра, — не здѣсь, въ другомъ мѣстѣ, нанесутъ наши ладьи гибель непріятелямъ, носящимъ золотое убранство!

О ДВИЖЕНІИ ЖУРНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

въ 1834 и 1835 году.

Журнальная литература, эта живая, свѣжая, говорливая, чуткая литература, такъ же необходима въ области наукъ и художествъ, какъ пути сообщенія для государства, какъ ярмарки и биржи для купечества и торговли. Она ворочаетъ вкусомъ толпы, обращаетъ и пускаетъ въ ходъ все выходящее наружу въ книжномъ мірѣ, и которое безъ того было бы, въ обоихъ смыслахъ, мертвымъ капиталомъ. Она — быстрый, своенравный размѣнъ всеобщихъ мнѣній, живой разговоръ всего тиснимаго типографскими станками; ея голосъ есть вѣрный представитель мнѣній цѣлой эпохи и вѣка, — мнѣній, безъ нея бы исчезнувшихъ безгласно. Она волею и неволею захватываетъ и увлекаетъ въ свою область девять десятыхъ всего, что дѣлается принадлежностію литературы. Сколько есть людей, которые судятъ, говорятъ и толкуютъ потому, что всѣ сужденія поднесены имъ почти готовыя, и которые сами отъ себя вовсе не толковали бы, не судили, не говорили. Итакъ, журнальная литература во всякомъ случаѣ имѣетъ право требовать самаго пристальнаго вниманія.

Можетъ быть, давно у насъ не было такъ рѣзко замѣтно отсутствія журнальной дѣятельности и живаго современнаго движенія, какъ въ послѣдніе два года. Безцвѣтность была выраженіемъ бо̀льшей части повременныхъ изданій. Многіе старые журналы прекратились, другіе тянулись медленно и вяло; новыхъ, кромѣ „Библіотеки для чтенія" и впослѣдствіи

„Московскаго Наблюдателя“, не показалось, между тѣмъ, какъ именно въ это время была замѣтна всеобщая потребность умственной пищи и значительно возрасло число читающихъ. Какъ ни бѣдна эта эпоха, но она такое же имѣетъ право на наше вниманіе, какъ и та, которая бы кипѣла движеніемъ, ибо также принадлежитъ исторіи нашей словесности. Читатели имѣли полное право жаловаться на скудость и постный видъ нашихъ журналовъ: „Телеграфъ“ давно потерялъ тотъ рѣзкій тонъ, который давало ему воинственное его положеніе въ отношеніи журналовъ петербургскихъ; „Телескопъ“ наполнялся статьями, въ которыхъ не было ничего свѣжаго, животрепещущаго. Въ это время книгопродавецъ Смирдинъ, давно уже извѣстный своею дѣятельностію и добросовѣстностію, который одинъ только, къ стыду прочихъ недальнозоркихъ своихъ товарищей, показалъ предпріимчивость и своими оборотами далъ движеніе книжной торговлѣ, — книгопродавецъ Смирдинъ рѣшился издавать журналъ обширный, энциклопедическій, завоевать всѣхъ литераторовъ, сколько ни есть ихъ въ Россіи, и заставить ихъ участвовать въ своемъ предпріятіи. Въ программѣ были выставлены имена почти всѣхъ нашихъ писателей. Профессоръ арабской словесности, г. Сенковскій, взялся быть распорядителемъ журнала; къ нему былъ присоединенъ редакторомъ г. Гречъ, извѣстный уже постояннымъ изданіемъ двухъ журналовъ: „Сѣверной Пчелы“ и „Сына Отечества“. Не знаемъ, сами ли они взялись за сіе дѣло, или упрошены были г. Смирдинымъ; но въ томъ и другомъ случаѣ книгопродавецъ, по общему мнѣнію, поступилъ нѣсколько неосмотрительно. Успѣвши соединить для своего изданія такое множество литераторовъ, онъ долженъ былъ предоставить ихъ суду избраніе редактора.

Никто тогда не позаботился о весьма важномъ вопросѣ: долженъ ли журналъ имѣть одинъ опредѣленный тонъ, одно уполномоченное мнѣніе, или быть складочнымъ мѣстомъ всѣхъ мнѣній и толковъ. Журналъ на сей счетъ отозвался глухо, обыкновеннымъ объявленіемъ, что критика будетъ самая благонамѣренная и безпристрастная, чуждая всякой личности и и неприличности, — обѣщаніе, которое даетъ всякій журналистъ. Съ выходомъ первой книжки публика ясно увидѣла, что въ журналѣ господствуетъ тонъ, мнѣнія и мысли *одного*,

что имена писателей, которыхъ блестящая шеренга наполнила полстраницы заглавнаго листка, взята была только напрокатъ, для привлеченія бо̀льшаго числа подписчиковъ.

Книгопродавецъ Смирдинъ исполнилъ съ своей стороны все, чего публика въ правѣ была *отъ него* требовать. Ту же самую честность, которая всегда отличала его, показалъ онъ и въ изданіи журнала. Журналъ выходилъ съ необыкновенною исправностію: подписчики, вмѣстѣ съ первымъ числомъ каждаго мѣсяца, встрѣчали толстую книгу, какой у насъ въ прежнее время ни одна типографія не могла бы поставить въ два мѣсяца. Вмѣсто обѣщаннаго числа осьмнадцати листовъ въ мѣсяцъ, выходило иногда вдвое болѣе. Теперь разсмотримъ, исполнили ли долгъ тѣ, которымъ онъ ввѣрилъ внутреннее распоряженіе журнала. — Главнымъ дѣятелемъ и движущею пружиною всего журнала былъ г. Сенковскій. Имя г. Греча выставлено было только для формы, — по крайней мѣрѣ никакого дѣйствія не было замѣтно съ его стороны. Г. Гречъ давно уже сдѣлался почетнымъ и необходимымъ редакторомъ всякаго предпринимаемаго періодическаго изданія: такъ обыкновенно почтеннаго, пожилаго человѣка приглашаютъ въ посаженые отцы на всѣ свадьбы. Но какая цѣль была редакціи этого журнала, какую задачу предположила она рѣшить? Здѣсь поневолѣ должны мы задуматься, что̀, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ и читатель. Въ программѣ ничего не сказалъ г. Сенковскій о томъ, какой начерталъ для себя путь, какую выбралъ себѣ цѣль; всѣ увидѣли только, что онъ взошелъ незамѣтно въ первый номеръ и въ концѣ его развернулся, какъ полный хозяинъ.

Впрочемъ, нельзя жаловаться и на это: положимъ, для журналиста необходимъ рѣзкій тонъ и нѣкоторая даже дерзость (чего, однакожъ, мы не одобряемъ, хотя намъ извѣстно, что съ подобными качествами журналисты всегда выигрываютъ въ мнѣніи толпы); но на что̀ преимущественно было обращено вниманіе сего хозяина, какая мысль его пересиливала всѣ прочія, къ чему направлено было его пристрастіе, были ли гдѣ замѣтны тѣ неподвижныя правила, безъ коихъ человѣкъ дѣлается безхарактернымъ, которыя даютъ ему оригинальность и опредѣляютъ его физіогномію?

Прочитавши все, помѣщенное имъ въ этомъ журналѣ, слѣдуя

за всѣми словами, сказанными имъ, невольно остановимся въ изумленіи: что̀ это такое? что̀ заставляло писать этого человѣка? Мы видимъ человѣка, который беретъ деньги вовсе не даромъ, который трудится до поту лица, не только заботится о своихъ статьяхъ, но даже перепpавляетъ чужія, — однимъ словомъ, является неутомимымъ. Для чего же вся эта дѣятельность? Послѣдуемъ за распорядителемъ во всѣхъ родахъ его сочиненій и скажемъ нѣсколько словъ о главныхъ качествахъ его статей. Это во всѣхъ отношеніяхъ необходимо.

Г. Сенковскій является въ журналѣ своемъ, какъ критикъ, какъ повѣствователь, какъ ученый, какъ сатирикъ, какъ глашатай новостей и проч. и проч., является въ видѣ Брамбеуса, Морозова, Тютюнджу Оглу, А. Бѣлкина, наконецъ въ собственномъ видѣ. Какъ ученый, г. Сенковскій помѣстилъ довольно большую статью о сагахъ, — статью, исполненную ипотезъ, не собственныхъ, но схваченныхъ наудачу изъ разныхъ бѣгло прочитанныхъ книгъ, — ипотезъ, вовсе не принадлежащихъ русской исторіи. Эти саги, которыя проницательный Шлёцеръ, не имѣющій донынѣ равнаго по строгому и глубокому критическому взгляду, призналъ за басни, недостойныя никакого вниманія, — эти саги онъ ставитъ краеугольнымъ камнемъ русской исторіи и не приводитъ ни одного доказательства, повѣреннаго критикою: онъ вовсе не опредѣлилъ ихъ истиннаго и единственнаго достоинства. Саги суть поэтическое созданіе народа, игравшаго великую въ исторіи роль. Эта статья, испещренная реторическими фигурами, понравилась добрымъ, но ограниченнымъ людямъ, а г. Булгаринъ даже написалъ рецензію, въ которой поставилъ г. Сенковскаго выше Шлёцера, Гумбольта и всѣхъ когда-либо существовавшихъ ученыхъ. Другое весьма важное притязаніе г. Сенковскаго и настоящій конекъ его есть Востокъ. Здѣсь онъ всегда возвышалъ голосъ, и какъ только выходило какое-нибудь сочиненіе о Востокѣ, или упоминалось гдѣ-нибудь о Востокѣ, хотя бы даже это было въ стихотвореніи, онъ гнѣвался и утверждалъ, что авторъ не можетъ судить и не долженъ судить о Востокѣ, что онъ не знаетъ Востока. Слово, сказанное съ сердцемъ, очень извинительно въ человѣкѣ, влюбленномъ въ свой предметъ и который, между тѣмъ, видитъ, какъ мало понимаютъ его другіе; но этотъ человѣкъ

уже долженъ, по крайней мѣрѣ, утвердить за собою авторитетъ. Г. Сенковскому, точно, слѣдовало бы издать что-нибудь о Востокѣ. Человѣку, ничего не сдѣлавшему, трудно вѣрить на слово, особливо когда его сужденія такъ легковѣсны и проникнуты духомъ нетерпимости; а изъ нѣкоторыхъ его отрывковъ о Востокѣ видны тѣ же самые недостатки, которые онъ безпрестанно порицаетъ у другихъ. Ничего новаго не сказалъ онъ въ нихъ о Востокѣ, — ни одной яркой черты, сильной мысли, геніальнаго предположенія! Нельзя отвергать, чтобы г. Сенковскій не имѣлъ свѣдѣній; напротивъ, очень видно, что онъ много читалъ; но у него нигдѣ не замѣтно этой движущей, господствующей силы, которая направляла бы его къ какой-нибудь цѣли. Всѣ эти свѣдѣнія находятся у него въ какомъ то броженіи, другъ другу противорѣчатъ, между собой не уживаются. Разсмотримъ его мнѣнія, относящіяся собственно въ текущей изящной литературѣ. Въ критикѣ г. Сенковскій показалъ отсутствіе всякаго мнѣнія, такъ что ни одинъ изъ читателей не можетъ сказать навѣрное, что̀ болѣе нравилось рецензенту и заняло его душу, что̀ пришлось по его чувствамъ: въ его рецензіяхъ нѣтъ *ни положительнаго, ни отрицательнаго вкуса, — вовсе никакого*. То, что ему нравится сегодня, завтра дѣлается предметомъ его насмѣшекъ. Онъ первый поставилъ г. Кукольника на ряду съ Гёте, и самъ же объявилъ, что это сдѣлано имъ потому только, что такъ ему вздумалось. Стало быть, у него рецензія не есть дѣло убѣжденія и чувства, а просто — слѣдствіе расположенія духа и обстоятельствъ. Вальтеръ Скоттъ, этотъ великій геній, коего безсмертныя созданія объемлютъ жизнь съ такою полнотою, Вальтеръ Скоттъ названъ шарлатаномъ. И это читала Россія, это говорилось людямъ уже образованнымъ, уже читавшимъ Вальтеръ Скотта. Можно быть увѣрену, что г. Сенковскій сказалъ это безъ всякаго намѣренія, изъ одной опрометчивости, потому что онъ никогда не заботится о томъ, что̀ говоритъ, и въ слѣдующей статьѣ уже не помнитъ вовсе написаннаго въ предыдущей.

Въ разборахъ и критикахъ г. Сенковскій тоже никогда не говорилъ о внутреннемъ характерѣ разбираемаго сочиненія, не опредѣлялъ вѣрными и точными чертами его достоинства: критика его была или безусловная похвала, въ которой рецен-

зентъ отъ всей души тѣшился собственными фразами, или хула, въ которой отзывалось какое-то странное ожесточеніе. Она состояла въ мелочахъ, ограничивалась выпискою двухъ-трехъ фразъ и насмѣшкою. Ничего не было сказано о томъ, чтò предполагалъ себѣ цѣлью авторъ разбираемаго сочиненія, какъ оное выполнилъ, и если не выполнилъ, какъ долженъ былъ выполнить. Больше всего г. Сенковскій занимался разборомъ разнаго литературнаго сора, множествомъ всякаго рода пустыхъ книгъ; надъ ними шутилъ, трунилъ и показывалъ то остроуміе, которое такъ нравится нѣкоторымъ читателямъ. Наконецъ, даже завязалъ цѣлое дѣло о двухъ мѣстоименіяхъ: *сей* и *оный,* которыя показались ему, неизвѣстно почему, неумѣстными въ русскомъ слогѣ. Объ этихъ мѣстоименіяхъ писаны имъ были цѣлые трактаты, и статьи его, разсуждавшія о какомъ бы то ни было предметѣ, всегда оканчивались тѣмъ, что мѣстоименія *сей* и *оный* совершенно неприличны. Это напомнило старый процессъ Тредьяковскаго за букву ижицу и десятеричное *і,* который впослѣдствіи, еще не такъ давно, поддерживалъ одинъ профессоръ. Книга, въ которой г. Сенковскій встрѣчалъ эти двѣ частицы, была торжественно признаваема написанною дурнымъ слогомъ.

Его собственныя сочиненія, повѣсти и тому подобное являлись подъ фирмою Брамбеуса. Эти повѣсти и статьи въ родѣ повѣстей, своимъ близкимъ, неумѣреннымъ подражаніемъ нынѣшнимъ писателямъ французскимъ, произвели всеобщее изумленіе, потому что г. Сенковскій охуждалъ гласно всю текущую французскую литературу. Непостижимо, какъ въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ такъ мало смѣтливости и до такой степени считалъ простоватыми своихъ читателей. Неизвѣстно тоже, почему называлъ онъ нѣкоторыя статьи свои фантастическими. Отсутствіе всякой истины, естественности и вѣроятности еще нельзя считать фантастическимъ. Фантастическія сочиненія Б. Брамбеуса напоминаютъ книги, какихъ нѣкогда было очень много, какъ-то: „Не любо-не слушай, а лгать не мѣшай“, и тому подобныя: та же безотчетность и еще менѣе устремленія къ доказательству какой-нибудь мысли. Опытные читатели замѣтили въ нихъ чрезвычайно много похищеній, сдѣланныхъ наскоро, на всемъ бѣгу: авторъ мало заботился о ихъ связи.

То, что въ оригиналахъ имѣло смыслъ, то въ копіи было безъ всякаго значенія.

Таковы были труды и дѣйствія распорядителя Б. для Чт. Мы почли нужнымъ упомянуть о нихъ нѣсколько обстоятельнѣе потому, что онъ одинъ законодательствовалъ въ „Библіотекѣ для Чтенія,“ и что мнѣнія его разносились чрезвычайно быстро, вмѣстѣ съ четырьмя тысячами экземпляровъ журнала, по всему лицу Россіи.

Невозможно, чтобы журналъ, издаваемый при средствахъ, доставленныхъ книгопродавцемъ Смирдинымъ, былъ плохъ. Онъ уже выигрывалъ тѣмъ, что издавался въ большомъ объемѣ, толстыми книгами. Это для подписчиковъ была пріятная новость, особливо для жителей нашихъ городовъ и сельскихъ помѣщиковъ. Въ „Библіотекѣ“ находились переводы иногда любопытныхъ статей изъ иностранныхъ журналовъ, въ отдѣлѣ стихотворномъ попадались имена свѣтилъ русскаго Парнасса. Но постоянно лучшимъ отдѣленіемъ ея была *смѣсь*, вмѣщавшая въ себѣ очень много разнообразныхъ свѣжихъ новостей, отдѣленіе живое, чисто журнальное. Изящная проза, оригинальная и переводная, — повѣсти и прочее, — оказывала очень мало вкуса и выбора. Въ „Библіотекѣ для Чтенія“ случилось еще одно, дотолѣ неслыханное на Руси явленіе. Распорядитель ея сталъ переправлять и передѣлывать всѣ почти статьи, въ ней печатаемыя, и любопытно то, что онъ объявлялъ объ этомъ самъ довольно смѣло и откровенно. „У насъ“, говоритъ онъ: „въ „Библіотекѣ для Чтенія“, не такъ, какъ въ другихъ журналахъ: мы никакой повѣсти не оставляемъ въ прежнемъ видѣ, всякую передѣлываемъ; иногда составляемъ изъ двухъ одну, иногда изъ трехъ, и статья значительно улучшается нашими передѣлками.“ Такой странной опеки до сихъ поръ на Руси еще не бывало.

Многіе писатели начали опасаться, чтобы публика не приняла статей, часто помѣщаемыхъ безъ подписи или подъ вымышленными именами, за ихъ собственныя, и потому начали отказываться отъ участія въ изданіи сего журнала. Число сотрудниковъ такъ умалилось, что на другой годъ издатели уже не выставили длиннаго списка именъ и упомянули глухо, что участвуютъ лучшіе литераторы, не означая какіе. Журналъ, хотя не измѣнился въ величинѣ и планѣ, но статьи

замѣтно начали быть хуже; видно было менѣе старанія. „Библіотеку“ уже менѣе читали въ столицахъ, но все также много въ провинціяхъ, и мнѣнія ея также обращались быстро. Обратимся къ другимъ журналамъ.

„Сѣверная Пчела“ заключала въ себѣ оффиціальныя извѣстія и въ этомъ отношеніи выполнила свое дѣло. Она помѣщала извѣстія политическія, заграничныя и отечественныя новости. Редакторъ, г. Гречъ, довелъ ее до строгой исправности: она всегда выходила въ положенное время; но въ литературномъ смыслѣ она не имѣла никакого опредѣленнаго тона и не выказывала никакой сильной руки, двигавшей ея мнѣнія. Она была какая-то корзина, въ которую сбрасывалъ всякій все, что ему хотѣлось. Разборы книгъ, всегда почти благосклонные, писались пріятелями, а иногда самими авторами. Въ „Сѣверной Пчелѣ“ пробовали остроту пера разные незнакомцы, скрывавшіеся подъ разными буквами, — безъ сомнѣнія, люди молодые, потому что въ статьяхъ выказывалось довольно удальства. Они нападали развѣ уже на самаго беззащитнаго и круглаго сироту. Насчетъ неопрятныхъ изданій являлись остроумныя колкости, нѣсколько похожія одна на другую. Сущность рецензій состояла въ томъ, чтобы расхвалить книгу и при концѣ сложить съ себя весь грѣхъ такою оговоркою: „Впрочемъ, желательно, чтобы почтенный авторъ исправилъ небольшія погрѣшности относительно языка и слога“, или: „Хорошая книга требуетъ хорошаго изданія“, и тому подобное, за чтò авторъ разбираемой книги иногда обижался и жаловался на пристрастіе рецензента. Книги часто были разбираемы тѣми же самыми рецензентами, которые писали извѣстія о новыхъ табачныхъ фабрикахъ, открывавшихся въ столицѣ, о помадѣ и проч.; сіи извѣстія иногда довольно остроумны[1] и въ шуткахъ своихъ показывали ловкихъ и хорошо воспитанныхъ людей, безъ сомнѣнія, имѣвшихъ основательныя причины быть довольными фабрикантами. Впрочемъ, отъ „Сѣверной Пчелы“ больше требовать было нечего: она была всегда исправная ежедневная афиша, ея дѣломъ было пригласить публику, а судить она предоставляла самой публикѣ.

Журналъ, носившій названіе „Сына Отечества и Сѣвернаго Архива“, былъ почти невидимкою во все время. О немъ никто не говорилъ, на него никто не ссылался, не смотря на то,

что онъ выходилъ исправно еженедѣльно и что печаталъ такую огромную программу на своей оберткѣ, какую врядъ ли гдѣ можно было встрѣтить. Въ „Сынѣ Отечества“ (говорила программа) будетъ археологія, медицина, правовѣдѣніе, статистика, русская исторія, всеобщая исторія, русская словесность, иностранная словесность, наконецъ, просто словесность, географія, этнографія, историческая галлерея, и прочее. Иной ахнетъ, прочитавши такую ужасную программу, и подумаетъ, что это огромнѣйшее энциклопедическое изданіе, когда-либо существовавшее на свѣтѣ. Ничуть не бывало: выходила худенькая, тоненькая книжечка въ три листа, начинавшаяся статьею о какихъ-нибудь болѣзняхъ, которой не читали даже медики. Критическая статья, а тѣмъ еще болѣе живая и современная, не была въ немъ постоянною. Новости политическія были тѣ же сухіе факты, взятые изъ „Сѣверной Пчелы“, слѣдственно уже всѣмъ извѣстные. Помѣщаемыя какія-то оригинальныя повѣсти были довольно странны, чрезвычайно коротенькія и совершенно безцвѣтны. Если попадалось что-нибудь достойное замѣчанія, то оно оставалось незамѣтнымъ. Имена редакторовъ, гг. Булгарина и Греча, стояли только на заглавномъ листкѣ; но съ ихъ стороны рѣшительно не было видно никакого участія. Однакожъ, журналъ существовалъ, стало быть, читатели и подписчики были. Эти читатели и подписчики были почтенные и пожилые люди, живущіе въ провинціяхъ, которымъ что-нибудь почитать такъ же необходимо, какъ заснуть часикъ послѣ обѣда или выбриться два раза въ недѣлю.

Издавалась еще въ Петербургѣ, въ продолженіе всего этого времени, газета чисто-литературная, освобожденная отъ всякихъ вторженій наукъ и важныхъ свѣдѣній, — не политическая, не статистическая, не энциклопедическая, любительница стараго, но при всемъ томъ имѣвшая особенный характеръ. Названіе этой газеты: „Литературныя прибавленія къ Инвалиду“. Въ ней помѣщались легонькія повѣсти, бесѣды деревенскихъ помѣщиковъ о литературѣ, бесѣды часто довольно обыкновенныя, но иногда мѣстами проникнутыя колкостями, близкими къ истинѣ: читатель, къ изумленію своему, видѣлъ, что помѣщики къ концу статьи дѣлались совершенными литераторами, принимали къ сердцу текущую литературу и приправляли свои мнѣнія ѣдкою насмѣшкою. Этотъ журналъ всегда оказывалъ оппозицію про-

тиву всякаго счастливаго наѣздника, хотя его вся тактика часто состояла только въ томъ, что онъ выписывалъ одно какое-нибудь мѣсто, доказывающее журнальную опрометчивость, и присовокуплялъ отъ себя довольно злое замѣчаніе, не длиннѣе строчки, съ восклицательнымъ знакомъ. Г. Воейковъ былъ чрезвычайно дѣятельный ловецъ и, какъ рыбакъ, сидѣлъ съ удой на берегу, не теряя терпѣнія, хотя на его уду попадалась большею частію мелкая рыба, а большая обрывалась. Въ редакторѣ была замѣтна чисто-литературная жизнь, и онъ съ неохлажденнымъ вниманіемъ не сводилъ глазъ съ журнальнаго поля. Я не знаю, много ли было читателей его газеты, но она очень стоила того, чтобы иногда въ нее заглянуть.

Въ Москвѣ издавался одинъ только „Телескопъ,“ съ небольшими листками прибавленія, подъ именемъ „Молвы,“ — журналъ, вначалѣ отозвавшійся живостью, но вскорѣ простывшій, наполнявшійся статьями безъ всякаго разбора, лишенный всякаго литературнаго движенія. Видно было, что издатели не прилагали о немъ никакого старанія и выдавали книжки какъ-нибудь.

Монополія, захваченная „Библіотекою для Чтенія,“ не могла не задѣть за живое другихъ журналовъ. Но „Сѣверная Пчела“ была издаваема тѣмъ же самымъ г. Гречемъ, котораго имя нѣкоторое время стояло на заглавномъ листкѣ въ „Библіотекѣ“, какъ главнаго ея редактора, хотя это званіе, какъ мы уже видѣли, было только почетное, и потому очень естественно, что „Сѣверная Пчела“ должна была хвалить все, помѣщаемое въ „Библіотекѣ“, и настоящаго ея движителя, являвшагося подъ множествомъ разныхъ именъ, называть русскимъ Гумбольтомъ. Но и безъ того она врядъ ли бы могла явиться сильною противницею, потому что не управлялась единою волею; разные литераторы заглядывали туда только по своей надобности. „Сынъ Отечества“ долженъ былъ повторять слова „Пчелы“. Итакъ, всего только два журнала могли возстать противъ его мнѣній. Г. Воейковъ показалъ въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ“ что-то похожее на оппозицію; но оппозиція его состояла въ легкихъ замѣткахъ журнальныхъ промаховъ и иногда удачной остротѣ, выраженныхъ отрывисто, въ немногихъ словахъ, съ насмѣшкою, очень понятною для немногихъ литераторовъ, но незамѣтною для непосвященныхъ. Нигдѣ не

помѣстилъ онъ обстоятельной и основательной критики, которая опредѣлила бы сколько-нибудь направленіе новаго журнала. „Телескопъ“ въ соединеніи съ „Молвою“ дѣйствовалъ противъ „Библіотеки для Чтенія,“ но дѣйствовалъ слабо, безъ постоянства, терпѣнія и необходимаго хладнокровія. Въ статьяхъ критическихъ онъ былъ часто исполненъ негодованія противъ новаго счастливца, шутилъ надъ баронствомъ г. Сенковскаго, сдѣлалъ нѣсколько справедливыхъ замѣчаній относительно его страннаго подражанія французскимъ писателямъ, но не видѣлъ дѣла во всей ясности. Въ „Молвѣ“ повторялись тѣ же намеки на Брамбеуса, часто по поводу разбора совершенно посторонняго сочиненія. Кромѣ того „Телескопъ“ много вредилъ себѣ опаздываніемъ книжекъ, неаккуратностію изданія, и критическія статьи его чрезъ то еще менѣе были въ оборотѣ.

Очевидно, что силы и средства этихъ журналовъ были слишкомъ слабы въ отношеніи къ „Библіотекѣ для Чтенія,“ которая была между ними, какъ слонъ между мелкими четвероногими. Ихъ бой былъ слишкомъ неравенъ, и они, кажется, не приняли въ соображеніе, что „Библіотека для Чтенія“ имѣла около пяти тысячъ подписчиковъ, что мнѣнія „Библіотеки для Чтенія“ разносились въ такихъ слояхъ общества, гдѣ даже не слышали, существуютъ ли „Телескопъ“ и „Литературныя Прибавленія“, что мнѣнія и сочиненія, помѣщаемыя въ „Библіотекѣ для Чтенія“, были расхвалены издателями той же „Библіотеки для Чтенія“, скрывавшимися подъ разными именами, расхвалены съ энтузіазмомъ, всегда имѣющимъ вліяніе на большую часть публики; ибо то, что смѣшно для читателей просвѣщенныхъ, тому вѣрятъ со всѣмъ простодушіемъ читатели ограниченные, какихъ, по количеству подписчиковъ, можно предполагать болѣе между читателями „Библіотеки“, и къ тому же большая часть подписчиковъ были люди новые, дотолѣ не знавшіе журналовъ, слѣдственно принимавшіе все за чистую истину; что, наконецъ, „Библіотека для Чтенія“ имѣла сильное для себя подкрѣпленіе въ 4000 экземплярахъ „Сѣверной Пчелы“.

Ропотъ на такую неслыханную монополію сдѣлался силенъ. Въ Москвѣ, наконецъ, нѣсколько литераторовъ рѣшились издавать какой-нибудь свой журналъ. Новый журналъ нуженъ былъ не для публики, т. е. для большаго числа читателей, но

собственно для литераторовъ, различно притѣсняемыхъ „Библіотекою“. Онъ былъ нуженъ: 1) для тѣхъ, которые желали имѣть пріютъ для своихъ мнѣній, ибо *Б. д. Ч.* не принимала никакихъ критическихъ статей, если не были онѣ по вкусу главнаго распорядителя; 2) для тѣхъ, которые видѣли съ изумленіемъ, какъ на ихъ собственныя сочиненія наложена была рука распорядителя, ибо г. Сенковскій началъ уже переправлять, безо всякаго разбора лицъ, всѣ статьи, отдаваемыя въ „Библіотеку“. Онъ переправлялъ статьи военныя, историческія, литературныя, относящіяся къ политической экономіи и проч., и все это дѣлалъ безъ всякаго дурнаго намѣренія, даже безъ всякаго отчета, не руководствуясь никакимъ чувствомъ надобности или приличія. Онъ даже придѣлалъ свой конецъ къ комедіи Фонвизина, не разсмотрѣвши, что она и безъ того была съ концомъ.

Все это было очень досадно для писателей, рѣшительно не имѣвшихъ мѣста, куда бы могли подать жалобу свѣту и читателямъ.

Но уже одинъ слухъ о новомъ журналѣ возбудилъ негодованіе „Библіотеки для Чтенія“ и подвинулъ ее къ неожиданному поступку: она увѣряла своихъ читателей и подписчиковъ съ необыкновеннымъ жаромъ, что новый журналъ будетъ бранчивый и неблагонамѣренный. Статья, помѣщенная по этому же случаю въ „Сѣверной Пчелѣ“, казалось, была писана человѣкомъ, въ отчаяніи предвидѣвшимъ свою конечную погибель. Въ ней увѣдомляли публику, что новый журналъ хотѣлъ уронить „Библіотеку для Чтенія“, потому только, что издатели онаго объявили, что будутъ выпускать таковое же число листовъ, какъ и „Б. д. Ч.“. Поступокъ чрезвычайно неосмотрительный! Въ подобномъ дѣлѣ необходимо скрыть свои мелкія чувства искусно и потомъ, выждавъ удобный случай, нанесть обдуманный ударъ. Если я издаю журналъ, зачѣмъ же не издавать его и другому? И какъ могу гнѣваться, если другой скажетъ, что онъ будетъ брать меня въ образецъ? Не долженъ ли я, напротивъ, его благодарить? Не показываетъ ли онъ тѣмъ степень уваженія, мною заслуженнаго въ публикѣ? Чѣмъ больше соревнованія, тѣмъ больше выигрыша для читателей и для литераторовъ.

Но разсмотримъ, въ какой степени „Москов. Набл.“ выпол-

нилъ ожиданія публики, жадной до новизны, ожиданіе читателей образованныхъ, ожиданіе литераторовъ и опасеніе „Библіотеки для Чтенія".

Новый журналъ, не смотря на ревностное стараніе привести себя во всеобщую извѣстность, не имѣлъ средствъ огласить во всѣ углы Россіи о своемъ появленіи, потому что единственные глашатаи вѣстей были его противники „Сѣверная Пчела" и „Библіотека для Чтенія", которые, конечно, не помѣстили бы благопріятныхъ о немъ объявленій. Онъ начался довольно поздно, не съ новымъ годомъ, слѣдственно не въ то время, когда обыкновенно начинаются подписки; наконецъ, онъ пренебрегъ быстрымъ выходомъ книжекъ и срочною ихъ поставкою. Но важнѣйшія причины неуспѣха заключались въ характерѣ самаго журнала. По первымъ вышедшимъ книжкамъ уже можно было видѣть, что предположеніе журнала было слѣдствіемъ одного горячаго мгновенія. Въ „Московскомъ Наблюдателѣ" тоже не было видно никакой сильной пружины, которая управляла бы ходомъ всего журнала. Редакторъ его виденъ былъ только на заглавномъ листкѣ. Имя его было почти неизвѣстно. Онъ написалъ доселѣ нѣсколько сочиненій статистическихъ, имѣющихъ много достоинства, но которыхъ публика чисто литературная не знала вовсе. Литературныя мнѣнія его были неизвѣстны. Въ этомъ состояла большая ошибка издателей „Московскаго Наблюдателя". Они позабыли, что редакторъ всегда долженъ быть виднымъ лицомъ. На немъ, на оригинальности его мнѣній, на живости его слога, на общепонятности и общезанимательности языка его, на постоянной свѣжей дѣятельности его основывается весь кредитъ журнала. Но г. Андросовъ явился въ „Московскомъ Наблюдателѣ" вовсе незамѣтнымъ лицомъ. Если желаніе издателей было постановить только почетнаго редактора, какъ вошло въ обычай у насъ на лѣнивой Руси, то въ такомъ случаѣ они должны были труды редакціи разложить на себя; но они оставили всю отвѣтственность на редакторѣ, и „Московскій Наблюдатель" сталъ похожъ на тѣ ученыя общества, гдѣ члены ничего не дѣлаютъ и даже не бываютъ въ присутствіи, между тѣмъ, какъ президентъ является каждый день, садится въ свои кресла и велитъ записывать протоколъ своего уединеннаго засѣданія. Въ журналѣ было нѣсколько очень хорошихъ ста-

тей; его украсили стихи Языкова и Баратынскаго, эти перлы русской поэзіи; но при всемъ томъ въ журналѣ не было замѣтно никакой современной живости, никакого хлопотливаго движенія; не было въ немъ разнообразія, необходимаго для изданія періодическаго. Замѣчательныя статьи, поступавшія въ этотъ журналъ, были похожи на оазисы, зеленѣющіе посреди цѣлаго моря песчаныхъ степей. Притомъ издатели, какъ кажется, мало имѣли свѣдѣнія о томъ, что нравится и что не нравится публикѣ. Статьи часто хорошія дѣлались скучными, потому только, что они тянулись изъ одного нумера въ другой съ несносною подписью: *продолженіе впредь*. Вотъ каковъ былъ журналъ, долженствовавшій бороться съ „Библіотекой для чтенія".

„Наблюдатель" начался оппозиціонною статьею г. Шевырева о торговлѣ, зародившейся въ нашей литературѣ. Въ ней авторъ нападаетъ на торговлю въ ученомъ мірѣ, на всеобщее стремленіе составить себѣ доходъ изъ литературныхъ занятій. Первая ошибка была здѣсь та, что авторъ статьи обратилъ вниманіе не на главный предметъ. Во-вторыхъ, онъ гремѣлъ противъ пишущихъ за деньги, но не разрушилъ никакого мнѣнія въ публикѣ касательно внутренней цѣнности товара. Статья сія была понятна однимъ литераторамъ, нанесла досаду „Библіотекѣ для чтенія", но ничего не дала знать публикѣ, не понимавшей даже, въ чемъ состояло дѣло. Притомъ сіи нападенія были несправедливы, потому что устремлялись на непреложный законъ всякаго дѣйствія. Литература должна была обратиться въ торговлю, потому что читатели и потребность чтенія увеличилась[1]. Естественное дѣло, что при этомъ случаѣ всегда больше выигрываютъ люди предпріимчивые, безъ большаго таланта, ибо во всякой торговлѣ, гдѣ покупщики еще простоваты, выигрываютъ больше купцы оборотливые и пронырливые. Должно показать, въ чемъ состоитъ обманъ, а не пересчитывать ихъ барыши. Что литераторъ купилъ себѣ доходный домъ или пару лошадей, это еще не бѣда; дурно то, что часть бѣднаго народа купила худой товаръ и еще хвалится своею покупкою. Должно было обратить вниманіе г. Шевыреву на бѣдныхъ покупщиковъ, а не на продавцовъ. Продавцы обыкновенно бываютъ люди наѣздные: сегодня здѣсь, а завтра Богъ знаетъ гдѣ. При этомъ случаѣ

сдѣланъ былъ несправедливый упрекъ книгопродавцу Смирдину, который вовсе не виноватъ, который за предпріимчивость и честную дѣятельность заслуживаетъ одну только благодарность. Нѣтъ спора, что онъ далъ, можетъ быть, много воли людямъ, которымъ приличнѣе было заниматься просто торговлею, а не литературою. Талантъ не искателенъ, но корыстолюбіе искательно. На это такъ же смѣшно жаловаться, какъ было бы странно жаловаться на правительство, встрѣтивши недальновиднаго чиновника. Для таланта есть потомство, этотъ неподкупный ювелиръ, который оправляетъ одни чистые брилліанты. Г. Шевыревъ показалъ въ статьѣ своей благородный порывъ негодованія на прозаическое, униженное направленіе литературы, но на большинство публики эта статья рѣшительно не сдѣлала никакого впечатлѣнія. „Библіотека" отвѣчала коротко, въ духѣ обыкновенной своей тактики: обратившись къ зрителямъ, т. е. къ подписчикамъ, она говорила: „вотъ какое неблагородство духа показалъ г. Шевыревъ, неприличіе и неимѣніе высокихъ чувствъ, упрекая насъ въ томъ, что мы трудимся для денегъ, тогда какъ" и проч... Это обыкновенная политика петербургскихъ журналовъ и газетъ. Какъ только кто-нибудь сдѣлаетъ имъ упрекъ въ корыстолюбіи и въ бездѣйствіи, они всегда жалуются публикѣ на неприличіе выраженій и неблагородство духа своихъ противниковъ; говорятъ, что статья эта писана съ цѣлію только поддѣть публику и забрать отъ читателей деньги, что они почитаютъ съ своей стороны священнымъ долгомъ предувѣдомить публику.

Итакъ, выходка „Московскаго Наблюдателя" скользнула по „Библіотекѣ для чтенія", какъ пуля по толстой кожѣ носорога, отъ которой даже не чихнуло тучное четвероногое. Выславши эту пулю, „Московскій Наблюдатель" замолчалъ, — доказательство, что онъ не начерталъ для себя обдуманнаго плана дѣйствій и что рѣшительно не зналъ, какъ и съ чего начать. Должно было или не начинать вовсе, или если начать, то уже не отставать. Только постояннымъ дѣйствіемъ могъ „Наблюдатель" дать себѣ ходъ и сдѣлать имя свое извѣстнымъ публикѣ, какъ сдѣлалъ его извѣстнымъ „Телеграфъ", дѣйствуя такимъ же образомъ и почти при такихъ же обстоятельствахъ. „Наблюдатель" выпустилъ вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько нумеровъ, но ни въ одномъ изъ нихъ не сказалъ

ничего въ защиту и подкрѣпленіе своихъ мнѣній. Чрезъ нѣсколько нумеровъ показалась, наконецъ, статья, посвященная Брамбеусу, по поводу одной давно напечатанной въ „Библіотекѣ“ статьи, подъ именемъ: „Брамбеусъ и юная словесность“, въ которой Брамбеусъ назвалъ самъ себя законодателемъ какой-то новой школы и вводителемъ новой эпохи въ русской литературѣ.

Это въ самомъ дѣлѣ было чрезвычайно странно. Случалось, что литераторы иногда похваливали самихъ себя, или подъ именемъ друзей своихъ, или даже сами отъ себя, но все же съ нѣкоторою застѣнчивостію, и послѣ сами старались все это какъ-нибудь загресть собственными руками, чувствуя, что нѣсколько провинились. Но никогда еще авторъ не хвалилъ себя такъ свободно и непринужденно, какъ баронъ Брамбеусъ. Эта оригинальная статья слишкомъ была ярка, чтобы не быть замѣченною. Ею занялся и „Телескопъ“ и потрунилъ надъ нею довольно забавно, только вскользь; съ обыкновенною смѣтливостію о ней намекнулъ и г. Воейковъ; она возродила статью и въ „Московскомъ Наблюдателѣ“. Цѣль этой статьи была доказать, откуда баронъ Брамбеусъ почерпнулъ талантъ свой и знаменитость, какими твореніями чужихъ хозяевъ пользовался, какъ своимъ; другими словами: изъ какихъ лоскутовъ баронъ Брамбеусъ сшилъ себѣ халатъ. Нѣсколько безгласныхъ книжекъ, выходившихъ вслѣдъ за тѣмъ, совершенно погрузили „М. Наблюдателя“ въ забвеніе. Даже самая „Библіотека для Чтенія“ перестала, наконецъ, упоминать о немъ, какъ о безсильномъ противникѣ, продолжала шутить надъ важнымъ и неважнымъ и говорить все то, чтѐ первое попадалось подъ перо ея.

Вотъ каковы были дѣйствія нашихъ журналовъ. Изложивъ ихъ, разсмотримъ теперь, чтѐ сдѣлали они въ эти два года такого, которое должно вписаться въ исторію нашей литературы, оставить въ ней свою оригинальную черту, — какія мнѣнія, какіе толки они утвердили, чтѐ опредѣлили и какой мысли дали право гражданства.

Длинная программа, сулящая статистику, медицину, литературу, ничего не значитъ. Извѣщеніе о томъ, что критика будетъ благонамѣренная, чуждая личностей и партій, тоже не показываетъ цѣли. Она должна быть необходимымъ условіемъ

всякаго журнала. Даже множество помѣщенныхъ въ журналѣ статей ничего не значитъ, если журналъ не имѣетъ своего мнѣнія и не оказывается въ немъ направленіе, хотя даже одностороннее, къ какой-нибудь цѣли. „Телеграфъ" издавался, кажется, съ тѣмъ, чтобы испровергнуть обветшалыя, заматорѣлыя, почти машинальныя мысли тогдашнихъ нашихъ старожиловъ, классиковъ; „Московскій Вѣстникъ", одинъ изъ лучшихъ журналовъ, не смотря на то, что въ немъ немного было современнаго движенія, издавался съ тѣмъ, чтобы познакомить публику съ замѣчательнѣйшими созданіями Европы, раздвинуть кругъ нашей литературы, доставить намъ свѣжія идеи о писателяхъ всѣхъ временъ и народовъ. Здѣсь не мѣсто говорить, въ какой степени оба сіи журнала выполнили цѣль свою; по крайней мѣрѣ, стремленіе къ ней было чувствуемо въ нихъ читателями. Но разсмотрите внимательно издававшіеся въ послѣдніе два года журналы; уловите главную нить каждаго изъ нихъ: сей-то нити и не сыщете. Развернувши ихъ, будете поражены мелкостью предметовъ, вызвавшихъ толки ихъ. Подумаете, что рѣшительно ни одного важнаго событія не произошло въ литературномъ мірѣ. А между тѣмъ:

1) Умеръ знаменитый шотландецъ, великій дѣеписатель сердца, природы и жизни, полнѣйшій, обширнѣйшій геній XIX вѣка.

2) Въ литературѣ всей Европы распространился безпокойный, волнующійся вкусъ. Являлись опрометчивыя, безсвязныя, младенческія творенія, но часто восторженныя, пламенныя— слѣдствіе политическихъ волненій той страны, гдѣ рождались. Странная, мятежная какъ комета, неорганизованная какъ она, эта литература волновала Европу, быстро облетѣла всѣ углы читающаго міра. Пусть эти явленія будутъ всемірно-европейскія, хотя они отражались и въ Россіи; разсмотримъ литературныя событія чисто русскія.

3) Распространилось въ большой степени чтеніе романовъ, холодныхъ, скучныхъ повѣстей, и оказалось очень явно всеобщее равнодушіе къ поэзіи.

4) Вышли новыми изданіями Державинъ, Карамзинъ, гласно требовавшіе своего опредѣленія и настоящей, вѣрной оцѣнки такъ, какъ и всѣ прочіе старые писатели наши, ибо въ литературномъ мірѣ нѣтъ смерти, и мертвецы такъ же вмѣшиваются

въ дѣла наши и дѣйствуютъ вмѣстѣ съ нами, какъ и живые. Они требовали возвращенія того, что̀ дѣйствительно имъ слѣдуетъ; они требовали уничтоженія неправаго обвиненія, неправаго опредѣленія, безсмысленно повтореннаго въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и повторяемаго донынѣ.

Но сказали ли журналы наши, руководимые строгимъ размышленіемъ, что̀ такое былъ Вальтеръ Скоттъ, въ чемъ состояло вліяніе его, что̀ такое французская современная литература, отчего, откуда она произошла, что̀ было поводомъ неправильнаго уклоненія вкуса и въ чемъ состоялъ ея характеръ? Отчего поэзія замѣнилась прозаическими сочиненіями? На какой степени образованія стоитъ русская публика и что̀ такое русская публика? Въ чемъ состоитъ оригинальность и свойство нашихъ писателей?

Напрасно въ этомъ отношеніи читатель станетъ искать въ нихъ новыхъ мыслей или какихъ-нибудь слѣдовъ глубокаго, добросовѣстнаго изученія. Вальтеръ Скотта у насъ только побранили. Французскую литературу одни приняли съ дѣтскимъ энтузіазмомъ, утверждали, что модные писатели проникнули тайны сердца человѣческаго, дотолѣ сокровенныя для Сервантеса, для Шекспира.... другіе безотчетно поносили ее, а между тѣмъ сами писали во вкусѣ той же школы еще съ бо̀льшими несообразностями. Вопросомъ, отчего у насъ въ большомъ ходу водяные романы и повѣсти, вовсе не занялись, а вмѣсто того въ добавокъ напустили и своихъ еще собственныхъ. О нашей публикѣ сказали только, что она почтенная публика и что должна подписываться на всѣ журналы и разныя изданія, ибо ихъ можетъ читать и отецъ семейства, и купецъ, и воинъ, и литераторъ; о Державинѣ, Карамзинѣ и Крыловѣ ничего не сказали или сказали то, что̀ говоритъ уѣздный учитель своему ученику, и отдѣлались пошлыми фразами.

О чемъ же говорили наши журналисты?[1] Они говорили о ближайшихъ и любимѣйшихъ предметахъ: они говорили о себѣ, они хвалили въ своихъ журналахъ собственныя свои сочиненія; они рѣшительно были заняты только собою, на все другое они обращали какое-то холодное, безстрастное вниманіе. Великое и замѣчательное было какъ будто невидимо. Ихъ равнодушная критика обращена была на тѣ предметы, которые почти не заслуживали вниманія.

Въ чемъ же состоялъ главный характеръ этой критики? Въ ней очень явственно было замѣтно:

1) Пренебреженіе къ собственному мнѣнію. Почти никогда не было замѣтно, чтобы критикъ считалъ свое дѣло важнымъ и принимался за него съ благоговѣніемъ и предварительнымъ размышленіемъ, чтобы, водя перомъ своимъ, думалъ о небольшомъ числѣ возвышенно-образованныхъ современниковъ, передъ которыми онъ долженъ дать отвѣтъ въ каждомъ своемъ словѣ. Журнальная критика по большой части была какимъ-то гаерствомъ. Какъ хвалили книгу покровительствуемаго автора? Не говорили просто, что такая-то книга хороша или достойна вниманія въ такомъ-то и въ такомъ-то отношеніи, совсѣмъ нѣтъ. „Это книга", говорили рецензенты, „удивительная, необыкновенная, неслыханная, геніальная, первая на Руси; продается по пятнадцати рублей; авторъ выше Вальтеръ Скотта, Гумбольта, Гёте, Байрона. Возьмите, переплетите и поставьте въ библіотеку вашу; также и второе изданіе купите и поставьте въ библіотеку: хорошаго не мѣшаетъ имѣть и по два экземпляра".

Большая часть книгъ была расхвалена безъ всякаго разбора и совершенно безотчетно. Если счесть всѣ тѣ, которыя попали въ первоклассныя, то иной подумаетъ, что нѣтъ въ мірѣ богаче русской литературы, и только черезъ нѣсколько времени противоположные толки тѣхъ же самыхъ рецензентовъ о тѣхъ же самыхъ книгахъ, заставятъ его задуматься и приведутъ въ недоумѣніе. Та же самая неумѣренность являлась въ упрекахъ сочиненіямъ писателей, противъ которыхъ рецензентъ питалъ ненависть или неблагорасположеніе. Такъ же безотчетно изливалъ онъ гнѣвъ свой, удовлетворяя минутному чувству.

2) Литературное безвѣріе и литературное невѣжество. Эти два свойства особенно распространились въ послѣднее время у насъ въ литературѣ. Нигдѣ не встрѣтишь, чтобы упоминались имена уже окончившихъ поприще писателей нашихъ, которые глядятъ на насъ, въ лучахъ славы, съ вышины своей. Ни одинъ изъ критиковъ не поднялъ благоговѣйно глазъ своихъ, чтобы ихъ примѣтить. Никогда почти не стоятъ на журнальныхъ страницахъ имена Державина, Ломоносова, Фонвизина, Богдановича, Батюшкова. Ничего о вліяніи ихъ, еще остаю-

щемся, еще замѣтномъ. Никогда они даже не брались въ сравненіе съ нынѣшнею эпохой, такъ что[1] наша эпоха кажется какъ будто отрублена отъ своего корня, какъ будто у насъ вовсе нѣтъ начала, какъ будто исторія прошедшаго для насъ не существуетъ. Это литературное невѣжество распространяется особенно между молодыми рецензентами, такъ что вообще современная критическая литература совершенно похожа на наносную. Не успѣетъ пройти годъ-другой, какъ толки, вначалѣ довольно громкіе, уже безгласные, неслышные, какъ звукъ безъ отголоска, какъ фразы, сказанныя на вчерашнемъ балѣ. Имена писателей, уже упрочившихъ свою славу, и писателей, еще требующихъ ея, сдѣлались совершенною игрушкою. Одинъ рецензентъ роняетъ тѣхъ, которыхъ поднялъ его противникъ, и все это дѣлается безъ всякаго разбора, безъ всякой идеи. Иное имя бываетъ обязано славою своею ссорѣ двухъ рецензентовъ. Не говоря о писателяхъ отечественныхъ, рецензентъ, о какой бы пустѣйшей книгѣ ни говорилъ, непремѣнно начнетъ Шекспиромъ, котораго онъ вовсе не читалъ. Но о Шекспирѣ пошло въ моду говорить — итакъ, подавай намъ Шекспира! Говоритъ онъ: „Съ сей точки начнемъ мы теперь разбирать открытую предъ нами книгу. Посмотримъ, какъ авторъ нашъ соотвѣтствовалъ Шекспиру“, а между тѣмъ разбираемая книга чепуха, писанная вовсе безъ всякихъ притязаній на соперничество съ Шекспиромъ, и сходствуетъ развѣ только съ духомъ и образомъ выраженій самого рецензента.

3) Отсутствіе чистаго эстетическаго наслажденія и вкуса. Еще въ московскихъ журналахъ видишь иногда какой-нибудь вкусъ, что-нибудь похожее на любовь къ искусству; напротивъ того, критики журналовъ петербургскихъ, особенно такъ называемые благопристойные, чрезвычайно ничтожны. Разбираемыя сочиненія превозносятся выше Байрона, Гёте и проч.! Но нигдѣ не видитъ читатель, чтобы это было признакомъ чувства, признакомъ пониманія, истекло изъ глубины признательной, растроганной души. Слогъ ихъ, не смотря на наружное, часто вычурное и блестящее убранство, дышетъ мертвящею холодностію. Въ немъ видна живость или горячая замашка только тогда, когда рецензентъ задѣтъ за живое и когда дѣло относится къ его собственному достоинству. Справедливость

требуетъ упомянуть о критикахъ Шевырева, какъ объ утѣшительномъ исключеніи. Онъ передаетъ намъ впечатлѣнія въ томъ видѣ, какъ приняла ихъ душа его. Въ статьяхъ его вездѣ замѣтенъ мыслящій человѣкъ, иногда увлекающійся первымъ впечатлѣніемъ.

4) Мелочное въ мысляхъ и мелочное щегольство. Мы уже видѣли, что критика не занималась вопросомъ важнымъ. Вниманіе рецензій было устремлено на цѣлую шеренгу пустыхъ книгъ и вовсе не съ тѣмъ, чтобы разбирать ихъ, но чтобы блеснуть любезностію, заставить читателя разсмѣяться. До какой степени критика занялась пустяками и ничтожными спорами, читатели уже видѣли изъ знаменитаго процесса о двухъ бѣдныхъ мѣстоименіяхъ: *сей* и *оный*. Вотъ до чего дошла, наконецъ, русская критика!

Кто же были тѣ, которые у насъ говорили о литературѣ? Въ это время не сказалъ своихъ мнѣній ни Жуковскій, ни Крыловъ, ни князь Вяземскій, ни даже тѣ, которые еще не такъ давно издавали журналы, имѣвшіе свой голосъ и показавшіе въ статьяхъ своихъ вкусъ и знаніе: нужно ли послѣ этого удивляться такому состоянію нашей литературы?

Отчего же не говорили сіи писатели, показавшіе въ твореніяхъ своихъ глубокое эстетическое чувство? Считали ли они для себя низкимъ спуститься на журнальную сферу, гдѣ обыкновенно бойцы всякаго рода заводятъ свой шумный бой? Мы не имѣемъ права рѣшить этого. Мы должны только замѣтить, что критика, основанная на глубокомъ вкусѣ и умѣ, критика высокаго таланта имѣетъ равное достоинство со всякимъ оригинальнымъ твореніемъ: въ ней виденъ разбираемый писатель, въ ней виденъ еще болѣе самъ разбирающій. Критика, начертанная талантомъ, переживаетъ эфемерность журнальнаго существованія. Для исторіи литературы она неоцѣнима. Наша словесность молода. Корифеевъ ея было немного; но для критика мыслящаго она представляетъ цѣлое поле, работу на цѣлые годы. Писатели наши отлились совершенно въ особенную форму и, не смотря на общую черту нашей литературы, черту подражанія, они заключаютъ въ себѣ чисто русскіе элементы: и подражаніе наше носитъ совершенно сѣверообразный характеръ, представляетъ явленіе, замѣчательное даже для европейской литературы.

Но довольно. Заключимъ искреннимъ желаніемъ, чтобы съ текущимъ годомъ болѣе показалось дѣятельности и, при бо̀льшемъ количествѣ журналовъ, явилось бы болѣе независимости отъ монополіи, а черезъ то болѣе соревнованія у всѣхъ соотвѣтствовать своей цѣли. По крайней мѣрѣ, замѣтно какое-то утѣшительное стремленіе уже и въ томъ, что нѣкоторые журналы съ будущимъ годомъ обѣщаютъ издаваться съ бо̀льшимъ противу прежняго раченіемъ. Издатели „Сына Отечества“, издатель „Телескопа“ заговорили объ улучшеніяхъ. Нельзя и сомнѣваться, чтобы при большемъ стараніи не возможно было сдѣлать бо̀льшаго. По крайней мѣрѣ, со всѣмъ чистосердечіемъ и теплою молитвою излагаемъ желаніе наше: да наградятся старанія всѣхъ и каждаго сторицею, и чѣмъ безкорыстнѣе и добросовѣстнѣе будутъ труды его, тѣмъ болѣе да будетъ онъ почтенъ заслуженнымъ вниманіемъ и благодарностію.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАПИСКИ

1836 года.

I.

....Въ самомъ дѣлѣ, куда забросило русскую столицу — на край свѣта! Странный народъ русскій: была столица въ Кіевѣ — здѣсь слишкомъ тепло, мало холоду; переѣхала русская столица въ Москву — нѣтъ, и тутъ мало холода: подавай Богъ Петербургъ! Зато какая дичь между матушкою и сынкомъ! Чтò это за виды, чтò за природа! Воздухъ продернутъ туманомъ; на блѣдной, сѣрозеленой землѣ обгорѣлые пни, сосны, ельникъ, кочки.... Хорошо еще, что стрѣлою летящее шоссе да русскія поющія и звенящія тройки духомъ пронесутъ мимо. А какая разница, какая разница между ими двумя! Она еще до сихъ поръ русская борода, а онъ уже ловкій европеецъ. Какъ раскинулась, какъ расширилась старая Москва! Какъ сдвинулся, какъ вытянулся въ струнку щеголь Петербургъ! Передъ нимъ со всѣхъ сторонъ зеркала: тамъ Нева, тамъ Финскій заливъ. Ему есть куда поглядѣться. Какъ только замѣтитъ онъ на себѣ перышко или пушокъ, ту жъ минуту его прочь. Москва — старая домосѣдка, печетъ блины, глядитъ издали и слушаетъ разсказъ, не подымаясь съ креселъ, о томъ, чтò дѣлается въ свѣтѣ; Петербургъ — разбитной малой, никогда не сидитъ дома, всегда одѣтъ и, охорашиваясь передъ Европою, раскланивается съ заморскимъ людомъ.

Петербургъ весь шевелится, отъ погребовъ до чердака; съ полночи начинаетъ печь французскіе хлѣбы, которые назавтра всѣ съѣстъ разноплеменный народъ, и во всю ночь то одинъ

глазъ его свѣтится, то другой; Москва ночью вся спитъ, и на другой день, перекрестившись и поклонившись на всѣ четыре стороны, выѣзжаетъ съ калачами на рынокъ. Москва женскаго рода, Петербургъ мужескаго. Въ Москвѣ все невѣсты, въ Петербургѣ все женихи. Петербургъ наблюдаетъ большое приличіе въ своей одеждѣ, не любитъ пестрыхъ цвѣтовъ и никакихъ рѣзкихъ и дерзкихъ отступленій отъ моды; зато Москва требуетъ, если ужъ пошло на моду, то чтобы во всей формѣ была мода: если талія длинна, то она пускаетъ ее еще длиннѣе; если отвороты фрака велики, то у ней — какъ сарайныя двери. Петербургъ — аккуратный человѣкъ, совершенный нѣмецъ, на все глядитъ съ разсчетомъ и прежде, нежели задумаетъ дать вечеринку, посмотритъ въ карманъ; Москва — русскій дворянинъ и если ужъ веселится, то веселится до упаду и не заботится о томъ, что уже хватаетъ больше того, сколько находится въ карманѣ: она не любитъ средины. Въ Москвѣ всѣ журналы, какъ бы учены ни были, но всегда къ концу книжки оканчиваются картинкою модъ; петербургскіе рѣдко прилагаютъ картинки, если же прилажатъ, то съ непривычки взглянувшій можетъ перепугаться. Московскіе журналы говорятъ о Кантѣ, Шеллингѣ и проч., и проч.; въ петербургскихъ журналахъ говорятъ только о публикѣ и благонамѣренности.... Въ Москвѣ журналы идутъ наряду съ вѣкомъ, но опаздываютъ книжками; въ Петербургѣ журналы нейдутъ наравнѣ съ вѣкомъ, но выходятъ аккуратно, въ положенное время. Въ Москвѣ литераторы проживаются, въ Петербургѣ наживаются. Москва всегда ѣдетъ, завернувшись въ медвѣжью шубу, и большею частію на обѣдъ; Петербургъ, въ байковомъ сюртукѣ, заложивъ обѣ руки въ карманъ, летитъ во всю прыть на биржу или „въ должность". Москва гуляетъ до четырехъ часовъ ночи и на другой день не подымется съ постели раньше втораго часу; Петербургъ тоже гуляетъ до четырехъ часовъ, но на другой день, какъ ни въ чемъ не бывало, въ девять часовъ спѣшитъ, въ своемъ байковомъ сюртукѣ, въ присутствіе. Въ Москву тащится Русь съ деньгами въ карманѣ и возвращается налегкѣ; въ Петербургъ ѣдутъ люди безденежные и разъѣзжаются во всѣ стороны свѣта съ изряднымъ капиталомъ. Въ Москву тащится Русь въ зимнихъ кибиткахъ по зимнимъ ухабамъ сбывать и за-

купать; въ Петербургъ идетъ русскій народъ пѣшкомъ лѣтнею порою строить и работать. Москва — кладовая, она наваливаетъ тюки да вьюки, на мелкаго продавца и смотрѣть не хочетъ; Петербургъ весь расточился по кусочкамъ, раздѣлился, разложился на лавочки и магазины и ловитъ мелкихъ покупщиковъ. Москва говоритъ: „коли нужно покупщику, сыщетъ“; Петербургъ суетъ вывѣску подъ самый носъ, подкапывается подъ вашъ полъ съ „Ренскимъ погребомъ“ и ставитъ извощичью биржу въ самыя двери вашего дома. Москва не глядитъ на своихъ жителей, а шлетъ товары во всю Русь; Петербургъ продаетъ галстуки и перчатки своимъ чиновникамъ. Москва — большой гостиный дворъ; Петербургъ — свѣтлый магазинъ. Москва нужна для Россіи, для Петербурга нужна Россія. Въ Москвѣ рѣдко встрѣтишь гербовую пуговицу на фракѣ; въ Петербургѣ нѣтъ фрака безъ гербовыхъ пуговицъ. Петербургъ любитъ подтрунить надъ Москвою, надъ ея неловкостью и безвкусіемъ; Москва кольнетъ Петербургъ тѣмъ, что онъ не умѣетъ говорить по-русски. Въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, гуляютъ въ два часа люди, какъ будто сошедшіе съ журнальныхъ модныхъ картинокъ, выставляемыхъ въ окна, даже старухи съ такими узенькими таліями, что дѣлается смѣшно; на гуляньяхъ въ Москвѣ всегда попадется, въ самой серединѣ модной толпы, какая-нибудь матушка съ платкомъ на головѣ и уже совершенно безъ всякой таліи. Сказалъ бы еще кое-что, но —

„Дистанція огромнаго размѣра!....“

II.

Трудно схватить общее выраженіе Петербурга. Есть что-то похожее на европейско-американскую колонію: такъ же мало коренной національности и такъ же много иностраннаго смѣшенія, еще не слившагося въ плотную массу. Сколько въ немъ разныхъ націй, столько и разныхъ слоевъ обществъ. Эти общества совершенно отдѣльны: аристократы, служащіе чиновники, ремесленники, англичане, нѣмцы, купцы — всѣ составляютъ совершенно отдѣльные круги, рѣдко сливающіеся

между собою, больше живущіе, веселящіеся невидимо для другихъ.

И каждый изъ этихъ классовъ, если присмотрѣться ближе, составленъ изъ множества другихъ маленькихъ кружковъ, тоже неслитыхъ между собой. Напримѣръ, возьмите чиновниковъ. Молоденькіе помощники столоначальниковъ составляютъ свой кругъ, въ который ни за что не опустится начальникъ отдѣленія. Столоначальникъ, съ своей стороны, подымаетъ свою прическу нѣсколько повыше въ присутствіи канцелярскаго чиновника. Нѣмцы-мастеровые и нѣмцы служащіе тоже составляютъ два отдѣльные круга. Учителя составляютъ свой кругъ, актеры свой кругъ; даже литераторъ, являющійся до сихъ поръ двусмысленнымъ и сомнительнымъ лицомъ, стоитъ совершенно отдѣльно, Словомъ, какъ будто бы пріѣхалъ въ трактиръ огромный дилижансъ, въ которомъ каждый пассажиръ сидѣлъ во всю дорогу закрывшись и вошелъ въ общую залу потому только, что не было другаго мѣста. Попытка на заведеніе публичныхъ обществъ доселѣ не имѣетъ успѣха. Въ клубъ петербургскій житель идетъ для того только, чтобы пообѣдать, а не провесть время. Что Петербургъ не сдѣлался до сихъ поръ гостинницею, этому виною какая-то внутренняя стихія русскаго человѣка, до сихъ поръ глядящая оригинальностію даже въ вѣчной шлифовкѣ съ иностранцами. Чтобы говорить о каждомъ изъ этихъ круговъ и замѣтить жизнь, текущую между нихъ съ ея веселостями, наслажденіями, надеждами, печалями, нужно быть однимъ изъ тѣхъ, которые вовсе ничего не пишутъ, потому что у этихъ господъ, въ награду за ихъ дѣятельность, рѣшительно нѣтъ времени. Итакъ, мимо балы и вечеринки! Обращусь къ тѣмъ увеселеніямъ, послѣ которыхъ долѣе остается воспоминаніе и которыя пріемлются всѣми классами. Театръ, концертъ — вотъ тѣ пункты, гдѣ сталкиваются классы петербургскихъ обществъ и имѣютъ время вдоволь насмотрѣться другъ на друга. Балетъ и опера — царь и царица петербургскаго театра. Они явились блестящѣе, шумнѣе, восторженнѣе прежнихъ годовъ, и упоенные зрители позабыли, что существуетъ величавая трагедія, вдыхающая невольно высокія ощущенія въ согласныя сердца сей безмолвно слушающей толпы; что есть комедія, вѣрный списокъ общества, движущагося предъ нами, комедія,

строго обдуманная, производящая глубокостью своей ироніи смѣхъ, — не тотъ смѣхъ, который порождается легкими впечатлѣніями, бѣглою остротою, каламбуромъ, не тотъ также смѣхъ, который движетъ грубою толпою общества, для котораго нужны конвульсіи и каррикатурныя гримасы природы, но тотъ электрическій, живительный смѣхъ, который исторгается невольно, свободно и неожиданно, прямо отъ души, пораженной ослѣпительнымъ блескомъ ума, раждается изъ спокойнаго наслажденія и производится только высокимъ умомъ. Зрители правы, что были упоены балетомъ и оперой... На драматической сценѣ являлись мелодрама и водевиль, заѣзжіе гости, которые были хозяевами во французскомъ театрѣ, а на русскомъ играли чрезвычайно странную роль. Уже давно признано, что русскіе актеры нѣсколько странны, когда представляютъ маркизовъ, виконтовъ и бароновъ, какъ, вѣроятно, были бы смѣшны французы, вздумавъ поддѣлаться подъ русскихъ мужиковъ; а сцены баловъ, вечеровъ и модныхъ раутовъ, являющихся въ русскихъ піесахъ — каковы онѣ? А водевили?... Давно уже пролѣзли водевили на русскую сцену, тѣшатъ народъ средней руки, благо смѣшливъ. Кто бы могъ думать, что водевиль будетъ не только переводный на русской сценѣ, но даже и оригинальный? Русскій водевиль! право, немножко странно — странно потому, что эта легкая, безцвѣтная игрушка могла родиться только у французовъ, націи, не имѣющей въ характерѣ своемъ глубокой, неподвижной физіогноміи[1]; но когда русскій, еще нѣсколько суровый, тяжелый характеръ заставляютъ вертѣться петиметромъ... мнѣ такъ и представляется, что нашъ тучный и смѣтливый купецъ съ широкою бородою, не знавши на ногѣ своей ничего другаго, кромѣ тяжелаго сапога, надѣлъ вмѣсто него узенькій башмачокъ и чулки à jour, а другую ногу свою оставилъ просто въ сапогѣ и сталъ такимъ образомъ въ первую пару во французскомъ кадрилѣ.

Уже лѣтъ пять, какъ мелодрамы и водевили завладѣли театрами всего свѣта. Какое обезьянство! Даже нѣмцы — ну, кто бы могъ подумать, что нѣмцы, этотъ основательный, этотъ склонный къ глубокому эстетическому наслажденію народъ, — нѣмцы теперь играютъ и пишутъ водевили, передѣлываютъ и клеятъ надутыя и холодныя мелодрамы! И пусть бы еще

повѣтріе это занесено было могуществомъ мановенія генія! Когда весь міръ ладилъ подъ лиру Байрона, это не было смѣшно; въ этомъ стремленіи было даже что-то утѣшительное. Но Дюма, Дюканжъ и другіе стали всемірными законодателями!... Клянусь, XIX вѣкъ будетъ стыдиться за эти пять лѣтъ. О, Мольеръ, великій Мольеръ! ты, который такъ обширно и въ такой полнотѣ развивалъ свои характеры, такъ глубоко слѣдилъ всѣ тѣни ихъ, ты, строгій, осмотрительный Лессингъ, и ты, благородный, пламенный Шиллеръ, въ такомъ поэтическомъ свѣтѣ выказавшій достоинство человѣка! взгляните, что̀ дѣлается послѣ васъ на нашей сценѣ; посмотрите, какое странное чудовище, подъ видомъ мелодрамы, забралось между насъ! Гдѣ же жизнь наша? гдѣ мы со всѣми современными страстями и странностями? Хотя бы какое-нибудь отраженіе ея видѣли мы въ нашей мелодрамѣ! Но лжетъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ наша мелодрама...

Непостижимое явленіе: то, что̀ вседневно окружаетъ насъ, что̀ неразлучно съ нами, что̀ обыкновенно, то можетъ замѣчать одинъ только глубокій, великій, необыкновенный талантъ. Но то, что̀ случается рѣдко, что̀ составляетъ исключенія, что̀ останавливаетъ насъ своимъ безобразіемъ, нестройностію среди стройности, за то схватывается обѣими руками посредственность. И вотъ жизнь глубокаго таланта течетъ во всемъ своемъ разливѣ, со всею стройностью, чистая какъ зеркало, отражая съ одинаковою ясностію и темныя, и свѣтлыя облака: у посредственности она влечется мутною и грязною волною, не отражая ни яснаго, ни темнаго.

Странное сдѣлалось сюжетомъ нынѣшней драмы. Все дѣло въ томъ, чтобы разсказать какое-нибудь происшествіе, непремѣнно новое, непремѣнно странное, дотолѣ неслыханное и невиданное: убійство, пожары, самыя дикія страсти, которыхъ нѣтъ и въ поминѣ въ теперешнихъ обществахъ! Какъ будто въ наши европейскіе фраки переодѣлися сыны палящей Африки! Палачи, яды — эффектъ, вѣчный эффектъ, и ни одно лицо не возбуждаетъ никакого участія! Никогда еще не выходилъ изъ театра зритель растроганный, въ слезахъ; напротивъ того, въ какомъ-то тревожномъ состояніи торопливо садился онъ въ карету и долго не могъ собрать и сообразить своихъ мыслей. И среди нашего утонченнаго, образованнаго общества

такой родъ зрѣлища! Невольно передвигаются передъ глазами тѣ кровавыя ристалища, на которыя собирался смотрѣть весь Римъ въ эпоху величайшаго владычества своего и притупленнаго пресыщенія. Но, слава Богу, мы еще не римляне и не на закатѣ существованія, но только на зарѣ его! Если собрать всѣ мелодрамы, какія были даны въ наше время, то можно подумать, что это кунсткамера, въ которую нарочно собраны уродливости и ошибки природы, или лучше — календарь, въ которомъ записаны, съ календарною холодностію, всѣ странныя происшествія, гдѣ противъ каждаго числа выставлено: сегодня было въ такомъ-то мѣстѣ такое-то мошенничество; сегодня отрубили головы такимъ-то разбойникамъ и зажигателямъ; такой-то ремесленникъ зарѣзалъ тогда-то жену свою... и тому подобное. Я воображаю, въ какомъ странномъ недоумѣніи будетъ потомокъ нашъ, вздумающій искать нашего общества въ нашихъ мелодрамахъ.

Неудивительно, что балетъ и опера утѣшительнѣе и служатъ отдохновеніемъ: въ нихъ наслажденіе спокойно. — Опера принимается у насъ очень жадно. До сихъ поръ не прошелъ тотъ энтузіазмъ, съ какимъ бросился весь Петербургъ на живую, яркую музыку „Фенеллы", на дикую, проникнутую адскимъ наслажденіемъ музыку „Роберта". „Семирамида", на которую за пять лѣтъ предъ симъ равнодушно глядѣла публика, „Семирамида" въ нынѣшнее время, когда музыка Россини почти анахронизмъ, приводитъ въ совершенный восторгъ ту же самую публику. Объ энтузіазмѣ, произведенномъ оперою „Жизнь за Царя", и говорить нечего: онъ понятенъ и извѣстенъ уже цѣлой Россіи. Объ этой оперѣ надобно говорить много, или ничего не говорить.

А я не люблю говорить ни о музыкѣ, ни о пѣніи. Мнѣ кажется, что всѣ музыкальные трактаты и рецензіи должны быть скучны для самихъ[1] музыкантовъ: въ музыкѣ огромнѣйшая часть ея невыразима и безотчетна. Музыкальныя страсти — не житейскія страсти; музыка иногда только выражаетъ, или, — лучше сказать, — поддѣлывается подъ голосъ нашихъ страстей, для того, чтобы, опершись на нихъ, устремиться брызжущимъ и поющимъ фонтаномъ другихъ страстей въ другую сферу. Замѣчу только, что меломанія болѣе и болѣе распространяется. Люди такіе, которыхъ никто не подозрѣвалъ въ

музыкальномъ образѣ мыслей, сидятъ неотлучно въ „Жизни за Царя“, „Робертѣ“, „Нормѣ“, „Фенеллѣ“ и „Семирамидѣ“. Оперы даются почти два раза каждую недѣлю, выдерживаютъ несчетное множество представленій, и все-таки иногда трудно достать билетъ. Ужъ не наша ли славянская пѣвучая природа такъ дѣйствуетъ? И не есть ли это возвратъ къ нашей старинѣ послѣ путешествія по чужой землѣ европейскаго просвѣщенія, гдѣ около насъ говорили все непонятнымъ языкомъ и мелькали все незнакомые люди, — возвратъ на русской тройкѣ, съ заливающимся колокольчикомъ, съ которымъ мы, привставъ[1] на бѣгу и помахивая шляпой, говоримъ: „Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше!“

Какую оперу можно составить изъ нашихъ національныхъ мотивовъ! Покажите мнѣ народъ, у котораго бы больше было пѣсенъ. Наша Украйна звенитъ пѣснями. По Волгѣ, отъ верховья до моря, на всей вереницѣ влекущихся барокъ заливаются бурлацкія пѣсни. Подъ пѣсни рубятся изъ сосновыхъ бревенъ избы по всей Руси. Подъ пѣсни мечутся изъ рукъ въ руки кирпичи, и какъ грибы выростаютъ города. Подъ пѣсни бабъ пеленается, женится и хоронится русскій человѣкъ. Все дорожное, дворянство и недворянство, летитъ подъ пѣсни ямщиковъ. У Чернаго моря безбородый, смуглый, съ смолистыми усами козакъ[2], заряжая пищаль свою, поетъ старинную пѣсню; а тамъ, на другомъ концѣ, верхомъ на плывущей льдинѣ, русскій промышленникъ бьетъ острогой кита, затягивая пѣсню. У насъ ли не изъ чего составить своей оперы? Опера Глинки есть только прекрасное начало. Онъ счастливо умѣлъ слить въ своемъ твореніи двѣ славянскія музыки; слышишь, гдѣ говоритъ русскій и гдѣ полякъ: у одного дышетъ раздольный мотивъ русской пѣсни, у другаго опрометчивый мотивъ польской мазурки.

Петербургскіе балеты блестятъ. Кстати о балетахъ вообще. Постановка балетовъ въ Парижѣ, Петербургѣ и Берлинѣ ушла очень далеко; но надо замѣтить, что совершенствуется въ нихъ только богатство костюмовъ и богатство декорацій; самая же сущность балета, изобрѣтеніе его, нейдетъ въ рядъ съ его постановкой; балетные композиторы очень мало новаго показываютъ въ танцахъ. До сихъ поръ мало характерности. Посмотрите, народные танцы являются въ разныхъ углахъ

міра: испанецъ пляшетъ не такъ, какъ швейцарецъ, шотландецъ, какъ теньеровскій нѣмецъ, русскій не такъ, какъ французъ, какъ азіатецъ. Даже въ провинціяхъ одного и того же государства измѣняется танецъ. Сѣверный руссъ не такъ пляшетъ, какъ малороссіянинъ, какъ славянинъ южный, какъ полякъ, какъ финнъ: у одного танецъ говорящій, у другаго безчувственный; у одного бѣшеный, разгульный, у другаго спокойный; у одного напряженный, тяжелый, у другаго легкій, воздушный. Откуда родилось такое разнообразіе танцевъ? Оно родилось изъ характера народа, его жизни и образа занятій. Народъ, проведшій горделивую и бранную жизнь, выражаетъ ту же гордость въ своемъ танцѣ; у народа безпечнаго и вольнаго та же безграничная воля и поэтическое самозабвеніе отражаются въ танцахъ; народъ климата пламеннаго оставилъ въ своемъ національномъ танцѣ ту же нѣгу, страсть и ревность. Руководствуясь тонкою разборчивостію, творецъ балета можетъ брать изъ нихъ, сколько хочетъ, для опредѣленія характеровъ пляшущихъ своихъ героевъ. Само собою разумѣется, что, схвативши въ нихъ первую стихію, онъ можетъ развить ее и улетѣть несравненно выше своего оригинала, какъ музыкальный геній изъ простой, услышанной на улицѣ пѣсни создаетъ цѣлую поэму. По крайней мѣрѣ, танцы будутъ имѣть тогда болѣе смысла, и такимъ образомъ можетъ болѣе образнообразиться[1] этотъ легкій, воздушный и пламенный языкъ, доселѣ еще нѣсколько стѣсненный и сжатый.

Петербургъ — большой охотникъ до театра. Если вы будете гулять по Невскому проспекту въ свѣжее морозное утро, во время котораго небо золотисто-розоваго цвѣта перемежается сквозными облаками подымающагося изъ трубъ дыма, зайдите въ это время въ сѣни Александринскаго театра: вы будете поражены упорнымъ терпѣніемъ, съ которымъ собравшійся народъ осаждаетъ грудью раздавателя билетовъ, высовывающаго одну руку свою изъ окошка. Сколько толпится тамъ лакеевъ всякаго рода, начиная отъ того, который пришелъ въ сѣрой шинели и въ шелковомъ цвѣтномъ галстукѣ, но безъ шапки, до того, у котораго трехъэтажный воротникъ ливрейной шинели похожъ на пеструю суконную бабочку для вытиранія перьевъ. Тутъ протираются и тѣ чиновники, которымъ чистятъ сапоги кухарки и которымъ некого послать

за билетомъ. Тутъ увидите, какъ прямо-русскій герой, потерявъ, наконецъ, терпѣніе, доходитъ, къ необыкновенному изумленію, по плечамъ всей толпы къ окошку и получаетъ билетъ. Тогда только вы узнаете, въ какой степени видна у насъ любовь къ театру. И что же дается на нашихъ театрахъ? — какіе-нибудь мелодрамы и водевили!... Сердитъ я на мелодрамы и водевили.

Положеніе русскихъ актеровъ жалко. Передъ ними трепещетъ и кипитъ свѣжее народонаселеніе, а имъ даютъ лица, которыхъ они и въ глаза не видали. Что имъ дѣлать съ этими странными героями, которые ни французы, ни нѣмцы, но какіе-то взбалмошные люди, не имѣющіе рѣшительно никакой опредѣленной страсти и рѣзкой физіономіи? гдѣ выказаться? на чемъ развиться таланту? Ради Бога, дайте намъ русскихъ характеровъ, насъ самихъ дайте намъ, нашихъ плутовъ, нашихъ чудаковъ! на сцену ихъ, на смѣхъ всѣмъ! Смѣхъ — великое дѣло: онъ не отнимаетъ ни жизни, ни имѣнія, но передъ нимъ виновный — какъ связанный заяцъ.... Мы такъ пригладѣлись къ французскимъ безцвѣтнымъ пьесамъ, что намъ уже боязливо видѣть свое. Если намъ представятъ какой-нибудь живой характеръ, то мы уже думаемъ, не личность ли это, потому что представляемое лицо совсѣмъ непохоже на какого-нибудь пейзана, театральнаго тирана, риѳмоплета, судью и тому подобныя обношенныя лица, которыхъ таскаютъ беззубые авторы въ свои пьесы, какъ таскаютъ на сцену вѣчныхъ фигурантовъ, отплясывающихъ предъ зрителями, съ тою же улыбкою, свое лихо вытверженное, въ продолженіе сорока лѣтъ, па. Если, напримѣръ, сказать, что въ одномъ городѣ одинъ надворный совѣтникъ нетрезваго поведенія, то всѣ надворные совѣтники обидятся, а иной, совершенно другой совѣтникъ, даже скажетъ: „Какъ же это? у меня есть родственникъ надворный совѣтникъ, прекрасный человѣкъ! Какъ же можно сказать, что есть надворный совѣтникъ нетрезваго поведенія!“ Какъ будто одинъ можетъ порочить все сословіе! И такая раздражительность у насъ рѣшительно распространена на всѣ классы. Нужны ли примѣры? Вспомните „Ревизора“....

Досадно. Право, пора знать уже, что одно только вѣрное изображеніе характеровъ, не въ общихъ вытверженныхъ чер-

тахъ, но въ ихъ національно-вылившейся формѣ, поражающей насъ живостью, такъ что мы говоримъ: „Да это, кажется, знакомый человѣкъ“, — только такое изображеніе приноситъ существенную пользу. Изъ театра мы сдѣлали игрушку въ родѣ тѣхъ побрякушекъ, которыми заманиваютъ дѣтей, позабывши, что это такая каѳедра, съ которой читается разомъ цѣлой толпѣ живой урокъ, гдѣ, при торжественномъ блескѣ освѣщенія, при громѣ музыки, при единодушномъ смѣхѣ, показывается знакомый, прячущійся порокъ и, при тайномъ голосѣ всеобщаго участія, выставляется знакомое, робко скрывающееся возвышенное чувство....

Но довольно о театрѣ. Я заговорился о немъ. Его зимній карнавалъ замыкаетъ шумная недѣля Петербурга, когда онъ одною половиною своего народонаселенія летаетъ на качеляхъ, мчится какъ вихорь съ ледяныхъ горъ, а другою превращается въ длинную цѣпь каретъ и едва движется, равняемый жандармами, когда спектакли даются и днемъ, и вечеромъ, и вся Адмиралтейская площадь засѣяна скорлупами орѣховъ....

Спокоенъ и грозенъ великій постъ. Кажется, слышенъ голосъ: „Стой, христіанинъ; оглянись на жизнь свою“. На улицахъ пусто. Каретъ нѣтъ. Въ лицѣ прохожаго видно размышленіе. Я люблю тебя, время думы и молитвы! Свободнѣе, обдуманнѣе потекутъ мои мысли. Весь пустой и ничтожный народъ, вѣрно, пролежитъ заспанный и утомленный и позабудетъ зайти потревожить меня пошлымъ разговоромъ о вистѣ, о литературѣ, о наградахъ, о театрѣ.

Постъ въ Петербургѣ есть праздникъ музыкантовъ. Въ это время они съѣзжаются изъ разныхъ сторонъ Европы. Огромный концертъ въ пользу инвалидовъ всегда бываетъ величественъ: четыреста музыкантовъ! это что-то могущественное. Когда согласный ропотъ четырехъ-сотъ звуковъ раздается подъ дрожащими сводами, тогда, мнѣ кажется, самая мелкая душа слушателя должна вздрогнуть необыкновеннымъ содроганіемъ.

Въ продолженіи поста въ петербургскую атмосферу заглядываетъ солнце. Западная сторона съ моря дѣлается яснѣе. Сѣверъ глядитъ съ меньшею суровостью изъ своей Выборгской стороны. Экипажи чаще останавливаются на улицѣ и

высаживаютъ на тротуаръ гуляющихъ. Съ 1836 года Невскій проспектъ, этотъ шумный, вѣчно шевелящійся, хлопотливый и толкающій Невскій проспектъ, упалъ совершенно: гулянье перенесено на Англійскую набережную. Покойный Императоръ любилъ Англійскую набережную. Она, точно, прекрасна. Но тогда только, когда начались гулянья, замѣтилъ я, что она немного коротка. Но гуляющіе все въ выигрышѣ, потому что половину Невскаго проспекта всегда почти занималъ народъ мастеровой и должностной, и оттого на немъ можно было получить толчковъ цѣлою третью больше, нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ....

— Къ чему такъ быстро летитъ ничѣмъ незамѣнимое наше время? Кто его кличетъ къ себѣ? Великій постъ — какой спокойный, какой уединенный его отрывокъ! Чего нельзя сдѣлать въ эти семь недѣль? Теперь, наконецъ, займусь я основательно трудомъ своимъ. Теперь совершу я, наконецъ, то, чего не дали совершить мнѣ шумъ и всеобщее волненіе. Но вотъ уже на исходѣ первая недѣля; не успѣлъ начать я, уже летитъ за нею вторая, уже средина третьей, уже четвертая, уже ярмарка въ Гостиномъ дворѣ, и цѣлая галлерея вербъ съ восковыми фруктами и цвѣтами зацвѣла подъ темными его арками. Когда я проходилъ мимо этой пестрой аллеи, подъ тѣнью которой были навалены топорныя дѣтскія игрушки, мнѣ сдѣлалось досадно. Я сердился и на краснощекихъ нянекъ, шатавшихся толпами, и на дѣтей, радостно останавливавшихся передъ кучами пріятнаго для нихъ сора, и на черномазаго, приземистаго и усатаго грека, титуловавшаго себя молдаванскимъ кондитеромъ, съ его сомнительными и неопредѣленными вареньями. Лежавшія на столикахъ сапожныя щетки, оловянныя обезьянки, ножи и вилки, пряники, маленькія зеркальца мнѣ казались противны. Народъ все такъ же пестрится, тѣснится; тѣ же чувства выражаются на лицѣ его; съ тѣмъ же любопытствомъ глядитъ онъ, съ какимъ глядѣлъ и годъ тому назадъ, два и три, и нѣсколько лѣтъ; — а я, и каждый человѣкъ изъ этого народа уже не тотъ: уже другія въ немъ чувства, нежели были за годъ предъ симъ; уже суровѣе мысли его; менѣе улыбается на устахъ душа его, и что-нибудь да отпадаетъ съ каждымъ днемъ отъ прежней его живости.

Нева вскрылась рано. Льды, не тревоженные вѣтрами, успѣли истаять почти до вскрытія, неслись уже рыхлые и разваливались сами собою. Ладожское озеро выслало и свои почти въ одно время. Столица вдругъ измѣнилась. И шпицъ Петропавловской колокольни, и крѣпость, и Васильевскій островъ, и Выборгская сторона, и Англійская набережная — все получило картинный видъ. Дымясь влетѣлъ первый пароходъ. Первыя лодки съ чиновниками, солдатами, старухами нянькими, англійскими конторщиками понеслись съ Васильевскаго и на Васильевскій. Давно не помню я такой тихой и свѣтлой погоды. Когда взошелъ я на Адмиралтейскій бульваръ, — это было наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія вечеромъ, — когда Адмиралтейскимъ бульваромъ достигъ я пристани, передъ которою блестятъ двѣ яшмовыя вазы, когда открылась передо[1] мною Нева, когда розовый цвѣтъ неба дымился съ Выборгской стороны голубымъ туманомъ, строенія стороны Петербургской одѣлись почти лиловымъ цвѣтомъ, скрывшимъ ихъ неказистую наружность, когда церкви, у которыхъ туманъ одноцвѣтнымъ покровомъ своимъ скрылъ всѣ выпуклости, казались нарисованными или наклеенными на розовой матеріи, и въ этой лилово-голубой мглѣ блестѣлъ одинъ только шпицъ Петропавловской колокольни, отражаясь въ безконечномъ зеркалѣ Невы, — мнѣ казалось, будто я былъ не въ Петербургѣ: мнѣ казалось, будто я переѣхалъ въ какой-нибудь другой городъ, гдѣ уже я бывалъ, гдѣ все знаю, и гдѣ то̀, чего нѣтъ въ Петербургѣ... Вонъ и знакомый гребецъ, съ которымъ я не видался болѣе полугода, болтается съ своимъ яликомъ у берега, и знакомыя раздаются рѣчи, и вода, и лѣто, которыхъ не было въ Петербургѣ.

Сильно люблю весну. Даже здѣсь, на этомъ дикомъ сѣверѣ, она моя. Мнѣ кажется, никто въ мірѣ не любитъ ее такъ, какъ я. Съ нею приходитъ ко мнѣ моя юность; съ ней мое прошедшее болѣе чѣмъ воспоминаніе: оно передъ моими глазами и готово брызнуть слезою изъ моихъ глазъ. Я такъ былъ упоенъ ясными, свѣтлыми днями Христова Воскресенья, что не замѣчалъ вовсе огромной ярмарки на Адмиралтейской площади. Видѣлъ только издали, какъ качели уносили на воздухъ какого-то молодца, сидѣвшаго объ руку съ какой-то дамой въ щегольской шляпкѣ; мелькнула въ глаза

вывѣска на угольномъ балаганѣ, на которомъ нарисованъ былъ пребольшой рыжій чортъ съ топоромъ въ рукѣ. Больше я ничего не видѣлъ.

Свѣтлымъ Воскресеньемъ, кажется, какъ будто оканчивается столица. Кажется, что все, что̀ ни видимъ на улицѣ, укладывается въ дорогу. Спектакли, балы послѣ Свѣтлаго Воскресенья — больше ничего, какъ оставшіеся хвосты отъ тѣхъ, которые были передъ великимъ постомъ или, — лучше сказать, — гости, которые расходятся позже другихъ и проговариваютъ у камина еще нѣсколько словъ, прикрывая одною рукою зѣвающій ротъ свой. Городъ весь высушился, тротуары сухи. Петербургскіе джентльмены, въ однихъ сюртучкахъ, съ разными палками; вмѣсто громоздкой кареты, несутся по паркетной мостовой полуколяски и фаетоны. Книги читаются лѣнивѣе. Уже въ окна магазиновъ, вмѣсто шерстяныхъ чулковъ, глядятъ кое-гдѣ лѣтніе фуражки и хлыстики. Словомъ, Петербургъ, во весь апрѣль мѣсяцъ, кажется на подлетѣ. Весело презрѣть сидячую жизнь и постоянство и помышлять о дальней дорогѣ подъ другія небеса, въ южныя зеленыя рощи, въ страны новаго и свѣжаго воздуха. Весело тому, у кого въ концѣ петербургской улицы рисуются подоблачныя горы Кавказа, или озера Швейцаріи, или увѣнчанная анемономъ и лавромъ Италія, или прекрасная и въ пустынности своей Греція... Но стой, мысль моя: еще съ обѣихъ сторонъ около меня громоздятся петербургскіе домы...

РЕЦЕНЗІИ,

помѣщенныя въ

„СОВРЕМЕННИКѢ“ А. С. ПУШКИНА.

Историческіе афоризмы Михайла Погодина. Москва. Универс. тип. 1836 (8) VIII и 128 стр.

Г. Погодинъ во многихъ отношеніяхъ есть лицо примѣчательное въ нашей литературѣ. Онъ уединенно стоитъ среди писателей нашихъ, не привлекая благорасположенія большинства. Но изъ всѣхъ, посвятившихъ себя исторіи, онъ болѣе всего останавливаетъ на себѣ вниманіе. Онъ первый у насъ сказалъ, что „Исторія должна изъ всего рода человѣческаго сотворить одну единицу, одного человѣка, и представить біографію этого человѣка во всѣхъ степеняхъ его возраста; что многочисленные народы, жившіе и дѣйствовавшіе въ продолженіи тысящелѣтій, доставятъ въ такую біографію, можетъ быть, по одной чертѣ. Черту сію узнаютъ великіе историки“. Онъ первый говорилъ о великихъ писателяхъ, указавшихъ въ твореніяхъ своихъ на истинное значеніе исторіи. Онъ переводилъ изъ нихъ отрывки для своего журнала; наконецъ, онъ многихъ изъ нихъ перевелъ вполнѣ, почти не заботясь о томъ, что важность ихъ еще мало у насъ чувствовали. Вотъ реэстръ изданныхъ имъ сочиненій:

Изслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодіи, Іосифа Добровскаго.

О жилищахъ древнихъ руссовъ, собственное сочиненіе.

Критическія изслѣдованія, Эверса.

Начертаніе древней географіи, собств. соч.

Лекціи по Герену.

Начертаніе всеобщей исторіи, Бетигера.
Введеніе въ исторію для дѣтей, А. Шлёцера.
Русская исторія для училищъ.
Карты Европы, Риттера.
Гецъ Фонъ Берлихингенъ, соч. Гёте.
Марѳа Посадница, драма.
Димитрій Самозванецъ, исторія въ лицахъ.
Славянская грамматика, Добровскаго, переведенная вмѣстѣ съ г. Шевыревымъ.

Кромѣ того издавалъ онъ:
Московскій Вѣстникъ за 1827, 1828, 1829 и 1830 годъ.
Уранію, альманахъ на 1826.

Въ его историческихъ критикахъ видно много ума, обдуманная умѣренность, иногда юношескій порывъ вслѣдъ за собственною мыслію.

Изданная нынѣ книжка заключаетъ отдѣльныя мысли и замѣчанія, записанныя имъ въ разное время. Эти мысли помѣщены безъ всякаго порядка; выражены не всегда ясно. Но въ нихъ ощутительно стремленіе къ общимъ идеямъ. Границы, имъ начертанныя для исторіи, обширны. Онъ заключаетъ ее не въ однихъ явленіяхъ политическихъ; онъ видитъ ее въ торговлѣ, въ литературѣ, въ религіи, въ художественномъ развитіи, во всѣхъ многообразныхъ явленіяхъ, въ какихъ оказывается человѣчество. Вотъ его мысли объ исторіи вообще:

„Каждый человѣкъ дѣйствуетъ для себя, по своему плану, а выходитъ общее дѣйствіе, исполняется другой высшій планъ, и изъ суровыхъ, тонкихъ, гнилыхъ нитей біографическихъ сплетается каменная ткань исторіи“.

„Исторія для насъ есть поэма на иностранномъ языкѣ, котораго мы не понимаемъ, и только примѣчаемъ значеніе нѣкоторыхъ словъ, много-много эпизодовъ. А сколько мѣстъ искаженныхъ въ нашей рукописи отъ невѣжества, ограниченности переписчиковъ! Исторію надо возстановлять (restaurare), какъ статую, найденную въ развалинахъ Аѳинъ, какъ текстъ Виргиліевъ въ монастырскомъ спискѣ“.

„Представьте себѣ (я требую возможнаго только въ воображеніи), что человѣкъ, не имѣющій понятія о музыкѣ, но одаренный отъ природы всѣми способностями, чтобъ чув-

ствовать и понимать ее, получаетъ партитуру какой-нибудь огромной ораторіи и всѣ музыкальные инструменты, на коихъ она можетъ быть разыграна, съ голымъ извѣстіемъ, что условными знаками, имъ видимыми (нотами), означаются разные звуки, производимые на данныхъ инструментахъ. Онъ хочетъ по симъ двумъ даннымъ представить себѣ исполненіе (exécution) сего великаго музыкальнаго произведенія. Ему должно, во-первыхъ, испытать всѣ инструменты и узнать всѣ ихъ возможные звуки, перемѣтить ихъ и привести въ порядокъ свои новыя ноты, отыскать посредствомъ соображеній, опытовъ, отношеніе своихъ нотъ къ даннымъ (какъ бы посредствомъ фальшиваго ариѳметическаго правила), узнать такимъ образомъ, какой звукъ и на какомъ инструментѣ тою или другою данною нотою изображается, разыграть партитуры по частямъ и проч. и проч. Сколько усилій ума потребно, чтобы попасть на сіи средства, сколько потребно труда, чтобы воспользоваться сими средствами! Цѣлыя поколѣнія прейдутъ, пока, наконецъ, внуку внуковъ удастся достигнуть отдаленной цѣли прародителя и насладиться божественною гармоніею".

„Труднѣйшая задача задается историку: онъ самъ долженъ ловить всѣ звуки (лѣтописи, Несторы, Григоріи Турскіе), отличить фальшивые отъ вѣрныхъ (историческая критика, Шлёцеры, Круги), незначительные отъ важныхъ, сложить въ одну кучу (исторія, собранія дѣяній, Роллени), разобрать сіи кучи по родамъ исторіи (частныя исторіи религіи, торговли, Герены), провидѣть, что въ сей кучѣ и кучахъ должна быть система, какой-нибудь порядокъ, гармонія (Шлёцеры, Гердеры, Шиллеры), доказать это положительно a priori (Шеллинги), дѣлать опыты, какъ найти сію систему (Асты, Штуцманы), наконецъ найти ее и прочесть исторію такъ, какъ глухой Бетховенъ читалъ партитуры".

Въ имперіи византійской г. Погодинъ видитъ продолженіе исторіи древней Греціи. Геній Платона, Аристотеля воскресаетъ въ Іоаннѣ Златоустѣ и Григоріи Назіанзинѣ.

Францію онъ полагаетъ родникомъ всего общественнаго, гражданскаго и политическаго,—землей, гдѣ совершается вѣчный опытъ. Подведенныя въ подтвержденіе событія доказываютъ большую наблюдательность. У франковъ, гово-

ритъ онъ, прежде всего была принята христіанская католическая религія и раньше сдѣлалась государственною; у франковъ прежде началась и развилась феодальная система; коронованный франкъ Карлъ Великій первый возвысилъ папу; отозвавши папу въ Авиніонъ, Францiя была отчасти виною его паденія; во Франціи были первые попытки противъ папской власти (альбійцы)[1]; рыцарство развилось блистательнѣе во Франціи; крестовый походъ былъ подвинутъ французомъ, аміенскимъ пустынникомъ; разрушенный феодализмъ прежде всего организовался въ самодержавіе во Франціи; постоянныя войска начались во Франціи; постоянные налоги и королевскій судъ во Франціи; идея о равновѣсіи истекла изъ войнъ италіянскихъ, порожденныхъ Франціей; учрежденіе посольствъ, политическіе журналы, кофейные дома, энциклопедія, языкъ, мода, карты — все родилось во Франціи. Общественное мнѣніе нигдѣ такъ не сильно, какъ во Франціи; Францiя остановила революціи своимъ ужаснымъ примѣромъ; виною нынѣшняго тѣснаго соединенія европейскихъ державъ между собою есть Франція и ея Наполеонъ.

Многіе афоризмы суть только сближенія сходныхъ и противоположныхъ происшествій, совершившихся въ разныхъ углахъ міра или на одной и той же землѣ; сближеніе отдаленной, почти сокровенной причины съ ея колоссальными слѣдствіями, отозвавшимися чрезъ нѣсколько вѣковъ, всегда разительно. Другіе афоризмы суть только вопросы на вопросы. Вездѣ видишь человѣка, обладаемаго величіемъ своего предмета. Это благоговѣйное изумленіе дышетъ на каждой страницѣ. Иногда, пораженный безконечностью науки, онъ какъ будто чувствуетъ безсиліе духа и восклицаетъ: „какъ мудрено распознать, отъ чего что происходитъ, что къ чему клонится! Какъ переплетаются причины и слѣдствія! Повторяю вопросъ: можно ли представить исторію? Гдѣ формы для нея? Исторію вполнѣ можно только чувствовать".

Читатель обыкновенный небрежно и разсѣянно взглянетъ на эту книгу и, отыскавъ двѣ-три незначительныя мысли, дурно выраженныя, можетъ быть, посмѣется надъ нею съ дѣтскимъ легкомысліемъ; но читатель, въ душѣ котораго горитъ пламень любви къ наукѣ, а мысль постигаетъ глубокое значеніе ея, прочтетъ эти страницы съ соучастіемъ,

проникнется благодарностію за оживленныя въ душѣ его размышленія, и скажетъ: этотъ человѣкъ видѣлъ и чувствовалъ въ исторіи то, что не всякому дано видѣть и чувствовать[1].

Плаваніе по Бѣлому морю въ Соловецкій монастырь, сочиненіе Я. Озерецковскаго. СП.-бургъ, 1836, въ тип. Н. Греча, въ 12 д. л., 54 стр.

Нѣсколько занимательныхъ замѣчаній о сѣверной природѣ. Желательно было бы слышать болѣе о семъ угрюмомъ и знаменитомъ въ нашихъ лѣтописяхъ монастырѣ, гдѣ древле томились въ заточеніи наши опальные патріархи и святители.

Походныя записки артиллериста, съ 1812 по 1816 годъ, артиллеріи полковника И. Р... Москва, 1835—1836 г., въ 8 д. Четыре части. Стр. 296—348—354—375.

Когда возвратились наши войска изъ славнаго путешествія въ Парижъ, каждый офицеръ принесъ запасъ воспоминаній. Ихъ разсказы всѣ безъ исключенія были занимательны; все наблюдаемо было свѣжими и любопытными чувствами новичка; даже постой русскаго офицера на нѣмецкой квартирѣ составлялъ уже романъ. Донынѣ, если бывшій въ Парижѣ офицеръ, уже ветеранъ, уже во фракѣ, уже съ просѣдью на головѣ, станетъ разсказывать о прошедшихъ походахъ, то около него собирается любопытный кружокъ. Но ни одинъ изъ нашихъ офицеровъ до сихъ поръ не вздумалъ записать свои разсказы въ той истинѣ и простотѣ, въ какой они изливаются изустно. То, что случалося съ ними, какъ съ людьми частными, почитаютъ они слишкомъ неважнымъ, и очень ошибаются. Ихъ простые разсказы иногда вносятъ такую черту въ исторію, какой нигдѣ не доороешься. Возьмите, напримѣръ, эту книгу: она не отличается блестящимъ слогомъ и замашками опытнаго писателя; но все въ ней живо и вездѣ слышенъ очевидецъ. Ее прочтутъ и тѣ, которые читаютъ только для развлеченія, и тѣ, которые изъ книгъ извлекаютъ новое богатство для ума.

Письма леди Рондо, супруги англійскаго министра при россійскомъ дворѣ въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны. Перевелъ съ англійскаго М. К. СП.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, 1836, въ 8, стр. 128.

Книжка замѣчательная. Леди Рондо пишетъ къ пріятельницѣ своей о себѣ, о своихъ чувствахъ, о томъ, что занимательно для нея одной, но мимоходомъ задѣваетъ и исторію. Нѣсколько бѣглыхъ словъ о Петрѣ II, объ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, о Биронѣ, прибавляютъ новыя черты къ ихъ портретамъ.

Путешествіе вокругъ свѣта, составленное изъ путешествій и открытій Магеллана, Гасмана, Дампьера, Ансона, Байрона, Валлиса, Картере, Бугеньвиля, Кука, Лаперуза, Блейга, Ванкувера, Дантркасто, Вильсона, Бодена, Флиндерса, Крузенштерна, Головнина, Партера, Коцебу, Фрейсине, Беллинсгаузена, Галля, Деперре, Польдинга, Бичи, Дюмонъ Дюрвиля, Литке, Диллона, Лапласа, Мореля и пр., издано подъ руководствомъ Дюмонъ Дюрвиля, капитана французскаго королевскаго флота, съ картами и многочисленнымъ собраніемъ изображеній, гравированныхъ на мѣди, съ рисунковъ извѣстнаго г. Сенсона, рисовальщика, совершившаго путешествіе съ Дюмонъ Дюрвилемъ. Изданіе А. Плюшара. Часть первая, СП.-бургъ, 1836, въ тип. А. Плюшара, въ 4.

Есть книги, пишущіяся для того общества, которое нужно какъ дѣтей заохочивать и принуждать къ чтенію. Въ этомъ случаѣ безкорыстнѣе дѣйствовали англичане, которые, при всей народной гордости, отличаются своею филантропіей, составляютъ общества для распространенія нравственности, воздержанія и проч., издаютъ и распускаютъ по свѣту безденежно, или по чрезвычайно низкой цѣнѣ, множество полезныхъ книгъ для народа. Что изобрѣтетъ англичанинъ, то углубитъ, расширитъ и разнесетъ по всему свѣту французъ. Едва появилось во Франціи одно дешевое изданіе, какъ уже на другой годъ нахлынулъ потопъ дешевыхъ изданій. Еще не успѣетъ Европа получить одно, какъ является другое. Къ числу множества такихъ изданій принадлежитъ и вышеозначенное. Оно замѣчательнѣе другихъ потому, что полезнѣе. Это сводъ всѣхъ путешествій, изображеніе всего міра въ его нынѣшнемъ географическомъ, статистическомъ и физическомъ состояніи, словомъ, книга, болѣе всего находящая себѣ читателей, потому что путешествіе и разсказы путешествій болѣе всего дѣйствуютъ на развивающійся умъ. Свѣдѣнія, принесенныя новѣйшими путешественниками,

въ этой книгѣ вложены въ уста одного. Быть можетъ, слишкомъ взыскательному читателю станетъ досадно при мысли, что все это разсказываетъ ему человѣкъ не существующій: свѣжесть впечатлѣній, сохраняемыхъ очевидцемъ, ничѣмъ незамѣнима. Языкъ перевода ясенъ и живъ. Картинки очень хороши. Въ мѣсяцъ выходитъ довольно большая тетрадь въ 4, печатанная въ два столбца. Въ Москвѣ это же самое сочиненіе началъ переводить г. Полевой. Онъ выдалъ уже одинъ томъ; если выйдутъ остальные пять, то и его изданіе будетъ дешевое.

Атласъ космографіи, изд. Ободовскимъ. С.П.б. 1836, въ 2, XVI чертежей.

Атласъ этотъ принадлежитъ къ вышедшей за два года предъ симъ космографіи г. Ободовскаго.

Мое новоселье. Альманахъ на 1836 годъ, В. Крыловскаго. С.П.Б. въ тип. издателя, 296 стр.

Это альманахъ! Какое странное чувство находитъ, когда глядимъ на него: кажется, какъ будто на крышѣ опустѣлаго дома, гдѣ когда-то было весело и шумно, видимъ передъ собою тощаго мяукающаго кота. Альманахъ! Когда-то Дельвигъ издавалъ благоуханный свой альманахъ! Въ немъ цвѣли имена Жуковскаго, князя Вяземскаго, Баратынскаго, Языкова, Плетнева, Туманскаго, Козлова. Теперь все новое, никого не узнаешь: другіе люди, другія лица. Въ оглавленіи, приложенномъ къ началу, стоятъ имена гг. Куруты, Варгасова, Крыловскаго, Грена; кромѣ того написали еще стихи буква С., буква Ш., буква Щ. Читаемъ стихи — подобные стихи бывали и въ прежнее время; по крайней мѣрѣ въ нихъ все было ровнѣе, текучѣе, сочинители лепетали вслѣдъ за талантами. Грустно по старымъ временамъ!..

Сорокъ одна повѣсть лучшихъ иностранныхъ писателей (Бальзака, Бальоль, Блюменбаха, доктора Гаррисона, Е. Гино, Гофмана, А. Дюма, Ж. Жанена, Ваш. Ирвинга, Кинда, Крузе, И. Мока, Сентина, Тика, Цшоке, Ф. Шаля и другихъ); изданы Николаемъ Надеждинымъ. Москва, въ типогр. Степанова, 1836, въ 12, двѣнадцать частей, стр. 287—261—259—287—275—276—262—263—227—246—251—236.

Повѣсти, печатанныя въ разныхъ номерахъ Телескопа.

Издатель, выбравъ ихъ оттуда, выпустилъ отдѣльными книжками и хорошо сдѣлалъ. Здѣсь имъ лучше, нежели тамъ. Собравшись вмѣстѣ, онѣ представляютъ дѣйствительно что-то разнообразное. Ихъ развезутъ по первой зимней дорогѣ русскіе разнощики во всѣ отдаленные города и деревни; онѣ пріятно займутъ въ долгіе вечера и ночи нашихъ уѣздныхъ барышень, по крайней мѣрѣ, пріятнѣе, нежели наши самодѣльные романы.

Первый день Свѣтлаго праздника, соч. Л. Я. С. П. Б., въ Гуттенберговой типог. 1836, въ 16 д., стр. 171.

Не много есть дѣтскихъ книгъ, написанныхъ такимъ чистымъ и пріятнымъ слогомъ.

НОЧИ НА ВИЛЛѢ.

Ночь 1-я.

Онѣ были сладки и томительны, эти безсонныя ночи. Онъ сидѣлъ больной въ креслахъ. Я при немъ. Сонъ не смѣлъ касаться очей моихъ. Онъ безмолвно и невольно, казалось, уважалъ святыню ночнаго бдѣнія. Мнѣ было такъ сладко сидѣть возлѣ него, глядѣть на него. Уже двѣ ночи, какъ мы говорили другъ другу *ты*. Какъ ближе послѣ этого онъ сталъ ко мнѣ! Онъ сидѣлъ все тотъ же кроткій, тихій, покорный. Боже! съ какою радостью, съ какимъ бы веселіемъ я принялъ бы на себя его болѣзнь! И если бъ моя смерть могла возвратить его къ здоровью, съ какою готовностію я бы кинулся тогда къ ней!

Я не былъ у него эту ночь. Я рѣшился, наконецъ, заснуть ее у себя. О! какъ пошла, какъ подла была эта ночь вмѣстѣ съ моимъ презрѣннымъ сномъ! Я дурно спалъ ее, не смотря на то, что всю недѣлю проводилъ ночи безъ сна. Меня терзали мысли о немъ. Мнѣ онъ представлялся молящій, упрекающій. Я видѣлъ его глазами души. Я поспѣшилъ на другой день поутру и шелъ къ нему, какъ преступникъ. Онъ увидѣлъ меня лежащій въ постелѣ. Онъ усмѣхнулся тѣмъ же смѣхомъ ангела, которымъ привыкъ усмѣхаться. Онъ далъ мнѣ руку. Пожалъ ее любовно. „Измѣнникъ!“ сказалъ онъ мнѣ: „ты измѣнилъ мнѣ“. — „Ангелъ мой!“ сказалъ я ему: „прости меня. Я страдалъ самъ твоимъ страданіемъ. Я терзался эту ночь. Не спокойствіе былъ мой отдыхъ: прости меня!“ Кроткій! онъ пожалъ мою руку! Какъ я былъ полно вознагражденъ тогда за страданія, нанесенныя мнѣ моею глупо проведенною ночью! — „Голова моя тяжела“, сказалъ онъ.

Я сталъ его обмахивать вѣткою лавра. „Ахъ! какъ свѣжо и хорошо!“ говорилъ онъ. Его слова были тогда... что́ они были!.. Что́ бы я далъ тогда, какихъ бы благъ земныхъ, презрѣнныхъ, этихъ подлыхъ, этихъ гадкихъ благъ... нѣтъ! о нихъ не стоитъ говорить! Ты, кому попадутся, — если только попадутся, — въ руки эти нестройныя, слабыя строки, блѣдныя выраженія моихъ чувствъ, — ты поймешь меня. Иначе они не попадутся тебѣ. Ты поймешь, какъ гадка вся груда сокровищей и почестей, эта звенящая приманка деревянныхъ куколъ, названныхъ людьми. О, какъ бы тогда весело, съ какою бъ злостью растопталъ и подавилъ все, что сыплется отъ могущаго скиптра полночнаго царя, если бъ только зналъ, что за это куплю усмѣшку, знаменующую тихое облегченіе, на лицѣ его!

„Что ты приготовилъ для меня такой дурной май?“ сказалъ онъ мнѣ, проснувшись, сидя въ креслахъ, услышавъ шумѣвшій за стеклами оконъ вѣтеръ, срывавшій благовонія съ цвѣвшихъ дикихъ жасминовъ и бѣлыхъ акацій и клубившій ихъ вмѣстѣ съ листками розъ.

Въ 10 часовъ я сошелъ къ нему. Я его оставилъ за 3 часа до этого времени, чтобъ отдохнуть немного и приготовить ему, чтобъ доставить какое-нибудь разнообразіе, чтобы мой приходъ потомъ былъ ему пріятнѣе. Я сошелъ къ нему въ 10 часовъ. Онъ уже болѣе часу сидѣлъ одинъ. Гости, бывшіе у него, давно ушли. Онъ сидѣлъ одинъ. Томленіе скуки выражалось на лицѣ его. Онъ меня увидѣлъ. Слегка махнулъ рукой. „Спаситель ты мой!“ сказалъ онъ мнѣ. Они еще донынѣ раздаются въ ушахъ моихъ, эти слова. „Ангелъ ты мой! ты скучалъ?“ — „О, какъ скучалъ!“ отвѣчалъ онъ мнѣ. Я поцѣловалъ его въ плечо. Онъ мнѣ подставилъ свою щеку. Мы поцѣловались; онъ все еще жалъ мою руку.

Ночь 8-я.

Онъ не любилъ и не ложился почти вовсе въ постель. Онъ предпочиталъ свои кресла и то же свое сидячее положеніе. Въ ту ночь ему докторъ велѣлъ отдохнуть. Онъ приподнялся неохотно и, опираясь на мое плечо, шелъ къ своей постелѣ. Душенька мой! Его уставшій взглядъ, его теплый

пестрый сюртукъ, медленное движеніе шаговъ его — все это я вижу, все это передо мною. Онъ сказалъ мнѣ на ухо, прислонившись къ плечу и взглянувши на постель: „Теперь я пропавшій человѣкъ". — „Мы всего только полчаса останемся въ постелѣ", сказалъ я ему: „потомъ перейдемъ вновь въ твои кресла". Я глядѣлъ на тебя, мой милый нѣжный цвѣтъ! Во все то время, какъ ты спалъ или только дремалъ на постелѣ и въ креслахъ, я слѣдилъ твои движенія и твои мгновенья[1], прикованный непостижимою къ тебѣ силою.

Какъ странно-нова была тогда моя жизнь и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ я читалъ въ ней повтореніе чего-то отдаленнаго, когда-то давно бывшаго! Но, мнѣ кажется, трудно дать идею о ней: ко мнѣ возвратился летучій, свѣжій отрывокъ моего юношескаго времени, когда молодая душа ищетъ дружбы и братства между молодыми своими сверстниками и дружбы рѣшительно юношеской, полной милыхъ, почти младенческихъ, мелочей и наперерывъ оказываемыхъ знаковъ нѣжной привязанности[2]; когда сладко смотрѣть очами въ очи, когда весь готовъ на пожертвованія, часто даже вовсе ненужныя. И всѣ эти чувства сладкія, молодыя, свѣжія, — увы! жители невозвратимаго міра, — всѣ эти чувства возвратились ко мнѣ. Боже! зачѣмъ? Я глядѣлъ на тебя, милый мой молодой цвѣтъ. Затѣмъ ли пахнуло на меня вдругъ это свѣжее дуновеніе молодости, чтобы потомъ вдругъ и разомъ я погрузился еще въ большую мертвящую остылость чувствъ, чтобы я вдругъ сталъ старѣе цѣлымъ десяткомъ, чтобы отчаяннѣе и безнадежнѣе я увидѣлъ исчезающую мою жизнь? Такъ угаснувшій огонь еще посылаетъ на воздухъ послѣднее пламя, озарившее трепетно мрачныя стѣны, чтобы потомъ скрыться навѣки.

НАБРОСКИ, ВЫПИСКИ, ОТРЫВКИ.

1.

Какъ нужно создать эту драму.

Облечь ее въ мѣсячную чудную ночь и ея серебренное сіяніе и въ (теплое) роскошное дыханіе юга.

(Освѣтить) Облить ее сверкающимъ потопомъ солнечныхъ яркихъ лучей, и да исполнится она вся нестерпимаго блеска!

Освѣтить ее всю минувшимъ и вызваннымъ изъ строя удалившихся[1] вѣковъ, полнымъ старины временемъ, обвить разгуломъ, козачкомъ и всѣмъ раздольемъ воли.

И въ потопъ рѣчей неугасаемой страсти, и въ рѣшительный[2], отрывистый лаконизмъ силы и свободы, и въ ужасный, дышущій дикимъ мщеніемъ порывъ, и въ грубыя, суровыя добродѣтели, и въ желѣзные несмягченные пороки, и въ самоотверженіе неслыханное, дикое[3] и нечеловѣчески-великодушное.

И въ безпечность забубенныхъ вѣковъ[4].

Отвѣчаетъ сравн[еніемъ][5], иносказательно: „Правда, случается, что волъ падалъ, издыхалъ, но подъ рукою человѣка, которому Богъ далъ умъ на то, чтобы сдѣлать ножъ; но никогда еще не случалось, чтобы быкъ погибалъ отъ свиньи".

Дѣлаетъ[6] распоряженія о продажѣ рыбы, о запасѣ на зиму, именно на такое-то время, потому что тогда хлопцы пьянствують, о покупкѣ соли, о баштанахъ, хлѣбахъ, о порохѣ, ружьяхъ, кунтушахъ для солдатъ.—„Войны, кажется, ожидать не нужно, потому что мужицкая и козацкая снаровка бунтовать—такъ, чтобы не побунтовать, не можетъ проклятой народъ: такъ вотъ у него рука чешется; дармоѣдничаетъ да повѣсничаетъ по шинкамъ да[7] по улицамъ"[8].

Разсказываютъ про клады и сокровища запорожцевъ. „Уйду на Запорожье, здѣсь всякой чортъ тебя колотитъ“.

Монахинямъ[1] такого-то монастыря купить вытканные и шитые утиральники.

Демьянъ превращается въ кашевара, Самко въ . . . .[2]

Мужики.

Разговоръ между мужиками[3]. „Вздорожало все, дорого. За землю, ей Богу, не длиннѣе вотъ этого пальца[4] — 20 четвериковъ, 4 пары цыплятъ, къ Духову дню да къ Пасхѣ — пару гусей, да 10 съ каждой свиньи[5], съ меду, да и послѣ каждыхъ трехъ лѣтъ третьяго вола“[6].

Улицы древней Варшавы.

Въ Старомъ мѣстѣ было домовъ 39.
Улица Новоміейская домовъ 12.
На Кривомъ Колѣ 18.
Улица S. Яна 6.
Гродская[7].

Рыцарскіе.

Не поединки, а раздѣлываются драками; набравши съ собою, сколько можно больше, слугъ и выѣхавши на поле, нападаетъ на своихъ противниковъ[8].

Вдохновенная, небесно ухающая, чудесная ночь! любишь ли ты меня? Попрежнему ли ты глядишь на своего любимца, не измѣнившагося ни годами, ни тратами[9], и горишь, и блещешь ему въ очи и цѣлуешь его въ уста и лобъ? Ты такъ же ли, попрежнему ли смѣешься, мѣсячный свѣтъ? О Боже, Боже, Боже! Такіе ли звуки, такіе снуются и дрожатъ въ тебѣ? (Я) Клянусь, я слышалъ эти звуки, я слышалъ ихъ одинъ[10] въ то время, когда я передъ окномъ: на груди рубашка раздернута и грудь, и шея моя — на встрѣчу[11] освѣтительному ночному[12] вѣтру. Какой божественный, какой чудесный и обновляющій[13], утомительный, дышущій нѣгой и благовоніемъ[14], рай и небеса—

вѣтеръ ночной, дышущій радостнымъ холодомъ вѣтеръ урывками обнималъ меня[1] и обхватывалъ своими объятіями[2] и убѣгалъ, и вновь возвращался обнимать меня, а черныя[3], угрюмыя массы[4] лѣсу, нагнувшись, издали глядѣли и...[5] стоялъ торжественно[6] несмущенный воздухъ. И вдругъ соловей... О небеса! Какъ загорѣлось все! какъ вспыхнуло! У, какой громъ!... А мѣсяцъ, мѣсяцъ!...[7] Отдайте, возвратите мнѣ, возвратите юность мою, молодую крѣпость силъ моихъ, меня, меня свѣжаго, того который былъ! О, невозвратимо все, чтò ни есть въ свѣтѣ![8]

2.

Сказавши монологъ, долго кричитъ. Выходитъ мать. „Дочь, у тебя болитъ голова", и прочее.

„Нѣтъ, не голова. Болѣю я вся: болятъ мои руки, болятъ мои.....[9], болитъ грудь моя, болитъ моя душа, болитъ мое сердце. Огонь во мнѣ[10]. Воды, мать моя, матушка, мамуся! Дай такой воды, чтобы загасила жгущее[11] меня пламя. О, проклята моя злодѣйка, и проклятъ родъ твой, и прокляты тѣ сво[12], что кричали! Мать моя, матушка! зачѣмъ ты меня породила такую несчастную? Ты, видно, не ходила въ церковь; ты, видно, не молилась Богу; ты, видно, въ нечистой водѣ искупала[сь][13], въ ядовитомъ зельѣ, на которомъ прополэла гадина.

Входятъ, возвѣщаютъ и совѣтуютъ бѣжать. „Бѣгите и спасайтесь, жены и бабы! Ляхи за нами, и грабятъ и жгутъ". Въ этомъ положеніи находя...[14] Укладывается старушка, плачетъ, разставаясь съ прежнимъ жилищемъ, гдѣ столько пробыла и откуда никуда не выходила.

„Внутри рветъ меня, все немило мнѣ: ни земля, ни небо[15], ни все, чтò вокругъ меня"[16].

Отреченіе отъ міра совершенное. А между тѣмъ рисуется прежнее счастіе и богатство[17], которое могло[18]. Прощаніе слезное съ молодыми лѣтами, съ молодыми радостями, со всѣмъ и строгое покореніе судьбѣ. Обѣты, и какъ будетъ молиться,

какъ припадать къ иконѣ: „и все буду плакать, и ничего, никакой пищи бѣдному сердцу, не порадую его никакимъ воспоминаніемъ“.

И вдругъ... Здѣсь встрѣча съ соперницей въ уничиженномъ состояніи, и все вспыхиваетъ вновь во всемъ огнѣ и силѣ. Потоки[1] упрековъ и злобная радость. Потомъ опомнивается и вспоминаетъ объ обѣтахъ, бросается на колѣни и проситъ прощенія[2].

3.

Выдумать, какъ запала мысль въ голову молодому дворянину. Чисто-козацкое изобрѣтеніе, какъ подговорить. Лукашъ говоритъ, что онъ ничего не значитъ, что нужно склонить полковниковъ. Народъ обступаетъ ихъ домы и вынуждаютъ... И сказать, какимъ же образомъ[3]...

НАЧАЛО РЕЦЕНЗІИ,

НАПЕЧАТАННОЙ ВЪ „МОСКВИТЯНИНѢ“.

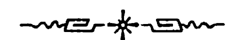
Утренняя заря, альманахъ на 1842 г., изданный В. Владиславлевымъ. С.-Петербургъ. Въ типогр. III Отдѣленія Собств. Е. И. В. канцеляріи. 1842 г., въ 16-ю, 369 стр.

Альманахъ украшенъ семью портретами. Портретъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Марьи Александровны занимаетъ первое мѣсто. Выраженіемъ и мыслью сквозятъ черты его, и вѣрно русскій наканунѣ Новаго Года всмотрится въ нихъ внимательнѣе, какъ во что-то свѣтлое, пророческое. И всѣ прочіе портреты прекрасны; не безъ тайной внутренней гордости разсматриваешь ихъ, видя, что едва ли красавицы сѣвера не возьмутъ верхъ надъ красавицами, украшающими европейскіе кипсеки. Портретъ графини Елены Михайловны Завадовской блещетъ всею роскошью ея неувядаемой красоты. Свѣтлая ясность простоты отражается въ лицѣ графини Софьи Александровны Бенкендорфъ. Южной полнотой взгляда озарено лицо баронессы Екатерины Николаевны Менгденъ. Наконецъ, типъ чисто славянской красоты виденъ въ профилѣ княжны Марьи Ивановны Барятинской. Помѣщеніе портретовъ сіяющихъ нашихъ современницъ есть у насъ дѣло еще новое. Ихъ будетъ разсматривать съ жадностью житель отдаленнаго угла Россіи, куда едва доходятъ слухи о столицѣ, и не одинъ, одаренный высокимъ художественнымъ вкусомъ, полюбуется ими,

Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты,

какъ сказалъ Пушкинъ. И всякій на этотъ текущій годъ будетъ еще радостнѣй дарить или получать „Утреннюю Зарю“.

Жаль подвергнуть это блестящее издѣліе строгому перу суровой критики. Она предъ нимъ остановится, какъ предъ нѣжнымъ мотылькомъ или цвѣткомъ, боясь дуновеніемъ своимъ лишить его свѣжести. Содержаніе его вполнѣ соотвѣтствуетъ своему значенію. Это легкое будуарное чтеніе красавицы. Свѣтскій слогъ, гладкость языка, строгое приличье во многихъ повѣстяхъ и легкая граціозность нѣкоторыхъ стиховъ, словомъ — это сіяющая игрушка.



ВВЕДЕНІЕ ВЪ ДРЕВНЮЮ ИСТОРІЮ.

(ОТРЫВОКЪ.)

Всеобщая исторія есть полное изображеніе жизни человѣчества во всѣ времена, во всѣхъ концахъ земли, отъ первоначальнаго его младенчества до нашихъ временъ.

Болѣе семи тысячъ лѣтъ прошло отъ созданія первыхъ двухъ человѣковъ[1] и около половины этихъ лѣтъ совершенно потеряно для исторіи. Только съ появленіемъ первыхъ обществъ (слишкомъ за 2000 до Р. Х.) получаются начальныя свѣдѣнія о человѣчествѣ.

Исторія его заключается вся въ двухъ великихъ отдѣленіяхъ: въ первомъ — міръ древній, во второмъ — новый.

Оба они имѣли свое младенчество и полное развитіе. Для древняго міра младенчествомъ была эпоха восточнаго человѣчества, а зрѣлостью — собственно древній міръ, т. е. міръ грековъ и римлянъ. Для новаго младенчествомъ были времена рыцарства (иначе среднія), а зрѣлостью собственно новый міръ, т. е. три послѣднія столѣтія.

Новый міръ имѣетъ разительное отличіе отъ древняго: другая религія, другіе законы, другіе нравы, другіе народы, — все это отдѣляетъ его совершенно отъ древняго.

Древній міръ даже и во время совершеннаго образованія своего не стигнулъ[2] того просвѣщенія, до котораго досягнулъ новый.

Народы древняго міра всѣ помѣщались вокругъ Средиземнаго моря; имъ извѣстна была только половина Европы, пятая часть Азіи и едва ли четвертая — Африки; а народы новаго міра наполняютъ теперь весь земной шаръ и владѣютъ землею въ двадцать разъ болѣе извѣстной прежде древнимъ народамъ.

Всю исторію древняго міра можно представить въ пяти періодахъ.

Въ первомъ помѣщается предъисторія, или разсмотрѣніе міра до первыхъ обществъ; второй заключаетъ въ себѣ самыя древнія восточныя царства до установленія во всемъ древнемъ мірѣ первой всемірной монархіи — персидской; третій отъ первой всемірной монархіи персидской до второй всемірной монархіи — македонской; четвертый отъ второй всемірной монархіи до третьей всемірной монархіи — римской; пятый отъ установленія третьей всемірной монархіи — римской до паденія западной ея части и нашествія новыхъ, еще дикихъ народовъ.

Примѣчанія редактора и варіанты.

Ганцъ Кюхельгартенъ.

Это юношеское произведеніе Гоголя вышло въ свѣтъ въ іюнѣ 1829 года, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Ганцъ Кюхельгартенъ. Идиллія въ картинахъ. Соч. В. Алова. (Писано въ 1827 году). Спб. 1829 г. Въ тип. А. Плюшара» (въ 12 д. л., стр. 71). Цензурное разрѣшеніе помѣчено «7 мая 1829 г.» Объявленіе о продажѣ у моск. книгопродавца Ширяева этой книжки, «полученной на сихъ дняхъ изъ С.-Петербурга» появилось въ № 51 «Моск. Вѣдом.», вышедшемъ 26 іюня 1829 г., стр. 2408. Во второй іюньской книжкѣ (т. е. въ № 12) «Московскаго Телеграфа», вышедшей въ концѣ іюня, напечатана на эту «идиллію» строгая рецензія Полеваго. Только въ 87-мъ номерѣ «Сѣверной Пчелы» 1829 г., вышедшемъ *20-го іюля*, появился новый отзывъ о «Ганцѣ Кюхельгартенѣ», столь же неблагопріятный, какъ и рецензія Полеваго. Приводимъ этотъ отзывъ вполнѣ: «Идиллія сія состоитъ изъ *осмнадцати* картинъ. Въ сочинителѣ замѣтно воображеніе и способность писать (со временемъ) хорошіе стихи, ибо издатели говорятъ, что «это произведеніе его восемнадцатилѣтней юности»; но скажемъ откровенно: сіи господа издатели напрасно «гордятся тѣмъ, что по возможности споспѣшествовали свѣту ознакомиться съ созданіемъ юнаго таланта». Въ «Гансѣ (sic!) Кюхельгартенѣ» столь много несообразностей, картины часто такъ чудовищны и авторская смѣлость, въ поэтическихъ украшеніяхъ, въ слогѣ и даже въ стихосложеніи, такъ безотчетлива, что свѣтъ ничего бы не потерялъ, когда бы сія первая попытка юнаго таланта залежалась подъ спудомъ. Не лучше ли бъ было дождаться отъ сочинителя чего нибудь болѣе зрѣлаго, обдуманнаго и обработаннаго?» Къ этой рецензіи присоединено извѣстіе, что «Ганцъ Кюхельгартенъ» про-

дается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ по 5 рублей, за пересылку прилагается 1 рубль». Это дополнительное извѣщеніе «Сѣверной Пчелы» позволяетъ думать, что рецензія «Московскаго Телеграфа» на «Ганца» не произвела на Гоголя такого сильнаго впечатлѣнія, какое приписывалось ей г. Кулишомъ. По словамъ послѣдняго, «прежде нежели кто-либо успѣлъ купить сочиненіе никому неизвѣстнаго Алова, покойный Полевой прихлопнулъ его своею критикою въ «Телеграфѣ»..... «Прочитавъ рецензію Полеваго (продолжаетъ г. Кулишъ), онъ (Гоголь) *тотчасъ*, въ сопровожденіи вѣрнаго своего слуги Якима, отправился по книжнымъ магазинамъ, собралъ экземпляры, нанялъ въ гостиницѣ нумеръ и сжегъ всѣ до одного» («Нѣсколько чертъ для біографіи Н. В. Гоголя» въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1852, кн. 4-я, отд. VIII, стр. 199. Ср. также «Записки о жизни Гоголя» I, 67). Сожженіе «Ганца Кюхельгартена», очевидно, совершилось *послѣ* рецензіи «Сѣверной Пчелы», т.-е. послѣ 20-го іюля. Оно совпадаетъ, по времени, съ внезапнымъ рѣшеніемъ Гоголя ѣхать за границу, — рѣшеніемъ, о которомъ онъ увѣдомилъ свою мать *24-го іюля*. Одною изъ главныхъ причинъ (если не главною) этой рѣшимости былъ холодный пріемъ, оказанный «Ганцу Кюхельгартену». Увѣдомляя мать о предстоящемъ отъѣздѣ въ Любекъ, Гоголь пишетъ: «Вездѣ совершенно я встрѣчалъ *однѣ* неудачи *и, что̀ всего страннѣе, тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать*» (Соч. и письма Гоголя V, 85). Возвратившись изъ заграничной поѣздки, Гоголь такъ объясняетъ матери этотъ «безразсудный поступокъ»: «Вотъ вамъ мое признаніе: *одни только гордые помыслы юности*, проистекавшіе, однакожъ, изъ чистаго источника, *изъ одного только пламеннаго желанія быть полезнымъ*, не будучи умѣряемы благоразуміемъ, завлекли меня слишкомъ далеко» (Соч. и письма Гоголя V, 95). Экземпляры «Ганца Кюхельгартена» обращались въ продажѣ около двухъ мѣсяцевъ — іюнь и около трехъ недѣль іюля. Но въ началѣ 1830 года альманахъ Дельвига напомнилъ своимъ читателямъ объ «идилліи» Гоголя. Извѣстный критикъ тридцатыхъ годовъ, принадлежавшій къ литературному лагерю, который былъ враждебенъ Полевому, Сомовъ, въ статьѣ «Обозрѣніе россійской словесности за первую половину 1829 года», напечатанной въ альманахѣ «Сѣверные цвѣты на 1830 годъ», помѣстилъ слѣдующій отзывъ объ идилліи Гоголя: «*Ганцъ Кюхельгартенъ, идиллія въ картинахъ*, соч. В. Алова. Осьмнадцатилѣтній стихотворецъ написалъ сіи *осьмнадцать* картинъ, въ ко-

торыхъ замѣтны еще молодость воображенія, незрѣлость дарованія относительно къ слогу, языку и стихосложенію, и крайняя безотчетливость въ созданіи; но въ сочинителѣ виденъ талантъ, обѣщающій въ немъ будущаго поэта. Если онъ станетъ прилежнѣе обдумывать свои произведенія и не станетъ спѣшить изданіемъ ихъ въ свѣтъ тогда, когда они еще должны покоиться и укрѣпляться въ силахъ подъ младенческою пеленою, то конечно надежды доброжелательной критики не будутъ обмануты» («Сѣверные цвѣты на 1830 годъ», проза, стр. 77 — 78). Принадлежность Гоголю этой исчезнувшей изъ обращенія книжки въ первый разъ была засвидѣтельствована авторомъ анонимной статьи «Нѣсколько чертъ для біографіи Н. В. Гоголя», помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1852 г., № 4, отд. VIII, стр. 189 слд. Въ этой статьѣ, принадлежащей г. Кулишу, между прочимъ, сказано: «Никто изъ его (Гоголя) покровителей не зналъ о стихотворномъ сочиненіи, которымъ онъ началъ свое печатное поприще, и до сихъ поръ оно было извѣстно *только одному человѣку*, если не считать неграмотнаго Гоголева слуги, малороссіянина Якима. Это *Ганцъ Кюхельгартенъ*, идиллія въ *картинахъ*, написанная, какъ сказано на заглавномъ листкѣ, въ 1827 году» (стр. 199). Г. Кулишъ сообщаетъ далѣе, что «какъ этимъ открытіемъ, такъ и большею частію собранныхъ имъ свѣдѣній о первомъ періодѣ жизни Гоголя» онъ обязанъ «Н. Я. Прокоповичу, соученику и одному изъ ближайшихъ друзей» Гоголя. (Отеч. Записки 1852 г., кн. 4-я, отд. VIII, стр. 200; ср. «Записки о жизни Гоголя I, 68). Этому Н. Я. Прокоповичу г. Кулишъ, въ разное время, приписывалъ *два различныхъ показанія* о времени написанія «Ганца Кюхельгартена». Въ статьѣ «Выправка нѣкоторыхъ біографическихъ извѣстій о Гоголѣ», составленной г. Кулишомъ со словъ О. М. Бодянскаго (какъ свидѣтельствуетъ о томъ послѣдній въ своемъ «дневникѣ»), сказано: «Мы знаемъ отъ его товарища въ эпоху первыхъ литературныхъ опытовъ Гоголя — Н. Я. Прокоповича, что первыя повѣсти свои Гоголь написалъ въ Петербургѣ, *куда онъ привезъ* только *своего* «*Ганца Кюхельгартена*», написаннаго въ 1827 году». Въ другомъ мѣстѣ той же статьи указаніе на время написанія «Ганца Кюхельгартена» повторяется въ слѣдующихъ словахъ: «Гоголь на выходѣ изъ Гимназіи Высшихъ Наукъ (?), написалъ «Ганца Кюхельгартена», въ которомъ видно совершенное отсутствіе стихотворнаго таланта». («Отечественныя записки», 1853 г., кн. 2-я, отд. VII, стр. 111, 117).

Въ «Запискахъ о жизни Гоголя» (I, 66) къ извѣстію, что «Ганцъ Кюхельгартенъ» написанъ въ 1827-мъ году, г. Кулишъ присоединяетъ слѣдующее подстрочное примѣчаніе: «Г. Прокоповичъ думаетъ, что это мистификація. «Если бы Гоголь написалъ свою поэму (?) въ Гимназіи — говоритъ онъ — *то хоть отрывокъ изъ нея былъ бы извѣстенъ кому-нибудь изъ тогдашней его публики*. Нѣтъ, эта поэма была написана именно въ то время, когда онъ проживалъ безъ дѣла въ Петербургѣ». Нѣтъ никакихъ основаній заподозривать, вмѣстѣ съ Прокоповичемъ, собственное показаніе Гоголя, что «Ганцъ Кюхельгартенъ» написанъ въ 1827 году. Авторъ «идилліи» вложилъ въ своего героя тѣ же мечты, стремленія и надежды, которыми исполненъ былъ самъ въ послѣднее время пребыванія своего въ нѣжинскомъ лицеѣ и которыя онъ повѣрялъ *въ 1827 году*, подъ строгою тайною, немногимъ изъ своихъ родныхъ и близкихъ. Г. Шенрокъ, сопоставляя «Ганца Кюхельгартена» съ письмами Гоголя, отправленными къ разнымъ лицамъ *въ 1827 году*, совершенно справедливо заключаетъ: «въ идилліи мы замѣчаемъ явные слѣды тѣхъ мыслей, которыя занимали Гоголя подъ конецъ его нѣжинской жизни и притомъ преимущественно въ 1827 году» (Ученическіе годы Гоголя, стр. 78). Въ подтвержденіе своего мнѣнія, что «Ганцъ Кюхельгартенъ» написанъ *въ 1829 году, въ Петербургѣ*, Прокоповичъ приводитъ одно только доказательство: «Если бы Гоголь написалъ свою поэму въ гимназіи, *то хоть отрывокъ изъ нея былъ бы извѣстенъ кому-нибудь изъ его тогдашней публики*». Но это единственное и, само по себѣ, слабое доказательство окончательно уничтожается собственнымъ свидѣтельствомъ Гоголя, относящимся къ 1827-му году. Въ письмѣ отъ 3 октября 1827 года къ дядѣ своему Косяровскому, проговорившись, какъ бы невольно, о своихъ мечтахъ и надеждахъ, о своихъ «высокихъ начертаніяхъ и долговременныхъ думахъ», — тѣхъ самыхъ, которыя тревожили и «Ганца», — Гоголь продолжаетъ: «*Въ эти годы, эти долговременныя думы свои я затаилъ въ себѣ;* недовѣрчивый ни къ кому, скрытный, я никому не говорилъ своихъ тайныхъ помышленій, *не дѣлалъ ничего, что бы могло выявить глубь души моей*. Да и кому бы я повѣрилъ и для чего бы высказалъ себя. *Не для того ли, чтобы смѣялись надъ моимъ сумазбродствомъ, чтобы считали пылкимъ мечтателемъ, пустымъ человѣкомъ. Никому, и даже изъ своихъ товарищей, я не открывался, хотя между ними было много истинно достойныхъ*». (Русская Старина 1876 г., кн. I,

стр. 42). Въ этихъ строкахъ заключается объясненіе, почему даже ни одинъ «отрывокъ» изъ «Ганца Кюхельгартена» не былъ извѣстенъ «кому-нибудь изъ тогдашней (1827 г.) публики» Гоголя.— Полагая, что эта идиллія написана въ 1827 году, мы помѣщаемъ ее прежде стихотворенія *Италія*, хотя оно *напечатано* ранѣе выхода въ свѣтъ «Ганца Кюхельгартена».

Стр. 6 [1] Вмѣсто «издалека». Ср. примѣч. 1 къ 62 стр. I тома.

Стр. 19 [1] Вмѣсто: «виднѣются», согласно обычному употребленію Гоголя. Ср. 6-е примѣчаніе къ стр. 365 этого тома.

Стр. 27 [1] Гоголь употреблялъ слово «пѣни» въ значеніи «упрека, укора», даже въ частной перепискѣ. Въ письмѣ (1840 г.) къ П. И. Раевской: «Послѣ уже одинъ изъ нихъ (встрѣтившихся друзей) опомнился и, полный грустью, произноситъ самому себѣ пѣни: зачѣмъ онъ не остановилъ своей походной телѣги? зачѣмъ не пожертвовалъ временемъ?» Соч. и пис. Гоголя V, 403. Пишетъ Гоголь постоянно «пѣни» вм. «пени».

Стр. 28 [1] Слово «ли» пропущено.

Стр. 29 [1] Вмѣсто: «изъ воздуха». Ср. прим. 1-е къ 62-й стр. перваго тома.

Стр. 31 [1] Вмѣсто «развлечено». Гоголь очень часто удвояетъ «н» въ усѣченномъ окончаніи прилагательныхъ и причастій страдательнаго залога.

Италія (стр. 44—45).

Это стихотвореніе напечатано, безъ имени автора, въ № 12 «Сына отечества и Сѣвернаго архива» 1829 года, стр. 301—302. Этотъ номеръ вышелъ 23-го марта (какъ означено на оберткѣ онаго). Принадлежность стихотворенія Гоголю засвидѣтельствована авторомъ статьи «Нѣсколько чертъ для біографіи Н. В. Гоголя», стр. 200.

Классныя сочиненія (стр. 46—47).

Эти классныя сочиненія напечатаны были въ первый разъ г. Кулишомъ въ «Опытѣ біографіи Н. В. Гоголя» (Современникъ 1854, № 4, стр. 151—152). Оба упражненія написаны на одномъ полулистѣ голубоватой писчей бумаги. Первую страницу занимаетъ сочиненіе, которое озаглавлено авторомъ: «Изъ Теоріи Словес.» Подъ нимъ, рядомъ съ подписью «Н. Гоголь Яновскій», стоитъ такая аттестація: «Изрядно. П. Никольскій». Вторую страницу занимаетъ упражненіе на тему: «Изъ Руск. Права». Внизу подпись: «Гоголь Яновскій», а ниже аттестація: «Хотя не обстоятельно, но понятія о предметѣ видны. Профессоръ М. Билевичъ». Время написанія этихъ упражненій не указано. Вѣроятно, они относятся къ первой половинѣ 1828 года и написаны Гоголемъ незадолго до выпуска изъ Лицея кн. Безбородко. Слова, напечатанныя въ скобкахъ, въ рукописи зачеркнуты.

Стр. 46 [1] Въ рукописи: «отсутствіе». [2] Въ рук.: «просвѣщанія». [3] Такъ въ рук. [4] Конецъ слова не дописанъ. [5] Слова «черезъ то» зачеркнуты профессоромъ. [6] Исправлено профессоромъ изъ слова: «что». [7] Такъ въ рукописи; оставлено профессоромъ безъ поправки. Въ такой формѣ Гоголь употреблялъ это слово и впослѣдствіи.

Стр. 47 [1] Въ рук.: «несправедли». [2] Въ рук.: «ее». [3] Въ рук.: «преже». [4] Слово «внесши» написано сверху зачеркнутаго: «положивъ». [5] Въ рукописи: «чрезвичанное».

Двѣ главы изъ малороссійской повѣсти „Страшный Кабанъ“ (стр. 48 — 60).

Одна глава этой повѣсти (оставшейся неоконченною)— «Учитель» напечатана была въ первый разъ въ № 1 «Литературной Газеты» 1831 года, вышедшемъ 1-го января въ «четвертокъ» (т. III, газеты, стр. 1 — 4). Подъ этою главою подпись: «П. Глечикъ» (т. е. Полковникъ Глечикъ, см. стр. 130 и слд. этого тома).

Вторая глава той же повѣсти, озаглавленная «Успѣхъ посольства», появилась въ № 17 «Литературной Газеты» 1831 г., который вышелъ 22-го марта въ воскресенье (т. III, стр. 133 — 135). Имени автора подъ этою главою не подписано. Означаемъ буквами ЛГ — «Литературную Газету» 1831 года.

Стр. 51 [1] Въ ЛГ: «haerba rabarbarum».

Стр. 53 [1] Въ ЛГ: «кухмистромъ». [2] Въ ЛГ: «haerba rabarbarum».

Стр. 56 [1] Въ ЛГ: «самимъ».

Женщина (стр. 60 — 65).

Эта статья напечатана въ № 4 «Литературной Газеты» 1831 г., вышедшемъ 16-го января въ пятницу (томъ III, стр. 27 — 29). Подъ нею подпись: «Н. Гоголь». Это первое изъ напечатанныхъ произведеній, подъ которымъ Гоголь выставилъ свою фамилію.

Стр. 65 [1] Такъ въ ЛГ: «линеями».

Борисъ Годуновъ (стр. 66 — 70).

Статья эта напечатана въ первый разъ И. С. Аксаковымъ въ газетѣ «Русь» 1881 г., № 12 (31 января) по рукописи, подаренной Гоголемъ С. Т. Аксакову. Рукопись состоитъ изъ двухъ листовъ, изъ которыхъ второй вложенъ въ первый; она принадлежитъ теперь наслѣдникамъ Гоголя. Рукопись тщательно переписана авторомъ набѣло. Позднѣйшими чернилами зачеркнуты заглавіе и слова: «Посвящается Петру Александровичу Плетневу». Тѣми же чернилами сверху зачеркнутаго заглавія Гоголь крупными буквами написалъ: «Какъ вамъ кажется, какъ вы находите это сочиненіе?»

Знакомые съ почеркомъ Гоголя ни на минуту не усомнятся въ принадлежности этой подписи автору статьи, хотя И. С. Аксаковъ замѣтилъ, что эти слова «написаны неизвѣстно чьею рукою». Изъ самой статьи видно, что она написана тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ «Бориса Годунова» (въ концѣ 1830 г.: въ 1-мъ № «Литер. Газеты» 1831 г., вышедшемъ 1-го января въ четвертокъ, уже напечатано начало рецензіи на «Бориса Годунова») и слѣд. относится къ концу 1830-го или къ началу 1831 года.

Стр. 66 [1] Въ рукописи: «мастерство — *та*». [2] Слова «въ ней» написаны сверху строки вм. зачерк.: «между ними».

Стр. 67 [1] Прежде было: «самое это». [2] Слово «чувствительно» сверху строки въ замѣнъ зачерк.: «съ чувствомъ написа». [3] Слово «убійственный» приписано сверху строки; прежде было: «гордо кинувъ взглядъ». [4] Послѣ этого зачеркнуто: «какъ будто бы душа его терпѣла муки, невыразимыя, непостижимыя для». [5] Послѣ этого слова вновь зачеркнуто слово «непостижимыя».

Стр. 68 [1] Прежде было: «горланятъ всенародно». [2] Въ рук.: «объемлючій». [3] Въ рук.: «совершающихъ». [4] Въ рукописи: «воплоченія». [5] Переправлено изъ «на».

Стр. 69 [1] Слово «ослѣпительный» написано сверху строки вм. зачеркнутаго: «блестящій». [2] Сверху зачеркнутаго: «бренныхъ». [3] Передъ этимъ словомъ зачеркнуто: «въ духовномъ». [4] Такъ читалъ И. С. Аксаковъ; слово написано неразборчиво и переправлено изъ «вызвать». [5] Слова «на глаза» зачеркнуты. [6] Слова: «говорю себѣ» написаны сверху зачеркнутыхъ: «думаю во глубинѣ души своей». [7] Предложеніе: «не смотря ни на какія раздѣляющія ихъ бездны» приписано позднѣе, отчасти сверху строки, за недостаткомъ мѣста. [8] Въ рук.: «серебренныя», на одной изъ предшествующихъ страницъ: «серебрянный, серебрянныхъ» (стр. 67 настоящаго тома).

Стр. 70 [1] Въ рук.: «переживаютъ». [2] Въ рук. описка: «его». [3] Слово «міру» сверху строки вм. зачеркнутаго: «людямъ». [4] Въ рук.: «серебреннаго». [5] Слово «свѣтлыми» написано сверху строки вм. зачеркнутаго: «лазурными». [6] Это мѣсто: «и раздастся по мнѣ — въ свою пустыню» зачеркнуто карандашомъ; зачеркнувшій предполагалъ сдѣлать къ нему объяснительную выноску, судя по знаку (*) въ текстѣ и подъ текстомъ. [7] Слово «оно» приписано сверху вм. зачеркнутаго «ты». [8] Такъ въ рукописи.

Нѣсколько главъ изъ неоконченной повѣсти (стр. 71 — 93).

Это неоконченное произведеніе напечатано было въ первый разъ послѣ смерти автора, во второмъ изданіи «Сочиненій Гоголя», выпущенномъ въ свѣтъ Трушковскимъ (М. 1855 г.). Гдѣ находится въ настоящее время оригиналъ этихъ главъ, намъ неизвѣстно.

Внося эти главы въ пятый томъ (стр. 367 — 411) своего изданія, г. Трушковскій замѣтилъ: «Отрывокъ этотъ принадлежитъ къ самымъ молодымъ произведеніямъ нашего автора и писанъ, можетъ быть, еще до появленія «Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки»; но въ немъ уже отчасти проглядываетъ то художественное представленіе страны и характеровъ, которое потомъ съ такою полнотою развилось въ «Тарасѣ Бульбѣ» и другихъ его произведеніяхъ. Этотъ черновой отрывокъ сохранился въ числѣ бумагъ, оставленныхъ Гоголемъ у В. А. Жуковскаго, и доставленъ намъ его супругою. Текстъ его былъ разбираемъ многими, но, не смотря на все стараніе, нѣкоторыя слова остались неразобраны, — добавленныя же нами, какъ необходимыя для полноты смысла, поставлены въ скобкахъ». Главное участіе въ приготовленіи этого произведенія къ изданію принималъ О. М. Бодянскій. Перепечатавши въ «Сочиненіяхъ и письмахъ Н. В. Гоголя» (т. III, 294 — 317), текстъ, приготовленный проф. Бодянскимъ и отличающійся отъ текста Трушковскаго весьма немногими мелкими отмѣнами, г. Кулишъ, имѣвшій въ рукахъ подлинную рукопись этихъ главъ, сообщилъ о ней слѣдующія свѣдѣнія: «Въ одной изъ этихъ (записныхъ) черновыхъ книгъ, именно въ первой, остались слѣды вырѣзанныхъ листовъ. Можно догадываться, что на этихъ-то листахъ написано, въ видѣ эскиза, начало историческаго романа, найденное въ чемоданѣ Гоголя, остававшемся съ давнихъ поръ въ квартирѣ Жуковскаго за границею. *Въ этомъ убѣждаютъ сходство почерка и бумаги, а всего больше соотвѣтственность краевъ рукописи съ остатками полулистовъ въ корню книги.* Судя по неконченнымъ главамъ этого сочиненія и по нѣкоторой безпорядочности повѣствованія, видно, что Гоголь поспѣшилъ набросать только главныя мысли и образы, занявшія его фантазію, оставляя развитіе и связь ихъ до другаго времени. Потомъ, видя, вѣроятно, что безъ хорошо обдуманнаго плана, ему не совладать съ предметомъ, прекратилъ трудъ свой. Однакожъ, въ надеждѣ обработать сюжетъ впослѣдствіи, взялъ съ собою брульонъ за границу, вырѣзавъ его изъ книги для удобнѣйшей перевозки съ мѣста на мѣсто. Но, какъ «Мертвыя Души», развиваясь болѣе и болѣе въ умѣ его, поглотили наконецъ всю его дѣятельность (?), то онъ позабылъ о своемъ эскизѣ и, можетъ быть, только этому забвенію мы обязаны тѣмъ, что набросокъ начатаго романа уцѣлѣлъ отъ сожженія, которому авторъ «Мертвыхъ Душъ» предалъ, въ разныя вре-

мена, не одну свою рукопись». (Записки о жизни Н. В. Гоголя, I, 170). Книга, изъ которой, по свидѣтельству г. Кулиша, вырѣзаны «главы неоконченной повѣсти», и которая въ введеніи къ первому тому настоящаго изданія описана нами подъ № 2, заключаетъ въ себѣ произведенія, написанныя Гоголемъ въ періодъ времени съ 1831 г.— по 1834-й г. Полагаемъ, что вырѣзанныя изъ этой записной книги «главы неоконченной повѣсти», а также «отрывки изъ начатыхъ повѣстей», напечатанные по той же рукописи въ настоящемъ томѣ на страницѣ 94-й подъ № 1 и на страницѣ 95-й подъ № 1-мъ, написаны въ 1831-мъ или въ 1832-мъ году. Припомнимъ, что въ началѣ ноября 1833-го года Гоголь писалъ Максимовичу: «У меня есть сто разныхъ *началъ* и ни одной повѣсти, ни одного даже отрывка *полнаго,* годнаго для альманаха». (Сочин. и письма Гоголя V, 188). Въ рукописи № 2, РА, между страницами 172-ю и 173-ю позднѣйшей нумераціи, вырѣзано *семь* полулистовъ. Судя по довольно широкому остатку корня, второй поллистъ не былъ исписанъ; слѣдующіе за нимъ *пять* полулистовъ были, вѣроятно, заняты «главами неоконченной повѣсти». Первый поллистъ, т.-е. непосредственно слѣдовавшій за страницею 172-ю, былъ увезенъ Гоголемъ за границу вмѣстѣ съ «главами неоконченной повѣсти» и оказался въ числѣ бумагъ, оставленныхъ у Жуковскаго *вмѣстѣ съ главами.* Авторъ взялъ его за границу, конечно, потому что онъ относился къ начатой повѣсти. Этотъ листокъ въ настоящее время находится въ бумагахъ Гоголя, принадлежащихъ наслѣдникамъ поэта. На первой страницѣ этого полулиста написано рукою Тарновскаго названіе отдѣла этой записной книги: «Реестръ бѣлья, платья и прочихъ къ одѣянію служащихъ вещей». Ниже рукою Гоголя написана *два раза* фраза: «Благодарность всѣмъ и всему за все». На второй страницѣ полулиста написаны четыре дополненія къ начатой повѣсти; изъ нихъ второе и третье составляютъ новую редакцію слѣдующихъ строкъ повѣсти: «*Шелковая плахта* и *кашемировая запаска* туго обхватывали станъ ея, такъ что формы ея были какъ будто отлиты. Стройная роскошь совершенно нѣжныхъ [членовъ] не была скрыта. Широкіе рукава, шитые краснымъ шелкомъ и всѣ въ мережкахъ, спускались съ плеча и обнаженное плечо, слегка зарумянившееся, выказывалось мило, какъ спѣющее яблоко, *тогда какъ на груди подъ сорочкою упруго трепетали молодыя перси*» (стр. 81 этого тома). Четвертая приписка, вѣроятно, служитъ варіантомъ къ слѣдующему мѣсту: «Иногда

перемеживала ихъ лоза, вся въ отпрыскахъ, иногда дубъ толстый, которому сто лѣтъ и весь убранный павеликой, величаво расширялъ» и т. д. (стр. 79). Представляемъ вполнѣ эти приписки, ускользнувшія отъ вниманія гг. Трушковскаго и Кулиша.

«Правительство,—или, лучше сказать, деспотическіе магнаты мимо правительства, — съ страною, имѣвшею собственныя постановленія, поступало безразсудно, съ народомъ, имѣвшимъ . . . . [1]). Но величайшее (заблужденіе =) ошибка его состояла въ томъ, что рѣшилось унижать вѣру соплеменнаго народа, который оказывалъ [имъ] почти изумительную покорность при этой ширинѣ разгульной жизни, но который вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи доведенъ до крайности, могъ показать весь вихорь самыхъ сильныхъ и порывныхъ страстей. (Не употребляй) Не одѣвая своей власти нетерпимостью, Польша въ соединеніи этой земли воинственны[хъ] козаковъ . . . . . .»

«Одежда ея была такъ фанстастически пестра, что, казалось, она принесла [2]) съ собою кучу самыхъ разнородныхъ цвѣтовъ, которые, казалось, шевелились и волновали[сь] между деревья[ми] по мѣрѣ того, какъ она шла. Самая яркая шелковая плахта, почти скрытая подъ кашемировою съ турецкимъ узоромъ запаскою, сладострастно льнула и вызначала всю роскошную выпуклую [форму] выступавшей ноги. Только до пояса простиралась вся эта пестрота богатаго убора; на груди и на рукахъ трепетала бѣлая, какъ снѣгъ, сорочка, какъ будто ничто, кромѣ тонкаго чистаго полотна, не должно прикрывать дѣвическихъ персей [3]). Складки сорочки падали каскадомъ — молодыя груди дрожали» [4]).

«Нигдѣ такъ не хороши дѣвическія груди [5]), какъ подъ полотномъ. Онъ видѣлъ, какъ (упругія) молодыя груди подымали свои

---

[1]) Фраза не дописана.

[2]) Надъ начальными буквами этого слова приписано: «на» т. е. «нанесла».

[3]) Эту фразу Гоголь началъ передѣлывать; слова «тонкаго бѣлаго полотна» зачеркнуты и надъ ними написано: «нейдетъ такъ, какъ бѣлое». Передѣлка не была доведена до конца.

[4]) Прежде было написано: «падала каскадомъ на упруго дышавшія молодыя груди».

[5]) Прежде было написано: «Нигдѣ такъ не хороши перси».

дышавшія нѣгою куполоподобныя перси[1]) и [тотчасъ][2]) опускали ихъ, послѣ чего они упруго дрожали подъ своимъ покровомъ».

«Въ другомъ мѣстѣ деревья такъ тѣсно и часто перемѣшивались между собою, что образовали, не смотря на молодость листьевъ, совершенный мракъ, на которомъ рѣзко зеленѣли обхваченныя лучами солнца молодыя вѣтви. Здѣсь было изумительное разнообразіе: листья осины трепетали подъ самымъ небомъ; кленъ простиралъ свои листья, похожіе на зеленыя лапки, узколиственный ясень рябилъ еще болѣе [солнцемъ], а терновникъ и дикій глодъ, (задвин) оградивши ихъ колючею стѣною, скрывалъ пышные стволы и сучья, и только очень рѣдко сѣверная береза высовывала изъ .... часть своего ослѣпительнаго, какъ рука крававицы, ствола».

За границею Гоголь дѣйствительно занимался изученіемъ малороссійскихъ пѣсенъ и малороссійской исторіи (см. примѣчанія къ «Тарасу Бульбѣ» въ первомъ томѣ этого изданія) и имѣлъ въ виду написать трагедію изъ малороссійской жизни. (Ср. проектъ, напечатанный въ этомъ томѣ, стр. 533). Но эта повѣсть не была окончена.

Печатая сводный текстъ оной по изданіямъ гг. Трушковскаго и Кулиша, предупреждаемъ читателей, что словъ, заключенныхъ нами въ прямыя скобки [ ], въ рук. нѣтъ; они прибавлены О. М. Бодянскимъ. Означаемъ изданіе Трушковскаго буквою Т., текстъ Кулиша — К.

Стр. 72 [1] Въ Т. напечатано: «вся масса двинулась изъ храма, для торжественнаго хода вокругъ церкви, и замѣчательная физіономія смѣшалась съ другими. (У) выхода по церковной лѣстницѣ, у самаго крыльца стояли нѣсколько жидовъ». Заключеннаго въ скобки предлога «у» въ рукописи нѣтъ; онъ прибавленъ Бодянскимъ. Прибавка эта окажется не нужною, если читать: не «выхода», а «выходя», какъ мнѣ представляется болѣе правильнымъ. [2] Бодянскій прибавилъ послѣ этого слово «постановлено», котораго нѣтъ въ рукописи. [3] Поставленное въ скобки прибавлено Кулишомъ.

Стр. 73 [1] Т.; Кулишъ считаетъ нужнымъ послѣ «тотъ же самый» прибавить: «козакъ подошелъ». [2] «растлался» Т.; «разостлался» К.

Стр. 75 [1] Бодянскій замѣтилъ, что въ этомъ мѣстѣ «двухъ словъ нѣтъ никакой возможности разобрать».

Стр. 81 [1] Такъ исправляемъ мы это мѣсто, которое Бодянскимъ прочитано такъ: «Это не была совершенно правильная голова, правильное лицо, совершенно не приближавшееся къ греческому: ничего въ ней не было законно, прекрасно-правильно».

---

[1]) Вм. слова «перси» прежде стояло: «вершины». [2]) Вм. зачерк.: «ежеминутно».

Стр. 84 [1] О. М. Бодянскій замѣчаетъ: «Хотя означенія этой главы въ подлинникѣ нѣтъ, но по предыдущимъ и послѣдующимъ означеніямъ главъ, также по ходу разсказа и начала въ красную строку, тутъ должно поставить главу II». [2] О. М. Бодянскій замѣчаетъ: «Можетъ быть, къ этому мѣсту относится слѣдующая выноска на полѣ безъ значка: «Очень замѣчательная достопамятность въ той странѣ, гдѣ древностей почти не было, гдѣ брани, вѣчныя брани, производили жестокое опустошеніе и обращали въ руины все то, что успѣвали сдѣлать трудолюбіе и общежительность». Съ своей стороны полагаю, что эта выноска должна быть отнесена не къ этому мѣсту, а помѣщена на стр. 86-й послѣ словъ: «постройка ея принадлежала еще дѣду». [3] Тутъ, очевидно, пропускъ.

Стр. 86 [1] Въ Т. и К. напечатано: «словъ». Исправляемъ, руководствуясь стр. 87: «Горпина опять было хотѣла всплакнуть». [2] Послѣ этого, по моему мнѣнію, должна быть помѣщена приписка на полѣ, приведенная во второмъ примѣчаніи къ 84-й страницѣ.

Стр. 92 [1] «увидѣлъ» Т. К.

Отрывки изъ начатыхъ повѣстей (стр. 94 — 100).

Эти «отрывки» въ первый разъ напечатаны въ неполномъ видѣ и очень небрежно въ «Запискахъ о жизни Н. В. Гоголя» г. Кулиша (I, стр. 164, 167—168, 169, 171—175). Печатаемъ ихъ по подлиннымъ рукописямъ Гоголя, заключая въ скобки слова зачеркнутыя. Не считаемъ нужнымъ приводить чтенія г. Кулиша тамъ, гдѣ мы отъ нихъ отступаемъ.

Отрывокъ I (стр. 94).

Этотъ отрывокъ вписанъ авторомъ на страницѣ 137-й записной книги, означенной у насъ № 2; онъ заключаетъ въ себѣ только тринадцать строкъ. Самое мѣсто, занимаемое отрывкомъ въ рукописи,— средина оной,— указываетъ на то, что онъ набросанъ ранѣе 1834 года, къ которому относятся произведенія, помѣщенныя въ концѣ рукописи. Ср. стр. 540.

Стр. 94 [1] Послѣ этого слова, на ходу письма, зачеркнуто: «но ровно». [2] Въ рукописи: «на улицѣ». [3] Въ рук.: «голобчикъ». [4] Послѣ «треплетъ» приписано сверху слово, которое нами не разобрано. [5] Конецъ слова неясенъ. [6] Такъ читаетъ г. Кулишъ; въ рукописи стоитъ только буква «ч». [7] Въ рукописи: «что такихъ я людей я».

Страшная рука (стр. 95).

Отрывокъ 1-й этой повѣсти вписанъ въ той же самой записной книгѣ, № 2, на 45-й страницѣ, передъ отрывкомъ изъ статьи «Скульптура, живопись и музыка», которую Гоголь отнесъ къ 1831 году

(См. настоящій томъ, стр. 117). Отрывокъ 2-й, не имѣющій заглавія, но несомнѣнно принадлежащій къ той же повѣсти, написанъ на отдѣльномъ полулистѣ, вырѣзанномъ изъ какой-нибудь записной книги Гоголя. Въ этомъ полулистѣ виденъ *тотъ же самый фабричный водяной знакъ*, какой находится на полулистѣ, на которомъ Гоголь наканунѣ 1834 года написалъ лирическое обращеніе, напечатанное въ этомъ же томѣ (на стр. 105-й) подъ цифрою «1834» и названное г. Кулишомъ «Воззваніе къ генію». (Ср. примѣч. къ 105-й страницѣ этого тома). На этой бумагѣ Гоголь писалъ въ 1833-мъ году. По этимъ соображеніямъ относимъ второй отрывокъ къ 1833-му году. Онъ также сохранился въ бумагахъ, оставленныхъ у Жуковскаго въ бытность Гоголя за границею.

Стр. 95 [1] Прежде было написано: «фонарь въ концѣ улицы едва озарялъ улицу». [2] Слова: «и оставлялъ во мракѣ деревянные» написаны сверху строки вм. зачеркнутаго: «тогда, какъ деревянные казал.» [3] Прежде было написано: «Низенькіе домики, то каменные бѣлые, то черные...». [4] Въ рукописи «обыкновенный».

Стр. 96 [1] «ничего, кромѣ студентъ». Такой неправильный оборотъ рѣчи нерѣдко встрѣчается у Гоголя. [2] Такъ въ рукописи: «нигдѣ огня». [3] Послѣ этого зачеркнуто слово «одинъ». [4] Передъ словомъ «вниманіе», зачеркнуто «его». [5] Прежде было: «разбросанными матеріями». [6] Слова «почти невидимый» написаны сверху зачеркнутыхъ: «самый воздушный». [7] Слово «палевые» написано сверху зачеркнутаго: «оранжевые». [8] Въ рукописи: «пуховъ». [9] Такъ читаетъ Кулишъ. [10] Послѣ этого зачеркнуто: «Женская..... что можетъ (быть) болѣе имѣть для студента». Полагаю, что на мѣстѣ точекъ слѣдуетъ поставить: «Женская фигура». [11] Слово «платьѣ» написано сверху зачеркнутаго: «въ костюмѣ». [12] Передъ этою фразою, на ходу письма, зачеркнуто: «Какой цвѣтъ. Что можетъ быть жарче, пронзительнѣе бѣлаго цвѣта?» [13] Слово «платьѣ» зачеркнуто. [14] Послѣ этого слова зачеркнуто: «мечта». [15] Написанное сверху строки слово не разобрано; зачеркнуто: «не всегда». [16] Въ рукописи: «въ бѣлою».

Стр. 97 [1] Слово «дѣвчонка» наполовину зачеркнуто. [2] Приписано сверху зачеркнутаго: «нестерпимы». [3] Въ рук.: «незначалось».

Отрывокъ III (стр. 97—98).

Этотъ отрывокъ написанъ на четверткѣ сѣрой бумаги; съ лѣвой стороны четвертки видны ясные слѣды, что она вырѣзана изъ переплетенной тетради. Текстъ отрывка занимаетъ всю первую страницу, на второй написано только пять строкъ. На остальной части страницы нарисованы карандашемъ, одно надъ другимъ, какія-то три зданія. Такого рода рисунки и чертежи встрѣчаются уже въ записной книгѣ № 1-й. Въ 1830 году Гоголь занимался

составленіемъ «плана дому» для своей матери (Сочин. и письма V, 107); въ 1831—2 г. писалъ свою статью «объ архитектурѣ», свидѣтельствующую объ изученіи авторомъ архитектурныхъ памятниковъ древнихъ и современныхъ. Четвертка, на которой набросанъ «отрывокъ III», относится, можетъ быть, къ этому періоду, т. е. къ 1830—1832 г.

Стр. 97. [1] Въ рукописи: «что».

Стр. 98 [1] Точки поставлены на мѣстѣ неразобраннаго слова. [2] Прежде было написано: «какъ вицмундиръ». [3] Прежде было: «какъ ловко». [4] Такъ въ рукописи: «позвончатымъ». [5] Слово «Съ» въ рук. пропущено. [6] Въ рукописи слова «бы» нѣтъ.

Отрывокъ IV (стр. 99—100).

Этотъ отрывокъ внесенъ въ записную книгу № 3, принадлежащую нынѣ Императорской публичной библіотекѣ; онъ написанъ на оборотѣ 6-го листа рукописи.

На первой страницѣ того же 6-го листа этотъ же отрывокъ переписанъ набѣло въ такомъ видѣ:

«Мнѣ нужно къ полковнику. Я хочу видѣть самого полковника!»

«Тебѣ полковника?» говорилъ полунасмѣшливымъ и полупрезрительнымъ тономъ сторожевой козакъ, потряхивая откидными рукавами алаго цвѣта съ золотымъ шнуркомъ и поглядѣвши пристально на просителя, почти отрока, въ темномъ длинномъ кунтушѣ. «Подожди немножко».

«Мнѣ наскучило ждать, я уже усталъ и очень долго ожидаю».

«Подожди немножко».

«До коихъ поръ ждать мнѣ?»

«А вотъ, пока подростешь», отвѣчалъ хладнокровно козакъ, прочищая свою трубку.

«Дядюшка ты мой, батька, мать моя родная, пусти къ полковнику!»

«Какого тебѣ дьявола нужно? Панъ полковникъ не станетъ говорить съ такими, какъ ты».

«Не будетъ говорить, такъ прогонитъ. Пусти только меня».

«Нельзя. Панъ полковникъ теперь спитъ».

«Лжетъ онъ! (Панъ полковникъ) Я не сплю», послышался голосъ изъ ставки. Козакъ привсталъ. Молодой проситель вздрогнулъ; блѣдность вдругъ осѣнила его лицо, и сердце начало такъ сильно биться, что другому можно было слышать его.

«Ну, ступай, иди! Чего жъ сталъ?»

Но обезпамятѣвшій насилу могъ собраться съ духомъ. Въ это время пошли въ ставку эксаулъ (sic!) и полковой писарь. Обрадовавшись этому случаю, онъ скрѣпился и пошелъ въ слѣдъ за ними». Оба отрывка относятся къ 1832 или 1833 году. (См. описаніе рукописи, въ которой они помѣщены, въ началѣ перваго тома). Рукопись Императорской публичной библіотеки означаемъ буквами **ИБ**.

Стр. 99 [1] Послѣ этого зачеркнуто: «но еще не набивалъ ея, (за) разсматривая съ чувствомъ человѣка, въ первый разъ увидавшаго эту диковину». [2] Слово «уже» написано сверху строки; прежде было: «съ довольно мужественными». [3] Слово «козакъ» въ рук. пропущено. [4] Написанное сверху слово неразобрано («по казацки?»). [5] Слово «козакъ» въ рук. пропущено. [6] Прежде было написано: «въ хату». [7] На ходу письма, передъ словомъ «ударилъ» зачеркнуто: «повалился».

Стр. 100 [1] Слово «вмѣстѣ» приписано сверху зачерк.: «въ одно время». Мѣсто это передѣлывалось не одинъ разъ. Такъ, послѣ «повиновеніемъ» приписано сверху: «представлявшимъ совершенно...» [2] Кулишъ невѣрно читаетъ это мѣсто. [3] Одно слово не разобрано. [4] Написано неразборчиво и безсвязно. [5] Послѣднее слово написано сокращенно. [6] Въ рукописи «что». [7] Въ рукописи «что». [8] Слово «на» въ рук. пропущено. [9] Кулишъ читаетъ «протрезвить»; слово написано неразборчиво; слѣдуетъ читать: «наградить».

Отрывокъ *V* (стр. 100).

Помѣщенъ въ той же рукописи Им. Пуб. Библ. и относится также къ 1832 или къ 1833-му году.

Отрывокъ изъ утраченной драмы (стр. 101—104).

Этотъ отрывокъ напечатанъ въ первый разъ И. С. Аксаковымъ въ № 12-мъ газеты «Русь» 1881 года (стр. 10—11); написанъ на отдѣльномъ полулистѣ и также вырванъ изъ какой-то записной книги. Указаній положительныхъ на время написанія этой піесы нѣтъ. Если обратить вниманіе на бумагу, почеркъ и чернила, то оказывается поразительное сходство съ однимъ листомъ рукописной комедіи «Женихи» (1833).

И. С. Аксаковъ, печатая этотъ отрывокъ, сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «Не та ли это драма, о которой въ воспоминаніяхъ Ѳ. В. Чижова, помѣщенныхъ въ I т. «Записокъ о жизни Гоголя» Кулиша, разсказывается со словъ Жуковскаго, какъ Гоголь читалъ однажды Жуковскому какую-то «трагедію», какъ Жуковскій подъ чтеніе ея задремалъ, и Гоголь, сказавъ: «когда спать захотѣлось, значитъ можно и сжечь», тутъ же бросилъ ее въ ка-

минъ?» (Русь, 1881, № 12, стр. 19). Г. Кулишъ въ уничтоженной трагедіи видѣлъ «драму за выбритый усъ» (Записки о жизни Гоголя I, 330).

Стр. 101 [1] Слова, заключенныя въ прямыя скобки, не написаны. [2] Прежде было написано: «за *свою* обиду». [3] Прежде было написано: «за которую я требую». [4] Слово «мѣстѣ» не дописано. [5] Сверху этого слова приписаны два слова, которыхъ мы не могли разобрать.

Стр. 102 [1] Слова «изъ васъ» приписаны сверху строки; прежде было: «Кто-то». [2] Пропущено какое-то слово. [3] Передъ словомъ «смерть» зачеркнуто слово: «страшная». [4] Въ рукописи пропущено какое-то слово. [5] Заключенное въ скобки въ рук. зачеркнуто.

Стр. 103 [1] Сверху этого слова приписано: «который». [2] Въ рукописи пропущено одно слово. [3] Заключенное въ скобки зачеркнуто въ рукописи.

Стр. 104 [1] Заключенное въ скобки зачеркнуто въ рукописи. [2] Сверху слова «сиди» приписано: «не ходи».

1834 (стр. 105 — 106).

Это воззваніе написано Гоголемъ наканунѣ 1834 г. Оно сохранилось въ бумагахъ, оставленныхъ авторомъ у Жуковскаго, и напечатано въ первый разъ г. Кулишомъ въ «Запискахъ о жизни Гоголя» (I, 128—129). Воззваніе занимаетъ въ рукописи менѣе полной страницы полулиста, также вырѣзаннаго изъ записной книги.

Стр. 105 [1] Прежде было написано: «*сколько* слилось и столпилось»; при измѣненіи оборота рѣчи и постановкѣ подлежащаго во множ. ч. глаголы «слилось», «столпилось», оставлены попрежнему въ един. [2] Слова, заключенныя въ скобки, зачеркнуты въ рукописи. [3] Слова «годъ» въ рук. нѣтъ. [4] Въ рук.: «безчувственно». [5] Прежде было: «многозначительныя». [6] Прежде было: «какъ завѣтъ». [7] Въ рукописи: «Гдѣ я означу я». [8] Въ рукописи: «труда». Не пропущено ли слово послѣ «великими?» [9] Прежде было: «низменной». [10] Въ рукописи: «горы, обсыпанны». [11] Въ рукописи: «какъ».

Стр. 106 [1] Сверху этого слова приписано: «чистыя».

Объявленіе объ изданіи исторіи малороссійскихъ казаковъ (стр. 107).

Это объявленіе напечатано въ «Сѣверной Пчелѣ» 1834 г., № 24, вышедшемъ 30 января. Въ концѣ «Объявленія» напечатано: «Мнѣ же прошу адресовать въ С. П. Б. или въ магазинъ Смирдина, или прямо въ мою квартиру, въ Малой Морской въ домѣ Лепена, Николаю Васильевичу Гоголю». Объявленіе перепечатано въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1834 года, № 3, стр. 523 и въ «Молвѣ» 1834 г., стр. 118.

Арабески.

Цензурное разрѣшеніе этого сборника къ печати подписано «10 ноября 1834 года». 14-го ноября того же года Гоголь писалъ къ Погодину: «Ты спрашиваешь, чтó я печатаю. Печатаю я всякую всячину — всѣ сочиненія и отрывки, и мысли, которыя меня иногда занимали. Между ними есть и историческія, извѣстныя уже и неизвѣстныя. Я прошу только тебя глядѣть на нихъ поснисходительнѣе: въ нихъ много есть молодаго». (Соч. и письма Гоголя V, 228). Арабески вышли въ свѣтъ въ первой половинѣ января 1835 года. Отправляя экземпляръ этого сборника Погодину, Гоголь пишетъ ему (22 января): «Посылаю тебѣ всякую всячину мою. Погладь ее и потрепли. Въ ней очень много есть дѣтскаго, и я поскорѣе и старался выбросить въ свѣтъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ выбросить изъ моей конторки все старое и, стряхнувшись, начать новую жизнь». (Сочин. и письма Гоголя V, 231). Того же, 22-го января, препровождая «Арабески» Максимовичу, Гоголь пишетъ ему: «Посылаю тебѣ сумбуръ, смѣсь всего, кашу, въ которой есть ли масло, суди самъ». (Тамъ же V, стр. 230). Изъ примѣчаній къ отдѣльнымъ статьямъ и повѣстямъ «Арабесокъ» будетъ видно, что этотъ сборникъ составился изъ произведеній, написанныхъ Гоголемъ въ теченіе 1830 — 1834 года включительно. Въ первый разъ напечатаны здѣсь слѣдующія статьи: 1) Скульптура, живопись и музыка (I, 1—12), 2) Портретъ, повѣсть (I, 97 — 186), 3) Нѣсколько словъ о Пушкинѣ (I, 211 — 225), 4) Объ архитектурѣ (I, 227 —271), 5) Ал-Мамунъ (I, 273 — 287), 6) Жизнь (II, 1 — 8), 7) Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ (II, 9—21), 8) Невскій проспектъ, повѣсть (II, 23—98), 9) О картинѣ Брюлова (II, 141 — 158), 10) Движеніе народовъ въ V вѣкѣ (II, 172 — 230) и 11) Записки сумасшедшаго (II, 231 — 276). Всѣ эти произведенія, кромѣ статьи «Движеніе народовъ въ V вѣкѣ», вписаны авторомъ въ записную книгу, описанную нами подъ № 2-мъ Аксаковскихъ рукописей. На третьей страницѣ этой записной книги Гоголь набросалъ въ такомъ видѣ перечень статей, изъ которыхъ онъ предполагалъ составить «Арабески»:

«Скульпт. Живоп. и Музыка. 1
О Среднихъ Вѣкахъ 2
Глава изъ Историч. Ром.

Этотъ проектъ не былъ выполненъ въ точности. Статьи: «Женщина» и «Учитель» не были перепечатаны въ «Арабескахъ»; «Трактатъ о Правленіи» совсѣмъ не появился въ печати. Зато въ «Арабескахъ» нашли себѣ мѣсто статьи: «Жизнь» и «Ал-Мамунъ», не упомянутыя въ перечнѣ, можетъ быть, потому что тогда не были еще написаны. Можетъ быть, «Записки сумасшедшаго» въ то время, когда составлялся приведенный перечень, не имѣли еще того вида, въ какомъ онѣ являются въ записной тетради и въ «Арабескахъ», такъ какъ въ перечнѣ они названы «Записки сумасшедшаго музыканта». Признавая вѣрною дату, поставленную Гоголемъ въ рукописи подъ статьею «О картинѣ Брюлова» — «1834 Августъ», полагаемъ, что приведенный перечень не могъ быть составленъ ранѣе этого мѣсяца, т. е. августа 1834 года. Въ слѣдующихъ ссылкахъ «Арабески» указываются буквами «Ар.»; рукопись № 2-й буквами «РА.» (т. е. рукопись Аксаковыхъ).

Стр. 111 [1] Въ Ар.: «не вправѣ.

Скульптура, живопись и музыка (стр. 113 — 117).

Первыя пять строкъ этой статьи («Благодарность Зиждителю» — «за здравіе скульптуры!») написаны вверху 44-й страницы РА. Подъ ними позднѣйшая приписка, не принятая въ «Арабески»: «Но послѣдній поцѣлуй тебѣ, нѣжная скульптура! Выше кубокъ и второй кубокъ въ честь живописи! Она небесно прекрасна, она

вдохновенно чиста». Продолженіе статьи на страницѣ 45-й начинается словами: «Впереди стройная (обнаженная), исполненная нѣги скульптура. Чувственная, прекрасная, она прежде всего посѣтила землю» и т. д. Страница 46-я рукописи оканчивается словами: «Она принадлежность нашего новаго міра! Она...» Прерванное на этомъ словѣ предложеніе продолжается на стр. 48-й, на которой и оканчивается статья. На страницѣ 47-й двѣ приписки, не внесенныя вполнѣ въ текстъ «Арабесокъ»; обѣ приписки относятся къ предшествующей, 46-й страницѣ. Противъ написанныхъ на 46-й страницѣ строкъ: «Прекрасная, языческая, она очаровательна, какъ жизнь, какъ міръ, какъ чувственная красота» и т. д. (стр. 114 этого тома) приписано: «Но я лучше люблю ее, блистательную сестру ея. Она живѣе, она больше говоритъ намъ, она прекрасна (богата), какъ богатая осень въ яркомъ убранствѣ». Противъ слѣдующихъ строкъ 46-й страницы: «Она продолжаетъ жизнь за границы чувственности» приписано: «Глядите на зрителя, стоящаго передъ ея изображеніями: лицо его покойно, въ глазахъ уже выражается задумчивость; они глядятъ не на вещественный предметъ,—нѣтъ! они видятъ, чтó не всегда намъ дается видѣть. Онъ весь исполненъ неподвижнаго тайнаго созерцанія». Въ «Арабескахъ» подъ этою статьею поставленъ годъ написанія оной—1831; въ рукописи этого указанія нѣтъ. Между тѣмъ, если это указаніе *точно*, то оно можетъ относиться лишь къ тому виду всей статьи, какой она имѣетъ въ рукописи: изъ приводимыхъ ниже по рукописи варіантовъ читатель убѣдится, что изложеніе статьи значительно было передѣлано и исправлено при составленіи «Арабесокъ», т. е. въ 1834 году.

Стр. 113 [1] Въ Ар. и въ рукописи: «міріадъ». [2] Послѣ этого въ рукописи: «Впередъ стройная (обнаженная), исполненная нѣги скульптура!» [3] Ар; «скрытъ уже туманомъ въ отдаленной перспективѣ» РА. [4] Ар.; «достигаетъ еще» РА. [5] Ар; «вездѣ» РА. [6] Ар; «обвивающій»; прежде было: «увивающій» РА. [7] Ар; «ненаглядной» РА.

Стр. 114 [1] Ар. «Въ какой бы ни было страсти, въ какомъ бы ни было сильномъ порывѣ, вездѣ въ ней человѣкъ прекрасенъ, гордъ и невольно остановитъ атлетическимъ свободнымъ своимъ положеніемъ» РА. [2] Ар; «съ страданіемъ группъ» РА. [3] Ар; «потрясеній, кризисовъ и переворотовъ» РА. [4] Ар; «красавица, вдругъ глянувшая въ зеркало и увидѣвшая въ немъ свое чудесное изображеніе, усмѣхнувшаяся и уже бѣгущая и съ торжествомъ влекущая за собою толпу юношей гордыхъ» РА. [5] Ар; «Прекрасная, языческая, она очаровательна» РА. [6] Ар; «изъ низкой доли» РА.

Стр. 114—115 [1] Въ **РА**. это мѣсто не такъ развито, какъ въ **Ар**. Вотъ текстъ **РА**: «Его сильнымъ порывомъ они раздвинулись, развились и исторгнули мысль изъ границъ чувственнаго міра. Яркая, цвѣтистая, исполненная измѣненій характера живопись — знакомѣе намъ сестры своей, кроткой пластической скульптуры, которой мы не въ силахъ такъ понимать, какъ понимали ее жители древняго міра. Живопись, создавіе (вѣковъ христ. (новаго міра) многосторонняго новаго міра, обширно распространила свою область».

Стр. 115 [2] **Ар**; «Она уже схватываетъ не только быстрое мгновеніе» **РА**. [3] **Ар**; «чувственности» **РА**. [4] **Ар**; «мысли» **РА**. [5] **Ар**; «для опредѣленія» **РА**. [6] Послѣ этого въ **РА**: «Зритель, оторвавшись отъ всего, стоитъ, полный неподвижнаго созерцанія, передъ божественнымъ ликомъ Мадонны. Онъ наслаждается, но наслаждается уже не здѣшнимъ міромъ: мысли его уже устремились въ тотъ міръ, гдѣ имъ не предписано границъ» **РА**. [7] **Ар**; «вдохновенною кистью живописца» **РА**. [8] **Ар**; «она выражаетъ также и мгновенные порывы и страсти, но порывы, понятные всякому» **РА**. [9] **Ар**; «духовное сильнѣе проникаетъ во все» **РА**. [10] **Ар**; «Даже обыкновенное страданіе живѣе выливается» (зачеркнуто: «выражается») **РА**. [11] **Ар**; «какъ будто бы самъ живописецъ требуетъ сочувствія, а не наслажденія» **РА**. [12] **Ар**; въ **РА**: «требуетъ сочувствія, а не наслажденія. Живопись отринула средства приблизиться къ природѣ; она лишена выпуклостей; она должна на гладкой поверхности произвести все. Но духъ человѣка, чѣмъ бѣднѣе имѣетъ видимыхъ средствъ, тѣмъ сильнѣе и пространнѣе выражается». [13] Вмѣсто: «Но сильнѣе шипи» — «и разомъ погружаетъ его въ свой міръ» въ **РА** написано: «Но что же скажемъ о музыкѣ, созданной религіознымъ стремленіемъ духа? Ея міръ, ея область и власть вовсе отличны отъ двухъ сестеръ ея. Она вдругъ, за однимъ разомъ, отрываетъ человѣка отъ всего».

Стр. 116 [1] **Ар**; въ **РА** прежде было написано: «живетъ пламенно, сокрушительно, мятежно»; потомъ слово «пламенно» зачеркнуто и надъ нимъ написано: «порывно, ...». [2] **РА**; «развилась» **Ар**. [3] «тысячи» **РА**. **Ар**. [4] **Ар**; «Невидимая, неизъяснимая — музыка проникла весь нашъ міръ; она разливается и дышетъ въ тысячи разныхъ образахъ (sic!), но восторженнѣе и самовластнѣе она подъ темными безконечными сводами катедраля, гдѣ тысячи поверженныхъ на колѣни людей она устремляетъ въ одно движеніе». [5] **Ар**; «выразительное священное безмолвіе» **РА**. [6] **Ар**; «и послѣдній звукъ, который трепещетъ, умирая» **РА**. [7] **Ар**; «Чувственная, плѣнительная, *роскошная* скульптура внушаетъ наслажденіе; живопись, глубокая, скромная, возвышенная, — (тихое размышленіе) и мечтаніе; музыка, стремительная, неудержимая, — страсть и смятеніе души» **РА**. [8] **Ар**; «нашего новаго» **РА**. [9] **Ар**; «на насъ наступаетъ, насъ давитъ меркантильность и вся дробь» **РА**. [10] **Ар**; «непріятелей» **РА**. [11] **Ар**; «О, будь же нашъ хранитель, спаситель нашъ» **РА**. [12] **Ар**; «упрекъ» **РА**.

Стр. 117 [1] **Ар**; «Создатель простеръ на насъ нѣмѣющее безмолвіе» **РА**. [2] Послѣ этого слѣдуетъ помѣстить набросанную въ рукописи, внизу страницы, приписку: «Въ каждой эпохѣ міра онъ посылалъ ему генія благодѣтельнаго,

осѣнявшаго его крыломъ своимъ, и разливавшаго гармонію и удерживавшаго его отъ хаосу» РА. [3] Ар; «онъ ворочаетъ гранитнымъ обрывомъ, поднимаетъ его къ небу» РА. [4] Въ РА прежде было написано: «Среднимъ вѣкамъ». [5] Ар; «небесныя наслажденія жизни его угодниковъ» РА.

О среднихъ вѣкахъ (стр. 118—129).

Напечатано въ первый разъ въ «Жур. Мин. Нар. Пр.», часть III, сентябрь 1834 г., отдѣленіе II, стр. 409 — 427, подъ заглавіемъ: «О среднихъ вѣкахъ. Вступительная лекція, читанная въ С. Петербургскомъ Университетѣ Адъюнктъ-Профессоромъ Н. Гоголемъ». Рукописный оригиналъ не былъ у насъ въ распоряженіи. При перепечаткѣ въ Ар. стертъ характеръ лекціи. Адъюнктъ-профессоромъ Петербургскаго университета по каѳедрѣ всеобщей исторіи Гоголь былъ утвержденъ 24-го іюня 1834 года. Въ письмѣ отъ 23 іюля того же года онъ такъ увѣдомлялъ объ этомъ Погодина: «Я на время рѣшился занять здѣсь каѳедру исторіи, и именно *среднихъ вѣковъ*. Если ты этого желаешь, то я пришлю тебѣ нѣкоторыя свои лекціи, съ тѣмъ только, чтобы ты въ замѣнъ прислалъ мнѣ свои. Весьма недурно, если бы ты отнялъ у какого-нибудь студента тетрадь записываемыхъ имъ твоихъ лекцій, особенно *о среднихъ вѣкахъ,* и прислалъ бы черезъ Редькина мнѣ теперь же». (Соч. и письма Гоголя V, 221). 23 августа 1834 года Гоголь писалъ Максимовичу: «Я тружусь какъ лошадь, чувствуя, что это послѣдній годъ, но только не надъ казенною работою, т. е. *не надъ лекціями, которыя у насъ до сихъ поръ еще не начинались*, но надъ собственными своими вещами». («Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу» въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности, томъ XVIII, № 3, стр. 42—43). Въ письмѣ, отъ 14 декабря 1834 г., къ Погодину Гоголь проситъ: «Не гляди также на статью «О среднихъ вѣкахъ» въ Департаментскомъ журналѣ. Она *сказана* только такъ, чтобы сказать что-нибудь и только раззадорить нѣсколько въ слушателяхъ потребность узнать то, о чемъ еще нужно разсказать, что̀ оно такое» (Соч. и письма Гоголя V, 228). Лекція, дѣйствительно, была *«сказана» наизусть въ сентябрѣ* 1834 года. По свидѣтельству Г. Иваницкаго, слушавшаго эту лекцію со студенческой скамьи, «не довѣряя самъ себѣ, Гоголь *выучилъ наизусть предварительно написанную лекцію,* и хотя во время чтенія одушевился и говорилъ совершенно свободно, но ужъ не могъ оторваться отъ затверженныхъ фразъ и потому не прибавилъ къ нимъ ни одного слова». (Отечественныя Записки

1853 г., кн. 2-я, отд. VII, стр. 120). На основаніи этихъ данныхъ можно предположить, что лекція «О среднихъ вѣкахъ» получила окончательную обработку, *для произнесенія съ каѳедры*, въ концѣ августа. Сентябрьская книжка «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», въ которой помѣщена эта лекція Гоголя, вышла въ октябрѣ 1834 года. Въ концѣ сентября Гоголь держалъ коректуру своей лекціи, повидимому, не дѣлалъ при этомъ никакихъ въ ней измѣненій («Отеч. Записки», тамъ же, стр. 120) и отклонялъ поправки редактора «Журн. Нар. Просв.» 29 сентября 1834 г. Гоголь писалъ К. С. Сербиновичу: «Очень благодаренъ вамъ за присылку коректуры. Если можно, то я бы попросилъ у васъ прислать сегодня же и хвостикъ ея. Слова «*чутья*» (стр. 120 этого тома) никакъ не могу перемѣнить. У насъ совершенно нѣтъ ему равнозначительнаго. Притомъ я его употребилъ потому, что оно уже получило нѣкоторое право гражданства: его употребилъ Пушкинъ и даже Жуковскій въ «Путешествіи по Саксоніи», въ смыслѣ художественномъ, хотя это прекрасное письмо его, кажется, доселѣ не напечатано. Нечего дѣлать, нужно намъ перенять нѣкоторыя добродѣтели и у четвероногихъ». (Русскій Архивъ» 1876 г., III, 202).

Стр. 118 [1] **Ар**; «Приступая къ чтенію моихъ лекцій Исторіи Среднихъ Вѣковъ, я необходимо долженъ прежде всего изъяснить вамъ истинное достоинство ея. Никогда Исторія міра не принимаетъ такой важности и значительности для насъ, какъ въ это время, не смотря на то, что его часто почитаютъ мелкимъ и безъинтереснымъ». **ЖМНП**.

Стр. 119 [1] **Ар**; «Отъ чего рѣдкіе, очень рѣдкіе возлагали на себя трудъ разрѣшить нѣкоторые изъ приведенныхъ мною вопросовъ? Отвѣчать на это не трудно: Средней Исторіи назначали самое низшее мѣсто. Время ея дѣйствія считали слишкомъ варварскимъ, слишкомъ невѣжественнымъ, чтобы заняться имъ. Но если бы это обвиненіе было вполнѣ справедливо, то и тогда ничѣмъ не оправдывается такое невниманіе. Тѣ же люди, которые такъ пренебрегали этими невѣжественными Вѣками, готовы были заплатить Богъ знаетъ что за одну искру свѣдѣній о первоначальныхъ временахъ древняго міра, которыя были такъ же невѣжественны, какъ и первоначальныя времена Вѣковъ Среднихъ, имѣющихъ на своей сторонѣ перевѣсъ близостью родственныхъ узъ съ нами. Назвать же ихъ совершенно варварскими и невѣжественными — неосмотрительность непростительная, недальновидность, чтобъ не сказать невѣжество» **ЖМНП**. [2] **ЖМНП**; въ **Ар**. опечатка: «съ сильными». [3] **Ар**; «для меня» **ЖМНП**.

Стр. 120 [1] **Ар**; Другая причина, почему мало обращали вниманія на исторію среднихъ вѣковъ» **ЖМНП**. [2] **Ар**; «но я не отрицаю также, что для самаго умѣнья найти все это, нужно быть одарену свыше тѣмъ чутьемъ, которымъ обладаютъ немногіе историки» **ЖМНП**.

Стр. 121 [1] Такъ въ **ЖМНП** и въ **Ар**: «сосѣдамъ». [2] **ЖМНП**; въ **Ар.** неправильно: «Европа не устоялась». [3] **ЖМНП**; «болѣе» **Ар.**

Стр. 122 [1] Такъ въ **ЖМНП** и въ **Ар**: «лѣсъ». [2] **Ар**; «входитъ» **ЖМНП.**

Стр. 123 [1] Слова «отъ нея» внесены изъ **ЖМНП.** [2] **Ар**; «и вся масса извергается для того» **ЖМНП.**

Стр. 124 [1] **Ар**; «народа, который гнѣвнымъ сѣверомъ свирѣпо выброшенъ изъ ледяныхъ нѣдръ его» **ЖМНП.**

Стр. 125 [1] **ЖМНП**; въ **Ар.** ошибочно: «выжималъ». [2] **Ар**; «объѣздившими всѣ моря» **ЖМНП.** [3] **Ар**; «они повторяются» **ЖМНП.** [4] **Ар**; «тысячу» **ЖМНП.**

Стр. 126 [1] **Ар**; «мира» **ЖМНП.** [2] **Ар**; «ото всего» **ЖМНП.**

Стр. 127 [1] Слово «придворныхъ» внесено изъ **ЖМНП.** [2] **Ар**; «Только тамъ такъ быстро, такъ неотразимо, такъ сверхъестественно дѣйствуетъ человѣкъ, не знающій, что такое слово: невозможность» **ЖМНП.** [3] Такъ въ **ЖМНП** и въ **Ар**: «средніе вѣки».

Стр. 129 [1] **Ар**; «Оканчиваются Средніе Вѣка тоже огромнѣйшимъ событіемъ или, лучше сказать, цѣлою оглушающею массою событій» **ЖМНП.** [2] **Ар**; «были только для того» **ЖМНП.** [3] **Ар**; «и куча разныхъ украшеній» **ЖМНП.**

Глава изъ историческаго романа (стр. 130—140).

Напечатана въ альманахѣ «Сѣверные цвѣты на 1831 годъ», (стр. 225 — 256 прозы) вышедшемъ въ декабрѣ 1830 года (цензурное разрѣшеніе помѣчено «18 декабря 1830 года»). Поставленный въ «Арабескахъ» подъ этимъ произведеніемъ 1830 годъ слѣдуетъ признать правильнымъ. Означаемъ альманахъ буквами **СЦ.**

Стр. 130 [1] **Ар**; «разграничивающую» **СЦ.** [2] **Ар**; «Пирятскій» **СЦ.** [3] **Ар**; «какая-нибудь особенная» **СЦ.** [4] **Ар**; «Достаточно было ввалиться въ лѣсъ или на безлюдное поле, чтобы заставить странствующаго рыцаря не разбирать ночлегомъ» **СЦ.** [5] **Ар**; «на разстояніи 50 или 100 ружейныхъ выстрѣловъ» **СЦ.** [6] **СЦ**; «въ раздумьѣ» **Ар.** [7] **Ар**; «разноцвѣтнымъ ожерельемъ» **СЦ.**

Стр. 131 [1] **СЦ**; «досадывалъ» **Ар.** [2] **Ар**; «путешественникъ» **СЦ.** [3] **Ар**; «поминутно мѣняясь и разрываясь, будто чудныя тѣни волшебнаго фанаря (sic!), летѣли по воздуху» **СЦ.** [4] **СЦ**; «Серебренный» **Ар.** Такъ писалъ нерѣдко это слово Гоголь, см. настоящаго изданія, томъ V, стр. 539. [5] **СЦ**; «карныхъ» **Ар.**

Стр. 132 [1] **Ар**; «Помогай Боже, землякъ!» **СЦ.** [2] **Ар**; «Знаете, козаки» **СЦ.** [3] **Ар**; «Ну, спохватились» **СЦ.** [4] **Ар**; «*добродію,* бывали въ Польшѣ и встрѣчали по тамошнимъ дорогамъ» **СЦ.**

Стр. 133 [1] **Ар**; «Какъ не знать этой старой собаки, которая ни себѣ ни другимъ добра на полшеляга не сдѣлала!» **СЦ.** [2] **СЦ**; «разсказняхъ» **Ар.**

Стр. 134 [1] **Ар**; «ты, думаю, понимаешь меня». — «Понимаю! гдѣ уже намъ, темнымъ людямъ, разжевать, какъ слѣдуетъ!» Гость во все это время ѣхалъ шагомъ» **СЦ.** [2] **Ар**; «такое» **СЦ.**

Стр. 135 [1] **Ар**; «и удержать тѣнь, одну только тѣнь жизни изъ челюстей разрушенія» **СЦ.** [2] **Ар**; «То еще не диво, что сосна» **СЦ.** [3] **Ар**; «этого я не могу сказать» **СЦ.** [4] **Ар**; «и не нашей православной вѣры» **СЦ.** [5] **Ар**; «про-

хватывала дрожь христіанина» СЦ. [6] Ар; «по окрестностямъ» СЦ. [7] Ар; «Стали обворовывать да обдирать божьи церкви, такъ что христіанамъ приходилось жудко. Что станешь дѣлать! ихъ горсть, а дворни-то, можетъ быть, съ полторы сотни» СЦ. [8] Ар; «да не засыпано листьемъ» СЦ. [9] Ар; «остатки» СЦ. Слово «останки» нерѣдко употребляется Гоголемъ въ смыслѣ «остатки» [10] Ар; «.... окаянный праздникъ. У дьякона вѣщее застучало, какъ на зарѣ дятелъ. Скрѣпившись, сколько доставало духу, толкнулся онъ въ ворота, запертыя толпившимся народомъ» СЦ. [11] Ар; «Едва только увидѣли дьякона, какъ и закаркали» СЦ.

Стр. 136 [1] Ар; «понуждаемые» СЦ. [2] Ар; «не простудилъ» СЦ. [3] Ар; «что на него каплетъ что-то холодное. Дрожь проняла его; метнулся, какъ полоумный, съ постели, смотритъ: колючія вѣтви сосны царапаются къ нему сквозь стѣну» СЦ.

Стр. 137 [1] Ар; «на печальныя вѣтви, и» СЦ. [2] Ар; «умолкнувшаго» СЦ. [3] Ар; «Что? жизнь не въ жизнь стала пану» СЦ. [4] Ар; «Тутъ принялся онъ стучать въ низенькія ворота» СЦ.

Стр. 138 [1] «простолюдимовъ» Ар. СЦ. Такъ обыкновенно писалъ это слово Гоголь. [2] Ар; «и, казалось, давалъ знать» СЦ. [3] Ар; «что и его голосъ участвуетъ во всеобщей разноголосицѣ» СЦ. [4] Ар; «близь ружья» СЦ. [5] СЦ; «подчинки» СЦ (такъ обыкновенно писалъ Гоголь).

Стр. 139 [1] Ар; «Э, э! да ты долго у меня будешь ревѣть, негодный плакса?» СЦ. [2] Ар; «обратился гость нашъ съ вопросомъ къ своему хлопотливому хозяину» СЦ. [3] Ар; «кромѣ волчца» СЦ.

О преподаваніи всеобщей исторіи (стр. 141—154).

Эта статья напечатана въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» часть I, 1834 г., февраль, отдѣленіе II, стр. 189—209, подъ заглавіемъ «Планъ преподаванія всеобщей исторіи». Гоголь занимался исторіей всеобщей и малорусской *преимущественно* въ 1833 году. 10 января 1833 года онъ писалъ Погодину: «По всему мы должны быть соединены тѣсно другъ съ другомъ. Однородность занятій, замѣтьте, и у васъ, и у меня. *Главное дѣло — всеобщая исторія,* а прочее стороннее». (Соч. и письма Гоголя V, 166). 1-го февраля того же года Гоголь сообщаетъ Погодину: «Я вамъ пришлю или привезу чисто-свое, которое подготовлено къ печати. Это будетъ *всеобщая исторія и всеобщая географія* въ трехъ, если не въ двухъ, томахъ, подъ названіемъ: «Земля и люди». Изъ этого гораздо лучше вы узнаете нѣкоторыя мои мысли объ этихъ наукахъ» (Тамъ же, стр. 168). Въ письмѣ отъ 20 февраля Гоголь уже разочаровываетъ своего собрата по наукѣ. «Журнала дѣвицъ я потому не посылалъ (пишетъ онъ), что приводилъ его въ порядокъ, и его-то, совершенно преобра-

зивши, хотѣлъ я издать подъ именемъ «Земля и люди». Но, — я не знаю, отчего, — на меня нашла тоска... Корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе... Едва начинаю я что-нибудь совершу изъ исторіи, уже вижу собственные недостатки: то жалѣю, что не взялъ шире, огромнѣй объемъ, то вдругъ зиждется новая система и рушитъ старую. Напрасно я увѣряю себя, что это только *начало*, эскизъ, что оно не нанесетъ пятна мнѣ, что судья у меня одинъ только будетъ, и тотъ одинъ другъ; но не могу, не въ силахъ» (Соч. и письма Гоголя V, 174). Если статья «О преподаваніи всеобщей исторіи» была дѣйствительно написана въ 1832 году, какъ заявилъ Гоголь въ «Арабескахъ», сталъ ли бы авторъ оной скрывать это отъ Погодина и, еще болѣе, признаваться въ «недостаткахъ» своихъ историческихъ работъ? Пересмотрѣвши сдѣланныя для себя Гоголемъ выписки изъ разныхъ историческихъ сочиненій (большею частію французскихъ (Гизо), или переведенныхъ на русскій языкъ или, просто, русскихъ), мы еще болѣе убѣждаемся, что статья «О преподаваніи всеобщей исторіи» написана позднѣе 1832 года. Только въ январѣ 1833 года Гоголь прочелъ исторію Бёттигера въ русскомъ переводѣ, изд. Погодинымъ (Соч. и письма V, 168), и въ томъ же письмѣ, отъ 20 февраля 1833 года, Гоголь освѣдомляется у Погодина: «имѣется ли у него и новая исторія, или только одна древняя?» и вслѣдъ за этимъ вопросомъ прибавляетъ: «Мнѣ нравится въ ней (въ исторіи Бёттигера) то, что есть, по крайней мѣрѣ, *нить, нѣсколько вѣрный анатомическій скелетъ*. У насъ и этого нигдѣ не найдешь. Не будетъ ли еще чего-нибудь историческаго, переведеннаго университетскими?» (Тамъ же, стр. 175). Занятій всеобщею исторію Гоголь не покидаетъ въ теченіе всего 1833 года. Въ письмѣ отъ 8 мая этого года, онъ спрашиваетъ Погодина: «Скоро ли у васъ выйдетъ хоть одинъ томъ Европейской исторіи?... Нельзя ли напечатать скорѣй афоризмы? У меня горло пересохло отъ жажды. *Съ генваря мѣсяца и до сихъ поръ* я не встрѣтилъ нигдѣ ни одной новой исторической истины. Набору словъ пропасть, выраженія усилены, сколько можно усилить, и фигурно чрезвычайно, а мысль, разглядишь, давно знакомая» (Тамъ же, стр. 179). Въ письмѣ отъ 9-го ноября 1833 года Гоголь признается Максимовичу: «Если бъ вы знали, какіе со мною происходили страшные перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня! Боже! *сколько я пережогъ, перестрадалъ*! Но теперь я надѣюсь, что все успокоится, и я буду

снова дѣятельный, движущійся. Теперь я принялся за исторію нашей единственной, бѣдной Украйны. *Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія*. Мои мысли *начинаютъ* литься тише и стройнѣе. Мнѣ кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили». (Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XVIII, № 3, стр. 26). Получивши отъ Максимовича предложеніе искать каѳедры всеобщей исторіи въ Кіевскомъ университетѣ, Гоголь въ письмѣ отъ декабря 1833 г. восклицаетъ: «Благодарю тебя за все: за письмо, *за мысли въ немъ*, за новости и проч. Представь: я тоже думалъ: туда, туда! въ Кіевъ! въ прекрасный Кіевъ!» (Тамъ же стр. 27). Наканунѣ новаго 1834 года Гоголь мечтаетъ о переѣздѣ въ Кіевъ (стр. 105 настоящаго тома). Максимовичу Гоголь выразилъ надежду, что въ Малороссійской своей исторіи онъ «скажетъ много того, чего до него не говорили». Въ письмѣ отъ 11 января 1834 года Гоголь увѣдомляетъ Погодина: «Я весь теперь погруженъ въ исторію Малороссійскую *и всемірную;* и та, и другая у меня *начинаетъ* двигаться. Это сообщаетъ мнѣ какой-то спокойный и равнодушный къ житейскому характеръ, а безъ того я бы былъ страхъ сердитъ на всѣ эти обстоятельства. Ухъ, братъ! Сколько приходитъ ко мнѣ мыслей теперь! да какихъ крупныхъ, полныхъ, свѣжихъ! Мнѣ кажется, что *сдѣлаю кое-что не общее во всеобщей исторіи*». (Сочин. и письма Гоголя V, 195—196). Подъ вліяніемъ этой увѣренности и написана статья «О преподаваніи всеобщей исторіи». Она явилась съ одной стороны какъ результатъ занятій всеобщею исторіею, веденныхъ Гоголемъ въ 1833 году, съ другой какъ оффиціозное profession de foi при предъявленіи кандидатуры на каѳедру всеобщей исторіи въ Кіевскомъ университетѣ,—кандидатуры, возможность которой Гоголь вычиталъ изъ письма Максимовича, полученнаго имъ въ декабрѣ 1833 года. Слѣды такого происхожденія и назначенія статьи живо чувствуются въ ней отъ начала до конца: Гоголь говоритъ въ ней о преподаваніи всеобщей исторіи *«профессоромъ»* (стр. 143, 144, 145); потомъ это слово смѣняется словомъ «я» («я долженъ изобразить... я долженъ обнять... я долженъ непремѣнно показать...» стр. 145—147, 151, 154). Статья требуетъ отъ профессорскихъ лекцій не столько учености, сколько *занимательности* для слушателей. «Нельзя вообразить, не испытавши, какое вредное вліяніе происходитъ отъ того, если слогъ профессора вялъ,

сухъ и не имѣетъ той живости, которая не даетъ мыслямъ разсыпаться. Тогда не спасетъ его самая ученость: его не будутъ слушать... Тогда происходитъ то, что самыя *ложныя мысли*, слышимыя ими стороною, но выраженныя блестящимъ и привлекательнымъ языкомъ, *мгновенно увлекутъ ихъ и дадутъ имъ совершенно ложное направленіе*. Чтó же тогда, когда *профессоръ* еще сверхъ того облеченъ *школьною* методою, *схоластическими* мертвыми правилами и не имѣетъ даже умственныхъ силъ доказать ихъ?... Тогда самыя священныя слова въ устахъ его, какъ-то: преданность къ Религіи и привязанность къ Отечеству и Государю, превращаются для нихъ въ мнѣнія ничтожныя. *Какія изъ этого бываютъ ужасныя послѣдствія*, это видимъ, къ сожалѣнію, не рѣдко» (стр. 144). Статья заключается словами: «Цѣль *моя* — образовать сердца юныхъ слушателей той основательной опытностью, которую развертываетъ исторія, понимаемая въ ея истинномъ величіи, сдѣлать ихъ твердыми, мужественными въ своихъ правилахъ, чтобы никакой легкомысленный фанатикъ и никакое минутное волненіе не могли поколебать ихъ,— сдѣлать ихъ кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками Великаго Государя, чтобы ни въ счастіи, ни въ несчастіи не измѣнили они своему долгу, своей вѣрѣ, своей благородной чести и своей клятвѣ — быть вѣрными Отечеству и Государю» (стр. 154).

На основаніи всего вышеизложеннаго мы приходимъ къ заключенію, что статья «О преподаваніи всеобщей исторіи» написана *въ декабрѣ 1833 года,* подъ живымъ впечатлѣніемъ проекта Максимовича. Изъ письма Гоголя къ Пушкину видно, что статья писана для представленія тогдашнему министру народнаго просвѣщенія С. С. Уварову. Вотъ что пишетъ Гоголь Пушкину *23 декабря 1833 года:* «Во мнѣ живетъ увѣренность, что если я дождусь прочитать «Планъ» *) мой, то въ глазахъ Уварова онъ меня отличитъ отъ толпы *вялыхъ* профессоровъ, которыми набиты университеты. *Я восхищаюсь заранѣе, когда воображу, какъ закипятъ труды мои въ Кіевѣ*» (Русскій Архивъ 1880, II, 512—513). Ознакомившись съ этою статьею въ рукописи, министръ С. С. Уваровъ и редакторъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» К. С. Сербиновичъ предложили автору сдѣлать въ ней нѣкоторыя

---

*) Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» статья была напечатана подъ заглавіемъ «*Планъ* преподаванія всеобщей исторіи».

измѣненія, какъ видно изъ записки Гоголя къ Сербиновичу, которая относится *къ 1834 году*. «Всѣ ваши и Сергѣя Семеновича замѣчанія (пишетъ Гоголь Сербиновичу) я нахожу очень справедливыми и, какъ видите, *воспользовался ими*. Въ одномъ мѣстѣ я только оставилъ «*связь*» и «*связываютъ*» *). Я нарочно такъ выразился, потому что это составляетъ фигуру въ слогѣ, а не ошибку. Такъ мнѣ кажется. Притомъ, этотъ оборотъ именно тотъ, который болѣе всего выражаетъ мою мысль. Я очень вамъ благодаренъ *за ваше присовокупленіе* о истинной религіи. Оно очень хорошо, и я бы не выдумалъ такъ». (Русскій Архивъ 1876 г., № 10, III, стр. 203). Повидимому, статьи историческаго содержанія, помѣщенныя въ «Арабескахъ», не заслужили одобренія Погодина, и самъ авторъ не былъ ими доволенъ. 14 декабря 1834 года Гоголь уже пишетъ къ Погодину: «Ты не гляди на мои *историческіе отрывки* (помѣщенные въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія»): они *давно писаны*». (Соч. и письма Гоголя V, 228). Перепечатывая въ «Арабескахъ» одинъ изъ этихъ историческихъ отрывковъ — «О преподаваніи всеобщей исторіи», Гоголь ставитъ подъ нимъ «1832 годъ».

Стр. 142 [1] **Ар**; «свой свѣтъ» **ЖМНП**.

Стр. 143 [1] **Ар**; «во всемъ величіи» **ЖМНП**.

Стр. 145 [1] **Ар**; «Я» **ЖМНП**. [2] Послѣ словъ «въ мысляхъ» слѣдуетъ въ **ЖМНП** мѣсто, опущенное въ **Ар**: «Разсказавши часть или эпизодъ, имѣющій цѣлость, я останавливаюсь и до тѣхъ поръ не начинаю другаго, пока не увѣрюсь, что всѣ меня поняли точно въ такомъ видѣ, въ какомъ я имъ говорилъ». [3] **Ар**; «и въ какой связи будетъ моя исторія» **ЖМНП**. [4] **ЖМНП**; «видѣніе» **Ар**.

Стр. 146 [1] **ЖМНП**; «толпу» **Ар**. [2] **ЖМНП**; «которая тѣснитъ и гонитъ» **Ар**.

Стр. 148 [1] Запятая между словами: «изумительно» и «быстро» стоитъ въ **ЖМНП** и въ **Ар**.

Стр. 149 [1] Послѣ слова «положенія» въ **ЖМНП**: «Какъ быстро росла толпа его приверженцевъ!»

Стр. 151 [1] **Ар**; «образовался новый и въ какомъ видѣ» **ЖМНП**.

Стр. 153 [1] Такъ въ **ЖМНП** и въ **Ар**. Гоголь нерѣдко употребляетъ предлогъ съ вмѣсто «изъ». [2] **ЖМНП**; «противурѣчащія» **Ар**.

Стр. 154 [1] **Ар**; «Вотъ мой планъ, мои мысли и мой образъ преподаванія! Истинно понимающая душа увидитъ, что они не произведеніе мгновенной фантазіи, но плодъ долгихъ соображеній и опыта» **ЖМНП**. [2] **Ар**; «...запутанныя нити Исторіи; что не желаніе выгодъ, не личная польза, не необходимость, но одна любовь къ Наукѣ, составляющей для меня все наслажденіе, побуждаетъ меня осуществить мой планъ преподаванія» **ЖМНП**.

*) Рѣчь идетъ о фразахъ, напечатанныхъ на 141-й страницѣ этого тома.

Послѣдняя фраза даетъ новое подтвержденіе моему мнѣнію, что статья эта написана не въ 1832 году, какъ отмѣчено въ «Арабескахъ», а въ декабрѣ 1833 года, когда Гоголь искалъ званія адъюнкта по каѳедрѣ всеобщей исторіи въ Петербургскомъ университетѣ.

Портретъ (стр. 156—196).

Эта первоначальная редакція «Портрета» напечатана въ первый разъ въ «Арабескахъ». Въ **РА** она написана въ трехъ мѣстахъ, на страницахъ, остававшихся пустыми между другими мелкими статьями. Начало повѣсти («Нигдѣ столько не останавливалось народа» — «мысли рисовали передъ нимъ другой предметъ, и этотъ предметъ были живые глаза», стр. 159) занимаетъ страницу 49-ю и 50-ю. Слѣдующая страница уже была занята началомъ повѣсти «Невскій проспектъ», которая протянулась до 70-й страницы включительно; далѣе цѣлыя десять страницъ заняты были записями прежнихъ владѣльцевъ книги; пустыми оставались только шесть страницъ передъ повѣстью «Ночь передъ Рождествомъ», которая захватывала даже 134 страницу, а потомъ шли отрывки, изъ статьи «о Пушкинѣ», «объ архитектурѣ». Прерванная на концѣ 50-й страницы рукописи повѣсть «Портретъ» продолжается на 165-й страницѣ и снова обрывается на страницѣ 172-ой словами: «онъ не зналъ даже имени его посѣтительницы» (стр. 171). Текстъ повѣсти возобновляется на стр. 182-й словами: «Между тѣмъ съ нашимъ художникомъ произошла счастливая перемѣна» (стр. 171) и продолжается, уже безъ перерыва, до страницы 199-й, на которой читается окончаніе повѣсти. Мы не рѣшаемся пока настаивать на предположеніи, что «Портретъ» написанъ послѣ повѣсти «Невскій проспектъ». При печатаніи, рукописный текстъ (**РА**) подвергся мѣстами довольно значительнымъ передѣлкамъ; съ другой стороны переписчикъ не разобралъ многихъ словъ, прочелъ ихъ невѣрно, и эти искаженныя чтенія отпечатаны въ «Арабескахъ». Художникъ въ рукоп. редакціи носитъ нѣсколько фамилій: «Корчевъ, Коблинъ, Коблевъ, Копьевъ» и, начиная съ стр. 182-й, «Чертковъ». Неисправная копія писца (служившая оригиналомъ для «Арабесокъ»?) сохранилась въ бумагахъ наслѣдниковъ.

Стр. 155 [1] «не останавливалось» **РА**, **Ар.** [2] **РА**; «лавочкою» **Ар.** [3] «масленными» **РА**. **Ар.** [4] Такъ въ **РА** и **Ар**.

Стр. 156 [1] Таково начало повѣсти въ «Арабескахъ». Въ **РА** оно представляется въ такомъ видѣ: «Нигдѣ столько не останавливалось народа, какъ передъ картинною лавкою въ Щукиномъ дворѣ. Для меня до сихъ поръ загадка,

кто поставляетъ сюда свои произведенія, какіе люди, какою цѣною Много зѣвакъ толпилось разсматривать картины. Они большею частію были все писаны масленными красками, покрыты темнозеленымъ лакомъ, въ темножелтыхъ мишурныхъ рамахъ. Съ бѣлыми деревьями зима, красный совершенно вечеръ, похожій на зарево пожаровъ, фламанскій мужикъ съ трубкою, съ выломанною рукою, похожій болѣе на индѣйскаго пѣтуха, нежели на человѣка, портреты Забалканскаго и Эриванскаго съ красными лицами и ....чками въ рукахъ и тому подобные предметы занимали проходящихъ. Между тѣмъ толпа смѣнялась другою. Изъ числа зрителей нельзя было не замѣтить одно лицо, выставившееся далѣе всѣхъ впередъ. Судорожный смѣхъ, казалось, трепеталъ на губахъ его, между тѣмъ, какъ глаза, совершенно выразившіе задумчивость, были уже безсмысленно и не глядя устремлены на картину». На предшествующей страницѣ къ этому мѣсту приписано слѣдующее дополненіе: «Эта лавка, точно, представляла самое разнородное собраніе диковинокъ, и наконецъ на дверяхъ лавки висѣли связками тѣ гравированныя на лубкахъ картины, которыя свидѣтельствуютъ самородное дарованіе русскаго человѣка. Они всѣ почти были раскрашены, но только одною красною краскою, потому что (русскій) народъ очень уважаетъ этотъ цвѣтъ. (На одномъ изъ нихъ) Эстампъ представлялъ Милактри Курбитьевну, другой — городъ Ерусалимъ, по домамъ котораго безъ церемоніи прокатилась красная краска, захвативши землю и двухъ молящихся русскихъ мужиковъ въ рукавицахъ. Не мудрено, что возлѣ ихъ всегда кто-нибудь: забулдыга лакей уже, вѣрно, зѣваетъ передъ ними, неся въ рукахъ судки съ обѣдомъ изъ трактира для своего барина, который, безъ сомнѣнія, не слишкомъ горячій хлебать будетъ супъ; солдатъ, продающій два перочинныхъ ножика; торговка изъ Охты съ коробкою, наполненною башмаками. Мужики обыкновенно тыкаютъ пальцами; (солдаты =) кавалеры смотрятъ сурьезно, лакеи-мальчишки и мальчишки-мастеровые смѣются и дразнятъ другъ друга нарисованными карикатурами; старые лакеи въ фризовыхъ шинеляхъ нюхаютъ табакъ и смотрятъ потому только, чтобы гдѣ-нибудь позѣвать». [2] **Ар**; «Въ это время невольно остановился передъ лавкою проходившій мимо молодой художникъ, котораго (потертая =) старая шинель и нещегольское платье, казалось, показывало того человѣка, который съ самоотверженіемъ преданъ былъ труду своему и такъ былъ занятъ имъ, что не думалъ о своемъ костюмѣ, имѣющемъ всегда какую-то прелесть для юности, — прелесть, которая (sic!) заставитъ совершенно позабыть развѣ только слишкомъ сильная страсть». [3] **Ар**; «онъ сначала» **РА**. [4] **Ар**; «наконецъ, невольно какая-то грусть овладѣла имъ» **РА**. [5] **Ар**; «онъ начиналъ = сталъ размышлять о томъ» **РА**. [6] **Ар**; «не казалось странно» **РА**. [7] **Ар**; «картинъ» **РА**. [8] **Ар**; «показываютъ уже» **РА**. [9] **Ар**; «на высшій шагъ» **РА**. [10] **Ар**; «покоряющагося невольному желанію» **РА**. [11] **Ар**; «сдѣлать подобное природѣ» **РА**. [12] **Ар**; «но въ нихъ ничего этого нельзя было отыскать» **РА**. [13] **Ар**; «и трудилась, безъ сомнѣнія, одна и та же рука» **РА**. [14] **Ар**; «привыкшая» **РА**.

Стр. 157 [1] **Ар**; «онъ [безъ] вниманія стоялъ и глядѣлъ на нихъ, уже совершенно не глядя» **РА**. [2] **Ар**; «я васъ увѣряю» **РА**. [3] **Ар**; «такая краска» **РА**. [4] **Ар**; «онъ началъ ее старательно и нетерпѣливо [обтирать] рукой и

платьемъ» РА. [5] Въ РА передъ словами «и даже злобнымъ» написано какое-то неразобранное слово сверху зачеркнутаго: «хитрымъ». [6] Ар; «въ устахъ его была и улыбка рѣзкая, язвительная и вмѣстѣ какой-то страхъ дрожалъ на губахъ» РА. [7] Ар; «былъ живописно разлитъ по его лицу, изрѣзанному темными морщинами» РА. [8] Ар; «какого-нибудь ростовщика или скрягу» РА. [9] Ар. «проведшаго жизнь надъ сундукомъ; манжеты, хотя не были совершенно окончены, но чувствовали прикосновеніе руки искуснаго художника. Во всемъ была видна какая-то неоконченность» РА. [10] Ар; «то знатоки не могли бы разрѣшить, какимъ образомъ наисовершенное твореніе Вандика очутилось въ Россіи и зашло въ лавочку на Щукиномъ дворѣ» РА. [11] Ар; «поставилъ его въ сторону и началъ» РА. [12] Ар; «не найдетъ ли» РА. [13] Ар; «между ними» РА.

Стр. 158 [1] Ар; «возвысилъ голосъ и сказалъ: «я съ васъ возьму десять рублей». [2] Ар; «цѣлая куча» РА. [3] Ар; «и что одинъ человѣкъ, подобно ему, долго смотрѣлъ на портретъ» РА. [4] Ар; «предметъ его исканіямъ» РА. [5] Ар; «увидѣвъ» РА. [6] Ар; «противникъ» РА. [7] Ар; «Лицо молодаго художника горѣло» РА. [8] Ар; «даже не для участвующихъ» РА. [9] Ар; «и остановился, вспомнивши» РА. [10] Ар; «изъ 50 рублей» РА. [11] Слово «его» внесено изъ РА. [12] Ар; «въ глаза» РА. [13] Ар; «Сѣрые мутные глаза» РА. [14] Ар; «чувство» РА.

Стр. 159 [1] Ар; «которое мы чувствуемъ при появленіи (страннаго =) необыкновеннаго и вмѣстѣ представляющаго безпорядокъ природы» РА. [2] Ар; «вступившій съ нимъ въ споръ» РА. [3] Ар; «Художникъ не въ силахъ былъ оставаться болѣе и вынесть хотя минуту этотъ неизъяснимый взглядъ». [4] Ар; «И сколько онъ ни обращалъ глазъ по сторонамъ, они не могли заняться окружающими предметами; мысли рисовали передъ нимъ другой предметъ, и этотъ предметъ — были живые глаза. Мысли его были заняты этимъ необыкновеннымъ явленіемъ» РА. [5] Ар; «самъ въ себѣ» РА. [6] РА; «какъ» Ар. [7] Слово «искусства» внесено изъ РА. [8] Ар; «деревяннымъ трудомъ» РА. [9] Ар; «отдушевляющей самый (предметъ =) оригиналъ» РА. [10] Словъ «съ своей оси» въ РА нѣтъ. [11] Ар; «разсмотрѣть и постигнуть» РА. [12] Ар; «или совершенное, близкое подражаніе» РА.

Стр. 160 [1] Ар; «сильное стараніе» РА. [2] Ар; «всей природы» РА. [3] Ар; «и, наконецъ, мысли его разомъ хлынули одни за другими» РА. [4] Ар; «воображенія» РА. [5] Ар; «Какъ только размахнулась быстрая ихъ кисть» РА. [6] Ар; «движенія его живы и непринужденны, а они означенны вдругъ за однимъ махомъ кисти. Оно, кажется, вдругъ дается, а между тѣмъ, чтобы достигнуть его, должно трудиться всю жизнь» РА. [7] Ар; «не будетъ естественъ, какъ у нихъ. Чортъ возьми! Я не буду, вѣрно, никогда хорошимъ художникомъ» РА. [8] Ар; «и маралъ своими грязными ногами полъ его комнаты» РА. [9] Ар; «по похвальному обычаю всѣхъ этихъ людей — о томъ, что̀ поважнѣе, упоминать въ post-scriptum» РА. [10] Ар; «я сегодня досталъ» РА.

Стр. 161 [1] РА; «вправѣ» Ар. [2] РА; «камердинера и натурщика» Ар. [3] Ар; «онъ старался себя увѣрить, что здѣ[сь] не могло быть ничего сверхъестественнаго» РА.

Стр. 162 [1] Ар; «возлѣ» РА. [2] Ар; «съ сіяніемъ отъ свѣчи» РА. Прежде было написано: «лунный свѣтъ, соединившись съ свѣтомъ огня». [3] Ар; «закутывать» РА. [4] Ар; «логъ» (sic!) РА. [5] Ар; «этотъ свѣтъ луны не наносилъ ему музыкальныхъ мечтаній» РА. [6] Ар; «Коблевъ чувствовалъ занимавшееся дыханіе, силился приподняться, но члены его были неподвижны» РА.

Стр. 163 [1] Ар; «которая, казалось, жалила (своимъ движеніемъ =) своимъ осклабленіемъ и вдругъ (подерну) тронула яркою живостью тусклыя морщины всего лица» РА. [2] Ар; «Не бойся: (вѣдь я теперь твой) ты купилъ меня», говорило странное явленіе» РА. [3] Ар; «Что тебѣ за охота корпѣть цѣлые вѣки надъ азбукой» РА. [4] Ар; «Да, ты получишь»,—при этомъ лицо странно исковеркало[сь], и какой-то неподвижный смѣхъ выразился на всѣхъ его морщинахъ —: «(ты получишь на шею веревку) завидное право кинуться съ Исакіевскаго моста въ Неву, а? или завязавши....» РА. [5] Ар; «а труды твои первый маляръ, купившій ихъ на рубль, замажетъ грунтомъ и нарисуетъ свои красныя (лица и синія платья =) фигуры» РА. [6] Ар; «въ мірѣ» РА. [7] Ар; «Чѣмъ болѣе отхватаешь» РА. [8] Ар; «найми себѣ» РА. [9] Ар; «привсталъ на кроватѣ» РА. [10] Ар; «Коблевъ въ сильномъ безпокойствѣ (всталъ съ постели) и началъ ходить по комнатѣ» РА. [11] Ар; «приблизился» РА. [12] Ар; «отдаленное медленное дребезжаніе» РА.

Стр. 164 [1] Ар; Въ рукописи слово «овладѣваетъ» зачеркнуто; сверху поправка: «остается въ человѣкѣ». [2] Ар; «какъ для богатыхъ рожа просителя» РА. [3] Ар; «изъ тѣхъ твореній Божіихъ» РА.

Стр. 165 [1] Въ рук. иногда: «Коблевъ», иногда Копьевъ. [2] РА; «сегодня же» Ар. [3] Ар; «и не замѣтно хорошихъ красокъ»; послѣ «незамѣтно» зачеркнуто: «живости». [4] Ар; «къ портрету» РА. [5] Ар; «съ него» РА. [6] Ар; «маленькія вольности» РА. [7] Ар; «поразилъ» РА. [8] Ар; «отзываются желѣзомъ» РА. [9] Ар; «и вырвалъ изъ полицейскихъ рукъ взятые имъ съ полу червонцы» РА.

Стр. 166 [1] Ар; «блюстителя нравовъ» РА. Внизу выноска: «По дорогѣ онъ думалъ о странности происшествія». [2] Ар; «и дивился самъ быстрой перемѣнѣ судьбы своей» РА. [3] РА; «видимому» Ар. [4] Ар; «чудесному» РА. [5] Ар; слово «бытіе» зачеркнуто въ РА и замѣнено сверху написаннымъ словомъ: «жизнь». [6] Ар; «какимъ-нибудь таинственнымъ образомъ связано» РА. [7] Въ Ар. «досчечкою». [8] Ар; «сглаженной» РА. [9] Ар; «никогда бы» РА. [10] «досчечки» Ар; «ея» РА. [11] Ар; «на мѣстѣ» РА. [12] Ар; «бѣлаго» РА.

Стр. 167 [1] Ар; въ РА исправлено: «невыразимо-непріятное». [2] Ар; «съ молоденькою дѣвушкою» РА. [3] Ар; «съ артистами» РА. [4] Ар; «и прочими рожденными для удовольствія другихъ людьми» РА. [5] Ар; «блѣдненькое» РА. [6] Ар; «вѣрно» РА. [7] Ар; «страсть къ баламъ, къ щегольскому наряду» РА. [8] Ар; «собраньи» РА. [9] Ар; «какъ недавно мадамъ Сихлеръ убрала жакой (sic!) княгинѣ Б.» РА. [10] Ар; «съ какою-то болѣзненной желтизной» РА. [11] Ар; «чтобы она ѣхала на балъ» РА.

Стр. 168 [1] РА; «восторжествовать искусствомъ» Ар. [2] Ар; «сохранивъ точное двусмысленное выраженіе портрета» РА. [3] РА; «въ правдивой копіи» Ар; «въ снимкѣ» РА. [4] Ар; «видѣлъ» РА. [5] РА; «неизъяснимое» Ар. [6] Ар;

«извѣстно только чувствующему въ себѣ искру таланта» PA. [7] PA; «самаго» Ap. [8] PA; «многовеньями» Ap. [9] PA; «онъ» Ap. [10] Ap; «а у васъ до сихъ [поръ] еще почти одинъ только абрисъ». [11] Такъ въ PA и Ap. [12] Ap; «проникшія» PA. [13] Ap; «вытѣснить» PA.

Стр. 169 [1] Ap; «тысячи бѣгутъ разныхъ дорогъ» PA. [2] «тысячи» PA, Ap. [3] Ap; «силы юности» PA. [4] Ap; «отличнѣйшій обѣдъ» PA. [5] Ap; «усталый безъ копѣйки въ карманѣ» PA. [6] Въ PA. это мѣсто читается такъ: «Бросившись въ кровать, онъ уснулъ крѣпкимъ сномъ и проспалъ бы очень долго, если бы не слетѣлъ съ кровати. Боль, причиненная ему паденіемъ, [на] нѣсколько времени прогнала сонъ. Онъ началъ размышлять (и между прочимъ ему пришло на умъ, что у него нѣтъ ни копѣйки). Ему очень показалась жизнь минувшаго дня, но въ карманѣ у него не оставалось ни копѣйки. Это было ему непріятно. При этомъ чувства всѣ его были какъ-то странно стѣснены: онъ чувствовалъ на душѣ какую-[то] тяжесть, которая, казалось, поселилась въ него со времени пріобрѣтенія (чуднаго=) этого страннаго портрета. Мысль о немъ вдругъ предстала его уму, и онъ заворотился крѣпче своимъ одѣяломъ, чтобы не встрѣтить его пронзительныхъ глазъ. Едва только дремота начала овладѣвать имъ, какъ слухъ его былъ пораженъ какимъ-то непріятнымъ царапаньемъ. Онъ видѣлъ сквозь щелку своихъ ширмъ, что изображенный на портретѣ старикъ отдѣлился отъ полотна, съ безпокойствомъ и въ торопяхъ пересчитывалъ деньги; кучи золота сыпались изъ его рукъ». [7] Ap; «загорѣлись» PA. [8] Ap; «находили» PA. [9] Ap; «которой (sic!) еще никогда не была имъ до того понятна и которой не можетъ противиться человѣкъ, перешедшій за 50-лѣтній возрастъ». [10] Ap; «и показывалъ ему кучу денегъ» PA. [11] Ap; «судорожно и съ какою-то боязнью протянулъ» PA. [12] Ap; «не нашелъ» PA. [13] Ap; «Анетъ» PA. [14] Ap; «поставилъ начатый портретъ» PA. [15] Ap; «его оригиналу» PA. [16] Ap; «открылось множество такихъ тонкостей и тайнъ, которыхъ тогда, въ первый разъ, онъ совсѣмъ не замѣтилъ» PA. [17] Ap; «точку и черту, всю незамѣтную желтизну и самое измѣненіе колорита лица» PA.

Стр. 170 [1] PA; «съ которою» Ap; писецъ невѣрно прочелъ оригиналъ: *ю* въ словѣ «*точностью*» нѣсколько отдѣлено отъ слова и принято писцомъ за «съ», хотя въ рукописи ясно написано: «которую». [2] Ap; «будетъ нравиться и другимъ такъ же, [какъ] имъ самимъ» PA. [3] Ap; «Кисть его только что хотѣла схватить самое эффектное и восторжествовать надъ трудностями» PA. [4] PA; «палитру» Ap: не разобралъ писецъ. [5] Ap; «картину» PA. [6] Ap; «взошла» PA. [7] Ap; «пріятный» PA. [8] Ap; «ея» PA. [9] PA; «подкрѣпили» Ap. [10] Ap; «чувство досады и злости подкрѣпило ее и внушило смѣлость» PA.

Стр. 171 [1] Ap; «заставить его» PA. [2] Ap; «судья» PA. [3] PA; «разсказала» Ap. [4] Ap; «и даже» PA. [5] Ap; «рѣшился усилить напряженіе своихъ желаній» PA. [6] Ap; «но намѣреніе его встрѣтило» PA. [7] Ap; «на одну минуту» PA. [8] Ap; «вдохновенію» PA.

Стр. 172 [1] Ap; «съ сложенными на крестъ» PA. [2] Ap; «ужасныхъ» PA. [3] Ap; «унестись разомъ» PA. [4] Ap; «Но для этого ему не оставалось времени и минуты; онъ былъ слишкомъ изнуренъ для вдохновенія отъ своей дневной работы» PA.

Стр. 173 [1] **РА**; «вѣрной истины» **Ар.** [2] **Ар**; «вдохновенія и высшаго откровенія въ мірѣ не существуетъ» **РА.** [3] **Ар**; «тридцати» **РА.** [4] **РА**; «наслажденія» **Ар.** [5] **Ар**; «Слава не можетъ насытить и дать наслажденіе обыкновенному человѣку» **РА.** [6] **РА**; «цѣлію» **Ар.** [7] **Ар**; «исполненный страсти и жизни» **РА.**

Стр. 174 [1] **Ар**; «своего» **РА.** [2] «приблизился» **Ар.**, **РА.**

Стр. 175 [1] **РА**; «теплѣвшагося» **Ар.** [2] Послѣ этого въ рукописи **РА.**: «О, какъ нестерпимо это жгучее, ядовитое, безотрадное, безпріютное состояніе! эта горесть объ утратѣ богатства души, которая такъ сильно чувствуется отпадшимъ ангеломъ». [3] **РА**; въ **Ар.** опечатка: «знаками». [4] **РА**; «лице» **Ар.**

Стр. 176 [1] «остановливаемъ» **Ар. РА.** [2] **Ар**; «можно бы» **РА.** [3] **Ар**; «онъ видѣлъ» **РА.** [4] **Ар**; «уже труднѣе» **РА.** [5] **РА**; «трудовъ» **Ар.** [6] **Ар**; «на лицо» **РА.**

Стр. 177 [1] **Ар**; «мастерскую» **РА.** [2] **Ар**; «въ сердцѣ» **РА.** [3] **Ар**; «гдѣ божественное искусство» **РА.** [4] **РА**; «его же» **Ар.** [5] **Ар**; «его зоркіе огненные глаза проникали всюду и находили» **РА.**

Стр. 178 [1] **Ар**; «держать» **РА.** [2] **Ар**; «этихъ живыхъ, неподвижно смотрящихъ на него глазъ» **РА.** [3] **Ар**; «съ бѣшенствомъ» **РА.** [4] Этотъ неправильный оборотъ рѣчи нерѣдко встрѣчается въ рукописяхъ сочиненій и въ письмахъ Гоголя. Ср. 1-е прим. къ 96-й стр. этого тома.

Стр. 179 [1] **РА**; «была здѣсь какъ-то тверже, вольнѣе и не означалась» **Ар.** [2] **Ар**; «ихъ же» **РА.** [3] **Ар**; «знатокомъ-графомъ» **РА.** [4] **Ар**; «почитавшіе» **РА.** [5] **Ар**; «который однакоже» **РА.** [6] **Ар**; «(На меня) Страшное вліяніе производитъ аукціонъ на людей съ сильными чувствами: въ немъ все отзывается чѣмъ-то похожимъ на погребальную процессію» **РА.** [7] **Ар**; «зала» **РА.** [8] **Ар**; «мрачна» **РА.**

Стр. 180 [1] **РА**; «четыреста рублей пятьдесятъ копѣекъ» **Ар.** [2] **Ар**; «оцѣнщика» **РА.** [3] **Ар**; «произведеніямъ искусства» **РА.** [4] **Ар**; «между тѣмъ разсматривали» **РА.** [5] **РА**: здѣсь слово «но» зачеркнуто и замѣнено словомъ «однакоже»; «но однакоже» **Ар.** [6] **Ар**; «восклицаніе одного молодого» **РА.** [7] **Ар**; «что всѣ очень интересуетесь о немъ знать» **РА.**

Стр. 181 [1] **Ар**; «Тутъ совершенно другой, отдѣльный міръ» **РА.** [2] **Ар**; «и отнимаетъ отъ строеній всю ихъ рѣзкость» **РА.** [3] **Ар**; «отставныхъ вѣчныхъ титулярныхъ совѣтниковъ» **РА.** [4] **Ар**; «пансіономъ» **РА.** [5] **Ар**; «съ выколотымъ» **РА.**

Стр. 182 [1] Послѣ этого въ **РА**: «и кандитатъ въ привилегированнаго сапожника»; въ **Ар.** пропущено. [2] **Ар**; «на ея мирныхъ улицахъ» (проп. «карета») **РА.** [3] **Ар**; «влачится» **РА.** [4] **Ар**; «для своихъ старыхъ клячъ» **РА.** [5] **Ар**; «пансіонъ» **РА.** [6] **Ар**; «свои комнаты» **РА.** [7] **РА**; «выточиваютъ» **Ар.** [8] **Ар**; «....одной комнаты, какъ перечесть по именамъ удѣльныхъ князей, наполняющихъ русскую исторію» **РА.**

Стр. 183 [1] **РА**; «старыя тряпья» **Ар.** [2] **Ар**; «иногда» **РА.** [3] Въ **РА** здѣсь и ниже: «Пердомихали» (Попандуло), или «Пертомихали». [4] **Ар**; «за это» **РА.**

Стр. 184 [1] **Ар**; въ **РА** слово «нищій» зачеркнуто; вмѣсто него: «и [всякой] нуждавшійся въ его копѣйкахъ». [2] **Ар**; «были заключаемы» **РА.** [3] Слово «его» внесено изъ **РА**, въ **Ар.** пропущено. [4] **РА**; «окостенѣвшихъ» **Ар.** [5] **РА**; «уклонить» **Ар.** [6] **Ар**; «не получали отъ Пертомихали» **РА.**

Стр. 185 [1] **Ар**; «что будто онъ» **РА.** [2] **Ар**; «такія предлагалъ условія» **РА.**

[3] Ар; «нѣкоторыя его работы» РА. [4] Ар; «во времена» РА. [5] Ар; «росписывать» РА. [6] Ар; «приходской его церкви» РА. [7] Ар; «жаль» РА. [8] РА; «и на что бы онъ всегда рѣшился» Ар. [9] Ар; «остановило» (?) РА. [10] Въ РА сначала было написано «приписать», потомъ исправлено въ «признать». Въ Ар. «признать».

Стр. 186 [1] Ар; «кучу» РА. [2] Ар; «грека» РА; зачеркнуто: «индѣйца». [3] Ар; «если бы чувство художника, пораженнаго необыкновеннымъ оригиналомъ для его кисти, не остановило, потому что лицо ростовщика» РА. [4] Ар; «набрасывалъ» РА. [5] РА; «перервется» Ар.

Стр. 187 [1] Ар; «касалась къ устамъ его» РА. [2] Въ РА слово «страшный» написано надъ незачеркнутымъ словомъ: «потухающій». [3] РА; «возлѣ» Ар. [4] Въ РА въ первый разъ: «*Петромихами*». [5] Ар; «доселѣ» РА. [6] Ар; «окончи» РА. [7] РА; «еще одинъ часъ только посиди» Ар.

Стр. 188 [1] РА; «если ты теперь» Ар. [2] Ар; «такъ какъ я» РА. [3] Ар; «перейдетъ непримѣтно» РА. [4] Ар; «и я долго еще избѣгну отъ мукъ» РА. [5] Ар; «чувствовалъ присутствіе» РА.

Стр. 189 [1] Ар; «умершаго грека» РА. [2] Ар; «въ рамы» РА. [3] Ар; «на другой же день» РА. [4] Ар; «испускали» РА. [5] Ар; «и кромѣ того съ какою-то трогательною любовью преданный своей священной должности» РА.

Стр. 190 [1] Ар; «цѣлый десятокъ» РА. [2] РА; «во внутренность» Ар. [3] Ар; «неотлучно» РА. [4] РА; «мыслей, которыхъ» Ар. [5] Слова «въ себѣ» внесены изъ РА. [6] РА; «противуставить» Ар. [7] Ар; «рѣшился, во что бы [ни] стало, излить» РА. [8] Ар; «цѣленіе» РА. [9] Ар; «прекрасенъ» РА. [10] Ар; «добрымъ» РА. [11] Ар; «подвинулся ближе къ священнику и сказалъ ему тихо, но съ твердостью» РА. [12] Ар; «мгновенный крикъ, стукъ» РА.

Стр. 191 [1] Ар; «гдѣ блѣдный сѣверъ у насъ представляетъ» РА. [2] Слово «ничто» внесено изъ РА. [3] Ар; въ РА окончаніе неясно, но буквы *я* нѣтъ. [4] Ар; «кающихся грѣшниковъ» РА. [5] Ар; «замѣчательныхъ» РА. [6] РА; «желаніе» Ар.

Стр. 192 [1] Ар; Въ РА неразборчиво. [2] Ар; «кончилось» РА. [3] Ар; «сраженій» РА. [4] Ар; «что трудности (войны) похода и жаркій климатъ» РА. Въ РА послѣ слова «усы» написано: «измѣнившіяся черты». [5] «о завтрешнемъ» Ар; «о завтремъ» РА. [6] Ар; «отпустить съ проста, а иногда и съ высока» РА. [7] РА; «піитическое» Ар. [8] РА; «разсѣявшіяся» Ар. [9] Ар; «зданіе» РА. [10] Ар; «идущія» РА.

Стр. 193 [1] Ар; «получили тотъ безстрастный, проникнутый напряженнымъ (видъ) свѣтомъ» РА. [2] Ар; «въ минуты» РА. [3] Ар; «кисть» РА. [4] Ар; «откуда я предсталъ ему» РА. [5] Ар; «открываться» РА. [6] Ар; «заѣзжій» РА. [7] Слова «Леонъ» въ РА нѣтъ. [8] РА; «прибудешь» Ар. Въ РА сперва было написано: *пр.*, потомъ зачеркнуто, на ходу письма, и замѣнено словомъ: «будешь» [9] РА; «вошли» Ар; [10] Ар; «Божію Матерь, благословляющую народъ. Я никогда не видѣлъ такого глубокаго.... (пропускъ). Послѣ того отецъ мой разсказалъ мнѣ все то, что вы сейчасъ отъ меня слышали. Въ истину всего этого я вѣрилъ» РА. [11] Ар; въ РА неясно: «Теперь прибавлю послѣ этого, сынъ мой, къ тому, что мнѣ открылъ видѣнный мною святой, неузнанный никѣмъ среди многолюдной толпы, кромѣ меня, котораго милосердный Создатель сподобилъ быть ясновидящимъ зрителемъ. При этомъ отецъ мой сложилъ руки» РА.

Стр. 194 [1] **Ар**; «что сейчасъ готовлюсь разсказать вамъ. Но прежде я долженъ предувѣдомить, что отецъ мой, какъ я увидѣлъ, находился въ томъ состояніи души» **РА**. [2] **Ар**; «который, какъ къ желанной, присталъ къ своей пустынѣ». [3] **Ар**; «и съ тихимъ христіанскимъ смиреніемъ» **РА**. [4] **Ар**; «онъ видитъ и слышитъ на каждомъ шагу видѣнія и откровенія» **РА**. [5] **Ар**; «и всѣ движенія — слѣдствія вѣчно-напряженнаго энтузіазма» **РА**. [6] **Ар**; «очей» **РА**. [7] **Ар**; «великій искуситель» **РА**. [8] **РА**; «въ міръ» **Ар**. [9] **Ар**; «Ужасное, ужасное будетъ это время» **РА**. [10] **Ар**; «Онъ промчится по міру на (бѣломъ) конѣ-гигантѣ» **РА**. [11] **Ар**; «всѣ тѣ» **РА**. [12] **Ар**; «этотъ антихристъ» **РА**. [13] **Ар**; «но онъ не въ силахъ еще народиться» **РА**; [14] Слова «все» въ **РА** нѣтъ. [15] **Ар**; «удерживающія его» **РА**. [16] Такъ **РА** и **Ар**. вм.: «переступнѣе». [17] **Ар**; «но не весь, только нѣкоторая часть» **РА**.

Стр. 195 [1] **Ар**; «что̀ только есть» **РА**. [2] **Ар**; «созданіе благости Всевышняго» **РА**. [3] Слово «и» внесено изъ **РА**. [4] **Ар**; «рукою» **РА**. [5] **Ар**; «кисть» **РА**. [6] **Ар**; «Да, сынъ мой, въ этихъ» **РА**. [7] **Ар**; «этого адскаго дивнаго духа» **РА**. [8] **Ар**; «И моя преступная кисть продлила его мерзкое существованіе. Но еще болѣе нанесъ бы онъ бѣдствій, если бы она докончила свою адскую работу» **РА**. [9] **Ар**; «и даже въ самое вдохновеніе художника. Кому только ни попадется въ мірѣ этотъ портретъ, тотъ уже простися на вѣки съ миромъ души своей: все, что только скрывалось когда или было порочное на днѣ души его, все то вдругъ станетъ рости и разростется такъ, что заглушитъ и пересилитъ все благое въ человѣческой душѣ. И нѣтъ силъ человѣческихъ противустать ему, потому что онъ именно выбираетъ то время, когда величайшія несчастія постигаютъ человѣка» **РА**. Мѣсто: «Безчисленны будутъ — свою адскую работу» приписано внизу страницы. [10] **Ар**; «проникнутъ» **РА**. [11] **Ар**; «сынъ мой, вдохновеніемъ. О это было неизъяснимое вдохновеніе! Я чувствовалъ, что самая высшая сила слилась (и) съ мной, и ангелъ возносилъ мою грѣшную руку — волоса поднялись на мнѣ» **РА**. [12] **Ар**; «ликъ Дѣвы и святой угодникъ, которыхъ ты видѣлъ во храмѣ» **РА**. [13] **Ар**; «какъ» **РА**. [14] **РА**; «Уже тридцать лѣтъ, какъ онъ съ того времени живетъ» **Ар**.

Стр. 196 [1] **Ар**; «возсторженному» **РА**. [2] **Ар**; «и потому изъ уваженія........ благоговѣйнаго не хотѣлъ возражать и сдѣлать какого-нибудь своего замѣчанія» **РА**. [3] **Ар**; «разобрать» **РА**. [4] **Ар**; «но я чувствовалъ, что меня всегда какъ будто что-то удерживало отъ этого» **РА**. [5] **Ар**; «безъ всякой почти цѣли, случайно» **РА**. [6] **Ар**; «не то ли сегодня новолуніе» **РА**. [7] **Ар**; «потому что сегодня дѣйствительно прошло съ того времени двадцать лѣтъ» **РА**. [8] **Ар**; «когда сами черты» **РА**. [9] **Ар**; «тусклое» **РА**. [10] **Ар**; «Поставленные въ недоумѣніе посѣтители, уходя, долго думали во все время дороги своей» **РА**.

Взглядъ на составленіе Малороссіи (стр. 197—206).

напечатанъ въ первый разъ во второй части «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1834 г., № IV, апрѣль, отдѣленіе II, стр. 1—15) подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Отрывокъ

изъ Исторіи Малороссіи. *Томъ I, Книга I, Глава I*». Подъ строкою слѣдующая выноска: «Авторъ избралъ первую главу Исторіи Малороссіи для помѣщенія въ Журналъ, потому что она представляетъ нѣчто цѣлое и вмѣстѣ служитъ введеніемъ въ самую Исторію. Приложенія и ссылки отлагаются за недостаткомъ мѣста». На самомъ дѣлѣ этотъ «эскизъ» составляетъ не первую главу «Исторіи Малороссіи», которая Гоголемъ не была написана, а обработку отрывковъ и замѣтокъ, набросанныхъ въ записной тетради № 3, нынѣ принадлежащей Императорской Публичной Библіотекѣ и означенной въ настоящемъ изданіи **ИБ**. Отрывки, послужившіе главнымъ матеріаломъ для этого «эскиза», начинаются въ указанной рукописи со 2-го листа оной словами: «Это азіатское нашествіе» и продолжаются до листа 4-го. Въ концѣ, на 3-мъ листѣ, помѣщены два прибавленія, написанныя, судя по характеру письма и черниламъ, въ разное время. Первая приписка: „Какое было первоначальное устройство этого необыкновеннаго. . . . . ,*) какіе были первоначальные законы для вольнолюбивой и буйной вольницы, я объ этомъ теперь ничего не скажу, *потому что до временъ Ружинскаго ничего неизвѣстно* **). (Ни одинъ инокъ лѣтописецъ не укрывался въ монаст) и самыхъ ***) монастырей нигдѣ не было въ этой изруинованной землѣ. Лѣтописи писались тогда не перомъ, а кривыми саблями и пищалями. Ни одинъ инокъ времяннописецъ не укрывался въ монастырѣ. Иностранцы, особливо впослѣдствіи французскіе инженеры, писавшіе объ Украинѣ, нигдѣ не доискивались свѣдѣній исторически[хъ], не разспрашивали старыхъ, еще касавшихся прежними годами своими временъ патріархальныхъ, еще живо хранившихъ въ памяти первые подвиги и дѣла. Они большею частію вдавались въ географію въ настоящемъ, тогдашнемъ видѣ. Какъ досадно, когда минувшее, можетъ быть, кипѣвшее событіями, бѣжитъ и темнѣетъ въ виду всѣхъ (людей), и ни одинъ не хватится остановить его. Это похоже... но впередъ моя исторія!“ Вторая приписка: „Литовскіе князья на сѣверо-востокѣ Европы были сильнѣйшіе владѣтели. Когда въ Польшѣ произошли великія смуты по случаю смерти (бездѣтнаго) короля Людовика, не оставившаго сыновей, престолъ (sic!) была

*) Пропущено одно слово.

**) Сверху словъ, напечатанныхъ курсивомъ, написано: «хотя всякой можетъ себѣ вѣрно представить, какъ должно было быть тогда».

***) Въ рукописи: «самого».

коронована тринадцатилѣтняя его дочь, знаменитая красавица Ядвига. (Кучи) Жениховъ, жадныхъ ея совершенствъ и болѣе блистательныхъ (окружили ея дворъ) стеклись въ Польшу. Но литовскій князь Ягайло взялъ перевѣсъ и получилъ руку вѣнценосной красавицы съ условіемъ присоединить свои пространныя русскія владѣнія и литовскія владѣнія, (самому) принять вмѣстѣ съ Литовскимъ народомъ христіанскую вѣру. И вотъ такимъ образомъ три (народа) земли: Литва, южная Россія и Польша соединились вмѣстѣ. Ягайло провозгласилъ себя Владиславомъ...............*) пріобрѣлъ въ свою обширную обнимавшую почти всю...........»**).

Въ бумагахъ наслѣдниковъ сохранилась верхняя часть полулиста, вырѣзаннаго изъ той же записной книги № 3, **ИБ**. На этомъ отрѣзкѣ набросаны Гоголемъ собственноручно слѣдующія дополненія къ отрывкамъ, изъ которыхъ выработалась статья „Взглядъ на составленіе Малороссіи“:

„Народъ не могъ сдѣлаться торговомъ (sic!), получивши заматерѣлость, слѣдствіѐ мѣстоположенія. Никогда малороссійскіе купцы не были значительны. Всегда или русскіе, или греки и жиды прежде держали въ рукахъ своихъ торговлю“.

„Этотъ народъ не имѣлъ строгой разсчетливости и размѣра на всю жизнь; слѣдствіе мѣстоположенія: безпечность, равнодушіе къ богатству и неувѣренность въ немъ. Часто все, накопленное трудами, обращало[сь] въ одну праздничную попойку, въ увеселеніе и забвеніе на одну минуту“.

„Особенная страсть къ увеселеніямъ, къ общественнымъ гульбищамъ. Съ начала весны всѣ дѣвки и парни выходятъ на улицу изъ хатъ и поютъ (въ которой) привѣтствія веснѣ. Улица дѣлается всеобщимъ собраніемъ“.

„Какъ просто, какъ высоко постигнуто это удержимое средство (о свадьбахъ)! ***) Человѣкъ ничего такъ не боится, какъ стыда“. „Вольность въ обращеніи“.

---

*) Два слова не разобрано.

**) Не разобрано три слова.

***) Скобки въ рукописи. Вѣроятно, Гоголь имѣетъ здѣсь въ виду свадебные обычаи козаковъ, описанные Бопланомъ (Описаніе Украйны, Спб. 1832 г., стр. 75 — 77). Послѣдній заключаетъ свой разсказъ о малороссійской свадьбѣ замѣчаніемъ: «Хотя свобода пить водку и медъ могла бы довести до соблазна; но торжественное осмѣяніе и стыдъ, коимъ подвергаются онѣ, потерявъ цѣломудріе, удерживаютъ ихъ отъ искушенія».

„Все, что до наслажденья относилось, все это имѣлъ народъ. Онъ въ этомъ не отказывалъ себѣ никогда. Разнообразіе разныхъ блюдъ, совершенно отличныхъ *) въ разныя времена года, въ разныхъ случаяхъ“.

Форму «первой главы изъ исторіи Малороссіи» набросанные въ этой записной книгѣ отрывки получили въ февралѣ или мартѣ 1834 года. По напечатаніи «Объявленія» объ изданіи исторіи малороссійскихъ козаковъ (въ январѣ 1834 г.), Гоголь обѣщалъ Надеждину отрывокъ изъ этой исторіи, какъ видно изъ слѣдующихъ строкъ его письма къ М. П. Погодину, отъ 19 марта того же года: «Скажи Надеждину, что та же самая причина (болѣзнь) помѣшала мнѣ прислать обѣщанный ему отрывокъ изъ исторіи. Она у меня *въ такомъ забытіи* и такою облечена пылью, что я боюсь подступить къ [ней], и чтобы вырвать изъ нея отрывокъ для печати, нужно ее хорошенько перечистить“. (Соч. и письма Гоголя V, 202). Однако «эскизъ» появился въ апрѣльской книжкѣ «Журнала Министерства народнаго просвѣщенія». 28 мая Гоголь писалъ Максимовичу: «Ты можешь прочесть въ Журналѣ Просвѣщенія, 4-мъ номерѣ, статью мою о Малороссійскихъ пѣсняхъ; тамъ же находится и кусокъ изъ введенія моего въ исторію Маллороссіи, впрочемъ *писанной мною очень давно*». (Сочин. и письма Гоголя V, 211). Въ письмѣ отъ 29 мая Гоголь даетъ понять Максимовичу, что «эскизъ» былъ напечатанъ въ журналѣ министерства по необходимости: «Посылаю тебѣ... также и листокъ изъ исторіи Малороссіи, который мнѣ зѣло не хотѣлось давать». (Тамъ же V, 212).

Стр. 197 [1] **ЖМНП**; «не навистью» **Ар**.

Стр. 198 [1] Такъ въ **ЖМНП** и въ **Ар**. [2] **Ар**; «и думали» **ЖМНП**. [3] **ЖМНП**; «сосѣднихъ» **Ар**.

Стр. 199 [1] **Ар**; «исполиновъ» **ИБ**. [2] **Ар**; «поколѣнію въ южной Россіи, такъ рѣзко отличнаго (sic!) въ нравахъ, обычаяхъ и жизни, котораго исторію я взялся представить, котораго вся жизнь была борьба и...» (не кончено) **ИБ**. [3] **ИБ**; «Испуганные» **Ар**. — Словами «народъ какъ бы понимая» оканчивается въ **ИБ** § III.

Стр. 200 Весь § IV въ **ИБ**. состоитъ изъ слѣдующаго: «Когда первый страхъ прошелъ, тогда мало по малу начали селиться въ этой землѣ выходцы изъ Литвы, изъ Россіи. Это новое населеніе было странное; оно не составляло одного народа. Тутъ были и Литовцы, и Поляки, и Русскіе. Даже Татары. (Новые пришельцы должны были поневолѣ соединиться между собою). Общій страхъ нападенія со стороны Татаръ почти противъ

*) Прежде было написано: «приличныхъ».

воли заставилъ ихъ соединиться и даже исповѣдывать одну религію. Наконецъ и Кіевъ наполнился жителями».

Стр. 201 [1] Послѣ этого въ **ИБ**: «Были ли въ этой землѣ природные русскіе князья или ханскіе баскаки, я не стану изслѣдовать. Вѣрнаго объ этомъ ничего нѣтъ. А говорить о томъ времени, когда народъ былъ бѣденъ и (малъ =) ничтоженъ и притомъ не осталось о немъ ни одной черты въ исторіи — значитъ тянить исторію». [2] Слово «своихъ» внесено изъ **ИБ**. [3] **Ар**; «подвигался далѣе къ югу» **ИБ**. [4] Такъ **ИБ**, **ЖМНП**, **Ар**; слѣдуетъ: «Ирпени». [5] **Ар**; «передъ ними» **ИБ**. [6] **ЖМНП**, **Ар**; «но Гедиминъ (былъ такъ уменъ) необыкновенный человѣкъ съ необыкновеннымъ умомъ, яснымъ и проницательнымъ — геній политика. И въ такое невѣжественное время!» **ИБ**. [7] **ЖМНП**, **Ар**; «и не посылать дани» **ИБ**. [8] **Ар**; «и даже старшинамъ» **ИБ**. [9] Въ **ИБ**: «Совершенная ничтожность окружавшихъ народъ прямо историческихъ лицъ придаетъ еще болѣе исполинскіе размѣры этому Великому».

Стр. 202 [1] **Ар**; Вслѣдъ за Гедиминомъ такіе же два исполина, Ольгердъ и за нимъ Ягайло, вознесли Литву и ту же самую политику имѣли съ побѣжденными народами» **ИБ**. [2] **ИБ**; «ими» **Ар**. [3] Въ **ИБ**: «Всякая связь между ними разорвалась. Другіе законы, другіе обычаи, другіе характеры, другія связи, другіе подвиги совершенно обратили ее въ другое государство, совершенно наконецъ между ними...». [4] **Ар**; «часто зависитъ» **ИБ**. [5] **Ар**; «въ которыхъ тогда обитало множество дикихъ кабановъ» **ИБ**. [6] **Ар**; «вся изъ степей, изрѣдка засѣвавшихся хлѣбомъ, мѣстами убиравшихъ (sic!) ковромъ дикихъ вишенъ и наполненныхъ тогда стадами сайгъ» **ИБ**. [7] **Ар**; «великая рѣка Днѣпръ» **ИБ**. [8] **Ар**; «раскинувшій вѣтви впадающихъ въ него рѣкъ **ИБ**. [9] **Ар**; «пріятныя» **ИБ**. [10] **АР**; «Когда воды спадали, тогда видъ необыкновененъ и поразителенъ» **ИБ**.

Стр. 203 [1] **Ар**; «посреди неизмѣримаго океана» **ИБ** [2] **Ар**; «почти съ обѣихъ сторонъ ровными и понимающимися водою» **ИБ**. [3] **Ар**; «съ живописными берегами и цѣпью видовъ» **ИБ**. [4] **Ар**; «развѣтвлялись» **ИБ**. [5] **Ар**; «вездѣ поле» **ИБ**. [6] **Ар**; «составилъ бы независимое государство» **ИБ**. [7] **Ар**; «страшнымъ мѣстомъ» **ИБ**. [8] **Ар**; «травистыя степи и нивы» **ИБ**. [9] **Ар**; «бездомные, лишенные всего» **ИБ**. [10] **Ар**; «Турокъ» **ИБ**. [11] **Ар**; «Эта толпа, разросшись и увеличившись, составила особый народъ и націю, извѣстную подъ именемъ козаковъ» **ИБ**.

Стр. 204 [1] До этого мѣста § VII въ **ИБ** имѣетъ слѣдующій видъ: «Въ концѣ XIV или въ началѣ XV в. можно положить происхожденіе ихъ. По крайней мѣрѣ, уже тогда былъ выстроенъ за Днѣпромъ небольшой городъ ихъ Черкасъ. Нападеніе Татаръ на Кіевъ и западную часть Малороссіи заставило многихъ убѣжавшихъ жителей приставать къ нимъ и увеличивать ихъ. Это было самое пестрое сборище (людей) самыхъ отчаянныхъ. Дикій горецъ, Черкесъ, или Косогъ, ограбленный Россіянинъ, убѣжавшій отъ палача и веревки Полякъ, бѣглецъ исламизма — татаринъ,— эти люди положили начало странному обществу по ту сторону Днѣпра, постановивъ цѣлью и правиломъ, подобно рыцарямъ, воевать съ невѣрными. Это скопище людей не имѣло въ началѣ ни домовъ, ни женъ, ни дѣтей» **ИБ**. [2] **Ар**; «внезапные азіатскіе набѣги» **ИБ**.

Стр. 205 [1] Въ ИБ:.... «азіатскіе набѣги. Никакое препятствіе не могло остановить этого немноголюднаго, но разрушительнаго набѣга. Сосѣдственные Татары и Турки къ козакамъ имѣли сильное презрѣніе. Султанъ турецкій, желая нанесть большое оскорбленіе, называлъ его козакомъ». [2] Ар; «чисто-славянскую физіогномію» ИБ. [3] Ар; «скопищу» ИБ. [4] Ар; «но онъ долженъ былъ непремѣнно принять греческую религію и уже совершенно обновиться — принять другіе обычаи и обыкновенія» ИБ. [5] Ар; «Это странное общество съ перваго взгляда, повидимому, сохраняло всѣ тѣ черты» ИБ. [6] Въ ИБ: «но, разсмотрѣвши внимательнѣе, можно было видѣть, что это зародышъ политическаго общества, начало великаго, характернаго народа, который уже въ началѣ имѣлъ цѣль — вести вѣчную борьбу съ невѣрными и сохранять чистоту религіи своей. То же братство, которое такъ сохраняетъ (sic!) въ буйныхъ разбойническихъ скопищахъ, связывало ихъ тѣсно между собою: все было общее у нихъ — турецкіе цехины, вино, жилища. Въ томъ только отличіе ихъ отъ рыцарей, что никакіе обѣты и никакіе посты, ни воздержаніе не обуздывали ихъ: они были вольны, какъ степи, и въ своихъ буйныхъ наслажденіяхъ позабывали весь міръ». [7] Ар; «кружкѣ» ИБ. [8] Ар; «о своей жизни» ИБ. [9] Ар; «пользоваться мѣстами» ИБ. [10] Ар; «въ полутатарскомъ, полупольскомъ, полурусскомъ костюмѣ» ИБ. [11] Ар; «алчностью» ИБ. [12] Ар; «обвѣшеннаго тиною и грязью, какъ будто подобно подземному гному. Это заставило турецкаго султана сказать: «Когда Поляки и Нѣмцы воюютъ, я сплю на оба уха; когда же козаки разшевелятся, я долженъ однимъ ухомъ слушать» ИБ.

Стр. 206 [1] Ар; «не упреждали» ИБ. [2] Ар; «не разрушали до основанія городокъ, который вдругъ, по проспаніи, какъ бы чудомъ, строился вновь и мстительный набѣгъ вознаграждалъ» ИБ. [3] Ар; «Такая вольная буйная жизнь» ИБ. [4] Ар; «когда каждый стремился жить, дѣйствовать вмѣстѣ» ИБ. [5] Ар; «Это скопленіе получило, наконецъ, одинъ общій характеръ и національность, чѣмъ долѣе увеличивалось болѣе и болѣе приходившими вновь» ИБ. [6] Ар; «переселяться» ИБ. [7] Ар; «вокругъ сего грознаго оплота» ИБ. [8] Ар; «заселялись» ИБ. [9] Ар; «семьянина» ИБ. [10] Ар; «и вмѣстѣ съ цехинами, и реалами и лошадьми» ИБ. [11] Ар; «Отъ этого смѣшанія (sic!) самыя черты лица начали измѣнять[ся] и пріобрѣтать болѣе общее между собою» ИБ. [12] Ар; «и» ЖМНП. [13] Ар; «Азіатецъ» ИБ.

Нѣсколько словъ о Пушкинѣ (стр. 207—212).

Подъ этою статьею въ «Арабескахъ» выставленъ 1832 годъ. Весьма вѣроятно, что первые наброски этой статьи относятся къ этому году. Въ записной тетради № 2, РА, начало статьи «О Пушкинѣ» написано на стр. 135, при чемъ пустая половина предшествующей страницы, по обычаю Гоголя, оставлена для вставокъ и дополненій, которыми дѣйствительно она потомъ покрылась. Статью о Пушкинѣ Гоголь началъ вписывать въ указанную книгу *непосредственно* за окончаніемъ приписокъ къ повѣсти «Ночь

«передъ Рождествомъ». Такимъ образомъ, на стр. 135 (безъ заглавія) помѣщено начало: «При имени Пушкина тотчасъ осѣняетъ мысль». Страница оканчивается словами: «потому что истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа» (стр. 208). На предшествующей, 134-й страницѣ приписана большая вставка, которая начинается словами: «Если должно сказать о тѣхъ достоинствахъ, которыя составляютъ принадлежность Пушкина», — и оканчивается фразою: «но горе ему, если онъ не прикрылъ и не скрылъ всѣ ея недостатки». На стр. 136-й необыкновенно блѣдными чернилами вписано окончаніе статьи; сверху поставлены буквы: *О П.* (т. е. О Пушкинѣ). Страница начинается словами: «Что[бы] быть доступну понимать ихъ, нужно имѣть слишкомъ тонкое обоняніе»; оканчивается эта запись словами: «можетъ по пальцамъ перечесть своихъ истинныхъ цѣнителей». На этой страницѣ сдѣланы Гоголемъ три приписки, изъ которыхъ первыя двѣ относятся къ мѣсту, написанному на этой же страницѣ, третья вставлена на одну изъ предшествующихъ страницъ. Первая приписка: «Въ нихъ природа выражается также живо, какъ въ струяхъ какой-нибудь серебренной (струи =)рѣки». Вторая приписка: «Всѣ черты полнаго, яснаго міра, такъ знакомаго однимъ древнимъ». Третья приписка начинается словами: «Русская исторія,— я не говорю о послѣднемъ ея направленіи со времени императоровъ, — слишкомъ мало вмѣщаетъ въ себѣ живости», и оканчивается такъ: «тонкая разборчивость, не позволяющая ему выказать такимъ средствомъ свой талантъ» (стр. 207—210). Новый набросокъ, подъ заглавіемъ «Къ Пушкину», помѣщенъ на 47-й—48-й стр. рукописи. Онъ начинается словами: «Никто не станетъ спорить, что дикій горецъ въ своемъ воинственномъ костюмѣ» (стр. 210), и оканчивается такъ: «и чтобы это необыкновенное было, между прочимъ, совершенная истина» (стр. 211). Если первые наброски этихъ отрывковъ Гоголь и возводитъ къ 1832 году, то во всякомъ случаѣ окончательная редакція статьи о Пушкинѣ, сопровождавшаяся измѣненіями въ слогѣ, исключеніями (ср. 10-е пр. къ стр. 108-й), вставками отдѣльныхъ мѣстъ (прим. 8-е къ стр. 112), и слившая наконецъ отрывочные наброски въ одно цѣлое, относится къ 1834 году, когда редактировались статьи для «Арабесокъ».

Стр. 207 [1] Ар; «никто болѣе не имѣетъ права» РА. [2] Послѣ этого въ РА: «онъ первый русскій поэтъ». [3] Въ РА прежде было: «въ немъ однакожъ онѣ развились и показались во всемъ пространствѣ» [4] Слово «конечномъ» внесено

изъ **РА**. [5] **Ар**; «Въ немъ въ такой же чистотѣ и утонченности, какъ ландшафтъ отражается на выпуклой поверхности зажигательнаго стекла, отразилась русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ» **РА**. [6] **Ар**; «къ которому иногда отчаянно стремится русскій и который всегда любитъ свѣжая русская молодость встрѣчать въ другихъ» **РА**. [7] **Ар**; «Ему было душно среди безцвѣтныхъ нашихъ столицъ и чинныхъ городовъ, и судьба» **РА**. [8] **Ар**; «которыя еще тяготѣли надъ его свободными мыслями» (зачеркнуто: «еще связывали свободный духъ его»).

Стр. 208 [1] **Ар**; «съ козакомъ или татариномъ» **РА**. [2] **Ар**; «мелькающія» **РА**. [3] **Ар**; «и кажется быстрѣе самой битвы» **РА**. [4] **Ар**; «Онъ одинъ только и первый пѣвецъ Кавказа» **РА**. [5] **Ар**; «и южнымъ его небомъ, и долинами прекрасной Грузіи, и садами, и ночами крымскими онъ проникнутъ и напитанъ» **РА**. [6] **Ар**; «на нихъ онъ старался означить» **РА**. [7] **Ар**; «и отъ того всѣ произведенія его, которыя внушены Кавказомъ» **РА**. [8] **Ар**; «смѣлое, быстрое» **РА**. [9] Послѣ этого въ **РА**: «и ненавидитъ стѣсненія». [10] **Ар**; «.... такой завидной участи, какъ Пушкинъ. Онъ былъ какимъ-то идоломъ молодыхъ людей: его смѣлые, всегда исполненные оригинальности, поступки и случаи жизни заучивались ими и повторялись, разумѣется, какъ обыкновенно бываетъ, съ прибавленіями и варіантами. Стихи учились наизусть; армейскіе и штатскіе и кстати, и некстати почитали обязанностью проговорить и исковеркать какіе-нибудь ярко сверкающіе отрывки изъ его поэмъ. И если сказать истину, то его стихи воспитали и образовали истинно-благородныя чувства, не смотря на то, что старики и богомольныя тетушки старались увѣрить, что они разсѣеваютъ вольнодумство, потому только что смѣлое благородство мыслей и выраженія и отвага души были слишкомъ противоположны ихъ бездѣйственной вялой жизни, почти безполезной и для нихъ, и для государства. Онъ при самомъ началѣ своемъ (былъ) національнымъ» **РА**.

Стр. 209 [1] **Ар**; «которая отличаетъ» **РА**. [2] **Ар**; «состоятъ» **РА**. [3] **Ар**; «Его эпитетъ такъ удаченъ, такъ рѣзокъ и смѣлъ» **РА**. [4] Слово «всегда» прибавлено въ **Ар**. по недоразумѣнію переписчика, неразобравшаго какое-то слово надъ «стоитъ». Послѣ этого въ **РА**: «въ немногихъ стихахъ ея отливается такая высокая». [5] **РА**; «Врядъ ли» **Ар**. [6] **Ар**; «передъ нимъ» **РА**. [7] **Ар**; «изъ-за облакъ» **РА**. [8] **РА**; «его» **Ар**. [9] **Ар**; «уже не поражаютъ каждаго» **РА**. [10] **Ар**; «дышатъ всѣ» **РА**. [11] **Ар**; «Грузія. Отчего же это произошло? Это произошло вотъ отъ чего» **РА**. [12] Слово «и» внесено изъ **РА**. [13] **Ар**; «слишкомъ спокойный» **РА**. [14] **Ар**; «народъ» **РА**. [15] **Ар**; «говоритъ» **РА**. [16] **Ар**; «если онъ не прикрылъ и не скрылъ всѣ ея недостатки» **РА**.

Стр. 210 [1] Въ **РА** это мѣсто имѣетъ слѣдующій видъ: «Русская исторія,— я не говорю о послѣднемъ ея направленіи со времени императоровъ,— слишкомъ мало вмѣщаетъ въ себѣ живости; характеръ народа былъ слишкомъ безцвѣтенъ; разнообразіе страстей мало было ему извѣстно. — Ему оставалось два средства: или натянуть, сколько можно выше, свой слогъ, дать силу безсильному, говорить съ жаромъ о томъ, что не имѣетъ жара, какъ го дѣлаютъ многіе: тогда толпа почитателей современныхъ, толпа народа на его сторонѣ, шумъ на его сторонѣ, деньги на его сторонѣ». [2] **Ар**; «Но въ этомъ случаѣ прощай толпа, шумъ, положеніе! Его не будетъ, развѣ

(происшествіе) ....это такъ велико, что не можетъ не произвесть энтузіазма» РА. [3] Ар; «выказать такимъ средствомъ свой талантъ» РА. [4] РА; «судія» Ар. [5] Ар; «и царь» РА. [6] Ар; «гораздо выше и лучше какогонибудь пьянаго засѣдателя» РА. [7] Ар; «посредствомъ справокъ и выправокъ (сослалъ въ =) пустилъ по міру [въ] легкой телѣжкѣ свободныхъ и ревизскихъ = крѣпостныхъ душъ» РА. [8] Слово «весьма» внесено изъ РА. [9] РА, Ар. См. прим. 4-е къ 178-й стр. этого тома. [10] Слова «въ себѣ» внесены изъ РА.

Стр. 211 [1] «пензажъ» РА. Ар. [2] Ар; «были сосѣди наши помѣщики» РА. [3] Ар; «и хорошо растущіе» РА. [4] Ар; «Мнѣ казалось тогда досадно» РА. [5] Ар; «но послѣ я изъ него извлекъ познаніе» РА. Прежде было написано: «но послѣ я увидѣлъ въ немъ великую истину». [6] РА; «понимать» Ар. [7] Ар; «(въ)' чувстванія» (sic!) РА. [8] Ар; «понять вполнѣ. неблестящія русскія пѣсни» РА. [9] Ар; «однѣ слишкомъ рѣзкія черты и крупныя массы» РА. [10] Ар; «Понимателямъ [изъ] читателей нужно быть въ нѣкоторомъ отношеніи сибаритами» РА. [11] Ар; «не больше» РА. [12] Ар; «привыкшему глотать издѣлія крѣпостнаго повара въ грязномъ фартукѣ, нюхающаго табакъ во время своей стряпни, и съ малиновымъ носомъ» РА.

Стр. 212 [1] Ар; Въ РА это мѣсто представляется въ отрывочныхъ фразахъ, не приведенныхъ въ органическую связь. Въ основномъ текстѣ: «Это собраніе его мелкихъ стихотвореній — рядъ самыхъ ослѣпительныхъ картинъ, въ которыхъ мелькаютъ или яркія бѣлыя плечи, или руки, или алебастровая шея (накинутая =) обсыпанная ночью темныхъ кудрей, сочныя гроздія винограда — и наслажденіе, и простота и многовеная (sic!) высокость мысли, (которая) вдругъ объемлющая холодомъ вдохновенія читателя, отъ котораго невольно волосы шевелятся на головѣ». Внизу страницы другими, болѣе темными, чернилами приписано: «Въ нихъ природа выражается такъ же живо, какъ въ струяхъ какой-нибудь серебренной (струи =) рѣки».— Еще ниже: «Всѣ черты полнаго яснаго міра, которыя знакомы однимъ древнимъ». [2] Ар; «но, отдѣлившись, слаба и безсильна» РА. [3,4] Ар; «Тутъ» РА. [5] Ар; «Отъ этого происходитъ, что» РА. [6] Ар; «ее перечитываешь» РА. [7] Ар; «никогда не имѣетъ» РА. [8] Въ РА нѣтъ этого мѣста: «Мнѣ всегда было странно — Какъ бы не понимать ихъ!» [9] Ар; «Но, увы! это справедливо» РА. [10] Слово «однимъ» внесено изъ РА. [11] Ар; «тѣмъ болѣе уменьшается кругъ его понимателей и, наконецъ, такъ становится тѣсенъ вокругъ него, что онъ можетъ почти по пальцамъ перечесть друзей стиховъ и своихъ цѣнителей» РА.

Объ архитектурѣ нынѣшняго времени (стр. 213—233).

Записная книга № 2, РА, представляетъ намъ эту статью въ первоначальной, совершенно не приведенной къ единству, редакціи, такъ рѣзко отличающейся въ нѣкоторыхъ подробностяхъ отъ напечатанной въ «Арабескахъ», что мы сочли необходимымъ издать рукописную редакцію въ «Приложеніяхъ къ Арабескамъ». Ею исправляются отдѣльныя мѣста статьи по тексту „Арабесокъ.“

Въ упомянутой записной тетради Гоголь началъ эту статью на страницѣ 144-й (словами «Мнѣ всегда становится очень грустно», стр. 366) и писалъ безъ перерыва до страницы 151-й, на которой, написавши 15 строкъ, остановился на словахъ: «такое негармоническое соединеніе частей» (стр. 379). Потомъ онъ началъ на этой же страницѣ вписывать дополнительную вставку къ одному мѣсту предшествующей 150-й страницы. Эта вставка заняла 18 строкъ на 151-й страницѣ и перекинулась на страницу 152-ю, гдѣ заняла 11 строкъ. Вставлено было слѣдующее мѣсто: «Чтобы выше, выше, сколько можно выше» (стр. 377), включительно до словъ: «передъ выгодою цѣлаго человѣчества» (стр. 378). Дополнивши и измѣнивши конецъ фразы, на которой прерванъ былъ основной текстъ, Гоголь продолжалъ его на свободныхъ мѣстахъ 151-й и 152-й страницы и исписалъ имъ, безъ перерыва, страницы 152—155 до половины. Страница 154-я рукописи оканчивалась словами: «то во мнѣ заранѣе теплится предчувствіе, что я увижу геніальное твореніе» (стр. 385). На страницѣ 155-й рукописи написано было заключеніе статьи: «Если же группы не на всѣхъ балконахъ показываются» — «вериги, связывающія свободную мысль его, и вольно прекрасную устремить къ небу». (Ср. примѣчаніе 7-е къ стран. 385). Но Гоголь зачеркнулъ потомъ первоначальное окончаніе статьи, занимавшее начало 155-й страницы, и началъ дополнять написанное вставками, болѣе или менѣе объемистыми. Эти вставки разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ рукописи. На страницѣ 142-й написана довольно длинная вставка, начинающаяся словами: «Нигдѣ зодчество не принимало столько разныхъ формъ» (стр. 381), и оканчивающаяся такъ: «въ перстняхъ своихъ, убранствѣ и драгоцѣнныхъ ожерельяхъ» (стр. 382). На страницѣ 143-й рукописи помѣщено дополненіе, напечатанное въ «Арабескахъ» въ видѣ примѣчанія къ тексту: «Мнѣ часто приходила очень странная мысль» — «чтобы узнать минувшую жизнь человѣчества» (стр. 231 и стр. 387). Самое значительное, по объему, дополненіе написано на страницѣ 157-й записной книги. Оно начинается словами: «Истинный архитекторъ долженъ имѣть глубокое познаніе во всѣхъ родахъ зодчества» (стр. 385), и обрывается въ концѣ страницы, на словахъ: «Пусть она разомъ погружаетъ насъ» (стр. 387); окончаніе этой фразы («въ воспоминаніе» и т. д.) и новое заключеніе статьи Гоголь вписываетъ на пустое мѣсто *предшествующей*, 156-й страницы. Мѣста, куда должны

быть вставлены сдѣланныя дополненія, указаны въ рукописи красными чернилами или знакомъ #.

Мы полагаемъ, что только въ 1834 г., при составленіи «Арабесокъ», эта статья получила ту обработку, въ какой въ первый разъ появилась въ печати. Въ «Арабескахъ» подъ нею выставленъ 1831 г., но этотъ годъ не можетъ относиться даже и къ *основному тексту* первоначальной редакціи, какъ онъ набросанъ въ записной книгѣ № 2, РА. Въ одномъ мѣстѣ этого основнаго текста Гоголь обронилъ указаніе на время его написанія. Вотъ это мѣсто: «Этому доказательствомъ можетъ служить прекрасная лютеранская кирка, *строющаяся* Брюловымъ, архитекторомъ, который доселѣ у насъ одинъ только показалъ рѣшительный истинный талантъ» (стр. 385). „Проектъ" лютеранской церкви св. Петра (на Невскомъ проспектѣ) составленъ былъ А. П. Брюловымъ въ 1832 году. (Березина, Русскій энциклопедическій лексиконъ IV, 365). Заложена была эта кирка *въ маѣ 1833 года*, окончена постройкою въ 1838 году (Пушкарева, Описаніе Санктъ-Петербурга I, 297). Изъ этого видно, что первоначальная редакція статьи „Объ архитектурѣ", внесенная въ рукопись № 2, РА, могла быть написана не ранѣе второй половины 1833 года. Переработка рукописной редакціи статьи въ томъ видѣ, который она имѣетъ въ „Арабескахъ", относится несомнѣнно къ 1834-му году, когда Гоголь подвергнулъ окончательной отдѣлкѣ произведенія, вошедшія въ составъ этого сборника. Въ печатную редакцію статьи «Объ архитектурѣ» вышеприведенное мѣсто о Брюловѣ не внесено, и подъ нею оказалось тогда возможнымъ выставить 1831 годъ.

Стр. 214 [1] Слова «передъ обыкновенными жилищами людей» внесены изъ РА. [2] РА; «стройной» Ар. [3] Ар; «сквозь который фантастически глядятъ разноцвѣтныя стекла длинныхъ оконъ» РА.

Стр. 217 [1] Въ Ар. опечатка: «наслажденный».

Стр. 221 [1] РА; «получать» Ар. [2] РА; «каждая» Ар.

Стр. 222 [1] «въ церквяхъ» Ар. [2] «тополы» Ар. [3] «должна» Ар.

Стр. 223 [1] «простолюдима» Ар.

Стр. 225 [1] Такъ въ Ар: «вѣки». [2] «Дельфи» Ар.

Стр. 226 [1] РА, Ар. Такъ Гоголь постоянно пишетъ это слово.

Стр. 229 [1] Въ Ар. «схолацизмъ».

Стр. 231 [1] РА; «погрузило» Ар. [2] РА; «происшедшемъ» Ар.

Ал-Мамунъ (стр. 234—240).

Въ записной книгѣ № 2, РА, эта статья, или лекція съ заглавіемъ «Ал-Мамунъ» вписана на страницахъ 223—227 включительно. Уже самое мѣсто, занятое статьею въ рукописи, указы-

ваетъ на то, что она написана позднѣе всѣхъ другихъ произведеній, внесенныхъ въ эту записную книгу. Несомнѣнно, что «Ал-Мамунъ» служилъ предметомъ той лекціи, которую Гоголь прочелъ въ присутствіи Жуковскаго и Пушкина. Иваницкій въ воспоминаніяхъ о профессорской службѣ Гоголя разсказываетъ между прочимъ: «Но вотъ однажды — *это было въ октябрѣ* — ходимъ мы по сборной залѣ и ждемъ Гоголя. Вдругъ входятъ Пушкинъ и Жуковскій. Отъ швейцара, конечно, они ужъ знали, что Гоголь еще не пріѣхалъ, и потому, обратясь къ намъ, спросили только: «въ которой аудиторіи будетъ читать Гоголь?» Мы указали на аудиторію. Пушкинъ и Жуковскій заглянули въ нее, но не вошли, а остались въ сборной залѣ. Черезъ четверть часа пріѣхалъ Гоголь, и мы вслѣдъ за тремя поэтами вошли въ аудиторію и сѣли по мѣстамъ. Гоголь вошелъ на каѳедру, и вдругъ, какъ говорится, ни съ того ни съ другаго, началъ читать *взглядъ на исторію Аравитянъ*. Лекція была блестящая, въ такомъ же родѣ, какъ и первая. *Она вся изъ слова въ слово напечатана въ «Арабескахъ»*. («Отеч. Записки» 1853, кн. 2-я, отд. VII, стр. 120). Иваницкій, конечно, разумѣетъ статью «Ал-Мамунъ»: другихъ статей по исторіи Аравитянъ въ «Арабескахъ» нѣтъ. Изъ словъ Иваницкаго слѣдуетъ также заключить, что лекція написана *въ октябрѣ 1834 года*. (Ср. стр. 591).

Стр. 284 [1] **Ар**; «онъ стлался по берегамъ Африки и встрѣчалъ Гибралтаръ» **РА**. [2] **Ар**; «знойная столица» **РА**. [3] **Ар**; «влекли всю новообращенную Азію въ свои блестящія школы» **РА**. [4] **Ар**; «цѣлые лѣса садовъ» **РА**. [5] **Ар**; «и къ такому развитію и роскоши» **РА**. [6] **Ар**; «присоединиться» **РА**. [7] **Ар**; «этого цѣлаго магометанскаго міра» **РА**. [8] **Ар**; «Просвѣщеніе чуждое онъ прививалъ къ Арабамъ только въ такой степени» **РА** (приписано внизу страницы).

Стр. 285 [1] **Ар**; «изъ которыхъ каждый, при азіатскихъ формахъ правленія, стремится быть деспотомъ» **РА**. Зачеркнуто: «При азіатскомъ деспотизмѣ, гдѣ не столько страшенъ верховный властитель, сколько его намѣстники, желающіе, каждый въ свою очередь, быть деспотами, онъ умѣлъ обуздать ихъ страхомъ своей вездѣсущности. Отъ визирскихъ чертоговъ до послѣдняго кадія всякій боялся встрѣтить переодѣтаго всезрящаго калифа». [2] **Ар**; «который хотѣлъ политическое общество превратить въ государство музъ» **РА**. [3] **Ар**; «благородствомъ» **РА**. [4] **Ар**; «онъ любилъ науку для науки» **РА**. [5] **Ар**; «не могъ отвѣчать и сойтись» **РА**. [6] **Ар**; «и въ душѣ исполненный» **РА**. [7] **РА**; «роспростеръ» **Ар**. [8] **Ар**; «міру» **РА**.

Стр. 286 [1] **Ар**; «и которые» **РА**. [2] **Ар**; «(совершенному=) полномочному усмотрѣнію» **РА**. [3] **Ар**; «невѣжи» **РА**. [4] **Ар**; «получали иногда пронырствами своими мѣста» **РА**. [5] **Ар**; «никогда почти не можетъ» **РА**. [6] **Ар**; «Ихъ область должна быть вовсе отдѣльна; ихъ направленіе священнѣе и выше; они должны пользоваться покровительствомъ, а не дѣйствовать въ своей сферѣ, облекшись формою государственнаго слуги» **РА**. [7] **Ар**; «Изъ этого,

безъ сомнѣнія, исключаются» РА. [8] Ар; «отвѣчало силѣ, природнымъ элементамъ» РА. [9] Ар; «милости калифа были открыты всякому, кто принадлежалъ къ какому-нибудь званію ученыхъ» РА.

Стр. 237 [1] РА; въ Ар. ошибка писца: «кучу». [2] Ар; «странно, вяло и недовольно озарившія» РА. [3] Ар; «но умалившія ихъ» РА. [4] Ар; «все это представляло» РА. [5] Ар; «сухіе, тощіе выводы» РА. [6] Ар; «чудесный» РА. [7] Слово «въ» внесено изъ РА. [8] Ар; «ярко, странно, пестро, сильно и совершенно оригинально» РА. [9] Ар; «Казалось, онъ обѣщалъ доселѣ невиданное совершенство народа. Но благородный и просвѣщенный Ал-Мамунъ не понялъ своего народа, и того еще болѣе» РА. [10] РА; «для араба» Ар. [11] РА; «открывшаго» Ар. [12] Ар; «въ свое государство» РА. [13] Ар; «которыя получали въ государствѣ одни иностранцы» РА. [14] Ар; «Правленіе Ал-Мамуна отзывалось тоже космополитизмомъ. Онъ былъ философъ-теоретикъ, а не философъ-практикъ, какимъ долженъ быть государь» РА. [15] Ар; «Онъ, кажется, зналъ» РА. [16] Ар; «онъ получилъ это познаніе черезъ другія руки, а не извѣдалъ самъ» РА. [17] Ар; «минута усыпленія монарха» РА. [18] Ар; «и государство его» РА.

Стр. 238 [1] Ар; «Иностранцы, которые начали, наконецъ, получать и административныя должности» РА. [2] Слово «всѣхъ» внесено изъ РА. [3] Ар; «Просвѣщеніе, стремившееся изъ Багдада, какъ изъ центра, становилось темнѣе и угасало по мѣрѣ приближенія къ отдаленнымъ границамъ» РА. [4] Ар; «Тамъ стояли» РА. [5] Ар; «пламенныхъ и грубыхъ» РА. [6] Ар; «поминутно» РА. [7] Ар; «онъ рѣшился преобразовать, очистить, исправить» РА. [8] Ар; «въ какомъ-нибудь постановленіи» РА. [9] Ар; «считалось Магометанами» РА. [10] Ар; «Полуцареградскій» РА. [11] Ар; «Онъ считалъ первымъ шагомъ къ образованію своего народа истребить энтузіазмъ, тотъ энтузіазмъ» РА. [12] РА; «составилъ» Ар. [13] Ар; «и блестящею своею жизнью» РА.

Стр. 239 [1] Ар; «Но Ал-Мамунъ не сообразилъ того» РА. [2] Такъ въ РА. и Ар. [3] Ар; «утопать» РА. [4] РА; «цвѣтистости» Ар. [5] Ар; «могла бы только» РА. [6] Ар; «Но полу-европеизмъ Ал-Мамуновъ не постигалъ» РА. [7] Ар; «когда дошли, наконецъ, до него вѣсти» РА. [8] Ар; «прежнихъ закоренѣлыхъ, точныхъ» РА. [9] Слово «фанатизмъ» внесено изъ РА.

Стр. 240 [1] Слово «своихъ» внесено изъ РА. [2] Ар; «Во всякомъ случаѣ онъ представилъ поучительный примѣръ» РА. [3] Ар; «который при всей страстной любви къ просвѣщенію, при всемъ желаніи блага» РА. [4] Ар; «своего сердца» РА.

Жизнь (стр. 243—245).

Въ записной книгѣ № 2, РА, эта статья занимаетъ страницу 200-ю, четыре послѣднія строки статьи перенесены на стр. 201. На этой же страницѣ — двѣ позднѣйшія приписки, относящіяся къ тексту предшествующей страницы: 1) «Гляди, какъ выпукло и прекрасно все въ природѣ» — «умѣй быть достойнымъ наслажденія» (стр. 244 этого тома), и 2) «Въ порывѣ нерасказаннаго веселія» — «Ты слышишь-ли, какъ твое имя замираетъ страхомъ на устахъ племенъ, живущихъ на краяхъ міра? Оно наполнило весь міръ» (стр. 245 этого тома). Въ «Арабескахъ» подъ статьею по-

ставленъ «1832» годъ; въ рукописи этого указанія нѣтъ. Небольшое произведеніе „Жизнь“ помѣщено передъ статьею «О картинѣ Брюлова», написанной въ августѣ 1834 года, и относится, повидимому, къ тому же году.

Стр. 243 [1] Ар; «жителю» РА. [2] Ар; «и движущійся многолюдный» РА. [3] Ар; «идутъ ступени, безчисленныя ступени, покрытыя народомъ» РА. [4] Ар; «весь убранный муміями, жрецами, таинственными звѣрями» РА. [5] РА; «несокрушимая» РА. [6] Ар; «Колонны, какъ облака, круглятся. [7] РА. Въ Ар: «увитая гроздіями, съ тирсамй и чашами въ рукахъ она (?) остановилась». [8] Въ РА набросокъ, позволяющій заключить, что онъ былъ невѣрно прочтенъ и потому невѣрно напечатанъ въ Ар: «Жрицы съ черными очами и разметанными кудрями вдохновенно вонзили.... звонкій тростникъ связался въ цѣвницу; тимпаны и мусикійскія орудія лежатъ небрежно, разбросанные по вѣтвямъ древеснымъ. Корабли, какъ мухи, толпятся подъ Родосомъ, Корсирою и закрываютъ все Архипелажское море, подставляя сладострастно выгибающійся флагъ дыханію вѣтра» РА.

Стр. 244 [1] Ар; «стоитъ на италіанскомъ берегу желѣзный Римъ» РА. [2] РА; «протянувъ» Ар. [3] Ар; «концемъ» РА. [4] Ар; «И говоритъ Египетъ, помавая пальмами своихъ равнинъ, подымая иглы своихъ .... обелисковъ: «Все суета! Я одинъ постигъ» РА. [5] «слышилось» Ар. [6] Въ РА это мѣсто имѣло первоначально слѣдующій видъ: «Жизнь сотворена для жизни. Развивай жизнь свою и съ нею все, что̀ составляетъ музыку жизни. Все для наслажденій, для наслажденій прекрасныхъ. Бѣденъ человѣкъ, ищущій не въ себѣ наслажденій: они въ самодовольствѣ. Бѣденъ народъ и государство, сохнущее за разсчетомъ торговли и недовольное собою. Увивай плющемъ и гроздіемъ свою благовонную и прекрасную главу». Впослѣдствіи на другой страницѣ приписано дополненіе: «Гляди, какъ выпукло»—«умѣй быть достойнымъ наслажденія». [7] РА; «искусно» Ар. [8] Слово «правя» въ рукописи пропущено. [9] Ар; «презрѣнна жизнь и государства» РА.

Стр. 245 [1] Ар; «Слава и желаніе — удѣлъ человѣка» РА. [2] Ар; «Ты слышишь ли?» РА. [3] Ар; «Ты слышишь ли?» РА. [4] РА; «на краю» Ар. [5] Ар; «Ты слышишь ли, какъ твое имя замираетъ страхомъ на устахъ племенъ, живущихъ на краяхъ міра... Оно наполнило весь міръ» РА. [6] Ар; «Больше и больше стремись, дикій народъ, болѣе захватывай (земли =) міра» РА. [7] Ар; «презрѣненъ народъ; (бѣдный) невеликій городъ лѣпится къ обнаженнымъ холмамъ, изрѣдка осѣненнымъ изсохшею смоковницею. Стоитъ ослица за оградою ослица (sic!)» РА. [8] Ар; «свѣтитъ» РА. [9] Ар; «и тихо....... міръ» РА. [10] Ар; «взираетъ» РА.

Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ (стр. 246—250).

Эта статья въ записной книгѣ РА занимаетъ страницы 157-ю, 158-ю и половину 159-й. Подъ статьею въ рукописи не означенъ годъ ея написанія, въ «Арабескахъ» подъ нею поставленъ 1832 г. Мѣсто статьи въ рукописи, кажется, указываетъ, что она написана

позднѣе. При напечатаніи статья подверглась, по обыкновенію, исправленіямъ въ слогѣ.

Стр. 246 [1] Ар; «Эти три мужа были великими зодчими всеобщей исторіи» РА. [2] Ар; «въ самый малообъемный» РА. [3] Ар; «развѣ» РА.

Стр. 247 [1] Ар; «такимъ же (самимъ) образомъ» РА. [2] Ар; «все это исполнено» РА. [3] Ар; «читая это сжатое его представленіе всего міра» РА. [4] Ар; «по тому» РА. [5] Ар; «Онъ уничтожаетъ часто ихъ однимъ» РА. [6] Слово «почти» внесено изъ РА. [7] Ар; «Всегда почти дѣйствовавшіе въ оппозиціонномъ духѣ увлекались своимъ направленіемъ и въ энтузіастическомъ порывѣ нечувствительно принимали правило — принимать за истину то, что противурѣчитъ всему прежнему» РА. [8] Ар; «но всегда справедливы» РА. [9] Ар; «мы говоримъ» РА. [10] РА; «къ которому приставивши глазъ поближе, можно увидѣть весь міръ» Ар.

Стр. 248 [1] Ар; въ РА слово «очаровательною» написано сверху, кажется, вмѣсто слова «особенною». [2] РА; въ Ар. по ошибкѣ переписчика: «за однимъ взглядомъ». [3] Ар; «изслѣдовательно» РА. [4] Ар; «болѣе» РА. [5] Ар; «цивилизаціи» РА. [6] Ар; «Главное начало, царствующее въ его исторіи, то, что народъ» РА. [7] Ар; «проникаетъ» РА. [8] Ар; «что онъ, кажется, совершенно оставляетъ одинъ народъ, занявшись другимъ» РА. [9] Ар; «глубоко размышляющій» РА.

Стр. 249 [1] «Варнера» РА, Ар. [2] Ар; «что открывшему ихъ (открывается цѣлое седьмое небо), по выраженію Гётева Варнера въ «Фаустѣ», открывается на землѣ небо» РА. [3] Ар; «способны вполнѣ» РА. [4] Ар; «У него владычество идеи совершенно поглощаетъ видимыя формы» РА. [5] Ар; «Онъ выпытываетъ глубоко, полно, какъ индѣйскій браминъ, по выраженію нѣмцевъ». [6] Ар; «и всеобщи» РА. [7] Ар; «Они у него [помѣщаются] безъ соединенія съ видимою природою и (кажутся) какъ будто отвлеченными» РА. [8] Ар; «Если же снисходитъ» РА. [9] РА; «до частныхъ лицъ и дѣятелей исторіи» Ар. [10] Ар; въ РА неясно: «познаніе которыхъ достается (тому, кто глубоко) много извѣдавшему и (рожденъ п) отъ того взирающему съ недовѣрчивостью». [11] Слово «Но» внесено изъ РА.

Стр. 250 [1] Слово «одного» внесено изъ РА. [2] РА; «вырываются» Ар. [3] РА; «или же вызываются» Ар. [4] Ар; «жизнь человѣчества» РА. [5] Ар; «нежели у кого-нибудь другаго» РА. [6] Ар; «простирающихся» РА. [7] Ар; «съ быстрымъ взглядомъ и рѣзкимъ осужденіемъ Шлёцера» РА. [8] Ар; «и кроткою (умѣрен) расторопною мудростію» РА. [9] Ар; «Я разумѣю подъ словомъ драматическаго искусства — не умѣніе вести разговоръ, но собственно драматическій интересъ всего творенія» РА. [10] РА; «и особенно» Ар. [11] Ар; «означается всякое» РА. [12] РА; «Я» Ар. [13] Ар; «къ тому шекспировское умѣнье развивать крупныя черты характера въ малыхъ границахъ (Шексп. умѣнье представлять ихъ въ дѣйствующемъ видѣ)» РА. [14] Ар; «и тогда бы вышелъ наконецъ такой историкъ» РА.

Невскій проспектъ (стр. 250—286).

Въ записной тетради № 2, РА, «Невскій проспектъ» занимаетъ безъ перерыва страницы 51—70 включительно. Повѣсть, не имѣю-

щая въ рукописи заглавія, оканчивается собственно на стр. 69-й; на слѣдующей страницѣ помѣщена только дополнительная вставка въ текстъ: «Вы воображаете, что это[тъ] господинъ, въ нѣсколько истертомъ фракѣ, размахивающій руками, говоритъ о вкусномъ обѣдѣ или о томъ, что жена бросила изъ окна шарикъ въ вовсе незнакомаго ему гвардейскаго офицера, — ничуть не бывало; онъ доказываетъ, въ чемъ состояла главная ошибка Лафайэта». Послѣднія двѣ страницы повѣсти были вырѣзаны изъ рукописи. По одному мѣсту рукописной редакціи «Невскаго проспекта» можно приблизительно опредѣлить время, когда написана эта повѣсть. Въ рукописи № 2, РА, на стр. 69, читаемъ: «Вы воображаете, что эти два господина, остановившіеся *передъ Лютеранскою киркою,* судятъ объ ея архитектурѣ? — совсѣмъ нѣтъ». Въ Арабескахъ это мѣсто напечатано уже въ измѣненномъ видѣ: «Вы воображаете, что эти два толстяка, остановившіеся *передъ строящеюся церковью,* судятъ объ архитектурѣ ея?» (см. выше, стр. 286) Лютеранская кирка, архитектурнымъ планомъ которой восхищался Гоголь (см. выше, стр. 385), заложена въ маѣ 1833-го года (стр. 585). «Судить» объ ея архитектурѣ не по проекту архитектора, а по выстроеннымъ частямъ зданія можно было не ранѣе конца 1833-го или начала 1834-го года. Къ этому времени и слѣдуетъ отнести *окончаніе* «Невскаго проспекта»: приведенное мѣсто находится *на послѣдней страницѣ* этой повѣсти. При напечатаніи въ «Арабескахъ» «Невскій проспектъ» подвергся редакціоннымъ исправленіемъ автора. Гоголь читалъ Пушкину «Невскій проспектъ» передъ отправленіемъ повѣсти въ цензуру, вѣроятно, въ октябрѣ 1834-го года, когда она и получила окончательную обработку. Это видно изъ слѣдующей небольшой записки Пушкина къ Гоголю, не имѣющей даты и неправильно отнесенной въ изданіяхъ «Сочиненій Пушкина» къ 1835 году: «Прочелъ съ большимъ удовольствіемъ. Кажется, все можетъ быть пропущено. Сѣкуцію жаль выпустить: она, мнѣ кажется, необходима для эффекта вечерней мазурки. Авось Богъ вынесетъ! Съ Богомъ!» (Сочиненія Пушкина, изд. Литер. фонда VII, 391). Эта записка могла быть писана или въ двадцатыхъ числахъ октября 1834 г. (Пушкинъ въ этомъ году пріѣхалъ въ Петербургъ 18 октября, тамъ же, стр. 372) или въ первой половинѣ ноября, такъ какъ 20 ноября послѣдовало уже цензурное одобреніе «Арабесокъ». Разсказъ о сѣкуціи въ печатномъ текстѣ значительно смягченъ противъ рукописи. — Въ первой книжкѣ

«Современника» на 1836 годъ (стр. 312) Пушкинъ сказалъ, между прочимъ, о Гоголѣ: «Онъ издалъ «Арабески», гдѣ находится его «Невскій проспектъ», *самое полное изъ его произведеній*». Гоголь самъ, повидимому, былъ доволенъ тою редакціею этой повѣсти, которая напечатана въ «Арабескахъ». Въ письмѣ къ М. П. Балабиной отъ 20 мая 1839 года Гоголь рекомендуетъ ей прочесть «Невскій проспектъ». «И можете ли сказать, что всякій Нѣмецъ есть Шиллеръ? (пишетъ онъ.) Я согласенъ, что онъ Шиллеръ, но только тотъ Шиллеръ, о которомъ вы можете узнать, если будете когда-нибудь имѣть терпѣніе прочесть мою повѣсть «Невскій проспектъ». (Соч. и письма Гоголя V, 374). Въ «Сочиненіяхъ Гоголя» (1842 г.), П., эта повѣсть перепечатана безъ перемѣнъ со стороны автора; отступленія отъ текста «Арабесокъ» допущены Прокоповичемъ; они отмѣчены у насъ въ варіантахъ.

Стр. 251 [1] Ар; «на всѣ блага жизни» П; «ни за что» РА. [2] РА; Ар; «не только тотъ, кто» П. [3] Ар; «волосы» П. [4] Ар; «но пришедши на него» П. [5] Въ РА повѣсть начиналась сперва такими словами: «*Невскій проспектъ* единственная *улица* въ Петербургѣ, *гдѣ сколько нибудь показывается наше таинственное* общество». Потомъ все, напечатанное курсивомъ, было зачеркнуто и выше этихъ зачеркнутыхъ строкъ написано новое начало повѣсти въ такомъ видѣ: «Нѣтъ ничего лучше Невскаго проспекта, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ. Чудный Невскій проспектъ! Единственный Невскій проспектъ! Улица-красавица нашей столицы! Гм! Я знаю, что блѣдный чиновный житель ея ни за что не отдастъ Невскій проспектъ. Не только кто имѣетъ 25 лѣтъ отъ роду, прекрасный и удивительно сшитый сюртукъ, но даже тотъ, у кого показывается бѣлый волосъ [на] подбородкѣ и голова гладка, какъ серебренная лоханка, и тотъ въ восторгѣ тоже [отъ] Невскаго проспекта». Послѣ этого вновь приписаннаго начала, продолжается прежній текстъ, при чемъ зачеркнутыя строки онаго не замѣнены ничѣмъ другимъ. «(Невскій проспектъ — единственная улица) въ Петербургѣ, гдѣ (сколько-нибудь показывается наше таинственное) общество въ малолюдной массѣ, пользующееся самою безцвѣтною славою, заставляющею даже подозрѣвать и сомнѣваться въ его существованіи. Тутъ оно иногда высыпается изъ каретъ своихъ. Но живописецъ характеровъ, рѣзкій наблюдатель отличій лопнетъ съ досады, если захочетъ его изобразить въ живыхъ огненныхъ чертахъ: никакой рѣзкой особенности! никакого признака индивидуальности! А дамы? О, дамамъ еще больше пріятенъ Невскій проспектъ. Да и кому онъ не пріятенъ? Чуть только взойдешь на Невскій проспектъ, такъ ужъ и пахнетъ гуляньемъ. Хотя бы имѣлъ какое-нибудь (пропускъ), но, взошедши на него, вѣрно, позабудешь». [6] Ар; «меньше» РА. [7] Ар; «гдѣ интересъ, и надобность, и жадность» РА. [8] Ар; «выражаются на ѣдущихъ и (идущихъ) летящихъ на дрожкахъ и въ каретахъ. Я готовъ клясться, что половина жителей Петербурга безъ ума отъ Невскаго проспекта. Да какъ и не быть безъ ума? Жилецъ какой-нибудь Петербургской или Выборгской части, который

десять лѣтъ не выставляетъ своего носа знакомому = пріятелю своему, на Пескахъ или у Московской заставы, — здѣсь онъ встрѣтится съ нимъ прежде, нежели думаетъ» **РА**.

Стр. 252 [1] **РА, Т**; «на гулянье» **Ар., П.** [2] «оставило» **Ар.** «И Боже сколько ногъ всякаго народу оставляетъ на немъ слѣды въ одинъ день!» **РА.** [3] **Ар**; «дамочки» **РА.** [4] **Ар**; «оставляющая на немъ» **РА.** [5] **РА, Ар**; «въ теченіе» **П.** [6] **Ар**; «въ теченіе» **П**; «въ одинъ день» **РА.** [7] **Ар**; «какъ» **РА.** [8] **РА, Ар**; «набѣги» **П.** [9] **Ар**; «на всѣ церкви» **РА.** [10] **Ар**; «не въ состояніи былъ бы обмыть» **П.** [11] **РА, Ар**; «онѣ» **П.** [12] **Ар**; «ни въ магазинахъ, ни въ театрахъ» **РА.** [13] **Ар**; «Иногда сонный чиновникъ, если черезъ Невскій проспектъ лежитъ ему дорога въ департаментъ, проплетется съ портфелемъ подъ мышкою» **П**; «Иногда сонный чиновникъ проплетется съ портфелемъ въ такомъ случаѣ, когда черезъ Невскій проспектъ лежитъ дорога въ его департаментъ» **РА.** [14] **П.**; «недумающіе» **РА, Ар.** [15] **Ар**; «иногда = часто съ жаромъ и самыми разительными жестами» **РА**; «довольно выразительными жестами» **П.**

Стр. 253 [1] **РА, Ар**; «пестрединныхъ» **П.** [2] **Ар**; «слишкомъ много» **РА.** [3] **Ар**; «черезъ нихъ» **РА.** [4] **РА**; «славянки» **Ар.** [5] **РА**; «поднимать» **Ар.** [6] **РА**; «выше» **Ар.** [7] **РА**; «гувернеровъ, педагоговъ» **П, Ар.** [8] «выпившихъ» **РА, Ар**; **П, Т.** [9] **Ар**; «кофію» **РА**; «кофе» **П.** [10] **РА, Ар, Т**; «по особеннымъ» **П.**

Стр. 254 [1] «щегольскихъ» внесено изъ **РА.** [2] **Ар**; въ **РА** только: «дамы въ щегольскихъ шляпкахъ». [3] **Ар**; «почти принадлежащія» **РА.** [4] **Ар**; «среди дня» **РА.** [5] **Ар**; въ **РА**: «лучшіе восхитительнѣйшіе духи». Слово «ароматы» приписано сверху, для замѣны слова: «духи»; «духи и ароматы» **Ар.** [6] **Ар**; «которые заворачиваются на ночь одою извѣстнаго писателя» **РА.** [7] **Ар**; «въ теченіе» **П.** «на цѣлые два дни» **РА.** [8] **П**; въ **РА**: «ослѣпить» — описка, повторенная въ **Ар.** [9] **Ар. П.**; «разомъ» **РА.** [10] **Ар**; «чтобы какимъ-нибудь образомъ это прелестнѣйшее произведеніе природы и искусства не переломилось» **РА.** [11] **РА, Ар**; «приподнялась» **П.** [12] **РА, Ар**; «не придерживалъ» **П.**

Стр. 255 [1] **Ар**; «улыбку единственную, chef d'oeuvre» **РА.** [2] Слово «вы» внесено изъ **РА.** [3] **РА, Ар**; «съ обыкновенныхъ» **П.** [4] **Ар**; «Боже! (какіе есть). Да, странные характеры встрѣчаются на Невскомъ проспектѣ» **РА.** [5] **Ар**; «оборотятся непремѣнно назадъ и посмотрятъ на спину вашу» **РА.** [6] **Ар**; «но нѣтъ! послѣ (увѣрился), нѣтъ, послѣ....., что они» **РА.** [7] **Ар**; «въ кондитерскихъ» **РА.** [8] **РА, Ар**; «происходятъ главныя выставки» **РА.** [9] **Ар**; «толпы рѣдѣютъ» **РА.** [10] **РА, Ар**; «пройтись» **П.** [11] **РА, Ар**; «шести» **П.**

Стр. 256 [1] **РА**; «неоконченныхъ» **Ар**; «неоконченныхъ» **П.** [2] Слова «въ это время» внесены изъ **РА.** [3] **РА, Ар**; «дома» **П.** [4] **РА**; прежде было: «то»; въ **Ар**: «тогда». [5] **Ар**; «заманчивый чрезвычайно» **РА.** [6] **РА**; «чуть не достигаютъ» **Ар.** [7] Въ **РА** описка: «губернскіе регистраторы». Эта описка повторена въ **Ар.** Описка очевидна изъ слѣдующаго сопоставленія: «*Молодые* коллежскіе регистраторы.... очень долго прохаживаются; но *старые* коллежскіе регистраторы....»

Стр. 257 [1] «нащекатуренныя» **РА**; «нащекутуренныя» **Ар.** [2] **Ар**; «такъ по душѣ» **РА.** [3] **Ар**; «а еще болѣе сидѣльцамъ и прикащикамъ, ходящимъ всегда въ нѣмецкихъ сюртукахъ подъ руку» **РА.** [4] Слово «въ» внесено изъ **РА.** [5] **Ар**; «чудная, чудная» **РА.** [6] **РА**; «о комъ» **Ар.** [7] **Ар**; «и все положеніе, и окладъ лица чудесны» **РА.** [8] **Ар**; «вскрикнулъ почти, закраснѣвшись» **РА.** [9] **Ар**;

«должно быть» П. Въ РА неясно. [10] Ар; «которыя ходятъ ввечеру по Невскому проспекту; одинъ плащъ на ней стоитъ больше 300 рублей: это должна быть какая-нибудь дама высшаго......» РА. [11] Ар; «поручикъ Пироговъ» РА. [12] Ар; «Пироговъ, толкнувши его въ ту сторону, гдѣ, далеко уже, развѣвался щегольской яркій плащъ красавицы» РА. [13] Ар; «разстались» РА. [14] Ар; «Знаемъ мы всѣхъ ихъ» РА. [15] Ар; «осмѣлившейся бы» РА; «могущей» П. [16] Ар; «безпрестанно то окидывавшійся» РА. [17] РА, Ар; «сердце молодаго человѣка» П.

Стр. 258 [1] Ар; «какую только что объявилъ» РА. [2] Ар; «сорвалось» РА. [3] Ар; «и вовсе не принадлежитъ» РА. [4] Ар; «какъ лицо, являющееся намъ въ сновидѣніи, не принадлежитъ существенному міру» РА. [5] Ар; «Это небольшое сословіе чрезвычайно странно» РА. [6] РА; «мастеровые нѣмцы» Ар. Но въ РА прежде, дѣйствительно было, написано: «нѣмцы мастеровые», потомъ послѣднее слово зачеркнуто и надъ словомъ «нѣмцы» приписано «ремесленники». [7] Ар; «Это — сословіе художниковъ» РА. [8] Ар; «Петербургскіе художники совершенно другое» РА. [9] Ар; «любящій пить, съ двумя пріятелями своими, въ маленькой комнатѣ чай и скромно потолковать объ любимомъ предметѣ». [10] Ар; «рожу» РА. [11] РА; «является» Ар. [12] Ар; «въ которомъ» РА. [13] Ар; «надъ своими картинами» РА. [14] Ар; «пахнулъ» РА. [15] Ар; «свѣжій, пламенный воздухъ» РА.

Стр. 259 [1] Ар; «на вольный воздухъ» РА. [2] Ар; «своимъ произведеніямъ» РА. [3] Ар; «рѣзко» РА. [4] Ар; «какъ-то = нѣсколько похоже» РА. [5] Ар; «фракъ» РА. [6] РА; «не оконченномъ» Ар, П. [7] Ар; «вы увидите иногда опрокинутую внизъ головою нимфу, которую онъ, отъ разсѣянности и не желая искать (новаго =) порожняго грунта, наметалъ на прежней, когда-то имъ съ наслажденіемъ писанной картинѣ» РА. [8] Ар; Вмѣсто: «Это происходитъ отъ того, что»въ РА: «потому что». [9] Ар; «за которую онъ готовится приняться» РА. [10] Ар; «и вовсе» РА. [11] Ар; «и эти мѣшающіеся» РА. [12] РА, Ар; «къ такому роду людей» П. [13] РА; «принадлежалъ описанный» Ар. [14] Въ первой половинѣ повѣсти художникъ называется въ РА «Палитринъ». [15] Ар; «но въ душѣ своей носившій огонекъ, готовый» РА. [16] Ар; «къ которому (устремились) прикованы были» РА. [17] Ар; «вдругъ оборотилось на поворотѣ улицы и взглянуло на Палитрина» РА. [18] Ар; «надвинутъ прекрасными, какъ агатъ, волосами» РА. [19] Ар; «и одинъ упалъ изъ подъ шляпки и коснулся» РА. [20] Ар; «что доставляетъ мечтаніе и тихое вдохновеніе въ священный часъ ночи при тихой лампадѣ поэта — Боже! все это, казалось, совокупилось» РА.

Стр. 260 [1] Ар; «и при этомъ взглядѣ, казалось, упало, задрожало сердце» РА; «сердце его затрепетало» П. [2] РА, Ар; «у нея» П. [3] «той святыни» Ар; «того святилища» П; «того святаго мѣста» РА. [4] Ар; «чудной незнакомки» РА. [5] Ар; «красавица оглянулась и встрѣтилась съ потупленными глазами Палитрина. Легкая улыбка (блеснула) сверкнула на губахъ и молніею сверкнула на его сердцѣ» РА. [6] Ар; «далъ» РА. [7] Слово «его» внесено изъ РА. [8] Ар; «по временамъ только стараясь умѣрить быстроту своего (шага), бѣжавшаго подъ тактъ сердца» РА. [9] П; «перилы» РА, Ар.

Стр. 261 [1] РА, Ар; «колѣна» П. [2] Ар; «ударила» РА. [3] Ар; «взоръ» РА. [4] Ар; «сію минуту» РА. [5] Ар; «мысли» РА. [6] Ар; «обѣтъ строгости рыцарской, обѣтъ самоотверженія» РА. [7] РА, Ар; «исполнять» П. [8] РА, Ар;

«ввѣриться ему» П. [9] Ар; «что отъ него, вѣрно, будутъ требоваться какія-нибудь великія услуги, и онъ чувствовалъ уже въ себѣ непреодолимую силу отважиться на все» РА. [10] Ар; «эдемомъ» РА. [11] Ар; «за фортопіано» П. [12] Ар; «какой-то пошлый полонезъ» РА.

Стр. 262 [1] Ар; «свой туалетъ» РА. [2] Ар; «Комнаты» РА. [3] Послѣ слова «карнизъ» въ РА: «Двѣ двери, одна противъ другой, вели въ другія комнаты». [4] Ар; «мужской голосъ и женскій смѣхъ лились сквозь непритворенныя....» РА. [5] Ар; «Онъ сначала не вѣрилъ» РА. [6] Ар; «скрашивающее міръ» РА. [7] Ар; послѣ слова «существо» въ РА: «гдѣ картина правильно написана, но лишена внутренней поэзіи». [8] Ар; «тѣмъ слабымъ, тѣмъ (кроткимъ) граціознымъ, тѣмъ такъ отличнымъ отъ насъ существомъ — картина, написанная правильно, но лишенная поэзіи» РА. [9] Такъ РА, Ар., П. [10] Ар; «выпученными отъ удивленія глазами» РА.

Стр. 263 [1] Ар; «но эта улыбка такъ [была] невыразимо несносна, ...исполнена какой-то жалкой наглости» РА. [2] Ар; «выраженіе набожности на рожѣ взяточника или скряги, какъ поэту идетъ мундиръ или бухгалтерская книга» РА. [3] РА, Ар; «и умъ оставляетъ человѣка» П. [4] Ар; «какому бы, вѣрно, обрадовался» РА. [5] РА; «коза» Ар. Въ РА прежде было написано «коза», но зачеркнуто на ходу письма и замѣнено словомъ «сайга». [6] РА, П; «выронившій» Ар. [7] Ар; «и гдѣ же? Въ какомъ презрѣнномъ омутѣ!» Эти восклицанія вырвались прежде всего у него» РА. [8] Ар; Въ РА сначала было написано: «Пусть онъ навѣки остается съ безобразіемъ». Потомъ сверху приписано: «Если безобразіе погружается, мы не жалѣемъ, хотя должны бы жалѣть по чувству человѣчества». [9] Ар; «но красота нѣжная, намъ кажется, должна быть какимъ-то божествомъ непорочности и чистоты» РА. [10] Ар; «(черты лица) красавицы, такъ околдовавшей нашего бѣднаго мечтателя» РА. [11] Ар; «были, дѣйствительно, чудесны; но явленіе ея въ этомъ презрѣнномъ кругу» РА. [12] Слово «уже» внесено изъ РА. [13] Ар; «зеркальномъ» РА. [14] Ар; «при безмолвной благоговѣйной толпѣ» РА. [15] Ар; «этого злаго» РА. [16] РА; «въ свою пучину» Ар; «въ его пучину» П.

Стр. 264 [1] Ар; «соскучившись» РА. [2] РА, П; «одолѣвавшія» Ар. [3] Ар; «стукъ въ двери» РА. [4] Ар; «такая богатая ливрея и притомъ» РА. [5] Слова «въ оба» внесены изъ РА. [6] Ар; «Ваша барыня, безъ сомнѣнія, кому-нибудь другимъ (sic!), а не за мною прислала васъ» РА. [7] Ар; «до дома въ Литейную» РА. [8] РА; «Ну, такъ пожалуйте поскорѣе» Ар. [9] Ар; «и проситъ васъ уже въ собственный домъ свой» РА. [10] РА; «съ яркими вывѣсками» Ар. [11] Ар; «понеслась мимо его по обѣимъ сторонамъ каретныхъ оконъ» РА. [12] РА; «во всю дорогу» Ар, П. [13] Ар; «всего этого» П. [14] Ар; «лакей въ богатой ливреѣ.... Онъ ничего не могъ вывесть изъ этого» РА. [15] РА, Ар; «вдругъ» П.

Стр. 265 [1] РА, Ар; «вошелъ» П. [2] Ар; «при первомъ шагѣ» РА. [3] Ар; «ужасная пестрота привела его въ страшное замѣшательство» РА. [4] Ар; «искромсалъ» РА. [5] Ар; «плеча» П; «ослѣпительныя дамскія плечи» РА. [6] Въ РА нѣтъ фразы «все было для него блистательно». Тамъ это мѣсто имѣетъ другой видъ: «Ему казалось, что какой-то демонъ искромсалъ весь міръ на множество разныхъ кусковъ и всѣ эти куски безъ толку смѣшалъ вмѣстѣ: ослѣпительныя дамскія плечи и черные фраки, люстры, лампы, воздушные

летящіе газы и эфирныя ленты, толстый смычекъ контръ-баса, выглядывавшій изъ-за перилъ великолѣпныхъ хоровъ». [7] Ар; «на груди» РА. [8] Ар; «и» РА. [9] Фразы: «онъ услышалъ столько словъ французскихъ и англійскихъ» въ РА нѣтъ; вмѣсто нея: «что растерялся совершенно». Эта фраза перенесена потомъ ниже. [10] Ар; «И въ самомъ дѣлѣ» РА. [11] Ар; Въ РА это мѣсто не обработано окончательно: «такъ умѣли очаровательно улыбаться.... но нечего говорить болѣе: все клонилось къ тому, чтобы совершенно...» (не дописано) [12] Ар; «они» РА; «дамы» П. [13] Ар; «прозрачнымъ газомъ» РА. [14] РА, Ар; «когда бы» П. [15] Ар; «и какъ будто она вовсе о немъ не заботилась, но оно какъ бы невольно вылилось само» РА.

Стр. 266 [1] Ар; «(стыдливая =) чистая» РА. [2] Ар; «притомъ толпа его такъ притиснула» П. [3] Слово «онъ» внесено изъ П; «что не смѣлъ» Ар. [4] П; «камеръюнкера» Ар. [5] Слово «онъ» внесено изъ П. [6] Ар; «въ ея жилище» П. [7] Въ РА это мѣсто читается въ первоначальномъ, неразвитомъ видѣ: «и чистая бѣлизна лица еще ослѣпительнѣе бросилась въ глаза, особливо, когда при наклонѣ головы ея легкая тѣнь осѣнила очаровательный лобъ. Пискаревъ*) продрался ближе. Боже, это она! Она подняла свои........**) рѣсницы и глянула своимъ яснымъ взглядомъ. «О, какъ хороша!» могъ только онъ выговорить съ захваченнымъ почти дыханіемъ. Она обвела своими глазами весь кругъ, который на перерывъ жаждалъ остановить на себѣ ея взоръ, но съ какимъ [то] утомленіемъ тихо отвращала его, съ какимъ-то невниманіемъ опускала его и встрѣтилась съ глазами Пискарева». [8] Слово «ее» внесено изъ РА, гдѣ это мѣсто читается такъ: «Жизнь не можетъ вмѣстить; онъ разрушитъ ее, онъ исторгнетъ и унесетъ душу». [9] Ар; «что никогда бы не замѣтилъ его, но онъ замѣтилъ» РА. [10] Послѣ этого въ РА недоконченная фраза: «О, какъ нетерпѣливо онъ ожидалъ!»

Стр. 267 [1] РА; «Наконецъ — конецъ!» Ар, П. [2] Слово «усталая» внесено изъ РА. [3] Ар; «Боже, какія руки!» РА. [4] РА, Ар; «колѣна» П. [5] РА; «означалъ» Ар. [6] Ар; «означилъ божественную форму этой прекрасной руки» РА. [7] РА, Ар; «у нея» П. [8] Ар; «произнесли ея (очаровательныя) уста» РА. [9] Ар; «тонкими» РА. [10] Ар; «кучу иглъ» РА. [11] Ар; «Какъ это скучно! произнесла она, пользуясь временемъ» РА. [12] П; «на его» Ар. [13] Ар; «взоромъ» РА.

Стр. 268 [1] РА; «проходилъ» Ар. Въ РА прежде было написано: «переходилъ», потомъ это слово зачеркнуто и замѣнено словомъ: «продирался». [2] Ар; «но тамъ были все тузы; все [т. е. «всѣ»] сидѣли за вистомъ» РА. [3] Слово «молодые» внесено изъ РА. [4] РА; «съ почтенною наружностью» Ар. [5] Ар; «то, что» РА. [6] Ар; «онъ обратился (къ окну) въ уголъ» РА. [7] Ар; «начали — показывать» РА. [8] Слово «ветхомъ» внесено изъ РА. Здѣсь сначала было написано: «на столѣ его»; потомъ Гоголь зачеркнулъ два послѣднія слова и приписалъ въ строку: «ветхомъ столѣ его». Въ Ар: «на столѣ его». [9] Слово «прекрасный» внесено изъ РА. [10] РА; «свѣтъ» Ар. [11] РА; «на мигъ» Ар. [12] Ар; «дрянь» РА.

Стр. 269 [1] РА, Ар; «въ постели» П. [2] Ар; «хотя бы прелестная рука граціозно мелькнула передъ нимъ!» РА. [3] Ар; «полный только сновидѣнія своего» РА.

---

*) Въ 1-й разъ въ РА Пискаревъ вмѣсто прежняго «Палитрина».

**) Оставлено мѣсто для эпитета.

[4] РА, Ар; «на дворъ» П. [5] Ар; «наконецъ сонъ пересилилъ ее» РА. Послѣ этого въ РА: «Боже, какая радость!» (См. стр. 270 и второе примѣч. къ 271 стр.) [6] Ар; «порожнимъ» П. [7] Ар; «что для этого нужно принять только опіуму» П. [8] П; «опіума» Ар.

Стр. 270 [1] РА; «въ другомъ видѣ» П, Ар.

Стр. 271 [1] Ар; «изображать» П. [2] Ар. Въ РА разсказъ въ этомъ мѣстѣ значительно отступаетъ въ объемѣ и расположеніи подробностей отъ текста, напечатаннаго въ «Арабескахъ». Въ рукописи это мѣсто читается такъ: «Беспрестанное устремленіе мыслей къ одному, наконецъ, взяло такую власть надъ всѣмъ бытіемъ его и чувствами, что желанный образъ неотразимо являлся ему каждую ночь всегда почти въ (видѣ =) положеніи противоположномъ дѣйствительности, потому что мысли его были совершенно чисты, какъ мысли ребенка. Чрезъ это сновидѣніе самый предметъ какъ бы болѣе дѣлался чистымъ и мало по малу преображался. Жажда сновидѣній сдѣлалась, наконецъ, его жизнью. И съ этого времени самая жизнь приняла странный образъ: онъ, можно сказать, спалъ на яву и бодрствовалъ во снѣ. Если бы его кто-нибудь видѣлъ сидящимъ дома или шедшимъ по улицѣ, то вѣрно бы принялъ его за (безумно-задумчиваго =) лунатика или разрушеннаго крѣпкими напитками: взглядъ его былъ вовсе безъ всякаго выраженія, а природная разсѣянность, наконецъ, (разрослась =) развилась и властительно [вытерла].... (скрыла) всѣ чувства, всѣ движенія на его лицѣ. Онъ оживлялся только [при] приближеніи ночи. Такое состояніе неминуемо должно было разстроить его силы, и самое ужасное (наказаніе) мученіе для него было то, что, наконецъ, сонъ началъ оставлять его вовсе. Желая спасти единственное свое счастіе, онъ употреблялъ всѣ средства, наводящія сонъ, и, наконецъ, прибѣгнулъ къ опіуму. (Жизнь его опять началась, любимыя сновидѣнія опять снились). Это средство сильнѣе всѣхъ другихъ помогло ему, и сновидѣнія начали ему представлять[ся] еще въ лучшемъ видѣ. Они еще болѣе раскалили его мысли и если [былъ] когда-нибудь влюбленный совершенно до безумія, стремительно, ужасно, разрушительно, мятежно, то этотъ несчастный былъ — онъ. — Изъ всѣхъ сновидѣній его» и т. д. Приведенный отрывокъ изъ рукописи авторъ перенесъ на другое мѣсто и поставилъ послѣ словъ: «Опять туманъ, опять какое-то глупое сновидѣніе» (стр. 269). Короткая фраза рукописи: «и наконецъ прибѣгнулъ къ опіуму» въ печатномъ текстѣ замѣнена разсказомъ, какъ Пискаревъ досталъ опіумъ у Персіанина («Онъ слышалъ, что есть средство возстановить сонъ» — «и, проглотивъ, завалился спать». стр. 269—270). Послѣ приведеннаго изъ РА отрывка разсказъ Ар. идетъ въ той же послѣдовательности и съ тѣми же подробностями, какъ въ РА. [3] Слово «его» внесено изъ РА. [4] П; «одинъ» Ар. РА. [5] Ар; «радостнѣе, прекраснѣе» РА. [6] Ар; «Ему представилась его мастерская, картинъ было множество. Онъ такъ прилежно и съ такимъ наслажденіемъ сидѣлъ съ кистью въ рукѣ!» РА. [7] РА, Ар; «чѣмъ» П.

Стр. 272 [1] Ар; «ея гибель, (тогда) какъ только» РА. [2] Ар; «самъ въ себѣ» РА. [3] РА, П; «я женюсь тогда на ней» Ар. [4] Послѣ того въ РА зачеркнуто: «статскіе и даже дѣйствительные статскіе совѣтники (Пискаревъ уже, началъ, какъ сами читатели замѣтятъ, немного вольнодумствовать)». [5] П;

«Мой подвигъ будетъ великъ» РА; «и можетъ быть даже великимъ» Ар. Постановка формы «великимъ» вмѣсто «великъ» объясняется тѣмъ, что въ рукописяхъ Гоголя и въ Ар. вводное предложеніе «можетъ быть» не ставится между запятыми. [6] Ар; «онъ почувствовалъ, что краска вспыхнула на его лицѣ» П; «.... прекраснѣйшее его украшеніе. Краска, живость осѣнила мутное лицо его» РА. [7] РА, Ар; «и самъ испугался» П. [8] РА, Ар; «волосы» П. [9] Ар; «какъ (больной =) выздоравливающій, въ первый разъ рѣшившійся выйти послѣ своей = долгой болѣзни» РА; «который рѣшился» П. [10] Ар; «билось (сильно) страшно» РА. [11] «взбѣжалъ» Ар. «онъ взбѣжалъ на лѣстницу съ сердцемъ, казалось, стремившимся вырваться изъ груди» РА. [12] Ар; «и кто же ему навстрѣчу?» РА. [13] Слово «она» внесено изъ РА. [14] Ар; «Онъ задрожалъ» РА. [15] Ар; «...заспаны, блѣдность усталости проступала на ея лицѣ» РА. [16] Ар; «сказала» РА. [17] Ар; «отъ меня» РА.

Стр. 273 [1] Ар; «меня вѣдь привезли совершенно безъ чувствъ; тогда уже было 7 часовъ утра. Я была совсѣмъ почти пьяна» РА. [2] Ар; «нежели» РА. [3] Ар; «.... такія рѣчи! Въ этихъ немногихъ словахъ выразилась вся безпорядочная, вся жалкая развратная жизнь». [4] Ар; «при видѣ какой-нибудь неожиданно (не дописано) странности» РА. [5] Ар; «оставивши свои карты» РА. [6] Ар; «нашъ художникъ» РА. [7] Ар; «нѣтъ лучше» РА. [8] Ар; «надъ» РА. [9] Ар; «сопутниковъ» РА. [10] Ар; «При этомъ она сдѣлала какую-то глупую мину на жалкомъ лицѣ своемъ, при чемъ красавица начала смѣяться отъ души. «Боже! помоги мнѣ вынесть!» произнесъ отчаяннымъ голосомъ Пискаревъ и уже готовъ былъ собрать весь громъ сильнаго, изъ самой души излитаго краснорѣчія, чтобы потрясти безчувственную, замерзшую душу красавицы, какъ вдругъ дверь отворилась и вошелъ съ шумомъ одинъ офицеръ. «Здравствуй, Липушка!» произнесъ, безъ церемоніи ударивши по плечу красавицу. — «Не мѣшай же намъ», сказала красавица, принимая глупо-сурьезный видъ: «я выхожу за мужъ и сейчасъ должна принять предлагаемое мнѣ сватовство». — «О, этого уже нѣтъ силъ перенести!» РА.

Стр. 274 [1] РА, П; «ночевалъ онъ гдѣ-нибудь» Ар. [2] РА, П; «въ свою комнату» Ар. [3] Ар; «Четыре дня прошло» РА. [4] Ар; «лицу» РА. [5] Ар; «что бритва была довольно тупа» РА. [6] Ар; «который, быть можетъ, со временемъ вспыхнулъ бы широко и ярко» П; «и, можетъ быть, совершившій бы когда-нибудь со славою свое поприще» РА. [7] Слово «всякихъ» внесено изъ РА. [8] РА, П; «за ними» Ар. [9] Ар; «что выпилъ по утру еще» РА. [10] Ар; «когда мнѣ переходитъ дорогу» РА. [11] Ар; «потому что въ правой они держатъ дымные факелы» РА.

Стр. 275 [1] Ар; «Это было легинькое» РА. [2] Ар; «на выставленные за стеклами» РА. [3] Ар; «уже моя!» РА. [4] Ар; «но кстати не мѣшаетъ читателю дать извѣстіе» РА. [5] Ар; «смѣхомъ и словами» П. [6] Ар; «лучше сказать» П.

Стр. 276 [1] «выслуживши» Ар; «дослужившись» П. Ср. 1-е прим. къ 19 стр. этого тома. [2] Этого мѣста («Но прежде нежели мы скажемъ», стр. 275 — «Таковы главныя черты этого сорта молодыхъ людей» стр. 276) въ РА нѣтъ. [3] Слова «кромѣ этого» внесены изъ РА. [4] Въ РА: «и умѣлъ». Эта описка нашла себѣ мѣсто въ Ар; «имѣлъ» П. [5] Ар; «и имѣлъ особенное искусство, куря трубку, пускать дымъ кольцами такъ, что онъ могъ вдругъ около десяти колецъ нанизать одно на другое» РА. [6] РА; «Охъ, охъ!» Ар.

Стр. 277 [1] Ар; «и одинъ разъ, когда попался ему на улицѣ маленькій кадетъ, жевавшій крендель и проглядѣвшій его» РА. [2] РА; «краснорѣчивѣе» Ар. [3] Это мѣсто («Пироговъ вообще показывалъ страсть — физіогномію свою на портретѣ») въ РА не находится. [4] Ар; «странное» РА. [5] Ар; «за однимъ разомъ» РА. [6] Ар; «всякій разъ, когда ни (глядишь) всматриваешься на него, встрѣчаются безпрестанно новыя особенности» РА. [7] Ар; «отъ времени до времени занимать тонкими вопросами» РА. [8] РА; «рѣзко» Ар. [9] РА; «темными» Ар; [10] Ар; «лежала на столѣ и на полу» РА. [11] Ар; «Пироговъ на минуту остановился» РА. [12] РА, Ар; «и» П. [13] Слово «другую» внесено изъ РА. [14] Ар; «на переднюю» РА. [15] Ар; «и» П. [16] Ар; «необыкновенно странною картиною» П; «И что же онъ увидѣлъ, вошедши въ комнату?» РА. [17] Ар; «Валленштейна» РА. [18] Ар; «слесарный мастеръ» РА.

Стр. 278 [1] Слово «обѣихъ» внесено изъ РА. [2] Ар; «за этотъ толстый носъ» РА. [3] Ар; «и держалъ лезвее» РА. [4] РА, Ар; «сапожнаго» П. [5] Ар; «Оба лица» РА [6] Внесено изъ РА. [7] Ар; «совершенно въ такое положеніе» РА.

Стр. 279 [1] Этого мѣста («Шиллеру показалось очень досадно», стр. 278 — «какъ только удалиться; однакожъ», стр. 279) нѣтъ въ РА. Въ рукописи послѣ словъ «кроить подошву» (стр. 279) оставлено пустое мѣсто и затѣмъ разсказъ возобновляется такъ: «Черткову (т. е. Пирогову) очень непріятно было такое обхожденіе». [2] Ар; въ РА: «его званію», сверху: «чину». [3] Ар; «Шиллеру» РА. [4] Слова «и виномъ» внесены изъ РА. [5] Ар; «и онъ рѣшилъ, что на этотъ разъ ему можно извинить невольное преступленіе» РА. [6] Ар; «въ десять часовъ утра» РА. [7] Ар; «явился, какъ снѣгъ на голову въ мастерскую оловянныхъ дѣлъ мастера» РА. [8] Ар; «не нужно» РА.

Стр. 280 [1] Ар; «какъ въ смутномъ туманѣ» РА. [2] Ар; «онъ ничего не помнилъ въ такомъ же видѣ, какъ было» РА; «онъ ничего не помнилъ изъ него въ такомъ видѣ, въ какомъ оно было» П. [3] Ар; «Я за шпоры меньше не могу взять, какъ пятнадцать рублей» РА. [4] Ар; «въ такомъ неприличномъ» РА. [5] Ар; «рубли» РА. [6] Ар; «нѣсколько» РА. [7] РА, Ар; «отъ заказа» П. [8] Ар; «совершенное свое согласіе» РА. [9] Ар; «вспорхнула» РА. [10] Ар; «Поручикъ воспользовался этимъ и видя задумчивость Шиллера» РА. [11] Слово «ей» внесено изъ РА.

Стр. 281 [1] Ар; «Прощайте» РА. [2] Ар; «Поручикъ Пироговъ не рѣшался оставить надеждъ своихъ» РА. [3] Ар; «Онъ не могъ никакъ понять, чтобы можно было долго ему противиться» РА. [4] Ар; «на всякое вниманіе прекраснаго полу» РА. [5] Ар; «я знаю многихъ мужей» РА. [6] Ар; «удивительныя» РА. [7] Ар; «но исчезни она — и женщина становится...... демонъ и ей нужно быть» РА. [8] Ар; «съ каждымъ днемъ» РА. [9] РА; «употреблялъ» Ар. [10] Ар; «чтобы окончить проклятыя шпоры» РА. [11] РА, Ар; «проникло въ душу Шиллера» П. [12] Слова «въ мысляхъ» внесены изъ РА.

Стр. 282 [1] Ар; «себя браня» РА. [2] Ар; «Я почитаю долгомъ» РА. [3] РА, П; въ полномъ смыслѣ всего этого слова» Ар. [4] РА, П; «времени, которое» Ар. [5] Ар; «обѣдать въ два, (ложиться послѣ обѣда, трудиться по буднямъ) трудиться» РА. [6] Ар; «быть пьянымъ каждое воскресеніе, а лѣтомъ играть въ кегли» РА. [7] РА, Ар; «въ теченіе» П. [8] Ар; «потому что скорѣе земля разрушится» РА. [9] РА, Ар; «количество его» П. [10] РА; «но, однакоже» Ар; «однакоже» П. [11] Ар; «не болѣе какъ два раза» РА. [12] Слово «чайной» внесено изъ РА. [13] Ар; «впрочемъ» РА.

Стр. 283 [1] Ар; «Онъ вовсе не зналъ» РА. [2] РА, П; «на» Ар. [3] Ар; «голову» РА. [4] Ар; «какъ знакомому лицу» РА. [5] Ар; «Хорошо» РА. [6] РА, Ар; «заходя» П. [7] Ар; «занять его хорошенькую компаніонку» РА. [8] Ар; «потому что молоденькія нѣмки очень любятъ танцовать» РА.

Стр. 284 [1] РА; «очень много основывалъ свою надежду» Ар. П. [2] Ар; «во-первыхъ, это ей уже могло доставить удовольствіе» РА. [3] П; «торнюру» Ар; «все совершенство его торнюры» РА. [4] Ар; «нѣсколько разъ обнять хорошенькую нѣмку безъ всякаго съ ея стороны неудовольствія» РА. [5] Ар; «короче сказать, на этомъ онъ основывалъ совершенный успѣхъ» РА. [6] Слово «напѣвать» внесено изъ РА. [7] Ар; «молоденькая» РА. [8] Ар; «что онъ схватилъ ее въ свои объятія и засыпалъ поцѣлуями» РА. Въ рукописи зачеркнуто: «и началъ цѣловать». [9] Ар; «который еще сильнѣе началъ цѣловать» РА. [10] Слова «не такъ ли» внесены изъ РА. [11] Послѣ этого въ РА: «Я не посмотрю на то, что ты офицеръ». [12] Ар; «прямо за шею» РА. [13] Слово «все» внесено изъ РА. [14] Ар; «прочь съ него платье!» РА. [15] П; «камаратъ» РА; «комратъ» Ар. [16] Ар; «эти три Нѣмцы» РА. [17] Ар; «изъ всѣхъ петербургскихъ ремесленниковъ» РА. [18] Вмѣсто «и поступили — печальнаго событія» въ РА: «Если бы Пироговъ былъ въ полной формѣ, то, вѣроятно, = навѣрное, почтеніе къ его чину и званію остановило бы буйныхъ Тевтоновъ, но онъ прибылъ совершенно какъ частный, приватный человѣкъ — въ сюртучкѣ и безъ эполетъ. Нѣмцы съ величайшимъ неистовствомъ сорвали съ него все платье; Гофманъ всей тяжестью своей сѣлъ ему на ноги, Кунцъ схватилъ за голову, а Шиллеръ схватилъ въ руку пукъ прутьевъ, служившихъ метлою. Я долженъ съ прискорбіемъ признаться, что поручикъ Пироговъ былъ очень больно высѣченъ». [19] Ар; «что Шиллера на другой день трясла страшная лихорадка» РА. [20] Ар; «что онъ бы Богъ знаетъ что̀ далъ, чтобы все то, что происходило вчера, происходило во снѣ. Но что̀ было, того уже нельзя перемѣнить» РА.

Стр. 285 [1] Ар; «Но ничто не могло сравниться съ гнѣвомъ и негодованіемъ Пирогова. Губы его сохнули и дрожали отъ ярости при одной мысли объ этомъ ужасномъ оскорбленіи. Онъ не находилъ достаточнаго мщенія. Сибирь и плети казались ему весьма легкимъ наказаніемъ за это ужасное безчестіе и наглое самоуправство» РА. [2] Ар; «чтобы описать ему самыми разительными красками это положеніе» РА. [3] Ар; «если же Главный штабъ опредѣлитъ недостаточное наказаніе, тогда — прямо въ Государственный Совѣтъ, а не то самому Государю» РА. [4] Ар; «нѣсколько долѣе» РА. [5] Ар; «онъ почти совершенно успокоился» РА. [6] Ар; въ РА неясно. [7] Ар. «онъ рѣшился итти на вечеръ» РА. [8] РА; «Коллегіи» Ар. [9] Слово «многихъ» внесено изъ РА. [10] Слова «его корпуса» внесены изъ РА. [11] РА; «идя» Ар. [12] РА, Ар; «третьяго дни» П. [13] Въ РА. это мѣсто читается иначе. Заключаемъ въ скобки зачеркнутое и ставимъ точки на неразобранныхъ мѣстахъ: «приводя на память эти два происшествія. «Боже мой!» думалъ я: «все .... его, другой не имѣетъ ничего. (Тотъ застрѣлился, другаго высѣкли. Боже, какъ чудно устроенъ свѣтъ нашъ! Какъ непостижимо играетъ нами судьба наша! Однимъ дается все). Тотъ стрѣляется по своей волѣ; другаго сѣкутъ, когда онъ вовсе этого не

желаетъ. Тому судьба даетъ прекраснѣйшихъ лошадей». [13] Слово «все» внесено изъ РА. [14] Ар; «любовью» РА. [15] Ар; «кусковъ» РА. [16] Ар; «отправить» РА. [17] Ар; «другой имѣетъ ротъ съ хорошій чемоданъ и горло (такъ широкое =) .... что могъ бы проглотить пушечное ядро» РА. [18] Ар; «непостижимо» РА. [19] Ар; «случаются» РА.

Стр. 286 [1] Ар; «Но страннѣе всего происшествія случаются на Невскомъ проспектѣ. (Я никогда не гля.. Я положилъ себѣ за правило никогда не глядѣть на предметы, попадающіеся на Невскомъ проспектѣ). Я всегда закутываюсь крѣпче своимъ плащемъ, когда всхожу на Невскій проспектъ» РА. [2] Ар; «Не вѣрьте ни въ чемъ Невскому проспекту! Все обманъ» РА. [3] Ар; «Вы думаете, что этотъ господинъ очень богатъ, который идетъ въ красиво сшитомъ сюртучкѣ» РА. [4] Послѣ этихъ словъ въ РА: «и всегда ожидаетъ нѣсколько часовъ дома, покамѣстъ стирается его бѣлье, потому что второй перемѣной онъ не обзавелся еще». [5] Ар; «господина» РА. [6] Ар; «передъ Лютеранскою киркою» РА. [7] Ар; «они говорятъ о томъ и удивляются» РА. [8] Ар; «Вы воображаете, что эти дамы говорятъ о чемъ [нибудь] очень смѣшномъ? — совсѣмъ нѣтъ! Они для того шевелятъ губами съ пріятною улыбкою, что увѣрены въ граціозности такого положенія». [9] Слово «привлекательно» внесено изъ РА. [10] Слово «вечеркомъ» внесено изъ РА. [11] Ар; «Я ни за что не пойду за нею любопытствовать. Все обманъ. Мимо фонаря! Скорѣе, сколько можно, проходите. И это еще счастье, если отдѣлаетесь тѣмъ, что онъ зальетъ щегольской сюртукъ вашъ вонючимъ масломъ своимъ. Онъ опасенъ необыкновенно этотъ Невскій проспектъ! (онъ) опасенъ для кармана, для сердца, для всего. Онъ во всякое время лжетъ, обольщаетъ» РА. [11] Послѣ этихъ словъ въ РА: «огни сдѣлаютъ его почти транспапарантомъ (sic!)» РА. [12] Ар; «валятся съ мостовъ, мелькая фонарями» РА. [13] АР; «и когда самъ демонъ зажигаетъ ярко лампы для того, чтобы все показать не въ настоящемъ видѣ» РА. Противъ этихъ строкъ, на предшествующей страницѣ приписано: «Не заглядывайте въ окна магазиновъ, на весь этотъ сверкающую кучу ослѣпительныхъ бездѣлокъ; они обольстительно (sic!), но пахнутъ страшнымъ количествомъ ассигнацій» РА.

О малороссійскихъ пѣсняхъ (стр. 287 — 291).

Эта статья напечатана въ первый разъ въ „Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія“ часть II, 1834 г., № 4, апрѣль (стр. 16—26). По нашему мнѣнію, статья эта написана въ мартѣ 1834 года. 29 мая 1834 года Гоголь писалъ Максимовичу: „Недавно С.С. (Уваровъ) получилъ отъ Срезневскаго экземпляръ пѣсней и адресовался ко мнѣ съ желаніемъ видѣть мое мнѣніе о нихъ въ Журналѣ Просвѣщенія, также какъ и о бывшихъ *до него* изданіяхъ — твоемъ и Цертелева. Что жъ я сдѣлалъ? Я написалъ статью, только самаго главнаго позабылъ: ничего не сказалъ ни о тебѣ, ни о Срезневскомъ, ни о Цертелевѣ. Послѣ я спохватился и хотѣлъ

было прибавить и *проболтаться о твоемъ великолѣпномъ изданіи*, но опоздалъ, статья уже была отпечатана“ (Сбор. отд. рус. языка Акад. Наукъ, т. XVIII, № 3, 35). „Запорожской Старины“, въ которой Срезневскимъ были напечатаны малороссійскія пѣсни, Гоголь не имѣлъ въ рукахъ еще 12 февраля (тамъ же, стр. 29). Въ статьѣ о Малороссійскихъ пѣсняхъ Гоголь долженъ былъ коснуться и сборниковъ пѣсенъ Цертелева и Максимовича, вышедшихъ *до* напечатанія Запорожской Старины, стало быть, Гоголь долженъ былъ говорить о *первомъ изданіи* Малороссійскихъ пѣсенъ Максимовича. появившемся въ 1827-мъ году, а не о второмъ, которое еще не вышло въ свѣтъ, когда Гоголь писалъ свою статью, хотя и получалось имъ отдѣльными листами по мѣрѣ отпечатанія. Второе изданіе *Украинскихъ народныхъ пѣсенъ* Максимовича одобрено цензурою 23 марта 1834 года, и Гоголь въ статьѣ о м. пѣсняхъ не рѣшался „проболтаться объ этомъ новомъ и великолѣпномъ изданіи“. Въ выноскѣ къ своей статьѣ, появившейся въ *апрѣльской* книжкѣ „Журнала министерства народнаго просвѣщенія“, онъ, впрочемъ, упомянулъ о „вышедшихъ недавно изданіяхъ *Максимовича* и Срезневскаго“. Въ статьѣ Гоголя „О малороссійскихъ пѣсняхъ“ приводятся указаніе на такія мнѣнія Максимовича, которыя высказаны имъ въ *первомъ изданіи* Малороссійскихъ пѣсенъ и *не повторены во второмъ*. Такъ, въ статьѣ Гоголя сказано: „Русская заунывная музыка выражаетъ, какъ справедливо замѣтилъ М. Максимовичъ, забвеніе жизни“ (стр. 293); здѣсь имѣются въ виду слѣдующія слова Максимовича, не *воспроизведенныя во второмъ изданіи* Украинскихъ пѣсенъ: „По сему русскія пѣсни отличаются глубокою унылостію, отчаяннымъ забвеніемъ“ (XIII—XIV). На основаніи этихъ данныхъ можно бы отнести время написанія статьи о Малороссійскихъ пѣсняхъ къ 1832 году, который выставленъ подъ ней авторомъ въ „Арабескахъ“. Но Гоголь самъ опровергъ это показаніе, откровенно высказавши въ письмѣ къ Максимовичу, что статья написана по приглашенію С. С. Уварова — высказать мнѣніе о „Запорожской Старинѣ“ Срезневскаго, которой Гоголь не имѣлъ въ рукахъ даже 12-го февраля 1834 года.

Стр. 287 [1] Послѣ этого слова въ ЖМНП: «Доказательствомъ этому служатъ вышедшія недавно изданія Гг. Максимовича и Срезневскаго». Въ замѣнъ этого, не напечатаннаго въ «Арабескахъ», мѣста въ послѣднемъ изданіи прибавлена выноска, которой въ ЖМНП нѣтъ.

Стр. 288 [1] Такъ въ ЖМНП и въ Ар. [2] Такъ въ ЖМНП и въ Ар.

Стр. 289 [1] «извергаетъ» **ЖМНП**, **Ар**. Ср. прим. 1-е къ 19 стр. [2] **ЖМНП**; «описывается ли» **Ар**. [3] **Ар**; «мужей и любезныхъ» **ЖМНП**.

Стр. 290 [1] **Ар**; «пока я не возвращусь» **ЖМНП**. [2] **Ар**; «если бы я видѣла» **ЖМНП**. [3] **Ар**; въ **ЖМНП**, послѣ словъ: «съ другою разговариваетъ» напечатано только: «Если съ такою, какъ я, то... помоги ему, Боже! когда же не съ такою, но съ худшею — разлучи его, Боже!» [4] **Ар**; «Вездѣ новыя черты, новыя краски» **ЖМНП**.

Стр. 291 [1] **Ар**; «цѣлаго внѣшняго предмета» **ЖМНП**. [2] **Ар**; въ **ЖМНП**:

Ой ревнула корова изъ череды йдучи:
Наскучило миленького ждучи.

[3] Слово «общей» внесено изъ **ЖМНП**.

Стр. 292 [1] **Ар**; «поражаютъ очаровательною безотчетностью» **ЖМНП**. [2] **Ар**; «въ прозаическомъ состояніи» **ЖМНП**. [3] **Ар**; «въ какомъ-то» **ЖМНП**. [4] **Ар**; «болѣе» **ЖМНП**. [5] **Ар**; «въ» **ЖМНП**. [6] Слова «одннхъ звуковъ» внесены изъ **ЖМНП**.

Стр. 293 [1] **Ар**; «гопака или трепака» **ЖМНП**. [2] Слово «сильнѣе» внесено изъ **ЖМНП**.

Мысли о географіи (стр. 295—303).

Первоначальная редакція этой статьи появилась въ первомъ номерѣ „Литературной газеты“ 1831-го года, стр. 4—7, (съ подписью: *Г. Яновъ*) подъ заглавіемъ: „Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи“. Въ концѣ: „Продолженіе обѣщано“; за тѣмъ выноска: „Просимъ читателей смотрѣть на предложенную здѣсь статью, какъ на одно только начало. Автору, который совершенно посвятилъ себя юнымъ питомцамъ своимъ, болѣе всего желательно знать о семъ предметѣ мнѣніе ученыхъ нашихъ преподавателей. Въ послѣдующихъ за симъ мысляхъ, читатели встрѣтятъ, можетъ быть, болѣе новаго, болѣе относящагося къ облегченію науки и приведеніи оной въ ясность и понятность для дѣтей“.

Для „Арабесокъ“ эта статья была совершенно переработана и получила окончаніе. Эта переработка, вѣроятно, была совершена во время приготовленія „Арабесокъ“ къ печати, т. е. въ 1834 году. Между тѣмъ въ „Арабескахъ“ подъ статьею выставленъ 1829 годъ! Мы полагаемъ, что даже первоначальная редакція этой статьи, помѣщенная *безъ конца* въ „Литер. газетѣ“, не могла быть написана въ 1829 году. Изъ примѣчанія „Литер. газеты“ видно, что эта статья *„одно только начало“*, что статья въ январѣ 1831 г. считалась неоконченною. Первоначальная редакція статьи „О преподаваніи дѣтямъ географіи“ въ такой значительной степени

отличается отъ позднѣйшей, что мы сочли неизлишнимъ перепечатать въ „Приложеніяхъ къ Арабескамъ“ ту редакцію статьи, которая помѣщена въ „Литературной газетѣ“.

Стр. 298 [1] «Риттерево» Ар.

Послѣдній день Помпеи.

(Картина Брюлова).

(Стр. 304—311).

Статья о картинѣ Брюлова „Послѣдній день Помпеи“ занимаетъ въ рукописи РА, № 2, страницы 202—206; кромѣ того, почти половина 207-й страницы занята позднѣйшими приписками. Заглавіе статьи не вписано. Въ концѣ 206-й страницы, тѣми же чернилами и тѣмъ же почеркомъ, какими написано заключеніе статьи, помѣчено: „1834 Август.“ Эта помѣта сдѣлана авторомъ одновременно съ окончаніемъ статьи, *раньше* дополненій, набросанныхъ на стр. 207-й. Статьи „Санктпетербургскихъ Вѣдомостей“ и „Сѣверной Пчелы“ 1834 года, посвященныя только что привезенной тогда въ Петербургъ картинѣ Брюлова, приводятъ насъ къ заключенію, что статья о ней Гоголя могла быть написана не ранѣе второй половины августа. Въ 187-мъ номерѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1834-го года, вышедшемъ *12-го августа,* было напечатано слѣдующее извѣстіе: „Знаменитая картина г. Карла *Брюлова* „Послѣдній день Помпеи“ уже около двухъ недѣль привезена въ С.-П.-бургъ и находится въ Эрмитажѣ въ той комнатѣ, гдѣ покойный г. *Довъ* рисовалъ портреты генераловъ. Говорятъ, что она будетъ *въ непродолжительномъ времени* выставлена для публики“ (стр. 729). Въ 184 номерѣ „Сѣверной Пчелы“, появившемся *17-го августа,* уже напечатана была *первая* статья В. В. В. о картинѣ Брюлова (стр. 735—736)*); а въ слѣдующемъ номерѣ той же газеты помѣщено, въ переводѣ Я. Введенскаго, „Письмо младшаго Плинія къ Тациту о бѣдствіи Помпеи“, съ замѣчаніемъ:

*) Повидимому, авторъ статьи имѣлъ случай ознакомиться съ картиною Брюлова прежде, чѣмъ она была открыта для публики. Вотъ его слова: «Мы молчали о Помпеѣ, пока находились подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія. Теперь, *видѣвъ ее около десяти разъ,* изучивъ ее вполнѣ, разсмотрѣвъ въ малѣйшихъ подробностяхъ, рѣшились говорить о ней для тѣхъ, кои не имѣли и не будутъ имѣть счастія ее видѣть» (стр. 736). Гоголь смотрѣлъ «Разрушеніе Помпеи» — «вмѣстѣ съ толпою» (см. выше, стр. 310).

„Нынѣ всѣ занимаются участью Помпеи; всѣ толкуютъ о происшествіи, изображенномъ мастерскою кистію Брюлова“ (стр. 739). Изъ позднѣйшихъ приписокъ Гоголя къ статьѣ „Послѣдній день Помпеи“, помѣщенныхъ на 207-й страницѣ рукописи РА, первыя двѣ представляютъ дополненія къ тексту статьи, оконченному въ августѣ 1834 г., послѣдняя передѣлку одного мѣста текста. Приписки идутъ въ РА въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) „Созданіе и обстановку своей мысли произвелъ онъ дерзостно. Онъ схватилъ молнію и бросилъ ее цѣлымъ потопомъ на свою картину. Молнія у него залила и потопила все, какъ будто бы съ тѣмъ, чтобы все выказать зрителю“. — „Вся поэма его картины — могущественная красота“ (стр. 307 и 5-е примѣч. къ ней). 2) „Фигуры онъ кинулъ дерзско (sic!) — такою рукою, какою мечетъ только могущественный геній (стр. 307). Въ созданіи ихъ онъ пра̊вилъ самымъ воображеніемъ своимъ такъ мощно и сильно, какъ житель пустыни правитъ арабскимъ бѣгуномъ“ (стр. 309). 3) „(У него все разнообразіе подчинилось одной волѣ). Эта вся группа, остановившаяся*) въ минуту удара и выразившая тысячи разныхъ чувствъ. Этотъ гордый атлетъ, издавшій крикъ ужаса, силы, гордости и безсилія, закрывшійся плащемъ отъ летящаго вихря каменьевъ. (Эта группа). Эта грянувшая на мостовую женщина, кинувшая свою (еще никогда даже) чудесную, еще никогда не являвшую[ся] въ такой красотѣ руку. Этотъ ребенокъ, вонзившій въ зрителя взоръ свой. — Толпа, съ ужасомъ отступающая отъ строеній, или съ страхомъ, съ забвеніемъ страха взирающая на страшное явленіе (означающее =) знаменующее, наконецъ, конецъ міра. Этотъ жрецъ (мечущій какъ бы) въ бѣломъ саванѣ, мечущій взглядъ ярости – все это такъ мощно, такъ дерзко, такъ гармонически сведено въ одно, какъ только можетъ свести одинъ Брюловъ“ (ср. стр. 307). Послѣдняя приписка, будучи вновь исправлена и дополнена, замѣнила собою въ печати двадцать двѣ строки первоначальнаго наброска, оставшагося въ рукописи неоконченнымъ (Ср. пятое примѣчаніе къ стр. 307). Но эти позднѣйшія дополненія и приписки (особенно послѣдняя) представляютъ въ необработанной еще литературной формѣ результаты новыхъ наблюденій Гоголя надъ картиной Брюлова, которую онъ глядѣлъ „въ третій, въ четвертый разъ“ (стр. 308). Только при послѣдней обработкѣ этой

---

*) Въ рукописи: «оставившая».

статьи для „Арабесокъ" эти приписки получили окончательную стилистическую отдѣлку и размѣстились по отдѣльнымъ страницамъ статьи.

Стр. 304 [1] РА; «Это» Ар. [2] Ар; «около двухъ половинъ двухъ вѣковъ (sic!)» РА. [3] Ар; «въ какомъ[то] летаргическомъ» РА. [4] Ар. «Я не буду говорить объ причинѣ этого необыкновеннаго онѣмѣнія, хотя бы оно могло представить занимательный предметъ для изслѣдованія» РА. [5] Ар; «я замѣчу» РА. [6] Слово «вѣка» внесено изъ РА. [7] Ар; «Но (всѣ эти =) каждый изъ этихъ мелкихъ атомовъ» РА. [8] Ар; «развился и постигнулся несравненно глубже, нежели онъ постигался въ прежнія времена» РА. [9] Ар; «Замѣчены» РА. [10] Ар; «жизни» РА. [11] Ар; «въ природѣ» РА. [12] Ар; «нашего» РА. [13] Ар; «чтобы не позабыть ихъ, и послѣ составить изъ нихъ нѣчто цѣлое» РА. [14] Ар; «Живопись раздробилась у насъ (на литографіи, гравировки, на множество, наконецъ, чрезвычайно миніятюрныхъ явленій) на ничтож. сорта» РА. [15] РА; «многія» Ар. [16] Ар; «мелкія явленія въ частяхъ своихъ съ жадностію были разработаны» РА. [17] Ар; «Этимъ всѣмъ именно мы обязаны 19 вѣку» РА.

Стр. 305 [1] Ар; «Взгляните на безпрестанно являющіеся отрывки, особенно пейзажей, которые рѣшительно прин[адлежатъ]19 вѣку, и вообще высокія сліянія человѣка съ природою: какъ дышетъ въ нихъ вода въ темномъ сумракѣ вѣтвей! какъ ярко уходитъ въ нихъ прекрасное небо и оставляетъ всѣ предметы на глаза[хъ] зрителя» РА. [2] Ар; «въ самой ихъ рѣзкости» РА. [3] Слово «всего» внесено изъ РА. [4] Такъ въ РА; «не имѣя слишкомъ глубокаго достоинства» Ар; но въ РА слово «слишкомъ» зачеркнуто двумя чертами. [5] Слово «однакоже» внесено изъ РА. [6] Ар; въ РА: «хотя, внимательно разсматривая (не увидишь ничего такого, чтобы показало глубокаго) должно согласиться (глубокаго) обширнаго познанія искусства» РА. [7] Ар; «эти блестящіе отпрыски» РА. [8] РА; въ Ар. напечатано съ ошибками: «такъ что они кажутся какъ будто оцвѣчены колоритомъ». [9] Ар; ..... «колоритомъ. Гдѣ деревья освѣщены сіяніемъ солнца, кажется, какъ будто пылать; гдѣ яркая бѣлизна сладострастно сверкаетъ въ самомъ глубокомъ мракѣ тѣни, разсматривая которые, кажется, боишься дохнуть на нихъ» РА. [10] РА; «торопится» Ар. [11] Въ РА надъ словомъ «поэта» приписано: «ученаго». [12] Ар; «такъ что эти эффекты, право, уже начинаютъ надоѣдать» РА.

Стр. 305—306 [1] Ар; «Однакожъ можно сказать, что эффекты менѣе всего приторны въ живописи и вообще во всемъ томъ, что видимъ нашими глазами; потому если они будутъ ложны и несообразны, то эта ложь и несообразность вдругъ видна. Но они бываютъ отвратительны, если употреблены не талантомъ въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя подлежатъ одному духовному оку, которыхъ (sic!) всегда почти бываютъ ложны: тѣнь представляютъ свѣтомъ и свѣтъ — тѣнью; которыя дурачатъ толпу, глядящую видимыми, поверхностными глазами, но отвратительны въ глазахъ истиннаго понимателя. Такимъ же самимъ образомъ, какъ отвратителенъ карло, одѣтый въ

платье великана; какъ отвратителенъ подлый человѣкъ, украшенный знаками отличій. Эти эффекты отвратительнѣе всего въ литературѣ, когда они сдѣлаются цѣлью безстыдныхъ торгашей, а не людей, дышущихъ искусствомъ. Слѣдствія ихъ вредны, потому что простодушная толпа принимаетъ блестящую ложь. Но это [сверху: «разсужденіе это] не относистя къ нынѣшнему дѣлу [сверху: «его разбору»] РА.

Стр. 306 [2] Ар; «и даже, можно сказать, сильно подвинуло впередъ» РА. [3] Ар; «являлся» РА. [4] Ар; въ РА болѣе понятно и правильнѣе изложено: «то этому виною безлюдье крупныхъ геніевъ, а не огромное, разстроенное раздробленіе знаній, которому обыкновенно приписываютъ причину». [5] Слово «мелкія» внесено изъ РА. [6] Ар; «кто» РА. [7] Ар; «объемлющаго бы» РА. [8] Ар; «и такая (отчаяніе безнадежности) мысль, исполненная безнадежности, показываетъ только какое-то душевное малодушіе произнесшаго ее» РА. [9] Ар; «всѣмъ» РА. [10] Ар; «называться» РА.

Стр. 307 [1] Слово «эти» внесено изъ РА. [2] Ар; «Они вообще похожи» РА. [3] Ар; «съ лицемъ, на которомъ» РА. [4] РА; «Брюлловъ» Ар. [5] Ар; «чтобы все высказать зрителю, чтобы ни одинъ предметъ — (признакъ разнообразнаго таланта =) печать многосторонняго направленія — не ускользнулъ изъ вида зрителей. *Отъ этого на нихъ всѣхъ разлита необыкновенная яркость*. Вся картина облечена фосфорическимъ свѣтомъ. *Вся поэма его картины могущественная красота*» РА. Только-что приведенные варіанты взяты изъ дополненій къ тексту, которыя въ РА написаны на страницѣ 207-й, слѣдующей за окончаніемъ статьи. Первоначальный же текстъ читается въ этой рукописи такъ: «Эта мысль у него разрослась огромно, и картина какъ будто захватила насъ самихъ въ свой міръ. Никто столько не силился произвесть всеобщій эффектъ и никто такъ не исполнилъ этого, какъ Брюловъ. Въ его картинѣ все, отъ великаго до малаго, все означено такъ, [чтобы] произвести явланье (?), и даетъ себя замѣтить, все, все, начиная отъ общей огромной мѣстности всего разрушенія до послѣдняго камня на мостовой, до мальчика, вонзившаго свой (острый) взглядъ въ зрителя. Самое смѣлое и рѣзкое*) освѣщеніе: молнія, которая не освѣтила, но залила своимъ свѣтомъ всю картину, весь первый планъ, придавъ сверкающую яркость каждому предмету**) и сдѣлавшая матовымъ весь бьющій вдали пожаръ огненной лавы, который безъ этого не ...., потому что огонь, въ великомъ сіяніи своемъ, (былъ) доселѣ неуловимъ для художника. — Всѣ группы кинуты мочшно (sic!), такъ дерзко, вольно и ярко, какъ только можетъ кинуть всемогущая рука Генія. — Все созданіе ихъ заключено въ минутѣ мгновенія, наставшей за послѣднимъ ударомъ землетрясенія, можно сказать, еще не простывшей. Этотъ несомый дѣтьми старикъ, въ страшномъ тѣлѣ котораго дышетъ уже могила, оглушенный ужасною ....***) котораго рука окаменѣла въ воздухѣ съ распростертыми пальцами, (старая) мать, уже не желающая бѣжать и непреклонная на мо-

---

*) Приписано сверху въ замѣнъ другаго слова, нами не разобраннаго.

**) Въ рукописи: «придавъ сверкающему яркость каждую предмету».

***) Въ рукописи пропущено слово.

ленья сына, котораго просьбы, кажется, слышитъ зритель».... *) [6] Ар; «деряко» РА. [7] Ар; «какъ только можетъ свести одинъ Брюловъ» РА. [8] РА; «содержанія» Ар. [9] Ар; «дѣлать» РА.

Стр. 308 [1] Ар; «толкованія изображеннымъ событіямъ» РА. [2] Ар; «потому что» РА. [3] Ар; «и слишкомъ касается къ жизни человѣка. Я замѣчу» РА. [4] Ар; «потому» РА. [5] Ар. «Его фигуры, не смотря на ужасъ всеобщей катастрофы и своего положенія, не дышутъ тѣмъ дикимъ ужасомъ, тѣмъ ужасомъ, наводящимъ содроганіе» РА. [6] Ар; «Онѣ заглушаютъ своею красотою, красотою пластическою, красотою человѣка, такъ блистательно проявлявшеюся у древнихъ» РА. [7] РА; въ Ар. ошибочно: «чтобы показать одну силу душевнаго страданія, *ея* волль». [8] Ар; «физика» РА. [9] Ар; «пріобрѣла» РА. [10] Ар; «вывѣскою мысли» РА. [11] Ар; «на» РА. [12] Слова «та скульптура» внесены изъ РА. [13] Ар; «перешла наконецъ въ живопись. Вездѣ у него преобладаетъ и блеститъ женщина, — не женщина Рафаэля, съ тонкими, незамѣтными, ангельскими чертами, но женщина страстная» РА. [14] РА; «Италіанская» Ар.

Стр. 309 [1] Ар; «преобладаніе» РА. [2] Ар; «и сладкаго страстнаго» РА. [3] Ар; «Намъ не минута разрушенія, не смерть страшна» РА. [4] Ар; «есть уже» РА. [5] Ар; «душевное явленіе» РА. [6] Ар; «Онъ постигнулъ во всей силѣ эту мысль: вѣрно, онъ истинный въ душѣ художникъ и поэтъ» РА. [7] РА; «дышащаяся» Ар. [8] Ар; «Онъ представилъ человѣка, какъ можно прекраснѣе; женщина его, — о, какъ она создана для жизни, для наслажденія! какъ она дышетъ всѣмъ, что есть прекраснаго (въ природѣ)! какую роскошь блаженства обѣщаютъ ея свѣтлые, какъ звѣзды, глаза ея (sic!) и дышущая нѣгою и силою грудь!» РА. [9] Ар; «идеалъ земной красоты» РА. [10] Ар; «погибнуть безжалостно» РА. [11] Ар; «котораго недостойно было и видѣть это прекрасное твореніе» РА. [12] Ар; «У него вездѣ цѣлое море блеска. Тѣни..» РА. [13] Ар; «Свѣтъ, обливая, какъ будто заливая своимъ сіяньемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто проникаетъ его насквозь». Слѣдующая фраза приписана внизу, въ видѣ выноски. [14] Ар; «надолго» РА. [15] Ар; «разу» РА. [16] Ар; «въ сверкающемъ своемъ блескѣ» РА.

Стр. 310 [1] Ар; «я позабылъ о ней» РА. [2] Ар; «этихъ» РА. [3] Ар; «глянулъ» РА. [4] Ар; «то море поэзіи» РА. [5] Слова: «только чувствуешь и можешь узнать всегда» внесены изъ РА. [6] Ар; «въ такую» РА. [7] Ар; «которою дышутъ живые предметы природы» РА. [8] Ар; «Наконецъ, главный признакъ и общій, самый великій характеръ Брюлова — это есть необыкновенная многосторонность и обширность генія» РА. [9] Ар; «Обыкновенно художники прежнихъ временъ всегда почти избирали себѣ какую-нибудь одну сторону и въ нее погружали» РА. [10] Ар; «развивавшійся отъ того до необыкновеннаго величія» РА. [11] Ар; «высокою религіозностью человѣка» РА. [12] Ар; «и о второстепенномъ» РА. [13] РА; «Брюллова» Ар.

Стр. 311 [1] Ар; «пріуготовилъ» РА. [2] РА; «того» Ар. Въ РА слово недописано: «так.» [3] Ар; «которыя живостью, похищенною изъ самой природы, доступны всякому» РА. [4] Ар; «Его произведенія, можетъ быть, первыя» РА. [5] РА; «которыхъ могутъ» Ар. [6] Ар; «и непонимающій» РА. [7] Слово «прекраснаго» внесено изъ РА.

*) Для окончанія оставленъ пробѣлъ. Все мѣсто передѣлано въ дополненіяхъ.

Плѣнникъ (стр. 312—317).

Судя по примѣчанію автора (стр. 130 этого тома), этотъ отрывокъ составляетъ главу изъ романа „Гетманъ“ и относится къ тому же году, къ которому отнесенъ и первый отрывокъ (стр. 130), т. е. къ 1830-му. Этотъ годъ и поставленъ въ „Арабескахъ“ подъ разсказомъ „Плѣнникъ“.

Стр. 313 [1] «подчинена» Ар. [2] Въ Ар. это слово пропущено. [3] Въ Ар: «А то».
Стр. 314 [1] Въ Ар: «А то». [2] Значеніе этого слова объяснено т. I, прим. 3 къ стр. 295.
Стр. 316 [1] Въ Ар: «захлопнула».

О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка (стр. 318—344).

Эта статья составляетъ, вѣроятно, лекцію по средневѣковой исторіи, обработанную Гоголемъ для печати. Въ такомъ случаѣ написаніе ея должно быть отнесено къ сентябрю или октябрю 1834-го года, когда Гоголь читалъ въ петербургскомъ университетѣ „первое отдѣленіе“ исторіи среднихъ вѣковъ „Отъ разрушенія западной имперіи до Карла и Гаруна Рашида “(sic!). Въ программѣ своего курса средневѣковой исторіи Гоголь говоритъ подъ вышеприведенною рубрикою „Отдѣленіе 1-е“: „Прежде всего необходимо разсмотрѣть статистическое состояніе (Римской=) Западной Имперіи за 50 лѣтъ до ея разрушенія. Механизмъ правленія ея. Силы и средства. Состояніе войскъ. Образъ управленія дальнихъ и ближнихъ правленій (чит. „провинцій“). Состояніе христіанства. Образъ мыслей того времени. Вліяніе наукъ. Вліяніе варваровъ, занимавшихъ первыя должности въ государствѣ. Средства для защиты. Невозможность существованія имперіи и причины разрушенія ея. — Потомъ силы и средства дикихъ и свѣжихъ народовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *варваровъ*. Невозможность отраженія ихъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Причины и силы, побуждавшія ихъ къ нападенію. Вліяніе характера ихъ, ихъ обычаевъ, образа жизни“. Приведенною выдержкою изъ собственноручной программы средневѣковой исторіи опредѣляется мѣсто статьи „О движеніи народовъ въ V вѣкѣ“ въ курсѣ, читанномъ Гоголемъ: она составляла одну изъ первыхъ лекцій и прочтена была въ сентябрѣ или октябрѣ 1834-го года. Программа эта помѣщена вполнѣ въ VI томѣ настоящаго изданія.

Стр. 323 [1] Въ Ар: «и лошади».

Стр. 324 [1] Въ Ар. не указано, къ какому мѣсту относится эта ссылка.

Стр. 331 [1] Гоголь разумѣетъ здѣсь сочиненіе Дегиня: «Deguignes, Histoire générale des Huns etc». [2] Въ Ар: «направляя». [3] Въ Ар: «Доминиціана». [4] Въ Ар: «Валенса».

Стр. 332 [1] Въ Ар: «мускулъ».

Стр. 334 [1] Въ Ар: «Валенса». [2] Въ Ар: «отказалъ».

Стр. 335 [1] Такъ въ Ар, согласно обычному обращенію Гоголя съ глаголами, оканчивающимися на *ся*. Читайте: «бунтовать». [2] Въ Ар: «пришло». [3] Такъ въ Ар: «малолѣтному».

Стр. 336 [1] Въ Ар: «миновалась». [2] Въ Ар: «1409».

Стр. 337 [1] Такъ въ Ар. Не опечатка ли вмѣсто: «успѣлъ?» [2] Въ Ар: «Въ 1427 году».

Стр. 339 [1] Такъ въ Ар. Не слѣдуетъ ли читать: «глядѣть?»

Стр. 340 [1] Въ Ар: «минувшую». [2] Въ Ар: «Ванецію». [3] Въ Ар: «копытъ». Гоголь постоянно употребляетъ это слово съ окончаніемъ мужескаго рода. Ср. первое примѣч. къ страницѣ 132-й перваго тома.

Стр. 343 [1] Въ Ар: «прежнихъ».

Стр. 344 [1] Такъ въ Ар: «разсѣевались».

Записки сумасшедшаго (Стр. 345—365).

Въ записной книгѣ № 2, РА, „Записки сумасшедшаго" занимаютъ страницы 208—220 включительно. Заглавія нѣтъ. Вмѣсто него написано: „О П." т. е. „о Пушкинѣ". Стало быть, „Записки сумасшедшаго" написаны *позднѣе* статьи: „Нѣсколько словъ о Пушкинѣ".

На 160-й страницѣ рукописи написаны четыре строки, относящіяся къ „Запискамъ сумасшедшаго": „Боже, что они дѣлаютъ со мною! Они все льютъ на самое темя мое воду, страшную воду! Она, какъ стрѣла, разщеливаетъ черепъ мой. Матушка моя! за что они мучатъ меня? (Царица=) Голова моя свѣтлая! Ты видишь, какъ жестоко поступаютъ со мною за любовь! Ты (знаешь=) видишь ли, какъ обижаютъ меня?"

Въ перечнѣ статей, изъ которыхъ Гоголь предполагалъ составить „Арабески", „Записки сумасшедшаго" названы еще „Записками сумашедш. музыканта" (стр. 558 этого тома). Не скрывается ли здѣсь указаніе на то, что Гоголь первоначально предполагалъ написать (и, можетъ быть, дѣйствительно написалъ) повѣсть на эту тему, увлекшись разсказами князя В. Ѳ. Одоевскаго о сумасшедшихъ музыкантахъ? 30-го ноября 1832-го года Гоголь писалъ И. И. Дмитріеву въ Москву: „Князь Одоевскій скоро порадуетъ насъ собраніемъ своихъ повѣстей, въ родѣ квартета Бетговена, помѣщеннаго въ Сѣвер. Цвѣтахъ на 1831 годъ. Ихъ будетъ около

десятка, и тѣ, которыя имъ написаны теперь, еще лучше прежнихъ. Воображенія и ума — куча! Это рядъ психологическихъ явленій, непостижимыхъ въ человѣкѣ. Они выдутъ подъ однимъ заглавіемъ *„Домъ сумасшедшихъ“* („Русскій Архивъ“ 1866 года, стр. 1729—1730). Въ письмѣ отъ 8 декабря 1832 г., Плетневъ сообщаетъ Жуковскому: „Гоголь мнѣ сказывалъ, что князь Одоевскій..... готовитъ собраніе своихъ повѣстей, подъ названіемъ: *„Домъ сумасшедшихъ“*. Нѣкоторыя прочитывалъ онъ съ Гоголемъ: *онъ ему такъ нравятся*, что онъ ихъ предпочитаетъ напечатаннымъ, какъ наприм. „Послѣдній квартетъ Бетговена“. (Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, III, 522). Въ началѣ 1833 года князь Одоевскій издалъ (подъ псевдонимомъ *В. Безгласнаго*) „Пестрыя сказки съ краснымъ словцомъ, собранныя Иринеемъ Модестовичемъ Гомозейкою“. Въ этой книжкѣ предувѣдомленіе „отъ издателя“ оканчивается такъ: „Нужнымъ считаю присовокупить, что я на себя же взялъ изданіе *давно обѣщаннаго „Дома Сумасшедшихъ;“* сочиненіе, которое впрочемъ, сказать правду, гораздо больше обѣщаетъ, нежели сколько оно есть въ самомъ дѣлѣ“ (стр. VI). Сборника повѣстей подъ этимъ заглавіемъ не было издано княземъ Одоевскимъ.

Рукописный текстъ „Записокъ сумасшедшаго“ отступаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ напечатаннаго въ „Арабескахъ“; потому слѣдуетъ признать, что и „Записки сумасшедшаго“ при перепискѣ ихъ для „Арабесокъ“ подверглись новой обработкѣ. Но даже и приготовленную для „Арабесокъ“ редакцію „Записокъ сумасшедшаго“ авторъ вынужденъ былъ измѣнять по требованію цензора. Въ декабрѣ 1834 года Гоголь писалъ Пушкину: „Вышла вчера довольно непріятная зацѣпа по цензурѣ, по поводу „Записокъ сумасшедшаго“; но, слава Богу, сегодня немного лучше. По крайней мѣрѣ, я долженъ ограничиться выкидкою *лучшихъ мѣстъ*. Ну, да Богъ съ ними! Если бы не эта задержка, книга моя, можетъ быть, завтра (бы) вышла“ („Русскій Архивъ“ 1880 г., кн. II, стр. 513). Исключенныя, по требованію цензуры, „лучшія мѣста“ внесены въ настоящемъ изданіи или въ текстъ, или въ „примѣчанія и варіанты“. Въ „Арабескахъ“ эта статья имѣетъ два заглавія: 1) „Записки сумасшедшаго“ на шмуцтителѣ и 2) „Клочки изъ записокъ сумасшедшаго“—передъ текстомъ. При перепечаткѣ повѣсти въ „Сочиненіяхъ Гоголя“ (1842 г.), П., редакціонныхъ измѣненій

въ ней не было сдѣлано авторомъ. Легкія поправки въ отдѣльныхъ выраженіяхъ принадлежатъ Прокоповичу.

Стр. 345 [1] **РА**; «сегодняшняго» **Ар.** [2] **Ар**; «вовсе» **РА.** [3] **Ар**; «дѣло иногда спутаешь такъ» **РА.** [4] **Ар**; «никогда не выставишь» **РА.** [5] **Ар**; «Чортъ возьми! онъ, вѣрно, завидуетъ» **РА.** [6] **Ар**; «подчиниваю» **РА.** [7] **Ар**; «что буду видѣться съ казначеемъ и авось-либо какъ-нибудь успѣю выпросить» **РА.** [8] **Ар**; «чтобы онъ выдалъ когда-нибудь впередъ за мѣсяцъ часть денегъ — никогда!» **РА.** [9] **Ар**; «это всякому извѣстно» **РА.** [10] **Ар**; «у него» **РА.** [11] Слово «или» внесено изъ **РА.** Въ рук. **РА**: «рысаковъ»; въ **Ар**: «рыжаковъ» — писецъ не разобралъ. [12] **Ар**; «Посмотришь, тихенькій такой» **РА.** [13] **Ар**; «подчинить» **РА.**

Стр. 346 [1] **Ар**; «Оно правда» **РА.** [2] Слово «платья» внесено изъ **РА.** [3] **РА**; «кучера» **Ар.** [4] **РА**; «плелся» **Ар.** [5] **Ар**; «вонъ за тою, что приподняла немного свое платье и показала .... икры свои» **РА.** [6] Слово «только» внесено изъ **РА.** [7] **Ар**; «Эге! чего бы ему поутру въ магазинъ?» **РА.** [8] **Ар**; «Повернула направо и налѣво головою. Изъ подъ шляпки мелькнули брови и глянула, какъ огонь, и ушла.... Довольно, довольно! Пропалъ, пропалъ я совсѣмъ! Сокрушила. И чего бы ей въ этакую дождевую........?*) Да, велика страсть у женщинъ до этихъ всѣхъ тряпокъ. Хоть ты ей снѣгъ сыпли на самую.........**), а въ магазинъ поѣдетъ» **РА.** [9] **Ар**; «да притомъ и стараго фасона» **РА.** [10] **РА**; «дигатированное» **Ар.** [11] **РА, Ар**; «осмотрѣлся» **П.** [12] **РА**; «и увидѣлъ подъ зонтикомъ шедшихъ двухъ дамъ» **Ар.**

Стр. 347 [1] **Ар, П**; «Эхе, хе! да полно не пьянъ ли я?» **РА.** [2] Слово «произнесла» внесено изъ **РА.** [3] **Ар**; «Я была, вавъ, вавъ! я была, вавъ, вавъ, вавъ! я была очень больна!» **РА.** [4] Слово «вишь» внесено изъ **РА.** [5] **Ар**; «то тогда же почти я перестаю» **РА.** [6] **Ар**; «Дѣйствительно, на свѣтѣ случается множество подобныхъ случаевъ» **РА.** [7] **Ар**; «что ученые до сихъ поръ стараются опредѣлить и еще ничего не открыли» **РА.** [8] Это мѣсто (начиная съ «Чортъ возьми!» и оканчивая словами: «ни слога») вставлено изъ **РА.** За тѣмъ въ **РА** слѣдуетъ: «Это меня удивило. Я долженъ признаться, что съ недавняго времени»... Въ замѣнъ этого въ **Ар**: «Да чтобъ я не получилъ» — «могла писать». [9] **Ар**; «что съ недавняго времени я начинаю» **РА.** [10] **РА**; «самъ себѣ» **Ар.** [11] **Ар**; «и узнаю, что она такое думаетъ» **РА.** [12] **Ар**; «оттуда въ Столярную. Остановились у дома Звѣркова. Что это за домъ! Какого народу тамъ не живетъ! Сколько кухарокъ, сколько Поляковъ!» [13] Слова «а третьимъ погоняетъ» внесены изъ **РА.** [14] **Ар**; «подумалъ я, теперь я еще не пойду» **РА.** [15] **Ар**; «послѣ не премину воспользоваться» **РА.**

Стр. 348 [1] **Ар**; «забравшись одинъ» **РА.** [2] Слова «директоръ» нѣтъ въ **РА.** [3] **Ар**; «приступу» **РА.** [4] **Ар**; «Посмотришь въ лицо ему» **РА.** [5] **Ар**; «сказалъ когда-нибудь» **РА.** [6] **Ар**; «только иногда, когда подаешь» **РА.** [7] **Ар**; «любитъ и благоволитъ» **РА.** [8] Фраза эта внесена изъ **РА.** [9] **Ар**; «а его превосходительство» **РА.** [10] **Ар**; «я думалъ, что нашъ» **РА.** [11] **Ар**; «и схва-

---

*) Не дописано.

**) Въ рукописи пропущено слово.

тился» РА. [12] Ар; «Боже ты мой!» РА. [13] Ар; «фу, ты» РА. [14] РА; «голосъ» Ар. [15] П; въ РА и Ар: «подскользнулся». [16] РА, Ар; «поднялъ» П. [17] Ар; «Она слегка поклонилась» РА.

Стр. 349 [1] Ар; «и ушла» РА. [2] Ар; «слуга» РА. [3] Ар; «Чортъ возьми! Я терпѣть не могу этого лакейскаго круга» РА. [4] Ар; «и хоть бы головою кивнулъ» РА. [5] Ар; «попотчивать» РА. [6] Ар; «Да я дворянинъ, глупый ты холопъ! Я чиновникъ, я благороднаго просвѣщенія!» РА. [7] Ар; «Потомъ переписалъ хорошіе стишки: «На толь, чтобы въ печали намъ время проводить, намъ Боги сердце дали?» РА. Въ «Полномъ новѣйшемъ пѣсенникѣ», собранномъ И. Гурьяновымъ, начало этой пѣсни напечатано такъ:

На то ль, чтобы печали
Въ любви намъ находить,
Намъ боги сердце дали,
Способное любить»? (VII, 8)

[8] Ар; «и поджидалъ долго ее» РА. [9] Ар; «Ну, посмотри на себя! Вѣдь ужъ за сорокъ лѣтъ (скоро, можетъ быть, 50 будетъ). Вѣдь пора бы набраться.... *) Ну что ты думаешь себѣ? Вѣдь будто я не знаю проказъ твоихъ!» РА. [10] Ар; «Вѣдь ты нуль, ты титулярный совѣтникъ!» РА. [11] Ар; «куда» П. [12] Ар; «Взгляни хотя въ зеркало на свою образину, на свое платье, на свой костюмъ» РА. [13] Ар; «что у него мордашка похожа» РА. [14] Ар; «въ верхъ» РА. [15] РА; «такъ уже» Ар.

Стр. 349—350 [1] Ар; «что только одному ему все можно. Да что онъ надворный совѣтникъ**), ему [Петерсъ] фракъ дѣлаетъ, да что вывѣсилъ цѣпочку золотую къ часамъ, да заказываетъ сапоги по тридцати рублей, такъ ужъ задумалъ себѣ, чортъ знаетъ что! Чортъ бы его побралъ! Да я развѣ изъ разночинцевъ какихъ-нибудь, изъ портныхъ или изъ унтеръ-офицерскихъ дѣтей?» Внизу приписано: «Да помазываетъ какою-то розеткою. Понимаю, понимаю, пріятель, отъ чего это. Онъ самъ приволакивается. Ему завидно. Онъ увидѣлъ, можетъ быть, предпочтительно оказываемые мнѣ знаки благорасположенія». (Конецъ послѣдняго слова неясенъ) РА. [2] Ар; «съ котораго» РА. [3] РА, Ар; «если Богъ дастъ, чѣмъ-нибудь» П. [4] РА; «заведемъ и мы себѣ репутацію, еще и получше твоей» Ар, П. [5] Ар; «Что жъ, конечно, можетъ быть, я собою кажусь не такъ теперь виденъ. Дай-ка мнѣ же Ручевъ фракъ, сшитый по модѣ, да повяжи я себѣ такой же галстукъ, да надѣнь лакированные сапоги.... Достатковъ нѣтъ, вотъ бѣда». [6] Ар; «и на одного» РА. [7] РА; «отъ» Ар, П. [8] Ар; «Ххе хе! Какія смѣшныя піэсы пишутъ нынче авторы! Въ театрѣ пѣла одна актриса, очень хорошая. Я вспомнилъ о той....» Внизу приписано: «Я люблю бывать иногда въ театрѣ. (Это услаждаетъ душу). Никакъ не утерпишь, шельмовство, чтобы не пойти, какъ только лишній грошъ въ карманѣ (въ театръ; это, однакожъ, услаждаетъ душу). А есть изъ нашей братьи чиновниковъ такія свиньи, изъ которыхъ иной рѣшительно не пойдетъ, мужикъ, въ театръ, развѣ ужъ дашь ему даромъ билетъ» РА. [9] Ар; «какъ будто бы онъ не замѣтилъ, какъ я вошелъ» РА. [10] «на кроватѣ» РА, Ар, какъ и выше.

*) Въ рукописи пропущено слово.

**) Слова: «онъ надворный совѣтникъ», приписаны сверху строки

Стр. 351 [1] Ар; П; «подчинилъ» РА. [2] Ар; «я хотѣлъ» РА. [3] Ар; «Богатое убранство! Какія зеркала и фарфоры! Хотѣлось бы мнѣ заглянуть, что тамъ она дѣлаетъ. Хотѣлось бы заглянуть въ будуаръ этотъ, гдѣ.... Эхъ канальство! Хотѣлось бы заглянуть въ спальню». Внизу страницы приписка: «какъ тамъ стоятъ всѣ эти баночки, скляночки, цвѣты такіе, что и дохнуть страшно; какъ лежитъ это платье, которое она надѣваетъ, чтò похоже больше на воздухъ, чѣмъ на платье» РА. [4] Фраза: «какого и на небесахъ нѣтъ» внесена изъ РА. [5] Ар; «однакожъ, меня вдругъ какъ откровеніемъ осѣнило» РА. [6] Ар; «самъ себѣ» П; «Эге!» думалъ я въ себѣ» РА. [7] Ар; «Я теперь узнаю все, чтò и какъ» РА. [8] РА, Ар; «надо» П. [9] Слово «ей» внесено изъ РА. [10] Ар; «никому не разскажу» РА. [11] Ар; «свернулась въ три погибели» РА. [12] РА; «въ дверь» Ар, П. [13] РА, Ар; «въ дверь, какъ будто бы» П.

Стр. 352 [1] Ар; «да только есть какое-то упрямство» РА. [2] Слово «я» въ РА приписано сверху строки, въ Ар. нѣтъ. [3] Ар; «Чортъ возьми! Я терпѣть не люблю» РА; [4] РА, Ар; «изо» П. [5] РА; «лавокъ» Ар. П. [6] Ар. П; «къ тому же въ добавку» РА. [7] Ар, П; «валитъ» РА. [8] Ар. П; «заткнулъ носъ и бѣжалъ» РА. [9] Ар, П; «да и подлые ремесленники пускаютъ такую копоть и ѣдкій дымъ изъ своихъ мастерскихъ» РА. [10] Слова «человѣку благородному» внесены изъ РА. [11] Ар; «Мнѣ нужно поговорить съ собаченкой вашей Фиделью. Она посмотрѣла мнѣ въ глаза, глупая» РА. [12] Ар; «дрянная» РА. [13] Ар; «Э, вотъ этого-то» П; «Э, вотъ это» РА. [14] Ар; «Дрянная» РА. [15] Ар; «какъ увидѣла это» РА. [16] Ар; «а послѣ, увидѣвши, что я взялъ» РА. [17] Ар; «Нѣтъ голубушка, поздно» РА.

Стр. 353 [1] Слова «про нашего» внесены изъ РА. [2] Ар; «тамъ будетъ, вѣрно, и про ту, которая» РА. [3] П; «на кроватѣ» РА, Ар. [4] Ар. П; «Будто не могли тебѣ дать лучшаго имени?» РА. [5] Ар. П. «Странно. Письмо....» РА. [6] Ар, П; «Да эдакъ не написать и нашему начальнику» РА. [7] Ар. П; «переведеннаго съ нѣмецкаго Лабзинымъ (напечатаннаго, не помню, въ которомъ году) заглавія не могу припомнить» РА. [8] РА; «въ удовольствіи Ар. П. [9] Ар. П; «Барышня Софія Ивановна меня любитъ до безъ-памяти» РА. [10] РА, Ар; «кофе» П. [11] Ар; П; «что я вовсе не нахожу вкусу» РА. [12] РА, Ар; «огложданныхъ» П. [13] РА, Ар; «отъ» П. [14] Ар, П; «который жретъ на кухнѣ нашъ Полканъ. Никакого совершенно вкусу. Кости хороши только изъ дичи и тогда, когда еше не высохъ въ нихъ мозгъ. Я никакъ не могу довольствоваться грубымъ вкусомъ» РА. [15] Ар.; «но только безъ каперсовъ и безъ зелени. А вотъ въ этомъ, что иногда возьмутъ тарелку супу и накрошатъ туда хлѣба, то, признаюсь, я въ этомъ не вижу вкусу. Чортъ знаетъ, чтò такое! Я даже никогда не притрогиваюсь. Кстати, когда уже пришлось къ слову: Я не знаю, какъ ты, но я не знаю ничего хуже обыкновенія давать собакамъ скатанные изъ хлѣба шарики» РА.

Стр. 354 [1] Ар; П; «Чортъ знаетъ чтò! Какая дрянь!» РА. [2] Слово «все» внесено изъ РА. [3] Ар, П; «Но недѣлю назадъ о чемъ-(то) часто говорилъ» РА. [4] Ар, П; «а въ другую сложитъ пустую» РА. [5] Ар; П; «въ большомъ удовольствіи» РА. [6] Ар, П; «не видѣла» РА. [7] Ар, П; «Э! такъ онъ, выходитъ, честолюбецъ! Это взять къ свѣдѣнію» РА. [8] Ар, П; «свое письмо» РА. [9] Слово «очень» внесено изъ РА. [10] Эти строки («Я не могу

понять» — «покойно») внесены изъ рук. РА, въ которой затѣмъ зачеркнуто: «Гм! дура! Тотчасъ видно собачій умъ. А кто бы тогда узналъ, какой чинъ на немъ?» [11] Слово «всегда» внесено изъ РА. [12] Ар; «Я тотчасъ по ея блѣдному и тощему виду угадываю» РА. [13] РА, Ар; «соусу» П. [14] Ар; «Я, ma chère, никакъ не могу такимъ образомъ жить и если бы мнѣ не дали кофій со сливками или соуса съ рябчикомъ или пѣтушьими крылышками, то, признаюсь, я бы не знаю, что со мною. Хорошъ очень соусъ съ кашкою, только нужно класть побольше масла. А морковь, или рѣпа, или артишоки, какъ ни жарь ихъ, никогда не будутъ хороши». [15] Ар; «Посмотримъ это письмецо» РА.

Стр. 355 [1] РА; «чего-то» Ар. [2] Ар; «Мнѣ все слышится какой-нибудь шумъ» РА. [3] Ар; «Какъ только выйду я на дворъ, какъ уже за мною цѣлая стая бѣжитъ кавалеровъ. Признаюсь, ma chère, ихъ учтивство мнѣ уже надоѣдаетъ. Ахъ, если бы ты видѣла, какіе между ними есть уроды. Иной преаляповатый дворняга, глупъ страшно, на лицѣ написана глупость, а и тотъ машетъ хвостомъ и бѣжитъ за мною. Ахъ, ma chère, какой страшилище дога ухаживаетъ за мною! Если бы онъ сталъ на заднія лапки, чего, вѣрно, онъ, мужикъ, не умѣетъ, то онъ былъ бы цѣлою головою выше папа моей Софи» РА. [4] Ар; «Я, наконецъ, оборотившись, укусила его за ногу» РА. [5] РА, Ар; «нуждушки» П. [6] Ар; «повѣсилъ огромныя уши и плетется слѣдомъ» РА. [7] Ар; «одного кавалера съ сосѣдняго дома» РА. [8] П; «И какъ можно наполнять эдакими глупостями!» Ар. «И какъ можно писать такую глупость!» РА. [9] Ар, РА. Фраза: «Я хочу видѣть человѣка» пропущена въ П. [10] Слово «духовной» внесено изъ РА. [11] Ар, П; «а не эдакія глупости» РА. [12] Ар; «Софи.... Софи сидѣла» РА. [13] РА; «черные и свѣтлые, какъ огонь» РА. [14] Ар, П; «поворотила» РА. [15] РА, П; «у ней» Ар. [16] Ар, П; «какъ у нея» РА. [17] Это мѣсто: «Куда-жъ»—«о какая равница!» внесено изъ РА. [18] Ар; «Я не знаю, что̀ она нашла въ своемъ камеръ-юнкерѣ.» РА.

Стр. 356 [1] Ар; «Мнѣ кажется, однакоже, что здѣсь что-нибудь да не такъ» РА. [2] Ар, П. Вмѣсто «Тепловъ» — «камеръ-юнкеръ» РА. [3] Ар. «Ст!... Какой же бы это чиновникъ?» РА. [4] Ар; «пресмѣшная» РА. [5] Ар; «на головѣ» РА. [6] РА; «всегда» Ар, П. [7] РА, П; «смѣха» Ар. [8] Ар; «и вотъ вредитъ, на каждомъ шагу вредитъ» РА. [9] Ар; «Посмотримъ, однакоже, далѣе» РА. [10] Ар; «и я» РА. [11] РА; «болѣе» Ар, П. *) [12] Это мѣсто («Все что есть лучшаго» — «Чортъ побери!») внесено изъ РА. [13] Ар; «не для того, чтобы достигнуть и получить руку» РА. [14] Ар; «чтобы увидѣть, какъ они будутъ подличать, и сказать имъ: «Я плюю на васъ обѣихъ» РА.

Стр. 357 [1] Словъ: «Декабря 8» нѣтъ въ РА. [2] РА, Ар. Этотъ часто встрѣчающійся у Гоголя оборотъ измѣненъ въ П. такъ: «Вѣдь это больше ничего,

---

*) Все это мѣсто («Чортъ возьми! я не могу болѣе читать» — «письма глупой собаченки») приписано позднѣе (въ концѣ 209-й страницы и не у мѣста) послѣ словъ: «Послѣ не премину воспользоваться». На страницѣ 215-й, куда относится это прибавленіе, съ лѣваго боку страницы, по направленію сверху внизъ, приписано: «Эту статью непремѣнно нужно обсудить хорошенько». Самая приписка начинается противъ фразы: «Мнѣ кажется, что эта мерзкая собаченка мѣтитъ на меня».

какъ достоинство». [3] РА, Ар; «которую бы можно было» П. [4] Ар, П; «въ руку» РА. [5] Ар, П; «вѣдь онъ тоже долженъ нюхать табакъ и сморкаться» РА. [6] Эта фраза внесена изъ РА. [7] Слово «еще» внесено изъ РА. [8] Ар; «простой» П; въ РА этого слова нѣтъ. [9] Ар, П; «что онъ какой-нибудь вельможа, а иногда даже и государь....» РА. [10] Слова: «къ нашему» внесены изъ РА. [11] Ар, П; «Что скажетъ и самой твой папа, директоръ нашъ?» РА. [12] Ар, П; «Хотя онъ и прикидывается мартинистомъ» РА. [13] Въ Ар: «дастъ»; въ РА неясно. [14] Ар; «всегда» РА. [15] Словъ «декабря 5» нѣтъ въ РА.

Стр. 358 [1] Ар. П; «не можетъ быть» РА. [2] Слово «вѣрно» внесено изъ РА. [3] Ар; «Онъ, можетъ быть, и тамъ же находится» РА. [4] РА; «и» Ар, П. [5] Ар; «заставляютъ его скрываться; иначе же не можетъ быть никакимъ образомъ» РА. [6] Слова «нашъ государь» внесены изъ РА. [7] Ар; «что я развлеченъ былъ, разсѣянъ» РА. [8] РА, Ар; «разбились» П. [9] Ар, П; «Никакой цѣли и ничего поучительнаго» РА. [10] Ар; «Испанскій король есть» РА. [11] Ар; «Я именно узналъ это только сегодня» РА. [12] Ар, П; «Меня такъ вдругъ какъ будто молніей освѣтило» РА. [13] Слово «сумасшедшая» внесено изъ РА. [14] Ар, П; «Я теперь вижу все такъ (ясно) совершенно, какъ на ладонѣ» РА.

Стр. 359 [1] Ар; «А прежде все было въ туманѣ» РА. [2] Ар, П; «Прежде всего» РА. [3] Ар; «не видѣла» РА. [4] Ар; «въ благосклонности и что я вовсе» РА. [5] Ар; «Она, я увѣренъ, испугалась отъ того» РА. [6] Слово «почти» внесено изъ РА. [7] Слова: «и что у меня, нѣтъ ни одного капуцина» внесены изъ РА. [8] Ар; «Чортъ съ нимъ, и не намѣренъ ходить» РА. [9] Ар; «Сегодня приходилъ экзекуторъ изъ департамента» РА. [10] Ар; «что болѣе трехъ недѣль я не хожу въ департаментъ» РА. [11] Фраза: «Это жиды — моется» внесена изъ РА. [12] Слово «однакоже» внесено изъ РА. [13] РА, П; «благосклонно, сѣлъ» Ар. [14] РА, Ар; «какой бы вы яролашъ» П. [15] Ар. П; «да и самъ начальникъ отдѣленія началъ передо мною кланяться въ поясъ, такъ какъ онъ обыкновенно кланяется передъ нашимъ директоромъ» РА. [16] Ар. П; «какія-то бумаги, что-то извлечь» РА.

Стр. 360 [1] Ар. П; «побѣжали наперерывъ въ швейцарскую скидывать съ него шинель» РА. [2] Ар; «но я ни съ мѣста» РА. [3] Ар, П; «Онъ совсѣмъ не директоръ» РА. [4] РА, Ар; «Мнѣ забавнѣе всего было» П. [5] Ар, П; «какъ» РА. [6] Ар; «что я, по обыкновенію, подпишу на самомъ кончикѣ бумаги» РА. [7] РА, Ар; «Надо» П. [8] РА, Ар; «махнулъ» П. [9] РА, Ар; «Лакей не хотѣлъ меня впустить» П. [10] Ар, П; «встревожилась» РА. [11] РА; «женщины» Ар, П. [12] Ар; «что́ у него за спиною» РА. [13] Ар, П; «въ звѣзду» РА. [14] РА, Ар; «ей» П. [15] Это мѣсто: «А вотъ эти всѣ, чиновные отцы» — «христопродавцы!» внесено изъ РА. [16] Ар; «и отчего все происходитъ? Оттого» РА.

Стр. 361 [1] Ар; «Я не помню, какъ его зовутъ. Но главная пружина всего этого турецкій султанъ, который подкупаетъ цирульника и который хочетъ по всему свѣту распространить магометанство» РА. [2] Слово «я» внесено изъ РА. [3] Слово «я» внесено изъ РА. [4] Ар. «Я почелъ неприличнымъ тутъ же при всѣхъ открыться, потому что высокій собратъ мой, вѣрно, бы спросилъ, отчего же (я=) испанскій король до сихъ поръ не представ-

ляюсь ко двору. И въ самомъ дѣлѣ прежде нужно представиться ко двору. Меня останавливало только, что до сихъ поръ я не имѣю королевскаго костюма». [5] Ар, П; «порфиру» РА. [6] Ар; «и почти всѣ теперь» РА. [7] Ар; «сшить себѣ порфиру» РА. [8] Ар; «и весь совершенно изрѣзалъ ножницами; нужно было вовсе передѣлать и дать всему сукну видъ горностаевыхъ хвостиковъ» РА. [9] Ар; «порфира» РА. [10] Ар; «Но, однакожъ, я все не рѣшаюсь» РА. [11] Ар, РА; «съ часу» П. [12] Ар; «я ожидаю съ часа на часъ прибытія ....» РА.

Стр. 362 [1] Послѣдняя фраза внесена изъ РА. [2] Ар; «показалось» П. [3] Ар; «Мнѣ только странно показалось, что мы ѣхали чрезвычайно скоро, такъ что черезъ полчаса достигли испанскихъ границъ» РА. [4] Ар; «что это должны быть или доминиканы, или капуцины» РА. [5] Ар, П; «странно» РА. [6] Ар; «то я тебя!» РА. [7] Ар, РА; «какъ искушеніе» П. [8] Ар, П; «это совершенно» РА.

Стр. 363 [1] Ар; «Вотъ попробуйте нарочно» РА. [2] П; «имѣющееся» Ар, РА. [3] Ар, П; «по обыкновенію» РА. [4] РА; «Дѣлаетъ» Ар, П. [5] РА; «не имѣетъ» Ар. П. [6] Ар; «и деревянное масло» РА. [7] Ар; «надо» П; «такая, что нельзя показать[ся]» РА. [8] Ар; «и тамъ теперь живутъ только одни носы. Да, все носы. И мы не можемъ сами отъ того видѣть» РА. [9] Ар. «Капуцины» РА. [10] РА; «февраля» Ар. [11] Ар; «совершенно для меня непонятны» РА.

Стр. 364 [1] Ар; «кричалъ изо всей силы, что не хочу быть папой» РА. [2] Ар. «Но я не знаю» РА. [3] Ар; «мнѣ сверху капать» РА. [4] Ар; «Я ровно не понимаю» РА. [5] Ар; «и я не понимаю безразсудности королей, которые до сихъ поръ не выведутъ его» РА. [6] Ар; «Но совершенно потерялся въ догадкахъ. Я думаю, что я, по всѣмъ вѣроятіямъ, попалъ въ руки инквизиціи» РА. [7] Ар; «есть никто (sic!) другой, какъ самъ великій инквизиторъ» РА. [8, 9] Ар; «Полиньякъ» П. [10] Ар; «подвергнуться инквизиціи. Мнѣ кажется, что здѣсь мѣшается Франція и что все это штуки Талейрана. А если сказать по правдѣ, то тайною пружиною здѣсь англичанинъ» РА. [11] Слово «опять» внесено изъ РА. [12] Ар; «началъ звать: «Поприщинъ! Аксентій Ивановъ!» РА. [13] Ар; «мнѣ на темя» РА. [14] Ар, П; «бьетъ» РА. [15] Слова «недалеко возлѣ хвоста» внесены изъ РА. [16] РА; «пренебрегъ Ар, П.

Стр. 365 [1] Этихъ начальныхъ фразъ нѣтъ въ РА. [2] Ар; «Что получать отъ меня?» РА. [3] Словъ: «голова — возьмите меня» нѣтъ въ РА. [4] Ар; «Давайте» РА. [5] Ар, П; «взвѣвайтеся» РА. [6] «виднѣютъ» РА, Ар. [7] Ар; «на мою» РА. [8] Ар; «меня» РА. [9] Ар; «А знаете ли, что у французскаго короля шишка подъ самымъ носомъ?» РА.

Объ архитектурѣ нынѣшняго времени (стр. 366—388).

Общія замѣчанія объ этой статьѣ смотри выше, стр. 584.

Стр. 366 [1] Въ РА. пропущено одно слово; передъ этимъ зачеркнуто: «или этотъ [вѣкъ] неукротимаго воображенія и величія». [2] Слова четыре не разобрано. [3] Слово «кружевной» приписано надъ незачеркнутымъ «испещренный».

Стр. 367 [1] Въ Ар этотъ неправильный оборотъ рѣчи исправленъ такъ: «какъ велики требованія души нашей передъ требованіями тѣла». [2] Въ рукописи

написано неразборчиво: «отрыва.... Помпею». [3] Слово «обнажены» написано сверху полузачеркнутаго «открыты». [4] Слово «присоединеніе» приписано съ боку надъ зачеркнутымъ словомъ, котораго нельзя разобрать. [5] Пропущено одно слово.

Стр. 368 [1] Слово «что» въ рукописи пропущено. [2] Слова «можно было» зачеркнуты; сверху вмѣсто того написано нѣчто неразобранное: «когда....». [3] Это мѣсто не получило окончательной отдѣлки. Въ рукописи оно читается такъ: «силились облечь въ христіанство и также неудачно (соединили =) облекли какъ соединили, какъ неудачно, какъ дурно привили къ себѣ христіанство къ своей лишенной свѣжести и молодости жизни». [4] Въ рукописи: «вку».

Стр. 369 [1] Въ рукописи: «лѣпили». [2] Въ рукописи: «выпуклою». [3] Слово написано очень неясно.

Стр. 370 [1] Это слово въ рук. пропущено. [2] Слово «всѣхъ» написано сверху незачеркнутаго «насъ». [3] Слова «не сообщили» написаны сверху зачеркнутыхъ: «не замѣтили». [4] Слово «другихъ» внесено изъ Ар; въ РА пропущено. [5] Слово «долженъ» внесено изъ Ар; въ РА оно пропущено. [6] Слово «непосредственно» приписано надъ незачеркнутымъ «тотчасъ».

Стр. 371 [1] Одно слово не разобрано. [2] Написано неразборчиво, особенно конецъ слова. [3] Слово «былъ» въ рукописи пропущено. [4] Изображеніе мавзолея Шеръ-Шаха (1539—1545 г.), исполненное по фотографіи, см. въ Fergusson, History of indian and eastern Architecture (London, 1876) p. 517. [5] За симъ какое-то слово пропущено. [6] Слово «зданіе» написано сверху незачеркнутаго: «строеніе». [7] Слово «Греки» написано сверху незачеркнутаго «Аѳиняне». [8] Точки поставлены на мѣстѣ пропущеннаго слова. [9] Слово «скрытъ» приписано сверхъ незачеркнутаго «обложенъ».

Стр. 372 [1] Слово «видѣ» въ рук. пропущено. [2] Въ рук.: «но такъ». [3] Въ рук.: «требовалось». [4] Въ рук.: «нагромаждивать». [5] Въ рук.: «преобразовавшихъ». [6] Въ рук.: «присмотрѣли» [7] Прежде было написано: «до глупости». [8] Послѣ этого зачеркнуто слово: «мнимой».

Стр. 373 [1] Прежде было написано: «душу, невольно ищущую благоговѣнія». [2] Въ рук.: «одинъ на другаго». [3] Въ рук.: «четверыхъ-угольныя». [4] Въ рук.: «старали». [5] Въ рук.: «какое». [6] Прежде было: «и выскочили какимъ нибудь башнею - гигантомъ». [7] Слово «тонкіе» написано сверху незачеркнутаго: «высокіе». [8] Слово «прямо» въ рукописи зачеркнуто и замѣнено другимъ, котораго намъ не удалось разобрать.

Стр. 374 [1] Написано очень неразборчиво. [2] Въ Ар: «примѣтъ, чтобы служить маякомъ». [3] Прежде было написано: «У насъ обыкновенно». Зачеркнутыя слова: «у насъ» внесены, однакоже, въ Ар. [4] Въ рук.: «дающеюся». [5] Въ рук.: «измѣряется;» въ Ар: «измѣняется». [6] Слово «будущее» приписано сверху строки. [7] Въ рук.: «своемъ увеличіе». [8] Такъ въ рук.: «пространству;» въ Ар: «пространство». [9] Написано неразборчиво; въ Ар: «неизмѣримо». [10] Въ рук.: «что онъ». [11] Слово «величіе» въ рук. пропущено; внесено изъ Ар. [11] Слово «дѣйствіе» въ рук. пропущено; въ Ар: «потрясеніе».

Стр. 375 [1] Въ рукописи: «будетъ казаться плоскою.... обыкновенною». Такого рода согласованіе словъ встрѣчается у Гоголя нерѣдко. [2] Въ рукописи «соединятся». Согласованіе подобнаго рода также нерѣдко у Гоголя. [3] Послѣ этого снова повторяется слово: «непремѣнно». [4] Въ рукописи: «вныка-

зивая». [5] Слово «колонны» въ рукописи пропущено. [6] Въ рукописи слово «бы» не написано: Гоголь часто употребляетъ «какъ» вм. «какъ бы», «какъ будто».

Стр. 376 [1] Слово «зданіи» въ рук. пропущено; внесено изъ Ар. [2] Въ рукописи: «что». [3] Такъ въ рукописи. Гоголь часто употребляетъ родительный падежъ, гдѣ обыкновенное употребленіе ставитъ винительный.

Стр. 377 [1] Гоголь часто употребляетъ «вѣки» въ значеніи «столѣтія». [2] Эти два слова въ рукописи пропущены; внесены изъ Ар. [3] Въ рук.: «въ церквахъ». [4] Такъ въ Ар; въ рук. написано неразборчиво. [5] Написано неразборчиво; въ Ар: «далеко». [6] Въ рукописи: «веселящаго». [7] Сверху страницы приписаны слѣдующія строки, которыя, повидимому, слѣдовало бы помѣстить послѣ слова «хижины»: «Простолюдина великолѣпіе повергаетъ въ какое-то онѣмѣніе, и оно-то единственная пружина, двигающая дикимъ человѣкомъ».

Стр. 378 [1] Прежде было написано: «случаѣ». [2] Въ рукописи: «потому». [3] Это мѣсто («Чтобы выше, выше», стр. 377 — «передъ выгодою цѣлого человѣчества», стр. 378) приписано впослѣдствіи на противоположной страницѣ; мѣсто вставки указано знакомъ ♯. [4] «Строятся?» [5] Слово «ощутительный» переправлено изъ слова «непростительный».

Стр. 379 [1] Слово «презрѣніе» написано сверху незачеркнутаго: «пренебреженіе». [2] Прежде было написано: «Я никакъ не берусь». [3] Въ рукописи: «Европейцы». [4] Слово «ихъ» въ рукописи пропущено. [5] Слово «сказкахъ» въ рук. пропущено; внесено изъ Ар. [6] Въ рукописи: «на построеніе». [7] Въ рукописи: «безъ».

Стр. 380 [1] Послѣ этого зачеркнуто: «надъ портиками». [2] Слова: «въ этой тяжести» приписаны сверху незачеркнутыхъ: «въ ней». [3] Въ рукописи: «отличается», потому что прежде было написано: «какими почти всегда отличается;» потомъ первыя три слова были зачеркнуты. [4] Такъ въ рукописи; слѣдуетъ: «Магамалаипурскій». [5] Въ рукописи: «выгибающій». [6] Сверху этихъ незачеркнутыхъ словъ приписано: «на которомъ рѣзьба». [7] Слово «яркая» приписано сверху незачеркнутаго: «богатая».

Стр. 381 [1] Прежде было написано: «такой оригинальности, такого рѣзкаго отличія между собою». [2] Въ рукописи: «печатокъ». [3] Въ рукописи: «производившему». [4] Въ рукописи: «въ нихъ». [5] Конецъ слова неясенъ. Въ Ар: «съ четырью». [6] Точки поставлены на мѣстѣ одного неразобраннаго слова. [7] Точки на мѣстѣ слова, пропущеннаго въ рукописи. [8] Это слово написано сокращенно и неясно.

Стр. 382 [1] Все это мѣсто («Нигдѣ зодчество не принимало» — «драгоцѣнныхъ ожерельяхъ») приписано послѣ на одной изъ предшествующихъ пустыхъ страницъ. [2] Слово «на» въ рукописи пропущено. [3] Также пропущено «на».

Стр. 383 [1] Фраза не дописана. [2] Слово «среди» въ рукописи пропущено; внесено изъ Ар. [3] Это слово въ рукописи пропущено. [4] Прежде было написано: «Въ немъ хотя все дышетъ тяжестью, но въ отношеніи ихъ между собою наблюдается великая гармонія». [5] Въ рукописи: «схолацизмъ».

Стр. 384 [1] Слово «которыя» въ рукописи пропущено. [2] Послѣ этого слова приписано и снова зачеркнуто: «часто». [3] Слово «что» въ рукописи про-

пущено. [4] Въ рукописи: «характерно». [5] Слово «совсѣмъ» написано сверху зачеркнутыхъ: «ни мало». [6] Въ рукописи: «всею тысячью разными украшенія(ми)», — сочетаніе словъ, нерѣдко употребляемое Гоголемъ.

Стр. 385 [1] Въ рукописи: «урозовъ». [2] Въ рук. слово «другомъ» пропущено. [3] Слово «и» въ рукописи пропущено. [4] Прежде было написано: «зѳирнѣе». [5] Мѣсто это не получило окончательной отдѣлки. Въ рук.: «при этомъ это сообщаютъ;» окончаніе слова «внушая» неясно и, очевидно, испорчено. [6] Слово «истинный» приписано сверху строки. [7] Послѣ этого въ РА зачеркнуто: «Если же группы не на всѣхъ балконахъ показываютъ (sic!), тогда выставлять на нихъ [цвѣты]. Для этого можно придѣлывать ихъ къ окнамъ: издали облеченный этою сквозною паутиною балконъ, съ цвѣтами и амфитеатромъ головъ, освѣщенный солнцемъ, всегда будетъ картиной. Разнообразіе могутъ придать еще окна. Есть много родовъ оконъ, которыхъ архитектора тоже не внесли въ свой словарь. Образцы ихъ можетъ представить архитектура Фламандская. Есть окна широкія четырехъ-угольныя съ тонкими и густыми переплетами; есть окна узкія, длинныя и дѣлятся только вдоль (переплетомъ); есть окна, оканчивающія[ся] вверхъ правильнымъ трехъ-угольникомъ, стрѣльчатою аркою; есть (двойныя, тройныя) окна, соединенныя по два, по три вмѣстѣ. Будучи размѣщены строгимъ и тонкимъ вкусомъ, они скрасятъ зданіе.Но главное правило то, чтобы окна дѣлать большаго размѣра, и погуще ихъ — особливо въ ту сторону, гдѣ солнце: черезъ это домъ будетъ веселъ. Всегда лучше, ежели домъ болѣе высокъ, нежели широкъ и длиненъ, и потому домъ, имѣющій слишкомъ длинный фасадъ, лучше дѣлить такимъ образомъ, чтобы онъ казался двумя или тремя домами, чтобы единственно по соединенію его видно было только симметрію. Но для архитектора, одареннаго геніемъ, можно представить столько безчисленныхъ оттѣнокъ (sic!), (различія), какіе не могутъ пріити на умъ намъ, пишущимъ (sic!) только [о] томъ, что ему назначено исполнять на дѣлѣ. Но какъ только архитекторъ коснулся зданія, назначеннаго не для существенныхъ и мелкихъ выгодъ человѣка, его должна въ туже минуту осѣнить мысль объ великомъ. Онъ долженъ разомъ оторваться отъ низменныхъ жит......, развязать всѣ вериги, связывающія свободную мысль и вольно-прекрасную устремить къ небу». [8] Прежде было: «обыкновенно показываемъ». [9] Слово «Это» въ рукописи зачеркнуто; вмѣсто него сверху приписаны три слова, которыя трудно разобрать. [10] Въ рук. это слово написано неясно: «иголки». [11] Слово «общая» въ рукописи зачеркнуто.

Стр. 386 [1] Заключенное въ скобки написано неразборчиво. [2] Слѣдуетъ читать: «поправить ихъ, *извѣстное* превратить».... [3] Въ рук.: «ему». [4] Слово «употреблять» въ рукописи пропущено. [5] Слово «обыкновенныхъ» приписано сверху строки. [6] Сверху незачеркнутаго слова «положеніе» приписано «измѣреніе». [7] Какое-то слово написано неразборчиво; я читаю: «каждому».

Стр. 387 [1] Въ рук.: «одолѣваетъ». [2] Такъ въ рук.: «тамъ должно работать, во всей силѣ работать искусство». [3] Прежде было написано: испестрѣть;» потомъ поправлено, такъ что вышло: «простeрѣть». [4] Слово «какъ» въ рук. пропущено. [5] Слово «существованіи» въ рук. зачеркнуто. [6] Слово «страны»

приписано сверху зачеркнутаго: «народа». [7] Три слова неразобраны. [8] Прежде было написано: «Пусть же она, хоть отрывками, является въ городахъ, какъ старецъ, вышедшій на свѣтъ изъ полувѣковаго своего заключенія» РА. [9] Въ рук.: «движутъ». [10] Слово «колоннами» въ рукописи зачеркнуто и вмѣсто него сверху написаны два слова, которыя намъ не удалось разобрать. [11] Сверху слова «прекрасной» (sic!) приписаны два слова, изъ которыхъ можно разобрать только первое: «богато». [12] Въ рукописи: «дикою готическою;» слова «въ первоначальной» приписаны впослѣдствіи сверху строки и не согласованы съ первоначальнымъ текстомъ. [13] Въ рук.: «потому древнюю греческую въ новомъ фракѣ».

Стр. 388 [1] Слово «совершеннаго» написано сверху незачеркнутаго: «оригинальнаго». [2] Слово «когда» въ рук. пропущено. [3] Послѣ этого внизу страницы приписано: «Но между рядами узкихъ и высокихъ домовъ не мѣшаетъ иногда помѣстить и длинные, — разумѣется, чтобы они не были похожи на ту гладкую, неуклюжую длину, какую обыкновенно положили у насъ употреблять для казармъ, конюшенъ и другихъ зданій».

Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи

(стр. 389 — 396).

Общія замѣчанія объ этой статьѣ см. выше, стр. 603.

Тарасъ Бульба (стр. 397—465).

Въ этой редакціи „Тарасъ Бульба“ написанъ на листахъ 16—32 въ записной книгѣ № 3, **ИБ**, т. е. принадлежащей нынѣ Императорской Публичной Библіотекѣ. Рукописный текстъ повѣсти, передъ напечатаніемъ оной въ „Миргородѣ“, подвергся со стороны автора значительнымъ измѣненіямъ. Въ печатномъ текстѣ замѣтны также, сравнительно съ рукописнымъ, немногія исключенія и измѣненія цензурныя, какъ можно видѣть изъ варіантовъ. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими статьями, внесенными въ эту записную книгу, рукописная редакція „Тараса Бульбы“ должна быть отнесена къ 1833-му году; напечатанная же въ „Миргородѣ“ — къ 1834-му. Буквою **М.** означаемъ „Миргородъ“, изд. 1835-го года; **НР** указываетъ на рукопись, принадлежащую Нѣжинскому Историко-филологическому Институту. (См. примѣчанія къ повѣсти „Тарасъ Бульба“ въ первомъ томѣ этого изданія).

Стр. 397 [1] **М**; «Кульбаба» **ИБ**. [2] **НР**; «изъ подлоба» **ИБ, М**. [3] **М**; «какъ только» **ИБ**.
Стр. 398 [1] **М**; «блѣдная и сухая» **ИБ**. [2] **М**; «стоя у порога, не успѣвшая» **ИБ**. [3] Послѣ этого въ **ИБ**: «и̃ ронявшая (слезы) радости». [4] **М**; «Ей Богу,

добре!» **ИБ.** [5] **М**; «Добре, добре, сынку!» **ИБ.** [6] **М**; «Что это у тебя» **ИБ.** [7] **М**; «Да и до того будто теперь?» **ИБ.** [8] **М**; «Острая сабля — вотъ ваша матерь. А мушкетъ, видите вы, что̀ у меня виситъ — вотъ это вашъ батько, а не кто другой. Это все дрянь, что̀ ни есть: и академія, и всѣ тѣ книжки, буквари и философія — все то ни къ чему не служить. Я плевать на все это». Бульба присовокупилъ еще одно слово, котораго, однакоже, цензора не пропускаютъ, впрочемъ и хорошо дѣлаютъ» **ИБ.**

Стр. 399 [1] **М**; «со слезами на глазахъ старуха, которая, казалось, вся была слита изъ одной материнской любви» **ИБ.** [2] **М**; «стара̀» **ИБ.** [3] **М**; «при» **ИБ.** [4] **М**; «съ испугомъ» **ИБ.** [5] **М**; «двѣ дородныхъ» **ИБ.** [6] **М**; «а время это касалось XV вѣка въ годину начинавшейся уніи» **ИБ.** [7] Такая пунктуація въ **ИБ**; въ **Ар**: «Все было чисто, вымазано глиною». [8] Слово «деревянныхъ» внесено изъ **ИБ.** [9] **М**; «и черезъ четвертыя руки» **ИБ.** [10] **М**; «какъ обыкновенно дѣлалось въ эти удалыя времена» **ИБ.** [11] **М**; Лавки вокругъ всей комнаты и огромный столъ посреди ея, печь, какъ толстая русская купчиха, съ какими-то нарисованными пѣтухами на изразцахъ — все это было очень знакомо нашимъ двумъ молодцамъ, пріѣзжавшимъ почти каждый .... домой на лѣтнее время, — приходившимъ, потому что еще не было у нихъ коней. Были только длинные чубы, за которые имѣлъ право выдрать всякій козакъ, носившій оружіе; и потому что школярамъ и не позволялось ѣздить на коняхъ. **ИБ.** [12] **М**; «сыны» **ИБ.**

Стр. 400 [1] **М**; «что, добра сивуха? А какъ по латыни горѣлка? А, не знаешь? Вотъ же и есть: глупый были народъ всѣ латынщики: они не знали, что и на свѣтѣ есть горѣлка. Я думаю, архимандритъ не давалъ вамъ понюхать горѣлки». **ИБ.** [2] **М**; «А что, сынки, признайтесь порядочно расписывали васъ по ногамъ и спинѣ плетюгами?» **ИБ.** [3] **М**; «флегматическимъ, сурьезнымъ видомъ» **ИБ.** [4] **М**; «И мы будемъ росписывать другихъ», прибавилъ Андрій, «только уже не канчуками, а порохомъ да списами».— «О добре, сынку!» **ИБ.** [5] **М**; «Да когда такъ, то и я съ вами ѣду, ей Богу! Чего мнѣ тутъ дожидаться? Что, я долженъ смотрѣть за полемъ своимъ, да за хлѣбомъ или бабиться съ женою? Съ какой стати я буду сидѣть дома? Что не видалъ я? развѣ куръ да гусей, да пастуховъ, что̀ свиньи (sic!) пасутъ? Да я козакъ! Я хочу.... Такъ чтожъ, что нѣтъ войны? Да войну можно сейчасъ сдѣлать. Ей Богу, ѣду съ вами» **ИБ.** [6] **М**; «совершенно» **ИБ.** [7] «пріосанившись» **ИБ, М.** [8] **М**; «Завтра же выведутъ коней намъ. Какого врага сидѣть?» **ИБ.** [9] **М**; на что намъ этотъ хлѣбъ, эти горшки?» **ИБ.**

Стр. 401 [1] Мѣсто, очевидно, неправильно напечатанное въ **М.** Въ **ИБ** оно читается такъ: «Ея пограничность и необходимость защиты, разнохарактерная нація на стражѣ,— все это придавало какой-то вольный, широкій размѣръ подвигамъ ея народа». [2] **М**; «но при первомъ случаѣ перессорился со всѣми другими за то, что тѣ не согласились оставить, не заводить войны съ ханомъ за разграбленный соляной обозъ» **ИБ.** [3] Слово «свое» внесено изъ **ИБ.** [4] «покорствовалъ его желѣзной волѣ» **ИБ**; «покорствовался его желанію» **М.** [5] **М**; «гдѣ, на какомъ мѣстѣ» **ИБ.** [6] **М**; «и вмѣшивался непримѣтно» **ИБ.** [7] **М**; «и тогда только приступалъ» **ИБ.** [8] Слово «ихъ» внесено изъ **ИБ.** [9] **М**; «обманомъ отрѣзывала кусокъ» **ИБ.**

Стр. 402 [1] **М**; «посмѣявались» **ИБ**. [2] **М**; «тогда, по его мнѣнію, непремѣнно нужно было браться за саблю; противъ нехристей же, татаръ и турковъ» **ИБ**. [3] **М**; «ни въ какую строгую систему» **ИБ**. [4] **М**; «въ совершенную извѣстность» **ИБ**. [5] **М**; «сыновьями своими» **ИБ**. [6] **М**; «причина этого» **ИБ**. [7] **М**; «Долбешкою» **ИБ**. [8] **М**; «размахивая» **ИБ**. [9] **М**; «въ хуторѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ знать» **ИБ**.

Стр. 403 [1] **М**; «Онъ развалился на коврѣ, какъ разъ посреди двора, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что тогда была молода майская весна и ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ; и за нимъ вскорѣ захрапѣлъ весь дворъ» **ИБ**. [2] Гоголь употребляетъ слово: «кудря». [3] **М**; «въ морщинахъ, измявшихъ ея блѣдное сухое лицо» **ИБ**. [4] **М**; «обольститель» **ИБ**. [5] **М**; «все обратилось въ ней въ одно материнское чувство. Она потонула въ материнской любви своей» **ИБ**. [6] **ИБ**; «съ» **М**.

Стр. 404 [1] **М**; «вьется» **ИБ**. [2] **М**; «не обнимать» **ИБ**. [3] **М**; «опустилась» **ИБ**. [4] **М**; «напоить коней!» **ИБ**. [5] Послѣ этого въ **ИБ**: «нужно хорошенько нагрузить козацкіе животы». [6] **М**; «Къ очкуру прицѣпили длинный ремешокъ съ кистями и разными побрякушками» **ИБ**.

Стр. 405 [1] **М**; «все готово въ путь!» **ИБ**. [2] **М**; «и простыхъ холопьевъ» **ИБ**. [3] Фраза внесена изъ **ИБ**. [4] **М**; «обняла ихъ и не говорила ни слова; она, наконецъ, вынула изъ-за пазухи двѣ небольшія иконы» **ИБ**. [5] **М**; «Ну, пойдемъ, пойдемъ» **ИБ**. [6] **М**; «невольной мягкости» **ИБ**.

Стр. 406 [1] **М**; «она со всею легкостью дикой козы, несообразной ея лѣтамъ, вырвавшись даже изъ сильныхъ рукъ, выбѣжала за ворота» **ИБ**. [2] Слово «своей» внесено изъ **ИБ**. [3] **М**; «когда катались по росистой травѣ и ловили кузнечиковъ» **ИБ**. [4] **М**; «Они были отданы въ академію, уже взросши, имъ было около двѣнадца..... почтенные рыцари тогдашняго времени, занимавшіе военныя мѣста» **ИБ**.

Стр. 407 [1] **М**; «Они были, какъ и всѣ, поступавшіе въ бурсу, дикіе, воспитанные на свободѣ, которыхъ академическія лозы нѣсколько вышлифовывали и давали имъ всѣмъ что-то похожее другъ на друга. Старшій, Остапъ, началъ съ того свое поприще, что перваго года бѣжалъ. Его возвратили, высѣкли страшно и засадили за дѣло» **ИБ**. [2] **М**; «безъ всякаго сомнѣнія» **ИБ**. [3] **М**; «.... обѣщанія, что если онъ [не] выучится въ академіи всѣмъ наукамъ, то онъ его продержитъ въ монастырскихъ служкахъ и Запорожья онъ носомъ не увидитъ. Нужно знать, что Тарасъ самъ при этомъ любилъ показать пренебреженіе къ письменности. Съ этого времени Остапъ началъ съ необыкновеннымъ стараніемъ сидѣть за скучною книгою и скоро сталъ наряду съ лучшими. Вообще можно сказать, что тогдашній образъ» **ИБ**. [4] **М**; «и логическія тонкости рѣшительно никакъ не прикасались къ жизни» **ИБ**. [5] **М**; «примѣнить своихъ знаній» **ИБ**. [6] **М**; «Эти наставники часто были еще болѣе невѣжди, потому что совсѣмъ» **ИБ**. [7] **М**; «притомъ многія потребности» **ИБ**.

Стр. 408 [1] **М**; «приказаніе» **ИБ**. [2] **ИБ**; своихъ **М**. [3] **М**; «это было вовсе ничего и мало чѣмъ было крѣпче рюмки хорошей водки» **ИБ**. [4] **М**; «и если ихъ не перехватывали на пути» **ИБ**. [5] **М**; «учить логику и даже поэзію» **ИБ**. [6] Слово «отъ» внесено изъ **ИБ**. [7] **М**; «Никакія плети не въ силахъ его были заставить это сдѣлать. Онъ былъ очень суровъ» **ИБ**. [8] **М**; «живѣе» **ИБ**.

Стр. 409 [1] **М**; «трепеталъ» **ИБ**. [2] **М**; «но вмѣстѣ съ этимъ» **ИБ**. [3] **М**; «тонкости» **ИБ**. [4] **М**; «Передъ нимъ мелькали безпрерывно ея сверкающія упругія перси, нѣжная, прекрасная рука, вся обнаженная, самое платье, дышавшее какимъ-то невыразимымъ сладострастіемъ, обвивавшее эти свѣжіе, дѣвственные и вмѣстѣ мощные члены. Онъ тщательно скрывалъ эти движенія страстной юношеской души отъ своихъ товарищей, потому-что въ тогдашній вѣкъ Малороссіи» **ИБ**. [5] **М**; «Но вообще въ послѣдніе годы менѣе являлся предводителемъ какой-нибудь ватаги, но чаще бродилъ одинъ въ уединенныхъ закоулкахъ Кіева, потопленныхъ въ вишневыхъ садахъ и усѣянныхъ низенькими домиками» **ИБ**. [6] **М**; «хлыстнулъ его въ знакъ усердія по спинѣ бичомъ» **ИБ**. [7] **М**; «за заднее колесо колымаги и остановилъ ее» **ИБ**. [8] **М**; «шлепнулся навзничь на улицу прямо лицомъ въ грязь. Самый звонкій и гармоническій смѣхъ раздался надъ нимъ. Онъ поднялъ голову» **ИБ**.

Стр. 410 [1] **М**; «которою всегда отличались побѣдоносныя Полячки» **ИБ**. [2] **М**; «На этотъ разъ однакоже» **ИБ**.

Стр. 411 [1] **М**; «мимо этого дома» **ИБ**. [2] **М**; «еще одинъ разъ онъ видѣлъ ее; послѣ этого воевода ковенскій скоро уѣхалъ и вмѣсто прекрасной обольстительной брюнетки выглядывала изъ его оконъ какая-то толстая рожа» **ИБ**. [3] **М**; «обступила и закрыла ихъ» **ИБ**. [4] **М**; «Ну, разомъ всѣ ваши думки къ нечистому!» **ИБ**. [5] **М**; «чтобы и орелъ не угнался за нами!» **ИБ**. [6] Слова «жадныя воли» внесены изъ **ИБ**. [7] **М**; «что» **ИБ**. [8] **М**; «по неизмѣримымъ равнинамъ» **ИБ**. [9] «вытоптывали» **ИБ**, **М**.

Стр. 412 [1] **М**; «подъ самыми тонкими ихъ корнями» **ИБ**. [2] **М**; «Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей наполнялъ вольный небесный воздухъ» **ИБ**. [3] Слово «на» внесено изъ **ИБ**. [4] **М**; «Вечеромъ вся степь измѣнялась совершенно и представлялась вовсе въ другомъ видѣ, нежели днемъ» **ИБ**. [5] «.... изъ розоваго золота; самыя смѣлыя, неправильныя, легкія и тонкія облака обступали ихъ, и свѣжій, душистый, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ .... вмѣстѣ съ мракомъ и............ Вся музыка, наполнявшая день, утихала и смѣнялась другою. Пестрые овражки выползывали» **ИБ**. Ср. выше пр. 9-е къ стр. 411. [6] **М**; «становилось слышнѣе, и вдругъ снова эти легкіе крики слышались изъ какого-нибудь уединеннаго озера, или даже изъ самаго Днѣпра крикъ лебедей, который, какъ серебро, раздавался. Путешественники, остановившись среди полей, раскладывали огонь и ставили на него котелъ, въ которомъ кипятили кулишъ» **ИБ**.

Стр. 413 [1] **М**; «паръ отдѣлялся и стлался бѣлымъ прозрачнымъ дымомъ по воздуху» **ИБ**. [2] **М**; «Повечерявши» **ИБ**. [3] **М**; «на своихъ свиткахъ» **ИБ**. [4] **М**; «міръ скрывавшихся въ травѣ насѣкомыхъ» **ИБ**. [5] **М**; «Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ отъ (зажигаемаго) сухаго тростника по лугамъ, и темная вереница лебедей, путешествовавшихъ» **ИБ**. Слово «летѣвшихъ» въ **ИБ** зачеркнуто. [6] **М**; «уставилась вдали прямо на нихъ узкими глазами своими» **ИБ**. [7] **ИБ**; «во вѣки» **М**. [8] **М**; «недалеко отъ мѣста, къ которому неслись» **ИБ**.

Стр. 414 [1] **М**; «спертый и стѣсненный дотолѣ порогами, бралъ, наконецъ, свое и шумѣлъ, какъ море, разлившись на волѣ» **ИБ**. [2] **М**; «на третій день пла-

ванія» **ИБ.** [3] **М**; «Старый Тарасъ» **ИБ.** [4] **М**; «При самомъ первомъ въѣздѣ, ихъ оглушилъ шумъ пятидесяти молодыхъ (sic!), ударявшихъ въ 25 кузницахъ, покрытыхъ зеленою травою» **ИБ.** [5] **М**; «огнивами, сѣрой» **ИБ.** [6] **М**; «свою бороду» **ИБ.** [7] **М**; «Первый (успѣвшій попробовать этого нектара запорожецъ) лежалъ на самой срединѣ улицы, раскинувъ руки и ноги. Тарасъ Бульба не могъ не остановиться и не полюбоваться видомъ Запорожца» **ИБ.** [8] **М**; «Эхъ, важно какъ растянулся! Фу ты какая пышная фигура!» говорилъ онъ, глядя на него съ .... Дѣйствительно, этотъ запорожецъ, какъ левъ, растянулся на землѣ. Закинутый чубъ его захватывалъ на полъ-аршина земли. Широкія шаровары алаго дорогаго сукна онъ самъ запачкалъ дегтемъ, чтобы показать презрѣніе къ нимъ» **ИБ.** [9] **М**; «Поглядѣвши съ минуту, онъ пробирался далѣе въ тѣсной улицѣ» **ИБ.**

Стр. 415 [1] **ИБ**; «установлены» **М.** [2] **М**; «и увидѣли нѣсколько разбросанныхъ куреней: иные покрыты были дерномъ, другіе, по татарски, войлокомъ; инные уставлены пушками» **ИБ.** [3] **М**; «съ портиками» **ИБ.** [4] **ИБ**; «низенькихъ» **М.** [5] **М**; «не хранимыя рѣшительно никѣмъ, ни одного человѣка на сторожѣ, показывали страшную безпечность» **ИБ.** [6] **М**; «радушно» **ИБ.** [7] **М**; «Вездѣ были раскинуты на пространствѣ пяти верстъ группы народу. Такъ вотъ Сѣчь! Вотъ то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ горд(н)ые, какъ львы, крѣпкіе, какъ быки» **ИБ.** [8] **М**; «Путешественники» **ИБ.** [9] **М**; «А Ѳома, высокій съ подбитымъ глазомъ» **ИБ.** [10] **М**; «четыре старыхъ чесали ногами землю» **ИБ.** [11] **М**; «въ глухо-убитую» **ИБ.** [12] **М**; «Это представляло что-то разительное, электрическое и увлекательное». [13] Послѣ этого въ **ИБ**: «Только въ одной музыкѣ есть воля человѣку. Онъ въ оковахъ вездѣ. Онъ самъ себѣ куетъ еще тягостнѣйшія оковы, нежели налагаетъ на него общество и власть, вездѣ, гдѣ только коснулся жизни. Онъ рабъ; но онъ воленъ только, потерявшись въ бѣшеномъ танцѣ, гдѣ душа его не боится тѣла и возносится вольными [прыжками?], готова[я] возвеселиться на вѣчность».

Стр. 416 [1] **ИБ**; «крикнулъ» **М.** [2] **М**; «крякнулъ отъ нетерпѣливаго желанія, досадуя» **ИБ.** [3] **М**; «иныя лица» **ИБ.** [4] **М**; Чрезъ чуръ дряхлые, тѣ, которыхъ уже слишкомъ разобрало, оперши(сь) около пушекъ или около столба» **ИБ.** [5] **ИБ**; «преступника». [6] **ИБ**; «въ разгульномъ весельи» **М.** [7] **М**; «на свободѣ» **ИБ**; «свободно» **М.** [8] **М**; «Откудова Долото? Здравствуй, собачій сынъ Застежка!» **ИБ.** [9] **М**; «распросы» **ИБ.** [10] **М**; «отправлена въ боченкѣ» **ИБ.** [11] **М**; «Хотя Тарасъ просилъ многихъ опытныхъ» **ИБ.** [12] «въ ней» **ИБ, М.** [13] **М**; «Антракты» **ИБ.** [14] **М**; «Очень рѣдкіе имѣли какіе-нибудь примѣрные карусели» **ИБ.** [15] **М**; души и воли» **ИБ.**

Стр. 417 [1] **М**; «другіе» **ИБ.** [2] Слово «особливо» внесено изъ **ИБ.** [3] **М**; «что-то электрическое» **ИБ.** [4] **М**; «Это не было, въ общемъ значеніи, какое-нибудь сборище какихъ-нибудь» **ИБ.** [5] **ИБ**; «приходящій» **М.** [6] **ИБ**; «все» **М.** [7] **М**; «веселость, какой ничто другое, ничто бы не произвело» **ИБ.** [8] **М**; «можно слышать въ среди собравшейся и лежавшей на землѣ кучѣ» **ИБ.** [9] **М**; «и такъ дышали глубокимъ юморомъ» **ИБ.** [10] **М**; «что нужно было имѣть только флегматическія по наружности лица козаковъ, чтобы не смѣяться во все горло. Вообще можно сказать, что это не былъ какой-нибудь

пьяный кабакъ» **ИБ**. [11] **М**; «20» **ИБ**. [12] **ИБ**; «насильной» **М**. [13] **М**; «академики» **ИБ**. [14] **М**; «розгъ» **ИБ**.

Стр. 418 [1] **М**; «времени» **ИБ**. [2] **М**; «Здѣсь во всякое время охотники до военной жизни, до золотыхъ кубковъ, богатыхъ парчей, дукатовъ и реаловъ всегда могли найти себѣ пищу» **ИБ**. [3] **М**; «отвѣчалъ обыкновенно» **ИБ**. [4] **М**; «какъ только у запорожцевъ денегъ не было, то удалые разбивали ихъ лавочки и отбирали ими же когда-то выпущенныя. Такова была та Сѣча, которая имѣла неисчислимыя приманки для молодыхъ людей» **ИБ**.

Стр. 419 [1] **М**; «Можно итти въ турещину или татарву» **ИБ**. [2] **М**; «святое» **ИБ**. [3] **М**; «пируху» **ИБ**. [4] **М**; «и вмѣстѣ съ ними, разгулявшись до послѣдняго разгула, прибыли на площадь» **ИБ**. [5] **М**; «они взяли по полѣну и начали колотить въ литавры» **ИБ**.

Стр. 420 [1] **М**; «очень хорошо зная подобныя происшествія и окончаніе ихъ» **ИБ**. [2] **М**; «чтобы ничего худаго тебѣ не было» **ИБ**. [3] **М**; «что дѣло пошло не на шутку» **ИБ**. [4] **М**; «загулили» **ИБ**. [5] **М**; «Притомъ же, оно если взять въ разсужденіе, то очень много есть такихъ хлопцевъ» **ИБ**. [6] **М**; «что безъ войны» **ИБ**. [7] Слово «и» внесено изъ **ИБ**. [8] Неумѣстное употребленіе слова «рясы» въ этомъ мѣстѣ бросается въ глаза. Первоначально это мѣсто читалось такъ: «Николай, угодникъ Божій, сердечный, въ такомъ платьѣ, въ какомъ нарисовалъ его маляръ, и до сихъ поръ даже и серебряной рясы нѣтъ на немъ. Варвара, великомученица, только то и получила, что уже въ духовной отказали иные козаки» **ИБ**. [9] **М**; «И то даяніе было бѣдное, потому что еще почти все пропили они при жизни своей. Такъ я все это веду къ тому, что войны намъ нельзя начать съ бусурманами, потому что обѣщали султану миръ, да притомъ и намъ грѣхъ» **ИБ**.

Стр. 421 [1] **М**; «положить голову. Кошевой атаманъ» **ИБ**. [2] **М**; «подымать» **ИБ**. [3] Слово «все» внесено изъ **ИБ**. [4] **М**; «Годи, годи!» **ИБ**. [5] **М**; «мѣсяцъ» **ИБ**. [6] **М**; «закожавши» **ИБ**. [7] **М**; «Часть запорожцевъ была отправлена» **ИБ**.

Стр. 422 [1] **М**; «часть оружій своихъ и добычу» **ИБ**. [2] **М**; «сохраняя сурьезный видъ» **ИБ**. [3] **М**; «Но когда весь берегъ получилъ этотъ движущійся видъ и хлопотливость овладѣла дотолѣ безпечными запорожцами, довольно огромный паромъ началъ причаливать къ берегу» **ИБ**. [4] **М**; «угнетены обстоятельствами» **ИБ**. [5] **М**; «напереди» **ИБ**. [6] **М**; «лѣтъ 40 съ виду человѣкъ» **ИБ**. [7] **М**; «Богъ въ помочь» **ИБ**. [8] **М**; «Говори! Говори!» **ИБ**. [9] **М**; «сказалъ» **ИБ**. [10] **М**; «. . . одинъ изъ куренныхъ атамановъ. Какъ что? Что вы, панове, развѣ за горами живете или вамъ ушей не далъ Господь Богъ?» — «Какія же дѣла дѣлаются?» — «Такія дѣла дѣлаются, что̀ и говорить! И родились, и крестились, еще не видали такого», отвѣчалъ приземистый козакъ, поглядывая съ тайнымъ чувствомъ наслажденія владѣющаго важною новостью» **ИБ**. [11] **М**; «отвѣчала» **ИБ**. [12] **М**; «не слыхали, что̀ такое» **ИБ**. [13] **М**; «или Господь Богъ отнялъ у васъ уши» **ИБ**. [14] **М**; «Такъ вы не слышали ничего и про то, что уже жиды церкви святыя, какъ шинки, побрали на аренды?» **ИБ**.

Стр. 423 [1] **М**; «И что уже христіанину пасхи не можно ѣсть, покамѣстъ жидъ не положитъ значка мѣломъ» **ИБ**. [2] **ИБ**; «нечисто» **М**. [3] **М**; «И что ксензовъ возятъ изъ села въ село въ таратайкахъ? Да еще пусть бы —

не коней запрягають, а, просто, мірянъ запрягають въ оглобли. Такъ вы, можетъ быть, и того не знаете, что нечистое католичество хочетъ уже, чтобы мы всѣ кинули нашу христіанскую вѣру. Такъ вы, можетъ быть, ничего не слышали объ томъ, что уже жидовки изъ поповскихъ ризъ шьютъ себѣ юбки?» ИБ. [4] М; «углубившись глазами» ИБ. [5] М; «и между тѣмъ наконляли всю желѣзную силу негодованія» ИБ. [6] М; «да половина гетманцевъ» ИБ. [7] Послѣ того въ ИБ: «А какого же дьявола вамъ?». [8] М; «Какъ будто какой-нибудь электрическій ударъ пробѣжалъ по всей толпѣ» ИБ. [9] ИБ; въ М. опечатка: «до тѣла». Въ ИБ. «и въ тотъ же самый мигъ, чувства, дотолѣ подавленныя въ душѣ силою дюжаго характера, брызнули потопомъ огненныхъ рѣчей».

Стр. 424 [1] М; «Зашумѣли, зашумѣли запорожцы» ИБ. [2] М; «почувствовали желѣзныя силы» ИБ. [3] М; «проникнули» ИБ. [4] М; «и вся куча толпою ринулась» ИБ. [5] Въ Ар. «заползывали». [6] М; «прятались подъ юбки своихъ жидовокъ, въ пустыя горѣлочныя бочки, въ печкахъ» ИБ. [7] М; «бѣдную» ИБ. [8] М; «что» ИБ. [9] Слово «еще» внесено изъ ИБ. [10] М; «не было еще никогда» ИБ. [11] М; «наплевать» ИБ. [12] М; «оба бѣлѣе глины» ИБ. [13] М: «Мы съ запорожцами жили» ИБ.

Стр. 425 [1] Послѣ этого въ ИБ: «Черствыя души козаковъ сопровождали это смѣхомъ» ИБ. [2] М; «покойника» ИБ. [3] М; «Ну, тогда я тебя проведу (сквозь)», сказалъ Тарасъ и повелъ его къ стоявшему своему обозу съ нѣсколькими козаками. — «Ну, полѣзай подъ возъ» ИБ. [4] Въ Ар.: «представлявшемся широкомъ раздольи». Въ ИБ: «возвѣстилъ собраніе рады. Онъ [былъ?] въ полномъ духѣ: ему и сыновьямъ его представлялось тоже широкое раздолье». [5] М; «имъ» ИБ. [6] М; «такъ какъ оттуда произошло все зло, и заплатить имъ такою же монетою» ИБ. [7] М; «закрыты» ИБ.

Стр. 426 [1] М; «Это уже не былъ тотъ робкій консулъ вольнаго народа» ИБ. [2] М; «деспотъ, — воинъ, умѣвшій» ИБ. [3] М; «его приводящій» ИБ. [4] «церквѣ» М, ИБ. [5] М; «Арендаторы-жиды вѣшались» ИБ. [6] М; «веселясь» ИБ. [7] М; «послѣ себя». [8] М; «послалъ къ нему монаховъ» ИБ.

Стр. 427 [1] М; «и всякія права» ИБ. [2] М; «закуриваютъ» ИБ. [3] М; «и деревни, почти пустыя, оставлялись на произволъ непріятеля. Одинъ только городъ Дубно не сдавался этимъ суровымъ мстителямъ» ИБ. [4] М; «мстителямъ. Военные чины, въ числѣ которыхъ занималъ не послѣднее мѣсто Тарасъ Бульба, положили взять его голодомъ» ИБ. [5] М; «Полки» ИБ. [6] М; «Жители, вмѣстѣ съ небольшимъ числомъ войскъ, находившихся въ городѣ, рѣшились» ИБ. [7] М; «всю возможную» ИБ. [8] М; «и не сдаваться ни въ какомъ случаѣ непріятелю» ИБ. [9] М; «Часть юношей, попробовавши битвъ и опасности» ИБ. [10] М; «играть опасностью и торжествовать надъ нею» ИБ. [11] М; «въ страстно-очаровательную» ИБ.

Стр. 428 [1] Слово «запорожцы» внесено изъ ИБ. [2] Слова: «со всѣхъ сторонъ» внесены изъ ИБ. [3] М; «вдругъ вихремъ вырвавшись, свистѣло и летѣло вверхъ, касаясь оторваннымъ охлопьемъ своимъ самихъ звѣздъ» ИБ. [4] М; «иногда же» ИБ. [5] М; «и гроздія вѣтвей, обвѣшенныхъ грушами» ИБ. [6] Слово: «всего» внесено изъ ИБ. [7] М; «Едва только слышался крикъ птицъ, поднимавшихся надъ ними кучами: [они] казались темными мелкими крапинами, брызнувшими на огненномъ полѣ» ИБ. [8] М; «и звонкое ихъ ржа-

ніе отдавалось удесетерявшимъ ояое эхомъ» **ИБ.** [9] **М**; «и вмѣстѣ величественную» **ИБ.** [10] **М**; «присутствіе чего-то, когда намъ кажется, что позади насъ кто-то стоитъ» **ИБ.** [11] Слово «ея» внесено изъ **ИБ.** [12] **М**; «выплыло» **ИБ.**

Стр. 429 [1] **М**; «вырвались» **ИБ.** [2] **ИБ**; «нѣтъ куска» **М.** [3] **М**; «но на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ, стоятъ теперь ваши обозы» **ИБ.** [4] **ИБ**; «уже взятъ» **М.** [5] **ИБ**; въ **М.**, очевидно, ошибка: «изъ шатра». [6] **ИБ**; въ **М.** снова ошибка: «отыскивать». [7] **М**; «порядочные» **ИБ.** [8] **М**; «Онъ велѣлъ также ей, отнести припасы, дожидаться его при входѣ» **ИБ.** [9] **ИБ**; «привести» **М.** [10] **М**; «Къ счастію, запорожцы» **ИБ.** [11] **М**; «Потихоньку» **ИБ.** [12] **М**; «Онъ со страхомъ, почти мертвой и убитою душою» **ИБ.**

Стр. 430 [1] **М**; «на самомъ стоявшій главномъ и опасномъ постѣ» **ИБ.** [2] **М**; «подъ землю» **ИБ.** [3] **М**; «возвратился» **ИБ.** [4] Слово: «хорошенько» внесено изъ **ИБ.** [5] **М**; «тотъ принялъ бы его» **ИБ.** [6] Въ **ИБ** и **М**: «представленія». [7] **ИБ**; «къ добру» **М.** [8] **М**; «кинулся» **ИБ.** [9] **М**; «Небольшое отверстіе отворилось и захлопнулось за нимъ» **ИБ.** [10] **М**; «наконецъ, спустились на самый низъ» **ИБ.**

Стр. 431 [1] Все это мѣсто въ **ИБ** имѣетъ слѣдующій видъ: «это были больше привидѣнія, нежели люди. Чуть не передъ ними на улицѣ лежала, судорожно свернувшись, женщина съ разметанными волосами, съ чертами лица, когда то прекрасными, но искаженными ужасно бѣшенствомъ страданія. Возлѣ нея лежалъ мертвый младенецъ. Она стиснула зубами изсохшую свою руку, и глаза ея были, какъ окаменѣлые. Тронутый до глубины Андрій положилъ возлѣ нея кусокъ хлѣба; но она издала только какое-то глухое стенаніе и не измѣнила своего [положенія?]. Онъ спѣшилъ за татаркою; онъ летѣлъ видѣть *ее*, дрожа за нее всѣмъ тѣломъ. Онъ взбѣжалъ на крыльцо; онъ взошелъ въ комнату». [2] **М**; «Онъ взошелъ въ спальню. О, какъ замлѣло его сердце и весь онъ, когда сердце ему сказало», **ИБ.** [3] **М**; «подвернувши подъ себя прекрасную ножку» **ИБ.** [4] **М**; «херувима» **ИБ.** [5] «обдающее священнымъ трепетомъ сладкой боязни въ первый разъ взглянувшаго на нее» **М**; «обдающему хладомъ и священнымъ трепетомъ боязни въ первый разъ взглянувшаго на него зрителя» **ИБ.** [6] **М**; «приподняла немного» **ИБ.**

Стр. 431—432 [1] **М**; «взглядъ долгій, сокрушительный. Онъ опять былъ недвижимъ, онъ исчезнулъ, онъ обратился въ явленіе міра духовнаго. Этотъ признакъ безмолвнаго страданія, этотъ болѣзненный взглядъ» **ИБ.** [2] **М**; «и въ одно время» **ИБ.** [3] Слово: «ея» внесено изъ **ИБ.** [4] Конецъ главы невписанъ въ **ИБ.** Здѣсь читается только: «Царица!» сказалъ онъ: «что для тебя сдѣлать? Чего ты хочешь?» — «Не отходи возлѣ меня», отвѣчала она, смотря на него пристально, и положила ему на плечо свою чудесную руку. «Клянусь Богомъ и всѣмъ, что̀ есть на небѣ...» [5] **М**; «сказалъ высокій Янкель, выставивъ» **ИБ.** [6] **М**; «тотъ самый жидъ» **ИБ.** [7] **М**; «маркитанствовалъ и шпіонничалъ вмѣстѣ» **ИБ.** [8] **М**; «Пане, знаваете ли вы, что такое дѣлается?» **ИБ.**

Стр. 433 [1] **М**; «чтобы козакъ... чтобы... я тебя убью» **ИБ.** [2] **М**; «Ей Богу, не вру! Чтобъ отцу моему не было счастья, если я вру!» [3] **М**; «Какъ ты говоришь? чтобы...» **ИБ.** [4] **М**; «червонцевъ» **ИБ.** [5] **ИБ**; «какъ будто громомъ» **М.** [6] **М**; Въ **ИБ** это мѣсто читается такъ: «Бульба былъ пораженъ, какъ громомъ. «Врешь ты, проклятый Іуда! Какъ можно, чтобы крещеное дитя про-

дало свою вѣру. Если бы онъ былъ турокъ, или нечистый жидъ такой, какъ ты, или хоть ляхъ, тогда бы, можетъ быть, еще Богъ попустилъ это сдѣлать, но чтобы Христовой вѣры человѣкъ да сдѣлалъ эдакое безчестное дѣло... не можетъ онъ этого сдѣлать, ей Богу, не можетъ! Я тебя повѣшу, нечистый! Чтобы и духу твоего здѣсь не было!» Жидъ, увидѣвши, что въ самомъ дѣлѣ ему оставаться было не слишкомъ прилично, поспѣшно убѣжалъ, согнувшись въ-трое. — Бульба, оставшись одинъ, не зналъ, что и говорить; онъ стоялъ и смотрѣлъ только на всѣ стороны».

Стр. 433—434 [1] **М**; Въ **ИБ** это мѣсто имѣетъ не вполнѣ обработанный видъ: «Кошевой, вмѣстѣ съ совѣтомъ старшинъ (опредѣлили) одну сторону, обращенную къ сторонѣ непріятельской, усилить болѣе. Черезъ это цѣпь съ другой стороны города немного ослабѣла, и хотя польскія войска были отбиты съ перваго разу, и съ большимъ урономъ, но отрядъ остававшихся въ городѣ рѣшился воспользоваться малочисленностью прикрытія и дѣйствительно прорвался и успѣлъ соединиться почти въ виду запорожцевъ. Бульба рвалъ на себѣ волосы: теперь уже было невозможно облегать городъ: силы были слишкомъ раздѣлены. Тогда запорожцы рѣшились принять обыкновенный свой маневръ, который всегда дѣлалъ ихъ непобѣдимыми и возбуждалъ удивленіе въ самыхъ опытныхъ знатокахъ тогдашняго военнаго искусства. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы скрыть тылъ запорожцевъ. Сдвинули всѣ телѣги, весь обозъ въ одну кучу и въ нѣсколько рядовъ окружили обозъ, будучи со всѣхъ сторонъ обращены лицомъ къ непріятелю. Между тѣмъ часть наѣздниковъ должна была, со всѣхъ сторонъ, полетѣть, какъ вихорь, нападать на ряды и безпрестанно развлекать ихъ. — Запорожцы рѣшились ....*) въ густую непреломную стѣну, всегда доставлявшую имъ существенныя выгоды, тѣмъ болѣе, что тактика ихъ соединяла вмѣстѣ и стремительность азіатскаго нападенія, и крѣпость европейскую». [2] **М**; «но не былъ въ силахъ получить превосходства» **ИБ**. [3] **М**; «Сѣча» **ИБ**. [4] **М**; «сдержать» **ИБ**. [5] **М**; «оборотилъ» **ИБ**. [6] **М**; «какъ будто» **ИБ**. [7] **М**; «Онъ сказалъ два слова своему сыну Остапу» **ИБ**. [8] **М**; «атаку» **ИБ**. [9] Словъ «какъ подлый трусъ» въ **ИБ** нѣтъ. [10] **М**; «и оттуда, какъ подлый трусъ, командовалъ своимъ войскомъ» **ИБ**. [11] **М**; «Силы Бульбы» **ИБ**. [12] **М**; «съ такимъ свирѣпствомъ, съ такимъ нечеловѣческимъ размахомъ и волею» **ИБ**. [13] **М**; «на воздухѣ» **ИБ**. [14] Слово «и» внесено изъ **ИБ**. [15] **М**; «и чтобы» **ИБ**.

Стр. 435 [1] **М**; «который чувствовалъ [себя]**) не совсѣмъ чистымъ душою» **ИБ**. [2] Вмѣсто этого въ **ИБ**: «который чувствовалъ [себя] не совсѣмъ чистымъ душою. Отчаянно онъ устремился за бѣгущимъ отрядомъ, который не вынесъ такой битвы и начиналъ уже думать, что не имѣетъ ли онъ дѣла съ самимъ дьяволомъ». [3] **ИБ**; «поражая» **М**; но въ **ИБ** слово «поражая» зачеркнуто и вмѣсто него написано: «настигая». Послѣ слова: «бѣгущихъ» въ **ИБ**. только: «Андрій остановился». [4] Въ **М**: «поздо». [5] **М**; «не было за нимъ» **ИБ**. [6] **М**; «сказалъ Тарасъ, устремивъ на него свои грозныя очи» **ИБ**. [7] **М**; «Андрій молчалъ» **ИБ**. [8] **М**; «Послѣ этихъ

---

*) Пропущено слово. **) Въ прямыя скобки заключены слова, пропущенныя въ рук. или написанныя неразборчиво, въ вѣрности чтенія которыхъ редакторъ не увѣренъ.

словъ» ИБ. [9] М; «вдохновенно-сверкающимъ» ИБ. [10] М; «но это имя было не имя родины, ни отца, ни матери» ИБ. [11] М; «и... выстрѣлъ грянулъ» ИБ. [12] М; «тихо повисъ» ИБ.

Стр. 436 [1] М; «Остановился сыноубійца, повѣсилъ свою голову и думалъ» ИБ. [2] «розшарпали» М; «розшарпали бы» ИБ. [3] М; «и разнесли его желтыя кости, наполнивши свирѣпымъ стономъ пустыню» ИБ. [4] М; «Батьку» ИБ. [5] М; «онъ кинулся» ИБ. [6] Слово «они» внесено изъ ИБ. [7] М; «который въ это время мощно сжалъ въ груди своей подступившее въ это время раздирающее чувство» ИБ. [8] М; «и понесли въ сосновый обгорѣлый лѣсъ» ИБ. [9] М; «саблями вырыли небольшую яму (и закопали при свистѣ пуль и крикѣ двухъ бившихся народовъ)» ИБ. [10] М; «Тарасъ опустилъ лопату» ИБ. [11] М; «Онъ лежалъ прекрасенъ: мужественное, исполненное нѣкогда силы и непобѣдимаго для женъ очарованія лицо еще сохранило на себѣ слѣды ихъ». На лѣвомъ полѣ страницы приписано: «Его черныя брови отливались, какъ траурный бархатъ, надъ закрытыми глазами на блѣдномъ, какъ»... [12] Слово «была» внесено изъ ИБ. [13] Слово «теперь» внесено изъ ИБ. [14] Слова «изъ замка» внесены изъ ИБ. [15] М; «обворожительную, перлъ міра» ИБ. [16] М; «повлекъ бы ее за длинные» ИБ. [17] М; «...горла, если бы одно особенное происшествіе не остановило» ИБ.

Стр. 437. [1] М; «взята» ИБ. [2] М; «Въ такихъ» ИБ. [3] М; «недѣли черезъ три» ИБ. [4] М; «и мнѣніе его подтвердили и прочіе чины, чтобы итти» ИБ. [5] М; «долго будутъ помнить» ИБ. [6] М; «прогостили» ИБ. [7] М; «спросилъ» ИБ. [8] М; «есть нашихъ въ плѣну человѣкъ десять» ИБ. [9] М; «послалъ» ИБ. [10] М; «такъ не соглашаются» ИБ. [11] М; «ихъ тамъ и оставимъ» ИБ. [12] Слово «мы» внесено изъ ИБ [13] ИБ; «христіанскою вѣрою» М. [14] М. Вмѣсто этого въ ИБ: «Кошевой пожалъ плечами». — «Нѣтъ, я думаю, что не бывать этому». — «Ужли можешь ты сдѣлать это?» сказалъ кошевой. «Можетъ быть, и я».

Стр. 437—438 [1] М; «Слышали-ли вы, панове, что кошевой хочетъ, чтобы поднялись домой на Сѣчу» ИБ. [2] М; «католичество» ИБ. [3] М; «и отошла на сторону» ИБ. [4] М; «вышелъ взглянуть» ИБ. [5] М; «закричалъ онъ грозно. — «Мы остаемся» ИБ. [6] М; «сказали» ИБ. [7] М; «я не бунтую» ИБ. [8] М; «долгъ святой» ИБ. [9] М; «А я тебя» ИБ. [10] М; «голосъ» ИБ. [11] М; «товарищей, что̀ на Сѣчѣ? Вѣдь съ ними Татары, можетъ, еще и хуже поступятъ» ИБ. [12] М; «Еще у магометанства» ИБ. [13] М; «или жарить въ мѣдномъ быкѣ» ИБ. [14] М; «Да» ИБ. [15] М; «что̀ тогда?» ИБ.

Стр. 439 [1] М; «что̀ тогда?» Эти слова произвели сильное впечатлѣніе на начинавшихъ уже склоняться запорожцевъ» ИБ. [2] М; «хлопцы» ИБ. [3] М; «Ну, скажите пожалуста: гдѣ умъ вашъ дѣлся? Ну, гдѣ» ИБ. [4] ИБ; «съ такими непріятелями» М. [5] М; «Ихъ тысячъ десять, а васъ всего двѣ тысячи» ИБ. [6] М; «Что жъ? Пропадать» ИБ. [7] М; «Ну, оставайтеся же» ИБ. [8] М; «а тѣ, которые благоразумнѣе, гайда до дому!» ИБ. [9] М; «Вы дѣлайте себѣ свое, а мы сдѣлаемъ свое» ИБ. [10] М; «стоявшіе впереди» ИБ. [11] М; «и мы то же» ИБ. [12] ИБ; «не знаемъ» М. [13] ИБ; «Вѣдь пробовали всякія невзгоды» М. [14] М; «никакого неудовольствія» ИБ. [15] М; «Спрашиваемъ: имѣете ли противъ насъ какое неудовольствіе?» ИБ. [16] М; «Никакого! никакого!»

ИБ. [17] **М**; «Ну, такъ почеломкаемся» **ИБ.** [18] **ИБ**; «паны-браты» **М.** [19] **ИБ**; «разскажете» **М.** [20] **М**; «ляжете» **ИБ.**

Стр. 440 [1] **М**; «скажемъ» **ИБ**. [2] **М**; «такіе молодцы, что̀ и вѣры Христовой знали оборонять» **ИБ.** [3] **М**; «и вамъ, и вамъ» **ИБ.** [4] **М**; «чтобы не подать непріятелю знать о своемъ раздѣленіи, отступили къ обгорѣлому монастырю, у подошвы котораго былъ глубокій яръ. Тутъ они распрощались навсегда. Половина съ кошевымъ атаманомъ опустилась яромъ; невидимая отъ непріятеля, пробиралась въ тишинѣ и молчаніи. Стоявшія на высотѣ польскія войска не могли» **ИБ.** [5] **М**; «и уже рѣшились было тотчасъ» **ИБ.** [6] **М**; «ничего, кромѣ самая дьявольская засада» **ИБ.** [7] **М**; «положивши палецъ себѣ на носъ» **ИБ.** [8] **М**; «это народъ, чортъ возьми! чрезвычайно хитрый» **ИБ.** [9] Слова «какъ» нѣтъ въ **ИБ.** [10] **М**; «....честь запорожскую. Какъ придетъ до того, что уже не можно будетъ стоять противъ бусурменовъ, то глядите, чтобы» **ИБ.** [11] Въ **М.** «паны-браты». [12] **М**; «потому что судьба наша теперь такая же, какъ свадьба, на которой веселится всякій человѣкъ» **ИБ.** [13] **М**; «Сотня козаковъ вынула изъ обозовъ баклажки» **ИБ.** [14] **М**; «Напередъ, прежде всего другаго» **ИБ.** [15] **М**; «за вѣру Христову, чтобы она вездѣ бы имѣла вѣрныхъ защитниковъ и чтобы весь міръ покрыла и всѣ бусурмены чтобы подѣлались, наконецъ, христіанами! Потомъ выпьемъ разомъ и за Сѣчь» **ИБ.**

Стр. 441 [1] **М**; «А за третьимъ разомъ выпьемъ» **ИБ.** [2] Слова «такъ же весело» вставлены изъ **ИБ.** [3] Слово «всѣ» вставлено изъ **ИБ.** [4] Слово «громко» вставлено изъ **ИБ.** [5] **М**; «ребята» **ИБ.** [6] **М**; «Всѣ мигомъ вскочили на коней и съ какимъ-то порывомъ выѣхали» **ИБ.** [7] **М**; «Ихъ лица, осѣненныя черными и сѣдыми усами, означались какою-то увѣренностью» **ИБ.** [8] **М**; «Вся конница» **ИБ.** [9] **М**; «подъ свистомъ пуль они шли, какъ подъ свадебною музыкою» **ИБ.** [10] **М**; «нигдѣ не разорвалась эта колонна. Польскія войска, которыя было приняли ихъ съ стремительнымъ упорствомъ, начали отступать и, отступая, дивились, не сверхъестественная ли....» **ИБ.** [11] **М**; «ни на минуту не измѣняясь» **ИБ.**

Стр. 442 [1] **М**; «Нужно было какому-нибудь генію живописцу стать на высотѣ и рисовать это зрѣлище. Французскій артиллеристъ» **ИБ.** [2] **М**; «и, позабывшись, ударилъ въ ладоши, крича громко: «Браво, месье запороги!». Около двухъ тысячъ войскъ (sic!) непріятельскихъ разсыпалось и обратилось въ бѣгство. Свѣжія новоприбывшія войска остановились какъ бы въ недоумѣніи. Запорожцы съ своей стороны не рѣшились итти далѣе. Въ виду самого непріятеля забрали» **ИБ.** [3] **М**; «Бульба и запорожцы пировали вмѣстѣ» **ИБ.** [4] **М**; «когда обсмотрѣлись и перечли ряды, запорожцевъ оставалась всего только съ небольшимъ тысяча» **ИБ.** [5] **М**; «движенія» **ИБ.** [6] **М**; «всему войску» **ИБ.** [7] Слова «изъ мушкетовъ» внесены изъ **ИБ.** [8] **М**; «и была сверху совершенно завалена срубленнымъ» **ИБ.**

Стр. 443 [1] **М**; «Французскій артиллеристъ» **ИБ.** [2] **М**; «вмѣсто издали видѣнныхъ запорожцевъ» **ИБ.** [3] **М**; «они замѣтили» **ИБ.** [4] **М**; «Вишь, чортовы ляхи! пронюхали» **ИБ.** [5] **М**; «сдвинуть обозъ въ кучу и обвить его въ нѣсколько рядовъ» **ИБ.** [6] **ИБ**; «атаки» **М.** [7] **М**; «отправился на легкѣ. Непріятель уже отчаявался одолѣть эту густую толпу, если бы одно упущеніе со стороны запорожцевъ не открыло ему новыхъ средствъ» **ИБ.**

Стр. 444 [1] **М**; «въ ручную» **ИБ**. [2] **М**; «толстыми канатами» **ИБ**. [3] **М**; «гдѣ полагалъ находившимся своего сына» **ИБ**. [4] **М**; «отъ безпрестанно сыпавшихся» **ИБ**. [5] **М**; «Дико кричалъ онъ, и голосъ его» **ИБ**. [6] **М**; «посыпались на него; толпа стиснувшая смяла, онъ грянулся, лишенный чувствъ; кони гусаръ» **ИБ**. [7] **М**; «и никакой живой трофей не остался свидѣтелемъ побѣды» **ИБ**. [8] **М**; «мутно осматривая углы небольшой избенки» **ИБ**. [9] **М**; «изрубленный» **ИБ**. [10] **М**; «который, казалось*), какъ будто на минуту обрадовался и въ ту же минуту погрузился» **ИБ**. [11] **М**; «Добрая была сѣча!» сказалъ Бульба слабымъ голосомъ. «Еще никогда не помнилъ я такой битвы. Что, Товкачъ, всѣ наши полегли на мѣстѣ?» — «Всѣ». — «Какъ же это я спасся? Вѣдь я, кажется, совсѣмъ билъ по сабел...**) и уже не помню ничего» **ИБ**.

Стр. 445 [1] **М**; «никогда не говорятъ о своихъ дѣлахъ. По блѣдному и перевязанному лицу» **ИБ**. [2] **ИБ**; «въ плѣнъ» **М**. [3] **М**; «Сынъ мой! Остапъ мой! и я не подалъ руку помощи, и я не высвободилъ тебя!» **ИБ**. [4] Вмѣсто этого («Морщины сжались» — «оставался цѣлый день въ избѣ») читается въ **ИБ**: «Глубокая горесть осѣнила покрытое рубцами лицо. — «Полно, полно! Чего зарюмилъ, старый? Чему быть, тому быть. Молчи да крѣпись, потому что намъ еще сто верстъ нужно проѣхать». — «На что? Куда это?» — «На то, что тебя всякая дрянь теперь ищетъ. Знаешь ли ты, что за твою голову, хоть бы мертвую, тому, кто принесетъ ее, дадутъ 2000 червонцевъ?» — «Сыну мой! Остапъ мой!» говорилъ съ грустью Бульба, не слушая рѣчей Товкача. Отъ сильной горести имъ овладѣло безпамятство. Товкачъ день цѣлый оставался еще въ избушкѣ» **ИБ**. [5] **М**; «Какъ дитя, положилъ его въ лубочный ящикъ, на подобіе койки, и положилъ ящикъ поперекъ сѣдла» **ИБ**. [6] **М**; «всякихъ встрѣчъ» **ИБ**. [7] **М**; «меньше» **ИБ**. [8] Слово «Притомъ» внесено изъ **ИБ**.

Стр. 446 [1] **М**; «преодолѣла все» **ИБ**. [2] **М**; «Но ничто не могло развлечь его. Видъ Сѣчи и ея пиршества, казалось, становился ему ѣдкимъ. Онъ вспоминалъ, что еще недавно, еще два мѣсяца назадъ, онъ гулялъ съ своими сыновьями, крѣпкими, свѣжими, исполненными силъ, — онъ вспоминалъ, и грудь его горѣла, и онъ раздирающимъ голосомъ повторялъ: «Сынъ мой! Остапъ мой!». [3] **М**; «выбритыми» **ИБ**. [4] **М**; «видѣла чалмы своихъ магометанскихъ защитниковъ раскиданными, какъ разноцвѣтные цвѣты, раскиданными на поляхъ и пловущими у береговъ; не мало могла разглядѣть она и запачканныхъ дегтемъ запорожскихъ шароваръ, мускулистыхъ рукъ съ черными нагайками. Короткія запорожскія люльки находились еще долго послѣ того среди степей» **ИБ**. [5] **М**; «въ глубинахъ понта» **ИБ**. [6] Слово «весело» внесено изъ **ИБ**. [7] **М**; «Неподвижный, равнодушный сидѣлъ онъ одинъ на берегу. Губы его тихо шевелились и произносили: «Остапъ, Остапъ мой» Передъ нимъ сверкало и разстилалось Черное море; бѣлый усъ его серебрился, какъ крыло птицы, и слеза одна за другою скатывалась въ желтые волосы» **ИБ**. [8] **М**; «накрывшись какимъ-то старымъ, довольно запачканнымъ саваномъ съ каймою» **ИБ**.

---

*) Въ рук.: «казался».
**) Не дописано.

Стр. 447 [1] **М**; «сзади» **ИБ**. [2] **М**; «какъ только взглянулъ онъ на него, то ему прежде всего бросились въ глаза 2000 червонныхъ, которые повѣщены за его голову; но онъ тутъ же устыдился своей мысли и старался подавить въ душѣ своей эту вѣчную мысль» **ИБ**. [3] **М**; «сказалъ Тарасъ жиду, когда тотъ началъ передъ нимъ кланяться и между тѣмъ заперъ осторожно дверь, чтобы никто не могъ увидѣть у него Тараса» **ИБ**. [4] **М**; «при чемъ брови» **ИБ**. [5] **М**; «высыпалъ кучу золота изъ кожанаго гамана» **ИБ**. [6] **М**; «какъ воротился» **ИБ**.

Стр. 448. [1] **М**; «Какъ мужно (sic!) такъ? Развѣ панъ не знаетъ, что-жъ на то и горѣлка создана, бы ее всякій пробовалъ» **ИБ**. [2] **М**; «и продѣлаетъ сзади» **ИБ**. [3] **ИБ**; «порожнюю бочку» **М**. [4] **М**; «такіе голодные» **ИБ**. [5] **М**; «и васъ нащупаютъ» **ИБ**. [6] **М**; «а я верхъ закладу кирпичомъ. Немножко будетъ тяжело, а я сдѣлаю въ возу дырочку; чтобы кормить пана».— «Дѣлай, какъ знаешь; только скорѣе» **ИБ**. [7] «подпригивалъ» **ИБ**, **М**. [8] **М**; «этой страшной грозы жидовъ, а потому» **ИБ**. [9] **М**; «спокойно» **ИБ**.

Стр. 449 [1] «подпригивая» **ИБ**, **М**. [2] **ИБ**; «короткомъ» **М**. [3] **М**; «не заходило сюда никогда» **ИБ**. [4] **М**; «съ тысячью» **ИБ**. [5] **ИБ**; «оконъ» **М**. [6] «ощекотуренный» **ИБ**., **М**. [7] **М**; «Иногда только вверху какой нибудь ощекотуренный кусокъ стѣны блисталъ при солнцѣ» **ИБ**. [8] **М**; «Всякій, что только было у него негоднаго, швырялъ изъ оконъ на улицу, доставляя прохожимъ отъ всей души пользоваться зрѣніемъ» **ИБ**. [9] **М**; «въ потемнѣвшихъ замасленныхъ бусахъ» **ИБ**. [10] **М**; «Жидъ съ толстыми губами выглянулъ» **ИБ**. [11] **М**; «На» **ИБ**. [12] Слово «что» внесено изъ **ИБ**. [13] **М**; «Послѣ этого Бульба» **ИБ**. [14] **М**; «Наконецъ, что-то» **ИБ**.

Стр. 450 [1] **М**; «вы достанете на морскомъ днѣ» **ИБ**. [2] **М**; «что жидъ самого себя, какъ захочетъ, то украдетъ» **ИБ**. [3] **М**; «и домъ» **ИБ**. [4] **М**; «сказалъ третій жидъ, боязливо взглянувъ на двухъ другихъ» **ИБ**. [5] **М**; «нѣсколько разъ повторяемое «**ИБ**.

Стр. 451 [1] **ИБ**; «разсказывать» **М**. [2] **М**; «взглядывалъ» **ИБ**. [3] **М**; «Мардохай слушалъ, часто плевалъ на стороны, подымалъ фалды и вынималъ оттуда какіе-то побрякушки, при чемъ показывалъ прескверные свои панталоны. Наконецъ, всѣ жиды подняли такой крикъ, что Тарасъ опасался уже за свою безопасность, и одинъ жидъ, стоявшій насторожѣ, жидъ (sic!) нѣсколько разъ долженъ былъ давать сигналъ молчанія» **ИБ**. [4] **М**; «Черезъ минуту три жида вмѣстѣ съ Мардохаемъ вошли въ его комнату» **ИБ**. [5] **М**; «Мардохай приблизился къ Тарасу, потрепалъ его по спинѣ и сказалъ: «Не бойся добрый человѣкъ: когда Богъ захочетъ сдѣлать, то такъ и будетъ» **ИБ**. [6] **М**; «можетъ быть» **ИБ**. [7] **М**; «что онъ самъ, безъ сомнѣнія, не могъ припомнить ихъ. . . . . . . Мардохай ушелъ вмѣстѣ съ своими сотоварищами» **ИБ**. [8] **М**; «въ лихорадочномъ положеніи» **ИБ**.

Стр. 452 [1] «поздо» **М**. [2] **М**; «не пилъ и глядѣлъ неотлучно въ маленькое окошечко. Наконецъ, показались Мардохай и Янкель съ поникнувшими головами» **ИБ**. [3] **М**; «пейсика» **ИБ**. [4] **М**; «прежде вился» **ИБ**. [5] **М**; «приставлялъ» **ИБ**. [6] **М**; «Нѣтъ, любезный панъ!» **ИБ**. [7] **М**; «взглянулъ» **ИБ**. [8] **М**; «но уже безъ нетерпѣнія и боязни» **ИБ**. [9] «левентарь» **М**. [10] **М**; «никакого счастья» **ИБ**. [11] **М**; «50 червонцевъ проситъ каждый» **ИБ**. [12] **М**; «Добре» **ИБ**. [13] **М**; «и вся твердость возвратилась снова въ его душу. — «Нужно, чтобы панъ

надѣлъ какую-нибудь другую одежу. Я скажу, что это графъ и что недавно пріѣхалъ изъ нѣмецкой земли. Я уже досталъ и платье». Бульба согласился съ этимъ» ИБ. [14] М; «Хозяинъ началъ суетиться по избѣ, вытащилъ тощій жиденькій тюфякъ, накрытый какою-то рогожкою, разстелилъ его на лавкѣ» ИБ. [15] М; «убрался» ИБ. [16] М; «пара жиденковъ» ИБ.

Стр. 453 [1] М; «Онъ сидѣлъ за столомъ почти неподвижный» ИБ. [2] М; «и заворачивалъ носъ въ рогожку» ИБ. [3] М; «изъ самыхъ приближенныхъ козаковъ» ИБ. [4] М; «и самые рубцы на лицѣ» ИБ. [5] М; «Они скоро пришли къ строенію, имѣвшему [видъ] сидѣвшей цапли; оно было низкое, широкое, почернѣлое» ИБ. [6] М. «Янкель и Бульба вошли въ ворота и очутились среди огромнаго зала» ИБ. [7] М; Къ счастію въ это время подошелъ какой-то довольно толстый усачъ, который, казалось по всѣмъ примѣтамъ, былъ начальникъ ИБ.

Стр. 454 [1] М; «встрѣчаясь со стражами» ИБ. [2] М; «Вѣдь Яна теперь уже нѣтъ» ИБ. [3] М; «произнесъ грозно и твердо Тарасъ» ИБ. [4] М; «въ три этажа» ИБ. [5] М; «этажъ» ИБ. [6] М; «я вовсе не ясновельможный, я просто гайдукъ», сказалъ усачъ съ глупою улыбкою». ИБ. [7] М; «то» ИБ. [8] М; «Гайдукъ погладилъ нижній этажъ усовъ своихъ и мигнулъ бровями» ИБ.

Стр. 455 [1] М; «Гайдукъ закрутилъ верхніе усы и пропустилъ сквозь губы звукъ, нѣсколько похожій на ревъ» ИБ. [2] М; «и вѣра ихъ такая, что всякій не уважаетъ» ИБ. [3] М; «но упрямство его не умѣло заглаживать испорченное дѣло, если бы не подвернулся Янкель» ИБ. [4] М; «Какъ же можно, чтобы это была правда, чтобы графъ да былъ козакъ?» ИБ. [5] М; «Эге, разсказуй!» при этомъ гайдукъ уже растворилъ пошире ротъ свой, чтобы закричать» ИБ. [6] М; «Ваше королевское величество!» закричалъ Янкель: «молчите! Ради Бога, молчите! Мы ужъ вамъ за это заплотимъ такъ, какъ еще никогда и не видѣли, богато заплотимъ: дадимъ два червонца». — «Эге, два червонца! Два червонца ни по чемъ. Я цирюльнику даю два червонца. Сто червонцевъ» ИБ. [7] М; «червонцевъ» ИБ.

Стр. 456 [1] М; «и что гайдукъ дальше ста не зналъ считать» ИБ. [2] М; «какъ бы начиналъ сожалѣть, что не запросилъ еще» ИБ. [3] М; «то уже ты» ИБ. [4] М; «Пошли, пошли къ дьяволу!» ИБ. [5] М; «О Боже мой, Боже милосердный!» — Если бы кто взглянулъ на лицо Бульбы, тотъ бы увидѣлъ, что эта неудача слишкомъ была ѣдка для него и выражалась пожирающимъ пламенемъ досады въ его глазахъ» ИБ. [6] М; «вѣдь панъ этимъ ничего уже не поможетъ» ИБ. [7] М; «сказалъ твердо и рѣшительно Бульба» ИБ. [8] М; «должна была» ИБ. [9] М; «народъ со всѣхъ сторонъ волною валилъ туда» ИБ.

Стр. 457 [1] М; «но и для нѣкоторыхъ изъ высшаго разряда» ИБ. [2] М; «которыя кричали съ просонья и закутывались въ свои теплыя одѣяла и которыя, однакожъ, не пропускали случая полюбопытствовать» ИБ. [3] М; «Ахъ, Боже! какое мученье!» ИБ. [4] ИБ; «Иной и ротъ разинувъ, и руки вытянувъ впередъ, желалъ бы». М. [5] М; «толстое и широкое лицо» ИБ. [6] М; «такъ что на его квартирѣ не оставалось даже рубашки» ИБ. [7] М; «Онъ еще будетъ кричать и двигаться, но какъ только отрубятъ голову, то онъ уже не будетъ ни ѣсть» ИБ.

Стр. 458 [1] М; «опускалась иногда черезъ перилы» ИБ. [2] ИБ; «свѣтлою» М. [3] М; «цѣловалъ свою добычу» ИБ. [4] М; «съ длинными чубами и запущен-

ными бородами» ИБ. [5] М; Въ ИБ первоначально было написано: «Что почувствовалъ (ты), старый Тарасъ, когда увидѣлъ своего сына? Старикъ вперилъ в . . . . Чтò было тогда въ твоемъ сердцѣ? (Но того никто не видалъ). Онъ глядѣлъ въ него изъ толпы всею силою своею». Потомъ заключенное въ скобки было зачеркнуто авторомъ. [6] М; «Они подходили уже» ИБ. [7] М; «эту ужасную чашу» ИБ. [8] ИБ; «руку» М. [9] М; «еретики и католики» ИБ.

Стр. 459 [1] М; «долгихъ и кровавыхъ мученій» ИБ. [2] М; Я долженъ, однакожъ, сказать, что король первый шелъ противъ этихъ ужасныхъ мѣръ. Онъ прозрѣвалъ и видѣлъ, что подобная жестокость наказаній можетъ только болѣе разжечь мщеніе козачьей націи» ИБ. [3] Въ ИБ сверху незачеркнутыхъ словъ «непостижимою недальновидностію» приписано: «деспотическою строгостью». [4] Въ М: «на правленія»; въ ИБ: «сдѣлали сеймъ сатирою на правленіе». [5] М; «когда храскъ ихъ слышала среди мертвой тишины отдаленная толпа, когда панянки отворотили глаза свои и говорили: «Боже! какое мученье!» ничто похожее на стонъ» ИБ. [6] ИБ; «не дрогнулось» М. Ср. прим. 6 къ стр. 365. [7] М; «Слышу!» раздалось громко въ толпѣ среди всеобщей тишины, и весь милліонъ народа въ одно время вздрогнулъ. Тощая голова жида Янкеля поблѣднѣла, какъ смерть. Часть военныхъ всадниковъ начала заботливо разсматривать толпы народа, и три человѣка на лошадяхъ подскочили къ Янкелю, котораго измѣнившійся видъ показывалъ соумышленничество; но бѣдный жидъ не могъ ни слова выговорить. Всадники, бросивши его, устремились; но Бульбы и слѣдъ простылъ». ИБ.

Стр. 460 [1] М; «это уже было» ИБ. [2] М; «уничиженную» ИБ. [3] ИБ; «насиліе» М. [4] М; «почиталъ» ИБ. [5] М; «скорѣе сбросить недальновидный, утѣснительный деспотизмъ, который наложило на нихъ своеволіе государственныхъ магнатовъ и очистить Украйну отъ всего жидовскаго и посторонняго народа» ИБ. [6] М; «и совѣтникъ старшины Гуня» ИБ. [7] Въ М. опечатка: «восемь тысячъ полковъ». Въ ИБ: «Восемь полковъ, пять конныхъ и три пѣшихъ, въ алыхъ, синихъ и желтыхъ суконныхъ кафтанахъ, выѣзжали твердо и мужественно». [8] М; «Изъ числа ихъ надъ однимъ изъ нихъ начальникомъ былъ Бульба» ИБ. [9] М; «но неумолимость и свирѣпая жестокость его казались ужасными» ИБ. [10] М; «и онъ несъ своею рукою только огонь и висѣлицу» ИБ. [11] М; «Я не стану» ИБ. [12] М; «и постепеннаго хода этой великой кампаніи» ИБ. [13] М; «какъ вѣшались» ИБ.

Стр. 461 [1] М; «Слово козакамъ» внесено изъ ИБ. [2] М; «и уваженіе дворянства» ИБ. [3] М; «Гетьманъ и полковники рѣшились, заключивши выгодный трактатъ, обезпечившій бы во всемъ козаковъ, отпустить Потоцкаго» ИБ. [4] М; «ужасный» ИБ. [5] М; «женское» ИБ. Въ ИБ. прежде было написано и потомъ зачеркнуто слово: «бабское». [6] М; «и ударя своею саблей по стоявшей тутъ же пушкѣ» ИБ. [7] М; «Глядите, паны — вспомните меня!» продолжалъ какъ-то восторженно, и въ голосѣ его замѣтно было что-то пророческое» ИБ. [8] М; «или, какъ вѣрные рыцари, лечь всѣмъ, какъ братья родные, на полѣ» ИБ.

Стр. 462 [1] Слово «насъ» вставлено изъ ИБ. [2] М; «въ руку» ИБ. [3] М; «чтобы его и духу не было на землѣ!» продолжалъ съ силою этотъ изступленный сѣдой фанатикъ и съ полкомъ своимъ въ ту же минуту отправился въ путь» ИБ. [4] М; «товарищей» ИБ. [5] М; «бывшее всегда добродѣтелію этихъ гульливыхъ

рыцарей» **ИБ.** [6] **М**; «казалось, пророческія слова Тараса какъ будто смутили ихъ» **ИБ.** [7] **М**; «Нѣсколько времени спустя послѣ того, послѣ вѣроломнаго поступка подъ Каневымъ, голова гетмана и нѣкоторыхъ сановниковъ........» (не дописано). «Но послѣдуемъ за Тарасомъ» **ИБ.** [8] **М**; «посыланы были» **ИБ.** [9] **М**; «Тарасъ всегда поступалъ неожиданно и скрывалъ» **ИБ.** [10] **М**; «онъ вдругъ сворачивалъ съ дороги» **ИБ.** [11] **М**; «опустошительныя его разрушенія» **ИБ.** [12] **М**; «мщеніемъ» **ИБ.** [13] **М**; «думали спастись въ костелахъ» **ИБ.**

Стр. 462—463 [1] **М**; «подымались къ небу изъ ужаснаго потопа огня и дыма, и разстрепанные черные волосы сыпались, сквозь дымъ, по плечамъ ихъ, и козаки поднимали съ улицъ копьями невинныхъ младенцевъ, — онъ глядѣлъ» **ИБ.**

Стр. 463 [2] **М**; «Вотъ это вамъ, проклятые ляхи, это поминки по Остапѣ» **ИБ.** [3] **М**; «эти» **ИБ.** [4] **М**; «праздновалъ» **ИБ.** [5] **М**; «Наконецъ, польское правительство увидѣло, что дѣло Тараса пошло не на шутку и было» **ИБ.** [6] **М**; «Тарасъ видѣлъ теперь свою опасность» **ИБ.** [7] **М**; «могли вынести его необыкновенного (sic!) бѣгство» **ИБ.** [8] **М**; «возложенной на него обязанности» **ИБ.** [9] **М**; «величайшею» **ИБ.** [10] **М**; «на самомъ возвышенномъ мѣстѣ» **ИБ.** [11] **М**; «ужасною» **ИБ.** [12] **М**; «что, кажется, ежеминутно готова была обрушиться въ волны. Внизу шумѣлъ Днѣстръ» **ИБ.** [13] **М**; «Здѣсь-то облегли его польскія войска почти съ трехъ сторонъ» **ИБ.** [14] **М**; «могъ въ этой крѣпости сдѣлать» **ИБ.** [15] **М**; «средствъ для пропитанія въ опустошенной крѣпости» **ИБ.** [16] **М**; «знали» **ИБ.** [17] **ИБ**; «узкой» **М.**

Стр. 463—464 [1] **М.** Это мѣсто въ «Миргородѣ» значительно отличается отъ рукописнаго текста въ **ИБ.** Здѣсь оно читается такъ: «Тарасъ рѣшился оставить крѣпость и попробовать удачи прорваться сквозь ряды и дойти по берегу до такого мѣста, съ котораго бы можно было кинуться на лошадяхъ въ рѣку и вплавь пуститься по Днѣстру. Это казалось ему тѣмъ легче, что, дѣйствительно, одна сторона непріятелей была слабѣе. Онъ стремительно вышелъ изъ крѣпости и уже козаки пробились сквозь первые ряды, какъ Бульба нагнулся и сказалъ: «Стой, хлопцы! уронилъ люльку». Въ то время, когда онъ искалъ ее въ травѣ, онъ былъ схваченъ назади своихъ войскъ съ тыла налетѣвшимъ отрядомъ, отдѣлившимъ его отъ своихъ козаковъ. Онъ двигнулъ своими членами, но уже съ него не стряхнулись на землю, какъ бывало прежде, дюжіе гайдуки. «Эхъ, старость, старость!» сказалъ онъ, почти что не заплакавъ. Ему прикрутили руки, увязали его веревками и цѣпями, привязали его къ огромному бревну, и поставили это бревно рубомъ въ разсѣлину стѣны, такъ что онъ стоялъ теперь выше всѣхъ и могъ обозрѣвать битву и волны и [былъ] виденъ .... его козаковъ. А для сообщенія ему большей неподвижности одну руку его прибили желѣзнымъ гвоздемъ. И стоялъ какъ на воздухѣ, какъ какой-нибудь явившій (sic!) духъ, съ неизобразимымъ выраженіемъ лица, съ бѣлыми, подымавшимися отъ вѣтра волосами. Но нимало не было на лицѣ его видно мысли о себѣ». [2] «какъ на ладонѣ» **ИБ, М.** [3] **М**; «кричалъ онъ съ своей вышины» **ИБ.** [4] **М**; «не доносилъ» **ИБ.** [5] **М**; «гдѣ шумѣлъ» **ИБ.** [6] **М**; «Онъ увидѣлъ изъ-за куста выказывавшіяся три кормы» **ИБ.** [7] **ИБ**; «за вами» **М.** [8] **М**; «вѣтеръ на минуту дунулъ съ противной стороны» **ИБ.** [9] **М**; «чтобы онъ не могъ подать подобнаго совѣта» **ИБ.**

Стр. 465 [1] «на обѣихъ» **М**. [2] «низвергавшаго» **М**. [3] Вмѣсто этого («но берегъ все еще состоялъ» — «низвергавшагося въ Днѣстръ», стр. 464—465) въ **ИБ** читается: «но берегъ все еще возвышался стремниною. Они видѣли вдали его покатость, но дорогу перерадилъ имъ широкій провалъ сажени на четыре: однѣ сваи изломаннаго моста торчали на берегу; въ ужасной глубинѣ едва доходило до слуха нѣжное журчаніе какого-то [потока], скатывавшагося въ Днѣстръ». [4] **М**; «Козаки на мигъ ока только остановились, подняли свои нагайки, свиснули и татарскіе кони ихъ» **ИБ**. [5] **М**; «Одинъ только конь не досталъ противнаго края, но зацѣпился» **ИБ**. [6] **М**; вмѣсто: «неустрашимый до безразсудности» въ **ИБ**: «горячій». [7] **М**;... «обворожившей бѣднаго Андрія) рѣшился на безумное дѣло — повторить тоже самое и себѣ» **ИБ**. [8] «пропавшагося» **М**. [9] **М**; «обрызгалъ росшій по внутренности провала кустарникъ» **ИБ**. [10] **М**; «у ногъ своихъ козаковъ» **ИБ**. [11] **М**; «на» **ИБ**. [12] **М**; «Взоръ его сверкнулъ» **ИБ**. [13] Слово «поспѣшно» внесено изъ **ИБ**. [14] **ИБ**; «отъ береговъ» **М**. [15] **М**; «Вспоминайте иногда обо мнѣ» **ИБ**. [16] **М**; «свою судьбу» **ИБ**. [17] **М**; «я знаю, что и кусочка тѣла моего не оставятъ, что меня всего по кусочкамъ [распластятъ?] **ИБ**. [18] **М**; «Козаки, уходя подъ [пулями?] и выстрѣлами, осторожно миналн» **ИБ**. [19] **М**. Вмѣсто «хорошенько выправляли парусъ» въ **ИБ**: «расправляли парусъ». [20] **М**; «и опытно» **ИБ**.

Альфредъ (стр. 466—485).

Напечатанныя подъ этимъ заглавіемъ сцены изданы были въ первый разъ г. Кулишомъ подъ заглавіемъ „Набросокъ начала безыменной трагедіи изъ англійской исторіи“ въ книгѣ „Записки о жизни Н. В. Гоголя“ (II, 281 — 302), потомъ перепечатаны въ „Сочиненіяхъ и письмахъ Гоголя“ (II, 543 — 564), также г. Кулишомъ, подъ заглавіемъ „Альфредъ. Начало трагедіи изъ англійской исторіи“. Послѣдующіе издатели „Сочиненій Гоголя“ перепечатывали текстъ „Альфреда“ въ томъ видѣ, какъ онъ „прочитанъ былъ г. Кулишомъ въ одной изъ книгъ, въ которой Гоголь писалъ начерно свои сочиненія до 1836 года“ (Соч. и пис. Гоголя II, 543). Текстъ „Альфреда“, напечатанный г. Кулишомъ, очень испорченъ: многія мѣста, особенно собственныя имена и юридическіе термины, прочитаны невѣрно. Въ этомъ читатель можетъ убѣдиться, сравнивши текстъ настоящаго изданія съ текстомъ, напечатаннымъ г. Кулишомъ.

Историческія данныя, на которыхъ основанъ „Альфредъ“, собраны Гоголемъ во время составленія имъ курса исторіи среднихъ вѣковъ, читаннаго въ Петербургскомъ университетѣ. Нѣсколько записныхъ книгъ въ листъ приготовлено было Гоголемъ, чтобы

вписывать въ нихъ матеріалы для этого курса: указанія на источники, пособія, конспекты лекцій, извлеченія изъ разныхъ историческихъ сочиненій. Въ одной изъ этихъ записныхъ книгъ (по внѣшнему виду и бумагѣ совершенно сходной съ рукописью, означенною у насъ РА, № 5) мы находимъ напр. выписанныя изъ „Каталога русскимъ книгамъ Смирдина" заглавія историческихъ сочиненій, касающихся Турціи, Молдавіи, Арменіи. На третьемъ листѣ этой книги написано: „Раздѣленіе исторіи среднихъ вѣковъ. Причины паденія Западной римской [имперіи] внутреннія и внѣшнія. Происхожденіе европейскихъ народовъ. Ихъ мѣста жительства". Это начало той же университетской программы, выдержка изъ которой напечатана выше. Изъ этой приписки заключаемъ, что эта записная книга (въ бумагахъ Гоголя № 10) начала наполняться замѣтками Гоголя въ 1834 году. — Она назначена была для подготовленія матеріаловъ къ университетскому курсу; это видно изъ всего ея состава и изъ отмѣтокъ въ родѣ слѣдующей: „Лекція. Распространеніе Норманновъ". Слѣдуетъ конспектъ лекціи. Тетрадь наполнялась по мѣрѣ развитія университетскаго курса средневѣковой исторіи и *въ порядкѣ* его развитія. Во второй половинѣ этой тетради, на страницахъ 43-й, 44-й и частію 45-й Гоголемъ написанъ очеркъ „Англія Англо-Саксонская", представляющій характеристику англійскаго государственнаго устройства въ ту эпоху, которая изображается Гоголемъ въ „Альфредѣ". Этотъ очеркъ, служившій, несомнѣнно, матеріаломъ для нѣсколькихъ университетскихъ лекцій Гоголя по исторіи Англіи, представляетъ мѣстами извлеченіе, мѣстами буквальный переводъ изъ книги: „L'Europe au moyen âge. Traduit de l'anglais de M. Henry *Hallam*, par M. M. Dudouit, avocat à la cour royale de Paris, et A. R. Borghers. A Paris" (MDCCCXXI). Печатаемъ эти наброски Гоголя вполнѣ, прибавляя въ выноскахъ отрывки изъ книги Галлама, которою Гоголь пользовался въ указанномъ французскомъ переводѣ. Выдержки изъ книги Галлама приводятся исключительно, чтобы показать, насколько переводъ соотвѣтствуетъ оригиналу, и въ какой степени Гоголь владѣлъ въ то время французскимъ языкомъ. „*Англія Англо-Саксонская*". — „Королевство Мерси, Эстъ-Англія и Нортумберландъ продолжали управляться по своимъ законамъ, и Эгбертъ, какъ его пять непосредственныхъ потомковъ, имѣлъ только титло короля Вессекскаго.

Альфредъ никакъ не могъ покорить всей Англіи и Датчанъ.

Границы его владѣній были: Тамиза, Леа, Уза[1]) и римская дорога, называемая Watling Street.

Карта говоритъ: что основаніе главное монархіи Англо-Саксонской есть прямое наслѣдованіе родственниковъ, что кровь втораго сына не имѣетъ никакого права вступать прежде прекращенія первой. Альфредъ и Этельредъ I устранили, однакожъ, наслѣдниковъ старшаго брата, основываясь на согласіи дворянства Вессекскаго, послѣдней волѣ отца и одобреніи брата его Этельреда.

Въ монархіи Англосаксонской дворянство не имѣло такой большой власти и Графы Англіи, которые имѣли каждый своего Алдермана, или частнаго графа[2])........ Но когда все королевство было покорено, начали ввѣрять управленіе цѣлыхъ областей одному лицу. Мерси, Норт.[3]) и Ест. Англ.[4]) разсматривались какъ отличныя части[5]) монархіи. Альфредъ ввѣрилъ правленіе Мерси одному благородному, за котораго отдалъ дочь свою Этельфледу, управлявшая (sic!) послѣ супруга съ благоразуміемъ выше своего пола. При восшествіи на престолъ Эдуарда II Губернаторы пользовались властью королевскою, какъ ....[6]) Карла Плѣшиваго во Франціи. Во время Эдуарда Исповѣдника государство, казалось, было раздѣлено между пятью графами[7]); три изъ нихъ были: Годвинъ и его сыны Гарольдъ и Тостигъ.

Сверхъ рабовъ были два класса thanes и Céorls, владѣтели и обработыватели земли или, лучше, благородные и высшій народъ[8]). Weregild, или примиреніе для смерти[9]). Въ законахъ Англосаксонскихъ находимъ два порядка[10]) вольныхъ ленниковъ[11]): первые назывались thanes — танами короля; ихъ жизнь стоила 1200 шилинговъ; за вторыхъ же давалась половина этой суммы. Сеорлы стоили 200 шилинговъ. Тановъ было много. Этельредъ приказывалъ шерифу брать въ каждомъ округѣ (дистриктъ) 12 высшихъ тановъ для засѣданія при дворѣ юстиціи[12]), и въ большой по-

---

[1]) Транскрипція именъ оригинала: «La Tamise, la Lea, l'Ouse». [2]) Фраза не кончена. Невѣрная передача слѣдующихъ строкъ французскаго текста: «et les *comtés* d'Angleterre, qui avaient chacun leur *alderman*, ou comte particulier, n'étaient pas d'une assez grande étendue pour encourager l'usurpation des gouverneurs». [3]) Не дописано: «le Northumberland». [4]) Не дописано; «l'Est Anglie». [5]) «comme parties distinctes». [6]) Одно слово не разобрано; въ оригиналѣ: «sous Charles le Chauve». [7]) Прежде было написано: «графствами». [8]) Въ подлинникѣ: «le peuple *inférieur*». [9]) Въ подлинникѣ: «la composition *pour meurtre*». [10]) Сверху этого слова написано: «рода» (ordre). [11]) «de francs tenanciers». [12]) Въ подлинникѣ: «pour lui servir d'assesseurs dans la cour de justice».

земельной книгѣ[1]) (Domesday-book) видно, что они составляли классъ довольно замѣчательный[2]) при Эдуардѣ Исповѣдникѣ.

Кажется, Сеорлы не были привязаны къ землѣ, которую обработывали. Они иногда призывались къ оружію для защиты. Его личность, имѣніе были одинаково покровительствуемы. Онъ могъ сдѣлаться владѣтелемъ и пользоваться привилегіями, съ этимъ соединенными. Если онъ будетъ владѣть пятью hydes земли (около 600 акровъ) съ церковью и домомъ господскимъ, онъ можетъ принять имя и пользоваться правами тана. Во время нападенія они обращались иногда въ villani (Villain). Villani и bordarii (Domesday-book). Socmen, упоминаемые часто въ этой книгѣ, по мнѣнію Галлама, были Сеорлы, купившіе Freeholds (свободныя земли) или получившіе отъ своихъ повелителей. Они образовали корень растенія благороднаго, давшаго физіогномію англійской конституціи.

Послѣ Сеорловъ слѣдуютъ покоренные Бретоны. Въ государствахъ твердой земли большею частію остался языкъ латинскій и если онъ испортился, то отъ невѣжества и незнанія правилъ, мало отъ смѣшенія. Въ Англіи же, напротивъ, языкъ чисто-тевтоническій и поражаетъ донынѣ сходствомъ [съ] языкомъ отечественной земли Англосаксовъ. Бретоны были въ рабствѣ, и хотя многіе (владѣли землею)[3]), были и вольные, однакожъ были ниже вольныхъ Саксоновъ. — Сеорлы могли привестъся въ рабство своими преступленіями и тираннiей.

Великій совѣтъ, въ которомъ засѣдали Англосаксонскіе короли во всѣхъ нужныхъ случаяхъ ихъ правленія, назывался Wittenagemot, или собраніемъ умныхъ людей. Одобреніе этого совѣта входило во всѣ дѣла, и есть примѣры уничтоженныхъ дѣлъ, потому только, что они были сдѣланы безъ его участія. Оно состояло изъ прелатовъ, аббатовъ и, какъ обыкновенно говорятъ, благородныхъ и умныхъ людей государства. Низшіе таны, или небольшіе владѣльцы составляли часть Шир-Гемота (Shir-gemot) — судилища въ графствѣ, хотя это было не такъ важно, какъ засѣдать въ національномъ совѣтѣ. Сообразно съ Исторіею Ели[4]), никто, какой бы благородный ни былъ, не имѣетъ права засѣдать

---

[1]) «le grand cadastre». [2]) Описка вм. «значительный» (une classe assez considérable»). [3]) Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [4]) «l'Histoire d'Ely».

въ Wittenagemot, — по крайней мѣрѣ около времени Эдуарда Исповѣдника, — не владѣя 40 hides земли, или около 5000 акровъ (подвержено сомнѣнію) въ такой конфедеративной землѣ.

Англосаксонскіе таны сохранили донынѣ право суда въ своихъ графствахъ, составившее [1]) основаніе конституціи Аглицкой.

Раздѣленіе на графства и управленіе сими графствами Алдерманами и Шерифами существовало до Альфреда. Можно предполагать, что онъ назначилъ имъ только границы. Не доказана древность низшихъ раздѣленій. Hundreds, по мнѣнію Галлама, установлены закономъ Эдгара и tithigs [2])... Но какъ Альфредъ владѣлъ только половиною Англіи, то ему невозможно было совершенное раздѣленіе Англіи на дистрикты [3]). Hundreds, кажется, состояли изъ ста вольныхъ фамилій (лицъ) [4]). Tythingman дѣйствовалъ лично, безъ магистратуры, какъ десятскій. Судъ сотенный (hundred) не былъ, какъ во Франціи, предсѣдательствуемъ сотникомъ, но шерифомъ графства. Этому суду графства Англичане обязаны сохраненіемъ правъ своихъ. Это собраніе управлялось епископомъ и графомъ, а въ отсутствіе его шерифомъ, было нѣсколько разъ въ годъ, а иногда и каждый мѣсяцъ. Всѣ свободные приносили клятву вѣрности, соединялись противъ нарушенія мира, судили [5]) преступленія и частные споры.

Гикесъ (Hickes) издалъ очень древній англосакскій актъ судопроизводства. „Да будетъ вѣдомо: въ судѣ графства (Shir-gemot), держаномъ [въ] [6]) Агельнотстанѣ (Aylston въ графствѣ Herefort) во время царств. Канута, гдѣ засѣдали Athelstan, епископъ, Ranig, альдерманъ, Едвигъ [7]), его сынъ, и Леоfвинъ [8]), сынъ Вульфига, и Туркиль бѣлый [9]) и Тофигъ, какъ коммиссары короля, засѣдали, въ присутствіи Бриннинга, шерифа, Ательвеарда де Фрома, Леофвина де Фрома, Годрика де Штоке [10]) и всѣхъ тановъ графства Герефорда, Эдвинъ, сынъ Эннавна [11]), представился суду противъ ма-

---

[1]) Въ рук.: «составившемъ». [2]) Слѣдуетъ: «tythings». Фраза не кончена. [3]) Въ подлинникѣ: «Mais, comme Alfred ne fut jamais maître que de la moitié du royaume, il est impossible, dans toutes les hypothèses, de rapporter à son règne la division complète de l'Angleterre en ces différents districts». [4]) Слово «лицъ» въ рукописи стоитъ въ скобкахъ. [5]) Въ рукописи, согласно обычному употребленію Гоголя, «судились». Въ подлинникѣ: «on y jugeait les crimes». [6]) Это слово въ рук. пропущено. [7]) Въ подлинникѣ: «Edwin.» [8]) «Léofwin». [9]) Переправлено изъ «леблань»; въ подлинникѣ: «Thurkil le Blanc». [10]) Въ подлинникѣ: «Goodric de Stoke». [11]) «Fils d'Enneawne».

тери своей, требуя у ней земли Weolintun и Cyrdeslea. Тогда епископъ требовалъ [1]): не желаетъ ли кто отвѣчать за его мать. Тогда Туркиль ле бланъ [говоритъ] [2]), что онъ отвѣчалъ [бы] [3]), если бы зналъ, въ чемъ это дѣло, но не отвѣчаетъ, потому что не знаетъ. Тогда увидѣли въ собраніи трехъ тановъ, которые были изъ Фелигли (Fawley въ пяти миляхъ отъ Айлстона) [4]) Леофвинъ до Фроме [5]), Агельвигъ Красный и Тинзикъ Штегтманъ [6]). Они шли къ матери и требовали отъ нея, чтобы она сказала насчетъ земель, о которыхъ говоритъ ея сынъ [7]). Она сказала, что не имѣетъ никакихъ земель, принадлежащихъ сыну, и проклинала его ужасными словами. Она вызвала свою родственницу, жену Туркиля, и ему сказала [8]) въ сихъ словахъ передъ танами: „Леофледѣ, моей родственницѣ, даю я мои земли, мое серебро [9]), мои одѣянія и все, что̀ ни владѣю, послѣ моей смерти". Потомъ она обратилась къ танамъ и имъ сказала: „Ступайте къ танамъ [10]) и разскажите это всѣмъ добрымъ людямъ собранія: повѣдайте имъ, кому я даю мои земли и всѣ мои богатства и скажите имъ, что я ничего не оставляю моему сыну". И она ихъ приняла свидѣтелями всего этого. Сіи возвратились тотчасъ въ собраніе и повѣдали обо всемъ, что̀ происходило. Тогда Туркиль ле Бланкъ отнесся къ собранію [11]) и просилъ всѣхъ тановъ укрѣпить за его женою владѣнія, которыя отдала ему его родственница. Они согласились на его (просьбу =) требованіе [12]), и Туркиль возвратился [13]) тотчасъ въ церкву во имя Этельберта, въ присутствіи и съ одобренія всего народа и вписалъ сей актъ [14]) въ книгу сея церкви".

Нѣкоторые свободные были призываемы въ сіи собранія; они засѣдали какъ свиторы [15]) суда (homines curie) [16]), слѣдуя обычаю Англосак. законовъ [17]), и ихъ отсутствіе было наказываемо. Но они были призываемы, чтобы исполнять другія должности, чтобы

---

1) «Alors l'évêque demanda». 2) Это слово въ рук. пропущено. Въ подл.: «Alors Thurkil le Blanc dit». 3) Слово «бы» въ рукописи пропущено. 4) «à cinq milles d'Aylston». 5) Гоголь пишетъ то: «де Фроме», то: «де Фрома»; въ его оригиналѣ: «Léofwin de Frome». 6) «Thinsig Stoegthman». 7) «au sujet de terres, que réclamait son fils». 8) Въ оригиналѣ Гоголя: «*et enflammée d'une violente fureur contre lui,* elle appela Leofléda, sa parente, la femme de Thurkil, et *lui parla...*» 9) «mon argent». 10) Въ оригиналѣ Гоголя: «Conduisez-vous en thanes». 11) «s'adressa à l'assemblée». 12) «ils accédèrent à sa demande». 13) «Thurkil se rendit». 14) «et fit insérer le présent acte». 15) «Suitors». 16) Описка; слѣдуетъ: «curiae». 17) «suivant le langage de nos lois actuelles».

брать обязанность земской защиты (frankpledge), а не участвовать въ законосудейской власти [1]).

Судопроизводство не подвинулось до XI вѣка у Саксоновъ. Апелляціи нельзя было подавать въ королевскій трибуналъ прежде окончанія въ судѣ графскомъ, и когда установливались королевскіе суды.

Установленіе суда присяжныхъ относятъ также (ко време) Альфреду. Въ законахъ Альфреда, по крайней мѣрѣ, есть нѣкоторое сходство [2]): „Если обвиненъ въ преступленіи убійства танъ короля, при оправданіи ему позволялось это дѣлать съ 12 танами короля [3]). Если обвинялся танъ низшаго разряда, онъ могъ оправдываться [4]) съ 11 танами его разряда и однимъ таномъ короля". Этотъ законъ, по Никольсону, не могъ имѣть въ виду суда присяжныхъ.

Ни одинъ народъ не былъ, болѣе англосакскаго, преданъ грабительствамъ, ссорамъ и войнамъ за наслѣдственныя мщенія фамилій [5]). Налоги и штрафы за такія самоуправства съ несостоятельныхъ образовали банды, предававшіяся [6]) (грабительствамъ =) разбойничествамъ [7]).

Положенія для удержанія безпорядковъ Leges Alfredi c. 33: „оставляющій свое графство долженъ получить позволеніе своего Альдермана". 2. Leges Athelstani, p. 56: „всякій человѣкъ долженъ имѣть своего повелителя, отъ котораго долженъ зависѣть. Онъ могъ его бросить, но съ условіемъ имѣть другаго, иначе онъ можетъ быть остановленъ, какъ воръ, всякимъ встрѣчнымъ". Leges Edwardi Confess, p. 202: „Поселяне, не смотря на свою

---

[1]) Во француз. подлинникѣ: «Mais ils y étaient appelés pour y remplir d'autres devoirs, comme pour y prêter le serment d'allégeance, ou pour prendre quelque engagement de garantie mutuelle (frankpledge), et non pour participer à l'exercice du pouvoir judiciaire». [2]) «quelque rapport». [3]) Въ оригиналѣ Гоголя: «Si quelqu'un accuse d'homicide un thane du roi, et que celui-ci veuille se justifier, il lui sera permis de le faire avec douze thanes du roi». [4]) Въ рукописи, согласно обычаю Гоголя: «оправдывать» (se justifier). [5]) «Aucun peuple n'était aussi adonné que les Anglo-Saxons au brigandage, aux querelles et aux guerres suscitées par des vengeances de famille». [6]) Въ рукописи: «предававшія». [7]) «Les sommes fixées étaient quelquefois très fortes; il fallait, pour les payer, avoir recours à ses parents, ou bien entrer dans des associations volontaires, dont le but pouvait souvent être louable, mais qui étaient certainement susceptibles de ce genre d'abus: elles dégénéraient en bandes de brigands qui se nourrissaient de rapine, et se livraient au meurtre et à tous les excès de pillage avec l'espoir de l'impunité».

свободу, не могли [бросить] [1]) мѣста жительства; гостепріимство не давалось иностранцу болѣе двухъ дней".

О поручительствѣ hundred и tything.

Сиръ Генрихъ Спельманъ въ своемъ Глоссерѣ [2]) говоритъ, что земли не были феодальными до эпохи завоеванія Норманнами.

Предполагаютъ вообще, что земли были раздѣлены, между Англосаксами, на bocland и folkland. Первыя удерживались въ полной собственности и могли быть переданы другому чрезъ boc, или письменную дарственную запись. Другія были занимаемы классомъ народа, пріемлющимъ [3]) на проценты, на платежъ дохода или другія услуги, и которые по своему владѣнію имѣли только то титло, которое давалъ имъ ихъ повелитель [4]).

Можно сравнить эти два рода земель съ freeholds и copyholds, если владѣніе симъ послѣднимъ зависитъ еще отъ воли господина. Bocland можно завѣщать: онъ раздѣлялся поровну между дѣтьми; онъ могъ быть конфискованъ въ пользу короны за измѣну, трусость, побѣгъ изъ арміи. Земли, завѣщанныя Альфредомъ нѣкоторымъ дворянамъ, должны возвратиться въ его фамилію за недостаткомъ [наслѣдниковъ] мужескаго пола [5]). Кажется, существовали земли, которыя нельзя было завѣщать безъ вѣдома короля. Гикесъ думаетъ, что это слѣдствіе ихъ бенефиція [6]). Въ Англіи всѣ ленныя земли, за выключеніемъ церковныхъ, были покорены тремъ главнымъ обязанностямъ: 1) услугамъ военнымъ въ экспедиціи короля или, по крайней мѣрѣ, въ войнахъ для защиты страны; 2) поправкѣ мостовъ и содержаніи королевскихъ крѣпостей.

За дурное поведеніе въ войнѣ даже наслѣдственныя земли тана конфисковались, чего на твердой землѣ не было [7]). Въ древнѣйшихъ саксонскихъ законахъ sithcundman, соотвѣтствующій тану, подвергался конфискаціи за небреженіе къ обязанностямъ военнымъ, тогда какъ во Франціи аллодіальный владѣлецъ долженъ

1) Это слово въ рукописи пропущено; ниже Гоголь переводитъ слово: «quitter» именно словомъ «бросить». 2) «Glossaire». 3) Въ рукописи: «пріемлючихъ». Въ оригиналѣ Гоголя: «les dernières étaient occupées par des gens du peuple tenus à des rentes ou à d'autres servitudes». 4) «et qui n'avaient peut-être d'autre titre à la jouissance de ces terres que la volonté du propriétaire». 5) «à défaut d'héritiers mâles»; слово «наслѣдниковъ» въ рукописи пропущено. 6) «Hickes pense que cela résultait de leur qualité de terres bénéficiaires». 7) «Il est cependant important de remarquer que les biens héréditaires d'un thane qui s'était mal conduit dans l'action étaient confisqués».

только платить heribannum, или штрафъ. Sithcundman, или небольшой дворянинъ [1]), зависѣлъ отъ высшаго господина. Но весьма вѣроятно, что отношенія личныя кліента иногда превращались въ вассальныя, потому что въ Англіи, какъ и во Франціи, въ смутныя времена прибѣгали къ покровительству сильныхъ.

Слово thane не означаетъ всего класса дворянства въ первоначальныхъ законахъ саксонскихъ, гдѣ слово eorl [2]) противопоставлено *сеорлу* и Sithcundman — тану королевскому. Въ Domesday book содержится множество именъ ленниковъ и условій ихъ владѣнія частію отъ короны, частію отъ владѣтелей частныхъ, называемыхъ thanes — вольными людьми (liberi homines) ou socagers (socmanni). Одни изъ нихъ могли продать земли; другіе лишены были этого права. Одни могли итти съ своими землями, какъ выражается [3]) Domesday Book, куда угодно, то есть, могли выбрать патрона, какого пожелаютъ; другіе не могли бросить господина, которому покорились, то есть, въ отношеніи владѣнія, а не лично. Владѣтели имѣли судъ, на которомъ производили правосудіе своимъ подчиненнымъ".

Приведенныя страницы представляютъ превосходный и многосторонній историческій комментарій къ „Альфреду". При помощи этихъ страницъ возстановляется правильное чтеніе значительной части собственныхъ именъ и юридическихъ терминовъ въ „Альфредѣ" и становится ясною причина странной транскрипціи оныхъ. Эти страницы выясняютъ объемъ и качество того историческаго матеріала, съ которымъ Гоголь приступилъ къ сочиненію драмы изъ англійской исторіи, взявши героемъ личность, которая напоминала ему, нѣкоторыми сторонами своей исторической дѣятельности, симпатичнаго Гоголю „Ал-Мамуна".... Имена многихъ дѣйствующихъ лицъ этой піесы взяты Гоголемъ изъ англійской исторіи и притомъ изъ эпохи, или древнѣйшей, или непосредственно предшествовавшей времени Альфреда. Въ виду испорченности или неодинаковаго написанія этихъ именъ въ рукописи мы приводимъ

---

[1]) «petit gentilhomme». [2]) Сначала Гоголь хотѣлъ, повидимому, передать это слово русскими буквами и уже написалъ начальное *я*, но потомъ оставилъ такъ, какъ нашелъ въ своемъ оригиналѣ. Г. Кулишъ, издавая въ первый разъ «Альфреда», вездѣ вмѣсто «сеорлъ» подлинной рукописи печатаетъ «яорлъ»; Гоголь же, слѣдуя французскому переводу книги Галлама, прямо говоритъ: «слово *eorl* противопоставлено *сеорлу*» (въ первоначальныхъ законахъ англосаксонскихъ).
[3]) Въ рукописи: «выражаетъ» («suivant les expressions du Domesday Book»).

въ примѣчаніяхъ эти имена въ англійской формѣ. Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ заключить, что мысль о сочиненіи „Альфреда“ и самые матеріалы для этой піесы даны Гоголю его университетскимъ курсомъ по исторіи средневѣковой Англіи. Въ другой книгѣ (№ 15), также приготовленной для записыванія историческихъ матеріаловъ, но оставшейся почти пустою, находимъ на переплетѣ собственноручную замѣтку Гоголя: „Къ Альфреду. Вельможи что̀ толкуютъ. Что Альфредъ не занимается охотою“.

Исторію „Англо-саксонской Англіи“ Гоголь, судя по составленной имъ для университетскихъ лекцій программѣ, и по конспектамъ лекцій, предшествующихъ, въ записной книгѣ № 10, статьѣ „Англія Англо-саксонская“, излагалъ студентамъ въ половинѣ 1835 года. Къ этому времени и относится глава „Англія Англо-саксонская“. Конечно, въ этомъ же году написаны и сохранившіеся отрывки „Альфреда“. Важное подтвержденіе этому выводу мы видимъ въ томъ обстоятельствѣ, что сцены этой піесы вписаны на страницахъ 19—26 той записной книги РА, № 5, въ которую Гоголь вписывалъ отчасти произведенія 1835 года, большею же частію 1836 года. Изъ вышеприведенной замѣтки, „вельможи, что̀ толкуютъ“, можно заключить, что Гоголь предполагалъ продолжать Альфреда. Это намѣреніе не сбылось. Въ записной книгѣ РА, № 5 „Альфреду“ предшествуетъ „Коляска“, уже переписанная для Пушкина въ октябрѣ 1835 года. Позволяемъ себѣ сдѣлать предположеніе, что въ октябрѣ написаны и наброски „Альфреда“. Они остались безъ продолженія, потому что весь ноябрь посвященъ былъ окончательной обработкѣ для театра „Ревизора“, который и былъ готовъ 5-го декабря того же года.

Стр. 466 [1] Фраза: «Ай, что ты такъ тѣснишь!» написана сверху страницы надъ словами: «Дѣйствіе 1-е». [2] Слово «развѣ» въ рукописи зачеркнуто. [3] Такъ въ рукописи; повидимому, неправильная транскрипція имени «Heartingas». [4] «Thurkil». [5] Такъ произноситъ и читаетъ Гоголь слово ceorl (кёрль), руководствуясь транскрипціею французскаго перевода вышеуказанной книги Галлама. [6] Слова: «будь хоть» написаны сверху зачеркнутыхъ: «чуть только».

Стр. 467 [1] Въ рукописи: «кончено». [2] Послѣ слова: «не сыщешь» въ рукописи тире (—) т. е. знакъ, которымъ Гоголь означаетъ начало новой реплики или новой строки. [3] Въ рукописи описка: «еорлъ». [4] Прежде было написано: «и поддается тану, что...» [5] Въ рукописи: «такъ». [6] Конецъ слова не дописанъ. Кулишъ читаетъ: «зналъ». [7] Слово «это» приписано сверху зачеркнутаго «именно». [8] Заключенное въ скобки зачеркнуто. [9] Въ рукописи послѣ этого стоитъ слово, которое мною не разобрано. [10] Слова: «вѣдь посуди ты» написаны сверху зачеркнутыхъ: «вѣдь выше». [11] Слово «король» переправлено изъ «Яоръ».

Стр. 468 [1] «Брифрикъ», одинъ разъ: «Бридрикъ» — транскрипція имени «Brithric». [2] Въ рукописи: «все». [3] Въ рукописи: «hudec». Англ. *hide* (гайда) въ латин. источникахъ *hyda*, передается Гоголемъ въ двоякой транскрипціи: hudec (вторая и послѣдняя буква — русскія) и hydes, всегда съ буквою *s* на концѣ. Это происходитъ отъ того, что Гоголь имѣлъ подъ руками *французскій* текстъ книги Галлама, гдѣ *hydes* есть множественное число, принятое Гоголемъ за единственное. [4] «Cwichelm». [5] Въ рукописи «все». [6] Послѣ слова «топоръ» зачеркнуто слово: «будетъ». [7] Слово «фи» написано сверху зачеркнутыхъ: «О куда!» [8] «Wulfwig». [9] Въ рукописи: «что». [10] Послѣ этого зачеркнуто: «шпицовъ совсѣмъ нѣтъ». [11] Прежде было написано: «вовсе», потомъ это слово зачеркнуто и сверху приписано: «сов», т. е. «совсѣмъ», какъ видно изъ только-что приведенной зачеркнутой фразы.

Стр. 469 [1] Слова: «по улицамъ» написаны сверху зачеркнутыхъ: «гибель такая». [2] Слово «платьяхъ» въ рук. зачеркнуто. [3] Поставленное въ скобки въ рукописи зачеркнуто. [4] Въ рукописи: «изъ это». [5] Слова: «ту збрую» написаны вмѣсто зачеркнутыхъ: «тотъ мечъ». [6] Въ рукописи «который» (такъ какъ относится къ зачеркнутому: «мечъ»). [7] Слова «какая нужда» написаны сверху зачеркнутыхъ: «не о мантіи». [8] Въ рукописи: «Бридрикъ». [9] Затѣмъ зачеркнуто: «Ширъ что ли? Такъ что». [10] Слова: «какъ вышли» написаны сверху зачеркнутыхъ: «такой блескъ». [11] Въ рукописи: «на папахъ». [12] Послѣ того зачеркнуто: «ради Бога».

Стр. 470 [1] Слова «Голосъ изъ толпы» въ рук. зачеркнуты. [2] Послѣ слова «ты» зачеркнуто «дуракъ». [3] «Cuthred». [4] Затѣмъ приписано сверху: «Англосаксъ». Вслѣдъ затѣмъ зачеркнуто: «Брифрикъ...» (одно слово не разобрано. [5] «Cissa». [6] Послѣ приписанныхъ сверху словъ: «связываешься съ» г. Кулишъ предлагаетъ прибавить: «Этельбальдомъ». [7] Послѣ «не» одно слово не разобрано. Гоголь имѣлъ обыкновеніе въ своихъ черновыхъ рукописяхъ помѣщать позднѣйшія дополненія и приписки на другой страницѣ, противъ того мѣста, за которымъ ихъ слѣдуетъ поставить. Такъ и это мѣсто («А я разскажу» — «если не...») написано прямо противъ слѣдующихъ строкъ предшествующей страницы: «*Кисса*. Ей, другъ, напрасно ты (вину народу это (эту?) толкуешь, послѣ=) связываешься съ...» Послѣ этихъ словъ и слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, вставить указанное мѣсто.

Стр. 471 [1] Въ рук.: «Весексъ». [2] Слова: «зачѣмъ ему б» приписаны сверху зачеркнутыхъ: «не станетъ». [3] Слово «мошенникъ» написано сверху зачеркнутаго: «собака». [4] «Hexham». [5] Г. Кулишъ предлагаетъ послѣ этого слова вставить: «вассалу». Гоголь, впрочемъ, употребляетъ иногда: «какому-то: вм. «кому-то». [6] Такъ въ рукописи: «hydes». [7] Ср. выше выписку Гоголя изъ книги Галлама: «Если онъ («сеорлъ») будетъ владѣть пятью hydes земли (около 600 акровъ) *съ церковью и домомъ господскимъ*, онъ можетъ принять имя и пользоваться правами тана» (стр. 640). [8] Передъ словомъ «Вестъ-Вессексѣ» два слова написаны неразборчиво; повидимому: «во всемъ» [9] Послѣ слова «письмо» тире (—), т. е. знакъ, означающій начало новой реплики или строки. — См. 2-е примѣч. къ 467-й страницѣ. [10] Прежде было написано: «я не знаю твоей чертовщины».

Стр. 472 [1] Текстъ этого акта заимствованъ Гоголемъ изъ книги Галлама, но нѣкоторыя имена замѣнены другими, такъ какъ актъ изъ царствованія

Канута перенесенъ въ царствованіе Этельреда. Профессоръ П. Г. Виноградовъ указалъ мнѣ новое изданіе этого акта въ подлинникѣ (ранѣе 1036 г.) въ книгѣ Thorpe, Diplomatarium anglicum aevi Saxonici (стр. 336). [2] Это слово Гоголь пишетъ двояко: «Герефортъ» и «Горефортъ»; въ книгѣ Галлама по франц. переводу: „Hereford". [3] «Ceolric». [4] Слово «косоглазый» написано сверху зачеркнутаго «рыжій». [5] Въ рукописи: «Горефорта». [6] Фраза не дописана. Г. Кулишъ предлагаетъ читать: «Желалъ бы я знать». [7] Окончаніе этого слова въ рукописи неясно.

Стр. 473 [1] Не разобрано слово, приписанное въ началѣ строки. [2] Прежде было написано: «Вишь ты». [3] Послѣ этого зачеркнуто слово: «говорятъ».

Стр. 474 [1] Прежде было написано: «видишь, вонъ». [2] Въ рукописи: «всѣ». [3] «Cenulph». Въ рукописи: «Медлисекса». [4] Передъ словомъ «отцовскую» зачеркнуто: «родитель»...

Стр. 475 [1] Точки поставлены на мѣстѣ неразобраннаго слова. [2] Послѣ слова «жизнь» обычный знакъ (—), означающій начало новой строки. [3] Послѣ этого зачеркнуто слово «намъ». [4] Въ рук.: «Келульфъ». [5] Слова «рыжебородый Кеаль» приписаны сверху строки. Черезъ нѣсколько строкъ это имя пишется «Киль». [6] Прежде было написано: «Ну, Богъ съ нимъ!» [7] Въ этой же фразѣ, зачеркнутой нѣсколько выше: «Завоюемъ опять *Эстанглію*». [8] Слово «страна» написано вмѣсто зачеркнутаго «земля». [9] Послѣ этого зачеркнуто: «слышишь?» [10] Прежде было написано: «Ну, теперь поукротятся немного таны?» [11] Въ рукописи: «Виттенагемотъ».

Стр. 476 [1] Заключенное въ скобки въ рукописи зачеркнуто; вѣроятно, предполагалось дать этому вопросу другую форму. [2] Слово «еще» написано сверху зачеркнутаго «пастухъ». [3] Послѣ этого зачеркнуто: «Я пастухъ». [4] Прежде было написано: «Ей Богу!» [5] Гоголь пишетъ это имя двоякимъ образомъ: «Губбо» и «Уббо»; слѣдуетъ: *Ubba;* въ нѣкоторыхъ латин. текстахъ: *Hubba.* [6] Прежде было написано: «съ верховъ». [7] Французское: «Normand».

Стр. 477 [1] Въ рукописи было написано: «Ивара»; потомъ сверху приписаны буквы: «иг». [2] Въ рукописи: «провѣдать изнать». [3] Слѣдуетъ: «Лодброгъ». [4] Слово «побѣдившій» написано вмѣсто зачеркнутаго «бывшій». [5] Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. [6] Съ лѣваго боку страницы приписаны, кажется, въ замѣнъ предшествующей фразы, слѣдующія слова: «пронзали разгорѣвшія лица наши». [7] Слово «не» въ рукописи пропущено. [8] Послѣ этого зачеркнуто: «вѣковые Сакс.». [9] Слова «а болѣе всего» написаны сверху зачеркнутыхъ: «а особенно».

Стр. 478 [1] Эта фраза написана въ замѣнъ зачеркнутой: «Мы можемъ изъ него надѣлать цѣпей». [2] Слова: «еще я скажу теперь такое» приписаны сверху строки. [3] Прежде было написано: «такъ это». [4] Прежде было написано: «дѣвушки англосаксонскія». [5] Послѣ этого зачеркнуто: «нужно и то сказать, что». [6] Слово «воиновъ» написано вмѣсто зачеркнутаго: «тѣхъ». [7] Послѣ того въ рукописи тире (—), знакъ, означающій начало новой рѣчи. [8] Послѣ этого зачеркнуто: «Что въ Англіи?». [9] Въ рукописи описка: «корабль».

Стр. 479 [1] Это мѣсто («Виватъ, король» — «пока есть....») приписано сверху страницы, повидимому, впослѣдствіи. [2] Въ рукописи: «Сифредъ». Sigefertus? [3] Слова «были друзья во всю» приписаны сверху зачеркнутыхъ: «очень подру-

жились и......... жили». [4] Въ рукописи: «своей». Можетъ быть: «своей жизни».

Стр. 480 [1] Послѣ этого зачеркнуто: «Тутъ были только Бретоны прежде, а Римлянъ никакихъ не было». [2] Послѣ этого слова зачеркнуто: «точно». [3] Послѣ этого зачеркнуто: «мои подданные» [4] Послѣ этого зачеркнуто: «поговорить вамъ теперь же». [5] Въ рукописи: «вителагемотѣ».

Стр. 481 [1] Конецъ этого слова не дописанъ. [2] Слово «перетянула» написано сверху зачеркнутаго: «перебила». [3] Сверху этого незачеркнутаго слова приписано: «находятъ». [4] Послѣ этого зачеркнуто: «Всякій скажетъ, что я сильно сражался». [5] Прежде было написано: «но мнѣ нужно бы свои земли». [6] Прежде было написано: «Да развѣ вы умѣли свои защитить? Отъ чего во всемъ Суссексѣ и Кентѣ церкви пусты? Отъ чего пажити опустошены?» [7] Написано неразборчиво. Транскрипція, повидимому, слова: *hird*. [8] Прежде было написано: «танъ». [9] Въ рукописи неразборчиво: «Мидленъ». [10] Это слово въ рукописи пропущено. [11] Въ рукописи слово: «какъ» пропущено. [12] Г. Кулишъ дѣлаетъ изъ этого слова имя мѣста и печатаетъ: «Всѣ таны нарочно собрались (въ) Арвальдъ». Но на слѣдующей страницѣ какъ и здѣсь *Арвальдъ* — дѣйствующее лицо. Ср. Lappenberg, Geschichte von England, 1834, I, s. 254. [13] Послѣ этого зачеркнуто: «для этого д(ѣла).

Стр. 482 [1] Послѣ этого зачеркнуто: «въ епископа». [2] Слово «такого» написано сверху зачеркнутаго: «ни одного». [3] Фраза эта приписана сверху зачеркнутыхъ словъ: «Неужели?... Боже мой! куда это я заѣхалъ? Но что жъ» [4] Въ рук. «Этельвальдомъ». [5] Заключеннаго въ скобки въ рукописи нѣтъ; прибавлено г. Кулишомъ. [6] Слова: «намъ приходится» — «въ сторону» приписаны сверху зачеркнутыхъ: «Теперь предстоитъ вамъ случай показать на дѣлѣ вашу храбрость и высокое происхожденіе». [7] Въ рукописи: «Также». [8] Это слово въ рукописи пропущено: предложено вставить г. Кулишомъ. [9] «Ceawlin». [10] Заключенное въ скобки въ рукописи зачеркнуто.

Стр. 483 [1] Въ рукописи въ этомъ мѣстѣ: «Кедовала», нѣсколько ниже: «Кедовалла». Слѣдуетъ: «Кеодвалла» — «Ceodwalla». [2] Въ рукописи: «Кедола». [3] Въ рукописи такъ: «2 пятнадцать тысячное»; послѣднее слово зачеркнуто.

Стр. 484 [1] Слово «вѣетъ» написано сверху зачеркнутаго: «дышетъ». [2] Въ рукописи «Кедола». Не слѣдуетъ ли читать: «вѣетъ отъ тебя, Кедовалла?» [3] Слово «зачерствѣла» зачеркнуто. [4] Конецъ слова не дописанъ. [5] Слово «бѣжитъ» въ рукописи зачеркнуто. [6] Слово «летятъ» въ рукописи зачеркнуто. [7] Прежде было написано: «грудью и копьями». [8] Послѣ этого зачеркнуто: «Святой архангелъ, я вижу». [9] Слово «конѣ» въ рукописи пропущено.

Стр. 485 [1] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [2] Во второмъ дѣйствіи нѣсколько разъ написано: *Уббо*, а не *Губбо*. [3] Слова «миръ» въ рукописи нѣтъ; предложено г. Кулишомъ. [4] Слова: «будемъ желты» написано сверху зачеркнутыхъ: «пожелтѣемъ».

О движенiи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году.

(стр. 486 — 507).

Эта статья напечатана была въ первый разъ, безъ имени автора, въ „Современникѣ“ Пушкина, томъ I, стр. 192 — 225. Первоначальный текстъ, изъ котораго она выработана, вписывался Гоголемъ въ двѣ записныя тетради, означенныя у насъ: первая — **РА, № 4**, вторая — **РА, № 5**. Въ первой изъ этихъ записныхъ книгъ (**РА, № 4**) наброски этой статьи занимають поллисты 3—22 об., во второй (**РА, № 5**) помѣщены дополнительные наброски только на оборотѣ 23-го полулиста, на двухъ страницахъ 24-го, на первой страницѣ 25-го и на первой страницѣ 27-го (Ср. примѣчанiя къ этому тексту въ VI томѣ настоящаго изданiя). Сначала Гоголь предполагалъ написать обзоръ дѣятельности русскихъ журналовъ въ одномъ 1835 году. „Истинное намѣренiе мое (говоритъ онъ въ первоначальномъ наброскѣ статьи) было представить только движенiе ея (т. е. русской журнальной литературы) за прошлый годъ, но такъ какъ причина всего этого движенiя заключается еще въ 1834 году, то (намъ показалось) необходимо бросить взглядъ на оба эти года“. Статья предназначалась для „Современника“ Пушкина, и Гоголь началъ писать ее тотчасъ, какъ только прочелъ въ газетахъ „объявленiе“ объ изданiи этого журнала. На это указываетъ слѣдующее, зачеркнутое авторомъ обращенiе къ Пушкину въ рукописномъ текстѣ этой статьи: „По этому-то самому меня обрадовало такъ объявленiе о новомъ журналѣ, подъ которымъ подписано было ваше знакомое всей Россiи имя. *Это объявленiе было причиною рожденiя посылаемой къ вамъ статьи*“. Ходатайство Пушкина о разрѣшенiи издавать въ 1836 году „Современникъ“ подано гр. А. Х. Бенкендорфу 31 декабря 1835 года. (Сочиненiя Пушкина, изд. Общества для пособiя нуждающимся литераторамъ и ученымъ, VII, 391). Самое „объявленiе“ объ изданiи „Современника“ появилось въ петербургскихъ газетахъ въ концѣ января 1836 года. (Ср. „Сѣверная Пчела“ 1836 г., № 27, стр. 105. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ это объявленiе напечатано въ № 13, 12-го февраля). Изъ приведеннаго обращенiя Гоголя къ Пушкину слѣдуетъ заключить, что онъ началъ писать „О движенiи журнальной литературы“ въ первыхъ числахъ февраля 1836 года. Гоголь работалъ надъ этою статьею съ увлеченiемъ: завѣтная мечта, которую лелѣялъ онъ около двухъ лѣтъ — увидѣть на Руси журналъ, который могъ бы про-

тиводѣйствовать вредному вліянію на публику „Библіотеки для чтенія“ и „Сѣверной Пчелы“ и сдѣлаться органомъ честнаго и независимаго литературнаго направленія [1]), — эта мечта, казалось ему, готова была осуществиться. Въ теченіе февраля и марта (т. е. всего великаго поста) статья была написана вчернѣ и тщательно пересмотрѣна: слишкомъ откровенныя личныя изліянія были устранены, рѣзкости въ выраженіяхъ сглажены [2]), при чемъ цѣлыя страницы подверглись или уничтоженію, или передѣлкѣ. Статья исправлялась и переписывалась для печати по частямъ. Въ двадцатыхъ числахъ марта [3]) Гоголь писалъ Пушкину: „Да возьмите изъ типографіи статью о журнальной литературѣ. Мы съ вами пребезалаберные люди — и позабыли, что туда нужно включить *многое* изъ остающагося у меня хвоста. — Я прошу сдѣлать такъ, чтобъ эта сцена („Утро дѣловаго человѣка“) шла впередъ, а за ней уже о литературѣ“. (Русскій Архивъ 1880 г., II, стр. 515). Первая книжка „Современника“ разрѣшена цензурою 31-го марта и въ первой половинѣ апрѣля вышла въ свѣтъ; она оканчивалась печатаніемъ въ отсутствіе Пушкина. По словамъ А. Б. (Безсонова), помѣстившаго въ третьемъ томѣ „Современника“ (стр. 321—329), въ формѣ „Письма къ издателю“, нѣсколько замѣчаній на этотъ критическій очеркъ Гоголя, „статья „О движеніи журнальной литературы“, по справедливости обратила на себя общее вниманіе“ (стр. 322): ее приписывали Пушкину и видѣли въ ней что-то въ родѣ программы „Современника“. Печатая „Письмо къ издателю“ г. А. Б. въ третьемъ томѣ своего журнала, Пушкинъ сдѣлалъ къ нему слѣдующее примѣчаніе: „Съ удовольствіемъ помѣщая здѣсь письмо г. А. Б., нахожусь въ необходимости дать моимъ читателямъ нѣкоторыя объясненія. Статья *О движеніи журнальной литературы* напечатана въ моемъ журналѣ, но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ мнѣнія, въ ней выраженныя съ такою юношескою живостію и прямодушіемъ, были совершенно сходны съ мо-

[1]) Ср. особенно письма къ Погодину отъ 11-го января и 2 ноября 1834 г. въ «Сочиненіяхъ и письмахъ Гоголя» V, 194, 225. [2]) М. П. Погодинъ передавалъ мнѣ, въ 1853 году, что Пушкинъ сообщалъ ему о невозможности напечатать нѣкоторыя, очень игривыя, *выраженія* въ статьѣ «о журнальной литературѣ». Въ рукописномъ текстѣ статьи уцѣлѣли нѣкоторыя изъ этихъ выраженій. [3]) Письмо, изъ котораго приводится здѣсь нѣсколько строкъ, напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» безъ даты. Мы относимъ его къ «двадцатымъ числамъ марта», потому что въ это время Пушкинъ возвратился изъ своей командировки въ Москву (24 марта письмо къ Жобару. Ср. «Пушкинъ» Анненкова, стр. 405).

ими собственными. Во всякомъ случаѣ, она не есть и не могла быть программою „Современника“ (Тамъ же, стр. 329). Въ первоначальномъ текстѣ статьи Гоголя, сокращенномъ и смягченномъ для печати, еще съ большею силою выступали передъ читателемъ та „юношеская живость и прямодушіе“, которыя отмѣтилъ въ этой статьѣ Пушкинъ; поэтому мы нашли необходимымъ напечатать въ шестомъ томѣ настоящаго изданія уцѣлѣвшія страницы первоначальной редакціи этого критическаго очерка. О характерѣ сокращеній и измѣненій, сдѣланныхъ въ печатномъ текстѣ статьи „О движеніи журнальной литературы“ будетъ сказано въ примѣчаніяхъ къ первоначальному ея тексту (въ шестомъ томѣ этого изданія). Теперь обратимъ вниманіе лишь на одно исключенное изъ первоначальнаго текста мѣсто. Въ указанномъ „Письмѣ къ издателю“ г. А. Б. высказываетъ сожалѣніе, что, говоря о „Телескопѣ“, авторъ статьи „О движеніи журнальной литературы“, „не упомянулъ о г. Бѣлинскомъ“: „онъ обличаетъ талантъ, подающій большую надежду“ (продолжаетъ А. Б.). „Если бы съ независимостію мнѣній и съ остроуміемъ своимъ соединялъ онъ болѣе учености, болѣе начитанности, болѣе уваженія къ преданію, болѣе осмотрительности, — словомъ: болѣе зрѣлости: то мы бы имѣли въ немъ критика весьма замѣчательнаго“ (Современникъ III, стр. 327—328). Этотъ упрекъ г. А. Б. справедливъ лишь по отношенію къ *печатному* тексту статьи Гоголя: въ первоначальномъ же наброскѣ ея Бѣлинскому посвящено было нѣсколько довольно правдивыхъ строкъ. П. В. Анненковъ замѣтилъ: „Гоголь, если и принялся за исторію русской критики, то вскорѣ покинулъ ее. *Изъ критическаго его труда осталась только статья:* „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 годахъ“, написанная имъ для перваго № Современника 1836 года, гдѣ она и помѣщена“ (А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній, изд. 2-е, стр. 395). Съ проектомъ „исторіи русской критики“ статья „О движеніи журнальной литературы“, по нашему мнѣнію, не находится въ такой тѣсной связи, какую устанавливаетъ Анненковъ. Въ своемъ дневникѣ, подъ 7-мъ апрѣля 1834 года, Пушкинъ записалъ: „Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію русской критики“ (Сочиненія Пушкина, изд. Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ V, 205). Но въ записныхъ книгахъ Гоголя нѣтъ слѣдовъ такого сочиненія. Статья „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 г.“ является трудомъ вполнѣ самостоятельнымъ:

на первыхъ страницахъ первоначальнаго ея текста остались несомнѣнныя свидѣтельства, что она начата *не ранѣе 1836 года* и что она имѣла свой собственный планъ, свою спеціальную задачу. Если Гоголь дѣйствительно началъ писать „исторію русской критики" (въ чемъ мы сомнѣваемся, просмотрѣвши его записныя книги и нѣкоторыя бумаги), то слѣдуетъ предположить, что эта статья или остается пока неизвѣстною, или была уничтожена авторомъ. Остатки листовъ, наполовину оторванныхъ въ статьѣ „О движеніи журнальной литературы", содержатъ текстъ, имѣющій предметомъ журнальную литературу *1835 года* и слѣд. не принадлежащій „исторіи русской критики".

Въ настоящемъ изданіи „Сочиненій Гоголя" статья „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 г." перепечатана изъ „Современника" Пушкина (**СП**); варіанты изъ первоначальнаго рукописнаго текста (**РА**, № 4 и **РА**, № 5) не приводятся, такъ какъ этотъ текстъ будетъ напечатанъ въ шестомъ томѣ настоящаго изданія. Отступленія отъ текста статьи, напечатаннаго въ „Современникѣ", отмѣчены ниже.

Стр. 493 [1] «сіи извѣстія иногда довольно остроумны», въ **СП**: «остроумно».

Стр. 499 [1] Гоголь постоянно въ слитномъ предложеніи допускаетъ согласованіе сказуемаго съ подлежащими такое же, какъ въ напечатанной фразѣ. Ср. напр. въ «Ревизорѣ» (**Ра**, **Рб**): «Я видѣлъ самъ, проходя мимо кухни, какъ *готовилась рыба и котлеты*».

Стр. 503 [1] Въ **СП**: «журналы». Смыслъ рѣчи и грамматическая связь требуютъ поправки, внесенной нами въ текстъ. Въ первоначальномъ рукописномъ наброскѣ это мѣсто читается такъ: «О чемъ же говорили наши журналы? Они говорили о ближайшихъ и любимыхъ предметахъ: они говорили о себѣ. *Сочиненія Булгарина, Сенковскаго и Греча говорились* (sic!) *и хвалились въ журналахъ, издаваемыхъ Булгаринымъ, Сенковскимъ и Гречемъ, — и вѣдь какъ хвалились!*» Вторая половина этого мѣста въ печати измѣнена и получила такой видъ: «они говорили о себѣ, *они хвалили въ своихъ журналахъ собственныя свои сочиненія*» и т. д. Но слово «журналы» не было замѣнено словомъ «журналисты», какъ того требовалъ новый текстъ мѣста.

Стр. 505 [1] Въ **СП**: «Никогда они (окончившіе поприще писатели) даже не брались въ сравненіе съ нынѣшнею эпохой. Что наша эпоха кажется какъ будто отрублена отъ своего корня». Исправляемъ текстъ «Современника» на основаніи собственноручной рукописи Гоголя **РА**, № 4, въ которой это мѣсто читается такъ: «...никогда даже въ сравненіе съ нынѣшнею эпохою не берутся: стало быть, ни одно изъ этихъ соображеній и сравненій — вѣрное и ясное слѣдствіе........ не имѣетъ черезъ то мѣста въ нашей критикѣ, такъ что въ нашихъ критикахъ наша эпоха совершенно кажется какъ будто отрубленною отъ прежнихъ».

Петербургскія записки 1836 года

(стр. 508—521).

Эта статья напечатана была въ первый разъ въ „Современникѣ А. С. Пушкина, изданномъ по смерти его“, томъ шестой (или № 2, 1837 года), стр. 403—423, безъ имени автора; подъ нею поставлены только ***. Она состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ статей, написанныхъ Гоголемъ въ разное время.

Первый отдѣлъ „Петербургскихъ записокъ“, заключающій въ себѣ сравнительную характеристику Петербурга и Москвы, набросанъ начерно въ записной книгѣ РА, № 4 на второй страницѣ 22-го полулиста, на первой 23-го полулиста; послѣдняя строка статьи перешла на вторую страницу того же полулиста. Гоголь началъ писать эту характеристику на первой страницѣ 23-го полулиста, оставивши предшествовавшую страницу (т. е. вторую 22-го полулиста), по своему обыкновенію, пустою для позднѣйшихъ дополненій и поправокъ. Позднѣе на этой запасной страницѣ, дѣйствительно, помѣстилась бо́льшая по объему часть статьи, середина ея (начиная словами: „Какъ раскинулась, какъ разъѣхалась старая Москва!“ и оканчивая словами: „.... летитъ во всю прыть на биржу или въ должность“). Въ „Современникѣ“ въ началѣ перваго отдѣла „Петербургскихъ записокъ“ не даромъ поставлено многоточіе, какъ бы указывающее на то, что этотъ отдѣлъ составляетъ отрывокъ, выдержку изъ какого-то особаго цѣлаго: въ первоначальномъ наброскѣ эта статья имѣла видъ дорожныхъ размышленій путешественника. На первой страницѣ 23-го листа въ рукописи РА, № 4 начало статьи сначала было набросано въ такомъ видѣ: „Эхъ, куда забросило русскую столицу![1]) Въ Чухну, на край свѣта!“ сказалъ я, оборотившись назадъ, когда низенькій и ровный Петербургъ утонулъ[2]), и пошли писать по обѣимъ сторонамъ дороги кочки, обгорѣлые пни сосенъ, молодой ельникъ, торчавшій, какъ попало, по какому-то сѣро-зеленому грунту. Какъ стрѣла летитъ шоссе сквозь это [безбрежное] пространство, — пространство высохшаго болота. Крѣпче завернусь въ мою бурку, зажмурю глаза: Богъ съ ними, съ этими видами! На Руси ихъ такъ много, что ужъ даже слишкомъ. „Однакожъ, чортъ возьми! странный русскій

---

1) Прежде было написано: «Эхъ, куда заѣхала русская столица!» 2) Слова: «низенькій и ровный Петербургъ утонулъ» приписаны сверху незачеркнутыхъ: «Петербурга и верхушки уже не было видно».

народъ!“ сказалъ я, *вытянувъ*[1]) *лицо изъ бурки, потому что она совершенно смяла правый мой усъ: этого мнѣ хотѣлось, потому что возлѣ меня сидѣла*[2]) довольно смазливенькая пассажирка. — „Странный русскій народъ! Ну, чего еще хочется ему? Была ему дана[3]), еще Богъ знаетъ [когда][4]), столица — Кіевъ. Нѣтъ! не полюбилась: здѣсь слишкомъ тепло, мало холоду. Переѣхала русская столица въ Москву. Нѣтъ! и здѣсь скоро прискучило: и тутъ мало холода. Подавай Богъ Петербургъ! Вотъ выкинетъ штуку, если подберется къ сѣверному полюсу! Наскучило въ своей землѣ, давай въ Чухну перебраться: тамъ больше...“

Гоголь потомъ зачеркнулъ эти строки и далъ статьѣ новое начало и другой оборотъ: рѣчь идетъ уже не отъ лица какого-то пассажира, а отъ лица автора. Положительныхъ указаній на время написанія этой статьи мы не имѣемъ. Не сомнѣваемся, что на нее указывалъ Пушкинъ въ слѣдующихъ заключительныхъ строкахъ второй главы своихъ „Мыслей на дорогѣ“ („Радищевъ“): „Кстати, я отыскалъ въ моихъ бумагахъ любопытное сравненіе между обѣими столицами; оно написано однимъ изъ моихъ пріятелей, великимъ меланхоликомъ, имѣющимъ иногда свои свѣтлыя минуты веселости: „Москва и Петербургъ“ (Сочиненія Пушкина, изд. Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ V, стр. 220). Статья Пушкина, въ которой находится ссылка на отрывокъ Гоголя „Москва и Петербургъ“ и любопытная характеристика автора онаго, была написана *не ранѣе 1834 года*. Г. Якушкинъ, въ своей статьѣ „Рукописи А. С. Пушкина“, обратилъ вниманіе на то, что „Мысли на дорогѣ“ „въ черновомъ подлинникѣ“ писаны „*на бумагѣ* съ клеймомъ 1834 г.“ („Русская Старина“, томъ XLIV, 1884, декабрь, стр. 529), между тѣмъ, какъ въ осьмомъ изданіи „Сочиненій Пушкина“ они отнесены къ 1833 году. Окончаніе набѣло статьи Пушкина „Радищевъ“ Я. К. Гротъ относитъ къ 3 апрѣля 1836 г. („Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“ стр. 249). Черновой текстъ „Мыслей на дорогѣ“ могъ быть написанъ и, вѣроятно, былъ написанъ въ концѣ 1835 г., если даже не въ началѣ 1836, когда Пушкинъ готовилъ статьи сначала для своего несостоявшагося альманаха, а потомъ для „Современника“; клеймо бумаги

---

[1]) Въ рукописи: «вытинувъ». [2]) На предшествовавшей страницѣ, оставленной для дополненій и поправокъ, приписано: «поправивъ слегка правый усъ свой, потому что его совершенно смяло буркою: это мнѣ нужно было сдѣлать, потому что возлѣ меня сидѣла». [3]) Сверху этихъ двухъ словъ приписано: «Русская». [4]) Слово «когда» въ рукописи пропущено.

даетъ *одно* только отрицательное показаніе. Принимая во вниманіе, что статья Гоголя „Москва и Петербургъ“, вписана, въ тетради **РА**, № 4, между произведеніями $183^4/_5$ года („Ревизоръ“) и 1836 г. („О журнальной литературѣ“), мы относимъ первоначальный, рукописный текстъ оной къ 1835 г., когда Гоголь изъ Петербурга проѣхалъ черезъ Москву на родину и посѣтилъ древнѣйшую „русскую столицу“ — Кіевъ. Дорожныя размышленія, которыми начиналась статья въ рукописи, получаютъ въ такомъ случаѣ реальную основу. При отсылкѣ для напечатанія въ „Современникѣ“ статья, по обыкновенію, подверглась редакціоннымъ поправкамъ. Предлагаемъ ея первоначальный рукописный текстъ по **РА**, № 4.

„Эхъ, куда забросило русскую столицу! Въ Чухну, на край свѣта. Удивительный народъ (нашъ). Была столица въ Кіевѣ, нѣтъ! не полюбилась: „здѣсь слишкомъ тепло, мало холода“. Переѣхала русская столица въ Москву. „Нѣтъ, и тутъ мало холода[1]. Подавай Богъ Петербургъ!“ Сдѣлай милость[2], русская [столица][3], не переѣзжай ужъ далѣе: ну, чтó за охота присосѣдиться къ сѣверному ледовитому полюсу? Я говорю это потому, что русская столица, какъ кажется, давно это[4] мотаетъ на усъ: непостоянный русскій городъ[5] страшно желаетъ поглядѣть вблизи, чтò (это) за народъ бѣлые медвѣди. На семьсотъ верстъ[6] убѣжать, убѣжать отъ матушки! „Экой востроногій какой!“ говоритъ[7] московскій народъ, прищуривъ[8] глазъ на чухонскую сторону. Зато какая дичь[9] находится между матерью и сыномъ! Что это за виды! Что за природа! Въ воздухѣ туманъ, на землѣ кочки, обгорѣлые пни сосны, ельникъ. Хорошо, что стрѣлою летящее шоссе да русскія поющія и звенящія тройки пронесутъ мимо всего этого[10]. А какая разница, ахъ! какая разница между ими двумя! Москва до сихъ поръ еще русская борода, Петербургъ ходитъ въ нѣмецкомъ платьѣ, въ круглой шляпѣ. (Москва толстый)[11]. . . . . [12] съ длиннымъ киверомъ[13].

[1] Въ рукописи: «холодно». [2] Прежде было написано: «пожалуста». [3] Слово «столица» въ рукописи пропущено. [4] Прежде было: «объ этомъ». [5] Прежде было написано: «непостоянная красавица». [6] Въ рукописи: «сортъ». [7] Прежде было написано: «думаетъ». [8] Переправлено изъ: «прищуривая». [9] Слово «дичь» приписано сверху незачеркнутаго: «чепуха». [10] Прежде было написано: «шоссе пронесетъ мимо всего этого, благодаря русскимъ тройкамъ». [11] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [12] Точки поставлены на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. [13] Послѣ этихъ словъ въ рукописи оставлено пустое мѣсто. Оно, впрочемъ, оказалось недостаточнымъ для предполагавшейся авторомъ вставки. Гоголь помѣстилъ эту позднѣйшую вставку на предшествующей страницѣ.

„Какъ раскинулась, какъ разъѣхалась старая Москва! Какая нечосаная она! Какъ съежился, какъ вытянулся (молод) щеголь Петербургъ! Передъ нимъ со всѣхъ сторонъ зеркала: тамъ Нева, тамъ Финскій заливъ — ему есть, куда глядѣться. Сейчасъ, какъ только замѣтитъ онъ на себѣ перышко или пушокъ, — щелчкомъ его! Москва — старая домосѣдка, печетъ блины, и глядитъ и слушаетъ издали, не поднимаясь съ креселъ, чтó дѣлается въ свѣтѣ. Петербургъ никогда [1] не сидитъ дома, но всегда одѣтъ и похаживаетъ [2] . . . . , [3] охорашиваясь предъ глядящею на него Европою, переговаривается и раскланивается съ [заграничнымъ] людомъ. — Петербургъ весь шевелится съ погребовъ до чердака: еще день не прошелъ, онъ ужъ печетъ хлѣбы на завтра, которые всѣ съѣстъ нѣмецкій народъ; и во всю ночь то одинъ глазъ его свѣтится, то другой. Москва ночью вся спитъ, а на другой день, перекрестившись и раскланявшись на всѣ стороны, выѣзжаетъ съ калачами на рынокъ. Москва женскаго пола, Петербургъ мужескаго: въ Москвѣ все невѣсты, въ Петербургѣ все женихи. Петербургъ наблюдаетъ большое щегольство въ своихъ костюмахъ, не любитъ пестрыхъ цвѣтовъ и никакихъ дерзкихъ и слишкомъ рѣзкихъ отступленій въ модѣ. Москва зато [4] требуетъ, чтобы, если пошло на моду, то чтобы во всей формѣ была мода: если талія длинна, то она пуститъ еще длиннѣе; если отвороты фрака велики, то у ней такіе, что прохожаго. . . . . [5]; если ворота широки, то она дѣлаетъ себѣ съ каретный сарай. Петербургъ акуратный человѣкъ, совершенный нѣмецъ, на все глядитъ съ разсчетомъ [6]; Москва русская борода: если уже веселится, то веселится до упаду и не любитъ середины. Въ Москвѣ всѣ журналы, какіе бы учоные ни были, но всегда есть приличная картинка модъ; петербургскіе рѣдко прилагаютъ картинки, зато, если приложатъ, то ужъ глядѣть бываетъ страшно. Въ Москвѣ говорятъ о Кантѣ, Шеллингѣ и проч., въ петербургскихъ журналахъ говорятъ о публикѣ и благонамѣренности... Въ Москвѣ журналы идутъ на ряду съ вѣкомъ, но чрезвычайно отстаютъ книжками; въ Петербургѣ журналы не идутъ на ряду съ вѣкомъ, но [выходятъ] акуратно. Въ Москвѣ литераторы проживаются, въ Петербургѣ на-

---

[1] Прежде было: «совсѣмъ». [2] Передъ этимъ словомъ зачеркнуто: «стоитъ». [3] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. Затѣмъ зачеркнуто: «въ виду всей Ев.» [4] Послѣ этого слова зачеркнуто: «если схватится за мо[ду]». [5] Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. [6] Прежде было написано: «нѣмецъ, разсчетливъ».

живаются. Москва всегда ѣздитъ, завернувшись въ медвѣжью шубу, и большею частію обѣдать; Петербургъ пѣшкомъ [1] въ байковомъ сюртукѣ, заложивъ обѣ руки въ карманъ, летитъ во всю прыть на биржу или „въ должность“. Москва пьянствуетъ до 4-хъ часовъ ночи и на другой день уже некогда ей кушать кофій; Петербургъ тоже пьянствуетъ до 4-хъ часовъ, но на другой день (какъ ни въ чемъ не бывало) въ девять часовъ летитъ въ байковомъ сюртукѣ въ присутствіе [2]. Въ Москву тащится (народъ) русскій въ зимнихъ кибиткахъ, по зимнимъ ухабамъ, съ деньгами въ карманѣ [3], сбывать и закупать; въ Петербургъ идетъ русскій народъ пѣшкомъ лѣтомъ строить и работать [4]. Москва — кладовая: она наваливаетъ тюки да вьюки, на мелкаго продавца и смотрѣть не хочетъ; Петербургъ все растаскалъ по кусочкамъ, раздѣлился, разложился на лавочки и магазины. Москва говоритъ: „Коли нужно покупщику, сыщетъ“; Петербургъ суетъ вамъ подъ носъ вывѣску, подбирается [5] подъ полъ вашихъ комнатъ съ рейнскимъ погребомъ и ставитъ извощичью биржу въ самыя двери. Москва не думаетъ о себѣ, а шлетъ товары во всю Русь; Петербургъ продаетъ чиновникамъ галстуки и перчатки. Москва — гостнный дворъ темный, Петербургъ — свѣтлый магазинъ. Москва нужна для Россіи, для Петербурга нужна Россія. Въ Москвѣ рѣдко встрѣтишь гербовую пуговицу на фракѣ, въ Петербургѣ нѣтъ фрака безъ гербовыхъ пуговицъ. Петербургъ [6] любитъ подтрунить надъ Москвою, надъ ея неловкостью и аляповатостью; Москва кольнетъ Петербургъ тѣмъ, что онъ человѣкъ продажный и говоритъ Богъ знаетъ по каковскому нарѣчью. Въ Петербургѣ, въ 2 часа, на Невскомъ проспектѣ какъ будто кто-нибудь высыпалъ портной картинки модъ: ни одной дурной [толстой] таліи не сыщете даже у старухъ; въ Москвѣ, какое бы ни было избранное гулянье, всегда попадется матушка съ платкомъ [на] [7] головѣ и уже совершенно безъ всякой таліи“. —

Переходимъ ко второму отдѣлу „Петербургскихъ записокъ“

[1] Прежде было написано: «Петербургъ *идетъ пѣ* во всю прыть», потомъ напечатанное курсивомъ зачеркнуто, слѣдовало зачеркнуть и слова: «во всю прыть», потому что они потомъ повторяются. [2] Послѣ этого зачеркнуто: «Москва нужна для Россіи, Петербургъ... Для Петербурга нужна Россія». [3] Слова: «съ деньгами въ карманѣ» приписаны сверху зачеркнутаго: «продавать». [4] Прежде было: «строитъ и работаетъ безъ копѣйки въ карманѣ». [5] Въ рукописи: «подпирается». [6] Этого слова нѣтъ въ рукописи; вмѣсто него зачеркнутое — «Москва». [7] Слово «на» въ рук. пропущено.

(стр. 510—521). Значительную и существенную часть этого отдѣла составляютъ записки о состояніи петербургской сцены и русской драматической литературы въ первые мѣсяцы 1836-го года. Эти замѣтки набросаны Гоголемъ въ нѣсколько пріемовъ отрывками въ записной книгѣ РА, № 5; они начинаются со второй страницы 18-го полулиста и оканчиваются на первой страницѣ 21-го полулиста (См. примѣчанія къ „Петербургскимъ запискамъ" въ шестомъ томѣ). Время написанія этихъ замѣтокъ можно опредѣлить довольно точно на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, въ нихъ же сообщаемыхъ. Такъ на первой страницѣ 20-го полулиста рукописи РА, № 5 читаемъ: „Давайте сюда, однакожъ, мелодраммы, сколько ихъ тамъ игралось въ первую четверть (года)". Вслѣдъ за тѣмъ упоминаются игранныя въ этотъ періодъ мелодраммы: „Живая покойница", „Венеціанская актриса", „Мономанъ", „Честолюбецъ". Эти четыре мелодраммы поставлены были на петербургской сценѣ въ послѣдніе два мѣсяца театральнаго $183^{5}/_{6}$ года (этотъ годъ начался 15 апрѣля 1835 года, днемъ открытія театра послѣ великаго поста, и окончился 10 февраля, днемъ закрытія театровъ передъ великимъ постомъ)[1]: мелодрамма „Живая покойница" представлена 27-го генваря 1836 года, „Венеціанская актриса"— 6 февраля, „Мономанъ" въ первыхъ числахъ января, „Честолюбецъ" — 13 января[2]. Впрочемъ, въ вышеприведенномъ мѣстѣ Гоголь имѣетъ въ виду не театральный, а обыкновенный гражданскій годъ. Это ясно изъ слѣдующаго мѣста рукописныхъ набросковъ: „*въ прошедшей четверти текущаго года* появилась на русской сценѣ *Семирамида*". Изъ вышесказаннаго заключаемъ, что Гоголь писалъ страницы, вошедшія *впослѣдствіи въ переработанномъ видѣ* во второй отдѣлъ „Петербургскихъ записокъ", въ апрѣлѣ 1836 года, т. е. въ то время, когда занимался постановкою „Ревизора" на петербургскую сцену.

Послѣ 19-го апрѣля 1836 года (т. е. дня перваго представленія „Ревизора") Гоголь прекратилъ эти записки: въ нихъ уцѣлѣли указанія на первые толки, возбужденные „Ревизоромъ" при постановкѣ комедіи на сцену и представленіи ея въ цензурный комитетъ, въ нихъ вылилась уже благодарность поэта императору Николаю за покровительство, оказанное „Ревизору"; но въ этихъ рукописныхъ набросках нѣтъ и слѣдовъ того глубокаго нравствен-

[1] См. «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1836 г., № 27 и 28, стр. 221. [2] См. «Сѣверная Пчела» 1836 г. № 32, № 6, № 20.

наго потрясенія, которое вызвано было въ Гоголѣ толками, пересудами и навѣтами, сопровождавшими появленіе комедіи въ печати и на петербургской сценѣ. Гоголь далъ своему чувству выраженіе въ другомъ мѣстѣ и въ другой формѣ — въ горячихъ лирическихъ изліяніяхъ, которыя были брошены на бумагу тотчасъ по представленіи „Ревизора" (вмѣстѣ съ первою мыслью — оставить Россію) и которыя, лишь спустя долгое время, отдались глухимъ отголоскомъ въ сценахъ „Театральнаго разъѣзда". Уже за границею, передѣлывая спустя годъ, т. е. въ началѣ 1837 года, для „Современника" прошлогоднія записки о русской сценѣ и драматической литературѣ, Гоголь прибавилъ въ одномъ мѣстѣ ссылку на судьбу своей комедіи: „*Вспомните* Ревизора". Въ другомъ мѣстѣ новой переработки „записокъ" онъ дополняетъ свои прежніе наброски объ оперѣ и русскихъ пѣсняхъ нѣсколькими замѣчаніями объ оперѣ Глинки „Жизнь за царя", первое представленіе которой состоялось 27 ноября 1836 года. Приготовляя въ 1837 г. эти наброски своей записной книги къ печати, авторъ придѣлалъ къ нимъ кое-какое начало и написалъ конецъ, котораго не имѣлъ ни силъ, ни времени дать этимъ запискамъ въ свое время —, т. е. въ концѣ апрѣля и въ маѣ 1836 г. Теперь, уже съ спокойствіемъ лѣтописателя, передалъ Гоголь впечатлѣнія хорошо памятной ему послѣдней весны, проведенной имъ въ Петербургѣ въ помыслахъ объ отъѣздѣ за границу: „Весело презрѣть сидячую жизнь и постоянство и помышлять о дальней дорогѣ подъ другія небеса, въ южныя зеленыя рощи, въ страны новаго и свѣжаго воздуха. Весело тому, у кого въ концѣ петербургской улицы рисуются подоблачныя горы Кавказа, или озера Швейцаріи, или прекрасная и въ пустынности своей Греція... Но стой, мысль моя: еще съ обѣихъ сторонъ около меня громоздятся петербургскіе домы" (стр. 521). Это окончаніе „записокъ", повидимому, указывающее, что оно вылилось изъ-подъ пера автора въ концѣ мая 1836 года (Гоголь выѣхалъ изъ Петербурга 6 іюня) не находится въ РА, № 5 и явилось только при окончательной редакціи „записокъ" въ 1837 году, которая была напечатана въ „Современникѣ" подъ заглавіемъ „Петербуржскія записки". Въ настоящемъ изданіи эта статья перепечатана изъ „Современника", съ замѣною вездѣ принятой тогда журналомъ формы „Петербуржскій" тою формою, которую постоянно употреблялъ Гоголь — „Петербургскій".

Рукописный текстъ набросковъ, вошедшихъ, въ передѣланномъ видѣ, во вторую часть „Петербургскихъ записокъ", гораздо про-

страннѣе печатнаго и заключаетъ въ себѣ такія важныя подробности для характеристики Гоголя, какъ писателя, что мы сочли полезнымъ напечатать его вполнѣ въ шестомъ томѣ настоящаго изданія.

Рецензіи, помѣщенныя въ „Современникѣ" А. С. Пушкина (стр. 522—529).

Рецензіи, перепечатанныя здѣсь изъ перваго тома „Современника" (стр. 295—319), писаны въ одно время съ статьею „О движеніи журнальной литературы", т. е. въ февралѣ и мартѣ 1836 года. Подробныя рецензіи и краткія замѣтки о „новыхъ книгахъ", предназначавшіяся для „Современника", вписывались въ записной книгѣ РА, № 5, иногда между страницами вышеупомянутой статьи. Нѣкоторыя рецензіи не были напечатаны въ журналѣ Пушкина; онѣ найдутъ себѣ мѣсто въ шестомъ томѣ настоящаго изданія.

Г. Кулишъ высказалъ предположеніе, что и „заключеніе обзора (новыхъ книгъ) писано Гоголемъ" (Записки о жизни Гоголя I, 166). Въ записныхъ книгахъ Гоголя этого заключенія нѣтъ, и мы не рѣшаемся ни утверждать, ни отрицать принадлежность его Гоголю. Приводимъ это заключеніе: „Вотъ книги, вышедшія въ продолженіи первой четверти сего года. О большей части ихъ мы ничего не говорили, потому что о нихъ рѣшительно ничего нельзя сказать. Иныя по значительности своей требуютъ особаго разбора. Иныя, взятыя отдѣльно, не принадлежатъ собственно къ словесности, которой преимущественно посвященъ *журналъ нашъ,* но, будучи сложены въ общій итогъ книгъ, входятъ такимъ образомъ въ область литтературы и въ этомъ отношеніи получили здѣсь мѣсто. Изъ сего реэстра книгъ ощутительно замѣтно преобладаніе романа и повѣсти, этихъ властелиновъ современной литтературы. Ихъ почти вдвое больше противъ числа другихъ книгъ. Безпрерывнымъ появленіемъ въ свѣтъ они, не смотря на глубокое свое ничтожество, свидѣтельствуютъ о всеобщей потребности. Исторія заглядываетъ урывками въ русскую литтературу. Капитальныхъ и большихъ историческихъ сочиненій нѣтъ ни въ переводахъ, ни въ оригиналахъ. На статистику и экономію одни намеки. Даже въ значеніяхъ (чит.: „знаніяхъ") практическихъ, не вторгающихся въ бытъ литтературный, замѣтно тоже мелководіе" (стр. 318—319).

При напечатаніи въ „Современникѣ“ нѣкоторыя изъ рецензій и краткихъ отзывовъ Гоголя получили новую редакцію. Такія рецензіи и замѣтки печатаемъ здѣсь цѣликомъ по рукописи **РА, № 5** съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они въ ней помѣщены.

Историческіе афоризмы Михайла Погодина (стр. 521—526).

„Г. Погодинъ во многихъ отношеніяхъ есть лицо примѣчательное въ нашей литературѣ. Онъ какъ-то уединенно стоитъ среди писателей нашихъ, не привлекая за собою толпы приверженцевъ, не становясь предметомъ жаркихъ преній pro и contra. Читатели проходятъ мимо его равнодушно[1]. (Но наблюдатель будетъ пораженъ какою-то любовію къ исторической наукѣ). Но изъ всѣхъ, посвятившихъ себя исторіи, онъ въ послѣднее десятилѣтіе[2] болѣе другихъ долженъ остановить [на] себѣ вниманіе. Издавая „Московскій Вѣстникъ“ въ 1827 году, онъ сказалъ первый[3], еще въ 1827 году, что „исторія[4]........ У насъ онъ первый сказалъ это, и то сильное удареніе, которое онъ поставилъ на этой мысли, показываетъ, что въ душѣ его жило стремленіе къ настоящему значенію исторіи. Но никогда мыслей своихъ, очевидно рожденныхъ глубокимъ размышленіемъ, не развивалъ онъ во всемъ пространствѣ[5], не изложилъ съ увлекательностію краснорѣчія[6]. Эти мысли выражались у него отрывисто, шероховато, и потому они оставались незамѣтны, не оцѣнены по достоинствамъ[7] и, лишенныя пластическаго художественнаго изложенія, не привлекли............[8] мнѣнія и приверженцевъ. Онъ (скромно) трудился десять лѣтъ и въ трудахъ его видна любовь къ наукѣ[9]. Въ критикѣ своей онъ показалъ довольно ума, но притомъ и[10] младенческое познаніе[11] свѣта и (сердца) людей. Въ его критическихъ статьяхъ дышетъ умѣренность, что̀ для полнаго[12] твердаго историка необходимо. — Онъ издалъ отдѣльно, по частямъ, многія замѣчательныя сочиненія.

---

[1] Прежде было написано: «Толпа проходитъ мимо его, не поражаясь». [2] Слова: «въ послѣднее десятилѣтіе» приписаны сверху зачеркнутыхъ: «послѣ Карамзина, онъ въ этотъ огромный пустынный промежутокъ......... Карамзинъ, начавшій за исторію........ въ этотъ огромный пустынный промежутокъ». [3] Прежде было написано: «сказалъ въ своихъ «Афоризмахъ», что исторія». [4] Оставлено мѣсто для выписки изъ «Афоризмовъ» выдержки, напечатанной въ настоящемъ изданіи на стр. 522-й. [5] Прежде было написано: «не облекъ въ стройное развитіе». [6] Прежде было написано: «съ текучимъ краснорѣчіемъ». [7] Окончаніе слова неясно. [8] Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. [9] Прежде было написано: «въ трудахъ своихъ показалъ чистую любовь къ наукѣ». [10] Прежде было написано: «и часто». [11] Приписано сверху зачеркнутаго: «знаніе». [12] Слово написано неразборчиво.

Вотъ реэстръ ихъ:..........[1] Въ нихъ можно замѣтить отсутствіе и строгой послѣдовательности и обдуманнаго плана, но вездѣ есть мысли мыслящаго человѣка.

„Въ изданныхъ имъ нынѣ „Афоризмахъ“, или отдѣльныхъ мысляхъ и замѣчаніяхъ, выражены[2] мнѣнія его объ исторіи. Эти мысли помѣщены безъ всякаго порядка; многія являются очень небрежно, безъ всякихъ поясненій, такъ что понятны одному только автору или тому, кто получилъ отъ него предварительныя объясненія; между ними — такія, которыхъ онъ, вѣрно, не встрѣтитъ[3] въ изданныхъ и выходящихъ у насъ историческихъ сочиненіяхъ[4], не смотря на ихъ плавный и солидный[5] разсказъ[6]. Онъ, кажется, пораженъ величіемъ своего предмета.

„Изложимъ тѣ главныя идеи, которыя являются. Болѣе всего является стремленіе къ общему. Вотъ его опредѣ[7]........... Онъ пораженъ вездѣ величествомъ и колоссальностью общаго хода событій, порожденнаго мелкою незначительностью явленій частныхъ.

„Его границы исторіи безпредѣльны. Событія политическія, безъ сомнѣнія, являющіяся какъ главныя числа, изъ которыхъ слагается донынѣ исторія, у него едва замѣтны въ общей картинѣ. Его исторія — не политическая, не военная, и онъ тревожимъ мыслью обнять человѣчество во всѣхъ его многостороннихъ измѣненіяхъ. У него Шварцъ, Колумбъ, Лютеръ, кажется, вонзаютъ взоръ, шагнувши чрезъ нѣсколько вѣковъ, въ насъ самихъ и въ событія нашего міра.

„Онъ пораженъ этимъ колоссальнымъ шагомъ[8] всеобщаго великаго плана[9], его глубокою обдуманностью и который, между прочимъ, изъ-за кучи событій ничтожныхъ, повидимому, случайныхъ............[10] „Каждый человѣкъ дѣй...........[11] ....[12] и

---

[1] Въ рукописи нѣтъ реэстра; онъ помѣщенъ уже въ печатномъ текстѣ. Ср. выше, стр. 522—528. [2] Слово «выражены» приписано сверху зачеркнутыхъ: «вездѣ видны». [3] Прежде было написано: «....объясненія, но есть такія, надъ которыми остановится талантъ». [4] Прежде было написано: «въ изданныхъ въ послѣднее время историческихъ книгахъ». [5] Прежде было написано: «щегольской и красивый». [6] Послѣ этого слова зачеркнуто: «Во всѣхъ помѣщенныхъ проникаетъ (одно) стремленіе автора къ общимъ идеямъ. Онъ видитъ въ исторіи одно цѣлое — идею. Во всякомъ частномъ событіи онъ (видитъ =) смотритъ часть одного цѣлаго». [7] Не дописано. [8] Слова «колоссальнымъ шагомъ» зачеркнуты—авторъ предполагалъ передѣлать это мѣсто. [9] Послѣ этого слова зачеркнуто: «когда незначительныя происшествія въ углу одного края земли производятъ явленія, слѣдимыя чрезъ нѣсколько вѣковъ въ другомъ». [10] Не кончено. [11] Начата выписка изъ «Афоризмовъ». См. выше, стр. 523-й. [12] Передъ этимъ зачеркнуты отрывочныя фразы: «Онъ поражается колоссальнымъ шагомъ этого всеобщаго плана... Онъ указываетъ на слѣдствіе, почти восторженно указываетъ на ничтожн.... Въ частномъ....»

рядомъ съ мыслями, относящимися къ общему составу, онъ помѣщаетъ мысли, относящіяся къ частнымъ государствамъ—изъ нихъ [иныя][1] являются недоказанными или необъясненными, но иныя поражаютъ своею дальновидностью. Бросая взглядъ на отдѣльную націю или землю, часто отъ самаго ея начала, онъ видитъ ее носящую уже начальные элементы, переходя[щіе] сквозь различныя формы и образы во время различныхъ перемѣнъ[2]. Такимъ образомъ, въ Восточной Имперіи онъ видитъ и даетъ чувствовать ихъ (sic!) прежнее происхожденіе въ христіанскомъ преображеніи: геній Платона, Аристотеля воскресаетъ въ Іоаннѣ Златоустѣ и Григоріѣ Назіанзинѣ.

„Въ каждой націи подозрѣваетъ онъ глубокое значеніе[3] и необходимость для всей массы. Такъ Францію онъ...............[4] быть родникомъ [всего][5] общественнаго, гражданскаго и политическаго, землею опыта для всѣхъ другихъ націй. Выбраны событія, подтверждающія показанное размышленіе и не общую всѣмъ наблюдательность. У Франковъ прежде всѣхъ была принята и сдѣлалась государственною христіанская католическая [религія][6]. У Франковъ прежде началась феодальная система и потомъ развилась. Коронованный Франкъ Карлъ Великій первый поднялъ папу. Отозвавши папу въ Авиньонъ, Франція была......[7] нѣсколько виною ихъ паденія; во Франціи были первые мятежники противъ его власти (Альбійцы, Вандейцы)[8]. Рыцарство развилось блистательнѣе во Франціи. Крестовый походъ подвинулъ Французъ—Петръ, пустынникъ, изъ Аміена. Развалившійся[9] феодализмъ прежде всего организировался въ самодержавіе во Франціи. Постоянныя войска начались во Франціи, постоянные налоги и королевскій судъ — во Франціи. Идея о равновѣсіи подана Италіанскими войнами Французамъ. Учрежденіе посольствъ, кофейныя, трактиры, политическіе журналы, энциклопедія, языкъ, моды, карты,—все во Франціи. Виною нынѣшняго тѣснаго соединенія.......[10]. Попытки къ революціи въ другихъ государствахъ отвадила Франція примѣромъ ужаснымъ[11] бывшей

---

[1] Слово «иныя» въ рукописи пропущено. [2] Прежде было написано: «принимавшіе множество различныхъ формъ при разныхъ событіяхъ и перемѣнахъ». [3] Прежде было написано: «Каждая нація имѣетъ у него значеніе». [4] Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. [5] Это слово въ рукописи пропущено; внесено изъ печатнаго текста. [6] Слово «религія» внесено изъ печатнаго текста. [7] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [8] Скобки въ рукописи. [9] Въ рукописи: «развалившій». [10] Фраза не дописана. Въ «Афоризмахъ» Погодина (стр. 43): «Никогда государства не соединялись такъ крѣпко между собою, какъ возставъ на Наполеона». [11] Слово не дописано; въ печатномъ текстѣ: «ужаснымъ».

революціи. Общественное мнѣніе нигдѣ такъ не сильно, какъ во Франціи.

„Въ двухъ-трехъ, можетъ быть, не согласятся; но замѣтить всѣ эти явленія не всякой можетъ.

„Французовъ во всей ихъ политической жизни, онъ сравниваетъ[1] съ Римлянами и сходство (это) основываетъ на воинственномъ духѣ. По [неимѣнію] національности не имѣютъ поэтическаго развитія, они стремятся къ подражанію. Но суровый подражательный Римлянинъ былъ для него....... [2]. Но Французъ разносилъ, какъ Грекъ во время смѣшенія всеобщаго націй, свое подражаніе и заставлялъ всѣ націи подражать этому[3].

„Опасаясь занять много мѣста, не хотимъ приводить многихъ „афоризмовъ" и предоставляемъ заглянуть читателю.

„Вообще [авторъ][4] шагаетъ по историческому міру скачками, показывающими усиліе его обнять ее (sic!) вполнѣ и сближеніе отдаленной, почти сокровенной причины съ нынѣшнимъ колоссальнымъ ея............[5] слѣдствіемъ у него всегда разительно и восторгаетъ мысль читателя.

„(Иногда сближеніе это переходитъ у него границы). Это стремленіе у него въ другомъ мѣстѣ есть слѣдствіе перваго увлеченія, то повѣрено обдуманнымъ размышленіемъ. Желая опредѣлить существенно хорошимъ націю или историческое лицо, онъ ищетъ подобнаго ему въ другой землѣ, въ другихъ обстоятельствахъ. Это сравненіе у него не всегда удачно, да и вообще это не принадлеж[итъ][6] глубокомысленному, потому [что][7], чѣмъ глубже умъ, тѣмъ больше видитъ онъ своеобразность событій и явленій, и онъ всѣми силами стремится къ доказательству этой своеобразности.— — (Но въ „афоризмахъ", или отдѣльныхъ мысляхъ эти сравненія бываютъ (всегда) полезны тѣмъ, что наводятъ на размышленія)[8].

„Во многихъ мысляхъ (онъ стремится) положить общіе законы дѣйствія, простые, извѣстные, но подводитъ въ доказательство

---

[1] Прежде было написано: «Французовъ онъ сравниваетъ и гораздо справедливѣе». [2] Фраза не кончена. [3] Послѣ этого зачеркнуто: «Не зная, какъ лучше дать знать существенное значеніе націи, г. Погодинъ ищетъ на подобныхъ». [4] Этого слова нѣтъ въ рукописи. [5] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [6] Окончаніе слова не написано въ рукописи. [7] Въ рукописи: «потому». [8] Все это мѣсто (начиная словами: «Иногда сближеніе это» и оканчивая словами: «наводятъ на размышленія») авторъ зачеркнулъ.

ихъ (событія) иногда событія, которыя у него являются (въ повѣствован) на этомъ мѣстѣ въ первый разъ[1].

„Онъ такъ раздвинулъ передъ собою поле исторіи, что едва можетъ окинуть взглядомъ и только можетъ захватить по одной чертѣ.

„Иныя мысли очень коротки, другія извѣстны почти всѣмъ; но очень важно то, что имъ приданъ вѣсъ — стало быть, авторъ на нихъ особенное..........[2] вниманіе[3].

„Вообще, читая эти „Афоризмы", видишь человѣка, который былъ пораженъ величіемъ предмета. Это благоговѣйное изумленіе дышетъ вездѣ. Онъ не ставитъ въ своихъ мысляхъ, на тѣсномъ мѣстѣ, пло̀тнаго[4] зданія, но захватываетъ земли чрезвычайное пространство и одинъ камень своего зданія укрѣпляетъ въ одномъ концѣ земли, другой въ другомъ — на такомъ далекомъ разстояніи, что едва можетъ завидѣть взглядомъ, предоставляя (другому наполнять) этотъ очеркъ[5]. Впрочемъ и указать такіе дальніе пункты уже что-нибудь значитъ[6]: по крайней [мѣрѣ][7] ни у кого изъ нашихъ, которые писали хоть что-нибудь объ исторіи, не было замѣтно этого[8].

„Эта небольшая (замѣчательная) книжка меньше всего будетъ оцѣнена по достоинству. Въ ней есть кое-гдѣ такія мысли, которыя совсѣмъ незначительны, надъ которыми даже критики-остряки посмѣются. Но (внимательный) историкъ-талантъ (въ размышленіи) остановится надъ нею и скажетъ: „Этотъ человѣкъ чувствовалъ и видѣлъ въ исторіи то, что̀ не всякій; но не такъ былъ созданъ его организмъ[9], чтобы (воплотить) все это въ текучую, плавную (картину) исполненіи..." [10] (РА № 5, об. 25 полул.—26 полулистъ).

---

[1] Послѣ этого слова оставлено пустое мѣсто, строки на четыре. [2] Одно слово не разобрано. [3] Послѣ этого оставлено пустое мѣсто, строкъ на десять. [4] Удареніе на *о* поставлено авторомъ, употребившимъ здѣсь это слово въ томъ же смыслѣ, какъ и въ слѣдующемъ мѣстѣ своего письма къ Шевыреву: «Я видѣлъ, что на этомъ одномъ я могъ только навыкнуть производить *плотное* созданіе, сущное, твердое, освобожденное отъ излишествъ и неумѣренности, вполнѣ ясное и т. д.». (Русская Старина 1875 г., № 9, стр. 125). [5] Сверху этихъ незачеркнутыхъ строкъ приписано: «онъ [смазываетъ?] и разбрасываетъ кирпичи по всему лицу земному и означаетъ хотя неясные, но великіе предѣлы исторіи, не имѣя силъ воздвигнуть цѣлое зданіе». [6] Прежде было написано: «не всякій можетъ». [7] Слово «мѣрѣ» пропущено въ рукописи. [8] Прежде было написано: «ни у кого изъ нашихъ историковъ этого не было замѣтно». [9] Прежде было написано: «Этотъ человѣкъ чувствовалъ», *что̀ такое исторія, но не имѣлъ столько силъ, чтобы произвести на насъ*..... но не такъ былъ *организированъ*». [10] Не кончено.

Стр. 525 [1] Такъ въ РА, № 5 и въ СП. Слѣдуетъ: «Альбигойцы».

Стр. 526 [1] Хотя при печатаніи рецензія Гоголя на «Историческіе афоризмы» была значительно смягчена сравнительно съ рукописнымъ текстомъ; но Погодинъ, кажется, былъ ею недоволенъ. Въ письмѣ 14 апрѣля 1836 г., изъ Михайловскаго, Пушкинъ нашелъ нужнымъ предупредить Погодина: «Статья о вашихъ *Афоризмахъ* писана не мною, и я не имѣлъ ни времени, ни духа ее порядочно разсмотрѣть. Не сердитесь на меня, если вы ею недовольны». (Сочиненія Пушкина, VII, 397—398).

Плаваніе по Бѣлому морю (стр. 526). „Небольшая брошюрка. Есть нѣсколько замѣчаній (очень) интересныхъ о сѣверной природѣ. Это..............[1] стараго угрюмаго мѣста изгнанія и заточенія, знаменитаго въ нашихъ лѣтописяхъ, гдѣ оканчивали жизнь безплодно въ бѣдномъ, убогомъ монашествѣ наши опальные патріархи и святители". (РА, № 5, вторая страница 16-го полулиста).

Походныя записки артиллериста (стр. 526). „Когда возвратились наши войска изъ славнаго (путешествія) въ Парижъ, каждый офицеръ несъ кучу воспоминаній о приключеніяхъ. Ихъ разсказы были чрезвычайно любопытны, потому что все европейское видѣли [всѣ] свѣжими, любопытными чувствами новичка и потому что разсказывались тоже новичкамъ, еще не видавшимъ всего этого. Какъ встрѣчали жители русское войско? Что̀ такое говорили о русскихъ войскахъ?—Словомъ, постой русскаго офицера на нѣмецкой квартирѣ уже составлялъ самъ собою романъ, тѣмъ болѣе поразительный, что разсказывался въ простотѣ (безъ всякихъ претензій) и самой живой правдѣ.... Наши воины сдѣлались тогда интересны. Еще и донынѣ, если бывавшій въ Парижѣ офицеръ, уже ветеранъ, уже во фракѣ, уже съ просѣдью въ головѣ, начнетъ раз-

[1] Въ рукописи пропущено одно слово («описаніе»?). [2] Начало этой статьи передѣлано, и передѣлка вписана сначала сверху строкъ прежняго текста, а потомъ особымъ отдѣльнымъ дополненіемъ на той же страницѣ. Вотъ первоначальный текстъ начальныхъ строкъ рецензіи; зачеркнутыя въ немъ слова ставимъ въ скобкахъ. «(Ничто такъ не занимало насъ,—безъ сомнѣнія, это всякій скажетъ,—какъ) разсказы нашихъ офицеровъ, возвратившихся изъ-за границы (послѣ славнаго вступленія нашихъ войскъ въ Парижъ). Каждаго разсказъ о приключеніяхъ, собственно съ нимъ приключившихся, былъ такъ занимателенъ, что всегда собиралъ около себя кружокъ жадныхъ слушателей. И теперь еще, если бывшій въ то время нашъ офицеръ, большею частью уже ветеранъ, начнетъ разсказывать, то они возбуждаютъ наше .... (пропускъ), потому что дѣйствительно жизнь каждаго изъ нихъ была исполнена не простыхъ случаевъ. (Но ни одинъ изъ нашихъ офицеровъ до сихъ поръ не...... и потому что всякое слово) и потому что слова ихъ были....... нашими».

сказывать, то около него невольно собирается кружокъ. Но ни одинъ изъ нашихъ офицеровъ до сихъ поръ не вздумалъ записать свои разсказы въ такой совершенно простотѣ и истинѣ, въ какой разсказывалъ[1]. Нѣкоторые обращали вниманіе на реляціи, — дѣло, требующее уже самаго глубокаго соображенія[2], многихъ средствъ и интересное для небольшаго числа посвященныхъ (въ военное званіе); но случавшееся съ нимъ[3], какъ съ частнымъ человѣкомъ, они вообще, какъ многіе, почитаютъ[4] неважнымъ и очень ошибаются: ихъ простыя записки иногда такую внесутъ черту въ исторію, какой не докопаешься въ пространнѣйшихъ трактатахъ о минувшихъ кампаніяхъ. — Возьмите вы эту книгу, прочитайте ее. Она не отличается ни блестящимъ слогомъ, ни замашкою писателя. Но она (просто) любопытна и для читателя, который читаетъ только для времяпрепровожденія, — и для котораго изъ чтенія извлекаются новыя богатства для ума. Это множество романовъ, наводняющихъ насъ послѣднее[5] время, канутъ безвыходно, а книгу эту также будутъ читать и послѣ насъ, какъ читаемъ теперь мы ее. Никто, кромѣ полуграмотныхъ литераторовъ, не станетъ смотрѣть ни на слогъ ея, ни на шероховатость періодовъ". (**РА**, № 5, об. 22-го полулиста).

Письма леди Рондо (стр. 526—527). „Книжка довольно замѣчательная. Сочинительница пишетъ къ пріятельницѣ своей о себѣ, о своихъ чувствахъ, о томъ, что̀ интересно для ней; но мимоходомъ дѣлаетъ такія замѣчанія, которыя принадлежатъ исторіи. Она передала два-три замѣчательныя изреченія[6] княгини Долгорукой, — изреченія, выказывающія ея высокую душу. Два-три замѣчанія[7] объ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и Биронѣ даютъ новую черту къ ихъ портретамъ". (**РА**, № 5, об. 22-го полулиста).

Путешествіе вокругъ свѣта (стр. 527—528). „Есть книги, которыя пишутся (именно) для всей массы общества[8], которая преимущественно требуетъ образованія[9]: для людей неученыхъ или мало ученыхъ, словомъ, — для людей свѣтскихъ, для людей занятыхъ, слишкомъ занятыхъ жизнью, разсчетами, или для людей,

---

[1] Конецъ этого слова не дописанъ. [2] Послѣ этого зачеркнуто: «а между тѣмъ чуждое для больш». [3] Послѣдней буквы этого слова не написано. [4] Въ рукописи: «какъ почитаютъ многіе». [5] Слово «послѣднее» въ рукописи недописано. [6] Прежде было написано: «слова». [7] Прежде было написано: «Двѣ-три черты». [8] Вмѣсто слова «общества» прежде было написано: «народа». [9] Прежде было написано: «для всѣхъ сословій, но болѣе для тѣхъ, которыя требуютъ образованія».

незанятыхъ ничѣмъ, стало быть — для многочисленной[1] и, можетъ быть, и лучше (sic!), для всей массы общества и особенно того, который нужно, какъ дѣтей, заохочивать и принуждать (заставлять) читать. Отсюда произошло множество книгъ для всеобщаго[2] употребленія, облеченныхъ общепонятнымъ пріятнымъ языкомъ, — книгъ[3], которыя приносятъ пользу, такъ что они нечувствительно образовывали (толпу) и приготовляли намъ читателей. Въ этомъ случаѣ безкорыстнѣе всего дѣйствовали Англичане, — нація, при своей народной гордости[4] отличавшаяся своею филантропіею[5]. (Тамъ) составлялись (цѣлыя) общества для распространенія нравственности, воздержанія, возвращенія свободы невольникамъ и тому подобныя. (Эти общества) издаютъ и распускаютъ по свѣту безденежно или по чрезвычайно малой цѣнѣ самое полезное[6]. Тамъ, наконецъ, пробудилось желаніе представить науки, сколько возможно, (въ ясномъ видѣ) и сообразно съ начинающими развиваться способностями. (Должно изумлять[ся], съ какимъ искусствомъ, какъ постепенно слѣдовалъ за душевнымъ развитіемъ воспитанника, развивалъ ему свою систему. Науки самыя отвлеченныя у нихъ сдѣлались свѣдѣніемъ всѣхъ). То, что у Англичанъ потребность[7], то у Французовѣ вдругъ обратится въ моду: онъ кинется со всею жадностью перенимать, распространитъ, увеличитъ, разнесетъ [по][8] всему свѣту[9], уже какъ оригинальное и собственное. Едва появилось во Франціи одно дешевое сочиненіе — уже на другой годъ цѣлый потопъ дешевыхъ сочиненій. Труды, издержки идутъ быстро, скоро въ обращеніе, и не успѣла Европа получить ихъ послѣднія произведенія, уже они занимаются новымъ чѣмъ, уже въ рукахъ ихъ движется..........[10] отработать его живо; скоро сбываютъ съ рукъ, также (?) едва

---

[1] Въ рукописи: «многочисленно». [2] Въ рукописи «всеобщихъ», — остатокъ прежняго текста: «Отсюда произошло множество книгъ *всемірныхъ,* всеобщихъ, *общенародныхъ, которыхъ цѣль — дать знаніямъ сколько можно болѣе заманчивой видъ, облечь ихъ чистымъ* общепонятнымъ языкомъ, *представить, сколько можно, объемистѣе. Эта цѣль достигала своей цѣли и польза, принесенная ею, была велика:* она нечувствительно образовывала» и т. д. Все напечатанное курсивомъ въ рукописи зачеркнуто. [3] Въ рукописи «Книги». [4] Прежде было написано: «при всей сильной народной гордости». [5] Прежде было написано: «всегда питавшая любовь, почти космополитическую, ко всему человѣчеству». [6] Окончанія словъ: «сам*ое* полезн*ое*» въ рукописи не дописаны. [7] Въ рукописи: «потребно». [8] Слово «по» въ рукописи пропущено. [9] Прежде было написано: «и разбросаетъ, какъ оригинальное». [10] Пропущено какое-то слово.

оставляютъ для себя какое-нибудь впечатлѣніе и даже не оставляютъ никакихъ осадковъ собственно въ душѣ своей. Вся нація какъ будто служитъ почтою для всей Европы—рынокъ, гдѣ Европа получаетъ и обмѣниваетъ собственныя произведенія (какъ будто вся нація живетъ для Европы, для [того][1] только, чтобы приводить въ сообщеніе Европу). Къ числу множества дешевыхъ изданій[2] принадлежитъ и означенное выше сочиненіе. Оно замѣчательнѣе другихъ, потому что полезнѣе и болѣе носитъ въ себѣ цѣлости. Это—сводъ всѣхъ путешествій, изображеніе всего міра въ его нынѣшнемъ географическомъ, нравоописательномъ, статистическомъ, физическомъ видѣ,—словомъ: книга, которая больше всего находитъ читателей, потому что путешествія и разсказы о путешествіяхъ дѣйствуютъ прежде всего на развивающійся умъ. Оно составлено (изъ самыхъ вѣрныхъ извѣстій, принесенныхъ послѣдними путешественниками), и всѣ свѣдѣнія, принесенныя новѣйшими путешественниками, вложены въ уста одного. Слишкомъ требовательному читателю становится досадно, когда вообразитъ, что все это разсказываетъ человѣкъ, самъ не бывшій, идеальный, и для него никѣмъ не замѣнишь свѣжести впечатлѣній самого очевидца. Но эта форма полезна вообще,—тѣмъ болѣе, что идеальный путешественникъ ни слова не говоритъ о своихъ собственныхъ чувствахъ. Переводъ хорошъ. Картинки (недурны, совершенно) такія же, какъ и въ оригиналѣ. Изданіе, для насъ, очень дешево. Въ каждый мѣсяцъ выходитъ значительная тетрадь. Въ Москвѣ началъ это же сочиненіе переводить Полевой (и дурно сдѣлалъ, что выдалъ только одинъ..........[3] вмѣсто объявленныхъ шести; ему особенно нужно было обратить вниманіе.........[4]. Пошло же счастье Дюмону Дюрвилю!" (РА, № 5, первая страница 16-го полулиста).

Мое новоселье (стр. 528). „Боже мой! Это альманахъ! Какой же онъ маленькой![5] Какое странное чувство, когда глядишь на него! Какъ будто бы видишь передъ собою на крышѣ опустѣлаго [дома][6], гдѣ когда-то веселился, и шумно, тощаго мяукающаго кота.—Альманахъ! Когда-то издавалъ Дельвигъ благоуханный свой альма-

---

[1] Слово «того» въ рукоп. пропущено. [2] Прежде было написано: «къ числу такихъ дешевыхъ изданій». [3] Въ рукописи пропущено слово. [4] Фраза не дописана. [5] Послѣ этого зачеркнуто: «Какой невидный, тощій и бѣдненькой, тощій, какъ голодный котъ на старомъ пепелищѣ». [6] Такъ въ печатномъ текстѣ; въ рукописи это слово пропущено.

нахъ!................[1] душистыхъ стиховъ стояли имена Жуковскаго, Пушкина, Баратынскаго, князя Вяземскаго, Языкова, Козлова, Туманскаго. Отъ нихъ чѣмъ-то вѣяло музыкальнымъ. Теперь все новое; никого не узнаешь: другіе люди, другія лица[2]. Въ оглавленіи альманаха стоятъ имена Куруты, Грена, Крыловскаго, Варгасова. Кромѣ [того][3] написали стихи буква С, буква Ш, буква Щ. Читаемъ[4] (стихи) — такихъ стиховъ и тогда много было въ разныхъ книженкахъ[5]; но они были лучше: въ нихъ было ровнѣе, версификація текучѣе, потому что они лепетали вслѣдъ за талантами. Грустно по прежнимъ временамъ!" (РА, №5, вторая стран. 16-го полул.).

Ночи на виллѣ (стр. 530 — 532).

Эти записки о ночахъ, проведенныхъ Гоголемъ у гр. Віельгорскаго, ведены были въ Римѣ въ концѣ мая 1839 года. Изъ Чивитавеккіи Гоголь пріѣхалъ въ Римъ въ концѣ апрѣля 1839 года (Сочиненія и письма Гоголя, изд. Кулиша, V, 369). 3-го мая онъ уже писалъ Погодину: „Іосифъ (Віельгорскій), кажется, умираетъ рѣшительно. Бѣдный кроткій, благородный Іосифъ! Можетъ быть, его не будетъ уже на свѣтѣ, когда ты будешь читать это письмо" (Тамъ же, стр. 370—371). 30 мая Гоголь сообщаетъ М. П. Балабиной: „Мысли не лѣзутъ вовсе изъ моей головы; другія, совершенно непризванныя, являются на мѣсто призываемыхъ. Увы! я пишу къ вамъ тоже подъ вліяніемъ книги, которую теперь читаю, но другой — и какъ противоположной вашей! Печальны и грустно-краснорѣчивы ея страницы. Я провожу теперь безсонныя ночи у одра больнаго, умирающаго моего друга Іосифа Вьельгорскаго. Вы, безъ сомнѣнія, о немъ слышали; можетъ быть, даже видѣли его иногда; но вы, безъ сомнѣнія, не знали ни прекрасной души его, ни прекрасныхъ чувствъ его, ни его сильнаго, слишкомъ твердаго для молодыхъ лѣтъ характера, ни необыкновеннаго, основательнаго ума его; и все это—добыча неумолимой смерти! И не спасутъ его ни молодыя лѣта, ни права на жизнь, безъ сомнѣнія, прекрасную и полезную! *Я живу теперь его умирающими днями*,

---

[1] Сперва было написано: «Имена стояли въ немъ подъ стихами до»; потомъ это зачеркнуто, и надъ строками Гоголь началъ вписывать новый текстъ, но не кончилъ. [2] Прежде было: «другіе люди, лица все незнакомыя». [3] Слово «того» взято изъ печатнаго текста; въ рукописи его нѣтъ. Прежде было: «Кромѣ нѣкоего еще какіе-то». [4] Прежде было написано: «Прочитаемъ». [5] Прежде было: «и тогда много въ разныхъ пустыхъ Альмана».

ловлю минуты его. Его улыбка или на мгновеніе развеселившійся видъ уже для меня эпоха, уже происшествіе въ моемъ однообразно проходящемъ днѣ. Итакъ, не вините меня, если я глупъ и не умѣю къ вамъ написать письмо такъ же умно, какъ вы написали его ко мнѣ. Бѣдный мой Іосифъ, одинъ единственно-прекрасный и возвышенно-благородный изъ вашихъ петербургскихъ молодыхъ людей, и тотъ..... Клянусь, непостижимо странна судьба всего хорошаго у насъ въ Россіи! Едва только оно успѣетъ показаться — и тотъ же часъ смерть, безжалостная, неумолимая смерть! Я ни во что̀ теперь не вѣрю, и если встрѣчаю что̀ прекрасное, тотчасъ же жмурю глаза и стараюсь не глядѣть на него: отъ него несетъ мнѣ запахомъ могилы. „Оно на краткій мигъ", шепчетъ глухо внятный мнѣ голосъ: „оно дается для того, чтобы существовала по немъ вѣчная тоска сожалѣнія, чтобы глубоко и болѣзненно крушилась по немъ душа" (Сочин. и письма Гоголя V, 373). Почти въ то же время Гоголь пишетъ Погодину: „Я теперь очень и слишкомъ занятъ моимъ больнымъ Вьельгорскимъ: *сижу надъ нимъ ночи безъ сна* и ловлю всѣ его мановенія. Есть святыя услуги дружбы, и я долженъ теперь ихъ исполнить. Но удивительно — я не чувствую никакой усталости, здоровье мое ничуть не сдѣлалось хуже; даже лицо мое не носитъ никакихъ знаковъ изнеможенія; находятъ даже меня поправившимся. *Сладки и грустны мои минуты нынѣшнія;* но я вѣчно благодарю Бога, что во мнѣ случилась эта надобность, и что именно случился въ это время я, а не лицо чуждое, не родное, непріятное для больнаго" (Тамъ же V, 377). Віельгорскій умеръ въ началѣ іюня. Гоголь 5-го іюня пишетъ А. С. Данилевскому: „Я недавно еще чувствовалъ одну сильную, почти незнакомую для меня въ эти лѣта грусть, — грусть, живую грусть прекрасныхъ лѣтъ юношества, если не отрочества души. Я похоронилъ на дняхъ моего друга, котораго мнѣ дала судьба въ то время, въ ту эпоху жизни, когда друзья уже не даются. Я говорю объ моемъ Іосифѣ Вьельгорскомъ. Мы давно были привязаны другъ къ другу, давно уважали другъ друга, но сошлись тѣсно, неразлучно и рѣшительно братски только, увы! во время его болѣзни. Ты не можешь себѣ представить, до какой степени была это благородно-высокая, младенчески-ясная душа. Выскочки ума и таланта мы видимъ часто у людей; но умъ, и талантъ, и вкусъ, соединенные съ такою строгою основательностью, съ такимъ твердымъ, мужественнымъ

характеромъ — это явленіе, рѣдко повторяющееся между людьми. И все было у него на 23 году возраста. И при твердости характера, при стремленіи дѣйствовать полезно и великодушно, такая дѣвственная чистота чувствъ! Это былъ бы мужъ, который бы украсилъ одинъ будущее царствованіе Александра Николаевича... И прекрасное должно было погибнуть, какъ гибнетъ все прекрасное у насъ въ Россіи!“ (Тамъ же V, 377—378). Этими выдержками изъ писемъ Гоголя опредѣляется не только время написанія „Ночей на виллѣ“, но и значеніе ихъ для біографіи поэта. Къ сожалѣнію произведеніе столь высокой автобіографической важности сохранилось не вполнѣ. Уцѣлѣвшіе отрывки написаны на двухъ листкахъ почтовой бумаги, въ обыкновенную малую осьмушку; второй листокъ вложенъ въ первый, въ которомъ исписаны только страницы первая, третья и четвертая. Въ настоящемъ изданіи „Ночи на виллѣ“ напечатаны по этимъ собственноручнымъ листкамъ, которые были сообщены намъ Погодинымъ въ 1853 г. Въ первый разъ эти отрывки напечатаны въ книгѣ г. Кулиша „Записки о жизни Гоголя“ (I, стр. 227—230).

Наброски, выписки, отрывки (стр. 533—536).

Эти „наброски, выписки и отрывки“ напечатаны были въ первый разъ г. Кулишомъ подъ заглавіемъ: „Замѣтки и наброски Н. В. Гоголя для драмы изъ украинской исторіи“ — въ журналѣ „Основа“, 1861 г., январь, стр. 116—120. Печатая эти наброски, г. Кулишъ выразилъ мнѣніе, что всѣ они относятся къ задуманной Гоголемъ драмѣ изъ малороссійской исторіи: „Выбритый усъ“. Вотъ его слова: „Ни С. П. Шевыревъ..., ни Н. П. Трушковскій не открыли никакихъ остатковъ этой драмы, ни даже намековъ на нее. Я самъ, пересматривая много разъ бумаги Гоголя при изданіи его *Сочиненій и Писемъ,* остался въ убѣжденіи, что слѣды украинской драмы его исчезли. Но, вотъ, недавно, перелистывая *выписки Гоголя изъ разныхъ книгъ по предмету русской и всеобщей исторіи — работу учительскаго періода его жизни,* я открылъ листъ ярко-зеленой бумаги, сложенный въ осьмушку и исписанный въ разныхъ мѣстахъ по три, по четыре, по десяти строкъ, изъ которыхъ, однакожъ, никакъ нельзя было догадаться, что̀ это такое, — тѣмъ болѣе, что писано это самымъ небрежнымъ почеркомъ. Перелистывая одинъ за другимъ эти наброски, я напалъ, наконецъ, на одно мѣсто съ подчеркнутою надписью: „*Какъ*

должно создать эту драму". Я перебралъ тогда всѣ лоскутки бумаги съ брошенными на нихъ кусочками мыслей, которыя до сихъ поръ я не зналъ, куда отнести, и такимъ образомъ составилъ предлагаемую статью, несомнѣнно удостовѣряющую, что драма дѣйствительно существовала, если не на бумагѣ, то въ умѣ Гоголя. О времени, въ которое сдѣланы эти наброски, можно судить по бумагѣ, на которой просвѣчивается штемпель фабрики: „I. Whatman Turkey Mill 1838".

Бумаги, между которыми г. Кулишъ открылъ листъ ярко-зеленой бумаги, отнесены имъ къ періоду учительства Гоголя, т. е. къ 1831—1835 годамъ. Если г. Кулишъ имѣетъ здѣсь въ виду „лоскутки бумаги", на основаніи которыхъ онъ составилъ свою статью о драмѣ Гоголя, то это датированіе совершенно невѣрно: самъ г. Кулишъ замѣтилъ, что на бумагѣ „просвѣчивается штемпель фабрики" *съ 1838 годомъ*. Впрочемъ, штемпель съ этимъ годомъ находится лишь на *одномъ* листкѣ почтовой бумаги, на которомъ помѣщенъ небольшой набросокъ, всего въ шесть строкъ, напечатанный въ нашемъ изданіи подъ цифрою 3 (стр. 536). Только этотъ набросокъ могъ г. Кулишъ отнести къ *1838-му году*. Два листа бумаги, на которыхъ набросаны остальные отрывки, напечатанные г. Кулишомъ въ названной статьѣ, не имѣютъ фабричныхъ штемпелей и даты. Время написанія ихъ слѣдуетъ опредѣлить на основаніи не столько особенностей бумаги, сколько другихъ данныхъ. Къ работѣ надъ драмою *цѣликомъ* относятся *только* наброски, напечатанные въ нашемъ изданіи подъ № 2 и сдѣланные на полулистѣ почтовой бумаги сѣроватаго цвѣта: это та же бумага, на которой стоитъ въ штемпелѣ 1838 годъ: огромный листъ Ватмановской бумаги разрывался Гоголемъ на двое поперекъ, такъ что фабричный штемпель, помѣщенный внизу листа, оставался лишь на одномъ изъ полулистовъ. Листокъ съ отрывками, напечатанными у насъ подъ цифрою 2, также покрылся набросками *не ранѣе 1838 года: всѣ* находящіяся на немъ *замѣтки и тирады*, несомнѣнно, *цѣликомъ относятся къ драмѣ изъ украинской исторіи*. Листъ ярко-зеленой альбомной бумаги, обычнаго огромнаго формата оной, сложенъ въ тетрадку, формата восьмушки: на *первой* страницѣ этой несшитой тетрадки, напечатанной въ нашемъ изданіи подъ цифрою 1, написанъ отдѣлъ: „Какъ нужно создать эту драму" (въ нашемъ изданіи стр. 533 до черты); на страницѣ 3-й написаны наброски втораго отдѣла, помѣщенные въ настоящемъ изданіи между такими же чертами („Отвѣчаетъ"—

„Самко въ.......", стр. 533—534); на стр. 4-й — „Мужики"; на стр. 5-й — „Улицы древней Варшавы"; на стр. 11-й — „Рыцарскіе"; на стр. 12-й послѣдній набросокъ этого отдѣла: „Вдохновенная, небесно ухающія" — „что ни есть въ свѣтѣ". Листъ ярко-зеленой бумаги не имѣетъ фабричнаго штемпеля; но время, когда онъ употребленъ былъ для письма, опредѣлить не трудно. На пятой страницѣ этого листа сдѣлана выписка изъ какой-то книги объ „улицахъ древней Варшавы". Эта выписка не кончена. Въ полномъ видѣ она написана *на той же бумагѣ*, на которой находятся наброски, изданные у насъ подъ № 2, слѣд. и эта выписка сдѣлана *не ранѣе 1838 года*. Этотъ листокъ относится къ числу тѣхъ, на которыхъ сдѣланы выписки и наброски „по предмету русской и *всеобщей* исторіи" (по словамъ г. Кулиша) и которые отнесены г. Кулишомъ къ „учительскому періоду" Гоголя. Разсмотримъ, одинъ за другимъ, всѣ эти листки и ознакомимся съ содержаніемъ сдѣланныхъ на нихъ выписокъ и набросковъ. 1) На половинѣ одного полулиста, *съ тѣмъ же фабричнымъ штемпелемъ „38" года*, написанъ на первой страницѣ отрывокъ изъ какой-то неоконченной повѣсти („Дѣвицы Чабловы, дочери бѣдныхъ родителей"), а на другой страницѣ отрывокъ объ отношеніяхъ литовцевъ къ южной Россіи. Этотъ отрывокъ начинается словами: „вражды, войны, битвы и замировки семейственныя между Россіей и Литвой". Въ концѣ страницы набросокъ обрывается на словахъ: „Разбивши ихъ, прогнавши". Продолженіе читается, на 2) *полулистѣ съ полнымъ штемпельнымъ знакомъ фабрики и 1838 г.*, въ такомъ видѣ: „преслѣдуя за Днѣпръ, Литовцы съ соединенными южными русскими войсками отняли у нихъ Мозырь". 3) Другой листокъ той же бумаги и точно такого же формата, съ уцѣлѣвшимъ водянымъ знакомъ „38" года, носитъ на себѣ два наброска. Первый начинается такъ: „Какъ зародились стихіи политическаго существованія на югѣ нашего отечества, — это вѣдомо всякому"; второй приводимъ здѣсь вполнѣ: „Характеръ Русскаго несравненно тонѣе и хитрѣе, чѣмъ жителей всей Европы. Всякой изъ нихъ, не смотря на самое тонкое остроуміе, *даже Италіанецъ*, простодушнѣе. Но Русскій всякій, даже не умный, можетъ такъ притвориться, что (проведетъ всѣхъ) и дурачитъ другого". 4) На двухъ полулистахъ той же бумаги, *но безъ фабричныхъ знаковъ*, помѣщена хронологія нѣкоторыхъ событій южно-русской исторіи и литовскаго княжества съ XIII в. до XV в. включительно.

Далѣе слѣдуетъ 5) половина полулиста той же бумаги, безъ фабричныхъ клеймъ (они остались на отрѣзанной половинѣ) — на ней набросаны замѣтки о казакахъ: „......данно слышитъ дворянство и высокій родъ козаковъ именитыхъ. Уваженіе черни къ таковымъ и т. д.“ 6) Новая половина полулиста съ тѣмъ же фабричнымъ штемпелемъ, наполовину отрѣзаннымъ, и уцѣлѣвшимъ „38“, содержитъ выписки изъ книги Шерера: „Annales de la Petite-Russie (Paris, 1788, 2 vols). На первой страницѣ зачеркнуто: „Гетьманы по *Шереру*“. На второй: „Osman разбилъ Поляковъ“ и т. д. Наконецъ, 7) половина полулиста той же бумаги, безъ фабричнаго штемпеля, исписана на обѣихъ страницахъ коротенькими выписками изъ „Описанія Украйны Боплана“ (въ русскомъ переводѣ). Изъ этихъ выписокъ слѣдуетъ обратить вниманіе на ту, которая касается крестьянскихъ повинностей и оброковъ въ Малороссіи: „Крестьяне работаютъ три дня въ недѣлю *и за землю* должны давать господину *нѣсколько четвериковъ хлѣба*, нѣсколько паръ каплуновъ, куръ, *цыплятъ, гусей*. Оброкъ собирается около *пасхи, Духова дня* и Рождества. Сверхъ того они возятъ дрова на господскій дворъ и исполняютъ тысячи другихъ обяян[ностей]. Денежный оброкъ. *Десятина* съ овецъ, *свиней, меду*, плодовъ. *По прошествіи трехлѣтія они отдаютъ 3-ю вола*“. Этимъ строкамъ Гоголь далъ форму разговора между мужиками и помѣстилъ его, подъ заглавіемъ „*Мужики*“ на 4-й страницѣ листа ярко-зеленой бумаги“ (см. выше, стр. 534 и 675).

Изъ предложеннаго обзора „лоскутковъ бумаги“, среди которыхъ уцѣлѣли и листки, вошедшія въ составъ статьи г. Кулиша „о драмѣ Гоголя изъ украинской исторіи“, видно, что выписки, сдѣланныя на этихъ лоскуткахъ относятся или къ южно-русской исторіи вообще, или въ частности къ исторіи козаковъ запорожскихъ. Они сдѣланы, очевидно, одновременно и въ такую пору, когда Гоголь, ради какой-нибудь цѣли, вновь обратился къ изученію нѣкоторыхъ источниковъ и пособій по исторіи южной Россіи и козачества. Въ выпискахъ сохранились положительныя указанія на книги, которыя, между прочимъ, прочелъ тогда Гоголь — „Описаніе Украйны Боплана“ и Шерера „Annales de la Petite-Russie“. Но эти выписки и наброски нельзя отнести къ періоду учительства Гоголя, какъ дѣлаетъ г. Кулишъ: противъ этого говорятъ фабричные знаки съ цифрою 1838 года. Листокъ „ярко-зеленой бумаги“, на первой страницѣ котораго стоитъ зна-

менательная надпись: „Какъ нужно создать эту драму“, связывается двумя сдѣланными на немъ набросками („Мужики“, „Улицы древней Варшавы“) съ листками, на которыхъ уцѣлѣлъ фабричный штемпель 1838 года. Это даетъ основаніе предположить, что и тетрадка „ярко-зеленой бумаги“ была употреблена въ дѣло *одновременно* съ перечисленными лоскутками бумаги, т. е. *не ранње 1838 года.* Кромѣ того изъ содержанія вышеприведенныхъ выписокъ и набросковъ не видно, чтобы они относились *исключительно* къ „драмѣ изъ украинской исторіи“. Между бумагами А. А. Иванова, поступившими въ Московскій публичный музей, сохранился листокъ съ тѣмъ же водянымъ фабричнымъ штемпелемъ, который мы постоянно встрѣчали на вышеисчисленныхъ „лоскуткахъ“, т. е.: „I. Whatman Turkey Mill 1838“. Этотъ листокъ весь занятъ набросиомъ *новой редакціи* „Тараса Бульбы“. (См. I томъ настоящаго изданія, примѣчанія къ повѣсти „Тарасъ Бульба“). Въ отличіе отъ первой, эта редакція повѣсти обнаруживаетъ слѣды чтенія Бопланова „Описанія Украйны“. Всѣ эти наброски, выписки и отрывки (на бумагѣ 1838 г.) мы относимъ къ 1839 году, когда Гоголь, занимаясь чтеніемъ сочиненій Боплана, Шерера и малорусскихъ пѣсенъ, посвящалъ свое время переработкѣ повѣсти „Тарасъ Бульба“ и набрасывалъ на бумагу планъ и нѣкоторыя частности „драмы изъ украинской исторіи“. Объ этой порѣ вдохновенной дѣятельности, обращенной къ прошедшему Малороссіи, остались живыя свидѣтельства въ письмахъ поэта къ московскимъ его друзьямъ. 10 августа 1839 г. Гоголь писалъ Шевыреву изъ Вѣны: „*Трудъ мой, который я началъ, нейдетъ;* а чувствую, вещь можетъ быть славная! Или *для драматическаго творенія* нужно работать въ виду театра, въ омутѣ со всѣхъ сторонъ уставившихся на тебя лицъ и глазъ зрителей, какъ я работалъ во времена оны? Подожду, посмотримъ“. Нѣсколько ниже въ этомъ же письмѣ Гоголь сообщаетъ Шевыреву: „Неужели я ѣду въ Россію? Я этому почти не вѣрю... Но обстоятельства мои такого рода, что я непремѣнно долженъ ѣхать: выпускъ моихъ сестеръ изъ института, которыхъ я долженъ устроить судьбу и чего нѣтъ возможности никакой поручить кому-нибудь другому, — словомъ, я долженъ ѣхать, не смотря на все мое нежеланіе. Но какъ только обдѣлаю два дѣла — одно относительно сестеръ, *другое драмы,* — если только будетъ на это воля всемогущаго Бога, доселѣ помогавшаго мнѣ въ этомъ, — какъ только это улажу, то

въ февралѣ уже полечу въ Римъ“ (Соч. и письма Гоголя V, 381). 15-го августа того же 1839 года поэтъ изъ Маріенбада пишетъ къ Погодину, съ которымъ только-что разстался въ этомъ городѣ: „Слышу пустоту безъ тебя, но не грущу. Малороссійскія пѣсни со мною. *Запасаюсь и тщусь, сколько возможно, надышаться стариной*“. (Сочиненія и письма Гоголя V, 382). 25-го августа Гоголь вновь пишетъ Шевыреву изъ Вѣны: „Что я въ Маріенбадѣ, ты это зналъ. Лучше ли мнѣ, или хуже, Богъ его знаетъ. Это рѣшитъ время. Говорятъ, слѣдствія водъ могутъ быть видимы только послѣ. Но что̀ главное и что̀, можетъ быть, тебя заинтересуетъ, (ибо ты любишь меня, какъ я люблю тебя) это — посѣщеніе, которое сдѣлало мнѣ вдохновеніе. *Передо мною выясниваются и проходятъ поэтическимъ строемъ времена козачества, и, если я ничего не сдѣлаю изъ этого, то я буду большой дуракъ. Малороссійскія ли пѣсни, которыя теперь у меня подъ рукою, навѣяли ихъ, или на душу мою нашло само собою ясновидѣніе прошедшаго, только я чую много того, что̀ нынѣ рѣдко случается. Благослови!*“ (Тамъ же, стр. 383). Осенью того же года пріѣхавши въ Москву, Гоголь завязалъ „тѣсную дружбу“ съ семействомъ С. Т. Аксакова. Вмѣстѣ съ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ, его дочерью и сыномъ, Гоголь отправился 26 октября въ Петербургъ, чтобы исполнить первое изъ дѣлъ, намѣченныхъ въ письмѣ къ Шевыреву — взять своихъ сестеръ изъ Патріотическаго института. 22-го декабря Гоголь съ тѣмъ же семействомъ возвратился въ Москву. „Въ Петербургѣ (разсказываетъ С. Т. Аксаковъ) онъ между прочимъ говорилъ мнѣ, что... *у него составлена въ головѣ* трагедія изъ *исторіи Запорожья*, въ которой все готово, даже до послѣдней нитки въ одеждѣ дѣйствующихъ лицъ, — что это его давнишнее, любимое дитя, — что онъ считаетъ, что эта піеса будетъ лучшимъ его произведеніемъ, *и что ему будетъ слишкомъ достаточно двухъ мѣсяцевъ, чтобы переписать ее на бумагу*“ (Записки о жизни Гоголя I, 252). Но въ продолженіе почти двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Петербургѣ, Гоголь не написалъ задуманной трагедіи. Неизвѣстно даже, занимался ли онъ ею въ Петербургѣ. Вдохновеніе не посѣтило здѣсь поэта. Проживши въ Петербургѣ около мѣсяца, Гоголь пишетъ Погодину (27 ноября): „Не сердись на меня. Ей Богу, не могу писать: кажется, какъ будто на каждой рукѣ по четыре пуда тяжести — право, не подымаются. Я не понимаю, что̀ со мною дѣлается. Какъ пошла моя жизнь въ Петербургѣ! Ни о чемъ не могу ду-

мать, ничто нейдетъ въ голову. Какъ вспомню, что я здѣсь убилъ мѣсяцъ уже времени — ужасно!" (Сочин. и письма Гоголя V, 392). Когда по возвращеніи уже въ Москву, С. Т. Аксаковъ спросилъ Гоголя о „Запорожской трагедіи", онъ, „махнувъ рукою, не сказалъ ни слова" (Русь 1880 г., № 6, стр. 16).

Стр. 533 [1] Въ рукописи: «удалившихъ». [2] Прежде было написано: «въ рѣшительную рѣзкую». [3] Слово «дикое» приписано сверху зачеркнутаго: «велик.» [4] Въ подлинной рукописи эти слова, которыми оканчивается первая страница зеленой тетрадки, написаны на особой строкѣ. [5] Въ рукописи это слово недописано: «сравн.» [6] Этимъ словомъ начинается на второй страницѣ новый набросокъ, отличающійся отъ предшествующаго чернилами и расплывчатымъ видомъ буквъ. [7] Въ рукописи: «та». [8] Этимъ словомъ заканчивается второй набросокъ второй страницы; остальные три писаны другими чернилами. Цифры: 1, 2, 3 означаютъ начала рукописныхъ листковъ.

Стр. 534 [1] Въ рукописи: «монахинъ». [2] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [3] Въ рукописи: «мужики». [4] Прежде было написано: «за землю, ей Богу, *небольше, мало чѣмъ длиннѣе*». [5] Странное выраженіе о *десятинѣ*. [6] Разговоръ «Мужики» набросанъ на основаніи слѣдующаго мѣста изъ книги Боплана «Описаніе Украйны» (стр. 9): «Крестьяне находятся въ жалкомъ положеніи: они принуждены три дня въ недѣлю ходить на барщину и за землю, смотря по величинѣ участка, давать господину нѣсколько четвериковъ хлѣба, нѣсколько паръ каплуновъ, куръ, цыплятъ и гусей. Оброкъ сей сбирается около Пасхи, Духова дня и Рождества. Сверхъ того они возятъ дрова на господскій дворъ и исполняютъ тысячи другихъ изнурительныхъ и несправедливыхъ требованій, не говоря уже о денежномъ оброкѣ, о десятинѣ съ овецъ, свиней, меду и со всѣхъ плодовъ; по прошествіи же трехлѣтія, они отдаютъ третьяго вола». Почти буквально это мѣсто выписано Гоголемъ на одномъ изъ лоскутковъ бумаги, выше описанныхъ. [7] На одномъ изъ упомянутыхъ выше листковъ эта выписка изъ какой-то польской книги помѣщена вполнѣ въ такомъ видѣ: «Улицы Древней Варшавы:

Въ Старомъ мѣстѣ домовъ	39
На улицѣ Новоміейской	12
На Кривомъ колѣ	18
Улица св. Яна	6
Гродская (гдѣ нынѣ Замокъ)	23
Бернардинская	9
Св. Марчина	18
Пьекарская	17
Пивная	15
Жидовская неизвѣ какая	5
Дунаю	12
Фрета	24
Валишевіе	34
Рыбитвье надъ Вислой	86
На Рынкѣ в предмѣсть	40

Тамже монастырскихъ 10
Поповскихъ 2
Mieyskich 7
Свiенто Krzyska, гдѣ теперь часть
краковскаго предмѣстья».

[8] Сверху этого наброска было написано рукою Гоголя: «прошу васъ покор.» [9] Слова: «неизмѣнившагося ни годами, ни тратами», приписаны позднѣе, сверху строкъ другими, болѣе блѣдными, чернилами. [10] Слова: «Клянусь, я слышалъ эти звуки, я слышалъ ихъ одинъ» — приписаны тѣми же позднѣйшими блѣдными чернилами сверху зачеркнутыхъ: «которые мнѣ одному ты давалъ слышать». [11] Прежде было написано: «*тебѣ* на встрѣчу». [12] Въ рукописи сверху строкъ тѣми же блѣдными чернилами приписано: «*ночному*, освѣжительному *) *ночному* вѣтру». [13] Слово: «обновляющій приписано позднѣйшими чернилами сверху зачеркнутаго: «освѣжительный». [14] Слова: «нѣгой и благовоніемъ» приписаны сверху строки тѣми же чернилами, какими и весь набросокъ.

Стр. 535 [1] Сверху словъ: «дышущій радостнымъ холодомъ» приписано тѣми же чернилами: «исполненный (холодомъ) молодымъ». [2] Надъ этимъ словомъ приписано позднѣйшими чернилами три слова, изъ которыхъ послѣднія два: «пламенемъ своихъ» (т. е. объятій). [3] Послѣ этого зачеркнуто: «массы лѣса». [4] Въ рукописи: «маса». [5] Точки на мѣстѣ недописаннаго «на» и какого-то пропущеннаго слова. [6] Въ рукописи: «торжество». [7] Послѣ этого зачеркнуто: «о, мѣсяцъ!» [8] Слова: «того который былъ! О, невозвратимо все, что ни есть въ свѣтѣ», приписаны позднѣйшими блѣдными чернилами. [9] Точки поставлены на мѣстѣ слова, пропущеннаго въ рукописи. [10] Послѣ этого зачеркнуто: «Горю я вся». [11] Такъ читаетъ это слово г. Кулишъ. Оно передѣлано изъ какого-то другаго слова и написано очень неразборчиво. [12] Слово не дописано; стоитъ только: «сво». [13] Въ рукописи: «искупала». [14] Окончаніе слово неясно. [15] Затѣмъ двѣ неразобранныя буквы. [16] Эти двѣ строки приписаны другими чернилами. [17] Слово написано неразборчиво. [18] Въ рукописи послѣ этого слова точка, хотя предложеніе не кончено.

Стр. 536 [1] Слово это перепраблено изъ какого-то другаго и написано неразборчиво. [2] Прежде было написано: „и говоритъ: прост[и]“. [3] Поставленныя въ двухъ мѣстахъ этого наброска точки находятся и въ подлинникѣ. Позднѣйшая редакція этой замѣтки написана карандашомъ на листкѣ почтовой бумаги, на которомъ набросаны отрывки одной изъ первоначальныхъ редакцій повѣсти «Шинель». Здѣсь замѣтка читается такъ: «Народъ кипитъ и толкется на площади, обкр... домъ обѣихъ полковниковъ, требуя ихъ принять участіе въ дѣлѣ начальства надъ ними. (Упорный) Полковникъ выходитъ на крыльцо, увѣщеваетъ, уговориваетъ (sic!), представляетъ невозможность». Листокъ этотъ находится въ числѣ бумагъ Гоголя, принадлежавшихъ А. А. Иванову и поступившихъ потомъ въ Московскій

*) Просимъ исправить грубую опечатку на стр. 534 этого тома: вмѣсто «освѣжительному» напечатано: «освѣтительному».

публичный музей. Ср. во второмъ томѣ настоящаго изданія примѣчанія къ «Отрывкамъ изъ первоначальныхъ редакцій повѣсти «Шинель».

Начало рецензіи, напечатанной въ „Москвитянинѣ" 1842 г. (стр. 537—538).

Въ „Москвитянинѣ" 1842 года, № 1, стр. 304—308, напечатанъ былъ разборъ альманаха „Утренняя заря", подписанный буквами NN. Покойный М. П. Погодинъ сообщилъ мнѣ, въ 1853 году, что начальныя страницы этой рецензіи (т. е. первые два §§ статьи включительно до словъ: „это сіяющая игрушка") написаны Гоголемъ. У Погодина хранился въ то время и оригиналъ этого отрывка въ двухъ экземплярахъ: одинъ черновой, другой, переписанный набѣло; тотъ и другой писаны рукою Гоголя. Отрывокъ написанъ въ началѣ 1842 года, когда вышелъ въ свѣтъ альманахъ Владиславлева „Утренняя заря на 1842 годъ". Гоголь жилъ въ это время въ Москвѣ, въ домѣ Погодина на Дѣвичьемъ полѣ.

Введеніе въ древнюю исторію. (стр. 539—540).

Этотъ „отрывокъ" напечатанъ былъ въ газетѣ „Новое время" 1877-го года, № 442 (вторникъ 24 мая), стр. 1. Г-жа Умецкая, получившая подлинникъ „Введенія", написанный собственною рукою Гоголя, отъ сестры поэта Анны Васильевны, сообщила этотъ отрывокъ для напечатанія въ редакцію „Новаго Времени" при письмѣ, въ которомъ сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Я воспитывалась съ 1834 по 1840 годъ въ Петербургѣ, въ Патріотическомъ институтѣ, вмѣстѣ съ сестрами Н. В. Гоголя, Анной и Елизаветой, и была съ ними въ тѣсной дружбѣ. Въ первый годъ нашего поступленія въ институтъ Н. В. читалъ намъ всеобщую исторію". Изъ словъ г-жи Умецкой слѣдуетъ заключить, что „Введеніе" написано въ 1834 году. При составленіи его Гоголь, вѣроятно, руководствовался книгою „Всеобщая исторія. Гимназическій курсъ. Сочиненіе Эрлангенскаго профессора Беттигера. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1832". (Изд. Погодина). Въ учебникѣ Беттигера изложеніе древней исторіи раздѣлено на четыре отдѣленія. Приводимъ ихъ подлинныя заглавія: „Отдѣленіе I. Отъ древнѣйшаго времени до Кира ок. 4000 предъ Р. Х. — 560 до Р. Х.). Отдѣленіе II. Отъ Кира до Александра великаго (560—

536 до Р.Х.). Отдѣленіе III. Отъ Александра до Августа (336—30 г. до Р.Х.). Отдѣленіе IV. Отъ Октавіана Августа до паденія Западной Римской имперіи (30 до Р.Х. — 476 послѣ Р.Х.)". Какого мнѣнія былъ Гоголь объ этой учебной книгѣ, видно изъ слѣдующихъ строкъ его письма къ Погодину отъ 1 февраля 1833 года: „Я только теперь прочелъ изданнаго вами Беттигера. Это, точно, одна изъ удобнѣйшихъ и лучшихъ для насъ исторія. Нѣкоторыя мысли я нашелъ у ней совершенно сходными съ моими, и потому тотчасъ выбросилъ ихъ у себя. Это нѣсколько глупо съ моей стороны, потому что въ исторіи пріобрѣтеніе дѣлается для пользы всѣхъ и владѣніе имъ законно. Но что̀ дѣлать? проклятое желаніе быть оригинальнымъ! Я нахожу только въ ней тотъ недостатокъ, что во многихъ мѣстахъ не такъ развернуто и охарактеризовано время". (Сочиненія и письма Гоголя V, 168).

Стр. 539 [1] Въ «Новомъ Времени»: «человѣкъ». [2] Такъ въ «Новомъ Времени».

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТАГО ТОМА.

Юношескіе опыты.

Арабески.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. *Стран.*

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ АРАБЕСКАМЪ.

---

3 2044 024 324 816

WIDENER
APR 2 7 2003
FEB 0 2003
CANCELLED
WIDENER
SEP 1 0 1997
BOOK DUE
WIDENER
SEP 1 0 2000
CANCELLED
BOOK DUE